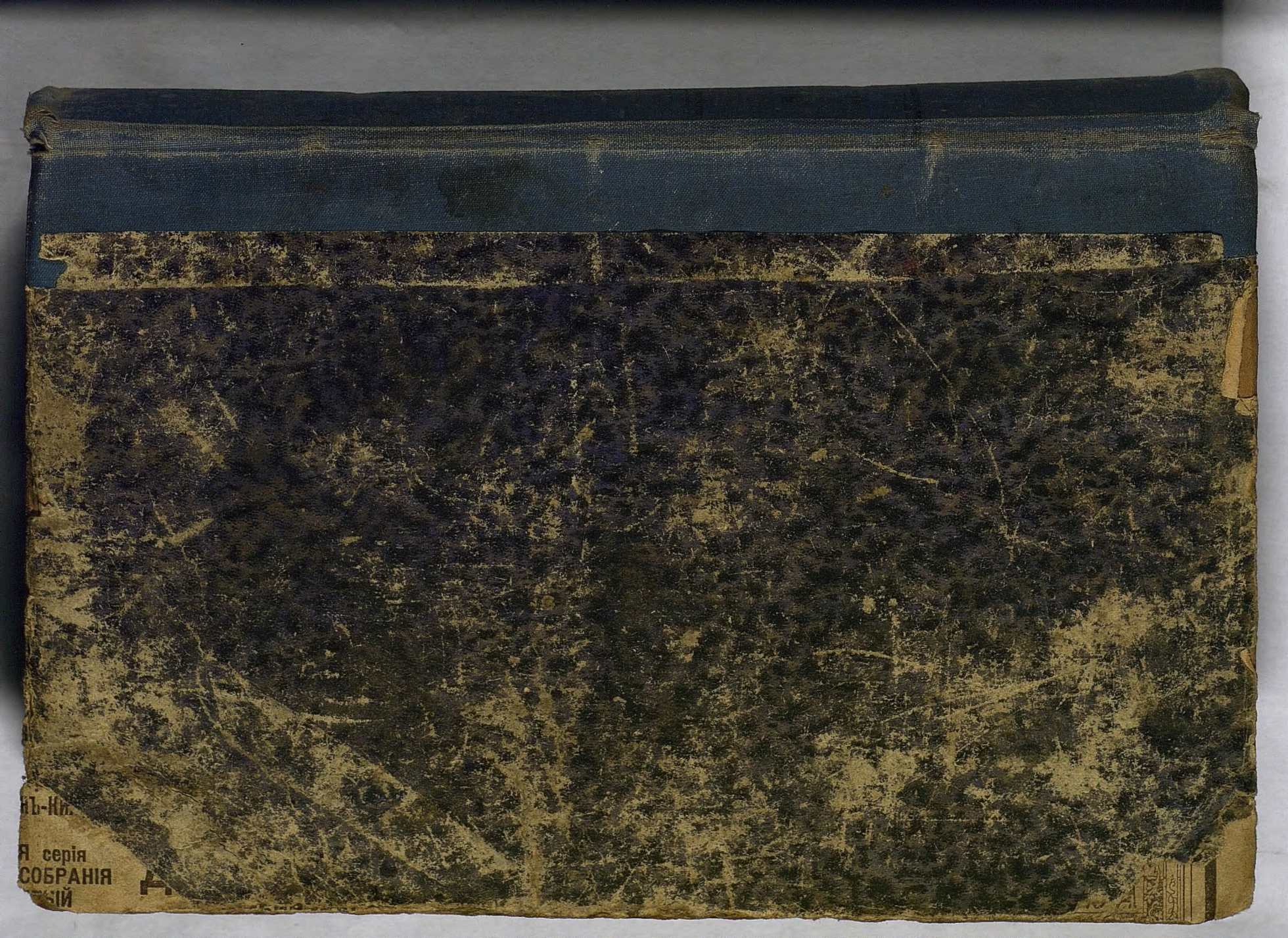


БИБЛІОТЕКА
Калязинскаго
О-ва Потребителей

Шкафъ 6
Полка 6
№ 57

КАЛЯЗИНСКАГО
О-ва Потребителей

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный М. М. Стасюлевичемъ въ 1866 году.

16449

ПЯТЬДЕСЯТЪ ВТОРОЙ ГОДЪ.

АПРѢЛЬ — МАЙ — ІЮНЬ.

Редакція и Главная Контора журнала: Моховая, 37.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

ПЕТРОГРАДЪ.
1917.

Типо-лит. Акц. О-ва „Просвѣщеніе". Петроградъ, Забалканскій пр., д. 75.

Библіотека
КУЛЯЗИНСКАГО
О-ва Потребителей

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ, ПЯТАЯ И ШЕСТАЯ.
АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ.

		стр.
I.	КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ	I
II.	ВѢТЕРЪ. Романъ. *(Окончаніе.)* — **Юр. Слезкина**	5
III.	СТИХОТВОРЕНІЕ. — **Баскина-Серединскаго**	65
IV.	СТИХОТВОРЕНІЕ. — **Баскина-Серединскаго**	66
V.	К. А. ГЕЛЬВЕЦІЙ. — **Э. Радлова**	67
VI.	СТИХОТВОРЕНІЕ. — **Кальма**	95
VII.	НЕПРОЖИТЫЕ ДНИ. Стих. — **Магдалины Вериго**	96
VIII.	АКТРИСА. — **Александра Дроздова**	97
IX.	СТИХОТВОРЕНІЕ. — **Кальма**	181
X.	КЪ ВЕСНѢ. Стих. — **Петра Бунакова**	182
XI.	МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТРЕТЕЙСКІЙ СУДЪ ВЪ ДРЕВНЕ-ГРЕЧЕСКОМЪ МІРѢ. — **В. Бузескула**	133
XII.	ПРИЗЫВЪ. Стих. — **А. Семенова-Тянъ-Шанскаго**	161
XIII.	ЗАКАТЪ. Стих. — **Павла Михайлова**	162
XIV.	ИЗЪ ДЕРЕВЕНСКИХЪ ВПЕЧАТЛѢНІЙ 1915 г. Очерки. — **М. Сивачева**	163
XV.	СТИХОТВОРЕНІЕ. — **Николая Лезина**	288
XVI.	СТИХОТВОРЕНІЕ. — **Елены Карѣевой**	290
XVII.	ТЕАТРЪ, КАКЪ РАЗВЛЕЧЕНІЕ. Очеркъ современнаго драматическаго театра въ Лондонѣ — **С. И. Рапопорта**	291
XVIII.	ГРЕЗА. UN RÊVE. Французское стихотвореніе Ѳ. Тютчева. — Перев. **Ч. Вѣтринскаго**	315
XIX.	КУПРІЯНЫЧЪ И ЕГО СЫНЪ. Разсказъ. — **Александра Никитина**	317
XX.	МАЙСКІЙ ВЕЧЕРЪ. Стих. — **Николая Минаева**	354
XXI.	МЕМУАРЫ. Стих. — **Вас. Смирнова**	355
XXII.	ВЪ ГОСПИТАЛѢ. Стих. — **Б. Гутеръ**	356
XXIII.	ПУТЬ КЪ СЛАВѢ. Романъ Роберта Хитченса. *(Окончаніе.)* — Съ англ. пер. **М. Славинской.**	357
XXIV.	СТИХОТВОРЕНІЕ. — **В. Фишеръ**	522
XXV.	СТИХОТВОРЕНІЕ. — **К. Оленинъ**	523
XXVI.	ИЗЪ А. МЮССЕ. Стих. — **С. Панафидина**	524
XXVII.	**ХРОНИКА.** — КОНСТАНТИНОПОЛЬ И ПРОЛИВЫ. *(Окончаніе.)* — **П. Милюкова**	525
XXVIII.	ЕДИНАЯ РОССІЯ. — **Григорія Ландау**	548
XXIX.	ПІОНЕРЫ СОЦІАЛИСТИЧЕСКАГО ДВИЖЕНІЯ ВЪ ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ. — **Льва Дейчъ**	570
XXX.	ПИСЬМО ИЗЪ ЛОНДОНА. — **Діонео**	596
XXXI.	НА ТЕМЫ ДНЯ. — Обновленное Временное Правительство. — Декларація 5-го мая. — Внѣшняя политика: „миръ безъ аннексій и контрибуцій, на началахъ національнаго самоопредѣленія". — А. Ѳ. Керенскій — военный и морской министръ. — Довѣріе къ власти и полнота власти. — Задачи Правительства внутри страны. — Крайнія лѣвыя партіи и Учредительное Собраніе. — **К. Арсеньева**	619

стр.

XXXII. ЗАДАЧИ ГЛАВНАГО ЗЕМЕЛЬНАГО КОМИТЕТА. *(Три рѣчи.)* **А. Посникова** 637

XXXIII. УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНІЕ И ПЕТРОГРАДСКІЕ РАЙОННЫЕ ВЫБОРЫ. — Двѣ стороны медали. — **К. Арсеньева** . 660

XXXIV. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Споры о внѣшней политикѣ Россіи и о цѣляхъ войны. — Дипломатическая дѣятельность представителей революціонной демократіи. — Наши отношенія съ союзниками. — Взглядъ иностранныхъ друзей на русскую революцію. — Разныя толкованія русской формулы мира. — Отвѣты кабинетовъ на русскую ноту. — Пересмотръ союзныхъ договоровъ. — Общее политическое положеніе. — Хлопоты о международной конференціи и новый политическій кризисъ. — Нѣмецкія программы мира. — **Л. Слонимскаго.** 679

XXXV. ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА АЛЕКСАНДРА ВИКЕНТЬЕВИЧА КЛОССОВСКАГО. — **И. Занчевскаго** 713

XXXVI. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Г. Ферреро. Величіе и паденіе Рима. Томъ III. Отъ Цезаря до Августа. Пер. А. Захарова. М. 1916. — **Б. П. Иванова.** — Ѳ. А. Рязановскій. Демонологія въ древне-русской литературѣ. М. 1916. — **В. О.** — Русская литература XX вѣка подъ ред. проф. С. А. Венгерова. Москва, кн. VI и VII. — **М. Королицкаго.** — Ольга Прохаско. Загробная исповѣдь (памяти А. К. Закржевскаго) Кіевъ, 1916. — **Ч. В—аго.** — В. Муйжель. Опустошеніе. Петр. 1917. — Н. Олигеръ. Ночныя тѣни. Петр. 1917. — **М. Королицкаго.** — Ѳедоръ Шмитъ. Проф. Харковскаго университета. Законы исторіи. Введеніе къ курсу всеобщей исторіи искусствъ. Выпускъ I. Введеніе. — Искусство Египта. — Искусство Месопотаміи. — Искусство критско-микенское. — Н. Лосскій. Матерія въ системѣ органическаго міровоззрѣнія. М. 1916. — **Т. Райнова.** — Вѣстникъ прикладной химіи и химической технологіи. Журналъ политическаго о-ва, сост. при моск. техн. учил. и московскаго о-ва рижскихъ политехн., подъ редакціей И. А. Тищенко. М. 1916. — Гидротехническіе матеріалы. Изд. хим. лаборат. гидрометрической части подъ ред. И. А. Кашинскаго. Петроградъ, 1916. — В. Невскій. Великая европейская война. Систематическія программы для народныхъ чтеній-вечеровъ по исторіи и географіи воюющихъ державъ. Бузулукъ. 1915. — И. И. Мещерскій. Какъ устраивать сады при народныхъ школахъ. Изд. 10-е. П. Луковникова. Петроградъ, 1916. — **Н. Сумъ** 717

XXXVII. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ 740

XXXVIII. НОВЫЯ КНИГИ И БРОШЮРЫ 743

XXXIX. ОБЪЯВЛЕНІЯ 747

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Рукописи, присылаемыя въ редакцію для просмотра, должны быть переписаны на пишущей машинѣ и на одной сторонѣ листа; на отвѣтъ редакціи и на возвратъ рукописи заказной бандеролью должны быть приложены марки.

Редакція открыта для справокъ и личныхъ объясненій по средамъ отъ 2 до 4 ч. по субботамъ отъ 3 до 4 ч. (кромѣ праздниковъ).

Библіотека
КАЛЯЗИНСКАГО
О-ва Потребителей

ВѢТЕРЪ.

РОМАНЪ.

(Окончаніе[1]*.)*

LV.

Въ одинъ изъ этихъ дождливыхъ іюльскихъ вечеровъ въ „Самолюбово“ пріѣхали братья Ерандаковы. Они застали только Карышеву, ея брата и Наталью Никаноровну, такъ какъ Витя и Людмила еще съ обѣда уѣхали къ начальницѣ гимназіи Поликсенѣ Егоровнѣ. Липочка — ея дочь, подруга Людмилы, была имянинницей. Противъ обыкновенія Фепта и Фроша были очень тихи, молчаливы и торжественны. Долго и подробно разсказывали о дѣлахъ своего отца, о томъ, какой капиталъ выручилъ онъ отъ продажи лѣса, купивъ его за безцѣнокъ у предводителя Оболешева.

— Что говорить, у насъ есть средства, — какъ-то значительно и въ бокъ, говорилъ Вѣрѣ Владиміровнѣ Фроша, косясь на Наталью Никаноровну.

— Но что дѣлать, — подхватывалъ Фепта, — приходится прозябать въ этой дырѣ.

— И никакого удовольствія, — вставлялъ опять первый, — къ тому же, представьте себѣ, даже влюбиться невозможно . . .

— Что такъ? — спрашивала, смѣясь, Смоличъ.

— Помилуйте! — начинали они оба, и потомъ Фроша, болѣе словоохотливый, продолжалъ, — гдѣ барышни? Гдѣ невѣсты? . . Вообще одно недоразумѣніе. Гимназистки у насъ все больше изъ крестьянокъ и самыя неподходящія . . .

Вѣра Владиміровна слушала ихъ съ добродушной усмѣшкой.

За Ерандаковыми вскорѣ пріѣхали Брындины. Олегъ Максимовичъ привезъ цѣлую связку пьесъ; онъ предложилъ

[1]) См. мартъ, 1917.

Смоличъ выбрать, какую она захочетъ. Всѣ сѣли за круглый столъ и начали разбирать роли. Нужно было найти такую пьесу, въ которой могли бы участвовать всѣ тильскіе любители, а ихъ было чуть ли не полъгорода. Кромѣ того, у каждаго исполнителя должно было бы быть въ роли хоть нѣсколько словъ, и ни одна барышня никогда не согласилась бы играть горничную. Наталья Никаноровна смѣялась больше всѣхъ. Она предлагала каждому выбрать роль въ любой пьесѣ и изъ этого составить драму. Братья Ерандаковы пусть играютъ одного героя.

— Вы такъ похожи, — говорила она Фептѣ и Фрошѣ, — что влюбиться въ васъ можно въ обоихъ сразу.

Она почувствовала, что кто-то пожимаетъ ей подъ столомъ ногу. Сдѣлала видъ, что не замѣчаетъ, потомъ неожиданно вскрикнула:

— Ай, мнѣ больно!

И быстро посмотрѣла на лица кавалеровъ. Фепта и Фроша покраснѣли оба и потупились.

— Это просто прелесть, — сказала она, смѣясь, — у васъ одни желанія, однѣ мысли — ну, какъ обидѣть одного, предпочтя другого!

— Можно выбрать на узелки, — отвѣтилъ Фроша.

— Конечно, — согласился Фепта.

— Нѣтъ, нѣтъ, — наморща брови, возразила Наталья Никаноровна, — такъ нельзя... помните въ старыхъ легендахъ — я выбрала бы самаго смѣлаго.

Она многозначительно посмотрѣла на братьевъ Ерандаковыхъ и оборотилась къ Брындину. „Эти дураки на что-нибудь пригодятся, — подумала она, — съ ними можно дѣлать, что хочешь“.

И она начала снова выбирать пьесу. Наконецъ, остановилась на „Роковой скамейкѣ“ и „Меблированныхъ комнатахъ Королева“. Брындинъ пришелъ въ восторгъ, безпрестанно повторялъ „раковая скамейка“ и цѣловалъ ручки Натальи Никаноровны. Тамара Гавриловна забезпокоилась и стала язвить Смоличъ; пѣвица отвѣчала ей, и отъ того разговоръ оживился. Фепта и Фроша запрыгали и замахали руками — они во что бы-то ни стало сейчасъ же хотѣли проявить свою смѣлость.

Послѣ чая Вѣра Владиміровна сослалась на мигрень и пошла спать, дядя Яша заперся въ кабинетѣ, молодежь почувствовала себя еще свободнѣе.

— Ѣдемъ кататься, — внезапно крикнула Наталья Никаноровна, вскакивая изъ-за стола и хлопая въ ладоши, — вотъ вамъ испытаніе, — оборотилась она къ Ерандаковымъ. Хороши ли у васъ лошади?

— Чудесныя... тройка орловскихъ, — отвѣчали братья.

— Тѣмъ лучше! покажите вашу лихость... если похитить меня вздумаете, буду знать, стоитъ ли.

Тамара Гавриловна побоялась дождя, и всѣ пошли на балконъ смотрѣть, какова погода.

Наталья Никаноровна первая, отворивъ дверь, сбѣжала на ступеньки веранды. Упругій, сырой, но теплый вѣтеръ ударилъ ей въ лицо; нѣсколько тяжелыхъ капель съ дикаго винограда упали ей на голову. Изъ-за косматыхъ, разорванныхъ тучъ, поверхъ глухо шумящихъ деревьевъ, плыла ущербленная луна. Вѣтеръ точно гналъ ее куда-то. Дохнувъ всей грудью, Смоличъ опустила глаза и увидѣла чуть ниже себя въ двухъ шагахъ черную тѣнь Крутовскаго. Она вздрогнула отъ неожиданности, но сразу узнала Леонтія Алексѣевича, потому что свѣтъ изъ раскрытой двери желтой полосой упалъ на него.

— Леничка, — тихо вскрикнула Наталья Никаноровна и протянула ему руки.

Онъ схватилъ ихъ и поцѣловалъ.

— Я шелъ къ тебѣ, — сказалъ онъ поспѣшно, стараясь отвести ее въ тѣнь, чтобы остаться незамѣченнымъ, — я не могъ ждать дольше... почему эти дни ты не заглядывала? Что съ тобой?

— Лилъ дождь, — неопредѣленно отвѣтила Смоличъ и сейчасъ же, прижимаясь къ нему плечомъ, добавила шопотомъ, — нѣтъ, нѣтъ, это мнѣ не помѣшало бы... Но я ждала, я хотѣла тебя провѣрить. Я точно чувствовала, что встрѣчу тебя сейчасъ... Ты пришелъ за тѣмъ, чтобы сказать мнѣ, что любишь? Да? Скажи скорѣй...

— Да, — глухо и точно съ усиліемъ проговорилъ онъ, вдавливая ногами сырую землю и опуская голову.

Ему казалось, что она слышитъ, какъ медленно и тяжко бьется его сердце.

— Наталья Никаноровна! — крикнуло сразу нѣсколько голосовъ, — гдѣ вы? Идите къ намъ — ѣхать, такъ ѣхать!

— Иду, иду, — отвѣтила Смоличъ, не выпуская руки Крутовскаго и увлекая его за собою: — погода чудесная, романтическая погода. А вотъ вамъ новый спутникъ!

— Зачѣмъ? Я лучше уйду, мнѣ непріятна эта компанія.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты останешься, ты поѣдешь со мной. Милый, милый...

Она еще разъ пожала ему руку и отбѣжала въ сторону.

Крутовской угрюмо и зло раскланялся. Тамара Гавриловна воскликнула томно:

— Вы поѣдете со мною, Леонтій Алексѣевичъ!

— Мы поѣдемъ всѣ вмѣстѣ, — поддразнивающе, улыбаясь, перебила ее Смоличъ, — насъ шесть человѣкъ — коляска большая, троечная, мѣста хватитъ...

Фепта и Фроша побѣжали распорядиться.

Вскорѣ зазвенѣли колокольцы. Всѣ высыпали къ крыльцу, стали размѣщаться и размѣщались долго.

Наконецъ, Фепта крикнулъ: „па-а-шелъ“, Фроша пронзительно свистнулъ, собаки завизжали и залаяли, колокольцы звякнули и, на мгновенье смолкнувъ, залились въ плясовой, кони бросили изъ-подъ ногъ пригоршню брызгъ и грязи; мелькнули гудящія деревья, проскочили ворота, коляску толкнуло на поворотѣ, и только дробное шмяканье ногъ и колесъ, слившееся съ пѣніемъ бубенчиковъ, понеслось навстрѣчу полю и вѣтру.

Крутовской крѣпко охватилъ станъ Натальи Никаноровны. Госпожа Брындина съ другой стороны склонила ему на плечо голову. Но онъ не замѣчалъ этого. Онъ все крѣпче, все больнѣе прижималъ къ себѣ теплое плечо и грудь Смоличъ, все сильнѣе дышалъ упругимъ, густымъ воздухомъ, закрывалъ глаза и ни о чемъ не думалъ.

— Шибче! — кричалъ Фроша и хлопалъ въ ладоши, а Фепта, снявъ шапку и размахивая ею въ воздухѣ, лихо пѣлъ цыганскую пѣсню.

Луна убѣгала отъ нихъ все дальше, тучи клубились тамъ, въ далекой своей вышинѣ, а по сторонамъ внизу мелькали черныя, грузныя, дождемъ напоенныя многоверстныя поля.

LVI.

Людмила и Витя вернулись изъ Тильска раньше, чѣмъ Наталья Никаноровна съ гостями уѣхала кататься. Заслышавъ смѣхъ и говоръ, Людмила сказала брату:

— Я пойду къ себѣ, мнѣ больше никого не хочется видѣть, я устала.

— И я тоже, — отвѣчалъ Бунаковъ, — если позволишь, я посижу у тебя немного и пойду спать.

Они поднялись въ мезонинъ и, не зажигая огня, подъ шумъ деревьевъ и гулъ доносящихся изрѣдка снизу голосовъ, тихо и отрывочно, иногда замолкая надолго, говорили о подругахъ Людмилы, о судьбѣ ихъ, вспомнили школьные свои годы и учителей. Луна, выплывая изъ-за тучъ, освѣщала мгновеніями блѣднымъ своимъ, чуть мерцающимъ свѣтомъ, задумчивыя, ушедшія въ себя молодыя лица. Витя ни разу не вернулся къ недавнему разговору съ сестрою, Людмила также его не вспоминала.

Черезъ полчаса Бунаковъ всталъ и, поцѣловавъ сестру, пошелъ спать. Людмила, не зажигая свѣта, въ живой отъ бѣга тучъ полумглѣ, торопливо раздѣлась и легла въ постель. Она не пыталась заснуть и даже не смыкала глазъ. Она лежала на спинѣ, вытянувшись во весь ростъ, подложивъ подъ подушку руки. Дыханіе ея было глубоко и ровно — она смотрѣла передъ собой на плывущія по стѣнѣ черныя тѣни и, упорно не отвлекаясь, думала все объ одномъ и томъ же. Внезапно ее прервалъ ярый звонъ бубенцовъ, лай собакъ и крики. Она подняла голову, оперлась на локтѣ и долго слушала ночной гомонъ, постепенно затихающій и сливающійся съ нетерпѣливыми взлетами вѣтра.

Утромъ Людмила поднялась по обычному рано. Мелкій, нудный дождь барабанилъ въ окно, тоскливой сѣтью сѣялъ въ небѣ. Дѣвушка все же спустилась внизъ и побѣжала къ купальнѣ — она купалась во всякую погоду. Но, добѣжавъ до мостковъ, поспѣшно повернула обратно. Предъ собою увидала она Ильюшу Шишикторова, его распухшее тѣло, прибитое неподалеку къ илистому берегу. Это случилось съ нею впервые. Раньше она никогда не поддавалась нервной впечатлительности, она бы пересилила себя. „Нѣтъ, не могу, — подумала дѣвушка, глядя на мутную воду, — нужно уйти, иначе я не выдержу“.

Придя домой, Людмила поспѣшила въ кладовку и кухню. Ей нужно было поскорѣе услышать человѣческій голосъ. Она выдала кухаркѣ провизію, заказала завтракъ и обѣдъ. На ходу выпивъ стаканъ молока, смотрѣла, какъ доятъ коровъ. Крѣпкій духъ навоза и парное молоко влили въ нее новую бодрость. Она сама присѣла къ доенкѣ и стала доить. Тонкая бѣлая струя съ пѣвучимъ звономъ ударяла о деревянную стѣнку доенки, корова мотала хвостомъ и медли-

тельно, вкусно жевала сѣно; легкій паръ курился въ полутемной аборѣ и густо чмякали босыя ноги доильщицъ. Всѣ молчали, занятыя своимъ дѣломъ. Иногда раздавался глухой отъ недавняго сна и сырого воздуха женскій голосъ: „Но-о, прими ножку“ — и опять ровное, торопливое пѣніе живоносныхъ струй, сопѣніе здоровыхъ животныхъ, сдержанное покашливаніе и звонъ наполняемыхъ ведеръ.

„Да, да, конечно, такъ надо, — думала Людмила, глядя на свои пальцы, быстро и ловко перебирающіе упругіе сосцы, — мнѣ все это дорого, все это я люблю и не могу съ этимъ навсегда порвать, но сейчасъ нужно дать пройти времени, оно все сгладитъ...“

Разгибая уставшую спину, поднялась Людмила, и тихая улыбка тронула ея губы. Медленно переступая отъ тяжести доенки по липкой духоватой жижѣ аборы, она вылила молоко въ ведро, и когда всѣ коровы были выдоены, смѣрила удой и пошла въ домъ. Въ эту пору просыпалась Вѣра Владиміровна. Людмила взяла чашку съ чаемъ и постучалась у ея двери.

— Ахъ, спасибо, Людмила, — сказала Вѣра Владиміровна, приподымаясь съ кровати и обивая вокругъ ногъ своихъ одѣяло: — съ добрымъ утромъ. Присядь ко мнѣ — я хочу посмотрѣть на тебя.

Она поцѣловала дѣвушку и, уступивъ ей мѣсто рядомъ съ собой, стала медленно и любовно оглаживать ее по густымъ ея волосамъ, смотря на нее съ тревожнымъ вниманіемъ.

— Нехорошее у тебя лицо, — сказала она, — слишкомъ задумчивое, слишкомъ напряженное... я еще не видала тебя такою...

— Я хотѣла поговорить съ вами, тетя, — возразила Людмила.

— Я знаю, говори...

Вѣра Владиміровна наклонила чуть на бокъ голову, бѣлыя папильотки запрыгали надъ ея пожелтѣвшимъ морщинистымъ лицомъ, глаза стали еще внимательнѣе, еще зорче. Въ бѣлой своей ночной кофточкѣ съ наглухо застегнутымъ кружевнымъ воротничкомъ, она казалась очень маленькой, слабой и постарѣвшей. Выступали худыя костяшки плечъ и локтей, грудь опала, сухая, усталая кожа щекъ и шеи въ это сѣренькое, дождливое утро казалась совсѣмъ восковой. „Какъ же съ нею... — подумала Людмила: — со старень-

кой... вѣдь теперь я люблю ее еще больше". Вспомнилось, какъ увидала она пріемную мать въ то солнечное утро сидящей на таратайкѣ, убитой горемъ и униженной... Около стоялъ сѣденькій мужиченко и моргалъ слезящимися глазками — она никогда этого не забудетъ — оба старенькіе, сгорбленные, они казались такими безпомощными среди дороги, подъ слѣпящими лучами. „Я обѣщала ей не оставлять ее", — думала Людмила, едва удерживая слезы. Она наклонилась, обняла худой станъ Вѣры Владиміровны и, пересиливая себя, промолвила:

— Мнѣ очень тяжело, тетя, но я должна сказать вамъ... позвольте мнѣ уѣхать.

— Уѣхать?

Голова Карышевой по-стариковски качнулась, но тотчасъ же, вобравъ воздуху, чтобы не задохнуться, и отодвигаясь, Вѣра Владиміровна взяла сухими своими ладонями лицо дѣвушки и долго и глубоко заглянула въ ея глаза.

— Ты хочешь уѣхать? — снова, послѣ неподвижнаго молчанія, переспросила она ослабѣвшимъ, но ровнымъ голосомъ. — Да, я знаю, тебѣ нужно это... уѣзжай, Господь съ тобою...

Она устала, голова ея склонилась на подушку, и губы улыбались, все лицо ея тихо свѣтилось отъ любящей спокойной улыбки.

Людмила глядѣла на нее и сама невольно начинала улыбаться. Такъ стало по особенному тепло и спокойно.

Она приникла къ высохшей груди пріемной матери и лежала нѣсколько минутъ, не шевелясь, отогрѣваясь, чувствуя, какъ новыя силы родятся и зрѣютъ въ ней.

— Мамочка, можно къ тебѣ?

И старая и молодая обѣ обезпокоились и приподнялись, смотря на дверь. На порогѣ появилась Наталья Никаноровна. Она была во вчерашнемъ своемъ платьѣ, съ вышитымъ шарфомъ на головѣ. Остановившись и держась одной рукой за ручку двери, а другою придерживая намокшій подолъ юбки, она блестящими, торжествующими глазами смотрѣла на мать и названную сестру. Отъ нея шелъ свѣжій запахъ дождя, вѣтра, мокрой травы.

— Я не помѣшала вамъ?

Ея голосъ звучалъ слишкомъ рѣзко въ сумрачной, неприбранной спальнѣ.

Морщась недовольно и укоряя себя за это, Вѣра Вла-

дміровна поправила на груди плохо слушающимися пальцами оборку ночной кофточки и отвѣтила:

— Ты не можешь мѣшать намъ, но не говори такъ громко: дядя Яша еще спитъ...

Поджимая губы и осторожно прикрывъ дверь, Наталья Никаноровна на цыпочкахъ подошла къ кровати и, шурша платьемъ, опустилась на колѣни у изголовья.

— Доброе утро, мамочка, здравствуй, Людмила... я только что вернулась домой; мы прокутили цѣлую ночь — ты не разсердишься на меня за это?.. Нѣтъ?.. Ты такая добрая, такая хорошая... ты поймешь меня...

Она на мгновенье спрятала свою голову съ растрепавшейся прической въ уголъ подушки, потомъ подняла покраснѣвшее лицо и засмѣялась короткимъ, совинымъ смѣхомъ.

— Я хотѣла сказать тебѣ, — наконецъ произнесла она и, видя, что Людмила собралась встать съ кровати, удержала ее за руку и добавила: — нѣтъ, не уходи.. я и съ тобою хочу подѣлиться... Я пришла сказать вамъ, что меня любятъ, что я люблю...

Она замолчала. Стало опять тихо; слышно было, какъ у окна за шторами жужжатъ и бьются мухи.

— Мы любимъ другъ друга, — опуская глаза, повторила Смоличъ.

— Кого ты любишь? — внѣшнее спокойно, но вся напрягшись отъ внутренняго волненія и поспѣшно, испуганно ища рукою по одѣялу руку Людмилы, спросила Вѣра Владиміровна.

— Крутовскаго, Леонтія Алексѣевича...

Карышева нашла руку дѣвушки и, крѣпко сжимая ее, точно стараясь передать ей остатокъ своихъ силъ, точно ободряя ее, строго посмотрѣла на дочь и промолвила медленно и внятно:

— Подымись, Наташа, не стой на колѣняхъ... Я хочу вѣрить тебѣ, но прости, это меня не радуетъ... Любовь не возвращается, Наташа, я это слишкомъ хорошо знаю.

Она выпрямилась, сидя на своей кровати, сѣрые глаза, глубоко запавшіе, смотрѣли скорбно и пристально, сѣдѣющіе волосы двумя жесткими и гладкими прядями упали ей на уши. „Вотъ въ себѣ снова переболѣть и осилить, Господи, — потому что ея грѣхъ — мой, — тягостно думала она: — Господи, дай мнѣ еще понять и видѣть“...

LVII.

— Ты хотя бы пообѣдалъ, — сказала Марья Васильевна, глядя на племянника, — куда вскочилъ? И все-то тебя теперь носитъ, точно высохшій листъ. Да и то высохъ и пожелтѣлъ, смотрѣть тошно.

— Не могу я, тетя, увольте!

Крутовской поднялся изъ за стола и прошелся по комнатѣ. Онъ и точно чувствовалъ себя скверно. Цѣлый день лившій дождь въ конецъ разстроилъ его. Онъ и самъ не понималъ, какъ все вчера вышло. Что его толкнуло пойти въ „Самолюбово“. Взялъ и сорвался и побѣжалъ по грязи и вѣтру, ни о чемъ не думая. А за часъ до этого радовался, что дождь мѣшаетъ его свиданію съ Наташей.

„Я тряпка, жалкая тряпка, — говорилъ онъ себѣ, уныло смотря на мокрую зелень передъ окномъ: — и ничего теперь я не понимаю, хоть убей“... Въ головѣ его все еще шумѣло, вихрилось, шло кувыркомъ, какъ тамъ въ полѣ, на вѣтру, подъ звонъ бубенцовъ.

„Вотъ и доѣхалъ, докатился, — бормоталъ онъ: — дальше некуда“...

— Нѣтъ, я пойду, — наконецъ сказалъ онъ слѣдившей за нимъ теткѣ: — вы ужъ извините... Пойду пройдусь, а то голова болитъ.

Крутовской вышелъ въ садъ и сталъ бродить по дорожкамъ. Онъ думалъ заглянуть въ амбары и осмотрѣть молотилку, но потомъ махнулъ рукой. Нѣтъ, онъ не могъ думать обо всѣхъ этихъ вещахъ, онъ совсѣмъ отбился отъ рукъ. У него нѣтъ ни малѣйшаго желанія заняться своимъ дѣломъ, и ему ничуть не жаль, что дождь можетъ попортить жатву... Чортъ съ нею, не въ этомъ дѣло... Пусть дождь льетъ, сколько ему заблагоразсудится. „Но вѣдь я не могу любить ее, — крикнулъ онъ и даже снялъ съ головы кэпку: — неужели я этого не понимаю“. Но онъ, кажется, и точно, не понималъ этого, какъ будто ночной хмель мѣшалъ ему думать. Глядя на красную зарю въ небѣ, онъ краснѣлъ самъ... Все ночное представилось ему до боли ясно. Бѣгъ опалѣвшей тройки, когда онъ мчался, какъ угорѣлый, сломя голову, и уже чувствовалъ, что теперь все равно, пропадай все пропадомъ — лишь бы сидѣть рядомъ и слышать, какъ яро и густо бьется кровь. А потомъ эта изба въ селѣ Днѣпровскомъ, и вино, и заспанныя какія-то дѣвки изъ хора

въ красныхъ сарафанахъ, поющія визгливо застревающими въ ушахъ голосами шалую пѣсню, и дреньканье балалаекъ, и потныя, ухмыляющіяся рожи Фепты и Фроши, и табачный дымъ, смѣшанный съ чадомъ шипящей яичницы, и ровный стукъ дождя по крышѣ. А пѣнье Натальи подъ гитару Брындина, ея усмѣшка, блескъ ея чуть пьяныхъ глазъ, откуда-то взявшійся на плечахъ ея слѣпящій огненный шарфъ, плавное, узывное покачиваніе бедръ... Дикій плясъ Тамары Гавриловны, почтенной жены господина нотаріуса, гнусный смѣхъ и ржанье Ерандаковыхъ, — его собственный смѣхъ, его вскрики... Ну да, онъ вышелъ на середину избы, махнулъ нелѣпо огромными своими лапами и въ частомъ переборѣ ногъ, подъ грохотъ и закатистое взвизгиваніе ошалѣвшихъ балалаекъ пошелъ кругами къ Смоличъ, все быстрѣе, все круче. Къ ушамъ прихлынула кровь — онъ схватилъ Наталью Никаноровну, нагнулся надъ нею, ловя раскрытымъ, пересохшимъ ртомъ огневой воздухъ — кто-то потушилъ коптящую подъ низкимъ потолкомъ лампу, загремѣли скамейки, заахали испуганно женщины, затрещалъ полъ, и захлопали двери. Крѣпко обвивъ Крутовского за шею горячей рукой, Смоличъ шопотомъ спрашивала:

— Любишь? мой?

— Твой, твой, — повторялъ онъ хрипло и искалъ въ темнотѣ ея губы, пахнувшія виномъ и духами, бьющими въ голову.

— Да, твой, — повторилъ и сейчасъ Леонтій Алексѣевичъ, стискивая зубы, — я не могу уйти отъ тебя.

И стараясь больше не думать, не вспоминать, не мучиться напрасно, онъ опять зашагалъ по мокрой землѣ, задѣвая плечами сыпавшія на него дождемъ вѣтви деревьевъ. Дойдя до берега Ящура, онъ остановился, тоскливо оглядываясь по сторонамъ. Не зная, куда идти дальше, онъ толкнулъ ногою подвернувшійся камень. Покатившись подъ откосъ, камень шлепнулся въ воду. „Утонулъ, — безъ умысла подумалъ Крутовской и тотчасъ же нахмурился. Ему пришелъ на память Шишиктеровъ. — Не лучше ли бы и мнѣ туда, — проговорилъ онъ и сразу почувствовалъ, какъ досада и раздраженіе смѣняются зудящей тоской и сожалѣніемъ. „Почему нельзя вернуть прежняго, — думалъ Леонтій Алексѣевичъ, — почему не пойти и не сказать ей, что я такъ не могу больше...

Онъ снова посмотрѣлъ передъ собою на купальни, на

розовую отъ заката воду, на самолюбовскую лодку. „Какъ недавно еще было для меня все ясно, все свѣтло, — говорилъ онъ себѣ, — я ѣздилъ съ Людмилой въ той лодкѣ“... Ему захотѣлось увидѣть снова дѣвушку, говорить съ ней, найти въ ней поддержку. Раньше это было бы такъ просто... Онъ взглянулъ на противоположный берегъ, гдѣ высилась бесѣдка. Можетъ быть Людмила и сейчасъ тамъ. Леонтій Алексѣевичъ быстро спустился къ мосту, точно и впрямь торопясь на свиданіе. Ему было безразлично, куда ни идти, лишь бы не возвращаться домой, гдѣ ждала его тетка, — онъ не могъ смотрѣть въ глаза старухѣ.

Какъ и въ тотъ вечеръ, когда, думая встрѣтить Людмилу и подѣлиться съ нею своей тяготой, онъ увидалъ Наталью Никаноровну, — такъ и теперь хотѣлъ Леонтій Алексѣевичъ встрѣчи съ дѣвушкой и не зналъ, о чемъ будетъ говорить съ нею. Такъ же послѣ дождя солнце заходило за густо-зеленые деревья сада, такъ же тяжело и неподвижно сгустились надъ розовѣющею водою Ящура заросли лозы и тростника. Толпою кружила надъ Крутовскимъ мошкара, забираясь въ глаза и ротъ, и крѣпко пахли влажныя липы. Какъ и въ тотъ разъ медленно шелъ Леонтій Алексѣевичъ сначала по аллеѣ, потомъ по шляху, гдѣ въ широкихъ лужахъ отражался закатъ. Наконецъ, свернувъ на тропку, поросшую травой, онъ увидалъ недавніе темные слѣды чьихъ-то маленькихъ ногъ и, невольно волнуясь, остановился. И точно, въ глубинѣ бесѣдки, опять, какъ и тогда, увидалъ онъ Людмилу. Но теперь лица ея не было видно. Она сидѣла, склонившись, вытянувъ впередъ по колѣнямъ руки и сцѣпивъ пальцы, темные волосы затѣняли ей лобъ, сползшій съ головы платокъ, ея въ розанахъ концами касался земли. Во всемъ ея точно придавленномъ тяжестью обликѣ чуялась такая скорбь, что невольно Крутовской первыя мгновенья боялся пошевелиться, не зная, что ему дѣлать. Онъ смотрѣлъ на дѣвушку съ непонятнымъ для него, все возраставшимъ чувствомъ сожалѣнія и обиды на что-то, чего уже не вернешь. „Я теперь не сумѣю помочь ей, — подумалъ онъ: — она тоже не пойметъ меня“. Онъ впервые видѣлъ ее со стороны, видѣлъ ее взрослой, женщиной. Наконецъ рѣшился войти въ бесѣдку.

— Людмила Александровна, — сказалъ онъ, подходя къ дѣвушкѣ, — я васъ потревожилъ — простите меня...

Она выпрямилась, поведя плечами, что всегда было у нея признакомъ испуга, и посмотрѣла на него.

— Я задумалась, — отвѣтила она тихо: — здравствуйте, Леонтій Алексѣевичъ.

Онъ сѣлъ смущенно рядомъ съ нею. Она чуть подвинулась, давая ему мѣсто и ничѣмъ не выдавая ни своего недовольства, ни своей радости. Казалось, безконечное равнодушіе и оцѣпенѣніе владѣли ею. Онъ сбоку взглянулъ на нее, думая: „Ей не до меня; зачѣмъ я только сѣлъ здѣсь — лучше уйти“, — но сейчасъ же заговорилъ:

— Признаюсь, Людмила Александровна, я не случайно пришелъ сюда. Мнѣ хотѣлось увидѣть васъ и поговорить съ вами. Мы такъ давно не встрѣчались по вечерамъ...

Онъ замолкъ, ожидая возраженія, но Людмила снова повела плечами, взялась было за платокъ, желая, должно быть, укрыться, но сейчасъ же оставила его и молчала.

— Мнѣ очень недостаютъ эти встрѣчи, — продолжалъ Крутовской: — вамъ покажется, быть можетъ, страннымъ, но право, не говоря съ вами, не дѣлясь своими горестями, — я началъ ощущать какую-то пустоту, я запутался. Я пересталъ отдавать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что дѣлаю... И если теперь, эти дни я не искалъ съ вами встрѣчи, то только потому, что на душѣ у меня слишкомъ смутно, и я не хотѣлъ быть эгоистомъ, не хотѣлъ взваливать на васъ свою тяготу... Помните, что я говорилъ вамъ когда-то о своемъ дядѣ, отставномъ ротмистрѣ — онъ убилъ свою возлюбленную и застрѣлился самъ. Я говорилъ еще, что порою чувствую свое съ нимъ сходство. Такъ вотъ сейчасъ я ясно понимаю то, что владѣло имъ, когда онъ это дѣлалъ...

Людмила быстро подняла потемнѣвшее лицо и посмотрѣла на Леонтія Алексѣевича, но онъ не замѣтилъ этого.

— Иногда обстоятельства складываются такъ, что изъ нихъ нѣтъ выхода, — говорилъ Крутовской, волнуясь: — когда самъ себя окручиваешь, окутываешь — чѣмъ дальше, тѣмъ тѣснѣе, и не хочешь, а дѣлаешь, и не вѣришь, — а увѣряешь себя; и наконецъ видишь, что одинъ только шагъ, и все полетитъ кувыркомъ, къ чорту пойдетъ вся твоя жизнь, весь твой трудъ, всѣ твои надежды... Вотъ сидитъ этотъ подлый червякъ, который сосетъ и толкаетъ — пойди и возьми, не нужно, — а возьми, противно, — а возьми. Я уже летѣлъ въ эту прорву разъ, знаю, что это такое... Богъ спасъ, люди помогли, бычачьи нервы выдержали, по малу я началъ выкарабкиваться и вотъ опять готовъ все бросить, все изорвать въ клочки, плакать — и рвать, любить — и затап-

тывать въ грязь... Мы часто сваливаемъ эту нашу подлую трусость на русскую кровь... но это вздоръ, вздоръ все это. Русская кровь — чистая кровь. Она вонъ живетъ и живетъ, а мы все стонемъ и съѣзжаемъ подъ гору... Не народъ, а мы, десятокъ трусовъ... Вѣдь вотъ я — работалъ, взялъ себя въ шоры, полюбилъ свой трудъ, а пришло что-то отъ прошлаго, отъ любви, которой уже нѣтъ — я твердо знаю это — и опять трянка, опять никуда негоденъ. Отъ одного воспоминанія перестаю быть человѣкомъ, утрачиваю свое человѣческое достоинство. А вѣдь любовь строитъ жизнь, создаетъ ее, а не разрушаетъ. И самое скверное въ этомъ то, что и кончится ничѣмъ — останусь у разбитаго корыта... Самое скверное, что не знаю я попрежнему того, кто овладѣлъ мною, и не стараюсь разобраться, а закрываю глаза, точно головой въ омутъ... Подло, что я сознаю свое положеніе и все-таки не сопротивляюсь. Подло, что я крѣпко знаю, что смыслъ жизни въ томъ, что она показываетъ намъ цѣну настоящаго часа и долгъ его, а я не дорожу ни временемъ, ни своимъ долгомъ.

Крутовской замолкъ, точно задумался. Лицо его потускнѣло, морщины показались у него на лбу и около губъ. Онъ точно постарѣлъ за эти минуты, осунулся, поблекъ, — только глаза выдавали въ немъ упрямую работу мысли. Людмила не отворачивалась отъ него больше, она смотрѣла на него изъ полуопущенныхъ вѣкъ, нахмуря брови, съ печальнымъ вниманіемъ.

16499

LVIII.

Они сидѣли нѣсколько минутъ молча. Дѣвушка не пыталась возражать и спорить, да Леонтій Алексѣевичъ кажется и не ждалъ этого. Наконецъ, поморщась, точно собирая свои мысли и потеревъ високъ, Крутовской заговорилъ снова, но уже значительно спокойнѣе:

— Есть старое повѣрье, что конскіе волосы, пролежавъ долгое время въ водѣ, превращаются въ червей — волосатиковъ. Ученые не вѣрятъ этимъ побасенкамъ и смѣются надъ ними; но мнѣ часто думается, что старыя вещи гніютъ, и изъ прошедшаго родятся змѣи. Онѣ лежатъ спокойно, скрытыя отъ нашихъ взоровъ, — пока ихъ не тронешь, но стоитъ мыслью вернуться къ прошлому, стоитъ вернуться на пройденные пути, и змѣи эти жалятъ и убиваютъ, убиваютъ радость жизни, любовь къ сегодняшнему часу, который творитъ будущее. Опускаются руки, не работаютъ мысли, ста-

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

новишься конченнымъ... Тому, кто вернулся къ прошлому, лучше не жить, потому что онъ умеръ для творящей жизни. Чтобы дѣлать дѣло, а, слѣдовательно, чтобы жить, потому что жизнь всегда дѣло, всегда созиданіе — не нужно длительности времени. Мы молимъ себѣ долгой жизни, но долгая жизнь значитъ — полная жизнь, жизнь, великая минутами. Жизнь длинна, свыше мѣры. Минуты духовнаго разумѣнія, минуты личной собранности, одна улыбка, одинъ взглядъ — вотъ чѣмъ мы осмысливаемъ жизнь, вотъ что даетъ намъ ея цѣну, но мы не дорожимъ этими минутами, не владѣемъ своимъ днемъ — мы всегда сожалѣемъ о прошедшемъ, возлагаемъ надежды на будущее и пренебрегаемъ настоящимъ... Почему-то въ настоящемъ мы только умѣемъ чувствовать страданіе и проклинаемъ его... Одно время мнѣ казалось, что я уже держу въ рукахъ свое настоящее, владѣю своимъ днемъ, теперь опять готовъ его ненавидѣть...

Крутовской снялъ почему-то съ головы кэпку и безпомощно улыбнулся.

— Вы видите, Людмила Александровна, — сказалъ онъ, — какимъ я сталъ сейчасъ — мнѣ нечего отъ васъ скрываться... Мнѣ очень тяжело и вотъ почему я вспоминаю свое сходство съ дядюшкой... Онъ, видно, тоже хотѣлъ увернуться отъ прошлаго, да не увернулся... Только вы не бойтесь, никакихъ преступленій дѣлать я не собираюсь... гдѣ тамъ... я просто обворованный, нищій духомъ человѣкъ.

Онъ махнулъ рукой и опять улыбнулся, но улыбка только растянула ему губы.

— Къ тому же у меня и револьвера нѣтъ, — добавилъ онъ: — покойный Шишикторовъ у меня его взялъ и потерялъ...

— Шишикторовъ? — воскликнула Людмила, испуганно отодвигаясь, и потомъ, съежившись, добавила тихо: — это я револьверъ кинула... тогда...

Она не договорила, но Крутовской, кажется, не слыхалъ и того, что она сказала. Онъ опять далеко ушелъ со своими мыслями.

— Леонтій Алексѣевичъ, — позвала его Людмила, — обѣщайте мнѣ, вы слышите? Обѣщайте мнѣ, что что бы съ вами ни случилось, вы не скажете себѣ, что это конецъ и всегда будете искать выхода...

Онъ сразу не понялъ, что ему говорятъ, и растерянно посмотрѣлъ на дѣвушку, но тотчасъ же оглянулся и, глядя въ прямые и открытые глаза, устремленные на него, онъ поспѣшно отвѣтилъ:

— Вы просите меня объ этомъ? Да? Вы этого хотите?..

Потомъ еще пристальнѣе взглянувъ на Людмилу, тревожно спросилъ ее:

— Но, что съ вами? У васъ такое странное лицо... Зачѣмъ вы мнѣ говорите такъ, точно вы отказали уже въ своей дружбѣ, точно въ трудную минуту мнѣ нельзя будетъ обратиться къ вамъ...

Людмила не отвѣтила. Она слишкомъ быстро поднялась со своего мѣста, и Крутовской не могъ увидѣть ея лица. Но ему удалось поймать ея руку. Внезапно его охватило нервное безпокойство, ему во что бы то ни стало хотѣлось понять смыслъ ея послѣднихъ словъ. Какъ можетъ она уйти отъ него, ничего не объяснивъ, ничѣмъ не успокоивъ. Вѣдь онъ ясно видѣлъ, что самое важное не произнесено, онъ догадался объ этомъ по ея глазамъ... Онъ готовъ былъ прочесть въ нихъ...

— Людмила Александровна...

Странно, онъ не чувствовалъ такъ болѣзненно тяжести своего положенія, ему только страшно было выпускать эту руку, которая вотъ-вотъ сейчасъ вырвется.

— Людмила Александровна.

Она все-таки вырвала руку и быстро пошла отъ него. Крутовской поднялся за нею и тотчасъ же остановился. Заслоняя собою выходъ изъ бесѣдки, стояла на порогѣ Наталья Никаноровна.

— Ахъ, вотъ вы гдѣ! — сказала она пѣвуче и медленно: — а я искала васъ... насилу нашла. Куда же ты, Людмилушка? Что за поспѣшность?.. Но, можетъ быть, я здѣсь лишняя?

Она подняла брови и насмѣшливо улыбнулась.

— Вы говорили о чемъ-нибудь серьезномъ? — продолжала она тѣмъ же голосомъ, но еще съ большимъ пренебреженіемъ: — у васъ такія разстроенныя лица, такіе блестящіе глаза. Можно подумать, что вы рѣшали вопросы жизни и смерти... или... объяснялись въ любви...

— Пусти, Наташа, мнѣ нужно идти, — строго прервала ее Людмила.

— Ты такъ спѣшишь? Странно! до моего прихода ты сидѣла спокойно и никуда не собиралась... Или ты пряталась здѣсь, чтобы попрощаться наединѣ съ Леонтіемъ Алексѣевичемъ...

— Я прошу тебя, пусти меня, — повторила Людмила: — мнѣ не хочется шутить...

— Вы уѣзжаете?

Крутовской невольно оборотился къ Людмилѣ.

— Да, да она уѣзжаетъ, она бѣжитъ. Тебя, кажется, это очень волнуетъ?

Его началъ раздражать ея вызывающій голосъ, ея улыбка, всѣ ея нарочитыя движенія. „Зачѣмъ она это дѣлаетъ?“ — морщась, подумалъ Крутовской и проговорилъ вслухъ:

— Мы часто встрѣчались въ этой бесѣдкѣ съ Людмилой Александровной. Нѣтъ ничего удивительнаго, что вы застали насъ здѣсь (онъ еще не могъ привыкнуть говорить ей прежнее ты при постороннихъ). Что тутъ удивительнаго, — я не понимаю.

Онъ старался быть сдержаннымъ и потому выбиралъ слова, но голосъ его сорвался.

Смоличъ засмѣялась.

— Я вѣрю вамъ охотно (она подчеркнула слово „вамъ“, точно хотѣла уколоть этимъ): потому-то Людмила и сегодня пришла сюда. Влюбленныхъ тянетъ на старыя мѣста...

Поджавъ губы, раздувая ноздри, она посмотрѣла на Людмилу. Дѣвушка подняла голову, блѣдное лицо ея не дрогнуло, глаза спокойно и строго встрѣтили взглядъ названной сестры. Нѣсколько мгновеній онѣ обѣ не отводили и не опускали глазъ. Постепенно на щекахъ Натальи Никаноровны стали проступать неровныя пятна румянца, рѣсницы ея задрожали, Людмила опустила голову и, не оглядываясь на Крутовского, вышла изъ бесѣдки.

LIX.

Заря погасла въ небѣ, и опять со всѣхъ сторонъ поползли тучи. Точно вырвавшись изъ нечаянно открытой двери, вѣтеръ загудѣлъ подъ крышей бесѣдки и зашелестилъ листьями хмѣля. Крутовской не могъ различить выраженія лица Натальи Никаноровны и стоялъ неподвижно, не рѣшаясь и не желая заговорить, чувствуя, что нужно говорить, объясняться, какъ-нибудь размотать спутывающійся узелъ, но не имѣлъ силъ на это. У него нестерпимо горѣли уши. „Кто-нибудь меня ругаетъ, должно быть, — по старой, суевѣрной привычкѣ думалъ онъ: — э, да все равно! Тутъ нужно рѣшить другое, додумать до конца, да, да — о Людмилѣ... что такое?.. Почему она ѣдетъ? Куда ѣдетъ?.. и тоже вздоръ, куда ей ѣхать... Но мнѣ нужно знать другое“.

Невольно протянувъ руку, онъ оборвалъ листокъ хмѣля и сталъ жевать его.

— Ты долго еще будешь молчать? — наконецъ, спросила его Смоличъ.

Онъ не успѣлъ сообразить того, что говоритъ, когда спросилъ въ свой чередъ.

— Развѣ необходимо говорить о чемъ-нибудь?

Она вскрикнула съ досадой:

— А ты находишь, что нѣтъ! Ты думаешь, что все это мнѣ пріятно?

— Что же случилось?

— Онъ меня спрашиваетъ! Леня, да что съ тобой?

Наталья Никаноровна въ полумракѣ подошла сзади къ Крутовскому и положила ему на плечи руки. Онъ почувствовалъ теплоту ея кожи у своей вѣтромъ остуженной шеи, вдохнулъ запахъ ея волосъ, ея духовъ, ея тѣла и невольно, безъ умысла потянулся къ ея рукамъ. Она слабо отстраняла его пальцы, прижимаясь къ нему, наклоняя его къ себѣ, отчего онъ долженъ былъ крѣпче упереться въ землю ногами, чтобы не потерять равновѣсія, потому что все еще стоялъ къ ней спиною.

— Леня, — сказала она тихо и вкрадчиво, — ты помнишь вчерашнее? Развѣ ты меня уже не любишь?

Онъ отвѣтилъ, безпомощно опуская руки:

— Я не забылъ, Наташа, я слишкомъ хорошо все помню, но мнѣ больше хотѣлось бы, чтобы этого не было...

— Что ты говоришь? Постой, я не понимаю...

Онъ снялъ съ плечъ ея руки и, подведя къ скамѣйкѣ сѣлъ рядомъ съ нею.

— Да говори ты наконецъ!

— Я говорю, что лучше бы этого не случилось, — пояснилъ онъ, — потому что до сихъ поръ я не могу сказать, люблю ли я тебя... нѣтъ не могу...

Она надавила ладонями его колѣни, нагнувшись къ самому его лицу.

— Ты не можешь сказать? А какъ же вчера?

— Не знаю, какъ это вышло, — морщась отъ боли, но не шевелясь и стараясь быть до конца правдивымъ и точнымъ, отвѣтилъ онъ.

— Не знаешь?

— Нѣтъ, не знаю... я, должно быть, былъ пьянъ, — пересиливая себя, съ трудомъ вымолвилъ Крутовской.

Она засмѣялась сквозь стиснутые зубы злымъ, шаршавымъ смѣхомъ. „Такъ смѣются на сценѣ“, — подумалъ Крутовской и, поймавъ себя на этой мысли, снова поморщился точно отъ зубной боли.

— Ты хочешь оправдать себя тѣмъ, что ты былъ пьянъ, — не разжимая зубовъ, сказала Наталья Никаноровна.

— Я ни въ чемъ не хочу оправдываться, — упрямо качнувъ головой, отвѣтилъ онъ: — я знаю, что я виноватъ, виноватъ вдвойнѣ передъ тобой и передъ собой. Я не имѣлъ права говорить это, потому что то не умерло... у меня нѣтъ силъ забыть... а ты тянешь, какъ женщина, и я безвольно иду за тобою... это очень тяжело.

Смоличъ хрустнула пальцами.

— Господи, да что же это! — прошептала она: — куда дѣваться, куда идти...

Онъ видѣлъ, какъ низко она наклонила свою голову, почти къ его колѣнямъ; онъ замѣтилъ, какъ дернулись ея плечи.

— Я понимаю тебя, — сказалъ Крутовской, откидывая назадъ голову, чтобы не чувствовать запаха ея волосъ и не поддаться елабости; — но что дѣлать. Это какой-то кругъ, мы, какъ бѣлки, въ этомъ кругу... но я не могу уйти отъ тебя, это тоже не въ моихъ силахъ. Когда я тебя не видалъ, все было очень легко и просто и все казалось забытымъ. Но ты меня отравила.

— Никто тебя не отравлялъ, — не подымая головы, глухо возразила Смоличъ: — ты притворяешься. Ты просто влюбленъ.

— Въ тебя? Нѣтъ, это не влюбленность...

— Не въ меня, — громко и рѣзко, и выпрямляясь, перебила его Наталья Никаноровна: — а въ Людмилу!

— Опомнись, что ты говоришь?

Онъ выпрямился тоже, невольно ища ея руку.

— Не вздорь, не притворяйся! Я давно замѣчала это. Вотъ кто отравилъ тебя своей любовью!

— Молчи, Наташа, не смѣй говорить это, не смѣй...

Онъ стучалъ кулакомъ по скамейкѣ, вся кровь прилила къ головѣ отъ этихъ кощунственныхъ словъ — конечно, кощунственныхъ — кто могъ говорить такъ.

Онъ самъ не понималъ своего раздраженія — въ концѣ концовъ, не все ли равно? Мало ли что можетъ сказать взбалмошенная женщина... Но раздраженіе накипало само собою, помимо его воли.

— Это неправда! — кричалъ онъ: — это ложь! Я не позволю такъ говорить о ней?..

— Нѣтъ, буду говорить, и ты не запретишь этого, — въ свой чередъ кричала Смоличъ: — ты влюбился въ глупую дѣвчонку, какъ мальчишка, у котораго на губахъ молоко не обсохло... Ты жалкій, маленькій, трусливый человѣкъ... да, да — ты трусъ, — повторила она, точно ей понравилось это слово, которое не имѣло сейчасъ никакого смысла и потому казалось ей особенно оскорбительнымъ: — трусъ... трусъ...

Это маленькое, подлое слово застревало у Крутовскаго въ ушахъ. Внезапно оно напомнило ему страшную минуту его насилія надъ Натальей на полу, когда она выхватила у него револьверъ. Онъ не сдѣлалъ тогда того, что долженъ былъ сдѣлать. Онъ и точно былъ трусомъ. Густая волна крови прилила къ его мозгу, онъ скрипнулъ зубами и, сжавъ кулаки, поддался впередъ. Отъ неожиданности Наталья Никаноровна соскользнула со скамейки и, ухватясь за его ноги, пронзительно вскрикнула. Леонтій Алексѣевичъ сразу затихъ, съежился, присмирѣлъ. Все его крѣпкое, большое тѣло стало дряблымъ и безсильнымъ. Шатаясь, онъ поднялся со скамьи и пошелъ къ выходу.

— Леня, Леня, — всхлипнувъ, испуганно позвала его Смоличъ.

Онъ не отвѣтилъ и пошелъ дальше. Было совсѣмъ темно. „Я оставилъ ее одну“, — подумалъ Крутовской, но не остановился, даже не оглянулся. Вѣтеръ обдувалъ его со всѣхъ сторонъ, и кровь въ немъ утихала.

Дойдя до шляха, онъ все же остановился и посмотрѣлъ вокругъ себя. Какъ и вчера ночью, среди разорванныхъ тучъ бѣжала ущербленная луна, вѣтеръ гналъ по дорогѣ сухія, обломанныя вѣтки, деревья гудѣли согласнымъ хоромъ, но все казалось Леонтію Алексѣевичу инымъ. Онъ всматривался въ живую, бормочущую темень и растерянно улыбался. Богъ вѣсть, откуда пришла эта улыбка.

— Неужели же все кончено? — спрашивалъ себя Крутовской и боялся и не зналъ, что отвѣтить.

LX.

Наталья Никаноровна поднялась на локтѣ и прислушалась. Быть не можетъ, чтобы онъ ушелъ совсѣмъ и бросилъ ее тутъ одну... Она поспѣшно вскочила на ноги и подбѣжала къ выходу, но за вѣтромъ ничего не было слышно.

— Онъ ушелъ, — проговорила она. — Какъ это вышло? Что случилось? Неужели она и точно сказала правду... Все можетъ быть, все очень можетъ быть. Она была зла на себя. „Я поддалась глупому порыву, — думала она: — я не сумѣла во-время сдержаться... вотъ что значитъ быть искренной. Но не сидѣть же тутъ до утра“.

Смоличъ подобрала юбку и побѣжала къ дому. Холодный вѣтеръ знобилъ и еще больше раздражалъ ее. Конечно, во всемъ виноватъ этотъ глупѣйшій разговоръ съ мамой. Она не удовольствовалась утренними сентенціями, она говорила еще и днемъ... Ей, должно быть, нравится разыгрывать роль любящей и разумной матери. Но чего она вмѣшивается не въ свое дѣло: кому нужны ея совѣты. Этимъ она оказала медвѣжью услугу Людмилѣ... Наталья Никаноровна и такъ кое о чемъ догадывалась, но теперь догадки ея подтвердились. Вотъ почему у этой дѣвчонки такой неприступный, такой страдающій видъ. И потомъ это рѣшеніе уѣхать отсюда... Что же, тѣмъ лучше. Это какъ разъ то, что нужно... не будетъ лишнихъ глазъ, лишнихъ свидѣтелей и съ матерью, пожалуй, легче будетъ сговориться... Всякіе капризы проходятъ... Какъ глупо сдѣлалъ Костя, что поторопился, но пусть каждый устраивается, какъ знаетъ... Она хотѣла успокоить себя этими соображеніями, но раздраженіе все еще не оставляло ее. Даже ложась въ кровать, отъ нервнаго волненія Смоличъ порвала кружева на рубашкѣ. Сонъ все-таки пришелъ тотчасъ же — Наталья Никаноровна умѣла отгонять мысли, когда это было нужно.

Проснувшись на другой день, Смоличъ взглянула въ окно. Было пасмурно, но дождь не шелъ, и можно было ждать сносную погоду. Наталью Никаноровну осѣнила блестящая мысль. Никогда ничѣмъ не слѣдуетъ пренебрегать. Сегодня яснѣе, чѣмъ вчера, она чувствовала, что идти сейчасъ же объясняться съ Крутовскимъ безполезно — нужно выждать время. Всякіе разговоры его еще больше разсердятъ. Въ глубинѣ души она чувствовава тяжесть — ее угнетало предчувствіе. Нѣтъ, средства, какія она пустила въ ходъ, были недостаточно сильны. „Его нельзя было такъ долго заставлять ждать, — говорила себѣ Смоличъ: — онъ изъ породы тѣхъ людей, которые не могутъ долго желать чего-нибудь, и время не разжигаетъ въ нихъ желаніе, а убиваетъ. Если бы я позволила ему все, онъ чувство-

валъ бы себя связаннымъ — въ немъ сильно развито чувство долга, и онъ считалъ бы себя виноватымъ, но съ другой стороны...“

Она не докончила своей мысли. Поздно сожалѣть о томъ, что прошло, слѣдуетъ не ошибаться въ настоящемъ... Нельзя же сразу бросаться ему на шею. Наконецъ, она вовсе не хотѣла быть только его любовницей. Нечего сказать — остроумный выходъ. Нѣтъ, этихъ глупостей было довольно въ прошломъ, онъ самъ былъ ея первымъ опытомъ. Но тогда все искупала молодость, а теперь... теперь слѣдуетъ подумать о будущемъ... Онъ ей совсѣмъ не противенъ, пожалуй, онъ лучше многихъ, но все же она хотѣла бы его видѣть только своимъ мужемъ...

Внезапно она вспомнила Ерандаковыхъ. Она засмѣялась. Пріятное утѣшеніе — нечего сказать. Они богаты, но выйти замужъ за одного изъ нихъ — да, вѣдь, это настоящій фарсъ „раковая скамейка“ — вспомнила Смоличъ плоскій каламауръ Брындина. Оба глупы, оба смѣшны, оба влюблены... Наталья Никаноровна, причесываясь передъ зеркаломъ, отъ души хохотала. Но внезапно улыбка исчезла съ ея лица, она пристально посмотрѣла на свое отраженіе. Это сыновья... а отецъ? Старикъ Ерандаковъ?.. „Королева“, — произнесла она задумчиво.

Въ часъ дня она была готова и, выйдя къ завтраку — какъ всегда нарядная и свѣжая — попросила у матери разрѣшенія взять лошадей...

Было хорошо ѣхать по прибитой дождемъ дорогѣ, вдыхать теплый, чуть парный воздухъ и отдыхать отъ вѣтра, который не рвалъ теперь листьевъ, не гнулъ деревьевъ, а мягко скользилъ совсѣмъ низко по дозрѣвающимъ яровымъ. На поляхъ снова показались рабочіе, застучали машины. „Крутовской должно быть въ полѣ, — подумала Смоличъ, глядя передъ собою на далекія точки двигавшихся людей: — я все-таки неравнодушна къ нему, странно, теперь даже онъ значительно мнѣ ближе... Что за глупое сердце?.. Неужели съ годами я разучилась управлять имъ. Мнѣ было бы жаль разстаться съ этой мыслью... да, да — не только досадно, но и жаль... Въ конечномъ счетѣ мы могли бы составить съ нимъ славную пару, если бы я не была бы такъ глупа... Онъ совсѣмъ не хозяинъ, но хорошій мужъ... я могла бы быть съ нимъ спокойна, при желаніи... Но развѣ я тогда искала спокойствія... Ко мнѣ приходятъ стариковскія

мысли (Наталья Никаноровна улыбнулась), я думаю о покоѣ, о тихой пристани... Это плохой признакъ. Но все же мнѣ не хотѣлось бы отдавать его другой..."

Смоличъ упрямо наклонила голову и постучала носкомъ туфли по коврику коляски. „Нѣтъ, я не могу его отдать", — повторила она громко.

LXI.

Наталья Никаноровна приказала кучеру подождать и ввести лошадей во дворъ, а сама прошла прямо въ контору Олега Максимыча. Въ передней ждало нѣсколько мужиковъ, въ конторѣ барышня стучала на машинкѣ. Падалка, важно прохаживаясь около, посасывалъ папироску, самъ господинъ нотаріусъ что-то писалъ у своего стола.

„Онъ и впрямь очень красивъ", — подумала Смоличъ, подходя къ нему.

Увидѣвъ ее, онъ засуетился, придвинулъ ей кресло, раскидалъ по столу бумаги.

— Чѣмъ могу служить? — шутливо повторилъ онъ, цѣлуя ей ручки.

— Я къ вамъ по дѣлу, — отвѣтила она, — я поэтому не заходила къ Тамарѣ Гавриловнѣ... У меня былъ разговоръ съ мамой, очень серьезный... и она рѣшила меня выдѣлить... вы знаете, какая судьба ждетъ всѣхъ насъ, пѣвицъ, людей свободной профессіи... Мы получаемъ много, а тратимъ еще больше... и въ одинъ день остаемся нищими, безъ голоса, безъ друзей, безъ возможности прожить свою жизнь, хотя бы сносно... это такое несчастье, такой ужасъ... И никто не подумаетъ о сотняхъ и сотняхъ такихъ, какъ мы... Вотъ почему, я, наконецъ, рѣшилась... вѣрнѣе, мама сама предложила мнѣ этотъ выходъ... Конечно, я очень благодарна ей... нужно подумать о своей старости...

Она наклонила голову и лукаво улыбнулась, глядя снизу вверхъ на Брындина.

— Помилуйте, — вскрикнулъ Олегъ Максимовичъ, — вамъ ли о старости думать. Она такъ же далека отъ васъ, какъ отъ меня далека мечта о счастьѣ.

Онъ тяжело вздохнулъ, играя глазами.

— Почему вы не поступили на сцену? — засмѣявшись, сказала Наталья Никаноровна, — изъ васъ получился бы великолѣпный актеръ!

— Увы, — томно отвѣчалъ Брындинъ, — я говорю вамъ,

что всѣ мои мечты неосуществимы... непризнанный художникъ, актеръ-любитель и самый заурядный нотаріусъ!

Ей легко было говорить съ нимъ, она привыкла къ такимъ разговорамъ, плоскимъ остротамъ, безцѣльной игрѣ, но сейчасъ она была озабочена своимъ дѣломъ. Она остановила его и начала разспрашивать серьезно о томъ, что необходимо ей дѣлать, чтобы поскорѣе окончить вводъ во владѣніе.

— Это не очень долго? — спрашивала она.

Олегъ Максимовичъ мгновенно измѣнился. Въ его голосѣ звучала твердость. Онъ долго и подробно объяснялъ ей.

Наконецъ, Смоличъ поднялась.

— Я очень вамъ признательна, — сказала она, — и всецѣло полагаюсь на васъ...

Онъ проводилъ ее до дверей.

— Я еще вернусь къ вамъ, а теперь у меня дѣла. Послѣ мы потолкуемъ съ вами о спектаклѣ.

Она пересѣкла площадь, старательно обходя лужи и крестясь на соборъ. — „Кажется сюда, — подумала она, дойдя до первой улицы, — ну да, конечно, вотъ и Днѣпръ“.

Мимо низкихъ домовъ, длиннѣйшихъ заборовъ, она прошла къ берегу и поднялась на пристань къ Ерандакову и сразу увидала старика, стоявшаго въ дверяхъ своей конторки. Мимо него проходили грузчики, пронося тяжелые тюки съ удобреніемъ. У пристани скрипѣлъ, выпуская пары, бѣлый пароходъ. Шумъ голосовъ, крики, паденіе тяжестей въ люкъ, на время оглушили Смоличъ.

— Денежный король за своимъ дѣломъ, — шепнула она, внимательно всматриваясь въ суровое лицо не замѣчавшаго ее Ерандакова, — а вѣдь у него большая сила, мнѣ даже немножко страшно...

Она подошла къ нему вплотную, и только тогда старикъ поднялъ голову.

— Здравствуйте, Савелій Анисимовичъ!

Онъ точно и не изумился ея приходу. Маленькіе глаза его вонзились въ нее.

— Здравствуйте, — отвѣтилъ Ерандаковъ медленно, — радъ видѣть. Зло-то свое значитъ забыли?

Она смутилась, слабо улыбаясь, въ его голосѣ она не слышала извиненія, — онъ точно допрашивалъ ее.

— Помнить-то нечего, — наконецъ произнесла Смоличъ, невольно переходя въ тонъ его рѣчи: — пришла, какъ видите...

— Такъ!

Онъ потрогалъ рыжую свою бородку и точно что-то взвѣшивалъ.

— Зря, я чай, не пришли бы, королева?— спросилъ старикъ, и лукавая усмѣшка тронула его тонкія губы. — Ну ладно... я сейчасъ управлюсь, а вы въ конторѣ присядьте.

Онъ уже не глядѣлъ на нее, снова опустивъ глаза въ теградку.

Нервно посмѣиваясь и стараясь и не имѣя силъ побороть смущеніе, Наталья Никаноровна прошла за дверь и, остановясь у стола, постучала по немъ ручкой зонтика.

„Однако, онъ не любезенъ, — думала она кусая губы, — проще всего уйти“...

Но она не уходила.

Минутъ черезъ десять, Ерандаковъ, наконецъ, явился.

— Чего же вы не сѣли, голуба! — спросилъ онъ, усаживаясь передъ столомъ и надѣвая темные очки.

„Это онъ нарочно, чтобы я не видѣла выраженія его лица“, — рѣшила Смоличъ и сѣла рядомъ.

— Я хотѣла спросить у васъ, — начала она и добавила раздраженно, — вы кажется все продаете и все покупаете?

Онъ шевельнулъ усами и постучалъ крѣпкими своими съ короткими ногтями загорѣлыми пальцами по гросбуху.

— Покупаю и продаю, какъ придется. Дорого — продаю, дешево — покупаю... дѣло купеческое.

— Не то совсѣмъ, — водя зонтикомъ по полу и глядя себѣ на носки туфель, перебила, все еще раздражаясь, Наталья Никаноровна, — я хотѣла васъ спросить, землю вы купили бы?

— Земля — всегда хорошій товаръ, — спокойно отвѣчалъ Ерандаковъ, поблескивая очками, — не залежится, не попортится... при случаѣ и землю куплю. А вамъ почему любопытно?

— Продать хочу... на-дняхъ отъ матери получу... такъ вотъ...

Она подняла глаза и, встрѣтясь опять съ безразличными, поблескивающими стеклами очковъ, рѣзко сама себя перебила:

— Я не могу говорить, когда не вижу, какъ на меня смотрятъ, снимите очки.

Старикъ придвинулся поближе къ столу и налегъ на него грудью, вытянувъ шею.

— Значитъ, выходитъ опять по-моему, вы продавецъ, я покупатель? — проговорилъ онъ, точно и не слыхалъ ея восклицанія, — почему же съ землей спѣшить? Она что ни годъ дороже... человѣкъ только старится... а старикамъ цѣна грошъ.

Овладѣвъ собою, Наталья Никаноровна вызывающе засмѣялась:

— Глядя на васъ, я бы этого не сказала, — отвѣтила она, — нѣтъ, этого нельзя сказать! Вы что ни день, то, говорятъ, дороже...

Онъ возразилъ медленно и серьезно:

— Я не человѣкъ, а дубъ, у меня жила другая. Въ щелокѣ варили. Такъ! А вы объ уговорѣ-то больше не думали? О другомъ?..

— Времени не было. Дайте съ дѣлами управиться...

— Такъ!..

Ерандаковъ опять помолчалъ, молчала и Смоличъ. Оба они смотрѣли другъ на друга, она съ вызовомъ, онъ раздумчиво. Наконецъ, старикъ выпрямился и снялъ очки.

— Будь по-вашему, — сказалъ онъ, — и безъ очекъ видно... васъ тоже на кривой не объѣдешь... королева!

И пригибаясь къ ней, и протягивая къ ея колѣнамъ руку, и остро глядя въ глаза, онъ добавилъ тихо:

— Не упусти времени, королева! Бываетъ и продешевишь потомъ. По глазамъ читаю — какова, и напрасно меня задоришь. Намъ съ тобою лучше въ открытую...

Щуря глаза и не чувствуя въ себѣ почти никакой обиды, выгнувъ спину и крѣпко сжимая въ рукахъ зонтикъ, Наталья Никаноровна отвѣтила такъ же тихо:

— Какъ бы, старикъ, коса на камень не нашла...

— Знаю, что ты камень, только я не коса, а молотъ. Землю, коли хочешь, съ тобою послѣ обладимъ, а теперь сказывай уговоръ свой. Скупиться не стану...

— Не станешь?

Она попробовала еще шутить и улыбнуться. Внезапно онъ выхватилъ изъ рукъ ея зонтикъ и отшвырнулъ его въ уголъ.

— Говори, что время терять!

Старикъ потянулся къ ней, лицо его было жестко и упрямо, темный и тяжелый огонь затлѣлъ въ его маленькихъ глазахъ.

„А вѣдь онъ можетъ, — испуганно пронесся обрывокъ

мысли въ зашумѣвшей головѣ Натальи Никаноровны, — онъ правъ, и я безъ силъ передъ нимъ... мнѣ даже не стыдно..."

Она все шире раскрывала глаза, ротъ ея задергался. Ей хотѣлось встать, убѣжать, но она не могла. Громкій стукъ двери, наконецъ, привелъ ея въ себя.

— Папаша!

Въ контору влетѣли Фроша и Фепта. Увидя Смоличъ, они застыли, разиня рты.

— Такъ, значитъ, это дѣло кончено? — ровно и безъ волненія, точно продолжая начатый ранѣе разговоръ, сказалъ Ерандаковъ и откинулся въ креслѣ. — Землю когда прикажете осмотрѣть?

Она ничего не понимала, мысли путались, она растерянно оглядывалась по сторонамъ. Потомъ поспѣшно встала и начала искать глазами зонтикъ.

— Фроша, — крикнулъ старикъ, — подай барышнѣ зонтикъ, чего стоишь? До скораго свиданья!

Изъ конторы она почти выбѣжала. За ней выскочили братья Ерандаковы.

Она дошла до мостковъ, остановилась и, ухватясь за перильца, засмѣялась. Она смѣялась все громче, чувствуя, что не въ силахъ остановиться. Не понимая ея состоянія, Фепта и Фроша начали смѣяться вмѣстѣ съ нею.

LXII.

Дѣла и заботы снова овладѣли Крутовскимъ, точно только и ждали свободной минуты, чтобы набѣжать со всѣхъ сторонъ. Онъ самъ не зналъ, что придало ему новую бодрость, но бодрость, несомнѣнно, начинала бродить въ немъ, вернула силу мускуламъ и уставшей головѣ.

Можетъ быть, случайный взглядъ на безтолковую суетню въ усадьбѣ и въ полѣ направилъ мысли Леонтія Алексѣевича на обычный ихъ путь.

— Копной тебѣ снопъ! — глядя на него, какъ въ былые спокойные дни, и посмѣиваясь, говорила ему Марья Васильевна.

Онъ отвѣчалъ съ добродушной улыбкой, обычнымъ крестьянскимъ присказомъ:

— Съ моей доли тебѣ болѣ, тетенька. Мнѣ бы успѣть до дождя вывезти.

— А ты не мѣшкай! — мѣшками умолоть считать будешь, а время — минутами...

Онъ смѣялся, глядя на тетку, разжевывавшую беззубымъ ртомъ жаркое (они сидѣли съ ней въ столовой за обѣдомъ), смотря на свои большія ладони и загорѣвшіе пальцы, на пузатую солонку, стоявшую передъ его приборомъ. Онъ вспоминалъ обѣдъ нѣсколько дней тому назадъ, послѣ пьяной ночи и свое тогдашнее подавленное состояніе духа. „Какъ быстро мѣняются настроенія у человѣка — я точно совсѣмъ другой и безъ всякой особенной причины... Право, мнѣ нечего радоваться, все только еще больше запуталось, а я радуюсь...“

Онъ подымалъ брови, чуть пожималъ плечами, закрывалъ глаза и ничего не понималъ.

„Кто сказалъ мнѣ, что я свободенъ? — повторялъ онъ себѣ ежеминутно и спѣшилъ отогнать лукавую мысль: — да развѣ меня что-нибудь связывало? Нѣтъ, — думалъ онъ, — меня связывало мое чувство, мои поступки, не внѣшнее, а духовное, что тяжелѣе во сто кратъ всякихъ путъ внѣшнихъ... Но что же тогда меня освободило? Господи! да потому, что теперь я знаю, до конца знаю, что ее не люблю.. и узналъ это сразу, въ одну минуту, съ одного слова...“

Онъ качалъ головой, онъ все-таки себѣ не вѣрилъ. Нѣтъ, нѣтъ, тутъ было что-то другое... и такое же мгновенное, неуловимое, что пришло и скрылось, оставивъ улыбчивый, легкій, радостный слѣдъ.

Крутовской все улыбался и краснѣлъ. Но внезапно лицо его стало серьезнымъ и опечаленнымъ. Онъ взглянулъ на тетку, она поймала его взглядъ.

— Что скажешь, лихая голова? — спросила Марья Васильевна.

Чувствуя внезапное смущеніе отъ взгляда добрыхъ и умныхъ глазъ тетки, онъ произнесъ неохотно и медленно:

— Вы знаете, что скоро уѣзжаетъ Людмила Александровна...

Старушка нѣсколько мгновеній не отвѣчала, глядя на племянника допытливымъ, цѣпкимъ взглядомъ.

— Какъ же не знать, — наконецъ, сказала она. — Слава Богу, Людмила любитъ меня, мнѣ вѣритъ... грѣхъ было бы старухи не спроситься... Только вчера была здѣсь, когда ты въ полѣ ходилъ. Жаль съ ней разстаться, а побранить нельзя, правильно надумала — пусть свѣтъ увидитъ... намаялась дѣвка!..

Послѣднія слова Марья Васильевна произнесла совсѣмъ тихо и опустила глаза въ тарелку.

Волнуясь и не скрывая своего волненія, Крутовской спросилъ:

— Вы говорите, что она намаялась... но объясните мнѣ, что же съ нею? Я самъ услѣдилъ большую перемѣну и ничего не пойму.

Онъ покраснѣлъ, но старуха этого не замѣтила, все такъ же угрюмо глядя внизъ.

— Гдѣ тебѣ? — промолвила она ворчливо, — не тѣмъ занятъ былъ...

И быстро поднявъ голову и легонько ударяя сморщенной ладонью по скатерти, она добавила чуть вызывающе и раздраженно:

— Да тебѣ и знать не для чего, не твое это дѣло въ дѣвичьихъ дѣлахъ разбираться. Умомъ въ нихъ ни до чего не дойдешь, а сердце не всякое слышитъ...

— А вы-то, вы? догадались, она говорила вамъ?

— Что говорила, чего не говорила — намъ двоимъ вѣдать. Можетъ быть, она по Шишишкторовѣ тоскуетъ?

Крутовской посмотрѣлъ на солонку, отодвинулъ ее для чего-то въ сторону и отвѣтилъ задумчиво:

— Нѣтъ, тутъ что-то не то... понять не могу, но не то... Шишикторова она не любила, это я твердо знаю, жалѣла только... А его смерть?.. Людмила можетъ думать, что онъ не утонулъ, а утопился, что, пожалуй, вѣрнѣе, но вѣдь она лучше моего знаетъ, что это за человѣкъ... Есть такіе, о которыхъ сразу сказать можно — самоубійца. Это, конечно, не умаляетъ косвенной вины, непосредственной причины, Людмила можетъ себя считать ею... вотъ единственный отвѣтъ...

Марья Васильевна, чуть прищурясь и собирая въ комокъ лицо свое, спросила:

— Доискался значитъ? ну и слава Богу, чего же тебѣ еще?..

Крутовской смущенно потеръ бороду и отвѣтилъ растерянно:

— Вы такимъ тономъ говорите, тетя, что я, положительно, теряюсь. Если мои догадки не вѣрны, а вы знаете настоящую причину, то почему же не сказать?..

Онъ всталъ изъ-за стола и прошелся по комнатѣ.

Марья Васильевна возразила спокойно:

— А потому не скажу, что напрасно любопытствуешь. Не терплю любопытныхъ. Все равно тебѣ отъ того, что знать будешь, ни жарко, ни холодно...

Леонтій Алексѣевичъ остановился, посмотрѣлъ странными, посвѣтлѣвшими глазами на тетку и, не произнеся ни слова, вышелъ изъ комнаты. И сейчасъ же у противоположной двери столовой раздался дробный топотъ чьихъ-то ногъ и громкое восклицаніе:

— Марья Васильевна, вы здѣсь?

Притаясь у двери, Крутовской постоялъ минуту и потомъ на носкахъ, стараясь не шумѣть, пошелъ прочь, сердце его взволнованно билось: онъ узналъ голосъ Натальи Никаноровны.

„Все равно не выйду, — подумалъ онъ, стискивая зубы: — я не хочу и не могу ее видѣть и объясняться намъ не о чемъ". Онъ вышелъ въ садъ и, такъ какъ время было обѣденное и рабочіе всѣ спали, то сталъ ходить по самымъ отдаленнымъ, запущеннымъ дорожкамъ. Ему не было стыдно своего бѣгства, своей радости — совсѣмъ другія мысли занимали его въ эти минуты.

LXIII.

Наступилъ августъ — полевыя работы были въ полномъ разгарѣ, и Крутовской съ утра до вечера проводилъ въ полѣ и на току. Домой возвращался усталый и, ложась спать, не успѣвалъ ни о чемъ подумать, какъ сейчасъ же засыпалъ. Правда, иногда его начинало тревожить сознаніе, что онъ не до конца выказалъ себя мужчиной, что ему слѣдовало бы пойти къ Натальѣ Никаноровнѣ и признаться ей чистосердечно въ своемъ отрезвленіи. Но что-то останавливало его въ этомъ, онъ точно не надѣялся на себя и все сваливалъ на недосугъ и безполезность какихъ-нибудь объясненій. Когда случайно мысли эти приходили къ нему, онъ старался поскорѣе отогнать ихъ отъ себя, онъ ихъ какъ будто боялся. Смоличъ не приходила больше. Марья Васильевна передала ему, что она была очень огорчена, не заставъ его и долго говорила о своей загубленной жизни, о желаніи найти, наконецъ, тихую пристань и тихое счастье... Старушка всего какъ будто не договаривала, Крутовской это чувствовалъ, но не пытался разспрашивать. Не говорилъ онъ съ нею и о Людмилѣ, точно забылъ думать о дѣвушкѣ и разъ даже, увидавъ ее издали, поспѣшилъ скрыться. Но все-таки ему пришлось еще съ ней встрѣтиться.

Онъ пришелъ какъ-то домой ранѣе обыкновеннаго — было это подъ первое Спаса — и, увидавъ огонь въ окнѣ Марьи Васильевны, рѣшилъ зайти къ ней. Взойдя на порогъ ея комнатки, онъ сильно смутился и покраснѣлъ. Рядомъ съ теткой его сидѣли Людмила и Витя. При его появленіи всѣ примолкли и точно не знали, о чемъ говорить. Людмила поздоровалась съ Леонтіемъ Алексѣевичемъ, не подымая глазъ, Витя тоже, видимо, не очень обрадовался его приходу.

Крутовской сѣлъ на краешекъ стула и неловко теребиралъ въ рукахъ кэпку, мучительно ища повода для разговора.

Спокойнѣе всѣхъ казалась Марья Васильевна. Она только на минуту подняла голову и снова опустила ее надъ вязаньемъ, глядя сосредоточенно изъ-подъ очковъ.

— Мы скоро ѣдемъ, — прервалъ наконецъ молчаніе Витя: — самое позднее черезъ недѣлю. Вотъ пришли проститься, потомъ некогда будетъ...

— Такъ скоро? — спросилъ Крутовской и посмотрѣлъ на Людмилу.

Она молчала и не обернулась, лицо ея было тихо, задумчиво и серьезно, но недавней затаенной, глухой боли Леонтій Алексѣевичъ въ ней не замѣчалъ. „Какъ она выросла, какъ она перемѣнилась, — подумалъ Крутовской съ удивленіемъ, — ее совсѣмъ нельзя узнать — это уже не дѣвочка Какое страданье, какой опытъ переродили ее? Вотъ когда бы она могла и ободрить и научить... милое, хорошее, умное лицо...“ Онъ покраснѣлъ еще сильнѣе и, чтобы не выдать своего смущенія, сказалъ:

— Какъ грустно должно быть будетъ Вѣрѣ Владиміровнѣ разстаться съ вами, Людмила Александровна, — она такъ привыкла къ вамъ.

Дѣвушка взглянула на него и отвѣтила искренно и печально, но безъ тѣни волненія:

— Да... конечно... мнѣ тоже тяжело это... но что дѣлать.

Витя перебилъ ее поспѣшно:

— Людмилѣ нужно поѣхать въ городъ, нельзя же сидѣть все время въ деревнѣ! Ей нужно учиться, повидать людей, оглянуться вокругъ себя.

И добавилъ почти рѣзко:

— Только тѣ, у кого все это было въ прошломъ, могутъ сидѣть въ деревнѣ и довольствоваться этимъ!

„За что онъ на меня сердится? — спросилъ себя Крутовской, глядя на студента; — что я ему сдѣлалъ?“ И сказалъ учтиво:

— Конечно, съ этимъ нельзя спорить...

Они просидѣли еще минутъ десять, перекидываясь незначительными словами. Наконецъ, Бунаковъ первый поднялся и сталъ прощаться. Марья Васильевна обняла его и поцѣловала въ лобъ.

— А съ тобой не прощаюсь, — оборотясь къ Людмилѣ, сказала она: — неужели еще не забѣжишь? Грѣхъ будетъ...

Крутовской пожалъ руку дѣвушки и чуть задержалъ ее въ своей, но ничего не сказалъ, даже не пожелалъ ей добраго пути, что-то помѣшало ему сдѣлать это; онъ только смотрѣлъ на нее.

— Послѣзавтра благотворительный спектакль, — говорилъ ему Витя: — собираетесь полюбопытствовать?

Леонтій Алексѣевичъ отвѣтилъ разсѣянно:

— Спектакль? Ахъ, да... можетъ быть, можетъ быть...

Онъ провелъ рукою по лбу и совсѣмъ некстати улыбнулся. Потомъ, когда Людмила и Витя вышли изъ комнаты, сорвался внезапно съ мѣста и, догнавъ Бунакова въ передней, поймалъ его за рукавъ.

— Витя, голубчикъ, я очень прошу васъ... если можете, загляните еще ко мнѣ завтра... мнѣ очень нужно...

Бунаковъ удивленно отвѣтилъ:

— Хорошо, но завтра не могу... я приду лучше передъ спектаклемъ и вмѣстѣ поѣдемъ... Людмила останется дома.

Оставшись одинъ, Крутовской еще долго теръ себѣ лобъ и пожималъ плечами, удивляясь, зачѣмъ ему понадобился Витя и недоумѣвая, о чемъ онъ можетъ съ нимъ говорить.

„Я что-то совсѣмъ обалдѣлъ“, — рѣшилъ онъ и пошелъ спать, а на утро, едва продравъ глаза, получилъ письмо отъ Натальи Никаноровны.

„Дорогой Леня, — писала она: — ради Бога разсѣй этотъ кошмаръ. Я извелась, я ничего не понимаю. Неужели моя выходка въ бесѣдкѣ такъ на тебя подѣйствовала. Два раза я была у тебя, хотѣла видѣть, объясниться и не заставала ни въ полѣ, ни дома. Ты избѣгаешь меня, но это жестоко. Все во мнѣ наболѣло, — что же удивительнаго, что я нервничала, ревновала и говорила вздоръ. Будь снисходительнѣе. Раньше я не смѣла бы тебя просить объ этомъ, но теперь ты не можешь отказать мнѣ, ты долженъ меня вы-

слушать. Завтра спектакль, въ которомъ я участвую. Умоляю, приходи въ скверъ и жди меня на крайней скамейкѣ въ боковой аллеѣ. Я выйду къ тебѣ послѣ своего номера, никто не помѣшаетъ намъ, и мы помиримся, и даю тебѣ слово — навсегда. Приходи. Любящая тебя Наташа. P. S. Отвѣть мнѣ".

Отъ письма пахло сладкими, навязчивыми духами. Крутовской давно бросилъ листокъ на одѣяло, а рука его, которой онъ держалъ бороду, все еще пахла этими духами, — точь-въ-точь тѣми же, что ударили ему въ голову, когда онъ цѣловалъ Смоличъ въ селѣ Днѣпровкѣ.

Коротко застонавъ, Леонтій Алексѣевичъ упалъ лицомъ въ подушку и сталъ рвать ее зубами.

LXIV.

Послѣ перваго дѣйствія, когда опустили занавѣсъ, и весь маленькій, душный клубный залъ сотрясался отъ криковъ и рукоплесканій, а Брындинъ, игравшій въ „Роковой скамейкѣ" неудачливаго жениха, нагримированный и потный, метался за кулисами и оралъ на рабочихъ, — Наталья Никаноровна пробѣжала на сцену и, прильнувъ глазомъ къ отверстію занавѣса, стала смотрѣть въ зрительный залъ. Отъ волненія и отъ пара, висѣвшаго надъ публикой, она долго ничего не могла разобрать. Но потомъ, пройдя взоромъ по головамъ сидящихъ, она тотчасъ же увидѣла того, кого хотѣла видѣть. Въ трехъ шагахъ отъ нея, сомкнувъ колѣни и положивъ на нихъ большія руки, сидѣлъ Крутовской. Нѣсколько странно выглядѣло его загорѣлое, огрубѣвшее лицо, съ короткой, но плохо расчесанной и густой бородой, лицо средней руки помѣщика, подпертое бѣлымъ крахмальнымъ воротничкомъ, жакетъ тоже казался немного узкимъ на его широкихъ плечахъ. Леонтій Алексѣевичъ безучастно озирался по сторонамъ, видимо, скучая и чувствуя себя не по себѣ.

Сдержанная улыбка появилась на губахъ Смоличъ, послѣ этого бѣглаго осмотра; она едва кивнула головой, точно отвѣчая на свои мысли и уже значительно спокойнѣе вернулась къ себѣ въ уборную, гдѣ сидѣли и переодѣвались любительницы, выступающія въ слѣдующей пьесѣ. Въ маленькой комнаткѣ было нестерпимо душно и тѣсно отъ брошенныхъ по всѣмъ угламъ и стульямъ платьевъ, ботинокъ и париковъ. Любительницы, и въ числѣ ихъ Тамара Гавриловна,

пудрились, зашнуровывали корсеты, надѣвали чулки и разговаривали всѣ за разъ. Наталья Никаноровна, присѣвъ на табуретку у своего зеркала, внимательно разглядывала себя, стараясь дѣлать видъ, что она чрезвычайно занята, и тѣмъ избавиться отъ надоѣвшихъ ей разговоровъ. Она морщила лобъ, хмурила брови, гримировальный карандашъ дрожалъ въ ея рукѣ. „Значитъ, онъ все-таки пришелъ, — думала она, все болѣе тревожась и не владѣя собою, — онъ сидитъ тутъ, но ничего мнѣ не отвѣтилъ. Теперь все зависитъ отъ меня... конечно, и ждать онъ будетъ на скамейкѣ... онъ все-таки не можетъ со мною бороться — это ясно...“ Она положила карандашъ на столъ и сложила на колѣняхъ руки. Отъ шума она не могла сосредоточиться, волненіе все больше овладѣвало ею.

Наконецъ, одна за другою любительницы вышли изъ уборной.

— Вы не пойдете въ зрительный залъ? — спросила Тамара Гавриловна у Смоличъ, выходя послѣдней.

— Нѣтъ, не пойду, — рѣзко отвѣтила Наталья Никаноровна и, дождавшись, когда дверь захлопнулась за Брындиной, поспѣшно подошла къ окну, отворила его и сѣла на низкій подоконникъ.

Она дохнула въ себя влажный густой воздухъ, перебившій спертый запахъ комнаты, и, облокотившись о косякъ и захвативъ колѣни руками, стала смотрѣть передъ собою. Ночь была очень темна, передъ окномъ росли кусты и крапива, но Смоличъ все же не отрывала глазъ отъ этой черной, неподвижной гущи, точно прислушиваясь къ нестройному настраиванію инструментовъ въ саду и оборваннымъ восклицаніямъ, доносящимся со сцены. Особенно рѣзко и звонко разрывалъ густую тьму фаготъ: онъ то замолкалъ, то неожиданно вскрикивалъ, каждый разъ заставляя Наталью Никаноровну непріятно вздрагивать. Молодая женщина досадливо кусала накрашенныя губы и щурила подведенные глаза.

Она чувствовала себя въ затрудненіи и обвиняла въ этомъ всѣхъ. „Если онъ помирится со мною, я, конечно, не поѣду, — говорила она себѣ: — кто зналъ, что ничего не отвѣтивъ, онъ все же пріѣдетъ сюда... У меня было предчувствіе, но иначе поступить я не могла... этотъ старикъ сильнѣе меня, я боюсь его“...

Вчера старикъ Ерандаковъ, узнавъ, что она у Брындиныхъ репетируетъ съ аккомпаніаторомъ, ученикомъ филармоніи,

пришелъ къ нотаріусу и просидѣлъ все утро. Наталья Никаноровна встрѣчала его и раньше, каждый разъ, проѣзжая по площади. Но онъ только здоровался и провожалъ ее глазами. Обезпокоенная и раздраженная молчаніемъ Крутовскаго, Смоличъ почти не отвѣчала на вопросы Ерандакова, сидѣвшаго у рояля.

— Сидите и молчите, если пришли слушать, вы мнѣ мѣшаете.

Онъ не возразилъ и только усмѣхнулся. Но когда прорепетировавъ и выпивъ у Брындиныхъ чай, Наталья Никаноровна хотѣла ѣхать домой, старикъ, задержавъ ея руку, попросилъ ее пройтись съ нимъ нѣсколько шаговъ. Смоличъ пожала плечами, но все-таки пошла.

Отойдя отъ коляски на значительное разстояніе и не проронивъ ни слова, Ерандаковъ внезапно остановился и, наклоняясь къ лицу Натальи Никаноровны, сказалъ:

— Я жду, королева. Землицу за глаза беру, и задатокъ при мнѣ.

— Не понимаю я васъ, — отвѣтила Смоличъ, краснѣя, но не опуская глазъ, — говорите яснѣе...

— Чего же понимать? Покупаю у васъ землю... на вѣру и за двойную цѣну.

— Откуда щедрость тякая?

— Отъ любви... Ты не смѣйся...

Онъ исподлобья и зло посмотрѣлъ на Смоличъ. Потомъ схватилъ ея руку и сталъ ее мять и тискать въ своихъ жесткихъ ладоняхъ.

— Сегодня же въ Смоленскъ ѣду. Тамъ подожду. Пріѣдешь — купчую совершимъ. Поняла?

Наталья Никаноровна чуствовала только, что ей больно, но руки не отнимала. Ей опять хотѣлось смѣяться, и было страшно и почти весело. Она смотрѣла на старика, щуря глаза, не отдавая себѣ отчета въ своемъ настроеніи, въ груди у нея захватывало, какъ бываетъ передъ прыжкомъ въ воду — и жутко и сладко. „Неужели я соглашусь? — смутно мелькала у нея растерянная мысль, — но вѣдь это оскорбленіе“.

— Ну же, говори, — сказалъ Ерендаковъ.

Наталья Никаноровна стиснула руки на зонтикѣ и подняла голову.

— Поняла, — почти съ вызовомъ отвѣтила она, — только такъ я не согласна. Обманешь. Пріѣду къ тебѣ, а денегъ нѣтъ.

Безстыдство этихъ словъ точно опьянило ее. Она почти издѣвалась надъ собой — сладкій ядъ разливался у нея по тѣлу.

— Я не хочу, — повторила Смоличъ.

Старикъ отвѣтилъ спокойно, — чѣмъ больше она горячилась, тѣмъ онъ казался холоднѣе.

— Такъ!.. а только я тебѣ не вѣрю — впередъ не дамъ, обманешь.

— И не давай, — твердо и откровенно глядя ему въ острые глазки, отвѣтила Наталья Никаноровна: — слушай. Передай расписку и задатокъ сыновьямъ. Скажи, что ждешь меня въ городѣ у старшаго натаріуса и забылъ передать дѣловыя бумаги, такъ чтобы они отдали мнѣ ихъ, только проводивъ на вокзалъ къ поѣзду.

Она поймала подозрительный улыбающійся его взглядъ и добавила почти искренно и покорно:

— Не бойтесь... съ поѣзда не прыгну. Можете встрѣтить на вокзалѣ.

Старикъ перебилъ ее, довольно посмѣиваясь:

— Такъ, будь по-твоему. Исполню, какъ приказываешь, королева. А когда ѣдешь?

— Послѣ спектакля, прямо. Сами понимаете, что изъ дому нельзя будетъ. На вашихъ лошадяхъ и поѣду.

— Чудесно. Ну, теперь съ Богомъ. Увидимся!

Старикъ снялъ картузъ и закивалъ головой. Она долго еще видѣла, обернувшись въ коляскѣ, его коренастую крѣпкую фигуру въ парусиновомъ сюртукѣ и смѣющееся, съ остренькой рыжей бородкой кирпичное лицо.

Наталья Никаноровна и сейчасъ, глядя на черную гущу кустовъ передъ окномъ, видѣла это лицо и острые, внимательные, смѣющіеся глаза. „Онъ положительно притягиваетъ меня, — думала она, сидя все такъ же неподвижно на подоконникѣ: — никогда раньше я не испытывала что-либо подобное... грязный, похотливый козелъ, но я чувствую, что не однѣ деньги заставили меня согласиться“...

Кто-то топоча тяжелыми ногами, пробѣжалъ по дорожкѣ совсѣмъ близко отъ окна.

— Лаврентій, — крикнулъ визгливый женскій голосъ: — самоваръ въ буфетъ неси скорѣе — антрактъ сейчасъ.

— Иду-у! — отвѣтилъ поблизости хриповатый тенорокъ, и бѣгъ тяжелыхъ сапогъ сталъ чаще и вскорѣ затихъ.

Наталья Никаноровна потянулась, нервно зѣвнула и стала

поправлять прическу, потомъ, услыхавъ осторожный стукъ въ дверь, крикнула:

— Войдите.

Фепта и Фроша, оба во фракахъ, потряхивая на жирномъ заду фалдочками, на носкахъ вошли въ комнату.

— Обожаемая, — сказала Фепта: — мы поднесемъ вамъ два букета красныхъ розъ.

— Кромѣ того, вы получите цвѣты и подарки отъ исправника, вольно-пожарнаго общества и другихъ лицъ города, въ благодарность за концертъ, — подхватилъ Фроша: — сборъ полный и по двойнымъ цѣнамъ. Мы, представители пожарной дружины, должны благодарить васъ.

— Хорошо, — возразила Наталья Никаноровна, морщась и опять начиная волноваться: — вы мнѣ это скажете послѣ... Вы ничего не забыли?

Прижимая руку къ накрахмаленной сорочкѣ, Фепта отвѣтилъ шопотомъ:

— Развѣ можно?... Все готово... но ради Бога говорите тише... насъ могутъ услышать...

Фроша добавилъ печально:

— У васъ такое лицо, такое каменное лицо, что мнѣ страшно... нѣтъ, я не вѣрю, что любите... вы еще до сихъ поръ не сказали намъ, кого изъ насъ вы сдѣлаете счастливымъ... развѣ такъ похищаютъ?

Улыбаясь, Наталья Никаноровна протянула братьямъ Ерандаковымъ руки.

— Тише, — сказала она: — вы сами сказали, что насъ могутъ услышать. Я просто волнуюсь, у меня болитъ голова... цѣлуйте руки и идите отсюда... когда все удастся, я открою вамъ свой выборъ... развѣ можно теперь говорить объ этомъ...

Она легонько отводила ихъ къ двери.

— Такъ значитъ — помните, не дожидаясь моего номера, бѣгите къ лошадямъ... и когда раздастся выстрѣлъ — мчитесь къ скверу, я буду ждать васъ у задней калитки...

— Да, да, мы помнимъ, — отвѣчали Ерандаковы.

Смоличъ отворила дверь,

— Уходите, уходите скорѣе: никто не долженъ видѣть насъ вмѣстѣ, — проговорила она и потомъ добавила поспѣшно, — ахъ, да! а гдѣ же револьверъ?

— Вотъ онъ, — также поспѣшно и озираясь по сторонамъ, отвѣтилъ Фепта.

— Ну, до свиданія!

LXV.

Стоя на сценѣ у рояля, Наталья Никаноровна все время чувствовала на себѣ упорный взглядъ Крутовскаго. Она смутно его видѣла — мѣшалъ свѣтъ рампы, но знала, что онъ сидитъ тутъ въ первомъ ряду, большой, крѣпкій, съ сильными руками, лежащими на колѣняхъ, и смотритъ не мигая, неотвратимо смотритъ на нее. „Я осрамлюсь, — думала она, кокетливо улыбаясь и разминая складки платья, — я трушу, этого еще никогда со мной не было“. Но пѣла она по обыкновенію хорошо и свободно, и крики „бисъ“, „браво“, и хлопанье сотенъ рукъ не были только проявленіемъ уваженія къ извѣстной пѣвицѣ. „Онъ мнѣ не апплодируетъ, — думала она, снова собираясь пѣть и показывая поспѣшно что-то въ нотахъ своему аккомпаніатору, курносому фисгармонисту, непрестанно ей улыбающемуся: — но онъ меня слушаетъ и, я не могу ему не нравиться“.

На бисъ она спѣла еще два романса Бородина и тотчасъ же, не глядя на топочащую и орущую публику и кутаясь въ голубую шелковую шаль, поспѣшно пробѣжала въ уборную, на минуту задержалась у зеркала, по привычкѣ оправляя прическу и схвативъ со стола ридикюль, выбѣжала боковыми дверями въ садъ.

Свѣжесть ночи не охладила ея горящихъ щекъ, она поспѣшно бѣжала, ежась и оглядываясь по сторонамъ, ощупью находя дорогу, потому что, перейдя отъ яркаго свѣта залы къ темени сада, она почти ослѣпла. Та скамейка, гдѣ должна была она встрѣтиться съ Крутовскимъ, стояла въ самомъ далекомъ углу сквера, вблизи отъ калитки, выходящей на выгонъ. Вдавливая каблучки въ мягкій, сырой песокъ дорожки, Наталья Никаноровна быстро сѣменила ногами и придерживала обѣими руками на высокой груди шарфъ и сумочку, которая отъ лежащаго въ ней револьвера была тяжела и шнурками рѣзала ей пальцы. Наконецъ Смоличъ остановилась. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея сѣрѣла знакомая скамейка. Переводя дыханіе, съ громко бьющимся сердцемъ Наталья Никаноровна смотрѣла передъ собой, стараясь разглядѣть, тутъ-ли Крутовской, и ничего не видѣла.

Внезапно она слабо и испуганно вскрикнула, услышавъ рядомъ съ собой скрипъ шаговъ. Она протянула впередъ одну руку.

— Леня, это ты? — пробормотала она. — Боже мой, какъ я намучилась...

И, нащупавъ рукой знакомыя плечи, она прижалась къ нимъ, чуть слышно всхлипывая.

— Ты пришелъ, ты пришелъ, — бормотала она, не отпуская отъ себя Крутовскаго: — мнѣ казалось, что мы больше никогда не увидимся.

Отводя ея руку, Леонтій Алексѣевичъ отвѣчалъ холодно:

— Да, я пришелъ, хотя и не хотѣлъ этого... намъ нужно объясниться...

Она отошла отъ него и сѣла безпомощно на скамью — ей трудно было стоять и держать на вѣсу ридикюль.

— Я слушаю тебя, — сказала она покорно, кутаясь въ шарфъ и прислушиваясь къ раздавшейся музыкѣ.

„Пожалуй, этотъ трескъ заглушитъ мой выстрѣлъ, — подумала она: — и мои дураки ничего не услышатъ, но нѣтъ, я никуда не поѣду, это пройдетъ, онъ долженъ любить меня“, — и она повторила еще тише: — Говори, Леня, я слушаю...

Крутовской прошелся около скамьи и, остановясь передъ Натальей Никаноровной, проговорилъ сухо:

— Пойми, Наташа, что нужно съ этимъ кончить... я ничуть не сержусь на тебя, мнѣ не за что сердиться, но и любить тебя тоже не могу. Этого не воротишь — тутъ ужъ ничего не подѣлаешь. Я поддался минутной страсти, воспоминанія ослѣпили меня, мнѣ казалось, что во мнѣ еще что-то осталось къ тебѣ, какъ къ человѣку, но я ошибся... Теперь я твердо это знаю и прошу тебя меня простить.

Наталья Никаноровна дотронулась до его колѣнъ, — онъ невольно испуганно отодвинулся.

— Леня, — едва слышно позвала она.

— Да, это рѣшено, — повторилъ Крутовской снова приближаясь къ ней: — или ты или я, но кто-нибудь изъ насъ долженъ на время уѣхать отсюда. До этого я еще могъ встрѣчаться съ тобою, но теперь это слишкомъ тяжело... и непріятно, — добавилъ онъ съ усиліемъ.

Смоличъ подняла лицо, напрягла зрѣніе, стараясь увидѣть выраженіе его лица, но ничего не видѣла.

— Господи, да что же это? — ломая руки, вскрикнула она, — я ничего, ничего не понимаю, какой ужасъ.

— Ты сейчасъ поймешь это, — говорилъ Леонтій Алексѣевичъ, — ты должна понять.

Видимо, онъ старался говорить спокойно, но это плохо

ему давалось. Онъ сѣлъ на скамью. Смоличъ начала потихоньку всхлипывать.

— Какъ не поймешь ты, что мы разные люди, — продолжалъ Крутовской: — совсѣмъ чужіе другъ другу. Мы никогда не были были близки по-настоящему, а теперь и подавно... Я сталъ другимъ, я сознательно ушелъ изъ своего прошлаго. Я узналъ простую, трудовую жизнь и полюбилъ свое маленькое дѣло и боюсь громкихъ словъ, фальшивой восторженности. Я полюбилъ эту землю... Ты никогда не поймешь этого. Я самъ не думалъ, что можно такъ полюбить землю, деревенскій трудъ, сѣрый людъ, который живетъ здѣсь. Пусть надо мной смѣются тѣ, кто видѣлъ меня въ другомъ мѣстѣ и за другимъ дѣломъ. Мнѣ все равно, я ничему не измѣнилъ, мои убѣжденія остались тѣ же, но я учелъ свои силы и избралъ себѣ другую дорогу. Трудъ, трудъ и трудъ — вотъ моя жизнь и моя цѣль — другіе пусть воспользуются имъ, какъ должно...

Онъ замолкъ, видимо собирая мысли. Наталья Никаноровна продолжала плакать, но онъ не замѣчалъ ея слезъ, онъ точно говорилъ для самого себя, себя старался убѣдить въ чемъ-то:

— Я останусь тутъ, — продолжалъ онъ значительно спокойнѣе и тверже: — и ничто меня не заставитъ бросить мой уголъ. Ты должна понять это. У тебя есть пѣнье, тысяча интересовъ внѣ этого маленькаго клочка земли, а у меня только мой домъ, да еще двѣ мои руки. Уѣзжай отсюда, Наташа, и не сердись на меня, я вѣдь тоже давно все забылъ и готовъ протянуть тебѣ руку. Развѣ мы можемъ жить вмѣстѣ и любить другъ друга?..

— Ахъ, — проговорила Смоличъ, — я люблю тебя... Леня, Леня!

Она неожиданно сползла со скамейки и какъ тогда, въ шарабанѣ, стоя на колѣняхъ, припала къ его ногамъ. Ей казалось это очень трогательнымъ...

— Леня, пожалѣй меня, умоляю тебя, я тоже другая, я перемѣнилась, я ничего не хочу, кромѣ твоей любви... Леня, Леня!

Она хватала и цѣловала его руки. Въ эту минуту она и точно чувствовала себя несчастной. Обида душила ее.

— Наташа, оставь это, — сдержанно, но съ видимой брезгливостью перебилъ ее Крутовской: — я прошу тебя — встань. Мнѣ непріятна эта комедія...

— Что? Что ты сказалъ?

Наталья Никаноровна поднялась съ колѣнъ. Вся кровь прилила ей къ лицу.

„Онъ издѣвается надо мной, — подумала она со злобой. — Все равно, все кончено... его не вернешь, а онъ меня оскорбляетъ. Дѣйствительно, довольно этой комедіи".

— Такъ ты не любишь меня? — спросила она, наклоняясь къ его лицу.

Онъ отвѣтилъ безучастно, продолжая сидѣть, не шевелясь, на своемъ мѣстѣ.

— Нѣтъ, не люблю.

Она сжала зубы, теребя въ волненіи свой ридикюль. Внезапно ей пришла мстительная мысль: „Я испугаю его, я посмотрю, какъ онъ струситъ".

И поспѣшно открывая сумочку, она вынула револьверъ.

— Я убью тебя, — проговорила она, торжествуя и радуясь впередъ тому впечатлѣнію, какое произведутъ на Крутовскаго ея слова. „Жаль что темно, и я не вижу его лица", — подумала она. — Я убью тебя, — повторила она, — чтобы ты никому не достался.

Въ его отвѣтѣ она почувствовала насмѣшку, онъ сказалъ:

— Что же, убей меня... когда-то я не сумѣлъ этого сдѣлать... попытайся ты теперь... Но, Боже, какая ты актриса...

Наталья Никаноровна неловко протянула руку, съ трудомъ нажимая курокъ. „Тамъ холостой зарядъ, — подумала она: — я просила Ерандаковыхъ не давать мнѣ пулю, воображаю, какъ онъ струситъ".

Она еще разъ нажала курокъ. И тотчасъ же ее точно кто-то съ силой ударилъ подъ локоть, воздухъ разорвался у ея лица, освѣтивъ на мгновенье желтымъ блескомъ кусокъ скамьи и песокъ дорожки. Она вскрикнула, кинувъ револьверъ и, прижавъ къ груди руки, опрометью бросилась въ сторону. Слыша только біеніе своего сердца, она добѣжала до калитки и рванула ее къ себѣ. Четыре сильныхъ руки подхватили ее и опустили на что-то мягкое. Замотанные бубенчики глухо звякнули, копыта ударили по рыхлой землѣ, и тройка, расшвыривая во всѣ стороны комья сырого дерна, понесла коляску по скату выгона на дорогу.

LXVI.

„Почему мнѣ такъ хорошо? — думалъ Крутовской, лежа у себя на кровати, обложенный подушками и неподвижный, и покойно, несмотря на боль. — Сколько дней я лежу такъ

и когда ко мнѣ вернулось сознаніе?.. Я не помню, но это не важно, а важно то, что сейчасъ я чувствую... И конечно, я буду жить и скоро встану и опять примусь за работу, а теперь такъ сладко отдыхать и думать"...

Онъ слабо застоналъ, стонъ вырвался у него противъ воли, ему совсѣмъ уже не такъ было больно.

— Хотите пить?

— Пить? Нѣтъ, мнѣ ничего не нужно...

Но чей это голосъ? Въ этой полумглѣ отъ опущенныхъ шторъ хорошо думать, но трудно видѣть. Боже мой, да вѣдь это Бунаковъ.

— Витя, это вы?

— Да, это я. Только лежите и не шевелитесь. У васъ скоро все заживетъ, но теперь надо лежать смирно. Я сижу тутъ и стерегу васъ. Марья Васильевна пошла спать: она очень устала.

„Странно, онъ, кажется, сердился на меня, а теперь дежуритъ у моей кровати, — подумалъ Леонтій Алексѣевичъ и улыбнулся: — онъ славный малый и такой здоровый, непосредственный, я, кажется, немного ошибался въ немъ раньше. Да, онъ гораздо лучше, чѣмъ я думалъ. Но здѣсь былъ еще кто-то, я хорошо это помню... Не Витя и не тетка... Ну, конечно же, въ первый же день моей болѣзни".

Крутовской закрылъ глаза и стиснулъ зубы. Но не отъ боли, а отъ воспоминанія. Вспомнилъ все, впервые за эти дни вспомнилъ, и какъ получилъ письмо отъ Натальи Никаноровны, и какъ рѣшилъ не ѣхать на свиданіе, а потомъ все-таки поѣхалъ, и свое волненіе, и неувѣренность за себя, и весь свой разговоръ съ нею. Потомъ эта гадкая, непріятная комедія, съ заламываніямъ рукъ и ползаньемъ на колѣняхъ. Угрозы и неожиданный выстрѣлъ... Ему не могло придти въ голову, что она осмѣлится стрѣлять въ него. Нѣтъ, тутъ какое нибудь-недоразумѣніе, ошибка — сознательно она не могла этого сдѣлать. И гдѣ она сейчасъ?..

— Витя! — позвалъ Леонтій Алексѣевичъ.

— Да! въ чемъ дѣло?

— Скажите мнѣ, тутъ въ этой комнатѣ бывали только вы и тетка?

Бунаковъ нѣкоторое время не отвѣчалъ.

— Нѣтъ, — наконецъ, произнесъ онъ: — къ вамъ приходила мама, бываетъ докторъ...

— Ну, а еще?

Крутовской теребилъ конецъ одѣяла, сердце его сильно билось. Наталья не должна была приходить сюда.

— Да чего вы такъ волнуетесь? — спросилъ Бунаковъ, подходя къ Леонтію Алексѣевичу и садясь на край кровати: — Людмила еще приходитъ: она дежурила съ нами.

— Людмила Александровна?

Крутовской поймалъ Витину руку и слабо пожалъ ее.

— Спасибо, спасибо... вы такіе милые.

— Ну, ну ладно. Поправляйтесь скорѣе, мы и такъ изъ-за васъ поѣздку отложили.

Помолчалъ и, прислушиваясь къ хриплому, но ровному дыханію больного, добавилъ:

— Только вотъ ужъ никогда не ожидалъ этого. Я думалъ, вы крѣпче...

— Чего не ожидали?

— Да вотъ, что вы чикните себя...

Крутовской широко открылъ глаза. Нѣсколько минутъ всматривался передъ собою въ желтоватую мглу комнаты. Впервые вглядѣлся, какъ слѣдуетъ, въ окружающее: на окнахъ спущены тростниковыя шторы, на столикѣ у изголовья груда стакановъ и скляночекъ, на полу желтые узоры свѣта; мухи гудятъ подъ потолкомъ. Который часъ? Но это не важно. Такъ вотъ что они думаютъ!.. Усмѣшка тронула поблѣднѣвшія губы. Онъ пробормоталъ:

— Ахъ, вотъ что... да, да... конечно...

Закрылъ глаза. Значитъ и тетушка, и Людмила... Но гдѣ же Наталья Никаноровна?

Опять почувствовалъ слабость.

— Это? — переспросилъ Крутовской чуть слышно и прикрывая глаза, теплыя волны подхватывали его: — этого я не хотѣлъ сдѣлать... это вышло нечаянно...

Онъ заснулъ. Витя нагнулся надъ нимъ, поправилъ одѣяло и на цыпочкахъ вышелъ изъ комнаты.

LXVII.

Крутовской спалъ, просыпался, думалъ и опять засыпалъ. Послѣ долгихъ дней болѣзни, когда рана у правой лопатки никакъ не заживала, и докторъ, видимо, волновался за исходъ, и больного не оставлялъ жаръ — эти дни возвращенія къ жизни, просвѣтлѣнія и слабости физической, были особенно сладки. Сонъ незамѣтно смѣнялъ тихія, медлитель-

ныя мысли, чтобы вновь вернуть къ жизни. Крутовской лежалъ неподвижно, какъ предписалъ докторъ, и потому еще, что боялся вспугнуть свои мысли. Оглядывалъ комнату, столы, стулья, всю знакомую обстановку по-новому милую. За многіе часы своей болѣзни онъ успѣлъ разсмотрѣть каждый завитокъ на обояхъ, каждый мушиный слѣдъ на потолкѣ. Въ этихъ рисункахъ, въ черныхъ точкахъ, въ колебаніи паутины по запыленнымъ угламъ комнаты, онъ нашелъ цѣлый невѣдомый дотолѣ міръ, полный таинственной приманчивой жизни, гдѣ царили пауки, мухи и его мысли, принимавшія нежданныя любопытныя формы. Особенную радость доставляло ему, проснувшись, увидѣть, что никого нѣтъ подлѣ него, что онъ одинъ, и прислушиваться къ каждому шороху, каждому скрипу. Никогда раньше не умѣлъ онъ такъ ясно слышать. Жужжаніе мухи, бьющейся о стекло, скрипъ ссохшагося пола, стукъ дверей гдѣ-нибудь въ дальнихъ комнатахъ, чей-то шопотъ или чириканье воробьевъ за окномъ и гулъ — ровный, масляный, усыпляющій гулъ молотилки — все достигало его изощреннаго слуха, наполняя необычайной трепетной радостью. Ему казалось, что онъ теряетъ свое тѣло, растворяется въ этихъ шумахъ. И, укачиваемый, убаюканный своими мыслями, съ удивленіемъ и улыбкой смотрѣлъ на свои руки, лежавшія на одѣялѣ и случайно привлекавшія его вниманіе. Онъ подымалъ ихъ осторожно, словно чужія, въ уровень съ лицомъ и подолгу разглядывалъ, топыря пальцы и сгибая кисти.

Съ каждымъ днемъ, приближавшимъ Крутовскаго къ выздоровленію, это удивленіе передъ своимъ тѣломъ и любовь къ нему все больше охватывали Леонтія Алексѣевича. Онъ ощупывалъ свои мускулы, приподымалъ то одну, то другую ногу. Прежнее желаніе покоя и молчанія смѣнилось непреоборимой потребностью говорить, смѣяться, двигаться. Иногда отъ рѣзкихъ движеній въ кровати у него начинало болѣть раненое мѣсто, и тогда онъ сердился отъ нетерпѣнія поскорѣе выздоровѣть, поскорѣе встать.

Ему не позволяли много говорить, не отвѣчали на его вопросы. Онъ говорилъ самъ съ собою, когда никого не было въ комнатѣ. Думалъ вслухъ, размахивая руками и смѣясь.

— Чортъ возьми, я совсѣмъ здоровъ, — говорилъ онъ, — если бы не моя слабость, я могъ бы приняться за работу. Воображаю, что дѣлается тамъ безъ меня. Да, да, нужно, какъ можно скорѣе встать.

Его тянуло къ работѣ, къ привычному дѣлу, — его тянуло на воздухъ, въ лѣсъ, въ поле, къ его коровамъ и овцамъ. Засыпая, онъ видѣлъ закрома, полные хлѣба, огромныя лайбы съ мукой, медленно плывущія по рѣкѣ, и солнце, солнце, безконечное солнце. Онъ бредилъ солнцемъ, котораго наяву давно уже не видѣлъ. Въ эти дни онъ со всѣми подробностями намѣтилъ планъ новой мельницы со шлюзами на Ящурѣ. Странно, ничто другое его не волновало; онъ точно забылъ обо всемъ, что пережилъ до болѣзни. Только глядя на Витю, который время отъ времени заходилъ къ нему, Крутовской смущался и краснѣлъ при воспоминаніи о подозрѣніи, высказанномъ Бунаковымъ. „Онъ думаетъ, что я стрѣлялся, — говорилъ себѣ Леонтій Алексѣевичъ, — какъ разувѣрить его въ этомъ...“

Но мысли эти очень быстро оставляли Крутовскаго — онъ еще не вернулся къ дѣйствительности, только начиналъ жить.

Однажды, лежа одинъ у себя въ комнатѣ и разговаривая вполголоса, Леонтій Алексѣевичъ услышалъ внезапно шорохъ у своихъ дверей и замолкъ, затаивъ дыханіе. Стало совѣстно отъ мысли, что кто-нибудь могъ его услышать...

Дверь осторожно скрипнула и пріотворилась. Крутовской зажмурилъ глаза, притворясь спящимъ, и черезъ рѣсницы увидѣлъ входящую Людмилу. Кровь ударила ему въ голову и застучала въ вискахъ. Въ эти дни выздоровленія онъ видѣлъ ее въ впервые. Онъ напрягся весь, чтобы не выдать себя и не пошевелиться. Съ тѣмъ особеннымъ вниманіемъ и зоркостью, какія развились въ немъ за болѣзнь, Леонтій Алексѣевичъ почти не дыша слѣдилъ за каждымъ движеніемъ дѣвушки.

Людмила пріостановилась на порогѣ, оглядываясь и чуть склонивъ голову; коса свѣсилась ей на грудь; дѣвушка едва замѣтно перебирала конецъ ее пальцами обѣихъ рукъ. Потомъ, осторожно ступая, хмуря брови и не сводя глазъ съ больного, подошла къ его кровати и остановилась у коврика. Не привыкнувъ еще къ желтому полусвѣту комнаты, она внимательно всматривалась въ лежащаго передъ нею, вытянувъ впередъ голову и все не отнимая рукъ отъ косы.

Мучительно сдерживая начинавшія дрожать вѣки, Крутовской въ свой чередъ, не отрываясь, смотрѣлъ на Людмилу. Въ короткія эти секунды онъ успѣлъ разглядѣть каждую черточку въ ея лицѣ — черную родинку подъ лѣвымъ гла-

зомъ, узкую складку между бровей и едва примѣтное движеніе полныхъ губъ — все ея милое знакомое лицо было ему открыто въ томъ выраженіи полной откровенности и сосредоточенности, когда человѣкъ знаетъ, что его не видятъ. Крутовской ясно, до жуткаго наблюдалъ эту игру мысли и чувствъ въ чертахъ Людмилинаго лица, боясь понять ее, осмыслить и повѣрить.

„Я подглядываю, такъ нельзя, — мучительно думалъ онъ, стискивая зубы и сжимая на груди подъ одѣяломъ пальцы рукъ, — нужно открыть глаза, сказать ей, пошевельнуться...“

Но онъ не шевелился, не говорилъ, не дышалъ, смотрѣлъ на дѣвушку, замирая, слабѣя, чувствуя, что вотъ-вотъ расплачется отъ слабости и недовѣрія къ себѣ. Глаза ея все темнѣли, все становились больше, пальцы все быстрѣе перебирали косу то расплетали, то вновь заплетали ее; губы шевелились все явственнѣе, скрытая, глубокая боль судорожной тѣнью прошла по щекамъ и подбородку. Она коротко вздохнула, еще наклонилась ближе — онъ почувствовалъ ея дыханіе и услышалъ шелестъ темнаго платья у самаго уха. Людмила протянула руку, пальцы ея едва коснулись его волосъ и сейчасъ же опять ухватились за косу. Крутовскій не вытерпѣлъ и открылъ глаза, но дѣвушка уже отходила отъ него. Все такъ же стараясь не шумѣть, она дошла до двери, пріоткрыла ее и, не оглядываясь, снова заперла за собою.

Леонтій Алексѣевичъ приподнялся, хотѣлъ позвать, но, ослабѣвъ, опустилъ голову на подушку. „Что это со мной, — спрашивалъ онъ себя, проводя рукою по вспотѣвшему лбу и влажнымъ глазамъ: — я никакъ плачу... Боже, какъ я еще слабъ...“

Онъ лежалъ такъ около часу, поминутно вздыхая и ощупывая свое большое тѣло. Только теперь началъ сознавать себя во времени — вспомнилъ и вновь пережилъ недавніе дни и съ безпокойствомъ думалъ о будущемъ. Людмила все еще стояла передъ нимъ. Наконецъ, утомленный, онъ заснулъ тревожнымъ сномъ, и во снѣ продолжая ворочаться и махать рукою, точно отгоняя мухъ. Проснулся онъ отъ негромкаго говора. Открывъ глаза, увидалъ Марью Васильевну, Вѣру Владиміровну и Витю.

— Вотъ пришелъ Витя съ тобой проститься, — сказала старуха, увидя, что племянникъ смотритъ на нее: — и Вѣра Владиміровна заглянула.

Крутовской приподнялся и постарался улыбнуться. Карышева, присѣвъ на стулъ возлѣ него, смотрѣла на него печально и разспрашивала о здоровьѣ. Славу Богу, что онъ поправляется. Нужно быть молодцомъ, Уже осень... столько работы еще по хозяйству, ему слѣдуетъ встать и снова взять все въ свои руки.

— Да, да, конечно, — отвѣчалъ Крутовской, насильственно улыбаясь и глядя на постарѣвшее, но все еще красивое лицо Вѣры Владиміровны. „Она тоже думаетъ, что я стрѣлялся, — встревоженно соображалъ онъ: — стрѣлялся изъ-за ея дочери... вотъ почему она и пришла ко мнѣ.. что же это такое... такъ нельзя оставить. Я совсѣмъ не хочу, чтобы такъ думали...“

— Мы уѣзжаемъ, — говорилъ Витя, прохаживаясь по комнатѣ, — и я очень радъ, что Людмила ѣдетъ со мною. Мнѣ будетъ веселѣе. Мы великолѣпно съ нею устроимся. Она просила вамъ кланяться... Когда станетъ скучно, — пріѣзжайте къ намъ въ Петербургъ мы развлечемъ васъ.

Онъ все ходилъ туда и обратно и говорилъ спокойнымъ, ровнымъ голосомъ.

„Никто изъ нихъ не говоритъ о Смоличъ, какъ будто ея нѣтъ, — морщась отъ непрестаннаго мельканія темной фигуры Бунакова, думалъ Крутовской: — они рѣшили не вспоминать о ней, чтобы не встревожить меня... Боже мой, неужели они не догадываются, что для меня она больше не существуетъ, что для меня она — пустое мѣсто... Я даже благодаренъ ей — послѣ этого выстрѣла она совсѣмъ измѣнила меня... да, да, только теперь я могу сказать, что я переродился... а они думаютъ, что я такъ же слабъ, какъ бѣдный Ильюша...“

Вѣра Владиміровна поднялась. Нужно дать покой больному.

Леонтій Алексѣевичъ цѣловалъ ей руки, благодарилъ ее.

— До свиданья, Витя, — сказалъ онъ, пожимая руку Бунакова: — дай вамъ Богъ. Передайте Людмилѣ Александровнѣ, впрочемъ, нѣтъ, не стоитъ... я какъ-нибудь самъ соберусь написать ей, если сообщите адресъ... Да, да, всего добраго...

Онъ кивалъ головой и улыбался. Потомъ, когда дверь за ними закрылась, тихо позвалъ:

— Тетя!

Старушка вернулась къ нему и, сгорбившись, становилась около.

— Какая вы блѣдная, тетя, — произнесъ Крутовской, протягивая къ ней руку и подвигаясь на кровати: — сядьте со мной рядомъ, не смотрите на меня такъ зло, это не идетъ вамъ.

— Мнѣ, батюшка, злиться на тебя нечего, — отвѣчала ворчливо Марья Васильевна и присѣла на краешекъ кровати, — поправляйся скорѣй, умаялъ всѣхъ.

— А вы думаете, мнѣ весело?

Старушка посмотрѣла на него бокомъ и отвернулась.

— Нѣтъ, тетя, это совсѣмъ не весело... вотъ и они уѣхали...

— Уѣхали! — вскрикнула Марья Васильевна и вся зашевелилась: — а что же бы ты хотѣлъ, чтобы такъ вотъ, какъ ты...

Не договорила и опять отвела глаза, сурово морща сѣдыя брови.

— Что, какъ я, тетя? — обнимая ее и стараясь привлечь къ себѣ, печально спросилъ Леонтій Алексѣевичъ: — о чемъ вы говорите?

— Самъ знаешь.

— Можетъ быть догадываюсь, а вы все-таки скажите... зачѣмъ таиться... Вы думаете, что я не сумѣю, что я не могу быть сильнымъ?

— Теперь можешь... переболѣло!

— Ахъ, тетя, давно уже переболѣло и выгорѣло, ничего не осталось, какъ въ лѣсу у меня — помните?..

Онъ улыбнулся печально и все, такъ же лежа, придвинулъ свою бородатую голову, какъ ребенокъ, къ старушечьимъ колѣнамъ.

— Пожалѣйте меня лучше...

Марья Васильевна протянула къ нему руку и сейчасъ же опять убрала.

— Не чего тебя жалѣть. Вотъ выздоровѣешь, не такъ выругаю. Ишь, что вздумалъ! Бородатый чортъ, а ума какъ у малаго — стыда нѣтъ...

Тогда, схватывая ее за сухія плечи и со всей силы тряся ихъ, онъ крикнулъ, чувствуя, что вновь къ глазамъ подступаютъ слезы:

— Да поймите вы, наконецъ, что не я это, не я сдѣлалъ, не я...

LVIII.

Червонный и золотой листъ одѣлъ деревья, и бѣлая тонкая паутина бабьяго лѣта заплела дорожки въ саду, лѣсныя лазейки и твердое, побурѣвшее жнивье. Въ прозрачномъ осеннемъ небѣ курлыкали дикіе гуси. Густой гулъ молотилки наполнялъ всѣ дни Крутовского. Онъ полонъ былъ имъ, этими бодрымъ, озабоченнымъ стукомъ стальныхъ колесъ, шипѣнья пара, широкоструйнаго шороха плывущаго наземь ядреннаго жесткаго хлѣба. Взвѣвая розовыя облака пыли, дѣвки взмахивали граблями, и все выше подымалась блестящая скользкая стѣна желтой, какъ янтарь, соломы. Жалобно взвизгивая, выѣзжали на токъ все новыя и новыя телѣги съ рожью; раздувая устало бока, разставляя ноги, тяжело дышали лошади.

Здоровый духъ хлѣба, пота, конскаго помета и яблонь изъ сада забирался въ легкія, щекоталъ носъ, сильнѣе заставлялъ биться сердце. Леонтій Алексѣевичъ пьянъ былъ отъ работы, отъ жизни, которую чувствовалъ въ каждомъ мускулѣ, въ каждомъ своемъ движеніи. Ему бы еще и еще взять на себя трудъ и осилить. Первое время какъ-то даже притупились всѣ другія чувства. Волчій голодъ, крѣпкій сонъ безъ сновидѣній и съ каждымъ днемъ прибывающія силы.

Какъ-то, идя вдоль Ящура и осматривая наиболѣе подходящее мѣсто для плотины, Крутовской зашелъ далеко топкимъ, ржавѣющимъ лугомъ, и чтобы не возвращаться домой, рѣшилъ пройти обратно лѣсомъ. Снявъ кэпку и собирая въ нее случайно подвертывающіеся грибы, онъ шелъ твердымъ шагомъ по знакомой тропинкѣ, мимо выгорѣвшаго участка. Сложенныя саженями обугленныя дрова и торчащія кое-гдѣ погорѣлыя сосенки, снова напомнили ему ту тягостную минуту, когда онъ стоялъ безпомощно передъ яро бущующимъ пламенемъ. Даже гвоздики больше не было на прожженномъ пескѣ обезображеннаго лѣса.

„Налетѣло и сожрало все, — думалъ Крутовской, печально оглядываясь. Онъ поспѣшилъ скорѣе пройти это мѣсто, оно слишкомъ напоминало его собственное прошлое.— Но это вздоръ, — говорилъ онъ себѣ: — нужно все выкорчевать и засѣять ячменемъ, зола удобрила землю, и весною все зазеленѣетъ“.

Широко шагая, онъ пробѣжалъ горѣлый участокъ и

спустился въ низину, гдѣ росла березовая роща. Огонь не добрался до нея, здѣсь было больше влаги. По скользкому, жесткому отъ подсохшей травы скату Леонтій Алексѣевичъ прошелъ до первой березы и присѣлъ отдохнуть. Рудой папоротникъ колыхалъ свое рѣзное опахало. Сизоворонки, перелетая съ дерева на дерево, скрипѣли пронзительно и задорно. Крутовской улыбался грустно. Бѣлые стволы березъ, прячась другъ за друга, шуршали желтѣющей листвой и казались живыми — точно бѣлое платье Людмилы, тамъ на огородѣ, подъ слѣпящими солнечными лучами. „Вы какъ невѣста“, — вспомнилъ Крутовской свои слова.

Онъ поднялся и пошелъ дальше. Такъ все идти и идти впередъ, путая лицо свое въ бѣлой паутинѣ, хоронясь среди бѣлыхъ березовыхъ стволовъ, дышать бѣлымъ осеннимъ просторомъ, свѣжимъ грибнымъ дыханіемъ, смолой и повядшими листьями.

Крикливая стайка голубыхъ сизоворонокъ, точно дразнясь, перелетывала впереди Крутовского. Внезапно онъ остановился. Что-то красное мелькнуло среди березъ и скрылось. Блѣднѣя, рванулся Леонтій Алексѣевичъ и побѣжалъ, ломая сушнякъ и скользя. Ну, конечно, Боже жъ ты мой, развѣ онъ не могъ догадаться сразу. Стоило бѣжать такъ скоро, даже замололо въ раненомъ боку, и сердце готово выскочить. Богъ мой, неужели онъ никогда не видалъ пастушки въ красномъ сарафанѣ, съ глупымъ, смѣющимся, круглымъ лицомъ; голенастой дѣвчонки, пасущей свой пестрый скотъ — худыхъ крестьянскихъ коровъ. Какъ онъ глупъ, какъ онъ безбожно глупъ, что другое хотѣлъ онъ увидѣть въ этой березовой рощѣ.

Въ тотъ же вечеръ Леонтій Алексѣевичъ написалъ письмо Людмилѣ. Всего нѣсколько словъ. Писалъ, что здоровъ, работаетъ, ждетъ зимы. „Я рѣшилъ поставить запруду на Ящурѣ — нельзя будетъ далеко уѣзжать на лодкѣ, но зато цѣлыми днями будетъ шумѣть вода и станетъ веселѣе,— писалъ онъ. —Что можно еще прибавить къ этому. Ахъ, да— два слова: „ждемъ васъ“, но ихъ онъ зачеркнулъ, а потомъ и совсѣмъ стеръ ножикомъ.

Пріѣзжали навѣстить Крутовского братья Ерандаковы.

— Это чортъ знаетъ, что такое, — кричали они вперебивку: — вы понимаете, она надула насъ самымъ гнуснымъ образомъ. Когда она узнала, что револьверъ былъ заряженъ пулей, она обозвала насъ идіотами и согнала съ нашей

же коляски. Какъ вамъ это нравится. На кой чортъ намъ было думать о холостомъ зарядѣ и какъ будто бы это не все равно. Она отобрала отъ насъ отцовское письмо и заставила идти пѣшкомъ ночью пять верстъ обратно до Тильска! Пустяки, удовольствіе!

Крутовской отъ души смѣялся. Странно, разговоръ о Натальѣ Никаноровнѣ ничуть не разстроилъ его. Онъ былъ совершенно спокоенъ, сидѣлъ на ступенькахъ крылечка, подперевъ кулаками подбородокъ, грѣлъ на осеннемъ солнцѣ спину и отъ души смѣялся. Онъ и раньше узналъ, что Смоличъ въ вечеръ спектакля неожиданно скрылась, и потомъ, изъ Смоленска прислала письмо съ просьбой выслать ей вещи и нужные документы для ввода во владѣніе дарственной землею. „Что только перечувствовала Вѣра Владиміровна, — думалъ Леонтій Алексѣевичъ: — какъ непріятно и тяжело ей было узнать все это...“ Теперь она сидитъ одна съ своимъ братомъ, и никто уже не помогаетъ ей...“

Садясь въ коляску, Ерандаковы внезапно стали серьезными. Они пошептались другъ съ другомъ и опять соскочили на землю.

— Леонтій Алексѣевичъ, одну минуту!

— Весь къ вамимъ услугамъ.

— Намъ нужно сказать два слова...

Фепта наклонился къ его липу.

— Братъ и я — мы только что подумали,—сказалъ онъ значительно: — Наталья Никаноровна не стала бы такъ безпокоиться изъ-за пули, если бы... можетъ быть она-то васъ и ранила?..

Они смотрѣли на Крутовского съ испугомъ и нетерпѣніемъ; лица ихъ выражали живѣйшее участіе.

Крутовской только сейчасъ замѣтилъ, какъ все-таки милы эти славные ребята, эти „оболтусы“, по выраженію тетки. Но она слишкомъ строга къ людямъ.

Леонтій Алексѣевичъ улыбнулся и положилъ имъ на плечи свои руки.

— Друзья мои, — сказалъ онъ, таинственно понижая голосъ:—никогда не задумывайтесь надъ тѣмъ, что уже прошло — это портитъ пищевареніе. Пуля, которую вы оставили въ револьверѣ, давно вылетѣла оттуда и достигла своей цѣли. Стоитъ ли такъ много безпокоиться о ней. Подумаемъ лучше куда дѣвать самихъ себя.

Онъ былъ доволенъ, что ему удалось своимъ отвѣ-

томъ сбить съ толку Ерандаковыхъ. Къ чему имъ знать правду?

Такъ проходилъ одинъ день за другимъ и чѣмъ дальше, тѣмъ однообразнѣе. Стали перепадать дожди, потомъ они зарядили сплошь, съ утра до вечера раздавался унылый стукъ по крышѣ, точно какой-то ретивый барабанщикъ выстукивалъ зорю. Темнѣть стало рано, и Марья Васильевна долго сидѣла у себя въ комнатѣ при лампѣ за самоваромъ и щипала перья. Крутовской рядомъ съ ней читалъ газету. Старушка посмѣивалась, глядя на племянника.

— Вѣтеръ, вѣтеръ, не шути — ты мякину отнеси: — приговаривала она: — чтобъ тяжелое чело[1]) намъ въ закромы намело.

Леонтій Алексѣевичъ смотрѣлъ на нее съ недоумѣніемъ. Что за странная привычка говорить загадками?

LXIX.

Въ одно утро Крутовской проснулся отъ ослѣпительнаго бѣлаго блеска, наполнявшаго комнату. Онъ вскочилъ съ кровати и подбѣжалъ къ окну. Обнаженныя деревья, перила балкона, крыши рабочихъ строеній, рудая трава и песокъ дорожекъ — все было покрыто инеемъ. Все сверкало, все бѣлѣло, самый воздухъ сквозь стекла казался бѣлымъ.

Леонтій Алексѣевичъ проворно одѣлся и вышелъ на дворъ. Щиплящая свѣжесть охватила его со всѣхъ сторонъ, разогрѣла кровь, оживила мускулы. Онъ пошелъ на молотилку, потомъ къ берегу Ящура, гдѣ вколачивали сваи. Каждый шагъ Крутовского оставлялъ за собою темный слѣдъ, иней хрустѣлъ подъ ногами, точно разсыпанная по землѣ соль. Съ рѣзкимъ крикомъ неслись ему навстрѣчу вороны, и гулко такала на рѣкѣ баба. Работа подвигалась впередъ. Скоро поперекъ Ящура протянется стѣна, и, когда откроютъ шлюзы и вода бурливымъ потокомъ понесется внизъ, — человѣкъ заставитъ ее заговорить какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ утонулъ Шишикторовъ. А черезъ годъ отсюда повезутъ бѣлую мягкую муку.

Крутовской стоялъ, смотрѣлъ и думалъ. Въ короткомъ бараньемъ тулупчикѣ и кожаной спортсменской шапкѣ, за-

---

[1]) „Челомъ“ называютъ лучшее зерно, упавшее впереди кучи другихъ зеренъ.

горѣлый, высокій и широкоплечій, онъ стоялъ на берегу рѣчки, точно какой-нибудь завоеватель. А вокругъ него сверкало, скрипѣло бѣлое, чешуйчатое поле.

Къ полудню иней сошелъ, земля снова покрылась грязью, и подулъ холодный сѣверо-восточный вѣтеръ.

Нужно было провѣдать Вѣру Владиміровну. Крутовской давно собирался къ ней. Онъ все еще не получалъ отвѣта изъ Петербурга...

Сколько разъ лѣтомъ мѣрялъ онъ эту дорогу. Съ печальнымъ стономъ деревья повожали его до моста. Отъ дождей краска на перильцахъ давно облѣзла; купальня и лодка съ противоположнаго берега были убраны. Обмелѣвшая рѣчонка рябила отъ вѣтра, унося съ собою въ Днѣпръ желтые листья. Широкій шляхъ съ корявыми обнаженными ветлами, судорожно протягивавшими къ небу свои искривленные пальцы, ползъ на холмъ унылыми, густо-черными колеями, среди опустѣвшихъ бурыхъ полей.

Вѣра Владиміровна и Яковъ Владиміровичъ сидѣли у себя въ маленькой гостиной за круглымъ столомъ. Они пили дневной чай. Карышева сбивала масло, Тулубьевъ читалъ Анатоля Франса. Попрежнему въ комнатахъ пахло розами, сухими розовыми лепестками, разсыпанными по подоконникамъ и зашитыми въ кружевныя подушечки.

— А вотъ и мы! — закричалъ Яковъ Владиміровичъ, увидя Крутовского: — и кажется въ великолѣпномъ здоровьѣ. „En peu d'heur Dieu labeure“ гласитъ старая гальская пословица. Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше. Я люблю, когда побѣждаетъ жизнь, это даетъ мнѣ возможность лишній разъ посмѣяться надъ человѣческими горестями. Ну, разсказывайте, что новаго предприняли вы въ покинутомъ мною царствѣ. Мнѣ доставляетъ неизъяснимое удовольствіе слушать, какъ люди разсказываютъ о своихъ заботахъ. Такъ точно, должно быть, добродушно улыбались всѣ короли въ изгнаніи, когда имъ доносили о новыхъ революціяхъ. Спокойнѣе разбираться въ событіяхъ, чѣмъ создавать ихъ. Я одного мнѣнія съ поэтомъ Вордстворомъ, что „одно только есть въ жизни счастье и нѣтъ иного — счастье въ разумѣ и добродѣтели“, а эти качества вполнѣ присущи лѣтописцу и отнюдь не служатъ украшеніемъ героевъ...

Крутовской слушалъ Тулубьева съ улыбкой, ему нравилась болтовня этого „рамоли по принципу“. Но сейчасъ

Леонтій Алексѣевичъ хотѣлъ бы остаться наединѣ съ Вѣрой Владиміровной.

Онъ ловилъ на себѣ ея внимательный взглядъ; время отъ времени она подымала голову, переставала крутить маслобойку и, закусивъ губу, снизу вверхъ изъ-подъ полуопущенныхъ вѣкъ смотрѣла на Крутовского. Наконецъ, онъ улучилъ свободную минуту и спросилъ нерѣшительно, получала ли она письма изъ Петербурга.

— Да, да конечно и очень часто. И Люда и Витя здоровы. Все хорошо, все въ порядкѣ... это самое важное... въ послѣднемъ письмѣ Витя проситъ кланяться Леонтію Алексѣевичу...

— Спасибо. Я такъ радъ, что они благополучно устроились... это самое важное... больше ничего не нужно...

Крутовской сталъ мѣшать ложечкой чай, и нѣсколько капель брызнуло на столъ. Ну, развѣ можно такъ быстро вертѣть ложкой... Онъ покраснѣлъ отъ своей неловкости, поскорѣе допилъ чай и сталъ прощаться.

Вѣра Владиміровна пошла провожать его.

— Такъ значитъ, вы совсѣмъ здоровы? — спросила она въ передней, когда Леонтій Алексѣевичъ цѣловалъ ей руку.

— Да, да, конечно, совсѣмъ здоровъ, я великолѣпно себя чувствую.

Они посмотрѣли другъ на друга. Крутовской опять покраснѣлъ и опять поцѣловалъ руку хозяйкѣ.

— Тѣмъ лучше, — сказала Карышева: — я очень рада за васъ... я собственно хотѣла сказать, что Людмила тоже вамъ кланяется... да... я этого, сразу не вспомнила простите мнѣ...

Вѣтеръ опять ударилъ въ лицо Крутовского. Онъ остановился на пустомъ балконѣ. Малиновыя виноградныя листья прилипли къ мокрому полу, передъ ступеньками разлилась лужа, въ ней кивають деревья голыми вѣтвями и плывутъ свинцовыя облака. Леонтій Алексѣевичъ засмотрѣлся на нихъ. Какой странной стала эта Вѣра Владиміровна. Она совсѣмъ постарѣла и уже не краситъ волосъ и не румянитъ щекъ, и память у нея ослабѣла, какъ это бываетъ въ старости. Милая, одинокая, славная старушка...

LXX.

Крѣпкій сѣрый меринъ, плавно шевеля гладкимъ блестящимъ крупомъ, иноходью несъ по оснѣженной дорогѣ одиночныя сани Крутовского. Натянувъ синія вожжи, перебирая

стынущіе подъ бараньими рукавицами пальцы рукъ, Леонтій Алексѣевичъ постукивалъ валенками и клубилъ голубой морозный паръ, дыша полной грудью. Вслѣдъ пѣвучему шороху полозьевъ и гулкому топоту подковъ по оледенѣлымъ комьямъ сороки кричали, сидя на ветлахъ, вытянувъ шеи и задирая хвосты. Густо-синее небо, низко припавъ сиреневой изморозью, плыло навстрѣчу по бѣлымъ, волной раскиданнымъ комьямъ. И сейчасъ же уступивъ санкамъ послѣдній холмъ дали, открыли Крутовскому золотыя главы тильскаго собора.

Почувствовавъ отданныя вожжи, меринъ поддалъ ходу и летомъ-летомъ, сыпя въ стороны снѣжную пыль, вымахалъ въ гору и плавно пронесъ черезъ площадь мимо каменнаго бѣлаго дома, гдѣ золотомъ на фронтонѣ мелькнули буквы: „Нотаріусъ Брындинъ“.

Обогнувъ скверъ, осадилъ Крутовской на ходу взмыленную лошадь и, привязавъ ее къ фонарному столбу, быстро взбѣжалъ на крылечко почтовой конторы.

— Леонтій Алексѣевичъ, мое нижайшее!

Навстрѣчу помѣщику грузно спускался по лѣсенкѣ старикъ Ерандаковъ.

— Здравствуйте, Савелій Онисимовичъ.

— Что же урожай свой когда повезете? Мельница ждетъ...

Смотрѣлъ острыми своими глазками, точно выщупывалъ Крутовского. Леонтій Алексѣевичъ занесъ было ногу на верхнюю площадку и такъ, въ полуоборотъ, отвѣтилъ смѣясь,

— А нынче урожай-то, видно, не придется везти къ вамъ, Савелій Онисимовичъ съ весны милости прошу ко мнѣ на помолъ.

Ерандаковъ еще пристальнѣе и угрюмѣе глянулъ на Крутовского.

— Такъ! — сказалъ онъ. — Ну давай вамъ Богъ...

И сталъ спускаться по оледенѣлымъ ступенькамъ.

— Савелій Онисимовичъ, — крикнулъ вдогонку помѣщикъ, — кланяйтесь отъ меня...

Чуть не сорвалось — „Натальѣ Никоноровнѣ“, да во время спохватился и добавилъ съ улыбкой:

— Фептѣ и Фрошѣ!

Ну его къ Богу, зачѣмъ обижать старика, у кого не бываетъ второй молодости, а завидовать нечему — то-то онъ такъ осунулся.

Кончено. Вотъ взять почту и ѣхать по бѣлымъ полямъ опять въ свой закутокъ, свое логовище, сидѣть вечеромъ рядомъ съ теткой, читать газету, медленно думать надъ стакаиомъ чая и слушать стрекотъ сверчка.

— Пожалуйте почту: газета и письма.

— Письма? Отъ кого же письма?..

Непонятное волненіе взяло Крутовского. Быстро, не отходя отъ окошечка, непослушными пальцами перебралъ два конверта и бандероль газеты.

— Рига. Сельско-хозяйственныя машины. Въ экономію „Рай“ — ну да, это о приводахъ на мельницу. А другое? Боже мой... письмо отъ Людмилы. На пять его писемъ пришелъ, наконецъ, отвѣтъ.

Онъ выбѣжалъ на улицу, — глупо читать письмо въ конторѣ. И вообще стоитъ ли торопиться... Онъ знаетъ, что Людмила и Витя здоровы, что же еще.

„Да, да, это ясно, — думалъ Крутовской, снова несясь по оснѣженному полю: — теперь я опять владѣю своимъ днемъ и знаю, что отъ него взять. Я снова богатъ, мнѣ ничего больше не нужно какъ только не упустить своего часа, въ немъ жить и работать. Я заносился когда-то въ будущее и въ мечтаніяхъ о немъ забывалъ настоящее, пренебрегалъ имъ и почиталъ себя несчастнымъ, потомъ жалѣлъ о прошломъ и, возвращаясь къ нему, утрачивалъ вкусъ къ жизни. А вѣдь счастье тутъ, оно со мною. Да, да, — бормоталъ Крутовской, улыбаясь и невольно потянулся рукою къ карману, гдѣ лежало письмо. Но сейчасъ же отдернулъ руку. „Да, да, — стараясь отвлечь свои мысли и успокоиться, думалъ онъ: — тотъ сильный человѣкъ, кто можетъ глядѣть на минувшее прямо, безъ смущенія, не поддаваясь обольщенію, кто видитъ въ прожитыхъ дняхъ все, какъ было, кто знаетъ и помнитъ, что пройденный путь только начало настоящаго; кого ни любовь, ни смерть, ни политика, ни стяжаніе, ни страсти, ни удовольствіе не въ силахъ отвлечь отъ предпринятаго дѣла. Богатъ лишь тотъ, кто отдаетъ себя цѣликомъ своему дню. Для насъ дни тѣ же сосуды божества, какъ и для прародителей нашихъ арійцевъ. Изъ всего сущаго они менѣе всего обѣщаютъ, а вмѣщаютъ всего болѣе, нынѣшній день притаился и спрятался — его надобно отыскивать: въ немъ удача и побѣда, въ немъ дѣйствительность, радость и сила. Всякій льститъ себѣ, никто не думаетъ, что настоящій часъ—критическій, рѣ-

шительный часъ для всякаго, а всякому должно знать, что каждый день, какой приходитъ, лучшій день, въ году. Чѣмъ больше труда и мысли вкладываемъ мы въ настоящее, тѣмъ длиннѣе, глубже и полнѣе становится наша жизнь. Э, да что тамъ! я хочу оправдать себя, а мнѣ не нужно никакихъ оправданій. Почему не сознаться, что я сейчасъ счастливъ и счастливъ безъ всякой причины!"

Клубя потными боками паръ, меринъ самъ остановился у подъѣзда. Кинувъ вожжи подбѣжавшему конюху, пробѣжалъ Крутовской коридоромъ къ себѣ въ спальню и тамъ, не снимая полушубка, разорвалъ намерзшими пальцами конвертъ и сталъ читать:

„Милый Леонтій Алексѣевичъ, я не отвѣчала вамъ такъ долго, не скрою, потому, что считала это излишнимъ. Но я не старалась забыть васъ, какъ вы пишете, потому что это безполезно и ненужно. Я не хотѣла и не могу забыть васъ. Я такая же, какая была раньше, но теперь я старше, я разумнѣе, я узнала, что я не одинока, что вокругъ меня много такихъ же молодыхъ и здоровыхъ дѣвушекъ, у которыхъ есть руки, чтобы работать, и воля, чтобы жить по-человѣчески. Нужно только всегда быть вмѣстѣ, духовно вмѣстѣ, нужно знать, что какое бы дѣло ты ни дѣлалъ — оно общее дѣло, и тогда, какъ бы жизнь ни была трудна — все можно осилить. Я много передумала за эту зиму и во многомъ успѣла. Вы найдете, пожалуй, во мнѣ большую перемѣну, но для любимаго дѣла (а я деревню люблю попрежнему, если не больше), для васъ — я осталась той же, что и была. Такія, какъ я, если что-нибудь дѣлаютъ, что-нибудь чувствуютъ, то уже разъ и навсегда. У человѣка слишкомъ мало силъ, чтобы успѣть по-настоящему, отъ всего сердца отдаваться многому. Одно дѣло, одна любовь — да для нихъ хватитъ ли времени, вѣдь они никогда не оканчиваются, всегда впереди. Вотъ пока все, что я сейчасъ могу сказать вамъ, милый мой другъ. Черезъ мѣсяцъ, полтора я буду въ „Самолюбовѣ", и мы съ вами встрѣтимся.

До скораго свиданья. Людмила".

LXXI.

Глухой ночью Леонтій Алексѣевичъ проснулся отъ грохота воды. Казалось, вотъ-вотъ она обрушится на усадьбу неудержи-

мымъ потокомъ и скроетъ все въ своихъ клокочущихъ нѣдрахъ. Лежа съ широко открытыми глазами, Крутовской вслушивался въ этотъ хаосъ звуковъ. Сердце его тревожно и напряженно билось. Онъ хорошо помнилъ, что „Рай“ въ котловинѣ, стоило Ящуру прорвать плотину, укрѣпленный берегъ раздастся, и вода найдетъ себѣ въ старомъ саду новое русло.

Два раза Марья Васильевна вставала съ кровати и подходила къ дверямъ спальни племянника.

— Лёнтій, ты слышишь?

— Слышу, слышу, тетя...

— Выдержитъ?

— Конечно, тетя, спите съ Богомъ...

И чуть свѣтъ онъ былъ на ногахъ.

Крутыя грузныя тучи низко ползли надъ „Самолюбовымъ“ на западъ... Зеленая мрѣющая весенняя зоря крыла обнажившуюся мокрую землю трепетнымъ масляннымъ свѣтомъ, и клонящіеся подъ вѣтромъ упругія вѣтки деревьевъ казались малиновыми... Втаптывая сапогами густо замѣшанную грязь, Леонтій Алексѣевичъ добѣжалъ садомъ до плетня, перемахнулъ черезъ него и поднялся на искусственный валъ.

Наконецъ, Крутовской дождался своего: крутясь и пѣнясь, сыпля брызги и возмущаясь, широкимъ потокомъ несся Ящуръ черезъ плотину и ничего съ нею не могъ сдѣлать. Отъ могучаго напора воды сваи шатались, скрипѣлъ настилъ, но стѣна оставалась на мѣстѣ, и только у берега вода подмыла глиняный скатъ... Но это не страшно. Пройдетъ половодье, и можно будетъ пускать мельницу. Зато между „Раемъ“ и „Самолюбовымъ“ разлилось цѣлое озеро. Оно поднялось почти въ уровень съ мостомъ, и стрѣльчатая бесѣдка, увитая красноватыми побѣгами хмеля, точно спустилась къ водѣ.

Обойдя свой берегъ, Крутовской пошелъ лугомъ по-надъ садомъ къ мосту, чтобы оглядѣть противоположную сторону. Осыпанные росою кусты вербы съ пушистыми почками хлопали его по спинѣ. Упругій вѣтеръ несъ ему въ лицо весенніе запахи: свѣжей земли, воды и горькій духъ озими. Встающее солнце все дальше тянуло свои лучи и вмигъ тысячью искръ вспыхнуло въ лужахъ, въ рѣкѣ, въ стеклахъ самолюбовскихъ парниковъ, ползущихъ по склону. Сразу земля зазолотилась и стала сизой, какъ голубь, отъ едва примѣтнаго пуха растущей травы.

„Моя взяла, — думалъ Леонтій Алексѣевичъ, радостно озираясь и шагая по топкому шляху: — вотъ и плоды, вотъ и побѣда, а теперь за новое дѣло, за новый трудъ! Какъ это все легко и просто и по-настоящему нужно".

Онъ снова дошелъ до плотины, но со стороны „Самолюбова". Здѣсь берегъ былъ высокъ и обрывистъ, и шляхъ проходилъ у самаго края. Упершись ногами въ мокрую землю, Крутовской опять смотрѣлъ на гулкое паденіе водъ — теперь опаловыхъ въ своемъ разливѣ между усадебъ. Онъ стоялъ и смотрѣлъ передъ собою, весь ушелъ въ зрѣніе и и уже ни о чемъ не думалъ.

Внезапно сквозь шумъ воды Крутовской разслышалъ шлепанье лошадиныхъ копытъ и скрипъ втулки и оглянулся: въ зыбящей розоватой дали шляха между двумя рядовъ краснѣющихъ ветелъ трусцой бѣжала пара коней; за ними мотался поднятый вверхъ разлатой коляски.

Поставивъ ладонь козырькомъ надъ глазами, Леонтій Алексѣевичъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ. Да, да, конечно, теперь не могло быть сомнѣній — это самолюбовская коляска. Семь часовъ, — она ѣдетъ съ вокзала. И вѣря и не вѣря себѣ, бѣжалъ ей навстрѣчу Крутовской, шлепая по лужамъ и скользя въ колеяхъ.

— Людмила!

Ну да, она. Она узнала его и махнула рукой. Кони стали. Теперь не нужно бѣжать. Можно снять шапку и спокойно подойти къ колескѣ. Неужели такъ трудно не быть смѣшнымъ.

— Съ пріѣздомъ, Людмила Александровна!

Боже мой, какъ неловко, какъ неумѣло сказалъ онъ это. Вся кровь ударила ему въ лицо отъ смущенья. Никогда еще не былъ онъ такъ безтолковъ и смѣшонъ.

Но она не смѣялась. Нѣтъ, она совсѣмъ не смѣялась; онъ все-таки успѣлъ это замѣтить. Она смотрѣла на него и улыбалась, а въ глазахъ стояли слезы.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Снова прошло лѣто. Стоялъ августъ 1914 года.

Вѣра Владиміровна сидѣла съ братомъ въ своей гостиной. Попрежнему вѣтеръ заносилъ въ открытыя окна густой запахъ розъ, по стекламъ играли солнечныя пятна, шуршали листы упавшей газеты. Маслобойка стояла на столѣ рядомъ съ чашкой недопитаго чая. Вытянувъ на колѣняхъ руки съ

письмомъ въ зажатыхъ пальцахъ и опустивъ голову, Вѣра Владиміровна глубоко задумалась.

— Вотъ пишутъ о великихъ событіяхъ, о міровой войнѣ, — морщась брезгливо, говорилъ Тулубьевъ: — вздоръ, я не вижу разницы между великими событіями и малыми. Люди всегда сумѣютъ сдѣлать ихъ пошлыми. Наташа — сестра милосердія, чего же лучше!

„Можетъ быть, можетъ быть это и такъ, — слушая и думая свое, говорила себѣ Вѣра Владиміровна, морща лобъ и закрывая глаза: — да, люди глупы, пошлы, но и прекрасны. Нужно только сумѣть подойти къ нимъ и видѣть и на время забыть о себѣ... А, можетъ быть, и не такъ, я не знаю какъ, но теперь я молю Бога, чтобы Онъ далъ мнѣ только пережить то, что дано мнѣ и видѣть, и не отнялъ бы у меня моей любви... Съ нею я не одинока, всѣ мои всегда со мною. Вотъ Людмила и Леонтій въ Генуѣ, или плывутъ гдѣ-нибудь въ морѣ, окружнымъ путемъ ѣдутъ на родину, но они тутъ, я ихъ вижу я берегу ихъ въ своемъ сердцѣ... И Витю, и Костю, и Наташу... пусть они обо мнѣ не думаютъ, забыли меня, развѣ дѣло въ этомъ?.. Братъ смѣется надъ тѣмъ, что Наташа пошла въ сестры милосердія... можетъ быть, это смѣшно и, конечно, не для себя, а ради моды она это сдѣлала, но и это тоже не важно, совсѣмъ не важно — время все учтетъ и возьметъ свое даже отъ глупости, отъ пошлости... Карышева качнула головой. „Да да, — конечно. Вотъ Людмила пишетъ, что пріѣдетъ домой къ себѣ и будетъ дѣлать то, что дѣлала до войны и что ей ничуть не стыдно сейчасъ своего счастья... и я понимаю ее, конечно, нѣтъ разницы въ малыхъ и великихъ событіяхъ, а разница въ томъ, какъ глубоко человѣкъ постигаетъ ихъ и когда, малое можетъ быть и прекрасно и нужно, а великое только смѣшно“.

Она выпрямилась, сложила письмо и съ улыбкой посмотрѣла на брата.

— Вѣрунъ, — позвалъ онъ, болѣзненно морща лобъ и бросая газету, — будь добра, закрой окно: опять этотъ идіотскій вѣтеръ.

Вѣра Владиміровна встала и подошла къ окну. Деревья шумѣли тревожно, все небо точно покрылось пылью, почти одуряюще пахли розы.

Густая, изсиня-бурая туча позла на„ Самолюбово“.

Положивъ худыя свои съ гусиной кожей руки на створки окна, Карышева неподвижно смотрѣла передъ собою, ротъ

ея съ ссохшимися губами чуть открылся, прядь сѣдѣющихъ волосъ выбилась на опавшую щеку. Стояла и смотрѣла въ мутную синь неба, и поблекшіе глаза ея наполнялась слезами. Какіе они всѣ славные, свои... да, да свои, дорогіе, близкіе... Что же еще ей нужно, для нихъ, ради нихъ жить, даже если бы они и не хотѣли этого... Конечно, какое для нея, старухи, другое можетъ быть счастье... Она впередъ такъ строго и ясно подумала о себѣ, какъ о старухѣ, и улыбнулась сквозь слезы... Конечно, глупая старуха... Вотъ дурища какая, даже расплакалась, какъ плачутъ старухи, безъ причины. Боже мой, да вѣдь это новый міръ, новыя, тихія радости — бабушкины радости...

— Что же ты, наконецъ? — недовольно крикнулъ Яша.

Она вздрогнула, очнулась и захлопнула окно. И тотчасъ же высоко надъ домами прокатился громъ. Вѣра Владиміровна перекрестилась и молвила:

— Вотъ и гроза пришла.

Потомъ усѣвшись напротивъ брата въ кресло, глубоко уйдя въ него, не по обычному удобно, добавила спокойнымъ, неторопливымъ голосомъ:

— Нужно будетъ домъ въ „Раю“ прибрать. Марьѣ Васильевнѣ одной не управиться... наши скоро вернутся.

— Кто „наши“?

— Крутовскіе, Людмилушка и Леонтій...

— Ну?

— Да ничего... вѣтеръ-то нашъ опять ихъ сюда принесетъ, а засѣетъ, новое жито вырастетъ...

Яковъ Владиміровичъ заерзалъ въ креслѣ:

— Что-то, ma chére, ты заговариваться начала, — сказалъ онъ ворчливо.

— Поневолѣ, голубчикъ, — любовно и виновато улыбаясь, отвѣтила Карышева: — стара стала — слаба стала... Я и раньше безпамятной была, а теперь, когда бабушкой стану, то и Богъ велѣлъ...

— Ты дура, вотъ что! — крикнулъ Тулубьевъ, моргая: — ты просто дура... Чепуха! я и самъ знаю... Зачѣмъ говорить? Зачѣмъ говорить, я тебя спрашиваю?..

Юрій Слезкинъ.

И СНОВА МРАКЪ.

Печально въ тучахъ солнце скрылось,
И снова мракъ, и снова тѣнь,
Какъ будто сердцу только снилось,
Что былъ веселый, ясный день.

Умчалась юность, счастье скрылось,
Какъ будто Богъ со мной шутилъ,
И будто сердцу только снилось,
Что былъ я молодъ и любилъ.

Баскинъ-Серединскій.

* * *

Вновь обласканъ взглядомъ радужнымъ
Изъ небесъ твоихъ очей,
Я не знаю, что откликнется
Изъ глубинъ души моей.

Вновь облито блескомъ солнечнымъ
Сердце вспыхнуло опять,
Въ этомъ блескѣ опьяняющемъ
Я не — знаю, что сказать.

Вновь обрызганъ пѣсней вешнею,
Я не знаю — какъ запѣть...
Въ этой музыкѣ чарующей
Можетъ сердце умереть.

Баскинъ-Серединскій.

К. А. ГЕЛЬВЕЦІЙ.

I.

Двухсотлѣтіе дня рожденія Гельвеція не вызвало въ русской журналистикѣ статей, посвященныхъ памяти этого выдающагося человѣка — если не самаго талантливаго, то, во всякомъ случаѣ, самаго послѣдовательнаго изъ энциклопедистовъ. Міровая война поглотила всѣ интересы; она имѣла послѣдствіемъ крушеніе монархіи, но именно въ этомъ отношеніи книга Гельвеція имѣетъ выдающійся интересъ: написанная при старомъ режимѣ, она должна была служить предостереженіемъ, между тѣмъ встрѣтила лишь запрещеніе, а авторъ ея — гоненіе.

Клавдій Адріанъ Гельвецій родился въ Парижѣ въ январѣ 1715 года. Онъ былъ на два года моложе Дидеро, на три — Руссо, на 21 годъ моложе Вольтера. Годъ рожденія Гольвеція совпалъ съ годомъ рожденія Кондильяка, и съ годомъ смерти Мальбранша и Людовика XIV.

Родъ Гельвеціевъ, по всей вѣроятности, происходилъ изъ Швейцаріи, — его предки именовались „швейцерами". Одинъ изъ нихъ въ 1649 году переселился въ Голландію, латинизировавъ свою фамилію, и былъ лейбъ-медикомъ принца Оранскаго. Ему принадлежатъ сочиненія по алхиміи, напримѣръ, весьма распространенный въ свое время Vitulus aureus. Его сынъ, тоже медикъ по образованію, переселился во Францію, и въ Парижѣ пріобрѣлъ положеніе и богатство. Онъ въ борьбѣ съ диссентеріей впервые примѣнилъ съ успѣхомъ ипекакуану. Его перу принадлежатъ довольно многочисленныя сочиненія по медицинѣ. Отецъ нашего философа былъ лейбъ-медикомъ королевы Маріи Лещинской, супруги Людовика XV. Будучи придворнымъ врачемъ, онъ пользовался большимъ вліяніемъ и имѣлъ хорошую репутацію; большого состоянія онъ не имѣлъ. „Любознательность и благотворительность — вотъ два качества, свойственныя роду Гельве-

ціевъ", замѣчаетъ біографъ нашего философа, А. Кеймъ, въ обширномъ трудѣ „Helvetius, sa vie et son oeuvre". Paris 1907.

Нашъ философъ воспитывался въ коллежѣ Луи ле-Гранъ. Любовь къ чтенію древнихъ авторовъ и къ вопросамъ соціальнаго характера возбудилъ въ немъ іезуитъ о. Поре, учитель и Вольтера. Подобно Вольтеру, и Гельвецій сохранилъ къ іезуитамъ то уваженіе, которое сумѣлъ возбудить въ нихъ ихъ руководитель. Въ своихъ сочиненіяхъ Гельвецій весьма рѣзко нападаетъ на духовенство и на католическую церковь, но воздерживается отъ нападокъ на іезуитовъ. По окончаніи коллежа юноша былъ посланъ въ Каенъ на выучку къ родственнику, управлявшему фермами; здѣсь онъ познакомился съ сельскимъ хозяйствомъ и съ основами политической экономіи. Двадцати трехъ лѣтъ отъ роду нашъ философъ, по ходатайству королевы, получилъ мѣсто откупщика податей (fermier général) съ доходомъ въ 100.000 экю въ годъ. Гельвецій первое время очень увлекался всякаго рода наслажденіями, которыя доставляло ему положеніе въ обществѣ, его богатство, красота и обворожительность характера. Онъ игралъ на сценѣ, посѣщалъ салоны, заводилъ знакомства съ выдающимися писателями, писалъ стихи, но благоразумно воздерживался отъ печатанія ихъ, — наиболѣе поэтическое произведеніе „О счастьи", надъ которымъ онъ долго работалъ, было напечатано послѣ его смерти, — усиленно занимался любовными интригами. Гриммъ писалъ о немъ, что честная женщина, по мнѣнію Гельвеція, есть чудовище, которое на свѣтѣ напрасно стали бы искать. Въ любовныхъ связяхъ того времени мы не находимъ и искры дѣйствительнаго чувства; амурныя интриги считались дѣломъ приличія для порядочнаго человѣка и были столь же обычны, какъ, напримѣръ, кропаніе стиховъ въ настоящее время. Видное положеніе, которое Гельвецій занялъ въ обществѣ, и литературныя связи — весьма многимъ писателямъ Гельвецій оказывалъ матеріальную поддержку — давали ему основаніе предпринять шаги къ избранію въ академію, но избраніе не состоялось.

Какъ сборщикъ податей, Гельвецій проявилъ много мягкости, онъ не выжималъ изъ плательщиковъ послѣднихъ соковъ, а, напротивъ, помогалъ имъ, гдѣ и когда могъ. По этому поводу передаютъ весьма характерный анекдотъ: въ Бордо ему пришлось выслушать жалобы на новый налогъ на вино. Эти жалобы онъ считалъ справедливыми и написалъ въ такомъ духѣ въ управленіе сборами податей, но получилъ весьма

неудовлетворительный отвѣтъ; тогда онъ обратился къ жалобщикамъ со слѣдующими словами: „Пока вы будете только жаловаться, вы ничего не добьетесь; внушите къ себѣ страхъ, соберитесь въ большомъ числѣ, напримѣръ, 10.000 человѣкъ, нападите на нашихъ служащихъ. Я, конечно, стану во главѣ ихъ, но вы насъ побьете и добьетесь справедливости". Въ концѣ концовъ, Гельвецій добился отмѣны налога, который ему казался несправедливымъ. Широкая благотворительность Гельвеція во многихъ случаяхъ приводила къ тому, къ чему обыкновенно приводитъ: если еще иногда и прощаютъ обиды, то благодѣянія никогда.

Разсѣянная свѣтская жизнь не могла надолго занять Гельвеція, писаніе стиховъ — дѣло, въ которомъ онъ пользовался любезными указаніями и поправками Вольтера — вскорѣ тоже должно было наскучить, Гельвецій обратился къ чтенію серьезныхъ произведеній, а именно: Локка, Мура („Утопія") и др. Дружба съ выдающимися людьми, какъ-то съ Бюффономъ, Фонтенелемъ, Монтескье, навела его на разсмотрѣніе политическихъ и соціологическихъ вопросовъ, а близкое знакомство съ кружкомъ энциклопедистовъ — Гольбахомъ, Дидро и д'Аламберомъ, — къ размышленію надъ психологическими и философскими проблемами. Въ парижскихъ литературныхъ салонахъ того времени вопросы политическіе и философскіе живо обсуждались, и удачныя слова и мысли записывались и потомъ входили въ составъ научныхъ и литературныхъ произведеній. Въ произведеніяхъ Гельвеція мы часто встрѣчаемся съ парадоксальными мыслями, съ удачными сопоставленіями, пикантными анекдотами, на которыхъ лежитъ явный отпечатокъ ихъ салоннаго происхожденія. О выдающемся положеніи Гельвеція среди плеяды философовъ и писателей XVIII вѣка можно судить, напримѣръ, по тому обстоятельству, что Монтескье доставлялъ Гельвецію корректурные листы своего „Esprit des lois" и прислушивался къ замѣчаніямъ философа. Въ обширномъ письмѣ Гельвеція къ Монтескье, напечатанномъ много времени послѣ его смерти, а именно, въ 1795 г., онъ излагаетъ подробно свои критическія замѣчанія. Хотя Гельвецій строго отзывается о монархической формѣ правленія, однако, это не мѣшаетъ ему видѣть и недостатки парламентаризма. По поводу выборовъ онъ замѣчаетъ: „Ce ne sont pas les plus éclairés, mais les plus charlatans qui obtiennent les suffrages".

Въ 1751 г. произошелъ рѣзкій поворотъ въ жизни Гельвеція. Тридцати пяти лѣтъ онъ женился по любви на Аннѣ

де Линьвилль, дѣвушкѣ изъ весьма аристократической, но обѣднѣвшей семьи; вмѣстѣ съ тѣмъ Гельвецій отказался отъ должности сборщика податей, сохранивъ лишь придворное званіе, и удалился въ свой замокъ въ Ворэ. Этотъ отказъ философа отъ громаднаго дохода вызвалъ удивленіе въ обществѣ. Въ своемъ помѣстьѣ Гельвецій занимался хозяйствомъ и устраивалъ своихъ крестьянъ. О его широкой благотворительности здѣсь не за чѣмъ распространяться; она принимала иногда даже комическій оттѣнокъ; такъ, напримѣръ, какъ владѣльцу лѣсовъ и охоты, ему приходилось вести борьбу съ браконьерами, но всякое отобранное у браконьера ружье обходилось втридорога философу, ибо онъ возмѣщалъ убытки, не говоря объ этомъ своей женѣ, и жена съ своей стороны платила потихоньку отъ мужа, стараясь задобрить браконьера. Гельвецій хотѣлъ устроить у себя въ имѣніи фабрику кружевъ и разныхъ видовъ мануфактуры; но эти затѣи особеннаго успѣха не имѣли. Пробывъ въ замкѣ Ворэ восемь мѣсяцевъ, Гельвецій съ женой вернулся въ Парижъ и открылъ салонъ, который посѣщался весьма охотно выдающимися учеными, литераторами и художниками. У него бывали Мармонтель, Гриммъ, Фонтенелль, Бюффонъ, Сенъ-Ламберъ, Кондорсэ, Дидро, Гольбахъ и др. Старикъ Фонтенелль оживлялъ бесѣду своими всегда остроумными, иногда игривыми замѣчаніями: такъ однажды, при встрѣчѣ съ супругою Гельвеція онъ сказалъ, обращаясь къ нему: „A! c'est un astre qui se lève pour moi et qui se couche pour vous!“ Ухаживая за супругой Гельвеція, онъ восклицалъ: „Ахъ, если бы мнѣ было не болѣе восьмидесяти лѣтъ!“ Хотя Гельвецій и вращался въ кругу такъ называемыхъ энциклопедистовъ, но участія въ изданіи Большой энциклопедіи онъ не принималъ; несомнѣнно, однако, что всѣ идеи, встрѣчающіяся въ его книгѣ „Объ умѣ“, неоднократно были предметомъ обсужденія и выражали собою общій духъ энциклопедистовъ, вообще духъ, господствовавшій въ либеральныхъ кругахъ Франціи въ серединѣ XVIII вѣка. Въ Парижѣ Гельвецій принялся за выполненіе своего плана, т. е. за написаніе книги. Самый процессъ писанія доставилъ ему много труда, онъ не легко работалъ, передѣлывалъ по двадцати разъ написанное, стараясь какъ можно яснѣе и проще выразить свои идеи. Лемонте, въ прекрасномъ этюдѣ о Гельвеціи говоритъ: „Son style sans chaleur, mais sans déclamation, clair, précis, varié, plait par sa mesure et sa pureté“. Послѣ долголѣтняго и упорнаго труда Гельвецій въ 1758 г.

выпустилъ въ свѣтъ анонимно свою книгу „De l'esprit“ — единственное его сочиненіе, напечатанное при его жизни, — (большой томъ in 4°, представляющій теперь библіографическую рѣдкость). Успѣхъ и неудача этой книги поразили автора. О судьбѣ ея мы разскажемъ нѣсколько ниже.

Претерпѣвъ различныя невзгоды, но успѣвъ выгородить себя, Гельвецій удалился съ семьей — женой и двумя дочерьми — въ свой замокъ и занялся здѣсь собираніемъ матеріала для второго своего капитальнаго труда, „О человѣкѣ“, который онъ приготовлялъ постепенно къ печати, но не намѣревался выпускать въ свѣтъ при жизни. Это сочиненіе содержитъ практическое примѣненіе и защиту основныхъ идей, высказанныхъ въ книгѣ „Объ умѣ“. Оно трактуетъ, главнымъ образомъ, о воспитаніи, но въ то же время содержитъ и возраженія на критику, которой подверглась первая книга. Научныя занятія Гельвеція были дважды имъ прерваны, а именно: поѣздкой въ Англію и путешествіемъ въ Германію. Гельвецій очень многимъ обязанъ англійской философіи, главнымъ образомъ Локку; съ Юмомъ онъ былъ въ перепискѣ. Ему захотѣлось ближе познакомиться съ англійской жизнью и съ друзьями, съ которыми онъ состоялъ въ перепискѣ. Дождавшись окончанія семилѣтней войны, онъ въ мартѣ 1764 года съ двумя дочерьми отправился въ Лондонъ. Здѣсь онъ былъ принятъ, какъ авторъ нашумѣвшей книги, очень дружественно, представленъ королю и, судя по письмамъ къ женѣ, остался весьма доволенъ англичанами, хотя нѣкоторые недостатки ихъ національнаго характера и ихъ политики не ускользнули отъ его взора. Въ слѣдующемъ году онъ, по приглашенію Фридриха Великаго, поѣхалъ въ Берлинъ. Пріемомъ короля философъ былъ очарованъ. Гельвецій находитъ Фридриха Великаго любезнымъ, очаровательнымъ, похожимъ на Вольтера: „C'est un homme dont on n'a pas d'idées et fort supérieur encore à ce qu'ao imagine“, пишетъ онъ въ одномъ письмѣ. Прусскій король воспользовался пребываніемъ Гельвеція въ Берлинѣ, чтобы дать ему дипломатическое порученіе къ герцогу Шуазелю; хотя Гельвецій приложилъ много старанія къ выполненію возложенной на него задачи, но его миссія успѣха не имѣла. Послѣдніе годы жизни Гельвецій провелъ въ своемъ имѣніи, занятый научной работой и перепиской съ друзьями. Онъ умеръ 27 декабря 1771 года, переживъ нѣсколько свою славу и нѣсколько забытый своими друзьями. Гриммъ разсказываетъ, что незадолго до смерти Гельвецій жаловался Голь-

баху на свое одиночество; Гольбахъ ему замѣтилъ: „Вы оказали услуги многимъ изъ нихъ (друзей), а я ничего не сдѣлалъ ни для одного изъ своихъ друзей и живу всегда и постоянно съ ними“. Въ устахъ Гельвеція жалоба на одиночество должна казаться странной, ибо онъ самъ училъ, что дружба всегда основана на выгодѣ, на потребности. Развѣ не онъ писалъ о философѣ. „Случится ли ему лишиться друга, онъ не будетъ негодовать на него, а только будетъ горевать о человѣческой природѣ и воскликнетъ со слезами: потребности моего друга измѣнились“.

Послѣ смерти Гельвеція, его жена продолжала въ своемъ салонѣ объединять друзей покойнаго философа. Ея салонъ встрѣтилъ съ восторгомъ революцію, дѣятели которой не забыли философа, одного изъ поборниковъ и подготовителей идей, выразившихся въ великомъ народномъ движеніи. И послѣ смерти Гельвеція оцѣнка его подверглась значительнымъ колебаніямъ: такъ 5-го августа 1792 г. бюстъ его былъ увѣнчанъ лаврами вмѣстѣ съ бюстами Вольтера и Руссо; 21-го сентября того же года улица, на которой онъ жилъ, была названа его именемъ, но 5 декабря того же года его бюстъ, послѣ рѣчи Робеспьера, былъ сброшенъ съ пьедестала сломанъ и растоптанъ.

Вдова Гельвеція пережила его почти на тридцать лѣтъ. Она умерла въ 1800 году.

II.

Единственное сочиненіе, изданное при жизни философа „De l'ésprit“, вышло въ началѣ августа 1758 года и надѣлало тотчасъ столько шума, имѣло такой бурный успѣхъ и подверглось такому жестокому преслѣдованію, какъ весьма немногія книги. Если въ этомъ случаѣ не было забыто древнее требованіе cremate errorem, salvate errantem, то только благодаря всеобщему уваженію, богатству и высокому общественному положенію, которое занималъ авторъ книги. Но придворныя сферы были напуганы и возмущены доктриной философа, и такъ какъ появленіе книги совпало съ покушеніемъ на жизнь короля, то естественно, что мѣры, принятыя противъ вреднаго ученія, были суровыя, и автору удалось избѣгнуть кары лишь путемъ жертвы самолюбіемъ — ему пришлось прибѣгнуть къ помощи родственниковъ жены — путемъ униженія и неоднократнаго отреченія отъ своихъ мнѣній. Самъ авторъ никакъ не ожидалъ той бури, которую онъ возбудилъ, ибо

онъ высказалъ въ отчетливой формѣ лишь тѣ мысли, которыя постоянно повторялись въ салонахъ и сдѣлались какъ бы ходячею монетою. Недаромъ о немъ говорили: „C'est un homme, qui a dit le secret de tout le monde".

Въ чемъ же состоитъ содержаніе книги Гельвеція? Почему она могла вызвать такую бурю? Шамфоръ говоритъ: „Существуетъ два рода моралистовъ и политиковъ: одинъ — къ нимъ принадлежитъ большинство — видитъ лишь дурную сторону въ людяхъ, къ нему слѣдуетъ отнести и Гельвеція, другой — видитъ лишь хорошую сторону, какъ, напримѣръ, Шэфсбюри". Дѣйствительно, Гельвецій, несмотря на благородство характера и на то, что вся его жизнь служила опроверженіемъ его теорій, смотрѣлъ на людей глазами Ларошфуко, мыслями котораго онъ такъ восхищался. Хорошо эту двойственность и расхожденіе ума и сердца въ Гельвеціи оцѣнивалъ король прусскій, который писалъ: „Я нашелъ его характеръ восхитительнымъ. Можно было бы желать, чтобы онъ меньше совѣтовался со своимъ умомъ, чѣмъ со своимъ сердцемъ". И далѣе: „Это истинный философъ, выказавшій совершеннѣйшее безкорыстіе, сердце котораго настолько же чисто, насколько умъ легко заблуждается"...

Въ книгѣ „De l'ésprit", состоящей изъ четырехъ разсужденій (discours), авторъ предлагаетъ психологическую теорію, изъ которой дѣлаетъ этико-политическіе выводы. Коротко содержаніе можетъ быть характеризовано тремя терминами: сенсуализмъ, эгоизмъ и фатализмъ.

Гельвецій старается свести всю душевную жизнь къ ощущеніямъ, степень совершенства которыхъ зависитъ отъ тѣлесныхъ органовъ. Всѣ представленія возникаютъ изъ ощущеній, мышленіе состоитъ въ сравненіи ощущеній, и оно схватываетъ какъ образы предметовъ, такъ и отношенія ихъ. Въ чувствахъ слѣдуетъ искать источникъ мышленія. Человѣкъ стремится къ наслажденію и избѣгаетъ страданія; поэтому эгоизмъ есть источникъ всякой дѣятельности. Страсти, которыя коренятся въ себялюбіи, опредѣляютъ интересы человѣка. Страсти дѣлятся на простыя или природныя и на соціальныя, опредѣляемыя предвидѣніемъ, воображеніемъ, памятью. Интеллектуальныя наслажденія слабѣе физическихъ, но зато они болѣе продолжительны и устойчивы: тѣло утомляется, а воображеніе нѣтъ. Человѣкъ всегда избираетъ сильнѣйшій интересъ, опредѣляемый сильнѣйшей страстью, отъ которой ожидается наибольшее наслажденіе. Основной принципъ морали — себя-

любіе, интересъ или выгода. Изъ этого источника возникаетъ общество, общественное благо и добродѣтель. Добродѣтельнымъ мы называемъ того, страсти котораго соотвѣтствуютъ общественному интересу, т. е. добродѣтеленъ тотъ, кто умѣетъ согласовать свои удовольствія съ выгодами другихъ. Только сильная страсть способна создать добродѣтель. Это относится какъ къ отдѣльному лицу, такъ и къ цѣлому народу. Воля есть только отвлеченное понятіе, которымъ въ нашемъ пониманіи объединяются движенія страстей. Свободы выбора не существуетъ. Какими бы высокими и благородными ни казались дѣйствія людей, они всѣ проистекаютъ изъ чувства удовольствія, доставляемаго ими самому дѣйствующему лицу, единичному или коллективному. Ясно, что мы не должны подавлять своихъ страстей, а удовлетворять ихъ, ибо безъ страстей нѣтъ ничего высокаго и добраго. Средство направленія страстей заключается въ воспитаніи. По природѣ всѣ люди и ихъ способности совершенно одинаковы. Геній ничѣмъ по существу не отличается отъ обыкновеннаго человѣка. Геній состоитъ въ прилежаніи и вниманіи; у генія только большее количество представленій и сочетаній ихъ. Различіе людей и душевнаго склада ихъ объясняется различіемъ вліянія на нихъ условій среды, т. е. воспитанія. Особенное значеніе, какъ факторъ воспитанія, имѣетъ форма правленія государства. Законодатель можетъ измѣнить душевный складъ народа.

Слѣдуетъ научиться правильно пользоваться наградами и наказаніями, для того, чтобы сочетать личный интересъ съ общественной выгодой. Истинныя задачи законодательной дѣятельности государства заключаются въ установкѣ условій, при которыхъ каждое отдѣльное лицо можетъ пріобрѣсть богатство, въ устраненіи возможности эксплоатаціи однихъ классовъ и лицъ другими, привилегированными, и въ распространеніи просвѣщенія, ибо настоящимъ бичемъ человѣчества является невѣжество. Духовенство играло пагубную роль въ этомъ отношеніи, препятствуя распространенію свѣта разума; такую же пагубную роль играетъ и деспотическая форма правленія.

Вотъ основныя мысли книги Гельвеція. Почему онѣ навлекли на себя такое гоненіе? Онѣ частью выведены изъ сочиненій Локка, частью изъ книгъ Кондильяка — „Traité des sensations“ вышла къ 1754 году, а сочиненіе о происхожденіи человѣческаго познанія въ серединѣ сороковыхъ годовъ —

частью высказывались многими другими и были общимъ достояніемъ мыслителей средины XVIII вѣка. Но не было труда, въ которомъ эти мысли были бы изложены въ полнотѣ, въ столь ясной и общедоступной формѣ; къ тому же авторъ сдѣлалъ изъ теоретическихъ положеній практическіе выводы съ полной послѣдовательностью и откровенностью. Сочиненіе Гельвеція не было только философскимъ трудомъ, а представляло собой и политическій памфлетъ, въ виду этого къ нему разные лица и круги должны были отнестись не только отрицательно, но съ тревогой и мѣрами противодѣйствія стараться ослабить впечатлѣніе, произведенное талантливымъ нападеніемъ. Круги, близкіе къ нашему автору, энциклопедисты и друзья Гельвеція встрѣтили книгу холодно и критически. Непріятно вѣдь видѣть въ зеркалѣ свое лицо, если оно не отличается красотой; съ другой стороны мысли Гельвеція своей односторонностью и парадоксальностью невольно вызывали критику, и эта критика не представляла особенныхъ трудностей, ибо Гельвецій слишкомъ явно подбиралъ факты для доказательства своихъ положеній, забывая о фактахъ, говорящихъ прямо противоположное.

Мы сначала упомянемъ о правительственныхъ мѣрахъ противъ книги Гельвеція, а потомъ о литературной критикѣ его воззрѣній. Застрѣльщикомъ въ борьбѣ съ Гельвеціемъ явился вліятельный при дворѣ іезуитъ о. Плессъ (Plesse или Pleix), котораго Гельвецій поддерживалъ ранѣе матеріально, и которому онъ и впослѣдствіи, когда этотъ іезуитъ попалъ въ бѣду, помогалъ самымъ деликатнымъ образомъ. Онъ предложилъ, чтобы Гельвецій написалъ отреченіе. Роль о. Плесса не вполнѣ ясна, но, какъ кажется, весьма некрасива.

Въ началѣ августа 1758 г. вышла книга „De l'ésprit“; уже черезъ двѣ недѣли состоялось опредѣленіе королевскаго совѣта о ея запрещеніи; въ ноябрѣ архіепископъ парижскій выпустилъ окружное посланіе, въ которомъ разбираетъ и строго осуждаетъ основныя положенія книги. Въ 1759 г. папа Климентъ XIII осудилъ и запретилъ сочиненіе Гельвеція: Domnatio et prohibitio operis cui titulus: de l'esprit... Clemens papa XIII ad futuram rei memoriam Romae 1759. Въ февралѣ того же года парламентъ опредѣлилъ уничтожить „De l'ésprit“ въ числѣ другихъ осужденныхъ парламентскимъ опредѣленіемъ книгъ. 4 февраля эти книги были сожжены. Генеральный прокуроръ Жоли де Флери произнесъ обвинительную рѣчь противъ „Большой энциклопедіи“ и книги Гельвеція, при чемъ

онъ назвалъ эту книгу „сводомъ страстей самыхъ постыдныхъ и позорныхъ, апологіей матеріализма и всего, что можетъ сказать невѣріе для возбужденія ненависти къ христіанству и католичеству“. Личность автора была пощажена благодаря тому, что онъ принесъ повинную и подписалъ отреченіе отъ своихъ мнѣній въ самой унизительной формѣ. (Это было четвертое отреченіе Гельвеція отъ своихъ мнѣній.) „Чѣмъ больше онъ размышляетъ и жалѣетъ о томъ, что написалъ книгу „De l'ésprit“, тѣмъ болѣе онъ боится, что въ своихъ предыдущихъ отреченіяхъ и объясненіяхъ онъ недостаточно ясно выразилъ свои мысли, и потому онъ считаетъ себя обязаннымъ постараться разсѣять, насколько возможно, всякое сомнѣніе въ его искренности, въ его сожалѣніи и раскаяніи“.

Гельвецій долженъ былъ отказаться отъ придворнаго званія, а цензоръ Tercier, пропустившій книгу, былъ отрѣшенъ отъ должности; впрочемъ, король далъ ему впослѣдствіи другое назначеніе. Настоящимъ образомъ пострадалъ лишь одинъ „стрѣлочникъ“: за продажу экземпляровъ книги былъ посаженъ въ тюрьму одинъ наборщикъ, получившій эти экземпляры взамѣнъ платы за работу.

Въ апрѣлѣ 1759 г. богословскій факультетъ Сорбонны также произнесъ свое осужденіе книги Гельвеція. Осужденіе начинается съ указанія заимствованій Гельвеція у Гоббса, Локка, Юма, Спинозы, Монтескье, Маккіавелли и др. Факультетъ не перечисляетъ всѣхъ источниковъ плагіата „de peur que les vapeurs empoisonnées qui s'exhalent de ces cloaques ne deviennent funestes“ читателямъ. Критика факультета касается четырехъ группъ понятій: понятій о душѣ, о морали, о религіи и о государствѣ; Гельвецій отрицаетъ безсмертіе души и свободу воли; его мораль панегирикъ распущенности, его религія — деизмъ, представляющій теорію индифферентизма; его ученіе о государствѣ уничтожаетъ право, подрываетъ основы власти короля, ослабляетъ чувства вѣрноподданическія и чувство любви къ законному представителю власти.

Итакъ, и духовная, и свѣтская власть произнесли свой суровый приговоръ надъ книгой и заставили автора испить чашу униженія. Поведеніе Гельвеція въ этомъ дѣлѣ, его отреченія отъ своихъ мнѣній, конечно, не могутъ внушить уваженія, но врядъ ли могутъ вызвать строгое осужденіе. Гельвецій никоимъ образомъ не былъ и не желалъ быть мученикомъ идеи. Онъ болѣе литераторъ, чѣмъ оригинальный фи-

лософъ. Онъ не шелъ въ разрѣзъ съ общепринятымъ мнѣніемъ, а, напротивъ, высказывалъ въ своей книгѣ то, что думали и чувствовали люди того круга, въ которомъ онъ вращался. Карать его одного за вину всѣхъ было бы несправедливо, а принимать эту кару было безцѣльно. Поведеніе Гельвеція не могло, конечно, увеличить уваженіе къ нему, но не видно также, чтобы кто-либо изъ современниковъ осуждалъ его за отреченіе отъ своихъ принциповъ. Наконецъ, нельзя не замѣтить, что и самые принципы, изложенные въ книгѣ, могли служить оправданіемъ поведенія Гельвеція — во всякомъ случаѣ, они не требовали мученичества... Естественно пострадать за идею высокой нравственной цѣнности, но трудно себѣ представить, во имя чего можно требовать мученичества за отрицаніе нравственности.

Обратимся къ литературной критикѣ; и въ этомъ случаѣ слѣдуетъ различать писателей духовнаго лагеря, представленныхъ двумя враждующими между собой направленіями іезуитами и янсенистами, отъ писателей свѣтскихъ болѣе или менѣе дружественныхъ автору.

Какъ іезуиты, такъ и янсенисты отнеслись одинаково враждебно къ Гельвецію. Первыми въ „Journal de Trévaux“ выступили іезуиты; ихъ критика отличалась чрезвычайной рѣзкостью и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ граничила съ доносомъ. И янсенисты обрушились съ своей стороны съ еще большей яростью на книгу Гельвеція въ журналѣ „Nouvelles ecclésiastiques“. Янсенисты обнаружили по отношенію къ Гельвецію больше жестокости, чѣмъ іезуиты, они требовали не только уничтоженія книги, но и кары для автора. Подробнѣе на критикѣ духовныхъ лицъ не за чѣмъ останавливаться, ибо они являются лицами заинтересованными, и хотя справедливость требуетъ признать, что въ ихъ критикѣ много вѣрнаго, но въ то же время и много субъективно пристрастнаго; вообще критики эти страдаютъ отсутствіемъ свободы изслѣдованія, догматичностью, они принимаютъ, какъ доказанные, нѣкоторые принципы, которые сами нуждаются въ оправданіи. Во всякомъ случаѣ, ихъ критика не имманентная критика.

Само собою разумѣется, что среди свѣтскихъ писателей Гельвецій нашелъ и защитниковъ, и восторженныхъ поклонниковъ, но друзья его отнеслись къ книгѣ холодно; среди нихъ книга успѣха не имѣла. Противъ нападокъ духовной власти Гельвецій нашелъ себѣ защитниковъ, такъ, напримѣръ, въ анонимной брошюрѣ „Lettre au r. p. Berthier sur le maté-

rialisme", авторъ аббатъ Койэ или же, можетъ быть, Дидро, старается доказать, что самъ Бертье, обвинявшій Гельвеція въ матеріализмѣ, впадаетъ въ него. Леруа въ книгѣ „Examen des critiques du liore intitulé de l'ésprit" очень ловко защищаетъ теорію страстей и интереса Гельвеція съ соціальной точки зрѣнія. Конечно, друзья Гельвеція осуждали травлю, организованную противъ книги; но были причины мелкія и болѣе важныя, которыя объясняютъ холодность философскихъ кружковъ. Одной изъ причинъ холодности могло быть то обстоятельство, что довольно неопредѣленному недовольству направленіемъ „Большой энциклопедіи" было благодаря книгѣ „De l'ésprit" дано конкретное содержаніе. Основныя идеи книги Гельвеція и „Большой энциклопедіи" были признаны тожественными, одинаково вредными, поэтому и обвиненіе было возбуждено противъ обоихъ изданій, и если „Большая энциклопедія" избѣгла приговора объ уничтоженіи, то только потому, что разсмотрѣніе громаднаго изданія компетентными судьями требовало и соотвѣтственнаго объему времени. Приговоръ не былъ произнесенъ, онъ былъ отложенъ, но обвиненіе было высказано. Другая причина — болѣе мелкаго субъективнаго характера — это оскорбленное самолюбіе: Гельвецій нигдѣ не ссылается, не льститъ, напримѣръ, ни Бюффону, ни Вольтеру. Наконецъ, третья причина и самая важная — расхожденіе во взглядахъ съ Гельвеціемъ. Остановимся на двухъ-трехъ примѣрахъ, чтобы указать на критическія замѣчанія, сдѣланныя Гельвецію.

Отношеніе Вольтера къ книгѣ Гельвеція довольно неопредѣленное. Онъ въ письмахъ хвалитъ характеръ своего друга, въ письмахъ къ нему всячески ободряетъ его и подзадариваетъ къ энергичной борьбѣ съ богословами, но о содержаніи книги высказывается различно, иногда прямо неодобрительно, или холодно, скептически. Такъ, въ одномъ письмѣ онъ пишетъ: „Вотъ уже десять лѣтъ, что я не читалъ стиховъ Гельвеція. Если они и плохи, то его проза не лучше; это сырой хворостъ, который даетъ мало огня, но много дыма". Вольтеръ смотрѣлъ на злосчастное произведеніе „De l'ésprit" глазами литератора, а не философа; его интересовалъ стиль, отдѣльныя мысли, но вкуса къ построенію философскаго цѣльнаго зданія онъ не имѣлъ. Значительнѣе и серьезнѣе замѣчанія Дидро и Руссо.

Дидро дважды высказалъ свои замѣчанія объ идеяхъ Гельвеція, содержащихся въ двухъ его главныхъ произведе-

ніяхъ. Дидро дружественно настроенъ по отношенію къ Гельвецію, признаетъ хорошія качества его стиля, разнообразіе и плодотворность его идей, но это не мѣшаетъ Дидро признать ошибочными основные принципы Гельвеція, безвкусными нѣкоторые анекдоты, скучными длинные инвективы противъ деспотизма и т. д. Дидро задается вопросомъ, почему книга, основная тенденція которой несомнѣнно благородна — она имѣетъ въ виду защиту слабыхъ и угнетенныхъ противъ угнетателей — возмутила почти всѣхъ. Дидро объясняетъ это недостаткомъ метода книги и парадоксальностью и даже ложностью ея принциповъ. Основныя положенія книги выставлены съ полной рѣзкостью и ясностью, но доказательства этихъ положеній слабы, неубѣдительны, не выдерживаютъ критики. Авторъ долженъ незамѣтно проникать въ душу читателя, какъ это дѣлаетъ Монтэнь, а не врываться насильно. Критика содержанія книги въ существѣ сходится съ богословской критикой, но ведется на совершенно иномъ основаніи. Дидро утверждаетъ, что четыре разсужденія книги „De e'sprit“ содержатъ четыре парадокса, а именно: во-первыхъ, сведеніе всѣхъ умственныхъ функцій къ ощущенію, во-вторыхъ, утвержденіе, что выгода есть мѣрило уваженія и таланта и заключаетъ въ себѣ сущность добродѣтели, въ-третьихъ, что воспитаніе, а не природа создаетъ различіе въ духовныхъ свойствахъ людей и, въ-четвертыхъ, что конечною цѣлью страстей являются тѣлесныя блага.

Эту критику Дидро развилъ, повторивъ основныя ея мысли въ опроверженіи, написанномъ имъ по поводу посмертнаго сочиненія Гельвеція „De l'homme“.

Наиболѣе значительнымъ критикомъ и противникомъ теорій Гельвеція былъ Руссо. Въ своихъ „Lettres de la Montagne“ онъ говоритъ, что хотѣлъ выступить въ печати съ критикой книги „De l'esprit“, но узнавъ, что авторъ ея подвергся административнымъ преслѣдованіямъ, онъ, Руссо, сжегъ свою рукопись. Положеніе Руссо было особенно щекотливымъ еще и по той причинѣ, что онъ былъ облагодѣтельствованъ Гельвеціемъ. Руссо всегда отзывался съ величайшей похвалой о личности Гельвеція и, помѣстивъ критику Гельвеція въ Эмилѣ и въ Новой Элоизѣ, — въ особенности въ той части перваго сочиненія, которая носитъ названіе „Profession de foi d'un Vicaire Savoyard“ — ни разу не называетъ по имени Гельвеція. Въ Національной библіотекѣ въ Парижѣ имѣется экземпляръ перваго изданія „De l'ésprit“,

принадлежавшій Руссо; на поляхъ этой книги находятся любопытныя рукописныя помѣтки; онѣ были изданы въ 1779 г. и вошли въ составъ сочиненій Руссо. Гельвецій зналъ, что въ лицѣ Руссо онъ имѣетъ наиболѣе сильнаго идейнаго противника; это доказывается тѣмъ, что онъ старался пріобрѣсти экземпляръ своей книги съ помѣтками Руссо, когда послѣдній продалъ свою библіотеку, тѣмъ, что по его порученію эти замѣтки были для него переписаны, когда ему не удалось получить самой книги и, наконецъ, тѣмъ, что въ посмертномъ сочиненіи „De l'homme“ содержатся попытки опроверженія взглядовъ Руссо и его критическихъ замѣчаній. Возраженія Руссо имѣютъ тотъ же характеръ и содержаніе, что и возраженія Дидро, но они болѣе детальны, болѣе точны и иногда болѣе мѣтки. Особенно подробно разобраны психологическіе взгляды Гельвеція и показано различіе между активной и пассивной стороной духа, между ощущеніемъ и мыслью. Руссо возражаетъ противъ теоріи интереса, противъ сведенія добродѣтелей къ пользѣ, противъ общественнаго интереса, какъ мѣрила нравственныхъ дѣйствій; когда Гельвецій говоритъ: „Все законно и даже добродѣтельно, когда дѣло идетъ объ общественной пользѣ“, то Руссо правильно возражаетъ: „Общественное благо не существуетъ, если каждое отдѣльное лицо не находится въ безопасности“. Само собой разумѣется, что Руссо возстаетъ и противъ положенія о духовномъ равенствѣ всѣхъ людей.

Вліяніе книги Гельвеція было значительно: оно выразилось въ томъ, что книга была переведена на англійскій и нѣмецкій языки, что цѣлый рядъ писателей находился подъ вліяніемъ теорій, изложенныхъ въ сочиненіи нашего философа. Конечно, вліяніе Гельвеція было сильнѣе въ области политической и соціальной — въ послѣдней можно отмѣтить вліяніе идей Гельвеція на французскихъ идеологовъ, напримѣръ, Дестюттъ де Траси. Къ числу его учениковъ слѣдуетъ причислить Сенъ Ламбера, написавшаго, между прочимъ, и первую біографію — апологію жизни и трудовъ Гельвеція, Волнея и др. Идеями Гельвеція воодушевлялись Беккарія и Бэнтамъ; такимъ образомъ, нельзя говорить, что книга „De l'ésprit“ не принесла человѣчеству никакой пользы. Если философскія воззрѣнія Гельвеція и были слабы и нѣсколько низменны, то соціальныя тенденціи его несомнѣнно были направлены въ сторону облагораживанія рода человѣческаго.

III.

Книга „De l'esprit“ появилась въ такое время, когда французскія идеи пользовались широкимъ распространеніемъ въ русскомъ образованномъ обществѣ, когда всѣ увлекались Вольтеромъ и зачитывались его произведеніями, поэтому a priori можно предположить, что книга Гельвеція произвела и въ Россіи впечатлѣніе, и что шумъ, вызванный ея появленіемъ, отразился въ той или иной мѣрѣ и на русскомъ обществѣ. Фактически подтвердить это предположеніе не легко, потому что имя Гельвеція упоминается у русскихъ писателей конца XVIII и начала XIX вѣка почти всегда на ряду съ Вольтеромъ и Дидеротомъ, такъ что выдѣлить вліяніе Гельвеція трудно. Вообще Вольтера читали гораздо больше, чѣмъ Гельвеція, и Вольтеръ имѣлъ бо̀льшее вліяніе. Это доказываетъ слабый интересъ русскаго общества къ принципамъ философіи, ибо Гельвецій въ гораздо бо̀льшей степени философъ, чѣмъ Вольтеръ, и воззрѣнія Гельвеція вполнѣ опредѣленны, въ то время какъ взгляды Вольтера отличаются большой неясностью и неопредѣленностью.

Сочиненія Гельвеція читались, но они не были переведены на русскій языкъ. Въ Тамбовѣ въ 1788 г. появилась книга „Духъ Гельвеція“; намъ не удалось найти этой книги, поэтому мы не можемъ сказать, переводъ ли это или оригинальное произведеніе. Въ журналахъ того времени, по всей вѣроятности, помѣщались статьи о Гельвеціи; такъ въ „Указателѣ“ Неустроева есть ссылка на два номера „Собранія новостей“ 1776 г. мартъ и апрѣль, въ которыхъ помѣщена статья, озаглавленная „Изъ сочиненія Гельвеціи объ умѣ, первоначальныя понятія“. Этихъ номеровъ журнала намъ тоже не удалось найти.

Въ первую голову слѣдуетъ, конечно, поставить императрицу Екатерину Великую, находившуюся въ перепискѣ, между прочимъ, и съ Гриммомъ, который ей сообщалъ всѣ новости, касающіяся духовной жизни Франціи. Въ письмахъ императрицы мы встрѣчаемся съ упоминаніемъ имени Гельвеція; такъ, въ письмѣ отъ 11-го февраля 1794 г. она пишетъ Гримму: „Припомните, что покойный король прусскій утверждалъ, что Гельвецій признался ему въ томъ, что намѣреніе философовъ заключалось въ ниспроверженіи всѣхъ престоловъ, и что энциклопедія написана не въ иныхъ цѣляхъ, какъ только въ уничтоженіи королей и христіанской религіи. При-

помните также, что вы никогда не соглашались на причисленіе васъ къ философамъ“[1]). Въ другомъ письмѣ отъ 6-го апрѣля 1795 г. она писала Гримму: „Я безъ ропота буду ждать того благопріятнаго времени, когда вамъ заблагоразсудится оправдать передъ моимъ умомъ философовъ и ихъ послѣдователей (et les garçons d'iceux) въ томъ, что они принимали участіе въ революціи и въ особенности въ энциклопедіи, хотя Гельвецій и д'Аламберъ оба признались королю прусскому, что въ этомъ сочиненіи были только двѣ цѣли: первая — уничтоженіе христіанской религіи, вторая — королевской власти[2]). Въ статьѣ А. Рачинскаго „Русскій Вѣстникъ“. 1876, № 5) подъ заглавіемъ „Русскіе цѣнители Гельвеція въ XVIII вѣкѣ по документамъ московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ“ приводится любопытная переписка князя Д. А. Голицына, русскаго посланника при французскомъ дворѣ, съ вице-канцлеромъ княземъ А. М. Голицынымъ. Эта переписка касается посмертнаго сочиненія Гельвеція „de l'homme“, рукопись котораго была доставлена наслѣдниками Гельвеція князю Голицыну съ ходатайствомъ о томъ, чтобы императрица приняла посвященіе этого сочиненія и содѣйствовала изданію его. Прежде чѣмъ рѣшиться на что-либо въ этомъ дѣлѣ, императрица пожелала познакомиться съ текстомъ сочиненія и предложила прислать ей копію. Князь Голицынъ медлилъ съ дѣломъ о перепискѣ рукописи, несмотря на постоянныя напоминанія со стороны своего родственника, вице-канцлера; въ одномъ изъ писемъ послѣдняго сообщается посланнику резолюція императрицы: „Остаюсь при ожиданіи законнаго списка, запрещаю посвященіе и не желаю вѣдаться ни съ печатаньемъ, ни съ подлинной рукописью“.

Въ концѣ концовъ, однако, книга вышла въ Гаагѣ въ 1772 г., благодаря содѣйствію князя Голицына и съ посвященіемъ императрицѣ Екатеринѣ. Въ письмѣ отъ 16-го сентября 1773 г. императрица пишетъ Вольтеру, что книга „Histoire philosophique et politique du commerce des Indes“ помѣшала ей ознакомиться съ посмертнымъ сочиненіемъ Гельвеція[3]). Читала ли Екатерина Великая Гельвеція? Прямыхъ указаній въ ея перепискѣ нѣтъ; но въ ея библіотекѣ находился эк-

---

[1]) Сборникъ русскаго историческаго общества. Томъ 23, стр. 593.

[2]) Тамъ-же, стр. 622.

[3]) Тамъ-же, томъ 13, стр. 358.

экземпляръ перваго уничтоженнаго изданія „le l'esprit“ [1]) — онъ теперь принадлежитъ Публичной библіотекѣ. Сверхъ того, въ знаменитомъ Наказѣ легко замѣтить вліяніе Беккарія, ученика Гельвеція, который о себѣ говорилъ въ письмѣ къ Морелли: „Д'Аламберъ, Дидеротъ, Гельвецій, Бюффонъ, Юмъ, имена славныя, произнося которыя нельзя оставаться нечувствительнымъ! Безсмертныя творенія ваши составляютъ мое чтеніе, предметъ моихъ дневныхъ упражненій и разсужденій въ тишинѣ ночной“. И далѣе, разсказывая исторію своего умственнаго развитія: „Пять лѣтъ считаю я эпоху обращенія своего къ философіи и долженъ онымъ чтенію „Персидскихъ писемъ“. Второе творепіе, докончившее переворотъ моего ума, книга г-на Гельвеція. Онъ силою повергъ меня въ путь истины, и первый возбудилъ вниманіе мое на ослѣпленіе и несчастія человѣчества. Большею частью своихъ мыслей обязанъ я чтенію книги „О духѣ“ [2]). Цитатъ изъ Гельвеція въ Наказѣ мы не нашли.

И великій князь Павелъ Петровичъ въ очень юные годы интересовался сочиненіями Монтескье, Гельвеція, Вольтера. Порошинъ въ своихъ запискахъ разсказываетъ, что Павелъ Петровичъ разспрашивалъ его о сочиненіяхъ этихъ писателей, и Порошинъ, чтобы удовлетворить любопытству великаго князя, говорилъ ему: „есть такія книги, которыя для всякаго состоянія къ просвѣщенію разума необходимы и въ числѣ такихъ книгъ онъ почитаетъ и сочиненія г. Монтескье и Esprit Гельвеціевъ; такихъ книгъ не такъ много, чтобы въ нихъ очесться было возможно“.

Не за чѣмъ подробно доказывать, что въ русскомъ высшемъ обществѣ идеи французскихъ философовъ пользовались широкимъ распространеніемъ: увлекались, главнымъ образомъ, сочиненіями Вольтера, но и Гельвеція читали довольно усердно; въ доказательство этого утвержденія приведемъ нѣсколько примѣровъ. Княгиня Дашкова въ началѣ своихъ записокъ разсказываетъ о внутреннемъ переломѣ, пережитомъ ею,

[1]) Въ Вольтеровской библіотекѣ нѣтъ экземпляра этой книги, хотя это изданіе было въ рукахъ Вольтера, и онъ дѣлалъ на немъ маргинальныя помѣтки.

[2]) См. Беккарія „Разсужденіе о преступленіяхъ и наказаніяхъ, переведено съ итальянскаго языка на французскій Андреемъ Мореллетомъ, а съ того на россійскій Дмитріемъ Языковымъ съ присовокупленіемъ примѣчаній Дидерота и переписки сочинителя съ Мореллетомъ. Печатано по высочайшему его императорскаго величества повелѣнію“. Спб. 1803, стр. 17 и 18—19.

когда „меланхолія овладѣла ея духомъ и уничтожила ея веселый и даже насмѣшливый нравъ“; она обратилась къ размышленіямъ надъ собой и близкими людьми, а также къ серьезному чтенію; тѣмъ временемъ, говоритъ она, умъ мой зрѣлъ и укрѣплялся. На-слѣдующій годъ, перечитывая книгу „О разумѣ“ Гельвеція, я пришла къ заключенію, что если бы не было второго тома этой книги, болѣе приспособленнаго къ пониманію большинства людей, и если бы ея теорія не была приноровлена къ состоянію вещей и человѣческаго ума, свойственному массамъ, то она могла бы нарушить гармонію и порвать цѣпь, связующую всѣ столь разнородныя части, составляющія государственность. Я потому останавливаюсь на этихъ мысляхъ, что онѣ доставили мнѣ впослѣдствіи не мало наслажденія“.

Болотовъ въ своихъ запискахъ разсказываетъ, что начальникъ его отца, старый князь Гагаринъ, „находясь при дверяхъ самого гроба, обожалъ Вольтера, Гельвеція и другихъ подобныхъ имъ изверговъ“. Но французскіе писатели и ихъ идеи проникали и въ средніе слои общества: Такъ, Жихаревъ въ „Запискахъ современника“ разсказываетъ объ одномъ „изрубленномъ въ котлету майорѣ, Евреиновѣ, съ которымъ онъ познакомился въ Липецкѣ. Этотъ майоръ бредилъ Вольтеромъ, Дидротомъ, Гельвеціемъ и прочими энциклопедистами и внѣ ихъ сочиненій не находилъ ничего, заслуживающаго вниманія и уваженія. Жихаревъ пробовалъ разувѣрить его насчетъ этихъ писателей и предлагалъ прочесть Шиллера. Куда тебѣ... Глаза наливаются кровью, пѣна у рта, не даетъ слово выговорить... „Да читали ли вы что-нибудь, кромѣ вашихъ фаворитныхъ писателей?..“ „Не читалъ и читать не буду“ [1]). Винскій въ своихъ интересныхъ запискахъ разсказываетъ, что онъ занимался съ дочерью хозяина, у котораго онъ жилъ, французскимъ языкомъ, и что эта дѣвушка достигла такого знанія языка, что могла переводить Гельвеція и другихъ писателей. Самъ Винскій очень восхищался французской философіей и постоянно читалъ произведенія Вольтера, Руссо и др. Эти сочиненія, по его свидѣтельству, „читались съ крайней жадностью.“

До Екатерининскаго времени въ Россіи господствало нѣмецкое вліяніе: русскихъ юношей посылали въ Германію и

---

[1]) Незеленовъ „Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху.“ Стр. 26-27

въ родственныя ей по крови страны для обученія. Нѣмецкое вліяніе видно и въ одной изъ самыхъ раннихъ книгъ философскаго содержанія, а именно, въ книгѣ Григорія Теплова „Знанія, касающіяся вообще до философіи для пользы тѣхъ, которые о сей матеріи чужестранныхъ книгъ читать не могутъ, собраны и изъяснены". Спб. 1751, составленной по Станлею и Гейнекцію, излагаются взгляды автора, заимствованные у Чирнгаузена. Очеркъ исторіи философіи оканчивается Гуго Гроціемъ, Пуффендорфомъ, Гоббезіемъ. Къ концу очерка приложены не очень лестныя слова Теплова о философахъ: „Не можно того въ горячкѣ сбредить, чего бы философы до сего времени уже не сказали".

Если на Тепловѣ отразилось нѣмецкое вліяніе, то на Яковѣ Козельскомъ вполнѣ отчетливо видно французское вліяніе и при томъ, главнымъ образомъ, Гельвеція: Козельскому принадлежатъ два сочиненія, содержаніе коихъ можетъ быть отнесено къ философіи: во-первыхъ, „Философическія предложенія" Спб. 1768 и, во-вторыхъ, „Разсужденія двухъ индійцевъ Калана и Ибрагима о человѣческомъ познаніи". Томъ I, Спб. 1788. Второе сочиненіе представляетъ діалогъ двухъ лицъ о предметахъ одушевленной и неодушевленной природы, философскаго содержанія въ немъ почти нѣтъ, но въ немъ встрѣчается на стр. 15-й сопоставленіе трехъ знаменитѣйшихъ философовъ древней, новой и новѣйшей исторіи. Эти философы суть: Сократъ, Картезій и Гельвецій. Эта высокая оцѣнка философіи Гельвеція ясна и изъ первой книги, болѣе интересной, чѣмъ „Разсужденія двухъ индійцевъ". „Философическія предложенія" состоятъ изъ отдѣла теоретической и отдѣла практической философіи; каждый изъ этихъ отдѣловъ распадается на двѣ части, а именно, первый на логику и метафизику, а второй — на юриспруденцію и политику. Авторъ „не учился ни отъ кого философіи", но „выбралъ изъ книгъ полезныя для человѣческаго рода истины и къ онымъ присовокупилъ и свои извѣданныя надежными опытами"... „Объявляю по самой сущей справедливости, во сколько времени позналъ я изъ философіи безъ предводительства учителя все то, что содержитъ въ себѣ сія сочиненная мною книга. Я, не останавливая другихъ дѣлъ, употребилъ на познаніе и сочиненіе содержащейся въ сей книгѣ матеріи годъ, и думаю, что всякій, упражнявшійся въ наукахъ, скажетъ, что на такое дѣло употреблено весьма немного времени... (стр. 31). Изъ всѣхъ философовъ нашелъ я только

четырехъ человѣкъ, а именно, господъ Руссо, Монтескіу, Гельвеція и нѣкотораго Анонима, коего книгу подъ титуломъ „Philosophie morale réduite à ses principes“, которые писали основательно о матеріяхъ нравоучительной философіи... А матерію теоретической философіи заимствовалъ я отъ Господъ Готшеда, Бавмейстера и нѣкоторыхъ другихъ; кратко сказать, я разсужденія мои почерпалъ отчасти изъ источниковъ натуры, а отчасти у ея фаворитовъ, а у тѣхъ писателей, которые силятся вотще подвергнуть своимъ законамъ натуру, мало заимствовалъ“ (стр. 2-я).

Все сочиненіе Козельскаго изложено въ 472-хъ параграфахъ, нѣкоторые изъ нихъ повторяютъ мысли Гельвеція, при чемъ авторъ дѣлаетъ и соотвѣтственныя ссылки; такъ, напримѣръ, пар. 181 гласитъ слѣдующее: „О безконечности, равно какъ о пространствѣ и матеріи отъ многихъ вѣковъ спорятъ между собой философы и подаютъ о томъ разныя мнѣнія. Господинъ Гельвецій далъ симъ вещамъ вѣрнѣе всѣхъ опредѣленія, которыя написалъ въ семъ сочиненіи“; пар. 214 говоритъ о свойствахъ воли, авторъ приводитъ дѣленіе Картезія и замѣчаетъ: „Но господинъ Гельвецій раздѣлилъ страсти лучше: на натуральныя и производныя, въ натуральныхъ полагаетъ онъ только пріятность и скуку, въ производныхъ происходящія отъ сожитія человѣческаго зависть, гордость, скупость, честолюбіе и прочая. Пар. 262 озаглавленъ: примѣчанія, касающіяся до разума человѣскаго: онъ состоитъ изъ 12 примѣчаній подъ литерами отъ А до Т, подъ литерой“ А мы читаемъ: „Которые люди скоро понимаютъ доброту и недостатокъ какихъ-либо вещей, то имѣютъ они сію способность не отъ натуры, а отъ привычки“, сдѣлана ссылка на Гельвеція, который училъ, что всѣ люди по природѣ въ умственномъ отношеніи равны, а различіе есть результатъ воспитанія. Пар. 280 гласитъ: „На семъ разсужденіи основавшись, раздѣляю я, по примѣру господина Гельвеція, добродѣтель и разумъ на прямые или философскіе или всемірные и на приближительные къ прямымъ, какъ то на народные, то есть цѣлаго какого народа, на общественные, то есть малаго какого общества и особенные, то есть каждаго человѣка особо“. Наконецъ въ пар. 392—393 читаемъ: „Господинъ Гельвецій пишетъ, что въ разсужденіи человѣческихъ пороковъ надо жаловаться не на злость человѣческую, а на слабость законодавцевъ, которые всегда полагали особенную пользу въ противность общей пользы.

„Для чего по нынѣшнее время (говоритъ тотъ же господинъ Гельвецій), нравоучительная философія не можетъ поправить нравовъ въ народахъ, причиною сему то, что пороки народные скрыты въ самыхъ законахъ, и ежели кто хочетъ истребить пороки въ такомъ народѣ, не перемѣняя производящихъ ихъ законовъ, то ищетъ невозможнаго.., а что касается до слабыхъ законовъ, то я въ дополненіе къ сему скажу. что причиною ихъ слабости можетъ быть непристойный порядокъ нравоученія прежде бывшихъ философовъ". Слѣдующее за этимъ параграфомъ положеніе цѣликомъ заимствовано изъ Гельвеція, какъ и многіе другіе.

Изъ приведеннаго ясно, что Козельскій тщательно изучалъ Гельвеція, и хотя заявляетъ, что, главнымъ образомъ, обязанъ Руссо, но несомнѣнно, что и Гельвецій оказалъ на него значительное вліяніе.

Самымъ интереснымъ указаніемъ на вліяніе Гельвеція служатъ сочиненія Радищева. Радищевъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми молодыми людьми былъ посланъ въ Лейпцигъ для пополненія образованія. Среди нихъ самымъ выдающимся былъ Ѳ. В. Ушаковъ, „Житіе" котораго Радищевъ описалъ. Этому Ушакову какой-то проѣзжій сановникъ, имя котораго Радищевъ обозначилъ лишь буквою Ѳ. и характеръ котораго весьма не похвалилъ, далъ книгу Гельвеція. „По его совѣту, Ушаковъ, и мы за нимъ, читали сію книгу, читали со вниманіемъ и въ оной мыслить научились. Лестна всякому сочинителю похвала и невѣжды, но Гельвецій, конечно, равнодушно не принялъ, узнавъ, что цѣлое общество юношей въ его сочиненіяхъ мыслить училося. (Гриммъ въ бытность свою въ Лейпцигѣ, извѣщенъ будучи, съ какимъ прилежаніемъ мы читали Гельвеціеву книгу о разумѣ, по возвращеніи своемъ въ Парижъ, сказывалъ о семъ Гельвецію.) Въ семъ отношеніи сочиненіе его не малую можетъ всегда приносить пользу". Ушаковъ заболѣлъ. „Употребляя дѣйствительныя и мощныя лѣкарства, онъ не покидалъ, вопреки совѣту своего врача, упражняться денно и нощно въ чтеніи и въ сіе время началъ писать о книгѣ Гельвеціевой письма, коихъ найдено послѣ него только касающіяся до начала первой книги сочиненія о Разумѣ". Отмѣтимъ здѣсь же, что Пушкинъ въ статьѣ о Радищевѣ 1836 года пишетъ, что русскимъ молодымъ людямъ въ Лейпцигѣ „попался въ руки Гельвецій. Они жадно изучали начала его пошлой и безплодной литературы. Теперь было бы для насъ непонятно, какимъ образомъ холодный и сухой Гель-

вещій могъ сдѣлаться любимцемъ молодыхъ людей пылкихъ и чувствительныхъ, если бы мы, по несчастію, не знали, какъ соблазнительны для развивающихся умовъ мысли и правила новыя, отвергаемыя закономъ и преданіями. Намъ уже слишкомъ извѣстна французская философія XVIII столѣтія, она разсмотрѣна со всѣхъ сторонъ и оцѣнена. То, что нѣкогда слыло скрытымъ ученіемъ гіерофантовъ, было потомъ обнародовано, проповѣдано на площадяхъ и навѣкъ утратило прелесть таинственности и новизны. Другія мысли, столь же дѣтскія, другія мечты, столь же несбыточныя, замѣнили мечты учениковъ Дидерота и Руссо, и легкомысленный поклонникъ молвы видитъ въ нихъ опять и цѣль человѣчества и разрѣшенія вѣчной загадки, не воображая, что, въ свою очередь, онѣ замѣнятся другими".

Вліяніе Гельвеція замѣтно не только на Ушаковѣ, но и на самомъ Радищевѣ. Пушкинъ очень правильно говоритъ, что въ его философскомъ разсужденіи „О человѣкѣ и его смертности и безсмертіи" виденъ ученикъ Гельвеція. Радищевъ, „хотя и вооружается противъ матеріализма, но охотнѣе излагаетъ, нежели опровергаетъ, доводы чистаго аѳензма". „Въ Радищевѣ отразилась вся французская философія его вѣка: скептицизмъ Вольтера, филантропія Руссо, политическій цинизмъ Дидерота и Рейналя, но все въ нескладномъ и искаженномъ видѣ". Это замѣчаніе Пушкина совершенно правильно; двойственность Радищева объясняется тѣмъ, что онъ находился подъ двойнымъ вліяніемъ: съ одной стороны французской философіи, съ другой — сочиненій Гердера, Платнера и др., а также идей русскихъ мартинистовъ. По мнѣнію Пушкина, Радищевъ попалъ въ общество мартинистовъ, въ которомъ царила „странная смѣсь мистической набожности и философскаго вольнодумства".

Какъ извѣстно, въ русскомъ обществѣ на ряду съ идеями энциклопедистовъ стали распространяться и мистическія тенденціи, проводимыя многими послѣдователями Сенъ Мартена и розенкрейцерами. Если при большомъ дворѣ царили идеи энциклопедистовъ, то при маломъ дворѣ наслѣдника сочувствовали идеямъ масоновъ и мартинистовъ, подъ вліяніемъ которыхъ находился и Н. И. Панинъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ кругахъ масоновъ и мартинистовъ отношеніе къ Гельвецію могло быть только отрицательнымъ. Однимъ изъ первыхъ проповѣдниковъ мистицизма былъ московскій профессоръ И. Е. Шварцъ (съ 1779 года). Онъ читалъ сначала

въ университетѣ, а потомъ въ частномъ домѣ. Лабзинъ говоритъ, что Шварцъ въ то самое время, когда модные писатели поглощались съ жадностью незрѣлыми умами, принялъ на себя благородный трудъ разсѣять сіи возрастающіе мраки и безъ всякаго иного призыва, по сему единственно побужденію, въ партикулярномъ домѣ открылъ лекціи новаго рода для всѣхъ желающихъ. Съ ними разбиралъ онъ Гельвеція, Руссо, Спинозу, Ламетри и пр., сличалъ ихъ съ противными имъ философами и, показывая разность между ними, училъ находить и достоинства каждаго. Какъ будто новый свѣтъ просіялъ тогда слушателямъ“ [1]). Шварцъ оказалъ значительное вліяніе на московскихъ масоновъ.

„Я думаю“, пишетъ И. В. Лопухинъ Кутузову 14 октября 1790 г., „что сочиненія Вольтеровъ, Дидеротовъ, Гельвеціевъ и всѣхъ антихристіанскихъ вольнодумцевъ, много способствовали къ нынѣшнему юродствованію Франціи. Да и возможно ли, чтобы тѣ, которые не чтутъ самого царя царей, могли любить царей земныхъ и охотно имъ повиноваться“. А. М. Кутузовъ пишетъ Плещееву въ мартѣ 1792 г. „Монархи веселились сочиненіями Вольтера, Гельвеція и имъ подобнымъ, ласкали, награждали ихъ, не вѣдая, что, по русской пословицѣ, согрѣвали змѣю въ своей пазухѣ; теперь видятъ слѣдствія блистательныхъ словъ, но не имѣютъ уже почти средствъ къ истребленію попущеннаго ими [2]).

Эта реакція противъ либеральныхъ идей энциклопедистовъ проводилась и въ журналистикѣ; такъ, напримѣръ, въ „Московскомъ журналѣ пріятнаго и полезнаго препровожденія времени“ и въ „Ипокренѣ“ помѣщались статьи религіознаго характера въ противовѣсъ просвѣтительнымъ французскимъ идеямъ. При „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ выходилъ журналъ одного изъ воспитанниковъ университетскаго пансіона, Подшивалова, который очень рѣзко обрушился на французскую философію. Подшиваловъ напалъ и на Карамзина, выставивъ его матеріалистомъ, послѣдователемъ невѣрнаго Гельвеція, который „раздробляя человѣка, сравнилъ его съ животнымъ“, прикрывалъ ложь прикрасами, и „питая страсти, портилъ нравы“ [3]).

И. И. Давыдовъ въ „Вѣстникѣ Европы“ подъ псевдонимомъ Мемнона пишетъ. „Съ непонятнымъ распространеніемъ

---

[1]) Тихонравовъ. Сочиненія, III. 1. Стр. 75.

[2]) Переписка московскихъ масоновъ XVIII в., изд. Барскова. Петроградъ, 1915.

[3]) Тихонравовъ. Сочиненія, т. III. 2, стр. 151.

въ отечествѣ нашемъ словесности французской, наводняемы мы были въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій книгами безъ всякаго разбора; ибо вмѣстѣ съ Фенелонами, Боссюетами, Лапласами, входили къ намъ ничтожныя сочиненія Вольтеровъ, Дидеротовъ, Гельвеціевъ“ [1]), которыхъ Мемнонъ называетъ самозванными философами. Кн. Одоевскій по поводу этихъ статей Давыдова писалъ въ „Мнемозинѣ“: „Одни боятся говорить о философіи, а другіе даже почитаютъ сію науку не только безполезною, но даже вредною“. Все это происходитъ отъ того, что „до сихъ поръ философа не могутъ себѣ представить иначе, какъ въ образѣ французскаго говоруна XVIII в.; много ли такихъ, которые могли бы измѣрить, сколько велико разстояніе между истинною, небесною философіею — и философіею Вольтеровъ и Гельвеціевъ?.. „Тѣ, которые до сихъ поръ оскверняютъ высокое титло философа именами Вольтеровъ и Гельвеціевъ, удивятся епитету, приданному мною Спинозѣ; но для мыслящихъ сей епитетъ не покажется страннымъ“ [2]).

Два направленія мысли: либеральное и антирелигіозное, съ одной стороны, и мистическое — съ другой, продолжали долгое время жить въ русскомъ обществѣ и продолжаютъ, конечно, и до настоящаго времени, съ тою только разницею, что въ началѣ XIX в. Франція доставляла просвѣтительныя и антирелигіозныя идеи, а Германія — мистическія, тогда какъ впослѣдствіи оба направленія черпали изъ нѣмецкихъ источниковъ. О вліяніи Гельвеція въ началѣ XIX вѣка можно судить по тому, что Пушкинскій Евгеній, хотя издавна разлюбилъ чтеніе, однако для нѣкоторыхъ авторовъ дѣлалъ исключеніе, между прочимъ и для Гельвеція (VII, стр. 22), такъ какъ въ этихъ сочиненіяхъ отразился вѣкъ:

И современный человѣкъ
Изображенъ довольно вѣрно
Съ его безнравственной душой
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмѣрно,
Съ его озлобленнымъ умомъ
Кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ.

Но не только разочарованные эгоисты, въ родѣ Онѣгина, могли питаться идеями Гельвеція, но и люди, вѣрующіе въ

---

[1]) И. Н. Сакулинъ. Князь В. Ѳ. Одоевскій. Т. I., ч. I, стр. 33.
[2]) Тамъ же, стр. 138—139.

прогрессъ человѣчества и видящіе въ разумномъ политическомъ устройствѣ государства главное условіе всякаго прогресса; поэтому естественно предположить, что декабристы должны были внимательно изучать идеи Гельвеція. Такъ оно и было въ дѣйствительности, доказательство этого мы заимствуемъ изъ книги В. И. Семевскаго „Политическія и общественныя идея декабристовъ“ Спб. 1909 [1]). Наибольшее вліяніе, говоритъ этотъ авторъ, на декабристовъ имѣли древніе авторы; изъ писателей XVIII в. сыграли значительную роль въ развитіи общественныхъ и религіозныхъ идей многихъ членовъ тайнаго общества Беккарія, Вольтеръ, Гельвецій, Гольбахъ, Райналь (стр. 229).

Баронъ Вл. Штейнгель въ своемъ показаніи говоритъ: „Теперь трудно упомнить все то, что читалъ, и какое сочиненіе наиболѣе способствовало развитію либеральныхъ понятій; довольно сказать, что 27 лѣтъ я упражнялся и упражняюсь въ безпрестанномъ чтеніи. Я читалъ Княжнина Вадима, даже печатный экземпляръ Радищева „Поѣздка въ Москву“, сочиненія фонъ-Визина, Вольтера, Гельвеція (стр. 219).

Въ библіотекѣ кн. Ѳ. П. Шаховскаго имѣлись и сочиненія Гельвеція. Пестель, очень образованный и начитанный, совѣтовалъ читать Беккарія, Филанджіери, Маккіевелли, Вольтера, Гельвеція, Сэя, Адама Смита и другіе труды по политикѣ и юриспруденціи, „такъ какъ безъ этихъ свѣдѣній нельзя быть полезнымъ ни себѣ, ни обществу, ни отечеству“ (стр. 225). Въ записной книжкѣ Пестеля, хранящейся въ архивѣ государственнаго Совѣта, встрѣчаются выписки изъ Гельвеція, Гольбаха, Руссо, Кондильяка и др. Въ бумагахъ члена южнаго общества Крюкова сохранился списокъ 58 названій книгъ, которыми въ 1825 г. пользовались члены общества; въ числѣ книгъ, указываемыхъ спискомъ, значатся и сочиненія Гельвеція. Николай Бобрищевъ-Пушкинъ въ своемъ показаніи указывалъ на большое распространеніе въ обществѣ сочиненій Гельвеція, Даламбера, Вольтера, Гольбаха. Основатель „общества соединенныхъ славянъ“, подпоручикъ Борисовъ 2-й, говоритъ, что первыми свободными идеями обязанъ былъ занятіямъ классическимъ міромъ. Затѣмъ, находясь со своей ротой въ имѣніи богатаго польскаго помѣщика, у котораго была хорошая библіотека, Борисовъ прочелъ сочиненія Вольтера,

---

[1]) Въ книгѣ Павлова-Сильванскаго „Очерки русской исторіи“ въ главѣ „Русскіе матеріалисты 20-хъ годовъ“ приведены тѣ же факты.

Гельвеція, Гольбаха и другихъ, и проникся свободомыслiемъ.

Начиная съ 30-хъ годовъ, когда въ Россіи господствующимъ направленіемъ сталъ философскій романтизмъ, мы тщетно стали бы искать слѣдовъ вліянія Гельвеція. Д. Веневитиновъ, умершій въ 1827 г., уже могъ констатировать окончательное исчезновеніе французскаго вліянія. Въ статьѣ „Нѣсколько мыслей въ планъ журнала“ онъ пишетъ: „Давно ли сбивчивыя сужденія французовъ о философіи и искусствахъ почитались въ ней (т. е. въ Россіи) законами? и гдѣ же слѣды ихъ? Они въ прошедшемъ или разсѣяны въ немногихъ твореніяхъ, которыя съ безсильною упорностью стараются представить прошедшее настоящимъ. Такое освобожденіе Россіи отъ условныхъ оковъ и отъ невѣжественной самоувѣренности французовъ было бы торжествомъ ея, если бы оно было дѣломъ свободнаго разсудка; но по несчастью оно не произвело значительной пользы: ибо причина нашей слабости въ литературномъ отношеніи заключалась не столько въ образѣ мыслей, сколько въ бездѣйствіи мысли. Мы отбросили французскія правила не отъ того, чтобы мы могли ихъ опровергнуть какою-либо положительною системою, но потому только, что не могли примѣнить ихъ къ нѣкоторымъ произведеніямъ новѣйшихъ писателей, которыми невольно наслаждаемся“. Указывая причины паденія французскихъ философскихъ идей, Веневитиновъ только отчасти правъ. Была и другая болѣе глубокая причина; если вникнуть въ то, что по преимуществу читало русское общество, чего оно искало въ сочиненіяхъ Вольтера, въ его философскомъ словарѣ и др., то окажется, что русскіе люди искали отвѣтовъ на религіозные вопросы. Въ этомъ отношеніи, напримѣръ, любопытны письма И. Тургенева; а такъ какъ эти запросы не могли найти удовлетворенія въ неопредѣленныхъ, насмѣшливыхъ, полускептическихъ мысляхъ Вольтера, то болѣе серьезные читатели должны были вскорѣ отвернуться отъ него. Вѣрны остались Вольтеру только старые закоренѣлые скептики, все живое и молодое перешло на сторону нѣмецкой идеалистической философіи.

Только съ возрожденіемъ положительной философіи Конта и матеріализма вновь попадается упоминаніе о Гельвеціи. Въ 1861 г. Гогоцкій въ своемъ словарѣ осудилъ книгу французскаго автора. „Сочиненіе Гельвеція о духѣ, говоритъ онъ, не имѣетъ научнаго значенія; оно обязано своимъ успѣхомъ общему настроенію умовъ и особенной ясности изложенія, ко-

торая скрываетъ трудныя стороны вопросовъ и, по крайней мѣрѣ повидимому, дѣлаетъ ихъ понятными". Но съ такой оцѣнкой, конечно, не могъ согласиться возродившійся у насъ матеріализмъ. Въ книгѣ Н. Бельтова „Къ вопросу о монистическомъ взглядѣ на исторію" (стр. 4—9 и 112) мы читаемъ. „У французскихъ матеріалистовъ была та неоспоримая и незамѣнимая заслуга, что они мыслили послѣдовательно съ точки зрѣнія современной имъ науки, а это все, чего можно и должно требовать отъ мыслителей... Противники этихъ философовъ были отсталыми людьми уже по отношенію къ тогдашней наукѣ". „Взглядъ на человѣка, какъ на плодъ окружающей среды былъ главной теоретической основой французскихъ матеріалистовъ. Поставьте людей въ разумныя общественныя отношенія, т. е. въ такія условія, при которыхъ инстинктъ самосохраненія каждаго изъ нихъ перестаетъ толкать его на борьбу съ остальными, согласите интересъ отдѣльнаго человѣка съ интересомъ всего общества — и добродѣтель явится сама собой". Г. Бельтовъ указываетъ, на ряду съ заслугами Гольбаха и Гельвеція, и недостатки ихъ и дѣлаетъ это весьма правильно, онъ забываетъ лишь, когда утверждаетъ, что противники французскихъ матеріалистовъ были людьми отсталыми въ научномъ отношеніи, что къ числу противниковъ идей Гельвеція принадлежали и Руссо, и Дидеротъ, — люди, не уступавшіе въ образованіи и талантѣ Гельвецію. Въ своей нѣмецкой книгѣ — „Beiträge zur Geschichte des Materialismus", — г. Г. Плехановъ подробно останавливается на Гельвеціи и выясняетъ его значеніе въ исторіи экономическаго матеріализма: Гельвецій былъ матеріалистомъ и съ величайшей послѣдовательностью выводилъ изъ своего принципа слѣдствія. Онъ единственный философъ XVIII вѣка, поставившій вопросъ о происхожденіи нравственнаго чувства и выводившій его изъ ощущеній; идеи Гельвеція лежатъ въ основѣ утилитаризма Милля и теоріи Адама Смита. Г. Плехановъ указываетъ весьма правильно на противорѣчіе въ системѣ Гельвеція. Въ его ученіи, выводящемъ изъ потребностей человѣка весь нравственный міръ, нѣтъ, конечно, мѣста, абсолютнымъ идеямъ добра, справедливости между тѣмъ Гельвецій, подобно остальнымъ философамъ XVIII вѣка, вѣрилъ въ естественное право, какъ выраженіе разумной природы человѣка. — Въ настоящее время книга De l'esprit имѣетъ лишь историческое значеніе, и никто, конечно, не станетъ поддерживать положительную сторону ученія Гельвеція, но

критическая сторона книги нисколько не потеряла значеніе для тѣхъ странъ, въ которыхъ политическій строй находится въ періодѣ сложенія, въ которыхъ старые порядки, осужденные исторіей, все еще держатся вопреки разсудку и государственной пользѣ.

Э. Радловъ.

10 февраля 1917 г.

* *
*

Уходятъ тихо годы,
И дни плывутъ безшумно...
Взгляни въ лицо природы, —
Какъ ясно и бездумно.

А боль все шире, шире,
И плачу я, тоскуя:
Вѣдь въ этомъ свѣтломъ мірѣ
Одинъ лишь разъ живу я.

Кальма.

1915 г.

НЕПРОЖИТЫЕ ДНИ.

Какою тяжестью ложатся намъ на плечи
Всѣ эти темные, непрожитые дни!
О, ни однимъ лучемъ сознанья не отмѣченъ
Ихъ длинный рядъ, влачащійся въ тѣни.

О, эти дни! Что въ нихъ мы вспомнить сможемъ?
Въ нихъ ни единой нѣтъ для памяти черты.
Они прошли, души не потревоживъ,
И ни о чемъ не разбудивъ мечты.

Они возстать не смогутъ изъ забвенья,
Намъ никогда не вспомнятся они.
Но сердце навсегда намъ омрачили тѣнью
Непрожитые дни.

Магдалина Вериго.

АКТРИСА.

I.

Подъ воскресеніе, когда должна была пріѣхать Неточка, Андрей Михайловичъ провелъ тревожную ночь, не давшую ему спа ни на минуту. Старенькій, сгорбленный, сидѣлъ онъ въ кожаномъ своемъ креслѣ, протянувъ ноги, обутыя въ сбитыя и заношенныя туфли; на распахнутыхъ въ садъ окнахъ вѣтеръ вздувалъ занавѣски; всю ночь падала ставшая къ осени грузной антоновка, было отчетливо слышно, какъ ударяли о землю тяжелые плоды и, шурша, катились по травѣ и листьямъ.

Тускнѣя, скоро стали ползти къ окнамъ длинные зеленые квадраты, брошенные на половицы луной, звончѣй и задорнѣй закричали по дворамъ пѣтухи. Утромъ багряное солнце, пронизавъ яблони, плеснуло въ окна кумачевымъ своимъ жаромъ, окрасивъ подоконники и обои, засвѣтивъ стекла книжнаго шкафа. Андрей же Михайловичъ, не смыкая желтыхъ вѣкъ, неподвижно сидѣлъ въ креслѣ, стараясь представить себѣ, какою выглядитъ теперь Неточка, когда-то любимая его дочь, а теперь, послѣ долгихъ девяти лѣтъ, вырванная изъ его сердца обидой, временемъ и худой молвою. Не разъ за томительную эту ночь онъ плакалъ, снимая пальцами стрянущія въ рѣсницахъ слезы... Какими глазами посмотритъ онъ на дочь и что скажетъ ей и что начнутъ говорить теперь по городу? Онъ уже ясно представлялъ себѣ, какъ всѣ улыбнутся, когда онъ войдетъ въ учительскую, переглянутся и низко-низко, чтобы подчеркнуть, чтобы больнѣй ужалить, наклонятъ къ столу головы, и онъ услышитъ отчетливый шопотъ: „Къ Уланову дочь вернулась, любовникъ бросилъ!“

Вышедшая изъ спальни Варвара Федоровна, въ широкой утренней безъ оборки кофтѣ, всплеснула руками, сказавъ:

— Да что это ты, сударь мой, или съ ума сошелъ, что всю ночь не спишь?

Двойной подбородокъ ея, висѣвшій, какъ зобъ, гнѣвно дрогнулъ. Въ обычное время она тутъ же раскричалась бы, такъ какъ терпѣть не могла безпорядка: у нея чтобы не было пыли не только на мебели или статуэткахъ, но и за рамами висящихъ по стѣнамъ картинъ, чтобы обѣдать подавали ровно въ три, а ужинать въ девять, развѣ только мужу случится идти на совѣтъ или Леночка — вторая дочь — отпросится къ подругѣ или въ кинематографъ.

Сегодня же ничего больше не сказала мужу Варвара Федоровна, но, вздохнувъ, молча присѣла у стола въ кресло, обитое полинявшимъ чехломъ.

— Теперь Неточкѣ, стало быть, двадцать восемь лѣтъ, — молвилъ Андрей Михайловичъ, глядя передъ собою въ простѣнокъ, гдѣ когда-то висѣлъ портретъ, дочери по приказанію Варвары Федоровны убранный. — Возрастъ для дѣвушки не малый...

Варвара Федоровна заплакала, прикрывъ руками лицо; полныя плечи ея жалко опустились, межъ толстыми пальцами пробились слезы, оставляя по рукѣ до локтя влажные слѣды. Въ досадѣ махнувъ на жену рукою, Андрей Михайловичъ всталъ съ кресла и, распрямивъ отекшее тѣло, принялся ходить вдоль открытыхъ оконъ; осеннее солнце, яркое, но не горячее, било въ надувшіяся парусомъ занавѣски; переругиваясь съ ребятишками, садовникъ Исидоръ собиралъ въ корзины опавшую антоновку: пора бы ужъ яблоки сотрясать. Остановясь у окна, Андрей Михайловичъ отдернулъ занавѣску, но ни сада, ни согнутой спины Исидора, ни блещущаго этого осенняго утра не видѣлъ онъ: думалъ онъ о Неточкѣ, о прожитыхъ ею позорно и несчастно молодыхъ годахъ. Онъ не винитъ ея... Можно ли винить девятнадцатилѣтнюю дѣвушку, глядѣвшую на жизнь близорукими глазами, за первое ея увлеченіе? Но тотъ... актеръ! Вспоминалось бритое лицо, бархатная куртка, тросточка съ серебрянымъ набалдашникомъ. Вотъ кого задушилъ бы онъ собственными руками!

По привычкѣ пили потомъ чай. Такъ часто случается въ жизни: бьетъ въ окна солнце, въ огнѣ его никеллированная сухарница и даже тесемки скатерти веселы и горятъ, а бока блестящаго самовара уродливо и смѣшно, какъ въ кривомъ зеркалѣ, отражаютъ близъ стоящіе предметы, душа же охвачена тревогой, сквозь которую кажется не настоящимъ свѣтлое утро. Снимая съ чайника вышитый колпакъ, тревожилась Варвара Федоровна, что съ пріѣздомъ давно

ставшей чужою дочери войдетъ въ ихъ домъ что-то новое и тяжелое, что собьетъ налаженную жизнь, взбаламутитъ тихіе спокойные ихъ дни. И еще мучило чувство непонятной вины передъ дочерью — точно это они, родители, незадавшуюся ея жизнь исковеркали...

Въ бѣломъ платьѣ и съ покрытыми косынкой плечами вышла изъ своей комнаты Лена. Ей шестнадцать лѣтъ, но она все уже понимаетъ; не разъ заставала ее Варвара Федоровна прячущею въ учебникѣ сохранившійся сестринъ портретъ. „Что это ты смотришь?“ — спрашивала ее тогда Варвара Федоровна, а Лена отвѣчала: „Я геометрію повторяю“, но глаза ея, опечаленные и недоумѣвающіе, останавливались на матери спрашивающимъ взглядомъ. У нея, кажется, есть уже своя любовь, смѣшная, совсѣмъ не дѣвичья, — бѣгаетъ за ней сынъ здѣшняго кухмистера, пьянчужка, а Лена жалѣетъ его...

Къ полдню сидѣвшій на заборѣ садовниковъ сынъ закричалъ пронзительнымъ голосомъ: „Ѣдетъ, ѣдетъ!“ и, скатившись наземь, шмыгнулъ на улицу, чтобы у поворота прицѣпиться сзади къ пролеткѣ. Исидоръ неторопливо пошелъ отворять ворота, кухарка же, не скрывая любопытства, раскрывъ въ столовую дверь, глупо ухмыльнулась и промолвила:

— Молодая барыня пріѣхали!

Варвара Федоровна порывисто встала, воскликнувъ: „Ахъ, Боже мой!“, полныя руки ея и подбородокъ задрожали. Суетливо поправивъ манжеты, Андрей Михайловичъ первымъ вышелъ на крыльцо. У воротъ стоялъ извозчикъ, Исидоръ стаскивалъ съ пролетки большой желтый чемоданъ и деревянную коробку, въ которыхъ обыкновенно модистки носятъ платья. Сидѣвшая въ пролеткѣ дама, въ вуали, въ клѣтчатомъ легкомъ пальто, раскрывъ портмонэ, отыскивала извозчику деньги; сердце у Варвары Федоровны захолонуло, съ внезапной радостью сказала она себѣ: „Неточка, вѣдь это же Неточка!“ Хотѣла сбѣжать по ступенькамъ навстрѣчу дочери, но черезъ вуаль взглянули на нее юркіе и осторожные глаза, совсѣмъ холодные, которыхъ она испугалась. Сойдя съ пролетки, Неточка гибкой качающейся походкой пошла къ крыльцу, глядя не на встрѣчающихъ, а внизъ, подъ ноги, на выныривающіе изъ-подъ юбки острые носки своихъ ботинокъ. Была она стройная, изящная, на ней великолѣпно сидѣло пальто, не броское, но видимо дорогое.

— Мама! — воскликнула она отрывисто, сверкнувъ бѣлыми зубами, и нерѣшительно, точно спрашивая можно ли, подвернула у губъ вуаль. Голосъ у нея попрежнему былъ высокій, но чуждыя, вкрадчивыя интонаціи звучали въ немъ.

— Неточка, дочка моя бѣдная! — проговорила Варвара Федоровна, не замѣчая, что слезы текутъ у нея по лицу, раскрывая для объятія полныя свои руки.

— Въ комнаты, въ комнаты! — заторопился Андрей Михайловичъ. — Исидоръ, снеси чемоданъ въ комнату барышни Елены Андреевны. Проходите же, господа!

Въ прихожей, оттолкнувъ кухарку, онъ самъ снялъ съ дочери пальто, шуршащее шелковой ярко-желтой подкладкой, взялъ отъ нея шляпу и бережно, боясь помять, положилъ на подзеркальникъ. Неточка передъ зеркаломъ оправила прическу, привычнымъ взглядомъ окинувъ скромное дорожное платье свое.

Прошли въ гостиную; Варвара Федоровна плотно прикрыла двери, словно опасалась, что кто-нибудь станетъ подслушивать. Подобравъ подъ юбку маленькія ноги, Неточка сѣла въ кресло, положила руки на колѣни и снова, какъ на крыльцѣ, вопросительно оглядѣла всѣхъ. Словно боясь, что наступитъ тягостное долгое молчаніе и уже зная, что молчаніе это наступитъ непремѣнно, если она его не предотвратитъ, Неточка заговорила первая. Голосъ у нея былъ рѣзкій, то и дѣло прерывавшійся мелкимъ смѣшкомъ, разсыпавшимся, какъ бисеръ.

— Спасибо вамъ за письмо, — начала она, перебѣгая глазами съ отца на мать, — я не могла, конечно, разсчитывать на вашу отзывчивость. Я была готова къ тому, что вы мнѣ вовсе не отвѣтите.

— Какъ же это можно! — неловко отвѣтилъ Андрей Михайловичъ, чувствуя, что языкъ его связанъ, — и тебѣ не грѣхъ такъ думать о насъ?

Онъ взглянулъ на Неточку и встрѣтилъ ея глаза, юркіе, безпокойные, отдаленно, но все же напоминавшіе глаза прежней Неточки. Въ эту минуту онъ понялъ, что у нихъ не будетъ искренности, и всѣ вчетверомъ они станутъ прятаться другъ отъ друга, разговаривать о ненужномъ, о пустякахъ, боязливо избѣгая главнаго... По привычкѣ скосивъ глаза, Неточка сказала:

— Когда мнѣ бывало тяжело, я всегда вспоминала васъ, вашъ домъ, садъ...

Не договоривъ, она засмѣялась, и тонкій смѣхъ ея разсыпался, какъ бисеръ, и этотъ смѣхъ — „хи-хи“ — былъ непріятенъ и немного оскорбителенъ.

— Послѣ ссоры съ Михаиломъ Ивановичемъ, я вспомнила, что у меня есть уголъ на землѣ, гдѣ можетъ, быть, меня не оттолкнутъ.

— Вотъ за это спасибо, — проговорилъ Андрей Михайловичъ, стараясь казаться спокойнымъ, но руки у него дрожали, и голосъ прерывался, и это замѣтили всѣ.

Стало слышно, какъ въ саду грузно падаютъ яблоки; въ ту же минуту всѣ поняли, что слышно оттого, что наступило молчаніе, котораго нельзя уже предотвратить; сидѣли, сознавая съ испугомъ, что кажутся холодными и чужими.

Серьезнымъ голосомъ Лена спросила:

— Ты, Неточка, вѣроятно, актриса?

— Да, я актриса. Я уже пять лѣтъ играю на сценѣ.

— У насъ, Неточка, все по-старому, — тяжело промолвила Варвара Федоровна.

— А по-моему, многое перемѣнилось. Вы, мама, очень постарѣли, папа тоже постарѣлъ. Лену я видѣла совсѣмъ дѣвочкой, теперь она настоящая барышня. Подойди, дай мнѣ посмотрѣть на тебя!

Глядя на сестру серьезными внимательными глазами, Лена вышла и остановилась передъ ней; Неточка взяла ее за руки.

— Совсѣмъ, совсѣмъ невѣста! Знаешь, если бы я тебя встрѣтила на улицѣ, я бы ни за что не узнала. Мама, вѣдь она похожа на меня?

Неточка засмѣялась: вѣроятно, она привыкла скрывать за смѣхомъ своимъ все, что чувствовала: оживленіе, страхъ, тоску. Обведя глазами комнату, она поднялась и стала ходить отъ предмета къ предмету, отъ стола къ шкафу, отъ шкафа къ окну.

— Милый шкафъ — это старый шкафъ. Папа, голубчикъ, помните, какъ вы съ первой полки доставали мнѣ Гоголя и говорили: „Николая Васильевича, Неточка, нужно любить, какъ второго отца“. А на этомъ столѣ я какъ-то пролила чернильницу и вытирала пятно фартукомъ... дверей вы такъ и не красили? Вотъ здѣсь остались мѣтки: это каждый годъ я отмѣчала, насколько выросла. Милыя, милыя комнаты!

Глаза ея стали печальными и узкими, какъ-то сразу

увидѣли всѣ, что кожа на ея лицѣ дряблая, губы слегка тронуты карминомъ; вдругъ къ горлу Варвары Федоровны подкатила терпкая, удушливая волна и, сѣвъ въ уголъ, незамѣтно вынула она платокъ и стала прикладывать его къ глазамъ и носу. „Что сдѣлали они съ ней!“ Что сдѣлали, какъ измѣнили!“ Захотѣлось прижать Неточку къ пухлой груди и поплакать вмѣстѣ съ нею, на жестокихъ, на грубыхъ людей посѣтовать, поговорить такъ, чтобы не осталось между ними ничего холоднаго и чужого... Но что-то мѣшало опять, и она сказала только:

— Мы тебя въ Лениной комнатѣ поселимъ, а Лена въ угловую перейдетъ.

Пошли смотрѣть комнату. Комната маленькая: на столѣ брошены въ безпорядкѣ учебники и тетради, стѣны завѣшаны щитами съ открытками. Когда-то въ этой комнатѣ жила и училась Неточка. Много времени прошло, день ко дню, недѣля къ недѣлѣ, какъ долгая цѣпь, прогремѣли годы, оставивъ на душѣ незаживающій слѣдъ. И все, что было яркаго назади, и все, что было горькаго и душнаго, скопила въ себѣ душа и хранитъ, и болитъ прошлымъ.

— Обои перемѣнили, — замѣтила Неточка.

— Это въ третьемъ году... или нѣтъ, въ четвертомъ, — отвѣтила Лена, — тогда въ третьемъ классѣ была.

Неточка повела плечами, точно озябнувъ, сложила вмѣстѣ руки и поднесла ихъ къ лицу.

— Милая моя комнатка! — сказала она ласково, — дѣвичья комнатка моя!

Засмѣялась, но были печальны глаза ея, ставшіе вдругъ огромными отъ глянувшей изъ нихъ тоски.

— Я знаю, вы презираете меня, — проговорила она спокойно, — нѣтъ, нѣтъ, дайте мнѣ договорить. Женщинѣ никто никогда не проститъ ошибки, никогда, никто: ни посторонніе люди, ни родители. Скорѣе чужіе простятъ, а тѣ, кто любилъ, никогда — станутъ мстить за бывшую свою любовь. Вы не сердитесь, что я такъ говорю, правды не скроешь. Я немножко отдохну у васъ и уѣду.

Варвара Федоровна сказала сердито:

— Богъ знаетъ, какія глупости ты говоришь! Останешься жить съ нами.

— Нѣтъ, нѣтъ, мама, мнѣ нельзя съ вами жить по-прежнему...

Андрей Михайловичъ, стоявшій въ дверяхъ, маленькій, согнутый, промолвилъ:

— Ты оскорбляешь насъ, Неточка. И потомъ, почему ты мнѣ и мамѣ говоришь вы?

Неточка, дрогнувъ плечами, засмѣялась: и только когда, взмахнувъ рукою, сказала она: „Лена, въ передней, въ моей сумочкѣ есть флаконъ — принеси“, — стало понятно, что Неточка плачетъ. Лена поспѣшно пошла за ридикюлемъ: вынувъ платокъ, отерла Неточка припухшіе красные глаза, и на минуту показалось всѣмъ, что это прежняя Неточка сидитъ передъ ними. Страдая отъ того, что все выходитъ не такъ какъ нужно, Варвара Федоровна обняла дочь за шею.

— Ничего бѣдная моя, какъ-нибудь проживешь!

Здѣсь не выдержалъ Андрей Михайловичъ и, выйдя въ кабинетъ, сталъ къ окну, взволнованный и потрясенный. Показалась глупой и кощунственной прошедшая безсонная ночь. Вмѣстѣ съ сырымъ осеннимъ воздухомъ какъ будто глотнулъ старикъ новой радости и долго, стоя у окна, думалъ о грядущемъ своемъ родительскомъ счастьѣ, котораго ждалъ столько лѣтъ...

II.

За калиткой, у ската къ Тверцѣ, на изрѣзанной ножомъ лавочкѣ давно уже сидѣлъ Яковъ Ефремовичъ, поджидая Елену. Маленькое его лицо въ вечернемъ освѣщеніи блѣдно, глаза его тусклы, вѣки красны и слезятся. Эту недѣлю онъ опять безъ удержу кутилъ съ купеческими сынками въ Тетюхинской гостиницѣ, и теперь отъ выпитаго вина, отъ трескихъ тарантасовъ, въ которыхъ они куда-то ѣздили съ женщинами, отъ крика и пьянаго хохота еще не отдохнула его отяжелѣвшая голова.

Внизу заморенныя лошади тянули бечевой баржу, и канатъ хлопалъ по шустрой водѣ, раскидывая брызги: низко свѣсивъ головы съ растрепанными гривами, тяжело ступали лошади, отставляя далеко назадъ ноги, и медленно, тяжелая и неповоротливая, ползла за ними груженая барка. Яковъ Ефремовичъ вздохнулъ: вотъ такъ же и въ непутевой своей жизни несетъ онъ на плечахъ тяжелый свой крестъ.

Влача за концы желтую свою косынку, Елена, подкравшись, неожиданно сѣла рядомъ съ нимъ. Яковъ Ефремовичъ вздрогнулъ.

Губы у Якова Ефремовича дрожатъ, и пальцы рукъ тоже дрожатъ мелко-мелко отъ волненія и оттого, что много пилъ вчера. Сжавъ въ кулаки руки, смотрѣлъ онъ, какъ желтая кожа обтягиваетъ суставы, словно перчатка.

Елена проговорила:

— Вотъ тебѣ опять стыдно. Зачѣмъ ты пришелъ? У тебя есть товарищи, съ которыми веселѣе, чѣмъ со мною, у тебя есть женщины, которыхъ ты цѣлуешь, а я зачѣмъ тебѣ нужна?

Разглядывая землю подъ ногами, соръ, сбитый вѣтромъ, грязную подсолнечную шелуху, съ силой тискалъ Яковъ Ефремовичъ полные свои пальцы.

— Я скучная, — тихо сказала Елена, — со мной тебѣ скучно.

Яковъ Ефремовичъ еще ниже опустилъ голову, плечи его вдругъ затряслись.

— Прости, — промолвилъ онъ хрипло, — прости, я смердъ!

Голосъ у него съ попойки густъ; скосивъ глаза, онъ взглянулъ украдкой на грустное ея лицо, въ широкіе тоскующіе зрачки.

— Я смердъ, — повторилъ онъ съ упорствомъ и нѣсколько разъ ударилъ себя въ сердце, — но прости меня, Лена, въ послѣдній разъ. Ангеломъ своимъ клянусь, что этого не повторится.

Взявъ ея безвольную, податливую руку, сталъ цѣловать онъ отдающіеся пальцы, концы желтой косынки.

— Ты же ангелъ, у меня нѣтъ оправданій передъ тобою.

Вставъ, прошли они черезъ калитку въ садъ, мимо старой дуплистой березы, съ почернѣвшей берестой, изъѣденной лишаями; стлались надъ землей шершавые листья; одинъ за другимъ, мѣрно падали яблоки, катились имъ подъ ноги, пачкая кожу въ пескѣ.

— Я каюсь, — продолжалъ Яковъ Ефремовичъ, и его узкіе желтые глаза виновато бѣгали, — я скажу тебѣ все... князь Шекатихинъ тамъ былъ, и актеръ Семенъ Семенычъ, и еще братья Полѣновы изъ торговаго дома, скорняки... Ахъ, мнѣ тяжело и стыдно, но я скажу тебѣ, что были съ нами женщины и, напившись, непомнящій, я сбѣгалъ въ биліардную за кіемъ, и потомъ я кіемъ билъ женщинъ, чтобы громче визжали...

— Не разсказывай мнѣ гадостей, — поднявъ блѣдные

узкіе пальцы къ вискамъ, брезгливо проговорила Елена. — Я не хочу знать этихъ гадостей. Ты злой, ты мнѣ намѣренно дѣлаешь больно.

— Прости, прости...

Они ходили самыми дальними дорожками, самыми глухими и запущенными, гдѣ гніютъ старые кусты крыжовника, изъѣденнаго филоксерой, и въ сырой канавѣ растутъ свинушки и подберезники. Вдругъ, повернувшись, Елена посмотрѣла Якову Ефремовичу въ глаза.

— За что я тебя, такого, жалѣю? Чѣмъ ты дорогъ мнѣ?

Онъ смотрѣлъ на грустные, расширенные ея зрачки, на щеки, которыя залила краска.

— Жалостью ты дорогъ мнѣ...

— Святая! — молвилъ Яковъ Ефремовичъ, цѣлуя руки, которыми она гладила его волосы, его русыя брови.

Уже поздно; тѣни стали гуще, лиловые просвѣты межъ яблонь потуснѣли. Въ домѣ, въ кабинетѣ отца, неторопливая рука, отброшенная тѣнью на занавѣскѣ, зажгла лампу подъ колпачнымъ абажуромъ изъ мятой бумаги. Филинъ кричалъ въ кладбищенской рощѣ рѣзко и бранчливо, со стороны города брехали собаки.

— Прощай, — сказала Елена.

На балконѣ дремавшая подъ столомъ Бокса шумно встала и, лизнувъ въ темнотѣ Еленину руку, стала бить хвостомъ объ полъ. Ея языкъ былъ шершавъ и тепелъ. Въ комнатахъ Неточка играла Шопена.

Почему же Ленѣ хочется плакать? Чѣмъ несчастна она?

Обхвативъ за шею собаку, вдругъ заплакала Елена, низко опустивъ голову; Бокса, скуля, стала ластиться къ ней и, просовывая межъ ея руками морду, нѣсколько разъ лизнула дѣвушку въ заплаканное лицо.

III.

Пріѣздъ Неточки не могъ не всполошить города. Для многихъ онъ явился своего рода сенсаціей, новой острой темой, которую можно было варьировать безъ конца. Андрей Михайловичъ сдѣлался мнительнымъ; приподымая сѣдыя брови, подолгу и подозрительно вглядывался онъ въ лица собесѣдниковъ, отыскивая усмѣшку, соболѣзнующій взглядъ или просто нечуткость къ горю его или радости, такъ нелѣпо перемѣ-

шавшихся съ пріѣздомъ Неточки; Варвара же Федоровна стала избѣгать гостей, и когда шла по улицѣ, то ей казалось, что изъ щелей заборовъ, изъ подворотенъ и оконныхъ занавѣсокъ слѣдятъ за нею, какъ за лэди Годивой, зло-любопытные взгляды. Полная ея, складками, шея наливалась кровью, но рѣшала Варвара Федоровна безропотно нести свой материнскій крестъ.

Домашнія отношенія установились съ перваго же дня. Это не были тѣ отношенія, о которыхъ мечталъ Андрей Михайловичъ, стоя у окна и плача въ памятный день пріѣзда дочери. Получалось такъ, что въ домѣ съ утра до вечера идетъ спектакль, и всѣ они разыгрываютъ роли: супруги добросердечныхъ, чуткихъ и все простившихъ родителей, Неточка же — благодарную дочь, почтительную, но замкнутую, готовую на каждомъ шагу къ оскорбленію. Изъ домашнихъ только одна Лена заходила къ сестрѣ въ комнату, и подолгу, запершись, сидѣли онѣ вдвоемъ, но было непонятно, какія общія темы могутъ быть у наивной дѣвушки и женщины, „прошедшей огонь и воду“, какъ въ минуты внезапнаго озлобленія думала мать.

Иногда, больше вечерами, садилась Неточка къ піанино, приподымала полированную крышку и клала тонкіе выхоленные пальцы свои на костяные клавиши. Садясь рядомъ, Лена смотрѣла сестрѣ въ глаза, точно изучала, какъ мѣняется ея лицо, отражающее на себѣ всѣ настроенія. Неточка играла технически несовершенно, часто срывались у нея пальцы, и трудный Григъ почти не выходилъ у нея, но въ каждомъ звукѣ были настоящія слезы и подлинный плачъ. Еще бодрые мотивы не давались ей, и, какъ-то вдругъ уставая, захлопывала она піанино, говоря съ грустью:

— Радоваться я не умѣю... Жизнь отучила.

Гуляла Неточка всегда одна. Люди постарѣли, перемѣнились, гимназическія подруги разбрелись по всей Россіи, а городъ остался прежнимъ, словно протекшіе годы не задѣли ни улицъ, ни построекъ разрушающими и безжалостными своими крыльями. Стояли въ немъ все тѣ же низкіе, вросшіе въ землю дома съ мѣщанскими полисадниками, длинныя и широкія улицы, все та же сѣрая, источенная дождями каланча подымалась надъ крышами, а внизу, на Тверцѣ, попрежнему шумѣли безпокойные пороги; въ оградахъ церквей, какъ и девять лѣтъ назадъ, топыркія рябины просовывали въ желѣзныя рѣшетки красныя свои грозди. Вечерами вы-

ходила Неточка на улицу, кутая шею въ мѣховую горжетку. Шляпка низко закрывала ея лобъ, такъ что видны были только юркіе глаза и слегка подкрашенныя губы, которыя улыбались—быть можетъ, съ тоской—знакомымъ этимъ картинамъ. Неточка шла Ямской, потомъ Предтеченскимъ переулкомъ, потомъ выходила къ Тверцѣ, садилась на скамью подъ обнищавшей ольхой, теряющей по вѣтру шершавые свои листья. Быстро шла внизу свинцовая вода, по рѣкѣ гулко стлались вздохи паровой зарѣчной мельницы, съ печальнымъ граемъ садились вороны на деревья и крыши, на кресты многочисленныхъ церквей. Подъ докучные звуки эти часами любила просиживать Неточка: можетъ быть, забывала она девять минувшихъ безпокойныхъ лѣтъ, думая, что попрежнему у нея длинныя до колѣнъ косы, и сочныя губы, которыхъ не надо красить, и тонкія дѣвичьи рѣсницы, нетронутыя сурьмой.

Она смѣялась этимъ мыслямъ, но тонкій жалобный смѣхъ ея гасъ въ горжеткѣ, которую зябко подымала она къ губамъ...

Въ серединѣ сентября случились директорскія именины, уклониться отъ которыхъ Андрей Михайловичъ считалъ неловкимъ по долгу службы, а такъ какъ директоръ настоятельно просилъ и супругу, и дочь, навѣстившую родителей, то одному ему пойти уже совсѣмъ не являлось возможнымъ, чтобы не подчеркнуть передъ всѣми своей холодности къ дочери и стыда за ея прошлое. Одѣваясь въ спальной, разглядывая въ зеркальномъ шкафѣ полныя свои могучія плечи, въ первый разъ Варвара Федоровна высказала въ слухъ что-то въ родѣ того, что вотъ, молъ, до чего дожили: приходится родителямъ краснѣть за Неточку. Въ комнатѣ никого, кромѣ нея, не было, поэтому и хватило у нея смѣлости на неосторожныя эти слова, но, сказавъ, она поняла вдругъ, что раздраженіе не умретъ въ ней, и она каждую минуту можетъ все повторить въ глаза дочери.

Неточка одѣвалась съ помощью Лены; какъ всегда костюмъ ея былъ изященъ и не крикливъ и шелъ къ ея подкрашенному лицу, которому она умѣло придала выраженіе утомленности.

У директора домъ былъ полонъ гостей. Самъ директоръ отличался гостепріимствомъ, добродушіемъ и необыкновенной любовью къ игрѣ въ шашки, въ чемъ былъ немалый виртуозъ: говорили, что „Ниву“, выписываемую въ торговое

училище на казенный счетъ, разрѣзалъ онъ съ заднихъ страницъ, гдѣ ежемѣсячно помѣщался отдѣлъ шашекъ и задавались такія головоломныя задачи, на рѣшеніе которыхъ даже директоръ тратилъ нѣсколько дней. За уроками бывалъ онъ скученъ и вялъ, глядѣлъ въ потолокъ и не слушалъ, какую ахинею несутъ ему ученики, отвѣчая заданное. Онъ служилъ въ городѣ второй десятокъ лѣтъ; Неточка сразу узнала грузную его и неловкую фигуру, когда онъ вышелъ имъ навстрѣчу, радостно протянувъ впередъ руки.

— Душевно радъ, сердечно тронутъ, — заговорилъ директоръ, надвигаясь огромной своей грудью на пришедшихъ, — Ба, да это Анна Андреевна! Изъ дальнихъ странствій возвратясь... Душевно, душевно!

Онъ помогалъ дамамъ снять пальто и потомъ, когда лобызался съ Андреемъ Михайловичемъ, все говорилъ между поцѣлуями:

— Спасибо... пришли... не забыли... обрадовали... именинника...

За столомъ въ столовой сидѣли мѣстные педагоги съ женами: все новыя для Неточки лица — только одного учителя рисованія, смирнаго, созерцательнаго старичка, она помнитъ. При появленіи Улановыхъ всѣ повернули къ нимъ головы, мужчины привстали даже, и въ рѣзко смолкнувшемъ разговорѣ и въ напрягшихся, слишкомъ внимательныхъ взглядахъ почувствовалось острое, почти нестерпимое любопытство Варвара Федоровна, заслонивъ могучимъ своимъ бюстомъ дочь, начала уже отъ двери кивать головою, во что бы то ни стало желая показать, что она не замѣчаетъ повышеннаго этого настроенія. Втроемъ они обошли весь столъ, пожимая протянутыя руки; старики были смущены, а Неточка скользила по лицамъ быстрыми своими глазами, и губы ея были плотно сжаты, словно боялась она, что вырвется мелкій насмѣшливый смѣхъ. Потѣснясь, освободили имъ три мѣста; Неточку посадили между родителями, что вышло очень неловко, точно они готовились защищать ее отъ нападокъ. Разговоръ долго не завязывался; щуря глаза, быстро оглядывала Неточка собравшихся: за эти девять лѣтъ директорша поблекла, увяла, но попрежнему движенія ея рѣзки и неожиданны, и лицо все еще подергивается — слѣдъ испуга въ дѣтствѣ. Остальные—обычные прѣсные люди, какихъ много въ толпѣ; на дамахъ цѣломудренныя прически и платья, въ которыхъ ни на волосъ нѣтъ вкуса. Ахъ, какъ отвыкла Неточка отъ такихъ людей!

Считая молчаніе неприличнымъ, директорша спросила, не подумавъ, подергивая лицомъ:

— Давно пріѣхали, Анна Андреевна?

Варвара Федоровна вдругъ покраснѣла до того, что на нее больно стало смотрѣть. Слегка скосивъ глаза, Неточка отвѣтила:

— Дня четыре назадъ.

— Ахъ, только!..

Сидѣвшій напротивъ учитель математики, съ отпечаткомъ на лицѣ отвлеченныхъ и видимо очень мучительныхъ мыслей, отпилъ отъ стакана два глотка и вмѣшался въ разговоръ:

— Ежели вы, простите, въ нашемъ городѣ впервые, то, я думаю, какое неважное впечатлѣніе у васъ составилось о немъ!

Очевидно, математикъ или не зналъ, или забылъ Неточкину исторію; опять всѣ неловко замолчали.

Засмѣявшись мелкимъ своимъ смѣхомъ, Неточка отвѣтила:

— Напротивъ, я родилась здѣсь, но я провела внѣ города девять лѣтъ.

Въ ея голосѣ послышался вызовъ, глаза еще больше сощурились. Страдая, Варвара Федоровна стала, накладывать варенье, чтобы замаскировать безпокойство свое, но именно по этой причинѣ слишкомъ долго она не могла опустить на блюдечко ложку, съ которой стекалъ густой сиропъ.

Ничего не подозрѣвавшій математикъ продолжалъ:

— Что же вызвало такую долгую отлучку?

— Обстоятельства-съ, — внезапно вмѣшался Андрей Михайловичъ, сердито сдвинувъ брови и громко разбалтывая въ стаканѣ сахаръ. Неточка засмѣялась.

— Ничего нѣтъ удивительнаго, вѣдь я актриса.

Это было уже слишкомъ, этого не могло перенести Варвара Федоровна; мало того, что дочь поставила ихъ въ двусмысленное положеніе, но она же еще афишируетъ свое недостойное прошлое. Поперхнувшись, закашлялась Варвара Федоровна и кашляла такъ долго, что на лбу у нея вздулась жила и лицо побагровѣло. Но здѣсь директорша, рѣзко мотнувъ головою, проговорила громко на весь столъ:

— Ардальонъ умѣетъ подражать птицамъ... вы не всѣ слыхали, господа? Вотъ Анна Андреевна уже навѣрное не слыхала. Ардальонъ, ты насъ порадуешь?

Несмотря на то, что всѣ слышали, какъ директоръ копируетъ птицъ, просьба была уважена. Это былъ лучшій вы-

ходъ, который могла выдумать директорша. Ардальонъ Васильевичъ началъ съ того, что пояснилъ, почему онъ любитъ природу и когда онъ ее полюбилъ. Оказывается, полюбилъ онъ ее еще въ дѣтствѣ, мальчишкой вотъ этакимъ, примѣрно (жестъ рукой), во время поѣздокъ своихъ въ дѣдово имѣніе; бродилъ по лѣсамъ, по тальникамъ и болотамъ, собиралъ костянику, слушалъ говоръ птичій. Добрые, наивные глаза Ардальона Васильевича сдѣлались глубокими, созерцательными, какъ у ребенка, который впервые задумался о Богѣ. Облокотясь непомѣрно грузными своими широкими ладонями на столъ, говорилъ онъ разнѣженно, остановивъ глаза на хрустальныхъ висюлькахъ лампы:

— Вотъ и сталъ я въ ту пору примѣчать, какъ птица Бога славитъ и какія чувства свои въ пѣніи передаетъ. Крохотныя, словомъ, птичьи свои чувства. Скажемъ, весною или очень уже раннимъ лѣтомъ, когда ночи ароматны и въ воздухѣ такой-этакій дурманъ или благораствореніе, гдѣ-нибудь въ рощицѣ начинаетъ щелкать подлецъ-соловушка. Пичужка наблюдательная. Прислушайтесь, что говоритъ: „мужикъ, мужикъ, мужикъ... сало, сало... пёкъ, пёкъ... выпекъ, выпекъ, выпекъ... мужи-икъ!“

Потомъ говорилось о дятлѣ, который стучитъ носомъ по дереву: „ту-укъ, ту-укъ... я на деревѣ сижу-у, съ дерева гляжу-у, Прохоръ съ топоромъ идетъ“, о дергачѣ, птицѣ суровой и норовистой, сварливой какъ старая баба, вѣчно бранящейся: „а, ты такъ! а, ты такъ! дур-ракъ!“ Вскидывая руками, хватая сосѣдей за пуговицы и за плечи, долго разсказывалъ директоръ о наблюденіяхъ своихъ, и казалось, что это именно и есть самое главное въ его жизни, его радость и утѣшеніе, а директорскій сюртукъ, такъ не приставшій къ нему, является капризомъ своенравной затѣйницы-судьбы. По общей просьбѣ оживившагося общества въ заключеніе было разсказано о свиньѣ:

— Свинья, видите ли, животное лѣнивое, неопрятное, скажемъ, праздное. Лежитъ, простите за грубость, въ вонючей грязи и хрюкаетъ: гу-берна-торъ, гу-берна-торъ...

Разсказы директора вызвали оживленіе, первое замѣшательство было улажено, и когда послѣ чая всѣ гурьбою прошли въ гостиную, уже не чувствовала Варвара Федоровна неловкости; присѣвъ съ женою естественника, пустой и словоохотливой уѣздной дамой, завела она разговоръ на неистощимыя свои темы. Кое-кто изъ мужчинъ прошли въ дирек-

торскій кабинетъ покурить, что, впрочемъ, оказалось хитрою уловкой: тотчасъ же за дверью захлопали торопливо раздвигаемые ломберные столы, и привычные чьи-то пальцы съ трескомъ распечатали колоду картъ. Длинный математикъ, прозывавшійся Константиномъ Игнатьевичемъ, счелъ своимъ долгомъ продолжить съ Неточкой такъ неудачно начатый разговоръ. Неточка сѣла у піанино и, по привычкѣ своей слегка кося глаза, разсматривала учительскихъ женъ. Вокругъ Варвары Федоровны жены образовали кружокъ, и только одна изъ нихъ, супруга математика, съ неприступнымъ и скучающимъ видомъ сидѣла у стѣны, сложивъ на колѣняхъ худыя и широкія, какъ у мужчины, руки. Всегда чувствовала она себя одинокой и лишней, и лицо у нея было плоское, безцвѣтное, словно выстиранное.

Константинъ Ивановичъ, повертывая на длинномъ пальцѣ обручальное свое кольцо, тихо говорилъ:

— Я самъ частенько игрывалъ на любительскихъ сценахъ, но, конечно, съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлался преподавателемъ, не имѣю больше этой возможности. Вамъ, артисткѣ, я думаю, мы всѣ кажемся грубыми и этакими, какъ бы это выразиться, обросшими мхомъ. Чего же отъ насъ ждать? Ни одинъ изъ насъ не служитъ по призванію, изо дня въ день все одно и то же: „Ивановъ Сергѣй, не разговаривай за урокомъ!“ либо: „Уласевичъ, опять ты не знаешь, чему равняется квадратный корень изъ а плюсъ бе въ квадратѣ? „Я, знаете ли, московскій учительскій институтъ кончилъ восемь лѣтъ назадъ, и до сихъ поръ сижу въ этой дырѣ. Жену мою я здѣсь присмотрѣлъ, мы вотъ шесть лѣтъ какъ уже вѣнчаны.

— Зачѣмъ вы мнѣ все это разсказываете? Какой вы скучный.

Онъ посмотрѣлъ на нее грустными, виноватыми глазами.

— Въ нашемъ городѣ нѣтъ интереспыхъ людей, наша страшная, бездѣятельная, безсодержательная жизнь затягиваетъ лучшія души, какъ тина.

Выставивъ маленькія свои ножки такъ, чтобы математикъ видѣлъ ихъ, Неточка сказала, растягивая слова какъ дѣвочка:

— Я же актриса. Развѣ можно быть искреннимъ съ первой встрѣчи съ актрисой?

— Почему же нельзя?

— Актрисы легкомысленны.

— Я не мальчикъ, — серьезно молвилъ Константинъ Игнатьевичъ и, поднявъ грустные свои глаза, долго и внима-

тельно поглядѣлъ Неточкѣ въ лицо. Онъ увидѣлъ тонкія, правильныя черты его, умѣлую игру бровей и красныя губы.

— Моя жена настолько безцвѣтна, что можно придти въ отчаяніе. Знаете, она даже бьетъ сына за шалости. Вотъ и и теперь, какъ грубая деревенская женщина, она смотритъ на меня и ревнуетъ; если я сейчасъ не оставлю васъ, то можетъ произойти непріятная сцена. Въ прошломъ году, представьте себѣ, она вообразила, что я переписываюсь съ гимназисткой Бѣлецкой.

Неточка засмѣялась, подергивая уголками рта, Константинъ же Игнатьевичъ всталъ и, расправивъ высокія свои плечи, не спѣша отошелъ къ женѣ. Неточка видѣла, какъ жена что-то, говорила ему и все старалась, чтобы со стороны казалось, что она говоритъ о самомъ обычномъ, но тусклыя щеки ея прыгали, и смѣшно вытягивалась нижняя губа.

Неточка осталась одна. Въ столовой до ужина составилось лото, и она, заслышавъ голоса, рѣшила туда пройти. Директорша, взбалтывая въ мѣшкѣ желтые боченки, выкликала номера; когда Неточка вошла, всѣ посмотрѣли на нее все съ тѣмъ же любопытствомъ, еще болѣе безцеремоннымъ оттого, что не было въ комнатѣ ни мужчинъ, ни Варвары Федоровны, любительницы преферанса.

— Не хотите ли взять карту, милочка?

Неточка поблагодарила директоршу и заняла стулъ; сосѣдка ея поспѣшно, точно могла заразиться, отодвинулась отъ нея, оглянувшись черезъ плечо; кто-то засмѣялся.

— Тридцать семь, — выкликнула директорша.

Но игра потеряла всю занимательность. Семь паръ женскихъ глазъ, безпощадныхъ и колючихъ, остановились на Неточкѣ, нащупывая ее съ безцеремонностью и даже со злобой. Точно въ среду этихъ женщинъ привели сейчасъ опаснаго, потерявшаго стыдъ и совѣсть человѣка, который можетъ каждую минуту обокрасть ихъ или убить, а, можетъ быть, обокралъ уже кого-нибудь и убилъ. Неточка поняла, что сейчасъ поведутся атаки, отъ которыхъ она должна сумѣть оборониться. Она скосила подведенные свои глаза и засмѣялась, но ничего жалкаго не было уже въ этомъ смѣхѣ, и онъ билъ этихъ женщинъ по лицамъ, какъ пощечины.

Блѣдная дама со вставными зубами, ослѣпительно блистающими, проговорила невиннымъ тономъ:

— А гдѣ же милочка, вашъ... супругъ?

И глаза ея въ это время были ласковы и довѣряющи. Немного поблѣднѣвъ, Неточка отвѣтила:

— Вы хорошо знаете, что у меня нѣтъ законнаго мужа.

— Ахъ, свободный бракъ!..

Хихикающимъ образомъ вторая добавила:

— Это удобнѣй... Вѣдь дѣтей они избѣгаютъ имѣть.

Директорша, покраснѣвъ, бросила на колѣни мѣшокъ съ номерами и, дергая лицомъ и плечами, взволнованно перебила:

— Но, господа, почему этотъ враждебный тонъ?

Неточка молчала, глядя поперемѣнно въ глаза говорившимъ, и та, на которой останавливался ея взглядъ, опускала глаза, но все же продолжала говорить, глядя на заставленныя боченками карты,

— Вы въ какихъ же театрахъ выступаете? Въ какихъ пьесахъ?

— Не правда ли, разныя бываютъ пьесы? Вотъ фарсы тоже бываютъ; говорятъ, туда и порядочные мужчины стыдятся ходить.

— Я говорю: каково Варварѣ Федоровнѣ теперь. Такая умная женщина, и вотъ! Вторая дочка гимназистка, каковъ же примѣръ.

Директорша, поднявшись, встала за спинкой своего стула и, пристукивая носками о полъ, растерянно повторяла:

— Господа, господа, я же не могу позволить у себя въ домѣ... Анна Андреевна, голубушка, простите ради Бога!

Неточка тоже встала; во внезапно воцарившейся тишинѣ она сказала громко, такъ что ея голосъ былъ слышенъ въ гостиной:

— Что я вамъ всѣмъ сдѣлала? Я отняла у кого-нибудь мужа или украла что-нибудь? Знаете, я слишкомъ горда и самолюбива, чтобы вы могли меня оскорбить!

Глаза ея сдѣлались круглыми, всѣ ждали, что произойдетъ что-нибудь необычайное, но она разсмѣялась только тонкимъ своимъ смѣхомъ и вдругъ, оборвавъ, повернулась и пошла изъ столовой; директорша кинулась за ней, но Неточка, не оборачиваясь, прошла черезъ гостиную въ прихожую и стала одѣваться. Изъ кабинета доносились прибауточки и присказы, безъ которыхъ не обходится ни одна порядочная пулька. Неточка слышала сердитый голосъ матери, говорящій:

— Ежели вы, батенька, слѣпы, то извольте надѣвать очки: я же показывала вамъ масть. Такъ, сударь мой, не годится.

Директорша, стоя въ дверяхъ, складывала умоляюще руки и говорила:

— Ради Бога, Анна Андреевна, простите... Не уходите же! Ахъ, Боже мой, ну что это за народъ, право, точно въ Чухляндіи живемъ.

Не отвѣчая ей, Неточка вышла на лѣстницу, прошла мимо сторожа, почтительно поклонившагося сумочкѣ, изъ которой, задержавшись, достала она ему двугривенный. Ночь была лиловая, звѣздная, деревянные тротуары слегка мутнѣли. Звонко стуча каблуками, пошла Неточка улицей: смѣхъ душилъ ее. Сколько разъ помнитъ она себя такою, выгнанной на улицу, не знающею, куда дальше идти! Она посмотрѣла на звѣзды, ныряющія въ оливково-синемъ небѣ; такъ когда-то смотрѣла она въ небо наивной и глупой дѣвушкой, вѣря, что за звѣздами спитъ добрый Богъ; если бы она вѣрила въ одного только Бога, то давно умерла бы гдѣ-нибудь подъ заборомъ, и горѣли бы надъ нею равнодушныя звѣзды, какъ панихидныя свѣчи у гроба. Нужно вѣрить въ себя, иначе погибнешь. Ахъ, какъ больно бьетъ жизнь! ея удары, какъ бичъ... Ничего, она привыкла, пусть бьютъ, пусть бьютъ еще сильнѣе, все стерпитъ актриса, пронесшая на плечахъ своихъ девять лѣтъ испытаній...

Ее душилъ смѣхъ, колючій, какъ иглы елокъ, бередящій душу горше слезъ. И подымая навстрѣчу ночи смѣющіеся глаза, сказала кинутая актриса, сжимая до боли въ пальцахъ изящныя, нѣжныя свои руки:

— Ни черта!

IV.

— Это вы, Константинъ Игнатьевичъ? Конечно, это вы! Я такъ и думала, что вы пойдете за мной по пятамъ.

Математикъ остановился, поднялъ голову и поглядѣлъ на звѣзды.

— Васъ оскорбили въ томъ домѣ. Я все слышалъ.

Неточка засмѣялась. Она сидѣла на бульварной скамьѣ, внизу Тверца глухо урчала непокойными своими порогами.

— Меня оскорбили, а вы и не вздумали заступиться. Хорошъ рыцарь!

— Я не рыцарь. Къ тому же, ежели бы я и вступился, вамъ все равно не стало бы отъ того легче, но получилась бы лишняя непріятность съ женой.

— Боже мой, какъ это скучно!

Она заложила ногу за ногу и сидѣла, обнявъ колѣно сомкнутыми руками. Онъ близко отъ себя видѣлъ ея мутнѣющій профиль, и глаза ея, глубокіе отъ темноты, казались ему загадочными и скорбящими. Неточка думала о чемъ-то своемъ и, раскачивая корпусомъ, смѣялась.

— Я рискую показаться вамъ смѣшнымъ черезъ мое преслѣдованіе. Но это не такъ. Когда человѣкъ живетъ въ темнотѣ и вдругъ увидитъ передъ собой огонь, онъ пойдетъ за нимъ всюду, не боясь, что обожжется. Меня тяготитъ мое настоящее, съ каждымъ днемъ я становлюсь грубѣй и нелюдимѣй. Мнѣ странно думать о томъ, что когда-то я былъ воспитанникомъ учительскаго института и жилъ въ Москвѣ, гдѣ уличная толпа, лекціи, музеи и опера. Я не могу такъ больше жить.

— Ахъ, милый, но я здѣсь не при чемъ.

Онъ помолчалъ, потомъ заговорилъ опять:

— Но я не могу бросить все и уѣхать, ибо здѣсь у меня жена, двое дѣтей и разбитая параличомъ мать. Помимо всего, извините, я пью. Меня мучатъ разныя жестокія мысли.

Неточка устало откинулась на спинку и закрыла глаза.

— Перестаньте, — сказала она капризно, — вы ходячая черная меланхолія. Если вамъ надоѣло жить, застрѣлите себя изъ пистолета.

— Я уже набредалъ на эту идею, — мрачно промолвилъ Константинъ Игнатьевичъ, — но я уже сказалъ вамъ о моихъ семейныхъ обстоятельствахъ.

— Положеніе безвыходное, — засмѣялась Неточка, — но, простите, мнѣ съ вами скучно. Проводите меня домой.

Она зябко повела плечами, ночи становились холодныя; вѣтеръ, тянувшій съ Тверцы, гналъ по бульвару стаи сухихъ листьевъ.

Идя вслѣдъ за Неточкой, математикъ продолжалъ:

— Относительно положенія вы сказали правду. У меня, въ сущности, нѣтъ иконы.

— Что? — не поняла Неточка.

— У каждаго человѣка есть своя икона. Человѣку въ жизни душно, страшно, а онъ пойдетъ въ уголокъ, помолится на икону, и покажется ему, что онъ угодникъ Божій, мученикъ, и легче черезъ это ему станетъ жить. У васъ икона — сцена. Развѣ я не понимаю? Въ жизни шаги ваши тяжелые, будто гири на ногахъ волочите, а на сценѣ, поди, обо всемъ забываете.

— Однако, вы...

— Я говорю вамъ правду. А у меня иконка поношенная, грязная, не вѣрится въ нее: у меня иконка — это, простите, чарочка. Послѣ отрезвленія жизнь еще темнѣй; и потомъ мнѣ, какъ учителю, часто пить не полагается.

Потомъ до самой квартиры прошли они молча. Заслышавъ шаги, на балконѣ тявкнула Бокса, поцарапала по полу лапами и снова успокоилась. Мѣрно ступая кривыми ногами своими, гремя колотушкой, шелъ по мостовой ночной сторожъ, одѣтый въ зимнюю поддевку и стоптанные валенки. Онъ шелъ и пѣлъ себѣ подъ носъ: „Иже херувимы, тайно образующе“... и былъ счастливъ тѣмъ, что послушно бѣжитъ подъ нимъ исхоженная за жизнь дорога, и сладко тюкаетъ подруга-колотушка, и рѣютъ надъ нимъ и спящею улицей легкокрылые херувимы.

— Еще я несчастливъ тѣмъ, — угрюмо проговорилъ Константинъ Игнатьевичъ, — что не встрѣтилъ на пути истинной женщины. Есть женщины, которыя грѣютъ душу, какъ лучезарный свѣтъ, и есть женщины, которыя принижаютъ...

— Ахъ, прощайте ужъ лучше. Всѣ вы одинаковы!

Притворясь разсерженной, открыла Неточка калитку, потомъ изнутри задвинула ее засовомъ; долго еще стоялъ передъ калиткою Константинъ Игнатьевичъ, глядя мрачными глазами на неподвижное кольцо, и долго еще увѣрялъ онъ, что превратно понятъ. Неточка обошла домъ, окна его были темны, только въ кухнѣ, бросая на красную занавѣску жалостный струящійся свѣтъ, ровно горѣла лампадка. Падали яблоки. Когда-то Неточка умѣла угадывать, рижскій ли наливъ уронилъ свои яровчатые плоды въ траву, старая ли узловатая коричневая, что̀ трется о заборъ раскоряченными вѣтвями своими. Было это такъ давно, что не хочется ни думать, ни вспоминать....

Возвращаясь тихой спящей улицей, Константинъ Игнатьевичъ прошелъ мимо переулокъ, гдѣ ему надлежало свернуть и, почти упершись въ ограду церкви, долго соображалъ, при какихъ обстоятельствахъ онъ сбился. На душѣ его было темно, словно осѣдали на ней, одинъ за другимъ, гнетуще пласты, вымирали послѣднія его свѣтлыя чувства. Такіе припадки злѣйшей тоски, отъ которой некуда дѣваться, всегда испытывалъ онъ передъ запоемъ. Надвинувъ глубже шляпу, далеко впередъ выкидывая ноги,

продолжалъ онъ свой путь, и ему казалось, что онъ идетъ въ гору и что никогда не будетъ конца изнурительной этой ходьбѣ. Впрочемъ, на этотъ разъ Константинъ Игнатьевичъ ошибся: кто-то сзади, снаскоку, развернулся и ударилъ его по головѣ съ такой силою, что учитель, потерявъ шляпу, свалился съ панели. Чувствуя тупую боль отъ удара и растерявъ мысли, онъ сѣлъ на мостовой и непонимающими глазами долго глядѣлъ на маленькаго пьянаго человѣка, стоявшаго возлѣ и сильно жестикулирующаго. Отдышавшись, призналъ въ немъ математикъ Якова Ефремовича.

— Ты зачѣмъ это актрису провожалъ? — задыхаясь, закричалъ Яковъ Ефремовичъ, танцуя на нетвердыхъ ногахъ своихъ.

Поднявшись сначала на четвереньки, потомъ вытянувшись во весь ростъ, Константинъ Игнатьевичъ строго произнесъ:

— Вамъ должно быть неизвѣстно, что полагается за драку на улицѣ? За драку на улицѣ полагается судъ. Вотъ-съ!

Но Яковъ Ефремовичъ, утирая пьяныя слезы, все напрыгивалъ на него, какъ собаченка.

— Нѣтъ, ты отвѣть мнѣ, сдѣлай милость, зачѣмъ ты актрису провожалъ?

Отвернувшись отъ него, Константинъ Игнатьевичъ продолжалъ свой путь. Не отставая, пошелъ за нимъ Яковъ Ефремовичъ и, припрыгивая, говорилъ:

— Повѣрь мнѣ, Константинъ Игнатьевичъ, что душа горитъ... Когда онѣ гуляютъ, такъ я за ними, какъ песъ, ползу, слѣдъ ихній цѣлую, а выйти робѣю. Пьяненькій я въ большинствѣ случаевъ. Имъ же невдомекъ. Не ходи ты за ними, сдѣлай милость!

Билъ рукою по впалой своей несчастненькой груди:

— Уважь! Много благодаренъ я Еленѣ Андреевнѣ за ласку, но какъ актрису увидалъ, то потерялъ разсудокъ. Съ одного взгляда пламенно полюбилъ.

Такъ шли они вдоль темныхъ улицъ, пустыхъ и гулкихъ какъ церковь. Свѣтало; у горизонта, за Тверцой, процѣживалась свѣтлая бѣлая лента, и въ утреннемъ осеннемъ холодѣ стыпули облака, клубами нависшія съ запада.

Въ этотъ же предразсвѣтный часъ, протянувъ обнаженную руку къ столику, Елена чиркнула спичкой и, зажегши свѣчу, сѣла на постели. Минувшій день все еще волновалъ

ее. Отыскавъ карандашъ, она придвинула къ себѣ толстую синюю тетрадь, страницы которой были переложены засушенными цвѣтами. Это дневникъ ея; въ немъ всѣ ея смутныя чувства, рожденныя въ тишинѣ комнатъ, и подъ бѣлыми шапками цвѣтущихъ яблонь, и въ осенніе долгіе вечера, когда, задумавшись, выпускала она изъ рукъ мертвый, бездушный учебникъ. Раскрывъ его въ томъ мѣстѣ, гдѣ страница заложена синей ленточкой, принялась писать:

„Жила-была королевна... Вѣтеръ раскачивалъ подъ окнами осеннія яблони, и падали яблоки, шурша въ листьяхъ, покоробленныхъ и ссохшихся. Королевича ждала королевна. Онъ пришелъ больной и безсильный, настоящій ли онъ былъ, того не знала королевна. Въ первый разъ она увидѣла его въ канавѣ, за садомъ, онъ былъ пьяный, и лицо его было выпачкано въ землѣ, и костюмъ его былъ неопрятенъ. Ей стало жалко и, подойдя, спросила королевна, зачѣмъ онъ пьетъ? Онъ былъ жалкій такой и вдругъ пополз за нею и сталъ цѣловать ей край юбки и туфли, какъ больная измученная собака.

„Королевичъ ли онъ, того не знала королевна, но, жалѣя, смотрѣла въ его глаза, и ей казалось, что много любви въ ея сердцѣ и много нѣжности и жалости къ нему.

„Но пришла другая, и онъ измѣнилъ королевнѣ. Онъ пополз за другой, такой же жалкій и неловкій. Гордая, не тоскуетъ королевна: онъ вернется къ ней. Но уже сердце ея будетъ холоднымъ какъ ледъ, и не будетъ въ немъ ни жалости, ни расположенія къ нему...“

Бросивъ карандашъ, закрываетъ Елена ладонями горящія свои щеки.

— Какъ смѣшно, какъ странно я написала: жила-была королевна...

Растекается уже по саду безсолнечное морочное утро; обнищалыя яблони вонзаютъ топыркія макушки въ облака, стремительныя въ осеннемъ своемъ порывистомъ бѣгѣ. Шумитъ вѣтеръ. Сегодня садовникъ Исидоръ выйдетъ сотрясать яблони, чтобы не поклевали яблокъ вороватыя осеннія птицы.

V.

Батюшка Якова Ефремовича сдаетъ въ своей квартирѣ обширную залу съ хорами, электричествомъ и прислугою

подъ уѣздныя свадьбы, поминальные обѣды, всевозможные юбилеи и чествованія. И тогда въ смежной комнатѣ, гдѣ суетливые лакеи во фракахъ и бѣлыхъ нитяныхъ перчаткахъ сортируютъ блюда, закуски и вина, сидитъ притихшій Яковъ Ефремовичъ, плотоядно смотритъ на бутылки и глотаетъ жадную слюну. Сидитъ, слушаетъ раскаты смѣха за стѣною, грохотъ отодвигаемыхъ стульевъ, напыщенныя рѣчи... А потомъ хлопаютъ подъ штопоромъ пробки бутылокъ... Смотритъ, какъ штопорный винтъ врѣзается со скрипомъ въ пробочную мякость, какъ потомъ медленно и упрямо ползетъ вверхъ пробка, и это зрѣлище доставляетъ Якову Ефремовичу наслажденіе неизъяснимое и мучительное.

Всѣ въ городѣ знаютъ, что Яковъ Ефремовичъ неудавшійся сынъ у Ефрема Васильича, и лакеи открыто говорятъ ему: „А пошли бы вы, Яковъ Ефремычъ, по своему дѣлу, вѣдь опять будете пьяненькій“, и уже самъ Яковъ пересталъ стыдиться спитого своего лица, несвѣжихъ воротничковъ и нечищенныхъ и сносившихся своихъ штиблетъ. На свою безталантную жизнь онъ махнулъ рукой, только вспоминаетъ иногда не безъ горечи начальные классы торговаго училища, изъ котораго былъ выгнанъ за пьянство съ буйствомъ и неприличными выходками.

Съ войною устраивать попойки стало труднѣй, подчасъ и невозможно, но просила душа отравы, и свѣтъ безъ вина казался постылымъ, люди злыми и грубыми. Онъ бывалъ въ такіе дни больнымъ, лежалъ въ мезонинѣ на жесткой и смятой своей постели, ворочался и стоналъ, подымаясь лишь затѣмъ, чтобы завѣсить шторой окно отъ раздражающаго, назойливаго солнца. Въ гостепріимныхъ скворешняхъ заливались бойкія пичуги, во дворѣ мальчишки играли въ войну, ихъ сочные, звонкіе голоса врывались въ окна мезонина, а Якову Ефремовичу свѣтъ былъ не милъ.

Потомъ онъ пристalъ къ безшабашной купеческой компаніи, сталъ бѣгать къ Тетюхину въ гостиницу, гдѣ по ночамъ, за двѣнадцать, все было возможно и все въ достаткѣ. Появлялись тройки, звенѣлъ колокольчикъ, блѣдныя женщины тѣсно-тѣсно садились съ нимъ въ тарантасъ, обнимали его за шею, и вѣтеръ начиналъ бить имъ въ лица, пьяный и разгульный... Просачивалась сквозь свинецъ неба чахлая осенняя заря, воздухъ къ утру становился гулокъ и свѣжъ. Ахъ, вся душа была выпита пьяными криками, исцѣлованы сухія губы!.. Страшная, невыносимая тоска хватала Якова

Ефремовича за сердце и, падая на дно тарантаса, видя близко отъ своего лица его пыльное, застланное сѣномъ дно, и переплетшіяся ноги, кричалъ онъ источно:

— Лена, прости!

Всѣ смѣялись его крику, а женщины, визгливо и издѣваясь, спрашивали про Елену и глумились надъ ней. Кто-то поднималъ его воротъ, нахлобучивалъ ему на глаза картузъ и прихлопывалъ рукою сверху. Задыхаясь, Яковъ Ефремовичъ валился на дно тарантаса, и голова его начинала биться объ облучокъ.

Частныя церкви скликали уже къ ранней обѣднѣ помнящихъ Бога; крестясь, выходили изъ скрипучихъ калитокъ богомолки, остановившись, глядѣли вслѣдъ тарантасамъ и шушукались тихо.

Яковъ Ефремовичъ кричалъ громко:

— Лена, прости!

Его высаживали, почти выбрасывали у воротъ его дома, и онъ долго стучалъ, прислонясь къ палисаднику, уговаривая брехавшую во дворѣ собаку. Дворникъ отворялъ ворота, стуча болтомъ, бралъ Якова Ефремовича за плечи и кричалъ на него:

— Шляешься тутъ! Вотъ папашенька тебя... погодь.

Яковъ Ефремичъ крался къ себѣ въ мезонинъ, ступеньки качались подъ его ногами, въ ушахъ оглушительно чиликали воробьи.

— Переборъ! — молвилъ Яковъ Ефремовичъ съ досадою и, стукнувъ кулакомъ по столу, добавилъ въ банкъ рубль съ полтиной.

Банкометъ, мусля пальцы, сдалъ захватанныя, ставшія пухлыми и масляными карты. Въ залѣ темно, надъ столомъ виситъ лампа съ жестянымъ колпакомъ и вертушкой надъ невычищеннымъ стекломъ. Лица у играющихъ красны и потны, у всѣхъ разстегнуты вороты, иные сидятъ въ жилеткахъ. Окна на улицу раскрыты, вѣтеръ безшумно качаетъ свѣтлыя занавѣси, доноситъ съ улицы стукъ лошадиныхъ копытъ и скрипъ рессоръ. Въ буфетѣ стучатъ ножи.

Яковъ Ефремовичъ, сдерживая подергивающійся ротъ свой, поглядѣлъ банкомету въ глаза. Онъ проигрываетъ.

— Еще? — спросилъ Семенъ Семенычъ, банкометъ.

— Еще!

„Ежели будетъ переборъ, я ударю его по физіономіи“, — подумалъ Яковъ Ефремовичъ, злобно поджавъ губы.

Быстрымъ движеніемъ онъ бросилъ на столъ карты, лицевой стороной вверхъ.

— Переборъ! — закричалъ Семенъ Семеновичъ.

За столомъ хохотъ. „Невезучка!“ — жалко подумалъ Яковъ Ефремовичъ, вставая изъ-за стола, у него нѣтъ больше денегъ. Сталъ бродить онъ вдоль оконъ, придумывая, у кого бы занять; вѣтеръ трепалъ прилизанные его волосы, дышалъ ему въ лицо свѣжимъ запахомъ осенняго дождя и мокрыхъ желѣзныхъ кровель. У него отъ азарта все еще дрожали руки, и на концахъ пальцевъ онъ испытывалъ лихорадочный зудъ. Но не у кого было взять денегъ; остановясь у окна, поднялъ онъ занавѣску и тупо смотрѣлъ въ ночную темноту, въ дождь. На Ямской, какъ пасти, свѣтились окна магазиновъ, желтые длинныя полосы лежали на мостовой, на черныхъ лужахъ, медленно ползущихъ подъ тротуары.

Потомъ онъ пошелъ въ буфетъ, за прилавокъ, уставленный бутербродами и фруктами, къ буфетчику Иванъ Потапычу. Буфетчикъ, слюня пальцы, считалъ у конторки мятыя мелкія кредитки; обрюзглое лицо его со свисающими сизыми щеками хранило напряженную серьезность.

— Иванъ Потапычъ, — нерѣшительно промолвилъ Яковъ Ефремовичъ, прикладывая ладони къ груди. Голосъ его былъ просителенъ и жалокъ. — Будь другомъ... одну.

Буфетчикъ затрясъ головой, чтобъ не мѣшалъ.

— Я подожду, — сказалъ Яковъ Ефремовичъ и сѣлъ, поджидая, когда буфетчикъ пересчитаетъ бумажки. Изъ-за огромнаго, ярко вычищеннаго самовара ему былъ виденъ весь буфетный залъ, маленькіе столики, лакеи вдоль стѣнъ...

Хлопнувъ конторкой, Иванъ Потапычъ промолвилъ:

— Шли бы вы до дому, господинъ хорошій.

Яковъ Ефремовичъ снова приложилъ къ груди потныя свои ладони.

— Одну!

Онъ все равно не уйдетъ отсюда, пока буфетчикъ не дастъ ему вина. Махнувъ рукою, пригласилъ Иванъ Потапычъ гостя за буфетъ, гдѣ занавѣской и шкафомъ образована была маленькая комнатушка.

— Пей, — сказалъ онъ, наливая изъ аптечнаго пузырька разбавленный свѣтлый спиртъ. — Пей, погибшая душа!

Яковъ Ефремовичъ сталъ пить жадными глотками, торкаясь зубами о стаканъ.

— Тебѣ признаюсь, другъ истинный, — сказалъ онъ, передохнувъ и наливая себѣ второй, — на войну иду.

Взявшись за толстый свой животъ, буфетчикъ гулко захохоталъ.

— Чурбанъ, чурбанъ ты!

Но обжегши себѣ горло спиртомъ, просвѣтленно подумалъ Яковъ Константиновичъ объ актрисѣ: за любовь ея онъ умереть готовъ...

VI.

Сегодня понедѣльникъ. Это второй уже понедѣльникъ, какъ Неточка дома. Проснувшись въ первомъ часу, одѣла она желтый свой пеньюаръ, отдѣланный цвѣтнымъ поплиномъ и, осторожно ступая босыми ногами, подошла и раздернула шторы: за стеклами вѣтеръ пригибалъ къ землѣ траву, хмурыя облака плыли тяжело и низко.

Присѣвъ у зеркала, стала разсматривать актриса лицо свое. Старѣетъ. У рта тонкія, какъ волосъ, замѣтныя лишь при улыбкѣ морщинки, на щекахъ, пріученныхъ къ пудрѣ и кремамъ, кожа неровна и дрябла.

Вошла Леночка; у нея сегодня немного болитъ голова, поэтому она не въ гимназіи. Блѣдное лицо ея несвѣже: она или плакала, или не спала ночь.

— Къ тебѣ можно?

Проводя тонкимъ карандашомъ по рѣсницамъ, Неточка отвѣтила:

— Что за вопросы? Мы съ тобой не чужія.

Лена сѣла у стола и, облокотясь, стала слѣдить за сестрой, за привычными ея быстрыми движеніями.

— Ты, Неточка, вѣроятно очень страдаешь?

— Вотъ глупости! Откуда ты взяла?

— Я это хорошо вижу. Ты на все смѣешься, что тебѣ ни скажутъ, но меня ты этимъ не обманешь. У насъ на каждомъ шагу тебя оскорбляютъ... всѣ. Я бы такъ не вынесла.

Неточка взглянула въ довѣрчивые глаза сестры, наполненные непролившимися слезами.

— Ни черта! — сказала она и засмѣялась.

Взявъ пуховку, стала обмахивать она пудрой щеки, лобъ, подбородокъ, смѣшно вытягивая щеки и жмурясь.

— Жизнь, дѣвочка моя, научитъ на все смотрѣть съ плевательной точки зрѣнія. Все трынъ-трава! Не вышло — не надо. Только не падай духомъ, больше наглости, меньше самолюбія, только такіе люди и счастливы.

— И мама, и папа на тебя сердиты, Неточка, они неправы, и вообще все это очень тяжело. Папа вчера получилъ анонимное письмо, гдѣ на тебя пишутъ всякія гадости... онъ цѣлую ночь не спалъ, все ходилъ по кабинету. А мама сердита на то, что ты поздно возвращаешься.

— Вотъ новости! — поднявъ брови, сказа актриса, — кажется, я вольный человѣкъ,

— Ты поговорила бы съ ними, Неточка, они старенькіе.

— О чемъ?

— Ну, приласкалась бы. Вѣдь тяжело такъ. Словно въ домѣ у насъ ждутъ бѣды.

Но засмѣявшись опять, Неточка только тряхнула головой:

— Ни черта! Наконецъ, я не виновата, что такая, какая есть. Поздно мнѣ себя передѣлывать.

Она стала одѣваться; растворила гардеробъ и задумалась, какое платье сегодня надѣть ей; сегодня хмурый день, лучше поэтому надѣть темную блузку, крытую шиффономъ, поверхъ котораго, въ видѣ болеро, наброшенъ черный тюль. Къ ней такъ идутъ воротничекъ и манжеты эти изъ чернаго крэпъ-де-шина.

Обернувшись, она разсмѣялась:

— Вотъ ты думаешь, какъ я пустышка: вмѣсто того, чтобы каяться, я думаю о костюмахъ. Ахъ, Леночка, хоть чѣмъ-нибудь, да нужно прикрыть голую жизнь. Вашъ математикъ говоритъ: каждый человѣкъ долженъ имѣть свою икону.

Голосъ матери окликнулъ изъ столовой:

— Лена, пойди ко мнѣ.

— Зачѣмъ? — спросила Лена, выйдя.

Умышленно громко, чтобы Неточка слышала, мать проговорила;

— Вовсе мнѣ не желательно, чтобы на тебя вліяла Анна.

— Мама!

Застегивая на груди черный тюль, засмѣялась Неточка, но, взглянувъ въ окно на оловянный день, толкавшійся въ въ стекла, вдругъ загрустила, опустила на руки голову и

долго сидѣла безъ мыслей, передъ широкимъ зеркаломъ, равнодушно отразившимъ сиротливую ея безпомощную голову. Было слышно, какъ вѣтеръ скребъ наружные подоконники, точно собака лапами.

И вплоть до обѣда сидѣла она у оконъ, и день ей казался пустымъ, какъ ея душа, и вся жизнь, пустой, какъ одинъ этотъ день.

За обѣдомъ, бросивъ косой взглядъ на Варвару Федоровну, Андрей Михайловичъ вытеръ губы салфеткой и неожиданно сказалъ:

— Посовѣтовавшись вотъ съ мамашей мы рѣшили, Неточка, серьезно поговорить съ тобой. Конечно, я увѣренъ, что ты не истолкуешь моихъ словъ въ дурную сторону. Повторяю еще разъ — и вотъ мамаша и Леночка это подтвердятъ, что мы искренно рады твоему возвращенію въ нашъ домъ, твоему, такъ сказать отказу отъ того образа жизни, который ты вела...

Андрей Михайловичъ говорилъ увѣренно, вѣско, было видно, что къ разговору этому онъ подготовился. Но Неточка перебила его, сказавъ съ неожиданной рѣзкостью:

— Я не стыжусь того образа жизни, который вела. Въ этомъ, папа, вы ошибаетесь.

— Каково! — воскликнула Варвара Федоровна, глядя на вдругъ поблѣднѣвшее лицо Неточки.

— Подожди, мамаша, — продолжалъ Андрей Михайловичъ, — раскаялась ли ты, Неточка, или не раскаялась, это твое личное дѣло и если ты сама не хочешь впустить насъ съ матерью въ свою душу, то мы не настаиваемъ. Итакъ, я, и мать, мы очень рады твоему присутствію въ домѣ, но и ты, Неточка, какъ я полагаю, любишь насъ и уважаешь, и должна бы избѣгать того, что намъ непріятно, нервируетъ насъ или волнуетъ. Ты держишь себя вызывающе среди знакомыхъ, гдѣ-то пропадешь вечерами, и всѣ это видятъ. Ты не маленькая, и не мнѣ, понятно, объяснять тебѣ, что принято и что не принято, но должна же ты понять, что въ уѣздномъ городишкѣ семейная жизнь на виду. Ты ставишь насъ въ крайне непріятное и двусмысленное положеніе.

— Ну, и что же ты отвѣтишь отцу? — спросила Варвара Федоровна, и двойной подбородокъ ея затрясся.

Неточка бросила ложку, которой разрѣзала въ тарелкѣ супа кусочки морковки; ея плечи поднялись, словно ее уда-

рили по спинѣ хлыстомъ или собирались ударить. Глядя въ упоръ на отца молящими глазами, она сказала:

— Папя, и это говорите вы? Неужели для меня не осталось въ вашемъ сердцѣ ни одного уголка, неужели я совсѣмъ, совсѣмъ чужая вамъ? Такъ ужасно ваше непониманіе... Да, я веду себя грубо, но какъ же мнѣ нужно поступать — научите. Когда собаку бьютъ мальчишки и она поджимаетъ хвостъ и визжитъ, и лижетъ руки, а они бьютъ ее все сильнѣй и злостнѣй, неужели эта собака такъ и не кинется и не укуситъ никого изъ своихъ мучителей? Мое вызывающее поведеніе — ты не видишь, что все это самозащита, напгрышъ, роль? Если я, какъ грѣшница, буду бѣгать отъ каждаго издѣвательства, они совсѣмъ тогда забьютъ меня, замучаютъ, задразнятъ, потому что у людей нѣтъ жалости, и рабы всегда ненавидятъ свободныхъ. Ты ударишь меня, а я засмѣюсь тебѣ въ глаза, ты назовешь меня грубымъ словомъ, а я сама тебѣ отвѣчу такъ же грубо: ни черта, все трынъ-трава на свѣтѣ! И какъ же я пущу васъ въ свое сердце, когда вы сами каждый день больнѣе и тоньше всѣхъ травите меня... ахъ, Боже мой!

Закрывъ лицо руками, Неточка въ первый разъ громко расплакалась. Андрей Михайловичъ растерянно смотрѣлъ на нее, Лена, вынувъ батистовый платочекъ, тоже заплакала, прижимая его къ покраснѣвшимъ напуганнымъ глазамъ.

— Ну вотъ, слезы, — недовольно проговорила Варвара Федоровна, чувствуя, что жалость къ дочери болью заполняетъ тяжелое ея сердце.

— Неточка, выслушай...

— Ахъ, оставьте меня!

Она порывисто встала, и всѣ увидѣли ея страдающее, со вспухшими вѣками лицо, растрепавшуюся прическу. Отбросивъ стулъ, она пошла къ двери, на порогѣ, обернувшись хотѣла что-то сказать, но не смогла отъ волненія и обиды. „Грубые, грубые“, — думала она въ отчаяніи, пройдя въ свою комнату и опустившись на кровать. Она плакала, удивляясь себѣ, что можетъ плакать, и что размолвка эта, такая же вздорная, какъ и прежнія, зацѣпила ее такъ глубоко. Она подумала, что тяжело ей оттого, что она одинока... нельзя же каждую минуту играть въ сильную волей, въ „трынъ-траву“, прятаться отъ самое себя за тонкій и насмѣшливый смѣхъ. О какихъ чуткихъ людяхъ думала она, сидя въ вагонѣ, на пути домой, о какомъ про-

щеніи, о какомъ возвратѣ къ жизни прошлой и милой? Вѣдь сама она отравлена сценой, какъ ядомъ, и не можетъ не играть даже въ жизни, какъ будто тамъ одѣли ее въ яркую цвѣтную одежду, настолько приставшую къ тѣлу, что невозможно ее снять.

Грубые, нечуткіе...

Неточка не плачетъ больше... развѣ актриса можетъ плакать долго настоящими слезами? Она выдрессировала послушную свою душу и сердце тоже, потому что актрисѣ нельзя размѣниваться на огорченія, иначе ея надолго не хватитъ. Лежа на кровати, лицомъ къ стѣнѣ, смотрѣла Неточка на узоры обоевъ, на лиловые букетики фіалокъ по бѣлорозовому фону. Никого изъ тѣхъ, кому откликалось ея сердце за девять ея скитальческихъ лѣтъ, не любила она по-женски, самозабвенно, всегда легка и задорна была ея любовь и шутливы ласки; въ этихъ связяхъ своихъ она только играла въ серьезное чувство. Ни черта!

Но теперь съ нея словно сдернули цвѣтную легкомысленную одежду, и вдругъ увидѣла она, что душа ея измучена и избита, и нестерпимо болитъ. Зачѣмъ, зачѣмъ она пріѣхала сюда!..

Она неслышно одѣлась и вышла на улицу. Въ поздне-осенніе дни темнѣетъ рано и внезапно: хмурое, спустилось книзу небо, глядясь въ свинцовую Тверцу. Не застегнувъ ворота, шла Неточка тротуаромъ, и вѣтеръ касался холодными своими пальцами ея открытой шеи и незащищеннаго лица. Куда жъ пойдетъ она? Вотъ точно такъ же послѣ смерти будетъ блуждать ея неприкнутая душа, разучившаяся вѣрить въ людей и Бога. Ничего, сейчасъ Неточка побродитъ темными этими улицами, а ночью опять вызвѣздитъ небо. Тогда она заглянетъ на звѣзды, что, какъ плошки, будутъ тускнѣть за пеленою тучъ, и послушаетъ тогда Неточка, что разскажутъ ей звѣзды о ея нищей душѣ.

Въ темноту уходили ряды палисадниковъ, тихонькіе, уютные домишки. Неточка долго бродила по городу и, уставъ, присѣла на пустое крыльцо на незнакомой какой-то улицѣ. Изъ-за воротъ тотчасъ же вышелъ мальчишка и, поглядѣвъ на Неточку, спросилъ:

— Вамъ кого?

— Никого. А кто здѣсь живетъ?

— Всякіе живутъ, у насъ три квартиры. Въ этой учитель Казминъ живетъ.

Неточка оживилась: Константинъ Игнатьичъ Казминъ! Почему ей не зайти къ нему? это такъ просто — зайти, какъ къ знакомому. Будетъ легче... посмотритъ, какъ онъ живетъ.

— А онъ дома?

— Дома, — сказалъ мальчишка и усмѣхнулся, — онъ запилъ.

По лѣстницѣ, на ступенькахъ которой хрустѣла подъ ногами яичная скорлупа и еще брошенная какая-то дрянь, Неточка поднялась вверхъ и позвонила у клеенчатой двери, крестъ-на-крестъ перехваченной вылинявшей тесьмой.

Дверь скрипнула, и изъ щели звонкій голосъ спросилъ:

— Кто тутъ?

— Къ Константину Игнатьичу.

Узкогрудная дѣвчонка впустила Неточку въ квартиру; комнаты низкія и тѣсныя, такъ что Константинъ Игнатьичъ, думается, задѣваетъ затылкомъ о потолокъ. Во всѣхъ комнатахъ темно, только въ дальней горитъ подъ бѣлымъ абажуромъ лампа.

— Константинъ Игнатьичъ, къ вамъ, — крикнула дѣвочка и скрылась въ двери направо.

Неточка сама пошла къ освѣщенной комнатѣ; никто ее не встрѣтилъ. Переступивъ порогъ, она увидѣла учителя, лежавшаго на кушеткѣ: длинныя ноги его покоились на сосѣднемъ стулѣ, руки были занесены за голову; онъ мрачно смотрѣлъ въ потолокъ, складывая и сжимая по-разному губы свои. На столѣ у лампы Неточка увидѣла опустошенный графинчикъ.

— Константинъ Игнатьевичъ, — окликнула Неточка, — встрѣчайте гостью.

— А?

Онъ повернулъ къ ней всклоченную голову и поглядѣлъ въ лицо мутными глазами. Тотчасъ же онъ сѣлъ на кушеткѣ подперевъ руками впалые свои бока.

— Зачѣмъ вы пришли?

— Вотъ это мило! Сначала здравствуйте.

Она протянула ему обѣ руки, онъ взялъ правую, пожалъ, потомъ неловко, но, не стѣсняясь, поцѣловалъ. Отъ него сильно пахло спиртомъ.

— Я пришла къ вамъ проститься, уѣзжаю.

— Вы не взвѣсили всѣхъ обстоятельствъ, Анна Андреевна, когда надумали придти ко мнѣ. Вы же знаете, что я женатъ и что жена у меня глупа, груба и вообще женщина душная.

— Ахъ, вы боитесь! — сказала Неточка, играя глазами и смѣясь.

— Я ничего не боюсь, но зачѣмъ же дѣлать жизнь еще противнѣй, чѣмъ она есть? Можетъ быть, я грубъ, но, простите, я буду скоро пьянъ.

— Мнѣ съ вами скучно.

Онъ обѣими руками приглаживалъ спутанные свои волосы.

— Вотъ уѣзжаете, стало быть, — сказалъ онъ. — Играть станете, на икону свою станете молиться. То-то безъ иконы жизнь горька! Думаете, не понимаю?..

Неточка засмѣялась мелкимъ смѣхомъ; но вдругъ потемнѣли ея глаза, и на лицо легла тѣнь. Опустивъ голову, голосомъ, какого не слыхалъ еще Константинъ Игнатьевичъ, она произнесла тихо:

— Я такъ одинока.

Онъ помоталъ головой, отвѣтивъ съ пьяной усмѣшкой:

— Понима-ю! Иной въ одиночествѣ успокоеніе находитъ, какъ, скажемъ, я, простите за недостойное сопоставленіе, а вамъ вотъ одиночество страшно, потому что вы сами себя понимать не изволите. Всю жизнь отъ себя прячетесь, такъ вотъ вамъ себя и страшно...

— Страшно, страшно, — сказала она торопливо, не подымая головы.

Лампа коптила, пуская вверхъ красныя огненныя нити, Константинъ Игнатьевичъ хотѣлъ подвернуть, но въ глазахъ его двоилось и совалъ онъ мимо трясущуюся свою руку. Она помогла ему.

Вдругъ онъ насторожился. Потомъ успокоился, сказавъ:

— Думалъ — жена. А кто знаетъ, что вы у меня?

— Мальчикъ видѣлъ, — сказала актриса, жалко улыбнувшись, — если вамъ такъ безпокойно, то я лучше уйду.

Онъ согласился покорно:

— Ужъ лучше уйдите... Къ чему будоражить болото? Я провожу васъ на лѣстницу: она у насъ темная и грязная, какъ наши собственныя души.

— Вы безнадежный пессимистъ.

Пройдя впередъ, онъ ничего не отвѣтилъ, отворилъ дверь и, чиркнувъ спичкой, освѣтилъ лѣстницу. На минуту увидѣла она передъ собой ступеньки, яичную скорлупу на нихъ.

— Прощайте, — сказала она снизу, спустившись.

Константинъ Игнатьевичъ стоялъ, держа передъ собою горящую спичку, глядя на нее глазами, полными пьяной

скорби; огонь обжегъ ему пальцы; тогда онъ бросилъ спичку, потомъ опустился въ темнотѣ на колѣни, нащупалъ руками полъ и сталъ цѣловать, плача и стоная, грязныя холодныя половицы, по которымъ она только что прошла.

Небо вызвѣздило, но едва примѣтны были звѣды, задернутыя пологомъ тучъ. „Все трынъ-трава“, — сказала себѣ Неточка, глядя въ небо. Но сердце билось неровно, и въ груди была тоска и щемящій, ноющій страхъ, и казалось ей, что душа у нея — маленькій, колючій, какъ ежъ, клубокъ. Торопливо идя улицей, смотрѣла актриса въ небо, но ничего на этотъ разъ не умѣли сказать ей звѣзды о нищемъ, о сиротливомъ ея серддѣ.

VII.

Раскрыла желтый чемоданъ, стала укладывать платья. Вотъ любимое шелковое, вышитое суташемъ: въ немъ выходила она въ „Цѣнѣ жизни“, и оно такъ шло ей въ скорбной драматической роли. Это — изъ шерстяного фуляра, сборчатымъ воланомъ на юбкѣ — въ немъ она понравилась губернатору въ Н—скѣ. Смѣшной былъ губернаторъ, полный и глупый... Накидку на канаусѣ можно, пожалуй, бросить — поистрепалась. Неточка улыбнулась: гардеробъ актрисы — это синодикъ увлеченій ея, сценическихъ успѣховъ, любовниковъ.

Вошелъ Андрей Михайловичъ. Вѣроятно, всѣ они рады, что она уѣзжаетъ, она никогда не обживется у нихъ, никогда, никогда...

— Это окончательное твое рѣшеніе, Анна?

— Конечно.

— Ахъ, Неточка, что ты дѣлаешь со мной!

Кажется, онъ искренно опечаленъ, бѣдный старикъ; къ старости сердце всегда дѣлается мягче, но зато и эгоистичнѣе, требовательнѣй.

— Прощайте, папа. Вотъ я и снова въ путь-дорогу, снова къ сценѣ, на публику. Вы не безпокойтесь, я не останусь безъ заработка, актриса Райская все-таки, что ни говорите, провинціальная величина. Такъ и не ужились мы вмѣстѣ.

— Ахъ, Неточка, если бъ ты повѣрила...

— Нужно уѣзжать.

Въ дождливый вечеръ на извозчикѣ съ поднятымъ верхомъ уѣхала Неточка къ старой своей вольной жизни.

такъ же, какъ при встрѣчѣ, стояли на крыльцѣ старики, а Лена лежала въ своей комнатѣ и плакала, не понимая, за что обидѣли сестру.

Дождь методично, со скукой шлепалъ по лужамъ, колеса хлюпали въ ямкахъ дырявой мостовой. Изъ садовъ и палисадниковъ протягивали деревья и кусты голыя свои вѣтви, и дождь сѣкъ ихъ, и вѣтеръ пригибалъ къ заборамъ.

Никто не провожалъ актрису на вокзалѣ. Въ низкомъ деревянномъ помѣщеніи, едва освѣщенномъ керосиновыми лампами, осовѣло бродили два-три пассажира, за прилавкомъ буфета полная женщина ставила подъ стеклянные колпаки позавчерашніе сухіе бутерброты.

Но, садясь въ подошедшій поѣздъ, черезъ голову носильщика увидѣла Неточка маленькую обмокшую фигурку не совсѣмъ трезваго человѣка, стоящаго подъ колоколомъ и слѣдящаго за нею воспаленными глазами; тусклый свѣтъ фонарей билъ въ лицо его. Она не знала, кто это, а это былъ Яковъ Ефремовичъ; онъ вышелъ изъ-подъ колокола и принялся бродить около вагона, въ который Неточка вошла, но никто не позвалъ его, и въ окно никто не выглянулъ.

Когда же, дрогнувъ, отошелъ поѣздъ и оглушительно затренькали рельсы, Яковъ Ефремовичъ пошелъ ему вслѣдъ, но, дойдя до конца платформы, остановился. Все дальше и и дальше, играя въ намокшихъ рельсахъ, уплывалъ красный фонарь послѣдняго вагона, свѣтовыя полосы, отброшенныя окнами, ныряли гдѣ-то далеко по шлагбаумамъ, стрѣлкамъ и темной насыпи.

Затосковавъ, сѣлъ Яковъ Ефремовичъ на мокрую лавочку и долго глядѣлъ въ ночь, въ невидныя поля, разостланныя за стѣной подстриженныхъ елокъ. Фонарь на платформѣ, иззябнувъ, дрожалъ звонкими своими стеклами, въ станціонномъ садикѣ обмокшія акаціи роняли на вѣтру холодныя слезы.

Вы, умѣющіе молиться, вы, у кого души чисты и слышатъ Бога, помолитесь не за сильныхъ, не за стойкихъ, — помолитесь за тѣхъ, у кого въ жизни не было счастья и кто духомъ нищъ...

Александръ Дроздовъ.

* * *

Что дѣлать мнѣ, Господи Боже?
Мнѣ больно средь ночи и дня,
Все тянется то же и то же...
Побалуй немножко меня!

Да только въ груди моей темной
Твоя не живетъ благодать...
О, знаю: я въ жизни огромной
Не такъ еще буду рыдать.

Кальма.

КЪ ВЕСНѢ.

Твое лицо горитъ отъ холода.
Ты зябнешь, прислонясь къ соснѣ...
Но смѣхъ звенитъ зазывно молодо,
Напоминая о веснѣ.

Да, о веснѣ до боли сладостной,
Пьянящей и влекущей всѣхъ...
И я ловлю съ улыбкой радостной
Твой полудѣтскій звонкій смѣхъ.

Душа воспрянула мятежная,
И сердце замерло въ груди...
И я шепчу: за дали снѣжныя
Къ веснѣ навстрѣчу поведи!

Она, хмельная, быстротечная,
Несетъ намъ грезы и цвѣты,
Такая же, какъ ты, безпечная,
Такая жъ звонкая, какъ ты...

Я позабуду гроздья инея,
Сугробы снѣга у сосны.
И погружусь въ лучисто-синіе
Глаза весны...

Петръ Бунаковъ.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТРЕТЕЙСКІЙ СУДЪ ВЪ ДРЕВНЕ-ГРЕЧЕСКОМЪ МІРѢ.

I.

Попытки мирнаго разрѣшенія международныхъ конфликтовъ, обращеніе не къ силѣ оружія, а къ посредничеству и къ международному третейскому суду, какъ средству предотвратить войну, о чемъ такъ много говорятъ въ наши дни, не такъ новы, какъ, можетъ быть, это кажется съ перваго взгляда. Зачатки и первые примѣры мирнаго посредничества и арбитража мы встрѣчаемъ въ глубокой древности, еще на Востокѣ, за много вѣковъ до нашей эры. Объ этомъ свидѣтельствуютъ не только древніе историки, какъ, напр., Геродотъ, но и дошедшіе до насъ, благодаря новѣйшимъ открытіямъ, документальные памятники. У Геродота (VI, 42) есть, между прочимъ, любопытное сообщеніе о томъ, что персидскій намѣстникъ Сардъ, Артафренъ, послѣ возстанія города Милета, созвалъ представителей греческихъ городовъ Малой Азіи и понудилъ ихъ заключить между собою договоры, чтобы рѣшать споры судомъ, а не насиліемъ (въ началѣ V вѣка до Р. Х.), и это „отецъ исторіи“ ставитъ ему въ великую заслугу.

Поэтому было бы неточнымъ сказать, что „честь первой формулировки принципа арбитража и первыя примѣненія его на практикѣ принадлежатъ грекамъ“, что „международный арбитражъ есть явленіе, всецѣло составляющее особенность публичной жизни эллиновъ“, какъ говорятъ нѣкоторые изслѣдователи [1]). Но въ греческомъ мірѣ идея арбитража выразилась наиболѣе ясно и полно. Въ этомъ мірѣ многочисленныхъ государствъ-городовъ, среди борьбы внутренней и внѣш-

[1]) Напр. Ruggiero, L'arbitrato publico in relazione col privato presso i Romani. 1893, цит. у Raeder, L'arbitrage international chez les Hellènes, 191 стр. 1.

ней, международный третейскій судъ игралъ важную роль, нашелъ себѣ частое примѣненіе на практикѣ, вошелъ до нѣкоторой степени въ систему и облекся въ опредѣленныя формы. Нѣкоторыя изъ тѣхъ постановленій, которыя формулированы были въ наше время Гаагской конвенціей, уже нашли себѣ осуществленіе въ Греціи. Недаромъ самая крупная по размѣрамъ монографія о международномъ арбитражѣ у грековъ [1]) входитъ въ составъ „Публикацій Нобелевскаго Института въ Норвегіи".

Необходимо, однако, сдѣлать оговорку. Такъ называемый „международный" арбитражъ въ греческомъ мірѣ происходилъ обыкновенно не между греками и иноземными народами, а между эллинскими государствами-городами [2]), и при томъ чаще всего въ греко-римскую эпоху, когда эти города пользовались автономіей, муниципальной свободой, но по большей части или входили въ составъ федерацій, или политически зависѣли въ большей или меньшей мѣрѣ отъ эллинистическихъ царей, преемниковъ Александра Македонскаго, и затѣмъ отъ Рима, находились подъ ихъ гегемоніей, хотя формально, быть можетъ, и обладали суверенитетомъ [3]).

Начало арбитража греки относили еще къ миѳическимъ временамъ. По ихъ разсказамъ, герои и сами боги прибѣгали

---

[1]) A. Raeder, L'arbitrage international chez les Hellènes. Kristiania, 1912 (Publications de l'Institut Nobel Norvegien. T. I). Другая новѣйшая монографія по тому же вопросу — Marcus Niebuhr Tod, International arbitration amongst the Greeks. Oxford. 1913, — по размѣрамъ меньше, но по выполненію лучше труда Редера. У Philipson, The International Law and Customs of Ancient Greec and Rom (Lond. 1911), международному арбитражу въ Греціи посвящена одна глава (во II т.). Въ извѣстномъ трудѣ гр. Л. Н. Камаровскаго, „О международномъ судѣ" (М. 1881) греческой древности отведено лишь нѣсколько страницъ.

[2]) Къ числу рѣдкихъ договоровъ между греками и не-греками относится соглашеніе греческаго города въ Ликіи Фаселиса съ владѣтелемъ Каріи Мавсоломъ (около 360 г. до Р. Х.), — соглашеніе, по которому обѣ стороны обязались разрѣшать взаимные споры путемъ суда, т. е. — поясняетъ Редеръ — посредствомъ арбитража. Извѣстно, что царь эпирскій Пирръ (III ст. до Р. Х.), высадившись съ войскомъ въ Италіи, прежде чѣмъ вступать въ войну съ римлянами, предложилъ послѣднимъ рѣшить ихъ дѣло съ Тарентомъ при посредничествѣ его, Пирра. Римляне отказались по вполнѣ понятной причинѣ: Пирръ былъ союзникомъ Тарента. О Македоніи см. далѣе.

[3]) Какъ думалъ Моммзенъ. Вопросъ этотъ спорный. См. о немъ у С. А. Жебелева, „Achaika. Въ области древностей провинціи Ахаіи". Спб. 1903, гл. I, и Colin, Rome et la Grèce de 200 à 146 avant J.-Chr. Paris, 1905.

иногда къ посредничеству или третейскому суду для рѣшенія своихъ споровъ. Легендарному аргосскому царю Акрисію, отцу прекрасной Данаи, дѣду Персея, приписывалась организація дельфійской амфиктіоніи, которая должна была служить и трибуналомъ для суда между государствами. Въ исторіи Греціи первую попытку примѣненія арбитража, для избѣжанія войны, преданіе относитъ къ срединѣ VIII ст. до Р. Х.: Павсаній сообщаетъ (IV, 5, 2, 7), что когда возникли поводы къ первой Мессенской войнѣ, то мессеняне предлагали спартанцамъ передать дѣло на судъ аргивянамъ, какъ „соплеменниковъ ихъ обоихъ въ амфиктіоніи“ [1]), или же „въ аѳинское судилище, называемое ареопагомъ“; но спартанцы отказались, — сообщеніе сомнительное, по всей вѣроятности, легенда. Можно относиться съ сомнѣніемъ также къ греческой традиціи о томъ, что одинъ изъ семи мудрецовъ, тираннъ Періандръ, къ посредничеству котораго обратились аѳиняне и митиленяне по поводу ихъ распри изъ-за обладанія Сигеемъ, находившемся на мало-азіатскомъ берегу, у входа въ Геллеспонтъ, примирилъ обѣ стороны (Геродотъ, V, 95), или къ разсказу объ арбитражѣ спартанцевъ въ спорѣ между Аѳинами и Мегарой изъ-за острова Саламина (оба случая — на рубежѣ VII и VIII в.). Но всѣ эти сообщенія показываютъ, къ какому отдаленному времени относили греки возникновеніе у нихъ арбитража, какъ смотрѣли на него, какъ представляли себѣ его процедуру: характерно, напр., что въ спорѣ изъ-за Саламина, по словамъ Плутарха (въ біографіи Солона, 10), въ качествѣ доводовъ приводились цитаты изъ Гомера, названія мѣстностей и даже археологическія данныя — способъ погребенія умершихъ на Саламинѣ. Въ концѣ VI в., во время столкновенія ѳиванцевъ и аѳинянъ изъ-за Платеи, которая отдалась подъ покровительство Аѳинъ, коринѳяне предотвратили готовое уже разразиться сраженіе: по порученію обѣихъ сторонъ, какъ разсказываетъ Геродотъ (VI, 108), они примирили было ихъ, впрочемъ, ненадолго.

Болѣе частыя и вполнѣ достовѣрныя свидѣтельства мы имѣемъ касательно арбитража въ V в. до Р. Х.

До насъ дошло постановленіе, относящееся къ срединѣ V ст. [2]). Оно содержитъ въ себѣ соглашеніе, состоявшееся

---

[1]) Амфиктіонія—союзы „кругомъ живущихъ“, окрестныхъ государствъ, образуемые въ цѣляхъ культа, для защиты интересовъ какого-либо храма и т. под.

[2]) Объ этой надписи — ст. А. В. Н и и я т е к а г о въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“, 1911.

между двумя критскими городами — Кноссомъ и Тилисомъ, при участіи Аргоса, къ которому стороны, очевидно, обратились за посредничествомъ или третейскимъ судомъ. Соглашеніе касается календаря[1]), регулированіе имущественныхъ отношеній, границъ, участія въ празднествахъ, въ культѣ и жертвоприношеніяхъ, пріема „гостей“ изъ другого города — во время празднествъ, — посольствъ и штрафовъ за нарушеніе правила относительно „гостепріимства“.

Въ „вѣкъ Перикла“, въ вѣкъ „Просвѣщенія“ и пышнаго расцвѣта греческой культуры, въ Аѳинахъ сдѣлана была попытка созвать общеэллинскій конгрессъ изъ представителей всѣхъ греческихъ городовъ какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи, большихъ и малыхъ. Въ программу его входили вопросы культа и мѣры для поддержанія „мира и обезпеченія безопаснаго для всѣхъ плаванія по морю“. Съ приглашеніемъ на этотъ конгрессъ отправлены были послы во всѣ концы греческаго міра. Планъ не осуществился, главнымъ образомъ, вслѣдствіе противодѣйствія Спарты. Но эта попытка, конечно, не можетъ не обратить на себя нашего вниманія, и Плутархъ, сохранившій намъ извѣстіе о ней (въ біографіи Перикла, 17), справедливо видитъ въ ней доказательство величія и возвышенности ума Перикла.

Мысль о рѣшеніи распрей между государствами не путемъ силы, а путемъ третейскаго суда, тогда уже вполнѣ созрѣла. Она нашла себѣ выраженіе въ тридцатилѣтнемъ или Перикловомъ мирѣ между Спартой и Аѳинами (445 г. до Р. Х.): въ договорѣ было постановлено: „взаимные споры отдавать на судъ и подчиняться его рѣшенію“; запрещалось прибѣгать къ оружію, если одна изъ сторонъ предложитъ обратиться къ суду[2]). Текстъ этого договора, начертанный на мѣдной колоннѣ, выставленъ былъ въ Олимпіи, гдѣ его видѣлъ еще Павсаній во II в. по Р. Х. (V, 23, 4). Согласно этому договору, передъ началомъ Пелопоннесской войны, керкиряне, когда у нихъ возникъ конфликтъ съ Коринѳомъ изъза событій въ Эпидамнѣ (нын. Дураццо), изъявляли желаніе предстать предъ судомъ пелопоннесскихъ государствъ, выбранныхъ по обоюдному соглашенію, и подчиниться ихъ рѣ-

---

[1]) Какъ думаетъ, по крайней мѣрѣ, издатель этой надписи Фольграфъ. См. однако замѣчаніе А. В. Никитскаго.

[2]) Ѳукидидъ, I, 78, 140, 145, VII, 18. Русскій переводъ Ѳукидида имѣетъ теперь въ переработкѣ С. А. Жебелева въ „Памятникахъ міровой литературы“ (М. 1915 г., 2 т.).

шенію или предоставить дѣло на рѣшеніе дельфійскаго оракула, лишь бы не доводить до войны. На него ссылались не разъ аѳиняне въ переговорахъ со Спартой, выражая готовность подчиниться рѣшенію третейскаго суда, согласно договору. И спартанскій царь Архидамъ, представитель мирнаго теченія, говоритъ у Ѳукидида (I, 85), что войну нельзя считать дѣломъ хорошимъ и безопаснымъ. Историкъ влагаетъ въ его уста совѣтъ отправить къ аѳинянамъ посольство по поводу обидъ, на которыя жаловались спартанскіе союзники, „тѣмъ болѣе, что аѳиняне сами готовы дать отвѣтъ передъ судомъ, а на того, кто готовъ предстать передъ судомъ, незаконно раньше идти войной и какъ на обидчика“...

Но въ Спартѣ взяла верхъ партія войны, и началась Пелопоннесская война, по мнѣнію Фукидида — величайшая изъ всѣхъ бывшихъ дотолѣ войнъ въ Греціи, вызвавшая потрясеніе не только Эллады, но отчасти и варварскаго міра. Она явилась кризисомъ въ исторіи Греціи и въ частности въ исторіи аѳинской демократіи и въ миніатюрѣ представляетъ нѣкоторую аналогію съ современной намъ войной [1]). И спартанцамъ не чуждо было сознаніе своей вины: ею они объясняли свои неудачи (Ѳукидидъ, VII, 18).

Въ теченіе самой войны мы знаемъ нѣсколько случаевъ, когда греческія государства заключали или предлагали заключить договоръ о томъ, чтобы взаимныя недоразумѣнія разрѣшать судомъ, а не оружіемъ [2]). Уже тогда, въ V в., это считалось обычаемъ старины, „завѣтомъ отцовъ“. Такъ въ перемиріи между Аѳинами и Спартой въ 423 г. говорится: „Вы должны давать удовлетвореніе намъ, а мы вамъ по завѣтамъ отцовъ, разрѣшая спорные вопросы судомъ безъ войны“. Одинъ изъ пунктовъ Никіева мира (421 г.), которымъ закончился первый періодъ Пелопоннесской войны, гласилъ: „Да не дозволено будетъ лакедемонянамъ и ихъ союзникамъ браться за оружіе съ цѣлью нанесенія вреда аѳинянамъ съ ихъ союзниками, ни аѳинянамъ и ихъ союзникамъ, для нанесенія вреда лакедемонянамъ съ ихъ союзниками, какими бы то ни было способами. Если между договаривающимися сторонами возникнетъ какая-либо распря, онѣ обя-

[1]) На интересныя сближенія наводитъ статья С. Я. Лурье, „Вопросы войны и мира 2300 лѣтъ тому назадъ“ („Лѣтопись“, 1916 г., іюнь).

[2]) Ѳукид. IV, 118, V, 18, 41, 79. См. названный раньше рус. переводъ Ѳукидида. Важнѣйшіе древніе договоры собраны у v. Scala, Die Staatsvertrage der Altertums. Leipz. 1898. I.

заны рѣшать ее судомъ и клятвами, согласно условіямъ, которыя будутъ приняты... Если какая изъ сторонъ въ чемъ-либо, въ какомъ-либо пунктѣ дѣлаетъ упущеніе, предоставляется тѣмъ и другимъ, аѳинянамъ и лакедемонянамъ, въ согласіи съ клятвеннымъ договоромъ, послѣ справедливыхъ переговоровъ, внести такія измѣненія, какія рѣшатъ обѣ стороны". Въ слѣдующемъ году Аргосъ предлагаетъ Спартѣ отдать ихъ споръ изъ-за пограничной области на судъ какого-либо государства или отдѣльнаго лица, а въ договорѣ, заключенномъ ими въ 418 г., постановлялось: „Распри разрѣшаются судомъ равнымъ и одинаковымъ по завѣтамъ отцовъ. Прочимъ государствамъ въ Пелопоннесѣ предоставляется присоединиться къ договору о мирѣ и союзѣ съ сохраненіемъ своихъ владѣній, подъ условіемъ разрѣшенія распрей судомъ равнымъ и справедливымъ по завѣтамъ отцовъ... Если возникнетъ споръ между какими-либо государствами, внутри ли Пелопоннеса или внѣ его, изъ-за границъ, или по какому-нибудь иному поводу, онъ долженъ быть рѣшенъ судомъ. Если одно союзное государство заспоритъ съ другимъ, оно должно обратиться къ тому государству, которое признаютъ безпристрастнымъ обѣ стороны". Сами спартанцы въ началѣ войны выступили судьями въ спорѣ между Элидой, — областью, въ которой находилась Олимпія, съ ея знаменитыми играми, — и городомъ Лепреемъ, изъ-за того, что жители послѣдняго перестали платить деньги, которыя они обязались уплачивать ежегодно храму Зевса въ Олимпіи за уступленную имъ Элидой землю. Но судъ Спарты былъ отвергнутъ Элидой, какъ судъ пристрастный (Ѳукид., V, 31).

Вообще въ V в., во время Пелопоннеской войны, среди борьбы и соперничества двухъ сильныхъ государствъ, Спарты и Аѳинъ, изъ которыхъ то и другое претендовало на гегемонію въ Греціи, при господствѣ двухъ враждебныхъ союзовъ, пелопоннескаго и аѳинскаго, нелегко было найти безпристрастнаго, независимаго третейскаго судью, и условія арбитража были неблагопріятны. Не были они особенно благопріятны и въ IV в. Въ первыя десятилѣтія этого вѣка надъ Греціей тяготѣлъ гнетъ спартанской гегемоніи, съ ея грубымъ насиліемъ, попраніемъ права, противъ Спарты поднялись даже ея прежніе друзья и союзники; возвысились Ѳивы, война вновь охватила всю Грецію... Послѣ Мантинеи и смерти Эпаминонда пало эфемерное преобладаніе Ѳивъ. Смуты и раздоры еще болѣе усилились. Ни одно греческое государство не

могло уже взять на себя гегемоніи, и надъ разрозненной Элладой устанавливается гегемонія Македоніи. Тѣмъ не менѣе въ теченіе IV столѣтія мы еще чаще встрѣчаемся съ арбитражемъ или, по крайней мѣрѣ, съ попытками къ нему [1]): очевидно, среди войны не только не угасала, но еще сильнѣе чувствовалась потребность въ иномъ, мирномъ способѣ разрѣшенія конфликтовъ. Судя по обрывкамъ одной надписи, можно сдѣлать выводъ, что около 375 г. цѣлый рядъ греческихъ государствъ заключили между собой миръ съ обязательствомъ предоставить рѣшеніе, по крайней мѣрѣ, пограничныхъ споровъ, третейскимъ судьямъ [2]). Идея арбитража проникаетъ и къ сосѣдямъ грековъ. Мы упоминали уже о договорѣ греческаго города Фасилеса съ Мавсоломъ, владѣтелемъ Каріи [3]). Еще раньше, во время Пелопоннеской войны, царь македонскаго племени Линкестовъ, Аррабей, готовъ былъ подчиниться третейскому суду спартанскаго вождя Брасида (Θук. IV, 83).

Филиппъ Македонскій незадолго до того, какъ онъ наложилъ руку на самостоятельность Греціи, предлагаетъ аѳинянамъ рѣшить споръ между нимъ и ими изъ-за небольшого острова Галоннеса (близъ Лемноса, на пути къ Геллеспонту) посредствомъ третейскаго суда. Пусть съ его стороны это былъ ловкій дипломатическій ходъ, средство выиграть время, но онъ показываетъ, какую роль игралъ уже тогда арбитражъ въ международныхъ отношеніяхъ. Послѣ побѣды при Херонеѣ Филиппъ явился, по выраженію Павсанія (VII, 11, 2), „общимъ судьею“ между греками. Онъ созвалъ въ Коринѳѣ конгрессъ изъ представителей греческихъ городовъ. На этомъ конгрессѣ установленъ былъ миръ между эллинами; на будущее время запрещались взаимныя войны и междуусобія, обезпечивалась безопасность торговли и мореплаванія, не говоря уже о мѣрахъ обезпеченія внутренняго мира и порядка. По словамъ Полибія (IX, 33, 12), Филиппъ принудилъ спорящія стороны разрѣшать свои несогласія „на общую пользу“ путемъ переговоровъ и установилъ „общее судилище изъ всѣхъ эллиновъ“. Разрѣшена была и распря между Спартой и аркадскимъ городомъ Мегалополемъ изъ-за пограничной области, имѣвшей важное стра-

---

1) Перечень случаевъ можно найти у Редера.

2) Raeder, стр. 51, 183.

3) Въ примѣчаніи на стр. 134.

тегическое значеніе. Обломки надписи [1]), найденной въ Олимпіи и содержащей позднѣйшій приговоръ третейскаго суда, состоявшійся уже во II в., послѣ 164 г., приводятъ отчетъ и о предыдущемъ арбитражѣ временъ Филиппа, на основаніи протокола, извлеченнаго изъ мегалопольскаго архива. Судя по этимъ обрывкамъ надписи, сильно попорченной, оказывается, что обѣ стороны согласились обратиться къ третейскому трибуналу; избраны были судьи въ числѣ 101 изъ „всѣхъ“ городовъ, изъ „лучшихъ“ гражданъ; они должны были принести клятву въ присутствіи лакедемонянъ, имена присутствующихъ и судей записаны; границы проведены, и дѣло было рѣшено въ пользу Мегалополя. Впослѣдствіи, какъ это видно изъ предшествовавшаго, уже во времена римскаго вліянія, дѣло снова разсматривалось третейскимъ судомъ.

Но особенно часты были арбитражи въ эллинистическую и римскую эпоху. Въ общемъ насчитываютъ болѣе 80 извѣстныхъ намъ случаевъ третейскаго суда въ греческомъ мірѣ, и большинство изъ нихъ относится къ греко-римскому періоду, къ III—II стол. до Р. Х. Арбитражамъ оказывали содѣйствіе и эллинистическіе властители, и римскій сенатъ, а въ III в. имъ особенно способствовали союзы, въ родѣ Этолійскаго и Ахейскаго, достигшіе тогда своего расцвѣта: они побуждали своихъ членовъ прибѣгать къ третейскому суду, въ случаѣ конфликтовъ; они употребляли арбитражъ, какъ обычное, нормальное средство для поддержанія мира и согласія въ средѣ союза.

Объ арбитражахъ III—II в. мы узнаемъ преимущественно изъ дошедшихъ до насъ надписей, благодаря раскопкамъ и находкамъ, т. е., въ значительной мѣрѣ, благодаря случайности. Въ дѣйствительности случаевъ третейскаго суда было, конечно, гораздо больше: о многихъ изъ нихъ не сохранилось слѣда. Какъ бы то ни было, до насъ дошли самые документы, — рѣшенія третейскихъ судовъ, ихъ протоколы, ярко рисующіе намъ процедуру арбитража у грековъ.

II.

Касаться всѣхъ арбитражей, о которыхъ говорятъ намъ памятники греко-римской эпохи, я не буду [2]). Остановлюсь

1) Dittenberger, Sylloge inscriptionum graecarum. 1898 (2 изд.), I, № 304.

2) Перечни ихъ можно найти у Tod'a и Raeder'a

лишь на нѣкоторыхъ примѣрахъ изъ числа наиболѣе характерныхъ, чтобы дать понятіе о томъ, какъ происходили въ тѣ времена арбитражи.

Обращаетъ на себя вниманіе, напр., неоднократный третейскій судъ между Самосомъ и мало-азіатскимъ городомъ Пріэной. Споръ шелъ о близъ лежавшей на побережьѣ Малой Азіи территоріи. Здѣсь когда-то существовалъ городъ Мелія. Еще около 700 г. до Р. Х., когда сосѣдніе города, въ томъ числѣ и Самосъ, и Пріэна, образовали іонійскій союзъ, они завоевали и разрушили этотъ городъ, часть территоріи посвятили богу Посейдону, основали тамъ общее святилище Паніоніонъ, а остальную землю подѣлили между собою. Вскорѣ однако начались недоразумѣнія между Самосомъ и Пріэной. Дѣло доходило до войны. Еще въ началѣ IV в. одному изъ семи мудрецовъ, Біасу изъ Пріэны, удалось установить миръ. Впослѣдствіи распря снова возгорѣлась. Въ IV в. въ разрѣшеніи ея, повидимому, принимали участіе Александръ Македонскій и затѣмъ Антигонъ. А отъ 80-хъ годовъ III стол. мы имѣемъ документъ въ видѣ надписи на камнѣ, найденной на Самосѣ. Это — письмо или рескриптъ одного изъ эллинистическихъ государей, Лисимаха, царя Ѳракіи, котораго обѣ стороны просили быть судьею въ ихъ дѣлѣ.

Рескриптъ [1]) обращенъ къ „совѣту и народу самосскому". „Прибыли къ намъ,—говорится въ немъ,—послы отъ васъ и отъ пріэнянъ, отправленные по поводу области, относительно которой и прежде былъ споръ. Если бы мы знали раньше, что вы столько уже лѣтъ владѣете и пользуетесь землею, то мы вообще не взяли на себя рѣшенія". Но теперь, разъ явились послы обѣихъ сторонъ, необходимо было выслушать, что говорили они. Пріэняне ссылались на доводы, подчерпнутые какъ изъ „исторій", такъ и изъ другихъ „свидѣтельствъ" и „оправдательныхъ документовъ", на факты далекаго прошлаго еще временъ Біаса и какого-то Лигдамиса [2]). Имъ возражали самосцы, но здѣсь надпись прерывается, конца ея нѣтъ, и мы не знаемъ въ точности приговора Лисимаха.

Но лѣтъ приблизительно черезъ сто понадобился новый третейскій судъ. На этотъ разъ судьями были родосцы.

[1]) Dittenberger. Orientis graeci inscriptiones selectae. 1903, I № 13; Michel, Recueil d'inscriptions grecques. Bruxelles. 1900, № 36.

[2]) Вѣроятно, предводителя киммеріянъ, о которомъ упоминаетъ Страбонъ, I, 3, 21.

Большая надпись начала II в. до Р. Х., начертанная на стѣнѣ храма богини Аѳины въ Пріэнѣ, къ сожалѣнію, сильно попорченная, содержитъ подробный и любопытный протоколъ объ этомъ арбитражѣ[1]). Въ началѣ — имена пяти гражданъ, избранныхъ родосскимъ народомъ изъ своей среды въ арбитры для рѣшенія спора между самосцами и пріэнянами изъ-за обладанія территоріей и „крѣпостцой, называемой Каріонъ“, по просьбѣ, обращенной къ родосскому народу обѣими сторонами назначить мужей, которые бы разобрали дѣло, установили границы и объявили приговоръ или примирили“ (путемъ посредничества). Затѣмъ слѣдуютъ имена представителей, уполномоченныхъ сторонами присутствовать при разборѣ дѣла и поддерживать ихъ притязанія. „Выслушавъ ихъ въ Родосѣ въ храмѣ Діониса“, судьи, говорящіе въ надписи отъ своего имени, въ первомъ лицѣ, отправились въ сопровожденіи ихъ, чтобы на мѣстѣ осмотрѣть спорную территорію и крѣпостцу Каріонъ. Самый же судъ происходилъ въ Эфесѣ, въ знаменитомъ храмѣ Артемиды. Здѣсь былъ произнесенъ приговоръ, по которому крѣпостца и окружающая ее земля должна была остаться за Пріэной. Объявивъ рѣшеніе и сдѣлавъ копіи съ него, судьи отдали ихъ пританамъ и секретарю совѣта какъ Самоса, такъ и Пріэны. Въ дальнѣйшемъ обстоятельно говорится о самомъ ходѣ разбирательства: приводятся доказательства и возраженія на нихъ, представленныя обѣими сторонами, въ числѣ ихъ упоминаются документы, извлеченные изъ архивовъ, прежнія постановленія, псефизмы, письма, свидѣтельства историковъ, приводимыхъ поименно, при чемъ изъ нихъ четверо оказываются самосцами, двое — эфесянами, одинъ-хіосцемъ (извѣстный Ѳеопомпъ) и одинъ милетяниномъ. Судьи указываютъ основанія, по которымъ составленъ ихъ приговоръ, критически разбираютъ представленные сторонами доводы и приходятъ къ заключенію, что все, сказанное Пріэной, вѣрно, а потому они и присуждаютъ ей крѣпостцу и прилегающую къ ней территорію. Въ концѣ чрезвычайно подробно опредѣляются границы между владѣніями Самоса и Пріэны.

Изъ обрывковъ другой надписи[2]) мы узнаемъ, что черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ того Самосъ и Пріэна обращались къ римскому сенату за разрѣшеніемъ своего

[1]) Sammlung der griech. Dialekt-Inschriften, hrsg. von. Collitz und. Bechtel, III, № 3758.

[2]) Dittenbeger, Sylloge, I, № 315.

спора, и сенатъ нашелъ „неловкимъ“ измѣнять рѣшеніе, которое постановили родосцы съ согласія обѣихъ сторонъ.

Между сосѣдними городами вообще бывали частые пограничные споры. У той же Пріэны, напр., былъ конфликтъ съ Магнесіей-на-Меандрѣ [1]). Оба города обратились за третейскимъ судомъ къ римскому сенату, и послы ихъ явились въ Римъ. Сенатъ на себя непосредственно не взялъ арбитража, а поручилъ претору Марку Эмилію Лепиду избрать въ судьи какой-либо „свободный“, независимый городъ, по соглашенію съ сторонами, а если такого соглашенія не послѣдуетъ, то по собственному выбору. Поручалось, собственно, установить фактъ, кому изъ спорящихъ городовъ принадлежала спорная область въ тотъ моментъ, когда города эти „вступили въ дружбу“ съ Римомъ: кто владѣлъ территоріею, тому она и должна быть присуждена, и установлены ея границы. А такъ какъ пріэнскіе послы, въ присутствіи магнесійскихъ, жаловались и на обиды, причиненныя нѣкогда Магнесіей Пріэнѣ, то и это поручалось разобрать тому городу, который будетъ третейскимъ судьею относительно земли, и если обиды, дѣйствительно были нанесены Магнесіей, то опредѣлить справедливое за нихъ вознагражденіе. М. Эмилій обратился съ письмомъ къ враждующимъ сторонамъ и къ городу Миласѣ, который избранъ былъ третейскимъ судьею, чтобы тотъ прислалъ судей, „мужей достойныхъ“. О томъ же просили Миласу и обѣ стороны. Граждане Миласы приняли предложеніе изъ желанія, какъ они заявили, „послѣдовать декрету сената и письму претора“.

Судьи были избраны, „мужи достойные“, которые, прибывъ на мѣсто, въ теченіе многихъ дней выслушивали показанія и послѣ того произнесли приговоръ въ храмѣ Аполлона въ Міунтѣ, находившемся близъ спорной территоріи. Послѣдняя присуждена была „Артемидѣ Левкофріэнѣ“ [2]), какъ того желали граждане Магнесіи. Въ надписи, изъ которой мы узнаемъ о ходѣ этого дѣла, Магнесія выражаетъ благодарность „справедливости боговъ и претора“, а также судьямъ и постановляетъ воздать хвалу ея представителямъ, бывшимъ на судѣ, поставить каменную плиту, стелу изъ бѣлаго мрамора, и на ней начертать это постановленіе, декретъ сената, письмо М. Эмилія къ Миласѣ, отвѣтъ послѣдней и ея пре-

[1]) Dittenberger, Sylloge, II, № 928. Надпись по характеру письма начала II стол., но Colin, Rome A la Grece, стр. 509, относитъ ее къ 143 г.

[2]) Храмъ который находился въ Магнессіи.

физму, на основаніи которой былъ избранъ третейскій трибуналъ, рѣшеніе судей, ихъ имена „по отечеству“, а также имена своихъ представителей на судѣ и лицъ, состоявшихъ при судьяхъ въ качествѣ ихъ охранителей. Такимъ образомъ, получилось, по выраженію Tod'a, цѣлое „досье“ документовъ. Къ сожалѣнію, многія части этой надписи не сохранились. Но сохранился упомянутый выше декретъ римскаго сената, а изъ дальнѣйшаго мы узнаемъ, что, такъ какъ дѣло шло о констатированіи факта, кому принадлежала земля въ то время, когда спорящіе города вступили въ дружбу съ Римомъ, то „достаточнымъ“ доказательствомъ противъ притязаній Пріэны въ глазахъ судей послужило то, что она эту область не только не оберегала, но опустошала, производя грабежи и пожары. Въ надписи есть указаніе, что Магнесія уже вторично вышла побѣдительницей въ этомъ спорѣ.

Въ свою очередь, Магнесія была арбитромъ между двумя критскими городами Итаной и Гіерапитной. Споръ шелъ изъ-за небольшого острова Левки и расположеннаго напротивъ него на берегу Крита округа по сосѣдству съ храмомъ Зевса Диктейскаго. До насъ дошла длинная надпись[1]) въ двухъ экземплярахъ (къ сожалѣнію, тотъ и другой не въ полномъ видѣ), изъ которыхъ одинъ найденъ на монастырскомъ кладбищѣ близъ древней Итаны: онъ служилъ надгробной плитой. Надпись представляетъ собой рѣшеніе семнадцати судей, названныхъ въ ней поименно, избранныхъ Магнесіей для третейск го суда между двумя упомянутыми городами, „согласно декрету сената“ римскаго и письму консула Луція Кальпурнія Пизона, и говорящихъ отъ своего имени, въ первомъ лицѣ. Магнесія, какъ отмѣчаетъ это нашъ документъ, согласилась взять на себя арбитражъ, желая исполнить волю Рима, а такъ же въ виду давнишнихъ дружественныхъ отношеній къ критскимъ городамъ, и въ условленный день приступила къ избранію трибунала. Судьи, по своемъ избраніи, отправились въ храмъ Артемиды Левкофріэны и тамъ у алтаря надъ священными жертвами принесли присягу въ присутствіи уполномоченныхъ споривших городовъ. Тутъ же, въ храмѣ, открылись засѣданія трибунала. Судьи выслушивали противниковъ съ большою тщательностью, употребляя на это, какъ сами говорятъ, не только

[1]) Dittenberger, Sylloge, II, № 929. Надпись эту относятъ къ 139 г. до Р. Х.

опредѣленное время дня, но и большую часть ночи, „принявъ на себя всяческія неудобства“ ради того, чтобы ничего не упустить. Сперва судьи пытались склонить враждующихъ къ примиренію, путемъ посредничества, но это не удалось. Пришлось дѣло рѣшать третейскимъ приговоромъ. Далѣе подробно излагаются предшествующія обстоятельства, возникновеніе и перипетіи спора. Подобно тому, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, надлежало установить, кто и какимъ образомъ владѣлъ спорнымъ округомъ и островомъ передъ войною на Критѣ и до вмѣшательства Рима. Изъ защитительныхъ рѣчей и доводовъ судьи пришли къ заключенію, что до означеннаго времени округомъ владѣла Итана. Подробнѣйшимъ образомъ приводятся основанія для рѣшенія, цитаты изъ различныхъ договоровъ, ссылки на документы, на описанія границъ, карты мѣстности. Итана доказала, что спорная земля была обрабатываема, а не была невоздѣланною, священною, какъ утверждали противники. Конецъ надписи, имѣющійся во второмъ экземплярѣ, представляетъ лишь обрывки текста, а самый приговоръ не сохранился. Но онъ ясенъ уже изъ предыдущаго: очевидно, онъ былъ въ пользу Итаны.

Каковы бывали соглашенія при выборѣ третейскихъ судей, примѣромъ служитъ дѣло города Питаны, на мало-азіатскомъ побережьѣ, Митилены, и главнаго города острова Лесбоса. До насъ дошло болѣе 20 кусковъ надписи [1]), найденныхъ въ разныхъ мѣстахъ и составляющихъ въ общемъ три документа II в. до Р. Х., — декреты: 1) Питаны, 2) Митилены и 3) Пергама, бывшаго между ними арбитромъ. Питана выражаетъ благодарность гражданамъ Пергама, „которые, будучи родными, друзьями и благосклонно расположенными“ къ ней, прислали пословъ, чтобы положить конецъ распрѣ между нею и Митиленой. Дѣло и здѣсь шло объ обладаніи землей, именно, округомъ на материкѣ, частью расположеннымъ въ равнинѣ, вдоль морского побережья, частью шедшимъ въ горы. Питана заявляетъ, что, согласно желанію Пергама, она избираетъ въ судьи тѣхъ лицъ, которыя явились послами, такъ какъ и Митилена согласилась на это. Судьи должны побывать на мѣстѣ, произнести приговоръ подъ присягой и, записавъ его, вручить копіи обѣимъ сторонамъ. Приговоръ долженъ быть исполненъ ненарушимо, равно какъ и соглашеніе путемъ посредничества, если обѣ

[1]) Dissenberger, Orientis Graeci inscript., I, № 335.

стороны его примутъ; всякая вражда и жалобы должны прекратиться. Въ заключеніе постановляется воздать хвалу пергамскимъ посламъ и пригласить ихъ къ общественному столу; забота о нихъ поручалась стратегамъ. Почти въ такихъ же выраженіяхъ составленъ и декретъ Митилены. Какъ видно изъ пергамскаго декрета, судьи на мѣстѣ подробно установили границы; гдѣ не было пограничныхъ знаковъ, тамъ они поставили ихъ и, согласно предписанію народа и царя пергамскаго, возвратившись въ Пергамъ, принесли присягу въ храмѣ Діоскуровъ и приступили къ разбору дѣла. Митиленяне доказывали, что спорная область изстари принадлежала имъ. Питаняне утверждали, что округъ, изъ-за котораго шла распря, былъ проданъ имъ царемъ Селевкомъ и его сыномъ Антіохомъ за 380 талантовъ (судя по этой суммѣ, равняющейся приблизительно 900.000 руб. на наши деньги, округъ былъ великъ) и въ доказательство приводили, между прочимъ письмо Селевка, подтвержденное Евменомъ I, — письмо, въ которомъ значилось, что земля уступается имъ на вѣчныя времена въ безспорную и полную собственность. Третейскіе судьи, принимая во вниманіе фактъ продажи, рѣшили дѣло въ пользу Питаны.

Какъ иногда сложна была процедура при третейскомъ судѣ, какими формальностями сопровождался онъ, лучше всего показываетъ дѣло (II или I в. до Р. Х.) Коса и Калимны, двухъ острововъ у юго-западной оконечности Малой Азіи.

Калимна сдѣлала заемъ у двухъ косскихъ гражданъ, Павсимаха и Гиппократа, предоставивъ кредиторамъ въ обезпеченіе долга чащи и лѣса. Прошло не мало времени — въ дѣлѣ выступаютъ уже внуки кредиторовъ, — часть долга была уплачена, часть покрыта продажей залога, а часть получена отъ Калимны наслѣдниками Гиппократа, безъ вѣдома и согласія наслѣдниковъ другого кредитора, которые потомъ съ своей стороны потребовали отъ Калимны уплаты долга въ причитающейся имъ части съ процентами, всего въ суммѣ 30 талантовъ (72.000 руб.). Но Калимна отказалась исполнить это требованіе, ссылаясь на то, что деньги уже разъ ею уплачены, и что она имѣетъ расписки. Такимъ образомъ, собственно говоря, это было дѣло между Калимной и частными лицами Коса, слѣдовательно, не международнаго характера. Но Косъ былъ въ немъ, очевидно, заинтересованъ; есть основаніе полагать, что кредиторы, Гиппократъ и Павсимахъ, были банкирами и дали Калимнѣ въ займы не столько свои соб-

ственныя деньги, сколько собранныя съ гражданъ Коса по подпискѣ на заемъ. Какъ бы то ни было, но Косъ не остался въ сторонѣ, а выступилъ въ защиту интересовъ наслѣдниковъ Павсимаха, и дѣло принимало уже нѣсколько иной характеръ.

Для разрѣшенія спора въ третейскіе судьи избранъ былъ расположенный неподалеку, на берегу Малой Азіи, городъ Книдъ, потому ли, что еще при заключеніи займа условлено было въ случаѣ недоразумѣній обратиться къ нему, или потому, что на немъ сошлись обѣ стороны, когда возникъ уже споръ. Книдяне избрали трибуналъ изъ 204 судей. Судьи должны были принести присягу, текстъ которой дословно приводится въ протоколѣ [1]): „Клянусь Зевсомъ, Аполлономъ Ликійскимъ и Гайей“ (Землей), „что буду судить ... согласно тому, какъ, по моему мнѣнію, справедливѣе всего и не буду судить, полагаясь на свидѣтеля, если мнѣ не будетъ казаться, что онъ говоритъ правду. Я не бралъ даровъ изъ-за этого дѣла никоимъ способомъ, ни самъ, ни кто-либо другой или другая вмѣсто меня. Если сдержу клятву, да будетъ мнѣ благо, если нарушу — обратное“. Съ чрезвычайною обстоятельностью говорится далѣе въ надписи о томъ, какъ слѣдуетъ представлять документы. Псефизмы, т. е. постановленія народнаго собранія, и другіе документы, какіе понадобится взять изъ государственнаго архива, спорящія стороны должны представить на судъ запечатанными государственною печатью того и другого города въ той формѣ, которая будетъ установлена обоими городами; они должны быть переданы стратегамъ Книда, а стратеги, вскрывъ печати, должны вручить всѣ документы обѣимъ спорящимъ сторонамъ для веденія дѣла въ судѣ. Но особенно подробно говорится о свидѣтеляхъ. Кто изъ свидѣтелей можетъ явиться, долженъ дать лично показанія на судѣ, а кто не можетъ, тотъ долженъ дать показанія заочныя предъ „простатами“, властями, въ томъ и другомъ городѣ, въ назначенный срокъ, въ присутствіи представителей противной стороны, если та поже-

[1]) Дошедшимъ до насъ въ видѣ надписи: Gittenberger, Sylloge II, № 512. Текстъ надписи, съ французскимъ переводомъ и комментаріемъ, — въ Recueil des inscription juridiques Graeques ... par R. Dareste B. Haussoullier et Th. Reinach. Paris. 1891, I, 158 сл. Русскій переводъ у Д. А. Жаринова, Н. М. Никольскаго, С. И. Радцига и В. Н. Стерлигова, Древній міръ въ памятникахъ его письменности. Ч. II. Греція. М. 1917, стр. 354 сл.

лаетъ присутствовать. Свидѣтели эти должны принести установленную закономъ клятву въ томъ, что показываютъ истину и что они не могутъ явиться на судъ. Такія показанія простаты, записавъ показанія, запечатываютъ государственною печатью, прикладываютъ печать и противной стороны, если та желаетъ, и копіи выдаютъ сторонамъ немедленно. Копіи всѣхъ показаній, данныхъ въ Косѣ, простаты отсылаютъ, одну запечатанную государственною печатью, а другую не запечатанную, простатамъ Калимны въ двадцатидневный срокъ со дня дачи показаній и такимъ же образомъ простаты Калимны отсылаютъ копіи простатамъ Коса. Калимняне, которые пожелаютъ отправиться на Косъ, чтобы присутствовать при допросѣ, получаютъ гарантію въ безопасности (иначе ихъ могли тамъ задержать, какъ неисправныхъ должниковъ). При самомъ разборѣ дѣла книдскіе стратеги должны предоставить каждой сторонѣ право предлагать вопросы свидѣтелямъ по одиночкѣ, послѣ первыхъ рѣчей. Каждая изъ сторонъ можетъ задавать вопросы свидѣтелю только о томъ, что относится къ дѣлу, а ни о чемъ другомъ. Она могла имѣть четырехъ синегоровъ (защитниковъ), и что характерно: синегоры эти могли быть вмѣстѣ съ тѣмъ и свидѣтелями. На произнесеніе рѣчей полагалось опредѣленное время, измѣряемое клепсидрой (водяными часами); рѣчей могло быть двѣ съ каждой стороны, при чемъ на первую рѣчь полагалось больше времени, на вторую меньше. Для чтенія документовъ, какъ и свидѣтельскихъ показаній, время было неограниченное. Тотчасъ послѣ рѣчей книдскіе стратеги должны были раздать камешки для голосованія.

Третейскій судъ большинствомъ 126 голосовъ противъ 78 оправдалъ Калимну.

Въ большинствѣ приведенныхъ примѣровъ распри происходятъ изъ-за обладанія какою-либо территоріей. Но иногда споръ шелъ не столько о самой территоріи, сколько о границахъ ея. Такъ было, напр., въ спорѣ между Коринѳомъ и Эпидавромъ [1]) (въ III в.) во времена Ахейскаго союза. По постановленію этого союза арбитражъ взяла на себя Мегара. Третейскій трибуналъ изъ 151 судей присудилъ спорную землю Эпидавру. Противъ этого коринѳяне ничего не имѣли, но они возражали противъ проведенныхъ границъ. Тогда

---

[1]) Dittenberger, Sylloge, II, № 542; Michel, № 20; Recueil des inscriptions jurid. greeques, II, 342 сл.

мегаряне, опять по постановленію Ахейскаго союза, послали разграничительную комиссію изъ 31 члена, выбранныхъ изъ числа судей. Комиссія, прибывъ на мѣсто, провела границу, направленіе которой самымъ точнымъ образомъ, со всѣми ея поворотами и извилинами, обозначается въ дошедшемъ до насъ третейскомъ приговорѣ: „Отъ вершины Кордилейя до вершины Галіея, отъ Галіея до вершины Керавнія, отъ Керавнія до вершины Корніата. Отъ вершины Корніата до дороги, идущей черезъ хребетъ Корніата“, и т. д.

Третейскимъ судомъ разрѣшались споры и по другимъ поводамъ, напр., изъ-за рыбной ловли. Такъ, между Трезеномъ и какимъ-то другимъ сосѣднимъ городомъ въ Пелопоннесѣ, вѣроятно Герміоной, происходили раздоры изъ-за владѣнія, повидимому, прибрежной полосой изъ-за ловли тунца [1]). Раздоры сопровождались взаимными нападеніями и грабежомъ. Конецъ имъ положило соглашеніе (въ началѣ II стол. до Р. Х.), при участіи аѳинянъ, какъ третейскихъ судей. Было условлено, что на будущее время спорный участокъ станетъ общимъ достояніемъ обѣихъ сторонъ, равно какъ и доходы отъ ловли тунца. Судиться изъ-за этого какъ самимъ городамъ, такъ и отдѣльнымъ лицамъ, запрещалось подъ угрозой штрафа. Потерпѣвшимъ въ прежнее время ущербъ назначалось вознагражденіе изъ доходовъ отъ рыбной ловли. Состоявшееся соглашеніе должно было быть представлено на рѣшеніе трехъ лицъ изъ аѳинянъ — по выбору послѣднихъ, — которые его, очевидно, санкціонировали, и выставлено въ храмѣ Посейдона въ Калавріи, въ святилищѣ Асклепія въ Эпидаврѣ и въ храмѣ Аѳины въ акрополѣ, въ Аѳинахъ.

Но особенно интересны для насъ договоры относительно третейскаго суда на будущее время, чтобы предотвратить войны. Мы видѣли уже примѣры этого изъ исторіи V в., — примѣры, о которыхъ мы узнаемъ изъ произведеній греческихъ историковъ. Эпохи эллинистическая и римская даютъ намъ относительно этого документальныя свидѣтельства — самые договоры въ видѣ надписей. Я не буду останавливаться на соглашеніи (III в. до Р. Х.) между Аѳинами и беотійскимъ союзомъ, — соглашеніи, по которому на будущее время для разрѣшенія могущихъ возникнуть споровъ намѣчался въ качествѣ третейскаго судьи городъ Ламія—не буду останавливать-

---

[1]) См. статью А. В. Никитскаго въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1902, окт.

ся уже потому, что неясно, идетъ ли рѣчь здѣсь о несогласіяхъ между городами или же, что вѣроятнѣе, между частными лицами. Приведу въ примѣръ соглашенія, гдѣ дѣло идетъ не о частныхъ спорахъ.

Таковъ договоръ между двумя критскими городами Гіерапитной и Пріансомъ[1]), устанавливавшій, между прочимъ, на будущее время общій трибуналъ: каждый годъ власти, „космы", обоихъ городовъ должны опредѣлить, съ обоюднаго согласія, городъ, изъ котораго должны быть арбитры, и дать поруку въ томъ, что они сдѣлаютъ это въ назначенный срокъ — въ теченіе двухъ мѣсяцевъ со дня вступленія въ должность подъ угрозой штрафа въ 50 талантовъ, который въ случаѣ неисполненія предписаннаго, космы Гіерапитны уплачиваютъ городу Пріансу, а космы послѣдняго — Гіерапитнѣ, и изъ котораго треть шла въ пользу обвинителя.

Интересенъ также договоръ[2]), который заключили между собою въ самомъ концѣ II стол. другіе два критскіе города Лато, или Латосъ, и Олунтъ, по побужденію города Кносса, избравшіе послѣдній третейскимъ судьею во всѣхъ спорахъ, „какіе могутъ возникнуть между ними, безусловно и относительно всѣхъ дѣлъ".

Кноссъ долженъ произнести приговоръ въ теченіе шести мѣсяцевъ и записать его на тѣхъ же каменныхъ плитахъ, стелахъ, на которыхъ начертанъ и договоръ. Приговоръ имѣетъ силу „навсегда", и отнынѣ оба города отказываются отъ всякихъ распрей по какому-бы то ни было поводу. Но особенно характерно то, что въ этомъ договорѣ устанавливается гарантія его исполненія: та и другая сторона принимаетъ на себя обязательство — въ отношеніи къ Кноссу — внести сумму въ 10 александрійскихъ талантовъ серебра въ обезпеченіе соблюденія соглашенія и подчиненія приговору; въ случаѣ нарушенія, космы Кносса должны конфисковать эти деньги и передать ихъ той сторонѣ которая останется вѣрной договору. Если впослѣдствіи города, участвующіе въ договорѣ, сочтутъ необходимымъ что-либо прибавить къ нему или исключить, то эти измѣненія имѣютъ силу закона. И въ концѣ надписи, дѣйствительно, есть прибавленіе, что съ общаго согласія срокъ для произнесенія приговора продленъ до 12 мѣсяцевъ (вмѣсто прежнихъ 6).

[1]) Michel, №16.

[2]) Dittenberger, Sylloge II, № 514. Французскій переводъ этой надписи можно найти у Raeder, стр. 124 сл.

Текстъ договора начертанъ былъ на каменныхъ стелахъ, которыя постановлено помѣстить въ храмахъ, въ трехъ названныхъ выше городахъ. и, кромѣ того, — на общій счетъ — на Делосѣ, въ храмѣ Аполлона: къ эпимелету острова должно было быть снаряжено посольство съ письмами, дабы отведено было мѣсто для постановки стелъ.

Вообще города на Критѣ особенно часто заключали между собою договоры о разрѣшеніи распрей мирнымъ путемъ. Въ III и II в. до Р. Х. большинство ихъ составляли „союзъ критянъ“, и у нихъ дѣйствовалъ постоянный общій трибуналъ изъ уполномоченныхъ различныхъ городовъ, который является судьею и между городами союза[1]). Во II в. заключенъ былъ договоръ между двумя союзами въ Θессаліи — магнатовъ и перребовъ, — по которому всѣ несогласія должны были разрѣшаться безпристрастнымъ арбитражемъ третьяго города. Не только на Критѣ, но и въ Беотіи, въ Акарнаніи, въ Іоніи дйствовали постоянные третейскіе трибуналы.

Изъ эпохи уже римскаго владычества обращаетъ на себя вниманіе договоръ между Эфесомъ и Сардами, заключенный по побужденію римскаго проконсула въ Азіи Квинта Муція Сцеволы и при участіи города Пергама въ 98 г. до Р. Х. Прежде всего характерно то, что Эфесъ и Сарды обязываются впредь не воевать другъ противъ друга, изъ чего можно заключить, что города эти, хотя и подвластные Риму, могли тѣмъ не менѣе вести войны. Далѣе Эфесъ и Сарды взаимно обязываются въ случаѣ какой-либо войны не оказывать никакой, даже косвенной, поддержки противнику кого-либо изъ нихъ — не пропускать его чрезъ свою территорію, не дозволять ему набирать наемниковъ, не доставлять ни денегъ, ни провіанта и т. под. Если одна изъ сторонъ нарушитъ въ чемъ-нибудь договоръ, другая должна получить удовлетвореніе, обратившись съ жалобой къ городу-посреднику, повыдимому, къ Пергаму, который, однако, не самъ будетъ третейскимъ судьею, а въ опредѣленный срокъ, въ теченіе пяти дней по прибытіи пословъ, выберетъ въ судьи по жребію городъ изъ числа намѣченныхъ по общему соглашенію. Послѣ этого въ теченіе 60 дней на судъ должны явиться представители Эфеса и Сардъ, имѣя съ собою грамоты къ избранному въ арбитры городу съ признаніемъ его суда. Приговоръ стороны должны выполнить немедленно.

---

[1]) Paeder. стр. 230—232.

Если одна изъ нихъ не явится въ Пергамъ, или потомъ на судъ въ городъ, избранный въ третейскіе судьи, то проигрываетъ дѣло, и рѣшеніе должно быть въ пользу присутствующей стороны. Договоръ заключался „на всѣ времена“.

III.

Намъ остается резюмировать и отчасти дополнить сказанное.

Международный третейскій судъ былъ извѣстенъ въ Греціи съ давнихъ поръ и былъ тамъ широко распространенъ; примѣры его мы встрѣчаемъ и на континентѣ Эллады, и на островахъ Эгейскаго моря, и на побережьѣ Малой Азіи, и въ Сициліи, и на берегахъ Чернаго моря. Поводы къ нему были разнообразны; большею частью это были споры изъ-за какой-либо территоріи или границы, затѣмъ — изъ-за пристаней, водныхъ источниковъ, рыбной ловли, денежныхъ обязательствъ, нанесенія ущерба или чинимыхъ обидъ, нарушенія договоровъ или недоразумѣнія при ихъ толкованіи. Не малую роль играло желаніе избѣгнуть войны въ будущемъ по какому бы то ни было поводу. Къ третейскому суду прибѣгали или въ отдѣльныхъ случаяхъ, когда уже возникъ тотъ или другой поводъ — и таково было большинство арбитражей, — или же заранѣе государства уславливались между собою впредь предоставлять третейскому суду рѣшеніе всѣхъ возможныхъ споровъ. Въ послѣднемъ случаѣ иногда арбитръ заранѣе назывался, а иногда его избраніе предоставлялось будущему; условливались лишь — да и то не всегда, — какъ его избирать. Мы, напр., видѣли, что по договору между Гіерапитной и Пріансомъ власти ежегодно опредѣляютъ городъ, изъ котораго должны быть арбитры; въ договорѣ между Сардами и Эфесомъ арбитръ избирается при посредничествѣ Пергама изъ числа тѣхъ городовъ, относительно которыхъ стороны придутъ къ соглашенію.

Иниціатива третейскаго суда могла исходить отъ спорящихъ сторонъ или отъ какого-либо третьяго, посторонняго государства. Иногда такое государство само предлагало себя въ арбитры, такъ сказать, навязывало свой арбитражъ. Такъ поступилъ, напр., Коринѳъ въ отношеніи Ѳивъ и Аѳинъ при столкновеніи ихъ изъ-за Платеи. Понуждали иногда къ арбитражу и эллинистическіе властители, и тѣ союзы, которые развились въ Греціи въ македонскій періодъ, и, наконецъ,

римскій сенатъ. То, бывало, государство, бравшее на себя иниціативу, предлагало арбитра, то выборъ послѣдняго являлся результатомъ взаимныхъ переговоровъ и соглашеній. Случалось, что одна изъ сторонъ отказывалась признать предложеннаго арбитра. Плутархъ передаетъ, что, когда аѳиняне въ спорѣ со спартанцами (въ началѣ IV в.) предложили взять въ третейскіе судьи Мегару, то спаратанскій царь на это возразилъ, что стыдно было бы, если бы первенствующія государства хуже умѣли судить, чѣмъ Мегара. Мы видѣли, что Элида отказалась признать приговоръ Спарты, считая послѣднюю пристрастной.

Посредниками и третейскими судьями бывали въ старину, — мудрецы, подобные Біасу и Періандру; тираны, какъ тотъ же Періандръ; полководцы и государственные дѣятели (напр., Ѳемистоклъ, по Плутарху бывшій третейскимъ судьею между Коринѳомъ и Керкирой); ѳессалійскіе династы; цари (напр., Птолемей Филопатръ — арбитръ между Кноссомъ и Гортиной), а также знаменитые атлеты, побѣдители на Олимпійскихъ играхъ, подобные Пантарху или Питталу, о которыхъ упоминаетъ Павсаній (VI, 15, 2, 16, 9), видѣвшій ихъ статуи въ Олимпіи. Надпись на статуѣ Пантарка гласила, что это — приношеніе ахеянъ въ благодарность за то, что онъ установилъ миръ между ними и Элидой и достигъ освобожденія плѣнныхъ, взятыхъ во время войны [1]). Арбитражъ отдѣльнаго, — и при томъ частнаго, лица, нѣкоего Макона изъ Лариссы (ок. 150 г. до Р. Х.) удостовѣряется документальнымъ свидѣтельствомъ надписи [2]).

Обращались за третейскимъ судомъ и въ Дельфы и къ дельфійской амфиктіоніи, но гораздо рѣже, чѣмъ это можно было бы думать. Амфиктіоніи, несомнѣнно, оказывали смягчающее вліяніе на войны, содѣйствовали ограниченію военныхъ бѣдствій. Извѣстна древняя клятва амфиктіоновъ: „не разрушать ни одного города, принадлежащаго къ союзу, не отводить проточныхъ водъ ни въ военное, ни въ мирное время; если кто нарушитъ это, противъ того ополчиться и разрушить его города; также если кто похититъ принадлежащее богу (Аполлону), или если будетъ знать объ этомъ, или

---

[1]) У того же Павсанія есть разсказъ — очевидно, легендарный, — что посредницами или третейскими судьями между Элидой и Писой избраны были женщины. 16 благородныхъ и уважаемыхъ особъ изъ 16 городовъ Элиды.

Kaeder, стр. 116—117, 225—226.

умыслитъ что-либо противъ святилища, тому мстить и рукою, и ногою, и голосомъ, и чѣмъ, кто только можетъ". Но не слѣдуетъ преувеличивать значеніе дельфійской амфиктіонiи въ дѣлѣ международнаго третейскаго суда: здѣсь она не играла той роли, какую ей приписывали. Амфиктіонія была союзомъ „сосѣднихъ" племенъ, имѣвшимъ въ виду попеченіе о храмѣ Аполлона въ Гельфахъ, охрану его достоянія и его интересовъ. Она творила судъ, главнымъ образомъ, по дѣламъ, имѣющимъ отношеніе къ этому попеченію и охранѣ, но постояннымъ третейскимъ трибуналамъ въ международныхъ распряхъ вообще она не была[1]). Правда, мы видимъ амфиктіоновъ арбитрами въ конфликтѣ аѳинянъ съ жителями Делоса изъ-за управленія храмомъ Аполлона на этомъ островѣ — дѣло это извѣстно, между прочимъ, участіемъ въ немъ знаменитаго оратора Гиперида[2]); но если въ данномъ случаѣ амфиктіоны являются судьями, то потому, что противники избрали ихъ арбитрами, а не въ качествѣ постояннаго третейскаго судилища. Въ извѣстной „двуязычной" надписи, названной такъ потому, что часть ея на двухъ языкахъ, латинскомъ и греческомъ, изъ пяти дѣлъ, по которымъ амфиктіоны произносятъ приговоръ, только одно носитъ отчасти международный характеръ, да и оно касается опредѣленія границы священной земли Аполлона.

Въ Ахейскомъ союзѣ третейскій судъ творитъ самъ онъ, его союзное собраніе, или тоже поручаетъ какому-либо городу, члену союза; но обращались и къ постороннему городу, не входящему въ союзъ, съ согласія послѣдняго. Такъ, Аѳины, не принадлежавшія къ Ахейской федераціи, были арбитромъ между членами этой федераціи, Трезеномъ, и другимъ сосѣднимъ городомъ: въ извѣстномъ уже намъ дѣлѣ Коринѳа и Эпидавра всѣ — и стороны, и арбитръ, Мегера, — члены союза и самый арбитражъ происходитъ по постановленію послѣдняго. Какъ было упомянуто, въ нѣкоторыхъ союзахъ существовали постоянные трибуналы для разбора распрей между членами.

Еще до того, какъ Римъ окончательно подчинилъ себѣ греческій міръ, греки не разъ обращаются къ римскому сенату за третейскимъ судомъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ се-

---

[1]) Paeder, стр. 164 сл.

[2]) Аѳинское народное собраніе избрало „синдикомъ" (защитникомъ) оратора Эсхина, но ареопагъ этому воспротивился и назначилъ Гиперида.

натъ самъ рѣшаетъ споры, при чемъ большею частью подтверждаетъ прежніе приговоры, находя „неловкимъ“ ихъ измѣнять, если дѣло было уже рѣшено третейскимъ судомъ съ согласія сторонъ; а чаще поручаетъ легату, претору или комиссіи разобрать дѣло или выбрать въ арбитры какой-либо „свободный городъ“, довольствуясь установленіемъ положенія; въ спорахъ изъ-за территоріи предоставлять спорную землю тому, кто владѣлъ ею въ моментъ вступленія въ дружбу или въ сношенія съ Римомъ.

Вообще, чаще всего третейскимъ судьею въ извѣстныхъ намъ случаяхъ является какое-либо государство, или городъ[1]), обыкновенно не очень отдаленный, дружественно расположенный къ обѣимъ сторонамъ. Въ избранный въ арбитры городъ та и другая сторона снаряжала посольство, съ копіей соглашенія и съ просьбой благосклонно отнестись къ приглашенію быть третейскимъ судьею. Отказа никогда не бывало[2]): такое приглашеніе считалось большимъ почетомъ. Но самъ городъ рѣдко бралъ непосредственно на себя функціи третейскаго суда: онъ для этого избиралъ, голосованіемъ или по жребію, особый трибуналъ изъ среды своихъ лучшихъ гражданъ, „мужей достойныхъ“, пользующихся довѣреніемъ и уваженіемъ; иногда для избранія требовался еще, сверхъ того, имущественный цензъ. Число судей — различное: 101 — въ дѣлѣ между Спартой и Мегалополемъ; 151, изъ которыхъ потомъ выдѣлена была комиссія 31, — въ спорѣ между Коринѳомъ и Эпидавромъ, 204 — въ дѣлѣ Коса и Калимны и т. д. Самое большое число, какое встрѣчается, — 600: такой многочисленный трибуналъ выбрали милетяне для разрѣшенія пограничнаго спора между Спартой и Мессеніей. Большею же частью бывало трое или 5 судей.

Дальнѣйшій ходъ дѣла и процедуру суда, иногда сложную, мы видѣли на примѣрахъ. По избраніи, предъ началомъ своей дѣятельности или позже, передъ произнесеніемъ приговора, судьи давали присягу. Ея формулу мы знаемъ

---

[1]) Случалось, что и нѣсколько городовъ избирались въ арбитры, напр., въ одномъ дѣлѣ — Самосъ, Колофонъ и Магнесія, въ другомъ — по 5 гражданъ изъ 6 городовъ (Эріеръ, Хіоса, Клазомены, Лебедоса, Эфеса и еще одного города). Въ дѣлѣ между Спартой и Мегалополемъ во времена Филиппа Македонскаго судьи были изъ „всѣхъ союзныхъ городовъ“.

[2]) Единственное извѣстное намъ исключеніе — отказъ Сципіона Эмиліана быть арбитромъ въ Македоніи. Но здѣсь предъ нами не городъ, а отдѣльное лицо и римлянинъ.

изъ дѣла Калимны и Коса. Съ этою присягою судей-книдянъ можно было бы сопоставить клятву гіеромнемоновъ, представителей государствъ въ амфиктіоніи, приводимую въ амфиктіоновскомъ уставѣ 380 года [1]): „Буду судить, какъ, по моему мнѣнію, справедливѣе всего, въ случаяхъ, гдѣ есть писаный законъ, — по законамъ, а гдѣ нѣтъ (писанаго закона), — по своему убѣжденію, и мзды во время суда не приму. И присужденное (судомъ) буду взыскивать по мѣрѣ силъ... И изъ амфиктіоновскихъ средствъ ничего не присвою себѣ и другому не дамъ присвоить изъ общественныхъ денегъ. Обѣщаю это именемъ Аполлона Пиѳійскаго, Латоны и Артемиды, и, если соблюду клятву, да будутъ мнѣ многія блага, если же нарушу — бѣдствія вмѣсто благъ“. Или вспоминается клятва амфиктіоновъ, еще болѣе выразительная, въ амфиктіоновскихъ актахъ 117 г., въ „двуязычной надписи“ [2]), — клятва, въ которой амфиктіоны, въ случаѣ нарушенія ея, призываютъ на себя проклятія: „Пусть Ѳемида и Аполлонъ Пиѳійскій, и Латона, и Артемида, и Гестія, и Огонь безсмертный, и всѣ боги и богини, наказавъ злѣйшею бѣдою, отымутъ у меня счастье и не допустятъ ни меня самого, ни родъ мой насладиться ни дѣтьми, ни урожаемъ, ни плодами, ни состояніемъ, и меня при жизни лишатъ наличнаго имущества, если я преступлю клятву“. Но это касается не столько международныхъ отношеній, сколько главнаго назначенія амфиктіоновъ — охраны достоянія и интересовъ Аполлонова храма въ Дельфахъ.

Для разбора дѣла часто полагался опредѣленный срокъ. Если дѣло шло о пограничныхъ спорахъ, то, какъ мы видѣли, судьи, обыкновенно сопровождаемые представителями сторонъ, отправлялись на спорную территорію, чтобы на мѣстѣ произвести осмотръ и разслѣдованіе, установить точно границы и поставить, въ случаѣ надобности, пограничные знаки. Такой осмотръ продолжался иногда не мало дней; при этомъ разсматривались заявленія сторонъ, документальныя данныя, описанія границъ или карты мѣстности и всякаго рода сви-

---

[1]) Надпись — въ Sammlung der griech. Dialekt-Inschriften, № 2501. Русск. перев. — Д. А. Жариновъ, Н. М. Никольскій, С. М. Радцигъ и В. Н. Стерлиговъ, Древн. міръ въ пам. его письмен. Ч. II, Греція стр. 45.

[2]) Colin, Actes amphictyoniques relatifs à la fortune du temple d'Apollon et aux limites du territoire sacré (Bulletin de correspondance hellénique, XXVII, 104 сл.).

дѣтельства, въ томъ числѣ показанія старожиловъ, напр., какого-нибудь пастуха, пасшаго стада въ данной мѣстности и хорошо ее знавшаго, помнившаго разсказы стариковъ [1]) и т. п.

Иногда тутъ же происходилъ самый судъ, но большею частью судьи возвращались въ свой городъ или отправлялись въ какой-либо нейтральный пунктъ, и тамъ, въ какомъ-либо храмѣ или театрѣ, открывалось засѣданіе трибунала. При самомъ судебномъ процессѣ присутствовали представители сторонъ, въ немъ участвовали защитники съ той и другой стороны; адвокаты эти могли быть и изъ чужого города. На рѣчи отводилось опредѣленное время. Защитники могли выступать нѣсколько разъ, но, какъ видно изъ дѣла Калимны и Коса, на послѣдующія рѣчи полагалось меньше времени, нежели на первыя. На судѣ допрашивались присутствующіе свидѣтели, прочитывались письменныя показанія отсутствующихъ, что обставлялось иногда большими формальностями, какъ показываетъ то же дѣло Калимны и Коса. Въ числѣ доказательствъ пользовались документами, взятыми изъ архивовъ, договорами, письмами, прежними постановленіями, приговорами, описаніями границъ или мѣстности, свидѣтельствами историковъ, разнаго рода цитатами и проч. Все это судьями выслушивалось, сопоставлялось, критически разбиралось и взвѣшивалось, Съ какою тщательностью и добросовѣстностью это исполнялось ими, видно, напр., изъ того, что судьи изъ Магнесіи при арбитражѣ между Итаной и Гіерапитной посвящали дѣлу не только обычное время дня, но и большую часть ночи. Произнося приговоръ, судьи обыкновенно обстоятельно мотивируютъ его, приводятъ основаніе.

Иногда, прежде чѣмъ приступить къ приговору, судьи выступали въ качествѣ посредниковъ, предлагая кончить дѣло соглашеніемъ. Какъ мы видѣли на примѣрѣ той же Итаны и Гіерапитны, это не всегда удавалось. Но случалось и достигать соглашенія, по крайней мѣрѣ, по нѣкоторымъ пунктамъ, а по другимъ рѣшать приговоромъ, Случилось также, что во время самаго процесса, когда трибуналъ уже дѣйствовалъ, свидѣтели явились, границы осмотрѣны, одна изъ сторонъ отказывалась отъ дальнѣйшаго спора.

Приговоръ третейскаго суда не всегда бывалъ единогласнымъ, и, благодаря дошедшимъ до насъ надписямъ, въ нѣко-

---

1) См. отрывокъ надписи — Inscript. Graecae, IX, 2, 521 (Tod, стр. 148—149).

торыхъ случаяхъ мы знаемъ, какъ раздѣлялись голоса. Напр., изъ 204 судей-книдянъ въ дѣлѣ между Калимной и Косомъ 126 голосовали за оправданіе Калимны, а 78 — противъ. Изъ 600 судей-милетянъ, бывшими арбитрами между Спартой и Мессеніей, 584 подали голосъ въ пользу послѣдней и 16 — въ пользу Спарты. Въ одномъ случаѣ отмѣчается, что 5 голосовъ признано „не имѣющими силы", но почему — не сказано [1]).

Приговоръ провозглашался; весь ходъ дѣла записывался болѣе или менѣе подробно въ протоколъ; копіи его выдавались сторонамъ; мраморныя столы съ надписью, содержащею протоколъ, выставлялись въ городѣ, выигравшемъ дѣло, а иногда и въ другихъ пунктахъ, въ наиболѣе славныхъ святилищахъ, напр. въ Олимпіи, въ Дельфахъ, на Делосѣ... Тамъ происходила публикація третейскаго приговора.

При исполненіи своихъ обязанностей судьи, когда они являлись въ одинъ изъ споривших городовъ или для осмотра мѣстности, бывали, конечно, окружены вниманіемъ и почетомъ. Они помѣщались на общественный счетъ; назначались особыя лица, которыя должны были ихъ сопровождать, оберегать, заботиться объ ихъ безопасности и удобствахъ. Какъ показываютъ недавнія раскопки въ Спартѣ, тамъ было особое зданіе, предназначенное между прочимъ для помѣщенія судей, приглашаемыхъ изъ другихъ государствъ въ качествѣ арбитровъ. Въ благодарность за ихъ дѣятельность судей приглашали къ общественному столу — устраивали въ честь ихъ банкеты; выражали эту благодарность въ надписяхъ; кромѣ того награждали ихъ золотымъ вѣнкомъ, правомъ гражданства, наслѣдственнымъ титуломъ „проксена" и „благодѣтеля", съ связанными съ этимъ привилегіями.

Но была ли какая-либо гарантія исполненія договора и подчиненія третейскому рѣшенію? Въ нѣкоторыхъ случаяхъ назначался штрафъ, грозившій той сторонѣ, которая нарушитъ договоръ или не подчинится приговору третейскаго суда. Кромѣ уже извѣстныхъ намъ примѣровъ (договоры между

---

[1]) Если трибуналъ состоялъ изъ представителей двухъ и болѣе государствъ, та принадлежность къ тому или иному изъ нихъ не принималась въ соображеніе, и рѣшало тоже большинство голосующихъ. Однако у Плутарха есть разсказъ о спорѣ между островомъ Андросомъ и гор. Халкидой, — спорѣ, въ которомъ третейскими судьями были: Эриѳры, Самосъ и Паросъ, при чемъ первые двое голосовали за Андросъ, а Паросъ — за Халкиду. Здѣсь, вѣроятно, происходило три отдѣльныхъ голосованія.

Гіерапитной и Пріансомъ, Лато и Олунтомъ), можно указать еще на соглашеніе македонскаго царя Антигона Гоната съ критскимъ городомъ Элевферной, — соглашеніе, въ которомъ значилось, что если Элевферна не пришлетъ требуемой помощи въ установленный срокъ или нарушитъ въ чемъ-либо другомъ договоръ, то она должна заплатить штрафъ въ 10000 драхмъ по приговору избраннаго въ арбитры государства. Подобное же соглашеніе было заключено и съ Гіерапитной.

Но насколько штрафъ былъ достаточной гарантіей? Вообще, насколько третейскій судъ имѣлъ дѣйствительное значеніе въ древне-греческомъ мірѣ? Реальной силы, которая въ случаѣ надобности, могла бы заставить безусловно подчиниться ему, не было; по крайней мѣрѣ ея не было до временъ эллинистическихъ властителей, образованія союзовъ, въ родѣ Этолійскаго и Ахейскаго и утвержденіе римскаго господства.

И все-таки нельзя сказать, чтобы третейскій судъ тогда не имѣлъ практическаго значенія: его рѣшенія искали и ему въ большинствѣ случаевъ подчинялись [1]). Правда, иныя распри тянулись, съ перерывами, въ теченіе столѣтій: неоднократно рѣшаемыя третейскимъ судомъ, онѣ вновь подымаются. Таковъ извѣстный споръ между Самосомъ и Пріэной. Распря между лакедемонянами и мессенянами изъ-за пограничной области продолжается съ перерывами со временъ Филиппа Македонскаго и, по крайней мѣрѣ, до временъ Тиберія. Споръ между городами южной Θессаліи, Мелитеей и Нарѳакіемъ [2]), идетъ на протяженіи болѣе, чѣмъ двухъ вѣковъ, съ IV ст. до середины II; сохранившаяся надпись содержитъ приговоръ римскаго сената и ссылается на многократные предшествующіе арбитражи по этому дѣлу, въ томъ числѣ — Самоса, Колофона и Магнесіи.

---

[1]) Редеръ дѣлаетъ слѣдующій подсчетъ (стр. 239); изъ 81 или 80 разсмотрѣнныхъ имъ случаевъ 61 арбитражъ былъ использованъ; въ 1 случаѣ его не было потому, что судья, къ которому стороны обратились, отказался функціонировать; въ 7 случаяхъ одна изъ сторонъ не пожелала принять предложеніе другой примѣнить арбитражъ; въ 1 предложеніе государства-примирителя было отвергнуто; 10 касаются договоровъ и соглашеній, содержащихъ пункты относительно арбитража, о которыхъ мы не знаемъ, получили ли они практическое примѣненіе или нѣтъ; въ 3 случаяхъ, напротивъ, мы знаемъ, что такой договоръ былъ примѣненъ; по этому Редеръ включаетъ ихъ въ упомянутое выше число 61. Въ дѣйствительности извѣстныхъ намъ случаевъ арбитража было нѣсколько больше

[2]) Dittenberger, Sylloge, I, 307.

Но именно и характеренъ тотъ фактъ, что третейскаго суда настойчиво добиваются, къ нему, а не къ оружію, прибѣгаютъ даже тѣ государства, которыя уже нѣсколько разъ испытали это средство. Такой фактъ лучше всего показываетъ, какъ арбитражъ былъ распространенъ въ греческомъ мірѣ и какое придавалось ему значеніе. Въ цѣломъ рядѣ случаевъ онъ разрѣшалъ споры, полагалъ конецъ войнѣ, предотвращалъ ее въ будущемъ. Разумѣется, и въ древней Греціи онъ не упразднилъ окончательно войнъ. Войнъ было много въ этомъ политически раздробленномъ мірѣ, среди соперничества и вражды множества независимыхъ городовъ-государствъ. Но не будь арбитража, этихъ войнъ было бы еще больше; третейскій судъ вносилъ умиротворяющее начало.

Какъ бы то ни было, въ древне-греческомъ мірѣ имъ пользовались сравнительно въ большей мѣрѣ, и онъ игралъ тогда сравнительно большую роль, чѣмъ въ новое время, столь гордящееся своей культурой и нерѣдко смотрящее на античную древность, какъ далекую, чуждую, „отжившую“.

В. Бузескулъ.

ПРИЗЫВЪ.

Что за божественный вечеръ! Безоблачно свѣтлое небо,
Жаркаго солнца лучи гаснутъ одинъ за другимъ;
Нѣжно скользя по стволамъ и вершинамъ затихшихъ деревьевъ.

Издали слышатся гулъ и блеянье бредущаго стада,
Перепелъ мѣрно звучитъ въ морѣ желтѣющей ржи,
Воздухъ же полонъ дыханья цвѣтами усыпанной липы.

Полною грудью вдохни этотъ всеисцѣляющій воздухъ:
Жизнь тебя властно зоветъ въ свѣтлое царство свое:
Пользуйся ею, любя и любовно храня все живое!

А. Семеновъ-Тянъ-Шанскій.

ЗАКАТЪ.

Упало солнце въ дальній лѣсъ...
Алѣетъ въ тучахъ кровь заката,
Ползетъ туманъ, и безъ возврата
Тускнѣетъ золото небесъ...
Еще одно, два, три мгновенья —
И ночи влажной покрывало
Спадетъ на міръ... Какъ тихо стало,
Безвольно сонное теченье
Рѣки, стремившейся куда-то,
Звеня серебряной волной...

. . . . . .

Другъ, тяжела душѣ больной
Минувшихъ ясныхъ дней утрата...

Пав. Михайловъ.

ИЗЪ ДЕРЕВЕНСКИХЪ ВПЕЧАТЛѢНІЙ.
(1915 г.).

ОЧЕРКИ.

I.

Очень хотѣлось побывать въ деревнѣ во время войны, да все мѣшало то одно, то другое. И только къ концу года войны, въ іюнѣ, я кое-какъ урвалъ нѣсколько дней и поѣхалъ.

Подъѣзжая къ станціи, на которой я долженъ сойти, я уже чувствовалъ пріятное, легкое волненіе, — какъ и всегда, когда я наѣзжалъ въ деревню.

Около станціи ко мнѣ сейчасъ же пристали двое мальчишекъ лѣтъ по 11-ти. До войны здѣсь всегда толкались человѣкъ восемь, а то и весь десятокъ мужиковъ въ солидныхъ лѣтахъ, теперь къ услугамъ пріѣзжихъ въ роли ямщиковъ только эти два малыша — оба босые, безъ шапокъ, загорѣлые, какъ арабчата.

— Ваше степенство, тебѣ куда? Моментально домчу! — бойко наступаетъ на меня одинъ изъ этихъ малышей, а другой, степенно помахивая кнутомъ, какъ настоящій заправскій ямщикъ, съ презрѣніемъ косится на немощную лошаденку своего конкурента и съ уничтожающей ироніей сквозь зубы медленно цѣдитъ:

— Сказалъ тоже: „домчу“, „моментально“! А на чемъ? Только названіе одно что лошадь, а на самъ-то дѣлѣ кляча изъ клячъ! Эхъ ты... пустоболтъ! И завсегда такъ: я-сто, Степка Аржановъ, мы-сто, Аржановы... Послушай — такъ уши вянутъ.

— Ты, Микишъ, заткни пасть-то! — вдругъ ощетинивается Степка, видимо задѣтый за весьма больное мѣсто. — Кляча, говоришь? А у тебя — лучше? У насъ меринъ-то каковъ былъ: паровозъ, а не лошадь! Теперь антиллерію на войнѣ возитъ...

Библіотека
КАЛЯЗИНСКАГО
Ч-ва Потребителей

— А у насъ кобыла хуже что ли вашего мерина была? — все съ той же уничтожающей ироніей возражаетъ Микишъ.

— Была, да сплыла. У всѣхъ хороши остались, — уныло заключаетъ Степка и, обращаясь ко мнѣ, добавляетъ. — Такъ куда, ваше степенство, тебя везти-то?

— „Были, да сплыли“ — это правильно, объ этомъ что и толковать. Ну а у меня скотинка-то все же посправнѣе твоей, — съ самодовольной улыбкой добиваетъ Степку Микишъ и тоже обращается ко мнѣ съ такой увѣренностью въ тонѣ, что его-то ужъ я ни въ какомъ случаѣ не миную: — Такъ куда, баринъ, тронемся-то? Подвезу, можно сказать, безъ обиды!

— У меня отецъ на войнѣ, а у тебя гдѣ? На печи кирпичи протираетъ! — кричитъ Степка, и это, должно быть, ужъ его послѣдній аргументъ: на его глазахъ блестятъ злыя слезы, а маленькая корявая отъ грязи ручонка судорожно сжимается на кнутовищѣ.

— Недужный мой батя-то, вотъ и лежитъ на печи; а будь бы въ силѣ — тоже воинъ не хуже его батьки былъ бы, — невозмутимо объясняетъ мнѣ Микишъ и въ то же время посматриваетъ на Степку такимъ зловѣщимъ взглядомъ, отъ котораго даже мнѣ немного жутко.

Ясно, что малыши оба ярые „добытчики“ и что если взять кого-либо изъ нихъ, то неминуема, пожалуй, между ними послѣ драка. Ѣхать я не собираюсь — мнѣ хочется пройтись, багажа при мнѣ, кромѣ небольшого узелка, никакого и, улыбаясь, я говорю Микишу:

— А знаешь что, паря: а я вотъ хочу пѣшочкомъ! Разлюбезное дѣло теперь по полямъ прогуляться.

Степка, видимо, уже рѣшилъ, что я возьму Микиша и, когда увидалъ, что и у Микиша сорвалось, раскатывается торжествующимъ смѣхомъ. А Микишъ обозленъ.

— Такъ бы сперва и говорилъ: не надоть, молъ, мнѣ васъ. Самъ обойдусь.

— А то стоитъ, торгуется!

Микишъ цѣдитъ эти слова сквозь зубы и пренебрежительно, въ упоръ, смотритъ мнѣ въ лицо.

— Да гдѣ же, паря, я торговался? Я васъ и не звалъ. Сами налѣзли.

— Гдѣ, да все тамъ же! — отвѣчаетъ сердито Микишъ, но должно быть сейчасъ же признаетъ несообразность своего

отвѣта и мягко, со смущенной улыбкой, добавляетъ. — А зря, баринъ, пѣшочкомъ-то! Я бы по дешевкѣ подвезъ.

Я отхожу отъ мальчишекъ, но минуты черезъ пять оборачиваюсь и вижу: бесѣдуютъ они о чемъ-то, да такъ степенно, что я даже удивленъ. Знавалъ я раньше, что деревенская дѣтвора любитъ подражать въ степенности взрослымъ, но все то въ сравненіи съ настоящимъ было похоже на цвѣточки, а теперь — ягодки. Поняли эти деревенскіе малыши за время войны, что и они что-то стали значить. И вотъ, вѣроятно, отсюда — жесты и движенія у нихъ точь-въ-точь, какъ у стариковъ.

Минуя желѣзнодорожный путь, вскорѣ вступаю въ полосу луговъ.

Три года назадъ я былъ здѣсь въ этомъ же мѣсяцѣ. И на этихъ лугахъ шла тогда горячая работа: дружно, съ пѣснями, съ веселыми шутками и прибаутками, съ легкой руганью, заставляющей поживѣе поворачиваться, мужики работали косами, бабы граблями, и быстро, какъ бы по волшебству, выростали тамъ и сямъ стога душистаго сѣна.

Теперь покосъ не только запоздалъ — онъ даже не начатъ. Изрѣдка по сторонамъ дороги лежитъ еще сырое, только что сегодня или вчера скошенное сѣно и въ такомъ небольшомъ количествѣ, по которому видно, что это сѣно скошено на надобности ближайшихъ дней.

Подберетъ скотина это сѣно, и вновь мужикъ или баба будутъ охать, что опять за кормомъ надо ѣхать.

Пусто на лугахъ, безлюдно, и только въ концѣ луговъ я натолкнулся на кучу бабъ и дѣтишекъ, которыя работали тоже на надобности ближайшихъ дней: скошенную траву сейчасъ же наваливали на воза.

Ни одного мужика при бабахъ и дѣтишкахъ — одинъ только древній старикъ съ лицомъ, обросшимъ изжелта-сѣдыми волосами такъ густо, что только видны носъ да глаза.

Я останавливаюсь въ десяти шагахъ отъ одной бабы, которую нужда, должно быть, еще только учитъ браться за косу; видно, что баба изо всѣхъ силъ старается косить, какъ мужики, но плохо ей это пока удается: движенія ея тѣла и рукъ до смѣшного неуклюжи, трава изъ-подъ косы ложится кривыми рядами, а мѣстами и еще того хуже: или примята, или срѣзана на половину.

А тутъ еще старикъ.

— Эй, Аграфена, — кричитъ онъ, — а плѣшины-то за-

чѣмъ, плѣшины-то? Разя это дѣло? Подбирать надо — да подъ корень!

Баба бросаетъ косу и сердито, подъ носъ себѣ, бормочетъ:

— Хоть бы при чужихъ-то не конфузилъ. Вотъ бубна старая! Бубнитъ-бубнитъ, какъ будто безъ него-то не знаютъ.

За бабой шла съ граблями красивая молодуха лѣтъ 20-ти — остановилась и она, посмотрѣла на меня, а потомъ полуподозрительно и полукокетливо сказала:

— Ну, иди, иди, чего всталъ-то? Можетъ, еще австріякъ какой! Много тутъ всякихъ шатается.

— Такой же „австріякъ“, какъ ты! — смѣюсь.

— А откедова будешь? — и молодуха улыбается уже совсѣмъ кокетливо.

— Да все оттуда же: расейскій!

— Ишь ты... Что-то на расейскаго-то не похожъ!

Но подходитъ старикъ. Строго уставившись на меня старыми глазами, онъ сердито спрашиваетъ:

— Ты не увиливай, а говори толкомъ: кто ты таковъ, куда пробираешься?

Пришлось сказать кто я, куда „пробираюсь“. Взглядъ старика прояснился.

— А, вонъ кто ты! Какъ же, наслышанъ объ тебѣ. Дядька-то твой покойный первый дружокъ мнѣ былъ. А на меня, милъ-человѣкъ, не будь въ обидѣ. Время такое... Тутъ отъ насъ верстъ этакъ за 25 какая склока была!.. Вздумалъ одинъ австріякъ изъ полоненныхъ бѣжать, перерядился въ барскую одеву и идетъ себѣ по полю, а въ полѣ-то ему, какъ на грѣхъ, и встрѣться смазливая дѣвка. Ну, онъ сперва съ ней то да се, деньгами ее хотѣлъ прельстить, а какъ видитъ, что дѣвка-то не изъ такихъ, силой было хотѣлъ ее обнимать. Дѣвка, конечно, давай выть въ истошный голосъ, а морду царапать австріяку тоже не забываетъ; возятся, значитъ, такъ, австріяку бы бѣжать надо, а онъ въ ражъ вошелъ и не видитъ, что мужики навертываются — съ базара ѣхали. Ну и сцапали его, голубчика. Эхъ, да и били, говорятъ, какъ, покедова до стана-то довезли!

— И подѣломъ, дьяволу! Совсѣмъ бы убить надо.

— Слышь? — и старикъ ухмыляется. — Эхъ, да и сердиты же у насъ бабы стали. Дальше ѣхать некуда! Сперва-чка-то, какъ война заварилась, еще туда-сюда: ну, поревутъ тамъ, поплачутъ — извѣстное бабье дѣло, а потомъ и сми-

рятся: Божья, молъ, воля! Ну, а какъ мужиковъ-то дюже сильно поубавилось — тутъ они и призадумались. Да какъ? Прямо не подходи. Ты ей слово, а она тебѣ десять. И страху никакого: на топоръ полѣзутъ. Какія есть: вилы, говорятъ, возьмемъ, какъ на французовъ въ 12 году ходили! Вишь, куда метнуло?

Старикъ на минуту задумывается и со вздохомъ добавляетъ:

— Оно понятно! Баба вѣдь не курица и видитъ, что круто ей придется. Времена-то какія — невиданныя! Всякая шушаль, примѣрно вотъ какъ я, всякая заваль — все стало на чеку. Ранѣ мы, старики, и въ счетъ-то не шли. Какіе мы работники — такъ себѣ, вѣку своего доживальщики. А теперича, какъ у кого въ домѣ старикъ аль дѣдъ есть — такъ Бога благодарятъ: все, молъ, помога!

Затѣмъ старикъ спрашиваетъ меня, какъ „баютъ“ о войнѣ въ городахъ, и еще минутъ двадцать я толкую съ нимъ, а потомъ иду дальше.

Луга кончились, начались поля, надъ моей головой синее небо, подъ ногами — жирный черноземъ, а по сторонамъ, куда ни взгляну — необозримый просторъ, дающій легкость душѣ необычайную.

Нѣтъ тоски, нѣтъ боли, нѣтъ смятенія и обычнаго горькаго сознанія, что живешь такъ нудно, мучительно — есть только одно простое, большое чувство благодарности за тишину, за полевой воздухъ и за картину ржи, которая чуть замѣтно колышетъ колосьями.

Рожь — хороша! По обѣимъ сторонамъ дороги она стоитъ стѣной — по грудь, съ крупнымъ стеблемъ, съ полнымъ колосомъ, на зеленомъ оттѣнкѣ котораго уже появляется желтый налетъ.

Деревнѣ есть надъ чѣмъ поработать! Я радъ за деревню — за то, что грозная стихія бываетъ къ ней иногда во время милостива, радъ за себя, что иду по землѣ, освященной трудовымъ потомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и жалко мнѣ себя и тѣхъ плѣнниковъ города, которые вынуждены все лѣто мириться съ душнымъ, какъ въ пеклѣ, воздухомъ, съ каменными мостовыми, съ асфальтовыми тротуарами.

На минуту у меня жутко сжимается сердце: выплываетъ изъ памяти годъ, когда я шелъ этимъ же полемъ и видѣлъ, какъ съ зловѣщимъ трескомъ свертывался стебель хлѣбовъ отъ бездождія и жары.

Видѣлъ я тогда и мужиковъ. Съ понурыми и растерянными лицами со скорбью, вся глубина которой вѣдома только мужицкому сердцу, они осматривали гибель своихъ нивъ, и руки у нихъ болтались такъ странно, ненужно и горестно — страшно было это великое деревенское горе, когда и сила, и жажда къ труду есть, а примѣнить эту силу не къ чему!

И съ тѣхъ именно поръ я радъ за деревню, когда у ней есть надъ чѣмъ поработать.

Я срываю колосъ, выщипываю изъ него зерна — они еще зелены, сыроваты, и когда будутъ готовы къ уборкѣ, опредѣлить это точно для меня — задача трудная. Припоминаю, что вотъ читалъ же я иногда и статьи, и книги по сельскому хозяйству, но, въ сущности, все это ни къ чему: все это не то, что самому сѣять и жать.

Вскорѣ съ межи на дорогу вывертывается мужикъ и идетъ навстрѣчу мнѣ. Онъ босой, безъ шапки, съ руками, заложенными за поясъ, бредетъ тихо, часто останавливается и вглядывается строгими, какъ на суровой молитвѣ, глазами въ хлѣба.

Меня онъ совсѣмъ не замѣчаетъ до тѣхъ поръ, пока я съ нимъ не сталкиваюсь на узкой дорогѣ; онъ узнаетъ меня, и лицо его расплывается въ широчайшую улыбку:

— А, Михайла! Опять, значитъ, къ намъ? Расчудесное дѣло! — но сейчасъ же сбавляетъ тонъ, и глаза вновь строги. — А хлѣба-то... хороши? Можно сказать — не обошелъ Господь!

— А какъ думаешь — до уборки-то сколько осталось? — спрашиваю я.

Мужикъ рветъ колосъ, подбрасываетъ его на ладони, и то, что для меня загадка, для него ясно, какъ день:

— Да недѣльки черезъ три готовь спину. Это ужъ вѣрно.

— А если дожди?

— Что жъ дожжи? Одинъ-другой — ничего, не мѣшаетъ; вотъ если градъ, али ливень — тогда бѣда! Хлѣбъ-то Господь-батюшка далъ вонъ какой грузный — весь, какъ стелька, поляжетъ.

Мужика я знаю давно — лѣтъ пятнадцать. Живетъ и какъ будто не старѣетъ: все то же скуластое крѣпкое лицо, на которомъ вѣтры всѣхъ временъ года прочно наложили свой слѣдъ; смотришь и не поймешь, какой у него былъ

цвѣтъ кожи: вывѣтрился! У него даже глаза какъ-то неуловимо безцвѣтны — тоже вывѣтрены. И не пойму я, что они выражаютъ — злобу, ненависть, горькое раздумье или такъ себѣ это — рѣчь, которая къ слову пришлась, когда онъ мнѣ говоритъ:

— А я вотъ съ версту назадъ повстрѣчался съ одной барыней: у нашего барина гоститъ. „Что жъ, говоритъ, дядя, васильковъ почти не видно? Какое же это поле, если такого хорошаго цвѣтка нѣтъ? Видно хлѣбъ не умѣете какъ слѣдуетъ сажать!“ Чудно! Туда-сюда, если бъ еще несмышленая дѣвченка, а то ужъ сѣдые волосы на головѣ, а все не понимаетъ, что если василекъ поля глушитъ — значитъ быть нашему брату мужику безъ хлѣба. Пора бы, говорю, вамъ, барыня ужъ знать, что „сажаютъ“ огурцы, капусту, словомъ, овощъ, молъ, всякій, а хлѣбъ — сѣютъ!

Я смѣюсь. Мужикъ пытливо смотритъ на меня и добавляетъ:

— И что жъ ты думаешь: меня же обругала. „Дуракъ, говоритъ, сѣрый, невѣжа неотесанная!“

Потомъ глядитъ вдаль и какъ будто видитъ тамъ нѣчто болѣе достойное вниманія, чѣмъ барыня, машетъ рукой и заключаетъ:

Я жду, когда мужикъ заговоритъ о войнѣ, но онъ молча смотритъ въ даль и думаетъ о чемъ-то думой такой темной, и крѣпкой, какъ темна и крѣпка земля.

Я закуриваю, предлагаю мужику, закуриваетъ и онъ, минуты двѣ молча дымитъ и бросаетъ папироску.

— Слабъ. Не по нашему рылу. Свой тютюнъ закуримъ!

Онъ не спѣша вертитъ „козью ножку“, набиваетъ ее махоркой, закуриваетъ, выпуская ѣдкій зеленый дымъ и, когда уже „козья ножка“ подходитъ къ концу, онъ неожиданно разрѣшается отъ молчанія.

— Э-эхъ! — вырывается у него съ безнадежнымъ унынiемъ. — Что будемъ дѣлать-то? Я вотъ съ обѣда мыкаюсь. Вышелъ такъ, на минутку, на свое поле, а потомъ разъѣхало — и по чужимъ пошелъ. Иду и думаю: не обошелъ Господь Своею милостью, а что будемъ дѣлать, какъ справимся? Работы во сколько — по горло бы всему народишку, а народишка-то у насъ сильно поубавился! Вотъ и думаемъ и гадаемъ всѣмъ міромъ: а вывеземъ ли? А меня больше всѣхъ грѣхъ попуталъ. Знаешь, сколько у меня земли-то? Думалъ, что этакъ десятинки на три сократится — и себѣ

легче и землица отдохнетъ. Да куда жъ... жадность заѣла. Было при мнѣ два сына, вотъ и мерекалъ: одолѣемъ, молъ! Ну, такимъ манеромъ и ахнулъ подъ посѣвъ 15 десятинъ. А какъ дѣло-то къ страдѣ — тѣмъ временемъ и послѣдніе два сынка ау! Знаешь, сколько ихъ у меня — пять сыновъ, и всѣ тамъ теперича... воюютъ! А я здѣсь головы не приложу. Только и надежи на бабъ: если потянутся изо всѣхъ жилъ, можетъ и справимся, одолѣемъ.

Чувствую я, что говорю мужику лишнее, но хочется подбодрить его и я говорю:

— Да, одолѣешь! Знаю я, каковъ ты на работѣ-то — за тобой трое молодыхъ не угонятся.

— Такъ-то такъ... Не въ похвальбу скажу — жаденъ я на работу. Сыновья-то у меня какіе? Особенно два старшака — орлы! А въ работѣ я имъ не уважалъ. Шалишь, Машенька! Бывало какъ: спина ужъ не своя, вотъ-вотъ треснетъ, а я все гну, гну — эй, вы, молъ, молодые, перещеголяйте-ка! Ну, а все-таки... во всемъ надо точку знать. Тамъ, гдѣ на семерыхъ хорошихъ мужиковъ работы по горло, тамъ одинъ не храбрись: утонешь! Потянешься-потянешься, какъ въ водѣ тонутъ, а потомъ, какъ силенка не выдюжитъ — булькъ! — и готово! А ужъ этого-то не хотѣлось бы. Война-то, говорятъ, долго протянется. Пусть! Значитъ, такъ надо — такъ обертывается. Противъ этого что жъ скажешь? Одно: и намъ, значитъ, всѣмъ православнымъ, тянуться надо. Мы и тянемся. А валиться-то вотъ съ ногъ не хочется. Труды, можно сказать, большіе несемъ, а что-то послѣ войны будетъ, хоть бы какъ-нибудь удержаться... Хоть бы однимъ глазкомъ взглянуть!

Затѣмъ моя очередь говорить. Мужикъ забрасываетъ меня вопросами о томъ, о семъ, и я вижу, что деревенскіе обыватели освѣдомлены насчетъ всего, что касается войны, даже болѣе, чѣмъ иные городскіе.

Прощаясь со мной, мужикъ тяжело вздыхаетъ:

— Что-то будетъ?.. Каша какая заварена — уму непостижимо! Какъ-то ее расхлебаемъ?

Уходитъ онъ отъ меня быстро, точно желая поскорѣе скрыться изъ виду. А я смотрю въ его широкую спину, припоминаю его тяжелый вздохъ и испытываю довольно непріятное чувство: мужикъ этотъ среди полей кажется мнѣ важенъ, необходимъ, естественъ, а я себѣ — я ничтоженъ здѣсь, ненуженъ, я — праздный соглядатай чужого труда, чужихъ

усилій, человѣкъ, не давшій этой землѣ ни единой капли своего трудового пота, а потому и лишній здѣсь!

Пока я бесѣдовалъ съ мужикомъ, время ужъ склонилось къ закату солнца. Неописуема эта картина на полѣ. Не хочется думать, двигаться, отрываться отъ огненнаго шара и отъ поля. Какъ зачарованный, я стою и смотрю, какъ отъ косыхъ лучей солнца рожь мѣстами нѣжно розовѣетъ, мѣстами ярко золотится; чуть поведешь глазами, и вотъ уже мѣста то мягко-оранжевыя, то отливающіе изумрудомъ.

Эта красота полей при закатахъ солнца недолговѣчна: она продолжается недѣли двѣ-три, въ періодъ, пока рожь изъ однообразно зеленаго цвѣта не перейдетъ въ однообразно-желтый.

Вѣетъ отъ полей тишиной, спокойствіемъ, миромъ, и думается, что будь бы на всемъ земномъ шарѣ только эти поля и не будь бы городовъ — этого страшнаго хоаса изъ камня и желѣза, этой тѣсноты, корысти и дикой давки за существованіе, — то не было бы и этихъ ужасныхъ войнъ.

Потихоньку двигаюсь дальше.

Закатъ блекнетъ, и тишина становится все глубже: идетъ на землю великое безмолвіе ночи, и яснѣе оживаютъ вечерніе шорохи полей. Птичка ли прошуритъ, жукъ какой-нибудь, затрещитъ кузнечикъ — все говоритъ о жизни, не лишенной смысла и радости, все сладко волнуетъ, заставляя прислушиваться и настраивая, то на раздумье — все умомъ обнять и сердцемъ почувствовать, то отбросить всякія мысли и жить просто, какъ эти птички, жуки, кузнечики: тянуться къ воздуху, къ свѣту, теплу!

Видъ на деревню открывается сразу, ибо деревня стоитъ въ глубокой котловинѣ.

Съ дороги я перехожу на межу и довольно круто спускаюсь внизъ.

Вся деревня, какъ на ладони. Бѣдныя избы! Все тѣ же: вросшія въ землю, крытыя ссломой, робко и тѣсно жмущіяся одна къ другой, точно наученныя горькимъ многовѣковымъ опытомъ, что велика земля и обильна, но только не для нихъ: положенъ имъ предѣлъ и дана убогая юдоль!

Все тѣ же, какими я ихъ помнилъ съ ранняго дѣтства, когда наѣзжалъ съ отцомъ въ деревню; все, быть можетъ, тѣ же, какими были во время нашествія Батыя и, какими, можетъ быть, останутся еще на очень долгое время!

Миную гумно, токъ, огороды, школу, подхожу къ крайней

избѣ и того, кого мнѣ первымъ хочется видѣть, — двоюроднаго брата Михаила, — встрѣчаю первымъ лицомъ. Онъ возится надъ втулкой въ колесѣ, меня встрѣчаетъ довольно холодновато. Какъ-то странно-скорбно кивнулъ головой, подалъ руку, промычалъ: „А-а, долгонько не заглядывалъ!“ — и опять занялся втулкой. Меня такой пріемъ не смущаетъ. Если бы была „монополька“, мы выпили бы съ Михаиломъ „по баночкѣ“. И много бы я тогда услышалъ отъ него жалобъ, недоумѣній, отчаянія — все отъ той горькой чаши, какая обычно выпадаетъ у насъ на „святой“ Руси лучшимъ людямъ.

Но монополькн нѣтъ, и боюсь я, что Михаилъ, пожалуй, такъ и не развяжетъ языка.

Нѣтъ ужъ того здороваго, какъ будто несокрушимаго и тѣломъ и духомъ горячаго мужика, который когда-то безъ конца горѣлъ и вспыхивалъ, когда дѣло касалось интересовъ крестьянъ: осталось что-то больное, немощное, испуганно-замкнутое!

За интересы крестьянъ, какъ матеріальные, такъ и просвѣтительные, какъ бы они малы и отдалены ни были, онъ бросался, какъ отважный боецъ, не разбирая, съ кѣмъ ему придется бороться. И боролся со всѣми: и съ помѣщиками, и съ сельской властью, и съ односельчанами-кулаками.

Особенно развернулъ кипучую дѣятельность въ 905 и 906 году — было непонятно даже, какъ у человѣка хватаетъ на все силъ и время, но потомъ начался постепенный упадокъ.

Конечно, когда наступила реакція, онъ поплатился однимъ изъ первыхъ и жесточе всѣхъ. Былъ битъ на смерть нагайками, но выжилъ и, еще не вставая съ постели, уже задорно говорилъ свое любимое: „Ну, это еще посмотримъ, кто кого?..“

Потомъ высидѣлъ годъ въ тюрьмѣ, но своего „посмотримъ, кто кого?“ — не забылъ.

Потомъ опять чуть не на смерть его потыкали ножами кулаки за то, что онъ всюду раскрываетъ ихъ козни, вездѣ стоитъ имъ поперекъ дороги, но и тутъ отъ медленно поправляясь чуть ли не отъ 15 ранъ прежде въ больницѣ, а затѣмъ дома, все не забывалъ повторять своего боевого клича.

И забылъ онъ этотъ кличъ, не выдержалъ, когда забитая и запуганная послѣдующими послѣ 906 года черными годами деревня стала смотрѣть на него, какъ на Каина. Его обѣгали всѣ, проклинали за то, за что раньше превозносили и кланялись, винили въ томъ, въ чемъ онъ ни сномъ ни духомъ не былъ виноватъ.

И этого онъ не выдержалъ. Крѣпился съ годъ, все твердилъ, что „обойдется“ и это, а сломился какъ-то вдругъ, сразу.

Втулка готова. Натянуто улыбаясь, я говорю Михаилу:

— Ну, что жъ молчишь? Думаю, что жизнь у васъ сейчасъ здѣсь такая, поразсказать есть что!

— Поразсказать? — и Михаилъ хмурится. — Объ этомъ какъ-нибудь послѣ. А сейчасъ идемъ-ка ужинать.

Въ избѣ уже темновато, и когда Михаилъ зажегъ лампу, я увидѣлъ легіоны мухъ, а кромѣ этого даже для деревни необычная на всемъ грязь — то, чего раньше никогда не было.

Замѣтивъ мой удивленный взглядъ, Михаилъ сразу догадывается, чѣмъ я удивленъ.

— Опускаюсь, братъ, опускаюсь, — и онъ скорбно махнулъ рукой. — Ужъ не до этого. Баба лѣнива, нужно ее понукать, а у меня въ головѣ не то. Вотъ и непорядокъ!

Отъ пятиверстной прогулки и отъ деревенскаго воздуха аппетитъ у меня хорошъ; хороши у Михаила и щи съ бараниной, но такъ невыносимъ и противенъ рой жужжащихъ и всюду назойливо лѣзущихъ мухъ, что я наскоро закусываю щами и мягкимъ ситнымъ съ молокомъ и бѣгу изъ избы.

Баба Михаила отмахивалась отъ мухъ слабо. Михаилъ какъ будто ихъ не замѣчалъ, понуро о чемъ-то думая и почти не касаясь ѣды, а ихъ дѣтишки — мальчуганъ лѣтъ 10 и двѣ дѣвченки 13 и 15 лѣтъ, — смотрѣли на мухъ такъ покорно и безнадежно, точно ужъ рѣшили, что бороться съ этимъ зломъ безполезно.

У избы Михаила, на завалинѣ, собралась куча парней и мужиковъ. Ужъ прослышали о пріѣздѣ столичнаго обывателя и явились „за новостями“.

Важныхъ, лѣтъ за 60 стариковъ, въ деревнѣ осталось мало. Что-то такое трудно объяснимое: не мало ихъ насчитывалось лѣтъ подъ 90, жили и крѣпились какъ дубы, — какъ будто каждый черпая силу въ сознаніи, что живутъ же, молъ, мои сверстники, почему же и мнѣ не пожить еще? А потомъ повалился одинъ, другой, третій — остальные какъ будто бы отъ такого явленія сразу задумались по-иному, стали часто поговаривать, что „чужой вѣкъ заживаютъ“, и вотъ въ теченіе какихъ-нибудь пяти лѣтъ перемерло стариковъ очень много.

И хотя всѣ собравшіеся на завалинѣ мнѣ знакомы, для всѣхъ я какъ будто „свой человѣкъ, ибо чуть не съ полдеревней (а въ деревнѣ 700 душъ) переплетенъ узами родства,— въ инихъ случаяхъ такого отдаленнаго, о которомъ я не имѣю ни малѣйшаго понятія,— но чувствую я, какъ и всегда чувствовалъ, что при моемъ появленіи мужики перемѣнили тонъ. Нѣтъ ничего такого, о чемъ бы они мнѣ не сказали, такъ какъ по ихъ словамъ „увѣрились“, что я „всегда за нихъ“. Это лестное мнѣніе я заслужилъ тѣмъ, что въ свои пріѣзды (а раньше я наѣзжалъ часто и, случалось, жилъ по мѣсяцамъ) писалъ имъ въ суды много прошеній, давалъ совѣты. Было нѣсколько крупныхъ тяжбъ, общихъ, мірскихъ, и когда эти дѣла кончились въ пользу мужиковъ,— они „увѣрились“ во мнѣ до того, что я всякое судебное дѣло могу выиграть.

И послѣ этого, если возникали какіе-либо спорные мірскіе вопросы, или личные, они обращались ко мнѣ съ просьбами помочь, и никакъ нельзя было убѣдить ихъ, что иное дѣло — гиблое. Имъ свое, а они свое:

— Ну, какъ такъ? Ты это обмозгуешь. Ужъ это какъ нить дать!

Если сошлешься на то, что въ этомъ дѣлѣ ничего не понимаешь, что тутъ нуженъ спеціалистъ и посовѣтуешь имъ обратиться къ профессіональнымъ адвокатамъ — не вѣрятъ и тутъ.

— Ты-то не понимаешь? Зря, Михайла, говоришь. Поверни хорошенько шариками, вотъ и поймешь. А эти адвокаты намъ что: они намъ чужіе люди, а ты — свой! Не вѣримъ мы адвокатамъ-то.

Я былъ для нихъ „свой“, съ своей стороны я не сомнѣвался въ ихъ довѣріи, но, сталкиваясь съ ними, я не могъ не вѣрить, что самыя свои сокровенныя мысли и чувства они прячутъ отъ меня глубоко. Говорятъ со мной обо всемъ и говорятъ серьезно, но... только не тѣмъ тономъ, какъ съ своимъ братомъ мужикомъ: чего-то въ тонѣ не хватаетъ, не тѣ слова, что-то не досказывается. Я много думалъ надъ этимъ и приходилъ къ заключенію, что все это дѣлается сознательно рѣдко, невольно же — часто.

Инстинктивно чувствуютъ мужики, что они и городскіе обыватели — это два міра, не совмѣстимые по условіямъ жизни и по разнороднымъ интересамъ.

Они глубоко любятъ свою жизнь, несмотря на то, что

часто клянутъ ее и есть въ ихъ замыканіи нѣкое глубокостыдливое, цѣломудренное чувство, которое прячется отъ городского человѣка, потому что боится быть непонятымъ и оскорбленнымъ.

Съ ними нужно жить, опроститься до нихъ, нести съ ними наравнѣ ихъ тяготы, и только тогда они распахнутъ свои души безъ всякой утайки.

II.

Прошло съ часъ, какъ я, примостившись на завалинѣ и самъ, бесѣдовалъ съ мужиками о войнѣ, но чего-либо особенно характернаго для нихъ я отъ нихъ не слышалъ. Они придерживали языки за зубами и больше все пытали меня, какъ смотрятъ на войну „тамъ въ столицѣ".

Потомъ пришелъ мужикъ лѣтъ подъ 50, по имени Трофимъ, поговорилъ со мной съ четверть часа и послалъ одного парня къ нѣкоему Максиму Иванычу съ такимъ наказомъ:

— Ты ему скажи, старому псу, чтобъ безпремѣнно шелъ. Ужъ я знаю: нарошно увиливаетъ. Такъ ты ему такъ и скажи: если, молъ, добромъ не пойдешь, такъ придетъ Трофимъ и силомъ тебя вытащитъ!

Минутъ черезъ десять пришелъ Максимъ Иванычъ — маленькій, сѣденькій, сухонькій старичокъ лѣтъ подъ 60, съ лицомъ скопца, на которомъ были только жиденькіе усики и никакихъ признаковъ бороды и съ острыми, мышиными глазками — осторожными до крайности: такъ и чувствовалось, что и шагу не ступитъ, пока не высмотритъ, куда его нога должна ступнуть.

Здоровался Максимъ Иванычъ со всѣми мужиками дружелюбно, пока не дошелъ до Трофима — криво сунулъ Трофиму руку, усмѣхнулся со слабой ужимочкой и пренебрежительно бросилъ:

— А зачѣмъ, спрашивается, я тебѣ понадобился? По-прежнему изъ пустого въ порожнее будемъ воду лить. Не дѣло!

И Трофимъ — натура, въ полную противоположность Максиму Иваничу, смѣлая, прямая, идущая видимо во всемъ на проломъ, — сразу же загорячился:

— А это вотъ весь честной народъ разсудитъ — въ дѣло аль ни въ дѣло будемъ говорить. Тутъ вотъ человѣкъ не изъ какой-либо сѣрой деревни, а прямо изъ Москвы, изъ столицы, братъ, пріѣхалъ! И послушай-ка его, что онъ по-

разскажетъ. Тамъ вотъ, въ столицѣ-то, какіе ни на есть умные да ученые люди — всѣ горятъ, что воевать надо до конца. Не поддаваться ерманцамъ. Разобьемъ, молъ, ихъ вдрыскъ — тогда и миръ. Никакъ не раньше! Померекай-ка: умные да ученые люди говорятъ, а ты тутъ, сѣрый лапотникъ, иное думаешь.

— Хи-хи-хи! — засмѣялся сладенькимъ смѣшкомъ Максимъ Иванычъ:

— Я, другъ милый, такъ смотрю: умные да ученые люди намъ не указъ. Имъ тамъ хорошо думать-то: не поддадимся, молъ, ерманцамъ. Тяготы-то нашей они не видятъ. Они тамъ, навѣрно, такую арихметику крутятъ: народу-то, молъ, у насъ въ Расеѣ много — выдюжимъ! У тебя, другъ милый, уши-то гдѣ, когда газетки читаютъ? Ерманецъ-то пять десятковъ лѣтъ воевать готовился, а эти умные люди-то что дѣлали? Спали? Сномъ-духомъ не вѣдали? Я, конешно, што... Мое дѣло маленькое. У меня вотъ угнали двухъ сыновей, скоро угонятъ и третьяго — осень-то не за горами; чего добраго и до старика доберутся, а я все буду молчать. Да и што я могу говорить? Не у меня одного — у всѣхъ такъ. Ну, а все жъ... Къ примѣру, я вотъ такъ скажу: у тебя, другъ милый, въ рукахъ вилы, а у меня палка — могу я тебѣ супротивничать?

— Ты, конешно, не можешь — ты стрекотнулъ бы во всѣ лопатки! — сказалъ, вызвавъ дружный смѣхъ мужиковъ, Трофимъ. — Ну, а я бы, если бы у тебя въ рукахъ были вилы, а у меня палка — я могъ бы. Самъ бы на твои вилы полѣзъ, а ужъ до горла бы до твоего добрался. И живымъ бы не выпустилъ: такъ бы и подохли вмѣстѣ!

Максимъ Иванычъ опять усмѣхнулся своимъ сладенькимъ смѣшкомъ, вынулъ табакерку, не спѣша понюхалъ и вкрадчиво сказалъ:

— А насчетъ палки-то съ вилами я, пожалуй, съ придурью вывезъ. Каюсь! Не такъ бы слѣдовало. Слѣдовало бы вотъ какъ: я, къ примѣру, иду на тебя съ пистолетомъ, а ты на меня — съ посвистомъ... Тогда какъ?

— Съ какимъ „посвистомъ“? — теряясь, спросилъ Трофимъ.

— А съ такимъ... Забылъ что ли, какъ въ старыя времена-то Соловей-разбойникъ орудовалъ? На него съ пистолями, въ шлемахъ да въ латахъ, ну, а ему на все наплевать: какъ свистнетъ онъ, какъ гаркнетъ такъ всѣ и повалятся!

Максимъ Иванычъ ловко выдержалъ паузу, въ теченіе которой мужики покатились со смѣху, и ядовито добавилъ:

— Ерой былъ этотъ Соловей-разбойникъ-то! Ему все нипочемъ!

Казалось, что Трофимъ уничтоженъ окончательно. Его даже въ потъ ударило: жесткимъ рукавомъ нестрядиной рубахи онъ немилосердно теръ свое лицо и лобъ и смущенно пытался что-то сказать, но его уже никто не хотѣлъ слушать.

Молодежь гоготала, мужики постарше затѣяли страстный, ожесточенный споръ. Одна часть стояла за Максима Иваныча, другая часть за Трофима. Но за Трофима стояло меньше, и это уменьшеніе произошло тутъ же на глазахъ Трофима. И онъ, видя, какъ отпадаютъ одинъ за другимъ его сторонники, терялся еще болѣе и уже чуть не умоляющимъ тономъ кричалъ нѣкоторымъ мужикамъ, хватая ихъ за рукава:

— Да постой, братъ! Смилуйся... опомнись! Какъ такъ Вчера ты еще былъ со мной, а сегодня съ кѣмъ — съ этимъ.

Но отъ него отмахивались, говорили ему что-то, оче видно, не по сердцу, такъ какъ въ его голосѣ звучала обида, что именно ему говорими, всего нельзя было уловить человѣку, непривычному къ тому шуму и гаму, который сами же мужики изстари окрестили „галдой".

Мужиковъ собралось человѣкъ до тридцати, и галда, дѣйствительно, была отчаянная. Вырывались изъ этого шума и гама отдѣльныя слова и восклицанія: слышалось упоминаніе о Карпатахъ, потомъ кто-то въ источный голосъ вопилъ: „Гдѣ мы были? А гдѣ — таперича? а?.. — и этому источному голосу, словно кто въ отвѣтъ, настойчивымъ пронзительнымъ теноркомъ оралъ: „Успѣвай только портки направлять... Вотъ какъ!.."

Трофимъ порывался добраться до Максима Иваныча, но старикъ ловко, какъ ужъ, все увиливалъ отъ Трофима.

Что говорилъ Максимъ Иванычъ, этого было уже совершенно невозможно услышать, такъ какъ говорилъ онъ съ особенной манерой: наклонится къ одному, къ другому, къ третьему и каждому на ушко пошепчетъ что-то кратко, но, должно быть, мѣтко, ибо затихавшій шумъ и гамъ вновь подымался съ крайнимъ азартомъ.

— Да ты вслухъ говори! — надрывался отъ крика Трофимъ. — Что ты, какъ вьюнъ, какой. Дѣло общественное, мір-

ское, надо погромче, а ты какъ конокрадъ какой, али сводня: шопоткомъ, все шопоткомъ! По годамъ-то не подобаетъ такъ орудовать!

А Максимъ Иванычъ какъ будто не слышитъ: покосится своимъ быстрымъ мышинымъ глазкомъ, видитъ, что Трофимъ уже близко подобрался, и скользнетъ шаговъ на пять въ другую кучку.

Кажется, недалеко — рукой можно достать, но на дѣлѣ— пройдетъ минутъ пятнадцать, пока Трофимъ подберется къ этой кучкѣ: напрасно Трофимъ отмахивался руками, къ нему пристаютъ, отъ него требуютъ отвѣта иногда въ такой формѣ и по такому содержанію, по которымъ нельзя не отвѣтить; а когда Трофимъ даетъ отвѣтъ однимъ, на него уже лѣзетъ новая кучка мужиковъ, подбитая Максимомъ Иванычемъ, а самъ Максимъ Иванычъ стоитъ гдѣ-нибудь въ сторонкѣ и злорадно улыбается надъ затруднительнымъ положеніемъ своего противника, какъ будто говоря: а достань-ка вотъ меня!

И получилось что-то странное: кучка людей, человѣкъ до тридцати, переливающаяся группами человѣкъ по пять — по семь съ мѣста на мѣсто и никогда не выходящая изъ границъ приблизительно пяти-шести квадратныхъ саженъ, а одного человѣка на такомъ пространствѣ уловить трудно!

Это одинъ изъ ловкихъ пріемовъ, которымъ мужики пользуются на сходахъ съ цѣлью утомить своего противника, сбить его съ толку, запутать, а потомъ выбрать удобный моментъ затишья и напасть на противника.

И такимъ пріемомъ Максимъ Иванычъ владѣлъ въ совершенствѣ.

Но, однако, и у Трофима нашлось средство. Видя, что его сторонниковъ осталось всего человѣкъ семь, да и тѣ уже были обезсилены, сбились въ кучу и угрюмо молчали, — онъ вдругъ яростно нѣсколько разъ отплюнулся, выругалъ Максима Иваныча еще разъ „Іудой старой“, а его сторонниковъ „тупоголовымъ дубьемъ“ и рѣшительнымъ шагомъ ушелъ домой.

И съ его уходомъ азартъ мужиковъ сталъ быстро падать.

Не прошло и десяти минутъ, какъ уже не было ни споровъ, ни повышенныхъ голосовъ: мужики мирно крутили цыгарки и восхищались тѣмъ, какъ Максимъ Иванычъ „зарѣзалъ“ Трофима.

— Айда, Максимъ Иванычъ, ну и уважилъ ты его этимъ

„посвистомъ-то“! Прямо однимъ ударомъ зарѣзалъ.

— Да какъ не зарѣзать? Правду сказалъ, потому и зарѣзалъ. Вѣрнѣе вѣрнаго Максимъ Иванычъ сказалъ!

А Максимъ Иванычъ важно сидѣлъ на завалинкѣ и скромно отговаривался:

— Спасибо, братчики, спасибо! Не за честь спасибо, а за правильное понятіе... Не за себя стараюсь, а за весь міръ! И еще скажу: всѣ знаютъ, что до войны Трофимъ мнѣ первый дружокъ былъ, потому мужикъ онъ не какой-нибудь завалящій; ну а какъ началась эта война да какъ сталъ Трофимъ смутнѣніе въ народъ пускать, не на ту колею народъ править, такъ первый ворогъ онъ мнѣ сталъ.

Кто-то изъ сторонниковъ Трофима отозвался, что „неизвѣстно еще, кто ворогъ-то“, но слабо, вяло, не зажигая ни въ комъ желанія оспаривать.

И если бы еще съ четверть часа — мужики разошлись бы: они уже стали зѣвать, чесаться, говорить о дѣлахъ завтрашняго дня, а это ужъ самый вѣрный признакъ, что мужики скоро разойдутся по домамъ.

Но нежданно-негаданно нагрянулъ Трофимъ. Онъ прокрался задами, явился изъ-за угла избы и сейчасъ же обрушился на Максима Иваныча:

— Ты — Іюда старая... Смутьянъ! — заоралъ онъ бѣшенымъ голосомъ. — Рассеи не любишь... Народъ продаешь!..

Сторонники Максима Иваныча шевельнулись было рѣзко, кто-то было сказалъ: „Ну, ты, Трофимъ, вотъ што: потише!“ кто-то добавилъ: „Вѣрно! Думай, что говоришь“ — и затихли: видимо, многіе почувствовали себя вмѣстѣ съ Максимомъ Иванычемъ оскорбленными, но изъ любопытства посмотрѣть, какъ „срѣжутся“ главари, отъ своихъ счетовъ пока отказались.

Максимъ Иванычъ тоже было сдѣлалъ движеніе, похожее на то, что онъ радъ бы сбѣжать. Но бѣжать было некуда, такъ какъ Трофимъ стоялъ передъ нимъ, а потомъ, должно быть, Трофимъ уже взялся за очень больное мѣсто Максима Иваныча.

И старикъ вскочилъ, затрясся весь и, ударяя посошкомъ въ землю, тоже злобно закричалъ:

— Рассеи я не люблю... народъ продаю... Какъ это такъ? Господа почтенные, будьте свидѣтелями! Всѣ! Потому разя это можно терпѣть? Немысленно терпѣть! Вотъ

пускай тотъ, кому это слѣдуетъ, и разберетъ, какимъ манеромъ это я народъ продаю, отъ кого деньги за это получаю!

— Не за деньги! Кто это тебѣ сказалъ? По своей дурости да трусости народъ продаешь, вотъ во что я мѣтилъ, — отозвался Трофимъ, и такъ спокойно, что стало ясно, что его первоначальное бѣшенство являлось просто нужнымъ пріемомъ огорошить людей, а потомъ завладѣть ихъ вниманіемъ.

И тотчасъ же, не давая старику рта раскрыть, Трофимъ обратился къ мужикамъ не такъ, какъ опытный сельскій говорунъ — съ искусственной горячностью, а тепло, задушевно тепло подкупающимъ мирнымъ домашнимъ говоркомъ, какимъ мужики собираются побесѣдовать за чаемъ.

— Эхъ, братцы, зря слушаете этого стараго смутьяна! Удивились, полѣзли къ нему, возьми насъ копеекъ за восемь, когда это вамъ онъ притчу о Соловьѣ-разбойникѣ развезъ. А что въ ей-то? Ума палата? Думаетъ-думаетъ, старый хрычъ, да ужъ ничего новаго выдумать не можетъ: вотъ и перекраиваетъ старыя погудки на новый ладъ.

— Ужъ не отъ тебя ли новое услышимъ? — ядовито вставляетъ Максимъ Иванычъ.

— Отъ меня новаго не будетъ. Я не мудрю и шопоткомъ не работаю. Какой тутъ шопотокъ, когда такое дѣло! Тутъ весь міръ долженъ слушать и всякая дѣльная голова должна быть на счету. Я вотъ говорилъ и буду говорить все одно и то же. Никакъ намъ, Рассеи, нельзя отступать...

— А вотъ отступаемъ, — опять вставляетъ Максимъ Иванычъ. — Карпаты-то гдѣ? Съ молодецкимъ посвистомъ-то однимъ, какъ видно, долго не повоюешь!

Трофимъ рѣзко, съ досадой отмахивается рукой, но, видимо сейчасъ же соображаетъ, какъ бы горячностью не испортить дѣла, и тѣмъ же домашнимъ говоркомъ продолжаетъ:

— Да я не про то... Ну, отступили, но Богъ дастъ, опять наступимъ. Я говорю: сдаваться Рассеѣ нельзя! Про то, что отступили, языкомъ трепать много нечего. Извѣстно, что безъ ногтя вошь не убьешь, блохи не раздавишь. Но не все такъ... Можетъ, и поправимся... можетъ, ноготки-то у насъ и отрастутъ. Про горе болтать безъ устали — плохо: горе-то ты про себя затаи, а объ радости-то думать не забывай. Горя-то у насъ и безъ войны рѣченька! А сколько съ войной-то стало — и головой не удумаешь. Убыль-то у насъ какая, убыль-то! Народу, поди, сколько положено — не счесть! Тоже вотъ насчетъ земли. То тѣсно народу было — каждый

уголочекъ, каждый клинышекъ въ дѣло пущенъ, а теперича что стало? У того кусокъ не засѣянъ, у другого, у третьяго — осилить, говорятъ, всю-то не можемъ, рукъ не хватаетъ, вотъ и сократились! Диво-дивное... Это у насъ, въ Рассеѣ-то: то плакали, что у насъ въ землѣ большая нехватка, а теперича — остача. Однимъ словомъ, братцы, убыль во всемъ такая — умомъ не раскинешь!

— И еще больше убудетъ, — поспѣшилъ вставить Максимъ Иванычъ. — Это ужъ вѣрно. Только этого и дождемся!..

И тутъ ужъ Трофимъ не выдержалъ. Съ домашняго говорка онъ прямо скакнулъ на крайне возбужденный, страстный, угрожающій крикъ:

— Да ты что каркаешь-то? Что ты каркаешь-то, какъ проклятый воронъ? Ну, убудетъ... пусть! Въ дракѣ волосъ не жалѣютъ...

— Дураки сивые только такъ говорятъ. А умные по-иному смотрятъ. Ну, а если совсѣмъ безъ волосъ останемся, тогда какъ?

— Не останемся! Врешь, старый сычъ. Народъ пугаешь.

— Пугать-то еще не вредно; это иной разъ на пользу. А ты вотъ людей только баламутишь.

— Я, можетъ, и баламучу, да только не такъ. Ты думаешь, я твоихъ рѣчей не знаю? Ползаешь по людямъ, какъ змѣя подколодная, да всѣмъ на уши потихоньку, шопоткомъ: сразу, молъ, видно, что наша сила не беретъ... съ ерманцемъ замириться надо... А за такія рѣчи знаешь, что бываетъ? Связать тебя и представить, куда слѣдуетъ, вотъ тогда и попоешь!

— Что ты, Трофимъ? Окстись! Да я такихъ рѣчей никогда и не велъ, — струсилъ на мигъ Максимъ Иванычъ, а потомъ взвизгнулъ, выругался и полѣзъ на Трофима безъ всякихъ оглядокъ: — Вяжи, сукинъ сынъ, вяжи, представляй, если ты такой предатель! Чего ты отъ меня хочешь, чего пытаешь?

— А то пытаю, чтобъ ты всѣ свои думки передъ всѣмъ народомъ выкладывалъ, а не шопоткомъ по одиночкѣ разносилъ. Вотъ они теперича зеленя-то сидятъ (и Трофимъ указалъ на парней), а скоро они солдаты будутъ. Какіе изъ нихъ воины обернутся, если они твои рѣчи о замиреніи съ собой на войну понесутъ. Ты ужъ, Максимъ Иванычъ, не какой-ни. будь желторотый молокососъ, и за такія дѣла надо бы сходъ собрать да на сходѣ тебя выпороть.

— Собирай сходъ! Пори! Ничего не боюсь. Потому не за себя стараюсь, не изъ за корысти какой, а за весь міръ стараюсь. По совѣсти стараюсь! Ночей не сплю, а днемъ мѣста себѣ не нахожу — вотъ какъ! — кричалъ внѣ себя Максимъ Иванычъ, но очевидно даже и при такомъ состояніи не могъ забыть о своей осторожности. — А ты какъ стараешься? Говоришь мнѣ, чтобы я передъ всѣмъ народомъ выкладывалъ, какъ и што... Што жъ, я выложу... я не побоюсь! Но сперва послушаемъ твою умную голову. Ну-тко выкладывай передъ всей честной компаніей, что у тебя за душой. А мы послушаемъ. А потомъ и сами скажемъ!

Трофимъ и Максимъ Иванычъ стояли другъ передъ другомъ съ минуту молча и оба тяжело дышали, какъ загнанныя лошади.

Молчали напряженно и мужики. Только одинъ какой-то изъ парней было заикнулся со смѣхомъ: „А ну, посмотримъ, кто кого доѣдетъ... — но ему кто-то далъ по затылку и грозно цыкнулъ:

— Пропасти на тебя, на дурака, пѣтъ. Ни-ни, ни пикни!

И парень стихъ.

— Я вотъ што... я вотъ какъ... мое разсужденіе такое... — нескладно было заговорилъ Трофимъ, очевидно, сбитый съ мысли и теперь улавливающій ея нить; потомъ какъ-то неожиданно обратился къ Максиму Иванычу: — Какъ будемъ говорить-то? Напрямки, по душамъ, безъ вывертовъ? а?

Максимъ Иванычъ было замялся, но мужики одобрительно закивали головами, кратко говоря: „Такъ-такъ!.. — По душамъ? — это правильно, — Средствіе самое вѣрное!..“ — и онъ поспѣшно согласился:

— Идетъ. Какъ на духу у попа!

— Какъ на духу? Ат-тлично. Руку, Максимъ Иванычъ... люблю и уважаю, когда по душамъ! — пожавъ руку старика, Трофимъ легко вернулся къ забытой было мысли: — Я говорю вотъ: убыль какую несемъ! И какъ же это такъ — спустить ерманцу все задаромъ? Пришелъ врагъ на нашу землю, бѣдъ какихъ натворилъ и мы же ему, если замиримся, должны кланяться: спасибо, молъ, за то, что намылилъ намъ и въ хвостъ и въ гриву!

Кланяться... шшто! — презрительно возразилъ Максимъ Иванычъ. — А въ газеткахъ разя не слышалъ, что пишутъ: пишутъ, что ерманецъ-то самъ не прочь замириться. А если самъ — съ какой радости мы ему будемъ въ поясъ гнуться?

Трофимъ довольно потеръ руки.

— Газетки, говоришь? Вотъ уже и есть, Максимъ Иванычъ, твоя первая промашка, — сказалъ онъ вполнѣ миролюбивымъ тономъ. — А ты вотъ изъ газетки-то еще коечто не запомнилъ ли? Изъ-за чего ерманецъ полѣзь на насъ? Земли у ево, говорятъ, мало, а у насъ — уйма, вотъ онъ за землей и пошелъ.

— У кого уйма-то? — и Максимъ Иванычъ злорадно хихикнулъ. — У насъ, у хрестьянъ, что ли?

Трофимъ развелъ руками и хотѣлъ что-то сказать, но его перебилъ одинъ изъ мужиковъ:

— Эй, вотъ ужъ, Максимъ Иванычъ, и не по душамъ. Это ужъ называется — подъѣзжаешь не чисто, а съ подвохами. Про нашу хрестьянскую землю Трофимъ и слова не закидывалъ. О ей пока што... молчокъ! Говорилъ онъ, что уйма земли у Рассеи, а ты хучь и понимаешь, а хитришь. Нехорошо, Иванычъ, не по душамъ это!

— Вотъ, вотъ, — подхватилъ Трофимъ. — Ты къ нему съ правдой, а онъ...

И Трофимъ замялся; ему, очевидно, не хотѣлось раздражать старика какимъ-нибудь рѣзкимъ словомъ и, подумавъ, онъ мягко добавилъ:

— А онъ тебя изъ-подъ уголка все норовитъ ударить. Ну, да что, я на это не сержусь. Душой не покривлю и скажу, что Максимъ Иванычъ зла народу не мыслитъ: желаетъ добра, да только не быть по его указкѣ добру. Вѣдь что... въ грязи сейчасъ живемъ, а если замиримся — съ головкой въ грязи утонемъ. Это я вамъ, братцы, какъ передъ истиннымъ Богомъ, говорю! Солоно намъ придется. Не такой народъ ерманецъ, чтобы упустить то, за чѣмъ шелъ. Тогда пойдетъ такая разруха — упаси, Богъ! Теперича живемъ плохо, а душу все-таки не теряемъ. На людей какъникакъ, а похожи и себя значитъ за это уважаемъ: какъ, молъ, тамъ ни плохо, а все стоимъ, крѣпимся. Ну, а если замиримся — капутъ намъ: сами себя съ ногъ до головы заплюемъ! Въ свиней обратимся и сами себя казнить будемъ: сила-то, молъ, какая у насъ была, рать-то какая — во, неисчислимая! — а все-таки биты, биты какъ сукины сыны! Эхъ, да что... объ этомъ прямо и обидно говорить. Грѣха на душу не возьму: Максимъ Иванычъ человѣкъ съ мозгами въ головѣ, а вотъ этого не понимаетъ. Мы, примѣрно, сейчасъ въ какомъ положеніи? Какъ быдто завязли съ

своей телѣгой въ грязи, завязли и стоимъ, да еще видимъ, что подъ нами-то грязь, а передъ нами-то чистая дорожка... Поднапрячься надо, понатужиться во какъ — до послѣдняго — авось, молъ, изъ грязи-то и выкатимъ!

— А если не выкатимъ? А если понатужимся изо всѣхъ силъ, пожилимся изъ послѣдней жилки, а все-таки не выкатимъ? Тогда какъ? — спросилъ Максимъ Иванычъ странно притихшимъ голосомъ.

— Какъ? — и Трофимъ разудало тряхнулъ головой. — А вотъ какъ: лучше отъ натуги въ грязи подохнемъ, чѣмъ стоять въ ней — все, я думаю, чести больше!

Мужики заволновались, кратко перекидываясь:

— А вѣдь вѣрно, братцы? а?

— Чего же вѣрнѣе? Правильно Трофимъ говоритъ!

— Тянуться надо. Не унывать!

Минутъ черезъ пять лаконичныя фразы мужиковъ уже перешли въ длительные разговоры — обсуждали, что трудно противъ „ерманца“ и противъ его „прихвостней“ бороться и почему именно трудно, обсуждали и приходили къ заключенію, что бороться надо до послѣдняго.

А Максимъ Иванычъ молчалъ; стоялъ въ сторонкѣ и казалось, что сдался и онъ. Но онъ не сдался. Вдругъ подскочилъ къ Трофиму, затрясся весь, посохомъ о землю билъ и закричалъ:

— Морда-то у тебя цѣла? Въ тѣсто расквашу!

Мужики взглянули на дюжаго Трофима, передъ которымъ маленькій, сухонькій и хиленькій Максимъ Иванычъ казался замореннымъ мальчишкой лѣтъ 13-ти — взглянули и и дружно пустились въ хохотъ.

Кто-то изъ этой хохочущей массы незлобиво, тоже со смѣхомъ Максима Иваныча укоряетъ:

— Ну, а это ужъ вотъ Иванычъ самое послѣднее дѣло. Вѣдь руку Трофиму давалъ, по душамъ вести разговоръ обѣщался, а что выкидываешь — смѣхота одна. Непристойно.

Но едва ли Максимъ Иванычъ понималъ, что ему сказано и что вообще бы ему могли сказать. Онъ плакалъ, хотя и злыми, но въ то же время ѣдкими, видимо, больно выстраданными слезами и выкрикивалъ, мѣшая слова съ обильной площадной бранью, какъ безумный:

— Не слушайте Трофимку, не слушайте! Иродъ онъ, а не человѣкъ. Людей ему не жалко. Надъ хрестьянской кровью онъ не плачетъ. Маяты нашей смертной не видитъ,

чтобъ ему въ таръ-тарары провалиться! Онъ не видитъ, съ кѣмъ мы воюемъ, какъ воюемъ, такъ одумайтесь хоть вы-то, православные!

Но эти крики созданнаго Трофимомъ настроенія у мужиковъ поколебать ужъ не могли.

Было поздно — около часу ночи, и мужики, спохватившись, потянулись къ домамъ.

III.

Рѣшаю пройтись по деревнѣ. Иду и упиваюсь тишиной — той глубокой, захватывающей тишиной, которая всегда такъ значительна передъ каждой деревенской страдой. Идешь и чувствуешь, что эта — тишина не состояніе мертваго покоя, что это — не просто сонъ деревни, а великій мудрый отдыхъ, послѣ котораго мужикъ такъ жаденъ на работу.

Мнѣ грустно, какъ и всегда, отъ соломенныхъ крышъ, отъ убогихъ избъ и не менѣе убогихъ всяческихъ къ нимъ пристроекъ — отъ всего вѣетъ какимъ-то старымъ-старымъ упадкомъ, въ которомъ нельзя винить мужика.

Русская деревня выдумала мудрую пословицу, что „утро вечера мудренѣе“. И мнѣ много разъ приходилось видѣть, какъ мужики, усталые послѣ трудового дня, жаловались горько, что „сколько ни работай, а все черный хлѣбъ, да и того не всегда вволю“, а на утро тѣ же мужики, видимо, твердо памятуя о завѣтахъ своихъ отцовъ и дѣдовъ, бодро брались за очередную работу, какъ будто она вознаграждается полной мѣрой. И дивишься настойчивости мужика. Около тридцати лѣтъ я знаю деревню. И еще съ ранней юности въ 10-лѣтнемъ возрастѣ она мнѣ представилась какимъ-то печальнымъ рубищемъ, на которое мужики съ тяжкими усиліями кладутъ заплаты: смотришь — тамъ избушка новая появилась, тамъ бѣлѣютъ новыя тесовыя ворота, вдругъ даже появится роскошь — тесовая крыша — смотришь и думаешь, что такимъ образомъ лѣтъ въ пять-шесть вся деревня подновится. Но пройдетъ пять-шесть, лѣтъ и видишь, что подновленіе деревни — иллюзія; новыя избушки потемнѣли и вросли въ землю, какъ уже стоятъ сто лѣтъ, тесовыхъ воротъ тоже уже не отличишь отъ избенки — тоже потемнѣли и такъ скрипятъ, такъ покосились, такъ доска отъ доски разъѣхались — ясно, что проскрипятъ еще съ годъ, а потомъ ойдутъ на дрова.

А о тесовой крышѣ и говорить нечего: уже сгнила и замѣнилась традиціонной — соломенной.

Стерлись всѣ заплаточки, и опять видишь все то же страшно-печальное рубище, въ которомъ мужикъ хоронится отъ зимнихъ стужъ и злыхъ осеннихъ деревенскихъ вѣтровъ! И не забываю я, какъ насчетъ этихъ вѣтровъ меня вразумлялъ одинъ дѣдъ, когда мнѣ было 18 лѣтъ и когда я недоумѣвалъ, почему въ деревняхъ новыя постройки такъ скоро старятся:

— Вѣтеръ, родной мой, заѣдаетъ, вѣтеръ! Просторъ ему тутъ, ширь... Ты не думай, что мы тутъ не радѣемъ: всякую дощечку, прежде чѣмъ примостить, и такъ и этакъ десять разъ прикинемъ. Ну, а какъ осень, какъ польетъ дожжъ — такъ вѣтеръ эту сырость-то въ дерево какъ гвоздь вгоняетъ. У васъ тамъ построятъ въ городѣ домъ — онъ и стоитъ десять лѣтъ все новый. Намъ дерево не подъ стать — въ кирпичѣ, родной мой, намъ надо жить, въ кирпичѣ! Да только до кирпича-то, пожалуй, не подняться: мошна-то больно у насъ тоща.

Какъ мужики радѣютъ о собственности, какъ каждую „дощечку, прежде чѣмъ примостить, и такъ и этакъ десять ралъ прикинутъ“ — знаю я это по наблюденіямъ надъ мужиками, а больше всего, напримѣръ, своего отца: получалъ въ городѣ 18 рублей въ мѣсяцъ, имѣлъ насъ, дѣтей, 11 человѣкъ, но въ 8 лѣтъ нажилъ домъ въ двѣ тысячи. Чтобы заработать въ свободное отъ службы время рубль, два, онъ хребта не жалѣлъ, да и намъ не давалъ бездѣльничать: я помню, какъ съ семи лѣтъ съ сестренкой постарше меня на годъ я разгружалъ съ вагоновъ камень.

А отецъ и ушелъ изъ деревни именно потому, что потерялъ всякую надежду жить тамъ по-человѣчески. „Кромѣ горба, на деревенской работѣ ничего не наживешь“, — было его любимой поговоркой.

Мнѣ грустно отъ внѣшняго вида деревни, но еще грустнѣе, когда я припоминаю недалекое прошлое: черную литературу о мужикѣ, циркуляры о хулиганствѣ въ деревнѣ!

Для меня было, есть и будетъ: слава Богу, что какъ это мужикъ до сихъ поръ совсѣмъ еще не озвѣрѣлъ!

...Дохожу почти до конца деревни и останавливаюсь у избы, въ которой тускло свѣтится огонекъ. Вглядываюсь въ запотѣвшее оконце и вижу съ десятокъ молодыхъ мужиковъ и парней, играющихъ „въ 21“. Въ избѣ жара смертная,

игроки обливаются потомъ, игра, видимо, ведется азартно, такъ какъ въ банкѣ, кромѣ кучки мѣдяковъ, есть три-четыре бумажки; въ двухъ шагахъ отъ стола стоитъ сѣдой Терентичъ и „честью“ проситъ игроковъ разойтись. Этому Терентичу лѣтъ 85, онъ Маѳасуилъ деревни, ибо старше его никого уже нѣтъ.

Минутъ десять я ждалъ, пока Терентичъ вышелъ. Одного игрока онъ все-таки отъ стола оттащилъ: за нимъ шелъ сынъ одного мужика — ученикъ фельдшерскаго училища.

Не распознавъ меня и, принявъ за одного изъ жаждующихъ присоединиться къ игрокамъ, Терентичъ сейчасъ же и напустился на меня:

— Еще одинъ обормотъ ждетъ! Да что вы, собачьи дѣти, пропасти на васъ нѣту, сна нѣту...

Ученикъ смѣется, говоритъ Терентичу, кто я, и Терентичъ тоже уже смѣется тихимъ, старческимъ, короткимъ смѣшкомъ и тянетъ мнѣ руку:

— Здравствуй, кормилецъ, здравствуй, родименькій! Не забываешь насъ? а? хорошо, родименькій!

Изо всей деревни такія обращенія, какъ „кормилецъ“, „родименькій“ только и сохранились у этого Терентича.

— Спать бы, Терентичъ, пора. Время-то ужъ позднее, — говорю я.

— Нѣ, кормилецъ, какой сонъ? Я ужъ и не запомню, когда спалъ-то. Лежишь на печкѣ, кряхтишь, съ боку на бокъ ворочаешься, а сна-то все нѣту и нѣту. Такъ, вздремнешь чуточки — вотъ, почитай, и весь твой сонъ. А таперича и вовсе не до сна. Время-то какое: тягота у народа, можно сказать, смертная! Тутъ ужъ тебѣ на печкѣ никакъ не улежать.

Старикъ грустно вздыхаетъ и, вдругъ переходя на сердитый тонъ, тычетъ посошкомъ въ избу, гдѣ идетъ игра:

— А эти вотъ обормоты вонъ что дѣлаютъ. Теперича отъ такой бѣды Богу надо молиться, а они — въ карты! Да подожди, я ужъ съ ними расправлюсь... Они все думаютъ, что Терентичъ, такъ себѣ, слова на вѣтеръ бросаетъ, а я, вотъ те крестъ (старикъ крестится), какъ только будетъ сходка, такъ передъ всѣмъ міромъ въ ноги упаду, что, молъ, пороть надо этихъ картежниковъ. Вотъ какъ! Въ наше время, какъ было? — Ты ли у сусѣда, аль сусѣдъ у тебя въ нуждѣ деньжатъ призайметъ, такъ никакихъ такихъ векселей али расписокъ и въ поминѣ не было: помѣтитъ на по-

сошкѣ зарубочками, сколько рублевъ ты взялъ — вотъ тебѣ и вексель. И, Боже упаси, чтобы кто у кого затаилъ! Никогда такого грѣха не было. А теперича что? Тутъ тебѣ и векселя, и расписки, а толку все ни чуточки. По совѣсти никакъ не сдѣлаешься, — судомъ дѣйствуй. Ну, а ужъ это, родименькій, не по-Божьи! Да, не по-Божьи. И картежники вотъ эти тоже... Только и слышишь, что тотъ дома столько-то рублевъ стянулъ, другой изъ амбара мѣшокъ ржи стащилъ, третій занялъ деньги какъ быдто на нужду и не отдаетъ ихъ — все идетъ на карты. Это какъ, кормилецъ, порядокъ? а? Подожди чуточки! Я имъ покажу... Молокососы!

Терентичъ вынимаетъ табакерку, медленно, съ наслажденіемъ нюхаетъ и, сразу спадая съ сердитаго тона, говоритъ мягко, любовно, раздумчиво:

— Н-да, молокососы... Э-эхъ, грѣхи наши!

И ясно, что любитъ этихъ „молокососовъ“ старикъ и никакихъ просьбъ передъ міромъ о крутыхъ мѣрахъ противъ картежниковъ возбуждать не станетъ.

Мнѣ хочется навести Терентича на интересующій меня вопросъ, но не прямо, а издалека, и я говорю ему:

— А зачѣмъ тебѣ, дѣдъ, передъ міромъ въ ноги падать: сказалъ бы стражникамъ насчетъ картежниковъ — вотъ бы картежникамъ и крышка.

— Крышка? Эхъ-ма! — и Терентичъ горько усмѣхнулся. — Это, кормилецъ, не ихъ быдто бы дѣло.

Усмѣхается и ученикъ и добавляетъ:

— Стражники? Да они какъ заѣдутъ, такъ ихъ самихъ отъ картъ не оттащишь! Похлеще мужиковъ жарятъ...

IV.

На другой день было воскресенье, и проснулся я отъ звона колоколовъ, возвѣщавшихъ, что кончилась уже поздняя обѣдня.

Пошелъ я въ избу пить чай. Пріѣхалъ изъ города сынъ Михаила — Алешка; въ праздники онъ всегда пріѣзжалъ. Этотъ здоровый 22-лѣтній парень для меня полная загадка. Помню его мальчишкой, когда онъ проходилъ у маленькаго хозяйчика въ кузницѣ выучку кузнечнаго дѣла: былъ онъ тогда очень тихъ, ласковъ, угодливъ. Но когда ему исполнилось 18 лѣтъ, онъ круто перемѣнился. Сталъ хмуръ, за-

думчивъ, крайне необщителенъ, а когда съ нимъ говорили — дерзокъ, а, кромѣ этого, страшно жаденъ на работу. Работалъ онъ по каретному дѣлу, слылъ за отличнаго мастера, и всѣ мелкія хозяйчики тянули его къ себѣ наперебой. Но на чужой карманъ онъ долго работать не захотѣлъ и въ 20 лѣтъ открылъ собственную кузницу въ городѣ. Дѣло пошло хорошо, быстро развиваясь и увеличиваясь, но Алешка этимъ дѣломъ не удовлетворился и началъ подготовляться къ тому, чтобы открыть еще кузницу и мастерскую въ деревнѣ для выпуска вѣялокъ и молотилокъ. Но осуществиться этому помѣшала война.

— Обидно! — хмуро заключаетъ онъ. — Къ осени всю свою механику пустилъ бы полнымъ ходомъ, а тутъ война и... стопъ машина!

— Да успѣлъ ли бы ты обернуться и тутъ и тамъ? — спрашиваю я.

У него въ глазахъ вспыхиваютъ недобрые огоньки, и жестко онъ бросаетъ:

— О такихъ пустякахъ и говорить нечего. Успѣлъ бы. У меня никакое дѣло не забалуется.

Михаилъ сидитъ за остывшимъ стаканомъ чая грустный, молчаливый, подавленный, и едва ли слышалъ хоть слово изъ того, что говорилъ сынъ.

Ничего отцовскаго ни съ внѣшней, ни съ внутренней стороны въ сынѣ не видно. Насколько отецъ прямодушенъ и открытъ, настолько сынъ замкнутъ и необщителенъ; насколько отецъ мягокъ и обходителенъ, настолько сынъ холоденъ и рѣзокъ.

Когда еще Алешкѣ не было 20 лѣтъ, я тогда уже убѣдился, какъ трудно вызвать его на откровенность, узнать хоть приблизительно, что думаетъ этотъ парень о себѣ, о людяхъ, о жизни.

На вопросы, на которые онъ не желалъ отвѣчать искренно, онъ давалъ такіе уклончивые отвѣты, изъ которыхъ ровно ничего нельзя вывести, да къ тому же такимъ тономъ, который отбивалъ всякую охоту вести съ нимъ разговоръ.

Теперь Алешкѣ 22 года — лѣта небольшія, но его лицо крупное, плотное, рѣзко-внушительное — все оно точно высѣчено изъ камня. И это лицо заставляетъ меня чувствовать въ немъ какую-то холодную огромную силу, передъ которой мнѣ жутко потому, что я не знаю, что это за сила: добрая или злая. Какъ не знаетъ этого и самъ отецъ: Михаилъ

отдаетъ дань дѣловитости сына, а въ остальномъ — сынъ вызываетъ у него недоумѣніе.

— Не понимаю его, — не разъ говорилъ мнѣ Михаилъ. — Парень, кажется, надо лучше, да некуда: въ карты не играетъ, не куритъ, правда, выпить любитъ, но во-время да въ мѣру, насчетъ работы ужъ говорить нечего — на всѣ руки мастеръ, а поглядываешь на него все-таки съ опаской: сынъ тебѣ, а ты его знаешь менѣе всякого чужого. Никакого приступа къ нему нѣтъ! Только и раскроешь ротъ, когда съ нимъ о дѣлѣ говоришь. А такъ, чтобы насчетъ жизни, тутъ ужъ изъ него, какъ изъ камня, воды не выжмешь.

Но все-таки раскусить хоть немного Алешку меня тянетъ, и я предлагаю ему пройтись со мной по деревнѣ.

— А къ чему пойдемъ-то? — и зеленые глаза Алешки блестятъ настороженно.

— Да такъ... съ мужиками насчетъ войны и всего прочаго поболтаемъ.

— Охота тебѣ съ пнями говорить. Меньше что ль ихъ понимаешь?

— А что, не любишь что ли, „пней-то“?..

— И любить мнѣ ихъ не за что и не любить тоже. Такъ думаю про нихъ: въ лѣсу живутъ, пнямъ Богу молятся. Кнутъ бы на нихъ хорошій: стеганулъ разъ — думайте хорошенько, черти сиволапые, что дѣлаете, какъ живете; стеганулъ второй... — Алешка стискиваетъ зубы и обрываетъ. — Да что о нихъ говорить, да и съ ними-то говорить: пустое времяпровожденіе!

— А не любишь, Алексѣй, мужиковъ, ей Богу! — вновь говорю я.

— А я опять говорю: не за что мнѣ ихъ не любить. На ногу себѣ наступить никому не позволю! А пройтись съ тобой могу. Такъ себѣ, ноги отъ нечего дѣлать промять.

Предлагаю присоединиться къ намъ и Михаилу, но онъ въ отвѣтъ только грустно качнулъ головой. На улицѣ ослѣпительно-яркое солнце, но жары еще нѣтъ: набѣгаетъ съ полей свѣжеватый вѣтерокъ, и дышится пока легко.

Ради праздничнаго дня молодыя бабы и дѣвки вырядились во все свое лучшее, но какихъ-либо особо дорогихъ нарядовъ, какъ возвѣщали объ этомъ газеты, я не вижу. Тѣ же грубые яволочные башмаки, какъ и до войны, тѣ же изъ дешеваго ситца кофты и своего издѣлія яркіе сарафаны, — новинками являются только шелковыя ленты, вмѣсто быв-

шихъ ремней, перехватывающія талію и спускающіяся сзади двумя длинными, развѣвающимися концами.

И еще — чаще, чѣмъ раньше, попадались полушелковые платки, но зато — сколько же было темныхъ повой — того, что до войны носили очень старыя старухи да дѣвки-вѣковухи!

И встрѣтилась только одна молодая баба, по имени Аксинья, одѣтая для деревни, дѣйствительно, необычно. Затянутая въ корсетъ, въ зеленомъ шелковомъ платьѣ, въ лакированныхъ ботинкахъ и съ дамскими серебряными часиками на груди, — она шла медленнымъ, самодовольнымъ шагомъ, высоко вздернувъ голову, украшенную затѣйливой прической и прикрытую отъ солнца бѣлымъ шелковымъ зонтикомъ. Съ довольно краснваго лица этой бабы не сходила насмѣшливо-вызывающая улыбка — это былъ ея отвѣтъ всѣмъ тѣмъ изъ встрѣчныхъ, которые, судя по косымъ взглядамъ, видимо, очень не одобряли такого шика.

Эту Аксинью я видѣлъ впервые и спросилъ Алешку:

— Что за баба? Откуда?

— Да все оттуда же: нана! — усмѣхнулся онъ. — Фартовая баба! Лѣтъ съ 12 до 20 въ городѣ въ горняшкахъ служила: тамъ отъ барынь и набралась фасоновъ.

Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ выяснилось, что эта „фартовая“ баба, набравшаяся отъ барынь „фасоновъ“, все-таки почему-то пожелала выйти замужъ непремѣнно за жителя деревни, а не города, а, выйдя, жила съ своимъ мужемъ хорошо.

— Баба не плохая, — заключаетъ Алешка. — Насчетъ работы — первая работница въ деревнѣ; насчетъ поведенія — тоже пока ничего худого не слышно. Иныя бабенки, какъ только проводили мужей на войну, и пошли въ расходъ, а она, пока што — ни-ни... не балуется!

Когда мы поровнялись съ Аксиньей, Алешка поздоровался и спросилъ:

— Ну, какъ мужъ? Живъ, здоровъ, воюетъ еще, или того...

Аксинья привѣтливо улыбается и, показывая сильные, какъ у звѣря, зубы, говоритъ:

— И живъ, и здоровъ, и воюетъ — все, пока што, слава Богу. Недавно другого Георгія получилъ.

— Ну?! — и Алешка тоже улыбается, что съ нимъ бываетъ очень рѣдко. — Скажи, пожалуйста, а вѣдь былъ такой тихій, хотя и въ солдатахъ служилъ.

— Какой онъ есть — тихій или не тихій — я знать не хочу! Разъ пошелъ на войну — такъ воюй на совѣсть. Я такъ ему и пишу: если въ плѣнъ здоровымъ попадешь, послѣ на глаза мнѣ не показывайся!

— Такъ... такъ... — одобрительно замѣчаетъ Алешка: — Вѣрно! Ай-да баба!

Къ намъ приближается, странно переступая ногами, какъ разбитая лошадь, молодой мужикъ лѣтъ 26, Никита, — мужикъ придурковатый и лѣнивый. Подъмышкой у него „двухрядка“ (гармонія), картузъ лихо заломленъ на бекрень. Остановившись отъ насъ въ пяти шагахъ, онъ почтительно поклонился Алешкѣ и добавилъ: „Алексѣю Михалычу мое почтеніе!“, чего Алешка какъ будто совсѣмъ не замѣтилъ и обошелъ молчаніемъ. Никита смущенъ, мнется, точно хочетъ уходить, потомъ кланяется мнѣ, я ему отвѣчаю, и онъ подбодрился опять.

Вдругъ подбоченился передъ Аксиньей, посмотрѣлъ на нее насмѣшливо, въ упоръ и язвительно сказалъ:

— Фу-ты, ну-ты ноги гнуты... Расфуфырилась, халява!

— А тебѣ какое дѣло? — дерзко отвѣчаетъ Аксинья, обращаясь не столько къ Никитѣ, сколько къ намъ. — Иди, гнилякъ, не проѣдайся, такимъ не подаемъ!

— Погоди, врешь, подашь... Только попадись намъ въ темномъ мѣстѣ, мы тебѣ покажемъ: мы съ тебя эту сбрую-то счистимъ.

Аксинья уже обращается исключительно къ намъ:

— Расфуфырилась? Получаю на дѣтей и на себя — значитъ куда хочу, туда эти деньги и ворочу. Не свекору же на пропой отдавать? Довольно съ него и того, что за двоихъ мужиковъ ему горбъ гну. Былъ бы еще свекоръ, какъ у людей, такъ туда сюда: можно бы ему на сбереженіе отдавать. А то, прости Господи, грязь одна, а не человѣкъ. А лучше всего своимъ умомъ жить: исправы, какія хочу, сдѣлаю, и на черный день приберегу. А отдавай-ка денежки свекору — онъ приберегетъ? Все у Левонькина будетъ...

— Пог-годи, они, эта „грязь“-то, тебѣ покажетъ. Говорилъ ужъ свекоръ: какъ, молъ, до нее съ вожжами доберусь — на пятакъ мѣста не-синяго на тѣлѣ не оставлю! Да и мы на орѣхи прибавимъ, — грозитъ Никита и ковыляетъ на своихъ больныхъ ногахъ дальше.

Аксинья смотритъ на Никиту и, кажется, что именно эти больныя ноги приводятъ ее вдругъ въ ярость.

— Гнилякъ, гнилякъ! — кричитъ она неожиданно и злобно. — Куда ты годишься? Думаешь: взялъ двухрядку подмышку и человѣкъ сталъ? Дурья твоя голова!

Никита кажетъ ей кулакъ, она съ отвращеніемъ плюетъ и отвертывается.

Потомъ переступила съ ноги на ногу, какъ будто хотѣла пойти и раздумала. Помолчала и голосомъ, въ которомъ уже угасла всякая тѣнь злобы, спросила меня:

— Говорятъ и такихъ, какъ Никитокъ, будутъ брать. Неужто правда?

— А онъ кто — бѣлобилетчикъ?

— Нѣтъ. Второй разрядъ, — и на красивомъ лицѣ Аксиньи мелькаетъ смутный страхъ.

— Если война затянется, то, возможно, что и такихъ будутъ брать, — сказалъ я и сейчасъ же раскаялся, зачѣмъ такъ прямо сказалъ.

Шелковое платье Аксиньи, зонтикъ, часы, лакированные ботинки, все это вмигъ стало лишнимъ, наноснымъ, не настоящимъ: настоящее глянуло съ лица Аксиньи, которое посѣрѣло такъ страшно, точно она въ одну секунду постарѣла лѣтъ на 20. Какъ будто молодая и красивая баба незамѣтно отодвинулась назадъ, а на ея мѣсто незамѣтно появилась полустаруха, на лицѣ которой твердо положена обычная деревенская печать: и неизбывная скорбь о тяжести своей участи и жуткая, кажется, не имѣющая границъ, примиренность.

И продолжаетъ Аксинья точь-въ-точь уже голосомъ пожилыхъ надорванныхъ бабъ — ноющимъ и жалостливымъ:

— Да неужто правда? Да какъ же такъ... быть не можетъ... если такихъ, какъ Никитокъ, будутъ брать, какъ же мы-то останемся. Косить намъ, бабамъ, еще ничего: хоть тяжело, а все-таки свыкаемся. Ну, а если пахать придется, тогда какъ? Никитокъ-то хоть и гнилой, а все мужикъ: какъ тамъ про него ни говори, а на пашнѣ за нимъ любой бабѣ не угнаться! Тогда ужъ намъ прямо погибель...

— Да тебѣ-то чего бояться? — замѣчаетъ Алешка. — Тебѣ, кажись, и пашня не страшна: говорятъ, ты по веснѣ за сохой не хуже любого мужика ходила.

— Я не про себя... я-то подтянусь! хотя не легко: животъ-то вотъ какъ отъ пашни болѣлъ — прямо страсть, думала — умирать буду. Да обвыклась. И другія обвыкнутся. Да сколько такихъ на деревнѣ найдется: разъ, два, три, да и обчелся! Нѣтъ, плохо намъ безъ мужиковъ будетъ.

Въ синихъ, потускнѣвшихъ глазахъ Аксиньи, застыла глубокая, недоумѣвающая тоска. И стало ясно для меня, что шикъ ея — обычная женская блажь, за которой нескоро разсмотришь, съ какой страстностью любитъ эта баба свою деревенскую жизнь.

А тѣмъ временемъ, пока у насъ съ Алешкой велся съ Аксиньей этотъ разговоръ, глупый Никита успѣлъ настроить старика Демида, свекора Аксиньи, и этотъ Демидъ приближался къ намъ съ кучей мужиковъ и бабъ, которая быстро увеличивалась: Никита ковылялъ рядомъ съ очень воинственно настроеннымъ Демидомъ и всѣмъ находящимся на улицѣ кричалъ:

— Сюда, сюда, къ намъ! Вотъ камедь-то будетъ, ей-Богу!

И куча увеличивалась — главнымъ образомъ въ лицѣ бабъ и дѣвокъ. Мужиковъ же пристало не болѣе десяти человѣкъ, да и тѣ, чуя, что идутъ смотрѣть скандалъ, видимо, стыдились такого рода любопытства и шли смущенно, сторонкой.

И остановились въ сторонѣ съ видомъ: если, молъ, разыграется что-либо ужъ совсѣмъ не стоящее никакого вниманія, то они, конечно, уйдутъ. Но бабы подошли къ нимъ вплотную и потому, какъ онѣ сразу покосились на Аксинью, было видно, что ихъ томитъ и злоба, и зависть и что при первомъ удобномъ, случаѣ онѣ готовы, кажется, разорвать Аксинью на куски.

Черезъ полминуты на устахъ бабъ зазмѣился шопотъ, а черезъ минуту по адресу Аксиньи уже стали вырываться громко изъ этого шопота бранныя и угрожающія словечки. А Аксинья стояла, о чемъ-то думала и какъ будто ничего не слышала и не видѣла.

Выступилъ Демидъ. Прежде всего онъ со скорбнымъ видомъ поклонился мужикамъ и бабамъ, помолчалъ столько, сколько нужно, что ы изобразить человѣка, убитаго горемъ, потомъ, указывая на Аксинью корявой рукой, гнусаво засипѣлъ давно пропитымъ голосомъ:

— Вотъ, люди добрые, смотрите, какъ жена моего рѳднаго сынка то выпялилась! хороша? а? Совѣсть есть у ей, какъ думаете, люди добрые? Сынокъ-то тамъ, на позиціяхъ, кровь проливаетъ, а она здѣсь... несчастная, во какъ хвостомъ вертитъ! Часы навѣсила, жонтикъ въ ручку, брюхо, страмница, затянула — надо бы лучше барыню, да ужъ ѣхать не-

куда... Ат-тлично!.. Мы, мужичье сиволапое — прямо пыль передъ ей... Вотъ какъ!

Демиду было лѣтъ подъ 60; худенькій, маленькій, съ жидкой желтой бороденкой, этотъ старикъ слылъ въ деревнѣ за перваго и неисправимаго во всей деревнѣ лѣнтяя и пьяницу. Съ ранней молодости и до 40 лѣтъ онъ служилъ у помѣщиковъ лакеемъ, а когда его перестали принимать, поѣхалъ на шеѣ двухъ подросшихъ сыновей, изъ которыхъ одинъ былъ глухонѣмой.

Казалось, что Аксинья не слышитъ и свекора: такъ же глубоко и тоскливо задумчиво смотрѣла она въ какую-то неопредѣленную точку, когда говорилъ свекоръ. Но когда онъ кончилъ, она встряхнулась и стала прежней Аксиньей: молодой бабой, съ немного нагловатымъ красивымъ лицомъ. Она усмѣхнулась и брезгливо и вызывающе сказала:

— Старайся, чортъ конопатый, старайся... Только дуракъ тебя послушаетъ, а умный-то еще подумаетъ. Говоришь: часы навѣсила, зонтикъ въ ручку, ну и навѣсила, а никому до этого дѣла нѣтъ. На свои денежки навѣсила — на честныя: никому въ карманъ не лазила и ни у кого въ полюбовницахъ не была, какъ другія бабенки! А тебѣ чего хотѣлось? Чтобы эти денежки тебѣ отдала! Скоро бы ты имъ протеръ глаза-то: живо бы къ Левонькину снесъ.

Въ кучкѣ мужиковъ раздался смѣхъ; потомъ кто-то изъ нихъ замѣтилъ:

— А вѣрно, Аксютка! Чисть его, стараго хрыча, не въ бровь, а въ глазъ.

А еще кто-то изъ мужиковъ добавилъ:

— Ужъ чего... Попадись ему только въ руки денежки — онъ бы ихъ образовалъ.

— Что ему Левонькинъ — онъ дальше дорогу знаетъ. Сынъ то на позиціи былъ бы, а онъ здѣсь удеколончикъ попивалъ бы!

И мужики опять дружно разсмѣялись. Но зато бабы еще злобнѣе нахмурились.

Демидъ посмотрѣлъ на бабъ и ухмыльнулся довольно; посмотрѣлъ на мужиковъ и съ противной, льстивой ласковостью засипѣлъ:

— Смѣетесь, люди добрые? Обиждаете меня? А изъ-за ково? Да по ей, по стервѣ, вожжи давно плачутъ! И ужъ я какъ-нибудь доберусь... Ужъ доберусь! Ужъ это не я буду. Посудите сами: да если бъ такое охальство баба гово-

рила да выкидывала въ старину, то что бы было? а? Вѣдь на смерть бы забили... Пикнуть не дали бы! Вотъ какъ въ старину-то сдѣлали бы. Мы тогда, въ старину-то, Бога помнили, на родителей да на старшихъ оглядывались, а на господъ-то оглядывались того пуще... вотъ какъ жили! А теперича что? Она, эта... сношенька-то моя, на кого оглянется, побоится кого — дудки! Сама себѣ госпожа, коли часы навѣсила да и жонтикъ въ ручку! Прямо — вѣдьма кіевская... Что ты ей ни говори — отвѣтъ у ей одинъ: плюю, молъ, на все... Вотъ какъ, по-новому-то, люди добрые? а? Вѣрно говорю, что давно по ней плачутъ вожжи?

Мужики улыбались; одинъ изъ нихъ подзадоривающе бросилъ:

— Брешешь только, Демидъ. Не такая баба твоя сноха, чтобы спустить. Тронь-ка — она тебѣ по волоску всю твою бороденку выщипитъ!

— Да ужъ не спущу, въ зубы смотрѣть не стану, — подтвердила Аксинья. — Я ему не какая-нибудь старая шлея, миною, небось, не помыкнетъ. Только и всего, что на словахъ похорохорится.

— Не шлея, говоришь? А кто ты? Что за новая цаца явилась? — спрашивалъ Демидъ, багровѣя отъ злобы и все ближе подступая къ Аксиньѣ.

— А то я, — дерзко, съ силой отвѣтила Аксинья, — оглядываться ни на кого не хочу. Ни къ чему это! Вы вотъ по старинѣ-то, чтобъ ни дна вамъ, ни покрышки, на господъ больно ужъ много оглядывались: пятки имъ чесали, горбы на нихъ гнули да женъ своихъ да дочерей въ постель имъ клали! А что за это выслужили? Плевать я на вашу старину хочу. И всѣ вы, черти старые, которые про старину-то намъ всѣ уши прожужжали — лиходѣй вы народу, а не люди добрые!

— Лиходѣй? Вотъ какъ? Это мы-то — отцы ваши? — пробормоталъ Демидъ, странно притихшимъ голосомъ, а потомъ, повысивъ тонъ, продолжалъ: — Говоришь: женъ да дочерей въ постель господамъ клали... А ты-то не ложишься? Всѣ бабоньки у тебя испорчены, только ты одна чиста? А приказчикъ съ барскаго двора? Ты ему... — и Демидъ сдѣлавъ непристойный жестъ, добавилъ пару непристойныхъ словъ.

— Не порочь зря бабу, Демидъ, — угрюмо процѣдилъ сквозь зубы Алешка. — Стыдно: умирать пора, а ты пакости говоришь. Кто повѣритъ?

— Вѣрно говорю, — льстиво заегозилъ передъ Алешкой Демидъ. — Самъ, это ужъ ты мнѣ, Алексѣй Михалычъ, повѣрь, — видать, какъ она съ приказчикомъ... — и онъ опять повторилъ непристойный жестъ.

Въ этотъ моментъ изъ кучи бабъ выдѣлился, не видимый до этого, сынъ Демида, глухонѣмой и, повторивъ жестъ отца, дико, съ негодованіемъ замычалъ, страстно замахалъ руками, закрутилъ отрицательно головой — всѣмъ своимъ существомъ онъ убѣдительно говорилъ, что отецъ лжетъ на Аксинью. Онъ жестами пояснялъ, что отецъ эту ложь написалъ мужу Аксиньи, его брату, но братъ не повѣрилъ, да и онъ, глухонѣмой, тоже попросилъ одного грамотѣя написать брату, чтобы братъ и совсѣмъ объ этомъ не думалъ: онъ, глухонѣмой, не дуракъ, онъ слѣдилъ за Аксиньей, и Аксинья въ этомъ смыслѣ оказалась такъ чиста и примѣрна — глухонѣмой при этомъ смотрѣлъ восторженно на Аксинью и часто цѣловалъ свою руку.

То же и насчетъ работы Аксиньи въ полѣ и дома: глухонѣмой гнулся, краснѣлъ, какъ будто отъ усилій, когда сдерживается большая тяжесть, и опять цѣловалъ свои руки.

А въ заключеніе указалъ на всѣхъ бабъ и сдѣлалъ выводъ, что и въ смыслѣ работы и въ смыслѣ поведенія всѣ эти бабы не годятся Аксиньѣ даже въ подметки!

Этого бабы ужъ не выдержали. Какая-то молодуха съ нахальными глазами и вздернутымъ носомъ крикнула: „Приказчика-то, видно, мало, такъ этого назолу, нѣмого еще купила: Мы всѣ — потаскухи, а она — святая!“ — И этотъ крикъ послужилъ точно сигналомъ. Бабы возмущенно зашумѣли, сыпля на Аксинью градъ намековъ и грязныхъ подозрѣній, злобы и зависти. Но громче всѣхъ выдѣлялись голоса Никиты и одной бабы. Бабы тупо, истерически-злобно, визгливо выводили все одно и то же:

— Всѣхъ, вишь, мужиковъ, вѣдьма, обвела... Что нѣмой да приказчикъ — всѣхъ обвела! Пикнуть про нее худого слова не смѣй!

А Никита, съ пухлымъ и мѣлово-бѣлымъ лицомъ, напоминающимъ идіота, яростно размахивалъ руками и басомъ, безсмысленно оралъ:

— Вѣрно! Знаю! Все знаю! Самъ видалъ — своими глазаньками! И-ихъ, да и бить же ее, стерву, какъ надо!

— У ты, чортовъ уродъ, туда же! — кричалъ Демидъ брызгая слюной, и старался оттиснуть нѣмого отъ Аксиньи, но нѣмой упорно опять становился около Аксиньи.

А Аксинья — и когда говорилъ свекоръ и когда зашумѣли бабы — стояла неподвижно, слушала спокойно и молчала такъ, точно отвѣчать на все это считала ниже своего достоинства.

Странно держалъ себя Алешка: улыбался и перемигивался съ мужиками, которые тоже всѣ молчали, хитро прищурившись.

И вдругъ, совершенно неожиданно, Демидъ, который, казалось, только и былъ увлеченъ тѣмъ, что силился оттиснуть нѣмого отъ Аксиньи, быстро, какъ обезьяна, взмахнулъ кулакомъ и съ возгласомъ: „Да что тамъ много говорить-то!“ — ударилъ Аксинью по лицу. А, ударивъ, съ наслажденіемъ крякнулъ:

— Кха!

Аксинья сильно пошатнулась, но въ лицѣ не измѣнилась: только ея глаза блеснули, какъ молніи, и раскрылись шире какъ будто отъ удивленія.

А Демидъ уже вновь занесъ кулакъ и, мѣтясь, какъ бы половчѣе нанести ударъ, скороговоркой бросилъ:

— Лиходѣи мы? А вотъ за это самое я научу тебя, пока что маленько, а хорошенько потомъ — вожжей!.. вож...

Онъ не докончилъ. Жесткимъ, хищнымъ ударомъ ноги въ животъ, тѣмъ страшнымъ по быстротѣ ударомъ, когда въ первый моментъ не успѣваешь сообразить, отчего одинъ изъ двухъ сразившихся враговъ уже валяется на землѣ, Аксинья сбила свекора съ ногъ и, смотря, какъ онъ корчится отъ боли, какъ пытается что-то вымолвить, но ничего не можетъ произнести, кромѣ „бу-бу-ду!“ — сказала негромко, но рѣзко, отчетливо:

— Вотъ тебѣ и „бу-ду“! Я тебѣ не какая-нибудь шлея на манеръ твоей старухи. Будешь знать, какъ драться!

Хохотали довольные свыше всякой мѣры мужики. Одинъ изъ нихъ высокимъ, срывающимся отъ удивленія и восхищенія голосомъ ликовалъ:

— Нѣтъ, кэ-экъ она его смазала? а? Не всякому мужику такъ сумѣть! Вотъ тебѣ и баба!

Хохоталъ, извиваясь радостно всѣмъ тѣломъ, какъ вьюнъ, дикими, жуткими звуками, похожими на крикъ филина, нѣмой надъ побитымъ отцомъ, но еще сумрачнѣе стали бабы.

Онѣ стояли передъ Аксиньей плотной стѣной, и казалось, что эта стѣна не бросается на нее только потому, что боится ея оскаленныхъ по-звѣриному зубовъ.

Потомъ изъ этой стѣны выступила старуха. Въ темной повоѣ, изъ которой выбились космы сѣдыхъ волосъ, съ гордымъ немного пригнутымъ книзу орлинымъ носомъ, она однимъ движеніемъ руки остановила смѣхъ и властно, рѣзко чеканя каждое слово, заговорила:

— Эй, мужики, не къ добру глотки распустили: смотрите, какъ бы поплакать потомъ не пришлось! Ужъ очень большую волю Аксюткѣ даете, а того не подумаете, что нашъ бабій умъ, какъ коромысло: онъ тебѣ и кривъ, и зарубистъ, и надва конца... Сама я баба, сама не мало отъ нашей бабьей доли слезъ пролила, а все-таки скажу, что бабамъ много воли не давайте. Хитра наша сестра, что твоя лиса. Умирать пора — и душой не покривлю. Я вотъ какъ жила: безъ вины много поплакала, а за свои грѣхи ни одной слезинки не выронила. Ужъ на что мой покойникъ былъ строгъ да зорокъ, а все, бывало, какъ лиса хвостикомъ, чистенько такъ замету, что ему ни о чемъ и невдомекъ. Вотъ онъ каковъ нашъ бабій умъ-то. Это — безъ воли, когда надъ нами мужикъ хозяинъ; ну, а если надъ мужикомъ хозяиномъ бабу сдѣлаете, тогда не то будетъ? Объ этомъ не думаете?

— А что тогда, бабка Марья, будетъ? — усмѣхаясь спросилъ Алешка.

— А то, — и старуха указала на Демида, который уже поднялся на ноги и стоялъ, какъ прибитый щенокъ, — видишь, какъ его отдѣлала? Когда это видано, чтобы бабы такъ дрались? Да, такой бабѣ на большую дорогу и то впору: такимъ-то манеромъ любого мужика зашибетъ.

— Напрасно, бабка, мѣшаешься не въ свое дѣло. Знаешь, не наше дѣло поповъ судить, на то черти есть. Какъ подрались снова со свекоромъ, такъ и помирятся, — сказалъ Алешка и мигнулъ мужикамъ.

И мужики сразу, съ внушительными окриками тронулись на бабъ.

— Эй, разойдись!

— Ну, не застаивайся!

— Чего еще замялась, рохля!

И такъ энергично работали плечами и пинками, что черезъ двѣ минуты куча бабъ разсыпалась во всѣ стороны съ бранью по адресу мужиковъ и съ угрозами по адресу Аксиньи,

что все это ей даромъ не пройдетъ. Дошла очередь и до Никиты. Одинъ изъ мужиковъ подошелъ къ Никитѣ, снялъ у него болтавшуюся заплечами на ремнѣ „двухрядку“, далъ ему тумака, отъ котораго Никита очутился на землѣ, а когда поднялся, мужикъ бережно передалъ ему двухрядку и добродушно сказалъ:

— А это за то: не мути народъ. Ну, иди, а не то еще получишь!

И Никита покорно заковылялъ за бабами, яростно поругивая обидчика.

Аксинья была спокойна, точно ничего особеннаго и не случилось. Указывая зонтикомъ на мѣсто, гдѣ были скучены бабы, она со смѣхомъ сказала мужикамъ:

— Скоро расчистили!

— Скоро-то скоро, а если бы насъ не было, то, пожалуй, плохо бы тебѣ пришлось, — замѣтилъ одинъ мужикъ.

— Вѣрно, плохо бы. Вѣдь ихъ сколько, а я одна! По ниточкѣ растащили бы. Нельзя не сказать вамъ спасибо! — и кивнувъ намъ съ Алешкой и мужикамъ головой, Аксинья тронулась отъ насъ по деревнѣ все такъ же: все тѣмъ же медленнымъ, самодовольнымъ шагомъ, все съ той же насмѣшливо-вызывающей улыбкой, съ какой намъ встрѣтилась.

Мужики, посмѣявшись, тоже разошлись, и остались только Демидъ да его сынъ, нѣмой. Старикъ, видимо, крѣпился, чтобы не плакать, но плакалъ, помимо своей воли, злыми, противными слезами, а нѣмой сынъ стоялъ въ сторонѣ и хохоталъ надъ отцомъ беззвучно, искажая свое лицо въ какую-то страшную, злорадную, дьявольскую маску.

Мнѣ стало жутко отъ лица этого нѣмого, и я дернулъ Алешку за рукавъ. Мы пошли къ пожарной ставкѣ, расположенной отъ насъ саженяхъ въ 50-ти, около которой по праздникамъ всегда собирались потолковать „первые умы деревни“. И теперь ихъ тамъ было человѣкъ до 15-ти. И всѣ, должно быть, очень солидные: видѣли, что назрѣваетъ скандалъ неподалеку, но ни одинъ къ этому скандалу не тронулся.

По дорогѣ я Алешку спросилъ:

— Неужели Аксинью бабы ненавидятъ только изъ зависти къ нарядамъ?

Алешка былъ хмуръ и сердито бросилъ:

— И за это, а главное-то за другое.

Прошли молча шаговъ пять и, когда я уже рѣшилъ, что

больше изъ Алешки ничего не вытянешь, онъ еще сердитѣе заговорилъ:

— Если бы у меня была власть... ну, напримѣръ, какъ у царя, то ни за что бы я людей такъ не наказывалъ, какъ за лѣнь да за глупость. Далъ бы до полусмерти... безъ пощады! Возьми ты эту Аксютку... Повѣрь мнѣ: король-баба! Если бы еще такая дѣвка нашлась да пошла за меня замужъ, такъ я отъ радости до потолка бы прыгалъ. А ее вотъ наше бабье готовы со свѣта сжить. Во-первыхъ, за то, что подъ ея поведеніе никакъ не могутъ подкопаться, во-вторыхъ, за то, что каждый мужикъ своей бабѣ тычетъ: „Вотъ Аксютка Лирина работница — такъ работница: не тебѣ чета! А больше всего за то, что у Аксютки въ головѣ мозги есть. Ну, положимъ, слабость у ней есть: наряды любитъ. Какъ на это смотрѣть? Я такъ смотрю: наряжайся ты хоть въ шелки да въ бархаты, если это любишь, но работай, раб-ботай такъ, чтобы у тебя никакое дѣло не забаловалось, чтобы, когда это надо, когда дѣло этого требуетъ, такъ облейся надъ нимъ потомъ, какъ въ банѣ водой! Вотъ это такъ!.. И если кто такъ работаетъ, такъ разодѣнься онъ хоть какъ царь — мнѣ что: посмотрю на него да подумаю — вотъ это, молъ, такъ, правильно, этотъ оправдываетъ себя. Вотъ и все! А если ты лежебокъ, лѣнтяй, да поэтому самому лѣнтяйству въ отрепьяхъ ходишь — такъ и ходи, чортъ съ тобой, и никакой жалости къ тебѣ не должно быть. И никакой отъ тебя никому ни красы, ни радости! Ни себѣ пользы, ни людямъ. Ходишь въ отрепьяхъ, ну и ходи: лучшаго-то не заслужилъ.

Я раздѣляю мысль Алешки, но не совсѣмъ: она мнѣ кажется односторонней, а главное — слишкомъ ужъ сухой и жесткой. И невольно тоже сухо я замѣчаю ему:

— Не забывай, что въ отрепьяхъ ходятъ и не лѣнтяи. Ты, кажется, говоришь о такомъ только трудѣ, надъ которымъ ты самъ хозяинъ: больше сработалъ — больше и получилъ. Но такого труда вѣдь мало. А труда, гдѣ сотни и тысячи людей работаютъ на одного человѣка — много. Такъ на такомъ вотъ трудѣ въ шелкъ и въ бархатъ не разрядишься, хоть на работѣ лобъ разбей.

— А кто сказалъ тебѣ, что я объ этомъ забываю! — грубо отвѣчаетъ Алешка. — Объ этомъ я помню хорошо; слава Богу, былъ въ выучкѣ не въ какомъ-нибудь большомъ заводѣ, а у мелкихъ хозяйчиковъ: а они ужъ не потъ, а кровь выжмутъ на работѣ! Но все-таки это дѣло десятое...

— Какъ десятое? — изумляюсь я. — Погоди, ты здѣсь чего-то не додумалъ...

— Такъ десятое! — еще грубѣе обрываетъ меня онъ: — Ты думаешь, что я не читалъ всѣхъ этихъ книжонокъ (послѣднее слово Алешка подчеркнулъ съ особымъ пренебреженіемъ), которыя были у отца въ 905 году? Сколько мнѣ было— лѣтъ 12 — а я ихъ читалъ тайкомъ отъ отца. Читалъ и въ городѣ, когда у хозяйчиковъ спину гнулъ. А года три тому назадъ бросилъ. Надоѣли. Да и пустое времяпровожденіе! Все одно и то же. Дѣло, братъ, не въ этомъ. Дѣло въ работѣ. Мало за нее руками держаться — ты въ нее еще зубами вцѣпись. Книжки-то мы вотъ читаемъ, а насчетъ работы, что выдумали: работа, молъ, не медвѣдь, въ лѣсъ не убѣжитъ. Дураки да лѣнтяи это выдумали: чортъ бы ихъ не видалъ! Нѣтъ, ты работай, раб-ботай, возлюби работу больше отца и матери, вотъ тогда ты настоящій работникъ. И если будешь такимъ настоящимъ работникомъ — остальное все дѣло десятое. Тебя гнутъ, гни и ты того, кто тебя гнетъ. Сила не беретъ — соединяйся съ другимъ, съ третьимъ, съ пятымъ, съ десятымъ — глядишь, гнутчикъ-то и согнется: а ты его тогда и раздави! Не жалѣй, не будь слюнтяемъ: онъ-то вѣдь тебя не жалѣлъ, на твоей шеѣ ѣхалъ. А у насъ какъ? Сами болваны, даются въ хомутъ, а потомъ плачутъ. Говорятъ, работа, работа, а сами всякую работу, будь она хоть не чужая, а своя — все равно черезъ пень-колоду валяютъ! Куда ни посмотри — лѣнтяи и дураки, а если не дураки и не лѣнтяи — такъ трусы. Вотъ на дуракахъ, лѣнтяяхъ и трусахъ подлецы и ѣдутъ. А заведись умный, смѣлый, дѣловитый человѣкъ, такъ вся эта моль — и дураки, и лѣнтяи, и трусы и подлецы — всѣ на него скокомъ полѣзутъ! Это ужъ я знаю хорошо — наглядѣлся... Изучилъ, можно сказать, такъ, что больше ужъ изучать не надо.

У меня мелькаетъ мысль, что не отца ли разумѣетъ Алешка, и осторожно я спрашиваю:

— А напримѣръ?

— Напримѣръ? Возьми вотъ Аксютку. Изъ-за чего на нее бабы взъѣлись? А потому и взъѣлись, что не похожа она на этихъ паршивокъ.

И Алешка разсказываетъ, что и до войны бабы не любили Аксинью, во-первыхъ, за то, что въ нарядахъ за ней никому не угнаться, а во-вторыхъ, за то, что держалась отъ бабъ особнякомъ и презирала бабьи сплетни, пересуды и ну-

стые разговоры. Не долюбливали и мужики: находили, что Аксинья слишкомъ горда и дерзка, а своими нарядами всѣмъ бабамъ дурной примѣръ подаетъ.

Но когда началась война, мужики смягчились и стали выставлять своимъ женамъ Аксинью за образецъ. Кто изъ бабъ можетъ работать за двоихъ — Аксинья; отъ кого изъ бабъ можно услышать умное слово — отъ Аксиньи. А бабы слушали-слушали да и рѣшили: „всѣхъ нашихъ мужиковъ эта вѣдьма испортила!“ Но особенно возненавидѣли бабы Аксинью за слѣдующее. За двѣ недѣли до моего пріѣзда состоялся сходъ. Наступало жнитье, потомъ пашня подъ озимое и сѣвъ, а работниковъ маловато. И „міръ“ на сходѣ совсѣмъ было уже рѣшилъ просить земство о присылкѣ на помощь человѣкъ сто плѣнныхъ. Но явилась на сходъ Аксинья и всѣхъ разговорила.

— Горячая баба! — вырывается у Алешки одобрительно.— Такъ всѣмъ и отрѣзала: Срамъ, говорить, намъ призывать себѣ на помощь своихъ враговъ. Своими силами должны обойтись во что бы это намъ ни стало!.. Вотъ это баба! Я иначе на плѣнныхъ смотрѣлъ. Чего, въ самомъ дѣлѣ, хлѣбъ имъ даромъ изводить: пусть лучше работаютъ. А съ Аксютской все-таки согласился. Ужъ очень гордость мнѣ такая понравилась! А наше бабье наоборотъ: своей спины было жалко, на чужую надѣялись, а когда Аксютка это сорвала такъ бабье со злости на нее свѣта не взвидѣли. Хорошо это. Какъ по-твоему? Можетъ быть, еще, дуры безмозглыя, думали съ этими плѣнными развратъ завести. На что другое, а на это у нихъ ума хватитъ! — и Алешка разразился по адресу бабъ нѣсколькими нецензурными словечками.

Мы уже подходили къ пожарной стойкѣ. Я искоса взглянулъ на Алешку и, несмотря на то, что было жарко, ощутилъ, какъ у меня по тѣлу пробѣжалъ холодокъ.

Его широкій, квадратный подбородокъ говорилъ о неукротимой мощи, силѣ, энергіи, зеленые глаза блестѣли, какъ у хищной птицы, но самое жесткое въ выраженіи его лица было, это — стиснутые точно отъ сильнѣйшей ненависти зубы. И эти стиснутые зубы у него были всегда — даже при работѣ, кромѣ тѣхъ моментовъ, когда онъ говорилъ.

А говорилъ онъ очень рѣдко.

Весь, съ головы до ногъ, онъ крѣпышъ, словно высѣченный изъ булыжника, и, казалось, что умомъ и сердцемъ такой же жесткій и холодный, какъ булыжникъ.

V.

Такъ ужъ водится въ деревнѣ: если инымъ мужикамъ нѣтъ еще и 40 лѣтъ, но если это мужики въ мірскихъ дѣлахъ играютъ замѣтную роль, такихъ мужиковъ называютъ „старики".

Шесть человѣкъ такихъ „стариковъ" я вижу у пожарной стойки: самымъ старшимъ изъ нихъ не болѣе 45 лѣтъ. Остальные 8 человѣкъ дѣйствительно старики: подъ 60 лѣтъ и свыше 60-ти. Въ числѣ ихъ и Максимъ Ивановичъ. Налицо и Терентичъ. Его можно, пожалуй, назвать старикомъ „нейтральнымъ". Если, съ его точки зрѣнія, молодые освѣщаютъ тотъ или иной вопросъ „дѣльнѣе", — онъ примываетъ къ нимъ; если болѣе правы оказываются старики онъ со стариками.

— По совѣсти, а не по дружбѣ, — выражается объ этомъ онъ и дружитъ одинаково радушно съ тѣми и другими.

Никто за это на него никогда не сердится.

Кажется, что свою „нейтральность" онъ подчеркиваетъ даже мѣстомъ: всѣ сидятъ въ тѣни подъ навѣсомъ стойки, раздѣлившись на двѣ группы:

Старики — тѣсной кучкой, молодые „старики" то же самое.

А Терентичъ сидитъ внѣ навѣса на солнышкѣ: „Грѣхи наши: вотъ старыя кости отогрѣваю, да никакъ не отогрѣю — все зябнутъ!"

Здороваясь съ почтеннымъ собраніемъ, я чувствую, что за той внѣшней привѣтливостью, съ какой меня всѣ встрѣчаютъ, кроется глубокое равнодушіе: я для мужиковъ — наѣзжій человѣкъ, кратковременный гость, съ которымъ отчего не поболтать, но отъ котораго ждать нечего: повертится этотъ гость и уѣдетъ.

Думаю, что тѣ времена, когда мужики отъ залетнаго городского человѣка ждали какихъ-то откровеній, давно миновали. И поэтому я считаю глубоко наивными и глубоко ложными тѣ разглагольствованія, какія иногда попадаются даже въ литературѣ нашихъ дней: что будто бы иныхъ городскихъ людей (конечно, мужику сочувствующихъ). мужики ждутъ и принимаютъ, какъ лицъ, которыя въ корнѣ освѣтятъ имъ ихъ существованіе и научатъ, какъ улучшить это существованіе.

Не только старики, но и деревенская молодежь уже понимаетъ, что отъ всѣхъ этихъ наѣзжихъ господъ остаются

только слова, хотя бы хорошія и благожелательныя, но отъ которыхъ, однако, имъ нисколько не легче: жить-то и улучшать свою жизнь все-таки приходится своимъ умомъ и своими плечами...

И мужики за свой умъ держатся крѣпко; и не только крѣпко, но и оберегаютъ всѣ свои потаенныя и глубокія мысли, не позволяя себѣ высказаться до конца передъ городскими людьми...

— Ты хоть и нашей, деревенской крови человѣкъ, — не разъ говорили мнѣ, да масть-то у тебя ужъ другая: ты ужъ отъ нашего каравая отрѣзанный ломоть. Ты живешь въ городѣ и къ намъ въ деревню землю ковырять не придешь. Дорожки, значитъ, у насъ разныя!

Другое дѣло Алешка. Онъ свой человѣкъ, отъ земли еще не оторвался и поэтому ему встрѣча была иная, чѣмъ мнѣ. Молодые его встрѣтили съ искренней радостью, старики — съ холодноватымъ почтеніемъ. Старики относительно формы обращенія довольно грубоваты: не рѣдкость, но обычное явленіе, если они мужиковъ въ 40 лѣтъ величаютъ по-простому Ванька, Петька, Мишка. Все равно — будь то хоть сынъ, у котораго уже куча дѣтей, или чужой. И если иныя лица въ 40 лѣтъ удостаиваются формы обращенія, болѣе приличествующей возрасту — Иванъ, Петръ, Михаилъ — такъ это ужъ за то, если эти лица почему-либо заслужили общее уваженіе. А если Ивановъ, Петровъ, Михаиловъ величаютъ еще по отчеству, это значитъ, что съ такими лицами считаются особенно щепетильно.

Алешку старики какъ разъ привѣтствовали полнымъ именемъ и отчествомъ — честь, которая до Алешки 22-лѣтнимъ парнямъ едва ли когда выпадала.

По крайней мѣрѣ, я другого такого случая не помню. Что старики не долюбливали Алешку, въ этомъ не было сомнѣнія, ибо было ясно, что они его даже побаиваются.

Было ясно, что, значитъ, сильно чувствуютъ старики недюжинность Алешки, если идутъ на такой компромиссъ: величать полнымъ именемъ и отчествомъ парня, когда другихъ парней въ такомъ возрастѣ съ легкимъ сердцемъ называютъ и щенками.

А большинство деревенскихъ стариковъ очень самолюбиво и, вѣроятно, не дешево обходился имъ этотъ компромиссъ въ глубинѣ души.

Одинъ только Терентичъ называлъ Алешку безъ отчества: Алексѣемъ.

Поздоровавшись съ Алешкой, старики сейчасъ попросили объ услугѣ.

— А ты, кстати, Алексѣй Михалычъ: ужъ хотѣли за тобой посылать. Сдѣлай милость: почини машину-то! Опять что-то разладилась. А время-то знаешь какое? Не дай Богъ бѣдѣ случиться: все — какъ порохъ!

„Машина“ была убога; какой-то старенькій, допотопный, малосильный ручной насосъ — всего на четыре человѣка. Кромѣ этого насоса, стоять еще двѣ, не менѣе убогія бочки — вотъ и всѣ принадлежности, находящіяся подъ пожарной стойкой. Остальное — нѣсколько багровъ и ведеръ — было распредѣлено по избамъ, на которыхъ лежала обязанность являться съ этими вещами на пожаръ.

Алешка взглянулъ на „машину“, скрипнулъ рѣзко зубами, что у него являлось признакомъ раздраженія и что въ высшей степени дѣйствовало на окружающихъ непріятно, и насмѣшливо процѣдилъ сквозь зубы:

— Маш-шина! Только одно развитіе. Скорѣе самоварами пожаръ потушишь, чѣмъ этой машиной. Подумать только: въ деревнѣ до тысячи душъ, а на случай пожара только эта машина! Спасайся этой старой палашей, какъ хочешь.

Помолчалъ и спросилъ:

— Интересно знать: сколько она у насъ здѣсь стоитъ?

Старики всѣ промолчали: только поежились, точно имъ вдругъ стало зябко. Молодые усмѣхнулись. И отозвался одинъ только Терентичъ;

— Сколько? Погоди, дай Богъ памяти... — и, подумавъ, Терентичъ добавилъ: — тридцать лѣтъ тому назадъ мы ее завели.

— Тридцать лѣтъ? А я думалъ лѣтъ двѣсти! — язвительно бросаетъ Алешка. — А интересно знать: сколько за эти тридцать лѣтъ мы горѣли?

И опять все то же: старики молчатъ, молодые усмѣхаются еще ехиднѣе, а Терентичъ, словно не понимая, сколько яда въ словахъ Алешки, кротко отвѣчаетъ:

— И-и, родименькій, вотъ этого-то ужъ и не сочтешь. Горѣли много. А лѣтъ двадцать тому назадъ чуть не до тла выгорѣли, домовъ пять только или семь осталось.

— Такъ... — бросаетъ уже совсѣмъ злобно Алешка. — Кажется ужъ на что проще ариѳметика: какую бы паровую машину можно купить на тѣ деньги, которыя ушли на обстройку? Да чего машину, пятнадцать машинъ можно было

бы купить. А у насъ до сихъ поръ вотъ эта калоша! Во сколько она намъ въѣхала? Ну-ка, прикиньте!

Старики молчатъ. Молодые — усмѣхаются, а Терентичъ сознается:

— Да, наши грѣхи, Алексѣй, что и говорить.

Алешка снимаетъ пиджакъ, засучиваетъ рукава, беретъ изъ ящика „машины“ ключи и начинаетъ разбирать всѣ ея части. Видя это, одинъ изъ стариковъ какъ-то жалко, искательно заикается.

— Да ты... Лексѣй Михалычъ, не всю! Ты намъ только малость!.. такъ, чтобы она только работала.

И такая искательность трогаетъ даже Алешку. Онъ вдругъ громко сопитъ носомъ, краснѣетъ, точно стыдится проявляемой имъ слабости, и мягко замѣчаетъ:

— Эхъ, Митрій Миронычъ, въ томъ-то наша и бѣда, что мы все дѣлаемъ „малость“ а не то, что надо.

Старики, кто сокрушенно, кто уже сердито, вздыхаютъ. А Терентичъ все такъ же кротко сознается.

— Вѣрно, Алексѣй, вѣрно, кормилецъ. Не въ укоръ Миронычу говорю... куда жъ... всѣ мы въ этой „малости“ повинны. Обчій, можно сказать, нашъ грѣхъ. Какъ чуть до дѣла, такъ али совсѣмъ никакого дѣла не сдѣлаемъ, али сдѣлаемъ, да полдѣла. А потомъ оно и выдетъ...

— Сбилъ-сколотилъ, ахъ колесо!.. — со смѣхомъ прерываетъ Терентича одинъ изъ молодыхъ. — Сѣлъ да поѣхалъ, ахъ хорошо!

— Вотъ, вотъ! — съ добродушной улыбкой соглашается Терентичъ. — Правильно, кормилецъ!

Но мягкость Алешки ненадолго. Зло, точно онъ ненавидитъ даже невоодушевленныя вещи, онъ вертитъ въ рукахъ части насоса такъ грубо, удаляя съ нихъ грязь, что у стариковъ является опасеніе, какъ бы онъ не сокрушилъ ихъ злосчастную „машину“ окончательно; и они боязливо посматриваютъ на него, не рѣшаясь напомнить ему объ осторожности съ „мірскимъ достояніемъ.“

Но грубость Алешкиныхъ рукъ только кажущаяся: работа идетъ въ его рукахъ быстро, безъ запинки, части насоса точно понимаютъ, что въ такихъ рукахъ не заупрямишься и, вычищенныя, блестяшія, покорно и ладно сразу водворяются на свои мѣста. Вотъ ужъ готова почти вся машина, остается только наложить на поршни кожу, чѣмъ Алешка и занятъ.

Старики видятъ, что ремонтъ „мірского достоянія“

болѣе, чѣмъ благополучно, близится къ концу и умиляются:

— Эхъ, Лексѣй Михалычъ, да и руки жъ у тебя: золотыя!

— Нда... Съ такими руками на свѣтѣ не пропадешь!

Но Алешку на похвалы не купишь. Онъ хмурится, пропускаетъ слова стариковъ мимо ушей и спрашиваетъ меня.

— А скажи, пожалуйста, не знаешь ли, съ какихъ поръ Россія нашей несчастной сохой землю ковыряетъ?

Я говорю, что если вѣрить былинамъ, то соха уже фигурировала во времена Микулы Селяниновича.

— Такъ... такъ... — бормочетъ Алешка, не отрываясь отъ вырѣзки изъ кожи тонкаго ремня. — Это, кажется, на картинкахъ есть? Борозду этотъ Микула вокругъ города Кіева провелъ? Онъ?

— Да, онъ, — отвѣчаю.

— А сколько тому сотъ лѣтъ.

— Да ужъ больше, кажется, пятисотъ минуло.

— Больше пятисотъ? — и Алешка злобно отшвыриваетъ кожу въ сторону, оставляя вырѣзку ремня недоконченной. — Чортъ знаетъ что! А до этого Микулы, сколько этой сохой дѣйствовали, не знаешь?

Отвѣчаю, что не знаю.

— Не знаешь? Можно, пожалуй, полагать, что соха была лѣтъ за пятьсотъ, а то и за всю тыщу до этого Микулы? Какъ думаешь?

Тонъ у Алешки рѣжущій, гнѣвно-напряженный, отъ котораго бѣдные старики жмутся, точно отъ удара кнутомъ.

Мнѣ ихъ жалко, и сухо я говорю:

— Полагать, Алексѣй, можно все.

Алешка смотритъ на меня искоса, и глаза у него бѣшеные, точно у закусившей удила лошади. Кажется мнѣ еще, что Алешка презираетъ меня въ этотъ моментъ, какъ полное ничтожество.

— Жалко мнѣ Петра Великаго! — вырывается какъ-то особенно страшно-холодно и ожесточенно у Алешки. — Вотъ кому бы Богъ далъ тыщу лѣтъ жить. Вотъ это раб-ботникъ! Онъ бы за тыщу лѣтъ дѣловъ наворотилъ уйму; у него бы всѣ эти лежебоки да курослѣпы заплясали не такъ. Подумать ужасно: тыщу, а, можетъ быть, полторы тыщи лѣтъ живемъ и все ни съ мѣста, все той же сохой землю гладимъ! Есть плуги обыкновенные, нашего издѣлія, есть плуги аме-

риканскіе, они тебѣ землю-то перевернутъ, если нужно, на полтора аршина, а намъ все это ни къ чему, мы сошкой нагладимъ землицу „малость“, вершка на два и ладно, живетъ, молъ, и такъ! Вотъ Петръ Великій-то поучилъ бы. Ты сошкой, когда можно плугомъ, вотъ за сошку-то и получай: дубиной, плетями! Учись, глупая башка, работай, работай не какъ-нибудь, ни шаляй-валяй, не черезъ пень-колоду, а по-настоящему, по-божески, ты не только горбомъ вороти, какъ дуракъ, а и мозгами пошевеливай, зачѣмъ соха, если плугъ лучше? Зачѣмъ спину съ серпами ломать, когда есть жнейки? Зачѣмъ этими дурацкими цѣпами махать, когда есть молотилка? А если не хочешь, цѣпами этими дурацкими, тебя по глупой головѣ: учись работать, учись! — Алешка хрипитъ, задыхается. — Нѣтъ, понять невозможно, тыщи лѣтъ живемъ, а все, какъ въ царствѣ Ивана-дурака, цѣпомъ да сошкой дѣйствуемъ! Жалко Петра, онъ бы выучилъ, онъ бы образовалъ, какъ надо по-настоящему работать!

Алешка на секунду замолкаетъ, переводитъ духъ и ядовито продомжаетъ.

— А то есть еще иного сорта дураки... Въ стихахъ тамъ складываютъ, сочиняютъ, сошка-матушка, кормилица... Не помню хорошенько какъ, потому, къ чему глупость помнить? Взять бы да и выдрать всѣхъ такихъ сочинителей: не глупи, молъ, еще больше глупаго, не глупи! Эхъ, да что говорить? Противно! Лежебокъ на лежебокѣ, курослѣпъ на курослѣпѣ!

О „сочинителяхъ“, это ужъ по-моему адресу, ибо Алешка въ это время смотритъ на меня весьма недвусмысленно. Что съ точки зрѣнія Алешки, какъ моя дѣятельность, такъ и вообще литературная, никчемны, это ужъ
Когда я привезъ три года назадъ его
насколько радостно принялъ эти книги (
лодно сынъ. Съ дѣтской, смѣшной горд
бѣжалъ съ книгами къ священнику и къ [illegible] и, захлебываясь отъ радости, говорилъ тамъ: — „Книги написалъ? А? Вотъ это поддержитъ нашу фамилію!“ Прибѣжалъ оттуда и вертѣлъ книги въ рукахъ весь остатокъ дня, а когда наступила ночь, уединился въ клѣтушку и читалъ ихъ до утра; а утромъ, съ помятымъ отъ безсонной ночи видомъ безъ конца готовъ былъ требовать у меня разъясненій по поводу прочитаннаго и при этомъ говоритъ страшно много и возбужденно и все время стоя. А Алешка сидѣлъ, слу-

шалъ хмуро и взглядъ его на отца становился все непріязненнѣе. Наконецъ, онъ не выдержалъ и сказалъ отцу прежде осторожно, хотя и съ ѣдкой насмѣшкой, облеченной въ шутливую форму:

— Да ты хоть сядь. Что ты все волчкомъ крутишься? Говоришь о „правдѣ“, а забываешь, что ученые люди-то говорятъ, что въ ногахъ правды нѣтъ!

Отецъ какъ будто не слышалъ. Алешка помолчалъ и потомъ произнесъ уже съ нескрываемой досадой:

— Папенька, да ты сядешь что ли? Вотъ балаганъ-то, ей-Богу!

Отецъ откликнулся, какъ отъ назойливой мухи, и отвѣтилъ то же съ досадой:

— Да оставь! Чего лѣзешь не въ свое дѣло? Это не по твоей части.

— Не по моей? — Алешка всталъ со скамьи, и его смуглое лицо потемнѣло, какъ чугунъ. — По моей, папенька, части или нѣтъ — объ этомъ я говорить не буду. Я тебѣ скажу только одно: что ты носишься съ книжками, какъ косоротый, когда ему игрушку подарятъ? Обидно: ты ужъ не маленькій! Эка подумаешь, какая наука ему попалась, — и Алешка, сильно хлопнувъ дверью, вышелъ изъ избы.

Отецъ былъ ошеломленъ. И не могу я передать тѣхъ чувствъ, которыя его охватили: было и бѣшенство, и стыдъ, и растерянное смущеніе, и еще что-то болѣе сложное, запутанное. „Косоротый“, по имени Санька, десятилѣтній сынъ Михаилъ, больной со дня рожденія, съ вѣчно почему-то гноящимися ушами и перекошеннымъ ртомъ, что ему придавало видъ полуидіота, каковымъ онъ на самомъ дѣлѣ и былъ, сидѣлъ тутъ же, за столомъ и жадно уписывалъ горячіе ватрушки. Михаилъ подошелъ къ нему, погладилъ жалостливо его по головѣ и со слабой, вымученной улыбкой сказалъ:

— Вотъ, Санекъ, слышалъ, какъ насъ съ тобой Алешка-то отчистилъ!

Санекъ пробормоталъ:

— Дуракъ онъ, папенька! — и продолжалъ убирать за щеки ватрушки.

— Знаешь, — обернулся ужъ ко мнѣ Михаилъ. — Сдѣлай для меня милость, не обижайся на него. Насчетъ любого дѣла — парень на всѣ руки, а насчетъ чего другого — дуракъ-дуракомъ! Для меня книжка хорошая — все, а для него — слышишь? Балаганъ!

— Я не обижаюсь, — сказалъ я Михаилу, — И не ду-

ракъ онъ. Просто онъ изъ другой глины, чѣмъ мы съ тобой.

— Изъ другой, изъ другой, вотъ вѣрно! — подхватилъ радостно Михаилъ. — И даже не изъ глины, а кажется мнѣ иной разъ, что кожа да мясо на немъ — это такъ... для видимости, а по-настоящему-то онъ — изъ желѣза: жесткій, холодный, а ударь — искры сыплетъ. И силенъ, чортъ знаетъ, до чего! Онъ тутъ у меня разъ пьяненькій, зашебаршилъ, сильно, ну, я и рѣшилъ его поучить. Такъ что жъ ты думаешь: мальчишкѣ 18 лѣтъ только минуло, а едва-едва я его осилилъ. А теперь ужъ на него лѣзть и думать нечего, въ дугу согнетъ! Такъ, значитъ, не сердишься?

Я еще разъ подтвердилъ, что и не думалъ сердиться. Тогда Михаилъ какъ-то робко, стыдливо сунулъ мои книги на полку и, заявивъ, что онъ пойдетъ „немного провѣтриться“, ушелъ-куда-то.

Я понялъ, что Михаилъ сильно разстроенъ, ибо въ такихъ случаяхъ онъ всегда уходилъ „немного провѣтриться“ и всегда возвращался какимъ-то особенно кроткимъ, примиреннымъ, печальнымъ, какъ умный, забитый ребенокъ, но... едва держащимся отъ хмѣля на ногахъ!

А черезъ полчаса вернулся Алешка и, какъ ни въ чемъ не бывало, молча разыскалъ мои книги, повертѣлъ ихъ пренебрежительно въ рукахъ и принялся меня допрашивать:

— Сколько же у тебя такихъ книгъ?

— Много. Нѣсколько тысячъ.

— Сколько же тебѣ стоило ихъ напечатать?

— Мнѣ? Мнѣ — ничего.

И я объяснилъ ему, что у меня есть издатель, который издалъ эти книги и съ котораго я за это получаю.

— Вотъ ка-акъ! — удивленно протянулъ онъ. — Но... какой же дуракъ находится бросать на это деньги?

И еще я объяснилъ ему, что деньги, потраченныя издателемъ на книги, возвращаются къ нему съ прибылью, такъ какъ книжки покупаютъ въ магазинахъ.

— Покупаютъ? А для чего это нужно? Время по пусту убить. Ну, я понимаю, купить руководство по сельскому хозяйству, выписать какой-нибудь каталогъ по машинной части, а такая трата, на какую-то книжицу, для чего?

.... Я тогда не сталъ ему объяснять, для чего покупаются „книжицы“, какъ не нашелъ нужнымъ отвѣчать на его выпадъ противъ меня вкупѣ съ „сочинителями“, и теперь я

ограничился только тѣмъ, что пересѣлъ отъ него подальше, рядомъ съ Терентичемъ. И Терентичъ сейчасъ же зашепталъ мнѣ на ухо:

— Эхъ, да и зубастъ Алексѣй-то. Работникъ — первый сортъ. Какъ пріѣдетъ къ отцу на помогу, такъ, Боже жъ ты мой, что только раздѣлываетъ! Косить ли, пахать ли, сѣять ли — всякая работа у него изъ-подъ рукъ, какъ охвосье, летитъ; а больше всего пахать, прямо парень въ землю вгрызется. Говорить на міру, тоже нужно правду сказать, худого не говоритъ, все хорошее, все къ дѣлу, все всѣмъ, если бъ по его-то дѣлать, пошло на пользу. Однимъ словомъ, парень со всѣхъ сторонъ молодчина, а мы вотъ тутъ, старики, боимся его... Силу на міру забираетъ большую...

— Да чего же бояться, если худого ничего не замѣчаете? — сказалъ я Терентичу.

— А и сами, кормилецъ, не знаемъ, чего боимся. Заладили всѣ наши старики, что какъ заберетъ онъ полную силу, такъ заѣздитъ всѣхъ, замузычитъ...

— Да чѣмъ же онъ васъ можетъ заѣздить?

— Да не знаю, кормилецъ, чѣмъ, не знаю. А ужъ заѣздитъ. Ужъ это такъ; всѣ старики такъ рѣшили, — и Терентичъ тихо, съ недоумѣніемъ покачиваетъ головой.

А Алешка, давъ короткую передышку старикамъ выпадомъ противъ меня и вообще противъ всѣхъ „сочинителей“, опять принялся за стариковъ. Они краснѣли, блѣднѣли и сокрушенно посматривали, какъ къ стойкѣ подходили все новыя и новыя лица и какъ изъ этихъ вновь прибывшихъ лицъ сравнительно мало становятся на ихъ сторону: больше становятся на сторону „молодыхъ стариковъ“, изъ которыхъ самый молодой — Алешка. Онъ же для нихъ и самый страшный противникъ. И насколько страшный, объ этомъ можно было судить по ихъ тактикѣ. Зналъ я по прежнимъ годамъ, когда еще съ ними воевалъ отецъ Алешки, Михаилъ и его сторонники, всѣ уже зрѣлые по лѣтамъ, до какой степени эти старики щетинисты: бывало Михаилу и его единомышленникамъ слова не дадутъ выговорить и не уступятъ, не накричавшись до хрипоты, ни одной пяди своего положенія и вліянія.

Теперь же они всѣ помалкивали: кто съ самымъ невиннымъ видомъ, что все то, что говоритъ Алешка, до нихъ не касается ни прямо, ни косвенно; кто съ коварнымъ одобреніемъ, что все то, что говорится, все прекрасно и пріемлемо

настолько, что тутъ ни возражать, ни добавлять ничего не приходится; кто съ ехидной улыбкой: юнъ, молъ, еще пусть поговоритъ, — поговоритъ-поговоритъ да и устанетъ; но самое забавное это — съ видомъ величайшаго благородства, которое не желаетъ унижать себя оправданіями потому, что возводимыя на нихъ обвиненія уже слишкомъ несправедливы: почетнѣе, молъ, въ иныхъ случаяхъ остаться все до конца претерпѣвшей жертвой, чѣмъ быть побѣдителемъ!

И все это всѣ эти сѣрые и корявые старики, согнутые трудомъ, темнотой и остальными условіями своей деревенской жизни, кажется, ужъ до того, что больше и согнуть нельзя, разыгрывали свои роли не грубо, не аляповато, а какъ тонкіе актеры и психологи. Они были бы чрезвычайно довольны, если бы единомышленники Алешки не молчали, а и, въ свою очередь, выступили бы противъ нихъ, тогда бы старики охотно заговорили и сумѣли бы, какъ болѣе слабыхъ противниковъ, если не перетянуть сразу на свою сторону, то хоть на время сбить съ толку, запутать.

Но всѣ единомышленники Алешки молчали, слушали его жадно и посматривали на стариковъ злорадно: намъ, молъ, въ разговоръ ввязываться съ вами не слѣдъ, лучше Алешки все равно ничего не скажешь: одинъ всѣхъ васъ раздѣлаетъ подъ орѣхъ!

И это злорадное молчаніе пугало стариковъ болѣе всего. Видѣли они также и то, что молчать имъ до конца нельзя, и стали шопотомъ совѣтоваться, кого имъ противъ Алешки выставить. И когда скромно, какъ будто просто перемѣнилъ безъ всякой цѣли мѣсто, выдвинулся изъ кучки стариковъ на передній планъ Федоръ Савеличъ — я понялъ, что старики рѣшили дать, если не послѣднее, такъ все-таки генеральное сраженіе. Этотъ старикъ былъ самой крупной у нихъ силой.

Выступалъ онъ рѣдко — только въ случаяхъ чрезвычайной важности, — и рѣдко проигрывая. Средняго роста, сухонькій, сильно сгорбленный, съ такъ обманчиво прищуренными глазами, точно онъ очень плохо видитъ, съ лицомъ усталымъ, на которомъ, кромѣ примиренія съ своей тяжелой долей да еще желанія поскорѣе дотянуть свои дни, не было какъ будто ничего; казался этотъ Федоръ Савеличъ самымъ обыкновеннымъ деревенскимъ старичкомъ, какихъ много: жилъ сѣро, мыслилъ мелко, никому и ничѣмъ не былъ дорогъ, умретъ — всѣми скоро забудется.

Но это к а ж у щ е е с я далеко не соотвѣтствовало дѣйствительности. Тоже внѣшне этотъ Федоръ Савеличъ былъ обманчивъ: сгорбленъ какъ будто ужъ прочно, а когда нужно, станъ его могъ распрямляться съ гибкостью юноши; казался старикомъ съ уже угасающимъ зрѣніемъ, а на самомъ дѣлѣ обладалъ зоркостью рыси: лѣта его — за 60, а онъ знакомое лицо могъ отличить болѣе, чѣмъ за версту.

И что только въ его внѣшности даже на первый взглядъ было внушительно, такъ это большая прекрасная борода и пышные волосы, курчавящіеся, какъ у молодого, а между тѣмъ и борода и волосы были бѣлы, какъ снѣгъ: отъ этой сѣдины вѣяло силой библейскихъ фигуръ.

И не мала еще, должно быть, была его власть надъ мужиками даже изъ тѣхъ, которые уже находились во враждебномъ лагерѣ; слова еще Федоръ Савеличъ не сказалъ, только выступилъ впередъ, а партія Алешки уже поколебалась: сразу согнала съ себя свою самоувѣренность передъ стариками и посматривали на Алешку съ вдругъ вспыхнувшимъ опасеніемъ, какъ будто говорящимъ: парень-то зубастъ, что и говорить, въ карманъ за словомъ не полѣзетъ, но передъ такимъ старикомъ, какъ Федоръ Савеличъ, пожалуй, и сдастъ!

А въ партіи Алешки были такіе мужики, какъ Трофимъ. Нисколько не сробѣлъ одинъ Алешка. Даже больше: казалось, что онъ этого ждалъ и заранѣе торжествуетъ, какъ онъ раздавитъ этого умнаго старика передъ всѣмъ „міромъ“. Непріятно и жутко было смотрѣть на него; взглянулъ мелькомъ на Федора Савелича, и глаза заблестѣли тяжелымъ зеленымъ змѣинымъ блескомъ, зубы какъ будто стиснулись отъ ненависти еще сильнѣе, смуглое лицо потемнѣло и стало почти черное, похожее на голенища его сапогъ, но самое непріятное и жуткое было въ его фигурѣ: какъ будто все его тѣло сразу уплотнилось до степени металла и немного осѣлось внизъ отъ внезапной тяжести; а, осѣвъ, приняло уже характеръ гнетущей незыблемости.

А напротивъ, Федоръ Савеличъ — сухонькій, невидный старичекъ, и отъ того, что противъ этого старичка какъ будто монументъ — старичекъ уже чудесный: кажется чѣмъ-то воздушнымъ, безконечно живымъ и текучимъ. И еще не зная, что скажетъ этотъ старикъ, хотѣлось заранѣе отдать ему свое довѣріе, ибо старикъ — весь какъ будто радость, свѣтъ, а молодой парень — давящая, пугающая тьма.

Но первыя слова старика — и привлекательная иллюзія исчезла.

Я помнилъ, какъ лѣтъ пять назадъ этотъ Федоръ Савеличъ въ спорахъ съ отцомъ Алешки, Михаиломъ, держался тона крайне грубаго, вызывающаго, не стѣсняясь часто намекать почтенному 40-лѣтнему мужику, что онъ еще „молодъ да зеленъ, какъ гусиное . . . на водѣ“.

Теперь Федоръ Савеличъ взялъ совсѣмъ иной тонъ. Выбравъ подходящій моментъ, онъ выступилъ противъ Алешки такъ мягко, ласково, льстиво — ясно было, что этотъ сѣдой старикъ дѣйствуетъ съ хитрымъ расчетомъ: прежде умилостивить, задобрить жестокаго молодого парня, а потомъ ужъ сбить его съ его непримиримой позиціи.

— Ты вотъ тутъ, Лексѣй Михалычъ, больно круто насъ стариковъ, обидѣлъ, — залился онъ сладенькимъ голоскомъ, — лежебоками да куруслѣпами всѣхъ насъ назвалъ! Что и говорить: правды ты много сказалъ. А въ такомъ дѣлѣ знаешь что: за правду не судись, скинь шапку, да поклонись! Мы вотъ, старики, за это и кланяемся тебѣ въ поясъ; не смотримъ, что ты такъ молодъ, что, молъ, непристойно намъ передъ молокососомъ спину гнуть. А почему такъ, Лексѣй Михалычъ? А потому что понимаемъ, что не всякой сѣдой бородѣ — почетъ! Ты вотъ у насъ одинъ такой изъ молодыхъ да ранній; не покривимъ душой: на нашей памяти такого дѣляги на всѣ руки, какъ ты, мы еще не видали. Ну, а все-таки, Лексѣй Михалычъ, не въ обиду будь сказано, дугу-то ты все-таки перегнулъ маленечко. Отъ своихъ грѣховъ отпираться — самое послѣднее дѣло. Мы, старики, и не отпираемся: грѣшны, Лексѣй Михалычъ, грѣшны. Не такъ, не съ злымъ умысломъ, а какъ Спаситель говорилъ: прости намъ вольные и невольные... Невольно-то вотъ иногда и грѣшили противъ міра. А чтобы съ злымъ умысломъ — этого за нами, за стариками, никогда не водилось: какъ разумѣли — такъ и дѣлали. Бывали промашки, а у кого ихъ не бываетъ? Безъ промашекъ Одинъ только есть — Господь Богъ! Мы не хвастаемъ, что мы, молъ, хороши; до хорошихъ-то намъ еще далеко. Быть можетъ, вы, молодые, дѣти наши, будете лучше — дай Богъ. А мы какъ разумѣли, такъ и жили; жили и помнили, что жить — Богу служить Вотъ тутъ-то, Лексѣй Михалычъ, ты дугу-то и перегнулъ. Говоришь на насъ — лежебоки! А отчего у насъ горбы выросли? Говоришь — куруслѣпы! А о томъ забываешь, что

всей нашей горькой дороженьки видѣть не могъ: тебя, Лексѣй Михалычъ, еще на свѣтѣ не было, когда насъ въ бараній рогъ вотъ какъ гнули — не приведи Богъ лютому татарину. Бывало только помыслимъ какую-нибудь пользу обществу принесть, такъ за одно за это насъ въ розги да въ кутузку. Горько жили, а все же о пользѣ обществу не забывали. И теперь, слава Богу, не забываемъ, а если подѣлать многаго не можемъ — не наша вина! Самъ посуди, Лексѣй Михалычъ, какъ тутъ пользу приносить, если тебѣ на каждомъ шагу подножка?

И началъ излагать Федоръ Савеличъ отъ имени стариковъ, что они прекрасно понимаютъ, что нужно „обществу“: нужны школы, больницы, агрономы, сельско-хозяйственныя машины и даже „корпорація“ — многое нужно, да только вотъ бѣда...

И долго перечисляетъ эти „бѣды“ Федоръ Савеличъ. Тутъ и „усмотрѣніе“ начальства, тормозящее всякое живое начинаніе, и неурожайные годы, а если и урожайные — такъ ликвидація неурожайнаго года да тяжесть податей весь урожай „съѣдятъ“, и противодѣйствіе кулаковъ и помѣщика, у котораго почти вся деревня, за исключеніемъ нѣсколькихъ дворовъ, по своему малоземелью, въ кабалѣ „исполу“.

И ко всѣмъ этимъ бѣдамъ Федоръ Савеличъ тянулъ одинъ припѣвъ: „Трудно подняться!“

Федоръ Савеличъ несуществовавшихъ бѣдъ не придумывалъ; онъ правдиво излагалъ, что было и что есть, все, что существовало и существуетъ, и излагалъ безъ излишнихъ прикрасъ, ибо и безъ этихъ прикрасъ ясно было, что „подняться“ дѣйствительно трудно; такъ трудно, что нужны силы почти нечеловѣческія, чтобы „подняться“.

Въ этомъ Федоръ Савеличъ успѣлъ убѣдить вполнѣ всѣхъ: и меня, и единомышленниковъ Алешки, которые подъ конецъ рѣчи Федора Савелича то-и-дѣло прерывали его одобрительными возгласами:

— Это вѣрно!

— Противъ этого что жъ скажешь?

— Силенъ нашъ рыжій — противъ него не попрешь! — и т. д.

Что старики признаютъ нужность школъ, больницъ, агрономовъ, въ этомъ я тоже не сомнѣвался, такъ какъ зналъ, что время въ послѣднее десятилѣтіе заставило ихъ понять необходимость этихъ нововведеній; въ „корпораціи“ же я

усомнился. Въ 906 году Михаилъ много говорилъ о пользѣ кооперації въ деревнѣ, и никто его такъ язвительно за это не высмѣивалъ, какъ Федоръ Савеличъ. И подумалось, что „корпорацію“ онъ пустилъ лишь для краснаго словца.

Не убѣдилъ Федоръ Савеличъ только Алешку. Казалось, наоборотъ, возстановилъ Алешку противъ стариковъ еще больше. Что нельзя также смягчить Алешку никакой, даже хотя бы самой тонкой, лестью, это тоже было слишкомъ очевидно: въ то время, когда убѣленный сѣдинами старикъ говорилъ ему комплиментъ, на лицѣ Алешки, кромѣ холодной презрительной скуки, ничего не было. И съ этой же скукой уже въ голосѣ, когда Федоръ Савеличъ кончилъ, Алешка спросилъ:

— Все? Только? Еще ничего не распишешь? — и немного помолчавъ, точно подумалъ стоитъ ли еще говорить и, рѣшивъ, что стоитъ, съ холодной злой, усмѣшкой добавилъ: — да только что-нибудь поновѣе. А ни эту труху. Это-то мы отъ васъ давно слышали. А по правилу если — обо всемъ этомъ вамъ и говорить бы не надо: мы и безъ васъ это видимъ не меньше!...

И тутъ-то вотъ обманчивая внѣшность Федора Савелича начала только раскрываться. Онъ какъ будто потянулся и сгорбленности его какъ и не бывало: стоялъ старикъ съ удивительнымъ для его лѣтъ юношески прямымъ и гибкимъ станомъ; онъ на мигъ закрылъ какъ будто утомленно свои якобы плохо видящіе сильно прищуренные глаза и, когда ихъ открылъ, изъ глубокихъ глазныхъ впадинъ ярко заблестѣли большіе широко-открытые черные глаза, зоркіе и таинственные, какъ у хищныхъ птицъ.

И только эти глаза были способны выдерживать тяжесть взгляда Алешкиныхъ глазъ. Остальные, — разумѣю здѣсь и себя, и отца Алешки, Михаила, и всѣхъ мужиковъ деревни — никто не могъ вынести тяжести этого взгляда, какъ никто не могъ объяснить — почему именно? Просто говорили, что и непріятно почему-то и силъ не хватаетъ прямо смотрѣть въ глаза Алешки, хотя бы при этомъ взаимныя отношенія были самыя миролюбивыя. И это вѣрно: то же самое чувствовалъ и я. Для меня было очевидно, что Алешка только осуждаетъ, да и то крайне сдержанно, мою литературную дѣятельность, находя, должно быть, что это — не дѣло, а во всемъ остальномъ его отношеніе ко мнѣ было не ихъ плохихъ; и на его невнимательность къ себѣ я не могъ пожаловаться ни въ

чемъ. Онъ былъ ко мнѣ предупредителенъ, никогда не отказывалъ ни въ какой услугѣ, при разговорахъ часто одобрительно соглашался со мною и все-таки я не могъ продолжительное время выносить его взгляда, когда наши взгляды сталкивались — даже тогда, когда мнѣ казалось, что въ его отношеніяхъ ко мнѣ есть какъ будто что-то дружеское. Просто становилось тяжело выносить его взглядъ — почти всегда лихорадочно блестящій, страшно напряженный, точно въ глубинѣ его духа безостановочно шла какая-то огромная, трудная работа; подавляла какая-то сила — суровая, властная, требовательная, но во имя чего эта сила требовательна — этого я хорошо не зналъ да и узнать по скрытности Алешки не могъ, а потому относился къ Алешкѣ крайне осторожно.

... И когда съ глазами Алешки скрестились преобразившіеся глаза Федора Савелича, единственнаго человѣка изъ всей деревни, который не опускаетъ главъ долу передъ взглядомъ диковиннаго парня, у меня дыханіе захватило отъ той жути и той безгласной глубины, какая въ мигъ создалась около этихъ двухъ людей: стараго и молодого!

Про мужиковъ, конечно, и говорить нечего. Ихъ захватило еще болѣе, чѣмъ меня: они такъ и замерли. Ибо эти два противника были для меня лицами, которыхъ я послѣзавтра ужъ не вижу надолго, а, можетъ быть, и навсегда, лицами, представляющими для меня огромный интересъ, но не могущими въ силу разнородности нашихъ положеній быть центральными фигурами въ моей жизни, для мужиковъ же эти два противника олицетворяли всю ихъ жизнь.

Напряженность взаимно отрицающихъ другъ друга противниковъ была огромна, и ясно было, что болѣе слабый долженъ сейчасъ же сдаться, то есть отвести глаза отъ этого страшнаго своей безмолвностью зрительнаго поединка. Но ни тотъ, ни другой глазъ не отводили; наоборотъ, они молча, какъ будто, нащупывали наиболѣе уязвимыя мѣста другъ друга, чтобы ударить по этимъ мѣстамъ потомъ безпощадно.

И было уже понятно, что столкнулись двѣ силы большія, и борьба между ними будетъ длительна.

Первымъ заговорилъ — и было видно, что онъ глубоко уязвленъ — Федоръ Савеличъ:

— Такъ, Лексѣй Михайлычъ, такъ... За прямоту твою — спасибо. По крайности, знаешь, съ кѣмъ имѣешь дѣло. Вотъ и спасибо тебѣ за то, что мы — лежебоки, курослѣпы и что рѣчи — на манеръ трухи! Что жъ... правда, Лексѣй Миха-

лычъ, не рѣчистъ... Такъ правду умные люди насъ въ старину понимать учили. Теперь мы вотъ, старики, и думаемъ все то же: правда нерѣчиста! Можетъ, тутъ есть наша ошибочка, если вы, молодые, нашу правду за труху считаете? Если такъ — такъ вотъ ткните-ка насъ, старыхъ дураковъ, носомъ въ вашу правду — въ рѣчистую! А мы ее понюхаемъ, чѣмъ она пахнетъ: трухой, или чѣмъ инымъ. Ну-ка, сдѣлайте намъ милость!

Лицо Алешки было все такъ же черно, какъ голенища его сапогъ; на лбу его выпятилась набухшая жила.

— А потому и труха въ твоихъ рѣчахъ, Федоръ Савеличъ, что правды-то настоящей въ нихъ нѣтъ! — хмуро и горячо бросилъ Алешка. — Зачѣмъ говоришь, что „правда не рѣчиста“? Правду красить не къ чему: отъ этого хуже будетъ. Вотъ и хочу сказать: правды-то ты не сказалъ потому, что ходилъ вокругъ нея да около... Это „неправда“, что помѣщики, кулаки и прочіе тамъ міроѣды, что урядники, старшины, становые и прочее тамъ начальство — во всемъ намъ ножку подставляютъ: на то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ! Такая „правда“-то намъ ужъ пріѣлась до оскомины. О ней ужъ говорить противно...

— Какъ про-тивно? Что ты — въ своемъ ли умѣ? — удивленно воскликнулъ Федоръ Савеличъ. — Тутъ тебѣ отъ этой напасти ни вздохнуть — ни пикнуть, а онъ — „говорить противно“!

— Такъ и противно. Отъ разговоровъ пользы не бываетъ. Надо такъ: говори поменьше, а думай, какъ бы эти ножки обойти, побольше. Вотъ остолопы!... Выдумали, эка, какую новую правду: „жидка, молъ, слеза, да ѣдка!“ И повторяютъ, чортъ знаетъ, сколько лѣтъ: отъ прадѣдовъ — дѣды, отъ дѣдовъ — отцы, отъ отцовъ — дѣтямъ. Тутъ тебѣ въ этой дурацкой слезѣ все оправданіе!... Потому, молъ, и плохо живемъ, что эта „слеза“ заѣла. Мало пороли тѣхъ старыхъ дураковъ, которые такую „правду“ выдумали: пороть бы больше, можетъ, что-нибудь и подѣльнѣе бы выдумали бы. Сотни лѣтъ плачемся, а того не подумаемъ, что никому наша слеза не нужна, да и непонятна: одни надъ ней посмѣются, а другіе и того хуже — наплюютъ. Эхъ, дубье стоеросовое!... И всего-то капельку ума нужно, чтобы дождаться, что всѣмъ этимъ помѣщикамъ и прочимъ хвостамъ и прихвостнямъ наши слезы ни къ чему! всякъ изъ нихъ, что „слеза — жидка, да ѣдка“ только про себя понимаетъ.

А чужая слеза для нихъ — потѣха одна. Бьютъ тебя, ни вздохнуть ни пикнуть не даютъ, такъ ты зубы покажи, глядишь, бить-то перестанутъ. А мы, несчастные остолопы, только и дѣлали: распустилъ слюни да нюни — ахъ, молъ, помилуютъ! — а насъ еще пуще по за гривку... Такъ и слѣдуетъ! Правильно! Не нюнь, не распускай слюней, не показывай, что только тебя на то и хватаетъ, чтобы одной дурацкой слезой обороняться. Хорошо сказано, лучше и сказать нельзя: „Москва слезамъ не вѣритъ!“ Вотъ это надо на усъ себѣ хорошенько намотать...

Пока Алешка говорилъ, его единомышленники одобрительно крякали, чесали затылки и вновь возвращали себѣ пренебрежительную самоувѣренность передъ стариками. А старики, видя, что Федоръ Савеличъ молчитъ какъ будто смущенно, растерянно, когда Алешка кончилъ, взволновались необычайно.

— Савеличъ, Савеличъ, да ты что жъ въ ротъ воды набралъ! — закричали они. — Что, али и ты ужъ не отчитаешь молодчика! Это что вѣдь это развратъ, поношеніе невиданное! — Такъ, старики почтенные, вѣрно: уму немысленно, что говоритъ. Ушамъ не вѣришь! Такъ правильно! Кто говоритъ: молокососъ, желторотецъ. И разъ отъ разу все хуже. Ужъ терпѣнья никакого нѣтъ!

Федоръ Савеличъ снялъ шапку, тряхнулъ головой, отчего его густые сѣдые волосы блеснули пышной серебряной короной, и раздраженно сказалъ старикамъ:

— Что вы раскудахтались, какъ клухи? Помолчите до поры до времячка.

И обратился къ Алешкѣ уже тономъ грубымъ, вызывающимъ:

— Вотъ что, молодчикъ! Ты намъ эти рацеи-то не расписывай: мы ихъ получше тебя знаемъ. Ты мамкины да тятькины подошвы мало еще на свѣтѣ поносилъ; а мы ихъ ужъ оченно достаточно побили: крѣпче тебѣ всякой лошадиной кожи! А, значитъ, и повидали всего прочаго побольше тебя. Нѣтъ, ты не отвиливай въ стороны: держи отвѣтъ поближе къ дѣлу: какіе мы такіе лежебоки, если горбы имѣемъ, какіе курослѣпы, если тово... видимъ-то далеко, дай Богъ вамъ, молодымъ, такъ видѣть, да взять не можемъ: руки-то у насъ все окорачиваютъ. Ну-ка, Алеха, ну-ка, новый богатырь-поповичъ, скажи ка!

— А и скажу! Ты думаешь — по головкѣ поглажу? —

сказалъ Алешка со страшной, убійственной по своей холодности ироніей.

И отъ этой ироніи партія Алешки дружно и дико, какъ хоръ лѣшихъ, загоготала на всѣ лады.

— Насъ по головкѣ гладить нечего, — высокимъ голосомъ выкрикнулъ Федоръ Савеличъ. — Мы сами себя за свои грѣхи высѣкемъ, а за заслуги сами себя и по головкѣ погладимъ. А вамъ, молокососамъ, себя ни сѣчь, ни гладить не дадимъ: руки еще коротки! У тебя вотъ еще матери-то молоко на губахъ не обсохло, а ты ужъ — купецъ, кузню свою имѣешь, деньгу набиваешь. И возгордился! Самъ, молъ, все осилилъ да обломалъ! Нѣтъ, врешь, Алеха. Стариковъ-то хаешь, и того не подумаешь, что дорожку-то тебѣ расчистилъ твой дѣдушка: по готовенькой-то мы всѣ горазды ходить, и вотъ расчистить-то — это потруднѣе. Почему дворъ у васъ не бѣдный, и землишки, и скотины не мало — кто все сколотилъ? Ты что ль, или отецъ твой? Да ни чуточки! Сѣли на готовое, на дѣдовское-то и давай зубы языкомъ обивать да добрыхъ людей порочить! А того не поразмыслили, что труды-то подняли васъ не ваши. Дѣдъ-то твой, Иванъ Павловъ, дай ему Богъ царства небеснаго, вмѣстѣ съ нами терновники снималъ. Кто на базаръ сотнями возовъ этотъ терновникъ сбывалъ? — Мы! Кто обмозговалъ, чтобы у барыни эти терновники снять по такой цѣнѣ... Курамъ смѣхъ, за какую дешевку мы ее вокругъ пальца обвели! Кто изъ этихъ терновниковъ ягодой все обчество кормилъ — и почти задаромъ: ѣшь не хочу! — Мы! Кто обществу удовольствіе доставлялъ? — Все мы! Господи ты, Боже мой, бывало по веснѣ, когда сады-то распустятся, когда весь терновникъ, какъ Божья невѣста, весь въ бѣломъ цвѣту стоитъ — такъ что въ этихъ садахъ бывало... какія гулянки-то! Все обчество гуляло, никакихъ запретовъ никому не ставили. Приходи, кто хошь, и гуляй въ благодати во славу Божію — вотъ какъ разсуждали мы... правильно, по-Божески! Вотъ какія дѣла-то ломали, мы, старые дураки-то, пока намъ вольготы немного давали. Ну, а вы, орлы молодые, вы что сдѣлали? На нашемъ добрѣ вспухли, да насъ же и честите въ хвостъ и въ гриву. А для обчества у васъ есть что показать? У васъ, у молодыхъ-то? Только и всего, что у Алехи въ городѣ кузня, а у всѣхъ, у другихъ прочихъ, что похвальнаго, новаго? Да ничего. Только и чести, что на нашемъ отцовскомъ добрѣ кое-какъ тянутся. А не будь его, не

позаботься мы — ну, и голяки бы круглые: ни кола тебѣ, ни двора, и за душой пусто. Не оставь Алехѣ съ отцомъ дѣдъ имѣньишка-то — что бы было? Отдалъ бы отецъ Алеху въ городъ въ обученье, если бы мошна не позволила? Въ обученьи-то пять лѣтъ надо болтаться, а прибытка-то отъ парня въ это время никакого. Такъ и выходитъ, что бѣдный-то сынишку въ обученье не отдастъ, а задержитъ при себѣ — все пользы больше на своей работѣ дастъ. Ну, а Алеху отдали — дѣдовская мошна позволила. А теперича онъ про дѣда-то забылъ, а про себя-то помнитъ: я-сто все, молъ, обломалъ, все одинъ осилилъ, вотъ, молъ, я — какой гоголь — смотрите: не чета вамъ, старымъ остолопамъ! Правильно говорю, или нѣтъ? — обратился Федоръ Савеличъ къ партіи Алешки. — Кто покривитъ душой, у кого изъ васъ повернется языкъ сбрехнуть, что только и всего-то въ насъ, въ старикахъ, что мы никуда никудышные? Ну-ка, кто изъ васъ еще отличится, какой изъ васъ новый Алеха-поповичъ выищется!

Захваченные врасплохъ мужики не знали, что сказать; часть изъ нихъ смущенно посматривала на Ѳедора Савельича и бормотала, что „кривить душой“ никто не будетъ, часть нетерпѣливо посматривала на Алешку, словно упрашивая: „Да выручай скорѣе!“ А Алешка молчалъ. Уткнулся своимъ тяжелымъ взглядомъ въ Ѳедора Савельича, и нельзя было, хоть отдаленно, предположить, что этотъ взглядъ выражаетъ; но взглядъ былъ ужасенъ: какъ огромная каменная глыба, готовая рухнуть на человѣка.

Изъ всѣхъ мужиковъ не растерялся одинъ только Трофимъ; онъ спокойно и насмѣшливо посмотрѣлъ на Максима Иваныча и сказалъ:

— А это вотъ ужъ у Ѳедора Савелича пересолъ. Чѣмъ хвастаетесь? Только и всего-то за стариками этотъ терновый садъ. Надо полагать, что Алексѣй Михалычъ вамъ этотъ терновый садъ-то распишетъ... Ого, какъ распишетъ!

Показалось, что Ѳедоръ Савеличъ дрогнулъ подъ взглядомъ Алешки — дрогнулъ и отвернулся. А Алешка этого точно только и ждалъ. И никогда я до этого ни отъ одного человѣка не слышалъ такой силы ненависти и такого презрѣнія, какъ отъ этого деревенскаго 22-лѣтняго парня. А говорилъ онъ какъ будто спокойно.

— Терновники вспомнили? Лежебоками и куреслѣпами не хотите себя признать? Какіе же, молъ, лежебоки, если горбы отъ работы? А я говорю: и лежебоки, и куреслѣпы!

Вольно вамъ было горбы наживать, на то добрая ваша воля. Не гнулись бы надъ сошкой-то, не кряхтѣли, не махали бы дурацкими цѣпами, не ломали бы спины съ серпомъ, вотъ бы горбовъ-то и не было. Пять хорошихъ плуговъ, пять жнеекъ, пять молотилокъ на все общество, вотъ и вся ваша несчастная землишка и скоро и хорошо обработана и урожай собранъ: безъ надрыва, безъ кровавыхъ мозолей — какъ у васъ, у остолоповъ, водится! Пять плуговъ, пять жнеекъ, пять молотилокъ, да развѣ это на общество въ тысячу душъ [1]) много?

— А разя мало? — запальчиво отозвался Ѳедоръ Савеличъ. — Гдѣ бы намъ такую уйлу денегъ взять?

— Погоди, ты не торопись. Я скажу — гдѣ! — холодно пообѣщалъ Алешка. — Но нѣтъ, куда намъ, на такую малость не могли сдаться. Воротили сохой, серпомъ да цѣпомъ, какъ медвѣди, знаете, какъ медвѣди, башку о бревна расшибаютъ? А когда зима приходила, такъ опять, какъ медвѣди, въ свою берлогу: завалятся на печь и лежатъ до весны! Что это — не лежебоки? Не дураки? Весной да лѣтомъ по своей глупости весь хрипъ себѣ изломаютъ, а зимой палецъ о палецъ ударить не хотятъ. Какая же, молъ, у насъ работа зимой, никакой работы! А потомъ, молъ, и такъ: лѣтомъ-то у насъ какая страда — каторжная; надо же и отдохнуть! Работы у нихъ нѣтъ? Работы! — Алешка злобно скрипнулъ зубами и сразу горячо зазвучалъ его голосъ. — Раб-боты! Да анаѳема тотъ, кто такъ говоритъ! Работы нѣтъ? Да она вездѣ; куда ты ни глянь — работы этой пропасть. Шагу ни ступишь нигдѣ, чтобы не увидѣть, что работы-то на каждомъ шагу уйма, да только дѣльныхъ рукъ, да дѣльныхъ головъ на нее мало. Работы не оберешься: сдѣлай одну, она тебѣ сейчасъ приведетъ другую! Безъ конца, безъ краю работы на свѣтѣ, а имъ, безмозглымъ головамъ, работы нѣтъ. Подумать страшно: полго да въ году на печи лежатъ и даромъ хлѣбъ жрутъ. Только и свѣтъ въ окошкѣ былъ у нихъ, сады терновные снимали! Выплакали да выклянчили, какъ нищіе, эти сады у какой-то дуры за гроши, да и хвастаются: ума, молъ, палата у насъ, если такое дѣло обломали. А гдѣ теперь эти сады? У васъ? Какія теперь деньги на терновникѣ гребетъ новый помѣщикъ? Слыхали? А? И теперь еще почесы-

---

[1]) Обоего пола, а не только мужскаго, какъ принято считать въ иныхъ деревняхъ.

ваетесь, что „проворонили, молъ!“ За сколько вамъ эта барыня эти сады продавала? Почти задаромъ! А вы и того не хотѣли дать. Чего же вы хотѣли? Форменный грабежъ посреди бѣлаго дня сдѣлать, а потомъ своимъ дѣтямъ хвастаться: вотъ, молъ, какъ мы обвели!

Старики побагровѣли, заволновались, нѣкоторые повскакали, но Алешка всѣхъ осадилъ злымъ окрикомъ:

— Ну, ну, вы не рыпайтесь! Говорю, такъ слушайте рѣчь до конца, какъ я васъ слушаю. Такъ вотъ: гдѣ терновые сады-то? У васъ? По глупости по своей думали, что сады отъ васъ не уйдутъ и, что, кромѣ васъ, еще ловкачей на свѣтѣ нѣтъ. А ловкачъ-то вотъ и нашелся, и гребетъ денежки съ этого сада кучами, а вы вотъ облизывайтесь да почесывайтесь: просмотрѣли, молъ, маленечко, проворонили. Ну, развѣ не курослѣпы? Форменные! А еще обижаетесь. Но сады что? Развѣ у васъ нѣтъ земли, на которую вы плачетесь: непригодна, молъ, ни на что, глина да камень! А какая глина — кирпичъ вышелъ бы первый сортъ. И сколько этой глины, не только бы сами кирпичемъ обстроились, еще бы два большихъ города обстроили. А вы что съ ней дѣлаете? Поговорите о ней въ десять лѣтъ разъ, — хорошъ, молъ, кирпичъ-то былъ бы, а потомъ на десять лѣтъ опять забудете. А камень сѣрый, булыжникъ... Сколько у васъ его, чортова уйма: дна ему, кажется, нѣтъ. Округу имъ въ тридцать верстъ сплошь можно замостить, а вы на своей улицѣ осенью да весной въ грязи съ лошадьми тонете. Это порядокъ? А бѣлаго камня у васъ нѣтъ? Дворцы изъ него можно строить, а онъ у васъ въ землѣ сотни лѣтъ безъ толку лежитъ! Нѣтъ, говорить противно... Прямо уму непостижимо, что за лежебоки, что за курослѣпы! Лѣнтяй на лѣнтяѣ ѣдетъ, лѣнтяемъ погоняетъ. И еще пьяницы! На плуга, на жнейки, на молотилки денегъ нѣтъ, а сколько вы, если считать съ вашихъ дѣдовъ, денегъ пропили? Милліоны! Сколько бы на эти деньги можно было завести машинъ, земли? А все, что заведено и къ чему дѣльная голова и дѣльныя руки приложены, развѣ все то не оправдаетъ себя и прибыли не принесетъ? Ну, прикиньте такую ариѳметику! Что получится? Ума помраченье, богачами бы были, денегъ бы куры не клевали. Ну-ка, прикиньте. Что молчите?

Старики, дѣйствительно, примолкли, ибо вопросъ о глинѣ и камнѣ поднимался въ теченіе лѣтъ пятидесяти не разъ, но съ мѣста такъ и не трогался. Поговорятъ-поговорятъ да и

разойдутся, да еще и пожалуются: „Головы у насъ настоящей нѣтъ. Будь бы голова — богатѣи бы были!“

Видимо и Ѳедоръ Савеличъ не находился, что возразить по поводу терновыхъ садовъ, глины и камня. Все это онъ обошелъ молчаніемъ и отвѣтилъ только на упрекъ въ пьянствѣ, отвѣтилъ мягко, заискивающе:

— Быль молодцу, конешно, не упрекъ. Но все-таки, Лексѣй Михалычъ, не тебѣ бы это говорить, не намъ слушать. Вѣдь, винцо-то и самъ дюже любилъ попивать, когда оно было!

— Ну, любилъ, не отпираюсь! — хмуро сказалъ Алешка. — Да только не такъ, какъ вы, не по-дурацки. Вы послѣдній рубль въ кабакъ тащили, а я, если рубль пропью, такъ пятьдесятъ постараюсь заработать. Не иначе. Я баловаться себѣ много не позволяю. Жру вино, когда хочется, и не говорю, какъ вы, что жру то съ горя, то съ радости. А на слѣдующій день, когда голова съ похмѣлья трещитъ, я не валяюсь, какъ вы, на печи и не охаю, а работаю вдвое больше, да еще себя подстегиваю: „Что, молъ, сукинъ сынъ, пить умѣешь, такъ умѣй же и работать. Умѣй, подлецъ!“ Вотъ какъ я пью.

Переполнилась ли мѣра терпѣнія стариковъ раньше и они ждали только удобнаго случая, чтобы взбунтоваться, или и, въ самомъ дѣлѣ, они въ послѣднихъ словахъ Алешки усмотрѣли самое рѣзкое оскорбленіе, этого нельзя понять. Фактъ тотъ, что они сразу пришли въ страшное возбужденіе, повскакали съ мѣстъ и окружили Алешку съ сердитой бранью, негодованіемъ, засыпая изъ десятковъ устъ его такимъ количествомъ вопросовъ, что, имѣй Алешка не одинъ языкъ, а пять, то и тогда бы физически не смогъ всѣмъ отвѣтить.

И Алешка, очевидно, понялъ это и никому не отвѣчалъ. Стоялъ и, какъ гордый звѣрь, слишкомъ увѣренный въ своей силѣ, смотрѣлъ на стариковъ съ презрѣніемъ и какъ будто выжидалъ, когда же они, наконецъ, немного утихнутъ.

Но они шумѣли все больше. Подобралось ихъ къ этому времени ужъ не мало: человѣкъ до 30-ти. Размахивали руками, стучали о землю посошками и такъ отчаянно шумѣли, что разслышать что-либо, кромѣ бранныхъ словъ, было совершенно невозможно.

Не принимали участія въ этомъ шумѣ только двое: Ѳедоръ Савеличъ да Терентичъ. Первый стоялъ въ сторонѣ и, словно не обращая никакого вниманія на шумъ стариковъ,

о чемъ-то сосредоточенно думалъ, а Терентичъ, наоборотъ, слушалъ и грустно покачивалъ головой.

Не понималъ я тактики и единомышленниковъ Алешки: казалось, что и съ ихъ стороны страсти должны бы разгорѣться, ибо старики по адресу ихъ бранились еще жестче, чѣмъ по адресу Алешки, а они стояли и только довольно посмѣивались, словно имъ говорили пріятныя вещи.

По прошлымъ годамъ было какъ разъ наоборотъ: при всякихъ стычкахъ съ стариками молодые кипятились, а старики слушали и посмѣивались въ бороды. Тогда это было болѣе, чѣмъ понятно: слишкомъ кичливо старики сознавали свою силу. Теперь, какъ оказалось потомъ, перевѣсъ стали брать молодые, но этимъ не кичились, и поэтому я сразу не понялъ, почему они такъ спокойны.

Разъяснилъ мнѣ это Терентичъ. Поманилъ къ себѣ пальцемъ и спросилъ:

— Сильно шумятъ? Понимаешь, кормилецъ, что, али нѣтъ?

Я сказалъ, что ничего не понимаю, кромѣ брани.

Терентичъ улыбается, и отъ этой улыбки всѣ его безчисленныя морщинки около глазъ какъ будто начинаютъ сіять почти нечеловѣческой кротостью и мудростью. Потомъ дѣлаетъ строгое лицо, а говоритъ такъ мягко, тепло, такъ можетъ говорить только глубоко любящая мать своему ребенку.

— Вотъ видишь... Чай какія науки произошелъ — всякія, и нашего брата-мужика, когда онъ говоритъ безъ увертки, отъ чистаго, значитъ, сердца, не понимаешь.

— Да отъ какого же тутъ „чистаго сердца“, если я слышу одну только брань — и брань, по-моему, совершенно безтолковую! — возражаю я Терентичу.

— А вотъ и не безтолковая. Брань-то у насъ что; она на воротѣ не виснетъ. Брань-то у насъ, какъ шелуха, отлетитъ она, тутъ ты и увидишь настоящее зернышко. Видишь, какъ наши зеленя-то помалкиваютъ? — Терентичъ съ той же улыбкой, какой улыбался мнѣ, показываетъ на единомышленниковъ Алешки. — А почему? Имъ ужъ не къ чему браниться, зернышко свое узрили и помалкиваютъ. Чего имъ глотку драть, когда знаютъ, что сила-то ужъ на ихъ сторонѣ. И молодцы, право! А вотъ стариковъ не похвалю. Нехорошее говорятъ, неладное...

Я смѣюсь и напоминаю Терентичу:

— А какъ же ты вчера, когда молодежь за карты ру-

галъ, говорилъ, что въ старину-то народъ куда лучше былъ! А сегодня оказывается, что молодежь лучше стариковъ.

— Ну, говорилъ, да что жъ изъ этого? Знаешь что старѣе, то правѣе, а что моложе, то дороже. Живутъ-то вѣдь послѣ стариковъ молодые, а не старики послѣ молодыхъ. Вотъ потому, родименькій, и дороже!

— Да гдѣ же „правѣе", если стариковъ ты сейчасъ не хвалишь, а молодыхъ одобряешь?

— Правѣе, правѣе... тутъ ужъ ты не спорь! — и у Терентича ужъ, дѣйствительно, строгое лицо, — ты не смотри, что старики бунтуютъ. Это все отъ окаянской гордости: какъ молъ такъ, все мы міромъ правили, а теперь молокососы править начинаютъ. Обидно-имъ! Вотъ за это-то я и не хвалю ихъ. А въ остальномъ прочемъ, кормилецъ ты мой, все идетъ у стариковъ по-хорошему...

— Да какъ „по-хорошему", если они такъ отчаянно ругаются?

— А и пусть ихъ ругаются. Это такъ... душу отводятъ! А въ мысляхъ-то они ужъ съ молокососами вмѣстѣ. Тутъ ужъ ты, кормилецъ, не спорь, повѣрь мнѣ! Я-то ужъ знаю... ужъ вижу это, родименькій, какъ на ладони!

Хочется мнѣ Терентичу повѣрить, положиться на него и внимательно я смотрю на стариковъ и недоумѣваю: да въ чемъ же они „правѣе", если изъ устъ ихъ летитъ только яростная брань? Я готовъ согласиться съ Терентичемъ, что брань, какъ шелуха, отлетитъ отъ „зерна" при одномъ условіи, если бы въ рѣчахъ стариковъ я видѣлъ хотя бы намекъ на это „зерно". Но никакого намека на это, по-моему, не было.

Да и видъ этихъ яростно бранящихся стариковъ мнѣ непріятенъ. Кажется мнѣ, что этому „почтенному народу", у котораго я, какъ Алешка, не склоненъ понимать заслугъ, болѣе пристойно было бы, ради своихъ лѣтъ и заслугъ, гордиться, вести спокойную, вѣскую, степенную рѣчь, солидно поглаживая при этомъ свои бороды, словомъ, вести себя такъ, какъ въ большинствѣ случаевъ ведутъ себя деревенскіе старики.

А тутъ что? Какой-то страшный ажіотажъ, въ которомъ я видѣлъ стариковъ, дѣйствующихъ такъ, скопомъ, впервые. Раньше видѣлъ такъ бранящихся „на міру" стариковъ единицами въ то время, когда еще существовала винная монополія, и то, большей части, эти единицы были не въ трезвомъ видѣ. А вѣдь тутъ всѣ трезвы!

Что-то было новое въ старикахъ, что-то не вязалось съ моимъ установившимся о нихъ представленіемъ. Тѣмъ болѣе, что партія Алешки держала себя такъ подкупающе: чувствовалась въ ея спокойной самоувѣренности, что это еще очень молодой сильный народъ, несмотря на то, что многимъ изъ этого народа перевалило за 40 лѣтъ, народъ полный свѣжести и жадности къ жизни и къ кипучей дѣятельности.

И опять я обращаюсь къ Терентичу.

— Не вижу, Терентичъ, чтобы старики были при вѣсѣ. Только шумятъ, бранятся, а слова толковаго что то ни одного не слышно.

— А оттого, что слушать, кормилецъ, нашего брата-лапотника не умѣешь! — говоритъ мнѣ Терентичъ строго, ьнушительно. — У насъ такъ, когда мы разойдемся: пять словъ пустыхъ, матершинныхъ, — ихъ ты мимо ушей пропусти, а шестое-то слово ты лови: оно, кормилецъ, будетъ и-и какое дѣльное! А поймаешь это слово, такъ раскуси его еще, покумекай надъ нимъ: для насъ-то оно ясно, а для васъ-то, городскихъ, въ родѣ загадки. Ты не смотри, что пустыхъ словъ много: за пустыми-то словами у стариковъ сейчасъ льется горя рѣченька. Не смотри, что „зеленя“ помалкиваютъ. Про „зеленя“ худого не скажешь: народъ дѣльный, горячій — имъ бы только руки развязать, такъ они бы дѣлъ наворотили. Ну, а все-таки и стариками помыкать нельзя: безъ стариковъ-то „зеленя“ кое въ чемъ и споткнутся; да пожалуй, такъ споткнутся, что иной разъ и встать будетъ трудно. Потому — молоды, горячи — зарвутся и, глядишь, глазомъ на сучекъ, налетятъ. Старики недаромъ вѣкъ прожили: въ иномъ мѣстѣ молодой не досмотритъ и упадетъ, а старичекъ-то, глядишь и досмотритъ: соломки заранѣе подстелетъ и пройдетъ чистехонько... На брань не смотри. Обидъ много у стариковъ, вотъ и бранятся, и отводятъ душеньку на „зеленяхъ“ за то, что эти обиды-то ихъ „зеленя“ плохо понимаютъ. Вотъ то и плохо, родименькій, у народа, что который понимаетъ только свою обиду, а на чужую-то чхать хочетъ!

Я смотрю на стариковъ и, выбравъ наиболѣе бранчиваго, указываю на него Терентичу:

— Ну вотъ этотъ, напримѣръ? Развѣ онъ что толковое можетъ сказать?

— Нѣтъ, кормилецъ, этотъ не можетъ, — и Терентичъ удивительно мило, какъ смущенный ребенокъ, смѣется: —

этотъ, что грѣха таить, пустоболтъ! Извѣстно: не всѣмъ вѣдь Богъ ума далъ. Ты выбери кого-нибудь другого.

Я выбираю еще старика, у котораго отъ злости лицо побагровѣло, голова трясется — такъ и кажется, что умретъ скорѣе, злобно браниться не перестанетъ. Выбираю и жду, что смутится чудесный Терентичъ еще больше. Но онъ такъ же удивительно просіялъ, какъ ребенокъ и, спѣша, тоже чисто по-дѣтски попросилъ:

— Не въ службу, кормилецъ, а въ дружбу: позови-ка его ко мнѣ. Этотъ у насъ тебѣ отрапортуетъ, можно сказать Голова съ мозгомъ! Позови-ка! Самъ-то я, видишь, какъ развалился: никакого дѣла по стариковскому положенію не дѣлаю, даромъ хлѣбъ ѣмъ, только и дѣла у меня, чтобы свои тѣлеса таскать, а вотъ и этого не могу. Трудно подняться. Какъ присядешь, али приляжешь, такъ лучше ужъ не вставай: всѣ кости заломитъ! Плохо быть, родименькій, старикомъ: молодымъ и отъ работы молодцомъ бываешь, а старикомъ — лежишь себѣ спокойно, какъ пень, палецъ о палецъ не ударишь, а все болѣешь.

Я вспоминаю ночныя хожденія Терентича и думаю: что это — святая ложь, или великая скромность, которая не придаетъ ни малѣйшаго значенія тому, что она говоритъ?

Думаю и не пойму что это? И хочется мнѣ у этого старика поцѣловать руку, или поклониться ему въ ноги.

Зову кажущагося мнѣ злымъ и неумнымъ старика. Онъ тоже оказывается по отчеству „Терентичъ“, и Терентичъ называетъ его просто „тезка“.

— Ну-ка, тезка, проясни-ка его, — и Терентичъ съ мягкой усмѣшкой тычетъ въ меня пальцемъ. — Слышь, что говоритъ: бранимся, молъ, мы, старики, на молодыхъ зря, слова толковаго не скажемъ, только всего — ругань да матерныя.

— Зря?! — восклицаетъ съ азартомъ старикъ. — Нѣтъ, не зря. Пожили бы съ наше, не то бы сказали. Къ примѣру, Алеха? Ну, дѣльный парень — кто противъ этого что скажетъ; а насчетъ всего прочаго — что онъ: хуже всякаго міроѣда стремитъ насъ! И такіе мы, и сякіе, и никуда никудышные. Слова не дастъ сказать. Мальчикъ, на губахъ еще матерно молоко не обсохло, — что онъ знаетъ, какія обиды на своемъ вѣку видѣлъ? Да никакихъ! А мы видѣли. Знаешь, какое наше крестьянское положеніе? Э-эхъ, да вѣдь помыслить только же — и то страшно! Ужъ крѣпостное право

то не поминаю — пусть Богъ за это господъ съ начальствомъ судитъ. Я-то крѣпостное право чуть захватилъ: еще подъ столомъ пѣшкомъ ходилъ. А какъ подросъ немного, такъ и увидѣлъ, что крѣпостное-то право отмѣнено будто такъ себѣ... для видимости, а на самъ-то дѣлѣ то же самое, все то же самое! Они, эти молокососы-то, не знаютъ, сколько насъ пороли прямо такъ себѣ... за здорово живешь!.. Въ законѣ-то сказано было — слободны, молъ, крестьяне, а на дѣлѣ-то все та же господская воля... Одно слово — „господская воля“ и болѣе ничего. Что баринъ захотѣлъ, то и дѣлай; а не хочешь — старшины-то кому служили — намъ что ли? — дудки, господамъ служили, — такъ на сходкѣ выдерутъ похлеще, чѣмъ въ барской конюшнѣ. Ловко подстроено было. Слободны, молъ, а воля наша, господская: на конюшнѣ не деремъ, а на сходкѣ сколько влѣзетъ! Да мало ли что? Для господъ законъ одинъ, а для насъ, крестьянъ, — другой. За что барину никто худого слова сказать не подумаетъ, за это нашего брата-сѣряка въ кутузки да въ тюрьмы сажали! Что барину можно, то мужику нельзя. Хорошее понятіе то? А? Теперь вотъ насъ корятъ: мало, молъ, дураки старые, дѣлали, мало работали — лежебоки, молъ! А того не знаютъ, какъ насъ лѣтъ пятнадцать, двадцать тому назадъ всяческими повинностями давили. Государственныя, молъ, повинности, хоть весь лобъ разбей, а отбывай. Да чего тамъ? Вспоминать тошно! Тутъ ужъ тебѣ не до своей работы, ты только отбывай да отбывай, а какъ у самого плохо — неурожай, пожаръ, скотъ попадалъ — такъ чтобы помочь намъ, крестьянамъ, — нѣтъ, молъ, чортъ сѣрый, лапотникъ такой повинности къ себѣ ни отъ кого не жди! Самъ-то, молъ, повинности для всѣхъ имѣй, а для себя — и думать не моги. По-божески это? А земскіе начальники? По моей мордѣ сколько этихъ кулаковъ видалъ — счетъ потерялъ. Ни за что-ни про что въ кутузку, и морду въ кровь. И нѣтъ тебѣ на насильника никакого суда, ни управы. А съ какихъ поръ этого нѣтъ, чтобы земскіе ни съ того ни съ сего въ кутузку сажали? И десяти лѣтъ еще, кажись, не прошло [1]). Вонъ этотъ прохвостъ, Трофимка-то (тотъ, который спорилъ съ Максимомъ Иванычемъ) тычетъ намъ теперь: чернь, молъ, вы непросвѣщенная, а не старики. А то забылъ, какъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ отъ земскаго пла-

[1]) Старикъ, очевидно, разумѣлъ указъ 5 [illegible] 1906 года.

калъ: только выберется изъ кутузки — его опять туда! Забылъ, сучій сынъ. А мы-то не забыли; потому не забыли, что не разъ плакали, а сто, можетъ, разъ. Корить-то всѣ, мастера: ничего, молъ, для дѣтей не сдѣлали, никого, молъ, изъ деревни въ люди не вывели — такъ, молъ, всѣ въ навозѣ да въ темнотѣ почивали! А того не знаютъ, можно ли было выводить? Въ темной клѣткѣ, можно оказать, сидѣли, а вырваться не смѣй: всѣ пути тебѣ и дороженьки заказаны.

И долго еще говоритъ старикъ — горько, озлобленно, изумляя меня знаніемъ правового положенія крестьянства до 1906 года и послѣ.

— Да откуда ты все это знаешь? — спрашиваю я его, наконецъ.

— Да все оттуда же... Эти, вотъ, молодые пустоболты-то, только брешутъ, а спроси ихъ про законъ — какъ, молъ, и что? — такъ они ротъ до ушей дерутъ: ха-ха-ха, да хи-хи-хи, вотъ онъ, молъ, какой законникъ въ лаптяхъ нашелся! Ну, а намъ было не до смѣха. Горько бывало, тяжко — соберемся тайкомъ, кто рупь, кто два, да въ городъ, къ аблакату. Денежки на столъ положимъ да еще въ ноги упадемъ проясни, молъ, благодѣтель, наше положеніе! Ну, онъ книги въ руки, то намъ по книгамъ да ее — слушаемъ, вникаемъ, а какъ пойдемъ отъ него, — еще горше станетъ: нѣтъ выхода намъ, скручены по ноженькамъ да по рученькамъ, что твоими кандалами. Только и свѣтъ былъ одинъ: грабь людей, становись купцомъ, вотъ тогда и полегче будетъ.

Зналъ я этого старика и раньше, но не зналъ, что онъ такой юристъ.

И когда я его спросилъ, почему же онъ раньше молчалъ, онъ криво усмѣхнулся и, уходя опять въ кучу стариковъ, сердито бросилъ:

— А потому, что и безъ того много битъ былъ.

— Ну какъ, прояснилъ?—спрашиваетъ меня Терентьичъ.— Будешь теперича судить стариковъ?

— Прояснилъ! — сознаюсь я съ улыбкой.

— То-то! Онъ у насъ голова съ мозгомъ, — и, наклоняясь ко мнѣ, Терентичъ словно заговорщикъ, шепчетъ: Такъ, значитъ, слышалъ про наше житьишко? Не сладко? а? Такъ вотъ не забудь, кормилецъ, о насъ: если тамъ у васъ въ столицѣ чуть что заговорятъ о послабленіи намъ, ты и напиши мнѣ. Непремѣнно! Вѣдь не все черный хлѣбъ, хочется и скороминки чуточку.

Немного молчитъ и добавляетъ громко:

— Эхъ, если бъ у насъ руки-то развязали, пеленочки-то эти бы всякія сняли... Чудно! У меня вотъ ужъ у внуковъ есть дѣти, а я быдто самъ въ дѣтствѣ всю жисть проходилъ. Не поминаю лихомъ всѣхъ, кто насъ училъ: мы, молъ, отцы ваши, а все же иной разъ обидно. Больно плохіе были „отцы"-то!

А старики все шумятъ, и кажется, конца этому шуму не будетъ.

Спрашиваю Терентича, когда же они хоть немного поутихнутъ и, получивъ въ отвѣтъ, что черезъ часокъ, черезъ другой должны утихнуть, рѣшаю обождать.

VI.

Но Терентичъ ошибся. Утихли старики гораздо скорѣе.

Надоѣлъ ли Алешкѣ шумъ, на который, если я не просмотрѣлъ, онъ и рта не раскрылъ ни разу, или онъ еще болѣе захотѣлъ подчеркнуть свое пренебреженіе къ старикамъ — трудно сказать, что имъ руководило, но только онъ выкинулъ такую штуку: довольно грубовато растолкалъ окружавшихъ его стариковъ, подошелъ къ пожарной машинѣ, усѣлся, взялъ кожу и принялся доканчивать ремни для поршней.

Старики въ первый моментъ остолбенѣли. Ни звука, ни движенія, только на лицахъ, у кого — изумленіе, у кого — страхъ, у кого — бѣшенство, а у кого — просто тупое и тяжелое недоумѣніе.

А когда старики немного опомнились, взялись за того же Федора Савелича. Потихоньку пошептались и громко уполномочили:

— Ну, Савеличъ, теперича говори съ парнемъ напрямки. Безъ обиняковъ. Довольно! Терплѣнья нашего больше нѣту!..

И Федоръ Савеличъ выступилъ:

— Вотъ что, Лексѣй Михалычъ: всѣ старики такъ рѣшили — проси прощенія! Слышалъ сичасъ какъ сказали: „Терплѣнія нашего больше нѣту!" Оно и понятно: маята кругомъ, ни одного дома нѣтъ, гдѣ бы работникъ не ушелъ, въ каждомъ углу, можно сказать, горе да слезы, а ты что выдумалъ въ такое время? Народъ смутьянить? Стариковъ какъ ни на есть хуже поносить и безчестить?

— Вѣрно! Пр-ра-виль-но! — визгливо-злобно отозвался изъ кучи стариковъ Максимъ Иванычъ. — Уму не постижимо, что выкидываетъ надъ нами. Къ примѣру, - когда вотъ про вино-то говорилъ... Если себя назвалъ „сукинымъ сыномъ“ да „подлецомъ“, то какъ же мы-то, если рупь пропьемъ и опять десять заработать не можемъ, если онъ съ похмѣлья за двоихъ работаетъ, а мы на печи лежимъ да охаемъ! Кто мы-то тогда? Грязь, значитъ, самая, поскудная!..

— Проси прощенья, Алексѣй Михалычъ! — повторилъ Федоръ Савеличъ.

Алешка поднялъ низко склоненную до этого надъ кожей голову, и ужасно было лицо этого молодого парня: точно кто-то высѣкъ изъ камня лицо пстукана, изобразивъ на немъ въ предѣлахъ невѣроятныхъ — жестокость, безпощадность, ненависть и непримиримую, словно дьявольскую гордость — до такой степени это лицо было будто неживое, неподвижное. И только медленно вращающіеся въ орбитахъ глаза говорили, что это лицо — живого человѣка, глаза, въ которыхъ отражалась все та же мрачная бездна человѣческой души: жестокость, безжалостность, ненависть и непримиримая, словно дьявольская гордость.

Поднявъ голову и, едва шевельнувъ тонкими губами, спросилъ:

— А у кого, собственно?

— Да все у того же: у стариковъ, конешно, у міра! — отвѣтилъ Федоръ Савеличъ.

Алешка ничего не сказалъ, опустилъ голову и принялся опять за ремень.

Тутъ ужъ поднялась буря въ сторонѣ Алешки. Первымъ рявкнулъ Трофимъ:

— Братцы, какъ это у стариковъ? Разя они только одни міръ? А мы?

Кто-то ему поддакнулъ:

— Вѣрно! Вонъ оно что, костыли старые, выдумали? Міроѣды! Нѣ-ѣтъ, отошло ваше времячко-то... Не позволимъ!

И съ этимъ послѣднимъ словомъ, выросшимъ въ многоголосый ревъ: „Не позволимъ!“, да еще съ добавкой: „А мы — не міръ?“ сторона Алешки тронулась было на стариковъ. А старики быстро, какъ-то странно скучились — было похоже на то, что не миновать рукопашной схватки.

Но махнулъ Алешка рукой своей сторонѣ, сказалъ:

— Оставьте. Подождемъ, что еще скажутъ.

И вся его сторона покорно остановилась и замолкла.

— Намъ нечего много говорить, — повышая тонъ, заявилъ Федоръ Савеличъ. — Сказано тебѣ: проси прощенія! А не хочешь, знаешь, что будетъ? Знаешь, что міромъ положено, такъ быть тому; потому — на міръ суда нѣтъ: міръ судитъ одинъ Богъ! Знаешь это или нѣтъ? А міръ — мы, а не ты и не твои прихвостни. Молоды еще въ міръ лѣзть, вотъ что. Поживете съ наше — вотъ тогда и „міръ“ будете. А пока што, когда вы еще зелены, не признаемъ такого міра: плевать намъ, старикамъ, на такой „міръ“!

Сторона Алешки глухо и возбужденно опять было загудѣла, и опять Алешка заставилъ всѣхъ замолчать движеніемъ руки. А Федору Савеличу иронически сказалъ:

— Ну, а дальше что?

— А дальше то: не хочешь покориться міру, такъ одна тебѣ дорога: въ Сибирь, на поселенье! Составимъ приговоръ: вонъ, молъ, изъ обчества, — и кончено! Такіе голубчики, какъ ты для насъ хуже конокрадовъ и поджигателей. Конокрадовъ и поджигателей хоть можно иныхъ устыдить, урезонить, а тебя чѣмъ устыдишь и урезонишь? Что чортовы бѣльмы-то вылупилъ? Думаешь — боюсь?

Алешка, правда, въ упоръ уставился глазами на Федора Савелича. И былъ между ними опять тотъ же жуткій, захватывающій зрительный поединокъ, какъ и въ началѣ ихъ схватки.

Черезъ нѣсколько времени Алешка спросилъ:

— Все? Али еще чего скажешь?

— Все. А чего тебѣ еще? Если Сибирь не пугаетъ, гдѣ, знаешь, съ кѣмъ будешь жить-то — съ бродягами, такъ, надо полагать, добьешься и до острова Сахалина: съ каторжничками, голубчикъ, будешь! — сказалъ спокойно, насмѣшливо Федоръ Савеличъ.

— Такъ... — произнесъ странно, тяжело, какъ неживой человѣкъ, а страшный автоматъ, Алешка.

— Да, такъ... — отозвался Федоръ Савеличъ.

— Такъ... — произнесъ Алешка въ третій разъ.

Чувствовалось въ этихъ „такъ“ уже что-то невыносимое. Казалось, что еще нѣсколько разъ они перекинутся этими короткими словами, а потомъ произойдетъ что-то... Что

именно — мысль отказывалась представлять и предполагать, замирая пугливо отъ нараставшей жути.

И секунды казались безконечными въ этомъ ожиданіи.

Но Федоръ Савеличъ не отозвался въ третій разъ коротким „Да, такъ".

Вдругъ выпрямился его станъ, какъ у юноши, смахнулъ съ себя порывисто шапку, словно было ему жарко (а жарко стало, должно быть, и на самомъ дѣлѣ, и Федоръ Савеличъ сразу порумянѣлъ густо и удивительно молодо), широко открытые глазу его загорѣлись, какъ огни, и былъ этотъ старикъ, голова котораго была какъ осѣнена свѣтомъ изъ великолѣпныхъ сѣдыхъ волосъ, дѣйствительно, страшно властенъ и незабываемо прекрасенъ.

И заговорилъ онъ властно и необычайно горячо и вдохновенно:

— Слухай, Алеха, послѣднія мои слова; а если не послухаешь, не покоришься — самъ на себя пеняй! Плохо будетъ; вотъ те крестъ (онъ дѣйствительно перекрестился) — плохо будетъ! Что тебѣ отъ насъ надо? Зачѣмъ народъ мутишь и портишь? Такое ли теперь время, чтобы этимъ заниматься? Сколько ужъ я разовъ съ тобой говорилъ? Раза три — и разъ отъ разу ты все хуже и хуже. Зачѣмъ стариковъ въ грязь затаптываешь? Тебѣ-то худого старики что сдѣлали? Чѣмъ обидѣли? Только и видишь: почетъ тебѣ и уваженіе за твои золотыя руки. А самъ чѣмъ платишь: хулой, поношеніемъ стариковъ при всемъ обществѣ? Чего ты отъ насъ хочешь? Да и кто ты такой? Землеробъ? — Нѣту и нѣту! Ты ужъ отъ земли отвалился. Кузня твое дѣло. Мы съ землей орудуемъ, а ты — съ желѣзомъ. Ну, и орудуй. Не мѣшай намъ орудовать съ землей, какъ мы не мѣшаемъ тебѣ орудовать съ желѣзомъ. А земля и желѣзо — разница! Ты это запомни, Алеха. Вотъ мы такъ и думаемъ: отъ земли ты отвалился — къ кузнѣ пристали и кузню для земли ужъ не бросишь. Ужъ не бросишь, ужъ это какъ Богъ святъ: къ землѣ цѣликомъ, безъ остачи не пойдешь, на нашъ одинъ мужицкій хлѣбъ не сядешь. На желѣзѣ прокормишься: не однимъ хлѣбушкомъ, а разносолями. Ты, голубчикъ, не землеробъ, а купецъ. Сколько на тебя людей работаютъ: слухъ идетъ, что больше двадцати человѣкъ? Ну, пусть работаютъ на твою моишну. Пусть будутъ работать сто, двѣсти человѣкъ — этого ты добьешься, на это ты дошлый, пусть — мы не

осудимъ! Какъ мы живемъ, землеробы, какъ справляемся — наше дѣло. Найдемъ, что намъ нужны плуги вмѣсто сохъ, жнейки вмѣсто серповъ и косъ, молотилки вмѣсто цѣповъ — если найдемъ, такъ и заведемъ. А если не найдемъ, то и на томъ обойдемся, чѣмъ наши отцы и дѣды обходились. Господь Богъ что заповѣдалъ: въ потѣ лица добывать хлѣбъ свой. Вотъ мы, можетъ, и думаемъ, что потъ-то намъ дороже, чѣмъ твои плуги да жнейки. Въ потѣ-то — заповѣдь Божья, а въ плугахъ что — желѣзо? Что съ плугомъ-то легче, чѣмъ съ сохой, да вѣдь это ребенку понятно, это кажный, кто еще безъ штанишекъ бѣгаетъ, смекнетъ; ну, а вотъ заповѣдь Божью смекнуть — это тебѣ не всякій взрослый осилитъ! Вотъ и говорю: какое тебѣ, Алеха, дѣло до насъ, если ты присталъ къ желѣзу, а мы — къ землѣ? Мы, можетъ, захочемъ и соху бросить и начнемъ одной пятерней землю ковырять, такъ тебѣ и тогда не должно быть до насъ заботы. Чести насъ старыми дураками про себя, а къ намъ не лѣзь. Эка выдумалъ какую премудрость: желѣзо — въ емъ, молъ, вся сила да правда, имъ, молъ, только и спасемся! А вотъ и врешь. Въ землѣ, братъ, только и правда, а въ желѣзѣ твоемъ — ложь... Земля кого обманываетъ? а? Убиваетъ она кого, калѣчитъ? Она поитъ, кормитъ, раститъ? А желѣзо твое, будь оно трижды проклято... Плугъ, говоришь, жнейка, а на войнѣ чѣмъ людей убиваютъ — желѣзомъ? Подержи его въ огнѣ — вотъ плугъ, вотъ и жнейка; а сунь плугъ да жнейку опять въ огонь — вотъ тебѣ и ружье, и штыкъ, и пуля — да что штыкъ и пуля: чемоданъ! Разя не ложь въ емъ — въ желѣзѣ-то, если его и въ ту и въ другую сторону вертѣть можно? А что въ старину умными головами сказано: „лжей много, а правда одна; ложь какъ хочешь верти, а правдѣ одинъ путь“. Вотъ по нашему глупому разсужденію такъ и выходитъ: ложь — въ желѣзѣ, а въ землѣ — правда. Мать-земля не обманетъ: трудись на ней въ потѣ лица — и благо тебѣ. А желѣзо-то твое — не иначе, какъ дьяволъ его въ землю подсунулъ! — съ двухъ концовъ: то плугъ, то чемоданъ! И разъ ты имѣешь дѣло съ желѣзомъ — значитъ отойди отъ насъ въ сторону, не мѣшая намъ жить по заповѣдямъ Божескимъ. У насъ, братъ, своя правда. А ты намъ свою правду навязываешь. А мы ее не принимаемъ. Не принимаемъ! У нашей правды одинъ путь и одинъ конецъ, а твоя правда въ родѣ палки, у которой

два конца. Вотъ эту палку-то мы и не принимаемъ: у ней два конца и, чего добраго, однимъ-то концомъ она можетъ ударить и по недругу, а другимъ-то по нашей головѣ. Теперича я тебѣ, Алеха, сказалъ все. На чистоту! Выбирай любое: по худу намъ разминуться въ разныя сторонушки, или по добру. Если по добру — лихомъ не вспомнимъ; если по худу — скажемъ, когда вспомянемъ, былъ, молъ, у насъ въ обчествѣ человѣкъ дѣляга на всѣ руки, да только вотъ бѣда: захотѣлъ выше своей головы прыгнуть и всталъ всему обчеству поперекъ горла хуже, лютѣе всякаго разбойника. Аминь.

И Федовъ Савеличъ перекрестился.

— Аминь! — торжественно, хоромъ повторили глубоко взволнованные старики и тоже всѣ перекрестились.

Въ сосредоточенномъ раздумьѣ, очевидно, сильно поколебленная и подавленная рѣчью Федора Савелича, молчала сторона Алешки.

Всталъ Алешка и заговорилъ такимъ холоднымъ и пренебрежительнымъ тономъ, точно старики передъ нимъ, если не совсѣмъ пустое мѣсто, такъ такая ничтожная мелочь, о которой скучно говорить.

— Такъ, Федоръ Савеличъ... Сказалъ хорошо, — что кривить душой. Сказалъ форменно! Да только — слушать-то занятно, а какъ выслушаешь — подумать не надъ чѣмъ... Пустыя слова... и легкія, какъ мякина: подуй посильнѣе вѣтерокъ — и нѣтъ мякины, разлетѣлась и не соберешь ее. Такъ и съ словами твоими, Федоръ Савеличъ, будетъ. Говоришь: правда у насъ! А я говорю: никакой у васъ правды нѣту. Правда-то, можетъ, когда-нибудь и была — навѣрно, давно-давно! У такихъ людей, Федоръ Савеличъ, какъ ты, эта правда-то по мелочамъ, въ разновѣску ушла. Развѣялась по вѣтру вся, а вы не замѣчаете и все орете, что правда у васъ. Форменные остолопы! Думаете, что правда-то, какъ камень: лежитъ себѣ да лежитъ. А правда-то вонъ какъ птица (Алешка указалъ на голубя, который неподалеку отъ пожарной стойки быстро ходилъ по землѣ, разыскивая себѣ кормъ): она ищетъ себѣ своего зернышка, а если не находитъ — хлопъ крыльями, и только ты ее и видалъ! Она ждать не будетъ; ты ее жди, когда она прилетитъ. А когда дождешься — дай ей зернышко, не пугай, или того хуже — не пускай въ нее камнемъ: а то улетитъ — вотъ тогда и жди, когда она еще

пожалуетъ. Вотъ какъ съ правдой-то надо обращаться. А вы такъ обращались? Мало вы себя по дурацкимъ головамъ своимъ цѣпами молотили? Братъ — брата, сынъ — отца, отецъ — сына? Я такъ думаю, что не мало. А заодно съ своими головами и правду глушили! Ей бы зернышко по зернышку, а вы ее цѣпомъ; ей бы слово хорошее, ласковое, а вы ее матершиной! Дубье! Если хотите знать: правда-то отъ васъ давнымъ-давно навѣрно верстъ за тысячу летаетъ: поближе-то боится. Такъ вотъ и не орите о правдѣ. Правду-то вы не заслужили, а палку заслужили. Мало васъ господа да начальство били: надо было бить больше! Вамъ не нравится, что палка о двухъ концахъ? А мнѣ очень нравится. Хорошо, что она о двухъ концахъ! И пора, давно пора взять эту палку въ руки мужику. Взять и лупить: однимъ концомъ по недругу, а другимъ — по своему брату-мужику. За все: за лѣнь, за пьянство, за слезы ваши, за причитанья: „ахъ, молъ, нужда! ахъ, молъ, горе! ахъ, молъ, обиды терпимъ отъ всякого чорта-дьявола! ахъ, молъ, подняться нѣту никакихъ силъ!..“ Бить и приговаривать: не будьте дураками, точно дураки въ царствѣ Ивана-дурака. Не будьте! Сказку-то слушайте, да не забывайте, что и у этого Ивана-дурака не всѣмъ было хорошо: одни пили да бражничали, а у другихъ по усамъ текло, а въ ротъ не попало. Какъ у васъ по усамъ-то течетъ, а въ ротъ-то ничего не попадаетъ, кромѣ хлѣба съ квасомъ — да и тотъ не всегда есть. А пуще бы всего бить тѣхъ дураковъ, которые пускаются на хитрости и выдумываютъ: желѣзо-то, молъ, въ землю не иначе, какъ дьяволъ подсунулъ. Такимъ малую деревянную палку: желѣзную на такихъ надо! У-у...

Алешка неожиданно оборвалъ, передохнулъ жадно и неожиданно перешелъ на тонъ, задыхающійся отъ бѣшенства:

— У-у, дьяволы! Что выдумали: безъ желѣза захотѣли обойтись? а? Безъ желѣза? Поперекъ дороги опо имъ встало! Ноютъ, хнычутъ: Семка убитъ, Тимошкѣ ноги оторвало, Васькѣ брюхо прострѣлили, у нѣмцевъ, молъ, вдосталь чемодановъ, а у нашихъ, слухъ идетъ, и ружьишекъ не всегда хватаетъ... Это какъ же понять? Когда желѣзомъ бьютъ — плачемъ, что у насъ желѣза нѣтъ, а когда рѣчь заведемъ о томъ, что желѣзо намъ нужно — такъ на дыбы встаемъ: не надо намъ желѣза! У-у, дьяволы, лапотники несчастные, да вы противнѣе всякихъ нѣмцевъ.

И врете, не увильнете: безъ желѣза не обойдетесь. Отходитъ ваше времячко: мы, старики, что хотимъ, то на міру и поворотимъ! Отошло. Не воротится. Стопъ машина — дальше ни шагу! Васъ поворотятъ... Да еще какъ... формепно!

— Ужъ не такой ли щенокъ, какъ ты? — раздался злобный голосъ изъ кучки стариковъ: — Погоди чуть. Еще рано! Жестки мы, стары — скоро насъ не укусишь: зубы обломаешь!

— А хоть бы и я! Вотъ вамъ и весь мой сказъ, почтенные старики, а присказка: работать надо, раб-ботать, рабб-бб-ботать!

И Алешка такъ заскрипѣлъ зубами, что, вѣроятно, не у меня одного побѣжалъ отъ этого скрипа холодокъ по тѣлу. И такъ же страшно зазвучало въ его устахъ это излюбленное имъ слово „работать“: чувствовалась въ немъ такая огромная жадность, что, кажется, будь у Алешки возможность распрягаться людьми, такъ онъ всѣхъ бы скоро загналъ на работѣ до смерти.

Выступилъ Федоръ Савеличъ и, точно не довѣряя тому, что слышалъ у Алешки, съ крайнимъ недоумѣніемъ спросилъ:

— Это что же... это какъ же... это ты вмѣсто прощенія отпилилъ намъ?

— Да, вмѣсто прощенія. Можете составлять приговоръ, если сумѣете, о ссылкѣ меня на поселеніе, — отвѣтилъ Алешка и усмѣхнулся.

А вся его сторона, словно только этого и ждала; и уже не усмѣхнулась, а дико, невыносимо-рѣжущѣ для слуха, заржала на всѣ лады.

Потомъ тотъ брапчливый старикъ, котораго Терентичъ назвалъ „пустоболтомъ“, завопилъ глупо, благимъ матомъ:

— Краулъ! Крау-улъ! Бат-тюшки, да что жъ это такое? Кра-у-улъ! Исключить этого кутька (щенка) Алеху изъ общества, исключить!

Къ нему подошелъ Федоръ Савеличъ и бросилъ грубо, зло:

— Чего, старый обормотъ, орешь?

— Да какъ же... да батюшка... да отецъ родной — Федоръ Савеличъ... Да чай, самъ не меньше мово знаешь: „не долго, молъ, той землѣ стоять, гдѣ учнутъ уставы ломать — не нами установилось, не нами и переставится“. Вотъ и ору... — и онъ опять завопилъ: — Кар-раулъ! Кра-у-улъ, православные!

Федоръ Савеличъ на него энергично цыкнулъ, а кто-то изъ стариковъ же увѣсисто ткнулъ его въ бокъ кулакомъ — и старикъ утихъ. А еще черезъ три минуты началась ужъ полная неразбериха. Старики и молодые сдвинулись, сгрудились, перемѣшались въ жестокомъ спорѣ, кто же, собственно олицетворяетъ „міръ“, „обчество“? Одни ли старики, какъ раньше, или и молодые. И обѣ стороны стояли на своихъ позиціяхъ непримиримо: старики не признавали молодыхъ, молодые пускали всѣхъ стариковъ на смарку, утверждая, что ихъ „время отошло“. Возбужденіе достигало съ обѣихъ сторонъ до такой степени, что если бы не Терентичъ, то быть бы побоищу, котораго, какъ это ни странно, старики не боялись. Они даже пѣтушились болѣе, чѣмъ слѣдуетъ: расправляли свои сгорбленныя спины, силились выпятить грудь колесомъ и чаще, чѣмъ молодые, грозили кулаками. Но живо вертѣлся между тѣми, которые вотъ уже готовы „схватиться“, Терентичъ, становясь между ними и умоляюще просилъ:

— Родименькіе, кормильцы, побойтесь Бога! — и его всѣ слушались — одни смущенно завѣряя, что „драться“ они „и не думаютъ“, а другіе прямо сознаваясь, что только для него уступаютъ, а то онъ „показалъ бы“.

И, смотря на это столпотвореніе деревни, я вспомнилъ такого прекраснаго знатока деревни, какъ А. И. Эртель; вспомнилъ его описанія деревенскихъ сходовъ, споровъ, на которыхъ верхъ не одерживали, а даже предрѣшали заранѣе старики — вспомнилъ и понялъ, что тотъ бытъ отходитъ уже въ вѣчность. Теперь старики безъ молодыхъ едва ли что могутъ сдѣлать.

Терентичъ скоро съ ногъ сбился и отошелъ въ сторонку передохнуть.

— Ну, какъ? — спросилъ я его. — Чѣмъ все это кончится?

— Да все тѣмъ же: перемелется, мука будетъ! Это ужъ ты мнѣ, кормилецъ, повѣрь. Соткнутся такъ еще пять, десять разъ — и мука будетъ. А пока что... ужасти одни. Ни тѣ, ни другіе не уступаютъ... Каждый хочетъ, чтобы его нога — владыка. А это нехорошо, неладно... все наша окаянская гордость. Уступочки нужны, чтобы дружно, вмѣстѣ старики и молодые дѣла обрабатывали. Просто, а поди вотъ — не хотятъ понять другъ дружку. И все изъ окаянской гордости! Ужъ я имъ и такъ и сякъ,—

нѣтъ, упираются, какъ быки. Въ мысляхъ старики съ зеленями согласны, кажись, чего еще надо? Такъ нѣтъ, хочутъ, чтобы имъ зеленя покланялись, а они бы поважничали. Ну, а зеленя кланяться не хотятъ. Вотъ и идетъ свара! Бѣда! — и Терентичъ опять спѣшитъ въ эту „свару“.

Въ сторонкѣ отъ шума и Федоръ Савеличъ и Алешка. Старикъ смотритъ на молодого парня такимъ испытующимъ и измѣряющимъ взглядомъ — очевидно, что старикъ еще не скоро сдастся, а, можетъ быть, и совсѣмъ не сдастся. Алешка того, что на него смотритъ Федоръ Савеличъ, совсѣмъ не замѣчаетъ: такими спокойными, точными, размѣренными движеніями рукъ, словно отъ работы онъ не отрывался, никакой стычки горячей съ стариками не имѣлъ, онъ доканчиваетъ ремонтъ пожарной машины, пробуетъ ее и, кивнувъ головой, „ладно, молъ“, ищетъ глазами меня, подходитъ и хмуро предлагаетъ:

— А обѣдать не пора?

Я соглашаюсь, но прошу Алешку ненадолго зайти со мной къ „брату Александру“ — старику, который слыветъ въ деревнѣ за святого человѣка.

— Къ чему я пойду? — и Алешка уставляется на меня своимъ давящимъ взглядомъ.

Я боюсь, что онъ со мной не пойдетъ, и объясняю, какъ можно мягче и ласковѣе, думая его этимъ подкупить:

— Видишь ли, Алексѣй, мнѣ очень хочется немного поговорить съ этимъ старикомъ, но пойти къ нему одинъ я не рѣшаюсь. Говорятъ, что онъ не особенно долюбливаетъ, когда къ нему приходятъ. Я, тѣмъ паче, здѣсь не свой человѣкъ, онъ меня никогда въ глаза не видалъ, я его — тоже; ну, а ты здѣсь свой, встрѣчался, вѣроятно, съ нимъ — вотъ я и думаю, что съ тобой-то идти полегче.

— Свой-то я свой и встрѣчался съ нимъ, да только я его не особенно уважаю.

— Почему? Всѣ говорятъ, что онъ человѣкъ замѣчательный, умный.

— Умный то онъ, кажется, умный, да только не люблю я его! — вырывается у Алешки какъ-то особенно рѣзко и грубо. — На кой мнѣ чортъ его умъ, если онъ съ этимъ умомъ всю жизнь дармоѣдомъ прожилъ. Эка, подумаешь, какое дѣло хорошее нашелъ: всю жизнь по монастырямъ да большимъ дорогамъ шатался. Лѣнтяй, бродяга — больше ничего!

Во мнѣ вспыхиваетъ къ Алешкѣ враждебное чувство за его рѣзкость, грубость и холодность къ людямъ вообще, а за этого, невѣдомаго пока „брата Александра“ — въ особенности, ибо вся деревня относилась къ нему съ огромнымъ уваженіемъ. А на „уваженіе“ мужиковъ можно положиться крѣпко, такъ какъ мужики всѣмъ своимъ „обществомъ“ уваженія легко никому не отдаютъ. Одинъ мужикъ, двое, трое могутъ ошибаться, но все „общество“ — никогда. Въ такихъ случаяхъ они тысячу разъ человѣка взвѣсятъ, разсмотрятъ его со всѣхъ сторонъ и, когда ужъ положительность этого человѣка давно внѣ всякихъ сомнѣній, только тогда все „общество“ рѣшаетъ, что человѣкъ достоинъ уваженія.

Въ этомъ я вѣрилъ „обществу“ больше, чѣмъ себѣ, и поэтому шелъ къ брату Александру, какъ къ рѣдкому человѣку.

И тоже рѣзко, звенящимъ голосомъ, я отвѣчаю Алешкѣ:

— Вотъ что братъ: ты человѣкъ, скажу тебѣ откровенно, не по лѣтамъ умный, но кое въ чемъ иногда ты хватаешь черезъ край: глупо мѣрить всѣхъ людей на свой аршинъ! Люди бываютъ разные. Одни думаютъ, что для единаго хлѣба надо жить, другіе, что не единымъ хлѣбомъ сытъ человѣкъ.

— Ого! Ишь ты, какъ сразу ощетинился.

— А ты какъ думалъ не могу что ли?

— Ничего не думалъ. Эту твою „щетину“ я и раньше зналъ.

Наши взгляды скрещиваются, и на минуту мы — враги.

Помолчавъ, Алешка говоритъ:

— Только напрасно ты, по-моему, щетинишься. Можешь сердиться на меня, но я правду-матку начисто тебѣ выложу: ты вотъ тоже не дѣломъ занимаешься и даромъ хлѣбъ жрешь. Но какъ-никакъ, въ дѣло ни въ дѣло, но ты головой работаешь и пишешь тамъ что-то, ну, а этотъ „святой жизни человѣкъ“, какъ у насъ его прославили, онъ что работаетъ? чѣмъ онъ можетъ показать свою работу? Говорятъ — уменъ онъ; пусть уменъ, но гдѣ же его умъ-то, въ какомъ дѣлѣ? Ни въ какомъ, Умъ-то есть, да только безъ пользы для себя и для людей остался. Въ такомъ умѣ радости мало. Жалко Петра великаго нѣтъ. Ужъ это вѣрно: дураковъ и лѣнтяевъ онъ билъ, а такихъ умныхъ лѣнтяевъ билъ бы вдвое!

Мнѣ приходитъ въ голову, что сердиться на такого фанатика „дѣла“, „работы“, пожалуй, глупо, и я смѣюсь, не имѣя ужъ никакого желанія развивать передъ Алешкой свою точку зрѣнія: кажется, что онъ не пойметъ.

— Смѣшно? А мнѣ вотъ не смѣшно! — презрительно замѣчаетъ онъ и добавляетъ: — Ну, такъ и быть: идемъ. Послушаю, какъ будутъ говорить умные недѣлухи.

Я трогаюсь и бросаю послѣдній взглядъ на войну стариковъ съ молодыми. Отъ жары и возбужденія мужики раскраснѣлись и обливаются потомъ не меньше, чѣмъ въ банѣ. Рѣчи шумныя, но мало-связныя, тягучія, съ излишними отступленіями. А по тому, что въ этихъ рѣчахъ часто повторяются имена: „Алеха“, „Савеличъ“, „Лексѣй Михаличъ“, „Федоръ Савеличъ“ — ясно, что „запѣвалы“ спѣли свои пѣсни, а „подголоски“ будутъ разжевывать и тянуть эти пѣсни мучительно долго.

А Алешка, уходя отъ свары, которую, главнымъ образомъ, заварилъ онъ, какъ будто бы даже не слышалъ, что десятки людей, которымъ онъ далъ толчокъ, теперь больно и трепетно волнуются, отчаянно кипятятся. Съ какимъ лицомъ явился, съ такимъ и отправился, — точно уходилъ отъ пустого мѣста. И опять у меня шевельнулось къ нему враждебное чувство, съ примѣсью страха. Подумалось: что это за существо? Откуда такая сила? Можетъ быть, жесткій бездушный фанатикъ, для котораго люди — только люди тогда, когда они являются рабочей единицей, рабочимъ матеріаломъ, а внѣ этого — люди для него пустое мѣсто?

Потомъ у меня является опасеніе, какъ бы Алешка мою встрѣчу съ братомъ Александромъ не испортилъ, и я прямо заявляю ему:

— А знаешь что, Алексѣй: я боюсь какъ бы у этого старика ты мнѣ свинью не подложилъ. Пойду лучше одинъ.

На лицѣ Алешки проступаетъ что-то въ родѣ улыбки.

— Не подложу, будь покоенъ, — обѣщалъ онъ. — Говорю, что я только послушаю, какъ два умныхъ недѣлуха будутъ болтать.

VII.

По дорогѣ я замѣтилъ: губы Алешки побѣлѣли отъ сухости, онъ ихъ часто облизывалъ языкомъ и, въ одинъ изъ такихъ моментовъ, на губахъ отъ языка осталась кровь.

Въ этомъ я заподозрѣлъ явленіе, бывающее у очень нервныхъ людей, когда они сильно взволнованы. И обрадовался: можетъ быть, этотъ диковинный парень только сухъ и холоденъ внѣшне, а внутри?.. И спросилъ:

— Отчего у тебя на губахъ кровь?

— Кровь? Какая кровь? — словно не понялъ онъ и. сейчасъ же, какъ будто, спохватился: — Ахъ, да! Это у меня отъ жары всегда бываетъ.

Жара, правда, была страшная: нигдѣ не видно было куда-то попрятавшихся собакъ, куры сидѣли и бродили около избъ съ безпомощно раскрытыми ртами. И все-таки отвѣтъ Алешки оставилъ подъ сомнѣніемъ, такъ какъ зналъ, что отъ сильнаго волненія у нервныхъ людей на губахъ кровь проступать можетъ, но можетъ ли быть это и отъ жары — этого не зналъ.

Пытаюсь хоть немного дощупаться издали и говорю:

— А все-таки, Алексѣй, тебѣ бы слѣдовало быть со стариками помягче. Много ты имъ преподнесъ горькаго и много вѣрнаго — не отрицаю, но вотъ такихъ вещей, что они „противнѣе всякихъ нѣмцевъ“, вотъ этого бы говорить не слѣдовало. Думаю, что такія штуки имъ очень больно слушать въ такое время. Будь бы это послѣ войны, пожалуй, еще допустимо.

— А мнѣ чортъ съ ними. Какъ думаю, такъ и говорю. А насчетъ время — промашечку дѣлаешь. Да заговори я съ ними, такъ они тогда, пожалуй, и приговоръ бы не побоялись составить объ исключеніи меня изъ общества. Ихъ только теперь и согнуть можно; а упустишь — чего добраго, опять прежнюю силу заберутъ. Насчетъ чего другого — дураки, а на этотъ счетъ — народъ кленовый. Крѣпки, гнуться умѣютъ, а сломаются нескоро. Ну, да ничего: какъ-нибудь обломаемъ!

— Все это такъ, а насчетъ нѣмцевъ — зря.

— А чѣмъ зря? Съ нѣмцами-то вѣдь не вѣкъ будемъ воевать, а съ этими старыми чертями весь вѣкъ надо вожаться. Поневолѣ взъѣшься. А потомъ — что нѣмцы? Народъ форменный!

— Это вѣрно, — говорю я осторожно: — Намъ не мало кое-чему надо у нихъ поучиться. Ты, кажется, ихъ уважаешь?

— Ну, это на водѣ вилами писано. Они на насъ, на дуракахъ, до войны какъ хотѣли, такъ и ѣхали; чего до-

браго, и послѣ войны поѣдутъ. Машины, кто плавилъ къ намъ — они; сколько ихъ у насъ населилось — уйма! Какъ на это смотрѣть? Я на ихъ смотрю: дѣловитъ-то ты дѣловитъ, я тебя за это уважаю, но только, когда ты у себя дома. Ну, а если ты, какъ піявка, присасываешься къ чужому народу, то хорошо, братъ, дать тебѣ по зубамъ такъ, чтобы ты къ себѣ улетѣлъ! Я такъ и сдѣлалъ. Хозяйчикъ одинъ — нѣмецъ, мастерскую каретную имѣлъ. До войны пиво вмѣстѣ пили, а недавно я зубы ему набилъ.

— Да за что же, собственно? Работу что ль онъ у тебя перебиваетъ?

— Да за все вмѣстѣ. И за то, что работу перебиваетъ, и за то, что не лѣзь въ чужой народъ. Небось, намъ хлѣба у себя заработать не дадутъ. А къ намъ — лѣзутъ. Развѣ не обидно? До войны этотъ нѣмецъ говорилъ мнѣ: васъ, молъ, какъ барановъ, можно стричь, сколько угодно. Ну, я ему и припомнилъ. Далъ ему въ зубы разъ, другой, третій, а когда у него глаза на лобъ полѣзли, я ему и говорю: это тебѣ за барана — отъ барана!

— Ловко! Молодецъ, ей Богу, молодецъ! — преувеличено восхищаюсь я, думая вызвать Алешку на еще большую откровенность: — Ну а какъ ты смотришь на войну?

Но Алешка точно ужъ спохватился и отвѣчаетъ мнѣ съ явной неохотой:

— Не понимаю, чего объ этомъ спрашивать. Когда тебя въ морду бьютъ — не стоять же съ растопыренными руками?

Дальше „изучать“ Алешку я ужъ не рѣшаюсь. Проходимъ 15—20 шаговъ молча и встрѣчаемся съ приказчикомъ помѣщика — плутоватымъ и жесткимъ человѣкомъ изъ здѣшнихъ же мужиковъ, на совѣсти котораго противъ односельчанъ кажется, нескончаемый рядъ грѣховъ: знаютъ мужики, что имѣютъ дѣло съ отъявленнымъ плутомъ, и все-таки изъ года въ годъ онъ ухитряется ихъ обсчитывать, обмѣривать, обвѣшивать.

И мужики къ этому такъ привыкли, что сердятся на него, когда онъ „обдѣлаетъ“ ихъ только „по крупному“, а если „по малости“, то добродушно разводятъ руками и говорятъ: „Онъ-те возьметъ не мытьемъ, такъ катаньемъ. Гдѣ волчьей хваткой, гдѣ лисьей повадкой, а сдеретъ — безъ этого ужъ никакъ обойтись не можетъ“.

Но Алешка такого добродушія, очевидно, не раздѣлялъ.

Кажется, нельзя было подойти съ большимъ искусствомъ, чѣмъ подошелъ приказчикъ: и шапку смахнулъ съ головы такъ радостно, точно не видѣлъ родного отца лѣтъ двадцать, и поклонился такъ почтительно — и при этомъ даже руки не посмѣлъ подать, — точно онъ червь, а передъ нимъ нѣчто великое, и голосъ изумительный, когда онъ привѣтствовалъ Алешку: „Алексѣю Михалычу мое низкое почтеніе!“ — Собственнаго достоинства въ этомъ голосѣ въ такую мѣру — себѣ молъ, цѣну хорошо знаемъ и не всѣмъ отдаемъ такой почетъ! — а тембръ голоса — кажется, что лучше всякаго „звона малиноваго!“

Можно знать, съ кѣмъ имѣешь дѣло, но чтобы не отвѣтить на такой „подходъ“ невольной, хотя бы кривой улыбкой, для этого нужно быть деревомъ или человѣкомъ съ необычайной силой воли. И было какъ-то странно тягостно и передъ приказчикомъ и почему-то даже передъ самимъ собой — и хотѣлось, чтобы Алешка не улыбнулся — куда ужъ желать этого! — а просто бы хоть отвернулся отъ приказчика, а не смотрѣлъ на него въ упоръ сухо, холодно, сурово: смотрѣлъ и молча ждалъ, что приказчикъ скажетъ еще.

И, право, легче мнѣ было бы, если бы Алешка вмѣсто этого молчаливаго взгляда ударилъ бы вдругъ приказчика — казалось, что и приказчику легче было бы, чѣмъ стоять подъ этимъ взглядомъ и набираться рѣшимости заговорить вновь. И когда онъ заговорилъ, опуская при этомъ глаза внизъ, отъ его „малиноваго“ тембра не осталось и слѣда: голосъ былъ напряженъ, надтреснутъ, съ хрипотцой.

— Дѣло у меня до тебя, Алексѣй Михалычъ. Скоро жнитво, а у насъ одна „мериканка“ разладилась. Сдѣлай милость Божескую: поправь!

— А какая американка: большая или малая?

— Малая, Алексѣй Михалычъ.

— Четвертную! — холодно, какъ будто даже со злобой, назначаетъ Алешка.

— Четвертную? — пораженно восклицаетъ приказчикъ и даже рѣшается поднять глаза на Алешку: — Да тебѣ и работы-то часа на два — не болѣ! Руки-то у тебя, Алексѣй Михалычъ, какія? — Золотыя! Цѣны имъ нѣтъ. Въ твоихъ рукахъ всякое дѣло горитъ!

Приказчикъ не льститъ: голосъ его звучитъ искреннимъ восхищеніемъ.

— А если цѣны нѣтъ, такъ чего же упираешься?

Приказчикъ сбитъ съ толку.

— Да я не то, Алексѣй Михалычъ... я что... — мямлитъ онъ. Я только про то: четвертная — двѣ съ половиной красной! — Деньги агромадныя! Нашъ братъ мужикъ въ былое время за такія деньги полгода работалъ, а ты за два часа хочешь взять.

— Кто и за что когда-то работалъ, это до меня не касается: я не люблю, когда мнѣ дураковъ въ примѣръ ставятъ!

— Да я не ставлю... — сбивается приказчикъ все болѣе. — То они — и вѣрно, не умны были! — то ты! Два дѣла разныя... Я про то: за прошлогоднясь ты пятерку за мериканку бралъ, а теперича четвертную лом... — приказчикъ явно хотѣлъ сказать „ломишь“, но сробѣлъ, скомкалъ слово и добавилъ: — а теперича ты, значитъ, въ пять разъ взять больше хочешь?

— Выходитъ — въ пять! — и на лицѣ Алешки проступаетъ язвительная улыбка. — А если много будешь говорить, такъ возьму да назначу — въ восемь!

— Шутникъ ты, Алексѣй Михалычъ, ей Богу! — натянуто улыбается приказчикъ, но ясно видно, что за шутку онъ эту угрозу не принимаетъ и боится, какъ бы Алешка и въ самомъ дѣлѣ не накинулъ еще: — Шутникъ! Ну, а все-таки, если по сурьезному-то говорить, Алексѣй Михалычъ, надо сказать: цѣну несуразную просишь. На четвертную-то я изъ города пять мастеровъ привезу.

— Пять? Быстеръ ты! Теперь время такое, что и одного-то мастера не скоро найдешь, а не только пять. Поѣзжай-ка въ городъ, побѣгай-ка!

— Я найду... — робко, неувѣренно говоритъ приказчикъ, думаетъ и съ отчаяніемъ вызывающе добавляетъ: — я найду! Что такое — свѣтъ-то клиномъ что ли сразу сошелся?

— Ну, ищи. А если найдешь такого молодца, за которымъ мнѣ въ прошломъ году, да и въ позапрошломъ тоже пришлось поправлять, такъ пеняй тогда на себя, а я ужъ передъ жнитвомъ не пойду поправлять. Сто рублей будете съ бариномъ давать, все равно не пойду. Добрые люди будутъ жать, а вы будете стоять да смотрѣть, какъ ваша рожь осыпается! И я посмотрю, а чинить американки не буду. Ладно будетъ т а к ъ - т о? а? — Алешка съ язвительной усмѣшкой смотритъ на растерянность приказчика, потомъ киваетъ мнѣ головой: — Ну, идемъ.

Мы трогаемся. Приказчикъ двигается за нами и, искоса посматривая на Алешку такъ робко, точно на грозное и разгнѣванное божество, говоритъ умоляюще:

— Алексѣй Михалычъ, вѣдь, два часа для тебя — не болѣ: и четвертная? Побойся Бога!

Я ожидалъ, что Алешка сейчасъ такъ цикнетъ на приказчика, что его, пожалуй, и слѣдъ простынетъ, но сверхъ всякихъ моихъ ожиданій Алешка какъ будто весело улыбнулся и совершенно спокойно сказалъ:

— Ты мнѣ баки не точай. Объ этомъ ты почаще своему барину напоминай, да и самъ не забывай! Ужъ не вы ли съ нимъ чисты передъ Богомъ?

И обращаясь ко мнѣ, Алешка разсказываетъ мнѣ фактъ, о которомъ я зналъ и до него:

— Случился разъ у его барина большой неурожай. Сѣвъ подходитъ, а у него сѣмянъ даже не хватаетъ. Что дѣлать? Недолго баринъ думалъ. Приказалъ запрячь подводъ двадцать и поѣхалъ по деревнѣ. И самъ рѣчь держалъ къ мужикамъ: „Братцы-мужички, — говоритъ, — видите: на все воля Божья. Вотъ я, баринъ, помѣщикъ, тыщи десятинъ земли имѣю, а настигъ меня Богъ: то закрома отъ хлѣба ломились, а то — на сѣвъ нѣтъ. Братцы, давайте, молъ, жить по Божьи: я вотъ въ бѣдѣ — выручите вы меня, вы будете въ бѣдѣ — я выручу васъ! Идетъ?“ Ну, конечно, наши губошлепы слюни распустили, заохали, заахали, баринъ, молъ, а вотъ какъ бѣдствуетъ, пожалѣть, молъ, надо! И пожалѣли. Забыли, какъ онъ ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ въ бараній рогъ гнетъ, и насыпали ему сѣмянъ — да отборныхъ! — вдосталь. Собралъ баринъ новый урожай и отдалъ мужикамъ столько, сколько бралъ. А потомъ, года черезъ три, у насъ вышелъ неурожай, и наши губошлепы отправились къ барину за помощью. Онъ и помогъ: даетъ мѣру, а возвращать ему должны за каждую мѣру — мѣру съ четвертью. Ему, конечно, говорятъ: „Да за что же съ каждой мѣры четверть-то?“—„А это въ родѣ процента, мужички. Безъ процента ничего нельзя давать“. — „Да какъ же мы-то давали?“ — „Ну, то вы... какъ выдавали, я не знаю. А то я: безъ процента я дать не могу. Хотите, берите, хотите — нѣтъ“. Поохали, поахали, нѣкоторые даже поплакали наши остолопы и взяли. Какъ думаешь: это по-Божески? Негдѣ было кромѣ взять и пошли на проценты. Хорошо? а?

Вопросъ обращенъ ко мнѣ, но приказчикъ, слушавшій эту „исторію“ съ опущенными глазами и не смѣвшій поднять ихъ, когда Алешка кончилъ, принялъ этотъ вопросъ на себя и смущенно принялся было оправдываться:

— Алексѣй Михалычъ, грѣхъ, что говорить — это большой грѣхъ! Но я въ этомъ грѣхѣ не повиненъ. Я вотъ...

— Что ты? — оборвалъ его Алешка: — Ты по деревнѣ ѣздилъ сѣмена собирать съ бариномъ?

— Ну, ѣздилъ.

— А когда рѣчь о „процентахъ“ шла, ты былъ здѣсь?

— Ну... былъ.

— Почему жъ ты за мужиковъ ничего не сказалъ?

— Да что жъ я скажу противъ барина?

— Ты? Ты да не знаешь, что сказать? Я такъ думаю, что сѣмена собирать по деревнѣ выдумалъ ты, проценты брать тоже ты. Кто твой баринъ — дуракъ-дуракомъ, изъ ума ужъ выживаетъ, ему-то и въ голову не пришло бы — это ужъ вѣрно; ну, а тебѣ не впервой — зубы проѣлъ на томъ, чтобы своего брата-мужика всегда объѣзжать. Кто ты — жуликъ изъ жуликовъ, пройдоха изъ пройдохъ!

Приказчикъ побагровѣлъ, взбѣсился, но должно быть надобность въ Алешкѣ была неизбѣжна и неотложна, и онъ свое бѣшенство попытался прикрыть спесивымъ смиреніемъ:

— Спасибо, Алексѣй Михалычъ, спасибо! — сказалъ онъ съ низкимъ поклономъ, переходя на „вы“: — Хорошо еще, что такъ при одномъ человѣкѣ отчестили, а не при всемъ народѣ. Пусть Богъ васъ простить! Загордились вы больно, Алексѣй Михалычъ, загордились и людей ужъ, слышь, жмете...

— Каковъ есть — съ тѣмъ и возьми! — жестко, съ силой сказалъ Алешка: — Жму ли тамъ людей или нѣтъ, это не твоего ума дѣло; ну, а ужъ жать жулику себя не дамъ. Я тебѣ съ бариномъ — не наши остолопы. Меня никакой жуликъ не проведетъ: такъ любого сожму что не вода, а сукровица пойдетъ!

— Да ужъ какой нашъ умъ... Мы ужъ старые дураки, отжили свое время. Вамъ молодымъ — летать, а намъ только смотрѣть! — смиренно и обиженно говоритъ приказчикъ и шаговъ десять идетъ молча. Потомъ спрашиваетъ: — Такъ какъ же, Алексѣй Михалычъ... какое ваше послѣднее слово насчетъ мериканки-то?

— Какъ первое, такъ и послѣднее: четвертную! — точно отрубилъ Алешка: — И еще: деньги впередъ! Не вѣрю я вамъ съ бариномъ. Пожалуй и обманете: дѣло сдѣлаешь, а вы вмѣсто четвертной пятерку отвалите.

Приказчикъ на такое недовѣріе даже ужъ не думаетъ обижаться. Онъ идетъ, думаетъ и, наконецъ, соглашается, переходя опять на „ты“:

— Ну, ладно. Наживай деньги! Хоть баринъ-то и на дыбы встанетъ, да я его обломаю: время, молъ такое... Не побѣгу въ самъ дѣлѣ разыскивать для него въ городѣ мастера, какъ собака съ высунутымъ языкомъ! Только вотъ что, Алексѣй Михалычъ... ужъ поклонись ты барину, когда придешь мериканку чинить, поклонись... Ну, что тебѣ стоитъ? Голова не отвалится, и онъ доволенъ будетъ. Вѣдь онъ не какой-нибудь лапотникъ, а баринъ, чины имѣетъ, а ты шапки не хочешь передъ нимъ сломать! Ужъ не въ службу, а въ дружбу, Алексѣй Михалычъ: поклонись старику. А не то вѣдь опять пойдетъ на цѣлую недѣлю, а то и больше, ералашить. Будетъ ходить по пятамъ и орать тебѣ безъ конца: вотъ, молъ, какой народъ пошелъ — такой, сякой, немазаный... Прямо терпѣнья нѣтъ никакого слушать... Замузычитъ!

— Ну, ужъ это дудки! — и Алешка свистнулъ. — За это я, братъ, ста рублей не возьму. Плевать мнѣ на его чины, если онъ при чинахъ „процентами“ занимается. Мнѣ смотрѣть на него тошно, а ты — кланяться ему. Это дѣло неформенное!

— Тошно? Эхъ, Алексѣй Михалычъ, и если бъ ты зналъ, какъ мнѣ тошно! — вдругъ горько вырывается у приказчика: — Вѣдь пятнадцать годовъ изо дня въ день его вижу. Въ могилу смотритъ, вѣрно говоришь, изъ ума выживаетъ, ну, а орать тебѣ и всякими похабными словами, какъ изъ рѣшета сыпать — годъ отъ году все чаще. Грѣхъ одинъ, прости Господи!

Пообѣщавъ Алешкѣ, что какъ только „обломаетъ“ барину на „несуразную цѣну“, такъ сейчасъ же и придетъ сказать ему, приказчикъ уходитъ отъ насъ мелкими, неувѣренными, семенящими шажками, съ головой, раздумчиво опущенной внизъ. Отъ того крѣпкаго молодцоватаго мужика лѣтъ подъ 50, какимъ явился передъ нами вначалѣ приказчикъ — лишь слабая копія.

Смотрю приказчику вслѣдъ и говорю Алешкѣ:

— Гнешь?

— А ты какъ думалъ: слова на вѣтеръ бросаю? — хмуро отвѣчаетъ Алешка.

Вскорѣ намъ встрѣчается маленькій старичокъ и еще шаговъ за десять всего кричитъ:

— Фамиліи Сивачевыхъ мое почтеніе! Люблю и уважаю. Отцы были молодцы, ну, и дѣти, можно сказать, не лыкомъ шиты!

Старичокъ хиленькій, съ землистымъ лицомъ, съ ввалившимися щеками, съ выцвѣтшими, слезящимися глазами, но идетъ удивительно живо, бодро и даже игриво постукиваетъ и помахиваетъ посошкомъ, какъ беззаботное дитя.

Я широко улыбаюсь старику, сильно трясу его руку и спрашиваю:

— Забылъ какъ тебя зовутъ!

— Когда крестили — Кирилломъ назвали.

— А отчество?

— А зачѣмъ оно? Не люблю. Кириллъ — и конецъ. Короче!

Не очень ужъ жестко, но и не мягко обходится съ Кирилломъ Алешка. Сухо подаетъ старику руку и сухо говоритъ:

— Все прыгаешь? Живучъ же ты! Когда умирать-то думаешь?

Я думалъ, что Кириллъ обидится, но оказалось не то: старикъ залился такимъ жизнерадостнымъ, счастливымъ смѣшкомъ, точно вдругъ весь наполнился какой-то большой радостью.

— Умирать-то? Нѣтъ, Алеха, ты это еще подожди маленечко. Умирать-то — повѣстка еще не пришла...

— Какая „повѣстка“? Что за чушь городишь? Изъ ума начинаешь что ли выживать? — съ недоумѣніемъ спрашиваетъ Алешка, и взглядъ его на старика ужъ тяжелый, напряженно-пронизывающій.

— Да ты не ѣшь глазами-то, не ѣшь! — живо, точно горохомъ сыплетъ, говоритъ Кириллъ: — Не боюсь я тебя, Алеха, ни чуточки. Народъ-то вонъ тебя боится. Говорятъ: сурьезный, молъ, человѣкъ, Алеха — съ нимъ много не покалякаешь. А еще того хуже, молъ, зѣнки у него; какъ вылупитъ, молъ, на тебя это зѣнки — слово на языкъ липнетъ! Вишь, какой ты воитель-то! Всѣ передъ тобой робятъ, а я вотъ — ни чуточки. Такъ-то, Алеха... Не за-

пугаешь меня. А насчетъ „повѣстки“ — это, братъ, тебѣ не чушь, а истинная правда. Въ городахъ вонъ какъ люди богатые умираютъ? И духтора у нихъ, и лѣкарства всякія, а все своего смертнаго часа не знаютъ. Ну, а у насъ, хрестьянъ, мил-лай не такъ: у насъ попросту — безъ затѣй! У меня какъ родитель умиралъ! Прыгалъ вотъ все такъ же, какъ я, а, какъ повѣстка пришла — помылся въ банѣ, надѣлъ смертную адеву и легъ на столъ; лежалъ день, два, не ѣстъ ни крошки, не пьетъ ни капельки, а на третій день попа велѣлъ позвать, причастился тамъ, а какъ попъ за дверь — свѣчки приказалъ надъ собой затеплить. Затеплили! А онъ посмотрѣлъ на нихъ съ часокъ и умеръ. Вотъ какъ у насъ Богу душу отдаютъ! Такъ и я, мил-лай, отдамъ.

— Что такъ у насъ иные умирали, это я и безъ тебя знаю. А при чемъ тутъ какая-то дурацкая повѣстка? — допытывается Алешка. — Становой вамъ что ли присылаетъ такія повѣстки?

— Да, да, становой... да только этотъ становой-то съ того свѣта! — радостно объясняетъ Кириллъ. — Съ того свѣта повѣстки-то, вотъ откуда! Алешка съ полминуты хмуро молчитъ, потомъ смотритъ на старика — на его худую, морщинистую грязную шею, на худое лицо съ изжелта-зеленымъ цвѣтомъ кожи, и жестко заявляетъ: — Выдумаютъ тоже чортъ знаетъ что: повѣстка! Не отъ повѣстокъ дохнете, а отъ грязи да еще отъ того, что скверно жрете.

Старикъ смѣется такъ, какъ будто болѣе пріятнѣе этихъ жесткихъ словъ ему ужъ нельзя ничего сказать.

— А вотъ и не такъ, Алеха. Не такъ! Грязь что: она къ душѣ не пристанетъ. Въ грязи мы родились, въ грязи и умремъ. Доля наша пока што такая. Была бы душа чиста. А если она чиста, если душу не замараешь, такъ свой смертный часъ знать будешь... Ужъ будешь! Повѣсточку съ того свѣта во-время получишь!..

Я боюсь, какъ бы Алешка, въ концѣ концовъ, чѣмъ-нибудь не донялъ этого старика, и съ ласковой улыбкой говорю ему:

— А ты, оказывается, тоже „воитель“ Да еще какой!

— Воитель, воитель, — живо подхватываетъ онъ: — ни въ вѣкъ ни передъ кѣмъ не сдамся. Вотъ и теперича воюю... И не съ кѣмъ-нибудь, не съ какой абы мелкотой, а съ самими енералами: съ самыми большими!

— Да съ какими же это генералами? — недоумѣваю я.

— А съ такими, что на войнѣ командуютъ — самые главные!

Тутъ ужъ мнѣ кажется, что у Кирилла не все въ головѣ въ порядкѣ — и даже „повѣстку“, которую я истолковалъ, какъ невѣдомую еще никому глубину и таинственность мужицкаго духа, я вдругъ ставлю подъ сомнѣніе: не является ли она плодомъ разстроеннаго воображенія?

— Да какъ же ты съ этими генералами воюешь, когда ты ихъ и въ глаза не видишь? — говорю я мягко Кириллу. — Что-то ты говоришь несуразное.

— А вотъ воюю, мил-лай! И въ лицо ихъ вижу. Хактъ (фактъ), какъ умные люди говорятъ.

Для меня ужъ несомнѣнно, что старикъ на войнѣ „свихнулся“ и, испытывая сразу нахлынувшее тягостное чувство, я молчу, не зная, что еще сказать ему. А онъ молчитъ. Смотритъ на меня живыми, разумными глазами, ставящими меня въ еще большій тупикъ, и потихоньку усмѣхается въ свою жиденькую козлиную бородку. Потомъ, видимо, насладившись вдосталь моимъ смущеніемъ и непониманіемъ, рѣшаетъ раскрыть „свои карты“.

— А люблю я, мил-лай, покалякать съ закивоками. Антересно! Ну, теперича на чистоту... Съ енералами-то мы здѣсь вотъ какъ воюемъ... Какъ пошелъ слухъ, что мы полетѣли съ Карпатъ, тутъ мы и задумались. Собрались старики и давай прикидывать и такъ и этакъ... Вотъ и докумекались, что енераламъ-то больно ужъ большую честь дѣлаемъ. Енералъ-то, молъ, енераломъ, а война-то войной, ему чуть что отличился — и награда, и медали, и дѣтямъ по гробъ жизни вспомоществованіе отъ казны, ну, а намъ шишъ съ масломъ! Война-то вонъ кака, кажнаго старика и старуху приходится держать на счету. Мало, молъ, гнули старыя горбушки — погните-ка еще. Ничего, молъ, не попишешь: время такое! Такъ вотъ, значитъ, покумекали и рѣшили: войну-то, молъ, не одни енералы ведутъ, а вся матушка Рассея, весь хрестьянскій народъ! И чести, молъ, особой никакой всему хрестьянскому люду нѣтъ за это, а енераламъ — чести ужъ черезчуръ. Какой онъ такой, можетъ, онъ измѣнникомъ отечеству обернется, а ему — честь: одно слово — енералъ, значитъ, патретъ его въ передній уголъ къ иконамъ! А? Подумать только: въ передній уголъ къ иконамъ... Это какъ бы цѣнить-то енераламъ надо? А они, видно, иные, мерекаютъ не по нашему, а по-свойски.

Вотъ тутъ у насъ слухъ идетъ про одного такого... Самый, значитъ, главный, енералъ изъ енераловъ, а быдто что сдѣлалъ: продалъ нѣмцамъ Рассею. (Старикъ понижаетъ тонъ до шопота и, наклоняясь ко мнѣ, шепчетъ: „Ну, знаешь, конешно: министръ-то этотъ, Сухомлиновъ-то“, и продолжаетъ опять прежнимъ тономъ:) А у кого его патрета въ переднемъ углу подъ иконами не было? У всѣхъ былъ! Ну, тутъ ужъ мы и повели войну противъ всѣхъ енераловъ: всѣ патреты вонъ изъ переднихъ угловъ, чтобы на глаза не попадались!

— Однако! Здорово разомъ раздѣлались! — смѣюсь я.

— Ничего, по совѣсти раздѣлались, безъ обмана: кончится война, и, если какой енералъ окажется, что служилъ онъ Рассеѣ вѣрой и правдой — ну, значитъ, и честь ему: въ передній уголъ подъ иконы! А раньше, чтобы ни-ни! Довольно, учены...

— Такъ значитъ теперь „патретовъ“ ни у кого?

— Ни у кого. Словно вѣтромъ вымело. Иные, правда, по старой памяти нѣтъ-нѣтъ да и выставятъ какой-нибудь патретъ. Ну, да я не сплю. Вотъ и теперича въ одинъ домъ иду. Повѣсили патретъ и говорятъ: этотъ, молъ, знатный. Чистый онъ, можетъ и чистый, а все-таки пусть потерпитъ, когда войнѣ конецъ. Тогда мы ужъ его укрѣпимъ на первое мѣсто, если того заслужилъ, а пока што пусть не взыщетъ!

Я трясу старику на прощаніе руку, говорю ему комплименты, что онъ „воитель — какихъ, дѣйствительно, мало“, а Алешка смотритъ на меня и на старика такъ хмуро, пасмурно и такъ неопредѣленно, — что совершенно ничего нельзя предположить, что онъ о насъ думаетъ. Думаетъ что-то, очевидно, неодобрительное, но что именно — полная загадка.

Старичекъ Кириллъ все такъ же бодро и весело „запрыгалъ“ по своему дѣлу, мы съ Алешкой тихо трогаемся дальше. Но проходимъ всего избъ десять, и я останавливаюсь около одной избы отъ внушительнаго окрика, который доносится до меня въ поднятое оконце:

— Митька! Ты у меня не спѣши! Нѣ, не спѣши, а то штанишки спущу!

Заглядываю съ оконце и вижу: спиной ко мнѣ сидитъ у стола мужикъ съ здоровеннымъ затылкомъ, съ могучей фигурой, а за столомъ сидитъ мальчишка лѣтъ двѣнадцати

и нетерпѣливо посматриваетъ то на мужика, то на листъ почтовой бумаги, который записанъ только еще на половину. А мужикъ покрикиваетъ:

— Ты не пучься на письмецо-то! День-то великъ — успѣешь еще пятки набить. А тутъ дѣло сурьезное... надо обмозговать, что и какъ! Подожжи, что намъ еще черкнуть? Оболтусъ! Дядя за насъ кровь проливаетъ, а тебѣ лѣнь часъ посидѣть.

Мужикъ думаетъ. По лицу мальчишки я вижу, что сидитъ онъ уже больше часа, вѣроятно, и отчаивается, когда же будетъ конецъ этому „часу“.

Рѣшаюсь зайти въ избу и предлагаю Алешкѣ. Онъ недовольно морщится.

— И чего тебѣ надо? Интересно знать, какъ они Богу молятся? Ну, а мнѣ это надоѣло. Иди, а я подожду здѣсь. Да только скорѣе.

Вхожу въ избу, здороваюсь съ мужикомъ и сразу приступаю къ сути своего посѣщенія:

— На войну письмо-то?

— Да, брату.

— А пишетъ кто — сынишка?

— Онъ самый, шельмецъ.

— Ну какъ же идетъ письмо-то, клеится? Можетъ быть, я что добавлю, если позволишь?

У мужика видъ — камни ему легче ворочать, чѣмъ диктовать письмо. На мое предложеніе онъ весь просіялъ:

— Да сдѣлай милость, Михайла! Тебѣ это свышно. Ужъ, пожалуста! — и мѣняя тонъ на строгій, приказываетъ сынишкѣ: — Передай письмо-то грамотѣю настоящему! Вотъ онъ тебя поучитъ, щенка, какъ писать-то.

Я беру письмо и читаю вслухъ. Вотъ оно съ сохраненіемъ орѳографіи:

„Милому нецененному братчу Семену Тимофеичу. Будь живъ и здоровъ. А когда будешь въ страженьяхъ не забудь не забудь. Убить врага и за меня. Первую пулю пусти за себя а вторую за свое семейству а ужъ третью за меня. Дай Богъ вернуться здоровымъ на родину. Но положишь свой животъ на поли битвы буду вечно поминать, а теперь будемъ все мы съ своими детьми просить бога чтобы вернуться победимши врага живымъ здоровымъ. Слухъ идетъ что война будетъ долгая и будутъ брать все муское населеніе. Ну если такъ до меня чередъ дойдетъ будь Семенъ Тимофеичъ сно-

коенъ, первую пулю за тебя пущу вторую за свою семейству а ужъ третью за себя. И племянникъ Митька молится за тебя сидимъ мы съ нимъ двое за столомъ и пишемъ тебе письмо а остальные домашніе кто куда. Потому праздникъ севодня."

Прочитавъ письмо я заявляю, что письмо въ общемъ такъ хорошо, что мнѣ и добавлять нечего.

— Да ну? — и мужикъ недовѣрчиво косится на меня: — А не смѣешься? Побожись.

Я божусь. Онъ вѣритъ.

— А я полагалъ — плохо. Не свышное для насъ дѣло грамоты писать. Такъ, значитъ, и добавлять нечего: все, значитъ, сказано, что нужно, все на своемъ мѣстѣ? Можетъ, поправишь чуть?

Мнѣ не хочется портить стиля деревенскаго письма, и я отказываюсь отъ поправокъ:

— И поправлять, дядя, нечего. Все хорошо, добавишь, конечно, тамъ поклоны, новости своя, деревенскія, вотъ вый детъ великолѣпное письмо.

— Да ужъ поклоны и новости-то въ концѣ. Это ужъ извѣстно. Такъ значитъ письмо во всѣхъ смыслахъ вѣрное?

— Вѣрное, дядя! Такое вѣрное, что я его у тебя перепишу и знакомымъ своимъ въ Москвѣ буду читать: вотъ, молъ, какъ въ деревнѣ-то пишутъ.

И я письмо быстро переписываю въ блокъ-нотъ.

Мужика, однако, обмануть не удается.

— Знакомымъ, говоришь? — онъ смѣется: — А такъ ли? Въ газетахъ, навѣрное, пропечатаешь? Вѣдь знаемъ, чѣмъ займаешься-то.

— Ну, хотя бы и въ газетахъ? А развѣ ты противъ?

— Ну, зачѣмъ противъ? Пропечатай, если письмо, говоришь, хорошее.

— Хорошее, дядя.

— Ишь ты! А я ужъ потѣлъ-потѣлъ. Думаю, кажись, все, что надо. А самъ себѣ не вѣрю. Вотъ что значитъ наша темнота-то. Плохо съ ей жить!

Прощаюсь съ мужикомъ и спѣшу къ Алешкѣ. Онъ меня встрѣчаетъ съ усмѣшкой:

— Большую находку откопалъ?

Я промолчалъ. Прошли шаговъ десять, и Алешка злобно, съ крайнимъ раздраженіемъ сказалъ:

— Не понимаю, хоть убей меня! Не понимаю, за какимъ чортомъ лѣзть тебѣ ко всякому глупому мужичью?

Что они могутъ дѣльнаго написать? И какъ написать? — Какъ куры на снѣгу натопчутъ! Не понимаю, какой тутъ можетъ быть интересъ читать эти каракули?

Самъ Алешка, какъ почти всѣ деревенскія дѣти, учился мало, но потомъ самоучкой доучился писать и читать хорошо. Меня радовало признаніе мужика, что съ „темнотой плохо жить“. И поэтому нападка Алешки показалась мнѣ особенно черствой. Я хотѣлъ ему сказать многое, но не сказалъ ничего: вдругъ мнѣ стало съ нимъ прямо физически тяжело и захотѣлось отъ него отдѣлаться. Дойдя до одной избы, собственникомъ которой являлся тотъ самый Левонькинъ, про котораго упомянула Аксинья въ своей стычкѣ со свекромъ, я остановился и сухо сказалъ Алешкѣ.

— Я зайду сюда.

— И здѣсь думаешь находку откопать? — опять съ усмѣшкой сказалъ онъ.

— Возможно, что и здѣсь. А такъ какъ тебѣ все это скучно, то не лучше ли намъ здѣсь разойтись?

Алешка посмотрѣлъ на меня и по этому взгляду мнѣ показалось, что онъ не уйдетъ отъ меня. Такъ и вышло. Когда я тронулся къ Левонькину, тронулся и онъ, процѣдивъ сквозь зубы особенно многозначительно:

— Скучно-то, правда, скучно, а все-таки посмотримъ!..

Что онъ разумѣлъ подъ „посмотримъ“, — для меня осталось совершенно непонятно.

VIII.

Василію Левонькину было лѣтъ подъ 45. Онъ мнѣ приходился сродни по матери. Дѣдъ его и бабушка были людьми по честности, трудолюбію и умѣнью миролюбиво уживаться со всѣми, исключительными; отецъ — тоже былъ честенъ, и тоже старался жить со всѣми въ мирѣ, но труда не любилъ: поддерживалъ отцовское хозяйство, въ общемъ по деревенскому не бѣдное, какъ тяжелую неизбѣжную обязанность — и только.

Василій унаслѣдовалъ отъ отца и дѣда только миролюбіе. Зачѣмъ нужно быть „честнымъ“, этого онъ, кажется, не понималъ совсѣмъ; „ломать горба“ тоже не любилъ и работалъ только въ крайней необходимости. Съ раннихъ лѣтъ онъ былъ страстнымъ картежникомъ; тащилъ изъ дому все, что „плохо лежало“, получалъ за это отъ отца побои, иногда очень жестокіе, какъ нѣчто должное, за что даже и сердиться на отца

не слѣдуетъ; когда же домашніе источники стали изсякать, тогда Василій обратилъ вниманіе на чужіе амбары. Попался и отсидѣлъ годъ въ тюрьмѣ; но тюрьма очевидно сильно его не испугала, попался на воровствѣ еще, — тутъ ужъ мужики разсудили, что надо „поучить своимъ судомъ“, и такъ поучили, что Василій съ тѣхъ поръ на чужую собственность пересталъ покушаться. А „судъ“ мужиковъ, отъ котораго онъ едва выжилъ, вспоминалъ съ веселой улыбкой: „хорошо били!..“

Когда умеръ отецъ — черезъ три года Василій обнищалъ совсѣмъ, хотѣлъ было продавать послѣдній скарбъ и избенку и ѣхать „на новую землю“, но потомъ рѣшилъ, что съ умомъ можно жить и на „старой землѣ“, и принялся „за умъ“. Открылъ лавочку бакалейную, а при ней тайную торговлю пивомъ и виномъ и черезъ два года опять поправился: и лошадей пара хорошихъ, и корова, и овцы, и птицы, полонъ дворъ.

Въ эти два года не пилъ и въ карты не игралъ. А потомъ запилъ, вспомнилъ карты — черезъ полгода опять чуть не нищій.

Такъ съ тѣхъ поръ и зажилъ: то „житель“, то дойдетъ до послѣдней „красненькой“, вырученной на продажѣ „послѣдней скотинки, и на эту красненькую съ изумительной энергіей въ скоромъ времени превращается опять въ „жителя“. И при этомъ всегда веселъ, всѣ у него — хорошіе люди, съ которыми всемѣрно надо поддерживать самыя наилучшія отношенія.

Самое широкое гостепріимство онъ оказывалъ не только на праздники, но въ любое время кому угодно. Загуляетъ — самъ гулякъ къ себѣ тащитъ, броситъ пить — тоже ни одного гостя безъ угощенія не выпуститъ. Поитъ гостя съ такимъ степеннымъ лицомъ, точно самъ никогда вина въ ротъ не бралъ; поитъ и внимательно смотритъ, чтобы гость ушелъ отъ него всѣмъ довольный: и угощеніемъ и обращеніемъ!

Вѣроятно, онъ былъ искренно убѣжденъ, что всѣ люди дѣйствительно люди хорошіе, какъ, должно быть, былъ искренно убѣжденъ и въ томъ, что „не накрыть“ всѣхъ этихъ хорошихъ людей при случаѣ есть непростительная глупость. И онъ накрывалъ всѣхъ, кого только можно и на чемъ можно. И „накрывалъ“ такъ мягко, умно, что сталъ у мужиковъ нарицательнымъ именемъ:

„Какъ Левонькинъ! Обманетъ, какъ по головкѣ погладитъ!..“

Всѣмъ онъ открывалъ кредитъ и не сердился, когда ему не платили; просто — отказывалъ въ дальнѣйшемъ кредитѣ до тѣхъ поръ, пока ему не погашали хоть частью старый долгъ.

Для него не было бо́льшаго удовольствія, какъ разсказывать, какъ онъ кого „тонко накрылъ“; а если его „накрывали“ и накрывали тоже „тонко“, хотя бы при этомъ для его кармана очень чувствительно; объ этомъ онъ тоже разсказывалъ съ добродушнымъ удовольствіемъ, всегда заключая свой разсказъ комическимъ отчаяніемъ:

— И какъ я это опростоволосился, прямо диву даюсь! Ужъ на что зорокъ? Если съ плутомъ дѣло имѣю, такъ изъ головы не выпускаю: а ну, посмотримъ, кто у кого дубинку украдетъ? А вотъ поди жъ ты: попалъ впросакъ!

Грубыхъ и жесткихъ мошенниковъ, берущихъ своихъ жертвъ за горло, Левонькинъ не любилъ, называя ихъ „міроѣдами“ и „кулаками“.

Доказывать ему, что хотя бы „умно и мягко“ обирать людей, это тоже не честь — было безполезно.

— Да помилуй, что ты!.. — восклицалъ онъ съ искреннимъ огорченіемъ: — Да если все-то сосчитать, сколько у меня по долгамъ пропало, такъ большія деньги были бы. Разя я кого давилъ, жалъ? Не отдаешь — ну, и чортъ съ тобой. Я не обѣднѣю, ты — не разбогатѣешь. Вотъ и все. Я даже сердца не имѣю противъ тѣхъ, кто мнѣ не заплатилъ. Возьму да забуду. Чего серчать. Нынче онъ меня „накрылъ“, а завтра, можетъ, я его подведу! Вотъ и квиты. А насчетъ „чести“ — какая тамъ ужъ честь? Вотъ наша честь: живемъ смѣшно, и умремъ потѣшно! Отецъ-покойникъ любилъ это говорить, и я это говорю: истинно, молъ, все это, что живемъ мы смѣшно и умремъ потѣшно.

Встрѣтилъ насъ Левонькинъ со своей неизмѣнной веселой улыбкой, а такъ какъ мы съ Алешкой являлись у него гостями рѣдкими — я тѣмъ, что заѣзжаю рѣдко, а Алешка тѣмъ, что и совсѣмъ никогда не заглядывалъ къ нему, — то, кромѣ веселой улыбки, еще и весьма радостно.

— Арина, Арина! — крикнулъ онъ, — смотри-ка, кто къ намъ пожаловалъ! Москвичъ, а съ нимъ — вотъ диво то! — Алексѣй Михалычъ! Ну, ну, вотъ это гости!

Изъ какого-то закоулка въ сѣняхъ явилась въ избу Арина — жена Левонькина, лѣтъ сорока,—когда-то хорошая, работящая баба, много поплакавшая отъ легкости мужниного взгляда на жизнь, а потомъ, очевидно, сломилась. Стала поживать, носились непрекращающіеся слухи, что въ поведеніи и на старости лѣтъ передъ мужемъ не чиста: вяжется то съ тѣмъ, то съ другимъ, то съ третьимъ. Были даже случаи, когда ее заставали въ положеніяхъ, не оставляющихъ сомнѣній. Только одинъ мужъ какъ будто ничего не замѣчалъ; а когда ему указывали „на случай", онъ отдѣлывался шутками и смѣхомъ.

Когда-то я зналъ Арину бабой всегда подавленной горемъ, скорбью, заботами и работой — теперь отъ той бабы остался только внѣшній слѣдъ: никакъ она не могла поправить нѣкогда подорваннаго здоровья и была все такъ же тоща и худосочна, какъ и въ годы непосильной работы и нужды и скорби за своего мужа. Во всемъ остальномъ — точно переродившаяся баба: бойкая, веселая, разбитная, съ блудливыми огоньками въ глазахъ. Словно, въ концѣ концовъ, вполнѣ раздѣлила своеобразный взглядъ мужа, что нечего смотрѣть на жизнь серьезно, если „живемъ смѣшно, и умремъ — потѣшно".

Жилъ Левонькинъ съ женой, несмотря на ея запоздалыя увлеченія, удивительно дружно: едва ли когда-нибудь выругалъ ее хоть единымъ словомъ. Какъ никогда не взглянулъ кажется ни единымъ косымъ взглядомъ на свою старшую дочь: еще въ дѣвкахъ, а дѣвка была красивая, дочь „баловалась", вышла замужъ за гнилого и придурковатаго Никиту и превратилась года черезъ два въ бабу съ удивительно пышными формами всего тѣла — но и бабой „баловаться" не перестала. Звали ее — Дарькой. По временамъ эту Дарьку судила вся деревня, и только не находилъ нужнымъ судить одинъ отецъ.

— И чего люди языками треплютъ, безпокоятся — не понимаю! — говорилъ онъ про Дарьку спокойно. — Отбалуется баба свое время — вотъ и все.

... Левонькина мы застали на веселѣ.

— Ну, жена, — приказывалъ онъ явившейся Аринѣ, радостно потирая руки, — угощай дорогихъ гостей хорошенько! Да за Дарькой Семку или Клавку пошли. Пусть москвича-то посмотритъ.

Арина быстро и ловко вывертывалась въ сѣни, быстро и

ловко возвращалась въ избу, заставляя столъ колбасой, селедками, солеными огурцами и моченными арбузами, печеными яйцами и вкусными оладьями изъ пшеничной муки, ветчиной своего приготовленія, пряниками, конфектами, орѣхами, — а когда все это было подано, Левонькинъ окинулъ столъ критическимъ взглядомъ, потомъ вышелъ въ сѣни и принесъ къ чему-то еще тарелку изюму.

Я усмѣхнулся.

— А не принесешь ли чего еще, Василій?

— Все, братикъ! Больше ничего нѣту. Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. Не хватаетъ винца. Помнишь, какъ пивали-то? а? Ну да что подѣлаешь: время такое! А все-таки мы не лыкомъ шиты: кое чѣмъ и сичасъ располагаемъ... Винца нѣтъ — хватимъ, братокъ, кваску! — и, весело подмигнувъ мнѣ, Левонькинъ вывернулся все въ тѣ же сѣни и торжественно явился съ нѣсколькими бутылками кваса.

— Моего, можно сказать, ума дѣло этотъ квасокъ-то! Самъ изобрѣлъ, — гордо заявилъ онъ, ставя бутылки на столъ.

Явилась Дарька въ сопровожденіи Семки и Клавки — дѣти Левонькина: Клавкѣ лѣтъ 14, Семка еще моложе, которыхъ Левонькинъ, сунувъ имъ конфектъ, пряниковъ и орѣховъ, сейчасъ же выслалъ изъ избы:

— Ну, вы, босая команда, не мѣшайтесь здѣсь!

И дѣтишки, весело и задорно сверкнувъ глазенками, такіе же веселые и безпечные, какъ и ихъ отецъ, ушли.

Дарька была въ ловко сидящемъ на ней темномъ ситцевомъ платьѣ, которое оставляло руки оголенными до локтей. Руки пышныя, съ смуглой знойной кожей, перехваченныя къ кисти линіей, какъ у хорошо упитанныхъ младенцевъ.

Левонькинъ весело и ласково взглянулъ на дочь, и въ его взглядѣ ясно была видна гордость, что у него такая красивая дочь, потомъ ткнулъ ее пальцемъ въ наиболѣе мягкое мѣсто поближе къ локтю и сказалъ:

— Плывешь, дочка, какъ на дрожжахъ? Плыви, плыви, — это дѣло хорошее. Все лучше, чѣмъ сухожится! Вотъ мы за это сичасъ и тяпнемъ по стаканчику.

И Левонькинъ принялся наполнять квасомъ стаканъ.

— Только ужъ, пожалуйста, не мнѣ! — хмуро заявилъ Алешка: — Я не желаю отравляться чортъ знаетъ какой гадостью.

Я ожидалъ, что Левонькинъ смутится, но онъ и глазомъ не моргнулъ.

— Напрасно, Алексѣй Михалычъ, насъ обижаешь! — заговорилъ онъ не спѣша и ласково. — Не думай, что мы необразовщина какая. Понимаемъ, братъ, публика разная — вотъ и квасокъ у насъ разный. Одинъ для чистой публики, другой — для простонародья. А отравлять никого не отравляемъ: для простонародья квасокъ только похуже — вотъ и всѣ. Чтобы вредъ отъ него какой былъ — Боже упаси!

— А нюхательный табакъ и еще какія-то тамъ зелья сыплешь къ чему? — уже зло спросилъ Алешка.

— Ну, это тебѣ вороны на хвостѣ принесли! — засмѣялся весело Левонькинъ и потянулся со своимъ стаканомъ къ мнѣ чокнуться. — Выпьемъ, братокъ, на свиданьи то!

Потомъ чокнулся съ женой и дочерью:

— Дарька, Арина, плюйте на все и берегите свое здоровье!

Я попробовалъ квасъ — онъ былъ сладокъ, вкусенъ, хмѣля же въ немъ было мало и, выпивъ весь стаканъ, сказалъ Алешкѣ:

— А квасъ недуренъ. Напрасно не пьешь.

Алешка промолчалъ. Левонькинъ опять наполнилъ стаканы, опять мы всѣ выпили, кромѣ Алешки, и завели обычный, незначительный разговоръ: меня разспрашивали, какъ я живу, я — какъ они. А Алешка молчалъ, и я видѣлъ, какъ онъ наблюдаетъ и за мной и за всѣми остальными. И должно быть, всѣ мы ему очень не нравились. Онъ потемнѣлъ въ лицѣ какъ голенища его сапогъ, его зеленые глаза, которые онъ поочередно переводилъ съ одного на другого, блестѣли угрюмо. И еще сильнѣе во мнѣ поднялось ощущеніе чисто-физической тяжести отъ присутствія этого человѣка. Хотѣлось отъ него избавиться, и я рѣшилъ сидѣть у Левонькина до тѣхъ поръ, пока онъ не уйдетъ.

Зато совершенно спокойно чувствовали себя хозяева. Предложили этому гостю тяжелому выпить и закусить, а когда онъ отъ того и другого отказался, словно сочли свою роль хозяевъ оконченной и какъ будто о немъ забыли.

Ни слова, ни взгляда въ его сторону.

... Скоро оказалось, что квасокъ для „чистой публики“ ни Левонькина, ни его жену, ни дочь не удовлетворялъ. Левонькинъ принесъ нѣсколько бутылокъ другого квасу, который я пить побоялся: онъ былъ горекъ, сильно отдавалъ хмѣлемъ и еще чѣмъ-то ѣдкимъ и дурманящимъ.

Но Левонькину, его женѣ и дочери квасъ должно быть казался хорошъ: выпили и, хотя поморщились, но сейчасъ же пропустили еще по стакану.

Квасъ „для простонародья“, очевидно, былъ весьма забористъ. Черезъ четверть часа и Левонькинъ, и Арина, и Дарья захмѣлѣли какъ то странно: не похоже на тотъ хмѣль, который получался отъ водки. Лица расплывались въ туповатую, ближенно-сонную улыбку, глаза же были какъ-то остро-безпокойно и напряженно возмущены.

Левонькинъ былъ хмѣльнѣе жены и дочери — вѣроятно, потому, что „заправился“ раньше ихъ. Ему, видимо, очень хотѣлось, чтобъ я вошелъ во вкусъ его изобрѣтенія по-обстоятельнѣе, и онъ присталъ ко мнѣ:

— Москвичъ, не обиждай родни, выпей — этотъ квасокъ-то, можно сказать, ратификованный! Это тебѣ все равно что девяносто шесть градусовъ!

— Не хочу, Василій.

— Да ты „не нехочукай“. Ты прежде распробуй толкомъ, а ужъ, если распробуешь, такъ будь покоенъ, не похаешь!

— Видѣлъ: я уже пробовалъ.

— Пробовалъ? Пригубилъ чуть и говоритъ — пробовалъ! Ты выпей стаканчика три — вотъ это называется попробовать. А тогда-то вотъ и раскусишь какъ слѣдуетъ мое издѣліе. Бился я надъ нимъ вотъ какъ: и то на испытокъ положу, и другое, и третье, и пятое, и десятое — все по-моему не ладно!

А тутъ еще Аринка гудитъ: брось, говоритъ, и то хлѣбъ, чего дальше-то изводишься. Извѣстное дѣло — баба: волосъ-то дологъ, а умъ-то недотошливъ. Ну, а я все-таки достукался: ту препорцію прибавлю, ту убавлю, ту выкину совсѣмъ, а на ейное мѣсто какую-нибудь новую спецію... Вотъ такъ и достукался до самой точки! Пусть-ка кто-нибудь умудритъ лучше, чѣмъ я? — Вретъ, упрется. Простой квасокъ сдѣлаютъ, — да ужъ и дѣлаютъ! — а чтобы ратификованный... нѣ-ѣту... тутъ ужъ Левонькина никто не переѣдетъ!

Я ему сказалъ, что какъ бы онъ за этотъ квасокъ въ тюрьму не попалъ.

— Дурака нашелъ? — засмѣялся Левонькинъ. — Тутъ ужъ сдѣлано такъ — комаръ носу не подточитъ! Ко мнѣ ни одинъ чортъ-дьяволъ не подъѣдетъ: имѣю полное законное право торговать квасомъ — патентъ отъ начальства выправилъ. Мы не проморгаемъ, будь покоенъ! Такъ выпьемъ, братокъ, за мою ухватку? Не обиждай родни!

Я уклонился.

— Не хочешь? Ну, Богъ съ тобой! — кротко сказалъ Левонькинъ и огорченно потянулся чокаться своимъ стакаиомъ къ женѣ и дочери. — Выпьемъ ужъ, видно, съ вами единокровныя! У насъ думки однѣ... Вѣр-рно, милыя?

Смотрѣлъ я на этихъ „единокровныхъ“ и поражался тѣмъ, какъ они дружно „спѣлись“. Такъ они нѣжно, влюбленно и въ высшей степени предупредительно относились другъ къ другу, если бы не знать, что изъ себя представляетъ это тріо, можно было бы подумать, что видишь передъ собой на рѣдкость хорошую, преисполненную всяческихъ добродѣтелей семью.

И понимали они другъ друга удивительно: съ полуслова съ полунамека, съ полудвиженія. Но особенно удивителенъ былъ самъ Левонькинъ. Плутъ до мозга костей, а лицо — почтенія и благообразія хоть отбавляй; если не смотрѣть на живые и веселые глаза, такъ лицо даже постноватое, углубленно-строгое, какъ у людей, сильно подверженныхъ мистикѣ. Били его мужики за воровство такъ, что вся деревня рѣшала, что этого „боя“ онъ не выживетъ; сколько разъ онъ проигрывался въ карты и пропивался до того, когда въ домѣ по мѣсяцамъ куска хлѣба не было (семья его въ это время питалась по добрымъ людямъ, а чѣмъ питался онъ — оставалось неизвѣстнымъ) — этому, вѣроятно, счетъ и самъ Левонькинъ потерялъ.

Но все, очевидно, сходило съ него, какъ съ гуся вода. Средняго роста, коренастый, въ мѣру упитанный, съ цвѣтущимъ, румянымъ лицомъ, весь „съ головы до ногъ ловко да ладно скроенный“, и все это почти въ 45 лѣтъ — тогда, когда у большинства мужиковъ отъ работы уже вырастаютъ горбы, ну, точь-въ-точь тотъ сусальный мужичекъ съ несокрушимымъ здоровьемъ, дышащій довольствомъ, какихъ представляли себѣ въ старыя „добрыя“ времена въ своихъ салонахъ тѣ великосвѣтскія барыни, которыя въ своихъ вотчинахъ никогда не бывали, но думали, что тамъ во всемъ „тишь, гладь, да Божья благодать!“

IX.

Потребители кваса были у Левонькина еще до нашего прихода съ Алешкой: когда мы пришли и сидѣли у него, мы слышали доносящійся къ намъ черезъ сѣни говорокъ голосовъ пяти-шести.

За сѣнями у Левонькина была пристроена лавка, а при лавкѣ — клѣтушка: тамъ и услаждались мужики квасомъ, а когда существовала „казенка“ — виномъ. Потомъ охотниковъ на квасъ сразу привалила такая куча, которая вмѣститься въ клѣтушку не могла, и разсыпалась по двору, а нѣкоторые расположились прямо на улицѣ, около избы. И въ избу стали густо доноситься шумъ, смѣхъ, тяжеловѣсныя шутки и слегкая перебранка.

Арина и Дарька не успѣвали съ погреба таскать бутылки. По временамъ изъ избы вывертывался „на минутку присмотрѣть“ и самъ Левонькинъ и возвращался, довольно потирая руки.

Явилась передохнуть минуты на три Дарька.

— Налей-ка, тятенька, кваску! И гдѣ это только запропастились Семка съ Клавкой? Тутъ съ ногъ сбиваешься, а онѣ гдѣ-то тамъ попусту шелапутятъ!

Левонькинъ подалъ Дарькѣ стаканъ, а заодно выпилъ съ нею и самъ, ласково приговаривая:

— Тяпнемъ, дочка, тяпнемъ, милая! Эхъ, да и ходокъ ты у меня! — и долгимъ веселымъ взглядомъ отецъ посмотрѣлъ на дочь. На то, какая она вся съ ногъ до головы пышная, безудерженно знойная и безстыдно-вызывающая.

Дарька была уже пьяна, хотя на ногахъ еще держалась твердо. И когда она пошла изъ избы, Алешка проводилъ ее взглядомъ полнымъ ненависти и съ ненавистью, грубо злобно обратился къ Левонькину:

— Слушай, неужто ты не знаешь, что жена твоя и дочь всѣмъ извѣстныя...?

— Алексѣй, ты ужъ, кажется, черезчуръ... — заикнулся было я и замолкъ, пораженный веселымъ смѣхомъ Левонькина.

— Не въ ту точку бьешь, милый! — сказалъ черезъ минуту миролюбиво, степенно Ливонькинъ. — Ты не думай. что я теленокъ. Если кто меня за живое задѣнетъ (Левонькинъ взялъ со стола тупой ножъ) — такъ я того вотъ этимъ ножемъ зарѣжу! Ты думалъ уязвить меня какъ — въ самую сердцевину, а вышло — прошибся. Такія слова я пропускаю мимо... По-твоему, моя жена и дочь... а по моему — глупое это твое слово. На этотъ счетъ мое разсужденіе такое: какъ онѣ хотятъ — пускай такъ и живутъ. Я имъ тутъ не указъ, какъ и онѣ мнѣ ни въ чемъ не указъ!

Опѣшилъ даже и Алешка.

— Какъ не указъ, — съ недоумѣніемъ выралось у него. — Да вѣдь ты одной — мужъ, а другой — отецъ? Кто же указъ, если не ты, если не отецъ и не мужъ?

— А никто. Всякъ по-своему долженъ жить.

— Да какъ же такъ? — уже совсѣмъ потерялся Алешка. — Ну, туда-сюда, можно бы еще понять, если бы ты самъ по бабамъ былъ потаскунъ, а то вѣдь за тобой этого не слышно.

— Вѣрно. До этихъ дѣловъ не охочъ. Не антиресуюсь! Мое дѣло — коммерція! Тутъ ужъ мнѣ ни жена, ни дочь — ни слова: знаютъ, что осерчаю. Ну, вотъ и я имъ — ни слова. Къ чему? У нихъ — свое, у меня — свое. Такъ-то вотъ, Алексѣй Михалычъ. Тутъ вотъ до меня слухи доходятъ, что ты всѣмъ только одно и твердишь: работать, молъ, надо, работать! А я работать не хочу. Къ чему работать, когда живемъ смѣшно, а умремъ потѣшно? Горъ работой, Алексѣй Михалычъ, не сдвинемъ, какъ онѣ стоятъ, такъ и останутся; палатъ каменныхъ работой тоже не наживемъ — къ чему жъ стараться?

Я посмотрѣлъ на Левонькина — такъ ли? И, кажется, вѣрно показалось, что твердо, разъ навсегда онъ отрѣшилъ, что если жизнь „смѣшна“ и даже смерть „потѣшна“, то не къ чему значитъ искать въ себѣ и въ другихъ какихъ-то тамъ добродѣтелей.

Тутъ ужъ Алешку прорвало окончательно: онъ пустилъ въ свою рѣчь частую и рѣзкую площадную брань, что съ нимъ очень рѣдко бывало.,

— Работать не хочешь, прохвостъ! — злобно рубилъ онъ. — Такихъ людей, какъ ты, твоя жена и дочь, въ каторгу надо ссылать да подъ кнутомъ тамъ заставлять работать. Вотъ какъ надо!

— Строго! Больно строго, Алексѣй Михайлычъ! — все еще миролюбиво, хотя уже и ѣдко говорилъ Левонькинъ. — Да и не совсѣмъ! Что ты на насъ, на однихъ сѣрыхъ лапотниковъ, напалъ? А о бѣлоручкахъ, о барахъ забылъ? Изъ нихъ дармоѣдовъ-то побольше, чѣмъ изъ насъ. Ссылай ужъ заодно съ нами и ихъ въ каторгу?

Алешка продолжалъ ругаться яростно. И хотя Левонькинъ твердилъ ему какъ будто спокойно и насмѣшливо „потише, потише, очень-то не расходись!“, но лицо его постепенно темнѣло, шея побагровѣла, и я, опасаясь, какъ бы и въ самомъ дѣлѣ въ ходъ не пошелъ бы тупой ножъ, попросилъ Левонькина показать свой „квасной заводъ“.

— Заводъ? — просіялъ вдругъ онъ. — Ну, пойдемъ, пойдемъ! Отчего не показать тебѣ свою хвабричку, а заводъ-то будетъ потомъ. Ужъ будетъ: и теперь квасу нехватка. Надо пристраивать.

Левонькинъ попросилъ меня заглянуть въ кухню, которая была отдѣлена отъ избы перегородкой и, указывая вмѣсто шестка на плиту съ желѣзной коробкой, вмѣстимостью ведеръ въ пять, гордо пояснилъ:

— А это не работа? Печника, который бы мнѣ это оборудовалъ, не нашелъ и обмозговалъ все самъ!

Потомъ свелъ меня на погребъ, гдѣ стояли три сорокаведерныя бочки, а въ погребѣ, на снѣгу кучей были навалены бутылки съ квасомъ. Двѣ бочки были пустыя, одна — наполнена квасомъ до половины.

Я спросилъ, почему квасъ только въ одной, а тѣ пусты.

— Весь вышелъ въ тѣхъ-то, — отвѣтилъ онъ, но мнѣ показалось, что онъ что-то скрываетъ, и я сталъ допытываться.

Онъ скоро сознался.

— Ну, такъ и быть. Ты свой человѣкъ, и тебѣ на прямоту скажу. Въ тѣхъ-то двухъ бочкахъ у меня квасъ недолго застаивается: какъ готовъ, такъ я его сейчасъ въ тайничекъ, чтобъ начальство не накрыло. А если явится оно, я ему квасокъ для чистой публики: въ емъ только и есть мята, сахаръ да солодъ. Придерись-ка!

— Ну, а тотъ, ратификованный-то не покажешь?

— Нѣ-ѣту! Это ужъ дудки. Его, по правилу-то если, надо бы продавать дороже — хлопотъ съ нимъ больше; ну а я чтобъ, подозрѣніевъ не вызывать, все по одной цѣнѣ пускаю: пятиалтынный бутылка!

— Нехорошо, Василій. Если скрываешь этотъ квасъ, значитъ, въ немъ есть что-то вредное.

Но тутъ Левонькинъ забожился, закрестился, увѣряя, что въ „ратификованномъ“ вреднаго тоже ничего нѣтъ. Есть больше хмѣля, какихъ-то травъ — и только. А всего больше упиралъ на то, что не врагъ же онъ себѣ и своимъ близкимъ: вѣдь на моихъ же глазахъ пилъ онъ этотъ квасъ, позволялъ пить женѣ, дочери, а разъ такъ, то какая же можетъ быть „отрава“ въ квасу?

Поглядѣлъ я и на пьющихъ. На дворѣ подъ навѣсомъ сидѣли прямо на землѣ человѣкъ до пятнадцати.

— Тянете, — сказалъ я имъ.

— Тянемъ, Михайло! Не хошь ли за компанію!

— Спасибо. А что если васъ Левонькинъ травитъ?

— Нѣтъ. Этого, кажись, нѣтъ. Правда, крѣпокъ квасокъ-то, и чего онъ только туда, дошлая голова, напустилъ? Крѣпокъ, вѣрно, а худого пока что ничего не видимъ. А если увидимъ, тогда тоже пусть не пеняетъ: ужъ поучимъ, какъ народъ травить! — отвѣтилъ за всѣхъ одинъ мужикъ.

А другой добавилъ:

— Скушновато, вотъ и пьемъ. Тутъ тебѣ и война, и то другое — тяжеловато все...

А Левонькинъ, слушая, улыбался и довольно потиралъ руки. Тутъ же вертѣлись его дѣти — Семка и Клавка. Получали деньги, убирали пустыя бутылки, приносили новыя — юркія, съ плутоватыми бойкими лицами, на которыхъ ясно проступало сознаніе, что зѣвать не слѣдуетъ, когда отцу представляется случай зашибать деньгу.

Когда мы вернулись въ избу, Алешка съ понурой головой сидѣлъ все на томъ же мѣстѣ. Левонькинъ отъ осмотра своей „хвабрики“ пришелъ въ очень хорошее настроеніе и, хлопнувъ два стакана подъ рядъ „ратификованнаго“, весело обратился ко мнѣ:

— Видишь: если бы зналъ, что пью отраву, разя лопалъ бы такъ? То-то! А все остальное прочее — дѣло коммерческое. Иныя деньги наживаютъ на кузняхъ, а я вотъ на квасу. Да не лежа на боку наживаю, а хрипъ гну. Спроси Ариньку да Дарьку: когда квасъ дѣлаемъ — какъ работаемъ? Ночей не спимъ, а ужъ сколько разовъ употѣмъ, этого и не помнишь! Мечемся, братокъ, какъ угорѣлые. То-то!.. Деньги-то не зря достаются. — Помолчалъ, точно подумалъ — стоитъ ли говорить? — и рѣшивъ, что стоитъ, спросилъ: — Погоди, москвичъ, какъ это называется — тюрьмо что ли?..

— Какое тюрьмо? — улыбнулся я: — Кажется съ квасу чушь городить началъ.

— Чушь не горожу. Погоди, дай вспомнить. Вотъ досада — все забываю... Тюрьмо... что не такъ. Дай Богъ памяти! — Левонькинъ постучалъ себя по лбу двумя пальцами. — Видишь ли, есть у меня въ городѣ одинъ другъ пріятель — швецаръ. Придешь къ нему — лѣстница такая... цвѣты на ней въ кадушкахъ огромадные, половики красные изъ персидскаго царства, говорятъ, а потомъ зеркало — такое:

встанешь передъ нимъ и всего себя съ ногъ до головы видишь! Такъ вотъ это зеркало-то какъ называется?

— Трюмо, должно быть.

— Вотъ, вотъ! — обрадовался Левонькинъ: — Трюмо — оно самое. Вотъ я и думаю: заведу себѣ такое трюмо и граммофонъ большой.

Я взглянулъ на низкій потолокъ избенки, на темныя отъ старости и грязи стѣны и захохоталъ:

— Да какъ же ты въ такую избу трюмо поставишь? Бокомъ что ли его положишь?

— Ты что жъ за дурака меня считаешь? — слегка обидѣлся Левонькинъ: — Я трюмо-то это поставлю, когда домъ въ двѣ тыщи выстрою! Да не одно трюмо — цвѣты къ нему, небель, лампу въ три тыщи мѣдную, какъ у богатыхъ, къ потолку привѣшу. Вотъ тогда и пусть ротозѣи смотрятъ, какъ Василій Левонькинъ живетъ!

— Ты, можетъ, еще рояль заведешь?

— Это какой? На которомъ тренькаютъ-то?

— Онъ самый.

— Ну, это намъ ни къ чему. Тренькать у насъ некому.

Помолчалъ и огорченно вздохнулъ:

— Только вотъ бѣда: съ годокъ, кажется, обождать придется.

— А чего ждать? Строй теперь! — усмѣхнулся я.

— Да ужъ взялся бы теперича, если бы не Аринка. Тонко дѣло ведетъ: вмѣстѣ, говоритъ, надъ квасомъ спину ломаемъ — такъ половину дохода мнѣ. И деретъ, братъ ты до единой копеечки. Я и такъ и сякъ — нѣту, не обжулишь. Жохъ баба стала! Арихметику твердо знаетъ.

— Выходитъ, что, живя съ тобой, Арина-то поумнѣла, — сказалъ я опять съ усмѣшкой. — Захотѣла свою копеечку на черный день имѣть.

— Выходитъ такъ, — кротко согласился Левонькинъ и, махнувъ рукой, весело добавилъ: — Да я на нее и не серчаю. Баба работаетъ, старается во какъ — до упаду. И копеечку, если собьетъ, такъ она у ней, не какъ у меня, — цѣла будетъ. Одно слово: жохъ баба стала. А я жоховъ уваж-жаю!

Алешка сидѣлъ все такъ же: съ понуренной головой.

— Ну, я иду, — сказалъ я ему.

Онъ всталъ и, когда я увидѣлъ его лицо, я понялъ, что онъ отчего-то сильно страдаетъ — и страдаетъ зло, оже-

сточенно. Левонькинъ миролюбиво протянулъ ему на прощанье руку, но Алешка руки какъ будто не замѣтилъ: круто повернулся и пошелъ.

Около избы Левонькина распивала квасъ кучка мужиковъ человѣкъ въ 15.

Насколько вреденъ квасъ для здоровья — объ этомъ я не могъ судить, но что онъ способенъ дурманить, какъ вино, — это было налицо: слишкомъ хорошо знакомъ мнѣ былъ тотъ видъ мужиковъ, съ которыми они, когда существовали „казенки“, пили „мірское вино“, спуская при этомъ за безцѣнокъ общественныя угодья, но что вреднѣе всего — часто пристрастно и неправильно рѣшая общественныя дѣла.

Получалось что-то несуразное: безобидное какъ будто названіе — „квасъ“, а допустить его въ широкомъ размѣрѣ — тотъ же пьяный угаръ, какъ и отъ „казенки“, со всѣми его послѣдствіями, — а въ смыслѣ здоровья, можетъ быть, даже болѣе гибельными, чѣмъ отъ вина.

Левонькинъ вышелъ меня проводить. Должно быть, Алешка тѣмъ, что не подалъ ему руки, нанесъ ему сильную обиду: Левонькинъ поблѣднѣлъ отъ злости. Но, увидя легкомысленно-пьяненькія, довольненькія лица мужиковъ, Левонькинъ вмигъ забылъ свою обиду: его почтенное, благообразное лицо расплылось въ блаженнѣйшую улыбку и, какъ-то странно сразу оньянѣвшимъ голосомъ онъ забормоталъ:

— Вотъ-те и война.. Слава Богу, достукались: закуска своя, выпивка — своя... Да этакъ жить — умирать не надо! То-то!..

Потомъ нелѣпо-пьяно замахалъ руками:

— То-то! Не все господамъ однимъ масленица на нашихъ горбахъ-то: и мы, пахотники, въ грязь лицомъ не ударимъ... Тюрьмо, грамофонъ и домъ въ двѣ тыщи — это ужъ безпримѣнно! Намъ эта грязь-то вотъ ка-акъ осточертѣла!..

И вдругъ рѣзко покачнулся и упалъ; сдѣлалъ нѣсколько попытокъ встать, но, должно быть, понялъ, что перегрузился и успокоился. Лежалъ и, махая рукой, бормоталъ:

— Братцы-пахотники, вотъ какъ я! Иные-прочіе тамъ языками треплютъ, что я — травлю... Дур-раки! Значитъ, и себя травлю? а? Вотъ онъ квасокъ-то — рат-тифик-кован-ный Живи — умирать не надо. Это такъ... къ слову... А по настоящему-то... э-эхъ! всѣ дураки, и всѣ — живемъ смѣшно и умремъ потѣшно... Умный у меня былъ родитель, цар-рствіе ему небесное!

Мужики весело ржали, и не было для нихъ большаго доказательства, что квасъ безвреденъ, какъ этотъ валяющійся отъ своего издѣлія Левонькинъ.

Угрюмымъ взглядомъ смотрѣлъ на мужиковъ и на Левонькина Алешка.

Молча мы дошли съ Алешкой до убѣжища брата Александра. Двое его братьевъ всю жизнь просидѣли на землѣ, а онъ исчезъ изъ деревни 14 лѣтъ, вернулся лѣтъ черезъ 10 въ одеждѣ странника, прогостилъ дома съ недѣлю и опять исчезъ надолго. Такъ навертывался во всю свою долгую жизнь нѣсколько разъ и, только за годъ до войны, написалъ своему брату (другого ужъ въ живыхъ не было), что онъ „слабъ на ноги“ и проситъ, если это не въ тяжесть, приспособить ему для жилья амбарушку, стоящую на задахъ. Братъ приспособилъ: обмазалъ амбарушку внутри и снаружи глиной, прорѣзалъ окно, вывелъ крошечную печку только для тепла. Мѣсяца черезъ три прибылъ братъ Александръ, посмотрѣлъ на амбарушку, одобрилъ и вручилъ брату немалыя для деревни деньги — 500 рублей съ тѣмъ, чтобы братъ ему до конца жизни доставлялъ „малость хлѣба“, а зимой и осенью, кромѣ того, „малость дровецъ и керосинцу“,

Братъ „хлѣбъ“ понималъ шире и началъ было доставлять брату Александру еще и всякій приварокъ, но братъ Александръ отъ приварка отказался: только хлѣба и, притомъ, дѣйствительно, „малость“ — не больше полутора фунта въ день. Заботу брата о дровахъ тоже отдалилъ на неопредѣленное время: „Вотъ свалюсь когда съ ногъ совсѣмъ, тогда другое дѣло; а пока что самъ!..“

И запасался съ лѣта на всю осень и зиму изъ лѣсу сухимъ валежникомъ.

Дойдя до амбарушки, я на минуту остановился передъ ней: не понятно было, какъ можно размѣститься въ ней хотя бы одному. Потомъ нерѣшительно постучалъ въ обитую рогожей дверь, которая представляла собою нѣкую загадку: она никогда, несмотря ни на какую жару, не была открыта, но она же никогда не запиралась, какъ въ присутствіе хозяина, такъ и въ его отсутствіе.

Весной 915 года она простояла незапертой около полутора мѣсяца. Заявилъ однажды утромъ въ концѣ апрѣля братъ Александръ брату, что онъ идетъ въ Саровскую пустынь помолиться „за всѣхъ живыхъ и убіенныхъ“.

Братъ сейчасъ же къ амбарушкѣ съ замкомъ. А братъ Александръ его остановилъ:

— Не надо. Не хорошо.

— Какъ не хорошо. Да вѣдь у тебя же все растащатъ, разворуютъ?

— Пусть растащатъ, кому надо, а запирать нельзя. Не хорошо.

Такъ и простояла амбарушка безъ замка — и простояла не совсѣмъ чисто. Въ первые же дни, когда по деревнѣ стало извѣстно, что братъ Александръ ушелъ и амбарушку свою приказалъ оставить незапертой, кто-то ночью стащилъ единственную зимнюю одежду брата Александра: хорошій тулупъ.

Деревня заахала, заохала, вознегодовала — и устыдился-ли воръ или убоялся, но въ одну ночь тулупъ очутился въ амбарушкѣ на своемъ мѣстѣ, да еще съ покаяніемъ, нацарапанномъ на клочкѣ бумажки карандашомъ: „И приду я, братъ Александръ, къ тебѣ, когда ты придешь; повалюсь тебѣ въ ноги и покаюсь, какъ меня бѣсъ лукавый попуталъ".

Кромѣ этого вора, на амбарушку никто не посягнулъ: кто былъ воръ — осталось тайной. Отъ брата Александра мужикамъ только и удалось добиться:

— Братъ мой, — сказалъ онъ, — какъ и всѣ; рабъ Божій, какъ и всѣ мы рабы Божіи.

На мой стукъ въ дверь ничего не послѣдовало; я постучалъ еще, покрѣпче, и дверь тихо отворилась. Около порога стоялъ, почти касаясь головой потолка, средняго роста старичекъ съ длинной сѣдой бородой и съ сѣрыми и мягкими, какъ ленъ, на головѣ густыми волосами, и смотрѣлъ на меня спокойными, ясными и свѣтлыми глазами такъ, что я сразу понялъ: молчаливо онъ проситъ меня войти къ нему и молчаливо будетъ ждать, что я ему скажу. И, дѣйствительно, едва я сдѣлалъ движеніе, чтобъ перешагнуть черезъ порогъ, братъ Александръ насторожился, усѣвшись на единственное сидѣніе — на свою постель. Я всталъ у печки — для меня потолокъ былъ низокъ, и я стоялъ съ наклоненной головой. Вошелъ Алешка и остановился у порога, такъ какъ больше мѣста въ амбарушкѣ уже не было.

Почему-то, глядя на старика, мнѣ показалось совершенно излишнимъ говорить ему обычное привѣтствіе: сказать „здравствуй" — казалось ненужнымъ, сказать такъ широко принятое въ деревнѣ „мое почтеніе" — пошлымъ. Никакого

смущенія, чего я такъ опасался и для чего потянулъ съ собой Алешку, я не испытывалъ и не ждалъ, когда Алешка сдѣлаетъ мнѣ вступленіе къ бесѣдѣ. Какъ-то само собой у меня совершенно свободно вырвалось:

— Пришли, братъ Александръ, поговорить съ тобой насчетъ войны.

— Да что жъ я тутъ могу сказать? Воюютъ народы, пьютъ братскую кровь... — и старикъ тихо, сокрушенно кивнулъ головой.

— Вотъ именно! — подхватилъ я опять какъ-то само собой, легко, не думая. — Тамъ, на позиціяхъ, кровь льютъ, а здѣсь народу тоже не легко. Какъ думаешь, вѣдь не легко?

— Это вѣрно: не легко! Затягощилъ народъ, можно сказать. Работниковъ сколько угнали! А если еще новые наборы будутъ, такъ тогда затягощаемъ тяжко.

Зловѣщими мнѣ показались слова „затягощилъ“ и „тяжко“. И съ дрогнувшимъ сердцемъ я растерянно залепеталъ:

— „Тяжко“, братъ Александръ? Какъ же будемъ-то, если такъ затягощаемъ?

— А все такъ же, какъ и раньше: переболѣемъ, братъ! — и старикъ удивительно свѣтло, мнѣ бы хотѣлось сказать, не боясь быть смѣшнымъ, лучезарно улыбнулся, блеснувъ при этомъ великолѣпно сохранившимися зубами. — Если татарское иго выжили, такъ отъ ерманцевъ-то ужъ не упадемъ. Трудно было народу и еще труднѣе будетъ — это ужъ словъ нѣтъ, а не упадемъ. Народъ сталъ сильнѣе да смышленнѣе, чѣмъ во времена татаръ — какъ же упасть? Одно только вотъ у насъ плохо: законы-то, говорятъ, святы, а исполнители-то супостаты...

Помолчалъ братъ Александръ и какъ будто самъ съ собой:

— Да и все такъ: подумаешь — горе, а разумѣешь — нѣтъ худа безъ добра. Конешно, жалко мужика, да что подѣлаешь: мужика-то вѣдь ни о чемъ не спрашиваютъ. А зря! Есть старая, хорошая поговорка: мужикъ уменъ, да міръ дуракъ. Если бы мужиковъ-то во всѣхъ царствахъ спрашивали, такъ и никакихъ и войнъ-то, пожалуй, не было бы. Мужикъ не любитъ зря крови лить...

— Вотъ ужъ съ этимъ я, братъ Александръ, не согласусь! — рѣзко вмѣшался Алешка: — Въ чемъ же онъ

уменъ-то то нашъ мужикъ-то: дуракъ форменный! Насчетъ крови тоже неправильно: кто больше мужика кровянитъ себѣ морды? Развѣ въ городахъ люди такъ дерутся, какъ мужики въ деревняхъ?

Густыя, мохнатыя брови брата Александра вдругъ такъ грозно нахмурились надъ глазами. — „Ну, кажется, въ пухъ разнесетъ Алешку!“ — подумалъ я. Но, когда братъ Александръ заговорилъ, я засмѣялся, засмѣялся и Алешка, и, глядя на насъ, заулыбался и самъ братъ Александръ.

— А ты согласись, согласись, не заводи прю зря! — заговорилъ братъ Александръ такъ кротко и съ такимъ непоколебимымъ убѣжденіемъ — такъ говорятъ дѣти, когда не сомнѣваются въ истинности своихъ словъ. — Согласись, паренекъ: мужикъ — уменъ. Какъ онъ живетъ? Нынче „съ нѣтомъ“, а завтра „съ такомъ“! А глупый могъ бы такъ жить? Нѣту, — такъ можетъ жить только умный. Въ жиру-то всякъ охочъ да гораздъ жить, а вотъ такъ пожить — ужъ не до жиру, а лишь бы быть живу — это тебѣ не всякій сумѣетъ. Обиженъ мужикъ кругомъ: работаетъ, а закрома у него тоща: уменъ, а слываетъ дуракомъ. Онъ по-божески хочетъ жить, а его на грѣхи наводятъ. Насчетъ крови, паренекъ, тоже согласись... Съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ стоитъ, мужикъ войны не заводитъ: это все господское дѣло — война-то. Большого худа тутъ нѣту, если мужикъ у себя дома часто дерется: дѣло маленькое, домашнее. Нынче подрался, а завтра поджило. Мужикъ кровь бережетъ: онъ ей надъ землей-кормилицей въ рабочемъ поту исходитъ... Онъ знаетъ ей цѣну! А у господъ-то вотъ-то и плохо: морды себѣ малокровянятъ, а какъ затѣмъ кровь лить — такъ ужъ всю ее, чтобы до смерти изъ человѣка выпустить. Рѣченькой ее льютъ, морюшкомъ! Да все больше мужицкую, а на свою-то скупятся: тотъ откупится, другой — безъ мыла между балясинами проскочитъ, третій... вотъ былъ я у Серафима Саровскаго. До чего, прости Господи, только додумываются: въ монахи иные жеребцы метнулись — изъ монастырей, молъ, брать на войну не будутъ. А мужикъ на что откупится? Тощей мошной-то никого не укупишь. Не хорошо! Грѣхъ! Чего господа ни дѣлаютъ — мужика все оставляютъ въ сторонкѣ: не его, молъ, ума дѣло. А какъ случится бѣда — его первымъ лицомъ тянутъ къ отвѣту. Каши онъ не заваривалъ, а расхлебывать иди. Вотъ какъ, паренекъ: такъ-то повелось съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ стоитъ!

Алешка покрутилъ головой и, вѣроятно, былъ согласенъ: ничего не возразилъ.

— Согрѣшилъ я, согрѣшилъ: разболтался и людей осудилъ! — вдругъ заявилъ братъ Александръ строго. — Истинно сказано: языкъ — врагъ людской.

Помолчалъ немного и обратился къ Алешкѣ такъ мягко, точно ему было очень жаль этого жесткаго крѣпыша.

— И за тобой, паренекъ, такой грѣхъ есть. Наслышанъ я, что бранишься „на мірѣ“ много. Зря это! Поменьше бранись, да побольше дѣлай: дѣло-то всегда куда сильнѣе слова. Не учу, паренекъ, а отъ души говорю. Повѣрь, пользы для тебя и для міра больше будетъ. Гордость свою сократи: больно ея въ тебѣ много.

Алешка только презрительно поморщился; братъ Александръ это замѣтилъ, улыбнулся загадочно тихой улыбкой и задумался. И смотрѣлъ въ это время прямо на меня, но я чувствовалъ, что меня онъ не видитъ: взглядъ его ясныхъ, свѣтлыхъ и непозмутимо спокойныхъ глазъ былъ устремленъ куда-то дальше и глубже. Чувствовалось еще, что, если мы съ Алешкой будемъ молчать, мы ему не помѣшаемъ.

Впервые въ жизни я видѣлъ такого человѣка, который въ своемъ великомъ одиночествѣ дошелъ до послѣдняго предѣла, умѣть оставаться съ самимъ собой наединѣ, когда на глазахъ люди! Такъ абсолютно наединѣ, когда присутствіе людей совсѣмъ не чувствуется: я разсматривалъ старика съ съ ногъ до головы внимательно, нѣсколько разъ въ упоръ сталкивался съ его неподвижнымъ взглядомъ и видѣлъ, что я для него въ это время — пустое пространство.

Мнѣ не хотѣлось ни о чемъ его разспрашивать, ибо казалось, что если бы я затронулъ его самыя глубокія сокровенныя мысли, то онъ мнѣ ихъ не высказалъ бы; казалось, что есть высота, на которую раньше строго положеннаго и строго законоположнаго срока не вскочишь, какъ ни старайся.

Хотѣлось только молча смотрѣть на эту величавую старость. Насъ было въ крошечной амбарушкѣ трое, но наступила тихая полная тишина: я слышалъ, какъ тикаютъ мои и Алешкины карманные часы.

Сразу немного понятенъ сталъ мнѣ Алешка. Моя физическая, почти враждебная тяжесть противъ него смякла, ибо слишкомъ поучительная и слишкомъ рѣзкая параллель очутилась на моихъ глазахъ — параллель молодости и старости. Понялъ я, что жесткость Алешки, его холодность, гранича-

щая какъ будто со злобой, все это его — боевой пессимизмъ, язва горячей молодости, которая только-что начинаетъ всматриваться въ жизнь и видитъ пока только одни жесткія противорѣчія, враждебную темную жуть, затаившуюся въ людяхъ и явленіяхъ — видитъ, и „рветъ и мечетъ“, что все не такъ, какъ бы хотѣлось видѣть. А вотъ старикъ, много пожившій, много познавшій и, казалось бы, что долженъ быть брюзгой, какъ многіе старики, долженъ быть пессимистомъ, а онъ живъ и бодръ духомъ, онъ невозмутимо спокойно смотритъ въ человѣческую даль, онъ старъ, а лицо его напоминаетъ ребенка, который начинаетъ жить съ вѣрой, что жизнь прекрасна, онъ завершилъ кругъ отъ свѣтлаго дѣтства до свѣтлой старости и всталъ на высоту, куда раньше строго положеннаго срока не вспрыгнешь!

... И если нужнымъ показалось, когда мы пришли къ брату Александру, обойтись безъ обычныхъ привѣтствій, то еще болѣе нужнымъ показалось уйти отъ него безъ обычныхъ пожеланій: чѣмъ-то ужъ въ высшей степени нелѣпымъ было выводить его изъ задумчивости пустыми словами „До свиданія!“, „Всего хорошаго!“ и т. д.

Въ послѣдній разъ я взглянулъ на жилище брата Александра — постель съ тюфякомъ изъ соломы, въ головахъ — тулупъ, рядомъ съ постелью — маленькій грубо сдѣланный столъ, на столѣ маленькая жестяная лампа, кусокъ хлѣба, завернутый въ деревенское полотно, и глиняная чашка съ водой, прикрытая отъ мухъ лопухомъ. Надъ столомъ полка съ какими-то пятью или шестью книгами — толстыми, большого формата, въ древнихъ тяжелыхъ переплетахъ.

Въ переднемъ углу — небольшая деревянная темная икона Спасителя съ дешевенькой лампадой изъ краснаго стекла. Больше ничего въ амбарушкѣ не было.

Я кивнулъ головой Алешкѣ, онъ понялъ и тихо перешагнулъ черезъ порогъ, я тихо послѣдовалъ за нимъ. Братъ Александръ нашего ухода какъ будто не замѣтилъ.

— Видѣлъ, какія у него руки? — спрашиваетъ меня Алешка.

— Видѣлъ. Ну, а что изъ этого?

— Да ничего. Сразу видать, что не очень-то много въ жизни работалъ.

— Не сослать ли и его въ Сибирь? — и я смѣюсь.

— Теперь-то ужъ поздно. А если бы раньше, то по-

чему бы и не сослать? — съ хмурымъ лицомъ отвѣчаетъ Алешка, но тонъ у него мягокъ, какъ будто не увѣренъ ужъ въ томъ, что говоритъ.

Насъ догоняетъ старикъ Кириллъ. Онъ „справилъ“ свое дѣло и теперь прыгаетъ обратно домой. Ему съ нами по дорогѣ: его изба стоитъ рядомъ съ избой Михаила.

— Ну, какъ, повоевалъ съ генералами? — шутливо спрашиваю его.

— Нѣ... сбрехали! Никакого енерала тамъ не нашелъ.

— Да тебя, можетъ, обманули: увидали, что идешь, и схоронили генерала-то?

— Нѣ! Меня не обманешь. Мнѣ хоть ты забожись до смерти — языку я не вѣрю: я въ глаза смотрю! И если ты совралъ, ужъ я узнаю.

Хочется мнѣ болтать съ старикомъ. Походка у него прыгающая, рѣчь тоже какъ будто прыгающая, и даже улыбка — живая, ни на мигъ не сходящая съ лица, — тоже какъ будто прыгающая. И самъ не знаю, зачѣмъ, я ему говорю:

— А мы вотъ съ Алексѣемъ были у брата Александра. Споръ тамъ вышелъ. Братъ Александръ думаетъ, что мужикъ долженъ быть уменъ, если можетъ жить нынче „съ нѣтомъ“, а завтра „съ такомъ“. А Алексѣй съ нимъ не соглашается и полагаетъ, что такъ можетъ жить только глупый.

— И напрасно, напрасно! Сунь вотъ, къ примѣру, меня да какого-нибудь умнаго барина въ лѣсъ... Что станетъ? Я, глупый лапотникъ, пропитаніе себѣ найду и жилье какое-нибудь тамъ... лѣтомъ — шалашъ, зимой — землянку съ голыми руками устрою, а умный баринъ что — наплачется тамъ и умретъ, какъ муха на кочкѣ. Это ему не барскій домъ, гдѣ все подано да приготовлено; это не барщина — самъ не работаетъ, а закрома у него ломятся отъ хлѣба! Такъ-то всякій дуракъ проживетъ. Нѣ, ты вотъ проживи, какъ звѣрь: и нору себѣ устрой и пропитаніе добудь, тогда вотъ и поговоримъ, кто способнѣе: ты ли — баринъ, я ли — мужикъ. На готовенькомъ-то всѣ умны жить, а ты вотъ поживи безъ ничего. Вотъ это — хактъ!

— Вѣрно, Кириллъ! — со смѣхомъ согласился я. — Это, дѣйствительно, хактъ!

— Конечно, хактъ! Говорить баринъ все можетъ, а вотъ перепрыгни-ка онъ черезъ этотъ хактъ — голову сломаетъ

Доходимъ до избы Кирилла. Я дружелюбно тяну ему руку, Кирилъ таинственно наклоняется ко мнѣ и, хотя со-

общаетъ тономъ величайшей важности, а прыгающей улыбки съ лица согнать не можетъ.

— Братъ Александръ... — говоритъ Кирилъ, какъ заговорщикъ. — О, это, братъ, голова! Намеднись я съ нимъ калякалъ о войнѣ. Ну то, се, пятое, десятое, а подъ конецъ онъ мнѣ и сказалъ: рушится, говоритъ, связь, — та, которая на народѣ на манеръ кандаловъ. И вотъ, говоритъ, когда эти кандалы-то треснутъ, такъ однимъ концомъ хватятъ по барину, а другимъ — по мужику. По мужику, говоритъ, конечно, больнѣе. Я спужался: можетъ, молъ, мужика-то совсѣмъ прибьютъ? Нѣ, говоритъ, мужикъ выдюжитъ. А? Каково сказано? Однимъ концомъ по барину... Ловко?! — и Кириллъ такъ смѣется, кажется, что въ немъ каждая жилка прыгаетъ и смѣется.

— Да чего жъ ты радуешся? — говорю Кириллу. — Вѣдь по мужику-то отзовется больнѣе?

— Пускай! Намъ што — мы привышны. А вотъ по барину-то, по бар-рину-то...

— Не любишь баръ-то?

— Не люблю. Что они намъ — добра что ли кучу отвалили? Да и теперича по головкѣ не гладятъ. Видалъ картинки-то: одинъ съ сошкой, а семеро съ ложкой! Вотъ онъ какой хактъ-то.

— Значитъ, если случай будетъ, такъ барина тоже по головкѣ не погладишь?

— Да ужъ не поглажу. Пусть не взыщетъ! — какъ будто строго говоритъ Кириллъ, но сейчасъ же разражается смѣхомъ и разсказываетъ дѣйствительно изумительную исторію. — Нѣ, дуракъ я старый... Куда мнѣ... Шестой годъ-то помнишь? Что было... что только было! Въ сосѣдней деревнѣ мужики у какого барина усадьбу спалили — хорошаго барина! Купецъ онъ. Мильоны нажилъ и на старости лѣтъ народъ обижать не хотѣлъ. А они спалили. Затменіе, говорятъ, какое-то нашло. Ну, а нашъ баринъ каковъ: такого жидомора, кажись, еще въ свѣтѣ не сыщешь. Ну вотъ подпалилъ кто-то у него ригу; видитъ онъ дѣло плохо и къ намъ съ покаяніемъ: братцы, молъ, православные, будемъ жить по-хорошему, виноватъ, молъ, кое въ чемъ я передъ вами каюсь и худа вамъ больше чинить не буду... Ужъ не буду, говоритъ, вотъ вамъ, православные, крестъ — ужъ и крестился! Такъ что жъ ты думаешь? Вѣдь повѣрили. Распустили губы да слюни, и я распустилъ; пожалѣть, молъ,

барина надо, можетъ справится, если кается. Ну и пожалѣли, и повѣрили: окромя риги больше ничего не тронули. А онъ намъ потомъ и показалъ Кузькину мать: стражниковъ навелъ, то, се, пятое, десятое — прямо хоть изъ деревни бѣги, куда глазыньки глядятъ. Хорошъ хактъ? а? — и Кириллъ опять разражается смѣхомъ.

— „Хактъ“, — презрительно сказалъ Алешка, когда уже мы вошли въ избу. — И чего только этотъ болтунъ старый зубы всегда скалитъ? Тутъ бить себя надо, а ему все смѣшки да хаханьки. Чтобы у него ни было — скотина попадаетъ, голодный годъ — онъ все себѣ скалитъ зубы!

Послѣ брата Александра быть съ Алешкой мнѣ уже легко, свободно, и съ улыбкой я ему говорю:

— А это, Алексѣй, по-моему тоже не плохо.

Алешка мои слова какъ будто пропускаетъ мимо ушей, а улыбку видитъ и хмуро, грубо бросаетъ:

— Ты, кажется, тоже любишь зубы скалить!

Потомъ подходитъ къ двери и въ кухню, отдѣленную отъ избы сѣнями, сурово кричитъ:

— Мать, обѣдать!

Вся семья Михаила отобѣдала ужъ до насъ, и мы съ Алешкой обѣдаемъ вдвоемъ — и весь обѣдъ молча.

Около шести вечера пришелъ за Алешкой приказчикъ и уныло и тягуче началъ было разсказывать, какихъ трудовъ ему стоило уломать барина на четвертной билетъ, часто, съ истиннымъ отчаяніемъ, повторяя:

— Доѣдетъ онъ меня теперь этимъ четвертнымъ билетомъ. Десять лѣтъ не забудемъ, это ужъ какъ Богъ святъ!

Алешка быстро смѣнилъ свой чистый костюмъ на рабочій и, жестко кивнувъ головой, холодно сказалъ:

— Ну, идемъ! Мнѣ всѣ эти розказни твои ни къ чему. У меня время мало, чтобъ все слушать.

Приказчикъ поперхнулся, замолкъ и покорно тронулся за Алешкой. Вернулся Алешка въ десять вечера. Мы — Михайлъ, его баба, Марѳа и дѣти — пили чай. Марѳа — здоровенная женщина, съ пунцовыми щеками, ростомъ съ гренадера, — до прихода Алешки вела долгій разговоръ о немъ. Она жаловалась на холодность Алешки, на его замкнутость, грубость, суровость и приходила къ заключенію, что все это оттого, что парня давно бы надо женить.

— Какой былъ до восемнадцати годковъ-то? Сердце, бывало, не нарадуется: у другихъ сыновья въ это время грубятъ, безобразничаютъ, а онъ — ласковый, угодливый, послушливый, такого и въ деревнѣ ни у кого не было! А какъ минуло ему восемнадцать годовъ, онъ пошелъ и пошелъ... И чѣмъ подальше, тѣмъ все хуже. Прямо не знаешь, что ему сказать, съ какой стороны къ нему приступиться. Ровно и не сынъ тебѣ! Какъ увидишь, такъ не знаешь, съ какой ноги ступить къ нему. А все потому, что не женили парня во-время. Добро бы еще гулялъ, какъ другіе, а то и этого не слышно. Только и знаетъ, что работаетъ. Мука-мученическая! Пріѣдетъ домой, слова иной разъ во весь день не скажетъ. Только косится. А на что косится, Богъ его знаетъ. Все ему быдто не нравится въ домѣ, всѣмъ не доволенъ. А ты ходишь и вся трясешься, слово ему боишься сказать. Быдто не сынъ пріѣхалъ, а Мамай какой, прости Господи!

— Если такъ, то почему же не предложишь ему жениться? — говорилъ я Марѳѣ.

— Я — ему? — и Марѳа посмотрѣла на меня съ тупымъ страхомъ и изумленіемъ. — Нѣту ужъ, это видно, дѣло не бабье, а отцовское. А разъ ему только сказала, такъ онъ на меня такъ поглядѣлъ да цыкнулъ, до смерти не забуду! Отецъ долженъ говорить — вотъ кто!

Михаилъ сидѣлъ съ подавленнымъ лицомъ, о чемъ-то думалъ и, кажется, не понималъ или не слышалъ, о чемъ мы съ Марѳой говорили. Подождавъ и, очевидно, понявъ, что Михаилъ далекъ отъ нашего разговора, Марѳа раздраженно толкнула его въ плечо локтемъ и съ нотками, видимо, уже давно накипѣвшей глухой вражды къ мужу сказала:

— Чухаешь что ли, о чемъ говоримъ-то? Что ты сталъ какой, — какъ опоенный!

Михаилъ недовольно поморщился и, точно съ усиліемъ отрываясь отъ своихъ мыслей, вяло спросилъ:

— Въ чемъ дѣло?

— А все въ томъ же... Алешку надо женить!

— А! Кто о чемъ, а ты все объ этомъ долбишь, — Михаилъ устало махнулъ рукой. — Ну и жени, если тебѣ такъ хочется.

— Жени, жени, это мы и безъ тебя знаемъ! — сварливо повысила голосъ Марѳа. — Ты — отецъ, и ты ему долженъ объ этомъ говорить. А ты говоришь?

— Не говорилъ и не буду говорить, — мягко, но твердо заявилъ Михаилъ. — Онъ у насъ не изъ такихъ, которыхъ

отцы съ матерями женятъ. Захочетъ — самъ женится; а не захочетъ — его съ мѣста никакими уговорами не сопрешь. Неужто ты этого до сихъ поръ не понимаешь?

— Я понимаю, не дурѣе тебя... Что ты изъ себя выстраиваешь? Вотъ и поживи ты тутъ... Мука-мученическая. Отъ отца, какъ отъ полумнаго, слова не добьешся; съ сыномъ — слово боишься вымолвить!

Голосъ Марѳы — бабы въ общемъ недурной, но довольно сварливой, — уже готовъ былъ перейти въ крикъ. Но явился Алешка, и Марѳа сразу затихла. Пока Алешка отмывалъ отъ машинной грязи на кухнѣ руки, Марѳа такъ сухо, словно вопросъ шелъ о совершенно постороннемъ человѣкѣ, шепнула дѣтямъ:

— Алешка сегодня много денегъ сцапалъ. Просите у него на гостинцы.

И когда Алешка вошелъ въ избу, дѣтишки смѣло подступили къ нему. Дѣвченки просили по платью, Санька, косоротый, штаны и рубашку, а, кромѣ этого, еще мятныхъ пряниковъ. Настойчиво и назойливо онъ капризно тянулъ:

— Хунтъ пряниковъ, Алешка! Хунтъ... мятныхъ! Нѣ... два хунта! Хунта не хоцу!

— Хорошо, хорошо! — бросилъ Алешка дѣвченкамъ. — Вонъ мать купитъ. А косоротому ничего не попадетъ. Чего захотѣлъ: мятныхъ пряниковъ, да еще два фунта? А если розгу?

— Не хоцу розгу. Ты — дуракъ. Онъ те папанька задастъ за меня. Два хунта хоцу! — дерзко говорилъ Санька, видимо, не знавшій отъ Алешки ни въ чемъ отказа.

— Ну, ладно, Санекъ, пусть я дуракъ, а ты — умный..

— Ну, да умный! — перебилъ Санька Алешку.

— Ну, хорошо, пусть умный. Но два фунта много. Возьми фунтъ?

— Не хоцу хунтъ! Два! — и Санька нетерпѣливо топнулъ ногой.

— Ну, ладно, Санекъ, пусть два. Только не сердись! — и Алешка погладилъ Саньку по головѣ.

— То-то! — снисходительно сказалъ Санька, нисколько нетронутый лаской брата и, торжествующе хмыкнувъ носомъ, отправился къ сестренкамъ. — А вамъ, халды, ни одного пряника! Вы у меня не пожрете... нѣ... — опять хмыкнулъ носомъ и гордо произнесъ, очевидно, заученную отъ взрослыхъ фразу: — Санекъ свое дѣло туго знаетъ!

Дѣвченки переговаривались, съ какими цвѣточками, какого цвѣта купятъ себѣ платья, Санька силился ихъ разозлить тѣмъ, что не дастъ имъ ни одного пряника, часто и презрительно повторяя: „Дур-ры! халды!“, — а Алешка слушалъ эту дѣтскую болтовню, и на его холодномъ, жесткомъ лицѣ проступила какая-то необычайная для его лица теплота и ясность.

Потомъ дѣти ушли въ сѣни спать, и лицо Алешки сразу стало какъ будто еще мрачнѣе, тѣмъ обычно.

— Купимъ тамъ, чего онѣ захотятъ, — холодно сказалъ онъ матери и добавилъ: — А тебѣ деньги нужно?

— Да, немного... на расходишки! — робко отвѣтила Марѳа.

Алешка вынулъ изъ кармана двѣ десятирублевки и пятишницу и такъ небрежно бросилъ ихъ на столъ, точно деньги для него не имѣютъ никакой цѣны.

— Куда мнѣ столько? — заявила Марѳа. — Мнѣ такъ... на чаишко, на сахаришко — мнѣ пятишки довольно.

— Ну, это твое дѣло куда? Не люблю я, когда ты ко мнѣ по мелочамъ лѣзешь, лучше бери сразу больше, — сухо отрѣзалъ Алешка и налилъ себѣ стаканъ чаю.

Но въ чай сейчасъ же попала муха и, вытаскивая ее чайной ложкой, Алешка раздраженно спросилъ:

— Скажи, мать, на милость: когда этой гадости будетъ конецъ? Неужто нельзя вывести?

— Да какъ же, Алешенька, вывести? — залепетала уже совсѣмъ растерянно Марѳа: — вѣдь лѣто, духота, оконъ нельзя не раскрыть; а раскроешь — онѣ тучей налетятся!

— А какъ же другіе выводятъ? Неужто мнѣ за такія пустяки браться самому? А потомъ — почему раньше не было? Отецъ выводилъ? А ты не можешь?

Марѳа сердито махнула рукой и пошла изъ избы.

— А деньги-то забыла? — сказалъ Алешка. — Ты что же хочешь, чтобы косоротый по глупости стащилъ, какъ въ прошломъ году?

Марѳа вернулась, взяла деньги и пошла, и во всемъ этомъ было что-то прибитое и приниженное, какъ у собаки живущей у жесткаго хозяина.

Алешка проводилъ ее холоднымъ взглядомъ и съ такимъ же взглядомъ обратился къ отцу:

— Хоть бы ты что ли занялся мухами. Вѣдь противно за столъ сѣсть. Свинство получается: лопай съ мухами! Никакого отбою нѣтъ.

— Мнѣ не до этого! — мягко, но твердо отвѣтилъ Михаилъ, потомъ взглянулъ на стѣнные часы, всталъ, захватилъ съ лавки тулупъ, подушку и пошелъ изъ избы на сѣнникъ.

Алешка проводилъ отца такимъ же холоднымъ взглядомъ, какъ и мать, но то, что онъ ничего не сказалъ отцу, было похоже на то молчаніе, которое щадитъ человѣка.

Почему? — я посмотрѣлъ на Алешку, но его холодное непроницаемое лицо не дало мнѣ никакихъ, хотя бы приблизительныхъ объясненій.

Я закурилъ папиросу съ рѣшеніемъ выкурить ее и идти спать; но пока я курилъ, съ Алешкой произошла перемѣна. Онъ сидѣлъ у стола, близко къ лампѣ, надъ остывшимъ стаканомъ чая, глубоко надъ чѣмъ-то задумавшись. И меня поразили его глаза: въ нихъ было много тоски — той красивой тоски, которая мятется одиноко и было много больной, глубокой мысли — той гордой, больной мысли, которая точно сознаетъ, что она по своей рѣдкой природѣ обречена на одиночество: не можетъ она ни съ кѣмъ дѣлиться своей болью, своими думами и чувствами, ибо не будетъ никѣмъ понята.

Одинъ онъ этотъ парень; одинъ изъ тѣхъ великихъ отверженцевъ, у которыхъ никогда не бываетъ ни близкихъ, ни кровныхъ и которые всѣ свои страданія и всѣ стремленія молчаливо носятъ въ себѣ.

Не ошибаюсь ли я? Я провѣрялъ себя и, судя по всему, казалось, что нѣтъ.

Особенно убѣдительнымъ показалось отношеніе Алешки къ дѣтямъ: къ нимъ нельзя предъявлять никакихъ серьезныхъ требованій и вотъ отсюда — ясность и теплота на лицѣ Алешки, такъ необычныя для его лица; его отецъ и мать, а также и всѣ остальные — взрослые люди, къ которымъ можно и должно предъявлять требованія, и вотъ отсюда — холодность Алешки, жесткость, переходящія по временамъ въ злобу и ненависть.

И чтобы докопаться поглубже и поосновательнѣе, я рѣшился заговорить съ Алешкой безъ всякихъ обиняковъ — напроломъ!

— Слушай, Алексѣй, изъ всего, что я отъ тебя сегодня слышалъ на пожарной стойкѣ и въ другихъ мѣстахъ, худого я въ твоихъ словахъ и дѣйствіяхъ ничего не вижу, но все-таки, по-моему, ты не совсѣмъ правъ по отношенію къ людямъ.

— А напримѣръ, въ чемъ неправъ? — спросилъ какъ будто съ удивленіемъ Алешка.

Я началъ ему перечислять, въ чемъ онъ по-моему мнѣнію былъ слишкомъ жестковатъ, въ чемъ чрезмѣрно требователенъ, а въ чемъ и совсѣмъ неправъ.

Говорить пришлось долго. Алешка слушалъ внимательно. Главнымъ моимъ доводомъ въ защиту мужика былъ доводъ: давленіе на мужика сельской власти.

Когда я кончилъ, лицо Алешки было уже хмуро, взглядъ зеленыхъ глазъ угрюмъ и тяжелъ. И въ лицѣ, въ мѣстѣ челюстей, было подозрительное движеніе, казалось, что сейчасъ такъ же жутко скрипнетъ зубами, какъ въ спорѣ съ Федоромъ Савеличемъ на пожарной стойкѣ.

Молчалъ Алешка довольно долго, а когда отвѣтилъ — цѣдилъ слова презрительно и насмѣшливо сквозь зубы:

— Такъ... такъ... расписалъ ничего себѣ... тебѣ бы адвокатомъ быть!

Было обидно. Я чувствовалъ, какъ вспыхнуло мое лицо и, подождавъ, не скажетъ ли онъ чего-нибудь еще, рѣзко сказалъ:

— Это, голубчикъ мой, не отвѣтъ!

— Да я и отвѣчать тебѣ не хочу. Думай обо мнѣ, какъ хочешь, а какъ думаю я — это мое дѣло!

Было ясно, что дальнѣйшій разговоръ въ такомъ же духѣ безполезенъ и можетъ привести только къ ссорѣ. Я промолчалъ. Но усиленно думалъ, съ какой стороны возможно вызвать на откровенность этого твердаго, какъ кремень, парня?

И, вѣроятнѣе всего, на этомъ бы нашъ разговоръ и оборвался, если бы меня не выручила... бабочка. Она влетѣла въ открытую дверь изъ сѣней и судорожно начала биться около лампы, обжигаясь о стекло. Алешка взглянулъ на нее равнодушно разъ-два, а потомъ заботливо занялся ея охраной: она летѣла къ лампѣ, онъ гналъ движеніемъ руки ее прочь; когда она, ударившись о стекло, падала на столъ, онъ бережно прикрывалъ ее рукой и, давъ ей время отдохнуть пускалъ опять, но она вновь и вновь стремилась къ огню.

Прежде я подумалъ, что это не болѣе, не менѣе какъ пустая забава отъ нечего дѣлать, но когда натолкнулся на взглядъ Алешки, въ которомъ опять засвѣтилась — и съ еще большой силой — красивая глубокая тоска, я понялъ, что эту бабочку Алешка связываетъ съ чѣмъ-то важнымъ, и сталъ выжидать, чѣмъ все это кончится.

Кончилось тѣмъ — Алешка выпустилъ бабочку за окно, посмотрѣлъ, какъ она въ своемъ непонятномъ для насъ стремленіи къ огню бьется грудью объ окно, внятно меня спросилъ:

— Скажи, пожалуйста, не знаешь ли ты, сколько такая крошка живетъ.

— Недолго, — отвѣтилъ я.

— Ну, а все-таки сколько?

— Хорошо не помню. Давно объ этомъ читалъ. Но кажется, не больше одного лѣта: съ наступленіемъ заморозковъ бабочки гибнутъ, остаются личинки, изъ которыхъ весной выйдутъ новыя бабочки.

— Такъ... такъ... — въ раздумьѣ произнесъ Алешка и какъ-то вдругъ со страшной, непередаваемой силой ненависти, добавилъ: — А ты вотъ говоришь: урядникъ, стражники, становой, исправникъ давятъ, молъ, мужиковъ... Ну, вѣрно, давятъ, по головкѣ не гладятъ, да что изъ этого? Вотъ она какая крошка, бабочка-то, и житья ей немного, а нуженъ ей огонь — она и летитъ на него. Жжется, потомъ совсѣмъ сгоритъ, а летитъ! А иные черти изъ насъ по сту лѣтъ живутъ и всю жизнь трясутся, какъ бы ихъ урядникъ по мордѣ не съѣздилъ! Ноютъ, хнычутъ — то надо, другое, пятое, десятое, да вотъ бѣда: урядникъ не велитъ, исправникъ не позволитъ! Какъ же не остолопы форменные, если весь свѣтъ то клиномъ на урядникѣ сошелся? Скажи ты мнѣ это на милость? Развѣ не трусы и не остолопы?

Я былъ пораженъ.

— Погоди, Алексѣй, — сказалъ я, — все это вѣрно. Но дѣло вотъ въ чемъ: если бы тебя побили, какъ били твоего отца, тогда что?

— Что? — и Алешка усмѣхнулся и рѣзко махнулъ сверху внизъ рукой. — Да ничего. Я не буду говорить глупости, какъ другіе говорятъ: не родился, молъ, еще тотъ человѣкъ, который меня можетъ побить. Побить могутъ кого угодно, Если одинъ на одинъ сила не возьметъ, такъ одного гуртомъ побьютъ. И меня, конешно, могутъ побить. Пускай. Я не боюсь! На этотъ счетъ у меня такъ: нѣтъ такого человѣка, которому бы я это даромъ спустилъ. Живъ не буду, а не спущу: меня хватятъ въ переносицу, а я помѣчусь въ глазъ! Шабашъ. Тутъ ужъ у меня, чортъ возьми, не забалуешься!

Я взглянулъ на Алешку — и вѣрно: едва ли кто-либо и что-либо у него „забаловалось“.

Заявивъ, что иду спать, я протянулъ ему руку. И въ первый разъ въ жизни я пожалъ руку человѣку съ такими странно смѣшанными чувствами: и съ уваженіемъ, и съ изумленіемъ, и со страхомъ!

На другой день вечеромъ я уѣхалъ. Но передъ отъѣздомъ я видѣлъ нѣчто, что потрясло меня, какъ никогда незабываемый ужасъ. Днемъ я пошелъ по деревнѣ и увидѣлъ у одной избы 15-лѣтняго парня, запрягающаго лошадь. Ростомъ онъ былъ съ плохонькаго 12-лѣтняго замореннаго мальчика, въ плечахъ — узокъ, голова большая, лицо худое, блѣдно-сѣрое, съ сильно втянутыми во внутрь щеками и, если бы смотрѣть только на ростъ, на узкія плечи, на большую голову, на больной цвѣтъ лица, то можно было бы рѣшительно подумать, что растетъ больной, безсильный, ни къ какому труду негодный мальчуганъ.

Но первое, что мнѣ бросилось въ немъ въ глаза, это его ноги; штаны изъ синей деревенской пестрядины были почти внатяжку на его ногахъ: полныхъ, по-женски круглыхъ и съ такими крѣпкими выпуклыми мускулами — казалось, что они настолько чрезмѣрно напряжены — дотронься до нихъ, и обладатель ихъ, несмотря на то, что мускулы, по упругости, какъ стальные, почувствуетъ боль.

А потомъ уже бросились глаза его руки, отъ которыхъ я въ первый моментъ съ жуткимъ содроганіемъ сердца застылъ на мѣстѣ. Величина этихъ рукъ была бы какъ разъ на мѣстѣ при крупномъ тѣломъ взрослом мужикѣ, но при ростѣ и узкой кости этого парня она казалась чудовищной и ненормальной, какъ крайнее уродство. Но что всего ужаснѣе было въ этихъ рукахъ, это то, что, съ одной стороны, несмотря на свою огромность, онѣ все еще сохранили въ своихъ очертаніяхъ смутный намекъ на формы и линіи дѣтскихъ рукъ, а съ другой — кожа на нихъ отъ чрезмѣрной и непосильной работы уже поблекла и стала собираться въ старыя морщины, какъ у тѣхъ людей труда, которые уже входятъ въ преклонный возрастъ.

Я спросилъ у парня, сколько ему лѣтъ. Онъ поднялъ на меня угрюмые, гордые, глубоко замкнувшіеся въ себѣ глаза и промолчалъ.

Я повторилъ свой вопросъ, онъ по-старчески недовольно нахмурился и медлительно отвѣтилъ:

— Сколько есть — всѣ мои. А тебѣ до этого никакого дѣла нѣту. Идешь своей дорогой — ну, и иди!

И я хотѣлъ было уйти, но вышла изъ избы его мать, по лицу которой я сразу увидѣлъ, что баба и словоохотлива и добродушна, и спросилъ ее, указывая на парня:

— Сынокъ, что ли?

— Сынокъ, сынокъ! — отвѣтила она сейчасъ же.

— А сколько ему лѣтъ?

— Пятнадцать недавно минуло.

— Работникъ?

— Ну-у, какой еще!

— Отецъ у насъ какой — самъ на работѣ помираетъ, ну, и ево не баловалъ: съ восьми лѣтъ въ работу пустилъ.

— Раненько!

— Да что жъ подѣлаешь: бѣдность одолѣла! Вотъ и бились, запряглись въ работу, какъ лошади, совсѣмъ мальченку-то сморили, и толку все чуть: только и есть, что по людямъ хлѣба не просимъ. Теперича, правда, получше: заработки хорошіе есть; вотъ сынокъ и сичасъ ѣдетъ на заработки: кладь со станціи возить. И Бога гнѣвать нечего — деньгу большую паренекъ зашибаетъ. Въ иной день восемь, а то и всю красненькую привезетъ

— А родитель-то гдѣ?

— Родитель-то? Извѣстно гдѣ: на войнѣ! Запасной — въ первые же деньки забрали. А я вотъ и осталась горевать только съ этимъ мальченкой. Только и есть онъ одинъ работничекъ. Всего-то насъ пять ртовъ, а работниковъ двое: я да онъ. А тѣхъ и считать нечего. Одежу-обужу давай имъ, хлѣбъ тоже, а помоги не жди: три у меня дѣвченки и самой старшей шесть годковъ. Вотъ и бейся! Безъ мальчонки-то прямо бы пропадомъ пропала...

„Мальчонка“ опять недовольно, по-старчески нахмурился, влѣзъ на телѣгу, взялъ въ свои огромныя, страшныя руки вожжи и, тронувъ лошадь, неодобрительно сказалъ:

— Ну, заговорила! Эка, охота...

Мать умильно посмотрѣла на него и спросила:

— А ночевать-то пріѣдешь?

— Тамъ видно будетъ, — отвѣтилъ, не повертывая головы сынъ, и погналъ лошадь.

Скоро минетъ годъ, какъ я былъ въ деревнѣ.

Вѣсти за это время пришлось добыть объ этой деревнѣ

скупыя: знаю, кто раненъ, кто убитъ, кто въ плѣну, кто къ концу второго года войны вернулся въ деревню калѣкой; знаю, что взятъ въ солдаты Алешка, что умеръ послѣ моего отъѣзда черезъ два мѣсяца его отецъ Михаилъ: ни на что не жаловался, ничѣмъ какъ будто не болѣлъ, а полежалъ недѣлю и умеръ.

Эта смерть своей загадочностью меня поразила, а когда я припомнилъ рѣчи старика Кирилла „о повѣсткѣ", эта загадочность еще болѣе усугубилась. И опять тянетъ къ этому сложному деревенскому міру: хочется поѣхать и посмотрѣть, какъ реагируетъ деревня на дороговизну и на спекуляцію и какъ вообще несетъ все великое ярмо войны къ концу ея второго года.

Хочется поѣхать и все чаще вспоминаются: братъ Александръ, Терентичъ, Федоръ Савеличъ, Трофимъ, Максимъ Иванычъ, а больше всего — 15-лѣтній мальчонка, со страшными руками, какъ показатель, что русская деревня въ борьбѣ за существованіе и въ борьбѣ за лучшее будущее доходитъ до послѣднихъ предѣловъ...

М. Сивачевъ.

* * *

Недвижныя горы уснули въ вечернемъ туманѣ;
Я снова одинъ въ полусонной таинственной мглѣ.
И синяя ночь, какъ печальный, задумчивый странникъ,
Плыветъ надъ землею на черномъ своемъ кораблѣ.
И въ бархатной безднѣ лучистой алмазною пылью
Заискрились звѣзды — небесныхъ морей маяки...
Вечернiе сны, вамъ однимъ я довѣрчиво вылью
Нѣмыя отравы моей многострунной тоски!
Я въ сумракѣ слышу, какъ нѣжно и мѣрно колышетъ
Она надо мною свою голубую вуаль...
О, странница ночь, чей нарядъ изумрудами вышитъ,
Корабль сновидѣній къ мятежному сердцу причаль!..
Недвижныя горы уснули въ лиловомъ туманѣ,
Земля утонула въ глубокой таинственной мглѣ...
Я съ ночью плыву въ безпредѣльномъ нѣмомъ океанѣ
Къ ласкающимъ грезамъ на черномъ ея кораблѣ...

Николай Лезинъ.

* * *

Молятся гордыя, синія горы,
Волны съ камнями ведутъ разговоры,
Тихо колдуютъ цвѣты.
Вѣтеръ любовно ласкаетъ мнѣ плечи,
Вѣтеръ мнѣ шепчетъ о радостной встрѣчѣ,
Вѣтеръ мнѣ шепчетъ, иль ты?

Скромно закрывшись, склонились нарциссы,
Тайну свою стерегутъ кипарисы,
Гордые, словно мечты.
Вѣтеръ несетъ мое свѣтлое платье,
Волосы рветъ, призываетъ въ объятья.
Вѣтеръ зоветъ, или ты?

Шелестомъ тихимъ смѣются мимозы.
Пахнутъ томительно пьяныя розы,
Руки сжигая мои.
Море лобзаетъ усталую сушу,
Звѣзды глядятъ мнѣ въ раскрытую душу.
Звѣзды, иль очи твои?

Молятся горы далекой святынѣ.
Кто-то зажегъ огонекъ на вершинѣ —
Красный, какъ алая кровь.
Ночь озарила весь міръ чудесами,
Ночь намъ забрызгала очи слезами.
Ночь, или наша любовь?

Елена Карѣева.

ТЕАТРЪ, КАКЪ РАЗВЛЕЧЕНІЕ.

ОЧЕРКЪ СОВРЕМЕННАГО ДРАМАТИЧЕСКАГО ТЕАТРА ВЪ ЛОНДОНѢ.

Душа человѣческая требуетъ развлеченій. „Panem et circenses“ не былъ крикомъ одной лишь римской толпы. Человѣкъ испытываетъ всегда двойной голодъ, физическій и духовный. Не о единомъ хлѣбѣ живъ бываетъ человѣкъ — старая истина. Разница только въ характерѣ развлеченій, въ степени ихъ духовности, въ силѣ душевнаго ихъ захвата, въ глубинѣ вызываемыхъ ими чувствъ. Какъ и пища для тѣла бываетъ чрезвычайно разнообразной, скудной или богатой, ядовитой или полезной, сладкой или горькой, такъ и духовное питаніе можетъ претить душѣ, можетъ быть вреднымъ и разлагающимъ или, наоборотъ, можетъ наполнять насъ высокимъ восторгомъ, быть возвышающимъ и созидательнымъ. Но, несмотря на огромное значеніе того, чѣмъ люди развлекаются, несмотря на то, что въ жизни человѣческой потребность развлеченій не менѣе настоятельна, чѣмъ потребность въ пищѣ для тѣла, почему-то увеселенія и забавы не только отступаютъ на задній планъ, но не малой частью общества даже въ наиболѣе цивилизованныхъ странахъ считаются чуть ли не предосудительнымъ и, во всякомъ случаѣ, пустымъ дѣломъ. Соціалисты, требующіе отъ государства такихъ заботъ о своихъ гражданахъ, говорятъ очень много о рабочемъ времени, рабочей платѣ, національзаціи производства и распредѣленія, но почти замалчиваютъ такую важную сторону человѣческаго существованія, какъ употребленіе досуга. Когда они заговорятъ о театрѣ и другихъ развлеченіяхъ, то опять таки съ точки зрѣнія „національзаціи“, съ точки зрѣнія экономической, трудовой, а не увеселительной. Впрочемъ, нѣкоторые, какъ Рескинъ и Вильямъ Моррисъ, видѣли развлеченіе въ самомъ трудѣ, который при извѣстномъ устройствѣ общества долженъ, по мнѣнію этихъ писателей, потерять всѣ свои теперешнія непріятныя стороны. При коммунистическомъ или соціалистическомъ строѣ трудъ сдѣлается удовольствіемъ, выраженіемъ художественнаго вкуса рабочаго, пріятнымъ времяпрепровожденіемъ.

„Всякая разумная работа, — писалъ Рескинъ, — имѣетъ три свойства: она честна, полезна и радостна". А Вильямъ Моррисъ въ своей утопіи „News from Nowhere" описываетъ такое положеніе вещей, при которомъ всякая работа считается такимъ наслажденіемъ, что ея почти не хватаетъ для всѣхъ желающихъ трудиться, т. е. развлекаться.

Такимъ образомъ, и у Рескина или Морриса забава, игра, увеселеніе допускаются лишь какъ бы контрабандой, подъ флагомъ работы и труда, но вовсе не какъ самоцѣнная потребность человѣческой души, какъ противовѣсъ „дѣлу", полезно производительному занятію, умственному, ручному или художественному.

Мы здѣсь не беремся объяснить это пренебреженіе къ досугу людей, къ минутамъ ихъ бездѣлія, къ той обстановкѣ, въ которой проходитъ отдыхъ трудящихся. Да и наврядъ ли оно и нуждается въ объясненіи. Для огромнаго большинства людей матеріальное содержаніе себя поглощаетъ столько вниманія и требуетъ столько работы, что о другой сторонѣ существованія, о досужей сторонѣ, либо некогда думать, либо безполезно думать, такъ какъ все одно досуга и отдыха слишкомъ мало. Въ то же время существующій рядомъ огромный классъ богатыхъ, которые ни въ какомъ трудѣ не нуждаются, обратилъ игру и забаву въ воображаемое дѣло и занятіе, извративъ и опошливъ, такимъ образомъ, вполнѣ законную жажду развлеченій. Истинный прогрессъ народа долженъ поэтому измѣряться не только произведеніями труда, но и средствами развлеченій, степенью ихъ распространенности, ихъ богатствомъ и разнообразіемъ. Досугъ есть оборотная сторона работы, вмѣстѣ они составляютъ одно цѣлое, и усовершенствованіе работы безъ усовершенствованія досуга подобно человѣку, у котораго одна нога короче другой. Неудивительно, что за послѣдніе годы заговорили о „здоровыхъ" развлеченіяхъ для народа. Съ сокращеніемъ рабочаго времени и съ развитіемъ соціальнаго чувства, вопросъ о томъ, какъ лучше проводить досугъ, несомнѣнно, долженъ выдвигаться все больше и больше. Культурное общество не можетъ допускать, чтобы народъ находилъ удовлетвореніе для своей законнѣйшей потребности въ развлеченіяхъ въ развратѣ, пьянствѣ, мордобитіи или азартныхъ играхъ. И если европейцу, особенно городскому жителю, съ его живымъ умомъ и активной натурой, почти недоступенъ величайшій и самый благородный видъ развлеченія, состоящій въ тихомъ и мечтательномъ самосозерцаніи, которому съ такой легкостью отдаются индусы или земледѣльцы, то все же нельзя мириться и на загрязненіи и отупленіи души тѣхъ, которые къ такому проведенію досуга не способны. Вотъ почему въ Англіи уже много десятковъ лѣтъ заведены клубы для рабочихъ классовъ, библіотеки, концерты, спектакли, не говоря о безконечномъ

числѣ разныхъ спортивныхъ обществъ, о масонскихъ ложахъ съ ихъ обѣдами, концертами, собраніями и профессіональныхъ обществахъ съ ихъ собраніями, прогулками, процессіями. Въ большинствѣ деревень имѣются также свои клубы и разныя собранія. Посреди разнообразныхъ развлеченій, предлагаемыхъ въ Англіи народу, долгое время чуть ли не на послѣднемъ мѣстѣ стояло то, которое обыкновенно принято считать наиболѣе облагораживающимъ и наиболѣе захватывающимъ, а именно, драматическія представленія. Театръ въ Англіи долгое время былъ разсчитанъ почти исключительно на средній и богатый классъ. Для простого рабочаго народа театръ почти не существовалъ, отчасти вслѣдствіе высокихъ цѣнъ на мѣста, а отчасти вслѣдствіе отсутствія привычки и любви у народа къ драматическимъ представленіямъ. Но вотъ въ послѣднее время начинаетъ замѣчаться перемѣна и въ этомъ отношеніи. Театръ какъ будто ближе придвигается къ народу, а послѣдній начинаетъ проявлять большій интересъ къ нему, чѣмъ раньше. Въ предлагаемой статьѣ намъ поэтому хотѣлось бы выяснить какъ причины этой перемѣны, такъ и, вообще, роль и значеніе театра въ современной намъ англійской жизни. При этомъ уже неизбѣжно придется и поговорить о наиболѣе значительныхъ современныхъ драматургахъ Англіи.

II.

Движеніе, которое я бы назвалъ народно-театральнымъ идетъ въ Англіи, такъ сказать, съ двухъ сторонъ: снаружи и изнутри, Публика, простая, народная публика, начала стучаться въ двери. драматическихъ театровъ и въ то же время сами театры, т. е. антрепренеры и драматурги, начали искать именно эту публику. Причинъ начавшейся тяги народа къ театру, конечно, множество, и всѣхъ ихъ не прослѣдишь! Но, несомнѣнно, одной изъ нихъ является распространеніе кинематографа. Есть очень многіе умники, изъ тѣхъ, которыхъ англичане иронически называютъ „superior persons“, лица высшей породы, которыя смотрятъ на „кинемо“ не только свысока, что было бы вполнѣ естественно, но и какъ на паденіе искусства, какъ на порчу вкусовъ и вредное для театра соперничество. На самомъ же дѣлѣ и факты и статистика показываютъ совершенно другое. Фотографія не только не убила живописи и скульптуры, а наоборотъ: никогда раньше не ринулось столько лицъ къ мольбертамъ и мраморнымъ глыбамъ и не наполнялись такъ художественныя школы, какъ со времени распространенія „кодаковъ“. То же было и съ газетами и книгами. Газета не только не вытѣснила книги, а въ десять разъ больше расширила книжный рынокъ. И то же самое мы теперь

наблюдаемъ и въ отношеніи кинематографа къ театру. Всѣ эти легкодоступныя средства удовлетворенія умственныхъ и художественныхъ запросовъ, всѣ эти суррогаты искусства и знаній, числомъ поболѣе, цѣной подешевле, не только важны и сами по себѣ, какъ духовная пища, но и служатъ неизмѣнно ступенью къ высшимъ формамъ знаній и искусства. Они возбуждаютъ аппетитъ, создаютъ новые запросы, изощряютъ вкусы — и въ результатѣ подлинное художественное творчество только выигрываетъ.

Конечно, представленія представленіямъ рознь. Но вѣдь не только кинематографическія представленія могутъ быть развращающими и отвратительными, но и настоящія, театральныя. Родъ, характеръ представленія — это ужъ дѣло другое, рѣшительно никакого отношенія не имѣющее къ тому, какъ оно исполнено, на экранѣ ли тѣнями или на подмосткахъ — новыми лицами. Важно, что въ рабочемъ человѣкѣ, въ приказчикѣ, въ домосѣдкѣ-хозяйкѣ дома, зачерствѣвшей въ мелкихъ домашнихъ заботахъ и опошлѣвшей въ прѣсной, безсодержательной сплетнической болтовнѣ съ сосѣдками, является желаніе разсѣять себя чѣмъ-либо отвлеченнымъ, какимъ либо зрѣлищемъ, будящемъ чувства и фантазію, и — что еще важнѣе — желаніе это можетъ быть удовлетворено легко, чуть ли не во всякое время дня и вечера.

Вліяніе кинематографа на развитіе вкусовъ литературныхъ въ Англіи должно быть особенно велико за послѣднее время, когда съ экрана почти совсѣмъ исчезли полицейски-уголовные сюжеты съ ихъ убійствами, погонями, выслѣживаніями или картины откровенно-амурныхъ похожденій, и вообще вся эта мелкая, эпизодическая, безыдейная и очень часто безсмысленная свѣтотѣнь, и ея мѣсто заняли изображенія лицъ и дѣйствій наиболѣе извѣстныхъ литературныхъ и драматическихъ произведеній. Лучшіе англійскіе романы, трагедіи Шекспира, поэмы Теннисона и Байрона — все это развертывается теперь въ живыхъ, движущихся картинахъ передъ глазами посѣтителей кинематографовъ.

Распространеніе кинематографа поэтому, столь благодѣтельное и само по себѣ, и какъ предметъ развлеченія, и какъ научное пособіе, должно особенно радовать тѣхъ, которые хотѣли бы пріобщить народъ и къ драмѣ. Насколько же велико и обширно должно быть вліяніе кинематографа, видно изъ его феноменально быстраго захвата такихъ закоулковъ и такихъ слоевъ населенія, которымъ раньше театръ былъ совершенно чуждъ. У меня нѣтъ статистики посѣщаемости кинематографовъ, но достаточно сказать, что въ 1903 г. въ Лондонѣ было всего два „электрическихъ“ театра, въ 1910 г. ихъ было 18, а въ 1911 г. ихъ было уже 94.

И вотъ, увидѣвъ „Ромео и Джульетту“ на экранѣ, посѣтитель кинематографа, естественно, исполняется любопытствомъ посмотрѣть на эту трагедію и на дѣйствительной сценѣ, или прочесть ее. И въ то же время, подъ вліяніемъ разныхъ причинъ, и въ самомъ англійскомъ театрѣ зарождается стремленіе привлечь къ себѣ тотъ классъ зрителей, который долгое время оставлялся имъ въ пренебреженіи. Если взять Лондонъ, о которомъ, главнымъ образомъ, и идетъ здѣсь рѣчь, то можно сказать, что до самаго послѣдняго времени театръ обслуживалъ одну лишь, такъ называемую, „чистую публику“.

Можно сказать безъ всякаго преувеличенія, что до сихъ поръ театръ въ Лондонѣ былъ разсчитанъ исключительно на богатыхъ, на людей, которые могутъ брать кресла, ложи и мѣста въ бель-этажѣ и отчасти балкона, т. е. на людей, которые могутъ платить отъ двухъ до пяти рублей за мѣсто или отъ 20 до 50 рублей и больше за ложу. Для этихъ зрителей были приготовлены всѣ распорядки и для нихъ же однихъ писались пьесы. Представленіе начиналось не раньше 8 ч. вечера, а въ большинствѣ случаевъ даже не раньше половины девятаго, при чемъ, строго говоря, началомъ спектакля слѣдовало считать девять часовъ, такъ во многихъ театрахъ для съѣзда публики ставились lever de rideau, одноактныя пьесы, занимающія какъ разъ столько времени, сколько нужно для того, чтобы публика съѣзжалась, раздѣвалась и усаживалась. И позднее начало принято, конечно, не потому, что рабочій день кончается поздно, а потому что обѣдъ въ богатыхъ домахъ подается обыкновенно въ половинѣ восьмого и, слѣдовательно, въ театръ раньше половины девятаго трудно попасть. Съ обѣда прямо отправляются въ театръ въ тѣхъ же вечернихъ бальныхъ костюмахъ, въ которые богатые англичане обыкновенно наряжаются, садясь за вечерній столъ. Въ послѣдніе годы приглашеніе гостя на обѣдъ очень часто обозначаетъ собою и приглашеніе въ театръ или куда-нибудь на балъ. Съѣзжаясь поздно въ театръ, публика также оставляетъ его сравнительно поздно, не раньше одиннадцати, а то и половины двѣнадцатаго ночи и даже позже.

Само собою разумѣется, что для рабочаго человѣка, который становится рано на работу и который въ десять или одиннадцать часовъ вечера уже обязательно въ постели, такіе театральные часы совершенно не подходятъ, даже если бы онъ былъ въ состояніи тратить деньги на театръ. Но и этихъ денегъ онъ не въ состояніи тратить. Конечно, въ каждомъ театрѣ есть свои „дешевыя“ мѣста. Въ Лондонѣ это — „питъ“ (pit — мѣста за креслами) и галлерея. „Питъ“ стоитъ обыкновенно $2^1/_2$ шиллинга, т. е. рубль съ четвертью, а галлерея одинъ шиллингъ (копеекъ 50). Но и такія цѣны для рабочаго человѣка не всегда и, во всякомъ случаѣ, не часто доступны, особенно если театръ

посѣщаетъ не одинъ, а нѣсколько членовъ семьи. Поэтому и публика „пита“ и галлереи далеко не рабочая, а скорѣе полуинтеллигентская, съ мелкими доходами, но съ амбиціей и порядочными требованіями, хотя среди нея уже попадается не малое число лицъ, живущихъ ручнымъ трудомъ.

Имѣя въ виду, главнымъ образомъ, денежный классъ зрителей, лучшіе театры въ Лондонѣ находятся почти въ центрѣ городѣ, ближе къ западной части, въ такъ называемомъ Вестъ-эндѣ. Изъ 50 съ чѣмъ-то драматическихъ и иныхъ театровъ (не считая „music-hall'овъ“, т. е. сценъ съ дивертисментной программой [1]) расположенныхъ въ районѣ лондонской думы, около 33 находятся на небольшомъ участкѣ въ какую-нибудь одну квадратную милю, а остальные разсѣяны по окраинамъ. Такимъ образомъ, одна квадратная миля въ Вестъ-эндѣ имѣетъ больше театровъ, чѣмъ всѣ остальныя 117 кв. англійскихъ миль Лондона, взятыя вмѣстѣ. Въ окраинныхъ театрахъ Лондона цѣны на мѣста значительно дешевле и вообще разсчитаны эти театры на болѣе скромную публику. Въ нѣкоторой степени они являются переходной ступенью къ народному театру, но все-таки тонъ, задаваемый театромъ въ Вестъ-эндѣ, находитъ свой отголосокъ и на окраинѣ. Играютъ тѣ же пьесы, но на одинъ или два сезона позже; цѣны доступнѣе, но не настолько, чтобы ихъ можно считать „народными“; и между зрителями въ креслахъ и галлереи чувствуется та же пропасть, какъ и въ Вестъ-эндѣ, но на другомъ уровнѣ. Разница между галлереей и креслами въ окраинномъ театрѣ, такъ сказать, лишь октавой ниже этой разницы въ вестъ-эндскомъ театрѣ. Соціальное разстояніе между ними одинаковое въ обоихъ театрахъ, но на окраинахъ Лондона конечныя точки отодвинуты внизъ: въ креслахъ сидятъ не милліонеры, а довольно зажиточный классъ гражданъ, въ дешевыхъ же мѣстахъ больше простого народа, чѣмъ интеллигентнаго.

То, что лондонскій театръ имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, богатаго зрителя, пріѣзжающаго на спектакль въ бальномъ костюмѣ послѣ сытнаго обѣда, не могло не отозваться не только на цѣнахъ и времени представленія, но и на самомъ содержаніи пьесъ, на характерѣ и направленіи драматической литературы. И чтобы вполнѣ понимать ту перемѣну, какую народно-театральное движеніе можетъ, да и должно внести въ драматическое творчество, необходимо нѣсколько остановиться на тѣхъ театральныхъ вкусахъ, какіе существовали въ Англіи до сихъ поръ.

---

[1]) По офиціальной номенклатурѣ „music-hall'омъ“, считается театръ, въ которомъ одинъ вечерній или дневной спектакль состоитъ не менѣе, чѣмъ изъ шести отдѣльныхъ частей.

III.

Театръ, какъ мѣсто увеселенія и развлеченія, а не какъ школа, не какъ амвонъ, каѳедра или трибуна — вотъ точка зрѣнія, прочно укрѣпившаяся на англійской сценѣ. И точка зрѣнія эта вызвана, вѣроятно, тѣмъ, что англичанинъ не нуждается въ театральныхъ подмосткахъ для пропаганды. Свобода слова такъ велика, свобода собраній и всякихъ средствъ агитаціи такъ развита и безгранична, что приспособить еще театръ къ разнымъ соціальнымъ, политическимъ и философскимъ проблемамъ кажется излишнимъ дѣломъ и профанаціей искусства.

Какъ предметъ развлеченія, спектакль долженъ быть пріятнымъ, пріятнымъ не только въ томъ смыслѣ, въ какомъ Бернардъ Шоу назвалъ четыре изъ своихъ семи пьесъ, изданныхъ имъ въ 1898 году: „Пьесы, пріятныя и непріятныя“, а въ гораздо болѣе широкомъ смыслѣ слова. Исполняемая на сценѣ пьеса должна быть по душѣ зрителю не только своей темой, своимъ идейно-общественнымъ содержаніемъ (буде таковое имѣется въ ней), но всѣми перипетіями своей фабулы и своей развязкой. Она должна быть пріятна сердцу, слуху и глазу, она должна занимать, забавлять, захватывать. Вотъ почему въ театральномъ отношеніи Англія выработала уже давно не только свой типъ спектаклей, въ родѣ „мюзикъ-голлныхъ“, но и свои специфическія драматическія формы — музыкальную комедію и мелодраму, какихъ на континентѣ вообще мало встрѣчается. Число music-hall'овъ въ Лондонѣ ничуть не меньше числа театровъ, а число лицъ, которое ихъ посѣщаетъ, значительно больше, чѣмъ посѣтителей театровъ. Между тѣмъ, программа всякаго „мюзикъ-голла“, состоя изъ разныхъ отдѣльныхъ, ничего общаго между собою не имѣющихъ частей, не только чужда какой-либо идейности, а какъ бы нарочно избѣгаетъ всего, что можетъ быть сочтено серьезнымъ. Не слѣдуетъ забывать, music-hall не есть французскій кафешантанъ или русскій кабакъ. Въ лондонскомъ music-hall'ѣ, особенно на окраинахъ, гдѣ онъ посѣщается больше народомъ попроще, не услышите ничего скабрезнаго или двусмысленнаго и не увидите ничего зазорнаго. Мюзикъ-голлая программа состоитъ изъ пѣсенъ, танцевъ, акробатическихъ представленій, одноактныхъ пьесокъ, разсказовъ, концертныхъ исполненій и пр., вызывающихъ смѣхъ и слезы и разныя эстетическія эмоціи. Успѣхъ этого вида спектаклей, въ общемъ, очень приличныхъ и въ большинствѣ случаевъ исполняемыхъ превосходными актерами и музыкантами обоего пола, конечно, свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что большинство публики ищетъ первѣе всего развлеченій и удовольствій и не хочетъ быть поучаема со сцены.

Съ такими же требованіями лондонская публика ходитъ и на драматическіе спектакли. Эта часть публики только чуточку, можетъ быть, посерьезнѣе. Но въ театръ все же она ходитъ только съ требованіями смѣха и слезъ. Отсюда, съ одной стороны, ей предлагаютъ мелодраму, способную источать море слезъ, а съ другой — фарсъ, который въ послѣдніе годы принялъ характеръ „музыкальной комедіи". Если авторъ мелодрамы показываетъ видъ, что онъ хочетъ что-то сказать, то авторы музыкальныхъ комедій откровенно отказываются отъ всякихъ скрытыхъ какихъ-либо намѣреній что-то сказать. Содержаніе всякой музыкальной комедіи есть открытая и сплошная белиберда, призванная вызывать смѣхъ именно своей пустотой. Авторы выѣзжаютъ на каламбурахъ, на „словечкахъ", на парикахъ и костюмахъ, подчасъ, дѣйствительно, весьма забавныхъ, на жестахъ и гримасахъ актеровъ и актрисъ, на неожиданностяхъ встрѣчъ, отъѣздовъ, паденій, восклицаній.

Ясно, что, если театръ имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, развлеченіе богатыхъ и наиболѣе „приличныхъ" слоевъ населенія, то драматургъ не можетъ быть очень строгъ къ нимъ, и дѣйствующія лица въ его пьесахъ не должны говорить непріятныя для нихъ вещи. Разъ драма составляетъ только орудіе для помощи пищеваренію, для пріятнаго проведенія времени между обѣдомъ и ужиномъ, а не является выраженіемъ извѣстныхъ художественныхъ стремленій, цѣннымъ самимъ по себѣ, независимо отъ характера зрителя и времени представленія, то она ничего крупнаго и серьезнаго въ литературномъ смыслѣ и не можетъ представлять собою. И дѣйствительно, долгое время, почти на протяженіи шестидесяти лѣтъ съ 10-хъ до конца 80-хъ годовъ XIX столѣтія, т. е. со временъ Шеридана, Дибдина и Кемберленда и до появленія Бернарда Шоу и ряда другихъ, за однимъ исключеніемъ, Англія не дала ничего выдающагося и оригинальнаго въ драматической литературѣ. Правда, драматургъ, составившій исключеніе, оказался настолько крупнымъ, своеобразнымъ, яркимъ и блестящимъ, что его одного хватило бы для искупленія Англіи отъ грѣха театральнаго упадка. Я говорю о Вильямѣ Гильбертѣ, авторѣ разныхъ либретто и комедій, поразительныхъ по тонкой и изящной сатирѣ, по богатству и красотѣ языка, по поэтичности и мягкой гибкости вымысла, столь фантастическаго и въ то же время столь глубоко-человѣчнаго. Гильберта не только играли и читали, но и будутъ играть и читать еще, вѣроятно, не одинъ вѣкъ. Но все же во время расцвѣта литературной своей дѣятельности Гильбертъ былъ совершенно одинокъ. Въ Англіи не было даже въ его время порядочной театральной критики, чтобы вполнѣ оцѣнить его. Всѣ остальныя драматурги до него и одновременно съ нимъ были настолько

беззаботныя насчетъ литературныхъ достоинствъ своихъ произведеній, что даже не считали нужнымъ издавать ихъ для читателя. Огромное большинство пьесъ 60-хъ и 70-хъ годовъ и даже 80-хъ годовъ, не смотря на то, что въ свое время имѣли даже большой успѣхъ на сценѣ, теперь окончательно утеряны въ рукописяхъ, такъ какъ никогда не были напечатаны. Въ чтеніи пьесы оказывались уже слишкомъ неинтересными и даже глупыми. Многіе англійскіе драматурги того времени, если только они не составили себѣ имени, какъ беллетристы или поэты, теперь настолько позабыты, что даже люди литературные не знаютъ и не помнятъ ни ихъ именъ, ни ихъ пьесъ. Многіе ли, напримѣръ, теперь помнятъ имена Ольбери или Байрона, (1834—1884), или хотя бы Марстона, еще довольно извѣстнаго въ 80-хъ годахъ въ Англіи драматическаго писателя? Основательно забыть даже Томасъ Робертонъ, авторъ множества легкихъ комедій, не сходившихъ со сценъ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ. Въ настоящее время Робертсонъ больше извѣстенъ изъ исторіи англійской сцены, чѣмъ изъ его пьесъ, изъ которыхъ почти ни одна уже не ставится и тѣмъ меньше онѣ читаются. Уже въ 1881 г., т. е. всего какихъ-нибудь 10 лѣтъ послѣ смерти этого самаго популярнаго въ свое время драматурга, онъ считался совершенно устарѣлымъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ тогдашній отзывъ о немъ извѣстнаго англійскаго критика Вильяма Арчера. Между 1830 и 1900 годами на сценахъ лондонскихъ театровъ было поставлено[1]) около 2.400 новыхъ пьесъ. Многія изъ нихъ были фарсы, водевили, оперы и переводы особенно съ французскаго, изъ Скриба, Дюма (отца и сына), Сарду, Лабиша, Галеви и Мельяка. Многія были также передѣлки изъ повѣстей, особенно Скотта и Диккенса. И изъ всей этой массы сочиненій, если не считать пьесъ, написанныхъ въ 90-хъ годахъ, какъ Оскара Уайльда, Бернарда Шоу, Джонса, Пинеро и др., какъ и тѣхъ, которыя написаны Тильбертомъ, почти ни одна больше возобновляется на сценѣ въ Лондонѣ, а между тѣмъ, однѣ пьесы Робертсона „Ours“, „Caste“, „Society“ и „School“ въ теченіе 20 лѣтъ, приблизительно въ періодъ 1865—885 годовъ, были даны около 3000 разъ!

Нищета драматической литературы въ Англіи къ серединѣ 80-хъ годовъ не могла не привлечь къ себѣ вниманіе знатоковъ и цѣнителей театра, которые невольно стали доискиваться причинъ его упадка. Что взглядъ на театръ, какъ на развлеченіе для сытыхъ и довольныхъ жизнью и установившимися общественными порядками среднихъ и высшихъ классовъ долженъ дѣйствовать развращающимъ образомъ, было ясно для всѣхъ. „Публика развращаетъ театраль-

---

1) См. „The Drama of To-day, by“ Charlton Andrews.

ныхъ директоровъ, директора-авторовъ, авторы-актеровъ, актеры-критиковъ и критика-публику", — писалъ въ 1882 г. Вильямъ Арчеръ въ своей кн. English „Dramatis of To-day" Получался какой-то порочный кругъ, изъ котораго можно выйти, разбивъ лишь одно изъ звеньевъ. Это звено оказалось погоня за барышемъ. Если бы, — разсуждали критики, — въ Англіи театръ пользовался тѣми же субсидіями, какимъ онъ пользуется въ континентальныхъ странахъ, то драма не зависѣла бы отъ однихъ денежныхъ расчетовъ. Въ театрѣ ставились бы тогда пьесы въ зависимости лишь отъ ихъ внутренней цѣнности, а не отъ сборовъ, дѣлаемыхъ ими. Репертуаръ могъ бы быть тогда очень разнообразенъ, новинки ставились бы часто, и этимъ дана была бы возможность авторамъ писать по душѣ и экспериментировать на сценѣ разныя теченія, а актерамъ — испробовать себя въ разныхъ роляхъ и развивать свои силы и таланты. Между тѣмъ какъ теперь въ Англіи ни одинъ театръ не пользуется государственной помощью. Театръ содержится исключительно съ коммерческой цѣлью. Директора поэтому стараются не только ставить однѣ лишь угодныя ихъ патронамъ пьесы, но и выжать изъ каждой поставленной ими пьесы, на которую иногда бываютъ затрачены большія деньги, какъ можно больше дохода. Вслѣдствіе этого, удачная пьеса ставится день за днемъ, а въ нѣкоторые дни недѣли и по два раза, безъ перерыва въ теченіе недѣли, мѣсяцевъ и даже лѣтъ. Проигрываютъ авторы новыхъ пьесъ, не знающіе, куда ихъ двинуть; проигрываетъ публика, вкусы которой недостаточно изощряются, и, конечно, больше всѣхъ страдаетъ литературная и художественная цѣнность драмы.

Избавленіе драмы отъ гнета коммерческой антрепризы дѣлается потому крикомъ наиболѣе передовой части театраловъ Лондона, главнымъ лозунгомъ драматическихъ реформаторовъ и искателей новаго. И въ началѣ 90-хъ годовъ начинаютъ дѣлаться практическія попытки къ „эмансипаціи драмы". Попытки эти, въ общемъ довольно слабыя, въ той или иной формѣ продолжаются до нашихъ дней, когда, наконецъ, мы уже наканунѣ открытія дѣйствительно большого, постояннаго и независимаго отъ денежныхъ соображеній театра въ Лондонѣ. Но въ то время, какъ походъ въ пользу такого „національнаго" театра близится уже къ успѣшному концу, началась новая агитація въ пользу общедоступности драматическихъ спектаклей, въ пользу, такъ называемаго, народнаго театра, въ которомъ не только ставились бы лучшія пьесы, но который могли бы посѣщать и наименѣе состоятельные слои населенія. Объ этомъ новомъ движеніи и будетъ у насъ рѣчь дальше, но прежде, чѣмъ перейти къ нему, покончимъ съ описаніемъ того, что пока сдѣлано для улучшенія

англійской драмы, и посмотримъ, что достигнуто въ этомъ отношеніи и чѣмъ современные драматурги Англіи отличаются отъ своихъ предшественниковъ, жившихъ и работавшихъ лѣтъ 35 или 50 назадъ.

IV.

Чтобы избавить театръ отъ давящей тяжести коммерческой антрепризы, ничего другого не оставалось какъ основать общества, члены которыхъ, готовы поддерживать представленія пьесъ лишь ради возможности присутствовать на нихъ, а не ради полученія барышей. Первой такой попыткой въ Лондонѣ было основаніе въ 1891 г. „Независимаго театра“ (Independent Theatre). Его основалъ обанглича-нившійся голландскій еврей Грайнъ, театральный критикъ и большой знатокъ драматической литературы. Театръ этотъ просуществовалъ очень недолго, но онъ имѣетъ за собою ту заслугу, что первый поставилъ пьесу Бернарда Шоу. Послѣ „Independent Theatre“ возникло „Stage Society“, существующее и теперь и ставящее ежегодно шесть новыхъ пьесъ по два раза, а затѣмъ и рядъ другихъ организацій, имѣющихъ цѣлью постановку пьесъ, которыхъ коммерческая антреприза не хочетъ ставить. Такимъ образомъ, кромѣ „Stage Society“, имѣются теперь въ Лондонѣ „The Play Astors“, основанное въ 1907 г., поставившее, напримѣръ, въ 1913 г., кромѣ двухъ пьесъ Бьернстьерне, шесть новыхъ пьесъ молодыхъ и начинающихъ англійскихъ авторовъ; „The Oncomers Society“, основанное въ 1910 г. и поставившее въ 1913 г. одну новую пьесу; „The Drama Society“, осн. въ 1911 г. и давшее, кромѣ переводныхъ съ Ибсена, Альфреда де-Мюссе и Франсуа Коппе, и нѣсколько новыхъ оригинальныхъ; „Pioneer Players“, „Century Play Society“ и разныя другія общества.

Дѣятельность этихъ обществъ не лишена значенія и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, несомнѣнно, весьма полезна, какъ отдушина для нѣкоторыхъ оскорбленныхъ самолюбій или какъ школа для зрителей. Но въ отношеніи вопроса о вліяніи коммерческой антрепризы на достоинства драмы они наврядъ ли что-либо доказали или что-либо измѣнили. Тотъ рядъ выдающихся драматурговъ, который выдвинулся въ Англіи за послѣднія 20—25 лѣтъ, обязанъ своимъ успѣхомъ не этимъ безкорыстнымъ организаціямъ, а обычной въ Англіи театральной антрепризѣ. Если не считать одной или двухъ пьесъ Бернарда Шоу, и то далеко не изъ его лучшихъ, всѣ эти общества, занимающіяся постановкой пьесъ, не дали ни одной новинки, которая дѣйствительно заслуживала бы вниманія. Всѣ представленныя ими пьесы очень претенціозны, очень незрѣлы, подражательны и, главнымъ образомъ, убійственно скучны. И вполнѣ ясно, что театръ, гоняющійся за бары-

шемъ, не можетъ и не долженъ былъ ихъ ставить, и въ этомъ отношеніи директоры лондонскихъ театровъ показали себя отличными знатоками вкусовъ своей публики. Съ другой стороны, тѣ же директоры вовсе не отказывались отъ постановки очень хорошихъ вещей, когда онѣ попадались имъ въ руки, хотя часто, съ точки зрѣнія обычныхъ требованій театральной публики, эти вещи казались очень рискованными. Не говоря уже о такихъ драматургахъ, какъ Пинеро, Г. А. Джонсъ или Гренди, начавшихъ писать еще въ 80-хъ годахъ, но и такіе, какъ Оскаръ Уайльдъ, или болѣе поздніе, какъ Голсворти, Гренвиль Баркеръ, Стенли Гоутонъ (Haughton), Джемсъ Барри и др., которые одинаково, хотя и въ разной степени, демонстрируютъ огромнѣйшій прогрессъ, сдѣланный англійской драмой за послѣднія 25 лѣтъ, достойно оцѣнены театральной антрепризой безъ всякаго посредничества или содѣйствія „безсребрениковъ“.

Рядомъ съ попытками ослабить вліяніе коммерческихъ соображеній на драматическое творчество и воскресить театръ Шекспира, Конгрива, Гольдсмита и Шеридана при помощи разныхъ „Stage Societies“ и „Play Actors“ возникло и, такъ называемое, „репертуарное движеніе“ (The Repertory Movement). Какъ мы выше отмѣтили, однимъ изъ послѣдствій коммерческой антрепризы является, въ случаѣ удачи, безпрерывное повтореніе представленій одной и той же пьесы на одной и той же сценѣ или на разныхъ сценахъ, одной за другой, въ теченіе многихъ и многихъ мѣсяцевъ. Не говоря уже о такихъ исключительныхъ случаяхъ удачи, какъ знаменитый фарсъ „Charley's Aunt“, шедшій въ 90-хъ годахъ каждый вечеръ въ лондонскомъ „Globe Theatre“ въ продолженіе чуть ли не 3-хъ лѣтъ, и теперь передъ нами нѣсколько примѣровъ поразительной продолжительности постановокъ. Такъ, легкая комедія Арнольда Беннета „The Great Adventure“, въ которой знаменитый художникъ обмѣнивается ролями съ своимъ слугою, идетъ уже свыше 500 разъ. Музыкальная комедія „The Marriage Market“ идетъ въ одномъ и томъ же театрѣ „Daly's“ подъ рядъ уже около 400 разъ. „Mr. Wu“ въ театрѣ „Strand“ ставится уже третью сотню представленій. Считая такой порядокъ вещей весьма выгоднымъ для кармановъ успѣшныхъ авторовъ и антрепренеровъ, но вреднымъ для прогресса драмы, многіе очень энергично стали проповѣдывать систему разнообразія представленія, систему „репертуара“, какая принята на главныхъ сценахъ европейскаго континента. И проповѣдь, въ концѣ-концовъ, нашла себѣ прозелитовъ. Появились антрепренеры, начавшіе усваивать новые революціонные порядки, и въ провинціи и въ Лондонѣ сдѣланы довольно серьезныя попытки въ смыслѣ разнообразія постановокъ. Въ Ливерпулѣ, Бирмингамѣ, Манчестерѣ, Дублинѣ и Глазго были образованы товарище-

ства на паяхъ спеціально для содержанія „репертуарныхъ“ театровъ. Въ самомъ Лондонѣ, кромѣ гастролей этихъ товариществъ съ ихъ репертуаромъ, представителемъ репертуарнаго движенія явился Гренвиль Баркеръ, снимавшій съ 1904 по 1907 г. театръ „Court“, а затѣмъ театръ „Savoy“. Сдѣланы попытки введенія разнообразнаго репертуара вмѣсто безпрерывнаго повторенія одной пьесы до окончательнаго исчерпыванія къ ней интереса и двумя-тремя другими антрепренерами въ Лондонѣ. Но когда начинаешь подводить итоги движенію, столь усиленно рекомендуемому въ Англіи за послѣднія десять лѣтъ, то въ результатѣ получается поразительно мало. Репертуарныя товарищества въ провинціи жалуются на дефициты, и нѣкоторыя изъ нихъ продолжаютъ дѣйствовать, лишь пользуясь покровительствомъ меценатовъ. Въ Лондонѣ крупный американскій антрепренеръ Фроманъ пытался создать разнообразный репертуаръ одинъ сезонъ въ 1910 г. на сценѣ театра „Dufe of Jork“, и попытка оказалась настолько неудачной, что больше онъ ея не повторялъ. Упомянутая нами выше попытка Баркера въ театрѣ „Court“ тоже была не совсѣмъ успѣшна. Въ теченіе трехъ лѣтъ его директорства въ этомъ театрѣ онъ далъ 900 слишкомъ спектаклей, изъ которыхъ 701 состоялъ изъ произведеній одного Бернарда Шоу. Такимъ образомъ разнообразіе репертуара свелось въ сущности къ разнообразію пьесъ одного лишь автора, очевидно, потому, что пьесы этого автора привлекали къ себѣ публику больше, чѣмъ пьесы другихъ авторовъ. Иначе говоря, и Баркеръ держался, на самомъ дѣлѣ, старой системы лондонской антрепризы, предпочитающей безпрерывно повторять одну удачную вещь, чѣмъ испробовать десять неудачныхъ. Что разнообразіе само по себѣ еще недостаточно для привлеченія публики, а нужно предлагать ей, дѣйствительно, интересующія ее вещи, въ этомъ самомъ Баркеръ признался въ своей рѣчи, произнесенной имъ со сцены театра St. Stames's 17-го декабря 1913 г. послѣ окончанія послѣдняго спектакля изъ ряда данныхъ имъ въ этомъ театрѣ. Онъ прямо заявилъ, что для поддержки его идеала создать „репертуарный“ театръ ему нужно тысячу человѣкъ, каждый изъ которыхъ выложилъ бы сразу по 25 ф. стерлинговъ и гарантировалъ бы еще 25 ф. ст. въ годъ въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ, т. е. для осуществленія его идеи необходимо сейчасъ же потратить 25.000 ф. стерлинговъ и получить гарантію на три года.

Другой, очень идейный театральный директоръ и выдающійся актеръ, сэръ Гербертъ Три, тоже пытавшійся осуществить мысль о разнообразіи репертуара, въ концѣ концовъ, пришелъ къ заключенію, которое онъ формулировалъ фразой, сдѣлавшейся съ тѣхъ поръ знаменитой: „Когда репертуарный театръ не бываетъ репертуарнымъ театромъ?

Когда онъ дѣйствуетъ успѣшно", — сказалъ Три. Иначе говоря, когда въ репертуарѣ случается пьеса, которую можно ставить часто и продолжительное время, тогда она вытѣсняетъ другія, которыя похуже. Очевидно, драмы дѣйствуютъ противоположно монетамъ, изъ которыхъ, по извѣстному въ финансовой наукѣ закону Грешема, хорошія вытѣсняются плохими.

Итакъ, мы видѣли, что ни театральныя общества, ни попытки „репертуарной" системы не могли пока пошатнуть господство стараго духа на англійской сценѣ. Пьесы продолжаютъ ставиться не тѣ, которыя выдвигаются „безкорыстно", а тѣ, которыя даютъ хорошій сборъ, и эти урожайныя пьесы не даются вперемежку съ другими, а занимаютъ собою сцену сплошь цѣлыми сезонами. Частная антреприза продолжаетъ идти своимъ путемъ, старымъ и испытаннымъ, и въ выборѣ пьесъ и въ характерѣ постановки пользуется не литературными и идейными мѣрками, а вкусами своей публики. И въ то время, какъ за послѣднія 20—25 лѣтъ въ Англіи народилась богатая идейнымъ содержаніемъ литературно-написанная и искусно-разработанная драма, сцена почти не знаетъ ея. Новая драма читается, о чемъ раньше драматурги и не думали; о ней говорятъ, спорятъ, пишутъ письма въ редакціи, а въ театрѣ играютъ не ее, а какую-нибудь веселенькую, невѣроятную по замыслу и пустенькую комедію, или откровенную мелодраму, полную разныхъ „шоковъ", разныхъ неожиданностей, сопровождаемыхъ въ патетическихъ мѣстахъ тихой музыкой и поражающихъ глазъ сценической техникой, въ родѣ крушенія поѣздовъ, скачекъ съ препятствіями, пожара на морѣ и т. д.

Чтобы объяснить причину этого разлада между совершенной „литературной" драмой и англійской сценой, остановимся на минутку на томъ, что эта драма даетъ и что отъ нея требуется.

V.

При всѣхъ своихъ недостаткахъ частная антреприза въ Англіи имѣетъ немалыя заслуги, изъ которыхъ, быть можетъ, наиболѣе цѣнная, состоитъ въ сохраненіи за театромъ основныхъ его функцій. Театръ призванъ развлекать, вызывая въ насъ благородныя, чистыя и пріятныя эмоціи. Это не школа, не амвонъ, не трибуна, не парламентъ и не фотографія. И въ выборѣ пьесъ англійскій антрепренеръ интересуется не „проблемами", которыя ставитъ авторъ, не „типами", которые онъ изображаетъ, не эпиграматичностью діалога, который можетъ вызвать такой восторгъ въ чтеніи, и не новизною и вычурностью фабулы, какъ и не однимъ лишь бытовымъ рисункомъ. Онъ раньше всего ищетъ въ нихъ того, что трогательно для сердца, что шевелитъ наши чувства,

что взываетъ къ нашей человѣческой натурѣ, словомъ, что способно вызывать въ насъ смѣхъ или слезы. Не умствованій и не однихъ фактовъ, а душевности и внутренней драматичности. И удивительно, именно этой-то „простой“ вещи, этого скрытаго лиризма, которыми полны лучшія драмы Англіи за прошлые вѣка, и не хватаетъ въ новѣйшей ея драматургіи. Стоитъ только познакомиться съ драмами Бернарда Шоу, Голсворти, Баркера, Джона Мэсфильда или Зангвилля, этихъ главныхъ представителей англійской идейной драмы, извѣстной въ Англіи какъ „Intelloctual drama“, чтобы увидѣть, какъ мало они удовлетворительны съ точки зрѣнія эмоціональной.

Самъ Бернардъ Шоу отлично понимаетъ значеніе теплоты въ драмѣ. Въ своемъ предисловіи къ „Пьесамъ пріятнымъ“ (II томъ) онъ говоритъ: „Что комедія вызываетъ смѣхъ, это для меня еще ничего не значитъ. Всякій дуракъ можетъ заставить публику смѣяться. Для меня важно лишь умилительное настроеніе (The melting mood), все одно, смѣются ли зрители или остаются серьезными“. Но при всемъ своемъ стараніи, этого-то „melting mood“, той мягкости и того сердечнаго трепета, которые сцена должна изливать на зрителя цѣлыми потоками, Шоу не даетъ. Еще въ прежнихъ его пьесахъ попадаются отдѣльныя сцены, не лишенныя сердечной интимности, той глубинной зыби чувствъ, которая такъ трудно передается на поверхности и которая составляетъ душу всякой истинной драмы. Такія дышащія теплотою мѣста встрѣчаются, напримѣръ, въ „Другомъ островѣ Джона Булля“ и „Майорѣ Барбарѣ“. Есть они, хотя и рѣже, въ „Ученикѣ дьявола“ и „Кандидѣ“. Но въ новѣйшихъ пьесахъ его и такихъ рѣдкихъ оазисовъ нѣтъ. Это сплошь очень остроумный сатирическій діалогъ и забавнѣйшія положенія, которыя больше разсчитаны на отборную публику, находящуюся въ курсѣ всяческихъ литературныхъ и соціальныхъ теченій, чѣмъ на средняго зрителя — человѣка. И такой великій умница, какъ Бернардъ Шоу, не можетъ не сознавать этого, и въ упомянутомъ выше предисловіи его ко II тому „Plas pleas — ant and Unpleasant“ онъ прямо отказывается писать для той публики, для которой содержатся въ Лондонѣ главные театры. „Въ отношеніи этой публики, — говоритъ онъ, — я долженъ откровенно стать въ положеніе человѣка, третирующаго ее свысока. Я знаю, что многіе директоры театровъ всецѣло отъ нея зависятъ и нѣтъ директора, который бы хотя отчасти не зависѣлъ отъ нея. Но я такъ же мало въ состояніи писать то, что ей угодно, какъ Іоахимъ въ состояніи положить въ сторону свою скрипку и угодить компаніи гуляющихъ мастеровыхъ игрою марша на гармоникѣ. Пусть она не посѣщаетъ моихъ спектаклей. Вотъ и все“.

Правъ ли Бернардъ Шоу или нѣтъ, принявъ такую величествен-

ную позу по отношенію къ среднему зрителю — вопросъ другой. Результатъ, во всякомъ случаѣ, тотъ, котораго можно было ожидать: пьесы Бернарда Шоу на лондонскихъ сценахъ, если не считать его новинокъ, не играются. Главный паѳосъ Бернарда Шоу, его постоянная война съ „респектабельностью“ англійскихъ среднихъ классовъ, съ застывшими взглядами ихъ на вопросы морали, религіи и общественнаго устройства, его вѣчный походъ противъ того, что онъ называетъ „романтикой“, несомнѣнно, отличается рѣдкимъ, исключительнымъ богатствомъ эпиграммъ, парадоксовъ, фантазіи. Все это дѣлаетъ чтеніе его пьесъ великимъ наслажденіемъ, наполняетъ смѣхомъ театральную залу, но почему-то, когда занавѣсъ падаетъ, оставляетъ зрителя совсѣмъ холоднымъ, какъ будто онъ провелъ время не въ театрѣ, а въ гостиной, въ обществѣ мало знакомыхъ, но остроумныхъ чудаковъ-собесѣдниковъ.

Другой модный, идейный, но малоуспѣшный драматургъ, малоуспѣшный, т. е., съ точки зрѣнія театральной кассы, это Джонъ Голсворти. Онъ написалъ уже семь или восемь драмъ, и почти всѣ были испробованы на сценѣ, но ни одна не оказалась особенно привлекательной, хотя и по техникѣ, и по идейному содержанію, и по обрисовкѣ дѣйствующихъ лицъ онѣ стоятъ выше многихъ пьесъ, имѣющихъ огромный успѣхъ. И опять таки причину этой малой популярности вещей Голсворти не приходится долго искать. Голсворти всегда пишетъ драмы „съ цѣлью“. Въ драмѣ Голсворти всегда легко ткнуть пальцемъ на идею пьесы. Она всегда торчитъ налицо и, такъ сказать, выпираетъ изъ каждой строчки драмы. Въ „Justice“ показывается, какъ человѣческая официальная справедливость можетъ довести человѣка до самоубійства. Въ „Silver Box“ дѣло идетъ объ общественныхъ условіяхъ современной жизни, въ которыхъ тотъ же законъ выгораживаетъ богатаго и наказываетъ бѣднаго. Въ „Strife“ выдвигается мысль о томъ, какъ разумъ или благоразуміе стушевывается тамъ, гдѣ борются двѣ упрямыя воли. Въ „Pigeon“ насъ поучаютъ, какъ безплодны и ничтожны усилія благотворительности для помощи опустившимся людямъ, потерявшимъ вѣру въ собственныя силы. Въ „The Elest Son“ разсматривается вопросъ, насколько бракъ является исправленіемъ содѣяннаго соблазна.

Не говоря уже о томъ, что сами проблемы, которыя Голсворти ставитъ, слишкомъ шаблонны, случайны или мелки, но и способъ изображенія ихъ слишкомъ поверхностенъ, какой-то канцелярскій, формальный. Голсворти обыкновенно беретъ нѣсколько фактовъ, обрисовывающихъ положеніе дѣла, связываетъ эти факты соотвѣтственными діалогами, въ которыхъ подчеркивается смыслъ факта и высказываются тѣ или другія мысли, имѣющія соціальное значеніе — и драма

готова. Въ драмѣ нѣтъ біенія пульса жизни, а есть картинки жизни, фотографіи, обыкновенно очень мрачнаго тона. Говорятъ, что Черчиль, бывшій тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ, повидавъ на сценѣ пьесу „Justice“, произвелъ сейчасъ же нѣкоторыя административныя реформы въ тюремномъ дѣлѣ. Многіе изъ поклонниковъ Голсворти, а у него ихъ не мало, приводятъ это какъ доказательство его драматическаго таланта. Очевидно, по ихъ мнѣнію, драма призвана занять мѣсто хорошей брошюры. Однако, обыкновенная англійская публика къ чтенію брошюръ мало склонна, и „Justice“ была быстро снята со сцены и съ тѣхъ поръ, т. е. съ 1910 г., почему-то ни разу не возобновлена ни въ одномъ изъ лондонскихъ театровъ.

Типично-идейнымъ, безусловно-литературнымъ и въ то же время крайне-неудачнымъ драматургомъ является Зангвилль. За исключеніемъ его пьесы „Melting Pot“, богатой бытовыми штрихами и большой „человѣчностью“, всѣ остальныя оказались почти мертворожденными, именно, благодаря откровенному желанію заинтересовать зрителя не страстями, не чувствами и волненіями, истекающими изъ столкновенія человѣческихъ сердецъ, а идеями, отвлеченными „вопросами“, хотя бы и морально-житейскаго характера. Такъ, въ пьесѣ „Plaster Saints“ (гипсовые, поддѣльные святые), идущей теперь (въ іюнѣ) въ театрѣ „Comedy“, Зангвилль старается серьезно развлекать публику „проблемой“ о грѣхѣ. Можетъ ли священникъ, совершивъ „грѣхъ“, грѣхъ съ точки зрѣнія богословской, оставаться священникомъ? Тутъ не только Зангвилль, но и самъ Шекспиръ ничего не могъ бы дать. Такая чисто-богословская тема, посторонняя для массы человѣчества, не связанная съ вѣковѣчнымм спросами души, не можетъ, конечно, служить канвой для великой драмы. И въ результатѣ мы видимъ полнѣйшую неудачу этой серьезнѣйшей драмы, драмы съ архи-идейными претензіями.

Среди пьесъ Гренвилля Баркера, наиболѣе характерной для него слѣдуетъ считать „The Madras House“. Въ ней рядъ весьма блестящихъ діалоговъ, которые удивительно напоминаютъ манеру Бернарда Шоу и отчасти Оскара Уайльда. Много говорится въ ней о власти женщины, о господствѣ полового инстинкта, объ искаженіи мужской породы, находящейся вѣчно подъ вліяніемъ юбки. Пьеса можетъ нравиться, но больше въ чтеніи, чѣмъ на сценѣ. Авторъ, съ своими пространными описаніями дѣйствующихъ лицъ и мѣста дѣйствія, даже какъ будто съ самаго начала имѣлъ въ виду именно читателя, а не зрителя.

Для болѣе полной характеристики „идейной“ современной англійской драмы упомянемъ еще о пьесѣ Джона Мэйсфильда „The Tragedy of Nan“. Это именно одна изъ тѣхъ пьесъ, которая въ первый разъ

была выдвинута безкорыстной антрепризой общества „Піонеровъ". Джонъ Мэйсфильдъ — выдающійся писатель среди новѣйшихъ поэтовъ Англіи и, слѣдовательно, его „Трагедія Нанъ" уже не можетъ быть совсѣмъ плохой вещью. И дѣйствительно, въ „Нанѣ", какъ она называлась вкратцѣ, есть много истинно красиваго, тонкаго, драматическаго. Ее прочтетъ всякій съ удовольствіемъ. Но на сценѣ она производила тяжелое впечатлѣніе, потому что, за исключеніемъ самой Нанъ да еще старика-скрипача, всѣ люди въ ней такіе жестокіе, тупые, мелочные, и зрителю просто претило отъ нихъ. Дѣло, конечно, не въ жестокости. Во всемірной литературѣ хорошо извѣстна трагедія, въ которой человѣческая жестокость доходитъ до своего предѣла, когда дочери выгоняютъ сѣдого старика, отца, отдавшаго имъ все на свѣтѣ, когда сынъ предаетъ отца и содѣйствуетъ тому, чтобы у него вырвали глаза, когда братъ идетъ на брата, сестра на сестру и т. д. И все же эта трагедія, столь переполненная жестокостью, составляетъ одно изъ величайшихъ художественныхъ твореній и уже три слишкомъ вѣка не сходитъ съ европейскихъ сценъ. Отчего же? Да потому, что жестокость въ „Королѣ Лирѣ" (читатель, конечно, самъ догадался, что рѣчь о ней) обвѣяна величавостью, что трагизмъ этой жестокости въ ея стихійности, въ корняхъ нашей натуры, а не внѣ ея. Регана и Гонерилья жестоки вовсе не потому, что въ ихъ злобномъ обращеніи съ отцомъ есть какая-либо для нихъ выгода, какая-либо цѣль и планъ. Онѣ просто лишены добраго сердца и иначе дѣйствовать не могутъ. Даже „злой геній" „Короля Лира", Эдмундъ, ищущій выгоды и пользы, все же не мелоченъ. Онъ гонится за властью, за положеніемъ; въ немъ кипитъ обиженное чувство побочнаго сына, и, когда Альбани кидаетъ ему перчатку, онъ ее поднимаетъ съ великимъ достоинствомъ и зоветъ противника на смертельный бой „за честь и правду". Между тѣмъ, какъ жестокость въ „Нанѣ" (да извинитъ меня читатель за это сопоставленіе Монблана драматическаго творчества съ муравьиной кучкой, но оно необходимо было дла иллюстраціи моей мысли) герои жестоки изъ-за мелочности, изъ-за посторонникъ, мелкихъ соображеній, и стимуломъ ихъ дѣйствій служатъ не внутреннія ихъ свойства души, а жажда денегъ, или просто тупое безразличіе. Эти самые герои могли бы быть и не жестоки и даже добры, если бы ихъ поставить въ другое положеніе, напримѣръ, окруживъ ихъ богатствомъ. Весьма возможно, что злючка Дженни въ другой обстановкѣ была бы Корделіей. Но шекспировская Корделія уже никакъ не могла бы быть другой, какой-нибудь злючкой Дженни, потому что она Корделія по натурѣ, по врожденному благородству, а не потому, что ждала какихъ-либо выгодъ.

Рядомъ съ идейной драмой народилась въ Англіи за послѣдніе

годы и бытовая драма. И послѣдняя, несомнѣнно, завоевала симпатіи публики куда сильнѣе, чѣмъ первая. Бытовая драма имѣетъ дѣло, главнымъ образомъ, съ жизнью рабочихъ классовъ въ провинціальныхъ фабричныхъ городахъ и поэтому особенно успѣшно дается на провинціальныхъ сценахъ, въ тѣхъ именно мѣстахъ, которыя ближе къ описываемому быту. Въ общемъ, какъ литературныя произведенія, онѣ довольно слабы, истиннаго драматизма въ нихъ нѣтъ, фабулы почти никакой, но онѣ не лишены теплоты, пафоса страданій, бѣдности и труда, которыми такъ преисполнена обыкновенная, повседневная жизнь рабочаго человѣка. Такова, напримѣръ, драма „Diana of Dobson's", написанная г-жей Гамильтонъ изъ жизни приказчицъ, служащихъ въ большомъ магазинѣ и поставленная впервые въ 1908 г.; или „Chains", принадлежащая миссъ Бекеръ и написанная изъ жизни конторщицъ и мелкихъ конторщиковъ; или „Hindle Wakes", написанная, къ сожалѣнію, недавно умершимъ, весьма талантливымъ и многообѣщавшимъ молодымъ писателемъ Stanby Houghton'омъ. „Hindle Wanes" взята изъ жизни ланкоширскихъ фабричныхъ рабочихъ и поставленная впервые въ Лондонѣ въ іюнѣ 1912 г., обошла потомъ почти всѣ сцены сѣверной Англіи. Къ тому же разряду бытовыхъ и успѣшныхъ пьесъ, въ которыхъ мало дѣйствія, но много мѣстнаго и профессіональнаго діалекта, много типичнаго въ дѣйствующихъ лицахъ и того, что называется „атмосферой", слѣдуетъ отнести и такія пьесы, какъ „Bunty Pulls the Strings" и „A" Scrape „O" the Peu Грагема Моффата, хорошо изображающаго шотландцевъ и шотландскую, старую, строго кальвинистскую жизнь. Къ тѣмъ же пьесамъ характера поверхностно-изобразительнаго, бытового, принадлежитъ и и „Milestones", написанная Арнольдомъ Беннетомъ и Кноблаухомъ (Knoblauch) или, какъ англичане произносятъ это имя, Ноблокомъ. „Milestones" („верстовые столбы") представляетъ три поколѣнія послѣдовательно въ трехъ актахъ, поколѣнія въ одной и той же семьѣ въ 1860, 1885 и 1912 годахъ. Центральная идея пьесы въ томъ, что взгляды, казавшіеся смѣлыми и передовыми въ одномъ поколѣніи, кажутся отсталыми и узкими въ слѣдующемъ поколѣніи. Но идея эта выводится лишь, какъ мораль пьесы и ничуть не служитъ какимъ-либо связующимъ звеномъ между дѣйствіями, которыя вполнѣ независимы другъ отъ друга. Однако, „Milestones", какъ и „Bunty Pulls the Strings", пользовалась замѣчательнымъ успѣхомъ".

Совершенно особо стоитъ бытовая ирландская драма, поразительная по силѣ, оригинальности и красотѣ. Но именно потому, что она такъ глубоко отражаетъ мѣстный духъ, чисто ирландскій, она, сравнительно говоря, очень мало воспроизводится на сценахъ лондонскихъ театровъ. Наиболѣе выдающимся ирландскимъ драматургомъ, творцомъ, такъ называемаго, трагическаго фарса, былъ Дж. М. Синджъ (Synge), умершій

въ 1909 г., на 37-мъ году жизни. Онъ успѣлъ написать немнсго пьесъ, всего шесть, да и то коротенькія, трех- и одноактныя. Но какія это прямо таки геніальныя вещи! Въ какой-нибудь одноактной его вещицѣ „Riders to the Sea“ переданы сильнѣе, чѣмъ въ многотомныхъ описаніяхъ, вся напряженность жизни на островѣ, окруженномъ вѣчно бьющимися о берега бѣшеными волнами, вся таинственность и грозная жестокость моря, весь тотъ чисто языческій душевный строй, порождаемый морскимъ сосѣдствомъ, и въ то же время своеобразно смѣшанный съ христіанствомъ, и, наконецъ, вся нѣжность и тоска матери, потерявшей одного за другимъ шесть сыновей въ морѣ, и все величіе или фатализмъ той же простой материнской души, утѣшающейся тѣмъ, что „Майкелъ, милостью Всемогущаго Бога, похороненъ въ волнахъ далеко на сѣверѣ, а Бартли получитъ гробъ изъ бѣлыхъ досокъ и глубокую яму. Чего еще желать? Никто не можетъ жить вѣчно, и мы должны быть довольны“.

Сильно охарактеризованы, словно выточены изъ камня мастерскимъ рѣзцомъ дѣйствующія лица его наиболѣе извѣстной трехактной пьесы „Playboy of the Western World“. Языкъ ихъ красивъ, мѣткъ, поэтиченъ. И сама попытка показать, что даже отцеубійство можетъ быть покрыто романтическимъ ореоломъ и привлекать къ предполагаемому убійцѣ женщинъ, соперничающихъ въ своей готовности выйти за него замужъ, не лишена, конечно, оригинальности. Къ сожалѣнію, авторъ къ концу пьесы немного испортилъ ее, желая подчеркнуть, какъ выражается его главная героиня Пегинъ, что „есть большая щель между разсказомъ молодца и грязнымъ дѣломъ“ (There's a great gap between a gallous story and a dirty deed).

Въ наши намѣренія не входило ни дать обстоятельный разборъ англійской драмы, ни предложить полный обзоръ ея. На литературной сторонѣ драмы мы остановились лишь, какъ на иллюстраціи къ нашимъ сужденіямъ объ англійскомъ театрѣ, и поэтому, не останавливаясь на другихъ драматургахъ и пьесахъ, тоже заслуживающихъ вниманія, перейдемъ опять къ антрепризѣ и публикѣ.

VI.

Тотъ разладъ, который существуетъ между идейной драмой и театромъ, долженъ былъ повлечь за собою и двѣ разныя, противоположныя точки зрѣнія на положеніе дѣла: тѣхъ, которые судятъ о театрѣ съ точки зрѣнія публики или, правильнѣе, съ точки зрѣнія сборовъ, и тѣхъ, которые судятъ о драмѣ по ея внутреннимъ достоинствамъ, по ея идейному содержанію и общей литературности. Вотъ, напримѣръ, съ одной стороны передъ нами отзывъ выдающагося директора театра и актера Бирбома Три.

„Есть такіе, которые намъ говорятъ, что драма падаетъ,— пишетъ онъ [1]). Намъ говорятъ, что больше нѣтъ энтузіазма и что все сведено къ вопросу о деньгахъ. Смѣю заявить, что никогда раньше искусство такъ не господствовало надъ публикой, какъ нынѣ. Никогда раньше литература такъ не занималась имъ. Никогда раньше такъ не стремились къ художественнымъ достиженіямъ. И еще съ большей смѣлостью утверждаю, что самое лучшее, достигнутое въ нашемъ искусствѣ, было дѣломъ людей, находящихся въ моемъ положеніи (т. е. частныхъ антрепренеровъ, которые и сами первые актеры. С. Р.). Я говорю не о себѣ, а о моихъ товарищахъ. Стоитъ только вамъ оглянуться на прошлое, чтобы убѣдиться, что въ театрѣ, какъ и во всякомъ другомъ художественномъ дѣлѣ, сами дѣятели его всегда поддерживали его лучшіе интересы, его хорошую славу, его высшіе идеалы. Достаточно назвать имена, хотя бы болѣе поздняго времени, какъ Вильяма, Макреди, Чарлза Кина, Фелпса, Генри Ирвинга, Банкрофта и Джона Гейра (Hare)“.

„Въ вѣкъ, — продолжаетъ онъ, — въ которомъ вѣра тронута философскимъ сомнѣніемъ, въ которомъ любовь разсматривается, какъ спазма нервной системы, а само веселье лишь какъ отзвукъ пѣсни, слышанной въ music-hall, я считаю, что искусство все еще обязано намъ дать скорѣе свѣтъ, чѣмъ мракъ. Оно должно не бросать намъ въ лицо наше происхожденіе отъ обезьяны, а напоминать о нашемъ родствѣ съ ангелами. Его миссія состоитъ не въ томъ, чтобы вести насъ черезъ туманы сомнѣнія въ болото отчаянія, а указать намъ даже въ сумеречный вѣкъ на сіяніе впереди насъ“.

Говорятъ, что вкусы публики настолько испорчены, что Шекспиръ почти уже не ставится. Бирбомъ Три это отрицаетъ и на примѣрѣ собственнаго театра („Her Majesty“, Theatre) доказываетъ, что плакальщики не правы.

„На сценѣ „Her Majesty“, Theatre, — разсказываетъ онъ въ своей книгѣ „Thoughts“, стр. 46, — въ три послѣдніе года были даны „Юлій Цезарь“, „Король Джонъ“ и „Сонъ въ лѣтнюю ночь“. И съ какими результатами? Въ одномъ Лондонѣ театръ посѣтило 242.000 человѣкъ, присутствуя на спектакляхъ „Юлія Цезаря“. Свыше 170.000 человѣкъ пришли смотрѣть „Короля Джона“ и 220.000 человѣкъ присутствовало на спектакляхъ „Сна въ лѣтнюю ночь“. Въ общемъ 632.000 посѣтителей перебывало на этихъ трехъ пьесахъ“.

Къ этому слѣдуетъ прибавить и замѣчательный успѣхъ „Генриха VIII“, въ теченіе многихъ мѣсяцевъ 1912 и 1913 г. дававшаго полные сборы въ театрѣ того же Бирбома Три.

---

[1]) См. „Thoughts and After-Thoughts“, By Herbert Beerbohm Tree, 1913, стр. 186—187.

Другой выдающійся англійскій актеръ и театральный директоръ, сэръ Джонстонъ Форбсъ Робертсонъ, тоже не такъ давно публично заявилъ, что „никогда раньше англійская драма не достигала такой интеллектуальной высоты", и никогда англійскій театръ не былъ въ такомъ цвѣтущемъ состояніи съ точки зрѣнія сценическаго искусства и художественности постановокъ, какъ нынѣшній.

Съ другой стороны, передъ нами отзывъ такого знатока театра, какъ драматургъ Генри Артуръ Джонсъ, который въ лекціи, прочитанной имъ въ обществѣ театраловъ въ Шеффильдѣ, осенью 1913 г., выразился, между прочимъ, слѣдующимъ образомъ: „Много здороваго въ театральныхъ представленіяхъ Англіи состоитъ изъ страшно посредственнаго характера (of a terribly mediocre kind); серьезныя же и идейныя пьесы, претендующія занять мѣсто національной драмы великой страны, тонутъ и забываются въ погонѣ за однимъ грубо-чувственнымъ и сенсаціей". Джонсъ не отрицаетъ, что „современная англійская сцена не чужда серьезной и идейной работы". Эта работа начинаетъ даже „находить признаніе въ широкой публикѣ", но пока дѣло подвигается медленно. „Спустя вечеръ или два послѣ чтенія вашего прощальнаго взрыва оптимизма, — пишетъ онъ по адресу Робертсона [1]), — я былъ въ одномъ театрѣ, переполненномъ народомъ и дрожавшемъ отъ смѣха, вызывавшагося языкомъ и шутками, которыя были ниже уровня безвредной глупости и едва ли выше уровня идіотизма".

Но какъ довольные, такъ и недовольные современнымъ состояніемъ театра въ Лондонѣ и вообще Англіи соединились на томъ, что Англіи до сихъ поръ не хватаетъ театра „національнаго", а также театра общедоступнаго, и что этотъ недостатокъ слѣдуетъ, по возможности, скоро устранить. Даже сами театральные антрепренеры сознали необходимость создать такой постоянный, вполнѣ обезпеченный средствами театръ, который могъ бы ставить вещи исключительно съ одной художественной цѣлью, не обращая вниманія на сборы. Призваніе національнаго театра должно быть, по мнѣнію англійскихъ сторонниковъ его, такъ сказать, учительское, воспитательное. Онъ не долженъ стремиться къ удовлетворенію вкусовъ публики, къ развлеченію и увеселенію ея, а къ воспитанію вкуса, къ выработкѣ извѣстныхъ запросовъ и привычекъ. И было вполнѣ естественно, чтобы движеніе въ пользу національнаго театра было связано съ именемъ величайшаго драматурга Англіи, съ именемъ Шекспира, съ трехсотой годовщиной его смерти. Къ этому времени въ Англіи рѣшили подготовить какой-нибудь памятникъ, который состоялъ бы не изъ

[1]) См. „Talks with Playgoers", by H. A. Jones.

одного только камня, а служилъ бы дѣйствительнымъ духовнымъ напоминаніемъ о „стратсфордскомъ бардѣ“ и продолженіемъ его творческаго пути. Что же можетъ быть болѣе подходящимъ, болѣе сообразнымъ съ славой Шекспира, чѣмъ сцена, посвященная не только его пьесамъ, но и всякимъ другимъ, той или иной своей стороной приближающимся къ уровню шекспировскихъ драмъ. Такимъ образомъ, былъ основанъ комитетъ изъ представителей всевозможныхъ общественныхъ слоевъ съ цѣлью сбора денегъ и постройки „національнаго театра памяти Шекспира“ (Shakespeare Memorial National Theatre). Къ концу 1913 г. комитетъ уже собралъ около 100.000 фун. стерл., изъ которыхъ 60.000 ф. ст. имъ уплачено за мѣсто для театра, который начатъ постройкой насупротивъ новаго фасада Британскаго музея въ Лондонѣ.

Но кромѣ того, что сцена нуждается въ хорошихъ пьесахъ, она также нуждается въ новой публикѣ. Театръ, работающій только для одного узкаго круга лицъ, дѣлается и самъ по себѣ узкимъ и одностороннимъ. Онъ дѣлается или слишкомъ претенціознымъ, „артистическимъ“, иначе говоря, рабомъ моды или модничанья, эфемернымъ и безжизненнымъ, когда онъ претендуетъ на высшую умственность, символизмъ и всякій другой „измъ“; или же безсильнымъ и безсодержательнымъ, когда онъ имѣетъ въ виду лишь салонную публику съ ея мелкимъ тщеславіемъ, мелкими страстями и легкой, комфортабельной обстановкой жизни; или же, наконецъ, эротичнымъ, когда онъ разсчитываетъ на праздную, грубую толпу, жаждущую пикатныхъ зрѣлищъ. Столь же, конечно, плохъ театръ, когда онъ старается угодить лишь одному рабочему классу, преподнося ему стачки, разсужденія о рабочей платѣ и рабочемъ времени и тому подобныя животрепещущія злобы дня. Истинное драматическое творчество можетъ выиграть только тогда, когда оно имѣетъ въ виду не эстета и не соціалиста, не эротика и не сытаго биржевика, не литератора, художника или рудокопа, а человѣка, зрителя, которому ничто человѣческое не чуждо. И для этого необходимо, чтобы театръ былъ общедоступнымъ, всеобъемлющимъ, народнымъ. Общедоступность драматическихъ спектаклей нужна не только для воспитанія и облагораживанія вкусовъ народа, а для улучшенія самой драмы, для наполненія ея болѣе глубокимъ содержаніемъ, для болѣе сильнаго гуманизированія ея. Этой мыслью стали все болѣе проникаться въ Англіи, гдѣ за послѣдній годъ или два начали предпринимать и нѣкоторые практическіе шаги для осуществленія ея. Пока, однако, попытки эти имѣли лишь характеръ опыта, оказавшагося вполнѣ удачнымъ.

Такъ, на югѣ Лондона актриса Розина Филиппи, итальянка по

происхожденію, открыла нѣсколько времени назадъ рядъ спектаклей въ одной изъ мѣстныхъ большихъ залъ — съ минимальной входной платой, разсчитанной лишь на покрытіе расходовъ. Самое лучшее мѣсто стоило не больше 40 или 50 копеекъ, и предпріятіе оказалось вполнѣ успѣшнымъ. Играли, главнымъ образомъ, Шекспира, при чемъ исполнители, хотя молодые и начинающіе, подобраны были очень талантливые, которые, несомнѣнно, со временемъ станутъ театральными свѣтилами. Госпожа Филиппи давала свои спектакли въ теченіе четырехъ недѣль только съ цѣлью показать, во-первыхъ, что никакихъ субсидій для народнаго театра не требуется, такъ какъ онъ можетъ оплачивать себя. Нужно только отказаться отъ желанія наживать барыши. И, во-вторыхъ, что лучшія драмы англійскаго репертуара глубоко интересуютъ и бѣдную и мало-интеллигентную рабочую публику.

Вслѣдъ за Филиппи сдѣлалъ опытъ съ общедоступностью и сэръ Бирбомъ Три, который въ послѣдній Духовъ день открылъ двери своего большого театра „Her Majesty“, съ платой за мѣста, которая не превышала девяти пенсовъ (копеекъ 40), при чемъ для обезпеченія того, что дешевизной воспользуются именно рабочіе т. е. люди, которые не въ состояніи платить обычныя театральныя цѣны. Три разослалъ билеты по конторамъ рабочихъ союзовъ. Шелъ „Пигмаліонъ“ Бернарда Шоу, и игралъ обычный составъ труппы этого театра съ Бирбомомъ Три во главѣ. Въ результатѣ, Бирбомъ Три увѣряетъ, что артисты никогда такъ хорошо не играли, какъ передъ этой аудиторіей, и никакая публика раньше такъ не оцѣнила ихъ игры.

Рядомъ съ этими единичными попытками приблизить театръ къ народу, въ Англіи предпринято и нѣчто болѣе обширное и систематическое. Недавно здѣсь основано общество народнаго театра съ спеціальной задачей ставить общедоступные спектакли. Общество еще пока не начало дѣйствовать, но приступило уже къ широкой и солидной организаціи дѣла постановокъ такихъ спектаклей. На пути его, конечно, не мало препятствій, не того характера, какого можно ожидать въ Россіи, не офиціально полицейскія, а такъ сказать психологическія и соціальныя, какъ, напримѣръ, затрудительность и невозможность устройства спектаклей въ воскресенье, въ наиболѣе важный день отдыха рабочихъ массъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что со временемъ препятствія будутъ преодолѣны, и народъ въ Англіи пріобщится, наконецъ, къ драмѣ, и драма, въ свою очередь, пріобщившись къ народу, подобно Антею, прикоснувшемуся къ землѣ, оживетъ и наберется новыхъ силъ.

Лондонъ. **С. И. Рапопортъ.**

ГРЕЗА.

UN RÊVE.

Французское стихотвореніе ***Ѳ. Тютчева.***

Что подарить тебѣ на склонѣ года?
Давно желта осенняя трава,
И нѣтъ цвѣтовъ, и замерла природа,
И сорвана давно съ деревъ листва.

Въ гербаріи рука перебираетъ
Увядшіе, но милые цвѣты.
Ихъ ароматъ поблекшій воскрешаетъ
Былой весны угасшія мечты.

Чредою жизнь сгораетъ неуклонно,
Все милое, какъ легкій сонъ, прошло,
И вдругъ на мигъ золою раскаленной
Оно опять блеснуло намъ свѣтло.

Въ молчаніи мы на цвѣты глядѣли,
Какъ вдругъ нашлись завѣтныхъ два цвѣтка...
Ихъ краски — чудо! — будто просвѣтлѣли,
Когда коснулась ихъ моя рука.

То были роза красная съ гвоздикой.
Таинственно сіялъ ихъ тусклый цвѣтъ,
Какъ тихій блескъ той красоты великой,
Что льетъ на міръ и ароматъ и свѣтъ.

Смутилась ты явленіемъ непонятнымъ,
Разгадку ты хотѣла бы узнать —
Она звучитъ для глуби сердца внятно,
И радъ тебѣ я въ руки ключъ отдать.

Когда цвѣтокъ, сей символъ, увядаетъ,
Теряя блескъ, окраску, ароматъ, —
Къ огню его! — и вотъ, онъ расцвѣтаетъ
На мигъ, опять, теплу и свѣту радъ.

И точно такъ, когда для насъ настанутъ
Свершенія судьбины роковой...
Когда въ душѣ воспоминанья вянутъ,
Ихъ смерть живитъ грозящею рукой.

Перев. Ч. Вѣтринскій.

КУПРІЯНЫЧЪ И ЕГО СЫНЪ.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Въ душистыхъ, пьянящихъ потемкахъ бродили, то розовѣя, то тускнѣя, первые свѣты зари. Розовый отсвѣтъ всталъ на востокѣ — предвѣстникъ скораго утра. Изъ объятій ночи влажный росистый вѣтерокъ принесъ безпокойный шорохъ, шопотъ — звѣрей, птицъ — пробуждающихся или потревоженныхъ разсвѣтомъ грядущаго дня...

Сосны темными стѣнами обступили Круглое болото, заросшее частымъ кустарникомъ, тростникомъ, кугой. Свѣтъ зари поблескивалъ на зеркалахъ озерковъ, и лѣсникъ Купріянычъ, держа въ правой рукѣ двухстволку, увѣренно, съ кошачьей осторожностью пробирался отъ озерка къ озерку, выслѣживая утокъ.

На болотѣ въ третьемъ кварталѣ Купріянычъ убилъ „дуплетомъ“ четырехъ чирковъ.

„Мало, — думаетъ Купріяныхъ. — Всѣхъ четырехъ — докторшѣ. Да шинкарю надо парочку крякашей: авось, поднесетъ полбутылочку „разводки“... Эге!!“

Купріянычъ, раздвинувъ вѣтви пышнаго стараго куста, разглядѣлъ въ двадцати шагахъ большую стайку кряковыхъ утокъ.

Снова гремятъ, весело и звонко, два рядовыхъ выстрѣла. Тревожное кряканье уносящихся утокъ сливается съ предсмертнымъ отрывистымъ кряканьемъ безпомощно бьющихся на поверхности озерка раненыхъ птицъ.

— Тройка! — громко и довольно говоритъ Купріянычъ... Онъ довольно поглаживаетъ короткіе сѣдые усы. — Увидитъ шинкарь крякушъ — обязательно достанетъ изъ тайника косушку... Достанетъ, иродъ, и отдастъ Купріянычу...

Изъ-за сосенъ выплыло уже іюльское солнце, и довольный собой Купріянычъ бодро шагаетъ по дорогѣ къ селу...

Почти у въѣзда въ село — больница, и возлѣ нея квартира врача. Купріянычъ заходитъ къ „докторшѣ“, женѣ земскаго врача. Купрія-

нычъ идетъ прямо на кухню. Докторша — красивая, синеглазая, полнотѣлая, высокаго роста женщина — встрѣчаетъ стараго лѣсника привѣтливой улыбкой...

— Здравствуйте, Купріянычъ, здравствуйте, отшельникъ! Совсѣмъ насъ забыли.

— Все дѣла да случаи, все некогда было, Елена Кировна... А нынче удосужился, вотъ крякушъ вамъ съ супругомъ набилъ. Извольте получить.

Купріянычъ извлекаетъ изъ почернѣвшаго отъ птичьей крови и времени парусиноваго ягташа четырехъ чирятъ, кряковую утку и кладетъ на лавку. У Елены Кировны довольное лицо: докторъ — большой чревоугодникъ, и жареная утка съ картофелемъ — его любимое кушанье.

— Спасибо, Купріянычъ. Сейчасъ я приду, посидите немного...

Докторша выходитъ изъ кухни. Купріянычъ присаживается на лавку и, не спѣша, закуриваетъ трубку.

Мысли Купріяныча, какъ всегда, идутъ неторопливо одна за другой, вѣдь эти мысли — мысли лѣсного человѣка, находящагося въ непрерывномъ общеніи съ жизнью лѣса, птицъ, звѣрей...

И о войнѣ думаетъ Купріянычъ по-своему, по-лѣсному. А думаетъ онъ объ этой страшной войнѣ часто... да, всегда почти, цѣлыми днями толкутся въ сѣдѣющей головѣ стараго лѣсника простыя ясныя мысли. И всегда онъ сравниваетъ людскую жизнь съ жизнью звѣриной... По-хорошему звѣри живутъ, лучше и честнѣе людей, даже хищные звѣри... Волкъ ѣстъ мелкоту, гусей, овецъ, телятъ ѣстъ. Но волка такимъ Богъ создалъ. Богъ далъ волку крѣпкіе зубы, страшныя, сильныя челюсти и желудокъ волчій приспособилъ къ сырому мясу..

Волкъ не виноватъ, что другихъ ѣстъ... А люди? Кто повелѣлъ имъ истреблять другъ друга? Развѣ тѣсно на Божьей землѣ?! Всѣмъ мѣста хватитъ. И въ жизни своей ни разу не видѣлъ Купріянычъ, чтобы звѣри собирались толпами и мѣсяцами, годами — грызлись бы между собой, калѣча и убивая другъ друга безъ числа!..

Жизнь государствъ земныхъ и огромныхъ и маленькихъ кажется Купріянычу жизнью гончихъ въ закутѣ...

Гончимъ тѣсно въ закутѣ, имъ думается, что только и свѣту, что въ ихъ тѣснотѣ. Чѣмъ гончая сильнѣй, тѣмъ она нахальнѣе и злѣе къ другимъ относится. Германія представляется Купріянычу злобной, сильной и глупой гончей. Такой песъ всегда норовитъ у другихъ кусокъ пожирнѣе урвать. Хоть самъ сытъ, а глаза его не сыты: надо у другого кусокъ отнять, надо обидѣть того, кто миролюбивѣй да слабѣе...

Ляжетъ такой песъ среди закуты и все зубы скалитъ, вскаки-

ваетъ съ ревомъ — другихъ къ себѣ не подпускаетъ. Другіе жмись по угламъ, сиди, глазами хлопай, а я, дескать, самый жадный да злобный, такъ давай мнѣ мѣста на десятерыхъ — хочу быть хозяиномъ!..

— Эхъ, ма! — вздыхаетъ Купріянычъ, затягивается, и волны ѣдкаго дыма окутываютъ его огромную могучую фигуру.

За дверью въ коридорѣ послышались легкіе быстрые шаги. Купріянычъ поднялся съ лавки. Вошла улыбающаяся докторша съ тарелочкой въ рукахъ. На тарелочкѣ красовался большой лафитникъ спирта и лежалъ кусокъ колбасы.

Докторша переводитъ духъ и возбужденнымъ веселымъ шопотомъ произноситъ:

— Скорѣй пейте, Купріянычъ, а не то доктору попадемся: влетитъ обоимъ намъ.

— Эхъ, балуете вы меня, Елена Кировна! Ну, благодарствую. — Единымъ духомъ осушаетъ Купріянычъ лафитникъ, довольно, смѣшливо морщится и откланивается: — Будьте здоровы, Елена Кировна...

Докторша суетъ ему двѣ рублевыя бумажки. Купріянычъ берется за свою фуражку съ зеленымъ кантомъ. Но хозяйка останавливаетъ его:

— Сынъ пишетъ вамъ о себѣ что-нибудь? Вѣдь его призвали? Гдѣ онъ, въ Москвѣ? Въ пѣхоту попалъ?

— Сынъ? Попалъ въ пѣхоту! — лицо Купріяныча освѣщается славной, точно дѣтской, улыбкой; спокойная скрытая грусть въ его глазахъ смѣняется кроткимъ свѣтомъ, — только не угоняли его еще, пока въ Москвѣ находится... Спасибо вамъ за вашу ласку, Елена Кировна!

Докторша улыбается ласково, глядя на преобразившееся лицо лѣсника... Лѣсничій, изрѣдка бывавшій у нихъ, разсказывалъ ей и мужу ея, какъ любитъ лѣсникъ своего единственнаго сына, умнаго, сильнаго и способнаго юношу. Вотъ докторшѣ и захотѣлось доставить старику удовольствіе — поговорить съ нимъ о сынѣ.

— Что же, онъ успѣлъ окончить землемѣрные курсы? Давно письма отъ него не получали?

— Жду... Сегодня у Петра Ниловича спрошу. Сынишка на его адресъ шлетъ письма... Ну, а курсы парень окончилъ.

— А, такъ вы пойдете къ лѣсничему? Кланяйтесь ему, скажите, что мы ждемъ его въ гости...

— Слушаю, Елена Кировна! Будьте здоровы...

Купріянычъ откланивается и уходитъ.

Шинкарь живетъ тоже на окраинѣ села, почти у опушки крестьянскаго лѣса... Купріянычъ не любитъ засиживаться у шинкаря, хотя этотъ очень любезенъ и предупредителенъ по отношенію къ лѣснику.

— Доброе утро, Петръ Купріянычъ! — восклицаетъ слащавымъ теноркомъ бѣлолицый пухлый шинкарь. Онъ изъ оконца увидѣлъ быстро шагавшаго лѣсника и выбѣжалъ къ нему навстрѣчу.

— Какъ здравствуете? — сухо, сдержанно привѣтствуетъ его Купріянычъ.

— Вашими молитвами, — тараторитъ шинкарь, потирая руки, — да пойдемте ко мнѣ, почаевничаемъ, по баночкѣ поставимъ.

— Нѣтъ, ужъ увольте, мнѣ надобно къ лѣсничему поспѣшить съ докладомъ, а вотъ съ собой мнѣ половиночку дайте, вамъ же трехъ крякушъ въ обмѣнъ.

— Трехъ?! — радуется шинкарь. — Ну что за Петръ Купріянычъ!

Они входятъ въ просторную избу шинкаря. Купріянычъ вытрясаетъ утокъ изъ ягташа и суетъ въ него полбутылки водки. Дѣлаетъ онъ это поспѣшно: хочется поскорѣе уйти отсюда. Всегда онъ сердится на себя за эти рѣдкія посѣщенія шинкарскаго дома: слабость одна, самому за себя стыдно.

— Говорили мнѣ лѣсники, — все тараторитъ шинкарь, — что опять лѣсничій вамъ повышенье предлагалъ, чтобъ вы, значитъ, объѣздчикомъ были? Правда ль это, Петръ Купріянычъ. А ежель правда, такъ почему, извините, вы отказываетесь?

— Правда, — нехотя отвѣчаетъ Купріянычъ, — а неохота мнѣ набольшимъ быть... Товарищи завидовать станутъ... Скажутъ — выслуживался и все прочее такое...

Изъ открытаго окна доносится чье-то сиплое покашливанье. Купріянычъ мелькомъ взглядываетъ въ окно.

Глаза Купріяныча суживаются, встопорчиваются сѣдые колючіе усы. Онъ крякаетъ сердито.

— У, крючокъ треклятый, — ворчитъ старый лѣсникъ и въ волненіи лѣзетъ въ карманъ брюкъ за трубкой. Волнуется Купріянычъ потому, что въ избу входитъ заклятой врагъ его — урядникъ.

Урядникъ — очень высокаго роста. Головка у него несоразмѣрна туловищу, очень ужъ мала. Глазки — маленькіе, сѣро-зеленые, близко сидящіе, хитрые, но не умные. Надъ толстыми губами рыжіе усы, рѣдкіе, какъ у кота. Головенка урядника покрыта рыжей щетинкой. Говоритъ онъ голосомъ сиплымъ и язвительнымъ. Къ малодушнымъ крестьянамъ урядникъ относится свысока, къ самостоятельнымъ придирается и старается надѣлать имъ при удобномъ случаѣ,

побольше непріятностей. Передъ начальствомъ, начиная со станового, — льстивъ, угодливъ, раболѣпенъ до омерзѣнія.

Купріянычъ поднимается съ явнымъ намѣреніемъ уйти. Онъ закидываетъ за плечо свою централку и берется за фуражку.

— Куда вы спѣшите, Петръ Купріянычъ? Посидите, чайку попьемъ, побесѣдуемъ, — любезнымъ тономъ говоритъ шинкарь, заискивающе посматривая то на урядника, то на лѣсника. Шинкарь знаетъ, что Купріянычъ и урядникъ враждуютъ, и смутно ожидаетъ какихъ-то непріятностей.

— Купріянычу, лѣсному жителю, нижайшій поклонъ! — глумливымъ голосомъ возглашаетъ урядникъ.

Купріянычъ сухо отвѣчаетъ: „Здорово“ и дѣлаетъ видъ, что очень занятъ трубкой. Въ карихъ глазахъ его поблескиваютъ гнѣвные огоньки.

— Никакого почтенія у васъ нѣтъ къ начальству и довольно нелюбезный вы человѣкъ, Петръ Купріянычъ, — продолжаетъ урядникъ. Сизый румянецъ покрываетъ его прыщавое лицо. Пренебреженіе, выказываемое ему Купріянычемъ въ присутствіи шинкаря, огорчаетъ урядника свыше мѣры. Онъ отдувается, собирается съ мыслями...

— Напрасно таки вы такъ ведете себя въ моемъ отношеніи, Петръ Купріянычъ, — неожиданно находится урядникъ. — Я — внѣшняя, такъ сказать, полиція, вы — лѣсная полиція... Намъ въ мирѣ да въ дружбѣ надо жить, потому — на одномъ полозу мы ѣдемъ...

Загорѣлыя щеки Купріяныча замѣтно сѣрѣютъ. Безудержное негодованіе закипаетъ въ его душѣ. Лѣсникъ останавливаетъ на урядникѣ тяжелый взглядъ.

— Такъ ли, господинъ урядникъ? — говоритъ лѣсникъ. Голосъ его зловѣще спокоенъ. Шинкарь видитъ, какъ возмущенъ лѣсникъ, и безпокойно прерываетъ, стараясь предотвратить ссору: — Андрей Вавилычъ, мнѣ кое-что вамъ сообщить надо!

Купріянычъ небрежнымъ жестомъ останавливаетъ шинкаря...

— Вѣрно ли вы сказали, урядникъ? Нѣтъ-съ, въ лѣсахъ нѣтъ полиціи... И что бы вы, къ примѣру сказать, стали бы дѣлать у насъ въ лѣсу, господинъ урядникъ? На жалованье вы жить не привычны. А тварь лѣсная да птицы небесныя взятокъ не даютъ.

Урядникъ шмыгаетъ носомъ отъ сильнаго возбужденія и злобы... Онъ понимаетъ намекъ лѣсника на его урядническое взяточничество. Волнуется и шинкарь — ему неловко, онъ испуганно отворачивается отъ пререкающихся къ столу съ кипящимъ самоваромъ.

— Я, по крайности, рѣдко ссорюсь съ односельчанами, — возражаетъ урядникъ, — у меня не такъ-то много недруговъ, какъ у васъ, Петръ Купріянычъ Охъ, сколько народу на васъ точитъ зубы!

Тутъ урядникъ ухмыляется: онъ видитъ, что снова ударилъ врагъ по больному мѣсту. Лѣсникъ нѣсколько мгновеній молчитъ, собирается съ мыслями, хочетъ съ достоинствомъ возразить недругу, выйти побѣдителемъ изъ словеснаго сраженія.

Грустнымъ стало лицо Купріяныча, между густыхъ бровей его залегла скорбная морщинка. Да, съ внѣшней стороны урядникъ правъ: не мало враговъ у лѣсника среди крестьянъ накопилось за долгую его лѣсную службу... Но отчего?

И Купріянычъ спокойно, тихо и внушительно говоритъ, скорѣе не уряднику, а самому себѣ:

— Враговъ-то? Да, безчестные люди не любятъ меня и со свѣту сжить при случаѣ готовы. А почему такъ? Лѣса я берегу, какъ скряга денежки. Больше души своей лѣса люблю и съ тѣми, которые лѣсъ губятъ и сводятъ, воюю во всю мою жизнь...

— Съ бабами воюете, Петръ Купріянычъ, — съ ехидствомъ вставляетъ урядникъ.

Купріянычъ тяжелымъ презрительнымъ взглядомъ мѣритъ урядника. Зеленые глазки полицейскаго не выдерживаютъ этого взгляда и начинаютъ бѣгать по сторонамъ... Шинкарь быстро, опасливо оборачивается къ Купріянычу и опять прилипаетъ къ столу, звеня стаканами и блюдцами.

— Съ слабыми да съ бабами только этакіе люди, какъ вы, урядникъ, воюютъ. Я бабъ не обижаю: пусть грибы сбираютъ, ягоды, валежникъ, гдѣ можно. Его высокородіе, господинъ лѣсничій, даже всѣмъ объѣздчикамъ и лѣсникамъ воспрещаютъ обижать бабъ, которыя безъ билетовъ по грибы ходятъ... Но ежели бабы березки на вѣники срѣзаютъ, съ липокъ молоденькихъ лыки дерутъ, посадки топчутъ, такъ я вправѣ тащить ихъ въ канцелярію: не смѣй лѣсъ портить по-свински... Надо разъяснять имъ, что законъ наказываетъ за это самое...

Лѣсникъ останавливается, отдувается и закуриваетъ трубку. Ему уже не хочется препираться съ урядникомъ. Къ чему? Все равно имъ не понять другъ друга!

Но у урядника нѣтъ желанія настраивать себя на мирный ладъ:

— Да, высоко мните вы о себѣ, Петръ Купріянычъ... Отецъ Памфилъ недовольны тоже вами, говорятъ, что вы богоотступникъ, въ церковь не ходите, духовныхъ не почитаете особъ... Что жъ, и то сказать...

Урядникъ злобно ухмыляется:

— Что жъ, и то сказать, не съ кого вамъ примѣръ брать, разъ начальство, то-есть самъ лѣсничій, храма Господня не посѣщаютъ...

— Ладно, — взрывается Купріянычъ, — вы-то со становымъ ходите въ храмъ? Да, ходить, — ходите, а съ мірянъ семь шкуръ де-

рете, жуликовъ прикрываете, подачками не брезгуете... А про насъ и враги не скажутъ, что мы взяточники и укрыватели какіе!

Урядникъ трясется отъ злости, съ минуту молчитъ, потомъ выпускаетъ послѣдній зарядъ:

— Во, во и сынишку сдѣлайте невѣромъ, врагомъ Руси православной. Малый и такъ былъ гордецомъ...

— Молчать!! Не трожь мою единую утѣху! — внезапно гаркаетъ Купріянычъ и дѣлаетъ шагъ къ уряднику.

Пополовѣвшій шинкарь присѣдаетъ отъ ужаса.

Опеломленное начальство сидитъ молчкомъ и усиленно мигаетъ узенькими зелеными глазками.

Купріянычъ нахлобучиваетъ фуражку, киваетъ головой шинкарю.

— Всѣхъ благъ, хозяинъ!

Только за околицей Купріянычъ приходитъ немного въ себя. Онъ уже не волнуется. Мѣрно шагаетъ по дорогѣ къ казенной лѣсной дачѣ по проселку, ведущему къ дому лѣсничаго. Солнце ужъ выплыло высоко надъ лѣтнимъ просторомъ и припекаетъ сильно.

До лѣсничаго четыре версты. Чтобы скоротать время, Купріянычъ припоминаетъ слова урядника о нерасположеніи священника, отца Памфила...

Купріянычъ отлично знаетъ причину этого недоброжелательства батюшки по отношенію къ нему:

Въ прошлое лѣто въ лѣсистомъ оврагѣ, который извѣстенъ подъ названіемъ „Яръ“, молодой лѣсникъ Скробовъ, живущій на новой стражѣ рядомъ съ Купріянычемъ, послѣ каждаго обхода сталъ замѣчать все новыя поломки верхушекъ молодыхъ березъ, ободранныя липки и потоптанный малинникъ. Эти опустошенія по склонамъ дикаго „Яра“ производили бабы и дивчата, дѣлавшія набѣги изъ села...

Скробовъ почтительно доложилъ Купріянычу, замѣнявшему объѣздчика, о результатахъ своихъ наблюденій. Купріянычъ, не докладывая лѣсничему о происшествіи, рѣшилъ принять свои мѣры для обузданія сельскихъ грабительницъ.

Послѣ краткаго разговора, передъ закатомъ солнца, Купріянычъ вымазалъ раздѣтаго донага Скробова дегтемъ, вывалялъ его въ куриныхъ перьяхъ, привязалъ къ головѣ смѣявшагося парня бычьи рога. Весь этотъ маскарадъ производился въ строгой тайнѣ отъ жены Скробова, Дарьи, добродушной, но болтливой бабы...

Въ своемъ дьявольскомъ нарядѣ Скробовъ пробрался въ „Яръ“ и засѣлъ въ чащѣ малинника... Солнце уже сѣло. Вокругъ себя Скробовъ слышалъ веселое, сдержанное ауканье дѣвокъ и старухъ и

трескъ ломающихся кустовъ. Онъ выждалъ, пока къ нему приблизились съ лукошками три дѣвушки во главѣ со старой подслѣповатой мордовкой, тогда Скробовъ съ дикимъ ревомъ высунулъ изъ куста мохнатыя руки свои и украшенную длинными рогами голову.

Эхо на тысячу ладовъ повторило грозный ревъ здоровой глотки лѣсника и разнесло по огромному оврагу... Отчаянно визжа, обмершія отъ страха дѣвки подхватили подъ локотки старуху, побросали лукошки, нарѣзанные вѣники и бѣжали до села версты три безъ передышки.

Три дня все село, забросивъ споры и толки о войнѣ, только и говорило о томъ, что въ „Яру“ нечистый явился дѣвкамъ и старухѣ... Старики качали головой, совѣтовали отслужить молебенъ. Отецъ Памфилъ отслужилъ молебенъ и, воспользовавшись случаемъ, сказалъ прихожанамъ слово. Въ словѣ своемъ о. Памфилъ указалъ, что прихожане по лѣности рѣдко посѣщаютъ храмъ, объ отцѣ духовномъ не заботятся: война, дороговизна, а міряне скупятся сдѣлать надбавку къ платѣ за требы... Вотъ нечистый и смѣется надъ православными...

Купріянычъ былъ очень доволенъ результатами своей затѣи: „Яръ“ сталъ проклятымъ мѣстомъ, въ которое и мужики не всегда рѣшались заглянуть послѣ явленія „нечистаго“.

Однако Скробовъ не выдержалъ и разсказалъ какъ-то женѣ о томъ, какъ онъ работалъ „подъ нечистаго“. Дарья разболтала объ этомъ по всему селу... Слухи о продѣлкѣ лѣсниковъ дошли и до о. Памфила. Крестьяне изъ вольномыслящихъ стали подшучивать надъ о. Памфиломъ. Онъ пришелъ въ ярость и даже теперь, по прошествіи года, сердился на Купріяныча, считая лѣсника виновникомъ своего смѣшного положенія.

— Вотъ грѣхъ тяжкій! — весело усмѣхается Купріянычъ, вспоминая свою продѣлку.

Потомъ онъ грустно вздыхаетъ... Да много у него враговъ. И не виноватъ онъ въ этомъ: бережетъ казенные лѣса, не даетъ расхищать лѣсное добро, портить, уродовать деревья и — помаленьку пріобрѣтаетъ недруговъ. Сельское начальство не долюбливаетъ Купріяныча за гордость, хотя вся гордость его заключается въ томъ, что Купріянычъ не ломаетъ за версту шапку передъ становымъ и не держится угодливаго тона въ разговорахъ съ урядникомъ...

Впрочемъ, сельское начальство и духовенство и къ самому лѣсничему относится недоброжелательно: въ прежніе годы на лѣсничаго часто посылались доносы, въ которыхъ указывалось, что онъ храма не посѣщаетъ, лѣсную стражу распускаетъ, въ Бога не вѣруетъ и пр.

Но лѣсничій, пожилой, тихій, добродушный человѣкъ, страстно любящій и знающій свое дѣло, пользуется въ лѣсномъ вѣдомствѣ

репутаціей одного изъ лучшихъ и опытнѣйшихъ лѣсоводовъ... Поэтому доносы въ свое время не возымѣли желательнаго для ихъ авторовъ дѣйствія...

— Эхъ, гнусавцы, — ворчитъ Купріянычъ, — ишь, подъ такого святого человѣка, какъ нашъ лѣсничій, подкопаться хотѣли...

Купріянычъ, раздумывая, незамѣтно прошелъ съ версту отъ села и теперь идетъ вдоль канавки и невысокаго вала, изъ-за котораго видны горбы деревенскихъ могилъ и покосившіеся кресты. Это сельское кладбище.

Проходя мимо кладбища, Купріянычъ глубоко вздыхаетъ и опускаетъ голову — онъ вспоминаетъ въ эти минуты свое величайшее горе... такъ ярко и отчетливо вспоминаетъ смерть жены, ея похороны и свое безслезное жуткое отчаяніе...

Восемь лѣтъ тому назадъ, вернувшись изъ города, куда онъ провожалъ отвозившаго казенныя деньги лѣсничаго, Купріянычъ вошелъ въ домъ и по, обыкновенію, громко и весело сказалъ:

— Таня! Угости супруга чайкомъ, — но, не слыша отвѣта, оглянулся:

Въ первой комнаткѣ никого не было, а дверь въ другую была пріоткрыта и оттуда выползало какое-то чудное хрипѣніе вперемежку съ дѣтскимъ сдержаннымъ плачемъ. Оторопь взяла Купріяныча. Провелъ онъ рукой по потному лбу и вошелъ въ спальню...

На кровати лежала жена. Ея полное миловидное лицо было неестественно красно. Мутные глаза ея не узнали мужа, она была безъ сознанія...

Маленькій Петя сидѣлъ на низенькой скамеечкѣ около отдернутой занавѣски и плакалъ, растирая слезы по грязнымъ щекамъ. Увидѣлъ отца, бросился къ нему и прижался къ отцовской ногѣ дрожащимъ тѣльцемъ.

— Мама два дня такъ лежитъ, — произнесъ мальчикъ осипшимъ отъ слезъ голосомъ, — помираетъ мама...

— И ты одинъ здѣсь? Что же это, — ужаснулся Купріянычъ и попытался окликнуть жену: — Танюша, слышь, а Танюша!!

Отвѣтомъ ему было нудное хрипѣніе. Тогда Купріянычемъ овладѣла торопливость отчаянія. Онъ не сталъ распрягать лошадь и велѣлъ Петѣ мчаться въ село за докторомъ, а на обратномъ пути доложить лѣсничему о событіи...

Черезъ полтора часа пріѣхалъ докторъ — тогда онъ былъ совсѣмъ молодъ, холостъ и жизнерадостенъ.

— Ну, гдѣ больная? — весело говорилъ докторъ, торопясь за Петей въ избу, — гдѣ отецъ твой, мальчугашка?

Купріянычъ сидѣлъ на табуретѣ возлѣ кровати жены, весь ка-

кой-то вялый, размякшій. Онъ посмотрѣлъ на доктора мутными не видящими глазами.

Докторъ поспѣшно приступилъ къ осмотру больной. Черезъ минуту онъ круто повернулся:

— Выйди изъ избы, мальчугашка, — повелительно сказалъ докторъ, — а ты, Купріянычъ, слушай: у твоей жены скарлатина, болѣзнь для взрослаго черезчуръ скверная; такъ что ты не раскисай, а убирай скорѣе мальчугана, какъ бы онъ не заразился.

Купріянычъ пришелъ въ себя:

— Умретъ? — глухо и жалко спросилъ онъ.

Докторъ нахмурился и крякнулъ:

— Неизвѣстно еще, — скороговоркой отвѣтилъ онъ.

Однако, доктору хорошо было извѣстно, что Татьяна умретъ скоро. Умерла она къ вечеру этого же дня...

Докторъ уѣхалъ, не дожидаясь ея смерти: его ждала больница и трудно-больные Только по дорогѣ въ село докторъ остановился на минутку у дома лѣсничаго и сказалъ дворовому лѣснику, какое горе стряслось надъ семьей Купріяныча. Лѣсникъ передалъ извѣстіе лѣсничему...

Черезъ часъ къ избѣ Купріяныча подъѣхалъ верхомъ лѣсничій, сдалъ выскочившему изъ хаты маленькому Петѣ лошадь и прошелъ въ комнаты...

Купріянычъ неподвижно, жалко сгорбившись, сидѣлъ у трупа жены и не обернулся, когда вошелъ лѣсничій.

Лѣсничій, блѣдный, всклокоченный, подошелъ тихо къ лѣснику и повернулъ его къ себѣ за плечо.

— Купріянычъ, — сказалъ онъ мертвымъ, глухимъ голосомъ, — давай вмѣстѣ погорюемъ: твоя — умерла, а моя — сбѣжала отъ меня!!

Купріянычъ медленно повернулъ голову къ лѣсничему, поднялся, и въ потускнѣвшихъ отъ отчаянія глазахъ его засвѣтилось возвращающееся сознаніе. Онъ зашатался отъ слабости. Лѣсничій поддержалъ его, посадилъ около стола, вынулъ изъ кармана охотничью фляжку и налилъ въ щербатую чашку коньяку:

— Пей, — сказалъ онъ повелительно.

И Купріянычъ безпрекословно выпилъ и вздохнулъ такъ, какъ будто бы съ его шеи сняли душившую его петлю.

— У тебя сынъ есть, у меня — теперь никого... Ничего, доживу свои дни. Самъ виноватъ я былъ: зачѣмъ завезъ въ лѣсъ молоденькую дѣвчонку... А ты встряхнись, Купріянычъ! Не будь бабой. Петьку вырастимъ!

Лѣсничій хлебнулъ изъ фляжки и горько усмѣхнулся:

— Ну, чье горе больше, Купріянычъ?

— Ваше больше, ваше высокородіе, — твердо отвѣтилъ Куприянычъ, — и земной поклонъ вамъ, что про меня, мелкую сошку, не забыли въ горѣ своемъ!

— Ну вотъ, Куприянычъ, встряхнись же. Дѣлай, что надо, а денегъ у меня возьмешь въ счетъ пособія на похороны. Это пособіе я тебѣ выхлопочу...

И Куприянычъ взялъ себя въ руки. Похоронилъ жену, а, похоронивъ, принялся за свое обычное трудное, но любимое имъ дѣло.

Лѣсничій выполнилъ обѣщаніе — заботился о маленькомъ мальчикѣ, оставшемся сиротой: заботился объ его развитіи, образованіи... И лѣсникъ-отецъ и лѣсничій-покровитель старались воспитать въ мальчикѣ любовь къ лѣсу, къ природѣ и трудовой жизни.

Передъ войной юноша сдалъ экзаменъ за пять классовъ реальнаго училища въ уѣздномъ городѣ, и лѣсничій отправилъ его съ согласія Куприяныча въ Москву, на курсы... Обоимъ тяжело было разстаться съ юношей, но лѣсничій понималъ, что Петѣ надо много читать, пополнять запасъ знаній, а библіотека лѣсничаго была невелика; въ Москвѣ же можно было любую книгу достать и по любой спеціальности...

Синѣющій солнечный сонъ баюкаетъ землю. Въ необъемлемую синь свода небеснаго уходитъ молчаніе земли-плодоносной, непрерывно рождающей нови. Среди огромныхъ, какъ мачты, гигантскихъ древнихъ кораблей, сосенъ пригрѣлся старый просторный домъ лѣсничаго, срубленный изъ дуба и сосны, весь утопающій въ зелени елей, вишенъ, яблонь и сирени.

Къ дому лѣсничаго надо пройти мимо небольшого домика съ палисадникомъ возлѣ оконъ. Завидѣвъ этотъ домикъ, Куприянычъ отворачиваетъ лицо въ сторону. Въ домикѣ живетъ недавно прибывшій помощникъ лѣсничаго, франтоватый молодой человѣкъ, всего годъ тому назадъ окончившій лѣсной институтъ.

Помощника Куприянычъ не уважаетъ и не долюбливаетъ за то, что тотъ не любитъ лѣса и при первомъ удобномъ случаѣ, наровитъ укатить хоть на день, на два въ губернскій городъ...

— Куликъ тонконогій, — говоритъ вполголоса по адресу помощника Куприянычъ и ускоряетъ шаги.

Зоркіе глаза его разглядѣли въ близкой чаще сада что-то бѣлое, мелькающее между деревьями. Куприянычъ тотчасъ соображаетъ, что это ходитъ по дорожкамъ сада лѣсничій Петръ Ниловичъ, ходитъ быстро — слѣдовательно, разстроенъ чѣмъ-то.

Тихонько открываетъ Куприянычъ садовую калитку, не спѣша подходитъ къ остановившемуся лѣсничему, беретъ подъ козырекъ и

спокойно, вѣжливо, но отнюдь не подобострастно, привѣтствуетъ начальство:

— Здравія желаю, ваше высокородіе! — потомъ Купріянычъ откашливается и тихо, мечтательно добавляетъ: — Какая погодка хорошая держится, Петръ Ниловичъ, благодать какая; въ саду да въ лѣсу — словно въ раю...

Сквозь листву деревьевъ, какъ брызги, причудливыми янтарными пятнами ложатся лучи солнца на густую траву. Восторженно кричатъ воробьи на фруктовыхъ деревьяхъ и въ березовомъ молоднякѣ. А иволга, запрятавшись въ тѣнь ели, утомленнымъ, но чистымъ голосомъ мурлычетъ свою обычную меланхолическую пѣсенку. Въ синемъ куполѣ неба пронзительно, задорно кричитъ ястребъ. Теплота іюльскаго солнца дышитъ на землю.

Лѣсничій усмѣхается не то грустно, не то весело. За двадцать лѣтъ совмѣстной службы Купріянычъ привыкъ къ этой усмѣшкѣ своего начальника и друга:

„Отойдетъ на солнышкѣ, развеселится. Должно быть, начальство пріѣдетъ скоро къ намъ... вотъ ему и не по себѣ“, — думаетъ Купріянычъ.

— Завтра пріѣдетъ управляющій государственными имуществами, — хмурясь, говоритъ лѣсничій, — не прежній, а новый, изъ земскихъ начальниковъ...

Петръ Ниловичъ усмѣхается: ужъ очень недовольнымъ лицо стало у Купріяныча.

— Вотъ что: иди-ка въ канцелярію, Купріянычъ. Я сейчасъ приду туда.

— Слушаю, ваше высокородіе.

Купріянычъ идетъ въ канцелярію, трехоконный деревянный домикъ во дворѣ, состоящій всего изъ двухъ комнатъ: прихожей и собственно канцеляріи. Канцелярія пуста. Помощникъ, должно быть, не вставалъ еще.

Солнечные лучи, пробивающіеся сквозь зелень сирени, растущей возлѣ самаго окна, дрожатъ на служебныхъ бумагахъ, перебѣгаютъ со стола на стѣны и бликами ложатся на уставленныя синими папками съ дѣлами полки...

Купріянычъ, хмурясь и прищуриваясь, обводитъ глазами стѣны и добродушно усмѣхается: „И не любитъ же Петръ Ниловичъ эту канцелярщину, до-смерти не любитъ, а ничего не подѣлаешь, нельзя безъ канцеляріи обойтись“...

У двери шорохъ, дверь распахивается, и на грудь Купріяныча бросается большой сѣрый съ черными крапинками пойнтеръ Мильтонъ — любимая собака лѣсничаго.

— Мильтонушка, здравствуй, — и собака укладывается у ногъ лѣсника, внимательно поглядывая на него: не на охоту ли, дескать, собираются?!

Входитъ и самъ лѣсничій. Еще нестарое загорѣлое лицо его озабоченно. Купріянычъ отодвигается къ столу, пропуская начальника, а Мильтонъ привѣтливо постукиваетъ по полу гладкимъ хвостомъ.

Лѣсничій останавливается около своего камышеваго кресла, закуриваетъ папироску и достаетъ изъ бокового кармана письма. Одно изъ нихъ онъ протягиваетъ Купріянычу...

И лѣсничій и лѣсникъ одинаковаго саженнаго роста. Оба — сѣроглазые, широкоплечіе сильные люди. Купріянычъ только лѣтъ на десять старше лѣсничаго. Тому — не болѣе 45 лѣтъ, но на видъ можно и меньше дать.

Купріянычъ беретъ письмо, пальцы его слегка трясутся отъ волненія. Озабоченность сходитъ на минуту съ лица лѣсничаго...

— Поздравляю тебя, другъ, — говоритъ онъ ласково, — Петя намъ пишетъ, что онъ окончилъ военное училище... Нашъ Петя — офицеръ!..

Лицо Купріяныча — олицетворенный вопросъ:

— Петръ Ниловичъ, какъ же такъ... какъ офицеръ?! Что же не писалъ онъ? — голосъ старика дрожитъ и слабѣетъ.

— Не волнуйся... Я тебѣ еще радостную новость объявляю: пишетъ Петя, что черезъ два дня пріѣдетъ къ намъ, до отправленія на позиціи ему данъ начальствомъ семидневный отпускъ, понимаешь? Ну, поздравляю...

Лѣсничій протягиваетъ руку Купріянычу и слышитъ всхлипыванье его. Никто и никогда еще не видѣлъ лѣсника плачущимъ... Крупныя, какъ горошины, слезы катятся по обвѣтренному, обычно суровому старческому лицу.

— Ну что ты, братъ, — смущенно и растроганно ворчитъ Петръ Ниловичъ, подталкиваетъ ослабѣвшаго отъ радостнаго волненія старика къ подоконнику, — присядь да потолкуемъ о дѣлахъ, слышишь? А письмо дома вечеркомъ прочтешь, на досугѣ.

Напоминаніе о дѣлахъ приводитъ Купріяныча въ себя.

Онъ судорожно, но полной грудью, вздыхаетъ, достаетъ изъ кармана черныхъ шароваръ бѣлый вышитый платокъ, подарокъ покойной жены, и, конфузливо улыбаясь, отираетъ мокрое лицо. Потомъ выпрямляется:

— Такъ что же, Петръ Ниловичъ, прикажете объѣздчиковъ и стражу всю оповѣстить о пріѣздѣ высшаго начальства?

— Да, да, дружище, ужъ ты похлопочи, пожалуйста. Управляю-

щій только сутки пробудетъ у насъ... Можетъ быть, захочетъ питомники посмотрѣть и посадки...

Начинается служебная бесѣда. И когда, нѣсколько времени спустя, прибѣгаетъ въ канцелярію прифранченный помощникъ, подслѣповатый, щупленькій съ красивымъ помятымъ лицомъ молодой человѣкъ, то Купріянычъ ровнымъ голосомъ отвѣчаетъ на его кивокъ головой:

— Здравія желаю, ваше благородіе.

Помощникъ усаживается на стулъ противъ лѣсничаго и хватается за бумаги:

— Ужъ извините, Петръ Ниловичъ, проспалъ немного я, вчера до поздняго вечера въ преферансъ играли съ докторомъ и Еленой Кировной, — сконфуженно говоритъ помощникъ.

— Ничего, ничего, — благодушно и разсѣянно ободряетъ его Петръ Ниловичъ, — къ намъ завтра нагрянетъ управляющій...

— Управляющій?!! — всклицаетъ испуганно помощникъ, безпомощно озираясь по сторонамъ.

„Чистый куликъ, — думаетъ Купріянычъ, — ишь запищалъ тонконогій“...

Помощникъ встрѣчается глазами съ глазами Купріяныча и, чувствуя во взглядѣ подчиненнаго пренебреженіе, спохватывается, пріосанивается, поправляетъ бѣлоснѣжный воротничекъ, что выглядываетъ изъ-за безукоризненно сшитаго кителя.

Лѣсничій глядитъ на обоихъ, усмѣхается. Онъ тоже понимаетъ внутреннее отношеніе Купріяныча къ помощнику. Впрочемъ, помощникъ и не скрываетъ отъ патрона свою нелюбовь къ лѣсному дѣлу, къ жизни въ лѣсу, свою природную неприспособленность къ такого рода жизни... Онъ мечтаетъ по окончаніи войны уйти въ какое-нибудь среднее учебное заведеніе преподавателемъ математики...

— Ничего, Сергѣй Саввичъ, встрѣтимъ и проводимъ господина управляющаго, какъ подобаетъ...

Петру Ниловичу хочется добавить: „Онъ, навѣрняка, лѣснымъ дѣломъ не больше вашего интересуется“. Но Петръ Ниловичъ воздерживается отъ искушенія, тѣмъ болѣе, что тонъ его словъ успокоительно дѣйствуетъ на любителя городской жизни.

— Не съѣздить ли мнѣ въ городъ, за закусками, коньякомъ и прочимъ? — робко предлагаетъ помощникъ и конфузится, потому что Петръ Ниловичъ не можетъ скрыть своей улыбки при этомъ предложеніи, и даже по лицу Купріяныча, который обладаетъ большимъ тактомъ въ сношеніяхъ съ начальствомъ, проползаетъ еле уловимое подобіе улыбки.

— Нѣтъ, въ городъ не стоитъ ѣхать, Сергѣй Саввичъ. Коньякъ у меня есть, настойки на спирту трехлѣтнія... А вотъ къ доктору прокатитесь, голубчикъ: попросите у него спирту... Можетъ быть,

превосходительный гость употребляетъ это зелье... Обѣдъ — ботвинья жаркое и сладкое — моя старушенція приготовитъ.

Помощникъ разочарованъ. Но все же онъ не очень огорченъ тѣмъ, что поѣздка сорвалась. „Хоть къ доктору прокачусь, поболтаю съ докторшей, она — дама, правда, строгихъ правилъ, но... вѣдь въ этой трущобѣ нѣтъ дамъ... Душу отведу, по крайней мѣрѣ".

— Такъ можешь идти, Купріянычъ, только не забудь оповѣстить стражу...

— Слушаю, ваше высокородіе, — Купріянычъ идетъ домой, а лѣсничій съ помощникомъ окунаются съ головой во „входящія" и „исходящія". Помощника канцелярія не тяготитъ, Петра Ниловича — очень! Онъ перечитываетъ нужныя бумаги внимательно, добросовѣстно. Но на лицѣ его сѣрый налетъ утомленія и нѣкоторой брезгливости. Видъ бумагъ наводитъ его на воспоминанія о городской, окаянной, засасывающей тинѣ...

До „Новой Стражи", на которую Купріянычъ переселился послѣ смерти жены, около двухъ верстъ. Идти надо лѣсной, заросшей травой дорогою. По пути какъ разъ на загороженной частымъ соснякомъ полянѣ — лучшій въ лѣсничествѣ питомникъ.

Не можетъ пройти Купріянычъ мимо питомника, чтобы не поглядѣть на него хотя бы минутку.

Питомникъ обведенъ канавкой и плетнемъ. Въ предыдущіе дни здѣсь работали бабы-пололыцицы подъ зоркимъ наблюденіемъ опытнаго Купріяныча. Помощнику лѣсничій не довѣряетъ воспитанія крохотныхъ хрупкихъ сосенокъ...

Купріянычъ заслоняетъ широкой ладонью глаза отъ слѣпящаго солнца, обводитъ глазами гряды съ крохотными деревцами. Потомъ не выдерживаетъ, присаживается около сосенки, въ которой и росту всего двѣ четверти.

„Ишь, какъ младенчики, милыя, притулились, — по стариковской привычкѣ шепчетъ самъ себѣ лѣсникъ, — грѣйтесь, милыя, набирайтесь силъ"... Глаза его подернуты влагой свѣтлой умиленности.

И часъ и два сидѣлъ бы Купріянычъ здѣсь, да вспомнилъ о грядущемъ нашествіи высшаго начальства. „Что жъ, пусть и г. управляющій поглядитъ, какіе у насъ питомники... Гдѣ такіе-то увидитъ?!"

На „Новой Стражѣ" всего только два домика. Въ одномъ живетъ Купріянычъ, въ другомъ — молодой его „подручный" лѣсникъ Скробовъ съ женой Дарьей. Около домиковъ — огороды, небольшіе, но хорошо воздѣланные. Приближаясь къ дому, Купріянычъ съ доволь-

нымъ видомъ поглядываетъ на виднѣющіяся по обѣ стороны дорожки, рощицы, посадокъ...

„Поглядитъ Петя, какъ выросъ безъ него молодой лѣсокъ!“

II.

На слѣдующее утро съ Сергѣемъ Саввичемъ поѣхалъ въ село и Купріянычъ, въ пролеткѣ лѣсничаго, запряженной его же парой полукровокъ.

Сергѣй Саввичъ былъ въ хорошемъ настроеніи; онъ только что рѣшительно заявилъ лѣсничему, что уходитъ съ лѣсной службы и уѣдетъ въ Москву. Петръ Ниловичъ одобрилъ рѣшеніе своего помощника, сознавая его непригодность для лѣсного дѣла. Сказавъ патрону о своемъ намѣреніи, Сергѣй Саввичъ почувствовалъ облегченіе и нѣкоторую веселость.

— Ухожу со службы, Купріянычъ! Что, рады вы, конечно, этому? — Онъ ко всѣмъ лѣсникамъ обращался на „вы“.

Купріяныча, занятаго мыслями о близкомъ пріѣздѣ сына, это сообщеніе не очень поразило, но все же обрадовало. Правда, помощникъ — господинъ безобидный, никто изъ его подчиненныхъ притѣсненій отъ него не терпѣлъ, но... какой онъ будетъ лѣсничій? Никудышный! Хорошо дѣлаетъ, что уходитъ...

— Что же, ваше благородіе, радоваться мнѣ не чему: вы меня не обижали, и никто отъ васъ плохого не видѣлъ. А коли видите, что дѣло вамъ несподручно, такъ это къ чести вамъ, что не беретесь за него! — сдержанно и привѣтливо отвѣтилъ Купріянычъ.

— Да, въ городѣ я, надѣюсь, окажусь полезнымъ для какого-нибудь дѣла человѣкомъ, но въ лѣсу жить круглый годъ не могу, — вздохнулъ Сергѣй Саввичъ, — а почему у васъ, Купріянычъ, сегодня такое праздничное лицо, скажите мнѣ, если это не тайна?

Съ радостной усмѣшкой Купріянычъ отвѣтилъ:

— Какая тамъ тайна, ваше благородіе! Сегодня иль завтра сынишка пріѣдетъ, оттого и теплѣе у меня на душѣ...

— Ахъ, вотъ что! разумѣется, это радость для васъ. Значитъ, онъ въ отпускъ ѣдетъ?

— Такъ точно... Въ офицеры его произвели, — уже не улыбаясь, серьезно и тихо отвѣтилъ лѣсникъ.

Сергѣй Саввичъ непритворно удивился:

— Какъ въ офицеры, да развѣ онъ былъ въ военномъ училищѣ? — Сергѣй Саввичъ съ интересомъ уставился на собесѣдника.

— Какъ же, — почему-то немного конфузясь, отвѣтилъ тотъ, — былъ „вольноопредѣляющимъ“, а теперь вотъ отучился и произвели его.

— Поздравляю, поздравляю... Сколько же лѣтъ вашему сыну, Купріянычъ? Девятнадцать только?! Совсѣмъ юноша.

Вся веселость Сергѣя Саввича исчезла. На него нашло тяжелое раздумье. Самому ему предстояло вскорѣ призываться, и онъ съ ужасомъ думалъ объ этомъ обстоятельствѣ: придется поступить на краткосрочные офицерскіе курсы. Выпустятъ его офицеромъ, дадутъ сотню-двѣ бородачей, и онъ долженъ будетъ ими руководить и гдѣ?! въ бою, среди грохота снарядовъ, среди потоковъ крови и клочьевъ истерзаннаго человѣческаго мяса...

При одной этой мысли дрожь пробѣжала по тѣлу Сергѣя Саввича, несмотря на то, что іюльское солнце припекало его спину. Чтобы отвлечься, онъ снова заговорилъ съ Купріянычемъ.

— Вотъ я думаю, Купріянычъ, какъ тяжела отвѣтственность, передъ самимъ собой и отечествомъ такого молодого офицера, какъ вашъ сынъ. Вѣдь ему не объ одномъ себѣ придется думать, а, главнымъ образомъ, о другихъ, о тѣхъ солдатахъ, судьба которыхъ въ сильной степени будетъ зависѣть отъ находчивости, ума и опыта офицера...

Тяжко вздохнулъ Купріянычъ и коротко отвѣтилъ:

— Правильно, ваше благородіе. Я тоже объ этомъ всю ночь, ворочаясь съ боку на бокъ, подумакивалъ...

За разговоромъ они и не замѣтили, какъ подъѣхали къ селу... Лошадей отдали на попеченіе больничнаго работника. Оказавшійся дома полный весельчакъ-докторъ повлекъ Сергѣя Саввича къ себѣ въ кабинетъ.

— Только на часочекъ, докторъ, — еле поспѣвая за нимъ! предупредилъ Сергѣй Саввичъ, — ибо къ намъ сегодня нагрянетъ начальство. Петръ Ниловичъ просилъ меня торопиться и вамъ въ Еленой Кировной кланяться...

Купріянычъ пошелъ къ лавочнику, табачку купить да кое-какихъ припасовъ. Проходя мимо волостного правленія, онъ вспомнилъ про урядника и поморщился, недовольный воспоминаніемъ.

Припомнилъ Купріянычъ ехидство урядника. Сказалъ же этотъ гнусавецъ, что изъ Пети будто бы никчемный человѣкъ выйдетъ... И какъ этотъ „крючокъ“ старался уязвить Купріяныча, больно сдѣлать ему. Каковъ гусь? Петю врагомъ родины захотѣлъ представить, вздумалъ клеветать на защитника родины!

Купріянычу ясно, что если бы тысячи, сотни тысячъ такихъ молодцовъ, какъ Петя, не встали бы поперекъ дороги нѣмцамъ, то пришли бы свирѣпые враги въ глубь Россіи, пожгли бы города, села, надругались бы надъ всѣми русскими и сожгли и вырубили бы огромные вѣковые лѣса. Оборони, Боже!

Лѣса бы сгубили!! При этой мысли огромной живучей злобой загорѣлось сердце стараго лѣсника. Пусть и Петя отдастъ Богу душу, если это надо для цѣлости родины...

И вдругъ Купріянычъ подумалъ, что почувствуетъ урядникъ, если встрѣтится съ Петей — офицеромъ?! Ловко бы вышло... Урядникъ, тотъ самый человѣкъ, который всегда старался какъ-нибудь унизить, высмѣять Купріяныча, который корчилъ изъ себя высшее начальство, принужденъ будетъ отдать честь сыну Купріяныча... Ловко!

Даже веселая улыбка помолодила старика и съ этой улыбкой онъ поздоровался съ лавочникомъ и шинкаремъ, доводившимся лавочнику кумомъ.

Оба пріятеля, распивавшіе въ прохладномъ помѣщеніи лавки, дружно удивились веселому выраженію лица лѣсника.

— Петръ Купріянычъ, да вы именинникомъ сегодня глядите! Повышенье что ль получили по службѣ?

— Распорядилось начальство: быть мнѣ объѣздчикомъ, — подтвердилъ Купріянычъ, — но не къ тому мое веселье...

— Присаживайтесь за чаекъ, Петръ Купріянычъ, честь вамъ и мѣсто да выкладывайте намъ свои новости...

Купріянычъ разсказалъ имъ о предстоящемъ пріѣздѣ сына, о томъ, что сынъ офицеромъ сталъ и скоро ѣдетъ на позиціи. Слушатели ушамъ своимъ не вѣрили. Расположенный къ Купріянычу мягкотѣлый, хотя и плутоватый, но добродушный лавочникъ охалъ, охалъ восхищенно, поздравлялъ Купріяныча... Шинкарь же не утерпѣлъ, кое какъ выслушалъ до конца потрясшую его новость и, улучивъ удобный моментъ, побѣжалъ съ этой новостью къ женѣ...

— Такъ, такъ, Петръ Купріянычъ, радоваться вы должны и гордиться, что удался у васъ сынокъ, — тараторилъ лавочникъ, допивая десятую чашку чая и отирая обильно струившійся по одутлому лицу потъ, — еще стаканчикъ выкушайте, Петръ Купріянычъ, денекъ-то жаркій, а у меня въ лавочкѣ прохладно...

— Пора уже мнѣ идти ко двору, — отнѣкивался Купріянычъ, но размякъ отъ похвалъ, которыя расточалъ лавочникъ по адресу Пети и согласился выпить еще стаканъ.

— Вареньица испробуйте ежевичнаго, — заговорилъ было снова лавочникъ, но оглянулся на входъ въ лавку, вытаращилъ глаза и смолкъ.

Оглянулся и Купріянычъ — около крыльца стоялъ молодой офицеръ, очень высокаго роста, широкоплечій, необычайно загорѣлый. Онъ закрывалъ лицо рукой отъ жгучихъ лучей полдневнаго солнца и ласково улыбался.

— Петруня, родной! — смѣшно взмахнулъ руками Купріянычъ опрометью навстрѣчу сыну кинулся.

Отецъ и сынъ обнялись крѣпко и звучно поцѣловались.

— Какъ ты попалъ сюда, сынокъ?—пробормоталъ Купріянычъ, съ трудомъ оправляясь отъ радостнаго изумленія.

— Фу, жарко... Дай, отецъ, отдышаться. Поговоримъ еще всласть, дня три прогощу... Здравствуйте!

Петя протянулъ лавочнику руку. Тотъ почтительно поздоровался, побѣжалъ, вынесъ Петѣ стулъ, притащилъ изъ чуланчика отпотѣвшую холодную бутылку:

— Хорошій, съ мятой, квасокъ, Петръ Петровичъ, сдѣлайте милость, откушайте!

Съ жадностью выпивъ два стакана, дѣйствительно, хорошаго кваса, Петя отеръ платочкомъ коричневатое отъ загара лицо, потрепалъ сидѣвшаго рядомъ въ счастливомъ молчаніи отца:

— Ну, папаша, чего на меня такъ удивленно смотрите, ѣль сына признать не хотите?!

Купріянычъ, не отрываясь, смотрѣлъ на сына. Какъ онъ возмужалъ! Какимъ сталъ красавцемъ... А форма военная какъ ему къ лицу.

— Ужъ очень радъ я, Петенька, что свидѣлись мы съ тобой...

— Сидѣть, однако, намъ некогда, тамъ управляющій пріѣхалъ съ ревизіей, — напомнилъ Петя отцу, вставая.

— Батюшки! Я и забылъ совсѣмъ, — ужаснулся Купріянычъ.

Новоиспеченный офицеръ довольно усмѣхнулся: до какой степени обрадовался его пріѣзду отецъ, если забылъ о такомъ важномъ служебномъ происшествіи, какъ пріѣздъ управляющаго государственными имуществами въ лѣсничество!

Когда Купріянычъ съ Петей, взявшимъ отца подъ руку, вышли изъ лавки, они натолкнулись на шинкаря и урядника.

— А, все старые знакомые! — усмѣхнулся Петя, — здорово урядникъ...

— Здравія желаю, ваше благородіе! — нелѣпо рявкнулъ урядникъ. Затоптался на мѣстѣ, узкіе глазки его ошалѣло забѣгали изъ стороны въ сторону.

Изъ-за спины урядника выглядывалъ шинкарь, подмигивая весело Купріянычу. Шинкарь радовался смущенію урядника. Злорадно ухмылялся и лавочникъ. Онъ тоже увидѣлъ, какъ внезапно потерялъ урядникъ свое величіе. Вѣдь шинкарь и лавочникъ имѣли основанія не долюбливать сребролюбиваго урядника.

Купріянычъ съ минуту блаженно улыбался, пристально глядя на своего врага, на его озадаченное, раскисшее лицо.

Петя повлекъ отца къ докторскому дому. Не утерпѣлъ Купріянычъ: насмѣшливо улыбнулся уряднику, поспѣшно отскочившему, чтобы дать дорогу.

— Попрежнему, папаша, враждуете съ урядникомъ? — спросилъ Петя и смѣшливо поморщился: урядникъ и ему показался противнымъ, жалкимъ.

Когда они подошли къ докторскому дому — лошади уже были поданы. Въ пролеткѣ сидѣлъ помощникъ, а около стоялъ докторъ съ женой.

— Вотъ и сынокъ мой, ваше благородіе! — обратился Купріянычъ къ помощнику.

Оказалось, что Петя и помощникъ успѣли ужъ познакомиться, такъ какъ Петя заходилъ къ доктору. Заторопились ѣхать. Докторъ и Елена Кировна съ удовольствіемъ посмотрѣли на сіяющее и озадаченное лицо Купріяныча. Улыбались весело всѣ, не исключая и помощника, которому Петя очень понравился...

— Какой Петя сталъ интересный... А? Видный офицеръ, не правда ли? — сказала Елена Кировна Купріянычу и этимъ замѣчаніемъ не мало сконфузила Петю. Онъ застѣнчиво потупился.

— Отцу сынъ и невидный любъ, Елена Кировна, — тихо отвѣтилъ польщенный Купріянычъ.

— Скажите Петру Ниловичу, что я вечеромъ пріѣду, когда уѣдетъ этотъ самый управляющій! — крикнулъ докторъ вслѣдъ отъѣзжающимъ...

Скробовъ, провожавшій Петю въ село, теперь сѣлъ за кучера и разогналъ полукровокъ.

Петя сидѣлъ рядомъ съ помощникомъ. Купріянычъ примостился противъ нихъ.

— Знаешь, папаша, съ кѣмъ я пріѣхалъ со станціи? — Петя засмѣялся, — съ Петромъ Ниловичемъ и... съ самимъ его превосходительствомъ!

— Да ну! — удивился Купріянычъ, — вотъ такъ исторія! Какой же онъ изъ себя? Молодой иль старый?

— Лѣтъ сорока пяти. Молодится. Усы подкрашены, волосы тоже, выправка — военная: онъ изъ отставныхъ кавалеристовъ. Кажется, человѣкъ довольно безобидный, разговорчивый, но... въ лѣсномъ дѣлѣ, повидимому, ничего не смыслитъ и не особенно интересуется имъ...

— Это нерадостное ты говоришь, Петруня, — нахмурился недовольно Купріянычъ.

— Погодите, сейчасъ кое-что разскажу вамъ о немъ, — Петя закурилъ. Помощникъ и Купріянычъ съ интересомъ приготовились слушать.

Петя наскоро разсказалъ имъ, какъ попалъ управляющій впросакъ. Дѣло было такъ: недалеко отъ „Новой Стражи“ управляющій указалъ перстомъ на незаросшую сырую луговину, окруженную соснами, и спросилъ Петра Ниловича, почему бы здѣсь не устроить питомникъ для сосёнокъ? Петръ Ниловичъ посмотрѣлъ на управляющаго такимъ изумленно-вопрошающимъ взглядомъ, что управляющій смутился немного, понялъ сразу, что на болотѣ питомниковъ не устраиваютъ, и поспѣшилъ перемѣнить тему бесѣды, сталъ восторгаться окружающимъ и говорить Петру Ниловичу комплименты.

— Онъ думалъ, что я — родственникъ Петра Ниловича и былъ не мало изумленъ, когда узналъ, что мой отецъ — лѣсникъ! — засмѣялся весело Петя, — но я ему, видимо, понравился, всю дорогу онъ со мной много говорилъ, разспрашивалъ о Москвѣ, о дороговизнѣ и прочемъ.

... Петръ Ниловичъ выскочилъ навстрѣчу путешественникамъ и слегка пожурилъ Сергѣя Саввича за то, что тотъ замѣшкался, засидѣлся у доктора.

— Вообразите, превосходительный не хочетъ обѣдать въ домѣ. Онъ предложилъ прокатиться по лѣсу, заѣхать хотя бы на одну стражу и затѣмъ онъ къ вечеру торопится на вокзалъ. Проситъ захватить съ собой васъ, Сергѣй Саввичъ, и тебя, Петя... Сергѣй Саввичъ, идемте скорѣе: я васъ представлю. А ты, Купріянычъ, жарь домой. На обратномъ пути заѣдемъ къ вамъ.

Черезъ нѣсколько минутъ управляющій, невысокій круглолицый красивый брюнетъ съ лихо закрученными усами, въ бѣломъ кителѣ, Петръ Ниловичъ, Сергѣй Саввичъ и Петя отправились въ поѣздку по лѣсу.

Петя вздохнулъ жадно и глубоко, когда они выѣхали вглубь лѣса.

Все было родное кругомъ, такое близкое и милое сердцу. Грусть свѣтлая, умиленная щемила сердце, но не мучила его. Блестящими глазами оглядывалъ Петя и берега извилистой рѣчки и ея каменистые быстрые перекаты и тихія заводи, по краямъ которыхъ торчалъ высокій тростникъ и тянулась, густо росла зеленая ряска...

Петръ Ниловичъ тянулъ папироску за папироской, ежеминутно давалъ краткія, но ясныя объясненія управляющему, тотъ старался всѣмъ интересоваться и сдѣлать лицо глубокомысленнымъ, приличествующимъ случаю. Время отъ времени быстро всматривался Петръ Ниловичъ въ лицо Пети и думалъ покойно, радостно:

„Этотъ не уйдетъ отъ лѣса... Только бы живъ остался и трудоспособенъ“...

Своимъ большимъ, одинокимъ и своеобразно красивымъ сердцемъ чувствовалъ старый лѣсничій грусть молоденькаго воина, чувствовалъ, что юноша вспоминаетъ дѣтскіе годы свои, тѣсно связанные съ лѣсной таинственной жизнью.

Черезъ нѣсколько минутъ лошади вынесли экипажъ въ гору надъ рѣкой, и слѣва частой стѣной всталъ старый соснякъ, кое-гдѣ перемѣшанный съ тѣнистыми елями и древними дубами.

— Сдѣлаемъ здѣсь привалъ, съ вашего разрѣшенія, ваше превосходительство, — предложилъ лѣсничій.

— Да, да, какое э... живописное мѣстечко, — промямлилъ уже утомившійся поѣздкой управляющій.

Они расположились на полянкѣ, поросшей высокой травой и милой разноцвѣтной кашкой... Вѣялъ пропитанный запахомъ полевой клубники вѣтерокъ. Вокругъ сгрудились мощныя сосны, могучія, стройныя въ старости своей и высокіе, корявые, кряжистые дубы. Вкругъ нихъ, стариковъ, какъ дѣти, прижались орѣховые частые кусты.

Расторопный Скробовъ разостлалъ моментально предусмотрительно захваченныя цыновки и притащилъ изъ экипажа кулекъ съ бутылками и закусками...

Жара спадала быстро, на полянку ложились прихотливые узоры тѣней. Петръ Ниловичъ раскупорилъ нѣсколько бутылокъ съ слащенными и неслащенными наливками—ежевичной, малиновой, клубничной.

Управляющій съ явнымъ великимъ удовольствіемъ выпивалъ лафитникъ за лафитникомъ, закусывалъ вкусно и — не торопясь... Крѣпки были настойки, умѣлъ ихъ приготовлять Петръ Ниловичъ да и стояли настойки эти лѣтъ пять въ погребѣ...

— Вы — магъ и волшебникъ, Петръ Ниловичъ, вотъ что я вамъ долженъ сказать... Что за напитки! Одно великолѣпіе...

Петръ Ниловичъ улыбался и благодарилъ за комплименты.

— А вы что же, молодые люди, не слѣдуете нашему примѣру? — перевелъ свои масляные глазки управляющій на Петю и Сергѣя Саввича.

— Не пью, ваше превосходительство, — улыбнулся Петя, очнувшись отъ свѣтло-грустныхъ грезъ, навѣянныхъ ему родными лѣсами.

Сергѣй Саввичъ учтиво благодарилъ. Поспѣшно привставая, чокался съ управляющимъ...

— Вы — москвичъ? — спросилъ управляющій. Сергѣй Саввичъ оживился, отвѣчая утвердительно.

Управляющій оживился еще болѣе. Онъ въ свое время живалъ въ Москвѣ. Онъ принялся разспрашивать Сергѣя Саввича о театрахъ, объ артисткахъ, о клубной жизни.

— Да, весело жила Москва въ мое время... И какія женщины были... Э... — и, покручивая свои крашеные въ смольный цвѣты усы, его превосходительство крякнулъ и повертѣлъ пухлыми пальцами въ воздухѣ.

— Э... Чудное было время. Гостепріимна и самобытно-красочна наша Москва... Да... Но вотъ нашъ милѣйшій Петръ Петровичъ обратнаго мнѣнія о Москвѣ, о жизни большихъ городовъ вообще, — любезно качнулъ головой генералъ въ сторону Пети.

— Я вообще врагъ городской жизни, ваше превосходительство. Надѣюсь послѣ войны поступить на лѣсную службу и въ лѣсу скоротать вѣкъ свой. Это моя завѣтная мечта, — отвѣтилъ Петя.

Управляющій, наконецъ, поднялся, пожалъ руку Петра Ниловича и разсыпался въ комплиментахъ по его адресу...

— Я слышалъ о васъ очень лестные отзывы и въ департаментѣ и отъ моего предшественника, — заключилъ свою рѣчь управляющій, любезно улыбнувшись. — Теперь съѣздимъ на стражу, а затѣмъ мнѣ надо спѣшить...

Купріянычъ встрѣтилъ начальство около дома, держа руку подъ козырекъ, сталъ на вытяжку и смѣло поглядѣлъ въ глаза подошедшему къ нему управляющему, который рядомъ съ нимъ казался подросткомъ.

— Какой почтенный старецъ! Вѣроятно, хорошій работникъ?— обратился управляющій къ Петру Ниловичу.

— Лучшій изъ моихъ объѣздчиковъ. Четверть вѣка прослужилъ родинѣ. Онъ — отецъ Петра Петровича, ваше превосходительство.

— Ахъ, вотъ какъ, очень, очень радъ, — кивнулъ головой Купріянычу управляющій, — что у васъ такой примѣрный сынъ.

Управляющій соблаговолилъ зайти въ свѣтлый уютный домикъ Купріяныча и съ удовольствіемъ отвѣдалъ клубники съ холодными сливками. На вокзалъ повезли управляющаго Петръ Ниловичъ и Петя, А вечеромъ у Петра Ниловича собрались гости: Петя, докторъ и Сергѣй Саввичъ.

Сидѣли за ужиномъ часа два-три, говорили о войнѣ, объ управляющемъ. Изрядно выпили въ честь Петинаго пріѣзда. Только самъ виновникъ торжества пилъ очень мало.

— Знаешь, Петя, — говорилъ лѣсничій, поглядывая изъ-подъ очковъ на всѣхъ, — я, какъ вспомню, сколько дремучихъ лѣсовъ вырубили нѣмцы въ Польшѣ, такъ у меня сразу является непреодолимое желаніе идти воевать съ ними...

Въ глазахъ молоденькаго офицера появился жесткій блескъ:

— По одной этой причинѣ съ удовольствіемъ иду драться съ нѣмцами! — громко воскликнулъ онъ.

Лѣсничій одобрительно закивалъ головой. Заговорилъ и бывшій молчаливымъ въ этотъ вечеръ Сергѣй Саввичъ:

— Я не могу круглый годъ жить въ лѣсу, заѣдаетъ меня тоска по городу и его многолюдству, но по-своему я люблю лѣсъ; лѣтомъ и весной по-весеннему оживляется моя душа... Я тоже негодую на нѣмцевъ, которые съ лѣсомъ считаются только, какъ съ топливомъ и матеріаломъ для стройки...

— Варварское истребленіе лѣсовъ я приравниваю къ уничтоженію памятниковъ старины и искусства, — подхватилъ Петя, — нѣмцы же, кажется, и передъ этимъ злодѣйствомъ не останавливаются...

— Ваше благородіе, плюнь на нѣмцевъ, пропустимъ еще по баночкѣ, — перебилъ Петю докторъ и добавилъ, улыбаясь, шутливо: Господа, вы меня такъ возстановите противъ пруссаковъ, что я ихъ лѣчить откажусь, а вѣдь къ намъ въ больницу привезутъ скоро нѣсколько экземпляровъ — плѣнныхъ, больныхъ и раненыхъ.

— Какого вы мнѣнія о новомъ управляющемъ, Петръ Ниловичъ? — спросилъ докторъ, чокаясь съ лѣсничимъ.

Тотъ только рукой махнулъ:

— Ему бы не управляющимъ быть, а въ Петроградѣ въ департаментѣ сидѣть. Онъ — мужчина свѣтскій, лицеистъ, бывшій кавалергардъ и съ лѣснымъ дѣломъ совершенно незнакомъ.

— Да, — отозвался печально докторъ, — у насъ все такъ: финансистъ вѣдаетъ внѣшней политикой, земскій начальникъ и лицеистъ лѣснымъ дѣломъ.

Долго и оживленно бесѣдовали на эту тему. Расходиться стали только къ полночи. Петръ Ниловичъ усталъ и не особенно задерживалъ гостей, противъ своего обыкновенія.

Докторъ поѣхалъ въ село. Петръ Ниловичъ пошелъ въ канцелярію пересмотрѣть корреспонденцію и текущія дѣловыя бумаги.

Петя и Сергѣй Саввичъ пошли погулять передъ сномъ за домъ лѣсничаго въ гущу стараго дубняка, кое-гдѣ перемѣшаннаго съ соснами. Луна горѣла въ безоблачной глубинѣ неба. Сѣть голубыхъ тѣней стлалась по дорогѣ. Деревья, четко выдѣляясь, стояли недвижно, точно прислушиваясь къ чему-то.

— Какъ хорошо, какъ хорошо здѣсь, у насъ! — и Петя вздохнулъ полной грудью...

Сергѣя Саввича это замѣчаніе, видимо, не интересовало. Онъ думалъ о чемъ-то другомъ. Что-то хотѣлъ сказать, но, очевидно, не сразу нашелъ подходящее выраженіе мысли. Онъ разсѣянно смотрѣлъ по сторонамъ и покусывалъ нервно стебель зеленой былинки.

— Петръ Петровичъ, наконецъ робко началъ онъ, — скажите мнѣ, по-братски, боитесь ли вы за свою жизнь, боитесь ли смерти тамъ, на фронтѣ? Мнѣ тоже скоро призываться...

Петя дружески взялъ его подъ руку и просто отвѣтилъ:

— Нѣтъ, смерти я не боюсь — боюсь только стать неработоспособнымъ калѣкой... Но жить хочу безумно, вотъ здѣсь, въ лѣсу, работать и умереть здѣсь же...

Сергѣй Саввичъ судорожно вздохнулъ:

— Я же вообще боюсь смерти! И вида крови не выношу — дурно дѣлается мнѣ. При видѣ оружія во мнѣ вся радость жизни блекнетъ. Какой я буду солдатъ, какой офицеръ? А мнѣ скоро призываться...

— Да, тяжело будетъ вамъ, — тихо подтвердилъ Петя, съ жалостью глядя на женственную маленькую фигуру собесѣдника и его унылое лицо.

Эти сочувственныя слова подтолкнули Сергѣя Саввича къ дальнѣйшей откровенности.

— Знаете что, Петръ Петровичъ! Быть можетъ, вы и осудите меня, дѣло ваше... Только прямо вамъ скажу: предлагаютъ мнѣ мѣсто въ отдѣлѣ одной изъ организацій, работающихъ на оборону, и я пойду на это мѣсто. Оно дастъ мнѣ возможность уклониться отъ...

Онъ быстро смѣшался и смущенно откашлялся. Петя вынулъ портсигаръ. Они закурили и сѣли на берегу быстрой и свѣтловодной лѣсной рѣчки.

— Я не осуждаю васъ, — сердечно проговорилъ Петя, — такимъ, какъ вы, слабымъ духомъ людямъ не мѣсто тамъ, гдѣ я скоро буду... Трудитесь въ тылу, дѣлайте, что можете...

— Спасибо вамъ, — пожимая сильную руку Петра, прошепталъ неудавшійся лѣсной дѣятель. Они замолкли и задумались,

Нѣжно дрожала отъ дыханья вечерняго вѣтерка листва. Вечеръ вступилъ въ свои права, и тяжело падала роса на сонную траву. Бѣлыя лунныя облака казались плавающими по бездонному синему озеру бѣлыми гигантскими птицами. Загадочно взиралъ на землю кровавый, испещренный темными пятнами глазъ луны.

Сергѣй Саввичъ съ радостной тревогой думалъ о томъ, что скоро-скоро онъ будетъ въ Москвѣ, будетъ въ свободные отъ занятій часы ходить въ театры, къ многочисленнымъ знакомымъ или гулять по многолюдному Кузнецкому мосту, мимо огромныхъ каменныхъ тѣснинъ, витрины которыхъ залиты многоцвѣтными яркими огнями...

Петя глядѣлъ молитвенно въ сумеречную глубь лѣса. Сладостно вдыхалъ священный ароматъ жизни. Смотрѣлъ, какъ лунныя облака восходили въ безконечную звѣздную высь, и думалъ примиренно о

томъ, что черезъ нѣсколько дней ему придется стать лицомъ къ лицу со смертью.

— Но если живъ буду, то стану, воистину, лѣснымъ жителемъ!— довольно громко сказалъ Петя, всталъ и подошелъ къ самой водѣ.

— Да? А я — городскимъ, — вздохнулъ Сергѣй Саввичъ и тоже всталъ: — Не пора ли домой, Петръ Петровичъ, скоро сыро будетъ.

— Сейчасъ, погодите минутку, — Петѣ не хотѣлось уходить. Онъ окунулъ руки въ блещущую подъ лунными лучами воду, и благоговѣйное поклоненіе всѣмъ производительнымъ и разрушительнымъ силамъ природы съ неизъяснимой властностью захватило его душу...

Пришелъ Петя домой, на „Новую Стражу“ въ первомъ часу ночи. Ночь была тихая, звѣздная, теплая. Купріянычъ поджидалъ сына, сидя на крылечкѣ. Петя почувствовалъ стыдъ, что заставилъ отца дожидаться.

— Папаша, извини, голубчикъ, что я заставилъ тебя дожидаться, — сказалъ онъ, входя съ отцомъ въ комнатку.

— Что ты, сынокъ, развѣ я не понимаю, что ты долженъ былъ навѣстить Петра Ниловича. Онъ, какъ-никакъ, завсегда тебѣ вторымъ отцомъ былъ.

Петѣ не хотѣлось ѣсть, но, чтобы сдѣлать отцу пріятное, онъ поѣлъ заливного судака, съѣлъ кусочекъ жареной утки и немного ягодъ съ молокомъ.

Около стола сидѣлъ большой добродушный песъ по прозвищу „Желтый“ — полулягавая, полугончая собака, вѣчный спутникъ Купріяныча въ его лѣсныхъ скитаніяхъ. Желтому перепало нѣсколько лакомыхъ кусочковъ съ хозяйскаго стола.

Послѣ ужина Петя открылъ большой чемоданъ, привезенный изъ Москвы, досталъ прекрасной работы пѣнковую трубку и вручилъ отцу.

— Это тебѣ, папаша, на память. Кури и вспоминай меня почаще...

Восхищенію Купріяныча не было границъ. Онъ никогда и не мечталъ обладать такой дорогой и красивой трубкой. Но еще дороже было старику вниманіе сына.

Потомъ досталъ Петя много консервовъ, закусокъ, предметовъ домашняго обихода и пару бутылокъ коньяку.

— Пей, папаша, только не сразу! — замѣтилъ шутливо Петя, вручивъ отцу бутылки.

— Какъ прозябну иль промокну, такъ, какъ лѣкарство буду при-

нимать, — отвѣтилъ Купріянычъ и спряталъ бутылки въ поставецъ, — теперь, Петенька, ложись спать, усталъ, небойсь, съ дороги.

Петя заснулъ быстро сладкимъ, крѣпкимъ сномъ здоровой молодости. Купріянычъ долго сидѣлъ около спящаго сына и любовался его спокойнымъ, мужественнымъ и добрымъ лицомъ.

„Вотъ бы Танюшка порадовалась на сынка... Не судилъ Богъ!“ — скорбно подумалъ Купріянычъ, перекрестилъ сына, смахнулъ слезу съ глазъ своихъ и легъ спать.

Утромъ, проснувшись, Купріянычъ посмотрѣлъ на пустую постель — Пети не было въ ней.

Онъ ходилъ по огороду въ сопровожденіи „Желтаго“, ѣлъ молодые огурцы, сладкій горошекъ и весело переговаривался съ женой лѣсника Скробова, Дарьей, разводившей сосновыми шишками большой пузастый самоваръ Купріяныча.

— Доброе утро, папаша! Проспалъ же ты здорово! — привѣтствовалъ отца Петя.

— А который часъ? — спросилъ Купріянычъ.

— Да ужъ восемь часовъ, папаша!

Купріянычъ вознегодовалъ на себя. Обыкновенно онъ вставалъ въ пять часовъ утра, а то и раньше.

Послѣ чаю пошли къ лѣсничему. А потомъ втроемъ до обѣда и послѣ обѣда бродили по лѣсу, смотрѣли цвѣтники Петра Ниловича, питомники и посадки.

Петя по-дѣтски радовался, всѣмъ интересовался, всѣмъ любовался. О предстоящемъ на слѣдующее утро отъѣздѣ никто не заговаривалъ.

Только вечеромъ рѣшено было, что на вокзалъ поѣдутъ съ Петей и отецъ и Петръ Ниловичъ.

На утро, когда еще роса сверкала на листьяхъ деревьевъ и бархатѣ луговыхъ травъ, всѣ трое выѣхали въ пролеткѣ лѣсничаго на вокзалъ. Лошадьми правилъ Скробовъ, получившій отъ Пети цѣлую пятерку на чай.

Петру Ниловичу нужно было какъ разъ ѣхать въ городъ въ управленіе, верстъ сто по пути съ Петей.

Дорогой Петя жарко благодарилъ и отца и Петра Ниловича за все хорошее, хорошее, что они для него сдѣлали за его короткую жизнь. Онъ старался вселить въ отца спокойствіе и надежду на то, что война скоро кончится, и онъ вернется живымъ и невредимымъ.

Пріѣхали на станцію какъ разъ во-время: поѣздъ уже вышелъ съ сосѣдней станціи. Стали прощаться.

Въ глазахъ старика завѣтилась вся нѣжность, на какую только была способна безхитростная простая душа его. Онъ положилъ свои огромныя мозолистыя руки на плечи сына:

— Вотъ тебѣ, сынокъ, сказъ мой: солдатъ не обижай; промежъ нихъ всякіе бываютъ, и умные, и поглупѣе, и храбрые, и робкіе. Которые не сообразительны, не насѣдай на нихъ и малодушныхъ одобряй. Самъ же, сыночка мой, духомъ не падай, помни отца да того, кому премногимъ обязанъ, а мы-то тебя не забудемъ!

Купріянычъ свѣтлыми отъ скрытыхъ слезъ глазами взглянулъ на Петра Ниловича. Тотъ ласково улыбнулся и махнулъ рукой: „не распространяйся, дескать".

Старикъ троекратно накрестъ облобызался съ сыномъ:

— Храни тебя Богъ, будь смѣлымъ солдататомъ! — Онъ перекрестилъ сына и отодвинулся отъ него.

— Такимъ и буду, отецъ. Храни и тебя Богъ, — просто, слегка дрожащимъ отъ внутренняго волненія голосомъ отвѣтилъ Петя, обнимая отца, но лицо его было серьезно и спокойно, только поблѣднѣло слегка.

Къ полустанку, пыхтя и отфыркиваясь, подползъ поѣздъ. Петръ Ниловичъ и Петя вошли въ вагонъ второго класса и стали у окошечка. Купріянычъ зналъ, что поѣздъ стоитъ только одну минуту. Молча, не отрываясь, глядѣлъ старикъ въ глаза сына, пока не тронулся поѣздъ.

— Будь здоровъ и живъ сынокъ!..

— Не тревожься обо мнѣ, отецъ... Не тебѣ одному страдать приходится: тысячи родителей страдаютъ!

Когда удалявшійся поѣздъ сталъ невиденъ уже, Купріянычъ тихо повернулся и пошелъ за станціонныя зданія, гдѣ ожидалъ его Скробовъ.

— Проводили, Петръ Купріянычъ? — участливо и почтительно спросилъ парень и, тронувъ лошадай, добавилъ: — Эхъ, не горюйте, Петръ Купріянычъ, ишь вамъ Господь какого сына послалъ: и ласковаго, и умнаго, и жалостливаго. Авось живъ будетъ такой-то богатырь!..

— Одному горько будетъ на старости лѣтъ, въ случаѣ чего, — отвѣтилъ Купріянычъ, — и молодъ онъ, Петенька, жить бы ему да жить. Но...

И глаза Купріяныча устремились въ вечерѣющее небо, безоблачное и радостное:

— Но вѣрится мнѣ, что живъ онъ будетъ!

— Вотъ такъ и уповайте, Петръ Купріянычъ — весело и довольно подхватилъ Скробовъ и нерѣшительно предложилъ: — А чтобъ не такъ скушно вамъ было, заходите къ намъ почаще. Дарья васъ почитаетъ, оба мы васъ уважаемъ, да и отъ всей стражи вамъ завсегда почтеніе...

— Спасибо, Ваня, — хлопнулъ его по плечу повеселѣвшій немножко Купріянычъ.

— Айда къ намъ чай съ лепешками пить. Ужъ знаю: Дашутка горяченькихъ намъ сготовитъ.

И Скробовъ подстегнулъ сытыхъ полукровокъ. Лошади дружно подхватили...

III.

Съ отъѣздомъ Пети Купріянычъ замкнулся въ себѣ, ни съ кѣмъ почти, кромѣ Петра Ниловича, не разговаривалъ.... Воспоминанія нахлынули на Купріяныча. Душа его ушла въ прошлое...

Петръ Ниловичъ видѣлъ и чувствовалъ углубленную, скрытую тоску Купріяныча, старался занять его работой, чтобы отвлечь отъ горькихъ, мучительныхъ думъ и чувствованій.

— Что съ тобой, Купріянычъ? Ты, кажется, духомъ палъ?! — спросилъ черезъ нѣсколько дней послѣ Петинаго отъѣзда Петръ Ниловичъ, принявъ утренній докладъ отъ объѣздчиковъ.

Купріянычъ стоялъ въ канцеляріи на томъ же мѣстѣ, на которомъ стоялъ въ тотъ счастливый іюльскій день, когда Петръ Ниловичъ оповѣстилъ его о близкомъ пріѣздѣ Пети. Услышавъ вопросъ лѣсничаго, Купріянычъ посѣрѣлъ, и между бровей его запала рѣзкая морщина. Отвѣтилъ онъ не сразу...

— Ты пожелтѣлъ и отощалъ, Купріянычъ! Стыдно, не падай духомъ, крѣпись...

— Все о немъ думаю, о такихъ, какъ онъ, — заговорилъ, наконецъ, Купріянычъ, и въ голосѣ его задребезжала старческая скорбь, днемъ ничего еще, а ночью все думаю и такъ мнѣ нехорошо, душа съ тѣломъ будто разстается... Вижу во снѣ Татьяну, мою покойницу и все-то она Петеньку ласкаетъ... А-ахъ!

Вздохнулъ, точно всхлипнулъ Купріянычъ, пригорбился и взглянулъ въ глаза Петру Ниловичу померкшими больными глазами.

— Можетъ быть, ужъ нѣтъ его въ живыхъ! О себѣ не думаю, ваше высокородіе, доскриплю свои деньки, чать немного жить мнѣ осталось... Молодятинкѣ-то пожить бы всласть!

Скорбь Купріяныча понятна сердцу лѣсничаго, и ему не хочется говорить пустыя слова утѣшенія.

— Подождемъ письма отъ Пети, Купріянычъ. Мнѣ твое горе

понятно, хотя и никогда я не былъ отцомъ, — сказалъ Петръ Ниловичъ.

Посмотрѣлъ Купріянычъ на утомленное грустное лицо лѣсничаго, невольно подумалъ о томъ, какъ тяжело жить, не имѣя хотя бы вдалекѣ родного человѣка... У него, у Купріяныча, все-таки есть сынъ и, Богъ дастъ, живъ останется, а у Петра Ниловича? Никого! Вотъ кто бобыль горькій.

— Душевно благодарю васъ, ваше высокородіе, за всегдашнюю вашу ласку ко мнѣ и къ сынку. Постараюсь не малодушествовать. Вамъ не легче моего живется, — послѣднія слова Купріянычъ произнесъ тихимъ, устыженнымъ голосомъ.

Петръ Ниловичъ заговариваетъ о другомъ. Онъ забылъ сообщить Купріянычу большую новость: управляющій лѣсными угодьями ушелъ въ Крестьянскій банкъ управляющимъ.

Эта новость вселила въ Купріяныча веселостъ. Авось, новый управляющій будетъ больше любить лѣсное дѣло, понимать его и въ него вникать.

— Что жъ, хорошая новость, ваше высокородіе, Ужъ, простите что это былъ за управляющій... Ни въ питомникахъ, ни въ посадкахъ, ни въ лѣсныхъ породахъ ни бельмеса не понималъ! — повеселѣвшимъ голосомъ высказалъ Купріянычъ.

— Правда, правда, — качнулъ головой Петръ Ниловичъ, — давай-ка закуримъ, Купріянычъ...

Купріянычъ полѣзъ за Петинымъ подаркомъ — трубочкой. Съ этой трубочкой теперь не разставался Купріянычъ и обращался съ ней до смѣшного бережно, нѣжно, ласково.

— Хороша у тебя трубка, очень хороша, — замѣтилъ Петръ Ниловичъ, зная, что этимъ замѣчаньемъ пріятное дѣлаетъ старику.

Купріянычъ просіялъ, отвѣчая:

— Что и говорить, ваше высокородіе, хорошая трубка, пѣнковая. Да и не дорогъ подарокъ мнѣ, а память такъ-то дорога! Эхъ, письмецо бы намъ получить?!

— Получимъ, вотъ увидишь, — увѣренно заявилъ Петръ Ниловичъ.

— Дай, Создатель! — загораясь надеждой, прошепталъ просвѣтлѣвшій Купріянычъ и преданными, благодарными глазами смотрѣлъ на друга и начальника.

Прошелъ еще мѣсяцъ. Незамѣтно вступила въ свои права осень. Всѣ породы лѣсныя оголились, только хвоя на соснахъ и еляхъ зеленѣла, темная и свѣжая. Осеннимъ вечеромъ сидѣлъ Петръ Ниловичъ въ своей канцеляріи и разбиралъ полученную днемъ корреспонденцію.

Лампа свѣтила, шипя и щелкая. Дождь постукивалъ въ черныя пятна оконъ. Около Петра Ниловича лежалъ, посапывая, Мильтонъ.

— Наконецъ-то! — воскликнулъ Петръ Ниловичъ, вслухъ, по привычкѣ одинокихъ людей: въ его рукахъ оказалось письмо съ госпитальнымъ штемпелемъ, письмо отъ Пети:

„Глубокоуважаемый, Петръ Ниловичъ! Зная, какъ отцу будетъ тяжело получить обо мнѣ не особенно радостное извѣстіе, — я рѣшился попросить васъ сообщить отцу слѣдующее:

„Я лишился лѣваго глаза и контуженъ, но контуженъ пулей въ правое плечо, опасаться за здоровье руки у меня нѣтъ основаній. Врачи утверждаютъ, что рука будетъ дѣйствовать и не отсохнетъ — только надо будетъ массажъ дѣлать.

„Черезъ недѣльку вернусь домой. Чувствую себя бодро. Мечтаю о будущемъ: хочу навсегда остаться жить въ лѣсу, доучусь только сначала, а потомъ — смѣю надѣяться — что и вы меня научите растить, холить, беречь наши лѣса, наши русскія сокровища...

„Ахъ, какъ мнѣ хочется видѣть отца и васъ! Утѣшьте старика, онъ такъ васъ любитъ, уважаетъ, такъ цѣнитъ вашу ласку и доброту.

Весь вашъ Петръ Купріяновъ".

Прочтя это письмо, Петръ Ниловичъ одѣлъ кожаную куртку, форменную фуражку и пошелъ къ Купріянычу... За хозяиномъ слѣдомъ побѣжалъ Мильтонъ, радостно взвизгивая...

Какъ пропасть, уходившая вверхъ, а не внизъ — чернѣло вечернее небо. Таинственною тьмою былъ насыщенъ сонный лѣсъ. Тишину прорывали только отдаленный трескъ сухихъ вѣтвей и шелестъ падающихъ съ листьевъ дождевыхъ капель... Въ воздухѣ разливался острый запахъ грибовъ и палыхъ прошлогоднихъ листьевъ.

— Мильтонъ! Бѣги впередъ, — Петръ Ниловичъ махнулъ рукой по направленію къ „Новой Стражѣ". Мильтонъ чуть повернулъ голову въ сторону хозяина, скосилъ на него умные темные глаза и понесся къ сторожкѣ.

Купріянычъ уже съ недѣлю чувствовалъ себя нехорошо. Неспокойно билось его сердце. Не суевѣренъ былъ старый, а теперь и примѣты припоминать сталъ. А налицо оказалась нехорошая злая примѣта: Желтый вылъ по ночамъ заунывно, цѣлыми часами и не слушалъ сердитыхъ, властныхъ окриковъ Купріяныча. Выбѣгала на свое крыльцо простоволосая Дарья, ласково уговаривала собаку и, крестясь, уходила въ избу. Желтый умолкалъ на нѣкоторое время, только взвизгивалъ жалостно... Но потомъ снова заводилъ свою тоскливую пѣснь, уставивъ носъ въ сырую темную ночную землю.

„Не къ добру, — мелькало въ головѣ Купріяныча. — Охъ, не къ добру воетъ“...

Въ этотъ вечеръ Купріянычъ вышелъ посидѣть на крылечко. Уже стемнѣло. Желтый жался къ ногамъ лѣсника, повизгивалъ... „Опять взвоетъ, — подумалъ Купріянычъ и тотчасъ озлился на себя: — Экой бабой я сталъ... шибко размякъ“...

Вдругъ Желтый пересталъ взвизгивать, вслушался въ какой-то одному ему слышный шумъ, втянулъ въ себя воздухъ, фыркнулъ и понесся по дорогѣ къ дому лѣсничаго...

Странное — острое и гнетущее безпокойство овладѣло Купріянычемъ. Хотѣлось вскочить и бѣжать куда-то, но все тѣло оцѣпенѣло, и онъ остался на мѣстѣ...

Черезъ нѣсколько минутъ изъ сумеречнаго тумана вынырнула красивая фигура бѣгущаго Мильтона, сопровождаемаго развеселившимся Желтымъ. Купріянычъ быстро всталъ, придержалъ рукой заколотившееся сердце и съ ожиданіемъ устремилъ глаза на дорогу...

„Прибѣжалъ Мильтонъ. Сейчасъ будетъ и Петръ Ниловичъ! Зачѣмъ онъ идетъ въ этакое время? Не съ добрымъ идетъ на стражу... Не убитъ ли Петруня?!!“

Эта мысль свалила Купріяныча на крыльцо. Сѣлъ онъ — какъ упалъ — дрожь въ ослабѣвшихъ ногахъ сѣсть заставила. Такъ и остался сидѣть онъ, когда подошелъ лѣсничій.

— Подвинься, Купріянычъ, — сказалъ онъ, тяжело опустившись около лѣсника, — сиди, сиди... Получилъ я письмо отъ Пети, онъ намъ съ тобой письмецо прислалъ, славный малый! Пишетъ онъ...

Петръ Ниловичъ кашлянулъ басисто, набралъ побольше воздуха въ легкія...

— Пишетъ онъ, что не будетъ больше служить родинѣ, какъ офицеръ: будетъ съ тобой и со мной жить въ лѣсу... Что, радъ, старина?

Петръ Ниловичъ придвинулся поближе къ Купріянычу, потрепалъ его ласково по плечу.

Оцѣпенѣніе спало съ души Купріяныча. Онъ неуклюже поднялся.

— Прямо говорите, Петръ Ниловичъ, все снесу и перетерплю: какъ онъ искалѣченъ? Рукъ нѣтъ? Ногъ нѣтъ?... А?!

— Что ты, что ты, Купріянычъ! Одного только глаза нѣтъ. Такъ другой цѣлъ же... Жить еще можетъ мальчикъ...

— Что жъ, воля Божья, значитъ такова, — съ великой, но кроткой грустью согласился Купріянычъ, — вѣрно: и съ однимъ глазомъ можно работать и однимъ глазомъ на Божій любоваться свѣтъ...

И тутъ Купріянычъ оживился. Озабоченность появилась на его изрѣзанномъ морщинами лицѣ. Онъ разахался, что забылъ попросить гостя войти въ комнаты. Кликнулъ Дарью, поглядывавшую изъ окошечка на начальство. Она захлопотала въ кухнѣ возлѣ самовара и печки.

Петръ Ниловичъ прочелъ письмецо Пети. Купріянычъ растрогался необычайно. „Ишь, какой хитрецъ, чтобъ все потихонечку да полегонечку обошлось, такъ онъ просилъ не сразу отцу говорить. Вотъ добрый и заботливый! Золото, а не сынъ!“

— Скоро получимъ телеграмму. Я поѣду его встрѣчать, — замѣтилъ Петръ Ниловичъ, уходя домой.

Былъ осенній день. Крапалъ мелкій, какъ изъ ситечка, дождикъ... Тамъ, гдѣ прежде въ зеленомъ сумракѣ пѣли птицы, суетились камары и муравьи, теперь среди голыхъ вѣтвей свистѣлъ холодный осенній вѣтеръ. На нѣкоторыхъ деревьяхъ еще сохранились немногіе листья, но они шелестѣли, какъ мелкія сухія кости, безнадежно и злобно.

Въ прежніе годы, въ такіе осенніе дни, Купріянычъ часто вспоминалъ жену и томился тяжкой печалью простого сильнаго человѣка. Онъ думалъ горько о томъ, что некому его обогрѣть, не съ кѣмъ ему перемолвиться родственнымъ, сердечнымъ словомъ. Надвигавшаяся старость, дѣлавшая трудной, подчасъ непосильной милую его сердцу охрану лѣсовъ и лѣсную работу, угнетала лѣсника...

Онъ временами слабѣлъ духомъ, негодовалъ на себя за это... Въ подобныя минуты онъ шелъ на село къ шинкарю и раздобывалъ себѣ водки...

Но въ этотъ осенній день Купріянычъ чувствовалъ себя свѣтло и радостно. Онъ ждалъ милаго сына съ радостью вѣрующаго, который ждетъ наступленія особо чтимаго праздника.

Счастливъ былъ Купріянычъ и смутно даже стыдился этого своего счастья. Какъ же? Многимъ ли отцамъ и матерямъ посчастливилось получить обратно своихъ дѣтей съ полей сраженія въ такое время?

Вѣдь не кончилась еще грозная, небывалая война. Желѣзными стѣнами стоятъ другъ противъ друга защитники родины и враги ея. Милліонъ человѣческихъ жертвъ требуетъ родина для защиты цѣлости своей и чести и — не сломлены еще враги...

„Сынокъ же мой будетъ со мной. Что мнѣ надо еще, Господи?!“

Поднялъ свои отцвѣтшіе глаза къ небу старикъ, къ сѣрымъ осеннимъ тучкамъ, и благодарность, необъятная умиленность зажгли старческое сердце...

Не сидѣлось Купріянычу на мѣстѣ въ день сыновняго пріѣзда — то входилъ онъ въ кухонку, гдѣ хлопотала Дарья, приготовляя пироги, бульонъ куриный, жареныхъ утокъ, то выходилъ на дорогу и всматривался въ даль ея, терявшуюся въ мглистыхъ стѣнахъ сосноваго лѣса.

Желтый смотрѣлъ на просвѣтленное лицо хозяина и неотлучно слѣдовалъ за нимъ, весело постукивалъ хвостомъ по голенищамъ хозяйскихъ сапогъ...

Наконецъ, перебои въ сердцѣ стали сильно давать знать о себѣ. Купріянычъ угомонился, сѣлъ въ кухнѣ на скамейку, закурилъ трубку и сталъ наблюдать за быстрыми и ловкими движеніями Дарьи, сновавшей отъ печки къ столу и обратно.

— Отдохните, Петръ Купріянычъ, — ласково пригласила краснощекая Дарья. — Ежели и сей минутъ пріѣдутъ, такъ у насъ все приспѣло да все прибрано...

— Я не усталъ, Дарьюшка. Нешто съ радости устаютъ люди?!

— Чтой-то долго не ѣдутъ? — взглянула въ оконце Дарья и вдругъ, всплеснувъ полными замазанными тѣстомъ руками, засмѣялась, — ахъ, умница, нашъ Желтый! Гляньте-ка, Петръ Купріянычъ.

Купріянычъ заинтересовался — Желтый сидѣлъ на дорогѣ и, не ворочаясь, смотрѣлъ въ сторону станціи.

— Ждетъ? — усмѣхнулся радостно Купріянычъ, — молодого хозяина ждетъ!

— Боюсь, пироги остынутъ, — сокрушенно вздохнула Дарья.

— Не бойсь, не остынутъ, вотъ развѣ поѣздъ придетъ съ запозданьемъ?! — И вздохнулъ Купріянычъ въ томящемъ ожиданіи.

Но вкусные жирные пироги Дарьинаго печенья не успѣли остыть Не прошло и получаса, какъ изъ-за деревьевъ послышалось постукиванье колесъ пролетки лѣсничаго и веселый лай Желтаго.

Выбѣжалъ Купріянычъ, а уже навстрѣчу ему шелъ Петя, въ накинутой на плечи солдатскаго сукна шинели. Жадно счастливыми глазами глядѣлъ Купріянычъ въ лицо сына, протягивая впередъ дрожащія руки...

— Папаша, голубчикъ мой, здравствуй! — Петя широко раскрылъ руки, обнимая отца.

— Сыночекъ мой, — хрипящимъ шопотомъ отозвался Купріянычъ.

Онъ не сводилъ глазъ съ сына. И въ глаза старику бросилась черная повязка на глазу сына, блѣдное сосредоточенно грустное худое лицо со слѣдами пережитыхъ мукъ и волненій.

Подошелъ стоявшій въ отдаленьи Петръ Ниловичъ. Подбѣжали Мильтонъ и Желтый, мокрые, но веселые псы. Вышла на крылечко Дарья, успѣвшая надѣть праздничное красное платье.

— Дарьюшка, здравствуй! — ласково и тихо привѣтствовалъ ее Петя.

Онъ подалъ ей руку. А Дарья прижалась къ юношеской исхудалой рукѣ, горько всхлипнула:

— Батюшка ты мой, свѣтикъ, глазочка нѣту у такого красавчика...

Петръ Ниловичъ нахмурился, поморщился. У Купріяныча болѣзненно захолонуло сердце. А подошедшій отъ экипажа Скробовъ негромко, но съ сердцемъ сказалъ:

— Дарья, это што такое, никшни...

— Оставьте ее! — сказалъ Петя, въ голосѣ его были слышны слезы, но не безотрадныя, а радостныя, — спасибо за ласку, Дарьюшка...

Онъ поторопился кончить эту сцену: потянулъ носомъ выходившій изъ дверей кухонки вкусный запахъ пироговъ и жаркого:

— Э! Какъ хорошо пахнетъ! Ужъ и проголодался же я!!

— А у насъ и пироги и все прочее. Петръ Ниловичъ, Петенька-пожалуйте, — Купріянычъ широко раскрылъ двери для дорогихъ гостей.

На столѣ, застланномъ вышитой скатертью, бурлилъ самоваръ стояло блюдо съ пирожками. Прежде чѣмъ сѣсть за столъ, Петя распаковалъ большую корзину, досталъ подарки: отцу — табаку трубочнаго, часы, ягташъ и патронташъ новые, Скробову — гармонью. Дарьѣ на платье ситцу яркаго много аршинъ.

Купріянычъ любовался каждымъ движеньемъ сына. Радовался радостью Дарьи, еще разъ всплакнувшей благодарно и радостно при видѣ подарка. Пріятно было Купріянычу смотрѣть на лицо Скробова, когда Петя вручилъ тому вѣнскую гармошку.

Скробовъ принялъ гармошку съ такой благоговѣйной осторожностью, и такая блаженная глуповатая улыбка растеклась по его блинообразному лицу, когда поднесъ ему Петя цѣлую чашку коньяку.

— Покорнѣйше благодарю, ваше благородіе, — только и нашелся сказать Скробовъ, шумно вздохнулъ отъ избытка довольства и побѣжалъ къ лошадямъ.

Сѣли за столъ. Петя ѣлъ все, что ему предлагалъ и подкладывалъ отецъ. Ѣлъ и Петръ Ниловичъ съ большимъ аппетитомъ... Купріянычъ ѣлъ мало, только все тихо улыбался своимъ мыслямъ и все глядѣлъ на сына и все не могъ наглядѣться.

— Завтра съѣздимъ, папаша, на могилку къ мамѣ, — неожиданно предложилъ Петя.

— Поѣдемъ, сынокъ, поѣдемъ, — предложеніе Пети до слезъ тронуло старика.

— А потомъ отдохнешь, Петя, да вскорѣ и за дѣло, — лукаво улыбнувшись, добавилъ Петръ Ниловичъ.

Купріянычъ удивленно спросилъ:

— За какое дѣло?

Петръ Ниловичъ пояснилъ, что Петя будетъ исполнять обязанности помощника лѣсничаго вмѣсто уѣхавшаго Сергѣя Саввича. Тутъ Петръ Ниловичъ переглянулся съ улыбавшимся Петей, и оба поглядѣли на Купріяныча.

Восторгъ обуялъ Купріяныча. Никогда еще въ жизни такъ радостно не было ему. Шумно поднялся старикъ, помолодѣвшее отъ счастья лицо его стало величаво-серьезно.

— Богъ васъ вознаградитъ за все добро, что вы сыну моему сдѣлали, а я — слуга вашъ вѣрный, Петръ Нилычъ!

Купріянычъ низко поклонился лѣсничему.

— А тебя, Петръ, поздравляю: расти и береги лѣса, какъ твой отецъ старался...

Не кончилъ рѣчи Купріянычъ, не выдержалъ, по-дѣтски всхлипнулъ и сѣлъ, отирая сконфуженно слезы, онѣ такъ и бѣжали по худому, суровому лицу.

— Ты поздравь Петю вотъ съ чѣмъ, Купріянычъ, — лѣсничій указалъ на два боевыхъ ордена, красовавшіеся на Петиной груди.

— О! — прищурился Купріянычъ, — а я не замѣтилъ знаковъ отличія! Ай да Петръ! Вотъ увидитъ тебя, Петенька, урядникъ-то: позеленѣетъ отъ злости...

И вдругъ Купріянычъ весело, дробно засмѣялся. Давно не смѣялся онъ такъ беззаботно, съ такимъ увлеченьемъ.

Собесѣдники вопросительно и ласково глядѣли на него.

— Знаете, какъ урядникъ обзывалъ меня, обидѣть, дуракъ, думалъ: онъ все меня „лѣснымъ жителемъ“ величалъ!

— Что жъ, — въ одинъ голосъ согласились Петръ Ниловичъ и Петя, — мы и есть лѣсные жители...

— Дай Богъ, чтобъ до конца дней были бы мы лѣсными жителями, — съ чувствомъ и громко подхватилъ старый лѣсникъ.

Бревенчатыя стѣны чистенькой, небольшой комнаты освѣтились золотистымъ, кроткимъ свѣтомъ. То осеннее заходящее солнышко поглядѣло въ окошко на большую, но скромную радость жизни „лѣсныхъ жителей“...

Александръ Никитинъ.

МАЙСКІЙ ВЕЧЕРЪ.

Деревья сада
Застыли въ дремѣ...
Плыветъ прохлада
Отъ росныхъ травъ,
И вѣтеръ мая
Безъ силъ, въ истомѣ,
Груститъ, вздыхая,
Къ цвѣтамъ припавъ.
Грудь жадно дышитъ
Прохладой сладкой,
И ухо слышитъ
Малѣйшій звукъ:
Вспорхнетъ ли птица
Въ кустахъ украдкой,
Или промчится
Съ жужжаньемъ жукъ...

Николай Минаевъ.

МЕМУАРЫ.

Ночь по парку ходитъ:
„Хорошо — темно“, —
Къ флигелю подходитъ
И глядитъ въ окно:
„Отчего въ немъ дышитъ
Поздній огонекъ?“
Видитъ: что-то пишетъ
Бѣлый старичекъ.
Медлитъ на тетради
Желтая рука.
Вьются тѣни сзади
Кресла старичка;
Въ ихъ глазахъ — смятенье:
„Для чего ты насъ
Изъ страны забвенья
Вызвалъ въ этотъ часъ?..“
Снова задрожали
Буквы подъ рукой,
Вяжутъ строчки далѣ...
А кругомъ — покой.
Дремлетъ флигель старый.
Цвыркаетъ сверчокъ...
Пишетъ мемуары
Бѣлый старичекъ.

Вас. Смирновъ.

ВЪ ГОСПИТАЛѢ.

Стѣны огромнаго зданья
Прячутъ ревниво въ себѣ
Бездну тоски и страданья,
Слезъ и проклятій судьбѣ...
Тамъ за стѣною... столица
Жизнью грохочетъ своей...
Здѣсь же безкровныя лица
Сильныхъ когда-то людей.

Койки... халаты, палаты...
Старость, а съ ней молодежь...
Сердце больное, когда ты
Солнце покоя найдешь?
Солнце любви и привѣта
Этотъ освѣтитъ ли домъ,
Чтобы страданіе это
Чернымъ казалося сномъ...

Тише! Я слышу рыданья...
Это душевно больной:
Стѣны печальнаго зданья
Жизни не знаютъ иной...
Жизни, гдѣ смѣхъ не хоронятъ
Даже въ ненастные дни.
Снова страдающій стонетъ!
Бѣдный, утихни, усни...

Б. Гутеръ.

ПУТЬ КЪ СЛАВѢ.

Романъ ***Роберта Хитченса.***

(Окончаніе.)

XXII.

— Что за великолѣпная декорація для мелодрамы! — сказала м-съ Шиффней.

Она стояла на балконѣ комнаты второго этажа Грандъ-Отеля въ Константинѣ и глядѣла внизъ на площадь. Вечерѣло. Нестройный гулъ города нарушалъ его тихую прелесть. Казалось даже, что по мѣрѣ того какъ холоднѣе становились тѣни на горахъ и темнѣли эвкалиптовыя рощи въ глубинѣ долинъ, все рѣзче подымались голоса изъ пыльныхъ садовъ, мавританскихъ кофеенъ и веселыхъ домовъ.

Рядомъ съ м-съ Шиффней стояла m-me Сеннье.

— Прислушайтесь ко всѣмъ этимъ голосамъ, — сказала она. — Одинъ только Жакъ сумѣлъ бы ввести ихъ въ оперу.

Съ холма спускался огромный дилижансъ, размалеванный въ желтый, зеленый и красный цвѣта, подъ навѣсомъ котораго было набито множество арабовъ. Проѣхалъ военный губернаторъ верхомъ; впереди него солдатъ, а позади два солдата и спаги въ красной куркѣ. Звучали рожки; звякали бубенцы; въ боковой улицѣ уныло ревѣлъ оселъ. Гдѣ-то настраивали мандолину, и молодой голосъ запѣлъ парижскую уличную пѣсенку. Подъ самымъ балкономъ отеля въ большихъ кафэ толпы народа сидѣли за маленькими столиками, потягивая абсентъ, вермутъ и цвѣтные сиропы. Среди европейцевъ разныхъ національностей выдѣлялись осанистыя, полныя достоинства фигуры арабовъ въ блѣдно-голубыхъ, коричневыхъ и бѣлыхъ бурнусахъ и высокихъ тюрбанахъ, повязанныхъ веревками изъ верблюжьей шерсти. Они — побѣжденные — имѣли видъ побѣдителей.

— Cirez! Cirez! — непрестанно кричали арабы — чистильщики сапогъ, перешучиваясь между собой. — Cirez, moosou!

Громыхая, прошли платформы, нагруженныя камнемъ, запряженныя лошадьми и мулами. Шоффёры гудѣли въ рожки своихъ моторовъ, медленно пробираясь среди толпы туземныхъ жителей, собравшихся передъ почтой и театромъ для обсужденія злобъ дня. На козлахъ экипажей кучера-мальтійцы громко щелкали бичемъ, возвѣщая швейцарамъ отелей о томъ, что они привезли туристовъ изъ поѣздки по окрестностямъ. Съ вокзала медленно двигались омнибусы, нагруженные багажемъ; онъ подхватывался носильщиками и быстро уносился въ гостиницы. Оживленіе въ городѣ было сильное, и въ немъ чувствовалось что-то варварское, почти стихійное, родившееся, казалось, изъ оранжевой земли, красныхъ скалъ, снѣжныхъ горъ, стремительныхъ кручъ и ущелій, которыя дѣлали пейзажъ живымъ и грандіознымъ.

И все-таки въ вечернемъ свѣтѣ отдаленные скаты и рѣзко-очерченные силуэты холмовъ дышали мирной, безмятежной прелестью. Безоблачное небо, розовато-голубое, сгущаясь къ закату въ раскаленное докрасна золото, было нѣжно и спокойно. Природа проявляла двѣ стороны своей души; но человѣчество, казалось, отвѣчало только грубой, матеріальной ея сторонѣ.

— Что́ за декорація! — повторила м-съ Шиффней и вздохнула.

Присутствіе м-мъ Сеннье раздражало ее. Ей хотѣлось остаться одной, чтобы наблюдать безпрерывно движущійся человѣческій потокъ. Этотъ балконъ принадлежалъ къ ея комнатѣ. Она вознаградила себя за верхнюю койку въ вагонѣ тѣмъ, что взяла болѣе удобно расположенный номеръ, чѣмъ у Генріетты. Но если...

Вдругъ м-съ Шиффней рѣзко откинулась назадъ: въ толпѣ она увидѣла высокую фигуру Клода Хінса, направлявшагося къ кафэ насупротивъ ея балкона.

— Когда же, наконецъ, принесутъ мнѣ чай? — сказала м-съ Шиффней. — Я, кажется, надѣну капотъ и прилягу немножко до обѣда.

М-мъ Сеннье прошла за ней въ комнату.

— Такъ, значитъ, до обѣда. Но вѣдь мы встрѣтимся съ ними, надѣюсь, за табльдотомъ?

— Конечно. Предоставьте заботу о либретто мнѣ. Съ вашей стороны малѣйшій шагъ покажется ему подозрительнымъ.

М-мъ Сеннье кивнула головой и вышла изъ комнаты. На порогѣ она встрѣтила лакея съ чаемъ.

Когда оба они ушли, м-съ Шиффней сѣла на плетеный стулъ на балконѣ и стала пить чай. Она чувствовала пріятное возбужденіе. Клодъ Хіисъ вошелъ въ кафе по ту сторону площади и теперь сидѣлъ одинъ за столикомъ. М-съ Шиффней видѣла, какъ лакей принесъ ему кофе, а маленькій арабъ, опустившись на колѣни, принялся за его сапоги.

Въ теченіе всего дня Клодъ и Жилльe были неуловимы. М-съ Шиффней со своими спутниками сдѣлала съ утра бѣглый осмотръ города и надѣялась встрѣтить обоихъ мужчинъ за завтракомъ въ отелѣ, но они не появились. Теперь она съ Генріеттой только что вернулась изъ поѣздки къ мосту черезъ ущелье. И вотъ Клодъ Хіисъ сидитъ противъ нея, не подозрѣвая ея присутствія въ Константинѣ!

М-съ Шиффней чувствовала, что въ этомъ городѣ въ ней просыпается жажда приключеній. Невозможно было смотрѣть на эту толпу и не воображать жизнь, полную насилія и страстей. Невозможно было смотрѣть на Клода Хіиса безъ желанія заставить его заплатить съ лихвой за его прежнее равнодушіе.

Она умѣла ненавидѣть, но неспособна была копить ненависть. Въ душѣ она теперь, собственно говоря, питала антипатію къ Хіису, какъ раньше — симпатію. Онъ имѣлъ дерзость отклонить ея дружбу — молчаливо, разумѣется, но достаточно опредѣленно. Она никогда не была влюблена въ него, но онъ нравился ей: онъ былъ не такой, какъ всѣ. Казалось интереснымъ получить надъ нимъ власть. И то, что онъ не поддался ея чарамъ, раздражило ее. А теперь онъ женатъ и живетъ въ восхитительномъ арабскомъ гнѣздышкѣ съ этой глуценькой Чарміанъ. Такъ м-съ Шиффней назвала ее про себя въ этотъ моментъ. Она почувствовала вдругъ уныніе и тоску. Захотѣлось даже ударить кого-нибудь. Она отставила свою чашку, закурила папиросу и придвинула стулъ ближе къ перилamъ балкона.

Клодъ Хіисъ все еще пилъ кофе. Одна его рука лежала на колѣняхъ. Мягкая шляпа была надвинута на глаза. Вѣроятно, онъ обдумывалъ какую-нибудь сцену своей оперы.

Какъ онъ могъ жениться на этой сумасбродкѣ Чарміанъ? М-съ Шиффней со дня этого брака рѣшила вычеркнуть ихъ обоихъ изъ своей жизни — постепенно, конечно. Чарміанъ была права въ своемъ подозрѣніи тогда на вечерѣ у Аделаиды. Но теперь м-съ Шиффней казалось, что счеты еще не окончены. Хіисъ и Жилльe, навѣрное, придутъ къ обѣду.

Будетъ забавно видѣть лицо Клода, когда она войдетъ въ залъ вмѣстѣ съ Генріеттой и Максомъ Элліотъ...

М-съ Шиффней встала и оперлась на перила балкона. Теперь она глядѣла на Клода, стараясь, чтобы онъ замѣтилъ ее. Не пріятнѣе ли будетъ сейчасъ одной замѣтить его изумленіе? Зачѣмъ дѣлить это удовольствіе съ Генріеттой?

Но Хіисъ ни разу не поднялъ глазъ въ ея сторону. Онъ постучалъ монетой по столу, заплатилъ и вышелъ изъ кафэ, смѣшавшись съ толпой. Онъ повернулъ въ улицу, ведущую къ губернаторскому дворцу, и исчезъ. М-съ Шиффней замѣтила, что при выходѣ изъ кафе къ нему подошелъ арабъ въ синей курткѣ.

Какъ хорошо уйти такъ, куда хочется, въ странную пеструю толпу.

„Что за проклятье быть женщиной!“ — подумала м-съ Шиффней.

Она рѣшила пойти послѣ обѣда гулять съ Хіисомъ. Генріетты брать не надо. Разъ она, Аделаида, работаетъ въ пользу той, то ей должна быть предоставлена полная свобода. Она подумала о готовившейся маленькой интригѣ и улыбнулась. Взглядъ скользнулъ поверхъ пыльныхъ садовъ и домовъ и остановился на далекихъ, ясныхъ очертаніяхъ горъ. На мгновенье ихъ тишина приковала къ себѣ вниманіе; шумъ голосовъ снизу не долеталъ до ея ушей. Но вдругъ она вздрогнула и вошла въ комнату: сгущались сумерки, и становилось холодно на этихъ скалистыхъ высотахъ.

Ни Хіисъ, ни Жилльe не появились къ обѣду. Это живо обсуждалось м-съ Шиффней и ея друзьями, и она разсказала имъ, что видѣла Клода съ балкона. Послѣ обѣда м-мъ Сеннье замѣтила недовольно:

— Что мы теперь предпримемъ?

— Максъ, отчего вы не возьмете гида, чтобы пойти и показать Генріеттѣ здѣшніе танцы? — сказала м-съ Шиффней. — Здѣсь есть близко.

— Хорошо. А вы?

Она кинула Генріеттѣ быстрый взглядъ.

— Я должна написать нѣсколько писемъ. Если я не очень долго провожусь съ ними, то пойду за вами. Разминуться трудно: все это на одной улицѣ.

Какъ только они ушли, м-съ Шиффней надѣла мѣховую пелерину, позвала араба по имени Аморъ, съ которымъ она уже говорила раньше у дверей отеля, и сказала ему:

— Вы знаете высокаго англичанина, который живетъ здѣсь?

— Того, который ходитъ съ Элуи?

— Можетъ быть. Не знаю. Но онъ очень любитъ музыку, онъ...

— Это тотъ, что ходитъ съ Элуи, — перебилъ ее Аморъ спокойно.

— Гдѣ онъ бываетъ по вечерамъ? Онъ — мой знакомый, и я бы хотѣла видѣть его.

— Онъ, навѣрное, у Саида Гитани.

— Гдѣ это?

— Если madame желаетъ немного прогуляться...

— Проводите меня. Это далеко?

— Это на краю города, у самой стѣны. Когда Саидъ Гитани играетъ, monsieur любитъ ходить туда. Онъ уже старъ и не хочетъ играть тамъ, гдѣ всякій можетъ слушать. А у madame есть семья въ Англіи?

М-съ Шиффней удовлетворила любопытство Амора, пока они шли по людным улицамъ. Наконецъ, пошли глухія окраины. Небо было все въ звѣздахъ, но луна не взошла. Дорога пролегала у городской стѣны. Глубоко внизу, въ объятіяхъ тьмы лежало ущелье, откуда слабо доносилось журчанье воды, тянулись безконечныя полосы земли, плантаціи, водопады, ниспадающіе въ долину. Длинныя дороги, точно развернутыя ленты, тянулись вдаль, напоминая о вѣчномъ. Изъ тьмы подымался вѣтеръ, не сильный, но чистый и бодрящій, точно окропленный живительной струей. Изрѣдка мимо проходилъ арабъ, укутанный въ свой бурнусъ. Шумъ города былъ заглушенъ.

Вдругъ Аморъ остановился:

— Вотъ Саидъ Гитани!

М-съ Шиффней услышала издали звуки музыки. Можно было различить нѣсколько инструментовъ, но надъ всѣми преобладала флейта. Нѣжная мягкая мелодія плыла въ ночномъ воздухѣ и приближалась все ближе, полная чаръ, тонкой и волнующей прелести.

— Саидъ Гитани! — сказала м-съ Шиффней. — Какъ онъ играетъ! Пойдемъ къ нему, Аморъ.

Они пошли дальше и скоро очутились въ полосѣ свѣта изъ оконъ кафэ. Оттуда доносилась музыка. Высокій человѣкъ съ голыми ногами и грязнымъ тюрбаномъ на головѣ подошелъ къ дверямъ и пригласилъ войти. Но м-съ Шиффней жестомъ отказалась.

— Постойте минутку! — сказала она Амору.

Тотъ сказалъ что-то по-арабски, и встрѣчавшій ихъ тотчасъ вернулся внутрь кафэ. Музыка не умолкала; теперь къ ней присоединились и голоса. М-съ Шиффней подошла къ одному изъ оконъ и заглянула внутрь.

Она увидѣла длинную довольно узкую комнату съ синезелеными стѣнами и каменнымъ поломъ, устланнымъ цыновками. Близко къ двери находилась кофейная ниша. Въ противоположномъ концѣ комнаты сидѣли на корточкахъ пять музыкантовъ: четыре полукругомъ, пятый — отдѣльно, противъ нихъ. Это былъ Саидъ Гитани, знаменитый флейтистъ шестидесяти трехъ лѣтъ. Время отъ времени онъ отнималъ флейту отъ своихъ губъ, бралъ папиросу, курилъ съ минуту и снова продолжалъ свою странную любовную пѣсню. Въ лѣвомъ углу комнаты тоже на корточкахъ сидѣлъ рядъ арабовъ съ чашками кофе и папиросами. У дверей двое играли въ шашки. А визави оконъ на восточномъ коврѣ растянулся во всю свою длину Клодъ Хіисъ. Онъ прислонился щекой къ лѣвой рукѣ и напряженно вслушивался въ музыку. На деревянномъ табуретѣ возлѣ него была нотная бумага, и онъ изрѣдка дѣлалъ замѣтки. Видъ у него былъ возбужденный и задумчивый. Его мечтательный взглядъ часто останавливался на скорчившейся фигурѣ Саида Гитани въ бѣломъ съ золотымъ и съ чернымъ.

Темпъ музыки постепенно ускорялся. Она становилась все громче, мужественнѣе, сильнѣе и, наконецъ, стала неистовой. Мощь ея изумляла м-съ Шиффней. Безумное пѣніе флейты начинало гипнотизировать сознаніе. Она подвинулась къ окну: позади нея прохладный вѣтеръ вѣялъ изъ ущелья и оттуда доносился шумъ падающей воды...

Но вотъ, когда музыка стала почти невыносимо нервна, а музыканты одержимыми, флейта вдругъ затрепетала, поднялась на огромную высоту, испустила вопль, точно раненая птица; гитара замерла. Еще пронзительный крикъ флейты на непостижимой высотѣ, и наступило молчаніе. Клодъ записывалъ лихорадочно-быстро, а музыканты начали курить.

— Теперь я войду! — сказала м-съ Шиффней своему гиду.

Онъ пошелъ впередъ, она — за нимъ. Клодъ поднялъ голову, взглянулъ, потомъ вскочилъ на ноги.

— М-съ Шиффней! — воскликнулъ онъ.

— Я пришла послушать вашу музыку. Потому что я знаю: всѣ они играютъ только для васъ и оперы.

Ея рука лежала въ его рукѣ. Какъ выпустить ее, не будучи невѣжливымъ?

— Какъ изумительно они играютъ! Саидъ Гитани — большой артистъ.

— Вы знаете его имя?

— Да. И хочу узнать его самого. Мнѣ хочется побыть здѣсь немного. Можно?

— Конечно.

Онъ оглянулся, ища стула.

— Нѣтъ, лучше на коврѣ! — сказала она.

И опустилась съ почти восточной легкостью.

— Теперь, пожалуйста, познакомьте меня съ Саидомъ Гитани.

М-съ Шиффней осталась до поздней ночи въ кафэ, слушая экзотическую музыку. Она была искренно увлечена, и это дѣлало ее самое увлекательной. Какъ когда-то она заинтересовала Макса Элліотъ, и онъ противъ своей воли пригласилъ ее, такъ и теперь она захватила Клода Хиса. Въ кафэ она пришла съ опредѣленной цѣлью, но теперь позабыла о ней и тѣмъ самымъ ее достигла. Хисъ никогда раньше не могъ понять, что даетъ ей такое большое положеніе въ обществѣ, но въ этотъ вечеръ ея естественность, жизнерадостность, способность радоваться и восхищаться плѣнили его.

Съ помощью Амора въ качествѣ переводчика она вступила въ оживленную бесѣду съ Саидомъ Гитани. Другіе музыканты улыбались, но говорили мало. Онъ же, человѣкъ чрезвычайно знаменитый среди арабовъ, былъ весьма разговорчивъ. Онъ съ юношескимъ оживленіемъ изобразилъ значеніе каждой пѣсни. Зналъ онъ ихъ больше сотни. М-съ Шиффней, устами Амора, сказала ему про Лондонъ и про то, какой бы онъ произвелъ фуроръ, если бы появился со своими товарищами въ обстановкѣ мавританскаго кафэ. Саидъ Гитани перебиралъ свою маленькую сѣдую бородку, качался изъ стороны въ сторону и улыбался. Затѣмъ вдругъ у него вырвался цѣлый потокъ словъ.

— Саидъ Гитани говоритъ, чтобы вы только послали адресъ и деньги, и они всѣ пріѣдутъ, когда вы захотите. Они очень рады.

Тутъ вмѣшался одинъ изъ музыкантовъ, игравшій на гитарѣ, и съ большой серьезностью сдѣлалъ какое-то замѣчаніе.

— Онъ спрашиваетъ, можно ли поѣхать въ Лондонъ на верблюдахъ? — перевелъ его Аморъ.

Саидъ Гитани ждалъ отвѣта м-съ Шиффней, покачивая головой, точно въ одобреніи предусмотрительности своего музыканта.

— Боюсь, что нельзя.

Тотъ спросилъ:

— А на ослахъ можно?

— Нѣтъ. Скажите ему, что это еще дальше, чѣмъ въ Парижъ.

— Значитъ, надо переѣзжать море? Парижъ тамъ, черезъ море.

— Да, надо сѣсть на пароходъ.

На этомъ пунктѣ выяснилось, что игрокъ на тарѣ не будетъ участвовать въ поѣздкѣ.

— Онъ говоритъ, что очень заболѣетъ на морѣ. Не можетъ больной играть.

— А сколько заплатитъ madame? — вставилъ Саидъ Гитани.

М-съ Шиффней отвѣтила, что она это обдумаетъ, сдѣлаетъ подсчетъ, и завтра Аморъ передастъ ея рѣшеніе.

Всѣ были удовлетворены этимъ. По сигналу Саидъ Гитани они снова взялись за свои инструменты, сыграли на прощанье что-то шумно блестящее и затѣмъ удалились съ поклонами, привѣтствіями и добрыми пожеланіями.

— Восхитительно было все это! — сказала м-съ Шиффней, когда они ушли.

— Я люблю ихъ игру, отвѣтилъ Клодъ, — но зачѣмъ вы заплатили имъ? Я сговорился съ Гитани приходить сюда каждый вечеръ.

— Пустяки! я заплатила имъ за ихъ желаніе поѣхать въ Англію на верблюдахъ. Какой удачной выйдетъ ваша опера, если только нашли хорошее либретто.

Они выходили въ этотъ моментъ изъ кафэ.

— Давайте, постоимъ минуту здѣсь, у стѣны, — сказала м-съ Шиффней. — Такая красота!

Проводникъ Элуи явился за Клодомъ и находился сзади, за Аморомъ, въ дверяхъ кафэ.

— Что бы я дала за то, чтобы быть артистомъ-художникомъ! — сказала м-съ Шиффней, глядя внизъ на раскинувшуюся долину, откуда вѣялъ прохладный вѣтеръ и звучала падающая вода. — Сколько смысла это должно давать всему! Знаете ли вы, что вамъ дано великое могущество,

Мягкій мѣхъ ея собольей пелерины касался руки Клода. Ея глубокій голосъ звучалъ искренно и тепло. Немного раньше, онъ былъ изумленъ и раздосадованъ ея приходомъ. Теперь же онъ сознавалъ ясно, что провелъ этотъ вечеръ пріятнѣе всѣхъ вечеровъ въ Константинѣ.

— Но есть тутъ и много минусовъ, — сказалъ онъ.

— О, нѣтъ! не настоящихъ. Послѣ сегодняшняго вечера я буду въ самомъ дѣлѣ желать вамъ успѣха. До сихъ поръ мнѣ это было безразлично. Пожалуй, даже я думала что вы никогда не будете имѣть успѣха.

Она слегка приблизилась къ нему.

— Вы такъ думали?

— Да. Вы всегда отвѣчали полнымъ пренебреженіемъ на мое хорошее отношеніе къ вамъ.

— Ахъ, но...

— Не стоитъ говорить объ этомъ. Какое можетъ это теперь имѣть значеніе? Раньше я думала, что въ состояніи буду помочь вамъ чѣмъ-нибудь. Но теперь вы женаты, устроились и сами проложите себѣ путь. Вамъ не нужна ничья помощь. Вы ушли отъ насъ всѣхъ и какъ вы были правы! И Чарміанъ тоже поступила правильно, отказавшись отъ всей свѣтской ерунды ради вашего дѣла. Судьба требуетъ жертвъ. Ими покупается успѣхъ. Я чувствую, что вы будете имѣть его. Ахъ, если бъ вы знали, какъ я жажду быть связанной съ борьбой, испытаніями и тріумфами геніальнаго человѣка! Многіе завидуютъ моему положенію въ обществѣ, какъ они это называютъ. Какая ему цѣна? И все-таки я знаю, что у меня есть нѣчто: чутье правды. Я невѣжественна. Могу вамъ въ этомъ признаться. Но я могу сказать, что хорошо и что плохо, а иногда даже, почему оно хорошо. Иногда, конечно, я заблуждаюсь. Но въ жизни человѣка искусства я могла бы быть цѣнной, если бъ я любила его.

Какъ пушисто прикосновеніе соболя!

— О да, вы могли бы, — сказалъ Клодъ.

— Но такъ какъ...

Она вдругъ оборвала рѣчь и замѣтно перемѣнивъ тонъ, продолжала:

— Простите мой непростительный грѣхъ: я разболталась о себѣ! Вы — единственный человѣкъ, съ которымъ я... Забудьте мои слова. Хорошо? Не знаю сама, зачѣмъ я это сдѣлала. Повліяла музыка и странно экзотическое мѣсто

и мысли о вашемъ произведеніи и вашихъ надеждахъ на будущее. Захотѣлось тоже имѣть ихъ — либо для себя, либо для кого-нибудь, въ родѣ васъ.

Ея голосъ снова измѣнился и зазвучалъ теплымъ чувствомъ. Но тотчасъ же она откинулась назадъ и расхохоталась.

— Не пугайтесь! Мое настроеніе уже прошло. Но вы заглянули туда, куда еще никто не заглядывалъ. Надѣюсь, что это останется при васъ. Теперь давайте говорить о чемъ-нибудь другомъ. Разскажите мнѣ о вашемъ либретто.

Они медленно шли по направленію къ городу. М-съ Шиффней оперлась на руку Клода, точно ища опоры и защиты: было темно и легко было оступиться.

Онъ разсказалъ ей многое о своемъ либретто.

— Все это звучитъ великолѣпно! — сказала она. — Какъ я рада! Но разрѣшите мнѣ дать вамъ маленькій совѣтъ.

— Пожалуйста.

— Не говорите ничего о либретто Генріеттѣ... т. е. m-me Сеннье.

— Да, но почему?

— Я сама не знаю. Инстинктъ мнѣ подсказываетъ. Не говорите!

— Я не буду, — отвѣтилъ Клодъ.

— Я бы многое дала, чтобы прочитать его. Но на вашемъ мѣстѣ я бы никому не разрѣшила. Какъ вы, вѣроятно, знаете, я посвящена чуть ли не въ половину артистическихъ тайнъ, и всегда это такъ было. Но развѣ можно довѣрять женщинѣ, что она не разболтаетъ?.. Уже отель! Спокойной ночи. Bonne nuit, Аморъ! A demain!

Минуту спустя м-съ Шиффней постучала къ Генріеттѣ. Дверь была немедленно открыта.

— Дѣло идетъ хорошо, — шепнула она. — Завтра я буду имѣть его либретто.

XXIII.

Черезъ два дня м-съ Шиффней таинственно сунула въ руки Клода его либретто.

— Оно безподобно! — тихо проговорила она. — Съ такимъ либретто не можетъ не быть успѣха.

Они сидѣли въ опустѣвшемъ салонѣ отеля, среди креселъ, альбомовъ и старыхъ французскихъ иллюстрированныхъ журналовъ. М-съ Шиффней взглянула на дверь.

— Не говорите никому, что я прочла его — особенно Генріеттѣ. Она — большой мой другъ и прелестная женщина, но все-таки она будетъ адски завидовать. Въ этомъ либретто меня пугаетъ только одно.

— Что именно? Скажите.

— То, что въ немъ такъ много восточныхъ людей. Если бы вамъ захотѣлось поставить вашу оперу на сценѣ...

Она замялась, не отрывая отъ него взгляда.

— Въ Америкѣ, кажется... но, впрочемъ, что это я?

— Да нѣтъ же, отчего вы не договариваете, м-съ Шиффней? Конечно, пока у меня нѣтъ ровно никакихъ шансовъ на постановку моей оперы гдѣ бы то ни было.

— Видите ли, мое опасеніе въ томъ, что американцы терпѣть не могутъ всѣ „цвѣтныя“ расы.

— Да, но это относится только къ неграмъ!

— Развѣ? Въ такомъ случаѣ мои страхи вздорны. Тѣмъ лучше. Я такъ рада. Не говорите ни слова Генріеттѣ... А-а, да вотъ и она сама!

Дѣйствительно, въ дверь заглянуло бѣлое лицо m-me Сеннье.

— Что вы здѣсь дѣлаете, господа? Гдѣ Максъ?

Клодъ опустилъ либретто въ карманъ. Въ Лондонѣ онъ былъ склоненъ симпатизировать m-me Сеннье, но здѣсь онъ чувствовалъ себя въ ея присутствіи не по себѣ. Онъ ощущалъ тайную враждебность, которую она едва даже старалась скрыть подъ видомъ напускного равнодушія. Сегодня особенно ея маска плохо прикрывала злое чувство, владѣвшее ею. Какъ она не похожа на м-съ Шиффней! Пріѣздъ этой послѣдней былъ пріятенъ Клоду; онъ избавилъ его отъ вѣчнаго tête á tete'a съ Жилльe, необходимаго для работы, но опротивѣвшаго ему. Его согрѣло ея увлеченіе, ея участіе. Но больше всего его тронули ея какъ бы нечаянно вырвавшіяся слова признанія у стѣны, послѣ музыки Саидъ-Гитани.

„Она показала мнѣ свою настоящую душу, — думалъ онъ. — И потомъ не раскаялась въ этомъ“.

— Вы въ самомъ дѣлѣ хотите ѣхать сегодня? — спросилъ теперь Клодъ. Въ его голосѣ звучала нотка сожалѣнія, не ускользнувшая отъ нея.

— Я не могу больше оставлять Жака одного, — сказала m-me Сеннье. — А затѣмъ что намъ здѣсь дѣлать? Вѣдь мы не изучаемъ мѣстный колоритъ для оперы.

— Да, разумѣется! — подтвердилъ Клодъ.

— Я бы съ радостью осталась. Этотъ городокъ чаруетъ меня своей оригинальной красотой, — сказала м-съ Шиффней. — Но, пожалуй, надо, дѣйствительно, ѣхать. Хотите, устроимъ послѣднюю прогулку передъ чаемъ?

Она взглянула на Клода.

— Отлично.

M-me облизнула кончикомъ языка свои ярко-алыя губы.

— Черезъ мостъ и выше въ сосновый лѣсъ?

— Куда захотите.

Въ эту минуту въ комнату быстро вошелъ Арманъ Жиллье. М-съ Шиффней повернулась къ Генріеттѣ.

— Вотъ вамъ кавалеръ, Генріетта!

Яркія губы сдвинулись. Жиллье отвѣтилъ галантно:

— Enchanté, madame!

М-съ Шиффней и Клодъ ушли.

M-me Сеннье усѣлась передъ круглымъ столомъ, на которомъ лежали номера „Illustration“ и путеводитель по Константину.

Почти всю прошлую ночь она просидѣла за чтеніемъ либретто, которое м-съ Шиффней передала ей. Достоинства его были оцѣнены ею сразу. Съ ревнивой досадой она убѣдилась, что это прекрасное произведеніе никогда не бывало въ рукахъ ея мужа.

— Вы уѣзжаете сегодня, madame? — спросилъ ее Жиллье.

— Да, намъ нельзя тратить много времени. Жакъ хочетъ работать надъ своей новой оперой.

Жиллье съ холодной вѣжливостью присѣлъ на стулъ. Весь его видъ и манеры какъ бы говорили: „Я не могу, конечно, оставить эту даму, хотя я ее ненавижу“.

— Онъ сталъ большимъ человѣкомъ. Можно поздравить васъ съ успѣхомъ.

— Жакъ всегда былъ большимъ человѣкомъ, но онъ не совсѣмъ понималъ это.

— Зато вы разъяснили ему это, madame.

— Совершенно вѣрно.

— Это было очень умно съ вашей стороны.

— Да, не глупо. Но я, вообще, не принадлежу къ особенно глупымъ женщинамъ. — Она прищурила свои кошачьи глаза. — Я умѣю цѣнить то, что дѣйствительно талантливо и хорошо. Вы, вѣроятно, тоже?

— О чемъ это вы, madame?

— Вы предлагали моему мужу различныя либретто, когда онъ еще не былъ знаменитъ.

— И потерпѣлъ неудачу.

— Да. Но теперь, какъ я слышала, вы сговорились съ человѣкомъ, который еще не имѣетъ имени.

— Вы не вѣрите въ мой талантъ madame. И потому васъ этотъ вопросъ не можетъ интересовать.

— Вы ошибаетесь. Вы упускаете изъ виду то соображеніе, что талантливый человѣкъ можетъ быть незрѣлымъ. То, что вы предлагали моему мужу, было творчествомъ незрѣлымъ, но я всегда знала, что вы — одаренный человѣкъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Вы никогда не говорили мнѣ этого.

— Зачѣмъ? Вы и такъ были полны этого сознанія.

Жиллье невольно сжалъ въ кулакъ лежавшую на столѣ руку. О, какъ онъ жалѣлъ теперь, что его либретто не попало къ Сеннье! У Генріетты была та же мысль. Но онъ не угадывалъ ея, тогда какъ m-me Сеннье замѣчала его сожалѣніе. Всѣ помыслы ея души были съ жадностью направлены на это либретто. Она чувствовала къ Хіису почти ненависть за то, что онъ овладѣлъ такимъ сокровищемъ. Но неужели оно навѣкъ утеряно для нихъ? Она глядѣла на Жиллье, и передъ нею начинала замѣчаться возможность интриги.

— Да, я зналъ, конечно, что я не такой дуракъ, какимъ вашъ супругъ меня, несомнѣнно, считалъ.

— Жакъ внѣ своего искусства настоящій ребенокъ. Оттого мнѣ часто приходится рѣшать и дѣйствовать за него. Которое либретто купилъ у васъ м-ръ Хіисъ?

— Это не одно изъ тѣхъ, которыя я имѣлъ честь предложить m-ur Сеннье.

— Въ самомъ дѣлѣ? Такъ вы написали новое спеціально для м-ра Хіиса.

— Я написалъ для себя. Его жена увидѣла его и отвезла показать, а м-ръ Хіисъ имѣлъ глупость счесть его достаточно интереснымъ и купить.

— Будемъ надѣяться, что его музыка будетъ достаточно хороша для сцены.

Жиллье поглядѣлъ на нее острымъ, внимательнымъ взглядомъ и сталъ пощипывать свои усы, но промолчалъ. M-me Сеннье перемѣнила тонъ на болѣе дружелюбный и сказала:

— Когда вы напишете другое либретто, отчего вамъ не показать его мнѣ?

— Вы желаете оскорбить меня четвертымъ отказомъ?

— Я скажу вамъ, что́ я желаю, — отвѣтила она, какъ бы въ порывѣ внезапной откровенности. — Это не имѣетъ ничего общаго съ вами. Ваши интересы меня не касаются. Мнѣ хочется добыть красивую сильную вещь для новой оперы мужа. И я ищу этого случая. Мнѣ лучше извѣстно, нежели вамъ, мой другъ, что́ хорошо и что́ скверно. Вы предъявили мнѣ три либретто, которые не годятся. Дайте одно хорошее, и я заплачу вамъ такую цѣну, которая васъ ошеломитъ.

Глаза Жиллье заблестѣли.

— Сколько бы вы заплатили?

— Представьте мнѣ первоклассное либретто!

— Скажите, сколько бы вы заплатили?

Она засмѣялась.

— Въ пять разъ больше того, что вамъ предлагаютъ другіе. Но ваша работа должна была бы удовлетворить меня.

Жиллье взялъ газету и машинально сталъ сворачивать ее въ узкую полоску.

— Я бы хотѣлъ участвовать въ прибыляхъ, — сказалъ онъ, не сводя съ нея блестящихъ глазъ.

— Если бы либретто пришлось мнѣ по душѣ, я бы согласилась на это, — отвѣтила она.

Послѣдовало долгое молчаніе. Жиллье не зналъ, что́ и думать. Онъ не сомнѣвался, что Клодъ Хіисъ не сталъ бы показывать либретто m-me Сеннье, но она, несомнѣнно, говорила все это подъ вліяніемъ вполнѣ опредѣленнаго стимула. Въ чемъ онъ состоялъ? Онъ не зналъ.

— Сейчасъ мнѣ нечего продать вамъ, — проговорилъ онъ сквозь зубы.

— Это жалко. Надо, значитъ, надѣяться на будущее. По-моему, намъ съ вами не слѣдуетъ быть врагами оттого, что вамъ не удалось убить моего взрослаго ребенка.

— Онъ — трусъ, — сказалъ Жиллье.

— Да, вѣрно. И я рада этому. Трусы долго живутъ.

Она поднялась. Жиллье, возвращаясь къ своей офиціальной учтивости, вскочилъ, уронивъ газету, и отворилъ передъ ней дверь.

— Не забывайте того, что я сказала. Въ пять разъ больше цѣны, которую вамъ дастъ кто бы то ни было и по соглашенію участіе въ прибыляхъ, но либретто должно быть изъ ряду вонъ выходящее!

Онъ взглянулъ на нее, но не сказалъ ни слова.

Въ это время м-съ Шиффней и Клодъ шли по шумнымъ, люднымъ улицамъ, направляясь къ мосту, который перекинутъ черезъ ущелье и соединяетъ городъ съ горой, увѣнчанной огромнымъ зданіемъ госпиталя. Подъ нимъ, со страшной скалистой пропасти свергается водопадъ къ долинѣ, гдѣ густо разросся хвойный лѣсъ. Онъ и былъ цѣлью ихъ прогулки. Солнце ярко озаряло городъ, прилѣпившійся на дикой крутизнѣ. Изъ лѣса доносились звуки рожка: это было ученіе солдатъ. Изрѣдка глухой гулъ, точно шумъ отдаленнаго землетрясенія, напоминалъ о томъ, что въ горахъ взрываютъ камень. Вокругъ минаретовъ носились голуби.

— Есть въ этомъ городѣ что-то такое, чего я никогда нигдѣ не ощущала, — сказала м-съ Шиффней. — Такая своеобразная нетропутость! Эти скалы, какъ живыя. И вода бурлитъ и пѣнится тоже, какъ живое существо. Такъ странно видѣть васъ здѣсь послѣ Мёлліонъ-Хоуза! Интересна все-таки жизнь!

Она не всегда была этого мнѣнія, но сейчасъ говорила вполнѣ искренно.

— Никогда не забуду этихъ дней! — прибавила она. — Я уже много лѣтъ не проводила время такъ пріятно! А теперь конецъ, какая досада!

Клодъ тоже чувствовалъ себя возбужденнымъ. День былъ такъ ярокъ, такъ полонъ буйной радости и пьянящей свободы.

— Такъ будемъ наслаждаться тѣми немногими часами, которые намъ остались, — сказалъ онъ.

Она искоса бросила на него взглядъ. Что, если бъ быть женой такого человѣка? Человѣка, который пробиваетъ себѣ дорогу?

Они подошли къ мосту. Изъ лѣса рожки звучали громче, перекликаясь звонкими, смѣлыми голосами.

— Вы ввели это въ свою оперу? — спросила м-съ Шиффней.

— Обязательно введу.

Они пошли черезъ мостъ.

— Какъ хорошо очутиться внѣ города! — сказалъ Клодъ. — Я не зналъ, что вы умѣете ходить пѣшкомъ.

— Вы вообще мало знали обо мнѣ.

— Это вѣрно. Въ какую сторону вы хотите теперь?

— Все равно. Пусть налѣво. Сядемъ на скалѣ подъ деревьями и будемъ любоваться видомъ.

— А вы можете сюда взобраться?

— Если вы дадите мнѣ руку, могу.

Они шли нѣкоторое время въ тѣни деревьевъ, оставивъ госпиталь направо. Было пустынно. Солдаты, очевидно, уходили въ казармы, такъ какъ рожки звучали теперь издалека.

— Не сѣсть ли намъ здѣсь? — спросилъ Клодъ.

— Да, да. Прямо на солнцѣ.

— Но вы вѣдь хотѣли тѣни?

— Нѣтъ, сядемъ здѣсь.

И она раскрыла свой зеленый зонтикъ.

Почти у самаго края скалы, круто спускавшейся къ дорогѣ, было маленькое плато, пригрѣтое яркими солнечными лучами.

— Здѣсь чудесно, — сказала она, садясь. — И какой видъ!

Прямо противъ нихъ находилась величественная громада Grand Rocher съ водопадами и мельницей у подножья.

— Подумать, что отсюда сбрасывали женщинъ! — сказалъ Клодъ, обхвативъ руками колѣни.

— Да. Невѣрныхъ женъ. Какъ жестоко! — отозвалась м-съ Шаффней. — Если бъ лондонскіе мужья... Впрочемъ, не стоитъ вспоминать о Лондонѣ. И все-таки мнѣ кажется, что вы любили его въ вашемъ маленькомъ домикѣ.

— Пожалуй.

— Вы не сожалѣете о немъ?

Онъ поднялъ брови.

— Я... я очень люблю Djenan-el-Maqui.

— Неудивительно! Но тамъ, въ своей лондонской обстановкѣ вы казались частью ея. Вы гармонировали съ ней. На всемъ лежала печать чего-то таинственнаго.

— Развѣ?

— Да. И я чувствовала, что это было необходимо вамъ вашему таланту. Какъ я могла ощущать это, никогда не слыхавъ вашей музыки? Не знаю.

— А развѣ не кажется, что я составляю часть Djenan-el-Maqui.

— Я не видала васъ тамъ, — отвѣтила она намѣренно уклончиво.

Клодъ глядѣлъ на нее въ раздумьи, затѣмъ онъ перевелъ взглядъ на разстилавшійся передъ ними ландшафтъ. Эта женщина начинаетъ слишкомъ хорошо понимать его!

— Конечно, — продолжала м-съ Шиффней, — въ арабскомъ домѣ тоже есть своя тайна. Но ваша таинственность была совсѣмъ особаго характера. Вы любили вашъ маленькій мірокъ за то, что онъ помогалъ вамъ творить.

Клодъ снова взглянулъ на нее и подумалъ: „Какіе умные глаза!“

— Да. И творить истинное, подлинное искусство, — сказала она съ удареніемъ.

— Простите меня... но какъ вы можете знать это?

— Я знаю. Я — невѣжда, но у меня есть тонкое чутье ко многимъ вещамъ.

— Хорошо, но помните...

Онъ запнулся.

— Продолжайте!

— Нѣтъ, лучше не говорить!

— Вы можете сказать мнѣ все, что хотите. Я никогда не обижаюсь.

— Мнѣ хотѣлось напомнить вамъ, что вы раньше какъ-будто желали вытащить меня изъ моей раковины, — проговорилъ Клодъ несмѣло.

— Да. Но въ этомъ случаѣ я дѣйствовала противъ своего артистическаго чутья.

— Отчего?

М-съ Шиффней молча поглядѣла на него. Она очень хотѣла покраснѣть, но это было выше ея силъ.

Гдѣ-то вдали протрубилъ рожокъ горниста.

— Вѣроятно, солдаты возвращаются въ свои казармы, — сказала она.

Клодъ вдругъ словно очнулся и почуствовалъ себя измѣнникомъ. Онъ вспомнилъ о Чарміанъ и непріятное, неловкое ощущеніе овладѣло имъ.

— Да, они уходятъ, — произнесъ онъ холодно.

М-съ Шиффней сидѣла, сдвинувъ брови и страдальчески сжавъ губы. Въ Лондонѣ онъ считалъ ее женщиной, гоняющейся за удовольствіями и не стѣсняющейся средствами въ этой погонѣ. И онъ сторонился ея, несмотря на несомнѣнную привлекательность ея особы. Теперь его отношеніе къ ней было иное. Онъ думалъ: „Я никогда не понималъ по-настоящему эту женщину“.

М-съ Шиффней продолжала молчать. Клодъ хотѣлъ говорить, хотѣлъ нарушить тягостное для него молчаніе, но что сказать? Ему ничего не приходило въ голову. Онъ былъ

взволнованъ, но самъ не могъ бы объяснить — чѣмъ. Онъ продолжалъ сидѣть, обхвативъ руками колѣни и глядя внизъ. Далеко вглубь, у самаго подножья водопадовъ букетами бѣлѣли нѣсколько фруктовыхъ деревьевъ въ цвѣту. Вода глухо шумѣла, пролагая путь между камней ущелья, бурнымъ потокомъ свергалась въ долину, а тамъ уже тихо, дремотно журчала, протекая между деревьями. Клодъ вслушивался въ эти голоса, и они въ разнообразіи своемъ казались ему голосами самой жизни.

Онъ устремилъ свой взоръ въ даль, гдѣ растилались необозримые песчаные холмы, вились змѣей дороги и недосягаемыми великанами замыкали ихъ величавыя горы. И глядя на все это, Клодъ почувствовалъ, что онъ жаждетъ чего-то, чего онъ никогда не имѣлъ, но что должно существовать. И къ этому желанію въ его душѣ примѣшивался образъ его спутницы, преображенный, ставшій идеаломъ женщины.

М-съ Шиффней слѣдила за нимъ, и въ ней проснулось давнишнее лондонское желаніе. Она пришла къ Клоду, какъ шпіонка, изъ непріятельскаго лагеря. Она выполнила свое порученіе. Все дальнѣйшее должно быть сдѣлано Генріеттой и, быть можетъ, въ этотъ моментъ уже дѣлается ею. Но если Клодъ перемѣнится къ ней, то она перейдетъ на его сторону. Даже сейчасъ.

Клодъ чувствовалъ на себѣ ея взглядъ. Она какъ будто позволила ему прочесть свою мысль, свое желаніе: что же такое, что онъ женатъ? Какіе пустяки!

Недвусмысленность ея взгляда отрезвила Клода. Онъ снова увидѣлъ то чудище, съ хищными зубами и когтями, котораго всегда боялся: услышалъ его голосъ. Ему хотѣлось отвернуться въ сторону отъ м-съ Шиффней, но этого онъ не могъ. Онъ старался только не встрѣчаться съ ней глазами, чтобы не показать ей, что онъ понялъ ея желаніе и уклоняется отъ него.

Разумѣется, это ему не удалось: она тотчасъ же замѣтила его отступленіе, и усмѣшка измѣнила ея лицо.

— Развѣ я не понимаю васъ? — спросила она съ дѣланной легкостью. — Развѣ не вѣрно, что вы должны были въ вашемъ Мёлліонѣ-Хоузѣ?

Она поднялась и аккуратно сняла приставшія къ ея тальеру вѣточки.

Клодъ вскочилъ, радуясь движенію: оно, казалось, могло помочь ему.

— О нѣтъ! Довольно съ меня было этого, — отвѣтилъ онъ.

— Ваша опера не могла бы родиться въ той обстановкѣ.

Они пошли обратно къ мосту.

— Я всегда думала, — продолжала м-съ Шиффней, — что однимъ изъ признаковъ крупнаго калибра въ художникѣ является пониманіе, какого рода жизнь и обстановка нужна его таланту. Никто не можетъ знать этого за него. Истинный художникъ непоколебимъ, какъ этотъ Grand Rocher.

Она указала рукой на скалы.

— Оттого женщины всегда любятъ и ненавидятъ его.

Въ ея голосѣ звучала насмѣшка. Она повернула голову и, улыбаясь, взглянула на него.

— Я убѣждена, что Чарміанъ знаетъ это.

Клодъ покраснѣлъ до корней волосъ. Онъ почувствовалъ себя приниженнымъ.

— На свѣтѣ есть лишь очень немного большихъ художниковъ, — проговорилъ онъ.

— И, значитъ, очень немного непоколебимыхъ людей?

— Я никогда...

Онъ остановился.

— Что вы? — спросила она ободрительно.

— Я хочу только сказать, — проговорилъ онъ, — Что я никогда не претендовалъ на талантъ. И оттого не совсѣмъ удобно приписывать мнѣ мнѣніе о себѣ, какъ о выдающемся человѣкѣ.

— Неужели вы будете утверждать, что не считаете себя человѣкомъ съ талантомъ?

— Я совершенно неизвѣстенъ.

— Это — абсолютно разныя вещи.

— Конечно, но... только когда человѣкъ дастъ что-нибудь, можетъ онъ самъ оцѣнить себя.

— Въ такомъ случаѣ вы узнаете, когда поставите свою оперу.

Клодъ опустилъ голову.

— Всѣ мои пожеланія будутъ съ вами до самой ея постановки, — продолжала она легкомысленнымъ тономъ. — Я имѣю основаніе особенно интересоваться ею послѣ того вечера съ Саидъ-Гитани. А затѣмъ я имѣю привилегію: я читала либретто.

Клодъ былъ смущенъ ея словами. Зачѣмъ онъ сдѣлалъ это? Не музыка ли заставила его тогда забыть свою сдер-

жанность? Онъ вспомнилъ ту ночь, когда онъ написалъ письмо любви къ Чарміанъ. Тогда онъ дѣйствовалъ тоже подъ вліяніемъ музыки. Что она: ангелъ или демонъ въ его жизни?

— Помогите мнѣ сойти, пожалуйста, — сказала м-съ Шиффней. — Здѣсь трудно.

Онъ взялъ ея руку. Прикосновеніе теплыхъ пальцевъ сейчасъ ничего не говорило ему.

Вечернимъ поѣздомъ м-съ Шиффней со своими спутниками уѣзжала въ Алжиръ. Клодъ пошелъ проводить ихъ.

На платформѣ стоялъ Жиллье съ букетомъ. Передъ самымъ отходомъ поѣзда онъ преподнесъ цвѣты m-me Сеннье.

Изъ окна спальнаго вагона м-съ Шиффней глядѣла на обоихъ рядомъ стоящихъ мужчинъ. На ея лицѣ была насмѣшливая улыбка.

Когда вокзалъ остался позади, она откинулась на спинку дивана и сказала:

— Клодъ Хіисъ — дуракъ. Хотѣла бы я знать, когда онъ, наконецъ, поймете это.

— Мужчины никогда не торопятся съ такимъ открытіемъ, — замѣтила Генріетта. — Что за безобразные цвѣты? Я, кажется, выброшу ихъ въ окно.

— Нѣтъ, не надо.

— Отчего?

— Они — символъ вашего примиренія съ Жиллье.

— Онъ-то не дуракъ, — сказала Генріетта, кладя букетъ возлѣ себя. — Но это будетъ видно въ дальнѣйшемъ.

XXIV.

Вернувшись изъ Константина, м-съ Шиффней и ея спутники пробыли только двое сутокъ въ Мустафѣ. Они спустились въ гавань и усѣвшись на яхту, поплыли въ Монте-Карло. Но на прощанье они были съ визитомъ у Чарміанъ въ Djenan-el-Maqui.

День выдался необычайно жаркій. М-съ Шиффней и m-me Сеннье были закутаны въ бѣлыя узорчатыя вуали. Эти новинки Парижа закрывали лица, какъ маски.

Жакъ Сеннье разсказалъ женѣ и друзьямъ, какъ онъ провелъ дни своего одиночества. Имя Djenan-el-Maqui не сходило съ его языка. Онъ съ живостью описывалъ все, что онъ ѣлъ, пилъ и дѣлалъ въ этомъ гостепріимномъ домѣ и какое впечатлѣніе произвелъ на всѣхъ его обитателей.

— Меня всѣ тамъ обожаютъ! — восклицалъ онъ восторженно. — Они готовы умереть за меня. А Пьеръ? Онъ каждый вечеръ провожалъ меня домой, какъ своего роднаго сына.

— Мы должны пойти поблагодарить ихъ, — сказала м-съ Шиффней, смѣясь.

Визитъ вышелъ не безъ напряженія.

— Мы пришли къ вамъ прощаться, — сказала м-съ Шиффней, когда они вошли въ гостиную. — Только что вернулись изъ своей маленькой экскурсіи, а теперь хотимъ пуститься въ путь въ Монте-Карло. Кстати, мы встрѣтились съ вашимъ мужемъ въ Константинѣ.

— Я знаю. Онъ писалъ мнѣ все объ этомъ, — сказала Чарміанъ.

На самомъ дѣлѣ Клодъ написалъ только очень короткое письмецо, оканчивавшееся раздражающей фразой: „Всѣ подробности при свиданіи". Она горѣла любопытствомъ, терзалась предчувствіемъ. Глядя на эти вуали, за густой сѣткой которыхъ загадочно блестѣли глаза, ей казалось, что ея гостьи спрятаны въ засадѣ, тогда какъ она беззащитно стоитъ на виду.

— Жакъ передалъ мнѣ о вашей любезности къ нему, — сказала m-me Сеннье, — и вашихъ долгихъ бесѣдахъ объ оперѣ, объ Америкѣ, тамошней публикѣ и антрепренерахъ. Боюсь, что онъ наскучилъ вамъ нашими дѣлами.

— О, нѣтъ! — воскликнула Чарміанъ, слегка зарумянившись. — Было очень интересно.

— Восхитительно, — подхватилъ композиторъ. — А эти фруктовые сиропы! А дивные омлеты волшебницы Жанны, Jeanne la Grande. А лунные вечера, когда мы бродили по саду среди чудныхъ цвѣтовъ. Могу ли я забыть все это? Никогда...

M-me Сеннье нисколько не была смущена восторгами своего супруга.

— Боюсь, что вы разбаловали моего мужа, — замѣтила она. — Но развѣ въ самомъ дѣлѣ здѣсь въ саду есть чудные цвѣты?

— Не вѣрю въ это! — сказалъ, смѣясь, Максъ Элліотъ.

Композиторъ схватилъ его за руку.

— Пойдите со мной, Максъ, я покажу вамъ. Англія — это страна скептиковъ. Но вы разучитесь невѣрію. Пойдемте! И вы, Сусанна, тоже!

Онъ схватилъ ихъ за руки и, заливаясь дѣтскимъ смѣхомъ, потащилъ за собою. Гулко прозвучали и замерли ихъ шаги на каменныхъ плитахъ. Дамы остались однѣ.

— Не пойти ли намъ къ фонтану? — предложила Чарміанъ. — Тамъ прохладнѣе.

Онѣ устроились возлѣ бассейна, гдѣ кружились золотыя рыбки, и Чарміанъ перевела разговоръ на Константинъ.

М-съ Шиффней стала разсказывать объ ущельяхъ, водопадахъ и горахъ. M-me Сеннье вспомнила о страшной скалистой крутизнѣ, съ которой когда-то, до французской оккупаціи, арабы имѣли обычай сбрасывать своихъ невѣрныхъ женъ.

— C'est affreux! — воскликнула она, переходя на родной языкъ. — Les arabes sont des monstres.

M-me Сенье вспомнила либретто Клода.

— Что вы! Они очень привлекательны! — съ живостью возразила Чарміанъ.

Она тоже думала о либретто съ его арабскихъ колоритомъ. Не подозрѣвая, что m-me Сеннье читала его, она думала, что та выражаетъ свое инстинктивное отвращеніе.

Француженка пожала плечами.

— Генріетта ихъ не выноситъ, — сказала м-съ Шиффней. — И знаете, я прихожу къ убѣжденію, что существуетъ сильная антипатія между западными и восточными расами. Я не вѣрю, чтобы европейцамъ или американцамъ, дѣйствительно, могли нравиться арабы. Сразу, конечно, они производятъ впечатлѣніе своей живописностью.

— Американцы! — громко воскликнула m-me Сеннье. — Да они лѣзутъ на стѣнку отъ всего, что они называютъ „цвѣтными“ людьми.

— Тш-тш-тш, — раздался голосъ Жака.

— Что такое?

— Тише! тише!

Онѣ замолкли и тогда услышали отдаленные, глухіе звуки барабана и туземной музыки.

— Я долженъ пойти! Я хочу слышать это, видѣть, — кричалъ композиторъ.

— Пойдемте со мной, Сусанночка, и вы, Максъ, старый скептикъ!

Раздался топотъ бѣгущихъ ногъ, сочный смѣхъ Макса, и снова стало тихо.

Вошелъ Пьеръ съ подносомъ. На немъ было нѣсколько

знаменитыхъ фруктовыхъ сироповъ, замороженный лимонадъ, конфекты и пти-фуры.

— Вотъ это — страсть вашего мужа, — сказала Чарміанъ, показывая на сиропы. — Интересно знать... интересно, такъ ли вы подружились за это время съ моимъ мужемъ, какъ я съ вашимъ?

М-me Сеннье развела руками, туго затянутыми въ бѣлыя перчатки.

— Жакъ, какъ дитя, отдаетъ все, что имѣетъ. А вашъ супругъ иногда какъ будто тоже раскрывается; но, въ сущности, онъ не даетъ ничего.

— Конечно, англійскій темпераментъ очень сильно разнится отъ французскаго, — сказала Чарміанъ напряженнымъ тономъ.

— Очень! — подтвердила м-съ Шиффней.

Улыбалась она подъ вуалью?

— Вамъ слѣдовало бы побывать въ Америкѣ, — сказала m-me Сеннье. — Кто не видалъ Нью-Іоркъ во время сезона, тотъ не знаетъ, что такое настоящая жизнь. Парижъ, Лондонъ — это сонныя деревни сравнительно съ нимъ.

— Мнѣ очень бы хотѣлось видѣть Америку, — возразила Чарміанъ, — но у насъ нѣтъ никакой цѣли для поѣздки.

Она разсмѣялась и прибавила:

— А мы съ Клодомъ — не милліонеры.

— Но когда-нибудь вы, навѣрное, поѣдете? — сказала m-me Сеннье.

— Помните, Чарміанъ, вы видѣли какъ-то у меня смѣшного человѣчка по фамиліи Крэйфордъ, американскаго импрессаріо? — спросила м-съ Шиффней.

— Да. Кажется, помню. Такой съ маленькой бородкой?

— Вотъ, вотъ! Такъ знаете ли, что онъ рыщетъ по всему свѣту, чтобы найти композитора для конкуренціи съ Жакомъ? Не такъ ли, Генріетта?

— Такъ говорятъ въ Нью-Іоркѣ, — сказала m-me Сеннье. — Я бы хотѣла, чтобы онъ, наконецъ, нашелъ то, что ему нужно. Тогда онъ пересталъ бы надоѣдать намъ нелѣпыми предложеніями. И я увѣрена, что мѣсто для новаго таланта всегда есть. Я сказала Крэйфорду, что если онъ будетъ приставать къ Жаку, я откопаю ему кого-нибудь. Онъ не знаетъ, гдѣ искать.

— Но вѣдь онъ... — начала Чарміанъ.

— Отчего вы такъ думаете? — спросила м-съ Шиффней равнодушнымъ голосомъ. Но ея глаза ярко блестѣли сквозь сѣтку вуали.

— Отъ того, что онъ началъ свои поиски съ Англіи, — сказала m-me Сеннье.

— Однако, однако, Генріетта! — замѣтила м-съ Шиффней.

— Надо ли мнѣ извиняться? — сказала m-me Сеннье, обращаясь къ Чарміанъ. — Когда дѣло идетъ объ искусствѣ, я люблю говорить правду, какъ она есть. О, я знаю, что вашъ мужъ пишетъ оперу! Но, конечно, сразу видно, что... видите ли, вы живете здѣсь въ восхитительномъ домикѣ, слушаете плескъ фонтана, бродите при лунѣ среди цвѣтовъ, какъ говоритъ мой старый ребенокъ. Mais, ma chère, ce n'est pas sérieux! Стоитъ только взглянуть на вашего интереснаго супруга въ этой африканской обстановкѣ, чтобы понять это. И вы сами, несомнѣнно, чувствуете это. Просто красивая игра! Отчего не разрѣшить себѣ ее, если средства позволяютъ? Мы съ Жакомъ чуть не голодали. Но это было хорошо. Британскій талантъ не для оперы. Его сила въ томъ жанрѣ, который базируется на религіозной основѣ. Это въ крови у англичанъ. Но опера!..

Она вздернула плечи.

— А-а, вотъ и они! Жакъ, тебѣ предстоитъ насладиться на прощанье. Тутъ твои любимые сиропы.

— Развѣ они дѣйствительно когда-нибудь голодали? — тихонько спросила Чарміанъ у м-съ Шиффней, когда вниманіе всѣхъ было отвлечено какой-то сумасбродной выходкой композитора.

— Генріетта такъ полагаетъ. Можетъ быть, оттого Жакъ и теперь еще поѣдаетъ всѣ ваши печенья.

Когда наступилъ моментъ прощанья, Сеннье былъ близокъ къ слезамъ. Онъ непремѣнно пожелалъ пойти на кухню сказать „до свиданья Жаннѣ“. Пьера онъ заключилъ въ объятія и даже торжественно благословилъ таксу Каролину. Онъ осыпалъ поцѣлуями руки Чарміанъ, повторяя:

— Я посвящу свою новую оперу вамъ и вашимъ сиропамъ... Если бъ я не былъ трусомъ, то ни за что не уѣхалъ бы отсюда. Но умереть оттого, что этотъ Жилльe хорошо напрактиковался въ стрѣльбѣ по бутылкамъ отъ содовой воды!.. Я бѣгу отъ него, Но, madame, я боюсь, что вашъ супругъ еще трусливѣе меня!

— Отчего?

— Оттого что онъ принялъ у этого субъекта либретто.

Наконецъ, они ушли. Чарміанъ чувствовала себя до того подавленной, какъ никогда раньше. Съ ними вмѣстѣ ушелъ цѣлый міръ. Сеннье олицетворялъ успѣхъ, славу; его жена — блескъ женщины, сотрудницы геніальнаго человѣка. М-съ Шиффней и Максъ Элліотъ — силу и власть покровителей искусства. Съ ними ушло ощущеніе, что находишься въ центрѣ жизни.

Что же касается Жака Сеннье, то онъ оставилъ послѣ себя пустоту въ Djenan-el-Maqui. Интимныя бесѣды съ маленькимъ сумасброднымъ геніемъ были опаснымъ экспериментомъ для Чарміанъ. Ея таїныя честолюбивыя мечты были раздражены до послѣдней степени. Только теперь она ощущала всю ихъ болѣзненную напряженность.

М-мъ Сеннье привела ее въ отчаяніе. Съ какой жестокой небрежностью она бросила свое!

— Mais, ma chère, ce n'est pas sérieux!

Сказала она это такъ, точно не сомнѣвалась нисколько въ правдѣ своего замѣчанія. Что произошло въ Константинѣ? Какъ держалъ себя Клодъ?

Чарміанъ чувствовала, что не въ силахъ спокойно дожидаться возвращенія Клода и послала ему слѣдующую телеграмму:

„Пріѣзжай возможно скорѣе, всѣ уѣхали; очень тоскливо. Чарміанъ".

Она знала, что выходитъ изъ своей роли, посылая такую телеграмму. Но натянутые нервы заставляли рѣшиться на такую слабость.

Черезъ недѣлю Клодъ и Жилльe вернулись.

Чарміанъ тотчасъ обнаружила, что поѣздка не сблизила ихъ, что отношенія остались холодными. Въ день пріѣзда Жилльe остался, по ея просьбѣ, къ обѣду. Онъ сначала уклонялся, но она уговорила его.

— Я хочу услышать обо всемъ, — сказала Чарміанъ. — Вы должны помнить, какъ глубоко меня интересуетъ все, связанное съ оперой.

Жилльe странно пытливо взглянулъ на нее и произнесъ официально:

— Я съ наслажденіемъ останусь, madame.

Во время обѣда онъ сталъ болѣе экспансивнымъ, но Клодъ какъ будто еще больше ушелъ въ себя. Въ немъ чувствовалось скрытое возбужденіе. Видъ у него былъ утомлен-

ный; но его мечтательные глаза сіяли и часто говорили, когда уста оставались нѣмыми.

Доброе алжирское вино окончательно развязало языкъ Жилльe. Онъ оживился, напускная чопорность манеръ отпала. Но Чарміанъ все же время отъ времени ловила на себѣ его странно-пытливый взглядъ.

Послѣ обѣда Клодъ съ Сусанной Флитъ вышли въ садъ и стали ходить по аллеѣ взадъ и впередъ, а Чарміанъ осталась вдвоемъ съ Жилльe у фонтана. Жилльe пилъ турецкій кофе и вынулъ изъ ящика большую гаванскую сигару. Онъ не сводилъ своихъ большихъ глазъ съ Чарміанъ, и она подумала, какъ они непріятно выразительны. Вообще этотъ человѣкъ не нравился ей, хотя она признавала его большой талантъ. Но она не безъ цѣли оставила его обѣдать и намѣрена была достигнуть ея.

— Ну, какъ у васъ сошло? — спросила она дѣланно-небрежнымъ тономъ. — Удалось вамъ показать Клоду все, что ему нужно для его музыки?

— О, да, madame. Онъ слышалъ и видѣлъ рѣшительно все.

Жилльe выпустилъ облако дыма, перемѣнилъ позу и сталъ разсматривать свою сигару. Казалось, онъ обдумываетъ что-то.

— Значитъ, поѣздка удалась? — спросила Чарміанъ.

Жилльe посмотрѣлъ на нее и отхлебнулъ глотокъ ликера

— Кто знаетъ, madame?

— Кто знаетъ?... Что вы хотите этимъ сказать?

— Madame, признаюсь, что съ тѣхъ поръ, какъ я поѣхалъ съ вашимъ супругомъ, меня одолѣваютъ сомнѣнія.

— Сомнѣнія! — почти умоляющимъ тономъ повторила Чарміанъ. — Я не вполнѣ понимаю васъ.

— Видите ли, вашъ мужъ даровитъ и уменъ — это несомнѣнно. У него большія знанія въ музыкальной техникѣ, большое воображеніе. Онъ — оригиналъ, хотя пытается постоянно скрыть это.

— Въ такомъ случаѣ...

— Позвольте, madame! Вы хотѣли сказать, что это и хорошо для оперы.

— Разумѣется!

— Не всегда. Не знаю, по вкусу ли публикѣ оригинальность м-ра Хіпса. Но я знаю очень хорошо, что мы съ нимъ никогда не споемся.

— Отчего?

— Онъ не въ моемъ жанрѣ. Я его не понимаю. И сознаюсь: я начинаю тревожиться.

— Тревожиться? За что именно?

— Madame, я написалъ выдающееся либретто. Я хочу, чтобы изъ него вышла выдающаяся опера. Въ моей натурѣ говорить откровенно. Можетъ быть, вы назовете это грубостью; ну что жъ? я не свѣтскій человѣкъ, я не привыкъ къ салонамъ. Я знаю жизнь. Я страдалъ и боролся. Я былъ и есть бѣдный человѣкъ. Да, madame, я бѣденъ! Но я не намѣренъ остаться на всю жизнь бѣднымъ. Нѣтъ!

— О, конечно... съ вашимъ талантомъ!

— А-а-а... вотъ именно!

Сверкая глазами, онъ въ сильномъ возбужденіи продолжалъ:

— Да, да! У меня большой талантъ къ сценѣ: я всегда это зналъ. Даже когда мои вещи отвергались, я продолжалъ вѣрить. „Настанетъ день, — говорилъ я себѣ, — когда тѣ самые, которые теперь отвергаютъ мой трудъ, придутъ униженно и будутъ просить меня написать для нихъ“.

Онъ допилъ свой ликеръ и продолжалъ спокойнѣе, точно сдерживаясь.

— Да. Такъ вотъ я думаю: обладаетъ ли вашъ супругъ такимъ же талантомъ къ сценѣ, какъ я? Сомнѣваюсь.

— Отчего вы сомнѣваетесь? — страстно воскликнула Чарміанъ. — Какое вы имѣете основаніе? Вы вѣдь не слыхали еще ни одной ноты его музыки.

— Нѣтъ. И это даетъ мнѣ возможность...

— Отчего же вы не кончаете фразу, m-ur Жилльe?

— Madame, если вы будете сердиться на меня...

— Сердиться! Милый m-ur Жилльe, я вовсе не сержусь. Увѣряю васъ. Но кончайте вашу фразу.

— Я хотѣлъ сказать, что именно то обстоятельство, что я до сихъ поръ не слышалъ ничего изъ музыки вашего мужа, позволяетъ мнѣ... даетъ мнѣ право, что ли, безъ всякаго намѣренія обидѣть, коснуться вопроса.

Онъ запнулся. Его заставило это сдѣлать изумленное выраженіе ея глазъ.

— Я слушаю, — сказала Чарміанъ.

— Madame!

— Пожалуйста, скажите, что вы хотите отъ моего мужа или отъ меня или отъ насъ обоихъ.

— Я ничего не хочу. Я желаю одного только: успѣха. Мнѣ нуженъ успѣхъ для моего либретто. И во время нашего пребыванія въ Константинѣ я убѣдился, что м-ръ Хиисъ и я — мы неподходящіе люди для созданія въ сотрудничествѣ произведенія искусства. Мы слишкомъ различны. Я — алжирскій солдатъ; человѣкъ, прошедшій огонь и воду. Онъ — англійскій пуританинъ, который никогда не жилъ и никогда не будетъ жить. Я сдѣлалъ все, чтобы заставить его понять то, что скрыто подъ моимъ либретто. Но мои усилія... Эхъ, да что тутъ говорить?

Онъ пожалъ плечами.

— Вся разница только въ несходствѣ французскаго и англійскаго темперамента?

— Нѣтъ, madame. Это разница между человѣкомъ, который боится жизни и тѣмъ, который ея не боится.

— Я не согласна съ вами, — проговорила Чарміанъ холодно. — И, право, мнѣ кажется, что это не подходящая тема для спора.

— Я не имѣю желанія спорить. Я хочу сказать слѣдующее: я бы желалъ купить у васъ обратно свое либретто за ту сумму, которую я отъ васъ получилъ. Оно не подходитъ къ жанру таланта вашего супруга. Я очень бѣденъ, увы! Но я предпочитаю потерять сто фунтовъ, чѣмъ...

— Вы уже говорили объ этомъ моему мужу? — прервала его Чарміанъ.

Она вся дрожала отъ негодованія, но казалась внѣшне спокойной.

— Нѣтъ, madame.

— Вы спросили меня...

— Я ничего не спрашивалъ васъ, madame.

— Какъ, вы не спрашивали меня, намѣрена ли я перепродать вамъ либретто?

Жиллье молчалъ.

— Такъ вотъ мой отвѣтъ. Либретто — наша собственность, и мы не намѣрены переуступать ее кому-либо. Если бъ вы предложили за него въ пять разъ больше того, что получили — все равно, отвѣтъ былъ бы тотъ же.

Жиллье ничего не отвѣчалъ. Чарміанъ взглянула на него, и вдругъ горькое чувство обиды поднялось въ ней. Она проговорила съ волненіемъ:

— Мы живемъ здѣсь, въ Африкѣ. Мы отказались отъ своего дома, отъ друзей, родныхъ, всей нашей жизни въ

Англіи... — Ея голосъ дрогнулъ — Всѣмъ мы пожертвовали, чтобы съ честью работать надъ вашимъ произведеніемъ, а вы являетесь, вы посмѣли явиться и... и...

Жиллье всталъ.

— Madame, я вижу, что нашъ разговоръ безполезенъ. Вы купили мою работу и если вы намѣрены сохранить ее...

— Да, мы намѣрены сохранить ее.

— Тогда я ничего не могу сдѣлать.

Онъ вынулъ часы.

— Уже поздно. Пожелаю вамъ, madame, спокойной ночи. Прошу передать мой привѣтъ вашей пріятельницѣ и м-ру Хінсу.

Онъ поклонился. Чарміанъ не протянула ему руки. Она хотѣла сдѣлать это, но рука отказалась повиноваться.

— Спокойной ночи, — сказала она.

Когда Жиллье ушелъ, Чарміанъ подошла къ фонтану и присѣла на его край. Ее била дрожь. Возбужденіе ея въ тишинѣ все росло. Но ей все еще хотѣлось овладѣть имъ, и она надѣялась, что это ей удастся. Жиллье больно оскорбилъ ее. Она сжимала руки, повторяя про себя: „Надо успокоиться! Надо успокоиться!“

Но вдругъ она встала, прошла черезъ дворъ къ садовой калиткѣ и позвала:

— Сусанна! Клодъ! Гдѣ вы?

Звукъ ея голоса показался ей самой рѣзко-пронзительнымъ.

— Что такое, Чарміанъ? — послышался издали голосъ Клода.

— Я ухожу спать. Уже поздно. М-г Жиллье ушелъ.

— Мы идемъ! — раздалось въ отвѣтъ.

Чарміанъ вошла въ домъ. Было всего десять часовъ. Минуту спустя вошла Сусанна, а за ней Клодъ. Ясные глаза Сусанны остановились на лицѣ Чарміанъ. Затѣмъ она произнесла своимъ спокойнымъ, пріятнымъ голосомъ:

— Я пойду къ себѣ. Мнѣ надо написать два-три письма, а затѣмъ почитаю немножко. Еще не особенно поздно, но мнѣ кажется, что вы устали.

Она взяла руку Чарміанъ и держала ее нѣсколько секундъ въ своей. Чарміанъ стала спокойнѣе.

— Спокойной ночи, Сусанна. М-г Жиллье просилъ меня передать вамъ привѣтъ, дорогая.

Сусанна попрощалась съ Клодомъ и ушла.

— Что такое? — спросилъ Клодъ, какъ только она вышла. — Въ чемъ дѣло? Почему Жилльe такъ рано ушелъ?

— Пойдемъ наверхъ, — отвѣтила Чарміанъ. — Въ мой кабинетикъ.

Такъ называлась маленькая комнатка, почти уголъ, рядомъ со спальней Чарміанъ, гдѣ она писала письма и подводила счеты.

— Въ чемъ же дѣло? — спросилъ снова Клодъ, когда онъ вошелъ вслѣдъ за женой въ комнатку, освѣщенную старинной висячей лампой.

— Какъ ты могъ показать либретто м-мъ Сеннье? — сказала Чарміанъ. — Какъ могъ ты совершить такое безуміе?

— Что? — воскликнулъ Клодъ съ изумленіемъ. — Я ничего не показывалъ m-me Сеннье. Какъ могла придти тебѣ въ голову подобная мысль?

— Но иначе не можетъ быть: ты показалъ ей либретто.

— Чарміанъ, я только что сказалъ тебѣ, что я не показывалъ.

— Она читала его.

— Пустяки!

— Я увѣрена въ этомъ.

— Въ такомъ случаѣ, можетъ быть, Жилльe показалъ ей копію.

Чарміанъ съ минуту молчала. Затѣмъ спросила:

— Ты не показывалъ либретто никому въ Константинѣ?

— Я не говорилъ этого.

— А-а-а! Значитъ, м-съ Шиффней!

— Я полагаю, что имѣю право дать прочитать кому мнѣ угодно либретто, которое я купилъ, — проговорилъ онъ холодно.

— Ты далъ его м-съ Шиффней! Ты далъ! Далъ!

— Конечно, далъ!

— И послѣ этого ты приходишь и увѣряешь меня, что m-me Сеннье его не читала!

Въ ея голосѣ звенѣло страстное отчаяніе.

— Нѣтъ, m-me Сеннье не читала моего либретто.

— А я говорю, что читала!

— М-съ Шиффней сама совѣтовала мнѣ не показывать ей рукопись.

— Кому? Генріеттѣ?

— Да.

— М-съ Шиффней совѣтовала! О-о-о! а еще мужчины думаютъ, что они умнѣе насъ, женщинъ! Охъ!

Она разразилась истерическимъ смѣхомъ, потомъ вдругъ приложила платокъ къ губамъ, отвернула голову и зарылась лицомъ въ подушки дивана. Все ея тѣло содрогалось.

— Чарміанъ! — въ испугѣ воскликнулъ Клодъ. — Чарміанъ!

Она подняла голову. Половина ея лица была красная. Платокъ она уронила на полъ.

— Теперь ты понялъ? — спросила она. — Нѣтъ, все-таки еще нѣтъ. Такъ вотъ, слушай.

Медленно, рѣзко подчеркивая слова, она стала говорить:

— Сейчасъ, когда ты съ Сусанной былъ въ саду, Арманъ Жиллье предложилъ мнѣ, чтобы мы отдали ему назадъ либретто.

— Отдали?

— Ну, да. Продали за сто фунтовъ. Затѣмъ онъ сказалъ еще, что онъ очень бѣденъ. Ты сопоставилъ эти двѣ вещи?

— Ты думаешь, что онъ воображаетъ...

— Нѣтъ. Онъ не воображаетъ, а увѣренъ, что можетъ продать его съ большой выгодой Жаку Сеннье. Эти двѣ подруги, м-съ Шиффней и m-me Сеннье, поѣхали въ Константинъ со спеціальной цѣлью разнюхать, надъ чѣмъ ты работаешь.

— Какая нелѣпость!

— Развѣ? Скажи правду: вѣдь это м-съ Шиффней начала говорить о либретто.

— Допустимъ...

— Ну, конечно! И навѣрное, она говорила, что глубоко заинтересована твоей работой.

Клодъ покраснѣлъ.

— Навѣрное, она говорила, что многіе артисты довѣряли ей секреты, которыхъ никто не зналъ. И навѣрное она... она...

Чарміанъ хотѣла сказать „кокетничала, вызывала на любовное объясненіе“, но что-то въ глазахъ Клода заставило ее умолкнуть.

— И ты отдалъ свое либретто врагамъ! Теперь они подговорили Жиллье погубить насъ. Зачѣмъ мы здѣсь?

Зачѣмъ я отказалась отъ всего, бросила мать, друзей, всѣ свои привычки и вкусы? Только ради тебя и твоего успѣха. А ты для первой женщины, которая попадается на пути...

Щеки Чарміанъ пылали. Буря ревности бушевала въ ея сердцѣ.

— То, на что ты намекаешь, невѣрно! — сказалъ Клодъ. — Я никогда... м-съ Шиффней для меня — ничто, ничто!

— Ты понимаешь теперь, что она взяла либретто съ тѣмъ, чтобы показать его m-me Сеннье?

— Это Жиллье сказалъ?

— Да нѣтъ же! Даже если онъ знаетъ, не за чѣмъ говорить объ этомъ женщинѣ!

Презрѣніе въ ея голосѣ кольнуло его. Онъ начиналъ чувствовать, что Чарміанъ права въ своемъ предположеніи, что его обошли.

— Мы не имѣемъ доказательствъ, — сказалъ онъ.

Чарміанъ подняла брови. Она боролась съ накипавшими вновь слезами. Ея губы шевелились.

— Доказательства! — выговорила она, наконецъ, поднялась съ дивана и хотѣла поспѣшно пройти мимо Клода, но онъ протянулъ руку и удержалъ ее.

— Чарміанъ!

Она старалась вырваться. Но онъ удержалъ ее.

— Я понимаю. Ты многимъ пожертвовала для меня. Можетъ быть, я въ Константинѣ былъ большимъ дуракомъ. Начинаю думать, что да. Но, въ концѣ концовъ, бѣда вовсе не такъ велика. Либретто — мое... наше, наше. И мы не отдадимъ его. Я буду стараться... я постараюсь вложить въ эту музыку всю свою душу, добиться настоящаго успѣха, дать тебѣ все, что ты желаешь; вернуть все, чѣмъ ты пожертвовала ради меня... Конечно, я могу потерпѣть неудачу...

Чарміанъ закрыла ему ротъ поцѣлуемъ, высвободилась изъ его рукъ и убѣжала.

XXV.

Прошло больше года. Клодъ и Чарміанъ все еще жили на своей бѣлой арабской виллѣ, и Клодъ работалъ надъ оперой. На лѣто они ѣздили отъ жары въ Англію, но къ началу октября уже вернулись въ Мустафу и съ тѣхъ поръ не трогались съ мѣста.

Пребываніе въ Лондонѣ странно сложилось для Чарміанъ. Пріѣхали они въ началѣ іюля и остановились у м-съ Мэнсфильдъ. Она ни разу за все время не побывала у нихъ въ Алжирѣ. Писала, что становится стара, тяжела на подъемъ и боится большого морского путешествія. Они были сердиты на нее за это, но теперь она встрѣтила ихъ съ такимъ теплымъ, искреннимъ чувствомъ, что нельзя было не простить все. Сезонъ еще не кончился Чарміанъ много бывала въ обществѣ и встрѣчалась со старыми знакомыми. Но Клодъ отказался отъ всякихъ выѣздовъ и сразу взялся за занятія оркестровкой. Онъ даже оставался въ Лондонѣ весь августъ и сентябрь, когда Чарміанъ ѣздила гостить за городъ, а затѣмъ отправилась съ матерью на берегъ моря. Такимъ образомъ они пробыли нѣкоторое время въ разлукѣ послѣ долгаго пребыванія вмѣстѣ.

Чарміанъ чувствовала, что ей очень недостаетъ Клода. Однажды она сказала матери:

— Знаешь, madre, я такъ привыкла къ Клоду и къ его работѣ, что безъ него я точно срѣзана наполовину.

„Чувствуетъ ли Клодъ такую вещь?“ — подумала м-съ Мэнсфильдъ.

И Лондонъ и свой кругъ показались Чарміанъ не тѣми, чѣмъ были раньше. Она поняла теперь, что не только привыкла къ Клоду, но и къ Африкѣ и къ спокойной жизни подъ жаркимъ солнцемъ и синимъ небомъ. Когда опера будетъ кончена, исчезнетъ всякое основаніе жить въ Мустафѣ. Но отъ одной мысли о томъ, что она больше не увидитъ бѣлаго дома съ плоской крышей и куполами, ей становилось невыносимо больно. Пьеръ, la grande Jeanne, Биби, маленькая Фатьма — всѣ они стали необходимой частью ея жизни.

Но скоро въ Лондонѣ она втянулась въ старыя привычки, хотя ей казалось, что она уже не прежняя Чарміанъ. За свое долгое отсутствіе она, конечно, нѣсколько „вышла въ тиражъ“. Она хорошо знала, какъ безконечно равнодушно большинство людей къ тѣмъ, которые ушли изъ ихъ поля зрѣнія. Теперь, когда она появилась въ Лондонѣ, многіе бывшіе друзья привѣтствовали ее брошеннымъ вскользь:

— А-а, вы, наконецъ, пріѣхали! А мы думали, что вы совсѣмъ покинули насъ!

При всей своей самоувѣренности Чарміанъ знала цѣну такимъ восклицаніямъ. Они заставляли ее яснѣе ощутить, какое маленькое мѣсто въ обществѣ она занимала, оттого Чар

міанъ съ особой любовью вспоминала свое арабское гнѣздышко; и одинаково она страстно желала успѣха въ Лондонѣ, настоящаго большого успѣха умной жены знаменитости! Она нѣсколько разъ встрѣтила m-me Сеннье, всегда окруженную почитателями. И хотя француженка кивнула ей головой и сказала нѣсколько словъ, но словно забыла о томъ, кто такая Чарміанъ. Только разъ желтые кошачьи глаза остановились на ней съ зоркимъ, проницательнымъ выраженіемъ; это было, когда кто-то упомянулъ о проектѣ Крэйфорда построить въ Лондонѣ большой оперный театръ.

Съ Жакомъ Сеннье Чарміанъ бесѣдовала только два раза. Въ первый разъ онъ не могъ вспомнить ее. Во второй разъ онъ воскликнулъ:

— Ахъ, спропы!.. фонтанъ съ золотыми рыбки и лунный свѣтъ въ саду! — и восторженно привѣтствовалъ ее.

Общее впечатлѣніе отъ Лондона послѣ долгаго отсутствія было у нея такое, точно вся почва здѣсь зыбкая, невѣрная и какъ сыпучій песокъ, уходитъ изъ-подъ ногъ. Кромѣ того теперь она ощущала со всей полнотой, какой она нуль среди людей своего круга. Она вернулась въ Африку безъ прежней нѣжности къ своему Лондону, но съ еще большимъ стремленіемъ покорить его и стать одной изъ сильныхъ.

И въ этотъ сіяющій октябрьскій день, сохранившій еще жаръ нерастраченнаго лѣта, когда Чарміанъ снова увидѣла бѣлый городъ на холмахъ, когда она опять очутилась въ своемъ дворикѣ, гдѣ гортанными голосами перекликались Фатьма и Биби, а золотыя рыбки совершали свой однообразный круговоротъ подъ плещущей струей фонтана, Чарміанъ почувствовала сладкій трепетъ: во всемъ этомъ было что-то дорогое ей до такой степени, какъ ничто въ Лондонѣ.

Съ того дня, какъ Клодъ съ Арманомъ Жиллье вернулся изъ Константина, „опера“ стала для Чарміанъ почти живымъ существомъ... существомъ, за которое она вынесла борьбу и нажила враговъ. Больше того. Она думала объ оперѣ, какъ о ребенкѣ. Это былъ ребенокъ ея и Клода. Настоящихъ дѣтей у нихъ не было. Она не жалѣла объ этомъ.

Клодъ давно уже привыкъ работать у себя дома. Безсильная инертность, владѣвшая имъ въ Кенсингтонѣ, больше не возвращалась. Онъ полагалъ, что путемъ усилій укрѣпилъ свою волю. Но помимо этого имѣлъ значеніе еще тотъ фактъ (не вполнѣ сознанный имъ), что наладилась его со-

вмѣстная жизнь съ Чарміанъ и исчезла тайная вражда, которая такъ затрудняла отношенія въ началѣ ихъ брака. Женщина побѣдила. Клодъ какъ побѣжденный человѣкъ покинулъ Англію съ купленнымъ у Жилльe либретто. Оттого-то и прекратилась борьба, и создалось ощущеніе спокойствія даже у самого побѣжденнаго.

И теперь каждый день, уходя въ свою студію на крышѣ работать надъ оперой, Клодъ дѣлалъ именно то, чего хотѣла его жена. Постепенно онъ пришелъ къ убѣжденію, что этого онъ хочетъ и самъ.

Онъ пересталъ скрытничать съ Чарміанъ о своей работѣ. Перегородка была сломана.

Въ началѣ апрѣля Клодъ получилъ письмо отъ Жилльe, который снова пріѣхалъ въ Алжиръ: онъ не подавалъ никакихъ признаковъ жизни со времени той попытки выкупить свое либретто. Теперь онъ сообщалъ, что гоститъ у родныхъ и желалъ бы посѣтить Djenan-Maqui, когда это удобно хозяевамъ. Письмо было адресовано Клоду, но онъ тотчасъ же показалъ его Чарміанъ.

— Разумѣется, надо позвать его, — сказалъ Клодъ.

— Ну, конечно! — подтвердила Чарміанъ.

Она повертѣла записку.

— Какъ я ненавижу этого человѣка, — проговорила она. — Я не могу забыть его оскорбленіе и...

— Не стоитъ возвращаться ко всему этому. Такъ много времени прошло съ тѣхъ поръ!..

— Да, но эта записка возвращаетъ къ старому.

— Тебѣ лучше вовсе не видѣться съ нимъ, — сказалъ Клодъ. — Я буду съ нимъ вдвоемъ. Твое отсутствіе легко объяснить... назначимъ хотя бы пятницу: ты идешь въ „Континенталь“ на театральное засѣданіе. А я въ это время приму его.

— Ты думаешь? — протянула она, взглянувъ на Клода. — Нѣтъ, я лучше тоже буду дома.

— Зачѣмъ?

— Не знаю... но лучше мнѣ быть! Напиши ему придти въ четвергъ.

— Къ завтраку?

— Нѣтъ! Просто днемъ.

Жилльe явился въ назначенное время и былъ принятъ хозяйкой дома, которая довольно успѣшно дѣлала видъ, что рада его приходу. Она усадила его въ гостиной, дала

кофе и папиросъ и обѣщала, что Клодъ выйдетъ черезъ минуту.

Утромъ она убѣдила мужа оставить ее на четверть часа наединѣ съ Жилльe. Тотъ сначала удивился, разъ она ненавидитъ этого человѣка. Тогда Чарміанъ возразила:

— А ты не думаешь, что послѣ Константина лучше предоставить практическую часть мнѣ?

Клодъ покраснѣлъ и ничего не отвѣтилъ.

Такимъ образомъ Чарміанъ и Жилльe сидѣли вдвоемъ въ прохладной гостиной. Какъ только она увидѣла его, то почувствовала, что пришелъ онъ съ опредѣленной цѣлью. Чарміанъ сразу насторожилась, но старалась не показывать этого. Она спросила:

— Вы работали въ послѣднее время? Писали?

— Да, madame.

— Новое либретто?

— Madame, — произнесъ Жилльe съ холодной настойчивостью, — я не могу повѣрить, чтобы васъ, дѣйствительно, интересовала моя неудачливая жизнь.

Послѣ той непріятной сцены въ Djenan-el-Maqui Жилльe вернулся въ Парижъ и, запершись у себя, сталъ съ яростнымъ упорствомъ работать надъ либретто для Жака Сеннье. Онъ не жалѣлъ ни времени ни силъ. Наконецъ, текстъ былъ готовъ и отправленъ m-me Сеннье. Черезъ недѣлю Жилльe получилъ либретто назадъ вмѣстѣ со слѣдующей запиской:

„Послушайте, это можетъ очень пригодиться какому-нибудь неизвѣстному генію — скажемъ m-ur Хіису. Но оно не годится для такого человѣка, какъ Жакъ. Тѣмъ не менѣе мы продолжаемъ въ васъ вѣрить и возобновляемъ свое предложеніе. Пришлите намъ хорошее либретто — такое, какъ вы, я знаю, можете написать — и мы заплатимъ въ пять разъ больше всѣхъ другихъ и кромѣ того дадимъ процентъ. Насъ не смутило бы, если кто-нибудь уже пробовалъ писать на это либретто. Намъ надо одно: получить вашу лучшую вещь. Генріетта Сеннье“.

Жилльe въ бѣшеной злобѣ порвалъ эту записку. Затѣмъ онъ обдумалъ кое-что и отправился къ m-me Сеннье съ визитомъ. Этотъ визитъ и заставилъ его снова пріѣхать въ Алжиръ.

— Но я надѣюсь, что ваша жизнь не будетъ больше неудачлива, — сказала Чарміанъ съ искусственной привѣтливостью.

— Я тоже надѣюсь, madame.

Чарміанъ была поражена новымъ оттѣнкомъ его тона но она продолжала, не мѣняя своей манеры:

— Будемъ всѣ надѣяться на большой успѣхъ.

— Кто: всѣ?

— Вы, мой мужъ и я.

Жиллье прикусилъ усъ. Лицо его затуманилось. Онъ откинулся назадъ, точно стараясь показать, что чувствуетъ себя свободно и проговорилъ отрывисто:

— Сеннье закончилъ новую оперу. Она будетъ поставлена будущей зимой въ нью-іоркскомъ Метрополитэнѣ.

— Вотъ какъ!

— Послѣ того, какъ мы видѣлись съ вами въ послѣдній разъ, madame, — продолжалъ Жиллье, — мнѣ удалось просмотрѣть его новое либретто.

Чарміанъ невольно наклонилась впередъ.

— Оно въ подметку не годится моему, которое вашъ супругъ купилъ у меня за несчастныхъ сто фунтовъ. Ни по драматизму, ни по силѣ его и сравнить нельзя.

— Ваше либретто великолѣпно. Я и м-ръ Лэкъ всегда такъ думали. Мой мужъ тоже согласенъ съ нами. Но вамъ вѣдь это извѣстно.

Жиллье потрогалъ усы, быстро огляпулъ комнату и затѣмъ перевелъ взглядъ на Чарміанъ.

— Я имѣю основаніе предполагать, что Жакъ Сеннье... или вѣрнѣе m-me Сеннье, такъ какъ она читаетъ всѣ посланныя либретто и уже только избранныя показываетъ ему... такъ вотъ я думаю, что если бъ m-me Сеннье видѣла либретто, которое я продалъ вашему мужу, то она предпочла бы его тому, что они выбрали.

— Вы думаете? — сказала нарочито спокойно Чарміанъ.

— Да! — воскликнулъ онъ несдержанно.

— Все это очень интересно. Но я не понимаю, какое это можетъ имѣть отношеніе ко мнѣ и къ моему мужу. Въ прошломъ году вы предлагали выкупить у насъ ваше либретто. Мы отказались, и нашъ отказъ...

— Простите, madame! Я никогда не говорилъ объ этомъ съ m-ur Хіисомъ...

— Такъ вы пришли теперь говорить съ н и м ъ? Это — ваша цѣль?

Жиллье всталъ и бросилъ свою папироску на кофейный подносъ. Очевидно, онъ былъ крайне взволнованъ.

Чарміанъ даже показалось, что онъ сталъ сразу вульгарнѣе, грубѣе.

— Мнѣ надо выяснить положеніе дѣла, — сказалъ онъ.

— Оно вполнѣ ясно. Простите, m-ur Жилльe, но мнѣ представляется некорректнымъ съ вашей стороны возвращаться къ покончennому уже и чрезвычайно непріятному для меня вопросу.

— Madame, я долженъ сказать, что не могу считать вопросъ покончennымъ, пока я не поговорилъ о немъ съ самимъ m-ur Хіисомъ. Я пришелъ съ предложеніемъ.

— Это безполезно.

— Я надѣюсь, madame, что вашъ супругъ не избѣгаетъ меня?..

Чарміанъ встала и захлопала въ ладоши. Вошелъ Биби.

— Попроси monsieur сюда, — сказала она ему.

Биби вышелъ, мягко ступая по ковру.

Жилльe въ своемъ возбужденіи начиналъ терять самообладаніе. Онъ сталъ ходить по комнатѣ, дѣлая видъ, что разсматриваетъ разныя мелочи. Руки онъ держалъ въ карманахъ. Чарміанъ сидѣла тихо въ уголкѣ и слѣдила за нимъ. Въ ней кипѣла такая досада, что она не могла говорить. Да и что теперь говорить?

— V'la' Mousou! — объявилъ Биби, распахнувъ портьеру.

Жилльe рѣзко повернулся къ двери.

— Здравствуйте, Жилльe!

Они пожали другъ другу руки. Клодъ взглянулъ на жену.

— Вы курили? — спросилъ онъ. — Возьмите еще папироску.

— Благодарю васъ.

— Я буду курить... Давно васъ не было видно.

Клодъ закурилъ папироску.

— Отчего вы не сядете?

Жилльe сѣлъ. Онъ не отрывалъ глазъ отъ Клода.

— Я радъ, что вы пришли, — сказалъ онъ. — Madame не совсѣмъ понимаетъ...

— Я прекрасно понимаю, m-ur Жилльe, — прервала его Чарміанъ. — Пожалуйста, не надѣляйте меня глупостью, которой я не обладаю.

— Во всякомъ случаѣ я предпочитаю объяснить поводъ моего визита m-ur Хіису.

— Значитъ, у васъ есть опредѣленный поводъ?

— Да.

— Такъ, пожалуйста, разскажите мнѣ.

— Mon Dieu! — воскликнулъ Жилльe. — Что за смыслъ намъ, мужчинамъ, играть въ прятки другъ съ другомъ. Я скажу прямо: я хочу выкупить у васъ свое либретто.

Чарміанъ посмотрѣла на мужа. Къ ея изумленію его выразительное лицо не отражало ничего. Она подумала даже, что оно выглядитъ какъ-то особенно безстрастно. Клодъ спросилъ:

— Хотите выкупить? Почему?

— Потому что я не вѣрю, чтобы изъ нашего съ вами сотрудничества въ искусствѣ могло выйти что-нибудь удачное. Таково мое мнѣніе со времени нашей совмѣстной поѣздки въ Константинъ.

— То есть больше года назадъ! И вы только теперь приходите сказать мнѣ объ этомъ!

Жилльe молчалъ.

— Несомнѣнно, у васъ есть и другой поводъ? — сказалъ Клодъ неестественно спокойнымъ голосомъ.

— Это — одинъ поводъ и весьма основательный. А затѣмъ и другой: если вы согласитесь возвратить мнѣ либретто, то я бы могъ передать его композитору, который болѣе сродни моей артистической индивидуальности, чѣмъ вы.

— Такъ, — проговорилъ Клодъ. — А какъ же быть съ тѣми мѣсяцами работы, которые я потратилъ? Какъ быть съ написанной мной музыкой? Вы пришли, чтобы заставить меня выбросить ее или какъ?

Жилльe молчалъ.

— Вѣдь сознайтесь, ваше предложеніе несерьезно? — продолжалъ Клодъ съ полнымъ самообладаніемъ.

— Безусловно серьезно. Безусловно, — отвѣтилъ Жилльe, возвысивъ голосъ. — Я — человѣкъ бѣдный, и мнѣ надоѣло дожидаться успѣха. Либретто вамъ я продалъ второпяхъ, необдуманно. Теперь мнѣ представляется случай соединить свое имя съ именемъ человѣка уже знаменитаго, съ которымъ успѣхъ моего либретто гарантированъ...

— Но позвольте... ваше либретто — моя собственность! — прервалъ его Клодъ.

— Ахъ, я знаю, что трудное дѣло бросить всю работу нѣсколькихъ мѣсяцевъ! Мнѣ кажется, что я самъ не могъ бы этого сдѣлать! Но тутъ есть одно обстоятельство, которое играетъ рѣшающую роль для артиста и художника.

— Какое именно?

— Вы не участвуете душой въ своей работѣ! — произнесъ Жилье съ убѣжденнымъ презрѣніемъ.

— Это неправда! — возразила Чарміанъ съ негодованіемъ.

Клодъ молчалъ, а Жилье продолжалъ, повысивъ голосъ:

— Нѣтъ, это правда! Вашъ талантъ и мой слишкомъ чужды другъ другу! И вы отлично понимаете это. Я не слыхалъ вашей музыки, но я и безъ этого знаю. Я бѣденъ, неизвѣстенъ — все равно! у меня есть чутье, которое не обманываетъ. Если бъ я зналъ васъ раньше, какъ знаю теперь, то никогда не продалъ бы вамъ своего либретто, хотя бы вы дали мнѣ пятьсотъ фунтовъ вмѣсто ста! Съ вашимъ темпераментомъ, съ вашей индивидуальностью вамъ никогда не дать яркаго колорита, не вдохнуть жизни въ мою фабулу. Это я говорю вамъ прямо!

Жилы на его вискахъ надулись, лицо горѣло.

— Отдайте мнѣ мое либретто и возьмите назадъ ваши деньги! Не лишайте меня возможности успѣха и удачи! Madame неуступчива и не хочетъ слышать... Но вы...

— Monsieur, я долженъ просить васъ не вводить въ нашъ разговоръ имя моей жены, — сказалъ Клодъ.

Эти слова онъ произнесъ съ непреклонной твердостью. Лицо его было блѣдно и взволнованно.

— Хорошо. Такъ вы согласны отдать мнѣ назадъ либретто?

Чарміанъ ожидала немедленнаго категорическаго отказа. Но послѣ вопроса Жилье наступила продолжительная пауза. Слова такъ и рвались съ ея губъ, но она не смѣла произнести ихъ. Клодъ сидѣлъ, опустивъ голову. Казалось, онъ переживаетъ тяжелую борьбу. У нея защемило въ сердцѣ. Но когда Клодъ поднялъ голову и взглянулъ на нее, ее охватилъ ужасъ.

— Клодъ! — проговорила она. — Опомнись, Клодъ!

Онъ повернулся къ Жилье и сказалъ:

— Monsieur, вы не можете получить обратно свое либретто. Оно — мое, и я намѣренъ оставить его за собой.

Когда Жилье удалился, Чарміанъ, съ трудомъ владѣя собой, проговорила:

— Какъ ты могъ... какъ ты могъ переносить такъ спокойно оскорбленія этого субъекта?

— Оскорбленія?

— Ну да.

Клодъ молча посмотрѣлъ на нее. И снова она почувствовала страхъ.

— Не надо больше никогда говорить объ этомъ, — сказалъ Клодъ и вышелъ изъ комнаты.

Въ этотъ день онъ очень поздно оставался въ своей студіи. Даже не сошелъ къ чаю. Наступилъ вечеръ. Но онъ не работалъ надъ оперою, а игралъ Баха.

* * *

Въ концѣ апрѣля Эльстонъ Лэкъ снова пріѣхалъ въ Мустафу.

Со времени перваго знакомства Хиисовъ съ нимъ онъ сильно подвинулся впередъ на пути къ своимъ честолюбивымъ мечтамъ. Его энергія и сила воли начинали приносить свои плоды. Онъ уже зарабатывалъ большія деньги, но еще не выплатилъ своего огромнаго долга Крэйфорду. Пріѣхавъ къ Хиисамъ, онъ, какъ всегда, привезъ съ собой заразительную атмосферу восторженнаго настроенія. Въ немъ было мужество, внушавшее бодрость и другимъ.

Эльстонъ объявилъ, что можетъ прогостить мѣсяцъ, если хозяева ничего не имѣютъ противъ этого. Ему хотѣлось хорошенько отдохнуть передъ рядомъ концертовъ, который онъ намѣренъ былъ дать въ Лондонѣ. Чарміанъ и Клодъ были въ восторгѣ. Но черезъ минуту Клодъ сказалъ:

— Сегодня тридцатое, правда? Вы подразумѣваете подъ мѣсяцемъ — мѣсяцъ или четыре недѣли?

— Если хотите точно, дружище — четыре недѣли!

— Это выходитъ меньше мѣсяца.

— Да, но что же дѣлать? Въ началѣ іюня я пою въ Лондонѣ. И такъ досижу до крайняго срока.

— Поѣзжайте двадцать восьмого, — сказалъ Клодъ.

— Будь по-вашему. Но къ чему эта высшая математика?

Клодъ только улыбнулся въ отвѣтъ и вышелъ изъ комнаты.

— Что онъ затѣваетъ? — спросилъ озадаченный Лэкъ.

— Право, я не знаю, — отвѣтила Чарміанъ.

— Ужъ не хочетъ ли онъ избавиться отъ меня? Можетъ быть поэтому онъ такъ настойчиво спрашивалъ сколько времени я пробуду? — говорилъ Лэкъ смѣясь. — Но это — дудки. Меня не такъ легко будетъ выжить отсюда. Какъ здѣсь дышится! Это уголокъ земного рая.

Онъ пустилъ звучную руладу до самыхъ высокихъ нотъ.

— Теперь у меня это выходитъ довольно легко, правда? — спросилъ онъ.

— Великолѣпно! — восторженно отозвалась Чарміанъ. — Вашъ голосъ все крѣпнетъ и развивается. Но это уже почти...

— Я знаю что вы хотите сказать, — прервалъ ее Эльстонъ. — Но нѣтъ, я не хочу въ тенора! Если бъ вы знали, что за ерунда эти баритоны, перешедшіе въ тенора, то вы бы сами сказали: „Бросьте эту затѣю, Эльстонъ!“ Но Богъ съ нимъ со всѣмъ: буду теперь только отдыхать и наслаждаться!

Клодъ не захотѣлъ устроить себѣ каникулъ съ пріѣздомъ Лэка. Наоборотъ, онъ даже сталъ работать упорнѣе прежняго точно пріѣздъ друга воспламенилъ его энергію.

— Я не извиняюсь, Эльстонъ, что такъ мало времени могу быть съ вами, — сказалъ онъ какъ-то.

— Смѣшно было бы вамъ извиняться! — отвѣтилъ пѣвецъ. — Вѣдь я первый подбилъ васъ писать оперу. А затѣмъ время дорого. Особенно теперь, когда...—Онъ запнулся. — Крэйфордъ пріѣзжаетъ этимъ лѣтомъ, — добавилъ онъ, стараясь придать голосу оттѣнокъ безразличія.

— А-а! — протянулъ Клодъ.

И на этомъ разговоръ закончился.

Клодъ разрѣшалъ себѣ бездѣльничать только рано утромъ да часа полтора послѣ лѣнча. Утромъ они всѣ трое ѣздили кататься верхомъ, а послѣ лѣнча сидѣли у фонтана, курили и болтали. При Эльстонѣ разговоръ никогда не изсякалъ. Его юная жизнерадостность рождала въ собесѣдникахъ желаніе высказаться. Когда Клодъ, часовъ около трехъ, уходилъ въ свою студію, Эльстонъ отправлялся одинъ гулять. Затѣмъ, передъ обѣдомъ, если Чарміанъ не была ничѣмъ занята, они вдвоемъ отправлялись въ, такъ называемый, Boisde Boulogne или къ морю.

Во время этихъ интимныхъ прогулокъ Чарміанъ имѣла возможность убѣдиться въ чисто рыцарской деликатности, свойственной воспитаннымъ американцамъ въ отношеніи къ женщинамъ. Хотя она и Эльстонъ были молоды, и она была интересная женщина, она чувствовала себя съ нимъ какъ съ братомъ. Имъ было вмѣстѣ хорошо, легко. Но часто Чарміанъ вспоминала, что Клодъ сидитъ у себя, запершись, добровольно отказавшись отъ свободнаго распоряженія своимъ временемъ, и ей становилось не по себѣ.

— Знаете, Эльстонъ, онъ слишкомъ много работаетъ, —

сказала она однажды, когда они сидѣли въ Jardin d'Essai. — Теперь онъ и ночью засиживается очень поздно... вы не находите, что у него измученный видъ?

Въ ея голосѣ звучала тревога.

— Да, иногда онъ имѣетъ усталый видъ, — согласился Эльстонъ. — Но приходится теперь припалечь. Ничего не подѣлаешь. Скажите, сколько собственно у него готово?

— Мнѣ кажется, что музыка вся сдѣлана, но вотъ вся возня съ оркестровкой.

— Ладно. А много ли онъ успѣлъ съ этимъ? Клодъ мнѣ ни разу не сказалъ точно. Впрочемъ, композиторы никогда не говорятъ!

— Да, я знаю. Я думаю, что опера будетъ совсѣмъ закончена къ концу этого года.

— Не раньше?

Они взглянули другъ на друга, и Чарміанъ воскликнула:

— Ахъ, Эльстонъ! Если бъ вы знали, какъ мнѣ трудно ждать, ждать и не проявлять нетерпѣнія. Иногда я запиралась у себя въ комнатѣ и плакала... да, плакала отъ нетерпѣнія! Мнѣ хотѣлось кусаться. Разъ я даже изгрызла наволоку.

Она разсмѣялась, но ея щеки горѣли.

— Такая пытка — все время сдерживать себя. Вѣдь я понимаю, что было бы преступленіемъ торопить его: онъ, бѣдный, такъ напряженно работаетъ! Говорятъ, что другіе тратятъ на оперу лѣтъ десять. Онъ началъ ее всего годъ и пять мѣсяцевъ тому назадъ. Но Боже мой! Иногда мнѣ кажется, что я заболѣю отъ этого вѣчно подавляемаго нетерпѣнія, что оно подтачиваетъ меня, какъ ядъ. Вы понимаете?

— Понимаю ли? Ну, еще бы! Я только хотѣлъ бы, чтобы Клодъ закончилъ работу прежде чѣмъ Крэйфордъ уѣдетъ опять въ Америку.

— А когда онъ собирается?

— Кажется, въ сентябрѣ. Въ іюнѣ и іюлѣ онъ въ Лондонѣ. Затѣмъ — курсъ лѣченія въ Дивонпѣ. Если бъ только... Вы когда будете въ Лондонѣ?

Чарміанъ вдругъ схватила его за руку.

— Эльстонъ, я удержу Клода здѣсь и откажусь отъ Лондона, лишь бы только опера была кончена въ августѣ!

— Хорошо, но какъ же съ жарой?

— Я не вѣрю, что здѣсь, на холмѣ, такъ ужъ нестерпимо жарко. У насъ много деревьевъ и днемъ бризъ съ моря.

Выдержимъ! Теперь только апрѣль. Это было бы, значитъ, четыре мѣсяца систематической работы. Но затѣмъ?

— Я бы привезъ Крэйфорда сюда.

— А онъ захочетъ?

— Я уговорю его. Надо, чтобы онъ прослушалъ оперу именно здѣсь, въ Мустафѣ. Я его хорошо знаю. Онъ — настоящій дѣловой человѣкъ, это вѣрно, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ очень впечатлителенъ. И обстановка на него сильно дѣйствуетъ. Онъ никогда не бывалъ въ Африкѣ. Подумайте только, какъ онъ будетъ очарованъ, когда попадетъ сюда, и особенно лѣтомъ, когда все дышитъ огнемъ. Мы съ вами сумѣемъ окунуть его въ атмосферу. Помните сцену третьяго акта? Въ лунную сентябрьскую ночь я поведу его, покажу ему городъ, уснувшій въ серебрѣ, бѣлыя террасы и на нихъ женщины и все это подъ звуки странной туземной музыки... вотъ это эффектъ! Мы опьянимъ его, увлечемъ!

— Ахъ, Эльстонъ, если бъ!

Чарміанъ была захвачена энтузіазмомъ пѣвца. Ей стало казаться, что въ Африкѣ м-ръ Крэйфордъ не откажется отъ оперы. Она рѣшилась не ѣхать въ Лондонъ! Она останется съ Клодомъ въ Мустафѣ, пока опера не будетъ закончена. Въ тотъ же вечеръ она заговорила объ этомъ съ мужемъ.

— Клоди, — сказала она, — тебѣ очень хочется ѣхать въ Лондонъ на лѣто?

Онъ взглянулъ на нее съ удивленіемъ.

— Мнѣ?.. А что? Развѣ тебѣ не хочется ѣхать?

— Ни чуточки.

— А куда же?

— Зачѣмъ непремѣнно ѣхать?

— Оставаться здѣсь?

— Ну да. Я полюбила этотъ домъ, садъ и даже этихъ нелѣпыхъ золотыхъ рыбокъ.

— Да, но жара!

Въ его голосѣ не было протеста, а только удивленіе и нерѣшительность.

— Масса людей вѣдь живетъ. Алжиръ не безлюденъ лѣтомъ, только туристовъ нѣтъ. А потомъ мы высоко.

— Это вѣрно. И я бы могъ спокойно работать.

— Да. Никто и ничто тебѣ бы не мѣшало.

— Единственное, что мнѣ надо было въ Лондонѣ — это видѣть Джерминггона.

— Выпиши его сюда!

— Что ты? Онъ никогда не выѣзжаетъ изъ Лондона.

— Пригласи его на мѣсяцъ. Уплатимъ, конечно, расходы и все такое.

— Какъ ты быстро рѣшаешь! — засмѣялся Клодъ. — Вы съ Эльстономъ точно близнецы въ этомъ отношеніи.

— А что жъ? то, что должно быть сдѣлано, надо дѣлать скорѣе.

— Ты въ самомъ дѣлѣ удивительная жена, Чарміанъ. Можно попробовать сманить стараго Джернингтона. Онъ подумаетъ, что я сошелъ съ ума, но...

— Я надѣюсь, — закончила Чарміанъ улыбаясь, — что онъ не будетъ такъ безконечно благоразуменъ, чтобы отказаться.

— Но что подумаетъ madre, если мы не пріѣдемъ?

Чарміанъ стала серьезной.

— Да. Но, вѣдь и она ни разу не пріѣхала сюда къ намъ. Madre бываетъ иногда странная. Тебѣ не кажется?

— Она безусловно вѣрна себѣ. Я люблю это въ ней.

— Я тоже. Но все-таки она странная.

Въ этотъ моментъ вошелъ Эльстонъ, и разговоръ былъ прерванъ. Но у обоихъ супруговъ мысль въ этотъ день неразъ возвращалась къ madre. Съ ними ли сердце матери?

Чарміанъ задавала себѣ этотъ вопросъ. Клодъ — нѣтъ. Онъ вспоминалъ пламенные глаза м-съ Мэнсфильдъ. Они видѣли глубоко и далеко. Но надо забыть о нихъ! Надо отдаться восторженной вѣрѣ Чарміанъ и Эльстона!

Онъ послалъ длинную телеграмму Джернингтону. Въ отвѣтъ онъ получилъ: „Очень трудно. Неужели вамъ безусловно невозможно пріѣхать?“

— Я отвѣчу ему, — сказала Чарміанъ и протелеграфировала:

„Безусловно невозможно. Хіисъ“. Черезъ день пришла вторая телеграмма: „Хорошо. Постараюсь пріѣхать. Джернингтонъ“.

Чарміанъ прочитала ее и разсмѣялась:

— Бѣдняга! Онъ совсѣмъ растерялся. Сидѣлъ сиднемъ столько времени и вдругъ: собирайся въ Африку! Клодъ, онъ любитъ твою оперу, иначе онъ никогда бы не согласился пріѣхать. А онъ большой знатокъ, правда?

— Оркестровки? Да.

— Это въ оперѣ вся суть. Я такъ счастлива! Устроимъ

сегодня музыкальный вечеръ. Но сыграй цѣликомъ весь первый актъ. Эльстонъ слыхалъ его только частями.

— Сейчасъ мнѣ еще не хочется, чтобы его слушали, — сказалъ Клодъ.

На самомъ дѣлѣ онъ ожидалъ похвалы и одобренія. Въ прежнія времена онъ былъ равнодушенъ къ этому. Но теперь онъ ощущалъ тайную тревогу: какое впечатлѣніе произведетъ то, что онъ сочинилъ?

Въ этотъ вечеръ онъ былъ согрѣтъ искреннимъ восхищеніемъ жены и Лэка.

— А вѣдь они, какъ близкіе люди, — говорилъ онъ себѣ, — склонны къ особенно придирчивой критикѣ.

Онъ забылъ, что въ нѣкоторыхъ натурахъ желаніе создаетъ убѣжденіе.

Въ послѣдній день пребыванія Эльстона выяснилось, отчего Клодъ старался съ такой математической точностью опредѣлить время отъѣзда пріятеля. Клодъ самъ объяснилъ это.

— Я надѣялся, что дойду до финала оперы, если вы останетесь еще эти нѣсколько лишнихъ дней. Даже, когда вы сказали, что вашъ мѣсяцъ означаетъ только четыре недѣли, я еще надѣялся: понатужусь и закончу. Я старался изо всѣхъ силъ, но не успѣлъ. Мнѣ надо еще недѣли двѣ, чтобы справиться съ задачей.

Онъ былъ очень блѣденъ, съ темными кругами подъ глазами.

— Такъ вотъ что это было! — воскликнулъ Эльстонъ.

Онъ съ Чарміанъ обмѣнялись быстрымъ взглядомъ.

— А когда вы напишете финалъ, — сказалъ Эльстонъ, — то, значитъ, опера будетъ закончена?

— О, нѣтъ!

— Но какъ же? вѣдь это финалъ послѣдняго дѣйствія, — замѣтила Чарміанъ.

— Да, но надо кое-что вставить въ разныхъ мѣстахъ и многое переработать.

Снова Чарміанъ и американецъ обмѣнялись взглядомъ.

— Слушайте, Клодъ, — сказалъ Эльстонъ, — вы вѣдь читали Бальзака, правда?

— Да. Но какое онъ имѣетъ отношеніе къ моей оперѣ?

— Читали вы его разсказъ о художникѣ, который всегда стремился достигнуть совершенства? Онъ не оставлялъ въ покоѣ свою картину, поправлялъ, прибавлялъ все новые мазки

и вводилъ новыя детали. Однажды онъ пригласилъ друзей посмотрѣть его шедевръ. Придя, они увидѣли вещь до того зализанную, что она потеряла всякій смыслъ.

— Ну такъ что же? — спросилъ Клодъ.

— Мораль проста: у васъ чудесный талантъ. Довѣрьтесь ему.

Клодъ ничего не отвѣтилъ, и Эльстонъ легко перешелъ на другую тему. Но уѣзжая въ Англію, онъ сказалъ Чарміанъ:

— Слѣдите ради Бога за Клодомъ, чтобы онъ не перемудрилъ. То есть я хочу сказать, чтобы не пропала всякая непосредственность. Мнѣ представляется, что ему грозитъ эта опасность: онъ не вполнѣ увѣренъ въ себѣ.

— Видите, это его первый опытъ оперы.

— Знаю. Это естественно. Но слѣдите, чтобы онъ не переусердствовалъ.

— Постараюсь. Но съ Клодомъ нужна особая осторожность. Онъ очень скрытенъ, рѣдко высказывается...

— Да, но вы знаете, какъ подойти къ нему. И мы должны все сдѣлать для того, чтобы опера была удачна и имѣла блестящій успѣхъ.

Если бъ Клодъ слышалъ это „мы“!

— Выйдемъ немножко въ садъ, — продолжалъ онъ. — Мнѣ еще рано ѣхать, а я бы хотѣлъ сказать вамъ кое-что, пока не выйдетъ Клодъ.

Они сошли съ террасы.

— Вотъ что, м-съ Чарміанъ. Я хотѣлъ сказать вамъ, что намѣренъ привезти сюда Крэйфорда — будетъ ли опера кончена или нѣтъ — все равно! Готово довольно для того, чтобы онъ могъ судить. И вы должны прочитать ему либретто.

— Я? — воскликнула изумленная Чарміанъ.

— Да, вы. Поупражняйтесь. Проштудируйте его и научитесь оттѣнять и выдвигать всѣ красоты. Это либретто захватитъ Крэйфорда цѣликомъ, если вы прочтете его и прочтете хорошо.

Оправившись отъ изумленія, Чарміанъ почувствовала невыразимую радость. Передъ ней интересная задача. Эльстонъ подвинулъ ее на ступень впередъ. Какъ онъ правъ! Она вспомнила Крэйфорда; именно женщина должна прочесть ему либретто! Декораціи будутъ дивныя, а ея платье!..

— Вы умница, Эльстонъ, что придумали это, — воскликнула она. — Я изучу либретто такъ, какъ будто я актриса.

— Вотъ-вотъ! Мы съ вами великолѣпно понимаемъ другъ друга! Я знаю Крэйфорда. Его надо, какъ говорятъ французы, ébloüir. Раньше всего надо поразить его воображеніе тѣмъ, какіе либретто даетъ богатѣйшіе сценическіе эффекты. И когда онъ войдетъ въ ражъ, тогда мы преподнесемъ ему музыку — но не раньше! Это надо продѣлать очень тонко. Заинтересовать его трудно — охъ, какъ трудно, но разъ онъ уже вошелъ во вкусъ, то за нимъ и экспрессу не угнаться. И вотъ намъ съ вами придется обработать его прежде, чѣмъ допустить къ Клоду...

Онъ остановился и задумался.

— Знаете что? — продолжалъ онъ. — Лучше было бы даже, чтобы Клода не было день или два, пока мы подготовимъ почву. Я думаю, это можно будетъ какъ-нибудь устроить?

— Конечно, — отвѣтила Чарміанъ. — Все можно, что только поможетъ устройству оперы.

— Вы правы! Я все это обдумаю и сообщу вамъ.

— Ахъ, Эльстонъ! Какъ мнѣ дожить до конца августа? Вы будете въ Лондонѣ. Время у васъ будетъ летѣть безумно. Концерты, общество, успѣхъ... А я должна сидѣть здѣсь и ждать, ждать...

— Вы будете учиться декламаціи.

— Да! — воскликнула она энергично, съ благодарностью глядя на него. — Какой вы хорошій другъ, Эльстонъ, — проговорила она сердечно.

— А вы? Да вѣдь вы съ Клодомъ дали мнѣ семью, уютъ и теплую симпатію. Вспомните студію, наши ужины, мои ночевки тамъ... Эхъ, да что говорить? Успѣхъ Клода и вашъ я ощущаю, какъ свой. И на этомъ аминь.

Онъ сильно тряхнулъ ей руку и кликнулъ Клода: пора было ѣхать.

XXVI.

Джернингтонъ пріѣхалъ въ Алжиръ въ серединѣ іюля.

Онъ былъ чистокровный англичанинъ изъ Суффолька и только годъ провелъ въ Германіи, но былъ очень похожъ на нѣмецкаго студента. Его блѣдно-голубые глаза выражали романтическую задумчивость. Синій клѣтчатый шарфикъ съ свободно развѣвающимися концами придавалъ оттѣнокъ наивной богемы всей его внѣшности. Одѣтъ онъ былъ, какъ для прохладной погоды въ Англіи и носилъ ботинки на ремнѣ.

Въ своей спеціальности это былъ выдающійся человѣкъ. Онъ стремился стать композиторомъ, но у него было мало способности къ оригинальной работѣ. Его знанія техники композиціи были огромны, и въ Англіи онъ былъ первымъ въ этомъ дѣлѣ.

Онъ отдавался работѣ всей душой. Въ своей преданности талантливому ученику онъ не зналъ предѣла. А Клода онъ считалъ самымъ даровитымъ изъ своихъ учениковъ.

Чарміанъ встрѣтила Джернингтона съ восхищеніемъ: она одобрила и клѣтчатый шарфикъ и сапоги на резинкѣ. Устроился онъ у нихъ съ такимъ удовольствіемъ, точно котъ, передъ которымъ поставленъ кувшинъ жирныхъ сливокъ. И черезъ два дня казалось, что онъ всегда былъ здѣсь.

Чарміанъ мало видалась съ нимъ. Она и Клодъ работали очень усердно, несмотря на страшный зной. Они начинали занятія раннимъ утромъ, днемъ отдыхали, возобновляли работу около пяти и съ промежуткомъ для обѣда продолжали ее до поздней ночи.

Англійская колонія вся давно разъѣхалась. Оставался только вице-консулъ съ женой, но и они жили довольно далеко за городомъ. Чарміанъ жила въ странномъ одиночествѣ. Изрѣдка только ее навѣщалъ кто-нибудь изъ французскихъ знакомыхъ, и они сидѣли немножко въ саду или возлѣ фонтана.

Красота и яркій романтизмъ окружавшей природы иногда волновали ее. Она слушала журчаніе фонтана, глядѣла на вѣчно-голубое море, и ей казалось, что какая-то часть ея существа ушла, что осталась другая Чарміанъ, неполная и неувѣренная. Но эта апатія не была продолжительна. Ее будилъ вдругъ громкій голосъ Джернингтона, раздававшійся изъ студіи или доносились мощные аккорды, и снова она надѣялась, мечтала, строила планы будущаго.

Она тщательно изучила либретто, нашла бывшую парижскую актрису, которая дала ей нѣсколько уроковъ декламаціи и въ концѣ заявила, что она читаетъ либретто „assez bien“. Это — большой комплиментъ со стороны бывшей grande-dame изъ Comédie Française. Чарміанъ чувствовала, что ей удастся произвести впечатлѣніе на Крэйфорда. Она все время дѣятельно переписывалась съ Эльстономъ, который пожиналъ лавры въ Лондонѣ. Отъ него она знала, что Крэйфордъ былъ тамъ, а въ августѣ поѣдетъ въ Divonne les Bains. Лэкъ взялся за него, но еще даже не намекнулъ на поѣздку въ

Африку. Крэйфордъ предлагалъ послѣ лѣченія устроить экскурсію на автомобилѣ. Лэкъ и хотѣлъ воспользоваться этимъ, чтобы соблазнить антрепренера „великолѣпчыми алжирскими дорогами, лучшими въ мірѣ для машинъ". Крэйфордъ все еще былъ въ поискахъ оперы и спросилъ о Хіисѣ, какъ только пріѣхалъ. Лэкъ отвѣтилъ, что Хіисъ заканчиваетъ оперу, но на всѣ другіе вопросы отвѣчалъ уклончиво, внушая Крэйфорду впечатлѣніе, что Клодъ прячется. Тема эта была оставлена, но затѣмъ Крэйфордъ не разъ возвращался къ ней, спрашивалъ, слышалъ ли Лэкъ эту оперу, хороша ли она и т. д. Лэкъ отвѣчалъ неопредѣленно, стараясь окутать все это таинственностью. Тактика подѣйствовала: Крэйфордъ заинтересовался и заподозрѣлъ, что композиторъ имѣетъ основанія держать въ секретѣ то, что онъ пишетъ. Онъ не выдержалъ и спросилъ въ концѣ концовъ, не вошелъ ли Хіисъ въ сдѣлку съ его конкурентомъ, владѣльцемъ Метрополитэна?

Обо всемъ этомъ Эльстонъ сообщалъ Чарміанъ въ послѣднемъ письмѣ, отъ начала августа.

Клодъ ничего не зналъ объ этой перепискѣ и обо всемъ разговорѣ. Не надо было мѣшать ему ничѣмъ. Чарміанъ хотѣла, чтобы онъ былъ занятъ только своей работой — ею одной! Если Крэйфордъ пріѣдетъ (а объ этомъ Эльстонъ предупредитъ ее заранѣе), то она убѣдитъ Клода поѣхать на нѣсколько дней отдохнуть куда-нибудь. Онъ и въ правду блѣденъ, нервенъ. Напряженная работа начинаетъ сказываться. Но какъ звать его къ отдыху сейчасъ, когда пріѣхалъ Джернигтонъ и когда въ ихъ интересахъ такъ важно, чтобы опера была возможно скорѣе закончена? Да и навѣрное Клодъ не послушалъ бы ее. Присутствіе Джернингтона всегда вдохновляло его, возбуждало фантазію. Теперь они пробовали нѣкоторые отрывки изъ оперы съ мѣстными, алжирскими музыкантами. Раздобыли скрипача, кларнетиста и гобой.

Вообще жили исключительно оперой. И Чарміанъ не въ силахъ была выступить въ роли жены, заботящейся о здоровьѣ мужа. Она умѣла толкать впередъ, но не умѣла удерживать. Отдохнетъ потомъ — на лаврахъ!

Она улыбнулась этой мысли, сидя съ письмомъ Эльстона въ рукѣ. Кто-то приближался къ ней. Она подняла голову и увидѣла Джернингтона. Онъ шелъ по дорожкѣ и шелковымъ платкомъ вытиралъ потъ со лба.

— Кончили работу? — крикнула Чарміанъ.

— Нѣтъ. Но одинъ кусокъ вышелъ у Клода совсѣмъ

неправильно. Я заставилъ исправить его. Такъ онъ выставилъ меня!

Онъ разсмѣялся. Его смѣхъ изумительно дисгармонировалъ съ его глазами: глаза были романтическіе, а смѣхъ — прозаическій.

Джернингтонъ сѣлъ рядомъ съ Чарміанъ и положилъ руки на колѣни.

— М-ръ Джернингтонъ, голубчикъ, скажите мнѣ! — начала она. — Вы такъ много знаете. Вѣдь опера хороша правда?

Джернингтонъ принадлежалъ къ типу узкихъ спеціалистовъ, которые не умѣютъ взглянуть на дѣло широко. Когда Чарміанъ заговорила объ оперѣ, ему казалось, что онъ понимаетъ оперу, какъ цѣлое, но на самомъ дѣлѣ у него въ мысляхъ была только оркестровка.

— Она великолѣпна! — съ воодушевленіемъ отвѣтилъ онъ. — Никогда я еще не имѣлъ такого талантливаго ученика какъ вашъ мужъ. У него поразительное чутье къ оркестровкѣ. Вотъ, напримѣръ...

И онъ погрузился въ обсужденіе техническихъ тонкостей Чарміанъ была счастлива, но когда затѣмъ они вынырнули изъ этой глубины на поверхность, она снова попыталась перевести разговоръ на общую почву.

— Значитъ, вы въ самомъ дѣлѣ одобряете оперу въ цѣломъ? Она безспорно красива, да?

Джернингтонъ вытеръ своимъ платкомъ лицо, лобъ, шею.

— Восхитительна! — отвѣтилъ онъ. — Когда она будетъ поставлена на сценѣ и когда люди узнаютъ, что авторъ разрабатывалъ детали композиціи со мной, то ко мнѣ такъ повалятъ ученики, что мнѣ придется взять новую, огромную квартиру. Вы знаете, что его употребленіе гобоя въ комбинаціи съ флейтой...

И снова онъ погрузился въ свою излюбленную область. Онъ цитировалъ Vincent d'Indy, подробно сравнивалъ вторую симфонію Эльгара съ нѣкоторыми отрывками Чайковскаго анализировалъ тонкіе пріемы Дебюсси и мощныя, а подчасъ и чудовищныя комбинаціи Рихарда Штрауса. Но все время онъ возвращался къ своему ученику, Клоду, и его похвалы становились все горячѣй. Онъ то развязывалъ, то завязывалъ свой шарфикъ. размахивалъ руками, и его манжеты, не пристегнутыя къ рукавамъ сорочки, вылѣзли наружу.

Чарміанъ чувствовала искренность его восхищенія оперой,

хотя оно выражалось такимъ нелѣпымъ образомъ. Она была полна счастливой гордости.

„Этотъ старый чудакъ знаетъ! Онъ-то знаетъ!“ — думала она.

Отъѣздъ Джернингтона предполагался двадцатаго августа, но когда день этотъ приблизился, Клодъ попросилъ его остаться до конца мѣсяца. Чарміанъ это было не съ руки. Отъ Лэка она получила извѣстіе, что его кампанія въ пользу Клода имѣетъ всѣ шансы на успѣхъ. Крэйфордъ находился въ Divonne-les-Bains, но звалъ Лэка присоединиться къ нему для поѣздки на автомобилѣ, какъ только его лѣченіе будетъ кончено.

„Эта поѣздка, — писалъ Эльстонъ, — клянусь бородой Магомета, закончится на Марсельской набережной и снова продолжится въ порту Алжира. Крэйфордъ сильно обхаживалъ Сеннье, но Пьеро въ юбкѣ (такъ онъ называлъ великую Генріетту) отшилъ его. Она требовала снять ей всѣ звѣзды съ неба. Онъ не захотѣлъ, и теперь они — на ножахъ. Для насъ это — лафа. Вотъ увидите, числу къ десятому сентября я вамъ привезу его“.

Въ сентябрѣ — да! Но Эльстонъ нетерпѣливъ, горячъ. Что, если онъ ускоритъ дѣло и пріѣдетъ съ импрессаріо раньше? Джернингтона не должно быть здѣсь, когда они пріѣдутъ. Клодъ долженъ предстать передъ Крэйфордомъ не какъ ученикъ, а какъ маэстро. Надо какъ можно скорѣе избвиться отъ Джернингтона.

Но увы! у него явно не было никакого желанія трогаться съ мѣста. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые выѣзжаютъ изъ дому съ чрезвычайной неохотой, но съ еще бо́льшей, пожалуй, неохотой покидаютъ гостепріимный кровъ, пріютившій ихъ. Казалось, онъ ничего не имѣетъ противъ того, чтобы кончить свои дни въ тропической странѣ! жару онъ любилъ, восхищался красотой и комфортомъ въ Djenan-el-Maqui и отнюдь не торопился уѣзжать.

Чарміанъ оказалась въ трудномъ положеніи, такъ какъ Клодъ ничего не подозрѣвалъ и отъ души желалъ, чтобы Джернингтонъ остался. Чѣмъ ближе къ концу августа, тѣмъ она становилась безпокойнѣе. Въ ея головѣ рождались невѣроятные планы избавленія отъ бѣднаго маэстро, который по существу былъ ей чрезвычайно симпатиченъ. У нея мелькнула идея сдѣлать дырку въ его сѣткѣ отъ москитовъ, которыхъ онъ страшно боялся или просить Эльстона прислать

изъ Лондона телеграмму, якобы требующую его немедленнаго присутствія дома. Но она совершенно не знала его семейныхъ отношеній. Когда она стала разспрашивать его на этотъ счетъ, то оказалось, что его мать умерла чуть ли не до его рожденія, а прочіе родственники были немногочисленны и крѣпки здоровьемъ. Значитъ телеграмма не годится? Но что же дѣлать?

Чарміанъ попробовала принять съ Джернингтономъ холодный тонъ. Можетъ быть, тогда онъ пойметъ, что его визитъ слишкомъ затянулся.

Но Джернингтонъ не воспринималъ никакихъ тонкостей, кромѣ оркестровыхъ. И Чарміанъ не могла себя заставить быть холодной съ такимъ простымъ и сердечнымъ человѣкомъ. Самыя его ботинки на резинѣ взывали къ теплому человѣческому чувству! Его манеры не нравились ей съ эстетической точки зрѣнія, но вызывали своего рода умиленіе. И все-таки Джернингтона надо выжить во что бы то ни стало!

Если бы онъ держался своего прежняго плана уѣхать въ концѣ августа, всякая дипломатія была бы излишней, но Чарміанъ видѣла ясно, что онъ и забылъ про свой планъ.

— На какомъ параходѣ вы думаете ѣхать? — спросила она его, — на „Маршалѣ Бюжо“ или на „Алжирѣ“?

— Видите ли, какая штука, — отвѣтилъ онъ. — По моему убѣжденію не Берліозъ былъ основателемъ современной техники оркестровки. Вашъ мужъ и я... — И пошло, и пошло... Чарміанъ начинало казаться, что она ненавидитъ всю эту сухую матерію. Джернигтонъ питалъ особую слабость къ гобоямъ. Она стала рѣзко нападать на этотъ инструментъ. Джернингтонъ влюбленно выступилъ на защиту. Она была обезоружена его вѣрностью предмету своей привязанности.

Между тѣмъ наступило тридцатое августа. Въ этотъ день она получила отъ Эльстона телеграмму:

„Завтра мы Крэйфордомъ выѣзжаемъ автомобилѣ онъ хочетъ по Германіи не бойтесь попадетъ Марсель. Лэкъ“.

Чарміанъ вѣрила Эльстону. Да, онъ сдѣлаетъ все, что захочетъ. Крэйфордъ любитъ его. Они будутъ скоро въ Мустафѣ. Надо выпроводить Джернингтона.

Пришло и ушло 31 число. Маэстро молчалъ. Чарміанъ пришла въ отчаяніе. Она рѣшила привлечь Клода на помощь. Джернингтонъ ничего не пойметъ, если не сказать ему прямо: —

„Уѣзжайте! Ради Бога уѣзжайте!“ А то онъ еще можетъ принять это за шутку!

— Клоди, — сказала она, — ты знаешь, что я очень люблю нашего славнаго Джернингтона?

Клодъ вопросительно вскинулъ на нее глаза. Дѣло было къ вечеру. Она вошла къ нему въ студію.

— Джернингтона?

— Ну, да.

— Конечно, онъ великолѣпный малый. Такъ что́ жъ о немъ?

Чарміанъ присѣла. Видъ у нея былъ очень спокойный, движенія мягкія.

— А вотъ что́: я начинаю ненавидѣть его! — произнесла она.

— Господь съ тобой, Чарміанъ! За что?

— Ты не разсердишься, если я скажу тебѣ?

— Чего мнѣ сердиться?

— Но у тебя свирѣпый видъ.

Клодъ постарался перемѣнить свое выраженіе.

— Это отъ работы, — пробормоталъ онъ. — Когда такъ каторжно работаешь, какъ я, то поневолѣ станешь свирѣпымъ.

— Вотъ оттого-то я и начинаю... любить Джернингтона меньше прежняго. Онъ изводитъ тебя.

— Джернингтона?

— Ну, да. Это надо прекратить.

Она говорила теперь серьезно и рѣшительно.

— Что́ прекратить?

— Работу, Клодъ. Я въ послѣднее время замѣчаю, что если ты не отдохнешь какъ слѣдуетъ, то надорвешься.

— Но ты всегда поощряла меня къ работѣ!

— Да. Я была очень заинтересована оперой. Я не замѣчала, какимъ напряженіемъ первовъ дается тебѣ все это. Но я — женщина, Клодъ. Я боюсь... и теперь, когда не я, а другой толкаетъ тебя на работу, можетъ быть во мнѣ говоритъ ревность.

— Ревность къ Джернингтону!..

— Да. Есть капелька. Но помимо этого у тебя ужасный видъ въ послѣдніе дни, Клодъ. Когда ты сталъ просить Джернингтона оставаться еще, я была въ ужасѣ. Ему-то ничего, съ него какъ съ гуся вода, вѣдь онъ не даетъ творчества! Помогать и критиковать нетрудно.

— Это правильно, — сказалъ Клодъ.

Онъ вздохнулъ. Теперь, когда жена сказала ему, что онъ переутомленъ, онъ, дѣйствительно, почувствовалъ себя переутомленнымъ.

— За это время ты много успѣлъ, Клодъ?

— Очень. Больше, чѣмъ я считалъ возможнымъ.

Ея сердце встрепенулось. Но она сказала только:

— Послѣзавтра есть пароходъ въ Марсель. Джернингтонъ долженъ поѣхать на немъ.

— Но, Чарміанъ! Не можемъ же мы вытолкать вонъ этого милѣйшаго человѣка...

— Милѣйшій человѣкъ уѣдетъ этимъ пароходомъ, Клодъ!

— Какой ты деспотъ!

— Я была эгоистична. Меня ослѣпило желаніе видѣть твою работу законченной. Теперь я прозрѣла. Такъ дальше продолжаться не можетъ! Если бы Джернингтонъ могъ оставаться и ничего не дѣлать! Но онъ этого не можетъ. Онъ имѣетъ только одинъ интересъ въ жизни — эту самую оркестровку. А тебѣ надо на время забыть объ этомъ. Поэтому Джернингтонъ долженъ уѣхать. Милый ты мой! Когда я вижу твои впалыя щеки и горящіе глаза, я... я...

Ея глаза наполнились слезами. Ее растрогали собственныя слова, показали ей, какъ беззавѣтно Клодъ отдавался своему дѣлу и тѣмъ самымъ ея честолюбивымъ стремленіямъ.

— Джернингтонъ уѣдетъ на „Маршалѣ Бюжо“, — проговорила она слегка дрожащимъ голосомъ.

И, дѣйствительно, Джернингтонъ уѣхалъ на „Маршалѣ Бюжо“.

Чарміанъ повела дѣло такъ искусно, что маэстро былъ убѣжденъ, что ѣдетъ по собственному почину. Клода она просила не говорить ни слова и предоставить ей дѣйствовать. Она пошла къ Джернингтону и начала говорить объ его необыкновенномъ вліяніи на мужа. Онъ скоро сталъ вытаскивать свои манжеты, дергать за ушки сапогъ — вообще, проявлять несомнѣнные признаки волненія.

— Вы можете дѣлать съ нимъ все, что хотите!

Джернингтонъ сталъ протестовать.

— Онъ убиваетъ себя, — продолжала Чарміанъ. — А мнѣ приходиться смотрѣть на это и молчать.

— Убиваетъ себя!

Джернингтонъ былъ растерянъ.

— Конечно, онъ замучилъ себя работой. Посмотрите на него, вѣдь онъ еле держится на ногахъ. И все это вы, м-ръ Джернингтонъ! Это вы!

Бѣдный маэстро былъ больше, чѣмъ растерянъ — онъ былъ подавленъ. Лицо его приняло виноватое выраженіе.

— Ахъ, Боже мой! — воскликнулъ онъ. — Что же я сдѣлалъ?

— Вы не виноваты, конечно. Но видите ли, Клодъ ставитъ васъ страшно высоко. Онъ говоритъ, что нѣтъ теоретика равнаго вамъ. Онъ боится потерять хоть минуту изъ того времени, пока вы здѣсь. Ваше сужденіе, ваше увлеченіе возбуждаютъ его до того, что онъ теряетъ всякую власть надъ собой. Когда онъ имѣетъ возлѣ себя такого сотрудника, какъ вы, онъ не можетъ отдыхать. И это неудивительно. Вы его вдохновляете. Что же намъ дѣлать? Если онъ не будетъ имѣть основательный отдыхъ, онъ свалится совершенно. Понаблюдайте за нимъ сегодня! Вы увидите сами!

На Джернингтона слова Чарміанъ произвели сильное впечатлѣніе. Онъ дѣйствительно, въ этотъ день наблюдалъ Клода, присмотрѣлся къ нему и затѣмъ невинно спросилъ у Чарміанъ, что надо сдѣлать.

— Предоставляю это вамъ, — отвѣтила она, стараясь загипнотизировать его взглядомъ. Мысленно она повторяла: „Уѣзжайте! уѣзжайте!“

— Можетъ быть, — началъ Джернингтонъ и потянулъ свои манжеты.

— Что?

— Можетъ быть, я увезу его немного отдохнуть?

Чарміанъ готова была ударить его. Но она только съ живостью подхватила:

— То есть вы думаете: въ Англію? Отчего же нѣтъ? Послѣзавтра уходитъ „Маршалъ Бюжо“. Не говорите Клоду ни слова. Достаньте себѣ билетъ, а остальное предоставьте мнѣ. Я знаю, какъ взяться за Клода. И если я буду имѣть отъ васъ помощь...

Джернингтонъ послушно раздобылъ себѣ билетъ на пароходъ и вотъ каковъ былъ результатъ. На другой день, поздно вечеромъ, когда они собирались ложиться спать, Чарміанъ шепнула ему:

— Я положила вамъ записку. Не говорите ему ничего!

Сильно заинтригованный всей этой дипломатіей, Джер-

нингтонъ отправился въ свою комнату и нашелъ на столикѣ слѣдующую записку:

„Дорогой м-ръ Джернингтонъ! Клодъ не поѣдетъ съ вами. Я не могу уговаривать его: онъ невѣроятно раздражителенъ, вслѣдствіе переутомленія. Приходится соглашаться съ нимъ во всемъ. Пожалуйста, не упоминайте вовсе при немъ о нашемъ проектѣ. Каждая мелочь разстраиваетъ его. Если мнѣ удастся позднѣе уговорить его поѣхать въ Лондонъ, то великолѣпно. Сейчасъ ничего не остается, какъ оставить его въ покоѣ. Спасибо вамъ! Вы были такимъ добрымъ другомъ намъ обоимъ. Безъ васъ въ Djienan-el-Maqui будетъ совсѣмъ иначе. Ни слова Клоду. Сожгите эту записку!

Ч. Х.“

Джернингтонъ сжегъ эту записку на свѣчкѣ и на другой день уѣхалъ одинъ на пароходѣ „Маршалъ Бюжо“.

XXVII.

Черезъ два дня послѣ этого Чарміанъ сумѣла выпроводить и Клода и въ пріятномъ волненіи стала дожидаться пріѣзда важныхъ гостей. Изъ телеграммы Эльстона она знала, что они выѣхали и что, въ концѣ концовъ, моторъ очутится въ Марселѣ.

Почти безъ труда ей удалось убѣдить Клода уѣхать. Послѣ отъѣзда Джернингтона онъ какъ-то сразу осѣлъ и не могъ работать, но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ, что не можетъ и отдыхать здѣсь, гдѣ онъ развивалъ такую энергичную дѣятельность.

— Необходимо поѣхать куда-нибудь, — сказала ему Чарміанъ. — Недѣли двѣ тебѣ надо отдышаться.

— Куда же мы поѣдемъ?

— Я не поѣду.

Онъ взглянулъ на нее съ удивленіемъ, но безъ неудовольствія.

— Тебѣ нужно перемѣнить обстановку, — продолжала она. — Остался ли кто-нибудь въ Алжирѣ?

— Нѣтъ, если ты не поѣдешь, — поспѣшно перебилъ онъ ее, — я предпочитаю ѣхать совсѣмъ одинъ. Это гораздо спокойнѣе.

Чарміанъ видѣла по его глазамъ, что перспектива поѣздки въ одиночествѣ очень ему по душѣ.

— Да, Чарміанъ, ты права! Мнѣ это будетъ полезно. Какъ мило что ты такъ заботишься обо мнѣ.

Онъ нагнулся и поцѣловалъ ее. Затѣмъ онъ пошелъ въ свою комнату, тотчасъ же уложилъ чемоданъ и съ первымъ поѣздомъ уѣхалъ въ Гаммамъ-Рирра, какъ предложила Чарміанъ.

— Но если ты переѣдешь оттуда въ другое мѣсто, не забудь телеграфировать мнѣ свой адресъ, — сказала она на прощанье.

Чарміанъ пробыла въ одиночествѣ дней пять, а на шестой день получила слѣдующую телеграмму:

„Завтра выѣзжаемъ Алжиръ на „Тишадѣ“. Ура. Эльстонъ“.

Чарміанъ перечитала ее два раза и помчалась къ себѣ въ комнату за либретто. Еще два дня, и они будутъ здѣсь! Сердце ея пѣло. Какъ хорошо все складывается! Она не сомнѣвалась въ томъ, что пріѣздъ Крэйфорда принесетъ успѣхъ: опера будетъ принята. Они съ Эльстономъ сумѣютъ постоять за себя. Крэйфордъ любитъ своего протеже и восхищается ею — о, она хорошо замѣтила это съ первой ихъ встрѣчи! Сама m-me Сеннье не можетъ энергичнѣе дѣйствовать въ пользу своего мужа, чѣмъ дѣйствуетъ она, Чарміанъ! Либретто она стала изучать съ такимъ рвеніемъ, что почти цѣликомъ запомнила его наизусть.

Ко дню прибытія парохода „Тишадъ“ она была словно въ лихорадкѣ: ходила изъ комнаты въ комнату, переставляла мебель, мѣняла цвѣты въ вазахъ. Эльстонъ и Крэйфордъ, конечно, остановятся въ гостинницѣ, но, навѣрное, проведутъ нѣсколько часовъ у нея: она оставитъ ихъ обѣдать. Съ этой мыслью Чарміанъ заторопилась въ кухню. Надо сочинить изысканно-тонкій обѣдъ, какой еще никогда не подавался въ Мустафѣ!

Почти часъ совѣщалась она съ Жанной, а затѣмъ отправилась на набережную посмотрѣть, не видно ли парохода. Во второмъ часу онъ появился, медленно скользя по зеркальной глади моря. Тогда Чарміанъ, не торопясь, вернулась домой, отдохнула немножко, надѣла простое, но очаровательное бѣлое платье, большую бѣлую шляпу и пошла къ фонтану ожидать появленія гостей.

Въ половинѣ пятаго Чарміанъ услышала гудѣніе мотора. Шумъ приближался. Затѣмъ стихъ. Она не двигалась съ мѣста, но ея сердце колотилось неистово.

— Д-да, это дьявольски изящная вилла! — услышала она голосъ Крэйфорда.

Она склонилась надъ своей книгой. Черезъ минуту Эльстонъ произнесъ по-французски:

— Такъ madame въ саду, Биби? Нѣтъ не надо звать: мы сами найдемъ ее!

Они сейчасъ же появились. Эльстонъ снялъ свою панаму и спросилъ:

— Вы получили мою телеграмму изъ Марселя, м-съ Чарміанъ?

— Да. Я ждала васъ, но не знала когда. Какъ мило съ вашей стороны пріѣхать въ сентябрѣ, м-ръ Крэйфордъ! Въ это время здѣсь никто не бываетъ.

— А по-моему это самое лучшее время, — отвѣтилъ Крэйфордъ, пожимая ея руку. — Я, вообще, не вѣрю въ сезоны, принятые туристами: они всегда выбираютъ неподходящее время.

— Выпейте чего-нибудь прохладительнаго или чаю, — сказала Чарміанъ. — Я совсѣмъ одна, какъ видите.

— Отчего это? — спросилъ Крэйфордъ.

— Мой мужъ уѣхалъ.

Крэйфордъ невольно нахмурился, и Чарміанъ поняла, что цѣлью его пріѣзда была опера.

— Куда? Въ Англію? — спросилъ Крэйфордъ.

— О нѣтъ! Клодъ въ послѣднее время сильно работалъ и теперь устроилъ себѣ маленькія каникулы. Онъ поѣхалъ въ Гаммамъ-Рирра — здѣсь близко есть мѣстечко съ такимъ мудренымъ названіемъ. Ему будетъ безумно жаль, что не удалось видѣть васъ. Но вѣдь вы м-ръ Крэйфордъ, всегда такъ заняты, что навѣрное пробудете здѣсь не дольше одного-двухъ дней.

Крэйфордъ пристально взглянулъ на нее.

— Да, у меня не слишкомъ много времени, — замѣтилъ онъ.

Они усѣлись, Крэйфордъ вытянулъ ноги и снова оглянулся по сторонамъ.

— Красиво у васъ, это вѣрно! — проговорилъ онъ со вздохомъ. — Вотъ бы пожить здѣсь! Жалко, что я — не композиторъ. Правда, Эльстонъ.

Онъ разсмѣялся.

— А надъ чѣмъ именно работаетъ вашъ супругъ, м-съ Хіисъ? — продолжалъ онъ, устраиваясь удобнѣе въ большомъ креслѣ. — Вѣдь вы здѣсь въ поэтическомъ уединеніи уже давно, какъ сказалъ мнѣ Эльстонъ.

Чарміанъ медлила отвѣтомъ, словно колебалась. Мальчишескіе глаза Эльстона сверкали одобрительно.

— Какъ вамъ сказать? Мы пріѣхали сюда, чтобы жить спокойно.

— Да, ужъ спокойствія здѣсь не занимать стать.

Появился чай и прохладительные напитки. Разговоръ пошелъ общій. Воздухъ былъ мягкій, полный томнаго аромата, склоняющагося къ закату дня. Крэйфордъ повторялъ:

— Дьявольски хорошо здѣсь!

Онъ снялъ шляпу и почти лежалъ въ своемъ креслѣ.

— Знаете, Эльстонъ! — сказалъ онъ. — Мнѣ кажется, что я уже годы не отдыхалъ такъ хорошо, какъ сейчасъ!

— Это весьма возможно, — отозвался Лэкъ. — Я никогда не видѣлъ васъ сидящимъ спокойно.

— За исключеніемъ лѣченія на курортѣ. Но это, правда почти нечего считать.

— Оставайтесь у меня обѣдать, господа, — предложила Чарміанъ. — Если вы не соскучились.

— Соскучились! — повторилъ Крэйфордъ.

— Будемъ обѣдать такъ, какъ есть. Я сейчасъ пойду и повидаюсь съ кухаркой на этотъ счетъ.

— Это очень любезно съ вашей стороны, — сказалъ Крэйфордъ, — но я бы не хотѣлъ затруднять васъ.

— Гдѣ вы остановились?

— Въ Эксцельсіорѣ, — отвѣтилъ Лэкъ.

— Въ самомъ городѣ. Нѣтъ, здѣсь куда прохладнѣе. Оставайтесь.

Она поднялась и ушла въ домъ.

— Чудесная у нея фигура! — проговорилъ Крэйфордъ, провожая Чарміанъ глазами. — Но послушайте, Эльстонъ, что за фокусъ съ этимъ Хіисомъ? Теперь, когда я здѣсь, хотѣлось бы взглянуть, что онъ такое мастеритъ. А она какъ будто избѣгала этой темы. Какъ вамъ кажется! не пишетъ ли онъ по заказу? Или можетъ быть кто-нибудь изъ заправилъ Метрополитэна...

Они втянулись въ долгій разговоръ на тему объ оперѣ, при чемъ Эльстону удалось укрѣпить съ своемъ собесѣдникѣ убѣжденіе, что съ работой Хіиса связанъ какой-то секретъ. Это сильно разожгло антрепренера.

Обѣдъ Чарміанъ оказался восхитительнымъ. Крэйфордъ впалъ въ блаженное состояніе. Когда онъ вышелъ послѣ обѣда пить кофэ съ душистой гаванной въ зубахъ и увидѣлъ глу-

бокое небо, сверкающее огромными яркими звѣздами, у него вырвался глубокій вздохъ.

— Шикарно! — воскликнулъ онъ. — Шикарно! Что и говорить!

Въ какой постепенности пошло все дальше, Чарміанъ не могла потомъ вспомнить. Должно быть, Эльстонъ съ удивительнымъ искусствомъ продѣлалъ все. Или можетъ быть она... но нѣтъ. Она теперь не дѣйствовала преднамѣренно. Во всякомъ случаѣ фактъ налицо былъ слѣдующій: часовъ въ десять въ этотъ вечеръ, у фонтана, Чарміанъ начала читать вслухъ либретто оперы.

Вышло это какъ-то само собою. Всѣ были въ приподнятомъ настроеніи. Вѣроятно, дѣйствовало очарованіе южной ночи послѣ того, какъ сыграла свою роль la grande Jeanne. Снова упомянута была опера. Кѣмъ? Не все ли равно. Очевидно, такъ неизбѣжно должно было произойти. Крэйфордъ былъ полонъ мягкаго сочувствія, говорилъ тепло о молодыхъ талантахъ, которые мужественно несутъ знамя искусства грядущимъ поколѣніямъ.

— Люблю молодыхъ! — говорилъ онъ. — Горжусь, когда нахожу и вывожу ихъ въ люди! Не такъ ли, Эльстонъ?

Чарміанъ была тронута. Крэйфордъ заговорилъ о молодости Клода, объ его талантѣ. Она отбросила свою уклончивую манеру — какъ могла она быть уклончивой, когда гость, на которомъ были сосредоточены всѣ надежды, такъ открыто шелъ навстрѣчу мечтѣ? Какъ не поддаться обаянію этой дивной ночи?

Чарміанъ начала читать либретто. Крэйфордъ закурилъ вторую сигару. Онъ наслаждался, какъ умѣютъ наслаждаться только очень занятые люди въ тѣ рѣдко выпадающіе моменты, когда природа словно шепчетъ имъ: „Отдохни!“ Онъ былъ радъ молчать и слушать пріятный женскій голосъ.

Въ началѣ чтенія вниманіе Крэйфорда нѣсколько отвлекалось. Ночь была такъ изумительна, такъ полна тайны! Но Чарміанъ недаромъ училась у актрисы Comédie Française. Къ тому же это былъ рѣшающій моментъ ея жизни, и она знала это. Можетъ быть, никогда не будетъ случая такого воздѣйствія на судьбу! Ей вспомнилось бѣлое лицо m-me Сеннье въ рамкѣ ложи, она встала со стула и стала декламировать, давъ себѣ волю. И она добилась награды. Когда она поздно ночью кончила чтеніе, Крэйфордъ сказалъ:

— Послѣ „Карменъ“ это лучшее либретто. Я знаю

толкъ въ этихъ вещахъ. А ваше чтеніе, м-съ Хіисъ, одно очарованіе!

Чарміанъ молчала. Ея глаза были полны слезъ. Она не въ силахъ была говорить.

— Вотъ что, — началъ Крэйфордъ послѣ продолжительной паузы, въ теченіе которой онъ былъ погруженъ въ глубокое раздумье, — не можете ли вы вызвать вашего супруга, чтобы онъ пріѣхалъ сюда?

Чарміанъ не безъ усилія овладѣла собой.

— Да, конечно, я бы могла. Но... мнѣ кажется, что онъ очень нуждается въ отдыхѣ.

— Такъ сильно онъ работалъ? Потѣлъ надъ своей музыкой?

— Да.

— Молодежь должна потѣть надъ работой, чтобы добиться чего-нибудь. Такъ и надо. Правда, Эльстонъ?

— Пожалуй.

— Все-таки не можете ли вы его вызвать? — продолжалъ Крэйфордъ.

Мягкость и блаженная лѣнь покидали его. Снова обнаруживался человѣкъ дѣла, который забывается только на минутку.

— Хорошо, я могу. Но зачѣмъ?

— Развѣ ему не хочется видѣть своего друга Эльстона?

— Конечно. Онъ всегда любитъ общество м-ра Лэка.

— Ну, вотъ. Чего же больше?

— Да, но ему нуженъ полный отдыхъ.

— Господи! мнѣ онъ тоже нуженъ, но развѣ я его имѣю? Кто много отдыхаетъ, тотъ дѣло прозѣваетъ. Протелеграфируйте такъ вашему мужу и можете прямо сказать ему это отъ меня.

Онъ поднялся съ кресла и бросилъ окурокъ.

— У насъ въ Нью-Іоркѣ отдыхать некогда.

— Да, я знаю это. Но мой мужъ вѣдь не имѣетъ чести быть изъ Нью-Іорка.

Когда гости покидали виллу и Крэйфордъ говорилъ что-то шоферу, Эльстонъ шепнулъ Чарміанъ:

— Не вызывайте Клода. Держитесь пока. Вы геніальны, прямо геніальны!.. Господа, что тамъ съ моторомъ?

Они умчались. Чарміанъ стояла съ минуту, глядя имъ вслѣдъ. Она чувствовала усталость, но какую счастливую усталость!

Подумать только, что Клодъ до сихъ поръ ничего не знаетъ! Когда-нибудь она разскажетъ ему, какъ она работала въ его пользу. Она глубоко вдохнула въ себя теплый ночной воздухъ и пошла ложиться.

На слѣдующее утро она получила отъ Эльстона записк

„Дорогая м-съ Чарміанъ, вы — чудо изъ чудесъ! Никто на свѣтѣ не обработалъ бы его ловчѣе. Можно подумать, что вы знаете его съ колыбели. Сегодня повезу его по окрестностямъ. Ему хочется въ Djenan-el-Maqui (я вижу это), — но я буду удерживать его. А вы пока сидите тихонько, какъ мышка и ни слова Клоду.

Вашъ другъ и сообщникъ Эльстонъ".

Трудно было „сидѣть тихонько"! Но Чарміанъ послушалась и провела весь день въ одиночествѣ. Никто не приходилъ. Къ вечеру она почувствовала себя покинутой и странно подавленной. Сидя у фонтана съ таксой Каролиной, свернувшейся уютнымъ клубочкомъ у нея на колѣняхъ, она вспоминала остро-жгучія ощущенія предшествующаго вечера. Она хорошо выполнила свою роль въ пользу Клода. Но что, если все было напрасно? Если опера никогда не будетъ поставлена или провалится? Въ первый разъ ей ясно представилась эта катастрофа. Опера такъ давно уже была центромъ всей жизни ея и Клода, что не представлялось ничего безъ нея. Чарміанъ стала припоминать начало ихъ супружеской жизни. Какъ много было столкновеній, недомолвокъ, затаенной тревоги! Теперь потокъ ихъ жизни былъ полный, ровный, опредѣленный въ своемъ направленіи.

Неужели возможно, чтобы напрасно было потрачено столько любви, труда, мысли и заботы? Неужели носитель столькихъ надеждъ — ихъ опера, ихъ любимое дѣтище, можетъ оказаться пустоцвѣтомъ? Чарміанъ старалась вернуться къ прежней бодрой вѣрѣ, но весь вечеръ ей это не удавалось: тяжелый гнетъ давилъ душу. Хоть бы Эльстонъ заглянулъ на пять минутъ! Можетъ быть, и заглянетъ. Она взглянула на свои маленькіе часики: половина десятаго. Онъ можетъ еще пріѣхать. Она стала прислушиваться. Ночь была безмѣрно тиха. Каролина глубоко вздохнула и повернулась, чтобы удобрѣе зарыться носомъ въ складки юбки Чарміанъ. Но вдругъ она подняла голову, уставилась въ темноту и глухо залаяла.

— Въ чемъ дѣло, Каролина?

Она посмотрѣла собачкѣ въ глаза. Та снова тихонько залаяла.

„Кто-то ѣдетъ, должно быть, — подумала Чарміанъ. — Навѣрное, Эльстонъ".

И тотчасъ она, дѣйствительно услышала стукъ колесъ. Каролина вскочила съ ея колѣнъ и облегчила свою душу негромкимъ лаемъ. Это было кроткое существо, никогда не выходившее изъ себя. Стукъ колесъ затихъ, и черезъ мгновенье раздался голосъ:

— Чарміанъ, гдѣ ты?

— Клодъ!

Ея лицо горѣло. Она почувствовала себя сконфуженной, какъ будто виноватой. Она ожидала, что Клодъ пріѣдетъ только по ея вызову. Теперь ей придется сразу сказать ему о томъ, что пріѣхали Эльстонъ съ Крэйфордомъ.

Клодъ вышелъ къ ней.

— Ты очень удивлена? — спросилъ онъ и поцѣловалъ ее.

— Очень! очень.

— Я рѣшилъ, что довольно лѣнтяйничать. Рѣшилъ внезапно, сегодня.

— Такъ ты не насладился своими каникулами?

— Я старался наслаждаться. Я обманывалъ себя. Но все было напрасно. Сегодня я почувствовалъ, что долженъ вернуться домой. Суть въ томъ, что я не могу жить безъ... безъ оперы.

Чарміанъ почувствовала болѣзненный уколъ въ сердце — уколъ ревности.

— Ты обѣдалъ гдѣ-нибудь! — спросила она.

— Да. У Грубера. Я чуть не остался ночевать въ городѣ. Было странно мчаться безъ предупрежденія такъ поздно.

— А ты знаешь, кто теперь здѣсь?

— Здѣсь?

Онъ оглянулся.

— То есть вообще въ Алжирѣ.

Клодъ взглянулъ на жену, какъ бы желая прочесть ея мысли.

— Я его хорошо знаю?

— Это двое.

— Ну, скажи!

— Нѣтъ, угадай.

— Сеннье?

Чарміанъ покачала головой.

— Максъ Элліотъ?

— Нѣтъ. Одинъ — Эльстонъ.

— Эльстонъ? Отчего же онъ не здѣсь?

— Онъ привезъ еще кого-то.

— Кого?

— Крэйфорда.

— Крэйфордъ здѣсь? Чего ради понадобилось ему пріѣзжать въ Алжиръ лѣтомъ?

— Онъ слишкомъ занятъ, чтобы выбирать сезонъ. Ѣдетъ, когда свободенъ.

— Понимаю. Онъ заходилъ?

— Да. Онъ обѣдалъ здѣсь вчера и оставался часовъ до двѣнадцати. Онъ хочетъ тебя видѣть. Я думала телеграфировать тебѣ.

— Хочетъ видѣть меня?

— Да, Клодъ. Вчера я читала либретто ему и Эльстону.

Клодъ молчалъ. Было темно, и она не знала, что, выражается на его лицѣ.

— Ты недоволенъ?

— Нѣтъ... Отчего же? Какъ понравилось Крэйфорду либретто?

— Онъ сказалъ, что оно — лучшее послѣ „Карменъ“. Онъ былъ захваченъ, Клодъ, — она положила руку на плечо мужа, — онъ хочетъ послушать твою музыку.

— Онъ такъ сказалъ?

— Не прямо такими словами. Но онъ былъ сильно разочарованъ, когда узналъ, что тебя нѣтъ. И послѣ чтенія либретто онъ просилъ вызвать тебя телеграммой.

— Странно, что я пріѣхалъ... точно услышалъ зовъ. Ты рада? — прибавилъ онъ

— Теперь? да.

— Ты хочешь этимъ сказать.

— Клодъ, — проговорила она рѣшительно, — было бы неумно съ нашей стороны проявить черезчуръ большую готовность по отношенію къ оперѣ.

— Но я никогда даже не помышлялъ

— Да, да, я знаю. Но теперь, когда онъ здѣсь, такъ увлеченъ твоимъ либретто и желаетъ видѣться съ тобой, было бы безсмысленно не признать, что онъ можетъ быть въ высшей степени намъ полезенъ. Подумай, какъ чудесно будетъ, если онъ возьметъ оперу.

— Никогда онъ не возьметъ ея.

— Отчего? Взяли вѣдь оперу Сеннье.

— Къ сожалѣнію, я не Сеннье.

— Какъ жаль, что у тебя такъ мало довѣрія къ себѣ! — воскликнула она съ досадой.

Ей казалось въ тотъ моментъ, что его недостатокъ вѣры въ себя можетъ погубить все.

— Ахъ, Клодъ! — продолжала она тѣмъ же тономъ, — имѣй немножко довѣрія къ своему таланту. — Я поневолѣ начинаю нервничать, — сказала она,— иначе какъ могу... — Она рѣзко оборвала свою фразу. — У меня такая вѣра въ тебя, а ты вдругъ говоришь вотъ какъ сейчасъ.

Она вдругъ зарыдала. Подавленное настроеніе всего вечера разрѣшилось слезами неожиданно для нея самой и для Клода.

— У меня цѣлый день были натянуты нервы, — проговорила она сквозь рыданія. — Я не знаю, отчего.

Клодъ обнялъ ее.

— Я думаю, что тебѣ должно быть тяжело переносить мое отношеніе къ дѣлу, — сказалъ онъ, — но.

Онъ замялся и не кончилъ.

— Будемъ вѣрить въ оперу! — воскликнула она, — въ твое дитя. Тогда и другіе будутъ въ нее вѣрить. Эльстонъ вѣритъ.

Чарміанъ взглянула на мужа сверкающими отъ слезъ глазами.

— И Крэйфордь повѣритъ.

Минуту спустя она прибавила.

— Если только ты предоставишь его мнѣ и не будешь портить дѣла.

— Какъ я могу испортить свою собственную музыку? — спросилъ онъ.

Чарміанъ возразила:

— Ахъ, Клодъ! есть вещи, которыхъ ты совсѣмъ не понимаешь!

XXVIII

— Такъ, значитъ, отдыхающій музыкантъ изволилъ вернуться? Такъ что ли? — сказалъ Крэйфордъ, входя въ курилку отеля Эксцельсіоръ въ шляпѣ и съ тростью.

— Они вамъ, значитъ, сообщили? — отозвался Эльстонъ.

— Да.

Крэйфордъ положилъ пальто, которое было у него на рукѣ, и вынулъ изъ своего портъ-сигара большую гаванну

— Она, конечно, телеграфировала Хіису, — сказалъ Крэйфордъ, зажигая спичку.

— Я убѣжденъ, что нѣтъ, — возразилъ горячо Эльстонъ.

— Ну ну! думаете, что я ничего не вижу? — сухо замѣтилъ Крэйфордъ.

Онъ сѣлъ и положилъ ногу на ногу.

— Нѣтъ, я не думаю. Но даже вы не можете видѣть то, гдѣ ничего нѣтъ.

— На мой глазъ кое-что есть. Ваша барынька изъ Djennan... какъ тамъ его дальше? особа съ хитрецой. Она обхаживаетъ меня. Что жъ? такъ и надо, только вы съ ней не должны считать меня чѣмъ то въ родѣ младенца.

Эльстонъ ничего не отвѣчалъ, сохраняя невозмутимый и жизнерадостный видъ.

— Она потихоньку выписала мужа, чтобы не упустить выгодный случай. Я вамъ скажу, что́ я сдѣлаю. Я поѣду прямо въ этотъ самый Djennan, потолкую съ Хіисомъ напрямикъ и послушаю его оперу. А васъ, мой милый, и барыньку я на пушечный выстрѣлъ не допущу. Дѣло — мое и разобраться хочу самъ. Поняли?

Крэйфордъ переложилъ сигару изъ одного угла рта въ другой.

— А мнѣ что же прикажете дѣлать? — спросилъ Эльстонъ

— Я пріѣду въ Djennan и сразу возьмусь за дѣло. Вы оставайтесь здѣсь. А очаровательная м-съ Хіисъ, вѣроятно прикатитъ на автомобилѣ, чтобы взять васъ кататься. Постарайтесь задержать ее подольше.

— Хорошо.

— Можетъ быть, она и пообѣдаетъ съ вами? — бросилъ Крэйфордъ съ той же суховатой насмѣшливостью.

— Вы хотите, чтобы я удержалъ м-съ Хіисъ обѣдать? натянуто вѣжливо спросилъ Эльстонъ,

— Отчего же? Вмѣстѣ будетъ веселѣй.

Дѣйствительно, вскорѣ послѣ отъѣзда Крэйфорда пріѣхала Чарміанъ въ его огромномъ желтомъ автомобилѣ. Она была сильно возбуждена.

— Ахъ, Эльстонъ! — воскликнула она. — Что́ это за человѣкъ, когда онъ берется за дѣло! Онъ безъ лишнихъ разговоровъ выпроводилъ меня изъ дому. Никогда еще со мной такъ не обращались. Чѣмъ намъ наполнить всѣ эти часы? Я чувствую себя, точно передъ приговоромъ. Поладитъ ли съ нимъ Клодъ?

Когда Эльстонъ садился въ автомобиль, она снова спросила:

— Куда мы поѣдемъ?

— Alles au diable! — приказалъ Эльстонъ французу-шоферу.

— Bien, m'sieu!

— И.. — Эльстонъ вынулъ часы. — Это путешествіе должно занять часовъ семь.

— Très bien, m'sieu.

Былъ вечеръ, когда они вернулись въ гостиницу, запыленные и усталые.

— Сейчасъ пообѣдаемъ вмѣстѣ, — сказалъ Эльстонъ.

— О, нѣтъ! — отвѣтила Чарміанъ. — Теперь я должна домой: больше я не въ силахъ ждать.

— Лучше пообѣдайте со мной.

Она сняла свою большую вуаль и поглядѣла на него.

— М-ръ Крэйфордъ сказалъ вамъ, что такъ надо?

— Нѣтъ, но онъ, очевидно, полагалъ, что это было бы удобно.

— Что же люди скажутъ?

— То, что они всегда говорятъ.

— А что́ именно?

— Какое намъ дѣло? Вѣроятно, то же, что болтаютъ всѣ эти годы.

Онъ протянулъ ей руку. Чарміанъ уступила и вышла изъ мотора.

Въ десять часовъ вечера Крэйфорда еще не было. Чарміанъ стала настаивать на возвращеніи домой.

— Не могу я оставаться здѣсь всю ночь, даже ради всемогущаго импрессаріо, — сказала она.

Эльстонъ поѣхалъ проводить ее. По дорогѣ Чарміанъ сказала:

— Вы знаете, Эльстонъ, этотъ человѣкъ умѣетъ терроризировать, когда захочетъ. Я чувствую себя виноватой и какъ будто дерзкой, что осмѣливаюсь вернуться къ себѣ домой.

— Можетъ быть, встрѣтимъ его по дорогѣ!

— Если да, то надо остановиться.

— А если онъ не остановится?

— Я его заставлю. Слѣдите хорошенько. Я устала, но чувствую такую нервную взвинченность! Смотрите вы съ одной стороны, я — съ другой.

Они въѣхали на холмъ и были вблизи церкви, когда Чарміанъ вдругъ закричала:

— Вотъ автомобиль! Мнѣ кажется, что это онъ.

— Отчего вамъ кажется?

— Такъ. Приготовьтесь остановить его.

— Ваша правда! Это онъ. Стопъ! Стопъ! М-ръ Крэйфордъ!

Чарміанъ наклонилась впередъ и толкнула въ спину изумленнаго возницу.

Онъ рѣзко дернулъ вожжи и остановилъ лошадей.

— Здравствуйте! — закричалъ Крэйфордъ, снимая шляпу. — Ѣдете домой?

— Съ вашего разрѣшенія, — отвѣтила Чарміанъ.

Они обмѣнялись взглядомъ въ мягкой тьмѣ, освѣщенной лишь фонарями экипажей. Крэйфордъ, какъ всегда, курилъ сигару.

— Вы обѣдали? — спросилъ Эльстонъ.

— Нѣтъ еще.

— А вы... — начала Чарміанъ и запнулась. — Вы все время слушали оперу?

— Да. Слушалъ и толковалъ съ вашимъ мужемъ.

Сердце Чарміанъ встрепенулось.

— Значитъ, вы... значитъ, можетъ быть...

— Позвольте, милая барынька, — сказалъ Крэйфордъ. — Часъ уже поздній. Пора намъ по домамъ. Вашъ супругъ разскажетъ вамъ все. Хотите, чтобы Лэкъ довезъ васъ?

— Нѣтъ я уже почти дома.

— Такъ вы ничего не имѣете противъ того, чтобы онъ сейчасъ поѣхалъ обратно со мной?

— Конечно, ничего. Покойной ночи, м-ръ Лэкъ. Нѣтъ, нѣтъ! Вы мнѣ не нужны. Всѣ извозчики здѣсь знаютъ меня и я — ихъ. Тысячу разъ приходилось ѣздить одной. Спокойной ночи!

Она почти вытолкала Эльстона изъ экипажа: ее разбирало нетерпѣніе поскорѣе очутиться дома и увидѣть Клода.

— Спокойной ночи! — кричала она и махала автомобилю.

— Д-да, это характеръ! — промолвилъ Крэйфордъ. — И какъ это только вы сумѣли удержать ее цѣлый день?.. Но усталъ я дьявольски, доложу вамъ.

Объ оперѣ онъ не сказалъ въ этотъ вечеръ ни слова, и Эльстонъ не сдѣлалъ ни одной попытки навести его на эту тему.

Пріѣхавъ домой, Чарміанъ застала Клода въ маленькой столовой. Онъ ужиналъ, а рядомъ на стулѣ сидѣла Каролина, положивъ голову на столъ и умильными глазами смотрѣла на цыпленка, котораго онъ ѣлъ.

— Ахъ, Клоди, какой день! — проговорила Чарміанъ, оглядываясь вокругъ. — Ну, какъ? Что́ было?

Клодъ былъ растрепанъ, лицо его горѣло, а глаза выражали усталость, возбужденіе и какъ будто еще что-то.

— Что-нибудь случилось?

— Нѣтъ. Что́ же могло случиться? Гдѣ ты была?

— Каталась съ Эльстономъ. Крэйфордъ потребовалъ, чтобы я не мѣшала. Ну что́, какъ сошло? Ты все ему игралъ?

— Да.

— Что́ онъ сказалъ? Что́ онъ думаетъ?

— Нелегко узнать, что́ думаетъ такого рода человѣкъ.

— Онъ былъ рѣзокъ? Вы не сошлись?

— Нѣтъ, у насъ было мирно.

— Такъ что́ же онъ говорилъ?

— Много всякаго.

— Ѣшь. У тебя страшно измученный видъ. Разскажи все-таки, что́ говорилъ.

— Кое-что ему понравилось.

— Только кое-что?

— Довольно многое. Но онъ предложилъ сдѣлать массу измѣненій.

— Какихъ?

— Я покажу тебѣ потомъ.

— Выпей немножко вина, Клодъ. Тебѣ надо это. Скажи мнѣ такъ. Вовсе не нужно показывать мнѣ сегодня.

— Онъ говорилъ, что надо ввести маршъ. Знаешь, въ той сценѣ...

— Знаю, знаю! Гдѣ солдаты и иностранный легіонъ. Ну что жъ? Это легко. Ты можешь сдѣлать это въ одинъ день.

— Ты воображаешь, что стóитъ только сѣсть, какъ уже дѣло сдѣлано?

— Ну, два дня. Если хочешь, недѣлю! А что́ еще? Вотъ, я налью тебѣ вина. Что́ еще?

— Много всякой всячины. Онъ, кажется, хочетъ скосить половину оперы.

— Ну, Клодъ! Ты преувеличиваешь. Ты всегда былъ

склоненъ къ этому. Ну, а если ты сдѣлаешь такъ, какъ онъ предлагаетъ, что́ тогда?

— То есть что́ ты хочешь сказать?

— Возьметъ ли онъ тогда оперу? Поставитъ ли онъ ее?

— Онъ не взялъ на себя обязательства.

— Разумѣется! Они никогда не берутъ. Но все-таки ты могъ замѣтить по его манерамъ, по его тону, какіе у него планы.

— Онъ сильно увлеченъ либретто. Говоритъ, что есть благодарный матеріалъ для оригинальныхъ сценическихъ эффектовъ.

— Онъ возьметъ оперу! Навѣрное возьметъ! — закричала Чарміанъ, — я предчувствовала это давно. Отчего ты такъ мраченъ, Клоди?

Она обвила шею мужа рукой и поцѣловала его.

— Не надо быть унылымъ, когда мы наканунѣ того, ради чего мы работали, чего ждали давно, мѣсяцы, годы! Каролина! Каролина! — Такса немедля отозвалась. — Иди сюда, миленькая! Получишь пряникъ... нѣтъ, два! На́ тебѣ! И вотъ этотъ, съ сахаромъ!

— Оставь, она заболѣетъ!

— Ничего. А если заболѣетъ, то ради великой цѣли... Подумай только, Клодъ! ты будешь вторымъ Жакомъ Сеннье! Какъ изумительно! А между тѣмъ я всегда предвидѣла это. Помнишь, тотъ вечеръ въ Ковентъ-Гарденѣ? Развѣ я не сказала тогда тебѣ этого? Развѣ ты будешь отрицать?

— Я не буду отрицать, но...

— Всегда у тебя на языкѣ „но“. Если бъ не я, ты бы спрятался отъ всего свѣта, и ни одна душа не знала бы, что ты существуешь. Но ты женился на женщинѣ, которая знаетъ тебѣ цѣну, и другіе тоже узнаютъ. Весь свѣтъ будетъ знать!

Клодъ не могъ не разсмѣяться ея экзальтаціи. Съ спокойствіемъ, которое привело ее въ отчаяніе, онъ замѣтилъ:

— Ты черезчуръ забѣгаешь впередъ, Чарміанъ. Я далеко не увѣренъ въ томъ, что соглашусь дѣлать въ операѣ измѣненія.

На этой почвѣ и начался конфликтъ, продолжавшійся нѣсколько дней. На одной сторонѣ былъ Клодъ, а на другой — Чарміанъ, Эльстонъ и Крэйфордъ. Никогда еще Хіисъ не чувствовалъ себя такимъ одинокимъ, какъ во время этой борьбы. А между тѣмъ онъ былъ въ своемъ домѣ съ женой,

работавшей въ его пользу, преданнымъ другомъ, желавшимъ ему успѣха и человѣкомъ, стремившимся показать міру его творчество. Никто не подозрѣвалъ его одиночества. И какъ всегда это бываетъ, истинно трагическое было сплетено съ комическимъ.

Крэйфордъ проявился весь въ этой борьбѣ. Онъ былъ „self-made-man“ и прежде чѣмъ взяться за оперу, онъ исколесилъ всѣ штаты въ качествѣ мелкаго антрепренера и нажилъ массу денегъ. Онъ имѣлъ звѣринецъ, возилъ гипнотизера, факира и другія чудеса. Послѣ этого только онъ попыталъ счастья на мюзикъ-холлѣ. Ему повезло удивительно. Затѣмъ онъ былъ одинъ изъ первыхъ людей, понявшихъ огромную роль кинематографа и пожавшихъ обильную жатву на этомъ поприщѣ. Но на ряду съ трезвымъ разсчетливымъ умомъ дѣльца въ немъ сидѣло нѣчто, чуждое вульгарному вкусу публики — нѣчто, имѣющее свой опредѣленный идеалъ. И это нѣчто упорно прокладывало себѣ дорогу среди нелѣпостей, обмана и грубой поддѣлки подъ искусство. Теперь Крэйфордъ построилъ новый оперный театръ и затѣялъ конкурренцію съ Метрополитэномъ. Въ это дѣло онъ вложилъ огромныя суммы. Но онъ былъ богатъ и готовъ былъ терпѣть убытки, лишь бы побѣдить въ конечномъ счетѣ. Онъ былъ борецъ по натурѣ и человѣкъ, глубоко вѣрующій въ свои способности. Да онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ изумительно способенъ. Гдѣ-то на ходу онъ выучилъ три иностранныхъ языка. Откуда-то узналъ множество вещей о разныхъ предметахъ и между прочимъ о музыкѣ. Онъ обладалъ тонкимъ чутьемъ, выручавшимъ его въ очень трудныхъ случаяхъ. Какъ всякій антрепренеръ, онъ очень вѣрилъ въ „имена“, но онъ вѣрилъ также въ „молодыя силы“ и вѣчно былъ въ поискахъ. Онъ былъ убѣжденъ, что въ Djenan-el-Maqui онъ нашелъ новый талантъ. Но только композиторъ долженъ повѣрить его опытности и слѣдовать его совѣтамъ. Большія имена — другое дѣло. Они имѣютъ власть надъ публикой и отвѣчаютъ сами за себя. Но люди безъ имени должны быть мягки, какъ воскъ. Иначе нѣтъ смысла возиться съ ними!...

Опера Хіиса обѣщала кое-что, но она требовала передѣлки, и Крэйфордъ рѣшилъ твердо, что эта передѣлка должна быть сдѣлана по его идеѣ.

— Я не могу тратить тысячи на вещь, если мнѣ не предоставлено право приложить къ ней руку хоть косвенно, —

замѣтилъ онъ во время спора съ Клодомъ. — На это я пойти не могу. Вѣдь теряю-то я, въ случаѣ неудачи!

Послѣдовало молчаніе. Споръ шелъ уже давно — запальчивый, страстный. Было трудно дышать. Земля была замучена зноемъ, а небо точно задернуто густымъ сѣрымъ чехломъ, сквозь который не видно было синевы. Это былъ такой день, когда у людей расходятся нервы, когда самый спокойный человѣкъ неожиданно теряетъ самообладаніе.

Клодъ чувствовалъ себя такъ, словно его сѣкли розгами. Это не вызывало крови, но вытягивало изъ него всю душу. Когда же Крэйфордъ произнесъ послѣднюю фразу, Клоду показалось, что кровь стала сочиться изъ его истомленнаго тѣла. И бурной волной поднялось гнѣвное возмущеніе изъ глубины его души. Онъ раскрылъ уже ротъ, чтобы высказаться. Но его перебила Чарміанъ и заговорила быстро, тревожно поглядывая то на него, то на Крэйфорда и Эльстона.

— Значитъ, если мы... то есть мой мужъ сдѣлаетъ такъ, какъ вы хотите, то вы согласны поставить оперу?

Вопросъ этотъ еще никогда не ставился такъ опредѣленно. Крэйфордъ избѣгалъ связывать себя какимъ бы-то ни было обѣщаніемъ, на случай, если придется оставить все дѣло по-боку. Прямой вопросъ Чарміанъ былъ вызовомъ. Клодъ, несмотря на свое состояніе злобнаго раздраженія, онѣмѣлъ, услышавъ его. Минуту длилось напряженное молчаніе. Клодъ чувствовалъ, что ждетъ рѣшающаго его судьбу приговора — не какъ человѣкъ, дѣлающій карьеру, а какъ артистъ, боящійся потерять уваженіе къ самому себѣ. Въ глазахъ Чарміанъ отражалась вся ея душа. Онъ взглянулъ въ нихъ и почувствовалъ, что не имѣетъ силы рѣшать свою судьбу самостоятельно въ согласіи со своими завѣтными, глубоко схороненными въ душѣ идеалами...

У Крэйфорда дергались брови, и онъ нѣсколько разъ передвинулъ сигару, которую держалъ во рту. Наконецъ, онъ вынулъ ее, взглянулъ на Чарміанъ и сказалъ:

— Да, я поставлю.

Чарміанъ подняла глаза на Клода. Они требовали, просили, молили. Они окончательно сразили и уничтожили тайный голосъ, проснувшійся въ немъ.

— Такъ вотъ, видите ли, — грубовато обратился Крэйфордъ къ Клоду, — какъ же это будетъ? Мнѣ надо знать ясно и точно, съ чѣмъ я имѣю дѣло. Я, слава Богу, не негръ и

даже не арабъ и не могу сидѣть здѣсь, жариться до безконечности и говорить обиняками. Надо поставить вопросъ на дѣловую почву. Ваша барынька стоитъ десяти мужчинъ въ этомъ отношеніи. Она привела насъ къ самой точкѣ, и теперь нѣтъ возвращенія назадъ. Я вамъ опять повторяю, что за ваше либретто я держусь крѣпко. Что? Изъ-за чего вы краснѣете и вспыхиваете, голубчикъ? Я вѣдь ни слова не говорю противъ васъ и вашей музыки. Но первое дѣло тутъ — либретто. Что жъ? вѣдь вамъ не написать оперы безъ либретто! Вотъ видите. У васъ лучшее послѣ „Карменъ“ либретто, и вы должны написать лучшую послѣ „Карменъ“ оперу. По-моему, вы сдѣлали хорошее начало, но вы слишкомъ далеки отъ обыкновенныхъ, среднихъ людей. Вы не подумайте, что я призываю васъ потворствовать бульварнымъ вкусамъ. Боже сохрани! У меня хорошая репутація, и я вовсе не желаю губить ее. Но мой девизъ: удовлетворять среднюю публику. Стрѣляйте такъ, чтобы попасть въ глазъ быка, но ни на вершокъ выше.

— Слушайте, слушайте! — вставилъ Эльстонъ.

— Ахъ! — вздохнула Чарміанъ.

Крэйфордъ былъ польщенъ и удовлетворенъ этой двойной поддержкой. Онъ закинулъ голову назадъ и продолжалъ, переходя въ отеческій тонъ:

— Пишите для средней публики! Въ этомъ вся суть. Вы подымаетесь выше, и моя обязанность — указать вамъ правильный путь. Видите ли, голубчикъ мой, я... мы всѣ желаемъ вашего же блага. Мы хотимъ только большого успѣха для васъ... въ родѣ того, какъ этотъ Сеннье имѣлъ или еще побольше. Не такъ ли, барынька? Зачѣмъ же вамъ считать насъ врагами?

— Врагами? Я никогда не говорилъ этого, — прервалъ его Клодъ.

Онъ тяжело дышалъ. Крупныя капли пота выступили у него на лбу. Ему хотѣлось вырваться изъ этой комнаты, убѣжать, остаться одному.

— Ну, конечно, не говорили. Но у васъ это написано на лицѣ.

— Это не моя вина. Да и не знаю я, что написано.

— Успокойтесь, голубчикъ! Не сердитесь.

— Клоди, мы всѣ только хотимъ...

— Я знаю... я знаю!... Скажите мнѣ, чего вы всѣ отъ меня хотите, и я постараюсь сдѣлать это.

— Вотъ это дѣло! — закричалъ Крэйфордъ. — Теперь будемъ разговаривать по-человѣчески. Я скажу вамъ слѣдующее: сидя здѣсь въ этомъ чортовомъ пеклѣ — извините меня, милая барынька! — мы съ вами подготовимъ такія вещи, отъ которыхъ ахнетъ весь міръ. Я знаю, что говорю. И я вамъ повторяю: мы удивимъ весь міръ. А теперь за дѣло!

И они принялись. Сдавшись разъ, Клодъ уже не оказывалъ никакого сопротивленія. Онъ говорилъ, спорилъ, пытался иногда (впрочемъ, слабо) выдвинуть свои взгляды. Но онъ отдавался теченію и зналъ это. Втайнѣ онъ презиралъ себя за это. Но бывали минуты, когда онъ поддавался энтузіазму, когда жажда славы загоралась въ немъ. Отъ своей оперы онъ желалъ теперь одного — успѣха! Теперь она не принадлежала ему одному, а дѣлить любовь онъ не умѣлъ. И Клодъ старался сосредоточить всѣ свои помыслы на стремленіи къ широкому и, быть можетъ, суетному успѣху. Иногда даже искреннее увлеченіе его трехъ сотоварищей вливало въ него веселую бодрость.

Энтузіазмъ Крэйфорда выросъ въ тотъ моментъ, когда творческій духъ Клода опустилъ крылья. Ибо онъ выигрывалъ тамъ, гдѣ Клодъ проигрывалъ. Теперь и онъ прикладывалъ свою руку къ оперѣ, и съ каждымъ днемъ она все больше нравилась ему. Крэйфордъ умѣлъ быть не только сухимъ и суровымъ дѣльцомъ — онъ умѣлъ также быть мягкимъ и гибкимъ. Онъ сталъ своего рода „padre eterno“ на бѣлой виллѣ Хіисовъ и наслаждался этимъ положеніемъ. Чѣмъ больше измѣненій онъ вносилъ въ оперу, вводя новые эффекты, выбрасывая и сокращая нѣкоторыя сцены, сплетая по своему вокальныя партіи, тѣмъ крѣпче онъ вѣрилъ въ нее.

Брови его дергались, глаза сверкали, а свою маленькую бородку онъ такъ неистово щипалъ, что Чарміанъ боялась за ея цѣлость. Онъ постоянно повторялъ о своемъ увлеченіи молодыми. Въ своемъ положеніи онъ больше всего цѣнилъ возможность помогать артистической молодежи.

— Посмотрите на Эльстона! — говорилъ онъ. — Что бы съ нимъ было, если бъ не я? Закисъ бы въ банкѣ у папаши. А я сдѣлаю изъ него второго Баттистини. Вотъ теперь, — онъ обратился къ Клоду, — мы выпустимъ его въ вашей оперѣ. Партію баритона легко немного разработать, выдвинуть впередъ. Это усилитъ оперу, сдѣлаетъ ее

сочнѣе. Увѣряю васъ, что я бы не посовѣтовалъ ничего во вредъ цѣлому даже ради десятка Эльстоновъ. Но это надо сдѣлать для пользы оперы.

Фраза относительно „пользы оперы“ не сходила съ его устъ. Клодъ вставалъ утромъ и ложился спать подъ ея впечатлѣніемъ. Казалось, что онъ — авторъ не знаетъ ничего или очень мало о своемъ собственномъ произведеніи. Онъ даже уже не ощущалъ теперь его формы. Когда-то очертанія представлялись ему очень опредѣленно: теперь же, вглядываясь, онъ находилъ, что опера не имѣетъ никакой формы. Но Крэйфордъ, Чарміанъ и Лэкъ увѣряли, что она стала вдвое сильнѣе и ярче, чѣмъ была до передѣлокъ.

Чарміанъ и Крэйфордъ очень подружились. Онъ восхищался не только ея наружностью (что нравилось ей), но и ея способностями (что приводило ее въ восторгъ).

— Ей отдыхать не надо! — говорилъ онъ съ оживленіемъ. — Неутомима. Я не видѣлъ еще такой англичанки!

Чарміанъ упивалась этими словами. Наконецъ-то она признана и кѣмъ? большимъ человѣкомъ.

„Если бъ madre знала! — думалось ей. — Она не совсѣмъ понимала меня“.

Пока Клодъ работалъ надъ измѣненіями, намѣченными Крэйфордомъ, Эльстонъ штудировалъ баритонную партію въ оперѣ, а импрессаріо съ Чарміанъ священнодѣйствовалъ и насчетъ мизансцены и внѣшнихъ эффектовъ.

— Все это должно быть готово къ моему отъѣзду, — сказалъ Крэйфордъ, — я не могу очень долго оставаться. Давно пора быть дома.

— Позвольте мнѣ помочь вамъ. Я готова все дѣлать, — воскликнула она.

— О, да, я вѣрю! Вы можете работать.

И онъ сталъ развивать свои идеи.

— Мы должны имѣть все настоящее, — сказалъ онъ.— Начнемъ съ настоящихъ арабовъ. Намазанныхъ негровъ я не желаю.

Онъ никакъ не могъ усвоить, что арабы и негры — не одно и то же.

Въ одно прекрасное утро Крэйфордъ объявилъ:

— Сегодня я иду раздобывать танцовщицъ.

И весь Алжиръ былъ перерытъ съ этой цѣлью. За тѣмъ они нашли художниковъ, и Крэйфордъ заставилъ ихъ

сдѣлать этюды разныхъ живописныхъ уголковъ города въ качествѣ эскизовъ для декоратора. Нашли они также факира, и Крэйфордъ немедленно пригласилъ его для выступленія въ одной сценѣ. Онъ долженъ былъ исполнить нѣкоторыя свои чудеса.

Рѣшено было, что опера будетъ поставлена около новаго года, если Клодъ добросовѣстно продѣлаетъ всѣ требуемыя измѣненія.

— Онъ сдѣлаетъ. Онъ вѣдь обѣщалъ, — сказала Чарміанъ.

— Вы должны прослѣдить за этимъ, милая барынька, — сказалъ Крэйфордъ. — Когда я уѣду и никто не будетъ погонять его, онъ рѣшитъ, что понимаетъ лучше насъ. Вѣдь измѣненія эти ему совсѣмъ не нравятся.

— Все будетъ сдѣлано, я ручаюсь вамъ. Клодъ не такъ безуменъ, чтобы упустить тѣ шансы, которые вы ему даете.

— И вѣдь это можетъ быть на всю жизнь!

— Онъ понимаетъ это.

— Я вамъ скажу что-то. Но не разсказывайте этого всѣмъ.

— Я не скажу ни одной душѣ.

— Смотрите же! Такъ вотъ я хочу выпустить Клода противъ Жака Сеннье. Я бы не рѣшился на это, если бъ не шикарное либретто. Музыка, мнѣ кажется, достаточно хороша, чтобы выдержать его, а теперь послѣ исправленій будетъ много лучше. Новая опера Сеннье ожидается не позже марта. Мы поставимъ нашу... — Чарміанъ затрепетала при этомъ словѣ, — въ это же время, на день — два раньше или позже. Декораціи и костюмы у меня будутъ такіе, какихъ еще не видала ни одна сцена. Я хочу показать Метрополитэну, что̀ такое опера! Но только Клодъ долженъ сдѣлать все отъ него зависящее. Я не подпишу контракта, пока каждая нота не будетъ стоять на своемъ мѣстѣ?

— Но вы будете въ Америкѣ, когда онъ окончитъ работу?

— Это — пустяки. Вы здѣсь должны убѣдиться, что онъ не отступилъ отъ моего плана. Вѣдь все было обсуждено и пережевано. Осталось только написать. Въ этомъ я довѣряю ему. Если вы протелеграфируете мнѣ „Опера

кончена согласно рѣшенію", то я считаю дѣло сдѣланнымъ и пишу контрактъ. А затѣмъ вы привезете Клода; я устрою вамъ обоимъ такую рекламу, что Сеннье съ Генріеттой будетъ, какъ мокрая курица.

У Крэйфорда вдругъ отвисла нижняя челюсть, и онъ проговорилъ измѣнившимся голосомъ:

— Этой зимой я долженъ побить Метрополитэнъ. Долженъ! хоть бы пришлось потратить на это четыреста тысячъ долларовъ.

Онъ посмотрѣлъ на Чарміанъ и спустя минуту добавилъ:

— И опера Клода — единственная, которая можетъ помочь мнѣ сдѣлать это, хотя я обрыскалъ всю Европу. Такъ вотъ, значитъ, начинаемъ борьбу, милая барынька!

— И мы побѣдимъ! — восторженно откликнулась Чарміанъ. — Мы побѣдимъ.

XXIX.

Былъ январскій вечеръ. Клодъ и Чарміанъ только что кончили обѣдъ, и Клодъ устало всталъ изъ-за маленькаго стола въ ихъ красивой пріемной комнатѣ въ нью-іорскомъ отелѣ „Режисъ".

— Какъ невыносимо натоплено! — сказалъ онъ.

— Американцы любятъ жару, пріотвори немножко окно, Клоди.

— Если я открою, будетъ слишкомъ шумно. Вѣдь это Пятая авеню!

Тонъ у него былъ раздраженный, какъ у человѣка, въ конецъ изнервничавшагося. Но Чарміанъ какъ будто не замѣчала этого. У нея былъ увѣренный и жизнерадостный видъ.

— Ничего, впусти шумъ! — отвѣтила она звонко. — Я люблю его. Это голосъ жизни. Не смотри на меня такъ, а открой окно. Воздухъ будетъ тебѣ полезенъ. Ты усталъ. Зачѣмъ только я позволила тебѣ работать въ дорогѣ?

— Нельзя было не работать.

— Ну, ничего! Скоро ты будешь отдыхать и отдыхать на лаврахъ.

Клодъ подошелъ къ большому окну и отдернулъ тюлевую штору, а Чарміанъ забралась съ ногами на диванъ и закурила папироску. Когда черезъ минуту сквозь раскрытое слегка окно ворвался гулъ города-гиганта, она улыбнулась.

— Что это за колоссъ! — сказала она. — Лондонъ кажется деревней, когда вспоминаешь его. Я рада, что опера будетъ ставиться въ первый разъ именно здѣсь.

— Я тоже радъ, — проговорилъ Клодъ, садясь.

Но тонъ у него былъ унылый, и онъ смотрѣлъ внизъ Лицо его было блѣдно и черезчуръ выразительно, руки слегка дрожали. Зазвонилъ телефонъ. Изъ вестибюля сообщали, что пришелъ м-ръ Эльстонъ Лэкъ и спрашиваетъ, у себя ли м-ръ Хіисъ. Черезъ минуту пѣвецъ появился, оживленный и радостный, принося съ собой атмосферу здороваго, бодраго оптимиста, которую Чарміанъ вдыхала почти съ жадностью.

— Однако, друзья мои! — сказалъ Эльстонъ, пожимая обоимъ руки. — Вы, кажется, расположились удобненько, какъ дома.

— Да. А что? — спросила Чарміанъ.

— Хочу тащить васъ въ театръ.

— Сегодня нѣтъ репетиціи, — сказалъ Клодъ.

— Вѣрно, но Крэйфордъ пробуетъ разные свѣтовые и прочіе эффекты.

— Развѣ онъ вернулся уже изъ Филадельфіи?

— Да, съ часъ тому назадъ. И уже дѣйствуетъ на всѣхъ парахъ. Они всѣ на сценѣ и пробуютъ пустить саранчу.

— Ахъ, саранчу!.. Подождите минутку, Эльстонъ! Я сейчасъ переодѣнусь.

И Чарміанъ убѣжала въ другую комнату.

— Въ чемъ дѣло, дружище? — обратился Эльстонъ къ Клоду, когда дверь захлопнулась. — У васъ довольно кислый видъ. Не хочется идти? Но надо, голубчикъ, мобилизовать всю нашу энергію. Борьба началась и борьба нешуточная. Читали вы сегодня газеты?

— Нѣтъ. У меня не было свободной минутки. Мы съ Мерони просматривали партитуру.

— Ну, какъ же онъ? Доволенъ?

— Онъ очень милъ, — отвѣтилъ уклончиво Клодъ. — Но что же въ газетахъ?

— Есть новость, отъ которой Крэйфордъ такъ и вскипѣлъ. Митрополитэнъ назначилъ постановку оперы Сеннье на цѣлыхъ двѣ недѣли раньше прежняго срока.

— Что это значитъ?

— Богъ ихъ вѣдаетъ! Но мнѣ это нравится: намъ придется гнать во всю. Мы должны были выступить первыми, но насколько я знаю Крэйфорда, мы и теперь все-таки поспѣемъ

раньше ихъ. Все это m-me Сеннье! Она рветъ и мечетъ противъ Крэйфорда, васъ и оперы, а особенно противъ м-съ Чарміанъ. Сегодняшнія газеты полны всякаго вздора насчетъ вашего либретто.

— Моего?

— Да. Очевидно, m-me Сеннье разсказываетъ, что оно было написано для Сеннье и обѣщано ему.

— Это ложь!

— Ну, разумѣется. Но она умѣетъ солгать художественно. Крэйфордъ въ восторгѣ.

— Въ восторгѣ, когда меня обвиняютъ въ кражѣ чужого либретто?

— Развѣ можно принимать въ серьезъ газетную болтовню? Она пробуждаетъ въ публикѣ интересъ. Вотъ и все. Но все-таки m-me Сеннье могла не впутывать въ эту исторію имя м-съ Чарміанъ.

— Тамъ говорится и о Чарміанъ?

— Да, всякая ерунда о томъ, какъ она, молъ, прослышала о великолѣпіи этого либретто и помчалась въ Парижъ перехватить его, прежде чѣмъ Сеннье увидѣлъ его въ готовомъ видѣ.

— Что за безобразіе! Я долженъ...

— Бросьте, не стóитъ! Крэйфордъ увѣряетъ, что это только приготовитъ публику и будетъ способствовать успѣху вашей музыки,

— Ну, да! это и саранча! — съ горечью проговорилъ Клодъ и повернулся къ окну, откуда доносился нестройный гулъ и гудѣніе моторовъ.

— Что жъ, голубчикъ мой, пренебрегать ничѣмъ не слѣдуетъ для успѣха, — сказалъ Эльстонъ. — Наши конкуренты ставятъ на карту все, чтобы побить насъ, и потому мы должны собрать всѣ силы. Предоставьте дѣло Крэйфорду. Онъ знаетъ, какъ дѣлать рекламу. А онъ говорилъ мнѣ, что m-me Сеннье дѣлаетъ большую глупость, устраивая намъ популярность среди публики. Сегодня вечеромъ въ театрѣ не будетъ отбоя отъ репортеровъ, ручаюсь вамъ... А-а, вотъ и м-съ Чарміанъ. Надѣвайте пальто, Клодъ, и ѣдемъ!

Клодъ остановился на мгновенье и поглядѣлъ на Чарміанъ въ мѣховомъ манто; она застегивала длинныя бѣлыя перчатки.

— Я сію минуту! — сказалъ онъ и вышелъ изъ комнаты.

„Борьба началась!“ — думалъ Клодъ. Какъ онъ нена-

видѣлъ слова! Какъ ненавидѣлъ правду, выраженную въ нихъ! Отчего судьба поставила его въ подобную ситуацію? Отчего она сдѣлала его центромъ интригъ, злословія, похвалъ? Вѣдь нѣтъ, пожалуй, на свѣтѣ человѣка, который такъ любилъ бы спокойствіе, какъ онъ. Какая иронія, что вокругъ его имени происходитъ борьба! Къ чему приведетъ его все это? Чернымъ роемъ осаждали Клода эти мысли, и будущее казалось ему мрачной пропастью. Онъ задумался.

Но вотъ голосъ жены окликнулъ его:

— Клодъ, иди скорѣе!

Онъ взялъ шляпу и перчатки и пошелъ, но передъ нимъ продолжали быстро проноситься картины недавно пережитаго: пріѣздъ въ Америку въ холодное зимнее утро, гигантскій городъ съ его башнями, вздымающимися къ самому небу, толпы репортеровъ и фотографовъ, пронизывавшихъ его взглядами, какъ бы желая прочесть всѣ его тайны, встрѣча съ Крэйфордомъ и его сотрудниками: режиссерами, артистами, музыкантами, декораторами, машинистами, хористами и мелкими театральными служащими. Ихъ фигуры замелькали передъ Клодомъ съ головокружительной быстротой. Огромный театръ представился ему раскрытой пастью какого-то великана, которую онъ, Клодъ, долженъ наполнить! Какимъ зловѣщимъ холодомъ повѣяло на него, когда онъ въ первый разъ очутился въ полутемномъ зрительномъ залѣ — точно здѣсь подстерегало его недоброе, точно готовился его провалъ...

— Клодъ! Идешь ты, наконецъ?

— Иду, иду!

— Какъ ты долго... Усталъ очень?

— Нисколько. Ѣдемъ!

Они спустились на лифтѣ внизъ и, пройдя черезъ вестибюль, вышли на подъѣздъ, гдѣ ихъ ихъ ждалъ таксомоторъ. На панели стоялъ какой-то молодой человѣкъ. Пока Чарміанъ усаживалась, онъ обратился къ Клоду:

— Вы — м-ръ Клодъ Хіисъ, если не ошибаюсь?

— Да.

— Я представитель отъ...

— Простите, мнѣ некогда. Я тороплюсь въ театръ.

Клодъ вскочилъ, захлопнулъ дверцу, и они помчались по Пятой авеню. Впереди горѣли золотые, безсонные глаза Бродвэя. Въ свѣжемъ морозномъ воздухѣ переливались тысячи звуковъ. Безконечной вереницей неслись мимо мо-

торы — маленькіе ярко освѣщенные міры, гдѣ люди спѣшили каждый къ своей цѣли, жестикулировали, смѣялись, спорили. Тротуары были запружены пѣшеходами, закутанными до ушей. Шоффер внезапно затормозилъ машину, такъ какъ образовался заторъ, и они стали медленно, шагъ за шагомъ подвигаться сквозь толпу. При свѣтѣ фонаря Клоду бросилась въ глаза негритянка въ огромной розовой шляпѣ. Она смотрѣла на него, и ея широкій ротъ раскрылся въ улыбкѣ. Мгновенье, и она исчезла. Но Клодъ не могъ забыть ея. Она казалась ему страшнымъ кошмарнымъ призракомъ женщины, а ея улыбка — гримасой издѣвательства. Чарміанъ и Эльстонъ болтали безъ перерыва. Клодъ не слышалъ, что они говорятъ. Онъ смотрѣлъ на падавшіе между яркими фонарями снѣжные хлопья, чистые и далекіе, заблудшіе странники изъ другого міра, гдѣ цѣнится хрупкость и нѣжность. И онъ вспомнилъ умиленнымъ сердцемъ далекихъ теперь дѣтей своего воображенія, съ которыми онъ нѣкогда просиживалъ одинокіе вечера у камина. Какъ давно это было! какъ безвозвратно далеко ушли они отъ него!..

Моторъ остановился у театра. При входѣ нѣсколько журналистовъ подошли къ нимъ съ просьбой разъясненій насчетъ либретто. Клодъ пробѣжалъ впередъ, точно не разслышавъ. Его обычная привѣтливость сегодня измѣнила ему. Но Чарміанъ и Эльстонъ остановились поговорить съ журналистами, и Эльстонъ смѣялся своимъ искреннимъ, заразительнымъ смѣхомъ. Клодъ позавидовалъ ему.

Внизу изъ дверей театральной конторы вышелъ молодой человѣкъ, брюнетъ, съ письмами въ рукѣ.

— Вамъ еще письма, м-ръ Хіисъ! — сказалъ онъ, улыбаясь.

— Спасибо!

— Всѣ на сценѣ. Эта саранча, дѣйствительно, будетъ великолѣпный эффектъ, если пустить ее какъ слѣдуетъ. Всѣ насъ разспрашиваютъ на этотъ счетъ. Въ оперѣ Сеннье нѣтъ ничего подобнаго.

Онъ снова улыбнулся. Клоду безумно хотѣлось взять его за плечи и сказать:

— Не саранча дѣлаетъ оперу!

Но онъ только кивнулъ головой и замѣтилъ:

— Тѣмъ лучше для насъ!

— Затѣмъ онъ вскрылъ свои письма. Три было отъ любителей автографовъ. Четвертое — отъ Армана Жиллье. Увидѣвъ эту подпись, Клодъ нахмурился и прочиталъ письмо.

— Письма! опять письма! — сказала Чарміанъ, подходя. — Есть что-нибудь интересное, Клоди?

— Жиллье пріѣзжаетъ сюда.

— Жиллье!

— Да. Или даже уже пріѣхалъ. Въ какой день приходитъ „Филадельфія“?

— Сегодня утромъ пришла, — сказалъ Эльстонъ.

— Ну, значитъ, онъ здѣсь.

У Чарміанъ былъ недовольный видъ.

— Какой дурной тонъ! Послѣ всѣхъ его попытокъ повредить оперѣ онъ не долженъ былъ являться.

— Не все ли равно? — спросилъ Клодъ.

— Его будутъ интервьюировать насчетъ либретто, — сказалъ Эльстонъ, — и кто его знаетъ, что эта бестія скажетъ?

Они вошли въ просторный коридоръ, кольцомъ огибавшій ложи бенуара.

— Какъ темно! Клоди, дай мнѣ руку. Здѣсь, кажется, повышается?

— Да. Вотъ входъ.

Эльстонъ распахнулъ дверь, и они вошли въ зрительный залъ. Онъ былъ слабо освѣщенъ; на креслахъ смутно бѣлѣли чехлы. Зіяла темная пустота ложъ. Верхніе ярусы и галлерея исчезали во тьмѣ.

„И эту махину я долженъ наполнить людьми!“ — подумалъ Клодъ. Ему показалось вдругъ неправдоподобнымъ, что ради него, ради того, что онъ сдѣлалъ, затрачены огромныя суммы, цѣлая армія людей работаетъ, столбцы за столбцами пишутся въ безчисленныхъ газетахъ, а такой человѣкъ, какъ Крэйфордъ, пускаетъ въ ходъ все свое вліяніе, всю свою энергію дѣльца, антрепренера, мецената. Онъ вспомнилъ вечеръ премьеры оперы Сеннье, и ему показалось невѣроятнымъ, чтобы и ему могъ выпасть на долю такой вечеръ. Онъ думалъ объ этомъ, какъ человѣкъ думаетъ о смерти: точно она придетъ только къ его сосѣду, а не къ нему самому.

— Чаули! — закричалъ повелительный голосъ. — Чаули, гдѣ вы?

— Я здѣсь! — отозвался тоненькій голосъ откуда-то изъ-за сцены.

— Уберите этотъ свѣтъ! Давайте намъ желтый! Нѣтъ, къ чорту синій! Гдѣ Джимберъ? Я спрашиваю: гдѣ Джимберъ?

Режиссеръ Мельворсъ появился въ проходѣ между креслами, быстро направляясь къ сценѣ. Онъ натолкнулся на Клода.

— Ахъ, здравствуйте! М-ръ Крэйфордъ здѣсь. Онъ очень хочетъ васъ видѣть.

— Гдѣ онъ?

— Гдѣ-то за кулисами. Онъ, кажется, осматриваетъ верблюдовъ. Вы можете пойти со мной?

— Конечно.

И они быстро пошли къ двери, ведущей на сцену.

— Пойдемте, Эльстонъ, сядемъ гдѣ-нибудь подальше въ креслахъ, — сказала Чарміанъ. — Они, повидимому, за саранчу еще не принимались.

— Нѣтъ. Вѣроятно, какая-нибудь загвоздка. Сколько терпѣнія нужно въ театральномъ дѣлѣ. Здѣсь чехлы. Сядемъ лучше въ ложѣ.

Они вошли въ темную ложу. Далеко отъ нихъ находилась огромная сцена, освѣщенная желтымъ свѣтомъ, но не спизу, а сверху. Декорація изображала оазисъ въ пустынѣ съ желтымъ пескомъ въ перспективѣ. Среди пышныхъ пальмъ стоялъ сценаріусъ и нѣсколько рабочихъ, блѣдныхъ, запыленныхъ, безъ пиджаковъ. Въ глубинѣ сцены ёрзалъ Мельворсъ съ какимъ-то лысымъ субъектомъ, повидимому, это былъ Джимберъ. Затѣмъ прошелъ Клодъ и исчезъ въ боковой кулисѣ. Его лицо подъ желтымъ свѣтомъ выглядѣло мертвеннымъ.

— Какой ужасный видъ на сценѣ у людей безъ грима! — сказала Чарміанъ. — Точно привидѣнія!. Ахъ, Эльстонъ, будемъ ли мы имѣть успѣхъ?

— Что такое? Сомнѣнія?

— Нѣтъ, нѣтъ! Но когда я вижу этотъ огромный темный театръ, я не могу не думать: „Наполнимъ ли мы его?“ Что за борьба — искусство! Я раньше не ощущала, что мы находимся на полѣ битвы. Эльстонъ, я чувствую, что мнѣ лучше умереть, чѣмъ потерпѣть пораженіе.

— Но пораженіе вѣдь во всякомъ случаѣ было бы не ваше...

Она оглянулась, вглядываясь ему въ лицо въ полутьмѣ.

— Не мое?

— Ну, конечно. Не вы написали либретто. Не вы сочинили музыку.

— И все-таки, — проговорила Чарміанъ глухимъ голо-

сомъ, — если бъ опера провалилась, пораженіе было бы мое, потому что, если бъ не я, она никогда не была бы написана, никогда не поставлена на сценѣ. Эльстонъ, на мнѣ большая отвѣтственность. Я не сознавала этого хорошенько, пока вотъ сейчасъ не увидѣла Клода на сценѣ. Онъ имѣлъ видъ.., такой видъ...

Она замялась.

— Отчего вы не договариваете, м-съ Чарміанъ?

— Онъ имѣлъ видъ жертвы.

— При этомъ освѣщеніи у всѣхъ такой видъ... А-а, вотъ и Крэйфордъ!

Крэйфордъ появился на сценѣ съ той самой стороны, куда исчезъ Клодъ. На немъ была сдвинутая на затылокъ шляпа, а во рту онъ держалъ сигару.

— Видите! онъ не похожъ на жертву! — прошептала Чарміанъ.

— Ну, валяйте! — закричалъ Крэйфордъ. — Пустите машину, и мы посмотримъ!

Раздался звукъ, похожій на сильный вѣтеръ.

Въ два часа ночи Крэйфордъ все еще курилъ, наблюдалъ, отдавалъ приказанія. Чарміанъ и Эльстонъ все еще сидѣли въ ложѣ, смотрѣли, слушали, немного разговаривали. Клода они больше не видѣли. Они хотѣли позвать его, если бъ онъ появился въ залѣ. Но онъ не появлялся. Время летѣло, и когда Эльстонъ взглянулъ наконецъ на часы и сказалъ Чарміанъ, который часъ, она не хотѣла вѣрить ему.

— Гдѣ же Клодъ?

— Я пойду поищу его.

— Джимберъ! — оралъ Крэйфордъ. — Гдѣ Джимберъ?

Мельворсъ, у котораго былъ сейчасъ такой видъ, точно онъ много ночей уже не ложился, опрометью бросился на сцену.

— Саранча вся въ одномъ углу! — гремѣлъ Крэфордъ. — Какой смыслъ? Она должна быть разсѣяна.

— Разсѣйте саранчу! — повторилъ м-ръ Мельворсъ.

И онъ сталъ двигать руками, наподобіе семафора и продолжалъ это такъ долго, какъ будто его физическое существо вышло изъ-подъ контроля разума.

Чарміанъ осталась въ ложѣ одна. Эльстонъ пошелъ на поиски. Сегодня она чувствовала тревогу за Клода. Она не

могла отдѣлаться отъ воспоминанія объ его блѣдномъ, измученномъ лицѣ подъ неестественнымъ желтымъ свѣтомъ. Это воспоминаніе мучило ее теперь особенно, когда она была одна. Ища ободренія, она стала глядѣть на увѣренную, жизнерадостную фигуру Крэйфорда. Какъ изумительно трудоспособны американцы! Всѣ, съ которыми ей и Клоду приходилось имѣть дѣло, кажется были заняты все время, не зная отдыха — точно волны, гонимыя вѣтромъ. Это взвинчивало нервы. Было бы особенно обидно провалиться передъ этимъ народомъ, такъ почитающимъ успѣхъ и умѣющимъ ковать его.

Она вспомнила свое первое ощущеніе, когда къ нимъ съ Клодомъ сразу же въ порту подошелъ журналистъ съ проницательнымъ взглядомъ и упрямымъ ртомъ. Она почувствовала, что съ этого момента старая жизнь въ неизвѣстности осталась позади. Агентъ Крейфорда по рекламной части былъ мастеромъ своего дѣла. Чарміанъ и Клода интервьюировали и снимали и на палубѣ и на мосткахъ, а въ тотъ же день цѣлый пріемъ журналистовъ состоялся въ ихъ пріемной въ отелѣ „Режисъ“. Чарміанъ вспомнила теперь о нихъ, когда ожидала возвращенія Клода.

Всѣ они были или казались молодыми людьми, элегантными, увѣренными и значительными. При этомъ всѣ они были обаятельно милы въ обращеніи. Они чутко слушали, ставили вопросы мягко, безъ рѣзкостей. Они казались лично заинтересованными оперой Клода и его творчествомъ. Заговорили потомъ и о музыкѣ вообще. Клодъ сначала чувствовалъ себя неловко и былъ, пожалуй, черезчуръ скроменъ. Но журналисты были такъ деликатны, что его неловкость постепенно исчезла. Онъ оживился, оттаялъ. Но когда журналисты ушли, онъ сказалъ Чарміанъ:

— Пріятные люди, правда? Но ихъ глаза требуютъ отъ меня успѣха. Я все время буду видѣть эти глаза, вопросительные и требующіе!

Чарміанъ тогда не поняла его — теперь она видѣла передъ собой эти глаза. Клодъ замѣтилъ правильно: подъ мягкимъ сочувствіемъ и привѣтливой любезностью этихъ американцевъ скрывалось нѣмое, строгое требованіе — требованіе могучей практичной страны.

— Мы здѣсь, чтобы сдѣлать васъ извѣстнымъ тысячамъ людей, — какъ бы говорили они. — Но вы должны дать ходкій товаръ. Вы должны имѣть успѣхъ!

Успѣхъ! Успѣхъ! Чарміанъ казалось, что вся Америка

безпрерывно шепчетъ ей это на ухо. Голосъ становится все упорнѣе и громче, и наконецъ ей начинаетъ казаться, что ей грозитъ гибель, если она ослушается. Страхъ овладѣлъ ею. Но затѣмъ она подумала: „Не надо бояться. Страхъ парализуетъ волю и самъ вызываетъ неудачу. Надо откинуть страхъ прочь".

— Нѣтъ, нѣтъ, говорю я вамъ! — неслось со сцены. — Все-таки еще вся почти музыка съ одной стороны. Развѣ можно, чтобы саранча пряталась въ уголъ, когда она должна нестись по всей пустынѣ? Это въ ихъ природѣ. Что, ну такъ вы должны перемѣнить мѣсто машинъ. Гдѣ Джимберъ?

И м-ръ Крэйфордъ помчался за кулисы.

Половина третьяго ночи! Что Клодъ можетъ дѣлать тамъ? Отчего не возвращается Эльстонъ? Чарміанъ было холодно, и она почувствовала усталость. Она застегнула свое манто до самаго горла. Съ минуту на сценѣ никого не было. Не слышно было звука, подражающаго шуму вѣтра. Внезапная угнетающая тишина еще больше подчеркнула холодную пустоту театра. Чарміонъ смотрѣла на пальмы и желтые пески и не думала ни о чемъ.

Она просидѣла такъ минутъ пять; вдругъ по сценѣ поспѣшно прошелъ Клодъ. У него въ рукахъ была записная книжка и карандашъ, и онъ какъ будто искалъ кого-то. Крейфордъ быстро шелъ къ нему навстрѣчу съ другой стороны сцены, они встрѣтились и стали толковать.

Дверь ложи открылась, и вошелъ Эльстонъ.

— Клодъ такъ занятъ, что не можетъ еще ѣхать. Онъ просилъ меня проводить васъ домой.

— Что онъ дѣлалъ все время?

— Тысячу вещей. Вышло такъ, какъ я и говорилъ. Крэйфордъ рѣшилъ выступить раньше Сеннье. Онъ не дастъ никому передохнуть, но поспѣетъ раньше Метрополитэна. Клодъ говорилъ съ репортерами, а затѣмъ имѣлъ разговоръ по душѣ съ Энидъ Мардонъ. Ѣдемте, м-съ Чарміанъ!

— Мнѣ не хочется оставлять Клода.

— Но намъ здѣсь нечего дѣлать, а онъ пріѣдетъ, какъ только освободится. Я доведу васъ до отеля.

— А въ чемъ дѣло съ миссъ Мардонъ? — спросила Чарміанъ, вставая, чтобы идти.

— Ахъ, она сегодня не въ ударѣ. И требовала всякихъ измѣненій. Она — большая артистка, но капризна, какъ обезьяна. Начинается у нея обыкновенно съ того, что она

камня на камнѣ не оставляетъ. Такъ и теперь она разнесла всю свою партію.

— А какъ Клодъ принялъ это?

— Очень спокойно. Сказать правду, онъ кажется, переутомился сегодня.

— Эльстонъ! — проговорила Чарміанъ, останавливаясь въ коридорѣ. — Я не поѣду безъ него домой. Нѣтъ, нѣтъ! Мы должны всячески поддерживать его, помогать ему до конца. Пойдемъ въ кресла. Я хочу сидѣть такъ, чтобы онъ видѣлъ насъ.

— Онъ будетъ насъ гнать.

— Нѣтъ, не будетъ! — увѣренно возразила Чарміанъ.

Въ ней говорилъ духъ m-me Сенпье.

XXX.

Они уѣхали изъ театра только около четырехъ часовъ ночи, оставивъ Крэйфорда, Мельворса и Джимбера еще на сценѣ. Выйдя въ холодную тьму ночи, они сѣли въ таксомоторъ. Эльстонъ сказалъ, что довезетъ ихъ до отеля, а затѣмъ поѣдетъ къ себѣ. Но когда они подкатили къ отелю, Клодъ попросъ его зайти.

— Я не могу лечь спать, — сказалъ онъ.

— Клодъ, но вѣдь теперь пятый часъ, — сказала Чарміанъ.

— Я знаю. Но послѣ всего этого невозможно заснуть. Пойдемъ, Эльстонъ, мы закусимъ что-нибудь, выкуримъ сигару и постараемся успокоиться.

— Правильно! Я нисколько не усталъ.

— Это будетъ оригинально! — сказала Чарміанъ. — И потомъ я адски проголодалась.

За ужиномъ они были всѣ необычайно разговорчивы и необычайно откровенны. Вмѣсто того, чтобы „успокоиться“, Клодъ сдѣлался лихорадочно возбужденъ. Онъ точно сбросилъ съ себя прежнюю усталость.

— Здѣшній климатъ бодритъ изумительно, — воскликнулъ онъ. — Подумайте, вѣдь я намѣревался уже лечь въ постель, когда вы пришли, Эльстонъ!

Онъ разсмѣялся, взялъ въ руку бокалъ шампанскаго и сказалъ:

— Давайте, устроимъ договоръ!

— Какой, дружище?

— А вотъ какой: послѣ премьеры будемъ ужинать вмѣстѣ, вотъ такъ втроемъ! Я бы не могъ вынести параднаго ужина со множествомъ незнакомыхъ людей.

— Превосходно! Я приду. Выпьемъ за этотъ вечеръ!

Они выпили, закурили сигары. Чарміанъ полулежала на диванѣ, подложивъ себѣ подъ голову цѣлую кучу подушекъ, а Клодъ ходилъ по комнатѣ взадъ и впередъ и разсказывалъ всѣ свои впечатлѣнія этого вечера въ театрѣ.

Во-первыхъ, его осаждала цѣлая армія журналистовъ по поводу скандала съ либретто. Выяснилось, что m-me Сеннье сдѣлала свое опрометчивое заявленіе въ припадкѣ вспыльчивой ярости, вызванной неудачной репетиціей Метрополитэна. Анни Мередитъ, исполнительница главной роли въ новой оперѣ Сеннье, была больше драматическая актриса, чѣмъ пѣвица. Она подвергла уничтожающей критикѣ слабое либретто и напала на m-me Сеннье за плохой выборъ. Это было каплей, переполнившей чашу терпѣнія великой Генріетты. Тайное озлобленіе своей неудачей съ либретто Жилльe нашло выходъ въ горячей вспышкѣ, еще раздутой падкой на сенсацію прессой. Дирекція театра Крэйфорда сначала намѣревалась затушить дѣло, но агентъ по рекламѣ воспротивился этому: m-me Сеннье, говорилъ онъ, сдѣлала ложный шагъ. Надо использовать его въ цѣляхъ рекламы.

Сперва неприкрытый цинизмъ всего этого вызывалъ негодованіе и стыдъ въ душѣ Клода. Но затѣмъ онъ сталъ склоняться къ иному разсужденію. Какое будетъ имѣть значеніе это пасквильное обвиненіе, если его смететъ успѣхъ и признаніе его оперы. Что же изъ того, что его произведеніе не есть родное дѣтище его духа, что оно искажено поправками и чужими вліяніями? Что изъ того, что на него саранчей налетѣла уличная пресса, если въ результатѣ будетъ успѣхъ? Все побуждало Клода стремиться къ единственной реальной вещи — къ успѣху. И теперь, послѣ цѣлой ночи лихорадочно-возбужденной дѣятельности, онъ пришелъ къ неожиданному въ своей рѣзкости рѣшенію: добиться во что бы то ни стало успѣха, хоть и не высокаго калибра, но шумнаго и широкаго. Есть успѣхъ интимный, какъ бы исходящій изнутри и есть другой — оглушительный, громкій, какъ ударъ мѣдныхъ тарелокъ. Клоду казалось, что онъ слышитъ ихъ звукъ въ своихъ ушахъ.

Одинъ изъ журналистовъ упомянулъ о Жилльe, который пріѣхалъ и уже подвергся интервью. Онъ, очевидно, былъ

въ восторгѣ, что его произведеніе явилось яблокомъ раздора, но уклонился отъ категорическаго подтвержденія истины какой бы то ни было стороны. Во всякомъ случаѣ, впечатлѣніе у журналистовъ сложилось такое, что изъ-за его либретто происходила борьба, побѣдителемъ въ которой вышелъ Клодъ Хіисъ. Или борьба по существу происходила между Крэйфордомъ и Метрополитэномъ? Въ заключеніе Жиллье сказалъ: „Предоставляю этотъ вопросъ вамъ, господа. Для меня имѣетъ значеніе лишь то, чтобы мое скромное произведеніе получило надлежащую интерпретацію въ смыслѣ сценическаго и музыкальнаго исполненія. Я не отвѣчаю за то, что говорила вамъ m-me Сеннье, или кто бы то ни было".

— Такъ что жъ они думаютъ на самомъ дѣлѣ? — воскликнула Чарміанъ, приподымаясь на локтѣ.

— Самое худшее! — сказалъ Эльстонъ.

— Ну и пусть! — отвѣтилъ Клодъ. Онъ вынулъ сигару, обрѣзалъ и закурилъ ее. — Какое значеніе имѣетъ все это, если мы будемъ имѣть большой, шумный успѣхъ? — спросилъ онъ.

Чарміанъ и Эльстонъ переглянулись удивленно и радостно.

— До пріѣзда въ Америку я не сознавалъ, — продолжалъ Клодъ, — необходимости успѣха. Это — какъ глотокъ воздуха, который втягиваетъ въ свои легтія пловецъ на состязаніи, принужденный ради скорости почти все время держать голову подъ водой. Мнѣ надо выиграть это состязаніе! И все, что можетъ помочь этому, я привѣтствую! Даже ложь m-me Сеннье и хитрый обманъ Жиллье. Крэйфордъ правъ — это единственное, что нужно. Сначала я не понималъ этого, но теперь понимаю. Въ наше время артистъ не можетъ держать себя и свой талантъ въ ватѣ. Если выступаешь съ чѣмъ-нибудь передъ публикой, то нельзя быть чувствительнымъ ко всему, что о тебѣ говорятъ и думаютъ. Крэйфордъ прочелъ мнѣ цѣлую лекцію о рекламѣ, которая мнѣ много выяснила.

— Что онъ сказалъ? — спросилъ Эльстонъ.

— Голубчикъ мой, — сказалъ онъ мнѣ, — если бъ я выпускалъ въ свѣтъ какую-нибудь свою работу и ея успѣху могъ бы помочь слухъ, что я убилъ свою мать или отнялъ у своего отца его послѣдній грошъ, то я не сталъ бы опровергать его, увѣряю васъ!

Чарміанъ и Эльстомъ расхохотались, но лицо Клода оставалось серьезнымъ.

— Суть дѣла въ томъ, — сказалъ онъ, — что творчество должно быть на первомъ планѣ, личность — на второмъ. И теперь, когда мы уже зашли такъ далеко въ этомъ дѣлѣ, ничто не должно помѣшать нашему успѣху. Пусть газеты говорятъ, что́ имъ угодно, лишь бы говорили о насъ. Пусть m-me Сеннье шипитъ и клевещетъ, сколько ей угодно. Крэйфордъ говоритъ, что ихъ атака показываетъ, что они считаютъ насъ сильнѣе себя. Либретто ихъ оперы оказалось на репетиціи ниже всякой критики, и они смѣшно дѣлаютъ въ немъ разныя поправки и измѣненія. А у насъ все было готово еще въ Мустафѣ. Богъ мой! какъ я работалъ тамъ! Ты помнишь пребываніе Джернингтона, Чарміанъ? Онъ вѣрилъ въ оперу. Правда?

— Еще бы! — воскликнула она. — Онъ былъ просто влюбленъ въ нее. А онъ не дилетантъ, а большой знатокъ музыки.

— Да, онъ понимаетъ! Какая перемѣна въ нашей жизни, если мы добьемся большого успѣха? А, Чарміанъ? И вы, Эльстонъ, будете раздѣлять его.

Его глаза сіяли.

— Я раньше боялся популярности. Теперь я хочу ея. Она нужна мнѣ. Америка заставила меня почувствовать это.

— Наша страна будитъ людей, — замѣтилъ Эльстонъ.

— Не только будитъ, а даже сводитъ съ ума! — воскликнулъ Клодъ съ неудержимой горячностью.

— Клоди! — остановила его Чарміанъ.

— Да, да сводитъ съ ума. Въ американской атмосферѣ есть что-то такое, что накачиваетъ въ человѣка энергію до тѣхъ поръ, пока у него душа и тѣло не закружатся въ бѣшеномъ вихрѣ. Когда я вспомню свою жизнь въ Мёлліонъ-Хоуз'ѣ и здѣсь!

Чарміанъ быстрымъ движеніемъ сѣла на диванѣ.

— Значитъ, ты теперь сознаешь, что... — начала она взволнованно и остановилась, глядя на Клода.

Мужчины смотрѣли на нее.

— Что́ же такое? — спросилъ, наконецъ Клодъ.

— Ты сознаешь теперь, что я видѣла дальше тебя, когда ты забирался въ свою нору и прятался отъ жизни и людей?

— Конечно, сознаю. У меня не хватало тогда мужества. Я боялся соприкосновенія съ жизнью. Теперь я начинаю понимать жизнь и хочу взять отъ нея то, что можно... А теперь давайте выработаемъ планъ кампаніи на случай, если m-me Сеннье будетъ упорствовать въ своемъ обвиненіи.

Онъ присѣлъ на диванъ между женой и Эльстономъ.

Они толковали, пока не стало разсвѣтать. Когда, наконецъ, Эльстонъ всталъ, Клодъ сказалъ:

— Если сильная воля трехъ человѣкъ стоитъ чего-нибудь, то мы должны побѣдить.

- А кромѣ того, за нами стоитъ Крэйфордъ, — прибавилъ Эльстонъ, влѣзая въ рукава своего пальто. — Доброе утро! Теперь я иду не шутя.

И онъ ушелъ.

Чарміанъ поднялась съ дивана и подошла къ письменному столу. Ея взглядъ упалъ на конвертъ, лежавшій въ сторонѣ отъ кучи писемъ. Машинально она протянула къ нему руку, желая присоединить его къ другимъ. Но взявъ его, она увидѣла, что письмо это не вскрыто и адресовано на имя Клода.

— Здѣсь тебѣ письмо, Клоди! — сказала она, передавая его мужу.

— Еще! Навѣрное, опять просятъ автографъ.

Не глядя на почеркъ, онъ разорвалъ конвертъ, вынулъ письмо и сталъ читать его.

— Это отъ м-съ Шиффней! — сказалъ онъ. — Она пріѣхала сегодня на одномъ пароходѣ съ Жилльe!

— Такъ я и знала! Хотя всѣ увѣряли, что она проводитъ зиму гдѣ-то на островахъ.

— Она привезла съ собой Сусанну Флитъ.

— Сусанну!

— Прочти, что она пишетъ. Повидимому, эта поѣздка — внезапная фантазія.

— Бѣдный ты мой! — проговорила Чарміанъ, съ ласковымъ сожалѣніемъ глядя на него. — Когда ты начнешь понимать?

— Что?

— Насъ, женщинъ.

Она прочла письмо:

„Милый м-ръ Хіисъ, я только что пріѣхала съ Сусанной Флитъ на „Филадельфіи“. Столько доносилось слуховъ о вашей оперѣ, что я почувствовала внезапное желаніе посмотрѣть и послушать ее. Послѣ всего, что вы разсказали мнѣ о ней въ Константинѣ, я, разумѣется, живо заинтересована. Будьте милы и устройте меня на репетиціи. Въ вопросахъ искусства я безпартійна, и хотя я другъ Сеннье, но искренно желаю вамъ полнаго тріумфа. Неужели на небѣ

нѣтъ мѣста для двухъ звѣздъ? Какая безсмыслица вся эта исторія, поднятая газетами! Не вѣрьте ни одному слову, сказанному тамъ про Генріетту и ваше либретто. Она понятія о немъ не имѣетъ. Что за вздоръ! Сусанна мечтаетъ о свиданіи со своей любимицей Чарміанъ. Можете ли вы оба завтракать съ нами у Шерри завтра въ часъ? Привѣтъ Чарміанъ.

Искренно преданная вамъ

Аделаида Шиффней".

— Ну, какъ же? — спросилъ Клодъ, когда Чарміанъ молча положила письмо. — Пойдемъ завтракать?

— Да, Клоди. Надо пойти.

Она посмотрѣла на него.

— Что ты? — спросила она.

— Ты все еще думаешь, что м-съ Шиффней обошла меня въ Константинѣ?

— Да, я знаю это.

— И однако...

Она прервала его.

— Мы на аренѣ!

— Ага! понимаю.

— Если завтра въ ресторанѣ м-съ Шиффней заговоритъ насчетъ репетиціи, что ты думаешь дѣлать?

— А ты какъ на этотъ счетъ?

— Она хочетъ придти, конечно, исключительно въ надеждѣ принести утѣшительный для Сеннье отчетъ.

Клодъ помолчалъ съ минуту. Затѣмъ онъ проговорилъ:

— Это возможно. Но... мы — на аренѣ!

— Ну, и что жъ?

— Ты не любишь м-съ Шиффней, не довѣряешь ей, но ты должна признать, что у нея есть вкусъ и художественное чутье?

— Да... нѣкоторое.

— Даже большое, я бы сказалъ.

— Пожалуй. Но только, когда она не ослѣплена личнымъ чувствомъ. Къ тебѣ у нея есть пристрастіе.

— Если я буду на репетиціи съ м-съ Шиффней, — сказалъ Клодъ, — то я сумѣю угадать ея настоящее честное мнѣніе — то, которое складывается у насъ противъ воли. Если бъ опера понравилась ей...

Онъ остановился. На его лицѣ было выраженіе самоувѣренности.

— Да, такъ что?

— Я только хочу сказать, что мы бы узнали наперед приговоръ публики.

— Понимаю, — проговорила Чарміанъ раздѣльно. — Понимаю. — Она встала. — А теперь надо все-таки лечь.

— Да, пойдемъ. Но у меня такое чувство, какъ будто мнѣ никогда не захочется больше спать.

— Надо заснуть. Приговоръ... Да... Но Аделаида можетъ ошибиться.

— У нея въ самомъ дѣлѣ есть нюхъ.

— Да... Ахъ, Клоди, этотъ приговоръ!..

Они были теперь въ своей спальнѣ. Чарміанъ вздохнула и обвила руками шею мужа.

Онъ почувствовалъ влажное прикосновеніе къ своей щекѣ. Она прижалась къ ней глазами.

— Чарміанъ, въ чемъ дѣло? Почему?

— Тише, тише! Не надо говорить. Обними меня покрѣпче. Вотъ такъ! Ахъ, Клоди, я хочу, чтобы ты побѣдилъ! я хочу! И это не изъ одного эгоизма. Я... я, конечно, эгоистка. Мнѣ хочется, чтобы мой мужъ имѣлъ успѣхъ. Но тутъ есть и нѣчто большее... Да, да, есть!

Она страстно обнимала его, цѣловала его глаза, не прятала своихъ слезъ, но это не были слезы печали.

— Въ тебѣ есть что-то сидящее глубоко внутри, которое я люблю, — прошептала она. — Оно сразу привлекло меня къ тебѣ. И вотъ я хочу, чтобы оно побѣдило! Я хочу, чтобы оно побѣдило!

Одинъ моментъ Клодъ былъ готовъ къ странной исповѣди, но какая-то сила удержала его отъ этого. Онъ склонился къ ней и, цѣлуя ее, сказалъ:

— Ты, не щадя силъ, работала для меня. Если мы побѣдимъ, это будетъ твоя побѣда.

— А если нѣтъ? — шепнула она.

— Чарміанъ, надо постараться заснуть.

XXXI.

Клодъ принялъ категорическое рѣшеніе и держался его: онъ стремился теперь къ успѣху и былъ готовъ бороться за него. Его истинное „я“ отступало все дальше вглубь и пряталось. Иногда въ эти странно-кипучіе дни и ночи ему казалось, что въ сутолкѣ онъ теряетъ самого себя. И ему хотѣ-

лось потерять себя окончательно, покончить разъ навсегда съ тѣмъ внутреннимъ существомъ, которое онъ когда-то лелѣялъ, но которое не имѣетъ никакой цѣны въ этомъ мірѣ.

Время отъ времени ему вспоминался блѣдный свѣтъ его рабочей лампы въ спокойной студіи, гдѣ онъ жилъ съ милыми дѣтьми фантазіи своей; онъ вслушивался и, казалось ему, слышалъ эту тишину. Но затѣмъ снова захлестывала его толпа, шумъ жизни оглушалъ его, и Клодъ Хіисъ прежнихъ дней удалялся отъ него во тьму. И онъ кричалъ вслѣдъ бѣглецу: „Уйди! Уйди!“

Клодъ страдалъ все это время, какъ страдаетъ человѣкъ, когда дѣлаетъ надъ собой насиліе. Нерѣдко онъ еще издѣвался надъ своимъ страданіемъ. Смѣлость, жестокость, спокойствіе — вотъ что требуется въ жизни, какъ онъ понималъ ее теперь. Чувствительность и впечатлительность не нужны — жизнь недостаточно мягка для этого.

Клодъ игралъ роль, и такъ какъ онъ былъ наэлектризованъ, то игралъ хорошо. Ему помогала его врожденная склонность идти людямъ навстрѣчу, а также всеобщая милая привѣтливость по отношенію къ нему. Чарміанъ исполняла свою роль съ удивительнымъ блескомъ и энергіей: явная перемѣна въ настроеніи мужа вдохновляла и укрѣпляла ее. Прежде она старалась развить въ Клодѣ свѣтскіе таланты, которые должны были помочь успѣху. Теперь онъ вызывалъ ихъ въ ней. Его оживленіе, неутомимость, способность къ интенсивной дѣятельности и особенно умѣніе приказывать поражали ее. Она говорила себѣ: „А я вѣдь до сихъ поръ не знала его!“

Многіе посторонніе тоже замѣчали въ Клодѣ перемѣну. Послѣ завтрака въ ресторанѣ Шерри м-съ Шиффней сказала Чарміанъ:

— Американская атмосфера, повидимому, полезна нашему композитору. Онъ словно смылъ съ себя послѣдніе остатки пуританской традиціи. Или это театръ такъ перевернулъ его? Онъ совсѣмъ новый человѣкъ.

— Въ Клодѣ всегда было больше, чѣмъ лондонское общество въ немъ предполагало, — отвѣтила Чарміанъ, тайно торжествуя, но стараясь говорить съ небрежной легкостью.

— Конечно! — сказала м-съ Шиффней. — Вѣроятно, теперь, когда вы вытащили его на вольный воздухъ, ему даже нравится быть центромъ борьбы.

— Я вовсе не вытаскивала его!

Клодъ сидѣлъ въ отдаленіи и разговаривалъ съ Сусан-

ной Флитъ. М-съ Шиффней подстроила это: ей надо было сперва черезъ женщину узнать, какъ обстоитъ дѣло. Потомъ уже она возьмется за мужчину. Ей казалось, что въ воздухѣ пахнетъ успѣхомъ. Неужели она всегда ошибалась въ своемъ сужденіи о Клодѣ? Неужели Чарміанъ оказалась дальновиднѣе ея? М-съ Шиффней почувствовала больше интереса къ ней, чѣмъ раньше, но въ связи съ этимъ и больше вражды. Какъ эта Чарміанъ будетъ торжествовать, если опера Хіиса будетъ имѣть успѣхъ! Какъ она будетъ невыносима! М-съ Шиффней не могла простить Чарміанъ того, что она овладѣла Клодомъ. Она не любила тѣхъ, которые мѣшаютъ исполненію какой-нибудь ея прихоти, и сердилась, какъ сердятся дѣти, когда у нихъ отнимаютъ игрушку. М-съ Шиффней искренно желала провала предпріятія, въ которое Чарміанъ вложила всю душу. И еще горячѣй желала она этого, видя перемѣну въ Клодѣ. Его новая смѣлость, бодрость, мужественное оживленіе были неотразимо привлекательны. Онъ приводилъ ее въ изумленіе. „Въ немъ въ самомъ дѣлѣ что-то есть!“ — думала м-съ Шиффней. И это что-то могло принадлежать ей. Но такъ какъ оно не давалось въ руки, то ей хотѣлось мстить.

Во время завтрака и послѣ него разговоръ не касался скандала съ либретто. Разстались самымъ дружескимъ образомъ, и на прощанье м-съ Шиффней сказала:

— Я приду къ вамъ въ „Режисъ“. Я не признаю лагерей въ искусствѣ и желаю обѣимъ операмъ блестящаго успѣха.

Про репетицію она не сказала ни слова.

Чарміанъ была смущена ея молчаніемъ. Она безпрестанно перебирала въ мысляхъ слова Клода насчетъ приговора въ миніатюрѣ. Всѣ свои мысленные расчеты она строила на этой основѣ, и постепенно ею овладѣла мысль о м-съ Шиффней, какъ арбитрѣ судьбы Клода.

Репетиціи оперы были ускорены. Крэйфордъ твердо рѣшился поставить свою новинку раньше, чѣмъ Метрополитэнъ объявитъ свою.

— Они назначили первое число, — говорилъ онъ, — значитъ, намъ надо подогнать все къ двадцать восьмому. Саранча у насъ готова, теперь надо хорошенько приняться за все прочее, чтобы убить ихъ своимъ „гвоздемъ“.

Онъ сталъ называть оперу Клода „гвоздемъ“. Слухи о дефектахъ либретто Сеннье подкрѣпляли его увѣренность: онъ былъ полонъ радужныхъ надеждъ.

Его энергія была стремительна и безпредѣльна. Онъ не зналъ ни отдыха, ни стремленія къ нему. Сезонъ складывался у него удачно — удачнѣе прошлаго. Онъ сознавалъ, что вся его будущая карьера въ значительной степени зависитъ отъ успѣха этого начинанія, и ощущалъ пламенную рѣшимость сильнаго человѣка, который считаетъ себя близкимъ къ цѣли.

Клодъ въ своей новой психологіи импонировалъ ему чрезвычайно.

— Вы видите, я передѣлалъ его! — торжествуя, говорилъ онъ Чарміанъ. — Теперь это — настоящій человѣкъ! Когда я началъ съ нимъ дѣло, это былъ... ну-ну, успокойтесь, милая барынька! не пѣтушитесь такъ!., я хотѣлъ только сказать, что теперь Клодъ умѣетъ вести свою линію. Посмотрите, какъ онъ держалъ себя во всей этой нелѣпой исторіи съ либретто. Ему она прямо понравилась. А вѣдь въ первый вечеръ, когда репортеры осадили насъ, онъ былъ какъ безумный, говорилъ о своей чести и всякую такую ерунду. Я горжусь имъ. Онъ дѣлаетъ огромные успѣхи, и онъ возьметъ свое!

— Я всегда знала, что Клодъ можетъ пойти далеко, если помочь ему, — сказала Чарміанъ.

— Теперь вамъ нечего безпокоиться. Рѣдко кто въ его годы имѣетъ такой случай выдвинуться, какъ онъ. Я говорю вамъ, что его дѣло въ шляпѣ!

Отъ этихъ словъ блаженный трепетъ прошелъ по сердцу Чарміанъ. Но еще горячѣе ей захотѣлось сужденія со стороны — приговора м-съ Шиффней.

Черезъ нѣсколько дней послѣ общаго завтрака у Шерри Чарміанъ позвала къ себѣ Сусанну Флитъ. Въ этотъ день она была съ Клодомъ и Жиллье въ театрѣ. Его оскорбительное поведеніе по отношенію къ нимъ теперь приходилось игнорировать противъ воли, онъ оказался ихъ соратникомъ въ великомъ предпріятіи. И они рѣшили быть съ нимъ любезными. Жиллье тоже былъ милъ и корректенъ. На него производила впечатлѣніе грандіозность постановки всего дѣла у Крэйфорда. Его поразила явная перемѣна въ Клодѣ. Эти люди казались ему не тѣми, какихъ онъ зналъ въ Мустафѣ. Они точно выросли оба, стали значительными. О нихъ писали, говорили, на нихъ строились надежды. И у нихъ былъ видъ людей, по слѣдамъ которыхъ идетъ богиня Успѣха. Жиллье переставалъ жалѣть о томъ, что его либретто досталось Клоду.

Въ тотъ день, когда Чарміанъ ожидала прихода Сусанны, она только что вернулась съ дневной репетиціи, которая сошла

очень удачно. Жиллье былъ въ бѣшеномъ восторгѣ отъ игры и пѣнія Энидъ Мардонъ, главной героини оперы. Онъ мало понималъ въ музыкѣ, но въ репетировавшейся сценѣ было очень искусное подражаніе, почти воспроизведеніе пѣсенъ Саида Гитани и его музыкантовъ. Это вызвало восхищеніе Жиллье, который былъ страстно привязанъ къ Алжиру, гдѣ провелъ бурные годы своей молодости. Клодъ и Чарміанъ замѣчали, что Жиллье начинаетъ возлагать большія надежды на оперу. Чарміанъ была такъ обрадована этимъ, что не вытерпѣла и спросила: „Вы начинаете вѣрить въ оперу, правда?“ И теперь, сидя въ ожиданіи Сусанны, она вспоминала отвѣтъ Жиллье: „Madame, если вся опера идетъ такъ, какъ эта сцена!..“ Онъ закончилъ характернымъ взмахомъ рукъ и улыбкой, и Чарміанъ показалось, въ этотъ моментъ, что онъ даже симпатиченъ. Она начинала извинять его прежнее поведеніе. Онъ былъ бѣденъ, прокладывалъ себѣ съ трудомъ дорогу. M-me Сеннье завладѣла имъ. Конечно, онъ не имѣлъ права требовать возвращенія ему либретто, но... Сегодня Чарміанъ находила въ своемъ сердцѣ мѣсто для мягкости и всепрощенія. Она была такъ счастлива, такъ увѣренно бодра!

За дверью что-то зашуршало. Вошла Сусанна. Видъ у нея былъ, какъ всегда, уравновѣшенный, спокойный и добрый. Она была тепло укутана въ мѣхъ м-съ Шиффней. Когда она сняла его и усѣлась, Чарміанъ сразу же стала изливать передъ ней свою переполненную душу. Ей надо было подѣлиться своей восторженной вѣрой. Репетиція сильно взвинтила ее Она была полна страстнаго нетерпѣнія человѣка, долго вопреки своей натурѣ сдерживавшаго себя и теперь, наконецъ, ожидающаго близкой награды. Какъ когда-то давно, въ саду, она взяла Сусанну въ повѣренныя. И Сусанна слушала ее спокойно, глядя на нее своими странными выпуклыми глазами.

— Ахъ, Сусанна! снимите перчатки! — воскликнула Чарміанъ. — Вѣдь вы посидите со мной какъ слѣдуетъ?

— Если вы захотите, да.

— Я бы каждый день хотѣла видѣть васъ. Будемъ пить чай.

Она подошла къ телефону, быстро вернулась назадъ, сѣла и продолжала съ увлеченіемъ разсказывать. Когда чайный столикъ очутился передъ ней, а лакей удалился, она сказала:

— Какія странныя вещи бываютъ на свѣтѣ! Я никогда не забуду вашихъ словъ о судьбѣ, когда мы сидѣли возлѣ

маленькаго островка. Мнѣ кажется, что именно тогда я почувствовала, что моя судьба — быть связанной съ Клодомъ. Вы помните, что́ вы сказали мнѣ тогда?

— Что, быть можетъ, вамъ суждено научить кое-чему м-ра Хіиса.

— Ахъ! не говорите такъ офиціально, Сусанна!

— Ну, Клода.

— Да. Видите, Сусанна, я не хочу казаться самодовольной, но я многому научила его: я научила его вѣрить въ себя и въ свой талантъ. Онъ изумительно перемѣнился. Всѣ это замѣчаютъ. Вы тоже?

— Да, есть перемѣна. Но, помнится, я тогда сказала еще одно: быть можетъ, суждено, чтобы вы многому поучились у него. Помните это?

Чарміанъ подавала въ этотъ моментъ Сусаннѣ чашку.

— О, да, — сказала она.

— Какой превосходный чай! — замѣтила Сусанна, беря чашку спокойной, увѣренной рукой.

— Развѣ?.. Слушайте, Сусанна!

— Что́?

— Вы ужасно скрытны.

— Нѣтъ, я не думаю.

— Да, половину своихъ мыслей о людяхъ вы прячете про себя.

— Это, я думаю, дѣлаетъ большинство изъ насъ.

— Напримѣръ, вы что-то думаете обо мнѣ! Я все время болтала, а вы слушали и думали, думали.

Въ голосѣ Чарміанъ звучала нотка тревожнаго сомнѣнія.

— Да. Но вамъ вѣдь хотѣлось, чтобы я васъ слушала?

— Конечно. Но вы что-то таили про себя. Что́ вы думали?

— Что дологъ нашъ путь черезъ мостъ, — произнесла Сусанна мягко, но съ удареніемъ.

— Ахъ, да! я помню... вы сказали мнѣ это давно когда-то.

— Намъ всѣмъ приходится многому учиться, а такъ же учить.

Чарміанъ нѣкоторое время молчала.

— Вы хотите сказать, что я только берусь учить другихъ, но что я... что я не хочу учиться сама? — проговорила она наконецъ.

— Это нѣсколько сильно сказано. Но я думаю, что вашъ мужъ имѣетъ что́ дать отъ себя.

— Клодъ? Ну, конечно... То-есть вы хотите сказать, что Клодъ могъ бы научить меня бо́льшему, чѣмъ я могу научить его?

— Я не могу утверждать этою съ увѣренностью.

— Да. Но скажите, вамъ все-таки представляется такъ?

— Признаться, да.

Чарміанъ вспыхнула. Въ ней зашевелилось что-то, похожее на досаду. Ей было больно, что Сусанна ставитъ Клода выше, чѣмъ ее. Но она сдѣлала надъ собой усиліе и произнесла:

— Такъ оно и должно быть. Онъ много умнѣе меня.

— Я не то думала. Не всегда умъ учитъ насъ.

— Ну тогда доброта!

Чарміанъ заставила себя улыбнуться.

— Вы считаете меня намного ниже Клода въ нравственномъ отношеніи? — спросила она, смѣясь и въ шутливомъ тонѣ.

— Дѣло и не въ этомъ. Но я думаю, что онъ бросилъ якорь глубоко, до самаго дна. А относительно васъ я въ этомъ не увѣрена... Да, кстати, я имѣю порученіе къ вамъ отъ Аделаиды. Она спрашиваетъ, какъ идутъ репетиціи?

— Превосходно, какъ я уже разсказывала вамъ.

— Она хотѣла бы присутствовать на одной изъ нихъ, если это возможно.

Чарміанъ была въ колебаніи. Но желаніе узнать сужденіе м-съ Шиффней было сильнѣе инстинктивнаго стремленія уклониться, и она отвѣтила:

— Да. Отчего же? Даже шпіонъ не можетъ унизить достоинствъ вражескаго дѣла одними своими пожеланіями.

Сусанна ничего на это не сказала.

— Вы должны придти съ ней, — прибавила Чарміанъ.

Она все еще чувствовала себя уязвленной. Сусанну она всегда считала своей закадычной пріятельницей. Сусаннѣ она открывала свою душу. А теперь она увидѣла, что Сусанна критикуетъ эту душу.

— Не знаю, захочетъ ли она взять меня съ собой, — сказала Сусанна. — Во всякомъ случаѣ я буду на премьерѣ.

— Ахъ, премьера! — прошептала Чарміанъ.

Ея тонъ измѣнился. При мысли объ этой новой эпохѣ жизни досада ея растаяла.

— Это уже такъ близко! — сказала она. — Бываютъ минуты, когда мнѣ хочется помчаться навстрѣчу этому вечеру,

а иногда думаешь: пусть онъ еще долго-долго не наступитъ! Какой ужасъ, что такъ много зависитъ отъ одного вечера — какихъ-нибудь трехъ-четырехъ часовъ времени! Для искусства надо имѣть смѣлость. Но Клодъ нашелъ ее въ себѣ. Да, Сусанна, вы правы: онъ лучше меня. Вы знаете, здѣсь я начинаю подчиняться ему, какъ никогда не подчинялась раньше. Если онъ выйдетъ побѣдителемъ, — а онъ выйдетъ, — то, мнѣ кажется, я буду у его ногъ.

Она разсмѣялась, но была очень близка къ слезамъ. Жизнь въ Нью-Іоркѣ измотала ея нервы.

Сусанна, ясно понимавшая, какую она причинила боль, подошла къ Чарміанъ и нѣжно взяла ее за руку.

— Милая! — сказала она. — Развѣ такъ много имѣетъ значенія, будетъ ли успѣхъ или нѣтъ?

— Боже мой! конечно. Все для насъ зависитъ отъ этого. Мы измѣнили всю жизнь, пожертвовали всѣмъ ради оперы. И для насъ это начало новой эры въ жизни.

Сусанна пристально взглянула на Чарміанъ своими некрасивыми, но прекрасными глазами.

— Я думаю, что новая эра наступитъ въ обоихъ случаяхъ, — сказала она. — Чарміанъ, милая, проповѣдовать смѣшно. Я, кажется, не слишкомъ часто взбираюсь на каѳедру, но мы съ вами толковали о многомъ дорогомъ и близкомъ моему сердцу. Разрѣшите мнѣ сказать вамъ одну вещь, въ которую я вѣрю всей душой?

— Да, Сусанна. Пожалуйста.

— Я думаю, что успѣхъ и неуспѣхъ имѣетъ значеніе по существу лишь постольку, поскольку онъ вліяетъ на характеръ и на ваши отношенія съ мужемъ. Остальное — пустяки. И оттого, если бъ я молилась подъ вліяніемъ импульса искренно преданнаго вамъ друга, то я бы молилась о томъ, чтобы ваши души достигли того, чего желали, что имъ нужно — все равно: цѣной ли успѣха или большой неудачи.

Въ этотъ моментъ отворилась дверь, и вошелъ Клодъ.

— Я слышу рѣчь о неудачѣ, — сказалъ онъ, улыбаясь. — Чарміанъ, какъ ты позволяешь произносить такое слово въ нашемъ салонѣ?

— Я... я не... мы не говорили, — залепетала она. Но быстро овладѣвъ собой, она сказала:

— Сусанна пришла съ порученіемъ отъ Аделаиды Шиффней.

— Это насчетъ разрѣшенія пройти на репетицію?

— Да, — сказала Сусанна.

— Я только что видѣлъ м-съ Шиффней. Она заходила въ театръ послѣ твоего ухода, Чарміанъ. Я отвезъ ее въ отель и зашелъ на минутку.

Чарміанъ посмотрѣла на мужа:

— И тогда она заговорила о репетиціи?

— Да. А m-me Сеннье какъ разъ явилась тутъ какъ тутъ. Что ты на это скажешь?

Чарміанъ подумала, что лицо и манеры Клода какъ-то особенно рѣзки.

— M-me Сеннье? И ты остался? Какъ же.

— Конечно, остался. Я поблагодарилъ ее за содѣйствіе успѣху моей оперы. Я извелъ ее. Было очень забавно. Жалко, что Крэйфордъ не слышалъ нашей бесѣды.

— Какъ же она приняла это? — спросила Чарміанъ, поглядывая на Сусанну и ощущая неловкость.

— Она была въ ярости. Что и требовалось. Но говорила она немного. Сказала только, что газеты полны вранья и что никто, кромѣ дураковъ, не вѣритъ имъ. А когда она уходила, я для утѣшенія разсказалъ ей новость.

— Какую?

— Что моя опера будетъ поставлена наканунѣ пхъ премьеры.

Сусанна поднялась съ мѣста.

— Ну, я пойду, — сказала она. — Сижу здѣсь давно, а теперь вамъ обоимъ надо отдохнуть.

— Отдохнуть! — воскликнулъ Клодъ. — Отъ такого занятія мы здѣсь отвыкли. Правда, Чарміанъ?

Онъ помогъ Сусаннѣ одѣться:

— Сегодня есть еще одна репетиція послѣ „Аиды“. Какъ видите, идетъ форменная гонка, и мы думаемъ придти къ финишу первыми. Если бъ вы видѣли лицо m-me Сеннье, когда я сказалъ ей про двадцать восьмое!

Онъ засмѣялся. Ни Чарміанъ ни Сусанна не поддержали его. Когда Сусанна уходила, онъ сказалъ:

— Вы изъ непріятельскаго лагеря, но вѣдь вы желаете намъ успѣха. Правда?

— Я уже говорила Чарміанъ, что я желаю вамъ, — отвѣтила Сусанна, спокойно глядя ему въ глаза.

— Вы говорили?

Онъ повернулся къ женѣ.

— Что пожелала намъ миссъ Флитъ?

Чарміанъ опѣшила:

— Чего?.. Ахъ, да, лучшаго, самаго лучшаго. Вѣдь такъ, Сусанна?

— Да. Я пожелала вамъ самаго лучшаго.

— Великолѣпно! Какъ жаль, что вы уходите.

Онъ проводилъ Сусанну.

Вернувшись, онъ сказалъ Чарміанъ:

— Она — хорошая и спокойная, эта Сусанна, Но она странная. И видитъ слишкомъ далеко.

XXXII.

Агенты рекламы обоихъ театровъ проявили столько энергіи, что скоро Хіисамъ, Сеннье и всѣмъ, заинтересованнымъ въ дѣлѣ, стало казаться, что все на свѣтѣ зависитъ отъ двухъ новыхъ оперъ и отъ ихъ успѣха. Чарміанъ получала изъ одного бюро вырѣзки всѣхъ статей на относящіяся къ этому темы. Въ теченіе этихъ дней лихорадочной подготовки она не читала ничего другого. Когда она была у себя въ отелѣ и не имѣла гостей, она сидѣла надъ этими листками, перебирала, сортировала ихъ. Она читала, и ей начинало казаться, что дѣйствительно, нѣтъ на свѣтѣ ничего важнѣе энергіи, таланта и блестящихъ успѣховъ Чарміанъ и Клода Хіисъ!

Побывъ въ отелѣ, она отправлялась въ театръ. Здѣсь былъ особый замкнутый міръ, замѣнявшій ей весь міръ. Всѣ встрѣчавшіеся тамъ люди были всецѣло поглощены оперой Клода. Она толковала съ музыкантами и съ дирижеромъ объ ансамблѣ и различныхъ деталяхъ фразировки, съ режиссеромъ — о мизансценахъ, съ пѣвцами — объ ихъ роляхъ; съ танцовщицами — объ ихъ странныхъ восточныхъ позахъ.

Благодаря тому, что Крэйфордъ былъ высокаго мнѣнія о Чарміанъ, она стала въ театрѣ всеобщей любимицей. Ее баловали, съ ней носились. Сужденіе о ней Крэйфорда было таково: „Это удивительная маленькая женщина! Я знаю ее, и я вамъ говорю, что это рѣдкая натура! Хіисъ сдѣлалъ самую умную вещь въ своей жизни, когда женился на ней“.

Чарміанъ имѣла въ самомъ дѣлѣ вліяніе на Крэйфорда и пользовалась имъ, наслаждаясь сознаніемъ своей силы и значенія. Онъ совѣтовался съ ней о многомъ. Она высказывалась твердо и опредѣленно, становясь съ каждымъ днемъ все увѣреннѣе въ себѣ. Въ театрѣ она бывала всегда окружена. Ей это нравилось, и она начинала любить театръ,

какъ никогда ничего не любила раньше. Романтическая красота Djenan-el-Maqui казалась ничѣмъ въ сравненіи съ прямымъ, нервнымъ очарованіемъ міра кулисъ. Чарміанъ любила въ театрѣ его тьму, ряды пустыхъ ложъ, таинственную отдаленность верхнихъ ярусовъ, исчезающихъ въ черномъ небытіи. Она садилась то здѣсь, то тамъ, чувствуя свою близость къ этому великану — чудовищу, отъ котораго зависитъ ея будущее. Воображеніе рисовало ей чудовище перемѣнившимся. Оно уже не молчитъ, притаясь. Оно сбросило съ себя тьму, ожило, озарено яркими огнями...

— Вы дали мнѣ то, что мнѣ нужно! — слышала она его шопотъ. — Смотрите!

И она видѣла толпу. Тогда она закрывала глаза. Ей хотѣлось почувствовать ее, ощутить д у ш и въ этомъ множествѣ тѣлъ, во власти которыхъ завѣтное кольцо успѣха для нея и Клода. Она видѣла толпу. Съ необыкновенной живостью она вспоминала, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ на премьерѣ оперы Сеннье она сидѣла визави рыжеволосой героини вечера, какъ она наблюдала ее и мысленно становилась на ея мѣсто. Въ этотъ вечеръ Клодъ написалъ ей, Чарміанъ, письмо любви. Ея вѣра передалась ему, зажгла его; ея вѣра внушила ему все, что онъ сдѣлалъ, идя объ руку съ ней. И скоро рыжеволосая, бѣлолицая женщина будетъ сидѣть и жадными глазами слѣдить за ней. Чарміанъ охватило нѣчто въ родѣ гипноза — это былъ гипнозъ честолюбивыхъ помысловъ, казавшихся близкими къ осуществленію. Жизнь раскрывала передъ ней страницы чудесныхъ обѣщаній. Можетъ ли быть на свѣтѣ что-нибудь восхитительнѣе единства двухъ сердецъ, двухъ душъ, спаянныхъ горделивой радостью достигнутаго стремленія?

„Какъ я буду любить Клода — побѣдителя! — думала она страстно.—Его тріумфъ дастъ мнѣ крылья. Я одна изъ тѣхъ женщинъ, которыя расцвѣтаютъ только въ атмосферѣ блеска и славы“.

Клодъ, торжествующій побѣду благодаря ей! Она лелѣяла этотъ образъ. Она была одержима имъ.

Все окружающее словно сговорилось, чтобы поддерживать и укрѣплять въ ней это убѣжденіе. Крэйфордъ былъ пламеннымъ поклонникомъ оперы и заражалъ своимъ увлеченіемъ всѣхъ, находившихся съ нимъ въ соприкосновеніи. Декораторъ, который проявилъ незаурядный талантъ въ изо-

браженіи восточнаго пейзажа, надѣялся, что опера создастъ ему имя. Машинистъ бредилъ оперой. Вѣдь онъ изобрѣлъ изумительный эффектъ съ саранчей, который долженъ произвести сенсацію. Режиссеръ, работая надъ постановкой день и ночь, сталъ фанатикомъ оперы. Онъ не могъ думать ни о чемъ, кромѣ нея. Никогда еще сцена не видала ничего подобнаго: вѣдь онъ перенесъ сказку Востока въ центръ Нью-Іорка! Можетъ ли Нью-Іоркъ отвергнуть ее? Затѣмъ былъ еще Эльстонъ, которому опера давала удобный случай выдвинуться, — съ каждой репетиціей онъ все горячѣе вѣрилъ въ нее.

Словомъ, огромный театръ былъ весь полонъ оптимизма, и этотъ оптимизмъ, естественно, передавался и публикѣ. Печать удѣляла много вниманія оперѣ, и съ каждымъ днемъ ея сообщенія становились благопріятнѣе.

Чарміанъ вспоминала время въ Лондонѣ передъ премьерой Сеннье и съ радостнымъ возбужденіемъ думала: „Въ воздухѣ пахнетъ успѣхомъ“.

Казалось, что это, дѣйствительно, такъ. Отношенія многихъ и многихъ людей къ Клоду и Чарміанъ стали предупредительно-любезными. Встрѣчавшіеся журналисты говорили безъ обиняковъ, что они ждутъ отъ ея мужа великаго произведенія. Двое изъ нихъ, оба музыканта, пришли однажды въ отель обѣдать съ ней и съ Клодомъ и заговорились о музыкѣ. Одинъ изъ нихъ много лѣтъ жилъ въ Парижѣ и былъ заядлымъ модернистомъ. Онъ явно былъ крайне заинтересованъ индивидуальностью Клода. Послѣ обѣда, когда они изъ залы ресторана вернулись въ пріемную Хіисовъ, онъ обратился къ Чарміанъ:

— Вашъ мужъ, одинъ изъ самыхъ интересныхъ людей среди англичанъ, которыхъ я встрѣчалъ. Онъ единственный изъ нихъ даетъ впечатлѣніе чего-то необычнаго, оригинальнаго.

Онъ обвелъ комнату взглядомъ и замѣтилъ въ углу рояль.

— Какъ вы думаете, м-съ Хіисъ? — спросилъ онъ нерѣшительно, — вашъ супругъ не согласился бы поиграть? Я прошу этого не какъ журналистъ, а какъ музыкантъ.

— Клодъ! — позвала Чарміанъ. — М-ръ Ванъ Бриненъ проситъ тебя сыграть отрывки изъ оперы.

Клодъ поднялся.

— Отчего же? Можно.

Его тонъ былъ увѣренный, почти самонадѣянный. Онъ сѣлъ за рояль и сыгралъ сцену, такъ понравившуюся Жилльe, гдѣ были воспроизведены экзотическія мелодіи Саидъ-Гитани. Журналисты были въ восторгѣ.

— Это ново! — сказалъ Ванъ Бриненъ. — Ничего похожаго мы не слыхали здѣсь до сихъ поръ. Вы принесли на Бродвэй дуновеніе Востока.

Клодъ повернулся на табуретѣ. Его глаза были устремлены на Ванъ Бринена. Тотъ въ свою очередь смотрѣлъ на него. Минуту длилось молчаніе. Затѣмъ Клодъ повернулся на табуретѣ и заигралъ: это было не изъ оперы, и Чарміанъ никогда не слыхала этого раньше.

„И услышалъ я гласъ изъ храма и говорилъ онъ семи ангеламъ: „Летите каждый своимъ путемъ и излейте фіалъ Божьяго гнѣва на землю“.

„И вылилъ второй ангелъ свой фіалъ на море, и стало оно алымъ, точно кровь убитаго человѣка... И вылилъ четвертый ангелъ свой фіалъ на солнце, и дана ему была власть поражать людей огнемъ... И вылилъ шестой ангелъ свой фіалъ въ великую рѣку Евфратъ, и воды ея высохли, чтобы проложить дорогу для королей Востока...“

Клодъ окончилъ. Наступила пауза, казавшаяся безконечной. Клодъ оставался сидѣть спиной къ женѣ и гостямъ. Наконецъ, онъ всталъ, и его глаза снова остановились на лицѣ Ванъ Бринена. Тотъ поднялся, повторяя въ волненіи:

— Это сильно! Это страшно сильно!

Взоръ его не отрывался отъ Клода.

— Это грандіозно! — продолжалъ онъ. — Неужели же... неужели это изъ оперы?

— О, нѣтъ! — отвѣтилъ Клодъ.

Онъ сѣлъ и сталъ торопливо говорить о разныхъ вещахъ. Когда журналисты собрались уходить, Ванъ Бриненъ сказалъ:

— Желаю вамъ успѣха, м-ръ Хіисъ, такъ горячо, какъ я рѣдко желалъ другимъ. Потому что теперь, послушавъ кое-что изъ вашей музыки, я чувствую, что вы заслуживаете его, какъ немногіе изъ музыкантовъ, которыхъ я знаю.

Клодъ мучительно покраснѣлъ.

— Благодарю васъ очень, — пробормоталъ онъ и крѣпко сжалъ руку Ванъ Бринена. Оставшись наединѣ съ Чарміанъ, онъ сказалъ:

— Знаешь, этотъ человѣкъ нравится мнѣ больше всѣхъ въ Нью-Іоркѣ.

Ванъ Бриненъ пользовался значительнымъ вліяніемъ въ музыкальныхъ кругахъ. Съ этого вечера онъ сталъ употреблять его въ пользу Клода. Въ артистическихъ и художественныхъ обществахъ имя Клода стало играть роль. Появился рядъ статей, въ которыхъ музыканты выражали свои чаянія, возлагаемыя на творчество Клода Хіиса. „Boom“ разростался и терялъ свой характеръ дутой и оплаченной рекламы.

Чарміанъ почувствовала это и была на вершинѣ блаженства. Иногда мимолетное выраженіе на исхудаломъ лицѣ мужа, его взглядъ, звукъ его голоса заставляли тревожно сжиматься ея сердце. Но эти непріятныя ощущенія скоро проходили. Круговоротъ жизни увлекалъ ее, захлестывалъ своимъ бурнымъ теченіемъ.

Въ эти дни бѣшеной спѣшки съ оперой она очень мало видѣла Клода. У него была тысяча дѣлъ, связанныхъ съ постановкой. Чарміанъ постоянно бывала въ театрѣ, но рѣдко удавалось ей побыть тамъ съ мужемъ, такъ какъ онъ толковалъ съ дирижеромъ или былъ на сценѣ. Но, кромѣ этого, ему еще часто приходилось бывать у пѣвцовъ, чтобы проходить съ ними роли. Чарміанъ проводила это время съ нѣкоторыми своими новыми пріятельницами.

Такимъ образомъ вышло, что Клодъ нѣсколько разъ безъ вѣдома Чарміанъ видѣлся съ м-съ Шиффней.

Представлялось яснымъ, что м-съ Шиффней придетъ на первую „полную“ репетицію оперы и тогда изречетъ свой приговоръ. Она заглянула однажды въ отель „Режисъ“ въ отсутствіе Клода и посидѣла съ Чарміанъ десять минутъ. Чарміанъ отвѣтила визитомъ и не застала ея. На этомъ дѣло какъ будто и кончилось. М-съ Шиффней имѣла въ Нью-Іоркѣ множество друзей и носилась безпрерывно. Чарміанъ не приходило въ голову, что она можетъ посвятить часть своего времени Клоду, а Клодъ — ей. Но это было невѣрно: Аделаида всегда находила время для того, что ей нравилось.

Раньше въ Лондонѣ, искреннимъ, цѣльнымъ человѣкомъ, Клодъ нравился ей. Теперь, въ Нью-Іоркѣ, съ глазами, которые хотѣли, но не умѣли лгать, онъ непреодолимо влекъ ее къ себѣ. Новый Клодъ, увѣренный и повелительный, тайно несчастный и сжигаемый горячечнымъ возбужденіемъ души, полонилъ воображеніе этой женщины, любившей все странное, нервное, небудничное.

Она закинула на него удочку, и онъ, отказывавшійся въ Лондонѣ отъ всѣхъ приманокъ, здѣсь попелъ на нихъ. Отчего? Оттого, что онъ отказался отъ своего истиннаго лица, втайнѣ презиралъ себя, а также оттого, что иногда ему безумно хотѣлось поставить преграду между собой и Чарміанъ. А можетъ быть, были и другія причины, связанныя съ нервнымъ переутомленіемъ.

Клодъ всегда ощущалъ очарованіе м-съ Шиффней. Теперь онъ не мѣшалъ себѣ поддаваться ему. Всегда онъ чувствовалъ въ ней чудище, зубами и когтями цѣпляющееся за всѣ радости жизни. Теперь онъ не боялся этого чудища. Отчего и ему не взять отъ жизни то, что она даетъ? Позиція была полна пикантности, и это восхищало м-съ Шиффней. Она была на сторонѣ Сеннье, а теперь затѣвала флиртъ въ непріятельскомъ лагерѣ. Ее плѣняло ощущеніе, что она является своего рода предательницей по отношенію къ своимъ друзьямъ. Еще одно придавало особую прелесть ея интригѣ — это мысль о Чарміанъ, которая ничего не знала, но когда-нибудь узнаетъ. Ей нравилось сознаніе, что этотъ человѣкъ не поддавался ея власти, когда былъ никому неизвѣстенъ, но теперь, когда передъ нимъ слава, онъ готовъ подчиниться ей. Бывали даже моменты, когда м-съ Шиффней начинала искренно желать успѣха оперѣ Клода.

М-съ Шиффней рѣшила избавиться отъ Сусанны Флитъ. Она уговорила ее съѣздить навѣстить своихъ знакомыхъ въ Вашингтонѣ. Теперь ничто не мѣшало ей видѣться съ Клодомъ у себя въ отелѣ или въ другомъ мѣстѣ.

Въ своемъ рѣшеніи быть сильнымъ, смѣлымъ и добиваться успѣха Клодъ неизбѣжно впалъ въ крайности, ибо это умонастроеніе было чуждо его натурѣ. Онъ поддался вульгарному мужскому тщеславію. Сюда, въ Америку, онъ пріѣхалъ побѣдителемъ. Отчего не побѣдить и м-съ Шиффней?

М-съ Шиффней вела дѣло, не спѣша, наслаждаясь нюансами, а Клодъ чувствовалъ иногда грубое нетерпѣніе, которое воспитаніе не позволяло ему обнаруживать. У нихъ было нѣсколько задушевныхъ разговоровъ, съ вуалированными намеками на личныя чувства. Все это было смѣшано съ искусствомъ, артистической жизнью и мечтами.

Однажды Клодъ пошелъ къ м-съ Шиффней послѣ долго продолжавшейся репетиціи. Было около восьми, когда онъ подошелъ къ отелю. Въ этотъ вечеръ онъ долженъ былъ

обѣдать съ Ванъ Бриненомъ, а Чарміанъ была приглашена куда-то. Но въ послѣдній моментъ Ванъ Бриненъ телефонировалъ, что онъ вынужденъ поѣхать по просьбѣ своей газеты на концертъ и очень извиняется. Клодъ вышелъ изъ театра, усталый и смущенный. Что дѣлать? Вернуться въ отель — значитъ сидѣть въ полномъ одиночествѣ. Ему не хотѣлось этого. Онъ съ минуту въ нерѣшительности постоялъ у дверей театра, затѣмъ подозвалъ таксомоторъ и велѣлъ шоферу ѣхать въ отель Ритцъ.

Часъ былъ самый неподходящій для визита, м-съ Шиффрей или нѣтъ дома или у нея уже какъ-нибудь занятъ вечеръ. Но Клоду было все равно.

Онъ послалъ наверхъ доложить о себѣ. М-съ Шиффней была дома и просила его подняться къ ней въ пріемную. Клодъ вошелъ и увидѣлъ ее въ вечернемъ туалетѣ.

— Простите! Вы собрались уѣзжать? — сказалъ онъ.

— Гдѣ вы обѣдаете? — отвѣтила она.

Клодъ сдѣлалъ неопредѣленный жестъ.

— Вы пришли пообѣдать со мной? — улыбаясь, спросила она.

— Да, но я вижу, что вамъ надо ѣхать.

Она покачала головой.

— Мы пообѣдаемъ здѣсь. Но я должна сначала позвонить.

Она направилась къ телефону.

— Нѣтъ, я не хочу задерживать васъ! — сказалъ онъ. — Это было бы возмутительно съ моей стороны!

— Дайте мнѣ потелефонировать, — отвѣтила она.

— Вы черезчуръ добры, — сказалъ онъ. — Я... я зашелъ, чтобы уговориться насчетъ репетиціи.

М-съ Шиффней получила требуемый номеръ и поговорила по телефону.

— Ну, вотъ! Дѣло сдѣлано. А теперь помогите мнѣ заказать обѣдъ для... — она взглянула на него, — для усталаго генія.

Клодъ улыбнулся. Они сообща выработали меню.

Обѣдъ былъ поданъ очень скоро, и они усѣлись за круглый столъ, украшенный лиліями.

— Измѣняю сегодня друзьямъ, — сказала м-съ Шиффней. — Я должна была быть на обѣдѣ въ честь Сеннье у м-съ Бэтсфордъ.

— Мнѣ такъ стыдно, что я помѣшалъ вамъ.

— А можетъ быть и чуточку лестно?

— Есть и то, и другое.

— Восхитительно сложное ощущеніе! Но разскажите мнѣ о репетиціи.

Затѣялся музыкальный разговоръ. М-съ Шиффней была большой мастерицей въ искусствѣ тонкой лести. Она отлично знала, какое тщеславіе свойственно артистическому темпераменту. Она даже понимала и другую, положительную его сторону, сильно развитую у Клода. Ея усилія были искусны и посвящены обѣимъ сторонамъ. Оживленная бесѣда продолжалась въ теченіе всего обѣда; потомъ подали турецкій кофе. Клодъ забылъ про свою усталость, а м-съ Шиффней почти забыла свой капризъ. Она была искренно заинтересована споромъ. Ея подлинная любовь къ искусству брала верхъ надъ всѣмъ мелкимъ, что было въ ней. Это придавало ей особое обаяніе. Время летѣло словно на крыльяхъ.

— Я должна была быть на вечерѣ у Евы Инесъ, — проговорила она, когда часики на письменномъ столѣ пробили половину одиннадцатаго. — Но я не поѣду.

Клодъ вскочилъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, это слишкомъ! Я уйду. Я долженъ идти. Мнѣ надо выспаться хорошенько, чтобы...

— У васъ не сонный видъ.

— Развѣ это возможно въ Нью-Іоркѣ?

— Да, здѣсь сонъ — это лишнее. Садитесь. Отъ вечера у Евы я отказываюсь категорически.

— Но...

М-съ Шиффней взглянула на него, и онъ сѣлъ. Ему вспомнилась ихъ прогулка въ лѣсу въ Константинѣ и какъ она тогда смотрѣла на него. Онъ вспомнилъ и свое отступленіе. Теперь Клодъ зналъ, что м-съ Шиффней поступила тогда предательски съ нимъ, но ему было пріятно ея общество и, отвѣчая на ея взглядъ онъ подумалъ; „Что бы она ни ощущала тогда въ Константинѣ, теперь она на моей сторонѣ. Я имѣю надъ ней власть теперь больше, чѣмъ когда-либо.“ И онъ произнесъ неожиданно:

— Вы въ лагерѣ Сеннье. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ происходитъ борьба. Вотъ мы съ вами весь вечеръ толковали о музыкѣ. Вы, дѣйствительно желаете мнѣ успѣха? Думаю...

Онъ не договорилъ. Ему хотѣлось напомнить ей ея предательство въ Константинѣ, но онъ сдержался и продолжалъ:

— Я хочу только сказать: дѣйствительно ли вы принимаете близко къ сердцу мои дѣла, мои успѣхи.

М-съ Шиффней проговорила съ разстановкой:

— Я принимаю ваши успѣхи можетъ быть даже ближе, чѣмъ Чарміанъ.

Ея умные глаза были устремлены на Клода. Она вполнѣ владѣла собой, но у нея былъ такой видъ, точно она сильно переживаетъ что-то и хочетъ, чтобы онъ замѣтилъ это. Сейчасъ отъ самого Клода зависитъ, будетъ ли она заботиться объ его успѣхѣ или станетъ ему врагомъ. Его продолжительное противодѣйствіе, а затѣмъ это частичное подчиненіе ея вліянію начинало раздражать ея капризную натуру. Это раздраженіе могло перейти либо въ пламенную страсть, либо въ острую ненависть.

— Можетъ быть, я даже слишкомъ близко принимаю къ сердцу все, что касается васъ, — проговорила она многозначительно.

И тотчасъ, какъ въ Константинѣ, лишь только явственно проявились преднамѣренность и расчетъ ея подчеркиваній, Клодъ почувствовалъ въ себѣ непреодолимое отвращеніе и желаніе уйти. Исчезло тщеславіе самца передъ возможной побѣдой. Заговорило чувство чести, сознаніе своего долга передъ Чарміанъ. М-съ Шиффней назвала бы это „пережиткомъ пуританизма.“ На самомъ дѣлѣ это былъ голосъ подлиннаго хотя исковерканнаго жизнью Клода. Онъ не могъ измѣнить самому себѣ, но онъ ненавидѣлъ себя въ этотъ моментъ и чувствовалъ, что далъ поводъ м-съ Шиффней возненавидѣть его на вѣкъ.

„Моя слабость — мое проклятіе! — подумалъ онъ. — Въ какое жалкое положеніе она ставитъ меня“.

Въ полномъ отчаяніи онъ поднялся съ мѣста.

— Вы слишкомъ снисходительны! — проговорилъ онъ почти не сознавая, что говоритъ. — Мнѣ никогда не удается отблагодарить васъ. Если я... если моя опера не провалится, то я во всякомъ случаѣ буду знать, что есть...

Онъ встрѣтился съ ней взглядомъ и замолкъ.

— Спокойной ночи! — сказала она. — Приходится, къ сожалѣнію, прощаться съ вами, потому что мнѣ надо все-таки заѣхать хоть ненадолго къ Евѣ Инесъ.

Спускаясь внизъ, Клодъ зналъ, что оставилъ за собой врага.

XXXIII.

Когда Клодъ вернулся къ себѣ въ отель, Чарміанъ все [illegible] не было дома. Она пріѣхала только въ началѣ перваго. Войдя въ комнату, она застала Клода въ креслѣ близъ окна, слегка раскрытаго. У него не было въ рукахъ ни книги, ни газеты, и казалось, что онъ прислушивается къ чему-то.

— Что ты дѣлаешь, Клоди?, — спросила Чарміанъ.

— Ничего.

— Зачѣмъ ты открылъ окно? Не простудишься?

Онъ покачалъ головой.

— Ты, кажется, слушаешь Нью-Іоркъ, — продолжала она, снимая пальто.

— Да.

— Слушаешь и стараешься угадать его приговоръ? Да?

— Что-то въ этомъ родѣ.

— Въ тебѣ много есть дѣтскаго Клодъ, — сказала она съ нѣжностью.

— Развѣ? Да. Пожалуй, даже слишкомъ много, — медленно отвѣтилъ онъ низкимъ голосомъ.

— Въ чемъ дѣло? Ты въ унынiи?

Чарміанъ подсѣла къ мужу.

— У тебя сегодня тяжелое настроеніе? Одолѣваетъ страхъ?

— Какъ тебѣ сказать? Это естественно. Слишкомъ велико напряженіе.

— Но ты такой сильный!

— Я! — воскликнулъ онъ.

Въ его тонѣ звучала горечь.

— Да, ты — сильный. Я это знаю.

— У тебя слишкомъ мало основаній для такого вывода, — возразилъ онъ все еще съ горечью.

— То есть какъ это? — сказала она. — Все равно, что бы ты ни говорилъ, я считаю тебя сильнымъ. Или вѣрнѣе: считаю, ты можешь быть сильнымъ.

— Могу? Когда же именно?

— Ахъ, я не знаю... Ну, въ рѣшительный моментъ, въ трудный моментъ что ли. — Она начала снимать перчатки. — Да, кстати, — сказала она, — уже назначена первая полная репетиція?

— Да. Мы рѣшили это сегодня вечеромъ.

— Когда же она состоится?

— Въ будущую пятницу вечеромъ. Спектакля тогда нѣтъ. Начнемъ въ шесть. Пожалуй, часамъ къ шести утра справимся.

— Въ пятницу! А ты... ты пригласишь м-съ Шиффней?

Во время продолжительной задушевной бесѣды за обѣдомъ Клодъ пригласилъ м-съ Шиффней быть на репетиціи. Теперь онъ сообразилъ, что она вѣдь стала его врагомъ. Придетъ ли она послѣ того, что произошло передъ его уходомъ?

— Да, я позвалъ ее, — необдуманно сказалъ.

— Уже! Когда?

— Я заходилъ сегодня въ Ритцъ.

— И она была дома?

— Да. Но она... она послѣ уѣхала къ м-съ Инесъ.

— Ага. Ну и что? Она приняла приглашеніе?

— Да.

Клодъ видѣлъ по глазамъ Чарміанъ, что она подозрѣваетъ что-то или же угадала, что между нимъ и м-съ Шиффней что-то произошло. Ея лицо приняло непріятное, рѣзконапряженное выраженіе.

— Какъ она придетъ? — спросила она.

— Какъ?.. Я не понимаю тебя.

— Заѣдешь ли ты за ней или я должна заѣхать?

— Объ этомъ мы не уговаривались.

— Но она не можетъ войти на репетицію одна, даже безъ карточки, или чего-нибудь въ этомъ родѣ. Ты вѣдь знаешь, до чего Крэйфордъ строгъ въ этихъ дѣлахъ.

— Да, но онъ знаетъ м-съ Шиффней. Развѣ ты не помнишь, что мы даже у нея въ домѣ познакомились съ нимъ?

— Что же изъ этого? Станетъ онъ всѣхъ своихъ знакомыхъ пускать на репетицію, еще чего!

Клодъ поднялся съ кресла.

— Да, да. Но, Чарміанъ, я не могу думать обо всѣхъ этихъ мелочахъ. Не могу! Не могу!

Его голосъ звенѣлъ раздраженіемъ.

— Мнѣ такъ много приходится помнить и думать...

— Ну, да, — проговорила она, смягчаясь. — Я только хотѣла знать...

— Пожалуйста, не спрашивай меня больше ни о чемъ!

Я просилъ м-съ Шиффней быть на репетиціи. Она сказала, что пріѣдетъ. Затѣмъ мы стали говорить о другихъ вещахъ.

— Другихъ!.. Значитъ, ты оставался у нея нѣкоторое время?

— Недолго. Если она дѣйствительно хочетъ присутствовать на репетиціи...

— Ну, конечно, хочетъ!

— Она предложитъ тебѣ отправиться вмѣстѣ или напишетъ Крэйфорду. Во всякомъ случаѣ я больше не стану заботиться объ этомъ.

Лицо Клода было мрачно, губы плотно сжаты.

— Теперь я закрою окно, — прибавилъ онъ, — а то ты простудишься въ своемъ легкомъ платьѣ.

Онъ направился къ окну, но Чарміанъ удержала его за руку.

— А ты бы волновался, если бъ это случилось? Если бъ я заболѣла?

— Разумѣется...

— Тебѣ не все равно было бы, если бъ я...

Она не докончила фразы, но продолжала держать его руку въ своей. Въ ея пожатіи Клодъ чувствовалъ ревность, пылкую, жгучую, осязаемую, какъ живое существо.

„Неужели она начинаетъ любить меня ради меня самого? Какъ я хочу быть любимымъ?“

Этотъ вопросъ скользнулъ въ его сознаніи. Какъ счастливъ онъ былъ въ этотъ моментъ, что никогда не измѣнялъ Чарміанъ.

— Чарміанъ! — сказалъ онъ. — Позволь мнѣ закрыть окно.

— Да, да. Конечно.

Она выпустила его руку.

— Лучше не прислушиваться къ голосу города, — прибавила она. — Слишкомъ много приходится тогда чувствовать.

XXXIV.

Больше ничего не было сказано между супругами относительно м-съ Шиффней и ея присутствія на репетиціи. Она сама не подавала никакихъ признаковъ жизни. У Сеннье работа подготовленія новой оперы шла на всѣхъ парахъ. Вѣроятно, она все время удѣляетъ имъ. Клода сильно за-

нималъ вопросъ, какъ она теперь будетъ держаться по отношенію къ нему? Вѣроятно, она не захочетъ быть на его репетиціи. Впрочемъ, угадать желанія и намѣренія женщины такъ трудно! Все-таки онъ склонялся къ мысли, что она не придетъ... и былъ радъ этому.

Тѣмъ не менѣе въ пятницу, когда сумерки стали окутывать городъ, онъ почувствовалъ сильное, почти мучительное желаніе услышать ея судъ, ея приговоръ.

Онъ продолжалъ сохранять свою маску внѣшняго спокойствія. Каждый нервъ былъ напряженъ въ усиліи скрыть свою болѣзненно-чуткую воспріимчивость. Чарміанъ удивлялась его спокойствію въ этотъ часъ, когда должна была рѣшаться судьба. Она гордилась и восхищалась Клодомъ, вспоминая недавно пережитыя имъ минуты утомленія, горечи, разочарованія, когда ей казалось, что страшная, черная пропасть раскрывается передъ ними. Теперь его самоувѣренность поднимала ея настроеніе.

— Тебя окружаетъ атмосфера успѣха, — сказала она.

— Что жъ? Такъ и надо. Теперь мы пожнемъ плоды нашихъ трудовъ, — отвѣтилъ онъ.

— Но даже Эльстонъ сегодня окончательно разнервничался.

— Развѣ? Я — нѣтъ. Моя рука тверда, какъ сталь.

Онъ вытянулъ руку, мучительнымъ усиліемъ продержалъ ее минуту абсолютно спокойно, затѣмъ опустилъ.

Съ колокольни св. Патрика пробило пять.

— Еще только часъ, и мы начинаемъ — сказала Чарміанъ. — Ахъ, Клодъ! Это кажется, тяжелѣе, чѣмъ самый спектакль.

— Отчего?

— Не знаю... Пожалуй, оттого, что это еще не окончательно. А потомъ всѣ они говорятъ, что на первой костюмной репетиціи дѣло идетъ всегда плохо и всѣмъ кажется, что пьеса непремѣнно провалится. У меня такое чувство, какъ будто на лицѣ у меня дѣлаются морщины, а на головѣ вырастаютъ сѣдые волосы. Ей-Богу!

Она искусственно разсмѣялась.

— Все это, конечно, нервы! — воскликнула она. — Да, кстати: м-съ Шиффней не писала тебѣ насчетъ сегодняшняго вечера?

— Нѣтъ.

— Ты не видѣлъ ее больше?

— О, нѣтъ!

— Какъ странно! Ты думаешь, она попытается пройти въ театръ?

— Какъ знать?

— Но не странно ли: сначала она подняла такой шумъ изъ-за этого присутствія на репетиціи, а потомъ вдругъ замолчала.

— Вѣроятно, она поглощена оперой Сеннье и мало интересуется моей.

— Женщины всегда интересуются!

Въ дверь громко постучали, Чарміанъ вздрогнула. Вошелъ Арманъ Жиллье.

— Ахъ, m-ur Жиллье! Вы хотите пойти съ нами?

— Если вы разрѣшите, — сказалъ Жиллье, склоняясь надъ рукой Чарміанъ. — Мнѣ кажется, что сотрудникамъ слѣдуетъ быть вмѣстѣ.

— Конечно. Еще рано, но все-таки мы можемъ отправляться. Я не могу сидѣть спокойно. Не могу!

— Моя жена безумно волнуется, — сказалъ Клодъ, улыбаясь.

— А ты возмутительно невозмутимъ! — отпарировала она.

Жиллье взглянулъ въ упоръ на Клода, и Чарміанъ прочла восхищеніе въ глазахъ либреттиста.

— Мужчины должны быть невозмутимы, когда наступаетъ рѣшительный моментъ, — сказалъ Жиллье. — Я научился этому давно, въ Алжирѣ.

— Такъ вы не ощущаете теперь нервности?

— Нервы — это женская слабость, — отвѣтилъ Жиллье.

Но выраженіе его лица явно противорѣчило словамъ.

Чарміанъ пошла надѣть манто и шляпу. Ее тянуло ѣхать, но было жутко.

Когда они подъѣхали къ театру и вошли въ вестибюль, къ нимъ сразу вышелъ молодой человѣкъ изъ конторы съ кучею писемъ и роздалъ ихъ Клоду, Жиллье и Чарміанъ.

— Будетъ шикарная репетиція! — сказалъ онъ. — Всѣ такъ думаютъ. М-ръ Крэйфордъ наверху у себя въ кабинетѣ. Онъ хочетъ видѣть васъ, м-ръ Хіисъ. Вотъ лифтъ!

Дѣйствительно, сверху спускался лифтъ, изъ котораго вышелъ улыбающійся негръ.

— Я поѣду съ тобой наверхъ, Клоди. Вы идете на сцену, m-ur Жиллье.

— Нѣтъ, madame. Я еще долженъ поговорить съ миссъ Мардонъ объ одной подробности въ ея роли.

Мимо пробѣгали озабоченные люди. Чарміанъ и Клодъ вошли въ лифтъ съ письмами въ рукахъ. Во время подъема они взглянули мелькомъ на адреса.

— Отъ Аделаиды Шиффней ничего, — сказала Чарміанъ. — А у тебя есть?

— Нѣтъ.

— Значитъ, она не явится, и приговора у насъ не будетъ.

Лифтъ остановился, и они вышли.

— Все равно, — сказалъ Клодъ. — Приговоръ былъ бы невѣрный. Единственный настоящій дается большой публикой.

— Да, конечно, Но все-таки...

— Здравствуйте, здравствуйте, милая барынька! Итакъ, вы не покидаете корабля, пока онъ не войдетъ въ тихую пристань?.. Браво, браво...

Крэйфордъ встрѣтилъ ихъ у дверей своего большого и красиво-убраннаго кабинета.

— Войдите! Намъ надо переговорить еще многое. Закройте дверь, Гарри. А теперь, Мельворсъ, приступайте къ дѣлу. Что тамъ неладно съ музыкой въ сценѣ факировъ?

Въ шесть часовъ репетиція еще не начиналась. Въ половинѣ седьмого — тоже нѣтъ. Въ полутьмѣ изъ невидимаго оркестра раздавался нестройный гулъ настраиваемыхъ инструментовъ. Но занавѣсъ былъ еще опущенъ. Изъ-за него доносились громкіе окрики, тяжелые шаги и стукъ. молотка.

Въ партерѣ было нѣсколько человѣкъ. Они сидѣли въ разныхъ мѣстахъ, перешептывались, зѣвали. Было пять или шесть дамъ, ложи стояли пустыя.

Звуки молотка продолжались и становились громче. Въ атмосферѣ была разлита апатія и усталость, словно чудовище спало недовольное и зловѣщее. Оркестранты переговаривались между собою въ своемъ подземномъ обиталищѣ.

Когда пробило семь, къ театру подъѣхалъ очень элегантный бѣлый автомобиль. Изъ него вышла м-съ Шиффней

въ сопровожденіе высокаго господина, солиднаго, увѣреннаго, съ бритымъ, типично-американскимъ лицомъ.

— Мнѣ кажется, что они еще не начинали, — сказала она, направляясь къ двери. — Вы захватили свою карточку, Джонсонъ?

— Есть! — отвѣтилъ тотъ сильнымъ голосомъ.

Изъ конторы вышелъ темноволосый молодой человѣкъ. При видѣ пріѣхавшаго, онъ нѣсколько оторопѣлъ.

— М-ръ Крэйфордъ здѣсь? — спросилъ высокій господинъ.

— Да. Онъ, кажется, на сценѣ.

— Будьте добры послать ему мою карточку. Тамъ на обратной сторонѣ написано. И вотъ записочка этой дамы.

— Пожалуйста. Сію минуту, — любезно улыбаясь отвѣтилъ молодой человѣкъ. — Если вамъ угодно, войдите пока сюда.

— Послушайте! — говорилъ черезъ минуту Крэйфордъ, обращаясь къ Клоду. — Тутъ м-съ Шиффней желаетъ слушать репетицію. И кто съ ней: какъ вы думаете?

— Неужели m-me Сеннье? — быстро проговорилъ Клодъ.

— Нѣтъ. Джонсонъ Ремеръ.

— Финансистъ?

— Онъ самый. Первый изъ первыхъ. Голубчикъ мой, вы побиваете рекордъ, Джонсонъ Ремеръ проситъ разрѣшенія присутствовать на репетиціи... Чортъ возьми! да это завтра полетитъ во всѣ углы Штатовъ. Гдѣ нашъ агентъ?

— Я позову его, сэръ!, — сказалъ стоявшій вблизи тонкій юноша.

— Вы разрѣшите имъ войти? — спросилъ Клодъ.

— Еще бы! Финниганъ, пойдите и проводите м-ра Ремера и даму въ какую они хотятъ ложу. А-а, вотъ и Кэнъ! Послушайте, навострите уши: есть нѣчто весьма любопытное для васъ.

Кэнъ прочиталъ карточку Ремера и просіялъ.

— Чортъ возьми! Я ошеломленъ.

— Ничего, пройдетъ. Идите и пустите это какъ слѣдуетъ. А нашъ авторъ наслушается столько комплиментовъ, что голова вскружится.

Крэйфордъ почти съ нѣжностью похлопалъ Клода по

плечу. Затѣмъ вдругъ, переходя сразу на другой тонъ, закричалъ:

— Эй, Мельворсъ, что же вы? Когда наконецъ поднимется занавѣсъ?

Клодъ повернулся уходить. Онъ хотѣлъ найти Чарміанъ, сказать ей, что м-съ Шиффней здѣсь и привезла съ собой Ремера. Но онъ не зналъ, гдѣ жена. Поворачивая въ узкій коридоръ, онъ встрѣтилъ Эльстона, уже одѣтаго въ костюмъ алжирскаго офицера.

— Клодъ, вы! Слыхали?

— Что, такое?

— Джонсонъ Ремеръ здѣсь.

— Я знаю. Вы не имѣете понятія, гдѣ Чарміанъ.

— Никакого. Вотъ уже начинается увертюра. Батюшки! Гдѣ мои шпоры?

Чарміанъ между тѣмъ была въ партерѣ и сидѣла рядомъ съ портнихой, которая „создала“ костюмы миссъ Мардонъ и пришла посмотрѣть на нихъ.

— Повѣрите ли, она разорвала платье въ клочки, — разсказывала портниха, — сдѣлала изъ него лохмотья, а потомъ сколола его булавками Богъ знаетъ какъ и говоритъ мнѣ, — понимаете, мнѣ! „Вотъ теперь оно дѣйствительно напоминаетъ костюмъ арабской дѣвушки“. Я сказала ей, что...

— Тише! — прошептала Чарміанъ. — Начинаютъ, наконецъ, увертюру.

Въ этотъ моментъ въ одну изъ ложъ, находящихся посреди, за креслами, вошла м-съ Шиффней въ сопровожденіи Ремера. Не снимая своего роскошнаго собольяго манто, она усѣлась въ уголокъ и окинула быстрымъ взглядомъ темное пространство впереди. Она тотчасъ увидѣла Чарміанъ и портниху, сидѣвшихъ недалеко отъ нея. Клода не было видно. М-съ Шиффней откинулась назадъ и стала перешептываться со своимъ спутникомъ.

— Вы въ самомъ дѣлѣ вступаете въ члены правленія театра Метрополитэнъ? — спросила она.

— Съ будущаго сезона, можетъ быть.

— А Крэйфордъ знаетъ объ этомъ?

М-ръ Ремеръ покачалъ своей мощной головой.

— Я и самъ не увѣренъ въ этомъ, — добавилъ онъ съ улыбкой.

— А если вы вступите?

— Если я рѣшу вступить, — онъ обвелъ взглядомъ огромный пустой театръ, — и постараюсь выкурить Крэйфорда отсюда.

— Развѣ онъ пойдетъ?

— За извѣстную сумму, вѣроятно, пойдетъ.

— Если этотъ новый композиторъ окажется человѣкомъ стоящимъ, вы возьмете его къ себѣ въ качествѣ козыря, да?

— Отлично! но тогда вы должны сказать мнѣ сегодня, стоящій ли онъ человѣкъ.

— А развѣ вы сами не будете знать?

— Я буду знать, когда услышу его при большой нью-іоркской публикѣ! А вы будете знать уже сегодня.

— Да, у меня нюхъ на это. Ну, а теперь давайте наслаждаться музыкой.

М-съ Шиффней смолкла и стала внимательно слушать, хотя ея мысли были заняты женщиной въ мѣховомъ манто, сидѣвшей впереди нея. Сказалъ ли Клодъ что-нибудь этой женщинѣ? Собственно, и говорить-то было нечего. Но все-таки... сказалъ ли онъ? Въ какихъ они отношеніяхъ? Ощущаетъ ли этотъ пуританинъ какую-нибудь страсть? Всѣ эти мысли потонули въ музыкѣ Клода.

М-съ Шиффней помнила во всѣхъ деталяхъ великолѣпное, полное дикой прелести либретто Жиллье. Въ чтеніи оно перенесло ее въ страну, гдѣ еще существуетъ романтическое своеобразіе, гдѣ цивилизація не наложила своего нивеллирующаго штемпеля. И она представляла себѣ, какое впечатлѣніе должны производить картины этой жизни, пестрой и страстной, если къ нимъ будетъ написана сильная музыка.

Теперь она слушала и вспоминала свои визиты въ Мелліонъ-Хоузъ, ночь въ кафэ, гдѣ игралъ Саидъ Гитани, прогулку въ лѣсу, нѣкоторые часы въ Нью-Іоркѣ. Въ Хіисѣ было нѣчто, привлекавшее ее тогда, привлекавшее ее и теперь, хотя съ другой стороны въ ней было презрѣніе къ нему, желаніе отомстить и даже ненависть. Ей хотѣлось, чтобы онъ потерпѣлъ фіаско. И несмотря на это въ данную минуту, когда она пришла слушать, ей хотѣлось услышать красивую, интересную вещь. Вообще въ этотъ вечеръ въ ней происходила глухая борьба между ея художественными запросами и капризной чувственностью ея натуры. Но на взглядъ Джонсона Ремера она казалась уполнѣ уравновѣшенной и спокойной.

— Вотъ прекрасный голосъ! — замѣтилъ м-ръ Ремеръ.

Это относилось къ Эльстону.

— Да. Я слыхала его въ Лондонѣ. Но онъ сдѣлалъ огромные успѣхи.

Когда Эльстонъ ушелъ со сцены, Ремеръ замѣтилъ:

— Этого пѣвца надо имѣть въ виду.

— Крэйфордъ отлично умѣетъ выуживать ихъ.

И снова они замолчали. Сосѣдка Чарміанъ, портниха, внимательно разсмотрѣла въ бинокль костюмъ примадонны, а затѣмъ тихонько удалилась. Чарміанъ осталась совсѣмъ одна.

Пока съ ней рядомъ сидѣла эта полная, цвѣтущая женщина, Чарміанъ не ощущала тревоги. Очевидно, портниха обладала сильной индивидуальностью. Но послѣ ея ухода Чарміанъ стала ощущать какую-то странную неловкость, несмотря на то, что была глубоко заинтересована всѣмъ происходящимъ на сценѣ. Она оглядѣла партеръ. Въ одномъ ряду съ ней никого не было, а впереди сидѣло нѣсколько человѣкъ, занявшихъ эти мѣста уже давно. Чарміанъ снова устремила свое вниманіе на сцену, но не безъ усилія. И вскорѣ ее охватило опять то же странное желаніе оглянуться. Кто-то, невидимый ею, находится близко, смотритъ на нее и это мѣшаетъ ей. „Вѣроятно, вошелъ Клодъ!“ — подумала она, и съ этой мыслью оглянулась черезъ плечо на ложи позади. Она не увидала никого, но въ одной изъ ложъ слѣва, очень близко отъ нея что-то зашевелилось и отошло вглубь.

„Это Аделаида! Это, навѣрное, она!“ — подумала Чарміанъ.

Она была вполнѣ увѣрена въ этомъ. Но Клодъ? гдѣ онъ?

До этой минуты она предполагала, что Клодъ либо за сценой, либо въ оркестрѣ, и нисколько не волновалась его отсутствіемъ. Но теперь въ ней вспыхнула ревность: что, если Клодъ въ этой ложѣ съ м-съ Шиффней, а она сидитъ одна-одинешенька? Можетъ быть, онъ все время зналъ, что Аделаида будетъ на репетиціи, но только не говорилъ ей, Чарміанъ?

„Да, да, онъ съ ней въ этой ложѣ! — думала она. — И онъ не сказалъ мнѣ, что она придетъ, потому что онъ хотѣлъ быть на репетиціи съ ней, а не со мной.“

Сразу погасъ весь ея живой напряженный интересъ къ оперѣ. Свое личное, интимное овладѣло ею, могучей волной поднялось въ душѣ, затопляя все постороннее.

Кончился первый актъ. Сошелъ онъ хорошо, лучше, чѣмъ ожидалось. За кулисами сіяющій Крэйфордъ принималъ поздравленія, Мельворсъ неистово вытиралъ вспотѣвшій лобъ и охрипшимъ голосомъ говорилъ что-то декоратору. Миссъ Мардонъ ушла въ свою уборную въ дружеской бесѣдѣ со своей портнихой. Дирижеръ Мерони улыбался и подкручивалъ свои черные усы. Эльстонъ пересталъ нервничать. Онъ чувствовалъ, что пѣлъ хорошо и больше, чѣмъ когда-либо, сходилъ съ ума по оперѣ.

— Такой вещи у насъ въ репертуарѣ еще не бывало! — воскликнулъ онъ, входя въ свою уборную, гдѣ онъ засталъ Клода, который все время сидѣлъ въ оркестрѣ, а теперь прибѣжалъ узнать, какъ чувствуютъ себя пѣвцы въ новыхъ партіяхъ.

Тѣмъ временемъ Чарміанъ оставалась одна. Когда занавѣсъ опустился, она еще нѣкоторое время оставалась на мѣстѣ.

„Теперь Клодъ подойдетъ! — думала она. — Онъ долженъ придти“.

Но никто не приходилъ, и понемногу она стала чувствовать себя до того заброшенной и покинутой, что не въ силахъ была больше сидѣть. Она встала и, повернувшись снова, поглядѣла на ту ложу, гдѣ что.то зашевелилось подъ ея взглядомъ. Теперь она увидѣла женскую руку и часть плеча. Дама въ соболяхъ, повернувшись въ глубину ложи, разговаривала съ кѣмъ-то невидимымъ.

Такіе соболя есть у Аделаиды Шиффней!

Чарміанъ, не раздумывая и не колеблясь, пошла черезъ проходъ между креслами и очутилась въ темномъ коридорѣ вокругъ ложъ. Она старалась сообразить номеръ этой ложи и думала, что сообразила. Она хотѣла войти, не постучавъ какъ будто предполагая ее пустой... И вотъ дрожащей рукою Чарміанъ искала ручки двери, нашла, отворила — ложа была пуста! Она остановилась и услышала знакомый женскій голосъ, говорившій:

— Да, конечно. Но я еще не могу сказать опредѣленно. Вы должны помнить, что мнѣ приходится беречь свою репутацію.

„Это Аделаида! — подумала Чарміанъ. — Она въ сосѣдней ложѣ“.

Одну секунду ею владѣло некрасивое искушеніе подслушать, что будетъ говориться дальше. Но лучшая часть ея

души возмутилась противъ этой мысли, и она выскользнула изъ ложи. Минуты три-четыре она простояла въ нерѣшительности въ коридорѣ. Ее пугалъ фактъ, что она могла серьезно думать о подслушиваніи. Стало казаться, что лучше вовсе бросить эту затѣю прервать бесѣду м-съ Шиффней съ спрятаннымъ лицомъ, въ которомъ она подозрѣвала Клода. Она отошла уже на нѣсколько шаговъ, но вдругъ снова остановилась. Ей вспомнились слова м-съ Шиффней:

„Вы должны помнить, что мнѣ приходится беречь свою репутацію".

Что могъ Клодъ сказать для того, чтобы вызвать такое заявленіе? Взвинченному воображенію Чарміанъ во тьмѣ рисовалось, что Клодъ измѣнилъ ей. Клодъ, достигшій теперь славы и блеска, будетъ знаменитъ, но радость тріумфа будетъ дѣлить съ нимъ не она, а другая женщина. Ослѣпленная ревностью, она пошла къ двери ложи, которую опредѣлила на этотъ разъ правильно, толкнула ее и вошла.

— Кто тамъ? — проговорилъ звучно удивленный мужской голосъ.

Чарміанъ увидѣла въ полутьмѣ очень высокаго, незнакомаго ей господина.

— Простите, пожалуйста, — воскликнула она растерянно. — Я не знала...

— Чарміанъ! Это вы?

Голосъ м-съ Шиффней раздался изъ-за спины высокаго господина.

— Аделаида! Вы пришли на нашу репетицію?

— Да. Позвольте представить вамъ м-ра Джонсона Ремера. Это м-съ Хіисъ, Джонсонъ, хранитель генія. Посидите съ нами минутку, Чарміанъ.

Голосъ Аделаиды былъ подозрительно сладокъ. Но Чарміанъ чувствовала въ душѣ такое радостное облегченіе, что она приняла приглашеніе и сѣла. И только свалилось съ души бремя одной тревоги, какъ уже стала точить ее другая.

— Ну, какъ же вы находите оперу? — спросила она, стараясь говорить беззаботно.

— Очень оригинально! — отвѣтилъ Ремеръ, который любилъ хорошенькихъ женщинъ. — Начало грандіозное! Но пока врядъ ли мы можемъ судить. Идетъ у нихъ очень хорошо.

— Великолѣпно! — сказала м-съ Шиффней.

Чарміанъ съ живостью обернулась къ ней. Ей нужно было сужденіе Аделаиды, а не этого Ремера.

— Энидъ Мардонъ восхитительна, — продолжала м-съ Шиффней. — Она произведетъ фуроръ. Мизансцена прелестна, не слишкомъ перегружена. Крэйфордъ, очевидно, научился кое-чему въ Берлинѣ.

„Сколько въ ней яду! — думала Чарміанъ. — Она нарочно не говоритъ о музыкѣ, такъ какъ знаетъ, что мнѣ только это интересно".

Она поговорила нѣсколько минутъ, владѣя собой настолько, что даже очаровала Ремера. Затѣмъ она встала:

— Я пошла. Мнѣ надо столькихъ повидать и ободрить.

Ея голосъ звучалъ весело. Она сама не нуждалась въ ободреніи, такъ какъ была увѣрена въ успѣхѣ.

— Мы увидимся еще въ концѣ? — спросила м-съ Шиффней.

— Развѣ вы досидите? Это можетъ тянуться до шести утра, — сказала Чарміанъ.

— Ну, это слишкомъ поздно, но...

Въ этотъ моментъ Чарміанъ увидала Клода: онъ вошелъ въ партеръ изъ двери, вблизи сцены.

— Ахъ, вотъ и Клодъ! — воскликнула она, прерывая м-съ Шиффней и видимо не замѣчая этого. — До свиданія! Большое вамъ спасибо!

Она ушла.

— За что она благодарила меня? — спросила м-съ Шиффней Ремера. — Вы знаете, Джонсонъ?

— Мнѣ кажется, что эта дамочка въ высшей степени несовременна, — сказалъ Ремеръ. — Она влюблена въ собственнаго мужа.

Начался второй актъ. Клодъ сѣлъ въ партерѣ. Черезъ минуту Чарміанъ опустилась въ сосѣднее кресло и коснулась его руки.

— Клоди, гдѣ ты былъ?

Онъ встрепенулся. Видъ у него былъ возбужденный и нервный.

— Въ чемъ дѣло?

— Ни въ чемъ. Пока идетъ все идетъ хорошо.

— Великолѣпно. Аделаида здѣсь.

— Я знаю.

Чарміанъ разжала пальцы, охватившія его руку.

— Ты видѣлъ ее.

— Нѣтъ. Но я слышалъ, что она здѣсь съ Джонсономъ Ремеромъ.

— Да, я ви...

Они замолчали, поглощенные спектаклемъ. Немного спустя подошелъ Жиллье и сѣлъ позади. Съ его приходомъ ихъ вниманіе стало интенсивнѣе. Ревниво ловили они каждое слово, откликаясь на него всѣми фибрами души. Чарміанъ чувствовала, какъ напряженно слушаетъ Жиллье и дальше, дальше отъ нея, Аделаида Шиффней. Съ каждой минутой ея тревожное возбужденіе росло. Она судорожно сжимала ручку кресла.

Вдругъ произошла какая-то заминка, и дирижеръ остановилъ оперу. Оркестръ былъ прерванъ на жалобномъ звукѣ гобоя. Миссъ Мардонъ горячо стала говорить что-то въ оркестръ. На сцену вышли Крэйфордъ и Мельворсъ.

— Гдѣ м-ръ Хіисъ? Гдѣ м-ръ Хіисъ? — раскатывался басъ Крэйфордъ.

Клодъ помчался туда. Чарміанъ сидѣла, кусая губы, каждый нервъ въ ней дрожалъ. Жиллье сзади молчалъ. Клодъ поднялся на сцену и пошли длинные переговоры, въ которыхъ участвовалъ и Мерони. Чарміанъ слышала, какъ Жиллье безпокойно ворочается на своемъ креслѣ; щелкнула крышка его часовъ. А что дѣлаетъ Аделаида? Что она думаетъ обо всемъ этомъ? Все шло до сихъ поръ такъ гладко! Теперь же, безъ сомнѣнія, пойдетъ черезъ пень-колоду.

„Когда они начнутъ опять? — думала Чарміанъ. — Что означаютъ эти энергичные жесты миссъ Мардонъ? Если бъ только...“

Мерони ушелъ со сцены. Черезъ минуту оркестръ снова заигралъ. Чарміанъ повернулась къ Жиллье, ища въ немъ сочувствія. Но въ его глазахъ она увидѣла непріятно выраженіе. Мгновенно она перешла въ оборонительное положеніе.

— Для первой полной репетиціи идетъ превосходно, — сказала она. — Клодъ ожидалъ, что мы проторчимъ здѣсь часовъ девять-десять.

— Возможно! — отвѣтилъ Жиллье. Онъ пощипывалъ усы. Его голова, блестящая отъ хинной воды, казалась твердой и упрямой.

„Какія таятся въ ней ожиданія, какія мысли?“ — думала Чарміанъ. Она ничего больше не сказала и снова повернулась къ сценѣ. Ей ненавистенъ былъ Жиллье въ эту минуту за то, что онъ не помогалъ ей смотрѣть на положеніе оптимистично. Онъ всегда былъ противъ нея и Клода! И теперь

онъ, навѣрное, будетъ жестоко критиковать музыку Клода, такъ какъ онъ полонъ только собой и своимъ либретто.

Вошелъ Клодъ, сѣлъ около нея, и она сразу почувствовала себя спокойнѣе. Но эти колебанія страха и надежды измотали ея первы. Она начинала чувствовать это. Каково же должно было быть состояніе Клода?

Второй актъ закончился безъ всякихъ остановокъ, но Чарміанъ уже не чувствовала той увѣренности въ оперѣ, какъ послѣ перваго акта. Безжизненная атмосфера репетиціи обволакивала ее точно паутиной. Клодъ опять исчезъ. Опять появилась портниха и стала разсказывать длинную исторію о невозможныхъ выходкахъ миссъ Мардонъ. Чарміанъ старалась слушать, но ничего не слышала. Ее давила атмосфера скуки и сомнѣнія, которая наполняла театръ.

— Я и говорю ей: „Простите меня, — говорю, — но рвать платье на кусочки это только обезьянѣ позволительно!“ Надо же было сказать ей прямо.

Портниха продолжала все въ томъ же родѣ. Среди голосовъ настраиваемыхъ инструментовъ раздалась вдругъ гамма флейты, кончающаяся верхнимъ Е. Чарміанъ почувствовала острое раздраженіе.

— Какой невыносимый антрактъ! — сказала она, прерывая свою собесѣдницу. — Я пойду за кулисы узнать, въ чемъ дѣло.

— Но вѣдь нужно хоть четверть часа для перемѣны декорацій. А пока прошло всего пять минутъ.

— Да, да. Я приду опять сюда, когда поднимутъ занавѣсъ.

Она пошла къ выходу, но по дорогѣ оглянулась на ложи. М-съ Шиффней и ея спутника не было видно. Неужели они уѣхала? Чарміанъ взглянула на свои часы. Было всего десять. Еще разъ обвела она взглядомъ весь ярусъ. Никого. Очевидно, уѣхали. Сердце у нея упало, а щеки вспыхнули горячей краской. Въ эту минуту она испытывала ощущеніе матери, которая слышитъ, что ея ребенка называютъ безобразнымъ. Она остановилась въ раздумьѣ. Если м-съ Шиффней уже уѣхала, то этимъ самымъ она высказала вполнѣ опредѣленный приговоръ. Чарміанъ рѣшила ничего не говорить Клоду — зачѣмъ наводить на него уныніе? Ея щеки все еще горѣли, когда она открыла тяжелую дверь, отдѣлявшую таинственный міръ сцены отъ профановъ.

Здѣсь всѣ были въ приподнятомъ настроеніи. У Крейфорда все, вплоть до бородки, выражало самый благодушный оптимизмъ.

— Гдѣ Клодъ? — спросила Чарміанъ, не видя его и думая о м-съ Шиффней.

— Онъ дѣлаетъ нѣкоторыя купюры, — сказалъ Крэйфордъ. — Сцена показываетъ все лишнее. Въ этомъ актѣ есть кое-что, которое надо выбросить. Но актъ очень яркій и пойдетъ у насъ, какъ... Слушайте, Джимберъ! Какъ вашъ моторъ?

И онъ исчезъ.

— М-ръ Мельворсъ! — окликнула Чарміанъ режиссера, который съ помутнѣвшимъ взглядомъ мчался куда-то въ боковой проходъ. — М-ръ Мельворсъ! Какъ вы думаете, долго будетъ Клодъ дѣлать эти купюры?

— Ему придется просидѣть надъ ними порядочно. Если ихъ не сдѣлать, выйдетъ неудачно. А-а, вотъ вы наконецъ, Джонъ! Слушайте, не забудьте, что надо освѣтить миссъ Мардонъ, когда она будетъ спускаться по лѣстницѣ.

И съ этимъ онъ сбѣжалъ.

— Синьоръ Мерони, я слышала, что пришлось сдѣлать нѣсколько купюръ. Вы думаете, что...

— Signora... ma si! Ma si!

И исчезъ.

Чарміанъ рѣшила пойти къ пѣвцамъ, чтобы найти сочувствіе и утѣшеніе. Въ общемъ она это и получила, только миссъ Мардонъ не осуществила ея надеждъ: она была по натурѣ пессимистка и всегда настроена критически.

— Скажу вамъ честно, — сказала она, глядя на Чарміанъ, — я не вѣрю въ оперу. Но я сдѣлаю все, что въ моихъ силахъ.

— Но мнѣ казалось, что вы были въ восторгѣ отъ перваго дѣйствія. М-ur Жиллье сказалъ мнѣ...

— Я говорила ему про либретто. Да, это шедевръ! Вы знаете, какое платье эта слониха-портниха сдѣлала мнѣ для третьяго акта?

— Миссъ Мардонъ въ самомъ дѣлѣ невозможна, — говорила Чарміанъ вѣсколько минутъ спустя Эльстону.

— Чѣмъ?

— Ахъ, какъ вамъ сказать? Она все видитъ въ мрачномъ свѣтѣ.

— Это отъ того, что у нея такіе темные глаза. Богъ съ ней! Вѣдь опера идетъ чудесно!

— Эльстонъ, вы — одна прелесть!

Она готова была расцѣловать его. Раздался звонокъ.

— Третій актъ! — воскликнулъ Эльстонъ.

Чарміанъ ушла съ воскресшей надеждой. Эльстонъ правъ. Развѣ можетъ Энидъ Мардонъ такими глазами видѣть что-нибудь свѣтлое? Все-таки Чарміанъ не могла забыть, что она назвала либретто Жиллье шедевромъ.

Ахъ! какъ мучительны были быстрые переходы отъ одного настроенія къ другому! Чарміанъ старалась быть благоразумной. Она говорила себѣ: „Скоро все это выяснится. Скоро конецъ!“

Но вотъ окончился третій актъ, а у нея было такое чувство, словно никогда не будетъ конца ея острому нервному безпокойству. Третій актъ шелъ съ заминками. Саранча вышла не такъ, какъ слѣдуетъ. Освѣщеніе падало невѣрно. Было нѣсколько остановокъ, переговоровъ, была ссора между примадонной и синьоромъ Мерони. Повторялись отдѣльные такты, отдѣльныя сцены, хаосъ окуталъ сцену, и въ немъ потонула опера и все, связанное съ ней. Чарміанъ была въ отчаяніи.

— Слава Богу, что Аделаиды уже нѣтъ! — проговорила она про себя въ половинѣ второго ночи.

И вслѣдъ за тѣмъ, оглянувшись, увидѣла недалеко отъ себя въ креслахъ м-съ Шиффней и Джонсона Ремера. М-съ Шиффней сдѣлала ей привѣтственный жестъ рукой. Чарміанъ отвѣтила тѣмъ же и стиснула зубы.

— Будь что будетъ!

Актъ окончился, какъ и начался, среди хаоса. Въ финалѣ что-то звучало невѣрно въ оркестрѣ. Опять дирижерская палочка остановила все: м-съ Мардонъ была въ бѣшенствѣ. Снова пошла перебранка.

„Это сущій адъ!“ — подумала Чарміанъ.

Она чувствовала, что наказана теперь за всѣ прегрѣшенія, которыя она когда-либо совершила. Ей хотѣлось тихонько уползти и спрятаться отъ всѣхъ. Она вспоминала, сколько боролась за эту оперу и сколько надеждъ и чаяній сосредоточила на ней!

— Валяйте дальше, говорю вамъ! — оралъ Крэйфордъ. — Мы не можемъ сидѣть здѣсь всю ночь и слушать ваши разговоры.

„Да, — думала Чарміанъ. — Это — адъ.“

Когда злополучный актъ, наконецъ, окончился, она

тотчасъ же ушла: ей было страшно встрѣчаться съ м-съ Шиффней.

Улыбающійся негръ повезъ ее на лифтѣ наверхъ, въ кабинетъ Крэйфорда, гдѣ она увидѣла Клода безъ пиджака за работой надъ партитурой. Возлѣ него стояла чашка чернаго кофе. Когда она вошла, онъ поднялъ голову.

— Чарміанъ! Я сейчасъ кончаю. Который часъ?

— Скоро два.

— Хорошо сошелъ третій актъ?

Она взглянула на его лицо безъ кровинки и горящіе глаза.

— Да, — отвѣтила она.

— Садись, у тебя усталый видъ.

Онъ продолжалъ работу. Когда пробило два, онъ окончилъ и всталъ изъ-за стола.

— Пойдемъ. Поѣдемъ внизъ.

Онъ замѣтилъ чашку и выпилъ ее залпомъ.

— Кстати, — сказалъ онъ. — Не хочешь ли кофе?

— Хочу, — отвѣтила она.

Клодъ позвонилъ и заказалъ для жены чашку кофе. Пока они ожидали, она сказала:

— Какое это испытаніе!

— Да.

— Но ты такъ спокойно принимаешь его?

— Приходится. Что за смыслъ терять голову?

— Конечно! Но, Боже мой, что это за борьба! Я какъ-то не могу повѣрить, что черезъ нѣсколько дней она будетъ кончена, что мы будемъ знать.

— Вотъ кофе. Пей.

Чарміанъ выпила. Они сѣли въ лифтъ. Расходясь внизу — такъ какъ Клодъ долженъ былъ пойти къ Мерону — Чарміанъ сказала:

— Аделаида Шиффней все еще здѣсь.

— Если она останется до конца, то надо узнать ея мнѣніе.

— Стóитъ ли? Въ концѣ концовъ...

— Нѣтъ, нѣтъ! Я хочу знать ея мнѣніе.

Въ его голосѣ звучала сухая, жесткая нотка.

— Хорошо.

Клодъ исчезъ.

Черный кофе поднялъ нервы Чарміанъ и подбодрилъ ее. Входя въ залъ слушать четвертый, послѣдній актъ, она чув-

ствовала въ себѣ больше надеждъ. Она разсуждала сама съ собой: „Вѣдь, это только репетиція, а репетиціи всегда сходятъ плохо. Если же нѣтъ, то артисты считаютъ это дурнымъ предзнаменованіемъ“. Помогло ей еще и другое. Эльстонъ не игралъ больше въ послѣднемъ актѣ и присоединился къ ней. Онъ повелъ ее въ ложу, и они удобно расположились въ ней. Изъ объемистыхъ кармановъ своего пальто онъ вытащилъ коробку превосходныхъ сандвичей и полбутылки бѣлаго вина. Занавѣсъ еще не подымался. У нихъ было время для маленькаго веселаго ужина.

Чарміанъ наслаждалась и сандвичами и оптимизмомъ Эльстона. Весь міръ сталъ инымъ. Все пріобрѣло иной оттѣнокъ. Она болтала, смѣялась, пила, ѣла. М-съ Шиффней и Ремера въ креслахъ не было видно, но Эльстонъ сказалъ, что они не ушли изъ театра; они тоже ужинаютъ гдѣ-то въ фойэ, и Крейфордъ пошелъ къ нимъ.

— Онъ удовлетворенъ?

— О, да. Онъ говоритъ, что все идетъ какъ слѣдуетъ.

— Но вѣдь теперь не можетъ быть готово къ тому числу, которое онъ назначилъ.

— Будетъ готово. Должно быть.

— Какъ это возможно.

— Будетъ. Крэйфордъ сказалъ. Значитъ, должно быть.

— Какой онъ необыкновенный человѣкъ!

— Онъ — большой человѣкъ.

— Эльстонъ!

— Что м-съ Чарміанъ?

— Крэйфордъ не можетъ сдѣлать большой ошибки, правда?

— Ошибки! Конечно, нѣтъ... Но вотъ, наконецъ, подымаютъ занавѣсъ.

— И Аделаида опять вошла въ залъ. Хочетъ досидѣть. Ахъ, если бъ этотъ актъ сошелъ хорошо.

Чарміанъ закрыла глаза и произнесла это, какъ молитву. Кофе и ужинъ оживили ее. Она чувствовала себя обновленной. Отъ усталости не осталось и слѣда. Она была оживлена, внимательна, возбуждена и владѣла собой гораздо лучше, чѣмъ въ началѣ вечера.

Послѣдній актъ шелъ великолѣпно — безъ сучка, безъ задоринки. Послѣ жалкаго безсилія третьяго акта эта легкая плавность была особенно удивительна. Она смела всѣ

сомнѣнія Чарміанъ. Ей стало даже казаться, что у нея никогда не было сомнѣній за судьбу оперы.

Словно изъ глубины пропасти она сразу вылетѣла на вершину.

— Ахъ, Эльстонъ, — говорила она. — Какъ чудесно! Хоть бы кто-нибудь аплодировалъ!

— Черезъ нѣсколько дней будетъ толпа.

— Какъ я жажду видѣть этихъ людей, которые будутъ вызывать Клода! Я пойду къ м-съ Шиффней. Надо поймать ее, пока она не уѣдетъ. Тутъ не можетъ быть двухъ мнѣній. Этотъ актъ неотразимъ.

И она убѣжала.

Въ партерѣ она налетѣла на м-съ Шиффней и Ремера, готовыхъ уже уйти. Музыканты переговаривались, стучали, и вкладывали свои инструменты въ футляры. Изъ-за сцены доносились громкіе голоса.

— Такъ вы, и въ самомъ дѣлѣ пробыли до конца! — сказала Чарміанъ.

— Да. Мы не могли оторваться. Правда, м-ръ Ремеръ?

— Да.

— Послѣдній актъ — самый лучшій, — сказала м-съ Шиффней.

— Я тоже такъ нахожу, — замѣтила Чарміанъ.

Послѣдовала небольшая пауза. Затѣмъ м-ръ Ремеръ произнесъ:

— Долженъ васъ поздравить м-съ Хінсъ. Я, къ сожалѣнію, не знакомъ съ вашимъ супругомъ но...

— А вотъ и онъ! — воскликнула Чарміанъ.

Къ нимъ подходилъ Клодъ, рѣшительный, улыбающійся.

— Мнѣ совѣстно, что задержалъ васъ до такого безбожнаго часа, — сказалъ онъ, обращаясь къ м-съ Шиффней, — Но для репетиціи, кажется, сошло не плохо, не правда ли?

— Намъ показалось, что прекрасно. М-ръ Ремеръ хотѣлъ бы поздравить васъ.

Она представила ихъ другъ другу.

— Да, да! — сказалъ Ремеръ. — Чрезвычайно интересная вещь! Чрезвычайно интересная! И какая великолѣпная постановка...

Онъ сталъ восхищаться всевозможными внѣшними эффектами и трюками.

— Миссъ Мардонъ изумительно хороша въ этой роли, — сказала м-съ Шиффней, когда онъ кончилъ.

Она стала говорить, коснувшись мелькомъ нѣсколькихъ пунктовъ оперы.

— Что касается Лэка, то онъ прямо удивилъ насъ, — сказала она. — Передъ нимъ большое будущее!

Она перебрала всѣхъ пѣвцовъ, мѣтко и кратко характеризуя ихъ, небрежно роняя тонкія критическія замѣчанія.

— Въ общемъ, — резюмировала она, — очень интересный и необычайный вечеръ. А-а, вотъ m-ur Жиллье.

Жиллье подошелъ и принялъ поздравленія. У него было странное выраженіе. Недовольство и экстазъ какъ бы соединились въ немъ. Онъ бредилъ талантомъ миссъ Мардонъ.

— Пойдемъ повидать ее, — сказала м-съ Шиффней. — Идемте, м-ръ Ремеръ!

И она поспѣшно пожелала Хиисамъ спокойной ночи.

— Тысячу пожеланій, тріумфа на премьерѣ! — сказала она. — А кстати вы думаете, что она въ самомъ дѣлѣ состоится двадцать восьмого?

— Я думаю — да.

— Развѣ можетъ быть все готово?

— Мы хотимъ попытаться.

— Да, вы — работники! М-ръ Крэйфордъ просто феноменъ. Спокойной ночи, милая Чарміанъ!

Она застегнула свое соболье манто и ушла вмѣстѣ съ Ремеромъ и Жиллье. Когда они повернули въ коридоръ, она шепнула:

— Отчего вы не отдали это либретто Жаку? Ахъ, какая досада!

Клодъ и Чарміанъ по дорогѣ домой почти не разговаривали. Чарміанъ откинулась назадъ и закрыла глаза. Въ вискахъ у нея стучало. Но когда они очутились въ своей гостиной, она подошла къ мужу и сказала:

— Клодъ, я хочу у тебя спросить одну вещь.

— Какую?

— У тебя не было ссоры съ Аделаидой?

Клодъ смутился.

— Ссоры?

— Да. Не далъ ли ты ей повода — вотъ теперь, недавно — ненавидѣть тебя?

— Что навело тебя на такую мысль?

— Пожалуйста, отвѣть мнѣ.

Ея голосъ звучалъ рѣзко.

— Можетъ быть, я и далъ поводъ. Но, пожалуйста, не спрашивай меня ничего больше, Чарміанъ. Я не могу отвѣчать тебѣ.

— Теперь я понимаю! — страстно воскликнула она.

— Что?

— Я понимаю, отчего она такъ игнорировала твою оперу.

— Но...

— Да, Клодъ! Она игнорировала ее! Развѣ ты самъ не понялъ. Ни одного настоящаго слова не сказала ни она, ни Ремеръ. Мы узнали ея приговоръ. Но что онъ стóитъ? Ничего, ровно ничего. Ты объяснилъ мнѣ, почему. И вкусъ ея, и критическое чутье — все оказалось безсильнымъ только оттого, что... о, мы, женщины, иногда умѣемъ мстить!.. Клодъ, я рада... я рада, что она ненавидитъ тебя. Я знаю, чѣмъ ты это вызвалъ.

— Тише! Не надо говорить объ этомъ.

— Бѣдная Аделаида! Какъ она начнетъ бѣситься двадцать восьмого, когда увидитъ, какъ публика будетъ принимать оперу!

Клодъ отвѣтилъ:

— Если мы будемъ готовы.

XXXV.

Джонъ Крэйфордъ былъ не изъ тѣхъ людей, которыхъ можно заставить отступить отъ разъ принятаго рѣшенія. Опера Клода была готова къ тому самому дню, на который было назначено первое представленіе. Цѣною героическихъ усилій всѣ шероховатости исполненія были сглажены, техническіе эффекты усвоены; оркестръ вполнѣ овладѣлъ задачей, а пѣвцы чувствовали себя въ партіяхъ, какъ въ старыхъ туфляхъ. Какъ все это могло быть достигнуто въ такое короткое время? Чарміанъ не понимала. Ей казалось, что она присутствуетъ при чудѣ. Но она должна была увѣровать въ него послѣ генеральной репетиціи, которая по мнѣнію Крэйфорда, Мелони и Мельворса сошла идеально.

— Итакъ, мы идемъ впереди господъ изъ Метрополитэна! — сказалъ Крэйфордъ, когда опустился занавѣсъ, послѣ четвертаго дѣйствія. — Говорятъ, что у нихъ вышли задержки, и премьера ихъ будетъ только черезъ недѣлю послѣ назначеннаго срока. Если бъ мы знали, не пришлось бы

такъ бѣшено торопиться. Ну, что жъ, все-таки своего мы достигли... Первая опера Сеннье была хороша, безъ всякаго сомнѣнія, но съ этой какъ будто не клеится дѣло. И я скажу вамъ, — обратился онъ къ Клоду, подошедшему въ эту минуту, — что мнѣ больше улыбается имѣть вашу оперу, чѣмъ Сеннье, хотя онъ имѣетъ міровое имя, а вы — пока еще ничего; я вѣрилъ раньше въ имена, но чортъ возьми, публика какъ будто измѣнилась. Давай ей хорошій товаръ, а какой онъ марки — ей все равно.

Онъ подмигнулъ Клоду, потрепавъ его по плечу:

— Сейчасъ это выгодно для васъ, голубчикъ! Но когда вы появитесь съ предложеніемъ своей второй оперы, то, пожалуй, вамъ будетъ пріятнѣе старый порядокъ.

Крэйфордъ былъ очень доволенъ. Всѣ мѣста на премьеру Клода были проданы, вплоть до приставныхъ стульевъ.

Въ этотъ день Клодъ и Чарміанъ никого не принимали, сидѣли у себя въ отелѣ, старались отдыхать и дѣлали другъ передъ другомъ видъ, что они совершенно спокойны. Чарміанъ принесли записку отъ м-съ Шиффней. Когда она вскрыла конвертъ, на полъ упалъ сложенный листочекъ зеленой бумаги. Клодъ поднялъ его.

— Что это? — спросила Чарміанъ.

— Это ложа въ Метрополитэнъ. Вѣроятно, на премьеру Сеннье.

— Да, да! — подтвердила Чарміанъ взглянувъ на записку. Черезъ мунуту она безъ всякихъ комментаріевъ передала ее мужу.

„Дорогая Чарміанъ, Два слова, чтобы пожелать вамъ и вашему генію огромнаго успѣха: сегодня вечеромъ мы всѣ молились объ этомъ. Даже Сусанна снизошла по этому случаю со своей универсальной точки зрѣнія, такъ какъ она страшно привязана къ вамъ обоимъ. Мы всѣ будемъ, конечно (ложа № 15), и нарядимся въ свои праздничныя тіары ради такого торжества. Я слыхала, что публика будетъ блестящая: всѣ милліонеры, — а среди нихъ и ваши скромные друзья. Крэйфордъ великолѣпно дѣлаетъ рекламу, но послѣ сегодняшняго вечера, я надѣюсь, вашъ геній не будетъ нуждаться въ этомъ. Посылаю вамъ ложу на премьеру Сеннье. Ее пришлось отложить на четыре дня изъ-за какихъ-то неладовъ съ декораціями. У васъ же, очевидно, все идетъ, какъ по маслу. Чувствую, что вамъ предстоитъ большой тріумфъ.

„Искренно любящая васъ Аделанда Шиффней“.

Клодъ прочелъ записку и подержалъ ее нѣсколько мгновеній. Онъ не подымалъ глазъ, но зналъ, что Чарміанъ глядитъ на него, не отрываясь и молча проситъ разсказать ей, что произошло между нимъ и м-съ Шиффней. Онъ понималъ, что ея любопытство вытекаетъ изъ ревности, которую ей хочется скрыть, но которая грызетъ ее даже въ такой день тревоги и напряженнаго ожиданія.

— Очень мило съ ея стороны! — проговорилъ Клодъ, передавая Чарміанъ записку. — Мы, конечно, пойдемъ послушать оперу Сеннье. Онъ будетъ на нашей.

— То есть твоей!

— Нѣтъ, нашей! — выразительно подчеркнулъ Клодъ.

Чарміанъ опустила голову. Она пошла къ письменному столу и вложила записку въ ящикъ. Затѣмъ она вздохнула. Почему-то записка настроила ее печально, даже какъ будто чисто физически подѣйствовала на нее.

— Клоди! — сказала она. — Я бы, кажется, все отдала, лишь бы быть сегодня такой, какъ Сусанна.

— Почему?

— Потому что она была бы способна принимать все это спокойно. Она бы сказала себѣ! „Все это преходяще, моментъ среди вѣчности. Какъ бы дѣло ни шло, моей души это не коснется“. Или что-нибудь въ этомъ родѣ. И съ ней это, дѣйствительно, было бы такъ.

— Да, она носитъ въ себѣ великое спокойствіе.

Чарміанъ взглянула на него.

— Ты тоже удивительный сегодня.

Клодъ все время продолжалъ хранить свой смѣлый видъ побѣдителя жизни — эту маску онъ, точно платье, надѣлъ въ Нью-Іоркѣ.

— Но совсѣмъ въ другомъ родѣ, — прибавила она.

— Madre сегодня, навѣрное, думаетъ о насъ, — сказалъ Клодъ черезъ минуту.

— Да. Я думала... я ожидала, что будетъ отъ нея телеграмма.

— Можетъ еще быть.

Чарміанъ посмотрѣла на часы.

— Всего четыре часа до поднятія занавѣса.

— А можетъ быть она адресовала въ театръ!

— Не думаю.

Чарміанъ забралась съ ногами на диванъ и стала нервно перебирать подушки и подкладывать ихъ себѣ подъ голову.

— Я жалѣю, что мы не попросили Эльстона зайти посидѣть, — замѣтила она.

— Но онъ отдыхаетъ.

— Знаю. Но онъ все-таки пришелъ бы. Отдохнулъ бы здѣсь вмѣстѣ съ нами.

— Для него лучше сегодня беречь голосъ цѣлый день. Вѣдь сегодня его дебютъ. Своимъ сегодняшнимъ выступленіемъ онъ долженъ заплатить Крэйфорду за всѣ три года. А кромѣ того, вѣдь Эльстонъ обѣщалъ ужинать съ нами.

Чарміанъ опять безпокойно заворочалась на диванѣ и оттолкнула подушки.

— Да. Я заказала прелестный ужинъ. Все самое любимое твое и Эльстона... А ты не забылъ послать миссъ Мардонъ цвѣты?

— Нѣтъ.

Раздался звонокъ телефона.

Клодъ подошелъ къ аппарату. Миссъ Мардонъ благодарила за цвѣты.

— Она отдыхаетъ, конечно, — спросила Чарміанъ.

— Да.

— Всѣ отдыхаютъ. Это даже пугаетъ.

— Почему? — спросилъ онъ, смѣясь.

— Не знаю. Мнѣ это представляется зловѣщимъ. Но я ужасно глупа сегодня... Вѣроятно, это просто физическая реакція послѣ всего, что мы пережили.

— Нельзя еще поддаваться реакціи! — горячо подхватилъ Клодъ. — Передъ нами рѣшительное сраженіе. Въ сравненіи съ сегодняшнимъ вечеромъ все остальное пустяки!

— Да, да! Я думаю, что мы получимъ отъ мамы телеграмму. Если нѣтъ, то это покажется дурнымъ предзнаменованіемъ. У меня будетъ такое чувство, точно ей все равно, что съ нами.

Клодъ молчалъ.

— А у тебя?

— Я думаю, что телеграмма придетъ. Но если бъ и нѣтъ, я знаю хорошо, какъ близко сердцу madre все, что касается насъ обоихъ. И ничто не вызоветъ у меня сомнѣнія въ этомъ.

— Ну, конечно. У меня тоже нѣтъ. Но мнѣ хочется, чтобы именно сегодня она выразила свое сочувствіе. Се-

годня такой важный день въ нашей жизни! Можетъ быть, никогда больше въ жизни онъ не повторится. Объ этомъ днѣ я мечтала, я предвидѣла его въ ту ночь въ Ковентъ-Гарденѣ.

На Чарміанъ нахлынули воспоминанія, и вмѣстѣ съ ними усилилось ея безпокойство. Но это были уже не только взвинченные нервы, но и щемящая жуть предчувствія. Ей не сидѣлось спокойно, и она вскочила съ дивана.

— Клодъ! Я не могу больше торчать здѣсь. Я не могу отдыхать.

Она подошла къ мужу и положила руки къ нему на плечи.

— Будь милъ! Пойдемъ провѣтриться.

— Куда же?

— Куда-нибудь. По Пятой авеню въ паркъ. Пройдемся по парку и посмотримъ на театръ, нашъ театръ. Прогулка будетъ мнѣ такъ полезна, какъ ты и представить себѣ не можешь, хотя ты и геній. И время скорѣе пройдетъ. Я хочу, чтобы оно летѣло. Развѣ можно сидѣть въ этой жаркой красной комнатѣ и ждать, ждать? Пойдемъ!

Клодъ согласился съ радостью. Они тепло укутались и вышли.

— Прикажете таксомоторъ, сэръ? — спросилъ высокій швейцаръ у подъѣзда.

— Нѣтъ, спасибо.

Какой гулъ стоялъ въ воздухѣ. Сплошной вереницей мчались автомобили. Панели кишѣли толпой пѣшеходовъ, полныхъ оживленія, энергіи, бодрости. Казалось, что это — міръ въ миніатюрѣ, потому что здѣсь были представители всѣхъ національностей. Чарміанъ глядѣла на мелькавшія лица и думала:

„Это все надо побѣдить!“

— Развѣ не чудесно здѣсь? — обратилась она къ Клоду. — Какой бѣшеный водоворотъ жизни! Лица, лица, лица, а за ними умы и души! Мнѣ нравится сегодня видѣть всѣ эти лица. Мнѣ представляется, что эти души просятъ того, что ты дашь имъ.

— Будемъ надѣяться, что такихъ людей найдется одинъ-два среди всей этой массы.

— Ахъ, Клодъ! Ты неисправимъ. Тебѣ все кажется, что ты никому ненуженъ. Но ты увидишь сегодня. Всѣ мѣста проданы, всѣ добавочные стулья! Подумай только...

все это для того, чтобы послушать твою вещь. Мы пойдемъ въ Центральный паркъ?

— Хорошо. Но вѣдь ты хотѣла прохаживаться взадъ и впередъ по Пятой авеню.

— Нѣтъ. Я сказала въ паркъ, и мы пойдемъ туда. Но будемъ ходить по боковой аллеѣ, чтобы не удаляться отъ этого великаго чудеснаго города. Еще не было на свѣтѣ другого такого города, какъ Нью-Іоркъ. У здѣшнихъ людей не кровь, а ртуть течетъ по жиламъ. А женщины! Такихъ я никогда нигдѣ не видала. Ахъ, Клодъ! Если ты сумѣешь покорить этихъ удивительныхъ женщинъ!

Оживленіе Чарміанъ было почти неестественно.

— Нью-Іоркъ меня опьяняетъ сегодня! — сказала она.

— Какъ ты будешь обходиться безъ него?

— Когда мы уѣдемъ?

— Да. Когда мы уѣдемъ домой.

— Домой? Но гдѣ, собственно нашъ домъ?

— Въ Лондонѣ, я полагаю. Въ Кенсингтонѣ.

— Мнѣ какъ-то не представляется, чтобы мы опять устроились тамъ. Вѣдь вся наша борьба, прошла не тамъ, а въ маленькомъ бѣломъ домѣ.

— Dienan-El-Maqui?

— Да, — произнесла она измѣнившимся голосомъ. — Что я пережила тамъ! Я не могу разсказать всего этого, Клоди.

Они проходили по тихой части парка, и Чарміанъ была рада этому. Вотъ огромное зданіе Plaza Hotel, гдѣ жила Энидъ Мардонъ.

— Интересно, какъ она чувствуетъ себя сегодня! — проговорила Чарміанъ, глядя вверхъ, на ряды оконъ. — Который этажъ?

— Не заставляй меня считать сегодня. Я бы охотнѣе поигралъ съ бѣлками.

Они шли по аллеѣ между деревьями. Сѣрая бѣлочка проворно взбѣжала по стволу дерева и подрагивая хвостикомъ не спѣша сѣла на вѣтку впереди нихъ. Чарміанъ слѣдила за ней глазами. У звѣрька былъ смѣлый, рѣшительный и даже важный видъ, точно онъ былъ убѣжденъ въ своей значительной роли, что бы тамъ ни думали другіе.

— Какъ довольна эта бѣлочка! — сказалъ Клодъ.

— Да. Но она не можетъ быть счастлива по-настоящему... такъ, какъ я и ты можемъ.

— Да, это вѣрно. Но зато есть другая сторона.

Онъ процитировалъ Данте: „Quanto la cosa è più perfetta più senta il bene, e cosi la doglienza“ [1]).

— Я не хотѣла бы страданіемъ доказать свой высокій рангъ въ общей лѣстницѣ, — сказала Чарміанъ. — А ты?

— Развѣ артистъ не долженъ быть готовъ на всякое переживаніе? — отвѣтилъ онъ.

Ей показалось, что въ его голосѣ звучитъ иронія.

— Вотъ мы почти и подошли къ театру, — сказала Чарміанъ послѣ того, какъ они молча прошли нѣкоторое время. — Подойдемъ паркомъ совсѣмъ вплотную, а затѣмъ постоимъ и посмотримъ на него черезъ площадь.

— Хорошо, — согласился Клодъ.

Уже сгущался вечерній сумракъ, когда они стояли передъ большимъ зданіемъ, гдѣ должна была сегодня рѣшаться ихъ судьба. Отъ него ихъ раздѣляла широкая площадь: мимо безпрерывно катились экипажи, а огненные глаза моторовъ исчезали изъ одной смутной полутьмы въ другую. Чарміанъ и Клодъ глядѣли на огромное слѣпое зданіе, которое скоро празднично освѣтится для нихъ, ради нихъ. Теперь коляски и моторы проѣзжали мимо, но немного погодя они будутъ останавливаться у театра. Изъ каждаго экипажа, изъ каждаго автомобиля выйдетъ судья или судьи, который внесетъ свою долю въ общій приговоръ. Чарміанъ и Клодъ думали объ этомъ, стоя передъ театромъ, среди быстро надвигавшихся сумерекъ. И Чарміанъ страстно хотѣлось обладать силой внушенія, чтобы гипнотизировать всѣхъ этихъ людей. На мгновенье мысль о независимости каждаго человѣческаго существа показалась ей угрожающей.

— Какъ онъ холодно и мертво выглядитъ теперь! — прошептала она. — А что будетъ черезъ нѣсколько часовъ!

Они стояли, точно дѣти, очарованные видомъ театра. Чарміанъ на мгновенье забыла о прохожихъ, о скользящихъ моторахъ, о городской сутолокѣ и даже о самой себѣ. Она воображеніемъ отдавалась своей судьбѣ. Она ощущала глубокую тайну человѣческой жизни, которую держитъ въ своихъ рукахъ судьба. Ее вывело изъ задумчивости рѣзкое движеніе Клода.

— Что такое? — спросила она и взглянула на него.

---

[1]) „Чѣмъ совершеннѣе дѣло, тѣмъ больше чувствуется добро, а также и страданіе.“

— Ничего, — отвѣтилъ онъ. — Но пора вернуться въ отель. Пойдемъ.

И не бросивъ больше взгляда на театръ, онъ повернулся и быстро зашагалъ.

Онъ увидѣлъ по другую сторону площади, возлѣ театра, ту самую негритянку въ большой розовой шляпѣ, которая бросилась ему въ глаза въ тотъ вечеръ, когда они ѣхали на репетицію съ саранчей. Женщина повернула голову, поглядѣла на него и улыбнулась своими толстыми губами. Затѣмъ она стала въ очередь, которая образовалась у дверей кассы галлереи.

XXXVI.

Огромный театръ медленно наполнялся. Верхи, такіе таинственные и неуловимо теряющіеся во тьмѣ во время репетицій, теперь были оживлены звуками голосовъ, двигались и пестрѣли. Въ коридорахъ и фойе стояли группами и разговаривали. Въ ложахъ стали появляться элегантно одѣтыя дамы. Музыкальные критики и рецензенты собирались кучками и обсуждали вопросы сезона и перспективы Крэйфорда выдвинуться въ первые ряды дѣятелей оперной сцены.

Смѣлость Крэйфорда и сдѣланныя имъ громадныя денежныя затраты произвели впечатлѣніе на американскую публику. Многіе стали сочувствовать ему. Метрополитэнъ, за которымъ стоятъ милліонеры-пайщики, постоитъ за себя. Тутъ же Крэйфордъ вкладывалъ въ дѣло исключительно свои деньги, заработанныя своей предпріимчивостью и энергіей. Это — настоящій человѣкъ! И оттого невольно многіе желали ему побѣды. А сегодня плечо къ плечу съ нимъ стоялъ Клодъ Хіисъ, его соратникъ въ борьбѣ. Журналисты и рецензенты готовы были поднять его на своихъ плечахъ, если только онъ оправдаетъ надежды. Общественное мнѣніе было расположено въ его пользу. Критики, все видѣвшіе и всѣмъ утомленные, жаждали новыхъ, острыхъ впечатлѣній. Предсказаніе Крэйфорда сбывалось: Америка съ ожиданіемъ устремила свои зоркіе глаза на востокъ. А опера эта по слухамъ имѣла темой востокъ. Можетъ быть отъ нея пахнетъ дивнымъ воздухомъ той земли, гдѣ золотыми холмами вздымаются пески, гдѣ шумятъ пальмы, гдѣ царитъ тишина пустыни, въ которой обитаетъ Божество...

Толпа прибывала, Коридоры были уже переполнены.

Пришелъ Ванъ Бриненъ, оглядываясь вокругъ. Онъ уви-

дѣлъ Крэйфорда очень нарядно одѣтаго, съ бѣлымъ цвѣткомъ въ петлицѣ, среди группы журналистовъ.

— А-а, Ванъ Бриненъ, здравствуйте! Собираетесь быть милостивымъ къ намъ?

— Надѣюсь. Вашъ авторъ — человѣкъ цѣнный.

— Хіисъ? Да если бъ не это, развѣ я сталъ бы тратить на него свой послѣдній долларъ? Но развѣ вы знаете его музыку?

Глаза Крэйфорда пристально впились въ лицо критика.

— Я слыхалъ кое-что какъ-то вечеромъ у него въ отелѣ.

— Отрывки изъ оперы?

— Одинъ. Но, кромѣ того, еще другое, которое произвело на меня огромное впечатлѣніе... это музыка кошмарной силы.

— Ахъ, да! это, вѣроятно, изъ его библейскихъ штукъ! Нѣтъ, слава Богу, отъ этого мы его отвлекли...

Въ ложѣ бенуара № 15 появилась м-съ Шиффней съ m-me Сеннье, Жакомъ Сеннье и Джонсономъ Ремеромъ. Сусанна была рядомъ со своими знакомыми — пожилымъ адвокатомъ, извѣстнымъ знатокомъ искусства и его женой. Родные Эльстона были въ партерѣ; тамъ же, съ краю, занялъ мѣсто и Жиллье, чтобы можно было удобно проскользнуть къ выходу и принести свою дань поклоненія миссъ Мардонъ. Онъ не отрывалъ глазъ отъ программы, гдѣ стояло его имя, и выраженіе ихъ было жадное...

М-съ Шиффней окинула быстрымъ взглядомъ всѣ ложи, затѣмъ взяла бинокль.

— Не понимаю, гдѣ Хіисы, — сказала она, — Генріетта, вы не видите ихъ?

М-me Сеннье оглядѣла залъ своими холодными желтыми глазами.

— Нѣтъ. Можетъ быть, ихъ еще нѣтъ. Или они надъ нами. А можетъ быть, они такъ взволнованы, что не могли пріѣхать.

Ея накрашенныя губы сложились въ загадочную улыбку.

— О, нѣтъ! Я увѣрена, что Чарміанъ будетъ здѣсь! Это — большой вечеръ въ ея жизни. Она не изъ тѣхъ женщинъ, чтобы пропустить его.

М-съ Шиффней повернулась къ сосѣдней ложѣ.

— Сусанна, вы не видите Хіисовъ?

— Вижу. Вотъ Чарміанъ. Она какъ разъ входитъ въ ложу, въ томъ же ярусѣ, гдѣ и мы.

— Гдѣ? Гдѣ?

— Направо. Ложъ десять отъ насъ. Она въ блѣдно-зеленомъ.

— Хорошенькая женщина! — сказалъ пожилой адвокатъ и сталъ смотрѣть въ бинокль.

— Да, теперь я вижу, — сказала м-съ Щиффней и обратилась къ своей пріятельницѣ:

— Она здѣсь, Генріетта, и какъ будто бы одна. Но Хіисъ сидитъ сзади, въ тѣни. Я разглядѣла его мелькомъ.

M-me Сеннье смотрѣла на Чарміанъ, какъ Чарміанъ когда-то на нее въ другомъ театрѣ. Но ея мысли были рѣзки и опредѣленны, и она ничего не сказала.

Чарміанъ и Клодъ были одни въ своей ложѣ. На пустомъ стулѣ рядомъ съ собой Чарміанъ положила нѣсколько красныхъ розъ, присланныхъ ей Эльстономъ передъ отъѣздомъ въ театръ. А минутъ черезъ пять послѣ цвѣтовъ получена была адресованная Клоду телеграмма изъ Англіи: „Желаю вамъ обоимъ лучшаго къ сегодняшнему вечеру. Madre.“

Сейчасъ поднимется занавѣсъ. Чарміанъ взглянула на свои розы и увидала возлѣ нихъ на стулѣ какую-то бумажку

— Что это? — спросила она.

— Это телеграмма madre, — отвѣтилъ Клодъ. — Оказывается, я захватилъ ее съ собой. Такъ я ужъ положилъ ее здѣсь. Если бъ madre была здѣсь, она сидѣла бы на этомъ стулѣ. И мнѣ захотѣлось, чтобы ея пожеланіе лежало поближе вмѣстѣ съ розами Эльстона.

Глаза супруговъ встрѣтились въ полутьмѣ ложи. Клодъ, войдя, выключилъ свѣтъ.

— Такъ странно думать сегодня о madre въ Беркли-скверѣ, — медленно проговорила Чарміанъ. — Что она дѣлаетъ?

— Я увѣренъ, что она одна, сидитъ въ своемъ кабинетѣ, думаетъ о насъ. Она, какъ всегда, въ бѣломъ платьѣ.

— И желаетъ намъ, — начала Чарміанъ, но замолкла. Прозвучали первыя ноты увертюры.

Мысли Клода сосредоточились на madre въ бѣломъ платьѣ, одиноко сидящей въ хорошо знакомой комнатѣ и думающей о немъ — въ эти минуты онъ былъ чистѣйшимъ эгоистомъ. Онъ видѣлъ передъ собой ея лицо, хорошее, выразительное лицо съ огнемъ печали и любви въ глазахъ. И этотъ образъ много помогалъ ему сейчасъ, былъ нѣжнымъ и преданнымъ другомъ въ тяжелыя минуты жизненнаго кризиса.

Странно одиноко сидѣлъ Клодъ въ тѣни за спиной Чарміанъ и чувствовалъ огромную толпу вокругъ. Онъ не видѣлъ людей. Онъ видѣлъ только Чарміанъ въ блѣдно-зеленомъ платьѣ и далеко отъ себя сцену. Онъ слушалъ свою музыку. Но сейчасъ она не казалась ему его собственной. Онъ слушалъ ее съ такимъ чувствомъ, какъ будто она ничего общаго не имѣла съ нимъ. Но слушалъ онъ напряженно, всѣмъ своимъ сознаніемъ, съ сердцемъ, какъ ему казалось, готовымъ предаться чувству. Въ этотъ вечеръ въ груди Клода билось не суровое сердце и не было оно глупымъ, смятеннымъ сердцемъ автора, который глухъ ко всякой логикѣ. Ни одинъ критикъ не слушалъ оперу Клода съ такимъ безстрастіемъ, какъ онъ самъ. Нѣсколько разъ ему приходила на мысль женщина въ розовой шляпѣ. Онъ зналъ, что она сидитъ гдѣ-то здѣсь въ театрѣ, вѣроятно, на галлереѣ, куда онъ поглядывалъ на репетиціяхъ, когда зданіе представлялось ему гигантомъ, который ждетъ, чтобы его накормили. Въ этотъ вечеръ, по крайней мѣрѣ, онъ накормилъ его до отвалу...

Время отъ времени Клодъ слышалъ легкое покашливаніе, перешептываніе среди зрителей. Изрѣдка раздавались аплодисменты. Одинъ разъ сильно хлопали Эльстону послѣ одной фразы, въ которой проявилась благородная красота его голоса. Чарміанъ, вся сіяющая, съ горящими щеками, оглянулась на Клода, какъ бы говоря: „Вотъ, вотъ! Слушай, уже начинается. Будетъ успѣхъ!“ Затѣмъ снова, какъ густая вуаль, окутало публику внимательное молчаніе. Клодъ вслушивался въ музыку, точно она была ему незнакома.

Послѣ перваго дѣйствія было много аплодисментовъ: звучали они гулко, но не дружно, полосой. Пѣвцовъ вызвали три раза, но тоже какъ-то безпорядочно.

— Идетъ великолѣпно. Публикѣ нравится, — проговорила Чарміанъ поспѣшно. — Три раза вызывали! Это необыкновенно для перваго акта, когда залъ еще не разогрѣлся. Какъ странно, Клодъ, не правда ли, что у американцевъ другая манера аплодировать, чѣмъ у насъ? Они здѣсь всегда аплодируютъ вотъ такъ.

— Какъ это? — спросилъ онъ.

— Ты не замѣтилъ? Упорно, но враздробь. Будто стрѣляютъ пачками. Они какъ будто упорствомъ хотятъ показать свое одобреніе, а не своимъ... своимъ... ну, я не знаю, какъ выразить это.

— Единодушіемъ что ли?

— Нѣтъ, не совсѣмъ!.. Но вотъ м-ръ Крэйфордъ.

Крэйфордъ вошелъ, но побылъ одну минутку.

— Вы слышали? — сказалъ онъ. — Публика въ восторгѣ. Эльстонъ покорилъ ихъ. Я зналъ, что онъ сумѣетъ. Этотъ парень станетъ знаменитостью. Но подождите второго акта. Настроеніе хорошее, я знаю признаки. Либретто всѣхъ захватило. Всѣ спрашиваютъ, что произойдетъ дальше.

— Значитъ, вы удовлетворены? — спросила Чарміанъ.

— Удовлетворенъ ли я? Я такъ счастливъ, что просто не знаю, что и дѣлать.

Онъ исчезъ.

— Онъ знаетъ, что говоритъ! — сказала Чарміанъ.

Ея глаза были прикованы къ Клоду. Они глядѣли вызывающе.

— Если кто-либо въ Америкѣ понимаетъ, о чемъ онъ говоритъ, то это м-ръ Крэйфордъ, — прибавила она.

Постучали въ дверь. Клодъ отворилъ. Вошли двое американскихъ знакомыхъ и побыли нѣсколько минутъ. Они сказали, какъ хорошо опера идетъ, какъ она имъ нравится — все шаблонныя и обычныя фразы, которыя говорятся въ подобныхъ случаяхъ. Одинъ изъ посѣтителей былъ знакомый Ванъ Бринена. Клодъ спросилъ его, въ театрѣ ли Ванъ Бриненъ. Тотъ отвѣтилъ, что да. Тогда Клодъ освѣдомился, знаетъ Ванъ Бриненъ номеръ его ложи. Оказалось, что знаетъ. Разговоръ перешелъ на другое, но когда посѣтители ушли, Чарміанъ сказала:

— Отчего ты задавалъ всѣ эти вопросы о Ванъ Бриненѣ, Клоди?

— Отъ того, что если онъ знаетъ номеръ нашей ложи, то я думаю, онъ зайдетъ. Онъ такъ по-дружески относился къ намъ.

— Навѣрное онъ придетъ послѣ слѣдующаго акта. А-а, уже гаснетъ свѣтъ!

Она отодвинула свой стулъ нѣсколько вглубь ложи и сѣла.

— Не хочу отвлекать свое вниманіе отъ сцены. Лучше меньше видѣть публику, — шепнула она въ объясненіе. — Ты правъ, что сидишь въ глубинѣ.

Клодъ ничего не отвѣтилъ. Занавѣсъ медленно раздвигался.

Второе дѣйствіе прошло при почти абсолютномъ молчаніи зрительнаго зала.

Чарміанъ изрѣдка перекидывалась словомъ съ мужемъ. Одинъ разъ она шепнула ему:

— Развѣ не удивительно это молчаніе толпы? Не показываетъ ли оно, какъ она поглощена спектаклемъ?

Клодъ только кивнулъ головой въ отвѣтъ.

Все шло хорошо. Крэйфордъ былъ правъ. Опера была отлично срепетована и шла безъ всякихъ шероховатостей. Эффекты освѣщенія дѣйствовали великолѣпно. Миссъ Мардонъ давала изумительный, потрясающій по силѣ драматическій образъ. Никогда еще она не была такъ хороша, какъ въ этотъ вечеръ. Успѣхъ Эльстона былъ огромный. Его голосъ звучалъ полно и легко. Даже друзья его, Хіисы, были поражены его силой и красотой.

— Славный Эльстонъ! теперь онъ обезпечилъ себѣ карьеру.

Чарміанъ безпокойно двигалась на своемъ стулѣ. Она стала обмахиваться вѣеромъ, затѣмъ положила его на барьеръ ложи, а черезъ минуту снова взяла, открыла, закрыла и продолжала держать его въ рукѣ. Молчаніе публики давило ее, какъ тяжесть, пугало ее. Она сознавала, что это чувство смѣшно, что если бъ то, что ставится на сценѣ, не касалось ея близко и интимно, молчаливое вниманіе зала не казалось бы ей страннымъ. Какъ нелѣпо съ ея стороны поддаваться такому ощущенію! Наклонившись впередъ, она различила силуэтъ m-me Сеннье, сидящей очень прямо, облокотясь рукой на барьеръ ложи. Крэйфордъ, ради художественной цѣльности впечатлѣнія, держалъ театръ въ полутьмѣ во время хода дѣйствія. Можетъ быть отъ того m-me Сеннье представлялась Чарміанъ тѣнью, неподвижной, грозной, безпощадной. Къ этой тѣни невольно тянуло взоръ Чарміанъ. Тѣнь съ умомъ, душой и сердцемъ! Что дѣлается въ нихъ сейчасъ? Вспомнились Чарміанъ попытки m-me Сеннье отнять у Клода либретто, ея замѣчанія въ Константинѣ. Она сдѣлала все, что было въ силахъ для того, чтобы этотъ вечеръ никогда не наступилъ. Она потерпѣла пораженіе. И теперь вотъ она здѣсь является свидѣтельницей своего пораженія. Чарміанъ вглядывалась въ ея смутный силуэтъ, стараясь возликовать. Она слушала музыку и говорила себѣ: какъ она прекрасна!

Музыка звучала до странности ново въ этой обстановкѣ. Чарміанъ слышала ее въ Djenan-el-Maqui на роялѣ, въ пѣніи Эльстона. Она чувствовала ее, иногда очень глубоко, въ

тѣ ночи, когда Клодъ игралъ до разсвѣта. У нея были въ оперѣ свои любимыя мѣста, которыя она встрѣчала какъ милыхъ друзей, которыя задѣвали чуткія струны ея души. На рапетиціяхъ она слышала оперу полностью, съ оркестромъ и пѣвцами.

Но сейчасъ опера казалась ей странной и новой: Публика вобрала ее въ себя, измѣнила ее и теперь преподносила, какъ бы говоря: „Это — опера Клода Хіиса, композитора до сихъ поръ неизвѣстнаго“. И еще публика какъ бы говорила ей: „Напрасно ты воображаешь, что ты стоишь особнякомъ отъ насъ. Ты — наша и вмѣстѣ съ нами. Твоя мысль — частица нашей мысли, твое чувство — часть нашего чувства. Ты — только капля, а мы — океанъ“.

Чарміанъ напрягала силы, чтобы побороть эту попытку публики овладѣть ею и сохранить свою индивидуальную независимость. Но борьба эта была кошмарно тяжела, и публика крѣпла въ силѣ. Но вотъ, наконецъ, занавѣсъ опустился. Раздались аплодисменты. Они были такіе же, какъ послѣ перваго акта. Снова три раза вызывали артистовъ. Послѣ этого рукоплесканія замерли, и въ публикѣ начались разговоры. Многіе встали съ своихъ мѣстъ, вышли въ фойе.

— Я вижу Ванъ Бринена, — сказала Чарміанъ.

— Гдѣ?

Клодъ всталъ, снялъ розы и телеграмму со стула рядомъ съ Чарміанъ, пододвинулъ его впередъ и сѣлъ у барьера. Многіе зрители замѣтили его, стали указывать на него своимъ сосѣдямъ. Но онъ точно не замѣчалъ обращеннаго на него вниманія.

— Вотъ! — тихо произнесла Чарміанъ и показала вѣеромъ на Ванъ Бринена.

Дѣйствительно, онъ стоялъ въ партерѣ, лицомъ къ ихъ ложѣ и, слегка наклоняясь, разговаривалъ съ двумя, красиво одѣтыми дамами. Его блѣдное лицо было грустно. Вотъ онъ выпрямился и, казалось, черезъ головы публики поглядѣлъ Клоду въ глаза.

„Онъ не могъ не видѣть меня!“ — подумалъ Клодъ.

Ванъ Бриненъ стоялъ такъ нѣсколько секундъ. Затѣмъ онъ направился къ одному изъ выходовъ и исчезъ.

— Онъ сейчасъ войдетъ къ намъ, я увѣрена, — сказала Чарміанъ весело. — Очевидно, онъ увидѣлъ насъ.

Но Ванъ Бриненъ не пришелъ. Крэйфордъ тоже больше не появлялся. Заходило много другихъ людей, поздравляли,

высказывали свое мнѣніе. Разными устами повторялось одно и то же съ поражающимъ однообразіемъ интонаціи. Чарміанъ подавала подходящія случаю реплики. Все время она повторяла себѣ: „Это часъ моего торжества, какъ былъ у m-me Сеннье въ Ковентъ-Гарденѣ. Но только это Америка, а не Англія. Нью-Іоркъ имѣетъ свою манеру накладывать печать успѣха, Лондонъ — свою".

Ее одолѣвала потребность высказать то, что было у нея на душѣ, и она сказала одному знакомому, Гостеттеру, который заглянулъ къ нимъ въ ложу:

— Вы знаете, чрезвычайно интересно наблюдать разницу въ разныхъ націяхъ, какъ она проявляется, напримѣръ, въ такомъ дѣлѣ, какъ воспріятіе театральной новинки.

— Очень интересно, — подтвердилъ Гостеттеръ.

— Вы, американцы, проявляете свое чувство интенсивностью вниманія, съ которымъ вы слушаете.

— Совершенно вѣрно. А какъ же лондонская публика? Я никогда не бывалъ на премьерѣ въ Лондонѣ.

— У насъ болѣе шумно и менѣе сосредоточенно. Правда, Клодъ?

— Да. Есть нѣкоторая разница.

— Вы хотите сказать, что въ Ковентъ-Гарденѣ шумная публика, — спросилъ явно изумленный Гостеттеръ. — А мнѣ всегда казалось, что у васъ тамъ сдержанность и холодъ.

— О, нѣтъ! — воскликнула Чарміанъ.

Она вспомнила премьеру оперы Сеннье, но при этомъ одна мысль ледяной струйкой прошла по ея сознанію.

— Вотъ какъ! — проговорилъ Гостеттеръ. — А между тѣмъ мы, американцы, имѣемъ очень плохую репутацію шумливости.

Онъ улыбался, но вдругъ какъ бы спохватился.

— Но, какъ вы говорите, — поспѣшно прибавилъ онъ, — въ театрѣ мы бываемъ сосредоточены, особенно когда передъ нами вещь истинно-художественная, какъ, напримѣръ, сегодня.

Онъ сталъ прощаться.

— Да, истинно-художественная вещь. Искренно поздравляю васъ.

Онъ вышелъ. Появился другой господинъ, нѣкій Клинчъ, союзникъ Крэйфорда. Послѣ нѣсколькихъ минутъ разговора онъ сказалъ:

— Всѣ въ восторгѣ отъ либретто. Я думалъ, что его авторъ съ вами. Развѣ его нѣтъ въ театрѣ?

— Есть. Но онъ сказалъ намъ, что будетъ сидѣть въ креслахъ.

— Вы еще не видали его?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Клодъ.

— Послѣ слѣдующаго акта вы, вѣроятно, выйдете на вызовы вмѣстѣ съ нимъ. Будутъ, конечно, вызовы, и я знаю, что Жиллье будутъ тоже вызывать.

Его холодные сѣрые глаза вглядывались въ лица Хіисовъ съ особой проницательностью. Когда онъ вышелъ Чарміанъ сказала:

— Будутъ вызывать!

— Здѣсь принято дѣлать это послѣ предпослѣдняго акта.

— Ты, конечно, выйдешь на вызовы, Клоди?

Послѣдовало молчаніе. Затѣмъ онъ сказалъ:

— Да, я выйду.

Голосъ его звучалъ такъ рѣзко, что былъ почти неузнаваемъ.

— Такъ тебѣ придется пойти за кулисы.

— Да. Я подожду, пока поднимутъ занавѣсъ и тихонько пройду туда.

Снова молчаніе. Наконецъ, Чарміанъ прервала его вопросомъ:

— Я удивляюсь, что Жиллье не зашелъ къ намъ. Это было бы такъ естественно, чтобы онъ заглянулъ на минутку.

— Вѣроятно, онъ еще зайдетъ.

Прозвучалъ звонокъ. Сейчасъ долженъ былъ начаться третій актъ.

Поднялся занавѣсъ и показалась великолѣпная декорація пустыни, вызвавшая въ публикѣ громкіе аплодисменты. Клодъ поднялся съ мѣста и шепнулъ:

— Теперь я пойду.

Чарміанъ поискала во тьмѣ его руку, нашла ее и сжала въ своей. Ее тянуло встать, слить свои губы съ его губами, шепнуть ему слово ободренія, слово нѣжности. Ея глаза наполнились слезами, когда она почувствовала прикосновеніе его руки. И когда онъ вышелъ, и дверь закрылась за нимъ, она спряталась въ глубину ложи и приложила къ глазамъ платокъ. Съ большимъ трудомъ ей удалось сдержать слезы, чтобы онѣ не потекли по лицу. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ она не слышала музыки, не знала, что происходитъ на сценѣ. Въ душѣ бушевалъ вихрь чувства, котораго она

сама не понимала — можетъ быть оттого, что и теперь еще боролась съ отчаяннымъ, смѣлымъ мужествомъ.

Въ дверь постучали, Чарміанъ не слышала. Еще разъ. Тогда она быстро прижала платокъ сначала къ одному глазу, потомъ къ другому, встала и отворила дверь.

— Можно къ вамъ немножко — спросила шопотомъ Сусанна Флитъ, стоя за дверью въ скромномъ черномъ платьѣ и длинныхъ бѣлыхъ до локтя перчаткахъ.

— Ахъ, Сусанна! Войдите, голубушка. Я совсѣмъ одна.

— Оттого я и пришла.

— Откуда же вы знали?

— Мой пріятель, м-ръ Мельтонъ былъ въ коридорѣ съ Ремеромъ и видѣлъ, какъ Клодъ прошелъ. Онъ сказалъ Ремеру, что идетъ за сцену. Вотъ я и захотѣла зайти къ вамъ.

Она тихо вошла и заперла дверь.

— Садитесь сюда, возлѣ меня, — сказала Чарміанъ. — Ахъ! постойте минутку. Я сниму эти цвѣты.

Она сняла со стула розы. При этомъ ей вспомнилась лежавшая тутъ же телеграмма madre. Но ея не было. Чарміанъ стала искать на полу.

— Что вы? — спросила Сусанна.

— Да, ничего. Тутъ вмѣстѣ съ цвѣтами лежала телеграмма отъ madre. Ея нѣтъ. Ничего! Вѣроятно, Клодъ взялъ ее съ собой.

Да! Клодъ унесъ ее съ собой, какъ человѣкъ беретъ надежнаго друга, когда идетъ къ чужимъ.

Сусанна сѣла рядомъ съ Чарміанъ въ глубинѣ ложи, взяла ея руку въ свою и мягко держала. Онѣ не разговаривали, пока не окончилось третье дѣйствіе.

Это было самое длинное и сложное дѣйствіе во всей оперѣ. Чарміанъ тайно побаивалась его со времени первой полной репетиціи. Она не могла забыть терзаній, которыя пережила въ тотъ вечеръ, повторяя съ отчаяніемъ! „Это адъ“. И она чувствовала, что всегда будетъ бояться этого акта, какъ стараго врага.

И вотъ теперь, она томилась ожиданіемъ конца, когда Клодъ наконецъ покажется свѣту, котораго онъ такъ тщательно избѣгалъ, пока она не вошла въ его жизнь.

Третье дѣйствіе, хаотическое на репетиціяхъ, шло теперь гладко, даже слишкомъ гладко, какъ начинало представляться

Чарміанъ. Оно скользило, точно по рельсамъ. Въ Алжирѣ Крэйфордъ посвятилъ львиную долю своего вниманія именно этому акту, къ которому, какъ онъ выражался, „надо приложить руку“. Онъ сдѣлалъ въ немъ множество измѣненій. Чарміанъ вспомнилось теперь, какіе страстные споры происходили въ Djenan-el-Maqui изъ-за этого акта. Особенно живо вставала въ ея памяти одна сцена. Палящій землю зной, дымчато-сѣрое небо, бѣлый контуръ моря, капли пота на лбу Клода, его судорожно заломленные пальцы и выраженіе его глазъ, когда онъ воскликнулъ: „Скажите мнѣ, что вы всѣ хотите, и я сдѣлаю это“.

Третье дѣйствіе, которое она слушала теперь вмѣстѣ съ толпой и было результатомъ этого спора и уступки Клода.

Рука Чарміанъ трепетала въ рукѣ Сусанны, но она не отнимала ея. Она рада была, что Сусанна съ ней. Сегодня невозможно было сохранить спокойствіе. Никто не въ силахъ былъ бы успокоить ее. Но Сусанна давала ей ощущеніе опоры. Въ ея присутствіи она всегда ощущала свою общность съ міромъ, чувствовала свою связь съ природой. Чѣмъ дальше шло дѣйствіе, тѣмъ больше ея мысль сосредоточивалась на томъ моментѣ, когда будутъ вызывать Клода. О Жиллье она забыла. Крикъ толпы будетъ относиться къ Клоду. Но какой будетъ этотъ крикъ? Будетъ ли онъ исходить отъ самаго сердца? Она ясно помнила тѣ клики, что раздавались въ честь Жака Сеннье въ Ковентъ-Гарденѣ. Въ нихъ было что-то волнующее и вызывающее энтузіазмъ. Этотъ звукъ заставилъ ее тогда заговорить съ Клодомъ и предопредѣлилъ ея бракъ...

Если съ устъ толпы въ концѣ этого акта сорвется тотъ же звукъ, это опредѣлитъ артистическую судьбу Клода и ея судьбу вмѣстѣ съ нимъ. И рука Чарміанъ при этой мысли, конвульсивно вздрагивала.

Сцена съ саранчей была тріумфомъ Крэйфорда, режиссера и Джимбера. Слѣдующая сцена была тріуфомъ Эльстона. Что бы ни далъ въ конечномъ счетѣ этотъ вечеръ, одно было ясно: онъ обезпечилъ Эльстону блестящую карьеру и оправдалъ довѣріе къ нему Крэйфорда.

— Милый Эльстонъ! — прошептала тихо Чарміанъ. — Какой онъ имѣетъ успѣхъ!

„Успѣхъ! Еще минута, еще нѣсколько минутъ, и онъ будетъ нашъ“, — думалось ей.

Всей душой и, казалось ей, всѣмъ тѣломъ, туго затяну-

тымъ въ красивое блѣдно-зеленое платье, она ждала и жаждала этого успѣха. Она даже молилась о немъ. Закрывъ глаза, она горячо молилась, напоминая невидимой верховной силѣ обо всемъ, что она и Клодъ перетерпѣли, и прося за это благословенія. И во время молитвы ея рука перестала дрожать въ рукѣ Сусанны.

Какъ ни длиненъ былъ третій актъ, однако все же онъ подходилъ къ концу. И тутъ страхъ, безумный страхъ овладѣлъ Чарміанъ. Она боялась рѣшительнаго момента. Ей хотѣлось исчезнуть, не быть въ театрѣ. Что, если несмотря на все, опера провалится? Какъ взглянуть въ глаза этому положенію? Нѣтъ, нѣтъ! она не можетъ провалиться. Не надо бояться. Чарміанъ вспомнила, что, какъ говорятъ, страхъ притягиваетъ ту вещь, которой боишься. Неужели она, все время проявлявшая такую энергію, силу воли и мужество, окажется теперь малодушной. Въ началѣ этого вечера она сидѣла впереди ложи, на виду у всѣхъ. Теперь она въ тѣни, робко сжимая руку подруги. А Клодъ? Когда она спряталась, онъ выступилъ впередъ. Скоро, черезъ нѣсколько минутъ онъ выйдетъ къ рампѣ, передъ лицомъ всей толпы. Онъ сохраняетъ стойкую силу и мужество. Она чувствовала даже что что бы ни случилось, Клодъ достаточно силенъ для того, чтобы съ открытымъ забраломъ встрѣтить ударъ судьбы. Надо помочь ему въ этомъ. Чарміанъ не знала, видитъ ли ее Клодъ со сцены, но все равно онъ вѣдь знаетъ, гдѣ она сидитъ, и въ такой моментъ, онъ можетъ взглянуть въ ея сторону.

Она тихонько высвободила свою руку изъ рукъ Сусанны и пересѣла впередъ, къ барьеру. Сусанна осталась сзади. Она понимала, что Чарміанъ надо сейчасъ побыть одной. Она угадывала ея порывъ.

Занавѣсъ упалъ. Стали аплодировать.

„Это по-американски, — думала Чарміанъ, — не по-нашему! Но они продолжаютъ. Очевидно, опера нравится. Не надо вспоминать Ковентъ-Гарденъ“.

И все-таки она всѣмъ своимъ существомъ слушала и ждала того чудеснаго звука, который вырывается изъ души и подымаетъ душу.

— Это аплодируютъ артистамъ, — говорила она себѣ, — а не Клоду. Браво, Эльстонъ! Браво!

Волна рукоплесканій поднялась, когда вышелъ Эльстонъ Лэкъ, и Чарміанъ почувствовала, что они начинаютъ звучать горячѣе.

„Значитъ, они умѣютъ быть, какъ мы! — подумала она. — Они только не сразу расгорячаются. Я услышу еще этотъ звукъ!“

Ея настроеніе круто измѣнилось. Торжество казалось близкимъ, и она предвкушала его. Сердце билось неистово, глаза сіяли, щеки горѣли. Но вотъ артисты всѣ откланялись и исчезли за занавѣсомъ. Аплодисменты продолжались упорно, но по англійскимъ понятіямъ, вяло. Раздалось нѣсколько выкриковъ.

— Они вызываютъ Клода!

Чарміанъ оглянулась къ Сусаннѣ. Та усиленно хлопала. Она даже привстала, какъ бы для того, чтобы ея хлопки были слышнѣе.

Снова раздались отдѣльные выкрики. Но въ партерѣ рукоплесканія начинали замирать, и Чарміанъ пережила моментъ такого остраго предчувствія, словно передъ нею была смерть. Не зная сама, что дѣлаетъ, вся поблѣднѣвъ, она начала аплодировать вмѣстѣ съ Сусанной. Она ощущала себя точно въ борьбѣ съ страннымъ противникомъ, который угнеталъ ее своей чудовищной пассивностью. Отъ него вѣяло инертностью. Борьба съ нимъ была похожа на то, какъ будто тебя душатъ пуховой периной.

Чарміанъ хлопала, хлопала, но вдругъ, взглянувъ впередъ, увидѣла направленные на себя бинокли м-съ Шиффней m-me Сеннье.

Руки ея безсильно упали. Крики продолжали раздаваться, недружные, отдѣленные одинъ отъ другого большими промежутками.

— Хіисъ. Хіисъ! — отчетливо разслышала теперь Чарміанъ.

— Жиллье! Автора! Автора! Занавѣсъ зашевелился, одна его половина раздвинулась. Открылось пустое пространство странной формы. Довольно долго никто не появлялся. И снова аплодисменты стихли. Чарміанъ замерла на своемъ мѣстѣ, вся блѣдная, не сводя глазъ съ отверстія. И вотъ въ тотъ моментъ, когда аплодисменты совсѣмъ замирали, изъ-за занавѣса появился Клодъ, а за нимъ Жиллье.

Послышались снова крики. Рукоплесканія возобновились. Чарміанъ смотрѣла на Клода. Лицо его было мрачно, но спокойно. Онъ стоялъ у самой рампы и глядѣлъ не въ сторону, а вверхъ, на галлерею, точно искалъ кого-то. Затѣмъ онъ отошелъ назадъ. Онъ выступилъ на авансцену впереди

Жиллье и теперь уходилъ, а Жиллье, вслѣдъ за нимъ пробирался нерѣшительно, оглянулъ залу и, склонивъ голову, очутился на мгновенье на сценѣ одинъ.

И тутъ зрительный залъ дрогнулъ тѣмъ звукомъ! Былъ онъ не такъ могучъ, не такъ силенъ, какъ въ тотъ вечеръ на премьерѣ Жака Сеннье. Но это былъ тотъ же звукъ благодарнаго восторга толпы.

Чарміанъ услышала его, и ея губы побѣлѣли. Но она сидѣла прямо у барьера ложи и, видя два бинокля, обращенные прямо на себя, она стала хлопать и хлопала до тѣхъ поръ, пока Арманъ Жиллье скрылся за занавѣсомъ.

XXXVII.

Въ красной гостиной отеля „Режисъ“ столъ былъ накрытъ къ ужину на три прибора. Стояли лиліи и бѣлый вереск, присланные Крэйфордомъ еще днемъ. Пожилой нѣмецкій лакей вошелъ, когда пробило двѣнадцать, и поставилъ возлѣ цвѣтовъ меню. Онъ взглянулъ на часы и удалился посмотрѣть, хорошо ли заморожено шампанское. Около половины перваго онъ вернулся вмѣстѣ съ младшимъ лакеемъ и сталъ устанавливать на боковомъ столикѣ ведро со льдомъ, изъ котораго торчало горлышко бутылки, и разную посуду. Онъ еще находился здѣсь, когда услышалъ въ коридорѣ голоса и тѣ, для кого происходили всѣ эти приготовленія, вошли въ комнату.

— Ужинъ готовъ? Вотъ это отлично, — проговорила Чарміанъ весело. — Смотрите-ка, Эльстонъ, какъ красиво выглядитъ на столѣ этотъ бѣлый вереск м-ра Крэйфорда.

Она держала въ рукахъ пучекъ красныхъ розъ Эльстона.

— Я сейчасъ вставлю ваши розы въ воду.

Она повернулась къ лакею:

— Пожалуйста, налейте воды въ эту вазу. Ужинать мы будемъ сейчасъ.

— Слушаю.

Чарміанъ взяла меню и передала его Эльстону.

— Удовлетворены вы? Посмотрите, а затѣмъ покажите Клоду. А я пойду пока снять пальто.

Она ушла, улыбаясь.

Лакеи вышли оба изъ комнаты. Друзья на минуту остались одни. Клодъ обнялъ Эльстона.

— Эльстонъ, я только теперь могу поздравить васъ наединѣ, безъ толпы людей кругомъ насъ. Мнѣ хочется сказать вамъ, какъ прекрасно было ваше исполненіе. Съ сегодняшняго вечера ваша артистическая карьера обезпечена. Я счастливъ за васъ. Вы работали великолѣпно и заслужили этотъ большой успѣхъ.

Эльстонъ пожалъ руку пріятеля.

— Спасибо, Клодъ. Но я добился этого только благодаря вамъ и м-съ Чарміанъ. Если бы вы не написали роскошной оперы, я бы не имѣлъ благодарной партіи.

— Вы имѣли бы другую. Теперь вы будете имѣть ихъ много.

— Мнѣ никогда никакая партія не доставитъ столько удовольствія, какъ пѣть вашего спаги.

Въ комнату торопливо вошла Чарміанъ.

— Вы положили свои пальто въ переднюю, господа? Отлично. А-а, вотъ и ужинъ! Сначала икра! Я буду сидѣть здѣсь. Ахъ, Эльстонъ, какое блаженство послѣ всѣхъ передрягъ сидѣть мирно дома съ вами и Клодомъ!

На мгновенье углы ея губъ опустились, но только на мгновенье.

— Все-таки удивительно! Я почти не устала, — продолжала она. — Спектакль сошелъ такъ хорошо, безъ всякой зацѣпки. Вѣроятно, Крэйфордъ въ восторгѣ. Я видѣла его только одну минуту, выходя отъ миссъ Мардонъ. Было столько народу! Невозможно было услышать, что онъ говоритъ. Но не можетъ быть двухъ мнѣній. Клоди, ты очень измученъ?

— Нѣтъ, — проговорилъ Клодъ рѣшительнымъ, серьезнымъ звукомъ, прозвучавшимъ очень странно послѣ ея оживленной болтовни.

Чарміанъ и Эльстонъ вопросительно взглянули на него, но Чарміанъ тотчасъ отвела взглядъ.

— Это хорошо! — сказала она послѣ нѣкоторой паузы. — Я собственно, боялась, что... а-а, вотъ шампанское! Сегодня намъ надо выпить за...

— Выпьемъ за карьеру Эльстона. — прервалъ ее Клодъ и поднялъ свой бокалъ.

Чарміанъ послѣдовала его примѣру, а затѣмъ сказала:

— Больше не надо тостовъ. Когда мы втроемъ вмѣстѣ, они звучатъ такъ офиціально. Мы и безъ нихъ знаемъ, чего

желаемъ другъ другу. Супъ изъ устрицъ! Ты видишь, я помнила все, что ты любишь, Клоди. Помню, давно-давно въ Лондонѣ я разъ видѣла Унстлера. Я еще была маленькой тогда. Онъ пришелъ завтракать къ намъ. Да, кстати, Клодъ, ты взялъ съ собою телеграмму madre, когда пошелъ на сцену?

— Да.

— Такъ я и думала, потому что я не могла ее найти. Такъ вотъ, Унстлеръ пришелъ къ намъ завтракать. И представьте себѣ, Эльстонъ, онъ все время только и говорилъ объ устрицахъ.

Она болтала, не умолкая. Эльстонъ подавалъ реплики, когда она давала ему возможность. Клодъ слушалъ да улыбался, говорилъ, когда нужно было вставить слово. Эльстонъ былъ голоденъ и ѣлъ съ удовольствіемъ. Чарміанъ дѣлала видъ, что ѣстъ, и отхлебывала шампанское маленькими глотками. На ея щекахъ горѣли яркія пятна. Она уговаривала Клода ѣсть, накладывала ему сама съ блюда. Пробило четверть второго. Вскорѣ послѣ этого въ маленькой передней что-то зашевелилось.

Чарміанъ встрепенулась.

— Кто бы это могъ быть такъ поздно? Вѣроятно, м-ръ Крэйфордъ.

— Пойду и посмотрю, — сказалъ Клодъ.

Онъ ушелъ. Чарміанъ насторожившись смотрѣла на дверь.

— Вы думаете, что это Крэйфордъ? — спросила она Эльстона.

— Врядъ ли.

— Кто это, Клодъ?

— Письмо или записка.

— Отъ кого оно можетъ быть. Только что получено?

— Да, повидимому.

— Нѣтъ, не могу больше ѣсть.

Клодъ пошелъ къ дивану, сѣлъ и разорвалъ конвертъ. Чарміанъ и Эльстонъ остались за столомъ. Чарміанъ увидѣла, что Клодъ вытащилъ изъ конверта не записку, а длинное письмо. Онъ сталъ не спѣша читать его. Чарміанъ замѣтила, что лицо его при этомъ мѣнялось. Брови сдвинулись, губы раза два-три дрогнули. Скоро стало очевидно, что онъ съ трудомъ преодолѣваетъ глубокое волненіе. Тогда Чарміанъ перестала смотрѣть на мужа и начала бесѣдовать съ

Эльстономъ. Но когда они услыхала шуршаніе бумаги, то снова взглянула туда. Клодъ дрожащей рукой вкладывалъ письмо обратно въ конвертъ. Затѣмъ онъ спряталъ его въ жилетный карманъ и остался сидѣть неподвижно, глядя на полъ. Чарміанъ продолжала болтать, но сама не знала, что говоритъ и, на конецъ, почувствовала, что не въ силахъ досиживать за этимъ разстроившимся ужиномъ. Она была подавлена.

— Выпейте еще шампанскаго, Эльстонъ! — сказала она.

— Ни капельки больше не могу. Не искушайте. Надо думать о своемъ голосѣ.

— Ну, тогда...

Она отодвинула свой стулъ, взглянула на Клода. Онъ пошевелился и поднялъ глаза.

— А курить вы себѣ разрѣшаете, Эльстонъ? — спросилъ онъ.

— Разрѣшай не разрѣшай, а курить все-таки будешь. Но вотъ что, друзья мои: я буду курить уже по дорогѣ домой. Сейчасъ я пойду, если вы не сочтете это нелюбезнымъ. Признаться, усталъ все-таки, и вы оба — тоже. Такія переживанія утомляютъ, если человѣкъ не сдѣланъ изъ желѣза, какъ Крэйфордъ или Мельворсъ. Да, порядкомъ придется вамъ отдыхать послѣ нашего американскаго сезона!

Онъ пошелъ за своимъ пальто, Клодъ всталъ, предложилъ ему сигару. Красивое лицо Эльстона было взволновано. Онъ протянулъ Чарміанъ руку.

— Ну что жъ, м-съ Чарміанъ. Мы сдѣлали свое дѣло. Теперь предоставимъ его критикѣ и публикѣ.

Онъ крѣпко, до боли, сжалъ ея руку.

— Покойной ночи! Я забѣгу завтра. Покойной ночи!

Онъ какъ будто не рѣшался уйти и все еще держалъ ея руку. Но наконецъ онъ снова повторилъ: „Спокойной ночи!“ и выпустилъ руку Чарміанъ. Она прошептала: „Спасибо, голубчикъ. Спокойной ночи!“

Клодъ вышелъ съ Эльстономъ въ маленькую переднюю и притворилъ за собой дверь. Чарміанъ слышала ихъ голоса, но не могла разобрать словъ. Разговоръ затянулся надолго, какъ ей показалось. Она прошлась по комнатѣ, увидѣла полузавядшія розы Эльстона на томъ же мѣстѣ, гдѣ она ихъ положила и рядомъ вазу съ водой. Она осторожно и медленно стала вставлять розы въ воду одну за другой. Продѣ-

лывала она это очень тщательно, тѣмъ не менѣе она почти не сознавала, что дѣлаетъ. Она стала опять прислушиваться: разговоръ продолжался. Но вотъ онъ, наконецъ, стихъ. Хлопнула дверь, и вошелъ Клодъ.

— Какъ много у васъ было о чемъ... — начала она, но запнулась. Ее смутило лицо Клода.

— Позвонить лакею, чтобы все убрали? — преговорила она нерѣшительно.

— Онъ приходилъ, когда мы стояли съ Эльстономъ. Я велѣлъ ему оставить все до завтра. Ты ничего не имѣешь противъ этого?

— Ничего.

Клодъ заперъ дверь. Выраженіе его глазъ, его лица было необыкновенно. Никогда еще Чарміанъ не видало его такимъ озареннымъ изнутри, но озареніе это было мрачное, и испугалась и за него и за себя.

— Мнѣ надо было кое-что сказать Эльстону, — проговорилъ Клодъ. — Я бы не могъ сегодня лечь, не сказавъ этого. Чувствую, что не могъ бы.

— Ты еще разъ сказалъ ему, какъ великолѣпенъ...

— Нѣтъ. Онъ знаетъ, какъ я цѣню его творчество. Это я сказалъ ему еще передъ ужиномъ. Нѣтъ, мнѣ надо было заявить другое... какъ я оцѣниваю свое собственное творчество.

— Твое собственное... то есть оперу?

— Да. Я хотѣлъ сказать ему, какъ я оцѣниваю свою бездушную, презрѣнную, жалкую и гнусную оперу.

— Клодъ! — пролепетала она.

— Развѣ ты не знаешь, что это такъ? Ты могла обманывать себя въ Алжирѣ, даже здѣсь на репетиціяхъ. Но осмѣлишься ли ты, Чарміанъ, — его глаза пронизывали ее насквозь, — утверждать, что сегодня, составляя часть публики спаянная таинственной силой со всѣми этими людьми, ты не ощущала этого сама.

— Какъ можешь ты говорить такія вещи? Какъ можешь поносить родное дѣтище? — закричала Чарміанъ, находя въ себѣ еще силу бороться. — Это недостойно, жестоко. Я не могу слышать такихъ вещей. Я не...

— Ты хочешь этимъ сказать, что сегодня, сидя въ театрѣ, ты не чувствовала всего того, о чемъ я говорилъ? Если ты скажешь мнѣ, что ты не чувствовала, я все равно не повѣрю. Нѣтъ, я тебѣ не повѣрю.

Чарміанъ молчала. Она вспомнила свое ощущеніе въ театрѣ, что происходитъ глухая борьба.

— Вотъ видишь! — сказалъ Клодъ. — Ты не смѣешь сказать, что не знала!

Онъ не сводилъ съ нея глазъ. Она раскрыла губы, хотѣла сказать, что она любитъ оперу, что она считаетъ ее геніальнымъ произведеніемъ, которое будетъ оцѣнено и признано, если не сейчасъ, то въ скоромъ времени. Слова у нея всѣ сложились, но она не въ состояніи была вымолвить ихъ. Все блѣднѣе становилась она подъ взглядомъ Клода.

— Слава Богу! — воскликнулъ онъ. — Въ тебѣ еще осталось немного искренности. А сегодня она нужна намъ съ тобой!

Онъ отошелъ, сѣлъ на диванъ вынулъ изъ своего жилетнаго кармана телеграмму madre и письмо, полученное за ужиномъ.

— Пойди сюда, Чарміанъ! — сказалъ онъ, болѣе спокойнымъ тономъ.

Она подошла и сѣла на диванъ рядомъ съ нимъ.

Клодъ подалъ ей письмо.

— Я хочу, чтобы ты прочитала его. Только не торопись, читай внимательно.

Чарміанъ взяла письмо и стала читать:

„Дорогой м-ръ Хіисъ,

Я уѣхалъ изъ оперы прямо въ редакцію писать рецензію о вашемъ произведеніи. Но передъ этимъ мнѣ хочется послать вамъ это письмо. Не знаю, что вы подумаете о немъ, обо мнѣ, но мнѣ это не все равно. Я очень хотѣлъ бы, чтобы вы не думали обо мнѣ дурно. Люди обыкновенно очень плохого мнѣнія о насъ, такъ называемыхъ, критикахъ. Говорятъ, что мы сводимъ личные счеты, что у насъ нѣтъ убѣжденій, что мы — озлобленные неудачники въ искусствѣ, и прочее. Безъ сомнѣнія, у насъ множество недостатковъ. Но есть среди насъ люди, которые стараются быть честными. Я хочу постараться быть честнымъ по отношенію къ вашей оперѣ и къ вамъ. Оттого и посылаю это письмо.

Ваша опера не будетъ имѣть успѣха. Я знаю Нью-Іоркъ, знаю Америку и ощущаю чувства публики. Ваша опера успѣха имѣть не будетъ. Но не это тревожитъ меня, а нѣчто гораздо больше: она и не заслуживаетъ успѣха. Вотъ въ чемъ бѣда!

Не знаю, сознаете ли вы, въ чемъ уязвимое мѣсто. Но

я не могу не думать, что вы сознаете. Съ моей стороны, можетъ быть самонадѣянно пытаться заглядывать въ душу художника, въ вашу душу. Но вы — человѣкъ, значащій для меня слишкомъ много. Если бъ не это, я бы не писалъ вамъ письма. И я смѣю думать, что вы знаете такъ же, какъ и я, какъ знала сегодняшняя публика, что ваша опера недостойна васъ, фальшива. Она такъ же характерна для васъ, какъ грязь не характерна для крупицы золота, находящейся въ камнѣ песка.

Можетъ быть вы скажете: „Я и самъ знаю. Но зачѣмъ вы берете на себя наглость говорить мнѣ объ этомъ“.

Такъ вотъ на это вамъ отвѣчу: оттого, что я видѣлъ блескъ золота. Въ тотъ вечеръ, когда я обѣдалъ у васъ — помните? То было настоящее золото, а не сусальныя побрякушки. Послѣ того вечера я обдумывалъ большую статью характеризующую ваше творчество. И я сдѣлаю это. Но сегодня я не могу. Сегодня я разстроенъ, и разладъ во мнѣ мучителенъ: я еще не переживалъ такого въ теченіе всего этого сезона! Я долженъ былъ сѣсть и написать это письмо. Мнѣ тяжело дѣлать это, но вотъ я написалъ и начинаю думать: а, можетъ быть, этимъ письмомъ я смою часть грязи покрывающей золото? Можетъ быть, я извлеку его ближе къ солнцу? Какъ бы то ни было, я не могу иначе. Я твердо помню тотъ вечеръ, когда вы играли въ отелѣ. Если есть на свѣтѣ музыка, достойная человѣка нашего времени, то это — ваша.

Вашъ искренній другъ и почитатель

Альфредъ Ванъ Бриненъ“.

Чарміанъ медленно прочла письмо, не пропуская ни слова. Голова ея опускалась все ниже и ниже. Окончивъ чтеніе, она долго сидѣла, не шевелясь и не поднимая глазъ. Но она не видѣла передъ собою письма. Оно исчезло изъ ея глазъ. И многое еще исчезло! Казалось, почти ничего не осталось.

. . . . . .

— Ты кончила письмо?

— Да.

— Можно взять его?

Чарміанъ знала, что Клодъ протянулъ руку. Она сдѣлала огромное усиліе и, не глядя на мужа, передала ему письмо Ванъ Бринена.

— Чарміанъ, — сказалъ онъ. — Я хочу сохранить это письмо. Знаешь, отчего? Оттого, что я люблю человѣка, который его написалъ. Оттого, что если когда-либо кѣмъ-нибудь или чѣмъ-нибудь я буду вызванъ на искушеніе проституировать свой талантъ, то я только взгляну на это письмо, сейчасъ же вспомню сегодняшній вечеръ и буду спасенъ отъ своего порока слабости.

Чарміанъ все еще не смотрѣла на Клода. Но она улавливала въ его голосѣ ноты растущаго возбужденія. Онъ всталъ съ дивана.

— Нѣтъ, все-таки я думаю, даже и безъ письма сегодняшній вечеръ, исцѣлилъ бы меня. Какой урокъ! Какой урокъ для насъ обоихъ! Знаешь ли ты, что послѣ вызова въ концѣ третьяго дѣйствія Жилльe чуть не побилъ меня?

— Клодъ!..

Теперь Чарміанъ подняла голову и взглянула на мужа. Онъ стоялъ около рояля. Одной рукой онъ опирался о рояль такъ крѣпко, что суставы побѣлѣли подъ туго натянутой кожей.

— Онъ и миссъ Мардонъ, какъ и всѣ, поняли мой провалъ, который погубилъ и либретто. Ты помнишь, какъ залъ аплодировалъ Жилльe, когда я отошелъ? Вѣдь это говорило яснѣе словъ. Не надо было комментаріевъ. Но Жилльe не страдаетъ деликатностью, и онъ сталъ комментировать все это въ присутствіи артистовъ, Крэйфорда и даже плотниковъ и монтеровъ. Онъ говорилъ правду, но не весело было слушать ее въ такой обстановкѣ.

Клодъ отошелъ отъ рояля.

— Да, я получилъ урокъ! Миссъ Мардонъ ничего тебѣ не сказала?

— Нѣтъ.

— А Крэйфордъ?

— Онъ былъ все время окруженъ. Онъ говорилъ: „Сошло великолѣпно. Мы всѣ вышли изъ испытанія съ честью. Плевать я хочу на то, что скажутъ завтра рецензенты“.

— И ты отлично знала, что онъ говоритъ ложь!

Чарміанъ молчала.

— Ты знала правду, а эта правда такова: да, всѣ вышли съ честью, кромѣ меня. И всѣ, благодаря мнѣ, потерпятъ крушеніе. Они всѣ строили на гнилomъ фундаментѣ. Они строили на мнѣ. И ты... ты тоже строила на мнѣ. Но никто изъ васъ не строилъ на моей настоящей личности. Никто

изъ васъ, и ты больше всѣхъ, не разрѣшалъ мнѣ быть самимъ собою...

— Клодъ...

— Да, да, ты больше всѣхъ! Развѣ это невѣрно? Развѣ ты не знала этого съ того самаго момента, какъ рѣшила руководить моей артистической карьерой, вывести бѣднягу, у котораго есть кое-какой талантъ, но который не умѣетъ использовать его, на широкій путь славы? Ты рѣшила это сразу, а для этого надо было передѣлать человѣка, который жилъ отшельникомъ въ странномъ старомодномъ домѣ и сочинялъ „Te Deum'ы", композиціи на библейскіе тексты и прочую ерунду; человѣка, котораго никто не зналъ. Ты считала меня чудакомъ...

— Нѣтъ, нѣтъ! — запинаясь протестовала она, склоняясь подъ бурей возмущенія, вырвавшагося у этого всегда сдержаннаго человѣка.

— ...Да, чудакомъ ты считала меня, когда я былъ просто самимъ собой и дѣлалъ то, что я могъ, что я долженъ былъ дѣлать, черпая вдохновеніе не изъ современной моды, а изъ мыслей и образовъ, запавшихъ мнѣ въ душу. Я не заботился о томъ, западаютъ ли они въ душу другихъ людей, Что мнѣ до этого? Другіе люди меня не касались. Я не думалъ о нихъ. Я былъ самимъ собой и больше ничѣмъ. И съ сегодняшняго вечера я опять хочу быть самимъ собой. Это единственный путь для художника.

И глядя на жену въ упоръ, онъ прибавилъ:

— И единственный выходъ для человѣка.

Онъ прошелъ по комнатѣ, снова подошелъ къ роялю и и опять крѣпко ухватился за него.

— Чарміанъ, — проговорилъ онъ. — Ты сдѣлала все, что считала нужнымъ. Ты вытянула меня на свѣтъ Божій; ты играла на внѣшнемъ честолюбіи, которое, я думаю, есть въ каждомъ; ты отвлекла меня отъ нѣсколькихъ начатыхъ мною работъ, изъ которыхъ могло выйти что-либо: скрипичнаго концерта, „Божьяго пса". Съ другой стороны, ты разыскала мнѣ сюжетъ для романса и Эльстона для исполненія его. Затѣмъ ты нашла мнѣ либретто Жиллье и раскрыла передо мною двери Крэйфордовской оперы. Ты отдалась всецѣло моимъ дѣламъ и интересамъ, я знаю. Ты отказалась отъ жизни въ Лондонѣ, отъ друзей, привычнаго круга, удовольствій и посвятила себя моей оперѣ. Ты сдѣлала все, что могла сдѣлать женщина твоихъ взглядовъ и вкусовъ. Ты передѣлала меня. Да,

я былъ настолько слабъ и жалокъ, что допустилъ это. Съ сегодняшняго вечера мнѣ надо на развалинахъ строить заново. Ты, можетъ быть, скажешь, что это невозможно. Нѣтъ! Я хочу сдѣлать это и я сдѣлаю. Но я долженъ строить свободно.

Глаза Клода сіяли, когда онъ произносилъ послѣднія слова. Это были глаза не разбитаго, а освобожденнаго человѣка.

Чарміанъ почувствовала, точно холодной рукой ее схватили за сердце.

— Свободно? — еле выговорила она.

Ей представлялось, что крушеніе всѣхъ ея надеждъ на успѣхъ окончательно сломило ее. Но услышавъ эти слова Клода, она поняла, что это не такъ: ибо передъ нею у самыхъ ея ногъ открылась глубокая пропасть. И она поняла, что до этой минуты, даже и въ сознаніи крушенія, она все же стояла на твердой почвѣ.

— Свободно! — повторила она. — Что ты хочешь этимъ сказать?

Клодъ молчалъ. Смутное удивленіе догадки измѣнило выраженіе его лица.

— Что ты хочешь этимъ сказать? — еще разъ повторила она готовымъ сорваться голосомъ.

— Что я долженъ вернуть себѣ безусловную артистическую свободу, которой я былъ лишенъ съ тѣхъ поръ какъ мы женаты.

Чарміанъ медленно поднялась съ дивана.

— И это... это все, что ты подразумѣваешь?

— Все! Развѣ этого мало?

— Все ли ты договорилъ? Я хочу знать... я должна знать?

Клода поразило лицо Чарміанъ въ этотъ моментъ. Никогда еще онъ не видѣлъ его такимъ. Казалось все истинно-женское поднялось въ ней. Лицо ея было перекошено, почти безобразно. Черты обострились, но въ глазахъ было выраженіе тревоги, голодной мольбы и еще чего-то, что схватило его сердце. Онъ снялъ руку съ рояля и приблизился къ ней.

— Это все, что ты понимаешь подъ свободой?

— Да.

Она вздохнула.

— Ты думала... значитъ, ты все-таки любишь меня?— пробормоталъ онъ, чувствуя, какъ вся его сила оставляетъ его. Онъ обнялъ жену и спросилъ:

— Ты любишь неудачника? Человѣка, который провалился?

— Да, да!

Она обвила его шею руками и, повторяла: „Да! Да!“, шепча это у самыхъ его губъ, пока его губы не задушили слова на ея губахъ.

Наконецъ, она оторвалась, и близко глядя въ его глаза она сказала;

— Всегда я любила человѣка. Кажется, я сама не понимала этого, но главное былъ именно человѣкъ, а не успѣхъ.

XXXVIII.

— И вы серьезно думаете совсѣмъ развязаться съ Кенсингтономъ студіей и взять Gjenan-el-Maqui на пять лѣтъ? — сказала м-съ Мэнсфильдъ, обращаясь къ Чарміанъ однажды весеннимъ вечеромъ, сидя въ маленькомъ кабинетикѣ.

— Да, моя единственная мать, если — существуетъ всегда какое-нибудь „если“ въ нашей несовершенной жизни.

— Если что? — спросила мать.

— Если ты не побоишься Ліонскаго пролива и будешь пріѣзжать къ намъ на зиму. А лѣто мы обыкновенно будемъ наѣзжать сюда.

М-съ Мэнсфильдъ съ минуту молча гладѣла на огонь. Каролина лежала передъ каминомъ, кроткая и довольная, ничуть не измѣнившись послѣ путешествія въ Америку.

— Ліонскій проливъ не удержитъ меня, — проговорила м-съ Мэнсфильдъ. — Я думаю пріѣхать къ вамъ. А Клодъ хочетъ опять въ Америку?

— Клодъ самъ и рѣшилъ все это.

Въ голосѣ Чарміанъ звучало что-то новое. М-съ Мэнсфильдъ пристально взглянула на дочь.

— Видишь ли, madre, мы оба... мы, кажется, заслужили свое. Мы перенесли провалъ съ достоинствомъ. Мы пошли на премьеру Сеннье и помогли, какъ можетъ помочь всякій изъ публики, его тріумфу. Я даже пошла съ Клодомъ въ ложу m-me Сеннье, тамъ была Аделаида и Жилльe, и поздравили ее, madre! Мы мужественно слушали эту музыку.

Ея голосъ слегка дрожалъ. М-съ Мэнсфильдъ взяла дочь за руки и гладила ихъ.

— Да, мы слушали музыку. Клодъ сильный человѣкъ. Я не имѣла понятія раньше, что это за человѣкъ. Безъ этого

чудовищнаго провала я бы такъ никогда его и не узнала. Какъ онъ помогалъ мнѣ! Даже Крэйфордъ восхищался имъ. Когда мы уѣзжали онъ сказалъ мнѣ: „Вотъ что я вамъ скажу, милая барынька: вашъ мужъ провалился съ такимъ трескомъ, какъ рѣдко бываетъ, но онъ — настоящій человѣкъ и мужчина!“ А я отвѣтила... я сказала...

— Что ты сказала, дѣтка моя?

— Я сказала, что это все, что нужно женщинѣ!

— Все ли?

Проницательные темные глаза м-съ Мэнсфильдъ пытливо глядѣли на дочь.

— Все ли это, что тебѣ нужно? Развѣ ты не боишься теперь неизвѣстности? Тебя не точитъ больше безпокойная жажда славы?

— Я бы хотѣла для Клода успѣха. Да, madre. Думаю, что этого желаетъ каждая женщина для своего мужа. Но я никогда больше не стану вмѣшиваться... никогда! Жизнь дала мнѣ урокъ. Я всегда буду желать успѣха Клоду, но не въ своемъ духѣ, а въ его духѣ. И я вѣрю, что онъ дождется его... Знаешь, мы были оба крайними. Я была, пожалуй, вульгарна въ своемъ стремленіи къ блеску и желаніи попасть въ среду избранныхъ, а Клодъ... не былъ ли онъ до болѣзненности пугливъ, не отстранялся ли онъ отъ жизни? Я думаю: да и знаю, что онъ и самъ теперь сознаетъ это. Клодъ измѣнился, madre. Все, что онъ пережилъ въ Америкѣ, измѣнило его. Онъ вернулся болѣе крупнымъ человѣкомъ, чѣмъ былъ, когда мы уѣхали изъ Англіи. Ты должна замѣтить это.

— Я замѣчаю.

— Теперь онъ будетъ работать только надъ тѣмъ, къ чему его влечетъ. Но, я думаю, онъ захочетъ теперь, чтобы люди слышали его сочиненія. Вчера онъ сказалъ, мнѣ. „Теперь, когда всѣ они знаютъ меня поддѣльнаго, у меня является желаніе показать имъ себя — настоящаго!“

— Да, того человѣка, у котораго было Распятіе передъ роялемъ, — тихо промолвила м-съ Мэнсфильдъ, — человѣка, который слышалъ гласъ изъ храма, говорившій семи ангеламъ...

Она смолкла.

— Онъ игралъ тебѣ это? — спросила она у Чарміанъ.

— Да, однажды въ Америкѣ, послѣ обѣда; у насъ былъ тогда одинъ пріятель, Ванъ Бриненъ. Но тогда Клодъ игралъ для Ванъ Бринена.

— А послѣ того?

— Послѣ? Да, madre, теперь онъ игралъ это для меня одной.

Чарміанъ подошла къ камину. Ея тонкая фигура свѣтло и четко рисовалась на фонѣ пламени, но лицо оставалось въ тѣни.

— Madretta, — начала она и замолкла.

— Что?

— Когда-то давно мы съ Сусанной Флитъ толковали о теософіи. И Сусанна сказала одну вещь, которую я не могу забыть. Она сказала: „Дологъ нашъ путь черезъ мостъ“. Я тогда не поняла. И она объяснила мнѣ, что понимаетъ подъ этимъ мостъ, который ведетъ отъ преходящаго личнаго къ вѣчному—безсмертному. Madre, я всегда буду очень субъективна, даже эгоцентрична. Такая ужъ натура! Но... но мнѣ кажется, что въ Америкѣ въ ту ночь, послѣ премьеры я прошла много-много шаговъ по этому пути. Вѣроятно, это такъ, потому, что въ эту ночь я узнала настоящее счастье.

Глаза ея таинственно сіяли отблескомъ огня. Она прибавила тихо:

— Я была счастлива въ паденіи!

— Нѣтъ, въ преодолѣніи, — поправила ее м-съ Мэнсфильдъ.

Пер. съ англ. **М. Славинская.**

Конецъ.

СТРУНА ЗВЕНИТЪ ВЪ ТУМАНѢ.

Въ бору сосновомъ, въ домѣ былóмъ,
Моя красавица видна.
Являюсь любяще-несмѣлымъ.
Плыветъ туманъ. Звенитъ струна.
И тѣнью сходитъ по ступенямъ
Печально-тихаго крыльца
И, тихо внемля тихимъ пенямъ,
Не открываетъ мнѣ лица.
И цѣлый день въ бору зеленомъ
Съ ней въ томный сумеречный день
Я внемлю сонно хвойнымъ звонамъ,
Благословляю сосенъ сѣнь.
Пью чашу хмельную обмановъ,
И каждый звонкій поцѣлуй
Окутанъ мглой лѣсныхъ тумановъ
И зачарованъ звономъ струй.
Съ громовымъ грохотомъ и стукомъ.
Влетаетъ поѣздъ въ сонный боръ.
Я уѣзжаю — къ новымъ мукамъ
Прибавить вновь одинъ укоръ.
Теряюсь въ лабиринтахъ зданій,
Дѣлю людей тревожный шумъ
И искупаю ложь лобзаній
Неотразимымъ ядомъ думъ.

В. Фишеръ.

* * *

За гранью веселья и звона
Полночныя тайны цвѣли;
Мы въ темную зелень балкона
Изъ комнаты яркой вошли.

Мы съ новымъ восторгомъ дышали —
Оставили все позади...
Горячія губы лобзали...
Цвѣтокъ трепеталъ на груди.

И въ тихую полночь забвенья
Я былъ зачарованъ тобой.
Зачѣмъ, о, зачѣмъ въ то мгновенье
Не грянуло небо грозой...

К. Оленинъ.

ИЗЪ А. МЮССЕ

(„TRISTESSE“).

Я потерялъ и жизнь, и силы,
Друзей и радостный покой,
И вѣры прежней нѣтъ со мной
Въ мой гордый геній, нынѣ хилый.

Суровой Истины земной
Теперь мнѣ близокъ голосъ милый.
Но въ сердцѣ — вѣянье могилы
Для правды, выстраданной мной.

Той правды вѣчно озаренье.
Кто съ ней не вѣдалъ примиренья,
Напрасно жизни бремя несъ.

Въ ней голосъ Бога ждетъ отвѣта...
Одинъ лишь лучъ живого свѣта
Остался мнѣ: отрада слезъ.

С. Панафидинъ.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ И ПРОЛИВЫ.

(Окончаніе).

III [1]).

Между этой статьей и предыдущей прошла цѣлая вѣчность. Въ промежуткѣ совершился государственный переворотъ, низложившій Николая II. Авторъ настоящихъ статей сдѣлался министромъ иностранныхъ дѣлъ въ первомъ составѣ Временнаго Правительства, взявшаго въ свои руки власть во время переворота. Вопросъ о Константинополѣ и проливахъ сдѣлался яблокомъ раздора между мной и теченіями, присвоившими себѣ право говорить отъ имени русской демократіи. Мои худшія опасенія оправдались. Неподготовленность нашихъ массъ — и даже значительной части нашего образованнаго общества — къ правильному пониманію нашихъ національныхъ задачъ дала легкую побѣду утопическому теченію, подкрѣпленному тѣми самыми эмигрантами, которые раньше тщетно пытались дать этому теченію преобладаніе среди интернаціональнаго соціализма. Теченіе это, ставшее подъ знамя Циммервальда и Кинталя, видѣло единственную возможность прочнаго мира въ побѣдѣ «пролетаріата» надъ «буржуазными» правительствами. Въ ожиданіи этой побѣды отъ правительствъ требовали отреченія отъ «имперіализма», отъ «аннексій и контрибуцій». Желаніе пріобрѣсти проливы считалось при этомъ особенно яркимъ показателемъ «захватныхъ» стремленій «буржуазій». Въ Россіи кучка «циммервальдцевъ» оказалась господами положенія. Поставленный въ невозможность бороться противъ этого теченія, уступка которому со стороны многихъ могла быть недоразумѣніемъ, основаннымъ на непониманіи и незнакомствѣ съ ходомъ идейной борьбы среди западныхъ соціалистовъ, но съ моей стороны была бы сознательной измѣной интересамъ родины, я сложилъ съ себя отвѣтственность за дальнѣйшее веденіе нашей внѣшней политики. Но тѣмъ болѣе необходимо для меня довершить свой долгъ по отношенію къ общественному мнѣнію и попытаться убѣдить, по крайней мѣрѣ, тѣхъ, кто хочетъ слушать, что русская революція не вправѣ отступиться отъ дѣла, поставленнаго на вѣрный путь не одной только «дипломатіей царизма».

---

[1]) См. февраль, стр. 227.

но и нашими союзниками, въ правильномъ пониманіи нашихъ общихъ интересовъ.

Въ первыхъ двухъ статьяхъ я старался доказать, что для пріобрѣтенія проливовъ именно въ настоящее время представляется случай наиболѣе благопріятный за всю исторію восточнаго вопроса. Случай этотъ благопріятенъ и по тому исключительному сочетанію интересовъ нашихъ союзниковъ съ нашими, которое вызвано новѣйшими германскими претензіями на пріобрѣтеніе пути къ Багдаду, какъ перваго шага къ міровому владычеству. Онъ благопріятенъ и по тому крайнему предѣлу разложенія и слабости, котораго именно въ данное время достигла Оттоманская имперія, наглядно показавшая всей Европѣ, послѣ неудачной революціи 1908 года, свою неспособность стать государствомъ въ современномъ смыслѣ. Я старался показать, что, если этотъ благопріятный случай будетъ теперь пропущенъ, то онъ, всего вѣроятнѣе, болѣе не повторится, и вѣковая наша задача останется невыполненной по винѣ нашего поколѣнія.

Разумѣется, при этомъ предполагалось, что пріобрѣтеніе проливовъ вообще *нужно* для Россіи, что оно даже составляетъ жизненный интересъ Россіи. Если проливы не нужны, то нѣтъ надобности ни говорить о благопріятныхъ случаяхъ, ни искать ихъ, ни тратить силы для ихъ использованія. И вотъ, это разъясненіе, почему именно проливы нужны Россіи, я отлагалъ до конца, считая болѣе нужнымъ доказать сперва, что пріобрѣтеніе это *возможно* сравнительно легко. Новѣйшій поворотъ общественнаго мнѣнія дѣлаетъ изъ безспорнаго предметъ спора. Русскому населенію стараются втолковать, что проливы вовсе не нужны народу, что они нужны лишь «имперіалистамъ» и «буржуазіи».

Не буду спорить противъ тѣхъ общихъ точекъ зрѣнія, которыя лежатъ въ основѣ этихъ разсужденій. Не буду доказывать, что «буржуазія» есть неотъемлемая часть націи, а слово «имперіалистъ» можетъ имѣть разное значеніе, и хорошее, и дурное, смотря по тому, къ какимъ національнымъ стремленіямъ оно прилагается. Англійскій имперіализмъ — совсѣмъ не то, что имперіализмъ германскій. И тѣ самые соціалъ-демократы, которые оправдываютъ дурной имперіализмъ германскій, очень сурово осуждаютъ несуществующій имперіализмъ русскій. Но, обходя все это, какъ не относящееся прямо къ предмету спора и подлежащее опроверженію совсѣмъ въ иномъ порядкѣ, — въ порядкѣ спора противъ самыхъ основъ того міровоззрѣнія, которое диктуетъ эти выводы, — я перейду прямо къ разбору вопроса, зачѣмъ, собственно, намъ нужны проливы и Константинополь.

Предварительно замѣчу, что противники этой «аннексіи» очень облегчаютъ себѣ споръ, выдвигая впередъ не проливы, а именно Константинополь. Вопросъ о проливахъ сложнѣе и труднѣе. По отношенію къ нему не всегда рѣшаются противопоставить голосъ отрицанія, а инстинк-

тивно ищутъ среднихъ рѣшеній. Со словъ иностранцевъ такимъ рѣшеніемъ представляется «нейтрализація»: слово, достаточно иностранное и достаточно непонятное, чтобы имъ зажать ротъ неопытному противнику. Другое дѣло — Константинополь. Обладаніе Константинополемъ есть старая мечта нашихъ націоналистовъ-славянофиловъ: тутъ и панславизмъ, тутъ и крестъ на св. Софіи, и русское православное мессіанство. Для обличенія въ «имперіализмѣ» что можетъ быть лучше и убѣдительнѣе, чѣмъ простое напоминаніе о «щитѣ на вратахъ Царьграда»?

На моемъ вѣку мнѣ слишкомъ много приходилось бороться противъ русскаго націонализма и противъ его специфической формы — славянофильства, — чтобы быть заподозрѣннымъ въ какой бы то ни было причастности и приверженности къ націоналистическимъ утопіямъ. Но вновь возникшія теперь обвиненія показываютъ, что отмежевать національные интересы отъ націоналистическихъ утопій, когда дѣло идетъ о проливахъ, вещь вовсе не лишняя. Итакъ, посмотримъ, въ чемъ же состояли эти утопіи и какое значеніе онѣ могутъ имѣть въ свѣтѣ современнаго политическаго опыта.

Константинополь-Царьградъ, дѣйствительно, рисовался нашимъ первымъ славянофиламъ, какъ исходная точка славянской федераціи съ Россіей во главѣ и какъ средоточіе православія. Но уже эпигоны славянофильства, которые глубже продумали эту мысль, поняли, что она противорѣчитъ дѣйствительности, и что, мало того, въ ней кроются такія опасности, съ которыми шутить не слѣдуетъ. Вотъ почему оба наиболѣе яркіе представители этого поколѣнія эпигоновъ, Н. Я. Данилевскій и Константинъ Леонтьевъ, находятъ рядъ причинъ, по которымъ теперь Россіи еще рано владѣть Константинополемъ.

Прежде всего, эти сторонники славянской федераціи считаютъ, что условія, необходимыя для созданія такой федераціи, еще не сложились. К. Леонтьевъ, скептикъ и циникъ славянофильства, откровенно прибавляетъ: «да, пожалуй, они никогда и не сложатся». Ѳ. М. Достоевскій въ другихъ выраженіяхъ, въ сущности, повторяетъ ту же мысль: «Россія должна быть одна, а не первая между равными; иначе всѣ перессорятся, и перессорятъ ихъ греки».

Дѣйствительно, вся исторія освобожденныхъ балканскихъ народностей ведетъ эти народности, и въ частности славянство, если, быть можетъ, и къ федераціи, то, во всякомъ случаѣ, не къ федераціи подъ гегемоніей Россіи. Славянское чувство вездѣ безъ исключенія прикрывало собою мѣстный, вполнѣ законный, конечно, національный эгоизмъ. Къ удовлетворенію этихъ ближайшихъ, общихъ и особенныхъ *своихъ* интересовъ, въ рамкахъ окружающей непосредственно дѣйствительности, и направлены были всѣ усилія освобожденныхъ народовъ. Яснѣе и раньше другихъ замѣтилъ это тотъ же своеобразный реалистъ-мистикъ, К. Ле-

онтьевъ. Балканскіе народы, по его справедливымъ наблюденіямъ, увлеклись, вмѣсто старыхъ славянофильскихъ идеаловъ, «либерально-эгалитарнымъ» прогрессомъ Запада, — и измѣнили Востоку. Болгарія ввела у себя всѣ формы парламентарной монархіи, а Сербія и всю ея сущность. Политическая свобода стала азбукой балканскаго общенія, а чувство національной независимости — сильнѣйшимъ народнымъ инстинктомъ. И поднимать теперь, въ двадцатомъ вѣкѣ, вопросъ о Константинополѣ, какъ о центрѣ славянской федераціи съ Россіей во главѣ, опасно не только для нашихъ добрыхъ отношеній въ Европѣ, которая все еще боится пугала «панславизма». Это опасно и для добрыхъ отношеній къ балканскимъ народностямъ, которыя неизмѣнно, одна за другой, проникались глубокимъ недовѣріемъ къ Россіи, какъ только ея покровительство превращалось въ опеку надъ освобожденными.

Вотъ почему уже Данилевскій готовъ былъ оставить въ Константинополѣ «тѣнь Турціи, ибо замѣнить ее живымъ, и не только живымъ, но и здоровымъ организмомъ, *пока* невозможно». Я прибавилъ бы, что по самому существу дѣла, «организмъ» славянской федераціи съ Россіей во главѣ не можетъ быть организмомъ «здоровымъ». Слишкомъ велико было бы въ такой федераціи неравенство силы и слишкомъ разнообразны интересы ея членовъ, чтобы создать прочное цѣлое, способное держаться органически вмѣстѣ, добровольно, безъ принужденія, какъ держатся маленькіе швейцарскіе кантоны.

Что касается Константинополя, какъ центра православія, то не говоря о существѣ вопроса, мы немедленно наталкиваемся тутъ на вопросъ, какъ быть съ вселенскимъ греческимъ патріархомъ, — какъ совмѣстить его дальнѣйшее пребываніе въ Константинополѣ съ властью святѣйшаго Синода. О трудностяхъ этого вопроса говорилось не мало въ печати въ прежнее время. Но трудности эти возникаютъ лишь съ высоты всемірно-историческихъ перспективъ, какъ онѣ представлялись старымъ поколѣніямъ. Дѣйствительно, «Москва — третій Римъ», по теоріи XVI вѣка, почувствуетъ себя тѣсновато, вернувшись во «второй Римъ», великодушно давшій ей нѣкогда ея церковную самостоятельность. Константинополь «временъ Григоріевъ и Златоустовъ, временъ вселенскихъ соборовъ», Константинополь — «главный охранитель православной церкви» (Данилевскій), — можетъ ли такой Константинополь вернуться къ жизни теперь?

Увы, патріархъ, по султанскимъ декретамъ, есть, уже съ XV вѣка, не только неограниченный глава вселенской церкви. Онъ также и «верховный глава греческой націи» въ политическомъ смыслѣ этой megali idea. Константинопольскіе патріархи осудили «національную» церковь («филетизмъ»), какъ ересь, и осудили болгаръ на этомъ основаніи. Но сама греческая церковь есть умно-національная воспитательница великогре-

ческаго идеала, греческой «великой идеи». Это, по выраженію проф. Лебедева *), «государство въ государствѣ», и патріархъ — наслѣдникъ власти византійскихъ императоровъ. Другіе патріархи, александрійскій, іерусалимскій, не могутъ пріѣзжать въ Константинополь безъ разрѣшенія константинопольскаго патріарха. Уже въ XVIII вѣкѣ константинопольскіе патріархи уничтожили независимые отъ нихъ славянскіе архіепископіи, Охридскую (болгарскую) и Ипекскую (сербскую), замѣнивъ славянскую литургію греческой. Ихъ прямая цѣль была — эллинизировать славянство и осуществить національныя эллинскія задачи. Эту цѣль они сохранили и до сихъ поръ. И еще Венизелосъ, въ своей благоразумной сдержанности, когда дѣло шло о претензіяхъ Греціи на Ѳракію и Константинополь, не имѣлъ злѣйшихъ враговъ, чѣмъ владыки и служители Фанара.

Какъ же почувствуетъ себя Фанаръ при русскомъ господствѣ въ Константинополѣ? Какъ отнесется греческій патріархъ, который не хотѣлъ терпѣть возлѣ себя болгарскаго экзарха, къ представителямъ русской церкви — и какъ послѣдніе отнесутся къ нему? Сдѣлать этого патріарха предсѣдателемъ церквей еще труднѣе, чѣмъ создать славянскую федерацію. Едва ли возможенъ и другой исходъ — удалить его изъ Константинополя, какъ удалился экзархъ болгарскій Іосифъ послѣ крушенія своего національно-политическаго идеала. Очевидно, неизбѣжно среднее рѣшеніе: оставить патріарха на мѣстѣ, рядомъ съ представителями русской національной церкви, развѣнчавъ лишь всемірно-историческія претензіи обоихъ. Національная организація церкви въ католицизмѣ есть вопросъ догмата. Въ восточной церкви это вопросъ удобства управленія. Въ результатѣ, ни одна православная національная церковь не можетъ претендовать на вселенское значеніе. И константинопольскую церковь придется признать открыто-національной, какой она и является фактически, какой является и русская церковь.

Тогда сама собою исчезнетъ и мысль о Константинополѣ, какъ о средоточіи православія, — даже совершенно независимо отъ несовременности такой мысли. И церковь св. Софіи, даже если она не будетъ отдана патріарху, потеряетъ то центральное значеніе, которое, какъ символъ, она имѣла въ благочестивой легендѣ о «Царьградѣ» древнихъ пророчествъ.

Третья цѣль, смущавшая нашихъ славянофиловъ при мысли объ отсрочкѣ завладѣнія Константинополемъ, не менѣе чужда нашему времени, чѣмъ ихъ надежды на Константинополь — центръ славянской федераціи и православія. Константинополь, говорили они, нельзя сдѣлать вольнымъ городомъ, хотя бы временно, — ибо тогда онъ превратится въ

---

*) Исторія греко-восточной церкви подъ властью турокъ, пр. И. П. Лебедева. Сергіевъ посадъ, 1896 г.

Космополисъ. «Константинополь, — вольный городъ, по словамъ Данилевскаго, будетъ городомъ въ полномъ смыслѣ космополитическимъ, по той простой причинѣ, что, съ упраздненіемъ турецкой власти, исчезнетъ и тотъ восточный турецкій колоритъ, который облекаетъ теперь этотъ городъ какимъ-то призракомъ національности, а иной національной основы, которая бы могла положить на него свою печать, въ немъ нѣтъ и неоткуда взяться». Дѣйствительно, наблюденіе мѣткое. Печать завоевателей есть единственная «національная» печать, которая еще держится на Константинополѣ. Но Данилевскій правъ и въ томъ, что теперь, — еще болѣе, чѣмъ въ 1877 году, это только «призракъ». Фактически опасенія Данилевскаго давно сбылись. Константинополь *уже* превратился въ Космополисъ. И, конечно, отпечатка русскаго города Константинополь не получилъ. Однако, и восточный свой колоритъ онъ сохранитъ надолго, и туристы не будутъ имѣть никакихъ основаній для сожалѣнія. И теперь уже великолѣпная декорація Стамбула сохраняется, въ значительной степени, для туристовъ. Константинополь разобранъ иностранцами, а въ послѣднее время, передъ войной, даже распродавался въ розницу. Всѣ нити, всѣ жизненные нервы его интернаціонализованы. Фотографія Пьера Лоти, автора «Умирающей Турціи», въ позѣ и въ костюмѣ молящагося, которую я видѣлъ въ 1913 году, какъ нельзя лучше подходитъ къ этому предсмертному моменту.

Припомнимъ при этомъ, что Константинополь и независимо отъ иностраннаго квартала Перы, есть городъ со смѣшаннымъ населеніемъ, городъ грековъ, армянъ, столько же, какъ городъ оттоманскихъ турокъ. Изъ 1.200.000 жителей считается (правда, цифры эти не очень достовѣрныя) около 500.000 турокъ, около 200.000 грековъ и столько же армянъ, до 170.000 иностранцевъ — на треть грековъ, по 60.000 евреевъ и болгаръ. Такимъ образомъ, мысль о неизбѣжной ликвидаціи Константинополя, какъ центра Оттоманской имперіи, съ окончательнымъ изгнаніемъ турокъ изъ Европы, теряетъ большую часть своей остроты вслѣдствіе многоплеменности населенія.

Вопросъ, собственно, сводится къ тому, какъ обезпечить иностранныхъ концессіонеровъ. «Въ Константинополѣ политика — это дѣла», говоритъ Рене Пинонъ *). «Всѣ великія политическія и религіозныя задачи принимаютъ здѣсь видъ финансовыхъ и коммерческихъ интересовъ, sub specie rei uniae». Съ этой точки зрѣнія, слабая власть въ Константинополѣ, конечно, выгоднѣе сильной для концессіонеровъ и финансистовъ. И съ этой стороны надо ждать наиболѣе сильнаго сопротивленія русской оккупаціи. Соціалисты, которые противъ нея возражаютъ, дѣлаютъ этимъ большое удовольствіе европейскимъ капиталистамъ Стамбула. Во всякомъ

1) René Pinon. L'Europe et l'Empire Ottoman, Paris 1908, стр. 311.

случаѣ, интересы иностранцевъ въ Константинополѣ нужно будетъ разсмотрѣть, принять во вниманіе и удовлетворить sub specie pecuniae. Быть можетъ, для этого понадобится устройство, въ той или другой формѣ, совмѣстной администраціи. Какъ бы то ни было, удовлетвореніе дѣлового міра въ Константинополѣ есть вопросъ частный, который не можетъ заслонить собой общей проблемы, подлежащей нашему разрѣшенію. А вопросы «національные», когда дѣло идетъ о Космополисѣ и о городѣ завоевателей, какъ уже сказано, не существуютъ. Занимая Константинополь, мы не нарушаемъ ни одного *національнаго* интереса.

Мы подходимъ здѣсь къ другому вопросу — о Константинополѣ, какъ о центрѣ міровой торговли, какъ о перекресткѣ міровыхъ путей. Выраженія Наполеона I по этому поводу (см. 2-ю статью) давно стали преувеличеніемъ, поддерживать которое намъ нѣтъ никакого основанія. Самая уступчивость англичанъ и французовъ въ вопросѣ о проливахъ объясняется тѣмъ, что, въ дѣйствительности, Константинополь въ значительной степени пересталъ быть средоточіемъ міровой торговаго соперничества. Оно ушло на югъ, къ новой міровой дорогѣ: къ Суэцкому каналу. Тамъ, въ Суэцѣ, это соперничество было налицо — и оно окончилось въ пользу Англіи. На Суэцъ направлено и главное вниманіе Германіи. Въ ожиданіи, пока германцы свяжутъ Берлинъ съ Багдадомъ и создадутъ новый перекрестный міровой путь, Константинополь уже теперь превращается постепенно въ провинціальный центръ. Онъ не только не владѣетъ болѣе міровой торговлей, но даже и провинціальная торговля отклонилась на болѣе южное направленіе. Значительная часть товаровъ идетъ теперь на Багдадскую магистраль не черезъ Константинополь, а черезъ Смирну, на Афіумъ-Карагиссаръ, какъ мнѣ пришлось лично убѣдиться во время поѣздокъ по этимъ мѣстамъ. Надо прибавить, что и у Смирны есть конкурентъ: Мерсина или Александретта, гдѣ Багдадскій путь еще разъ перевязывается вѣтками къ морю, болѣе короткими и скорѣе приближающими къ конечной цѣли.

Естественно, что именно на этихъ мѣстахъ и завязалась новая борьба за обладаніе міровыми торговыми путями. Англо-французскіе подъѣздные пути съ моря боролись съ германской поперечной магистралью черезъ высокое плато Малой Азіи *). Германскія судоходныя компаніи завладѣвали торговлей въ портахъ Средиземнаго моря. Въ концѣ концовъ, съ проведеніемъ Багдадской магистрали до Персидскаго залива, германцамъ удалось бы возстановить частично значеніе Константинополя. Проѣздъ изъ Лондона въ Бомбей сократился бы тогда до 10—11 дней, вмѣсто 16 дней менѣе пріятнаго пути Суэцкимъ каналомъ. 250—300 тысячъ пассажи-

*) См. Victor Bérard, Le sultan, l'islam et les puissances, глава: „Vers Bagdad et le golfe persique". 1907.

ровъ, быть можетъ, предпочли бы тогда путь черезъ Константинополь. Но и тогда громоздкіе товары предпочтутъ болѣе дешевый путь Суэцкимъ каналомъ или будутъ сокращать его, направляясь черезъ гавани Средиземнаго моря, — конечно, въ томъ только случаѣ, если пути эти не будутъ закрыты желѣзнодорожными тарифами[1]). Именно желаніе предупредить это послѣднее препятствіе въ будущемъ лежитъ въ основѣ всѣхъ англо-французскихъ стремленій утвердить свое вліяніе на торговыхъ путяхъ въ Киликіи, Сиріи и Месопотаміи. Чѣмъ прочнѣе утвердится здѣсь вліяніе нашихъ союзниковъ, тѣмъ болѣе упадетъ Константинополь, какъ путь міровой торговли, и тѣмъ охотнѣе они примирятся съ занятіемъ его нами. Ибо занятіе это предупредитъ созданіе главнаго торговаго пути черезъ Константинополь для средней Европы, т. е. для германо-австрійской торговли.

Изъ всего сказаннаго явствуетъ, что если намъ суждено придти въ Константинополь, мы придемъ туда вовсе не какъ носители новой «міровой» идеи, которая должна замѣнить панславизмъ и пангерманизмъ и которая, не принеся никакой пользы намъ, лишь покажется Европѣ новой опасностью для международнаго равновѣсія. Мы не можемъ претендовать въ данную минуту и на первыя мѣста въ міровой торговлѣ, — и не придемъ въ качествѣ новыхъ опасныхъ конкурентовъ. Именно поэтому мы можемъ легко сдѣлать уступки и предоставить извѣстныя выгоды транзита нашимъ союзникамъ и, быть можетъ, совмѣстно съ ними, и нашимъ теперешнимъ противникамъ. Константинополь съ проливами намъ нуженъ не по всемірно-историческимъ и даже не по всемірно-коммерческимъ соображеніямъ, а главнымъ образомъ по военно-стратегическимъ и по національно-торговымъ.

Слова, сказанныя Александромъ I, о «ключѣ отъ своего дома», остаются въ силѣ и по сію пору. И изъ всѣхъ аргументовъ Н. Я. Данилевскаго я согласенъ только съ однимъ. «Съ юга Россія открыта ударамъ державъ, обладающихъ большими морскими средствами. Сухопутная оборона береговъ требуетъ громадныхъ силъ и со всѣмъ тѣмъ однакоже мало дѣйствительна... Овладѣнія морскими берегами, или даже однимъ только Крымомъ, было бы достаточно, чтобы нанести Россіи существенный вредъ... Овладѣніе Константинополемъ и проливами устраняетъ эту опасность и обращаетъ южную границу Россіи въ самую безопасную и неприступную».

---

[1]) Что линія Босфоръ-Персидскій заливъ не будетъ въ состояніи конкуррировать съ морскимъ путемъ для товаровъ, съ этимъ согласны всѣ изучившіе вопросъ спеціалисты. См. мнѣнія фонъ Прессоля, строителя анатолійскихъ дорогъ, и фонъ Биберштейна, цитир. у Chéradame, La question d'Orient, le chemin de fer de Bagdad, Paris, 1903, 146 и Société Belge d'Etudes et d'Expansion, Le chermin de fer de Bagdad, par Alexandre Ilitch, Bruxelles — Leipzig, 1913, стр. 201—202.

Въ сущности, указанная здѣсь стратегическая опасность маскировалась до сихъ поръ существованіемъ Турціи. Мы такъ привыкли къ тому, что Дарданеллы охраняются стражемъ, къ которому Европа чувствуетъ особую слабость и о неприкосновенности котораго заботятся тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе опасаются покушенія на эту неприкосновенность именно со стороны Россіи, — мы къ этому положенію такъ привыкли, что передъ общественнымъ сознаніемъ просто не возникаетъ вопроса, что было бы, если бы путь черезъ проливы былъ совершенно свободенъ, — какъ путь черезъ Суэцкій каналъ. Между тѣмъ, одна даже отдаленная и маловѣроятная возможность, что берега Чернаго моря, въ случаѣ войны съ Турціей, могутъ подвергнуться непріятельскому нападенію, заставляетъ насъ тратить очень большія средства на вооруженіе и защиту всей длинной линіи Чернаго моря. Не зная, какой пунктъ растянутой береговой линіи подвергнется нападенію, мы должны подготовить къ защитѣ всю территорію. Это — очень дорого и не очень дѣйствительно. Между тѣмъ, обладаніе проливами свело бы защиту всей этой длинной окружности къ защитѣ одной укрѣпленной точки. Укрѣпиться на этой точкѣ не такъ трудно, какъ уже показалъ опытъ Турціи въ эту войну. Въ какія-нибудь нѣсколько недѣль, при помощи Германіи, Турція такъ укрѣпила проливы, что всѣ усилія двухъ могущественнѣйшихъ флотовъ оказались не въ состояніи прорвать линію обороны. Дарданельская атака 5 (18) марта 1915 года, стоившая потери трехъ броненосцевъ и кончившаяся полной неудачей, разъ навсегда доказала, что однѣми силами флота прорваться черезъ проливы совершенно невозможно.

На это обыкновенно возражаютъ, что если Россія займетъ проливы, то ее легко будетъ прогнать оттуда съ суши. Исторія войнъ послѣднихъ лѣтъ показала, что и это далеко не такъ. Со стороны европейскаго берега оборонительныя линіи Чаталджи и Буламира, охранявшія Константинополь и Галлиполи, т. е. оба пролива, съ суши, оказались непреодолимыми для болгаръ въ рукахъ Турціи. А высадка англо-французскихъ войскъ на западной оконечности Галлипольскаго полуострова, также оказалась предпріятіемъ совершенно безнадежнымъ. Послѣ героическихъ усилій и жертвъ, пришлось очистить занятый уголокъ узенькой косы полуострова, великолѣпное стратегическое положеніе котораго еще въ 1877 г. прекрасно оцѣнилъ адмиралъ Горнби *). Неиспробованными остаются новыя укрѣпленія на азіатской сторонѣ, у рѣки Сангарія. Но ихъ будетъ заслонять

---

1) „Взгляните на карту Дарданеллъ, и вы увидите, что на $3^1/_2$ мили ниже Килидъ-Бара и на $6^1/_2$ миль выше его почти непрерывная скала виситъ надъ берегомъ... Непріятель, владѣющій полуостровомъ, можетъ спокойно разставить пушки на командующихъ точкахъ этихъ скалъ, ... и онѣ остановятъ транспорты и угольщиковъ, а заставить замолчать ихъ военнымъ судамъ будетъ очень трудно".

отъ нападенія внѣшнихъ враговъ та же Турція, которая сейчасъ заслоняетъ отъ нихъ все наше Черное море. Другими словами, опасность для насъ съ этой стороны во всякомъ случаѣ не увеличится. Вообще говоря, опасности такого рода существуютъ при *всякихъ* стратегическихъ границахъ, и онѣ устраняются системой союзовъ, пока не создастъ лучшій международный порядокъ.

Но, главное, какая же предлагается намъ альтернатива? Оставить проливы въ рукахъ Турціи значило бы, какъ я уже говорилъ, — передать ихъ въ германскія руки. Это такъ же невыгодно для насъ, какъ и для нашихъ союзниковъ. И немудрено, что нашъ отказъ отъ проливовъ вовсе не повлечетъ еще за собой и отказъ союзниковъ. Напротивъ, онъ сдѣлаетъ лишь необходимымъ взять проливы и Константинополь въ международное обладаніе. Въ этомъ смыслѣ высказался даже лидеръ меньшинства французскихъ соціалистовъ, Жанъ Лонге, въ тотъ памятный моментъ, когда, подъ впечатлѣніемъ извѣстій, привезенныхъ французскими соціалистами изъ Россіи, національный совѣтъ соціалистической партіи склонился къ участію въ Стокгольмской соціалистической конференціи. Приблизительно въ томъ же смыслѣ высказался и англійскій министръ Гендерсонъ передъ Совѣтомъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. «Захватъ» и «аннексія» турецкихъ владѣній, такимъ образомъ, остаются задачей даже крайняго лѣваго крыла нашихъ союзниковъ и послѣ нашего собственнаго отказа отъ «аннексій». Въ концѣ концовъ, союзники не будутъ особенно жалѣть о нашемъ отказѣ. И французское, и англійское общественное мнѣніе вѣдь не очень охотно пошло на уступку намъ суверенитета надъ проливами. И нашъ неожиданный отказъ отъ того, что добыто усиліями нашей дипломатіи, конечно, будетъ принятъ не безъ удовольствія, — если только это не охладитъ нашего желанія продолжать войну «за чужія аннексіи».

Какъ сложится положеніе при международномъ контролѣ надъ проливами? Если мы при этомъ не выговоримъ особыхъ правъ по охранѣ проливовъ Россіей, то проливы будутъ «нейтральными». Это значитъ, что къ нимъ будетъ примѣненъ даже не режимъ Панамскаго канала, гдѣ суверенитетъ надъ берегами и право ихъ укрѣпленія все же принадлежитъ опредѣленному государству — Соединеннымъ Штатамъ, а режимъ Суэцкаго канала или Магелланова пролива. Вообще говоря, въ международномъ правѣ нѣтъ одного общаго и одинаковаго образца для «нейтрализаціи» морскихъ путей. Есть только отдѣльные договоры, которые считаются съ особенностями каждаго даннаго случая и для каждаго морского прохода создаютъ особый режимъ. Режимъ, который я считаю нормальнымъ для единственнаго въ своемъ родѣ морского прохода, какимъ являются Дарданеллы и Босфоръ, съ моей точки зрѣнія, долженъ бы быть подобнымъ именно режиму Панамскаго канала въ двухъ указанныхъ отношеніяхъ:

въ отношеніи верховенства Россіи надъ берегами и права постройки укрѣпленій въ каналѣ и на островахъ при выходѣ изъ него (три острова передъ входомъ въ Дарданеллы, закрывающіе этотъ входъ: Тенедосъ, Имбросъ и Лимносъ). Но къ этимъ двумъ чертамъ должна бы была присоединиться третья: запрещеніе прохода военныхъ судовъ другихъ державъ, кромѣ прибрежныхъ у Чернаго моря, изъ Средиземнаго моря въ Черное.

Это ограниченіе не нарушало бы международной справедливости потому, что Дарданеллы и Босфоръ не соединяютъ между собою двухъ океановъ или большихъ водныхъ пространствъ и, слѣдовательно, не нужны, какъ міровая дорога для флота. Военный флотъ, идущій въ Черное море, не можетъ имѣть другой цѣли, какъ само это Черное море. За исключеніемъ дружественныхъ манифестацій, для которыхъ могли бы даваться спеціальныя разрѣшенія входа, цѣль эта могла бы быть только враждебная. Не говорю уже, что запрещеніе входа военныхъ судовъ съ такими враждебными цѣлями само собою вытекаетъ изъ права верховенства надъ проливами и права ихъ укрѣпленія. При этомъ условіи, открыто враждебный входъ былъ бы фактически невозможенъ, а скрыто-враждебный былъ бы плохой военной хитростью, ибо вошедшее судно было бы лишено возможности вернуться обратно (какъ опасался и адмиралъ Горнби въ 1877 г.). При такихъ условіяхъ запрещеніе входа чужихъ военныхъ судовъ можно было бы даже и не оговаривать отдѣльно. Если я все-таки его поддерживаю, то главнымъ образомъ потому, что этимъ поддерживается главная стратегическая цѣль нашего владѣнія проливами. При полной нейтрализаціи, по типу Суэцкаго канала и Магелланова пролива, эта цѣль никоимъ образомъ достигнута быть не можетъ. Это слишкомъ часто забывается нами самими и игнорируется нашими союзниками. Полная нейтрализація проливовъ, какъ мнѣ приходилось неоднократно заявлять, явилась бы поэтому серьезнымъ ухудшеніемъ нашего стратегическаго положенія въ Черномъ морѣ. Если бы при этомъ вообще не измѣнилась радикально международная организація охраны національныхъ интересовъ, то намъ пришлось бы немедленно же заводить въ Черномъ морѣ флотъ гораздо большей силы, чѣмъ тотъ, какимъ мы можемъ ограничиться теперь и какимъ мы могли бы удовлетвориться, если бы «дверь нашего дома» была наглухо заперта для враждебныхъ намъ военныхъ судовъ. Придти къ такому плачевному результату, послѣ всѣхъ понесенныхъ нами жертвъ, въ то время, когда, наоборотъ, надо будетъ ставить вопросъ объ ограниченіи вооруженій сухопутныхъ и морскихъ, было бы слишкомъ печально. Это означало бы, какъ бы ни были вѣжливы и корректны формы будущаго мирнаго договора, наше полное пораженіе въ главнѣйшемъ жизненномъ вопросѣ, связанномъ для насъ съ тѣмъ или другимъ исходомъ настоящей войны.

Само собой разумѣется, что *частичная* нейтрализація проливовъ, въ

смыслѣ полной свободы прохода для торговыхъ судовъ, была бы не только возможна, но и необходима. Совмѣстимость такой свободы съ укрѣпленіемъ береговъ суверенным обладателемъ ихъ доказывается режимомъ Панамскаго канала. Въ самихъ проливахъ свобода прохода торговыхъ судовъ, хотя и признанная международнымъ правомъ уже съ 1829 года, все же остается весьма необезпеченной, какъ увидимъ ниже. Не только возможно дать гарантіи болѣе прочной свободы торговли, но возможно даже поднять вопросъ объ охранѣ этой свободы во время самой войны,— подъ тѣмъ условіемъ, конечно, что международныя правила веденія войны будутъ впредь соблюдаться. Возможность расширенія нейтралитета проливовъ въ этомъ направленіи серьезно обсуждалась передъ настоящей войной на конгрессахъ междупарламентскаго союза арбитража, и только возникновеніе войны помѣшало закончить это обсужденіе на предполагавшемся, но уже не состоявшемся осеннемъ конгрессѣ союза въ Стокгольмѣ [1]).

Совмѣстимо ли пріобрѣтеніе Россіей проливовъ съ общими цѣлями союзниковъ? Отвѣтъ совершенно ясенъ.

Стратегическая охрана границъ, съ цѣлью предупрежденія непріятельскаго нападенія, настолько важна сама по себѣ, что наши союзники, вмѣстѣ съ нами, прямо поставили соотвѣтствующія измѣненія границъ, какъ одну изъ цѣлей войны для достиженія прочнаго мира. Эта цѣль упомянута и въ нашемъ общемъ отвѣтѣ президенту Вильсону о цѣляхъ войны, въ словахъ: «Территоріальныя соглашенія и международныя постановленія, имѣющія цѣлью оградить сухопутныя и морскія границы противъ несправедливыхъ нападеній».

Когда въ Россіи одержала побѣду по меньшей мѣрѣ двусмысленная формула «миръ безъ аннексій и контрибуцій», Асквитъ въ спеціальной рѣчи въ палатѣ общинъ (4 мая 1917) заявилъ, что пріобрѣтеніе стратегическихъ пунктовъ не составляетъ «нежелательной» аннексіи, въ смыслѣ «захвата чужой территоріи». Вотъ его подлинныя слова: «Въ-третьихъ, аннексія можетъ найти себѣ оправданіе въ случаѣ передачи суверенныхъ правъ или территоріи, необходимой для обладанія стратегическими позиціями, которыя признаны нужными не для нападенія, а для самообороны и для защиты отъ нападеній въ будущемъ. Я съ намѣреніемъ оговариваюсь, что лишь такая аннексія оправдывается, при которой вы можете доказать на основаніи военнаго опыта, что до тѣхъ поръ, пока вы не будете обладать этими позиціями, вы будете сами подвергаться постоянной опасности нападенія».

Тѣмъ и другимъ заявленіемъ — нашимъ отвѣтомъ Вильсону и рѣчью Асквита — интересы Россіи въ проливахъ достаточно ограждены. Но

[1]) Подробности объ этомъ проектѣ нейтрализаціи см. въ моей статьѣ: „Нейтрализація проливовъ“ въ сборникѣ: „Чего ждетъ Россія отъ войны“, книгоиздательство „Прометей“.

интересы эти признаны — и при томъ въ иномъ смыслѣ, еще болѣе важномъ, чѣмъ интересъ стратегическій, въ заявленіи самого Вильсона, — политическаго дѣятеля, на котораго особенно любятъ ссылаться наши циммервальдцы. Въ своемъ извѣстномъ обращеніи къ сенату Вильсонъ сказалъ: «Поскольку это представляется практически осуществимымъ, каждому изъ борющихся въ настоящее время *за развитіе національныхъ средствъ и силъ* великихъ народовъ, долженъ былъ бы быть обезпеченъ доступъ къ открытому морю. *Тамъ, гдѣ это не можетъ быть достигнуто уступкой территоріи*, это, несомнѣнно, можетъ быть осуществлено путемъ нейтрализаціи пути, при условіи общей гарантіи, что въ свою очередь явится обезпеченіемъ мира, при наличности правильнаго соглашенія. Ни одна нація не должна быть лишена доступа къ открытымъ путямъ міровой торговли».

Вотъ постановка вопроса, столь же гуманная, какъ и государственная, нисколько не противорѣчащая нашимъ національнымъ стремленіямъ и жизненнымъ задачамъ, а, напротивъ, категорически подтверждающая за ними право на существованіе и удовлетвореніе. Ибо какой изъ «великихъ народовъ, борющихся въ настоящее время», именно за эти жизненные интересы, «за развитіе національныхъ средствъ и силъ», фактически лишенъ того, что нужно для всякой націи какъ воздухъ въ наше время,— «лишенъ доступа къ открытому морю»? Конечно, тутъ можетъ разумѣться только Россія, съ ея громаднымъ континентальнымъ туловищемъ и съ тѣми тремя постоянно рвущимися ниточками, которыя весьма несовершенно связываютъ ее въ настоящее время съ внѣшнимъ міромъ черезъ Владивостокъ, Архангельскъ и Мурманъ. То обстоятельство, что среди величайшихъ національныхъ трудностей, въ двадцатомъ вѣкѣ, Россіи приходится воскрешать свой старый торговый путь шестнадцатаго и семнадцатаго столѣтій — не доказываетъ ли то страшно-ненормальное положеніе, въ которое Россія поставлена отсутствіемъ «доступа къ открытымъ путямъ міровой торговли». И что иное можно разумѣть подъ этими доступными Россіи путями, какъ не Дарданеллы и Босфоръ? Какъ иначе можно понять слова Вильсона о возможности достигнуть этихъ путей «уступкой территорій», какъ не согласіе президента съ состоявшимся уже соглашеніемъ союзниковъ съ Россіей относительно пріобрѣтенія нами верховенства надъ проливами? Вильсонъ говоритъ: «Тамъ, гдѣ нельзя добиться уступки территоріи, можно нейтрализовать путь». Онъ не говоритъ: «*если* нельзя добиться уступки территоріи, то надо нейтрализовать путь», — быть можетъ потому, что понимаетъ опасность для Россіи этого исхода, нейтрализаціи проливовъ. *Гдѣ же* «нельзя добиться уступки территоріи? При «самоопредѣленіи народностей» — т. е., при осуществленіи другого принципа Вильсона, этого нельзя будетъ добиться для такихъ отрѣзанныхъ отъ моря государствъ, какъ Венгрія, какъ Че-

хія, быть можетъ, какъ Польша. Прежде это недоступно было для Сербіи. Послѣ войны можетъ стать недоступно для германскаго выхода къ южнымъ морямъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ нейтрализованный желѣзнодорожный путь къ свободнымъ гаванямъ есть, дѣйствительно, единственный исходъ. И во всякомъ случаѣ, только его и можетъ имѣть въ виду Вильсонъ въ послѣднихъ словахъ: «*Ни одна* нація не должна быть лишена доступа», и т. д.

Принципъ свободнаго доступа къ открытому морю и къ путямъ міровой торговли есть, конечно, не личное измышленіе Вильсона. Это есть принципъ, давно нашедшій себѣ доступъ въ ученіи международнаго права. Передо мной старая работа Шлифа: «Миръ въ Европѣ», — работа, написанная тогда, когда Европа только что выходила изъ своего стараго континентализма къ современному маринизму, къ международному общенію на океанахъ. Вотъ что говоритъ Шлифъ о необходимости для всякой законченной національной территоріи имѣть выходъ къ морю: «Какъ въ гражданскомъ правѣ долженъ быть проведенъ принципъ, что каждое имѣніе должно имѣть доступъ къ путямъ общественнаго пользованія, такъ въ международномъ правѣ нужно считать закономъ, что территорія каждаго самостоятельнаго государства должна граничить съ открытымъ моремъ. Государственная конфигурація, которая не удовлетворяетъ этому условію, никогда не можетъ считаться жизнеспособной. ... Пока стремленіе къ морю, проявляющееся у всѣхъ культурныхъ народовъ съ такой же неотразимостью, какъ у отдѣльнаго человѣка потребность вдыхать воздухъ, необходимый для жизни, не удовлетворена въ достаточной степени, до тѣхъ поръ будетъ существовать длительная причина для военныхъ усложненій». «Россія, говоритъ Шлифъ въ другомъ мѣстѣ, «есть, несомнѣнно, незаконченное государство, ибо огромное протяженіе ея повелительно требуетъ болѣе широкой связи съ открытымъ моремъ, чѣмъ она имѣетъ теперь... Является поэтому вполнѣ естественнымъ, что Россія должна самымъ энергичнымъ образомъ стремиться стать твердой ногой на томъ морѣ, на которое такъ ясно указываетъ теченіе ея большихъ рѣкъ, Дона, Днѣпра и Днѣстра. А это море — Средиземное море, ибо хотя русскіе и имѣютъ теперь достаточную свободу движенія на Черномъ морѣ, но оно останется внутреннимъ моремъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ вполнѣ безпрепятственной связи между нимъ и Средиземнымъ моремъ. Никто не будетъ отрицать, что это есть сущность Восточнаго вопроса...» [1]).

Едва ли есть надобность напоминать здѣсь, какъ при малѣйшей воз-

[1]) Dr. Eugen Schlief, Der Friede in Europa, eine völkerrechtlichpolitische Studie, Leipzig, 1892, стр. 38—89, 245—364. Авторъ не удовлетворяется, однако, „отрицательнымъ нейтралитетомъ“ проливовъ (запрещеніемъ прохода военныхъ судовъ), а предпочитаетъ „положительный нейтралитетъ“ (т. е. полную нейтрализацію), съ передачей проливовъ подъ международную охрану.

можности Россія инстинктивно тянулась къ южному морю, отъ котораго была отрѣзана азіатскими кочевниками. Геніальный славянинъ, Крижаничъ, еще при царѣ Алексѣѣ предугадалъ значеніе передвиженія всего центра русской національной жизни въ будущемъ на югъ, къ Черному морю, по пути русской колонизаціи. Вся русская исторія со времени образованія московскаго государства, т. е., съ конца XV столѣтія, есть послѣдовательное развитіе этого стихійнаго процесса. Я не говорю здѣсь о старыхъ идеологіяхъ, которыми сопровождался этотъ процессъ: онъ былъ гораздо глубже, чѣмъ его сознательное выраженіе. Громадный, чисто-американскій ростъ русскаго юга, при сравнительной неподвижности русскаго центра и при нѣкоторой даже регрессіи русскаго сѣвера — есть лучшее выраженіе именно этой стихійной стороны процесса. Сравнительныя карты плотности населенія со времени Петра Великаго, которыя читатель найдетъ въ моихъ «Очеркахъ русской культуры», даютъ внѣшнее подтвержденіе этому наблюденію. Выводъ изъ всего этого многовѣковаго историческаго процесса тотъ, что національная территорія россійскаго государства еще не нашла себѣ своего естественнаго завершенія. Завершеніе это могло бы быть дано усиліямъ многихъ поколѣній, если бы настоящая война кончилась для насъ такъ, какъ было условлено между нами и нашими союзниками при ея веденіи.

Послѣднія стадіи того историческаго процесса, о которомъ я говорю, прошли на памяти нашего поколѣнія. Всякій, кому лѣтъ тридцать-сорокъ тому назадъ приходилось ѣздить въ Крымъ изъ Москвы, видѣлъ кругомъ себя на югѣ необозримую, безконечную, дѣвственную русскую степь. Теперь эта степь разработана и распахана. Нѣдра ея использованы для добычи минеральнаго и нефтянаго топлива, и мѣста нахожденія каменнаго угля и нефти напоминаютъ Бельгію и Америку. Добываніе главнаго предмета русскаго экспорта, пшеницы, передвинулось въ эту степь изъ земледѣльческихъ черноземныхъ губерній, естественное богатство которыхъ истощилось раньше, чѣмъ интенсивная культура успѣла создаться. Вмѣстѣ съ тѣмъ и вывозъ хлѣба направился изъ балтійскихъ портовъ къ черноморскимъ: къ Одессѣ, Николаеву и Ростову.

Какъ перемѣстился этотъ вывозъ, и какъ весь приростъ его пошелъ именно на югъ, видно изъ простого сопоставленія цифръ за послѣднія пятнадцать лѣтъ:

	Балтійское.	Азовское и Черное.
1896—1900	1.520.000 тоннъ	4.557.000 тоннъ
1901—1905	1.428.000 „	7.037.000 „
1906—1910	1.081.000 „	7.516.000 „

Другими словами, для черноморской торговли въ нашемъ морскомъ вывозѣ увеличилась съ 75% до 83% и 85%.

Этотъ сдвигъ станетъ еще яснѣе, если возьмемъ цифры вывоза хлѣба за большій промежутокъ времени, съ 1875 года (въ процентахъ):

	Балтійскіе порты.	Южные порты.
1875—79	54%	46%
1880—84	51%	49%
1885—88	39%	61%
1900—02	27%	73%
1903—05	18%	82%
1906—08	11%	89%

Совершенно естественно, что при такомъ громадномъ значеніи черноморскаго вывоза всякая остановка движенія въ проливахъ грозитъ уже экономической катастрофой на всемъ русскомъ югѣ. Вотъ почему стремленія нашей дипломатіи получить свободный выходъ черезъ проливы становятся именно въ послѣднее время особенно настоятельными. Какъ разъ послѣ того, какъ Чарыковъ получилъ (1912) категорическій отказъ въ этомъ отъ турецкаго правительства [1]), Россія испытала невыгоды закрытія проливовъ съ особенной отчетливостью. Стоило Портѣ въ тотъ же 1912 годъ закрыть временно проливы по случаю войны съ Италіей, какъ Общество русскаго пароходства потерпѣло 8 милліоновъ убытковъ отъ остановки вывоза, турки потеряли 2 милліона, всѣ другіе одинъ милліонъ. И конечно нельзя говорить, что тутъ страдаютъ только «капиталисты» и «буржуи». Цѣны на южномъ хлѣбномъ рынкѣ важны вообще для русскаго производства, въ томъ числѣ и для крестьянина. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше цѣны хлѣба будутъ становиться важными именно для крестьянина, особенно въ виду того, что предстоящая аграрная реформа остановитъ производство хлѣба въ крупныхъ хозяйствахъ, разсчитанное прямо на вывозъ. При такомъ положеніи вся Россія будетъ въ особенности заинтересована привлеченіемъ къ вывозу крестьянскаго хлѣба, который одинъ только сможетъ избавить страну отъ экономическаго потрясенія, неизбѣжнаго при крупномъ колебаніи вывозныхъ цифръ. А крестьянинъ, въ свою очередь, будетъ заинтересованъ въ полученіи всей той цѣны хлѣба, которую можетъ дать рынокъ, — и даже въ томъ, чтобы вліять на цѣны мірового хлѣбнаго рынка. Пріобрѣтеніе проливовъ, составляя единственную вѣрную гарантію свободы вывоза черезъ нихъ, является при такихъ условіяхъ вовсе не интересомъ одной «буржуазіи» или одного только помѣстнаго класса, которому предстоитъ пережить тяжелый соціальный кризисъ и, быть можетъ, въ немъ разложиться. Оно теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, является именно интересомъ всей руской земледѣльческой массы, интересомъ русской демократіи. Трагизмъ положенія заключается въ томъ, что именно въ моментъ появленія этой демократіи на исторической сценѣ, ея самозванные ходатаи всячески стараются вырвать у нея орудіе ея будущей силы, дѣлая это при томъ отъ ея же имени. Рано или поздно крестьянство пойметъ, что было обмануто. Но желательно, чтобы оно поняло это во время: иначе, быть можетъ, уже не удастся поправить послѣдствій обмана.

[1]) См. статью 2-ю въ февральской книжкѣ „Вѣстника Европы".

Но съ какой же точки зрѣнія можно *возражать* противъ пріобрѣтенія проливовъ? Зачѣмъ проливы намъ нужны, я, кажется, уже показалъ. Какъ же разсуждаютъ тѣ, кто хочетъ доказать, что пріобрѣтать проливовъ намъ не слѣдуетъ?

Разсужденія эти очень разнообразны. Тѣ, кто признаетъ значеніе проливовъ, будутъ вамъ доказывать, что тѣ же выгоды Россія можетъ получить не путемъ обладанія ими, а путемъ международнаго соглашенія. Полную силу это доказательство можетъ имѣть лишь тогда, когда международныя соглашенія будутъ охраняться достаточно серьезными международными санкціями. При всемъ желаніи приблизить этотъ моментъ, нельзя, однако, принимать желаніе за исполненіе. И въ ожиданіи, пока труднѣйшая изъ проблемъ современной войны будетъ разрѣшена въ духѣ предложеній Вильсона, т. е. путемъ созданія организованнаго общества народовъ, приходится все-таки прибѣгать къ средствамъ, значеніе которыхъ доказано въ прошломъ. Далѣе, говорятъ, что пріобрѣтеніе проливовъ противорѣчитъ освободительнымъ цѣлямъ войны. Съ этимъ, очевидно, несогласны наши союзники, которые эти цѣли преслѣдуютъ. Мы видѣли ихъ заявленія, имѣющія съ виду пріобрѣтеніе проливовъ Россіей. Къ заявленіямъ присоединяются, какъ извѣстно, и формальныя договорныя обязательства. Но, продолжаютъ оппоненты, это лишь доказываетъ, что союзныя правительства лицемѣрятъ; въ дѣйствительности они, какъ и наше правительство, преслѣдуютъ цѣли имперіалистскія, а вовсе не освободительныя. Было бы безполезно отвѣчать на это, что, дѣйствительно, цѣли, преслѣдуемыя войной, въ самомъ дѣлѣ, имѣютъ освободительный характеръ. Было бы безполезно, напримѣръ, доказывать тѣмъ, кто призналъ, что освободительной цѣлью войны является самоопредѣленіе народностей, — что свобода выхода къ морю входитъ въ понятіе этого самоопредѣленія. Было бы безполезно говорить имъ, что заботясь о самоопредѣленіи Сербіи путемъ выхода къ Адріатикѣ или о самоопредѣленіи Польши путемъ выхода къ Данцигу, мы не лишаемся права позаботиться о собственномъ самоопредѣленіи путемъ выхода въ Средиземное море. Дѣло въ томъ, что «освободительный» характеръ войны этими критиками принципіально *противополагается* борьбѣ за жизненные интересы націй. Война въ ихъ пониманіи фатальнымъ образомъ принимаетъ характеръ борьбы не за свои, а за чужіе интересы, — и въ томъ числѣ даже прямо за интересы непріятеля. Съ этой точки зрѣнія мнѣ не разъ приходилось слышать, не только въ Россіи, а и въ Англіи, и во Франціи, что пріобрѣтеніе проливовъ противорѣчитъ интересамъ Турціи или Германіи. Я лично думаю, что потеря европейскихъ владѣній не противорѣчитъ правильно понятымъ интересамъ Турціи. Прибавлю, что такой же взглядъ мнѣ приходилось слышать отъ турокъ — и даже отъ младотурокъ. Я не удивился бы, если бы оказалось, что его раздѣляетъ

Талаатъ, знакомый мнѣ съ 1908 года. Оттоманскіе патріоты давно уже начали понимать, что европейскія владѣнія не усиливаютъ, а только ослабляютъ Турцію, возлагая на нее непосильную задачу считаться съ европейскими вліяніями и требованіями и ставя коренныхъ турокъ въ нравственно разслабляющее и развращающее положеніе завоевателя въ завоеванной странѣ. Возвращеніе «домой», въ Малую Азію (если не въ этнографическія границы), по понятію самихъ этихъ турокъ, только бы усилило Турцію и послужило бы, быть можетъ, сигналомъ ея національнаго обновленія. Я говорилъ уже въ другомъ мѣстѣ, что турецкій фатализмъ, вѣра въ древнія пророчества о паденіи Константинополя, до нѣкоторой степени готовитъ турецкую массу къ неизбѣжности потери столицы, завоеванной 500 лѣтъ тому назадъ. Пестрота этнографическаго состава [1]) не позволяетъ забыть объ этомъ, хотя и далекомъ прошломъ.

Нужно, конечно, признать правильность возраженія, что пріобрѣтеніе проливовъ Россіей несомнѣнно противно интересамъ Германіи. Я уже говорилъ, что въ этомъ заключается вся суть вопроса и все существо нашей борьбы, по крайней мѣрѣ въ ея ближайшемъ, очередномъ проявленіи. *Германскому* «имперіализму», дѣйствительно, отнятіе Константинополя и проливовъ наноситъ смертельный ударъ. Казалось бы, для принципіальныхъ противниковъ *всякихъ* имперіализмовъ, это соображеніе должно бы было имѣть рѣшающее значеніе. Но почему-то нетерпимые ко всякимъ другимъ «имперіализмамъ», настоящимъ и мнимымъ, оппоненты этого типа становятся какъ-то особенно терпимы, когда рѣчь заходитъ о самомъ опасномъ изъ имперіализмовъ, объ имперіализмѣ германскомъ. Я слышалъ, правда, то же возраженіе и въ менѣе уязвимой формѣ. Говорили, что Германія не можетъ обойтись безъ Малой Азіи и Месопотаміи, какъ рынка для своихъ товаровъ, и что пресѣченіе ей дороги туда оставитъ въ германскомъ сердцѣ неизлѣчимую рану, своего рода жажду реванша. Отвѣтить на возраженіе въ этой формѣ можно лишь тѣмъ, что турецкія области для Германіи не только рынокъ для сбыта товаровъ, но и будущая колонія для добыванія сырья. «Колонія» — это уже нѣчто менѣе невинное, чѣмъ «рынокъ». Но *германская* колонія — это уже нѣчто совсѣмъ не невинное. Ибо не надо забывать, что Германія хочетъ монополизировать обладаніе колоніями и что въ этой монополіи для нея весь смыслъ пріобрѣтенія колоніи. Она хочетъ владѣть колоніей такъ, чтобы другіе не могли ею пользоваться и чтобы не зависѣть отъ другихъ въ своемъ обособленномъ національномъ существованіи. Имперіализмъ

---

[1]) Я приводилъ уже цифры разныхъ народностей, обитающихъ въ Константинополѣ. По другому расчету, принадлежащему одному англійскому знатоку Константинополя, тамъ насчитывалось 400.000 мусульманъ, 500.000 грековъ и 170.000 армянъ.

Германіи потому и есть имперіализмъ *наступательный*, что онъ не довольствуется своимъ, а отнимаетъ чужое. Въ противоположность имперіализму англійскому, основанному на широкомъ и свободномъ міровомъ общеніи, имперіализмъ германскій исключителенъ и ревнивъ. Онъ все еще продолжаетъ строиться на идеѣ сороковыхъ годовъ, на идеѣ «національной» политической экономіи Фридриха Листа, построенной на обособленномъ, «изолированномъ» существованіи Германіи. Это, какъ мнѣ не разъ приходилось говорить, есть возвращеніе отъ современной промышленной переплетенности и взаимности интересовъ къ средневѣковому военно-дворянскому господству. По опредѣленію самихъ германцевъ, это есть старая «политика силы», Machtpolitik, въ противоположность современной «политикѣ торговли», «Handelspolitik»: этимъ противоположеніемъ германцы гордятся. Я не говорю, что и намъ надо стать на ту же точку зрѣнія и противопоставить изолированности Германіи нашу собственную изолированность. Я не говорю, что у Германіи надо отрѣзать ея источники существованія. Единственное, что я хочу сказать, это то, что Германію надо вернуть отъ ея монопольныхъ поползновеній въ рамки современнаго мірового коммерческаго товарообмѣна, — т. е. въ тѣ самыя рамки, въ которыхъ ей жилось вовсе недурно до этой войны. Правда, наши союзники хотятъ идти дальше и отнять у Германіи колоніи. Но тѣмъ легче они согласятся, что пріобрѣтеніе Россіей проливовъ само по себѣ, безъ дальнѣйшаго опредѣленія основъ международной торговой политики и международныхъ тарифовъ, еще не есть лишеніе Германіи всѣхъ средствъ существованія.

Есть еще аргументъ противъ пріобрѣтенія проливовъ, который иногда можно слышать и у насъ, и у нашихъ союзниковъ. Пріобрѣтеніе проливовъ и Константинополя, говорятъ намъ, вредно для самой Россіи. Вредно въ какомъ смыслѣ? Въ смыслѣ моральномъ, говорятъ они. Не забудьте, что Константинополь развращалъ и разслаблялъ всѣхъ своихъ владѣтелей. На это можно отвѣтить: да, Константинополь, *какъ столица*. Но послѣ того, какъ разсѣяна утопія относительно славянской федераціи съ Россіей во главѣ, никому, конечно, не придетъ въ голову переносить столицу Россіи въ Константинополь. Константинополь останется провинціальнымъ центромъ, даже и при возвращеніи туда мірового транзита. Исчезнетъ блестящее общество пословъ и «золотой» дипломатической молодежи; исчезнутъ, вслѣдъ за упраздненнымъ уже дворомъ старыхъ тайнъ и козней, шпіоновъ и рабовъ, бюрократы и потабли современнаго константинопольскаго режима, исчезнутъ, быть можетъ, крупные концессіонеры и германскіе банки. Но не исчезнутъ служившіе пріѣзжимъ развлеченія Перы, не исчезнутъ отели для англичанъ и американцевъ, потому что не исчезнетъ историческая красота города, не исчезнетъ декорація Стамбула. Къ радости археологовъ возстанетъ изъ забвенія, изъ мусора вѣковъ, древній византійскій городъ, съ его церквами и дворцами... И

потокъ туристовъ, быть можетъ, даже усилится. Движеніе исторіи остановится для «Второго Рима», его счастливые обитатели не будутъ болѣе нервно слѣдить за міровыми событіями, не будутъ принимать участія въ грядущихъ міровыхъ переворотахъ... Вотъ и все. Съ удаленіемъ большей части источниковъ «развращенія», воздухъ Константинополя будетъ только оздоровленъ.

Но, продолжаютъ оппоненты, пріобрѣтеніе Константинополя съ территоріей, отрѣзанной отъ Россіи, будетъ для нея опасно въ стратегическомъ отношеніи: оно создастъ трудно защитимую точку и создастся элементъ слабости Россіи въ международныхъ отношеніяхъ. Я самъ когда-то говорилъ нѣчто подобное, когда Россіи совѣтовали выйти къ Средиземному морю къ Александреттѣ, или когда наши германскіе благожелатели направляли насъ къ открытому морю... въ Персидскомъ заливѣ. Эти позиціи, дѣйствительно, могли бы напомнить пріобрѣтеніе Дальняго и судьбу Портъ Артура. Но Константинополь и проливы, исключительное стратегическое значеніе которыхъ указано выше, проливы, связанные съ черноморскимъ берегомъ — моремъ, которое въ наши дни не разъединяетъ, а соединяетъ, — какимъ образомъ пріобрѣтеніе такой единственной позиціи, съ прямымъ расчетомъ на чрезвычайное усиліе нашего стратегическаго положенія, можетъ насъ ослабить? Если отъ этого предостерегаютъ друзья, они ошибаются. Если это говорятъ недоброжелатели и враги: пусть, если хотятъ, утѣшаютъ себя; они не могутъ испугать и обмануть насъ.

Одно обстоятельство несомнѣнно: и если *это* есть наше преступленіе (я говорю о себѣ и о своихъ, надѣюсь, многочисленныхъ единомышленникахъ), то сознаемся: мы виноваты. Несомнѣнно, что пріобрѣтеніе проливовъ есть не чужой, а *нашъ* жизненный интересъ, что это есть цѣль, поставленная *нашимъ* національнымъ эгоизмомъ, и что она связываетъ насъ съ нашимъ прошлымъ, потому что поставлена давно. Нельзя отрицать, что пріобрѣтеніе свободнаго выхода изъ Чернаго моря стоитъ въ неразрывной связи съ тѣмъ многовѣковымъ процессомъ, который привелъ Россію къ Черному морю и превратилъ занятую кочевниками степь въ культурную территорію, составляющую органическую часть нашего національнаго цѣлаго. Если читатель можетъ стать на антиисторическую точку зрѣнія, осуждающую процессъ созданія Россійскаго государства, тогда онъ можетъ осудить и то прошлое, которое привело къ этому неизбѣжному результату. Сознаюсь: я на эту точку зрѣнія, осуждающую біологическій ростъ большихъ государствъ современнаго міра, стать не могу. Я неохотно и не часто говорю изъ «исторической традиціи», зная, что можетъ иногда прикрываться политическимъ употребленіемъ этого научнаго термина. Я не питаю желанія сохранять осужденныя жизнью на сломъ историческія руины. Но процессъ роста государства, при всей своей безсознательности и стихійности, есть жизненный, а не гнилостный

процессъ. Это есть, по существу, процессъ дѣятельности однообразно направленной здоровой воли многихъ поколѣній. Многое обветшало даже и со временъ Екатерины II и Александра I, когда, какъ мы видѣли, впервые былъ, уже сознательно, поставленъ вопросъ о проливахъ. И мы не ищемъ тамъ образцовъ и примѣровъ для нашего рѣшенія, какъ не ищемъ ихъ и въ идеяхъ «Третьяго Рима» или въ пророчествахъ Льва Мудраго и Меѳодія. Но мы видѣли и то, что многія условія задачи остались прежними, хотя прошли вѣка. Вотъ почему въ разсказанномъ раньше процессѣ международныхъ сношеній по вопросу о проливахъ многое звучитъ такъ, какъ будто бы было сказано вчера или сегодня. Вотъ почему въ *данномъ* случаѣ можно говорить о «традиціи», объ историческомъ процессѣ единомъ и цѣломъ, который давно начался и велся не нашими средствами, а кончается лишь теперь, на нашихъ глазахъ и въ результатѣ нашихъ собственныхъ усилій.

Мы видѣли и препятствія, которыя надолго задержали ходъ и исходъ процесса. Къ числу этихъ препятствій нѣтъ надобности относить внутреннее состояніе Турціи, которое давно и всѣми рѣшительно признано безнадежнымъ. Это прежде всего длительное соперничество державъ, теперь съ нами союзныхъ, на основаніи причинъ, теперь уже утратившихъ и потерявшихъ силу. Или же, въ послѣдній моментъ, это — претензіи на мировую гегемонію нашего противника, путь котораго лежалъ намъ — и не намъ однимъ — наперерѣзъ, черезъ Константинополь.

Мы знаемъ, что, по существу дѣла, Босфоръ и Дарданеллы составляютъ экономически и географически органическую часть нашего государственнаго организма. Мы знаемъ и то, что тутъ конецъ процесса, а не начало какого-либо новаго. Мы можемъ прибавить, что конецъ этотъ необходимъ не только для насъ, но и для всѣхъ, ибо онъ развязываетъ одну изъ самыхъ трудныхъ проблемъ, мѣшавшихъ установленію прочнаго мира. Нельзя отрицать, что проблема «Восточнаго вопроса», мучившаго всю Европу и державшаго ее въ напряженіи въ теченіе столѣтія, есть одна изъ сложнѣйшихъ: она нынѣ *можетъ* быть сдана въ архивъ, и тѣмъ могутъ быть кончены наши требованія къ Европѣ. Мнѣ часто приходитъ теперь на память, какъ въ 1909 году американскій депутатъ Бартольдъ предлагалъ на съѣздѣ нашего междупарламентскаго союза въ Берлинѣ гарантировать неприкосновенность національныхъ территорій. Это казалось тогда — и было — утопіей, пока единство національныхъ территорій не было закончено или даже было искусственно нарушено. Но вѣдь довершеніе недодѣланнаго, возстановленіе нарушеннаго, созданіе окончательныхъ и прочныхъ національныхъ границъ—эту гордую задачу поставили себѣ мы и наши союзники въ настоящей войнѣ. Если мы ее осуществимъ, если и въ другихъ частяхъ Европы мы добьемся того же, тогда идея Бартольда — взаимная перестраховка государственныхъ границъ, явится, дѣйстви-

тельно, предварительнымъ условіемъ и первымъ рѣшительнымъ шагомъ къ достиженію высокой задачи, поставленной Вильсономъ: къ «созданію того международнаго строя, который отнынѣ будетъ призванъ охранять всесвѣтный миръ» и который «сдѣлаетъ принципіально невозможнымъ, чтобы подобная настоящей катастрофа когда-либо вновь обрушилась на насъ». Иначе, — Вильсонъ правъ, — это будетъ только «установленіе новой системы равновѣсія», столь же непрочной и хрупкой, какъ и существовавшія доселѣ.

Правда, — и это тоже нужно признать открыто, ибо теперь это особенно энергично оспаривается — такой результатъ не можетъ быть полученъ «миромъ, не основаннымъ на побѣдѣ». Послѣ того, какъ Соединенные Штаты сами приняли участіе въ міровой войнѣ, это выраженіе ихъ президента, очевидно, потеряло свою силу. Очень важно подчеркнуть, что именно Соединенные Штаты, именно президентъ Вильсонъ принужденъ былъ признать самымъ фактомъ объявленіе войны, что онъ ошибся въ своемъ расчетѣ на прочный миръ «безъ побѣды». Я счастливъ подчеркнуть, что въ своемъ послѣднемъ отвѣтѣ русскимъ циммервальдцамъ Вильсонъ признаетъ это и формально, стараясь разсѣять туманъ, напущенный въ Россію изъ Берлина и Берна. Въ наши дни усталости и малодушія, овладѣвшими слишкомъ многими подъ прикрытіемъ высокихъ идей чистаго интернаціонализма, особенно важно напомнить, что «безъ побѣды» «прочнаго» мира ждать нельзя. И тѣ, кто рѣшилъ пожертвовать Константинополемъ и проливами, были вполнѣ послѣдовательны, когда перестали добиваться и побѣды. Они неправы только въ одномъ, послѣднемъ аргументѣ противъ присоединенія проливовъ: именно въ томъ, что для достиженія этой цѣли нужна какая-то особая, особенно «рѣшительная» побѣда. Ихъ доводъ, льстившій малодушію и усталости, формулированъ такъ: если мы захотимъ воевать изъ-за проливовъ, то намъ придется воевать безконечно; если отъ проливовъ отказаться, то этимъ мы сократимъ войну и добьемся скорѣйшаго мира. Въ этомъ разсужденіи забыты двѣ вещи. Во-первыхъ то, что отказъ отъ проливовъ все-таки не обезпечиваетъ сколько-нибудь достойнаго и прочнаго мира, если не будетъ побѣды. Побѣда все-таки нужна, и тѣ, кто замѣняетъ ее готовностью пойти на сакраментальную формулу «скорѣйшаго мира безъ аннексій и контрибуцій», этимъ только поощряютъ противника на усиленныя требованія аннексій и контрибуцій съ его стороны. Лучшимъ доказательствомъ, что это вѣрно, могло бы служить простое хронологическое сопоставленіе: какъ обдуманны и осторожны были германцы въ своихъ разсужденіяхъ о цѣляхъ войны, пока мирныя настроенія не одержали у насъ верхъ, вмѣстѣ съ мирными формулами; и какъ замѣтно подняли они тонъ, какъ громко заговорили о *своихъ* аннексіяхъ послѣ того, какъ стали обнаруживаться пагубные плоды цим-

мервальдской пропаганды въ Россіи. Нужно еще прибавить, что миръ безъ побѣды немыслимъ для самихъ авторовъ мирной формулы, если вспомнить конецъ ея о «самоопредѣленіи народностей». Этотъ конецъ при логическомъ развитіи возвращаетъ насъ почти ко всему содержанію отвѣта союзниковъ Вильсону въ концѣ декабря 1916 года.

Забыто и еще одно обстоятельство сторонниками отказа отъ проливовъ для достиженія скорѣйшаго мира. Забыто то, что война ведется нами сообща съ союзниками и что общія достиженія будутъ въ ней плодомъ общихъ усилій и взаимной помощи другъ другу въ часы опасности и слабости. Проливы входятъ въ общій инвентарь того, чего мы добивались вмѣстѣ, — на томъ же основаніи, какъ входитъ, напр., Эльзасъ-Лотарингія. Эти два жизненныхъ интереса, какъ я часто говорилъ союзникамъ, стоятъ для насъ *въ одной плоскости*. Мы добиваемся для французовъ Эльзаса, они добиваются для насъ проливовъ. Но для того, чтобы и проливы и Эльзасъ-Лотарингія фигурировали въ числѣ тѣхъ общихъ условій мира, которыя, по нашему Лондонскому соглашенію, должны быть сообща выставлены союзниками, нужно, во-первыхъ, чтобы мы сами были увѣрены въ первостепенной важности того, чего добиваемся, и, во-вторыхъ, чтобы мы оказывали союзникамъ *дѣйствительную* помощь, безъ которой они не могли бы обойтись. Я боюсь, что оба эти условія — второе можно было бы поставить первымъ — въ настоящее время могутъ оказаться неосуществимыми. Ибо, пока на фронтѣ царитъ проповѣдь непротивленія, усердно подогрѣваемая теоретиками пораженчества, и пока въ то же время «главный призъ всей войны», по выраженію нашихъ союзниковъ, признается нецѣннымъ и ненужнымъ для націи, — мы не въ состояніи ни дѣлать усилій на пользу другихъ, ни требовать, чтобы другіе совершали эти усилія въ нашу пользу.

Выйти изъ этого рокового круга можно только однимъ путемъ: не спорами о цѣляхъ войны, а рѣшимостью возобновить борьбу. Вмѣсто того, чтобы разсуждать, отдаляетъ ли пріобрѣтеніе проливовъ конецъ войны, нужно воевать и добиваться общей съ союзниками побѣды. Если побѣда будетъ, то будутъ и проливы. Если не будетъ побѣды... или если союзники побѣдятъ одни, безъ насъ, что всего вѣроятнѣе, или если они за нашъ счетъ помирятся, тогда.... но тогда сужденіе о насъ и нашихъ врагахъ, и нашихъ друзей, и насъ самихъ, и нашихъ потомковъ, я боюсь, выльется въ такія формы, о которыхъ мнѣ страшно подумать. Пусть, по крайней мѣрѣ, тѣ, кто это понимаютъ и предвидятъ, употребятъ всѣ силы, чтобы отстратить отъ націи несчастіе, больше котораго быть не можетъ: потерю, вмѣстѣ съ жизненными интересами, также и добраго имени.

П. Милюковъ.

ЕДИНАЯ РОССІЯ.

I.

Свободная нація въ свободной Россіи — таково естественное самочувствіе и устремленіе малыхъ народовъ, почувствовавшихъ себя въ наши дни освобожденными вмѣстѣ съ народомъ русскимъ. Извнѣ нерѣдко легко можетъ представиться, что преобладаетъ первая часть лозунга, что задача національной автономіи отдѣльныхъ народовъ опережаетъ задачу строенія единаго свободнаго государства. Въ этомъ отчасти сказывается инерція уже стараго, но вѣдь еще только вчерашняго самочувствія. Безсмысленное, безоглядное націоналистическое давленіе вчерашней россійской государственности вызвало соотвѣтственное напряженіе націоналистическаго же противогосударственнаго озлобленія въ подавляемыхъ народахъ, сепаратистское настроеніе и идеалогію, которыя — при внезапно перемѣнившихся обстоятельствахъ, открывшихъ свободу для нестѣсняемыхъ проявленій, — и вызвали въ освобожденной Россіи разбѣгъ отчужденія, накопившагося въ Россіи деспотической. Отчасти, впрочемъ, дѣйствуетъ и другое: общая свободная государственность многими предполагается уже данной, и слѣдовательно само собою подразумѣвающеюся; мысль же и дѣйствіе направляются въ ту сторону, которая ощущается во всякомъ случаѣ какъ еще требующая защиты и осуществленія.

А между тѣмъ отсюда получается — или во всякомъ случаѣ можетъ получиться — видимость, не только не соотвѣтствующая интересамъ какъ государственнаго цѣлаго, такъ и входящихъ въ его составъ народностей, но еще могущая существенно повредить и тѣмъ, и другимъ. Въ томъ сыромъ, предстроительномъ, предучредительномъ состояніи, въ которомъ сейчасъ находится Россія, когда строить приходится все, и приходится строить спѣшно и рѣшительно, когда дѣла мѣсяцевъ и годовъ предопредѣлятъ теченіе и судьбы десятилѣтій — аберрація лозунговъ можетъ имѣть особо опасное соціально-государственное значеніе. Нѣкоторую опасность они могутъ представить и психологическую, вызвавъ неправильную, но широко распространенную ассоціацію между свободой и сепаратизмомъ, и тѣмъ

самымъ связавъ противодѣйствіе второму съ противодѣйствіемъ первой. Наболѣвшія застарѣлыя чувства, привычные предразсудки и формулы сохраняютъ и въ революціонныя эпохи необычайную живучесть, и пробиться сквозь нихъ къ подлинному пониманію дѣйствительности столь же трудно, какъ необходимо. Въ предреволюціонное же время такъ же упорно съ одной стороны считали, что единство цѣлаго требуетъ подавленія свободнаго развитія частей, какъ неясно съ другой стороны оцѣнивали, „что для обезпеченія мирнаго сосуществованія народовъ недостаточно одной автономіи отъ цѣлаго, нужны и центростремительная сила зависимости отъ цѣлаго, единство множества націй въ цѣломъ единаго государства“ [1]).

Для большей отчетливости развиваемаго здѣсь взгляда я считаю нужнымъ перемѣстить обычную постановку національнаго вопроса. Обычно свободное государство предполагается, какъ само собою разумѣющаяся предпосылка автономіи живущихъ въ немъ національностей, въ настоящей статьѣ я предполагаю, какъ нѣчто само собою разумѣющееся, что въ свободной Россіи, многонародной и многопространственной, народамъ не можетъ не быть дана свобода національной жизни и самодѣятельнаго творчества, какъ не можетъ не быть дано широкое самоуправленіе различнымъ ея составнымъ областямъ, — и вопросъ я ставлю о значеніи для этихъ задачъ общегосударственнаго единства.

При этомъ замѣчу, что суть вопроса заключается сейчасъ не въ тѣхъ или иныхъ формахъ, а только въ устремленіяхъ — къ сепаратизму того или иного вида съ одной стороны, или же съ другой стороны — къ единству. Форма сама по себѣ имѣетъ второстепенное значеніе; и напр. форма федерализма, которая считается обыкновенно воплощеніемъ наиболѣе далеко идущей автономіи, на самомъ дѣлѣ въ исторіи бывала воплощеніемъ не сепаратистическихъ, а объединительныхъ тенденцій. Изъ независимыхъ ячеекъ путемъ федераціи сложилось государство Соединенныхъ Штатовъ Америки со все усиливающейся централизаторской тенденціей; изъ самостоятельныхъ королевствъ, княжествъ и вольныхъ городовъ сложилась путемъ своеобразной федераціи едино-централизованная Германская имперія, неимовѣрно развившая послѣ своего федеративнаго объединенія не одинъ только свой военный механизмъ — какъ нынче принято обыкновенно утверждать — но и научную культуру, матеріальную производительность и соціальную организованность, въ частности и сплоченность пролетарской организаціи. (Небезынтересно къ тому же отмѣтить сравнительную прогрессивность

[1]) См. мою брошюру „Польско-еврейскія отношенія“, 1915, стр. 40.

германскаго имперскаго представительства и законодательства по сравненію съ представительствомъ и законодательствомъ ряда составныхъ государствъ, при томъ какъ наиболѣе крупныхъ, такъ и наиболѣе мелкихъ). Наконецъ, и въ Англіи федеративное устремленіе знаменуетъ собою стремленіе къ объединенію; ибо въ силу своеобразной структуры островного государства, нѣкоторыя изъ его колоній получили фактически полную независимость (подъ военнымъ протекторатомъ метрополіи); теперешнее имперіалистически-федеративное стремленіе ведетъ къ тому, чтобы, сдѣлавъ эти колоніи участницами единой власти, возложить на нихъ и бремя общихъ повинностей, и тѣмъ сплотить ихъ въ болѣе тѣсное единство съ метрополіей; переходъ отъ автономіи (колоній) къ федерализму (Британской имперіи) знаменуетъ здѣсь не ослабленіе единства, не увеличеніе сепаратизма, а наоборотъ, болѣе тѣсное государственное объединеніе, ростъ централизаціи. Поэтому и представляется болѣе правильнымъ — не вдаваться въ обманчивую привычность готовыхъ формъ и формулъ (а, пожалуй, нерѣдко — простыхъ словъ), прикрывающихъ подчасъ весьма различное содержаніе, а остановиться лишь на самомъ содержаніи, — на противоположеніи основныхъ тенденцій, центробѣжной и центростремительной, сепаратистической и объединительной, тенденціи къ государственному расчлененію и къ государственному единству.

II.

Задача удовлетворенія національныхъ требованій для насъ можетъ быть поставлена лишь въ плоскости общаго вопроса разрѣшенія требованій всякой національности, — а не въ плоскости желаній одного какого-либо народа стать изъ угнетеннаго — угнетателемъ, изъ подчиненнаго — господствующимъ. Ибо добиваться для своего народа не только освобожденія, самодѣятельности, но и мощи, господства надъ другими — это дѣло силы, борьбы, ловкости, удачи; это не вопросъ справедливости и правового обоснованія. Но не о мощи какой-либо одной народности ставится здѣсь вопросъ, а о совмѣстномъ удовлетвореніи требованій всякой народности. Въ этомъ отношеніи — основнымъ фактомъ, непосредственно бросающимся въ глаза въ области національной проблемы всей восточной и юго-восточной Европы, является то обстоятельство, что національности живутъ здѣсь не въ территоріальной раздѣльности, а въ непрерывныхъ переходахъ и смѣшеніяхъ. Конечно, имѣются территоріи, болѣе или менѣе сплошь населенныя одною какою-либо народностью, но она же распространена и на сосѣднихъ территоріяхъ вперемежку уже съ народностями иными. Національныя смѣшенія и черезполосица

характерны для большинства мѣстностей и народовъ Россіи; при чемъ разныя національности неравномѣрно сосредоточены и по различнымъ соціальнымъ классамъ; такъ обстоитъ дѣло между армянами, грузинами и татарами; между литовцами, поляками и евреями; между литовцами, бѣлоруссами и русскими; между украинцами, поляками и евреями; между татарами и русскими — въ соотвѣтственныхъ частяхъ Россіи. Нація, въ однихъ мѣстахъ составляющая большинство населенія, въ другихъ оказывается въ меньшинствѣ, и обратно. Отсюда уже съ перваго взгляда ясно, что не только нельзя раздѣлить территоріально Россію такъ, чтобы соотвѣтственно распредѣлились и націи, но ясно и другое: что въ каждомъ изъ такихъ подраздѣленій мы получимъ одну націю, составляющую большинство, но, впрочемъ, не включенную въ него цѣликомъ, и одну или даже двѣ-три націи меньшинства. Я уже оставляю въ сторонѣ вопросъ о совершенно неразрѣшимыхъ взаимныхъ претензіяхъ, къ какой автономной области отнести ту или иную территорію — къ Польшѣ или Литвѣ, къ Польшѣ или Украйнѣ, къ Литвѣ или Бѣлоруссіи и т. п.; но даже предполагая эту стадію взаимныхъ притязаній, споровъ, борьбы, какъ-нибудь превзойденной, мы остаемся передъ совершенно неотвратимымъ фактомъ сосуществованія двухъ (или больше) неравносильныхъ національныхъ группъ на сравнительно ограниченной территоріи. Согласно ходячимъ представленіямъ о національной автономіи территорія эта организуется по національному признаку (господствующей національности); но численно-господствующая въ данной области національность до сихъ поръ не была государственно-господствующей, и слѣдовательно, не имѣя готоваго аппарата власти, соціальнаго руководительства и т. п., она еще только должна свое господство создать, утвердить. Претендуя не только на національное преобладаніе, но и на всецѣло національное построеніе своей области, но не владѣя таковымъ, а къ тому же дѣйствуя въ разбѣгѣ національной побѣды — такая господствующая нація не можетъ не вести съ особой настойчивостью сугубо націоналистической политики. И мы получимъ — вмѣсто одной господствовавшей въ Россіи націи — множество господствующихъ (надъ соотвѣтствующими меньшинствами) націй по разнымъ частямъ и угламъ Россіи. Лѣтъ шесть назадъ при старомъ режимѣ всесторонняго угнетенія мнѣ пришлось формулировать вопросъ такимъ образомъ: „не появится ли на мѣсто единаго зоологическаго націонализма, господствовавшаго на всю имперію — по разнымъ угламъ великой Россіи — цѣлый звѣринецъ маленькихъ націонализмовъ, поѣдающихъ, кто что можетъ“ [1]). Конечно, свер-

[1]) См. тамъ же, стр. 35.

женіе стараго строя мѣняетъ условія и характеръ процесса; однако, дѣло вѣдь здѣсь не въ абсолютномъ масштабѣ, а въ относительномъ, — въ сопоставленіи процессовъ національнаго освобожденія въ единой россійской государственности и въ самодовлѣющихъ автономныхъ ея частяхъ. А въ этомъ отношеніи необходимо отмѣтить, что національное освобожденіе именно при нынѣшнихъ условіяхъ естественно получаетъ въ цѣломъ Россіи и въ отдѣльныхъ, ставшихъ самодовлѣющими ея частяхъ, существенно различное, почти противоположное направленіе. Россійская самодержавная имперія, построенная на всевозможныхъ угнетеніяхъ, а въ частности — и на угнетеніи національномъ, раскрѣпощенная переворотомъ, получила толчекъ къ отрицанію и сверженію всякаго гнета, въ частности же и гнета національнаго. Главная масса предстоящей работы въ руслѣ общегосударственномъ естественно будетъ направлена по линіи общегосударственнаго же строительства, по линіи залѣчиванія ранъ и болячекъ прошлаго, по линіи разрѣшенія общеполитическихъ и соціальныхъ задачъ. Если только разсчитывать на сколько-нибудь благополучное разрѣшеніе предстоящихъ задачъ, то его нельзя ожидать иначе, какъ путемъ всеобщихъ усилій, всеобщей работы, напряженій всѣхъ слоевъ и народовъ. Принудительно гнить Россія могла въ гнетѣ надъ народами и классами; оправиться Россія можетъ только въ содружной и свободной работѣ всѣхъ. Ни у одного ея народа, хотя бы численно господствующаго, не хватитъ силъ на угнетеніе или ограниченіе другихъ при одновременномъ осуществленіи гигантской задачи возсозданія государства. И потому посколько Россіи суждено въ свободѣ воскреснуть къ творческой государственной жизни, — въ ней обезпечены свободная жизнь и самодѣятельное развитіе и отдѣльнымъ ея національностямъ. Совершенно иначе обстоитъ дѣло примѣнительно къ ея отдѣльнымъ самодовлѣющимъ частямъ, выдѣленнымъ по національному признаку.

Такъ какъ такія области предположительно должны быть организованы по національному принципу, то здѣсь все вниманіе, вся работа, всѣ усилія неизбѣжно будутъ устремлены подъ этимъ знакомъ; и слѣдовательно надъ соціальной и политической задачей неизбѣжно будетъ обладать первенствомъ задача чисто-національная. А первенство національнаго созиданія въ многонаціональной области не можетъ не приводить къ націоналистическому угнетенію.

Но и помимо спеціальныхъ условій настоящей эпохи, и при разсмотрѣніи вопроса въ перспективѣ неопредѣленно длительнаго мирнаго существованія, — не можетъ подлежать сомнѣнію, что наименѣе благопріятнымъ для безболѣзненнаго разрѣшенія національной проблемы является государственная среда, включаю-

щая на ряду съ господствующею національностью еще одно или два сравнительно малочисленныя національныя меньшинства. Національныхъ трудностей не существуетъ въ однонаціональномъ государствѣ, и потому трудности національнаго сожительства при преобладаніи одной національности, имѣющей рядомъ съ собою еще національное меньшинство, естественно разрѣшаются въ сторону приближенія къ однонаціональному типу, т. е. въ сторону принудительнаго ассимилированія, подавленія или выключенія національныхъ меньшинствъ. Такая тенденція къ національному гнету возможна и въ большой многонаціональной имперіи, гдѣ національностей множество и нѣтъ трагическаго tête-à-tête двухъ — слабаго и сильнаго народовъ. Однако, въ этомъ случаѣ угнетеніе множества народовъ достижимо лишь путемъ такого насильничества, которое угрожаетъ самому существованію государства. Ради самосохраненія оно нуждается въ сотрудничествѣ инородцевъ, и при многонаціональности ихъ — и при свободѣ въ немъ — подрывается смыслъ угнетенія какихъ-либо отдѣльныхъ группъ. Когда свободное великое государство „объемлетъ много религій, помимо христіанскихъ и еврейской, и религіи: магометанскую, буддійскую и друг., оно не можетъ процвѣтать внѣ вѣротерпимости; когда оно объемлетъ множество расъ и народовъ, оно не можетъ свободно развиваться, не давъ возможности жизни этимъ народамъ, ибо изъ нихъ оно состоитъ и ихъ содѣйствіемъ держится. Когда „имперія“ объемлетъ различные источники культуры, на ряду съ культурой господствующей — и другія, частью погасающія, но еще могущія ожить, частью нарождающіяся, но частью уже происполненныя силъ, она можетъ въ качествѣ „имперіи“ существовать, лишь не затрачивая силъ на ихъ внутреннее искорененіе, не отравляя этихъ источниковъ недовольствомъ, не ввергая ихъ, т. е. частью себя — въ парализованное прозябаніе. Въ этомъ интересъ великой многонаціональной „имперіи“, творческой и дѣйственной, т. е. свободной и прогрессивной. Въ этомъ же и интересъ населяющихъ ее народностей“... „Именно, являясь совмѣстнымъ бытіемъ множества народовъ, сообща его составляющихъ и имъ управляющихъ, великое демократическое государство, свободная „имперія“, сильнѣе каждаго мѣстнаго, хотя бы и сильнаго коллектива, способно его обуздать, и можетъ имѣть интересъ это сдѣлать, — поскольку само изъ многихъ народовъ складывается и заинтересовано въ ихъ мирномъ сожительствѣ“. И потому „соучастіе въ многонаціональной „имперіи“, если только она построена на принципѣ демократіи и свободы, соединяетъ для нихъ просторъ и мощь участія въ великой силѣ съ возможностью сохранить свою

индивидуальность въ средѣ множества національныхъ коллективовъ“ [1]).

Именно, въ національномъ отношеніи существованіе въ многонаціональномъ великомъ государствѣ, свободномъ и демократическомъ, выгоднѣе для отдѣльныхъ національностей, чѣмъ существованіе вдвоемъ (или втроемъ) въ государствѣ небольшомъ. И въ особенности это такъ для націй небольшихъ, для націй, разсѣянныхъ на большемъ пространствѣ, для націй, въ разныхъ своихъ частяхъ сосуществующихъ съ различными другими національностями, для націй, не обладающихъ собственной богатой культурой, сосредоточенныхъ преимущественно въ одномъ какомъ-либо соціальномъ слоѣ (напр., крестьянскомъ или торговомъ). Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ государственное расчлененіе ведетъ къ безысходнымъ національнымъ угнетеніямъ и грызнѣ, а велико-государственное, въ этомъ смыслѣ „имперское“ объединеніе — въ предположеніи демократіи и свободы — создаетъ предпосылку свободной многонаціональной жизни. Само собой разумѣется, что эта свободная національная жизнь требуетъ и опредѣленныхъ государственныхъ формъ, соотвѣтствующихъ особенностямъ и строенію отдѣльныхъ націй, и что задача созданія такихъ формъ національнаго сожительства въ многонаціональномъ государствѣ представляетъ не мало трудностей и сложностей. Но сейчасъ моей цѣлью было столь же мало отрицать эти формы, какъ и выяснять ихъ; моей цѣлью было только отмѣтить, что ихъ слѣдуетъ отыскивать и создавать въ устремленіи къ общегосударственному совмѣстному существованію, къ великогосударственному единству, а не въ сепаратизмѣ тщательно выдѣленныхъ и отграниченныхъ національныхъ, территоріально-національныхъ ячеекъ. Единая, а не расчлененная Россія нужна націямъ, ее населяющимъ, — въ ихъ національномъ же интересѣ.

III.

Было бы неполно и неискренне, если бы я ограничился въ обоснованіи значенія единства Россіи для націй, ее населяющихъ, лишь однимъ ихъ специфически-національнымъ интересомъ. Націи состоятъ изъ людей данной національности; но люди данной національности являются рабочими и купцами, крестьянами и инженерами, помѣщиками и чиновниками. Исключительное сосредоточеніе на національномъ въ націи, заслоняющее соціальные и политиче-

[1]) См. мою ст. „Еврейство и имперія“, въ журналѣ „Національныя проблемы“, № 1, 1915, а также упомянутую брошюру, стр. 41.

скіе интересы ея состава, составляетъ одно изъ большихъ бѣдствій и ошибокъ нашего времени.

Довольно характерно это забвеніе проявляется въ наши дни по крайней мѣрѣ на поверхности общественно-національной жизни. Правда, что республика, свобода, равенство, оказались фактически установленными въ нѣсколько дней. Однако, никто вѣдь не думаетъ, что этимъ установленіемъ и разрѣшаются всѣ задачи государственной перестройки Россіи. И вѣдь дѣло отнюдь не въ томъ только, чтобы обезпечить добытое отъ такъ называемой контръ-революціи, а въ томъ, главнымъ образомъ, чтобы реализовать новый государственный строй въ соотвѣтствующей системѣ права, организаціи народа, соціальномъ укладѣ, въ томъ, чтобы сотворить новый государственный строй, — ибо реализація предполагаетъ именно творчество, созданіе новыхъ формъ и отношеній, а не простое обезпеченіе и предохраненіе отъ реакцій и контръ-революцій. И, разумѣется, о наиболѣе привычныхъ соціальныхъ и политическихъ задачахъ немедленно же и зашла рѣчь — въ области ли рабочаго права, или аграрнаго вопроса, организаціи суда или управленія. Характерно, что собранія и съѣзды отдѣльныхъ національностей склонны оставлять въ тѣни эти и подобные вопросы, выдвигая на первый планъ задачу специфически національную, а съ нею тѣ государственныя или административныя, которыя всецѣло ею опредѣляются (напр. національно-федеративный строй). Задача специфически-національная поглощаетъ или оттѣсняетъ задачи политическія, государственныя, соціальныя, просвѣтительныя (ибо и просвѣщеніе трактуется не какъ таковое, а лишь въ плоскости національзаціи просвѣщенія). Не столько о содержаніи заботятся, сколько о національныхъ формахъ для этого содержанія. Удивительнаго въ этомъ ничего нѣтъ; угнетеніе долгихъ десятилѣтій, обиды и стѣсненія не могутъ не дать отзвука въ первый же день свободы; съ наибольшимъ размахомъ расправляются члены наиболѣе сдавленные; съ наибольшею радостью устремляются къ тому, что было сугубо запретнымъ. Но фактъ, хотя бы и легко объяснимый, не перестаетъ отъ того быть фактомъ: специфически національное заслоняетъ общегосударственное, соціальное, политическое, просвѣтительное. Можно надѣяться, что со временемъ — по удовлетвореніи важнѣйшихъ національныхъ запросовъ, другіе интересы постепенно выдвинутся на принадлежащее имъ мѣсто; но трудно закрыть глаза на то, что поскольку національная жизнь урѣзанная и придавленная въ предыдущій періодъ, подлежитъ не столько осуществленію, сколько созданію, выработкѣ заново, — большая часть энергіи, заинтересованности, вниманія, заботы будетъ

направлена, именно, въ эту сторону съ непосредственнымъ ущербомъ для гражданскихъ и соціальныхъ задачъ времени. Если въ центральныхъ, общероссійскихъ учрежденіяхъ будутъ въ первую голову поставлены задачи именно соціальныя и гражданственныя, то въ мѣстныхъ, національно-автономныхъ организаціяхъ, онѣ, вѣроятнѣе всего, будутъ оттѣснены задачами не только мѣстными, но и специфически національзаторскими. Гражданственность, соціальный и политическій строй, будутъ коваться въ общероссійскихъ учрежденіяхъ, въ общероссійскомъ общественномъ мнѣніи, въ общероссійскомъ бассейнѣ; по автономно-національному руслу будутъ преимущественно коваться національныя формы. И это логически могло бы дать удовлетворительное сочетаніе, если бы фактически отдѣльныя національности тѣмъ самымъ не были въ лицѣ своихъ дѣятельныхъ элементовъ поглощены своимъ національнымъ автономизмомъ, если бы сепаратистическая тенденція не овладѣла ими, если бы сознаніе необходимости и важности россійскаго единства сохранило дѣйственную мощь, не заслоненное сепаратистическими настроеніями и идеологіями. Но для этого необходимо твердо держать знамя единства не заслоненнымъ пестротою сепаратистическихъ знаменъ; для этого — не пренебрегая своими національными заботами и стремленіями, необходимо твердо идти по пути объединенно-россійскаго строительства, — иначе не только отдѣльныя національности свои силы посвятятъ не соціально-гражданскому строительству, а выработкѣ однѣхъ лишь національныхъ формъ, но еще тѣмъ самымъ онѣ отвлекутъ отъ общегосударственной жизни и сократятъ силы и энергію соціально-гражданственной работы. Мало того, отсюда можетъ послѣдовать и дополнительный печальный эффектъ. Именно, не только національное строительство заслонитъ соціальные и гражданственные вопросы въ инонаціональныхъ частяхъ Россіи, но и Россія преимущественно великорусская пронижется отвѣтнымъ специфически-національзаторскимъ настроеніемъ; а такъ какъ она полна инородческими элементами, какъ полны соотвѣтственно инородческими элементами и автономныя „окраины“, то трудно учесть тѣ опасныя для государственно-соціальнаго творчества послѣдствія, тѣ внутреннія трепія и противодѣйствія, которыя могутъ отсюда развернуться.

Въ частности — въ этихъ трепіяхъ, дробленіяхъ и противодѣйствіяхъ неизбѣжно должна ослабѣть позиція демократіи; ибо, именно, демократія въ первую голову терпитъ ущербъ отъ специфически-національныхъ оріентацій. Таковъ опытъ исторіи, и не трудно усмотрѣть общія соціологическія его основанія. Линія специфически-національнаго сплоченія разрываетъ линіи сплоченій

классовыхъ, политическихъ, профессіональныхъ. Для иныхъ — напр. въ области культуры — задачъ это и вполнѣ естественно; но когда этотъ разрывъ происходитъ въ плоскости напряженнаго соціально-государственнаго строительства, онъ не можетъ не отразиться на немъ весьма существеннымъ образомъ. Прежде всего въ національно-сепаратистически построенныхъ автономіяхъ сжимаются націи меньшинства, чуя угрозу своимъ интересамъ: а такъ какъ въ защитѣ этихъ интересовъ значительную роль естественно могутъ играть соціальные верхи, то центръ этого сжиманія передвигается къ экономически и соціально сильнымъ слоямъ. Но и въ націяхъ большинства происходитъ аналогичный процессъ; національная ревность и подозрительность, вызываемая трудностью заново спѣшно построить собственную государственность безъ исторической подготовки и преемственности отравляютъ источники демократизма. Задачи свободнаго соціальнаго и политическаго творчества неизбѣжно отступаютъ передъ ревниво преслѣдуемой острой національзаторской задачей; равенство отступаетъ передъ національнымъ критеріемъ, свобода несовмѣстима съ трудностью и категорической предвзятостью національнистическаго заданія.

Существеннымъ въ соціально-политической борьбѣ является не только совокупность соціальныхъ задачъ и соціальныхъ силъ, въ ней участвующихъ, но и распредѣленіе первыхъ около опредѣленныхъ фокусомъ вниманія, распредѣленіе вторыхъ около опредѣленныхъ центромъ группировки. И если во главу угла ставятся задачи національно-сепаратистическія, то другія задачи оттѣсняются на вторыя мѣста въ полѣ общественнаго вниманія и общественнаго дѣйствія; въ общественной борьбѣ неизмѣнно второстепенное приходится откладывать, ослаблять, урѣзывать во имя основного. Когда первостепенной задачей является задача національзаторская, то урѣзывать и откладывать приходится задачи соціальныя, политическія, государственныя. Помимо этого — не слѣдуетъ упускать изъ вниманія, что ко всѣмъ группировкамъ неизмѣнно присоединяется немало людей съ периферіи, лишь въ основномъ примыкающихъ къ общимъ лозунгамъ, ихъ объединяющимъ; поэтому къ группировкамъ, централизующимся около классовой идеи естественно примыкаютъ люди независимо отъ различій и разногласій вѣроисповѣдныхъ, національныхъ, нерѣдко и политическихъ; къ группировкамъ, централизующимся около политической идеи, примыкаютъ люди разныхъ классовъ и разныхъ національностей; къ группировкамъ національнымъ или вѣроисповѣднымъ примыкаютъ люди и независимо отъ классовой и политической принадлежности.

Это мы всюду и наблюдаемъ въ западно-европейскихъ странахъ. Клерикальныя партіи (напр. германскій центръ) объединяютъ рабочихъ съ аристократами, консерваторовъ съ людьми сравнительно прогрессивными; и то же относится и къ нѣкоторымъ національнымъ партіямъ Австріи. Отсюда и своеобразный колеблющійся, компромиссно-лавирующій характеръ подобныхъ партій. Онѣ обыкновенно сочетаютъ иныя демократическія требованія съ плутократическими, поддерживаютъ традиціи и реформы, то накреняясь болѣе на одинъ бокъ, то на другой. И что относится къ партіямъ, относится и вообще къ разнаго типа общественно-политическимъ объединеніямъ и дѣятельности. Поэтому націоналистическій лозунгъ и ведетъ къ національнымъ скопленіямъ и объединеніямъ, нарушающимъ въ ущербъ демократіи линіи соціальнаго и политическаго объединенія.

Конечно, мыслимо представить такую структуру, при которой общественныя группировки складываются по національному признаку, а въ ихъ предѣлахъ далѣе подраздѣляются по признаку классовому, политическому и т. п. Но дѣло въ томъ, что подобныя мелкія дробленія, возможныя только въ извѣстныхъ предѣлахъ, приводятъ къ крайней множественности и малозначительности организованныхъ силъ, получающихся въ результатѣ подобныхъ повторныхъ дѣленій, подраздѣленій, подъ-подраздѣленій; а между тѣмъ для успѣшности политико-соціальной работы необходимо сосредоточеніе большихъ массъ; кромѣ того, подобная дробность приводитъ къ расточительности силъ, времени, формальной организаторской дѣятельности, а слѣд. и къ общественной утомленности, безучастности, — и потому допустима лишь въ опредѣленныхъ границахъ. Здѣсь не мѣсто развивать въ положительной формѣ принципы подлежащей организаціи національныхъ, соціальныхъ, политическихъ интерересовъ; достаточно въ предѣлахъ настоящей статьи отмѣтить, что рѣшающее вмѣшательство націоналистическаго принципа, и въ особенности — сепаратистически-націоналистическаго принципа, въ политико-соціальную борьбу ведетъ къ разрыву соціально-политическихъ линій объединенія; и что ближайшимъ послѣдствіемъ этого является ослабленіе именно демократическихъ позицій, отвлеченіе отъ задачъ соціальныхъ и политическихъ, отъ общегосударственнаго строительства, отъ организаціи широкой свободы, общаго производительнаго подъема, благопріятнаго распредѣленія; сепаратистическая тенденція, разводя близкіе соціально и политически элементы по разнымъ угламъ, ослабляетъ силу и устойчивость демократіи.

IV.

Характерный и знаменательный примѣръ того, какъ исключительное или рѣшающее господство національнаго принципа, нарушая соціально-политическія, государственныя линіи, искажаетъ нормальное строеніе и развитіе народное, — даетъ самая проблема автономіи.

Внѣ всякихъ возможныхъ сомнѣній, страна такого протяженія, какъ Россія, не можетъ и не должна управляться изъ одного центра. Весьма глубоко идущее самоуправленіе — быть можетъ, нѣсколько различное для разныхъ частей Россіи — является несомнѣнно насущнѣйшей потребностью и необходимостью здороваго развитія страны. Съ другой стороны, внѣ сомнѣній и то, что въ странѣ, населенной столь большимъ количествомъ національностей, — угнетеніе таковыхъ означаетъ и подавленіе всей государственной жизнедѣятельности, прозябаніе и омертвѣніе страны. Каковы должны быть автономныя формы самоуправляющихся областей и каковы формы національнаго свободнаго развитія — это вопросы въ настоящемъ мѣстѣ не подлежащіе разсмотрѣнію; какъ бы то ни было, единый процессъ государственнаго освобожденія и расцвѣта Россіи предполагаетъ и національную свободу и самоуправленіе областей, предполагаетъ въ этомъ смыслѣ свободное развитіе и національное и областное. Въ руслѣ свободнаго развитія единой Россіи должно сложиться и то, и другое въ соотвѣтствіи съ интересами какъ цѣлаго, такъ и заинтересованныхъ частей. Но націоналистическая точка зрѣнія заранѣе ставитъ вопросъ въ иную плоскость и тѣмъ не только искажаетъ государственное дѣло, но несетъ ему серьезныя угрозы и затрудненія

Надо сказать, что въ этомъ отношеніи неожиданнымъ образомъ агрессивный милитаризмъ подалъ руку внутреннему націоналистическому сепаратизму или, точнѣе говоря, лилъ воду на его мельницу. Политика расчлененія Австріи, Турціи, частью и Германіи, проповѣдуемая и преподносившаяся за все время войны подъ флагомъ національнаго освобожденія, совпала съ политикой внутренняго государственнаго разложенія во имя того же принципа.

Мнѣ приходилось въ разгарѣ войны, общественнаго упоенія ея лозунгами и ихъ цензурной охраны, высказываться противъ лозунговъ раздѣла вражьихъ странъ во имя будто освобожденія національностей [1]) и при томъ высказывался противъ нихъ не только въ виду

[1]) „Идея этнической государственности“, см. „Сѣверныя Записки“ 1915 г., Апрѣль.

лицемѣрнаго примѣненія этихъ лозунговъ къ другимъ безъ примѣненія ихъ къ себѣ, но и въ виду не демократичности этихъ лозунговъ самихъ по себѣ. Это даетъ мнѣ право теперь, при примѣненіи тѣхъ же идей къ внутреннему строенію Россіи и при такомъ же общественномъ упоеніи ими — и въ этомъ примѣненіи снова обратить вниманіе на ихъ отрицательныя и опасныя стороны. Суть дѣла и здѣсь заключается въ томъ, что справедливыя, болѣе чѣмъ справедливыя національныя требованія примѣняются къ рѣшенію несоотносительныхъ съ ними проблемъ. Въ примѣненія къ лозунгу расчлененія государствъ по этническому принципу я писалъ: „Границы государства могутъ обоснованно опредѣляться лишь общегосударственными же, а не спеціально этническими задачами, — задачами государственной устойчивости, возможностями наилучшаго культурно-соціальнаго использованія". И то же аналогично относится и къ внутреннему государственному расщепленію на самодовлѣющія автономіи. Территорія, законно долженствующая быть выдѣленной въ качествѣ автономной, не должна опредѣляться единственно (или хотя бы главнымъ образомъ) по этническому признаку ея населенія. Ибо автономія, самоуправленіе не касается однихъ только этническихъ интересовъ даннаго населенія, а его соціальныхъ, экономическихъ, правовыхъ, культурныхъ интересовъ; въ этихъ же отношеніяхъ не меньшее значеніе имѣютъ и самыя свойства территоріи — ея географическія очертанія и особенности, ея хозяйственныя возможности; не меньшее значеніе имѣетъ матеріально культурная структура страны, экономическія отношенія производства и рынковъ, и наконецъ, даже и особенности личнаго состава населенія, — но не одни этнически національныя особенности. Конечно, разселеніе той или иной національности происходитъ въ нѣкоторой связи съ соціальной структурой разселяющихся и съ экономико географическимъ строеніемъ территоріи разселенія, — но только въ нѣкоторой связи. Въ длинномъ историческомъ процессѣ націи разливались по территоріи, не считаясь съ ея цѣлостнымъ географико-экономическимъ характеромъ; вмѣстѣ съ тѣмъ — разливались по разнымъ территоріямъ, сохраняя національное единство; и кромсать географически-территоріальное единство, кромсать сложно сплетающійся соціальный комплексъ во имя выдѣленія національной, этнической цѣлостности, значитъ нарушать существеннѣйшіе народные интересы, существеннѣйшіе интересы населенія, задерживать его хозяйственную дѣятельность, его соціально-культурное развитіе во имя націоналистической идеи, которая однако, въ свою очередь осуществлена быть не можетъ потому, что слишкомъ много въ восточной Европѣ

территорій многонаціональныхъ. Перекройка сообразно этническому принципу не только не повела бы къ реальной автономіи соотвѣтствующихъ областей, а привела бы къ тому, что одна окажется въ безпомощной фактической зависимости отъ другой — къ тому, что хозяйственно и соціально связанная область можетъ оказаться разбитой между разными самоуправленіями, и каждое изъ нихъ включало бы въ себѣ отрѣзки разнородные и внутренне не связанные между собой. Подобная перекройка привела бы не къ автономіи, а, именно, къ гетерономіи областей, къ нескончаемымъ между ними треніямъ, борьбѣ (быть можетъ, съ перспективой и вооруженной борьбы), создало бы и внутреннія и внѣшніе тормазы нормальному и полному развитію. Поистинѣ поразительно, какъ и слѣва и справа забыли о томъ, что самоопредѣленіе въ сложныхъ процессахъ производства и творчества, работы и распредѣленія, матеріальнаго и правового устроенія — не связано исключительно или главнымъ образомъ съ національностью индивидовъ. Хороша была бы соціальная работа, если бы, предположимъ, рабочій комитетъ для сношеній съ управленіемъ завода представлялъ не всѣхъ рабочихъ даннаго завода, а рабочихъ одной національности нѣсколькихъ заводовъ разныхъ производствъ, при чемъ рабочіе другой національности тѣхъ же заводовъ имѣли бы особые комитеты — для тѣхъ же сношеній съ администраціей того же завода; если бы примирительная камера связывала не представителей рабочихъ и хозяевъ даннаго производства, а рабочихъ и хозяевъ разныхъ производствъ, но зато одной національности; если бы функціи городского самоуправленія опредѣлялись не соціально-муниципальной структурой города, а національностью обслуживаемыхъ лицъ, и напр. трамваи шли не по направленіямъ общегородского движенія, а сообразно разселенію по городу различныхъ національностей, и особые телефонные кабеля связывали не сосѣдніе дома, а дома, принадлежащіе или населенные лицами преимущественно одной національности; если бы единый горный округъ былъ искусственно расчлененъ между разными государствами или штатами: если бы шлюзованіе одной и той же рѣки было предоставлено разнымъ распорядителямъ въ зависимости отъ языка, на которомъ говорятъ жители прибрежныхъ деревень. А между тѣмъ, именно, такого рода послѣдствія, но только несравненно болѣе значительныя, неминуемо должны получиться, если руководиться при построеніи самоуправляющихся областей однимъ только признакомъ національности населенія. Поистинѣ остается удивляться той аберраціи, которая нынѣ происходитъ у такого множества людей, заставляющая забыть экономику, географію, право, соціологію во имя одного національнаго признака

индивида. Свободное государство, свободная Россія не можетъ поступить иначе, какъ предоставить націямъ свободу національнаго творчества и развитія и широчайшую самодѣятельность въ національныхъ дѣлахъ; въ Россіи свободной и для свободы Россіи и необходимо и неизбѣжно широкое областное самоуправленіе, — но отождествлять національную самодѣятельность съ областнымъ самоуправленіемъ, строить автономіи государственныя по признаку національному, подчинять экономику, право, культуру одному національному моменту — значитъ тормозить соціальное и правовое развитіе страны, вносить въ нее національный разладъ и вражду, создавать новыя условія зависимости и подчиненности. Въ этомъ отношеніи приходиться признать, что подъ лозунгомъ націонализма дѣлается не дѣло освобожденія, прогресса и демократіи, а дѣло новой связывающей народы реакціи.

V.

Можно думать, что и апологеты національнаго расщепленія государства иной разъ вспоминаютъ объ экономическихъ, географическихъ и прочихъ связяхъ населенія, иной разъ задумываются надъ той путаницей и реакціей, которую можетъ внести прямое проведеніе ихъ идеи. Но на такія сомнѣнія у нихъ имѣется готовый отвѣтъ и выходъ; пусть сами націи рѣшатъ, какъ имъ устраиваться, въ какой имъ оставаться степени независимости или связности съ другими націями и съ цѣлымъ. Національное самоопредѣленіе путемъ плебисцита — такой отвѣтъ кажется уже вершиной свободомыслія, демократизма, политическаго идеализма.

Я не буду останавливаться подробнѣе на вопросѣ о томъ, что если такой выходъ примѣнимъ, напр., къ опредѣленію формы правленія въ предѣлахъ уже преднамѣченнаго государства или области, то менѣе всего онъ примѣнимъ къ опредѣленію самихъ предѣловъ государства или области, ибо ясно, что результатъ плебисцита и самоопредѣленія здѣсь всегда будетъ уже предрѣшенъ тѣмъ кругомъ населенія, въ которомъ онъ производится, и слѣдовательно результатъ плебисцита и самоопредѣленія предрѣшенъ уже до плебисцита и до самоопредѣленія. Такъ, напр., если плебисцитъ и самоопредѣленіе производятся въ предѣлахъ Ковенской, Виленской и Сувалкской губерній, онъ будетъ, для Сувалкской губерніи инымъ, чѣмъ если онъ производится въ предѣлахъ, положимъ, бывшихъ Сувалкской, Ломжинской, Плоцкой, Варшавской губерній. Если плебисцитъ производится въ предѣлахъ Витебской и Могилевской губ., онъ будетъ инымъ для сѣверныхъ уѣздовъ Витебской гу-

берніи, чѣмъ если онъ производился бы въ предѣлахъ губерній Курляндской, Лифляндской, Витебской. Если плебисцитъ производился бы въ составѣ всего Сѣверо-Западнаго края, онъ былъ бы для Ковенской и Виленской губерніи инымъ, чѣмъ если онъ будетъ произведенъ для нихъ отдѣльно, или совмѣстно съ Сувалкской губерніей. И вообще результаты самоопредѣленія и плебисцита опредѣляются не плебисцитомъ и самоопредѣленіемъ, а тѣмъ принципомъ, которымъ опредѣляется кругъ населенія, производящаго плебисцитъ и самоопредѣленіе, другими словами — самоопредѣленіе по отношенію къ границамъ автономіи предопредѣлено границами производящаго самоопредѣленіе населенія. Я не утверждаю, что эти границы непремѣнно совпадутъ, я только утверждаю, что первыя опредѣляются вторыми; и что мы здѣсь имѣемъ дѣло не съ автономіей, а съ гетерономіей, не съ волей населенія, а съ предрѣшеніемъ этой воли тѣмъ принципомъ, который положенъ въ основаніе ея проявленія. Самоопредѣленіе здѣсь мнимое.

Но оставимъ въ сторонѣ этотъ рядъ соображеній. Вопросъ долженъ быть поставленъ глубже и принципіальнѣе. Пускай даже предрѣшенія нѣтъ, а есть подлинный процессъ національнаго самоопредѣленія. Можно ли на этомъ успокоиться, проявляется ли въ этомъ демократизмъ и свобода?

Думать такъ, значитъ повторять ту же роковую ошибку, которую нѣкогда допустилъ старый узко-доктринерскій либерализмъ примѣнительно къ личности. Онъ тоже стоялъ на идеѣ самоопредѣленія личности, — и какъ давно уже выяснено, что безоговорочно и безоглядно проведенная эта идея приводитъ къ угнетенію одной личности другою, къ угнетенію слабыхъ, — становится пустою формулой, за фасадомъ которой укрывается и притѣсненіе и гнетъ. Это настолько давно и твердо усвоено, что отрицаніе узко-либеральной формулы привело къ необоснованному и зловредному отрицанію того вѣчнаго содержанія личной свободы, независимости и самостоятельности, которое по существу въ ней все же имѣется. Но во всякомъ случаѣ ограниченіе этой формулы — или вѣрнѣе сочетаніе ея съ демократической формулой коллективной воли и съ соціальной формулой организаціи интересовъ массъ — является твердымъ достояніемъ современнаго сознанія. А между тѣмъ по отношенію къ національности повторяется старая ошибка узко-доктринерскаго либерализма. Ходячая формула національной автономіи есть только доктринерски либеральная, антидемократическая, антисоціальная формула въ примѣненіи къ національному коллективу.

Ибо въ самомъ дѣлѣ, вопросъ стоялъ бы просто, если бы человѣкъ не жилъ въ сообществѣ людей, если бы нація не жила въ

сообществѣ націй. Здѣсь принципъ самоопредѣленія личности — и націи — былъ бы вполнѣ умѣстнымъ и достаточнымъ. Но люди и націи живутъ въ фактической связности, въ отношеніяхъ фактической зависимости. Дѣятельности лица — и націи — фактически затрагиваютъ другихъ лицъ, другія націи; дѣятельности слабыхъ лицъ и націй — въ меньшей степени, сильныхъ — въ степени большей; дѣятельности лицъ и націй, занимающихъ благопріятное положеніе въ большей степени, занимающихъ положеніе неблагопріятное въ степени меньшей. И если не ограничить самоопредѣленія лицъ и націй не только самоопредѣленіемъ же другихъ лицъ и націй, но и просто охраной основныхъ насущныхъ интересовъ другихъ лицъ и націй — всѣхъ организованно существующихъ лицъ и націй то съ совершенной неизбѣжностью самоопредѣленіе однихъ перейдетъ во власть надъ другими, или въ подчиненіе другимъ, въ эксплоатацію другихъ или въ эксплоатируемость другими. Безоговорочная автономія перейдетъ въ неограниченную гетерономію. А такъ какъ вдобавокъ зависимости сплетаются и скрещиваются, то безоговорочное самоопредѣленіе лицъ и націй перейдетъ въ слѣпую и ожесточенную борьбу. Если одна нація сидитъ на территоріи, даже и весьма малой, но, положимъ, заключающей въ себѣ мѣсторожденіе минераловъ, абсолютно необходимыхъ для жизни и работы націй сосѣднихъ, то, конечно, она своимъ безоговорочнымъ самоопредѣленіемъ будетъ надъ ними господствовать. Но если при этомъ другая нація сидитъ на приморской полосѣ, черезъ которую проходитъ единственный путь жизненно необходимаго транзита для другихъ — и въ томъ числѣ для первой націи, то она со своей стороны будетъ имѣть элементы господства надъ ними; и, какъ всегда между господствующими — либо между ними будетъ борьба за „гегемонію“ либо они стакнутся для наиболѣе устойчиваго совмѣстнаго господства надъ другими. Все это — въ предположеніи безоговорочнаго самоопредѣленія, хотя бы и путемъ чистѣйшаго плебисцита. Разумѣется, противъ этого господства пойдетъ немедленно борьба, физическая, экономическая или какая бы то ни было, пока самоопредѣленіе благопріятно расположенныхъ націй не окажется ограниченнымъ общею волею другихъ націй, пока не будетъ организованнымъ образомъ обезпечено удовлетвореніе насущныхъ интересовъ всѣхъ (если только онѣ не окажутся подавленными тѣми). Принципъ національной автономіи столь же цѣненъ въ своей тенденціи, какъ и принципъ свободы личности. Но въ безоговорочномъ примѣненіи онъ ведетъ къ аналогичнымъ зловреднымъ, реакціоннымъ послѣдствіямъ. Какъ и принципъ узко-либеральный, онъ долженъ быть ограниченъ, подчиненъ, соче-

танъ съ принципами коллективной воли, общей организаціи насущныхъ интересовъ [1]). Въ примѣненіи къ автономіи національностей, входящихъ въ составъ государства, — это означаетъ первенство общегосударственнаго начала надъ началомъ мѣстнаго національнаго сепаратизма.

И въ самомъ дѣлѣ, даже по отношенію къ физически независимому, суверенному государству, формально всецѣло самоопредѣляющемуся, современное сознаніе все въ большей степени предъявляетъ требованія правовыхъ ограниченій — международными договорами, международными связующими организаціями. Современное сознаніе стремится къ ограниченію самоопредѣленія даже суверенныхъ государствъ, все же живущихъ самодовлѣющею въ нѣкоторой степени жизнью; и на ряду съ этимъ выставляется лозунгъ самоопредѣленія отдѣльныхъ составныхъ частей государства, самодовлѣющею государственною жизнью вовсе и не живущихъ. И наивные люди въ столь же добродушномъ, сколь и мнимомъ идеализмѣ думаютъ, что если они при этомъ еще упомянутъ о плебисцитѣ, то уже все сдѣлаютъ для обезпеченія прогрессивности, демократичности, революціонности. Они и не замѣчаютъ, какъ бьются въ отжившихъ формулахъ узко-доктринерскаго либерализма, къ которымъ, вѣроятно въ другихъ областяхъ относятся съ великолѣпнымъ презрѣніемъ. Великое государственное цѣлое, включающее въ себя множество областей, краевъ, народовъ должно имѣть первенство надъ частичными самоопредѣленіями. Общая воля, организація общихъ интересовъ, охрана интересовъ слабѣйшихъ — лицъ, классовъ, національностей — такова основа, на которой (и на которой одной) могутъ свободно развиваться отдѣльныя націи, самоуправляться отдѣльныя области. Единая Россія первѣе національныхъ автономій — во имя совмѣстнаго блага самихъ же національностей.

---

1) Притомъ — какія могутъ быть основанія къ тому, чтобы предоставлять привилегію политическаго, государственнаго самоопредѣленія лишь группамъ населенія, выдѣленнымъ по національному признаку? Почему не вправѣ самоопредѣляться — не только въ предѣлахъ своихъ мѣстныхъ интересовъ, а и „вообще“, въ плоскости автономіи, федераціи, независимости — и населеніе области (хотя бы и разнонаціональное), губерніи, города и деревни?

Достаточно явная нелѣпость этого возврата къ удѣламъ, къ феодализму, къ войнѣ городскихъ „концовъ“, къ „натуральному“ быту, разумѣется, должна бы предохранить даже и отъ мысленнаго движенія по этому пути; коренится же эта нелѣпица въ ошибочности предоставленія права на цѣлостное самоопредѣленіе составнымъ частямъ цѣлостнаго государственнаго организма.

VI.

Государства идутъ къ сближенію, къ организованному сцѣпленію; иные надѣются — или только еще недавно надѣялись — что чуть ли не въ результатѣ нынѣшней войны произойдетъ едва ли не міровая организація государствъ. Я не вижу основаній вѣрить въ подобную идиллію; но фактъ таковъ, что къ болѣе объемлющимъ государственнымъ организаціямъ, несомнѣнно, идетъ міровой процессъ. И ужъ во всякомъ случаѣ было бы поистинѣ историческимъ грѣхомъ разбивать тѣ великія единства народовъ, которыя уже сложились въ ихъ тяжкой исторической жизни.

Кровью и потомъ, насиліемъ и жестокостью рядъ поколѣній ковалъ современныя государства; былое угнетеніе и насиліе лежитъ въ ихъ основѣ. И въ этомъ смыслѣ нѣтъ въ нихъ ничего святого; въ этомъ смыслѣ нѣтъ никакой незыблемости въ тѣхъ или иныхъ ихъ границахъ. Лозунгъ непремѣннаго сохраненія status quo, въ этомъ смыслѣ не опирается ни на какой обоснованный принципъ, ни на какое неотчуждаемое право. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ длительно кровавомъ процессѣ государственнаго строительства путемъ угнетенія и эксплоатаціи достигнуты и великія цѣнности; и бросать ихъ на вѣтеръ, съ легкой душой отъ нихъ отказываться, допустить поворотъ вспять историческаго движенія — значитъ проявлять слишкомъ большую щедрость на чужіе муки, труды, испытанія. Отмѣнить бывшее не въ нашихъ силахъ; не въ нашей власти стереть то, что претерпѣли поколѣнія; но мы можемъ и должны — хотя бы изъ уваженія къ человѣческимъ усиліямъ и напряженіямъ — дорожить тѣмъ благомъ, которое этими муками добыто. И въ этомъ смыслѣ добытое кровью и потомъ, вѣковыми усиліями и трудами предковъ должно быть сочтено священнымъ достояніемъ послѣдующихъ, грядущихъ поколѣній. Существенной чертой историческаго процесса было собираніе человѣческихъ обществъ — мелкихъ мѣстныхъ феодальныхъ самоуправствъ, удѣльныхъ провинціализмовъ — въ объемлющіе коллективы, въ великія скопленія и организаціи человѣческихъ массъ, человѣческихъ энергій, человѣческихъ дѣятельностей. Въ этихъ большихъ государственныхъ организмахъ происходитъ претвореніе вооруженной борьбы въ гражданственное бореніе; здѣсь въ этихъ скопленіяхъ массъ открываются впервые перспективы неограниченныхъ культурныхъ устремленій и побѣдъ; здѣсь развертывается въ міровыхъ масштабахъ творческая работа соціальная и матеріальная. Здѣсь основныя соціальныя давленія и борьба съ ними пріобрѣтаютъ ясныя очертанія, четкое содержаніе и могучій размахъ; здѣсь великія задачи получаютъ опору въ великихъ силахъ и воз-

можностяхъ; здѣсь безконечно возрастаютъ вѣроятности и шансы богатаго, разносторонняго творчества. Разбейте эти государственные организмы на составныя части и вы замѣните міровыя культуры провинціальными, великіе интересы — интересами мѣстными, иногда интересами колокольни; массовыя напряженія — мелкимъ соревнованіемъ, частичными и путанными столкновеніями. Поэтому лозунгъ расщепленія государственныхъ единицъ, хотя бы и по признаку національно-этническому есть лозунгъ реакціонный, толкаетъ вспять къ государственному мѣщанству, къ мѣстечковой государственности — на мѣсто уже достигнутаго уклада крупно-государственнаго, мірового. Въ этомъ отношеніи идея европейской или средне-европейской организованности несомнѣнно заключаетъ въ себѣ прогрессивное ядро, какъ лозунгъ установленія всяческихъ національныхъ суверенитетовъ — ядро регрессивное. И если идея безоговорочнаго національнаго самоопредѣленія обнаружилась, какъ примѣненіе къ народнымъ коллективамъ узко-доктринерскаго либерализма, то идея національныхъ сепаратизмовъ является лишь примѣненіемъ мѣщанской, мѣстечковой психологіи къ построенію государственнаго общенія. Конечно, и „мѣщанская“ государственность имѣетъ право на существованіе, но возвращеніе къ ней есть движеніе вспять, движеніе внизъ отъ уже достигнутаго уровня. Обольщенные военнымъ угаромъ, этого — въ примѣненіи къ врагамъ — не замѣчали многіе, пожалуй большинство, усматривая въ идеѣ дробленія уже достигнутыхъ объемлющихъ объединеній на суверенныя частицы — освободительную идею войны. Давно наступила пора признать не только фальшь, но и зловредность такого взгляда.

Внутри государственный сепаратизмъ, на какой бы признакъ онъ ни опирался, хотя бы и на національный, остается неизбѣжно реакціоннымъ; онъ вреденъ для самихъ національностей, онъ вреденъ для демократіи, онъ вреденъ для соціальнаго прогресса и культурнаго творчества.

Безъ сомнѣнія, свободное государство мыслимо лишь въ свободѣ своихъ составныхъ частей, своихъ составныхъ коллективовъ. Задача свободной государственности и заключается въ сочетаніи свободныхъ частей въ свободномъ цѣломъ, въ соподчиненіи частей цѣлому и зависимости цѣлаго отъ частей. И задача эта допускаетъ разрѣшеніе хотя бы и не въ совершенныхъ формахъ, — какъ несовершенно все сущее и, можно думать, все имѣющее существовать.

Безспорно наилучшая для разрѣшенія этой задачи государственная структура получается въ тѣхъ случаяхъ, когда самостоятельныя государственныя единицы связываются крѣпкими узами въ

единое все объемлющее цѣлое, частично сохраняя — въ большей или меньшей степени — и собственную жизнь; такъ федерація малыхъ государствъ въ единое союзное государство, обладающее силами и размахомъ великаго единства и вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняющее въ своеобразіи и своеобычности частей выгоды малыхъ организацій, въ наилучшей степени объединяетъ положительныя стороны различныхъ формъ. Здѣсь сохраняется многообразіе культурныхъ образованій и тяготѣній, организаціонныхъ формъ и тенденцій, многообразіе накопленій прошлаго и возможностей будущаго, сочетается воспитательная функція тѣсной среды со свободою просторныхъ горизонтовъ, — посколько это не мѣшаетъ объемлющему единству, его цѣлямъ и возможностямъ. Соединеніе малыхъ — таковъ путь государственнаго прогресса. Когда же великое цѣлое уже дано, то задача заключается въ томъ, чтобы открыть въ немъ возможность проявиться самобытности составныхъ элементовъ, не разрушая ихъ общности и единства.

Здѣсь задача несравненно труднѣе и путь къ ея разрѣшенію несравненно опаснѣе. Ибо при соединеніи происходитъ положительная работа, созидающее творчество; выдѣленіе же частей изъ цѣлаго происходитъ и путемъ работы отрицательной, разрушительной; отчасти — въ моментъ потрясеній и великихъ разрушеній — преимущественно такимъ образомъ только и можетъ происходить, тѣмъ усугубляя и потрясенія и разрушенія. А между тѣмъ цѣль здѣсь въ томъ, чтобы развязать свободу національной жизни и организовать мѣстную самодѣятельность, не нарушая неразрывнаго единства цѣлаго.

Оставимъ вопросъ о томъ, какія здѣсь могутъ и должны получиться окончательныя оформленія; въ острую эпоху коренной ломки Россіи — главный вопросъ касается путей къ нимъ. Однимъ путемъ является путь сепаратизмовъ разнаго вида; другимъ — путь общегосударственнаго претворенія единаго цѣлаго. По одному пути — задача заключается въ созданіи болѣе или менѣе независимыхъ, самоопредѣляющихся, самодовлѣющихъ, національныхъ тѣлъ, совокупность которыхъ и дастъ Россію. По другому пути — общегосударственное строительство, разрѣшая общегосударственныя и соціальныя задачи цѣлаго, должно въ томъ числѣ открыть въ его составѣ и возможность свободной національной жизни, и организовать самодѣятельность, самоуправленіе составляющихъ его областей И я глубоко убѣжденъ, что національная свобода и межнаціональный миръ — въ сочетаніи съ культурнымъ прогрессомъ и культурнымъ творчествомъ — достижимы по второму пути, а не по первому; не въ Россіи, производно составленной изъ мѣстныхъ се-

паратизмовъ, а въ единой Россіи, организующей въ своей свободѣ и свободу своихъ составныхъ частей и народовъ.

Мы не знаемъ, какъ въ сложной игрѣ не однихъ соціальныхъ и внутригосударственныхъ, но и междугосударственныхъ силъ, до послѣдней степени обостренной въ настоящее время, опредѣлится будущее россійскаго государства; въ какой мѣрѣ для него еще свободны оба пути, или одинъ уже предопредѣлился въ книгѣ совершающагося; и мы не знаемъ, который изъ нихъ становится или уже сталъ путемъ безнадежности. Но не будемъ забывать, что идея единой Россіи, свободной въ своемъ цѣломъ и въ своихъ частяхъ, есть не только директива для ея предстоящаго строенія, но и дѣйственная сила самосохраненія въ стремительномъ обвалѣ настоящаго.

Григорій Ландау.

ПІОНЕРЫ СОЦІАЛИСТИЧЕСКАГО ДВИЖЕНІЯ ВЪ ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ.

I.

Въ составъ дѣйствовавшихъ въ Россіи въ началѣ семидесятыхъ годовъ революціонныхъ кружковъ входили, какъ извѣстно, лица разныхъ національностей. Не взирая на свое происхожденіе, поляки, нѣмцы, грузины и евреи, — всѣ безъ различія вели пропаганду на русскомъ языкѣ, „ходили въ народъ“ и устраивали „поселенія“ среди коренного населенія, участвовали въ такъ называемой, „дезорганизаторской дѣятельности“ и т. д. Но все это совершалось, главнымъ образомъ, въ мѣстностяхъ, населенныхъ русскими или говорившими по-русски, а также и по-малорусски людьми. Окраины же съ „инородческимъ населеніемъ“ оставались почти внѣ всякаго воздѣйствія со стороны соціалистовъ.

Положеніе это обусловливалось, съ одной стороны, незначительнымъ тогда контингентомъ революціонеровъ, вслѣдствіе чего имъ невозможно было разбиваться на національности, а съ другой — господствовавшими тогда въ нашей средѣ взглядами.

Въ виду нашей приверженности къ Бакунину, мы, вслѣдъ за нимъ, полагали, что достаточно „поднять на бунтъ“ русскихъ крестьянъ, всегда будто бы склонныхъ къ нему, какъ за ними уже легко пойдутъ и всѣ другіе населяющіе Россію народы. Поэтому мы должны были сосредоточить все свое вниманіе на этомъ, наиболѣе многочисленномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ „самомъ горючемъ матеріалѣ“, въ особенности — на крестьянахъ, населявшихъ „бунтовскія рѣки“ — Волгу, Донъ, Днѣпръ, Уралъ, гдѣ нѣкогда подвизались понизовая вольница, гайдамаки, разные ушкуйники и пр.

Но во второй половинѣ указаннаго десятилѣтія впервые, кажется, поляки-соціалисты, раньше того входившіе въ обще-русскія организаціи, положили начало тѣмъ многочисленнымъ соціалистическимъ партіямъ — польскимъ, латышскимъ, литовской, Бунду и т. д., — которыя въ настоящее время приняли значительные раз-

мѣры и играютъ замѣтную роль въ общемъ освободительномъ движеніи страны.

Извѣстно, что еще до возникновенія польской соціалистической организаціи въ Россіи существовали малорусскіе, украинскіе кружки и общества, отстаивавшіе право и необходимость пользоваться мѣстнымъ языкомъ. Но въ большинствѣ случаевъ то не были участники обще-русскаго соціалистическаго движенія, а только мѣстнаго, къ тому же культурно-просвѣтительнаго. Съ этими кружками и лицами, которыхъ многіе изъ насъ пренебрежительно называли „хохломанами“ и „украинофилами“, мы, южно-русскіе же революціонеры-бакунисты, находили очень мало общихъ точекъ прикосновенія. Мы ихъ считали „умѣренными“, „культуртрегерами“, людьми, стремящимися, въ лучшемъ случаѣ, лишь къ тому, чтобы, быть можетъ, когда-нибудь вновь „Украину“ сдѣлать „вольной гетьманщиной“, т. е. „буржуазнымъ же государствомъ“, а къ послѣднему, въ качествѣ бакунистовъ, мы относились крайне враждебно.

Иныя цѣли и стремленія ставили себѣ первые польскіе соціалисты, начавшіе проповѣдь на своемъ языкѣ среди своихъ сородичей и потому также выдѣлившіеся въ особенную, національную организацію. Но прежде сообщу, откуда взялись они.

Наиболѣе крупныхъ представителей польскаго соціалистическаго движенія второй половины семидесятыхъ годовъ произвело не Царство Польское, а преимущественно — малорусскія губерніи и столица.

Воспитанники русскихъ учебныхъ заведеній въ юго-западныхъ губерніяхъ и въ Петербургѣ, говорившіе по-русски такъ же свободно, какъ и на родномъ языкѣ, нѣкоторые поляки, захваченные общерусскимъ соціалистическимъ движеніемъ того десятилѣтія, пришли къ мысли, что они обязаны дѣйствовать не въ русскихъ губерніяхъ, гдѣ и безъ нихъ дѣло могло обойтись, а среди своихъ сородичей, которымъ доступенъ былъ лишь польскій языкъ. Они поэтому рѣшили отправиться въ Польшу.

Если память мнѣ не измѣняетъ, піонерами, взявшимися за осуществленіе этихъ взглядовъ, явились Дробышъ-Дробышевскій, одинъ изъ привлекавшихся по процессу 193-хъ, Людвигъ Варынскій и Казиміръ Длускій. По пріѣздѣ въ Варшаву, эти лица нашли тамъ только отдѣльныхъ лицъ и незначительные кружки, едва захваченные соціалистическими идеями, въ то время въ сильной степени пропагандировавшимися въ Россіи.

Уже съ первыхъ же шаговъ вновь прибывшіе въ Царство Польское внесли въ свою дѣятельность нѣчто новое, отличавшее

ее отъ пріемовъ, примѣнявшихся въ тѣ времена въ общерусскомъ движеніи. Между тѣмъ какъ мы, русскіе пропагандисты, главное свое вниманіе обращали на „народъ“, на крестьянъ, для чего отправлялись въ деревни и села, переряжаясь въ „мужиковъ“, — піонеры польскаго соціалистическаго движенія сразу главной, если не исключительной сферой своей дѣятельности избрали городскихъ рабочихъ.

Въ этомъ отношеніи съ польскими товарищами произошло то же самое, что въ тѣ времена случалось и съ нами, обще-русскими соціалистами, когда мы обращались съ проповѣдью соціализма къ городскому населенію, — къ ремесленникамъ и фабрично-заводскимъ рабочимъ: результаты дѣятельности въ этой средѣ превзошли самыя оптимистическія ожиданія, что какъ извѣстно, было совершенно иначе при „хожденіи въ народъ“.

Кромѣ энтузіазма и беззавѣтной преданности соціалистическому идеалу со стороны піонеровъ польскаго соціалистическаго движенія, необыкновенному ихъ успѣху содѣйствовали, какъ пріемы ихъ пропаганды, такъ въ особенности, мѣстныя, благопріятствовавшія имъ условія.

Открывъ шествіе „въ народъ“, почти всѣ мы, обще-русскіе пропагандисты, являлись „самобытными соціалистами“, сторонниками бакунинско-лавровскаго „ученія“, состоявшаго, какъ извѣстно, изъ смѣси разныхъ утопическихъ школъ, окрашенной въ анархическій цвѣтъ. Поляки же сразу явились скорѣе сторонниками нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ, слѣдовательно, находились подъ вліяніемъ ученія Маркса и Энгельса.

Поэтому ни своихъ надеждъ на возможность и осуществимость „соціалистическаго строя“, ни своей тактики, первые польскіе соціалисты не основывали, — какъ это мы дѣлали, — на сохранившихся у ихъ сородичей остаткахъ стараго коммунистическаго строя и народныхъ воззрѣніяхъ относительно правды, справедливости и т. д.

Зато успѣху ихъ пропаганды въ сильной степени благопріятствовалъ значительно болѣе высокій умственный уровень развитія польскаго городского населенія, по сравненію не только съ нашими сельскими, но и городскими трудящимися слоями. Не малую также роль въ этомъ отношеніи сыграло и господствовавшее въ краѣ общее недовольство порядками, введенными русскимъ правительствомъ, послѣ незадолго лишь предъ тѣмъ жестоко подавленнаго возстанія 1863 г. Раны, причиненныя народу, любившему свою родину, были еще совсѣмъ свѣжи и вызывали особенно острую боль, при каждомъ къ нимъ прикосновеніи.

Однако, первые польскіе соціалисты не только не являлись націоналистами и патріотами, хотя бы въ той мѣрѣ, какъ явившіеся впослѣдствіи члены „P. P. S.“ (польской соціалистической партіи), а наоборотъ, они сразу выступили ярыми противниками какихъ бы то ни было спеціально польскихъ стремленій, возстановленія Рѣчи Посполитой и т. п. цѣлей.

Въ своихъ выступленіяхъ піонеры соціалистическаго движенія доказывали рабочимъ, что лишь измѣненіе экономическихъ условій современныхъ государствъ можетъ уничтожить существующее неравенство; съ возстановленіемъ же „Рѣчи Посполитой“ или съ отторженіемъ Царства Польскаго отъ Россіи матеріальное положеніе трудящихся нисколько не измѣнится къ лучшему, а наоборотъ, оно можетъ даже и ухудшиться. Только полное уничтоженіе эксплоатаціи труда капиталомъ можетъ произвести выгодную для рабочихъ массъ перемѣну. Поэтому разговоры и надежды на возстановленіе Польши лишь отвлекаютъ вниманіе массъ отъ дѣйствительной причины ихъ бѣдствій и страданій.

Различно было впечатлѣніе отъ такихъ рѣчей среди разныхъ слоевъ польскаго населенія: съ большимъ интересомъ и сочувствіемъ слушали ихъ трудящіяся массы, такъ какъ раньше, до появленія соціалистовъ, патріоты разныхъ цвѣтовъ всегда твердили народу, что его всѣ бѣдствія проистекаютъ исключительно отъ раздробленія и порабощенія родины. Съ другой стороны, взрывъ негодованія и возмущенія охватилъ патріотовъ, когда они узнали, что̀ именно проповѣдуютъ молодые люди, называющіе себя защитниками интересовъ трудящихся массъ. Эти новые люди пошли противъ всѣхъ традицій, противъ всего прошлаго: они не стремились къ возстановленію растерзанной на части родины, — не въ этомъ они видѣли причину ея бѣдствій и вполнѣ мирились съ зависимостью Польши, но желали уравнять бѣдныхъ съ богатыми!..

Возмущеніе „истинныхъ патріотовъ“ вскорѣ перешло въ дѣйствіе. Прежде всего молодыхъ проповѣдниковъ они попытались представить подкупленными агентами русскаго правительства. Затѣмъ этому же враждебному и нелюбимому населеніемъ правительству патріоты стали посылать доносы на еще болѣе имъ ненавистныхъ соціалистовъ. Это, конечно, повлекло за собою обыски, аресты, высылки и пр.

Все это, однако, способствовало лишь усиленію популярности новыхъ проповѣдниковъ. Въ сравнительно короткое время они пріобрѣли довольно значительный контингентъ приверженцевъ, какъ среди ремесленниковъ и фабрично-заводскихъ рабочихъ, такъ отчасти и между учащеюся молодежью.

II.

Дѣйствовавшіе въ Россіи соціалисты долгое время рѣшительно ничего не знали о томъ, что творится въ Царствѣ Польскомъ. Не только мы, южане, почти ничѣмъ лежавшимъ за нашей околицей не интересовавшіеся, не подозрѣвали о происходившемъ среди поляковъ движеніи, — ничего не было объ этомъ извѣстно и сѣверянамъ, стремившимся всѣхъ и вся объединить. Это полное невѣдѣніе о столь крупномъ явленіи въ тогдашнемъ нашемъ освободительномъ движеніи можетъ отчасти служить иллюстраціей до чего вообще неорганизовано, изолировано было оно въ тѣ времена. Нерѣдко даже вполнѣ близкіе во всемъ кружки и группы двухъ сосѣднихъ городовъ рѣшительно не имѣли никакихъ другъ съ другомъ сношеній, такъ какъ, ради конспираціи и по другимъ соображеніямъ, послѣ обширныхъ погромовъ предыдущихъ лѣтъ, всѣ избѣгали вести переписку безъ настоятельной къ тому надобности. Мы поэтому узнали о начавшемся въ Царствѣ Польскомъ движеніи, только когда очутились въ эмиграціи, лѣтомъ 1878 г.

Спасаясь отъ розысковъ варшавской полиціи, вскорѣ послѣ моего пріѣзда въ Женеву, туда же прибыли первые представители польскаго соціалистическаго движенія. То были: Казиміръ Длускій, Станиславъ Мендельсонъ и Марія Яблоновская.

Ихъ разсказы о томъ, что происходитъ въ Царствѣ Польскомъ, были новинкой для всѣхъ эмигрантовъ и произвели самое благопріятное впечатлѣніе. Да и лично вновь пріѣхавшіе поляки всѣмъ намъ очень понравились, хотя они кое-въ-чемъ отличались отъ общерусскихъ эмигрантовъ.

Въ возрастѣ приблизительно отъ 21 до 23 лѣтъ, довольно умные, развитые и энергичные, Длускій и Мендельсонъ, хотя и тяготѣли ко взглядамъ Маркса, но не высказывались и противъ взглядовъ Бакунина. Быть можетъ, это объяснялось присущимъ имъ джентльменствомъ, такъ такъ среди насъ, ярыхъ тогда бакунистовъ, они являлись почти единственными эмигрантами, равнодушными къ ученію апостола анархіи.

Отличались эти польскіе соціалисты отъ большинства изъ насъ отчасти также своими манерами, привычками и образомъ жизни. Мендельсонъ и Длускій вполнѣ походили на „изящныхъ молодыхъ людей“; они всегда одѣвались, какъ говорится, „съ иголочки“; мы же по внѣшности и образу жизни оставались русскими „нигилистами“, перенесенными на западъ, носили косоворотки и т. п.

Какъ Длускій, такъ, въ особенности, Мендельсонъ, были сыновьями очень богатыхъ родителей. Первый происходилъ отъ

помѣщиковъ одной изъ юго-западныхъ губерній. Учился Длускій, если не ошибаюсь, въ университетѣ, но оставилъ его, поддавшись общему тогда увлеченію нашей передовой молодежи.

Довольно красивой наружности, всегда элегантный, съ привѣтливой улыбкой на устахъ, этотъ молодой человѣкъ не по лѣтамъ былъ „дипломатомъ“, какъ мы его величали: онъ далеко не производилъ впечатлѣнія прямого, искренняго, говорящаго то, что думаетъ, юноши. Длускій былъ со всѣми утонченно вѣжливъ, корректенъ, очень разговорчивъ, являлся небезынтереснымъ собесѣдникомъ, способнымъ подчасъ пустить удачную шутку, остроту. Высказываемые имъ взгляды были просты, ясны, убѣдительны. Однако, при всѣхъ этихъ качествахъ чувствовалось, что Длусскій въ дѣйствительности не совсѣмъ тотъ, каковымъ онъ хочетъ казаться другимъ. Ничего рѣшительно непохвальнаго, а тѣмъ болѣе предосудительнаго за нимъ не было извѣстно. Но не трудно было, вскорѣ послѣ знакомства съ нимъ, замѣтить, что онъ не изъ числа тѣхъ, которые готовы положить „душу свою за други своя“. А въ тѣ времена съ этой именно точки зрѣнія оцѣнивались участники соціалистическаго движенія. Повидимому, послѣ первой же постигшей его неудачи онъ началъ остывать, но, быть можетъ, тогда онъ и самъ еще не сознавалъ этого.

Закадычный тогда другъ Длускаго, недавно умершій Станиславъ Мендельсонъ, былъ сыномъ варшавскаго банкира и также съ дѣтства привыкъ ко всякаго рода роскоши и нѣгѣ. Въ университетѣ онъ, кажется, не былъ, но все же являлся для своего возраста довольно развитымъ, начитаннымъ молодымъ человѣкомъ. Къ тому же отъ природы онъ обладалъ умомъ и значительными способностями. Неизмѣримо болѣе непосредственный и искренній, чѣмъ его другъ, Мендельсонъ, конечно, также нисколько не походилъ на русскаго революціонера того времени, демократа до мозга костей, насквозь проникнутаго безграничной преданностью обездоленнымъ массамъ.

Не по лѣтамъ толстый, съ круглымъ, жирнымъ лицомъ, всегда склонный ко всякимъ чувственнымъ наслажденіямъ, Мендельсонъ, тѣмъ не менѣе, производилъ впечатлѣніе человѣка болѣе способнаго къ идейному увлеченію и самопожертвованію ради общаго дѣла, чѣмъ Длускій.

Мендельсонъ также являлся корректнымъ джентльменомъ; былъ довольно остроуменъ, находчивъ въ отвѣтахъ, умѣлъ искусно отпарировать нападеніе, отпустить шутку, а то и колкость. Очень честолюбивый, а, можетъ быть, и властолюбивый, Мендельсонъ стремился въ своей польской средѣ играть первенствующую роль,

что отчасти ему и удавалось. Мнѣ, помню, тогда казалось, что эти-то черты его характера и побудили этого балованнаго сынка банкира стать въ ряды борцовъ за угнетенныя массы. Но я, конечно, могъ и ошибаться.

Вскорѣ послѣ пріѣзда въ эмиграцію Длускаго и Мендельсона, къ нимъ присоединилась первая польская соціалистка, которую намъ случилось тогда увидѣть, — Марія Яблоновская, впослѣдствіи ставшая женой Мендельсона.

Она также происходила изъ чрезвычайно богатой помѣщичьей семьи, обладающей огромными имѣніями въ юго-западномъ краѣ. Воспитаніе Марія Яблоновская получила самое изысканное, къ тому же была умна и недурна собой. Рано вышедши замужъ за виднаго пана, Яблоновская, въ теченіе многихъ лѣтъ наслаждалась счастливой супружеской жизнью. Но, будучи уже матерью двухъ мальчиковъ, десяти—двѣнадцати лѣтъ, она стала соціалисткой, готовой на довольно значительныя жертвы для торжества дорогихъ ей идей.

Почти въ такой же мѣрѣ, какъ то дѣлали въ тѣ времена наши русскія женщины, Марія Яблоновская также беззавѣтно отдалась дѣлу служенія угнетеннымъ массамъ: она разсталась съ семьей, — съ дѣтьми, мужемъ, родителями; ей отчасти тоже пришлось извѣдать прелести тюремнаго заключенія и продолжительнаго пребыванія въ эмиграціи, хотя и не сопряженнаго съ матеріальными лишеніями. Если примемъ во вниманіе, что въ тѣ времена польскія интеллигентныя женщины были очень далеки отъ соціализма, а въ особенности, лица того общественнаго круга, къ которому принадлежала Яблоновская, мы должны будемъ признать ее недюжинной женщиной.

Изнѣженной полькѣ, получившей аристократическое воспитаніе необходимо было обладать громадной преданностью интересамъ обездоленныхъ, значительной готовностью къ самопожертвованію, большой силой воли, рѣшимостью и характеромъ, чтобы преодолѣть всѣ препятствія и вступить на путь борьбы, сопряженной со всякими лишеніями и бѣдствіями.

Яблоновской было лѣтъ за тридцать, когда мы съ нею познакомились. Небольшого роста, очень стройная, изящная, съ довольно правильными чертами лица, она выглядѣла моложе своихъ лѣтъ и производила впечатлѣніе великосвѣтской молодой дамы.

Повидимому, она не переставала обращать большое вниманіе на свою внѣшность и туалетъ, чего вовсе не дѣлали тогда русскія женщины-революціонерки. Но, какъ я выше сообщилъ, Длускій и Мендельсонъ въ этомъ отношеніи также не походили на насъ.

Не могу судить насчетъ степени развитія Яблоновской, такъ

какъ она, повидимому, не была изъ людей разговорчивыхъ. Знаю только, что она свободно владѣла нѣсколькими языками и кое-что читала. Вообще же она производила довольно хорошее впечатлѣніе.

Живя, подобно Длускому и Мендельсону, на широкую, сравнительно, ногу, Яблоновская, какъ и эти два ея товарища, удѣляла часть, очевидно, значительныхъ матеріальныхъ средствъ, получаемыхъ ею отъ ея родственниковъ, на поддержаніе того дѣла, которому она себя цѣликомъ посвятила.

Длускій, Мендельсонъ и Яблоновская, вскорѣ по пріѣздѣ въ Женеву, основали первую польскую соціалистическую типографію и приступили къ изданію перваго же ежемѣсячнаго журнала, названнаго ими „Równość“ („Равенство“).

Такимъ образомъ, тридцать шесть лѣтъ тому назадъ, положено было начало систематической пропагандѣ соціализма на польскомъ языкѣ.

III.

Годъ съ чѣмъ-то спустя, къ названнымъ выше польскимъ эмигрантамъ присоединился еще четвертый, рѣзко отличавшійся во многомъ отъ нихъ. Я имѣю въ виду юношу Семена Дикштейна, являвшагося однимъ изъ наиболѣе выдающихся польскихъ соціалистовъ того времени. Ни по соціальному своему положенію, ни по воспитанію, характеру и привычкамъ Дикштейнъ не походилъ на описанныхъ мною выше первыхъ польскихъ соціалистовъ.

Сынъ очень бѣдныхъ варшавскихъ евреевъ, Дикштейнъ съ ранняго дѣтства проявлялъ выдающіяся способности, необыкновенную любознательность и громадное трудолюбіе. Вслѣдствіе крайней нужды, которую испытывали его родители, у мальчика не было никакихъ шансовъ попасть въ гимназію. Но, будучи всего девяти лѣтъ, онъ какъ-то узналъ, что существуетъ такое училище, которое называется „гимназія“ и что тамъ даромъ можно многому научиться. Крохотный, рыжеволосый мальчикъ смѣло отправился по указанному ему адресу. Тамъ онъ сталъ всѣхъ встрѣчавшихся просить, чтобы его приняли въ гимназію. Нѣкоторые учителя, а затѣмъ и самъ директоръ, заинтересовались столь настойчивымъ мальчикомъ. Его тутъ же подвергли экзамену, который онъ хорошо выдержалъ; а такъ какъ въ тѣ блаженныя времена еще не додумались до знаменитыхъ „процентовъ“ для евреевъ, то маленькаго Шимона Дикштейна вскорѣ затѣмъ зачислили въ гимназію.

Нечего и говорить, что онъ учился превосходно и очень рано, лѣтъ шестнадцати, блестящимъ образомъ окончилъ гимназію,

послѣ чего поступилъ на естественный факультетъ варшавскаго университета. Тамъ Дикштенъ, конечно, также чрезвычайно усердно занимался и въ двадцать лѣтъ окончилъ курсъ со степенью кандидата.

Мечтой его тогда было цѣликомъ посвятить себя зоологіи, къ которой онъ питалъ особенно большую склонность. Но давно извѣстно, что наши предположенія нерѣдко совершенно неожиданно разбиваются: вмѣсто ученой карьеры на естественно-научномъ поприщѣ, Дикштенъ, вскорѣ по окончаніи университета, очутился въ рядахъ первыхъ польскихъ соціалистовъ, а затѣмъ, когда, какъ я уже выше упомянулъ, начались обыски и аресты, онъ вынужденъ былъ скрыться, послѣ чего эмигрировалъ въ Швейцарію.

Среди значительнаго количества выдающихся людей, которыхъ много пришлось на моемъ вѣку видѣть, Дикштейнъ въ особенности поразилъ меня своей изумительной трудоспособностью при полной нетребовательности его насчетъ всего житейскаго: онъ могъ довольствоваться самой скудной и въ ужасно ограниченныхъ размѣрахъ пищей, работая при этомъ неимовѣрное число часовъ.

На ряду съ этой чертой, выработавшейся, вѣроятно, съ дѣтства, у Дикштейна бросались въ глаза: полная непритязательность, изумительная скромность и застѣнчивость. Мягкій, добрый и отзывчивый на нужды окружающихъ его, Дикштейнъ только послѣ настойчивыхъ доводовъ близкихъ товарищей, соглашался брать у нихъ лишь крайне необходимое для поддержанія своего существованія. Ограничивая себя самого рѣшительно во всемъ, онъ всегда готовъ былъ, чѣмъ только былъ въ состояніи, придти на помощь ближнему.

Изъ всѣхъ упомянутыхъ мною выше, а также и другихъ, о которыхъ сообщу ниже, польскихъ соціалистовъ, Дикштейнъ наиболѣе интенсивно занимался теоретическими вопросами и самымъ энергичнымъ образомъ отдавался литературной дѣятельности на польскомъ языкѣ. Своими статьями, подписанными псевдонимомъ Янъ Млотъ, онъ заполнялъ значительную часть нумеровъ „Rownosći“. Онъ также писалъ популярныя брошюры для массъ; изъ нихъ озаглавленная „Kto z czego zyje?“ — получила большое распространеніе и была переведена на многіе языки.

Кромѣ указанныхъ чертъ, еще одна особенность отличала этого даровитаго человѣка отъ его товарищей: несмотря на еврейское свое происхожденіе, Дикштейнъ, являлся ярымъ, пламеннымъ „полякомъ“, страстно любившимъ „свой народъ“ и сильно болѣвшимъ душой за постигшія его многочисленныя несчастія и страда-

нія. Товарищи его, въ особенности Мендельсонъ и Длускій, отпускали не мало шутокъ и остротъ по поводу пристрастія Дикштейна ко всему польскому, что заставляло страннаго юношу краснѣть, но нисколько не уменьшало вкоренившейся глубоко въ его душѣ привязанности къ дорогому ему краю.

Несмотря на плодотворную и не оставлявшую Дикштейну досуга дѣятельность, онъ все же сильно тяготился жизнью вдали отъ Польши, а потому рвался обратно, чтобы работать въ качествѣ „нелегальнаго“. Но близкіе товарищи все не допускали его осуществить такое намѣреніе, опасаясь, что, какъ „рыжій“, онъ скоро попадется. Къ тому же они считали его крайне непрактичнымъ человѣкомъ, совершенно неспособнымъ приноравливаться ко всякимъ затруднительнымъ условіямъ, связаннымъ съ жизнью на „нелегальномъ положеніи“. Арестъ Дикштейна долженъ былъ, — по предположенію его друзей, — вскорѣ погубить его. Увы, какъ ниже увидимъ, они все же не уберегли его отъ ранней смерти.

Изъ всѣхъ польскихъ соціалистовъ наша группа — „черно-передѣльцевъ“, къ которой и я принадлежалъ, — наиболѣе близко сошлась съ Дикштейномъ, а затѣмъ съ Людвигомъ Варынскимъ и, вообще, съ демократической частью пріѣхавшихъ поляковъ. Наоборотъ, богатые члены ихъ — Мендельсонъ, Яблоновская и Длускій — болѣе всего сошлись съ знаменитымъ Николаемъ Ивановичемъ Жуковскимъ, о которомъ я не разъ уже разсказывалъ въ своихъ очеркахъ [1]). Элегантными, западно-европейскими манерами, костюмомъ, внѣшностью и пр. Жуковскій наиболѣе соотвѣтствовалъ вкусамъ и потребностямъ Длускаго, Мендельсона и Яблоновской; у нихъ и завязалась очень большая дружба. Послѣдняя имѣла значительное вліяніе на измѣненіе взаимныхъ отношеній въ общерусской колоніи, что, въ свою очередь, привело къ нѣкоторымъ конфликтамъ и расколамъ, отчасти отразившимся на нашемъ освободительномъ движеніи, поскольку, конечно, эмиграція играла на немъ ту или иную роль.

IV.

Весной 1880 г. число польскихъ соціалистовъ сразу сильно увеличилось, благодаря пріѣзду лицъ, оправданныхъ по знаменитому въ тѣ времена краковскому процессу. Главную роль между этими привлекавшимися сыгралъ Людвигъ Варынскій. На жизни и дѣятельности этого выдающагося человѣка мнѣ придется остано-

[1]) См. „За рубежомъ“, „В. Европы“ 1912 г., VII, „Наша полит. эмигр.“, тамъ же 1913 г., VII и „Драгомановъ въ изгнаніи“, 1913 г., X.

виться нѣсколько подробнѣе, такъ какъ, въ сущности, онъ, является главнымъ иниціаторомъ польскаго соціалистическаго движенія.

Уроженецъ Кіевской губерніи, Варынскій также былъ сыномъ довольно богатаго помѣщика, но имѣніе его было конфисковано послѣ польскаго возстанія 1863 г. Отцу, однако, удалось затѣмъ арендовать обширное имѣніе, что дало имъ возможность не испытывать нужды и воспитывать значительную семью свою. Людвигъ съ дѣтства отличался выдающимися способностями, но былъ избалованнымъ барчукомъ, не имѣвшимъ никакихъ демократическихъ наклонностей. Учился онъ сперва въ бѣлоцерковской гимназіи, а послѣ окончанія ея — въ петербургскомъ технологическомъ институтѣ. Тамъ впервые онъ познакомился съ русскими революціонерами, что круто измѣнило его привычки, склонности и стремленія. Будучи вскорѣ затѣмъ арестованъ и высланъ на родину за участіе въ студенческихъ волненіяхъ, Варынскій цѣликомъ отдался изученію соціальныхъ вопросовъ и навсегда посвятилъ себя проповѣди новыхъ идей на польскомъ языкѣ.

Съ этой цѣлью онъ въ концѣ 1876 г. отправился въ Варшаву, гдѣ, по примѣру русскихъ соціалистовъ того времени, поступилъ въ качествѣ рабочаго на какую-то фабрику, на которой проработалъ около года. Тогда же у него произведенъ былъ обыскъ, бывшій первымъ въ Варшавѣ. Поживъ затѣмъ нѣкоторое время въ Пулавахъ для организаціи соціалистическаго кружка среди студентовъ мѣстной земледѣльческой академіи (Новой Александріи), Варынскій весной 1878 г. снова вернулся въ Варшаву, гдѣ открылъ слесарную мастерскую, явившуюся главнымъ очагомъ мѣстнаго соціалистическаго движенія.

Довольно скоро Варынскій обнаружилъ значительныя организаторскія способности. Число спропагандированныхъ имъ, — также и другими прибывшими изъ русскихъ губерній интеллигентными польскими соціалистами, — рабочихъ, какъ я выше упомянулъ, до того росло быстро, что, уже нѣсколько мѣсяцевъ спустя, онъ смогъ создать первую организацію, названную имъ „кассой сопротивленія“. Цѣлью послѣдней, — какъ показываетъ уже само ея названіе, — было содѣйствовать борьбѣ рабочихъ съ капиталистами за улучшеніе экономическихъ условій трудящихся на фабрикахъ и заводахъ. Движеніе росло чрезвычайно быстро. Посыпались доносы, о которыхъ я выше сообщилъ, и въ концѣ лѣта начались обыски и аресты, продолжавшіеся нѣсколько мѣсяцевъ.

Варынскаго сильно разыскивала полиція, — ему поэтому пришлось скрываться. Но онъ не пожелалъ эмигрировать. Перешедши

на „нелегальное“ положеніе, онъ продолжалъ дѣйствовать въ Варшавѣ, агитируя и поддерживая бодрость среди падавшихъ духомъ вслѣдствіе начавшагося погрома, рабочихъ. Однако, вскорѣ ему стало невозможно долѣе оставаться въ Варшавѣ, гдѣ его знали многіе шпіоны и предатели. Онъ рѣшилъ перекочевать въ Галицію. Тамъ, главнымъ образомъ въ Краковѣ и Львовѣ, Варынскій развернулъ столь кипучую, энергичную дѣятельность, какъ раньше въ Варшавѣ. Въ названныхъ городахъ онъ организовалъ соціалистическіе кружки изъ интеллигентовъ и рабочихъ.

Но недолго длилась тамъ его дѣятельность: мѣсяцевъ пять-шесть спустя, по пріѣздѣ Варынскаго въ Галицію, онъ и нѣсколько десятковъ его товарищей были арестованы и преданы суду по обвиненію въ государственномъ преступленіи. Процессъ его, названный „дѣломъ Варынскаго и 33 его сообщниковъ“, разбиравшійся въ теченіе нѣсколькихъ недѣль въ Краковѣ весной 1880 г., вызвалъ въ Польшѣ большое возбужденіе. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ на немъ явился Варынскій, который своею рѣчью привлекъ на сторону подсудимыхъ общія симпатіи. Присяжные засѣдатели оправдали всѣхъ подсудимыхъ, что возбудило много толковъ въ Австріи и не мало содѣйствовало дѣлу пропаганды соціализма въ габсбургской имперіи.

Послѣ окончанія этого процесса полиція позаботилась, чтобы „вредные иностранцы“, т. е. привлекавшіеся русскіе подданные, были выпровождены за предѣлы австрійской монархіи. Поэтому Людвигъ Варынскій съ шестью товарищами, въ началѣ лѣта 1880 г. ѣхалъ въ Женеву, гдѣ мы съ нимъ познакомились.

Молодой человѣкъ, тогда лѣтъ 23—24 на видъ, высокаго роста, бѣлокурый, съ выразительными, энергичными чертами лица и кроткими, задумчивыми глазами, Варынскій сразу производилъ чрезвычайно благопріятное впечатлѣніе. Онъ говорилъ громко, выразительно, сильно почеркивая нѣкоторыя слова. Уступая Дикштейну въ теоретической подготовкѣ, а также въ любезности и усидчивости, Варынскій среди всѣхъ польскихъ соціалистовъ выдѣлялся какъ самый блестящій ораторъ, организаторъ и практическій дѣятель. Ему, несомнѣно, присущъ былъ въ большой степени даръ увлекать массы, а въ тѣ времена у соціалистовъ это являлось чрезвычайно рѣдкимъ свойствомъ. Даже, когда Варынскому приходилось говорить на обще-русскихъ эмигрантскихъ собраніяхъ, въ которыхъ съ перваго же дня своего пріѣзда онъ принялъ живѣйшее участіе, чувствовалось, что онъ производилъ впечатлѣніе даже на эту аудиторію, вообще несклонную къ увлеченіямъ. Въ каждой его фразѣ, сопровождавшейся энергичнымъ жестомъ, слышались

искренность и убѣжденность. Нетрудно было поэтому себѣ представить, насколько сильнѣе и убѣдительнѣе было впечатлѣніе отъ его рѣчей, произнесенныхъ по-польски въ соотвѣтствовавшей его настроенію средѣ. Живи Варынскій въ другой странѣ, онъ несомнѣнно могъ бы занять очень выдающееся общественное положеніе и не погибъ бы столь преждевременно.

Тотчасъ по пріѣздѣ въ Женеву, Варынскій принялъ участіе въ издававшемся его товарищами журналѣ „Równość“, въ которомъ помѣстилъ нѣсколько статей. Но онъ не былъ публицистомъ и, повидимому, не обладалъ, особеннымъ литературнымъ дарованіемъ. Уже по одному этому жизнь въ эмиграціи должна была неимовѣрно его тяготить, и такъ же, какъ Дикштейнъ, онъ началъ скоро рваться въ Варшаву. Но осуществленію этого намѣренія отчасти помѣшали его семейныя условія, а также и установившіяся у него съ нѣкоторыми членами группы „Równości“ отношенія. Молоденькая жена его, — сестра извѣстнаго писателя Сѣрошевскаго, — должна была разрѣшиться отъ бремени; когда же это случилось, почти полное отсутствіе матеріальныхъ средствъ лишало его возможности уѣхать.

Не въ меньшей степени, чѣмъ Дикштейна, Варынскаго тяготила необходимость брать средства на жизнь у богатыхъ своихъ товарищей — Мендельсона и К°; зарабатывать же деньги, будучи за границей и въ его положеніи, не было никакой возможности. На этой почвѣ подчасъ происходили, повидимому, нѣкоторые конфликты между Варынскимъ и аристократической частью группы „Równość“. Привыкшій къ отношеніямъ, господствовавшимъ въ тѣ времена среди революціонеровъ въ Россіи, гдѣ всѣ члены кружковъ, независимо отъ ихъ личныхъ матеріальныхъ взносовъ, пользовались одинаковыми удобствами, Варынскій считалъ не совсѣмъ правильнымъ, что „фирма Мендельсонъ и К°“, какъ мы иногда въ шутку называли трехъ богатыхъ членовъ, не только жила неизмѣримо комфортабельнѣе, чѣмъ демократическая часть ихъ организаціи, но также старалась, — въ силу находящихся у нея денежныхъ средствъ, накладывать свою руку на общія предпріятія, играть въ нихъ преобладующую роль. Въ то время, какъ демократическая часть „Równości“, состоявшая изъ шести-семи человѣкъ, довольствовалась весьма скудными средствами для существованія, три „аристократа“, какъ я уже выше сообщилъ, вели жизнь на очень широкую ногу.

Этого не замѣчалъ или не хотѣлъ видѣть всѣхъ идеализировавшій, въ особенности своихъ товарищей, Дикштейнъ. Но Варынскій, какъ практикъ, не могъ не замѣчать этого и не тяготиться

создавшимися еще до его пріѣзда условіями въ группѣ „Rownosć“. Правда, по присущей ему корректности, сдержанности и серьезности, онъ никогда не велъ разговоры на эту тему, а тѣмъ менѣе способенъ былъ кому-либо жаловаться на своихъ товарищей по дѣлу. Но намъ, часто встрѣчавшимся, не трудно было по нѣкоторымъ мелкимъ фактамъ и вскользь брошеннымъ замѣчаніямъ самимъ уловить причины разногласій между Варынскимъ и богатыми его товарищами.

V.

Ради экономіи, шесть членовъ демократической группы „Rownośći“, съ Дикштейномъ и Варынскимъ во главѣ, на лѣто поселились въ деревнѣ, расположенной въ 10—12 километрахъ отъ Женевы. Тамъ они устроились въ одномъ домикѣ, живя коммуной — сами хозяйничали, стряпали по-очереди и т. д.

Случилось такъ, что и намъ троимъ, — В. И. Засуличъ, Стефановичу и мнѣ, — пришлось выѣхать за городъ и, по предложенію Дикштейна и Варынскаго, мы также поселились въ той же деревнѣ поблизости отъ нихъ, въ меблированныхъ комнатахъ, а столовались въ ихъ коммунѣ. Одно уже это обстоятельство въ сильной степени содѣйствовало нашему сближенію со всѣми польскими товарищами, въ особенности же съ двумя названными выше лицами. Но, помимо этого, насъ съ Дикштейномъ и Варынскимъ связывало также и единство во взглядахъ, привычкахъ и стремленіяхъ.

Какъ и они, мы считали себя лишь кратковременными эмигрантами, готовыми при первой возможности вновь вернуться нелегально на родину. Къ тому же, въ то время мы начали уже разставаться съ узко народническими взглядами, которымъ польскіе соціалисты, конечно, были совершенно чужды. Дикштейнъ и Варынскій уже тогда являлись вполнѣ убѣжденными послѣдователями Маркса, чѣмъ отчасти содѣйствовали и нашему болѣе близкому ознакомленію съ его ученіемъ. Но, помимо всего этого, насъ съ поляками объединяла еще совмѣстная борьба съ украинцами, съ Драгомановымъ во главѣ, о чемъ подробно я разсказалъ уже въ другомъ очеркѣ [1]).

За личными добрыми отношеніями и совмѣстными нашими выступленіями на эмигрантскихъ собраніяхъ, вскорѣ послѣдовала и нѣкоторая организаціонная между нами связь.

Въ описываемое мною теперь время, т. е. лѣтомъ 1880 г.,

---

1) См. „Украинская и обще-русская эмиграція“, „В. Европы“ 1914 г. VIII.

наша черно-передѣльческая организація была почти совершенно разгромлена, — лишь кое-гдѣ въ Россіи сохранились еще незначительныя группки, неимѣвшія никакихъ связей въ народѣ, да въ Швейцаріи мы изрѣдка издавали номера „Чернаго Передѣла“, съ трудомъ попадавшіе на родину. Но въ это же время организація „Народной Воли“, какъ извѣстно, наоборотъ, все болѣе и болѣе усиливалась и расширялась. Вполнѣ естественно поэтому что большинство эмиграціи стало тяготѣть къ народовольческому направленію. Почти единственнымъ исключеніемъ явилась группа „Równości“.

Осенью указаннаго года товарищи-поляки предложили намъ, находившимся тогда въ Женевѣ черно-передѣльцамъ, съ Г. В. Плехановымъ во главѣ, говоря дипломатическимъ языкомъ, „заключить съ ними оборонительно-наступательный союзъ“. Хотя рѣшительно никакого практическаго значенія это предложеніе въ то время не могло имѣть ни для насъ, ни для нихъ, тѣмъ не менѣе, всѣ мы, заграничные члены „Чернаго Передѣла“, охотно его приняли. Уже само по себѣ желаніе группы „Równości“ вступить въ федеративную связь съ нашей, тогда слабой организаціей, а не съ значительно болѣе ея сильной народовольческой, не могло не обрадовать насъ.

Результатомъ этого соглашенія явилось обращеніе польскихъ соціалистовъ, напечатанное въ ихъ органѣ, озаглавленное: „Къ товарищамъ русскимъ соціалистамъ“. Въ немъ, между прочимъ, говорилось, что „на характеръ соціально-революціонной организаціи вліяютъ исключительно обще-экономическіе интересы и политическія условія“, а также, что „организація соціалистическихъ партій можетъ совершаться на основаніи условій экономическихъ, съ одной стороны, и фактически существующихъ государственно-политическихъ, съ другой, при чемъ этнографическія границы національности никакъ не могутъ служить базисомъ для организаціи“.

Въ своихъ извѣстныхъ очеркахъ, озаглавленныхъ „Историческая Польша и великорусскія демократія“, печатавшихся въ „Вольномъ Словѣ“ (1881—1882 г.г.), Драгомановъ подвергъ строгой критикѣ это „обращеніе“ польскихъ соціалистовъ, такъ какъ онъ увидѣлъ въ немъ централистическія стремленія и игнорированіе интересовъ маленькихъ національностей, входящихъ въ составъ существующихъ государствъ.

Такъ какъ въ каждомъ почти государствѣ, — писалъ онъ по этому поводу, — фактическія условія сложили національный централизмъ, то отрицательное отношеніе къ инымъ основамъ организаціи, кромѣ государственныхъ, оказывается равносильнымъ признанію премія въ пользу государственно-національнаго централизма,

т. е. въ Россіи великорусскаго, въ Пруссіи — нѣмецкаго, въ Галиціи — польскаго. Уже изъ послѣдняго видно, что польская національность вышла не совсѣмъ обдѣленной изъ этихъ „переговоровъ“... „Такимъ образомъ, — закончилъ Драгомановъ, — побитыми вышли только національности плебейскія и области, ими населенныя, что мы напередъ и предсказывали“ [1]).

Столь серьезное значеніе придалъ глава украинскаго движенія нашему соглашенію, которое ни въ то время, ни впослѣдствіи не могло, конечно, имѣть ни малѣйшаго вліянія на судьбы „плебейскихъ національностей“. Весь практическій результатъ этихъ нашихъ переговоровъ ограничился, — кромѣ опубликованія вышеприведеннаго „Обращенія“ польскихъ соціалистовъ, — нѣсколькими нашими совмѣстными выступленіями въ печати и на эмигрантскихъ собраніяхъ, да отчасти взаимнымъ сотрудничествомъ въ нашихъ органахъ печати и взаимной помощью при доставкѣ контрабандным путемъ черезъ границу печатавшихся въ Женевѣ изданій на польскомъ и русскомъ языкахъ. Поэтому чрезвычайно курьезнымъ казалось намъ и польскимъ товарищамъ вышеприведенное заявленіе Драгоманова, будто бы „польская національность вышла не совсѣмъ „обдѣленной“ изъ переговоровъ съ нами. Можно было подумать, что поляки Богъ вѣсть что выиграли отъ соглашенія, состоявшагося у нихъ въ Женевѣ съ нѣсколькими юными эмигрантами.

Столь же ничтожно по результатамъ, какъ и все вышеперечисленное мною, было наше, чернопередѣльцевъ, участіе въ устроенномъ группой „Równości“, торжественномъ чествованіи пятидесятилѣтія польской революціи 1830 г. По этому поводу названная группа организовала въ Женевѣ огромный митингъ, въ предсѣдатели котораго, въ виду международнаго его характера, она пригласила ветерана нѣмецкаго рабочаго движенія и друга Маркса и Энгельса, старика Іоанна Бекера, а также В. И. Засуличъ. Рѣчи были произнесены на разныхъ языкахъ, при чемъ Варынскій, говорившій по-польски, рѣзко подчеркнулъ свое и своихъ товарищей отрицательное отношеніе къ національистическимъ движеніямъ. Произнесла небольшую рѣчь отъ имени нашей группы также и В. И. Засуличъ, выразившая симпатіи къ полякамъ. По этому поводу Драгомановъ въ названныхъ выше очеркахъ также нашелъ возможнымъ упрекнуть, какъ В. И. Засуличъ, такъ и польскихъ соціалистовъ, въ „игнорированіи вопроса о границахъ Польши“ [2]). Какъ будто на такомъ митингѣ было умѣстно возбуждать этотъ вопросъ.

---

[1]) См. „Собр. политич. соч. М. П. Драгоманова“, т. I, стр. 231—2. Paris. (курсивъ мой *Л. Д.*).

[2]) См. цит. соч., стр. 248.

Не менѣе, если не болѣе еще рѣзко, чѣмъ Драгомановъ, выступали противъ польскихъ соціалистовъ за ихъ взгляды, но съ иной точки зрѣнія, проживавшіе въ Женевѣ старые польскіе эмигранты, участники возстанія 1863 г. Наиболѣе выдающимися между ними лицами были извѣстный беллетристъ Сигизмундъ Мильковскій, писавшій подъ псевдонимомъ Ежа, затѣмъ историкъ и соціологъ Болеславъ Лимановскій и, наконецъ, знаменитый генералъ парижской коммуны Врублевскій.

За исключеніемъ послѣдняго, къ которому группа „Rómnoscі“ относилась съ большой симпатіей, въ виду выдающихся его личныхъ качествъ, — его геройства и готовности на самопожертвованіе, — наши польскіе товарищи были подчасъ безпощадны къ остальнымъ своимъ компатріотамъ, — къ націоналистамъ, мечтавшимъ о возстановленіи „исторической Польши, — отъ моря до моря“. Нѣкоторые изъ нашихъ пріятелей, въ особенности Варынскій, даже по нашимъ понятіямъ, — людей, нисколько тогда не расположенныхъ къ какимъ бы то ни было націоналистамъ, — хватали нерѣдко черезъ край, излишне рѣзко подчеркивая свое враждебное отношеніе къ польскимъ патріотамъ.

Изъ всей довольно значительной для того времени группы „Rómnoscі“ одинъ лишь Кобылянскій (онъ же Кутурницкій), также оправданный по краковскому процессу, вскорѣ по пріѣздѣ въ Женеву, сталъ склоняться на сторону націоналистовъ и затѣмъ, вполнѣ разошедшись со своими товарищами, соединился съ Лимановскимъ. Этимъ положено было первое основаніе польской національной соціалистической партіи, вослѣдствіи превратившейся, какъ извѣстно, въ существующую и по нынѣ „P. P. S.“ (польскую соціалист. партію).

Нужно признать, что, какъ Кобылянскій, такъ и Лимановскій не являлись сколько-нибудь выдающимися людьми. Скорѣе даже наоборотъ: оба они были самыми посредственными дѣятелями. Правда, Лимановскій обладалъ довольно большими знаніями, которыми иногда дѣлился съ эмигрантами, выступая, въ качествѣ лектора, на общерусскихъ нашихъ собраніяхъ. Но, если судить о немъ по этимъ его выступленіямъ, то надо признать, что онъ лишенъ былъ всякаго ораторскаго дарованія.

Что же касается Кобылянскаго, то онъ производилъ впечатлѣніе крайне упрямаго, недалекаго и мало развитого человѣка. Бывшіе же его товарищи по процессу въ своихъ опредѣленіяхъ, какъ его характера, такъ и умственныхъ его способностей, выражались еще значительно рѣзче, и кажется, у нихъ въ этихъ случаяхъ не говорила злоба на него за его переходъ во враждебный

имъ лагерь. Они даже утверждали, что чрезвычайно довольны этимъ его шагомъ, что вполнѣ похоже было на правду.

VI.

Мѣсяцъ за мѣсяцемъ уходилъ, а Варынскій все не могъ вырваться изъ эмиграціи. Это неимовѣрно угнетало его и повергало въ сильнѣйшую хандру.

Въ Россіи въ то время происходили крупнѣйшія событія, совершались такъ называемые „террористическіе акты“, былъ убитъ 1-го марта 1881 г. Александръ II. Организація „Народная Воля“ съ „Исполнительнымъ Комитетомъ“ получила репутацію непобѣдимаго тайнаго общества, и многимъ казалось, что вскорѣ такъ или иначе объявлена будетъ конституція. Между тѣмъ въ Царствѣ Польскомъ, послѣ произведенныхъ тамъ арестовъ и высылокъ значительнаго контингента наиболѣе активныхъ и развитыхъ рабочихъ и интеллигентныхъ лицъ начавшееся было въ концѣ семидесятыхъ годовъ соціалистическое движеніе почти совсѣмъ замерло и, казалось, уже не въ состояніи вновь воспрянуть и развиваться далѣе. Ниоткуда не видно было просвѣта: лучшіе дѣятели находились въ Сибири или въ эмиграціи, а тѣ немногіе, которымъ удалось избѣгнуть ареста, пали духомъ или, совсѣмъ разочаровавшись въ соціалистической дѣятельности, стали склоняться къ устарѣвшему патріотизму.

Всѣ такого рода извѣстія, приходившія изъ Польши, не могли не дѣйствовать самымъ угнетающимъ образомъ на впечатлительнаго, душой и тѣломъ преданнаго соціалистическому движенію Варынскаго. Онъ чувствовалъ въ себѣ силы и способности поднять духъ лицъ, впавшихъ въ уныніе, внести живую струю и вновь заставить многихъ энергично работать. За истекшіе три года, проведенные внѣ Варшавы, Варынскій, несомнѣнно, пріобрѣлъ большую опытность; онъ значительно развился и сталъ увѣреннѣе въ себѣ. Какъ казалось нѣкоторымъ товарищамъ, у него явилось даже нѣсколько излишнее самомнѣніе, о чемъ онъ однажды случайно проговорился.

Всегда чрезвычайно скромный, сдержанный, не любившій говорить о себѣ и о своихъ достоинствахъ, Варынскій въ нашей тѣсной компаніи, устроившей по какому-то поводу небольшую выпивку, хватилъ немного черезъ край и совершенно преобразился: онъ сталъ оживленъ, разговорчивъ и откровененъ. Онъ то приходилъ въ экстазъ, изображая, какъ „шаблюкою“ будетъ поражать „враговъ народа“, то впадалъ въ грусть и уныніе, выражая негодованіе на судьбу, заставляющую его томиться въ изгнаніи, когда въ Польшѣ

его ждутъ великія дѣла, которыя заставятъ потомство говорить о немъ. Ясно было, что онъ высказываетъ свои задушевныя мысли, и, помню, намъ тогда казалось, что Варынскій преувеличиваетъ свое значеніе для Царства Польскаго. Между тѣмъ, вскорѣ онъ показалъ, что внутреннее чувство нисколько его не обманывало.

Съ наступленіемъ лѣта 1881 г. единственной уже помѣхой его возвращенія въ Россію являлись большая, сравнительно, его задолженность и необходимость обезпечить свою жену и ребенка на первое время. На полученіе необходимыхъ для этого средствъ отъ состоятельныхъ польскихъ товарищей у Варынскаго не было желанія или надежды. Кажется, въ это время ихъ отношенія съ Мендельсономъ не были особенно хороши, — у нихъ происходили какія-то разногласія, — теперь уже не помню изъ-за чего, но, повидимому довольно значительныя, такъ какъ ими рѣшено было даже переформировать редакцію и, вмѣсто „Równosci“ въ концѣ того лѣта сталъ выходить „Przedswit“ („Разсвѣтъ“).

Какъ бы то ни было, но Варынскій не разсчитывалъ воспользоваться средствами своихъ польскихъ товарищей. Въ виду установившихся между нами личныхъ отношеній, а также въ силу состоявшагося у насъ соглашенія, о которомъ я выше сообщилъ, онъ охотно согласился взять у насъ необходимую ему на поѣздку сумму. Однако, пока мы смогли получить отъ нашихъ товарищей изъ Россіи эти деньги, прошло еще нѣкоторое время.

Осенью того же 1881 года Варынскому вновь представился случай обнаружить присущія ему ораторскія способности — на этотъ разъ передъ западно-европейскими, главнымъ образомъ, передъ нѣмецкими соціалъ-демократами. Какъ извѣстно, въ виду дѣйствія въ Германіи незадолго передъ тѣмъ введеннаго тамъ закона противъ соціалистовъ, собрался въ Хурѣ (въ Швейцаріи) конгрессъ соціалъ-демократовъ, на который были ими приглашены, въ качествѣ „гостей“, представители разныхъ единомышленныхъ и сочувствовавшихъ имъ организацій. Отъ насъ присутствовалъ тамъ П. Б. Аксельродъ, польскіе соціалисты избрали Варынскаго. Его блестящая рѣчь имѣла огромный успѣхъ. Но, насколько могу припомнить, часть польскихъ его товарищей, главнымъ образомъ, кажется, Мендельсонъ, осталась недовольна нѣкоторыми его выраженіями.

Только въ декабрѣ 1881 г. Варынскій получилъ отъ насъ деньги и немедленно собрался въ дорогу. Не берусь передать его оживленія и радости; онъ вновь воспрянулъ духомъ.

Возбужденіе, начавшееся въ Россіи, при восшествіи на престолъ Александра III, отчасти передалось и въ нашу эмигрантскую среду. По крайней мѣрѣ тѣ изъ насъ, которые еще не потеряли

связей съ родиной и надѣялись вскорѣ вернуться туда, закопошились, заволновались. Нѣкоторые еще лѣтомъ собрались и уѣхали обратно въ Россію (Я. Стефановичъ), другіе также разсчитывали это вскорѣ сдѣлать. Завязалась болѣе частая и интенсивная переписка и сношенія между нами и находившимися въ Россіи дѣятелями; шли переговоры объ единеніи: замѣтны были кое-какія совмѣстныя предпріятія, — заграничный отдѣлъ Краснаго Креста, типографія для печатанія получавшихся отъ организаціи „Народной Воли“ біографій нѣкоторыхъ изъ погибшихъ ея членовъ и пр.

Въ это же время среди польскихъ соціалистовъ не только не замѣтно было ни малѣйшаго оживленія, но, наоборотъ, съ отъѣздомъ Варынскаго, наступило значительно бо́льшее, чѣмъ прежде, затишье. Часть видныхъ членовъ — Мендельсонъ, Яблоновская и Длускій — совсѣмъ покинули Женеву, и въ ней, кромѣ лицъ, работавшихъ въ типографіи, остались только Пекарскій, также оправданный по краковскому процессу и участвовавшій въ редакціи „Przedswit'a“, да Дикштейнъ.

На нашихъ общерусскихъ эмигрантскихъ собраніяхъ уже не раздавался сильный и убѣжденный голосъ Варынскаго; не слышны были рѣчи Мендельсона и Длускаго и, наоборотъ, сталъ чаще появляться Лимановскій, монотонно тянувшій свои рефераты. Сильно чувствовалось отсутствіе молодой, образованной и энергичной польской соціалистической эмиграціи.

Но въ то же самое время въ другомъ концѣ Европы, въ Царствѣ Польскомъ, началось большое оживленіе. По общему и единодушному признанію, оно цѣликомъ внесено было туда Людвигомъ Варынскимъ: онъ вполнѣ оправдалъ сдѣланныя имъ на-веселѣ заявленія, показавшіяся намъ преувеличенными.

Я, конечно, не могу теперь, шагъ за шагомъ, прослѣдить за его дѣятельностью съ момента его возвращенія въ Варшаву. Скажу лишь, что ему, дѣйствительно, вскорѣ удалось собрать воедино разрозненныхъ и пріунывшихъ рабочихъ, а также привлечь новыхъ лицъ и создать значительную организацію, названную имъ „Рабочимъ Комитетомъ“. Этотъ комитетъ явился основаніемъ первой польской соціалистической партіи, названной Варынскимъ „Пролетаріатомъ“.

Во всей этой дѣятельности Варынскій проявилъ огромную трудоспособность, энергію и настойчивость. Число его сторонниковъ чрезвычайно быстро росло, такъ что къ концу 1882 г. по его иниціативѣ смогъ уже собраться съѣздъ въ Вильно, гдѣ и положено было основаніе партіи „Пролетаріатъ“.

На этомъ съѣздѣ къ „Рабочему Комитету“ примкнулъ вскорѣ

затѣмъ пріобрѣвшій большую извѣстность Станиславъ Куницкій, со своимъ петербургскимъ кружкомъ. На ряду съ Варынскимъ, это былъ наиболѣе выдающійся по способностямъ и энергіи польскій соціалистъ-практикъ.

Убѣдивъ Куницкаго и нѣкоторыхъ членовъ его кружка переѣхать изъ Петербурга въ Варшаву, Варынскій отправился затѣмъ за границу для устройства разныхъ дѣлъ, главнымъ же образомъ, для установленія сношеній съ эмиграціею и для вступленія въ болѣе тѣсную связь съ находившимися въ то время тамъ представителями партіи „Народная Воля".

Невозможно было узнать этого человѣка, до того онъ измѣнился за сравнительно короткое время. Онъ былъ чрезвычайно оживленъ, бодръ, разговорчивъ, а, главное, полонъ самыхъ радужныхъ надеждъ. Дѣйствительно, дѣятельность Варынскаго въ Царствѣ Польскомъ была очень успѣшна, въ чемъ отчасти и мы имѣли случай убѣдиться.

Однажды, я и В. И. Засуличъ получили отъ Варынскаго приглашеніе придти къ нему въ указанный имъ вечеръ, такъ какъ онъ желалъ насъ познакомить съ пріѣхавшимъ съ нимъ вмѣстѣ за границу очень интереснымъ человѣкомъ.

Когда въ назначенное время мы пришли, то застали у него довольно пожилого уже господина, оказавшагося мировымъ судьей, служившимъ по назначенію въ Варшавѣ. Изъ разговора съ нимъ выяснилось, что этотъ русскій чиновникъ, отправленный въ Царство Польское съ обрусительными цѣлями, подъ вліяніемъ Варынскаго, помогалъ ему и его товарищамъ въ соціалистическихъ ихъ предпріятіяхъ. На насъ съ В. И. Засуличъ этотъ „обруситель" произвелъ довольно благопріятное впечатлѣніе: онъ былъ уменъ, наблюдателенъ, серьезенъ и вовсе, повидимому, не склоненъ былъ къ какимъ-либо увлеченіямъ или утопіямъ. Тѣмъ не менѣе, насколько могу теперь припомнить, несмотря на то, что онъ былъ значительно старше Варынскаго, онъ относился къ послѣднему съ глубокимъ уваженіемъ и подтверждалъ его сообщенія объ успѣхахъ соціалистическаго движенія въ Царствѣ Польскомъ. Одинъ уже этотъ фактъ привлеченія на сторону поляковъ русскаго, по рожденію, чиновника могъ служить достаточно наглядным доказательствомъ способности Варынскаго вліять на людей даже изъ враждебнаго лагеря и значительно болѣе его пожилыхъ. Къ слову: извѣстно, что нѣсколько лѣтъ спустя, по процессу созданнаго Варынскимъ общества „Пролетаріатъ", кромѣ этого мирового судьи, судился еще другой, — Бардовскій, котораго постигла печальная участь. Но объ этомъ сообщу ниже.

VII.

Въ описываемое мною время насильственные пріемы борьбы были, какъ извѣстно, очень популярны среди дѣйствовавшихъ въ Россіи, а также отчасти и находившихся въ эмиграціи революціонеровъ. Неудивительно, поэтому, что живой, пылкій Варынскій поддался общему увлеченію и также склонился къ примѣненію польскими соціалистами этихъ пріемовъ, какъ по отношенію разныхъ правительственныхъ лицъ, такъ и противъ наиболѣе жестоко обращавшихся съ рабочими представителей эксплоатирующихъ классовъ

Съ этими воззрѣніями относительно „политическаго и экономическаго террора“ Варынскій поѣхалъ въ Парижъ для переговоровъ съ находившейся тамъ извѣстной представительницей „Народно Воли“, — М. Н. Ошаниной. Чрезвычайно обрадовавшись предложенію Варынскаго, Ошанина, въ качествѣ ярой централистки, уже готова была увидѣть въ немъ преклоненіе поляковъ передъ „могущественнымъ Исполн. Комитетомъ“, однимъ изъ наиболѣе видныхъ членовъ котораго она являлась. Но Варынскій имѣлъ, конечно, въ виду не преклоненіе и подчиненіе партіи „Пролетаріата“ „великой русской организаціи“, на что разсчитывала якобинка Ошанина, а лишь взаимныя услуги и помощь, при полной независимости обѣихъ партій. Поэтому, насколько помню, Варынскій не пришелъ съ Ошаниной ни къ какому опредѣленному соглашенію и уѣхалъ ни съ чѣмъ.

Однако, намѣренія вступить въ федеративную связь съ партіей „Народная Воля“ онъ не оставилъ.

Поэтому по возвращеніи въ Россію онъ отправился въ Петербургъ, предполагая, что тамъ онъ скорѣе добьется результата. Но въ это время народовольческая организація съ „Исполнительнымъ Комитетомъ“ была уже совершенно разгромлена. Вмѣсто нея орудовалъ Дегаевъ въ союзѣ съ Судейкинымъ, о чемъ никто не подозрѣвалъ. Съ этимъ-то предателемъ, выдававшимъ себя за члена „Исполнительнаго Комитета“, Варынскій и повелъ переговоры, единственнымъ результатомъ которыхъ было то, что за нимъ установлена была слѣжка до самой Варшавы.

Популярность „Пролетаріата“, между тѣмъ, росла со дня на день. Немалую роль въ этомъ отношеніи сыграли многочисленныя прокламаціи, выпускавшіяся Варынскимъ и его товарищами по разнымъ поводамъ. Изъ нихъ наибольшій успѣхъ имѣло написанное Варынскимъ обращеніе къ варшавскимъ рабочимъ и работницамъ съ совѣтомъ не допускать осуществленіе оберъ-полицеймейстерскаго распоряженія о производствѣ санитарнаго осмотра фабричныхъ ра-

ботницъ. Послѣдовавъ призыву „Пролетаріата“, трудящіяся женщины оказали до того внушительный протестъ, что оберъ-полицеймейстеръ вынужденъ былъ отмѣнить свое распоряженіе. Это было огромной побѣдой и наглядным доказательствомъ большого вліянія „Пролетаріата“ на рабочихъ.

Въ сентябрѣ того же года началъ выходить подпольный органъ подъ тѣмъ же заглавіемъ. Но Варынскому удалось проредактировать только два первые номера „Пролетаріата“.

Замѣтивъ слѣдовавшихъ за нимъ по пятамъ шпіоновъ, онъ скрылся было на время изъ Варшавы. Но нигдѣ не чувствовалъ онъ себя такъ вольготно, какъ въ этомъ городѣ, въ которомъ осуществлялись всѣ его надежды и планы. Поэтому послѣ короткаго отсутствія Варынскій вновь вернулся въ Варшаву, гдѣ его многіе прекрасно знали и гдѣ не трудно было его выслѣдить, благодаря высокому его росту и вообще бросавшимся въ глаза примѣтамъ его. Когда однажды вечеромъ въ концѣ сентября (1883 г.) у него происходило съ кѣмъ-то изъ товарищей дѣловое свиданіе въ одномъ ресторанѣ, туда явился околоточный и захотѣлъ арестовать его. Но Варынскій, отличавшійся довольно большой физической силой, толкнулъ его такъ, что тотъ упалъ, а самъ бросился бѣжать. Однако сбѣжавшимся на свистки околоточнаго полицейскимъ вскорѣ удалось его задержать.

Послѣ ареста Варынскаго замѣнившій его во всемъ Куницкій довелъ, наконецъ, до благополучнаго конца переговоры съ „Народной Волей“. Для этого онъ также отправился въ Парижъ, гдѣ кромѣ Ошаниной, находились тогда Л. Тихомировъ и другіе уцѣлѣвшіе отъ разгрома члены „Народной Воли“. Съ этими лицами Куницкій и вступилъ въ договоръ, который былъ затѣмъ напечатанъ въ „Вѣстникѣ Народной Воли“ (№ 4). Въ силу этого договора, за „Центральнымъ Комитетомъ Пролетаріата“ признана была „полная независимость отъ „Исполнительнаго Комитета“ партіи „Народ. Воля“, и въ сферѣ своей дѣятельности онъ долженъ былъ обладать „исключительной компетенціей“. Но „Центральный Комитетъ“ обязывался „по полному соглашенію съ „Исполн. Комитетомъ“ участвовать въ борьбѣ съ правительствомъ... не иначе, какъ по знаку, данному „Исполн. Комитетомъ“. Въ своихъ же „созидательныхъ работахъ „Центр. Комитетъ“ отдѣлялся отъ „Исполн. Комит.“, какъ самостоятельное цѣлое, и могъ проводить въ районѣ своей дѣятельности возможныя формы, согласуясь съ мѣстными условіями“.

Таковы вкратцѣ были условія этого договора. Но онъ остался только запечатлѣннымъ на бумагѣ: ни малѣйшаго практическаго значенія онъ не имѣлъ, потому что объ договорившіяся организаціи

тогда доживали уже свои послѣдніе дни: „Исполнительный Комитетъ“, благодаря предательству Дегаева, былъ уже раньше почти окончательно разгромленъ, а „Центральному Комитету Пролетаріата“, со дня на день, угрожала та же участь.

Лишь послѣ ареста Варынскаго члены „Пролетаріата“, — кромѣ устной и печатной пропаганды и агитаціи среди рабочихъ, — стали производить насильственныя расправы съ предателями и нѣкоторыми должностными лицами. Это, конечно, вызвало со стороны властей еще болѣе энергичные розыски и преслѣдованія, чѣмъ то практиковалось раньше, и вскорѣ до пятидесяти человѣкъ были арестованы по дѣлу „Пролетаріата“. Только немногимъ изъ видныхъ его членовъ удалось скрыться за границу; всѣ остальные, съ Варынскимъ во главѣ, были или преданы суду, или высланы въ административномъ порядкѣ въ Сибирь. Главнымъ ораторомъ на судѣ выступилъ Варынскій, произнесшій блестящую рѣчь, въ которой, между прочимъ, принялъ на себя отвѣтственность за всѣ насильственные акты, совершенные уже послѣ его ареста.

Извѣстно, что по дѣлу „Пролетаріата“ четыре человѣка, въ томъ числѣ упомянутый мною выше русскій мировой судья Бардовскій и Куницкій, были казнены, а двадцать человѣкъ приговорены были въ каторжныя работы; изъ нихъ Варынскій, осужденный на 16 л., заключенъ былъ въ Шлиссельбургской крѣпости, гдѣ, несмотря на желѣзное его здоровье, онъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, заболѣлъ чахоткой и въ февралѣ 1889 г. скончался...

* * *

Немногое остается мнѣ сказать объ остальныхъ основателяхъ соціалистическаго движенія въ Царствѣ Польскомъ. Наиболѣе трагичной была судьба талантливаго и въ высшей степени симпатичнаго Дикштейна.

Когда въ Царствѣ Польскомъ началась описанная мною выше интенсивная дѣятельность, Дикштейнъ сильнѣе прежняго сталъ тяготиться пребываніемъ за границей. Но товарищи рѣшительно возстали противъ его намѣренія поѣхать въ Варшаву. Тогда онъ перебрался въ Парижъ, гдѣ усердно началъ готовить магистерскую диссертацію по зоологіи. Онъ очень увлекался этой работой, и годъ съ чѣмъ-то спустя появилась его книга, удостоившаяся самыхъ лестныхъ отзывовъ. Затѣмъ онъ задумалъ заняться изученіемъ медицины и съ обычной настойчивостью принялся за работу. Однако эти занятія, повидимому, не могли его удовлетворить, — онъ началъ метаться изъ города въ городъ: изъ Парижа онъ въ 1884 г. переселился въ Цюрихъ, оттуда поѣхалъ въ Бернъ, гдѣ въ томъ же году покончилъ съ собою, на 27 году отъ роду...

Сложнѣе и разнообразнѣе была жизнь Станислава Мендельсона и Маріи Яблоновской.

Въ 1882 г. они вдвоемъ отправились въ Познань съ цѣлью пропаганды соціализма среди мѣстнаго польскаго населенія. Но вскорѣ оба они были арестованы и заключены въ тюрьму. Однако, богатой роднѣ Яблоновской удалось взять ее до суда на поруки. Мендельсонъ же сдѣлалъ попытку бѣжать изъ тюрьмы, для чего успѣлъ распилить оконную желѣзную рѣшетку, но былъ пойманъ на этомъ. Когда затѣмъ онъ отбылъ присужденное ему, кажется, двухгодичное тюремное заключеніе, то, по требованію русскаго правительства, онъ былъ отправленъ на границу, съ тѣмъ, чтобы быть переданнымъ тамъ жандармамъ. Но, какъ тогда передавали, благодаря подкупу властей, устроенному его богатыми родственниками, ему удалось бѣжать съ самой уже границы.

Послѣ этого Мендельсонъ вновь появился въ Швейцаріи, затѣмъ, вмѣстѣ съ Яблоновской, поселился въ Парижѣ, гдѣ также попалъ въ тюрьму, будучи выданъ извѣстнымъ провокаторомъ Гедельманомъ, впослѣдствіи превратившимся въ д. с. с. Гартинга.

Вновь отбывъ продолжительное тюремное заключеніе и будучи также изгнанъ изъ Франціи, какъ и изъ Австріи, Пруссіи и Швейцаріи, Мендельсонъ вмѣстѣ съ Яблоновской, ставшей его женой, поселился въ Лондонѣ. Тамъ, выдержавъ довольно трудный экзаменъ, онъ сдѣлался адвокатомъ и на нѣсколько лѣтъ совсѣмъ откамался отъ всякой политической дѣятельности. Изъ яраго противника польскихъ націоналистовъ Мендельсонъ затѣмъ самъ къ нимъ склонился и явился однимъ изъ основателей польской соціалистической партіи (P. P. S.). Потомъ онъ разстался и съ этимъ, превратившись въ скептика, пессимиста и вообще отрицателя ученія Маркса. Въ этомъ отношеніи, по утвержденію вождя англійской соціалъ-демократической партіи Гайндмана, Мендельсонъ имѣлъ даже большое вліяніе на извѣстную метаморфозу, происшедшую съ Э. Бернштейномъ, также проживавшимъ тогда въ Лондонѣ и будто бы находившимся подъ вліяніемъ Мендельсона. Одно время Мендельсонъ сталъ даже консерваторомъ. Затѣмъ онъ сталъ сотрудникомъ органа варшавскихъ „реалистовъ“ „Mowa“. Его мечущаяся, неугомонная натура, повидимому, нигдѣ не могла найти себѣ покоя и удовлетворенія.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Мендельсонъ, наконецъ, получилъ возможность, послѣ продолжительныхъ скитаній по разнымъ странамъ, вновь попасть въ свой родной городъ. Но какъ разъ тогда началась тамъ антисемитическая волна. На Мендельсона это произвело самое тяжелое впечатлѣніе. Старый, неугомонный борецъ

опять устремился въ политику: онъ сталъ во главѣ еврейской части населенія Варшавы во время послѣдней бурной избирательной кампаніи въ Государственную Думу. Его перу, между прочимъ, принадлежитъ извѣстное „Обращеніе къ польскому обществу“.

Въ 1913 году Мендельсона не стало...

За нѣсколько лѣтъ до того, въ Лондонѣ, скончалась его жена, бывшая Яблоновская. Она оставила довольно интересныя свои воспоминанія и переписку съ знаменитой Софіей Ковалевской, съ которой была очень дружна. Эти ея записки появились и на русскомъ языкѣ [1]).

Благополучнѣе всѣхъ своихъ бывшихъ товарищей устроился Казимиръ Длускій. Въ срединѣ восьмидесятыхъ годовъ, оставивъ „увлеченія молодости“, онъ поступилъ въ Парижѣ на медицинскій факультетъ и, ставъ затѣмъ врачемъ, отправился въ богатый курортъ — Закопане, въ Галиціи, гдѣ и донынѣ здравствуетъ, имѣя обширную практику.

Левъ Дейчъ.

[1]) „Совр. Міръ,“ 1911 г., XI.

ПИСЬМО ИЗЪ ЛОНДОНА.

I.

Конгрессъ рабочей партіи, состоявшійся въ Манчестрѣ въ началѣ этого года, полагалъ, что въ рядахъ ея существуютъ разные взгляды на войну и на участіе членовъ этой партіи въ кабинетѣ. Делегатъ отъ британской соціалистической партіи, т. е. отъ англійскихъ соціалъ-демократовъ, входящихъ въ составъ Labour Party,— Фэйрчайльдъ предложилъ выразить порицаніе Хендерсону и товарищамъ его, вошедшимъ въ министерство Ллойдъ - Джорджа. „Положеніе дѣлъ теперь иное, чѣмъ тогда, когда у власти стоялъ Асквитъ, — сказалъ Фэйрчайльдъ, — рабочіе вожди вступили въ новый кабинетъ, совершили актъ „непростительнаго безумія“. Они содѣйствовали ниспроверженію правительства, пользовавшагося популярностью, и стали помощниками безотвѣтственнаго диктатора“. Другой делегатъ Джемсъ Секстонъ, представлявшій иное теченіе, напомнилъ Фэйрчайльду, что „британская соціалистическая партія вотъ уже двѣнадцать лѣтъ, какъ не принимаетъ участія въ конгрессахъ рабочей партіи. Вслѣдствіе этого нынѣшнее вторженіе ея нельзя назвать иначе, какъ безстыдствомъ“ [1]). „Много электричества внесъ коммонеръ Сноуденъ, делегатъ Независимой Рабочей Партіи. Делегатъ изобразилъ преобразованіе кабинета, какъ результатъ „заговора между Ллойдъ-Джорджемъ и лордомъ Нортклифомъ“. „Думаете ли вы, что честолюбивые замыслы издателя „Times'a“ теперь удовлетворены? — вопрошалъ Сноуденъ, вколачивая, по своему обыкновенію, аргументы кулакомъ въ столъ.— Одна изъ газетъ лорда Нортклифа уже назначаетъ лорда Дерби преемникомъ Ллойдъ-Джорджу въ диктаторствѣ. Станутъ ли рабочіе и тогда поддерживать министерство? Если они собираются сдѣлать это, то мы имъ заранѣе можемъ предсказать еще бо́льшую дозу промышленнаго крѣпостного состоянія, чѣмъ они имѣютъ теперь“. Голосованіе показало, что подавляющее большинство анг-

[1]) Цитирую по отчетамъ „Labour Leader.“

лійскихъ рабочихъ думаютъ не такъ какъ Фэйрчайльдъ и Сноуденъ. Когда на голосованіе поставленъ былъ вопросъ объ участіи рабочихъ вождей въ кабинетѣ, то 1.849.000 одобрили это участіе, а 307.000— высказ ались противъ. На другой день Независимая Рабочая Партія внесла на одобреніе конгресса слѣдующую резолюцію относительно Интернаціонала. „Конгрессъ вполнѣ одобряетъ принципы меж дународной солидарности рабочихъ и выражаетъ убѣжденіе, что продолжительность мира будетъ зависѣть отъ степени соединеннаго вліянія рабочихъ классовъ всѣхъ странъ. Больше того. Такъ какъ дипломатія капиталистическихъ классовъ, немедленно послѣ окончанія войны, готова будетъ снова осуществлять программу захвата нов ыхъ территорій и экономической эксплоатаціи ихъ, то конгрессъ требуетъ, чтобы исполнительный комитетъ созвалъ международное соціалистическое совѣщаніе. Интернаціональный соціалистическій конгрессъ долженъ быть созванъ одновременно съ конгрессомъ мира“. Делегатъ Брюсъ Глэйтеръ, поддерживая резолюцію, заявилъ, что „Интернаціоналъ является надеждой рабочихъ всѣхъ странъ“. Онъ протестовалъ противъ клеветы „на нашихъ германскихъ товарищей, раздающейся часто съ платформы въ Англіи“. Главный оппонентъ указалъ, что французскіе и бельгійскіе делегаты не могутъ думать о возстановленіи Интернаціонала, покуда родина ихъ занята и ограблена; покуда національныя права ихъ не возстановлены. Интернаціональный съѣздъ теперь превратился бы въ арену отчаянной борьбы (the most frightful bear-gardens,— по живописному выраженію оратора). Голосованіе опять показало, что подавляющее большинство англійскихъ рабочихъ — за войну. Резолюція, требующая скорѣйшаго возстановленія Интернаціонала, была отклонена 1.498.000 голосами противъ 696.000.

Зато англійскіе интернаціоналисты имѣли свой день, когда 31 марта собрались въ колоссальной Альбертовой залѣ, чтобы привѣтствовать русскую революцію. Если бы иностранецъ, не знающій Англію, попалъ въ тотъ день на митингъ, то ему показалось бы, вѣроятно, что громаднее зданіе, вмѣщающее десять тысячъ человѣкъ, превратилось въ кратеръ во время изверженія. Рѣчи ораторовъ напоминали расплавленную лаву. Англійскіе соціалъ-демократы, оставшіеся въ меньшинствѣ на рабочемъ конгрессѣ въ Манчестѣ, теперь были въ большинствѣ къ залѣ. „Мы собрались не только, чтобы поздравить Россію съ переворотомъ, но чтобы сдѣлать революцію въ политической, соціальной и экономической жизни Англіи“, — сказалъ одинъ ораторъ. „Митингъ нашъ стоитъ за миръ, за личную свободу, за свободу слова, за идеалъ соціалъ-демократіи и за красный Интернаціоналъ“. „Мы не проповѣдуемъ

свободу слова, а практикуемъ ее". „Война кончится завтра, или войска всѣхъ воюющихъ государствъ вступятъ въ пространство между окопами и откажутся воевать", — предложилъ Лэндсбери свой проектъ осуществленія мира. Обратившись къ молодымъ людямъ въ залѣ, другой ораторъ сказалъ: „Надо не аплодировать русскимъ революціонерамъ, а слѣдовать ихъ примѣру". Нѣкоторые изъ нихъ вѣрятъ, что можно силой разрушить прусскій милитаризмъ, — началъ Робертъ Вильямсъ. — Прусскій милитаризмъ можетъ быть сокрушенъ только пруссаками въ Германіи. Самый вѣрный ударъ наносятъ тѣ, которыя бьютъ въ своей странѣ. Пусть англичане въ Соединенномъ королевствѣ, и нѣмцы въ Германіи послѣдуютъ примѣру русскихъ въ Петроградѣ. И тогда мы получимъ почетный миръ". Параллельно съ этимъ раздавались обличенія. „Мы перестали быть свободнымъ народомъ", — сказалъ Робертъ Спайли. „Если Россія превратилась теперь въ Англію, то Англія превращается въ дореволюціонную Россію, — началъ извѣстный беллетристъ, цѣнящій прежде всего сильный парадоксъ. — Если у насъ нѣтъ великаго князя, подготовляющаго заговоръ, то зато мы имѣемъ лорда Нортклифа. Если у насъ нѣтъ самодержца, зато мы имѣемъ Ллойдъ-Джорджа. Безъ сомнѣнія, Ллойдъ-Джорджъ любитъ свободу. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ онъ не привѣтствовалъ русскую революцію? — иронизировалъ беллетристъ. — Но Ллойдъ-Джорджъ напоминаетъ того короля, который, когда хорошо пообѣдалъ, былъ убѣжденъ, что народъ его счастливъ. Потому именно, что первый министръ можетъ сдѣлать все, что ему угодно, онъ полагаетъ, что всѣ въ Англіи свободны. Ллойдъ-Джорджъ, укрощенный конституціей, пріемлемъ; но онъ превращается въ великую опасность для націи, когда не имѣетъ препонъ". „Мы позволяемъ себѣ надѣяться, что результатомъ русской революціи будетъ то, что намъ, англичанамъ, возвратятъ нашу Думу. Мы возлагаемъ теперь всѣ надежды на новую Россію, что она освободитъ новую Англію". „Въ самомъ началѣ войны я предупреждалъ моихъ согражданъ, что нельзя играть вольностями народа. Я доказывалъ, что гораздо легче отдать свободу, чѣмъ получить ее обратно. Простодушный англичанинъ, не привыкшій къ тиранамъ, убѣжденъ, что тигръ, разъ попробовавшій крови, будетъ считаться съ раціонированіемъ, рекомендуемымъ контролеромъ надъ продовольствіемъ. Англичанинъ этотъ не знаетъ, что всякій, имѣющій власть, злоупотребляетъ ею". Ллойдъ-Джорджъ недавно цитировалъ по одному поводу стихи, въ которыхъ говорится, что „свобода медленно идетъ отъ прецедента къ прецеденту", а наша свобода стремительно падаетъ изъ пропасти въ пропасть, — продолжалъ ораторъ по поводу этой

цитаты. — Знаетъ ли кто-нибудь теперь, подъ какими законами живемъ мы? Знаетъ ли кто нибудь, сохранился ли еще въ Англіи какой-нибудь законъ вообще? Правительство ссылается постоянно на законъ о защитѣ королевства (Defenil of the Realm Act). Это законъ не о защитѣ, а о разрушеніи королевства, — продолжалъ бэллетристъ. Послѣ этой войны должна послѣдовать другая, но не противъ германской торговли, а противъ доморощенныхъ дѣльцовъ, чтобы получить обратно отнятыя вольности. Даже дореволюціонная Россія, завѣщавшая намъ своихъ агентовъ-провокаторовъ, никогда не отказывалась вызвать нхъ въ судъ [1]). Отказъ правительства вызвать провокатора въ судъ — хуже даже, чѣмъ если бы Ллойдъ-Джорджъ былъ убитъ. Правительство убило душу Англіи. Когда говорятъ про промышленную конскрипцію или про пользованіе трудомъ цвѣтнокожихъ, то этимъ подрываются самыя основы государства. Налоги собираются у насъ съ такою же безпощадностью, какъ въ Турціи. Кто далъ правительству право поступать такимъ образомъ? Откуда его полномочія? Мы заявляемъ, что этому самодержавію долженъ быть положенъ конецъ, какъ въ Россіи".

Спенсеръ много разъ настаиваетъ и въ своихъ философскихъ трудахъ и въ автобіографіи на томъ, что необходимо пользоваться только такими прилагательными, которыя точно опредѣляютъ характеръ предмета, нисколько не усиливая его. Вообще это правило усвоено всѣми англійскими учеными и, до извѣстной степени, серьезными публицистами. Но требованіе Спенсера совершенно не признается англійскими ораторами. Недавно я попалъ на засѣданіе совѣта нашего округа. Ораторъ, сверкая глазами и потрясая кулаками, обличалъ положительно безпримѣрную тиранію муниципальнаго совѣта, тиранію, краснорѣчиво свидѣтельствующую о томъ, что всѣ вольности, за которыя наши предки боролись семь вѣковъ, попраны, разорваны и развѣяны по всѣмъ четыремъ вѣтрамъ. „Граждане Чизвика! (такъ зовутъ нашъ округъ), — восклицалъ ораторъ. — Неужели гордые британцы подчинятся деспотіи! Неужели не разразится ваше негодованіе, какъ буря въ океанѣ во время весенняго равноденствія! Пусть оно явится. Пусть къ оно смететъ деспотовъ, учившихся у Абдула Кроваваго презрѣнію демократіи!" Что же сдѣлалъ совѣтъ Чизвика? Продалъ насъ Вильгельму? Составилъ заговоръ противъ конституціи? Проектировалъ захватить

[1]) Дѣло идетъ о трехъ женщинахъ и одномъ мужчинѣ, осужденныхъ недавно въ Лондонѣ за организацію заговора съ цѣлью отравить при помощи яда кураре Ллойдъ-Джорджа и Хандерсона. Главный свидѣтель агентъ-провокаторъ, извѣстный подъ всевдонимомъ „Гордонъ", на судъ не явился, несмотря на требованія защиты.

парламентъ? Нѣтъ, онъ, не имѣя на то, по мнѣнію грознаго обличителя, достаточныхъ полномочій, перенесъ качели и гигантскіе шаги изъ одного мѣста нашего парка въ другое. Англійскіе ораторы вообще слѣдуютъ тому совѣту, который Гейне подаетъ нѣмецкому поэту. Не надо быть нѣжной флейтой".

Sei Kanone, sei Kartaune,
Blase, schmettre, donnre, töte!

И ораторы, обличающіе правительство, „дуютъ, трубятъ, громятъ и убиваютъ". Каждое лыко ставится правительству въ строку. Каждый промахъ возводится въ тяжкое преступленіе, а каждая ошибка — въ смертный грѣхъ. Въ англійскомъ языкѣ есть слово stampedo, пришедшее изъ Америки, гдѣ оно было усвоено изъ испанскаго языка. Означаетъ оно состояніе громаднаго косяка полудикихъ лошадей во время степного пожара. Сотни лошадей тогда ломаютъ коновязи, вырываются изъ ограды и неудержимо мчатся впередъ. Иногда причиной stampedo является не степной пожаръ, а иное явленіе, совсѣмъ не грозное. Ковбои знаютъ, что удержать и остановить косякъ во время stampedo нѣтъ никакой возможности. И вотъ долгій опытъ подсказалъ американскимъ пастухамъ одинъ пріемъ. Они предоставляютъ косяку мчаться впередъ. Пройдетъ нѣкоторое время лошади успокоятся и утомятся. Тогда онѣ сами остановятся. Тотъ же самый пріемъ вообще усвоенъ къ Англіи по отношенію къ stampedo ораторовъ.

Я не писалъ бы вамъ про все это теперь, если бы не одно обстоятельство. Крайне окрашенными обвиненіями нѣкоторыхъ ораторовъ противъ Англіи, обвиненіями, обильно уснащенными чрезвычайно сильными прилагательными, — повидимому, хотятъ воспользоваться теперь у насъ, въ Россіи, какъ аргументомъ, что новая Россія не должна дѣйствовать заодно съ „буржуазной Англіей". Англійскіе имперіалисты, — говорятъ вамъ, — воспользовались войной, чтобы „взять свободу у пролетаріата". Англійскіе рабочіе, подобно новгородцамъ, будто бы „такали, такали и протакали свои вольности". Нѣкоторыхъ русскихъ англофобовъ я могу наблюдать здѣсь.

II.

Русскіе, разносящіе Англію, могутъ быть раздѣлены на два класса: на крайнихъ консерваторовъ и на интернаціоналистовъ и пораженцевъ. Къ первому классу относятся ненавистники свободы и демократіи, а также перевертни всякаго рода. Сколько ихъ! Они были реакціонерами до 1905 года, во время первой революціи стали радикалами; въ 1906 году восхищались самыми крайними

ораторами первой Думы; въ 1907 году прославляли П. А. Столыпина за твердость, а затѣмъ стали „чернѣть“ все больше и больше. Въ самомъ началѣ войны, когда русскіе были въ Восточной Пруссіи, они кричали: „Намъ надобна вся Турція до Персидскаго залива! А если же Англія запротестуетъ, то мы этимъ жирнымъ лавочникамъ покажемъ!“ Теперь монархисты эти стали республиканцами и посылаютъ телеграммы кн. Львову. Вотъ, напримѣръ, крупный титулованный чиновникъ, прославившійся въ печати своею грубостью къ русскимъ, захваченнымъ войною на курортахъ, растерявшимся тогда, какъ только могутъ теряться наши соотечественники, и спѣшившимъ въ августѣ 1914 года домой. До революціи онъ былъ реакціонеромъ, теперь же любитъ повторять: „Я всегда зналъ, что этотъ Николай „кончитъ плохо“! Этотъ титулованный чиновникъ, если бы его спросили, почему онъ англофобъ, отвѣтилъ бы, вѣроятно, приблизительно какъ Чеховскій помѣщикъ Камышевъ, объясняющій свою галлофобію такъ: „Въ нихъ не хватаетъ чего-то такого, этакого..., чего-то такого... юридическаго“. Вотъ еще перевертень, тоже крупный чиновникъ. До второго марта онъ считалъ даже октябристовъ революціонерами. Сослуживцы боялись его и, сидя въ Лондонѣ, не рѣшались, страшась „непріятностей“, выписывать на свое имя либеральную газету изъ Москвы! Когда утромъ 16 марта (по новому стилю) онъ прочиталъ въ англійскихъ газетахъ про переворотъ, то рѣшительно заявилъ, что немедленно выходитъ въ отставку, такъ какъ „хамамъ служить не намѣренъ“. Въ этомъ твердомъ рѣшеніи онъ пребывалъ цѣлыхъ два часа. Теперь онъ республиканецъ и громитъ Николая II. Чиновникъ этотъ англофобъ. Почему? „У нихъ всякіе Айзексы становятся лордами-судьями“, — объяснялъ онъ какъ-то. Объ этихъ англофобахъ много говорить не приходится. Спорить необходимо только съ обличителями Англіи интернаціоналистами. Они говорятъ, что у свободной Россіи не можетъ быть симпатій къ буржуазной, имперіалистической Англіи, въ которой политическая свобода стала достояніемъ прошлаго. (Въ видѣ аргументовъ приводятся цитированныя выше рѣчи.) Имперіалисты и „лавочники“, ставшіе въ Англіи у власти, продвинули ее такъ далеко назадъ, что теперь, съ пролетарской точки зрѣнія, Британская имперія представляетъ собою будто бы нѣчто худшее, чѣмъ Германія, въ которой есть соціалъ-демократія, тогда какъ въ Соединенномъ королевствѣ есть только рабочіе, сами отказавшіеся отъ своихъ вольностей. Интернаціоналисты назовутъ всѣ историческіе грѣхи британскаго имперіализма, сочтенные... пангерманистами, — назовутъ Ирландію, затѣмъ приведутъ рядъ фактовъ, явившихся результатомъ дѣйствія временныхъ законовъ объ охранѣ королевства.

Дѣйствительно ли Англія вступила на путь дореволюціонной Россіи? Возможна ли вообще реакція здѣсь? Отвѣтъ на эти вопросы въ высшей степени интересенъ, такъ какъ выясняетъ, какія условія необходимы въ странѣ, чтобы соціальное и политическое развитіе не могло быть остановлено на сколько-нибудь продолжительное время.

Англійскіе политическіе писатели середины XIX вѣка склонны были объяснять реакцію психологическими причинами, „закономъ качанія маятника“, какъ говорили тогда. „Внимательные наблюдатели могли бы предсказать реакцію, ибо она объясняется закономъ, столь же постояннымъ, какъ смѣна временъ года или направленіе торговыхъ вѣтровъ, — говоритъ знаменитый англійскій историкъ первой половины XIX вѣка. Въ натурѣ человѣка заложено стремленіе преувеличивать существующее зло и недооцѣнивать существующее добро, затѣмъ томленіе по тому, чего у него нѣтъ, и недовольство имѣющимся. Это свойство, насколько оно присуще индивидуумамъ, часто отмѣчалось смѣющимися и плачущими философами. Оно является любимой темой у Горація, Паскаля, Вольтера и доктора Джонсона. Этимъ свойствомъ, присущимъ также и цѣлымъ обществамъ, объясняется большинство революцій и контръ-революцій, отмѣченныхъ исторіей. Сто поколѣній отдѣляютъ насъ отъ великой эмансипаціи народа, находившагося въ рабствѣ. Мы читаемъ въ одной изъ самыхъ старыхъ книгъ про то, какъ народъ, склоненный до земли рукой жестокаго угнетателя, работавшій подъ бичемъ безпощадныхъ надсмотрщиковъ и принужденный лѣпить кирпичи безъ соломы, — сталъ такъ вопить отъ страданій, что стоны его достигли небесъ. Рабы эти были чудеснымъ образомъ освобождены отъ неволи. И въ моментъ своего освобожденія они запѣли пѣсню благодарности и торжества. Но черезъ нѣсколько часовъ этотъ самый народъ вспоминалъ уже съ сожалѣніемъ про свое рабство и роптalъ противъ вождя, оторвавшаго его отъ полныхъ котловъ, чтобы вывести въ пустыню, отдѣлявшую страну неволи отъ земли, текущей молокомъ и медомъ. Съ тѣхъ поръ исторія каждаго великаго освобожденія является пересказомъ исхода изъ Египта. И теперь еще ликованія на берегу Чернаго моря быстро смѣняются ропотомъ у Водъ Междоусобія. Самая справедливая и самая благотворная революція не можетъ принести всѣхъ тѣхъ благъ, которыя ожидаютъ отъ нея крайніе оптимисты. Даже наиболѣе проницательный наблюдатель не можетъ взвѣсить, — покуда революція не прошла еще въ область исторіи, — на равныхъ вѣсахъ добро и зло, принесенныя ею“ [1]). Послѣ Маколея для объяс-

[1]) T. B. Macaulay, „The History of England“, vol. III, p. 5.

ненія реакціи стали приводиться другія причины. Отчасти зналъ ихъ и цитируемый англійскій историкъ. Въ 1649 году англичане приняли, какъ вполнѣ естественное, судъ, казнь Карла I и республику, а черезъ одиннадцать лѣтъ они восторженно привѣтствовали Карла II. „Тысячи зрителей собрались на берегу въ Дуврѣ, чтобы встрѣтить короля... Путешествіе его въ Лондонъ представляло собою сплошной тріумфъ. Вся дорога отъ Рочестера до Лондона была обстроена наскоро сооруженными лавками и представляла собою безконечную ярмарку. Всюду развѣвались флаги. Колокола на всѣхъ церквахъ гудѣли. Звучала музыка. Вино и пиво лилось рѣкой за здоровье короля. Возвращеніе его привѣтствовалось какъ наступленіе мира, закона, свободы. Это было въ 1660 году, а черезъ двадцать восемь лѣтъ Яковъ II бѣжалъ во Францію, потому что и виги, и тори дали ясно понять ему, что климатъ континента будетъ полезнѣе, чѣмъ воздухъ Англіи. Причины такихъ колебаній народа вполнѣ просты. Англичане совершили революцію во имя старинныхъ вольностей, на которыя посягнулъ Карлъ I. Кромвель утомилъ англичанъ тѣмъ, что посадилъ имъ на шею военныхъ губернаторовъ. Яковъ II пошелъ еще дальше, чѣмъ Карлъ I, въ своихъ стремленіяхъ къ абсолютизму. Онъ посягнулъ на то, что англичане считаютъ главнымъ бастіономъ, защищающимъ ихъ вольности: на судъ, на статуты, какъ Habeas Corpus. Событія 1649, 1660 и 1688 годовъ показываютъ, какъ при наличности извѣстныхъ условій разительно мѣняются настроенія народа. Въ силу этого добытыя вольности должны быть закрѣплены. Какъ эти вольности закрѣплены въ Англіи, мы увидимъ дальше. Во времена Георга III мы видимъ упорное стремленіе реакціи захватить позиціи, потерянныя въ 1680 году, т. е. во время второй революціи, которую англичане называютъ главной. Реакція эта повела къ отпаденію американскихъ колоній. Она въ особенности усилилась во время войнъ съ Франціей. Крайне любопытно, что даже новѣйшіе историки Англіи, пытающіеся дать философское объясненіе событіямъ, не соглашаются съ экономической интерпретаціей вмѣшательства Великобританіи въ континентальныя дѣла въ концѣ XVIII вѣка. На указанія, что Англія стремилась тогда захватить новыя колоніи, — эти историки указываютъ, что Питтъ былъ противъ вмѣшательства Англіи и вступилъ по принужденію [1]). Знакомясь теперь съ исторіей вмѣшательства Англіи въ революціонныя войны, мы наталкиваемся на тотъ фактъ, что стремленіе къ новымъ завоеваніямъ далеко не было такъ ясно выражено, какъ. напр., боязнь, что пожаръ во Франціи перебросится черезъ каналъ, Реакціонныя силы видѣли, какъ восторженно привѣтствована была

[1]) См., напр., A. W. Benn, „Modern England“, vol. I, стр. 51.

въ Англіи революція. Фоксъ, напримѣръ, послѣ взятія Бастиліи, заявилъ, что это „величайшее событіе въ мірѣ! И не только величайшее, но и лучшее“. Англійскій радикализмъ зародился на почвѣ революціонныхъ идей. Какъ бы тамъ ни было, Англія вмѣшалась въ войну, которую сперва хотѣла вести только при помощи своихъ денегъ чужими солдатами. „Военныя дѣйствія при помощи наемной коалиціи такъ же мало содѣйствовали уничтоженію непріятеля на континентѣ, какъ управленіе дурного правительства мало содѣйствовало просвѣщенію народа въ странѣ. Пруссія взяла деньги у Питта и оставила его, когда предстояло получить долю при раздѣлѣ Польши. Австрія тоже взяла деньги, сражалась безъ всякаго успѣха, покуда болѣе значительная взятка, — Венеція, — не побудила Габсбурговъ согласиться на безславный миръ. Что касается до англійскихъ войскъ, то достаточно сказать, что они находились подъ командой совершенно бездарнаго герцога Іоркскаго, право котораго основывалось только на томъ, что онъ братъ короля [1]). Война эта вызвала яростную критику въ печати. Она принесла съ собою англійскому народу страшное вздорожаніе всѣхъ продуктовъ и великія страданія. Въ послѣднемъ нумерѣ „Labour Gazette“ я видѣлъ, что съ іюля 1914 года пищевые продукты возросли въ Англіи на 94%, а платье, освѣщеніе и топливо на 64%. Во время войны съ Франціей дороговизна была еще бо̀льшая, чѣмъ теперь. Вотъ таблица, составленная обывателемъ въ 1800 году для доказательства того, что цѣны на все необычайно поднялись за 27 лѣтъ.

Ц Ѣ Н Ы	1773 г.	1793 г.	1799 г.	1800 г.
Четыре бушеля солода .	12 ш.	1 ф. 3 ш.	1 ф. 3 ш.	2 ф.
Котелъ углей	1 ф. 11 ш. 6 п.	2 ф. 6 п.	2 ф. 6 ш.	2 ф. 11 ш.
Четыре бушеля овса . .	5 ш.	13 ш.	16 ш.	1 ф. 1 ш.
Возъ сѣна	2 ф. 2 ш.	4 ф. 10 ш.	5 ф. 5 ш.	7 ф.
Фунтъ мяса	4 п.	5 п.	7 п.	9 п.
„ масла	5 п.	11 п.	11 п.	1 ш. 4 п.
„ сахара	8 п.	1 ш	1 ш. 3 п.	1 ш. 4 п.
„ мыла	6 п.	8 п.	$9^1/_2$ п.	10 п.
Налогъ на окна	3 ф. 10 ш.	7 ф. 10 ш.	12 ф. 12 ш.	12 ф. 12 ш.
Свѣчи (фунтъ)	6 п.	7 п.	$9^1/_2$ п.	$10^1/_2$ п.
Налогъ въ пользу бѣдныхъ (за четверть года)	1 ш.	2 ш. 6 п.	3 ш.	5 ш.
Подоходный налогъ (на 200 ф. ст.)	—	—	20 ф. ст.	20 ф. ст. [2])

[1]) Ib., стр. 53.

[2]) Annual Register, vol. XIII, p. 94.

Парламентъ издалъ законы противъ барышниковъ (forestallers), скупившихъ у фермеровъ пищевые продукты, но возможная прибыль была такъ велика, что заставляла забыть про угрожающее наказаніе (очень небольшое). Часто обозленные обыватели расправлялись съ барышникомъ собственными средствами. Въ книгѣ Джона Эштона „The Dawn of the XIX Century in England“ мы читаемъ описаніе обычной сцены того времени, извлеченное изъ газетъ за августъ 1800 года. „Толпа фермеровъ, пріѣхавшихъ изъ деревень на рынокъ, волокла барышника, накинувъ ему веревку шею, при общемъ одобреніи всѣхъ окружающихъ. Какая-то старуха подгоняла барышника каминными щипцами. Барышнику навѣсили на шею мѣшокъ съ мѣткою: „Двадцать пять шиллинговъ“. „Сколько ты, мошенникъ, выгадалъ на хлѣбѣ?“ — кричали въ толпѣ.

— Отпустите, пожалуйста, — молился полузадушенный барышникъ. — Я отдамъ вамъ хлѣбъ по гинеѣ за мѣшокъ.

— Отдай за четырнадцать шиллинговъ!

— Пустите! Отдамъ за восемнадцать!

Такимъ образомъ происходили тогда хлѣбныя сдѣлки. Въ октябрѣ 1800 года, вслѣдствіе недостатка въ хлѣбѣ и высокихъ цѣнъ на всѣ продукты, произошли мятежи въ Бирмингэмѣ, Оксфордѣ, Нотингэмѣ, Ковентри, Норичѣ, Стэмфордѣ, Портсмутѣ, Шеффильдѣ, Ворстерѣ и во многихъ другихъ городахъ. Власти постоянно должны были читать актъ о мятежѣ, что равно троекратной игрѣ на рожкѣ.

III.

И это именно тревожное время корона и командующій классъ сочли наиболѣе удобнымъ для посягательства на вольности народа. Въ 1795 году парламентъ, находившійся всецѣло въ рукахъ помѣщиковъ, принялъ законъ, фактически дѣлавшій невозможнымъ публичное обсужденіе политическихъ и религіозныхъ вопросовъ. Воспрещены были митинги, о которыхъ не сообщено было за пять дней въ газетѣ. Въ извѣщеніи надо было указать цѣль митинга, время и мѣсто его. Сообщеніе должно было имѣть подписи домонанимателей, а оригиналъ его надлежало отправить мировому судьѣ, „для справокъ въ случаѣ надобности“. Это означало, что подписавшіе объявленіе могли быть въ любой моментъ привлечены къ суду за неосторожное слово, произнесенное кѣмъ-нибудь изъ ораторовъ. Въ 1799 году изданъ былъ другой законъ, воспрещающій, — безъ предварительнаго разрѣшенія слѣдственнаго судьи, — лектировать или вообще обращаться къ толпѣ съ рѣчью на открытыхъ пространствахъ. Въ томъ же году прошелъ законъ, направленный

противъ библіотекъ. Становилось преступленіемъ не только открывать безъ разрѣшенія библіотеку, но также давать кому-нибудь на прочтеніе газеты, книги или брошюры. Законъ этотъ (Stat. 39 George III, ст. 79, § 15) кажется современнымъ англичанамъ прямо невѣроятнымъ. Вотъ выдержки изъ него. „Каждый домъ, комната или вообще мѣсто, употребляемыя для собраній съ цѣлью чтенія за деньги книгъ, газетъ или другихъ печатныхъ матеріаловъ,.... приравниваются непотребному дому (shall be deemed a disorderly house). Лицо, открывшее читальню безъ разрѣшенія, подлежитъ, тому же наказанію, какъ и содержатели непотребныхъ домовъ". Радикалы, видя эти систематическіе походы противъ свободы собраній и печати, были настроены крайне мрачно. „Я предвижу теперь только мятежи и опасные кризисы", — писалъ тогда докторъ Кірри. — „Ничего отраднаго предсказать нельзя. Я предвижу, что черезъ нѣсколько лѣтъ у насъ установится самодержавіе. Возможны также такія потрясенія, которыя даже хуже абсолютизма". „Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ Англія управлялась при системѣ самодержавнаго террора, — пишетъ Бокль. — Министры превратили партійную борьбу въ расправу съ политическими противниками. Тюрьмы наполнились. Министры допустили жестокое обращеніе съ заключенными. Каждый, кто былъ извѣстенъ какъ сторонникъ реформъ, находился подъ вѣчной угрозой ареста. За каждымъ шагомъ его слѣдили. Переписка его вскрывалась на почтѣ. Власти дѣйствовали безъ всякаго стѣсненія. Даже наиболѣе интимныя семейныя письма копировались... Правительство призвало на помощь шпіоновъ и доносчиковъ... Оно возстановило дѣтей противъ родителей" [1]). Политическія общества, союзы и собранія были строго запрещены. Каждый популярный вождь находился въ безпрерывной опасности. „Правительство содержало шпіоновъ, свидѣтелей подкупали, а присяжныхъ подбирали, — читаемъ мы въ „Life of Cartwright", vol. I. — Кофейни, гостиницы и клубы были наполнены правительственными эмиссарами, передававшими немедленно каждое неосторожное слово и каждый разговоръ за стаканомъ вина. Если даже при помощи шпіоновъ невозможно было добыть какіе-нибудь факты противъ нежелательныхъ лицъ, то у властей все-таки оставалась широкая возможность, нажимать на населеніе, такъ какъ дѣйствіе Habeas Corpus было отмѣнено. Корона могла такимъ образомъ арестовывать неугодныхъ ей людей и держать ихъ долго въ тюрьмѣ, не предъявляя никакого обвиненія. Въ 1794 году Фоксъ писалъ по

---

[1]) H. T. Buckle, „History of Civilization in England", vol. I, p. 494.

поводу отмѣны Habes-Corpus: „Каждый, кто говоритъ свободно или кто открыто ненавидитъ эту войну, можетъ очутиться въ полной власти у министровъ. Если предстоялъ бы выборъ между такимъ правительствомъ и между мятежомъ, то онъ, Фоксъ, сказалъ бы, первое еще хуже второго". Правительство усиленно заботилось о томъ, чтобы всѣ накопленныя страсти и вся сумма негодованія англійскаго народа вылилась бы въ статьяхъ, памфлетахъ и карикатурахъ противъ непріятеля. У меня подъ руками цѣлая коллекція современныхъ „squibs" (сатиръ), направленныхъ, главнымъ образомъ, противъ Наполеона. Вотъ, напримѣръ, одна сатира, озаглавленная такъ: „Новый Моисей, или десять заповѣдей Бонапарта". На обложкѣ значится, что „заповѣди" переведены „съ французскаго подлинника Солиманномъ Землепроходцемъ". Вильгельмъ II, конечно, не Наполеонъ и очень далеко не Наполеонъ; но крайне характерно, что методъ борьбы уличной прессы съ геніальнымъ корсиканцемъ и съ честолюбивымъ нѣмецкимъ „оберъ-юнкеромъ". одинъ и тотъ же.

„Французы! — читаемъ мы въ „заповѣдяхъ". — Вы не должны имѣть другого повелителя, кромѣ меня. Ибо я, Бонапартъ, — глава народа. Я заставлю другіе народы склонить выю передъ вами и подчиниться мнѣ, какъ вашему вождю и повелителю. Не создайте на вашихъ монетахъ или въ мраморѣ, деревѣ или металлѣ иного изображенія, какъ только мое. Никто, изъ живущихъ и жившихъ въ счастливой Франціи или въ проклятой Англіи, не долженъ быть признанъ выше меня, ибо я главный консулъ Франціи, ревнивый герой. Я отомщу за неповиновеніе отцамъ и дѣтямъ, и дѣтямъ дѣтей до четвертаго поколѣнія. Тѣмъ же, которые любятъ меня и преклоняются предо мною, я проявлю мое благоволеніе.

„Не произносите имени моего всуе. Не потерпите, чтобы какой-либо другой народъ шутилъ съ нимъ. Я буду повелителемъ всей земли и доставлю вамъ побѣду надъ врагами.

„Молитесь за меня, какъ за главу народа и какъ за будущаго повелителя англійскихъ лавочниковъ.

„Чтите и уважайте французскихъ героевъ, чтобы я могъ милостиво относиться къ вамъ...

„Не убивайте другъ друга иначе какъ по моему спеціальному приказу. Я одинъ знаю поводы, когда убійство дозволяется. Что же касается враговъ вашихъ, то есть всѣхъ остальныхъ народовъ, не признающихъ моего величія, то убивайте ихъ въ несмѣтномъ количествѣ. Ибо ничто такъ не угодно мнѣ, вашему повелителю, какъ груды непріятельскихъ тѣлъ.

„Не прелюбодѣйствуйте дома; но въ странѣ непріятельской, въ станѣ жестоковыйныхъ гордецовъ можете дѣлать что угодно. Ибо они мерзки мнѣ, вашему повелителю.

„Не крадите во Франціи; усмирите вашу личность и ненасытную жажду добычи, покуда не прибудете въ землю непріятельскую. Грабьте такъ: пусть всѣмъ кажется, что вы лѣвой рукой даете, тогда какъ правой вы, въ дѣйствительности, забираете добычу.

„Не свидѣтельствуйте противъ ближняго, если онъ отличится въ землѣ непріятельской.

„Не пожелайте ничего, принадлежащаго вашимъ близкимъ, но зато желайте все, принадлежащее вашимъ врагамъ: ихъ украшенія изъ самоцвѣтныхъ камней, золото, серебро, кони, ослы, ихъ служанки, дочери, жены, словомъ все, къ чему лежитъ ваше сердце. Берите все это; но только хитрите при этомъ. Прикиньтесь, что вы добры и кротки. Пусть народы, которыхъ вы грабите, возлюбятъ васъ. - Въ бою пользуйтесь мечами, и въ остальное время — хитростью".

Крайне характерны также воззванія, появившіяся тогда въ англійскихъ газетахъ. Только легкое измѣненіе необходимо, чтобы эти прокламаціи, относящіяся къ самому началу XIX вѣка, могли служить въ 1915, въ 1916 или въ 1917 годахъ. „Граждане и соотечественники! Бонапартъ грозитъ намъ вторженіемъ. Онъ обѣщаетъ своимъ солдатамъ обогатить ихъ нашей собственностью и утолить ихъ похоть нашими женами и дочерьми. Дабы расположить его церберовъ къ выполненію мести, задуманной Бонапартомъ, онъ поклялся, что разрѣшитъ имъ все. Неужели мы проявимъ трусость и заслужимъ такимъ образомъ названіе скаредныхъ лавочниковъ, подлаго отребья и гнусныхъ негодяевъ, которыхъ онъ даетъ намъ? Нѣтъ, мы громко провозгласимъ, что Бонапартъ лжетъ. Закроемъ наши лавки и пойдемъ, чтобы уготовить ему заслуженную встрѣчу. Пусть каждый юноша немедленно запишется въ армію или во флотъ. Женатые же или тѣ, которымъ многосложныя занятія препятствуютъ записаться въ армію, пусть поступаютъ въ милицію. Тамъ они научатся обращаться съ оружіемъ, при чемъ имъ не придется покидать обычныхъ занятій. Содѣйствуйте всѣ усиленію набора. Заставьте замолчать невѣжественныхъ или злонамѣренныхъ людей, утверждающихъ, что непріятельское вторженіе невозможно. Будемъ усиленно готовиться. Тогда, если въ какую-нибудь темную ночь непріятельскіе корабли достигнутъ до нашихъ береговъ, сила врага будетъ парализована. Его армія станетъ добычей нашихъ воиновъ. Будемъ готовы къ вторженію, и тогда столь прославленныя, покрытыя кровью зна-

мена побѣдителей всей Европы будутъ висѣть въ нашихъ церквахъ, какъ трофеи". Тѣ же самыя мысли были выражены въ стихахъ, которые опять таки удивительно напоминаютъ патріотическія пѣсни, появляющіяся теперь; пѣсни, приготовленныя для солдатъ, но распѣваемыя не на фронтѣ (тамъ настроены слишкомъ серьезно, чтобы барабанная поэзія могла имѣть какой-нибудь успѣхъ), а со сцены мюзикъ-холловъ. Вотъ выдержки изъ наиболѣе популярной пѣсни временъ борьбы съ Наполеономъ.

Shall Frenchmen rule o'er us? King Edward said, No!
And No! said King Harry, and Queen Bess she said, No!
And No! said Old England, and No! she says still;
They never shall rule Us; let them try if they will.
Heart of Oaks we are all, both our ships and our Men;
Then steady, Boys, steady,
Let's always be ready;
We have trimmed them before, let us trim them again.

(Французамъ ли господствовать надъ нами? Король Эдуардъ сказалъ: „Нѣтъ!" И „нѣтъ" отвѣтилъ король Гарри[1]). Королева Бессъ[2]) сказала: „Нѣтъ!" И „нѣтъ" сказала старая Англія. И „нѣтъ" она говоритъ еще теперь. Французамъ никогда не господствовать надъ нами. Пусть попробуютъ, если хотятъ. Мы всѣ, наши корабли и наши моряки крѣпки, какъ сердцевина дуба. Поэтому, ребята, будьте крѣпки. Будемъ всегда готовы. Мы отдѣлали французовъ когда-то. Мы ихъ отдѣлаемъ еще разъ. Слѣдующій куплетъ призываетъ англичанъ къ борьбѣ съ тиранномъ и къ сверженію его ига. „Будемъ стоять за нашу свободу, нашего короля и нашего Бога. Станемъ за нашихъ дѣтей, за женъ и за семейный очагъ. И горе тогда тираннамъ". Какъ „Punch" въ 1916 году, сатирическіе журналы въ 1800 году сочиняли приказы, изданные побѣдителемъ будто бы на случай, если ему удается взять Лондонъ. „Одиннадцатое Термидора. По приказу перваго консула. Лондонъ. С.-Джемсовъ дворецъ. Жители Лондона, сохраняйте спокойствіе: герой и носитель мира — среди васъ. Кротость его и милосердіе хорошо извѣстны вамъ. Величайшее наслажденіе для него даровать человѣчеству миръ и свободу. Отгоните всѣ заботы. Продолжайте ваши обычныя занятія. Надѣньте праздничныя платья. Первый консулъ приказываетъ: чтобы всѣ жители Лондона и Вестминстера оставались въ своихъ домахъ три дня; чтобы ни малѣйшее препятствіе не чинимо было французскимъ солдатамъ при выполненіи ими приказовъ моихъ.

---

[1]) Генрихъ IV.
[2]) Елизавета.

Всѣ ослушники приведены будутъ къ министру полиціи. Подписалъ Бонапартъ. Скрѣпилъ министръ полиціи Фушэ".

IV.

„Вы изображаете нынѣшнее положеніе Англіи, — скажутъ мнѣ интернаціоналисты. — Факты эти доказываютъ, что между реакціей во время войны съ Франціей и реакціей во время войны съ Германіей нѣтъ существенной разницы". Я могъ бы привести много фактовъ, заимствованныхъ, какъ будто бы, изъ исторіи войны съ Наполеономъ, а между тѣмъ утвержденіе о поворотѣ Англіи назадъ совершенно неосновательно, какъ увидимъ дальше. Желающій провести аналогію между 1800 и 1917 годами найдетъ матеріалъ. „Англія расходуетъ теперь двѣ тысячи ф. ст. въ день на тайную полицію, — пишетъ Сноуденъ по поводу дѣла объ обвиненіи трехъ женщинъ и одного мужчины въ составленіи заговора съ цѣлью отравить Ллойдъ-Джорджа и Хендерсона. Дѣло это даетъ намъ нѣкоторое представленіе о тѣхъ агентахъ, услугами которыхъ правительство пользуется. Наши милитаристы переняли у Германіи худшія формы правительства. Теперь же они, повидимому, стараются перенять шпіонскую систему Николая II" [1]). Все, что говоритъ здѣсь Сноуденъ — вѣрно. Правительство сдѣлало нѣсколько неуклюжихъ выступленій противъ свободы печати, которыя не свидѣтельствуютъ о государственномъ умѣ и о прозорливости нѣкоторыхъ министровъ. Послѣднимъ, особенно нашумѣвшимъ, выступленіемъ было распоряженіе о воспрещеніи доставки за границу извѣстнаго еженедѣльнаго журнала „Nation", издаваемаго Массингэмомъ. Это правительственное распоряженіе вызвало въ парламентѣ и англійской печати крайне характерные и интересные комментаріи. Коммонеръ Принглъ, внесшій запросъ о запрещеніи вывоза „Nation", призналъ, что изданіе, помогающее непріятелю добиться побѣды, должно быть наказано; но справедливость требуетъ, чтобъ издатели этихъ газетъ предстали предъ безпристрастнымъ судомъ. Статьи, за которыя правительство запретило почтѣ принимать „Nation" для отправки за границу, появились въ номерахъ отъ третьяго и десятаго марта. Въ теченіе пяти недѣль правительство не предпринимало никакихъ мѣръ. Затѣмъ только военное министерство приняло упомянутое рѣшеніе. Что же послужило причиной? Въ Германіи по безпроволочному телеграфу передано было слѣдующее мѣсто изъ статьи „Nation". „Событіе, для

[1]) „Labour Leader", March 15.

осуществленія котораго направлены были всѣ наши усилія въ теченіе пяти мѣсяцевъ, наконецъ произошло (т. е. отступленіе германцевъ), но оно захватило нашихъ воиновъ неподготовленными. Произошло на западномъ фронтѣ величайшее отступленіе послѣ побѣды на Марнѣ; но въ данномъ случаѣ почти вся честь досталась непріятелю". По утвержденію „Nation", это обстоятельство признано въ то время почти всѣми англійскими газетами, — такъ заканчивалась телеграмма, переданная германцами по безпроволочному телеграфу. Журналъ „Nation" далъ только простой перечень фактовъ, — продолжалъ коммонеръ Принглъ. Такой же самый отчетъ о положеніи дѣлъ далъ тогда „Times", сказавшій, что сокращеніе фронта освободитъ непріятелю нѣсколько дивизій, которыя составляютъ резервъ для другого наступленія. „Times" тогда прибавилъ, что отступленіе нѣмцевъ временно разстроило планы весенняго наступленія союзныхъ государствъ[1]). Статья въ томъ же духѣ появилась въ „Daily Mail". Всѣмъ извѣстно, что „Times" и „Daily Mail" имѣютъ гораздо больше читателей на континентѣ, чѣмъ „Nation". Между тѣмъ, въ то время какъ этотъ журналъ понесъ кару, ни „Times", ни „Daily Maily" не пострадали. Ораторъ напомнилъ дальше палатѣ выступленіе противъ „Times'a" министра внутреннихъ дѣлъ, когда у власти находился кабинетъ Асквита. Министръ тогда указалъ въ своей рѣчи, что факты, сообщенные этими газетами, и освѣщеніе, данное ими, помогаютъ непріятелю и даютъ возможность союзнымъ и нейтральнымъ государствамъ составить совершенно невѣрное представленіе объ Англіи, невыгодное для послѣдней. И тѣмъ не менѣе правительство Асквита не принимало тогда мѣръ къ запрещенію вывоза за границу ни „Daily Mail", ни „Times'a". Коммонеръ Принглъ не отрицалъ, что тонъ „Nation" былъ крайне пессимистическій; но Ллойдъ-Джорджу ли жаловаться на это? Премьеръ являлся однимъ изъ главныхъ сѣятелей пессимизма. Въ этомъ отношеніи никто не является такимъ утѣшителемъ непріятеля, какъ Ллойдъ-Джорджъ. „Я не хочу сказать, конечно, — продолжалъ Принглъ, — что премьеръ дѣлалъ это вслѣдствіе отсутствія патріотизма. Ллойдъ-

[1]) Ошибочность взглядовъ „Nation", усматривавшаго въ отступленіи геніальный ходъ со стороны Гинденбурга, признана теперь всѣми, — говоритъ военный обозрѣватель „Manchester Guardian" — склонный больше къ пессимизму, чѣмъ къ оптимизму. Теперь мы всѣ хорошо знаемъ, что отступленіе врядъ ли помогло Гинденбургу. Бастіоны, за которые онъ отступилъ и на которые разсчитывалъ, были неожиданно атакованы и взяты штурмомъ. Военные взгляды „Nation" врядъ ли найдутъ послѣдователей. Журналъ былъ гипнотизированъ славой Гинденбурга". („Manchester Guardian", April 18, 1917.)

Джорджъ хотѣлъ только, чтобы населеніе имѣло дѣйствительное представленіе о положеніи дѣлъ; но именно это было цѣлью „Nation“. Коммонеръ усматривалъ причины выступленій противъ „Nation“ только въ томъ, что журналъ рѣзко критиковалъ политику Ллойдъ-Джорджа. Первый министръ, отвѣчая коммонеру, сказалъ, что мѣры противъ „Nation“ приняты отнюдь не вслѣдствіе враждебнаго отношенія журнала къ кабинету. До этого такая же мѣра принята была военнымъ министерствомъ противъ „Labour Leader“, ибо кабинетъ Асквита убѣдился, что статьи газеты „цитируются за границей для поощренія непріятеля“. Тогда военное министерство вмѣшалось и запретило отправлять газету за границу. Въ теченіе послѣднихъ недѣль въ „Nation“ появились статьи, доказывавшія необходимость заключить миръ, такъ какъ рѣшительная побѣда надъ Германіей невозможна. Война уже теперь, по мнѣнію „Nation“, представляетъ собою партію въ ничью. Въ особенности взглядъ этотъ выраженъ въ нумерѣ, о которомъ упомянулъ коммонеръ Принглъ. „Times“ никогда не говорилъ объ англійскихъ войскахъ, что событія захватывали ихъ врасплохъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что Германія испытываетъ теперь большія лишенія. И вотъ въ такой моментъ статьи „Nation“ могутъ явиться большимъ утѣшеніемъ для непріятеля. Онѣ всюду цитировались въ Германіи, при чемъ нѣмецкія газеты давали своимъ читателямъ сильно преувеличенныя свѣдѣнія о распространеніи журнала. Выдержки изъ „Nation“ посылались нѣмцами въ окопы, чтобы вселить новое мужество непріятельскимъ солдатамъ. Ллойдъ-Джорджъ просилъ палату признать правильность дѣйствія военнаго министерства и прибавилъ, что правительство отнюдь не покушается на свободу слова. Палата не согласилась съ аргументаціей Ллойдъ-Джорджа. Черчиль напомнилъ ему, что во время бурской войны имперіалисты утверждали, что рѣчи Ллойдъ-Джорджа придаютъ бургерамъ новое мужество сражаться. Ллойдъ-Джорджъ тогда правильно отвѣтилъ, что онъ все-таки будетъ высказывать истину. Онъ, Черчиль, читалъ статьи „Nation“ и совершенно не понимаетъ, почему понадобилось правительству ополчиться противъ журнала. Ни одна газета не говорила такъ тревожно объ опасностяхъ, угрожающихъ Англіи отъ субмаринъ, какъ первый лордъ адмиралтейства. Министръ земствъ и муниципалитетовъ на митингѣ сказалъ, что Англія находится въ страшно опасномъ положеніи. Первый министръ годъ тому назадъ произнесъ рѣчь, въ которой сказалъ, что британское правительство всегда опаздываетъ. Если что-нибудь можетъ ободрить непріятеля, такъ именно подобныя утвержденія. „Судьба нашей печати, —

продолжалъ морской министръ, — не должна находиться въ зависимости отъ того, пользуется ли Германія выдержками изъ англійскихъ газетъ или нѣтъ. Когда я былъ первымъ лордомъ адмиралтейства, то часто видѣлъ въ нѣмецкихъ газетахъ цитаты изъ „Morning Post“, „Times“ и „Daily Mail“. Адмиралтейство тогда не предлагало никакихъ рѣшительныхъ выступленій противъ этихъ газетъ“. Бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ Гербертъ Самуэль выразилъ надежду, что первый министръ „никогда больше не будетъ пытаться защищать въ палатѣ такое дѣло, какъ теперь“. Коммонеръ Макъ-Каллулъ Скоттъ сказалъ, что, вѣроятно, вся палата въ душѣ думаетъ одно: „Правительство совершило ошибку“. Запросъ, внесенный Принглемъ, не закончился голосованіемъ, но, дѣйствительно, взгляды подавляющаго большинства коммонеровъ на мѣру, предпринятую противъ „Nation“, совершенно опредѣлились. Характерно отношеніе печати. Вотъ, напримѣръ, мнѣніе „Times'a“, газеты, усиленно восхваляющей кабинетъ вообще и Ллойдъ-Джорджа въ частности. „Скажемъ съ перваго же начала, что мы считаемъ выступленіе военнаго министерства противъ „Nation“ неправильнымъ и подлежащимъ поэтому критикѣ. Свобода печати является слишкомъ драгоцѣннымъ институтомъ для Англіи. Если вмѣшательство властей допустимо, то только развѣ въ самомъ крайнемъ случаѣ и то только по рѣшенію суда“. „Times“ совершенно правильно указываетъ, что преслѣдованія „Nation“ придало только этому журналу особое значеніе въ глазахъ непріятеля, тогда какъ, въ дѣйствительности, мнѣнія, высказываемыя этимъ изданіемъ, раздѣляются лишь ничтожной частью населенія... То, что германцы воспользовались взглядами „Nation“ для цѣлей пропаганды, ничего не доказываетъ. Ничто и никто не могутъ помѣшать непріятелю вырвать нѣсколько фразъ изъ любой газеты, придать имъ свой смыслъ и распространить ихъ съ цѣлью пропаганды[1]).

„Аналогія между реакціей теперь и той, которая была при Георгѣ III, не ограничивается только преслѣдованіями печати и пользованіемъ услугъ агентовъ-провокаторовъ, — скажетъ интернаціоналистъ. Процессъ четырехъ лицъ, обвиненныхъ въ подготовленіяхъ къ отравленію двухъ министровъ, показалъ, что письма теперь на почтѣ вскрываются и фотографируются въ случаѣ надобности. Появился цѣлый рядъ преступниковъ, которые до войны ни въ коемъ случаѣ не попали бы въ тюрьму: принципіальные противники войны или conscientious objectors. Мы читаемъ, на-

[1]) „Times“, April, 1917.

примѣръ, въ „Labour Leader“: „Редакторъ нашей газеты Феннеръ Брокуэй предсталъ 14 марта передъ военнымъ судомъ и присужденъ въ другой разъ къ двухгодичному тюремному заключенію за отказъ отъ военной службы. Онъ былъ осужденъ на основаніи закона объ оборонѣ государства, изданнаго въ 1914 году“. Въ томъ же нумерѣ читаемъ: „16 марта арестованъ за отказъ отъ военной службы членъ Фабіанскаго общества и секретарь „National Guildes League“ Вильямъ Меллоръ. Его имя хорошо извѣстно читателямъ газеты „Herald“. Онъ убѣжденный анти-конскрипціонистъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что его осудятъ, какъ принципіальнаго противника войны“. Обличители Англіи дальше указываютъ, что государство предоставило теперь предпринимателямъ такую же возможность нажима на рабочихъ, какъ было сто лѣтъ тому назадъ. Нажимъ этотъ можетъ быть сдѣланъ на основаніи закона о добровольной національной службѣ. По желанію предпринимателя, — говорятъ намъ, — добровольная служба можетъ быть превращена въ принудительную работу на фабрикѣ или на заводѣ.

V.

Всѣ эти случаи, обсуждавшіеся въ англійской печати и въ парламентѣ, вѣрны, и все-таки заключеніе, выводимое изъ нихъ, совершенно неправильно. Въ началѣ XIX вѣка англійская свобода не была такъ ограждена, какъ она ограждена теперь. И тѣмъ не менѣе, какъ только кончилась война, немедленно всюду въ Англіи началась усиленная борьба противъ реакціи. Парламентъ того времени казался для жителей континента паладіумомъ свободы; но въ дѣйствительности онъ представлялъ только одинъ классъ. На придачу выборы въ парламентъ представляли собою нѣчто совершенно ненормальное. „Еще молодымъ человѣкомъ Вильбоефорсъ выступилъ кандидатомъ въ Гуллѣ, — читаемъ мы въ „Исторіи парламентскихъ выборовъ“. — Избраніе обошлось ему въ девять тысячъ ф. ст. Согласно обычаю, установившемуся издавна, каждый избиратель получалъ награду въ двѣ гинеи. На путевыя издержки каждому избирателю кандидатъ выдавалъ десять ф. ст.“ [1]). Общіе выборы въ какомъ-нибудь округѣ превращались въ большую ярмарку, во время которой потокомъ лилось пиво на счетъ кандидата. „Всѣ дороги были покрыты экипажами всякаго рода, въ которыхъ агенты кандидата доставляли избирателей. Нѣкоторые предпріимчивые агенты доставляли сразу по сорокъ избирателей въ

[1]) „A History of Parliament Elections“, стр. 324.

одномъ фургонѣ". „Другая сторона прибѣгала иногда къ очень любопытнымъ пріемамъ. Одинъ изъ нихъ заключался въ подкупѣ фургонщиковъ, подрядившихся доставить живой грузъ. Въ особенности любопытныя неожиданности получались тогда, когда избиратели доставлялись моремъ". Такимъ образомъ, напримѣръ, партія избирателей, вмѣсто того, чтобы попасть въ Ярмутъ, были доставлены шкипером въ Норвегію. Въ другой разъ партія избирателей, отправлявшаяся на шкунѣ изъ Лондона, вмѣсто Ньюкестеля, очутилась въ Остенде.

И, несмотря на то, что парламентъ представлялъ только одинъ классъ; несмотря на дикія ненормальности избирательной системы, онъ находилъ защитниковъ, яростно обличавшихъ радикаловъ, предлагавшихъ реформу нижней палаты. Радикалы понимали, что дѣйствительной гарантіей противъ реакціи можетъ быть только расширеніе избирательнаго закона. Прямо удивительно сколько публицистовъ, беллетристовъ, поэтовъ и карикатуристовъ нашли тогда сторонники стараго порядка. Въ карикатурахъ того времени реформаторы изображаются поджигателями и разрушителями, на придачу, очень глупыми. „Да здравствуетъ кандидатъ Хентъ!" Долой короля! Долой регента! Долой церковь и судъ! Да здравствуетъ грабежъ! Хентъ и свобода! Хентъ и революція!" Такова подпись подъ одной избирательной карикатурой, выпущенной кандидатомъ противъ своего противника. Въ особенности любопытно, какъ изображались защитниками стараго парламента тѣ, которые вскорѣ послѣ наполеоновскихъ войнъ начали агитацію въ пользу избирательнаго билля. Вотъ, напримѣръ, „Видѣнія добраго стараго священника". То уродливый призракъ анархіи въ красномъ колпакѣ, съ пикой, съ головой епископа на ней, въ одной рукѣ. Въ другой рукѣ призракъ держитъ рогатину, на которой надѣта изломанная корона. На знамени, прикрѣпленномъ къ рогатинѣ, значится: „Кровь, реформа и грабежъ". Снизу — имена популярныхъ тогда вождей партіи реформы: Уитсонъ, Коббетъ, Томъ Пэнь, Бердетъ, Харрисонъ и др. Всѣхъ ихъ ведетъ дьяволъ.

— Именемъ сатаны спрашиваю тебя: кто ты? Въ какой когортѣ дьяволовъ относишься ты? — обращается священникъ къ призраку. — Гдѣ ты зародился?

— Въ аду, ваше преподобіе. Я — радикалъ. Позвольте представить вамъ лучшихъ друзей.

Дальше призракъ даетъ филологическое объясненіе новаго слова „радикалъ": „Ex Radix означаетъ корень, a calor — жаръ, гнѣвъ, смута. Другими словами, „радикалъ" означаетъ „корень всякой смуты".

Повидимому, представители отживающаго порядка больше всего любятъ пугать призраками. Вотъ, напримѣръ, знаменитый „картонъ“ того времени, спеціально предназначенный, чтобы напугать перваго министра. Картонъ (рисунокъ) называется „Духъ Бриссо“. Гильотинированный вождь жирондистовъ держитъ подмышкой свою голову, какъ складную шляпу, и въ дубовыхъ стихахъ предостерегаетъ всѣхъ отъ продѣлыванія фатальныхъ революціонныхъ опытовъ:

To lead the mob, 'mid faction's storm
I rode my rabby-horse—Reform,
And had it all my own way.
Till other levellers ruled the mob,
And then I lost my seat and nob,
Take warning, my Lord Grey.

(Чтобы вести чернь среди борьбы крамолы, я гарцовалъ на моемъ конькѣ — Реформа. Онъ у меня былъ вполнѣ ручной. Но вотъ явились другіе защитники равенства, овладѣвшіе толпой. И тогда я потерялъ и мѣсто, и голову. Примите это къ свѣдѣнію, лордъ Грей). Или вотъ другая знаменитая карикатура того времени: „Три вѣдьмы“, навѣянная извѣстной сценой изъ Макбета. Три вѣдьмы въ фригійскихъ колпакахъ это — лордъ Грэй, Дерхэмъ и Брехемъ. Въ „Макбетѣ“ вѣдьмы кидаютъ въ котелъ „кровь младенца, въ тьмѣ закрытаго“, „жабу, тридцать дней проспавшую“, „злой дурманъ, крыло совиное, желчь козла, глаза мышиные, волчій зубъ, змѣю холодную“ и т. д. Три заговорщика въ фригійскихъ колпакахъ бросаютъ въ котелъ „избирательныя права свободныхъ людей, жалованныя грамоты, права первородныхъ, законъ и справедливость, церковь и короля“. Вотъ тоже знаменитый „картонъ“ того времени, навѣянный „Мазепой“ Байрона. Джонъ Буль привязанъ къ спинѣ дикаго жеребца — Реформа, — стремглавъ мчащагося черезъ всѣ препятствія („старыя права“) въ потокъ (Revolutionary Torrent). За конемъ гонится стая волковъ, изображающихъ тогдашнихъ реформаторовъ.

Несмотря на то, что защитники стараго порядка пугали такъ реформами, онѣ все-таки были проведены, такъ какъ настроеніе массъ было вполнѣ опредѣленно. Благоразумные вожди того времени предпочли лучше пойти на уступки, чѣмъ имѣть революцію. Первый билль о реформахъ явился вѣрной защитой населенія Англіи противъ сколько-нибудь продолжительной реакціи. Съ тѣхъ поръ „укрѣпленія“ значительно усилены въ 1866 году, въ 1884 г., въ 1894 году, когда прошелъ законъ о мѣстномъ самоуправленіи. Даже въ настоящій моментъ, несмотря на войну, „стѣны“, защищающія отъ реакціи, еще болѣе укрѣпляются, такъ какъ подготовляется

новое расширеніе избирательныхъ правъ. Теперь избирательныя права даны будутъ не только мужчинамъ, но и женщинамъ.

Въ своемъ трудѣ „Происхожденіе современной демократіи“ М. М. Ковалевскій доказываетъ, что провозглашеніе абстрактныхъ принциповъ свободы еще не означаетъ дѣйствительную свободу. Провозглашеніе новаго принципа, напр., о суверенитетѣ народа еще не означаетъ уничтоженіе деспотизма. Оба Наполеона строили свою власть на такомъ суверенитетѣ. На суверенитетѣ народа въ его естественномъ состояніи строилъ Гоббъ свою теорію неограниченнаго правителя, свѣтскаго и духовнаго. Мало провозгласить голый тезисъ: „Никто не долженъ быть арестованъ, изгнанъ и лишенъ имущества безъ постановленія суда“. Тезисъ этотъ провозглашенъ былъ въ Англіи еще въ 1215 году въ Великой хартіи вольностей; но людей все таки держали въ тюрьмахъ безъ суда, покуда голый тезисъ не укрѣпленъ былъ черезъ четыре съ половиной вѣка статутомъ, извѣстнымъ подъ названіемъ Habeas Corpus. Тезисы: „Никакая власть не должна нарушать положенныхъ ей границъ; она преступитъ эти границы, если дозволитъ себѣ малѣйшее посягательство на естественныя права личности“ — глубоко справедливы, но она не имѣетъ никакого значенія, если носитъ лишь характеръ голаго догмата. Въ 1792 году были выставлены самые справедливые голые догматы свободы личности и, тѣмъ не менѣе, когда дѣло дошло до надѣленія судовъ контролемъ надъ администраціей, Туро выставилъ принципъ: „Il faut que le cours de l'administration ne soit pas entravé par la justice“.

Три линіи укрѣпленій гарантируютъ гражданину свободу личности, слова, совѣсти и собраній. Первая линія это — парламентъ съ отвѣтственнымъ министерствомъ, парламентъ, опирающійся на всеобщемъ избирательномъ правѣ и, конечно, имѣющій абсолютный контроль надъ всѣмъ бюджетомъ. Вторая линія укрѣпленій это независимыя отъ законодательства судебныя власти, принимающія подъ свою защиту публичныя права гражданъ. Третья линія укрѣпленій это — широкое мѣстное самоуправленіе, избавляющее мирныхъ обывателей отъ назойливаго вмѣшательства мѣстныхъ представителей центральной власти и дѣлающее этихъ представителей совершенно излишними. Въ Европѣ мы имѣемъ нѣсколько странъ съ первой линіей укрѣпленій, т. е. съ державнымъ парламентомъ. Вторая линія укрѣпленій, т. е. совершенно независимый судъ требуетъ измѣненій даже въ Англіи, гдѣ она лучше, чѣмъ гдѣ бы-то ни было въ Европѣ. Третія линія — сильнѣе всего въ Англіи опять таки. Каждая молодая страна, устраивающаяся заново, должна прежде всего, дружной работой всѣхъ

классовъ, вывести намѣченныя три линіи укрѣпленій, дающія возможность народу проявить спокойно творческую дѣятельность. Когда всѣ три линіи выведены, можно и должно приступить къ приведенію дома въ порядокъ, т. е. къ экономическимъ и соціальнымъ реформамъ. Когда три линіи укрѣпленій выведены, — никакая реакція не страшна. Временно, въ совершенно исключительные моменты, реакціонные элементы могутъ выдвинуться впередъ, но это только до первыхъ общихъ выборовъ. Эти слова являются отвѣтомъ на вопросъ поставленный въ началѣ письма: „Возможна ли въ Англіи продолжительная реакція?“ Такъ какъ Англія располагаетъ тремя линіями укрѣпленій, то ближайшіе же общіе выборы, произведенные въ мирное время, сметутъ всѣхъ „реакціонеровъ“. Тѣ явленія, о которыхъ я говорилъ, стали возможны только во время войны.

Діонео.

НА ТЕМЫ ДНЯ.

Обновленное Временное Правительство. — Декларація 5-го мая. — Внѣшняя политика: „миръ безъ аннексій и контрибуцій, на началахъ національнаго самоопредѣленія". — А. Ѳ. Керенскій — военный и морской министръ. — Довѣріе къ власти и полнота власти. — Задачи Правительства внутри страны. — Крайнія лѣвыя партіи и Учредительное Собраніе.

Первый мѣсяцъ послѣ революціи прошелъ сравнительно спокойно. Когда миновала опасность побѣды стараго режима, когда водворилось внѣшнее спокойствіе, когда опредѣлились, въ общихъ чертахъ, отношенія между Временнымъ Правительствомъ и Совѣтомъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, когда одинъ за другимъ совершались крупные шаги къ радикальной перестройкѣ государственной и общественной жизни, можно было думать, что на новомъ пути не встрѣтится особо серьезныхъ осложненій. Тревога, возбужденная пораженіемъ нашихъ войскъ на Стоходѣ, смягчалась мыслью, что устранены или по меньшей мѣрѣ ослаблены причины, вызвавшія пониженіе боеспособности нашего фронта. Умножившіяся, во второй половинѣ марта манифестаціи войсковыхъ частей свидѣтельствовали о растущемъ авторитетѣ Временнаго Правительства. Не слишкомъ рѣзко отличались отъ настроенія арміи и настроенія широкихъ рабочихъ массъ. Главный поводъ къ расхожденію между Временнымъ Правительствомъ и Совѣтомъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ казался ликвидированнымъ правительственной декларацією 27-го марта о цѣляхъ войны. Голосъ большевиковъ звучалъ негромко и не находилъ сильныхъ отголосковъ; мало было боевыхъ выступленій и въ крайней лѣвой печати. Положеніе дѣлъ стало измѣняться въ началѣ апрѣля, съ появленіемъ группы эмигрантовъ, вернувшихся черезъ Германію. Первые ея шаги не предвѣщали ей большого успѣха; ея вождь казался почти одинокимъ, порвавшимъ съ своей партіей, болѣе близкимъ къ анархизму, чѣмъ къ соціалъ-демократіи. Вскорѣ, однако, между „ленинцами" и большевиками установилась связь, значительно расширившая ихъ поле дѣйствій. „Дворецъ Кшесинской" сдѣлался центромъ усиленной пропаганды; вновь основанныя соціалистическія газеты пошли го-

раздо дальше прежнихъ. Проникнувъ въ военныя сферы, движеніе приняло, 20-го апрѣля, острую форму; на другой день на улицахъ Петрограда раздались выстрѣлы и пролилась кровь. Совѣту Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ удалось предупредить дальнѣйшія столкновенія, грозившія обратиться въ гражданскую войну. Продолжало тѣмъ не менѣе чувствоваться отсутствіе самостоятельной, реальной власти. Только имъ можно было объяснить такіе факты, какъ захватъ анархистами особняка герцога Лейхтенбергскаго и другихъ зданій въ Петроградѣ. Изъ разныхъ концовъ Россіи стали приходить вѣсти объ аграрныхъ эксцессахъ, о серьезныхъ безпорядкахъ въ городахъ (напр. въ Самарѣ, Мценскѣ, Дмитровскѣ). Случалось, что воинскія части отказывались отъ исполненія приказаній высшаго начальства, ожидая подтвержденія ихъ Совѣтомъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. Контроль надъ властью приводилъ къ безвластію.

Въ такомъ положеніи великая страна, въ критическую минуту, долго оставаться не могла. Уже 25-го апрѣля Временное правительство, признавая управленіе государствомъ при сложившихся условіяхъ крайне затруднительнымъ, усматривая опасность распада внутри и пораженія на фронтѣ, призвало народъ къ укрѣпленію „осуществляющей и сохраняющей свободу власти“. Средствомъ къ достиженію этой цѣли оно считало расширеніе состава Правительства, „путемъ привлеченія къ отвѣтственной государственной работѣ представителей тѣхъ активныхъ творческихъ силъ страны, которыя доселѣ не принимали прямого и непосредственнаго участія въ управленіи государствомъ“. Призывъ этотъ былъ услышанъ не сразу. Въ Совѣтѣ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ большинствомъ голосовъ была отклонена мысль объ образованіи „коалиціоннаго министерства“, въ которомъ рядомъ съ „демократической буржуазіей“ были бы представлены соціалистическія партіи. Положеніе дѣлъ, однако, ухудшалось такъ явно и такъ быстро, что за рѣшительнымъ отказомъ весьма скоро послѣдовали колебанія. Съ уходомъ военнаго и морского министра А. И. Гучкова (1-го мая) необходимость новой организаціи власти стала очевидной и настоятельной. Нѣсколько дней продолжались переговоры, закончившіеся, 5-го мая, реорганизаціей Временнаго Правительства. Изъ его состава вышелъ министръ иностранныхъ дѣлъ, П. Н. Милюковъ, замѣщенный бывшимъ министромъ финансовъ, М. И. Терещенко. Мѣсто послѣдняго занялъ бывшій министръ земледѣлія, А. И. Шингаревъ. Сохранили свои портфели кн. Г. Е. Львовъ, А. И. Коноваловъ, А. А. Мануиловъ, Н. В. Некрасовъ, И. В. Годневъ и В. Н. Львовъ. А. Ф. Керенскій сталъ военнымъ и морскимъ

министромъ. Министерство юстиціи перешло къ П. Н. Переверзеву. Вновь созданы четыре министерства: труда (М. Н. Скобелевъ), продовольствія (А. В. Пѣшехоновъ), почтъ и телеграфовъ (И. Г. Церетели) и государственнаго призрѣнія (кн. Д. И. Шаховской). Изъ числа новыхъ министровъ одинъ, кн. Шаховской, принадлежитъ къ партіи народной свободы, т. е. къ „демократической буржуазіи", остальные — къ соціалистическимъ партіямъ (с.-р., с.-д., н.-с. и трудовой). Представителямъ этихъ партій принадлежатъ, такимъ образомъ, шесть портфелей изъ пятнадцати. Не представлены въ министерствѣ, изъ числа соціалистическихъ партій, только с.-д. большевики.

Въ новомъ своемъ составѣ Временное Правительство обнародовало декларацію, предопредѣляющую, въ главныхъ чертахъ, его задачи, стремленія и способъ дѣйствія. Особенно важное значеніе имѣетъ та часть деклараціи, которая касается внѣшней политики, послужившей ближайшею причиной правительственнаго кризиса. „Отвергая, въ согласіи со всѣмъ народомъ, — сказано въ деклараціи, — всякую мысль о сепаратномъ мирѣ, Правительство открыто ставитъ своею цѣлью скорѣйшее достиженіе всеобщаго мира, не имѣющаго своей задачей ни господство надъ другими народами, ни отнятіе у нихъ національнаго ихъ достоянія, ни насильственный захватъ чужихъ территорій, — мира безъ аннексій и контрибуцій, на началахъ самоопредѣленія народовъ... Правительство предприметъ подготовительные шаги къ соглашенію съ союзниками на основѣ деклараціи 27-го марта... Правительство твердо вѣритъ, что революціонная армія Россіи не допуститъ, чтобы германскія войска разгромили нашихъ союзниковъ на Западѣ и обрушились всей силой своего оружія на насъ. Укрѣпленіе началъ демократизаціи арміи, организація и укрѣпленіе боевой силы ея какъ въ оборонительныхъ, такъ и въ наступательныхъ дѣйствіяхъ, будутъ являться важнѣйшей задачей Временнаго Правительства".

Чтобы оцѣнить вполнѣ эту часть правительственной деклараціи, нужно припомнить предшествовавшія ей официальныя заявленія. Первымъ изъ нихъ по времени было воззваніе 27-го марта, опредѣлившее цѣль войны для свободной Россіи. Окончательное разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ міровой войной и съ ея окончаніемъ, Правительство предоставляло волѣ народа, въ тѣсномъ единеніи съ нашими союзниками. Русскій народъ, — говорило оно, — не добивается усиленія внѣшней мощи своей за счетъ другихъ народовъ; онъ не ставитъ своею цѣлью ничьего порабощенія и униженія... Онъ не допуститъ, чтобы родина его, вышла изъ великой борьбы униженною и подорванною въ жизненныхъ

своихъ силахъ". Правительство „ограждаетъ права родины, при полномъ соблюденіи обязательствъ, принятыхъ въ отношеніи нашихъ союзниковъ". Не удовлетворивъ, какъ и слѣдовало ожидать, сторонниковъ скорѣйшаго окончанія войны путемъ соглашенія съ австро-германской демократіей, воззваніе 27-го марта усилило враждебную Временному Правительству агитацію, но не вызвало открытыхъ противъ него выступленій. Они начались послѣ обнародованія ноты 18-го апрѣля, неправильно истолкованной въ смыслѣ возвращенія къ „захватной политикѣ". Разъясненіе ея, данное Временнымъ Правительствомъ, сводилось къ подтвержденію началъ, выраженныхъ въ воззваніи 27-го марта. Эти начала повторены и въ декларации 5-го мая, съ прибавленіемъ словъ: „безъ аннексій и контрибуцій". Аннексіи, — т. е. присоединеніе къ государству-побѣдителю, по праву войны, тѣхъ или другихъ владѣній государства побѣжденнаго, — исключались и раньше отказомъ отъ „отнятія національнаго достоянія" противниковъ, отъ „насильственнаго захвата чужихъ территорій". Но подходитъ ли, напримѣръ, подъ понятіе аннексіи возвращеніе Франціи Эльзаса и Лотарингіи, отторгнутыхъ отъ нея въ 1871 г., именно по праву завоеванія, т. е. вопреки истинному праву? Аннексіей ли было бы возсоединеніе Познани съ воскресшей Польшей? Въ обѣихъ декларацiяхъ идетъ рѣчь о заключеніи мира на основѣ „самоопредѣленія народовъ"; согласенъ ли былъ бы съ этой основой миръ, оставляющій Эльзасъ и Лотарингію во владѣніи Германіи, Познань — во владѣніи Пруссіи? Не заключалъ ли бы онъ въ себѣ вопіющаго нарушенія тѣхъ требованій, которыя теперь больше, чѣмъ когда-либо, въ правѣ предъявлять каждый народъ? И не оставилъ ли бы онъ за собою новыхъ сѣмянъ международной вражды, грозящихъ новою войною? Само собою разумѣется, что судьбою народа можетъ и долженъ распоряжаться онъ самъ. Только голосованіемъ населенія, произведеннымъ при полномъ обезпеченіи его свободы, можетъ быть рѣшена дальнѣйшая участь Эльзаса-Лотарингіи и Познани. Возвращеніе ихъ въ среду, близкую имъ по духу, воспоминаніямъ и интересамъ не имѣло бы ничего общаго съ „захватной политикой", съ „аннексіей" или завоеваніемъ въ обычномъ смыслѣ слова... Нѣсколько сложнѣе, но только повидимому, вопросъ о контрибуціяхъ. Подъ именемъ контрибуціи, налагаемой, по окончаніи войны, на побѣжденную сторону (indemnité de guerre), понимается обыкновенно вознагражденіе побѣдителя за военныя издержки, къ которому иногда присоединяется произвольно, по праву сильнаго опредѣляемая, гораздо болѣе значительная сумма. Отказъ отъ такой контрибуціи, не безъ основанія именуемой данью, диктуется чувствомъ элемен-

тарной политической честности и представляется совершенно согласнымъ съ новымъ, освященнымъ русской революціей идеаломъ международныхъ отношеній. Другое дѣло — вознагражденіе за потери, понесенныя населеніемъ во время войны вслѣдствіе явнаго, ничѣмъ не оправдываемаго и прямо противорѣчащаго общепринятымъ правовымъ нормамъ злоупотребленія силой. Такихъ злоупотребленій центральными державами, во время настоящей войны, совершено очень и очень много; ихъ безконечный рядъ открылся нарушеніемъ нейтралитета Бельгіи и Люксембурга и продолжается непрерывно вплоть до послѣдняго времени. Оставленіе ихъ безъ всякаго возмездія, довершая разореніе Бельгіи, Сербіи, Черногоріи, Польши, было бы тѣмъ болѣе вопіющимъ нарушеніемъ справедливости, что на Германію и Австрію падаетъ отвѣтственность за возбужденіе войны. Покрытіе хотя бы части неимовѣрно тяжелыхъ потерь, причиненныхъ нашествіемъ германскихъ и австрійскихъ войскъ, не имѣло бы ничего общаго съ контрибуціей въ одіозномъ значеніи этого слова; самые его размѣры могли бы быть установлены въ такомъ порядкѣ, который исключалъ бы возможность „грабительскаго“ произвола. Не грабежомъ, а, наоборотъ, устраненіемъ хотя бы нѣкоторыхъ послѣдствій грабежа было бы, напримѣръ, возстановленіе, на счетъ Германіи, разрушенныхъ ея войсками (не во время боя) построекъ Лувена и другихъ бельгійскихъ городовъ. Само собою разумѣется, что какъ бы справедливы ни были требованія державъ согласія, удовлетвореніе, да и самое предъявленіе ихъ окажется возможнымъ лишь въ случаѣ достаточно рѣшительнаго и полнаго пораженія центральныхъ державъ; но именно потому, между прочимъ, и желательно такое пораженіе. Еще яснѣе его необходимость доказывается тѣмъ, что германскими и австрійскими войсками заняты, на всѣхъ театрахъ войны, обширныя территоріи, о добровольномъ очищеніи которыхъ центральныя державы, очевидно, и не помышляютъ.

Не оправдавшіяся надежды на быстрый поворотъ въ настроеніи Германіи и Австріи повлекли за собою множество опасныхъ послѣдствій — опасныхъ, между прочимъ, именно потому, что, ослабляя державы согласія, они замедляютъ тѣмъ самымъ окончаніе войны. Однимъ изъ нихъ было такъ называемое братаніе, принявшее, мѣстами, весьма значительные размѣры и очень невыгодно отразившееся на положеніи нашего фронта. Не вызвавшее сначала достаточнаго противодѣйствія, оно осуждалось потомъ съ самыхъ различныхъ сторонъ. Лучшимъ средствомъ положить ему конецъ считалось наступленіе, цѣлесообразность котораго и съ другихъ точекъ зрѣнія выяснялась все больше и больше. Не только

оборонительныя, но и наступательныя дѣйствія предусмотрѣны въ декларацiи обновленнаго Временнаго Правительства. Свѣтлыя надежды, въ этомъ отношеніи, внушало назначеніе А. Ф. Керенскаго на должность военнаго и морскаго министра. Большою энергіею обладалъ и его предмѣстникъ, А. И. Гучковъ; но бывшему вдохновителю октябристовъ недоставало популярности, служащей источникомъ и опорой довѣрія, не доставало того увлекательнаго краснорѣчія, которое неотразимо дѣйствуетъ на слушателей и даже на читателей, покоряя и умъ ихъ, и сердце. Именно таково краснорѣчіе Керенскаго, достигшее своего апогея вмѣстѣ съ расширеніемъ сферы его дѣйствій, съ ростомъ и углубленіемъ задачъ, лицомъ къ лицу съ которыми онъ поставленъ. Явившись, въ моментъ переворота, единственнымъ связующимъ звеномъ между силами, воплотившими въ себѣ вліяніе и власть, А. Ф. Керенскій съ честью выдерживалъ это безпримѣрно трудное положеніе, пока, наконецъ, рядомъ съ нимъ въ средѣ Правительства не заняли мѣсто другіе представители соціалистическихъ партій. Новая должность, которую онъ принялъ, требовала, въ данную минуту, именно тѣхъ качествъ, которыми онъ такъ богато одаренъ. Нужно возстановить дисциплину въ средѣ арміи, но не ту дисциплину, которая насаждается страхомъ и поддерживается внѣшней силой, а ту, которая покоится на убѣжденіи, на сознаніи долга; нужно преодолѣть апатію, порожденную усталостью, разсѣять иллюзіи, питающіяся ошибочными представленіями о врагѣ и о цѣляхъ войны; нужно зажечь энтузіазмъ, облегчающій жертвы и ведущій къ побѣдѣ. Въ первомъ же приказѣ своемъ по арміи и флоту (5-го мая) новый военный и морской министръ заговорилъ властнымъ языкомъ, соотвѣтствующимъ важности момента и требованіямъ военнаго дѣла: „Отечество въ опасности, и каждый долженъ отвратить ее по крайнему разумѣнію и силѣ, не взирая на всѣ тяготы“. Не отступаетъ министръ и передъ угрозой наказанія за нарушеніе долга. И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ находитъ слова, проникающія въ душу и поднимающія ее высоко надъ всѣмъ житейскимъ, мелкимъ и узкопартійнымъ. Чрезвычайно характерны, съ этой точки зрѣнія, двѣ его рѣчи 29-го апрѣля, на съѣздѣ делегатовъ съ фронта, и 9-го мая — въ гельсингфорскомъ собраніи депутатовъ арміи и флота. „Товарищи, — читаемъ мы въ первой изъ нихъ, — вы умѣли столько терпѣть и молчать. Вы умѣли исполнять обязанности, которыя возлагала на васъ старая ненавистная власть... А что же теперь? Неужели теперь вы терпѣть не можете больше? Неужели русское свободное государство, это — государство взбунтовавшихся рабовъ?.. Я пришелъ къ вамъ потому, что силы мои на исходѣ, что у меня нѣтъ полной увѣренности, что передъ нами —

не взбунтовавшіеся рабы, а сознательные граждане, творящіе новое государство съ увлеченіемъ, достойнымъ русскаго народа... Мы идемъ къ миру, и я не былъ бы въ рядахъ Временнаго Правительства, если бы воля народа объ окончаніи этой войны не была его задачей. Но есть пути и пути. Есть широкія открытыя двери, но есть и мрачные, темные переулки, идя которыми можно потерять и честь, и жизнь. Мы хотимъ конца братоубійственной войны, но къ этому концу надо идти открытымъ и яснымъ путемъ... Я иногда жалѣю, что не умеръ два мѣсяца тому назадъ. Тогда я умеръ бы съ великой мечтой, что разъ навсегда для Россіи загорѣлась новая жизнь, что мы умѣемъ безъ кнута и палки взаимно уважать другъ друга и управлять своимъ государствомъ не такъ, какъ имъ управляли прежніе деспоты... Судьбы страны въ вашихъ рукахъ. Мы почерпнули свободы и немного опьянѣли. Но не опьянѣніе нужно намъ, а величайшая трезвость и дисциплина. Мы должны войти въ исторію такъ, чтобы на нашихъ могилахъ было начертано, что мы никогда не были рабами". Глубокая тоска слышится въ этихъ словахъ, сказанныхъ въ одну изъ самыхъ критическихъ минутъ русской жизни: опасность росла съ каждымъ днемъ, надежда слабѣла даже въ самыхъ твердыхъ сердцахъ, и тому, на комъ лежала крупная доля отвѣтственности передъ Россіей, не легко было сохранить вѣру въ будущее. Другимъ, бодрымъ настроеніемъ проникнута гельсингфорсская рѣчь А. Ф. Керенскаго. „Я теперь спокоенъ, воскликнулъ онъ: мы увидѣли, что русскій народъ, русская демократія и всѣ, кто въ ней, могутъ спокойно смотрѣть въ будущее, ибо мы доказали, что созрѣли гражданственно и революціонно... Обязанности военнаго и морского министра взялъ на себя потому, что въ настоящее время борьба на фронтѣ — тоже революціонная борьба". Для А. Ф. Керенскаго ясенъ расчетъ нѣмецкаго милитаризма на русскую слабость, благодаря которой можетъ быть уничтожена французская демократія — „первая демократія Европы"; для него ясна необходимость осторожности, такъ какъ „часто надъ открытымъ сердцемъ русскихъ людей хотятъ играть некрасивую игру"... „Пусть никто не думаетъ, что русскій революціонный народъ слабѣе стараго царизма и что съ нимъ можно не считаться. Нѣтъ, вы посчитаетесь!" Превосходно данное министромъ опредѣленіе истинной дисциплины: „найти въ самомъ себѣ предѣлъ свободы, понять, гдѣ свобода переходитъ въ развалъ, разрушеніе необходимыхъ скрѣпъ, найти и остановиться не по принужденію, а по собственной волѣ — вотъ задача, достойная людей, которые считаютъ себя свободными". Исполненъ юмора и правды отвѣтъ А. Ф. Керенскаго на вопросъ, намѣрено ли Временное Правительство войти

въ сношенія съ союзными державами о присоединеніи ихъ къ формулѣ: миръ безъ аннексій и контрибуцій. „Видите, — сказалъ министръ, — въ довольно смѣшномъ положеніи бываетъ человѣкъ, котораго бьютъ и который въ это время кричитъ, что онъ всѣхъ любитъ и бить никого не хочетъ. Вопросъ объ аннексіяхъ и контрибуціяхъ — вопросъ, главнымъ образомъ, не тѣхъ государствъ, территоріи которыхъ захвачены, а того государства, которое чужія территоріи захватило. Чтобы государство захватившее считалось съ мнѣніемъ тѣхъ, кого оно считаетъ побѣжденными, нужна, кромѣ словъ, еще и сила". Не удивительно, что послѣ рѣчи Керенскаго солдаты и матросы, отвѣчая на вопросы командующаго Балтійскимъ флотомъ адмирала, обѣщали „стоять стѣной за новое Правительство и не слагать оружія до заключенія мира". Можно было надѣяться, что къ такому же результату приведетъ предпринятая министромъ 10-го мая поѣздка на фронтъ.

Начало мая принесло съ собою много перемѣнъ не только въ личныхъ, но и въ общественныхъ настроеніяхъ. 4-го мая, наканунѣ окончанія правительственнаго кризиса, закрылся съѣздъ делегатовъ съ фронта. Резолюція, принятая значительнымъ большинствомъ, носитъ на себѣ яркіе слѣды недовѣрія къ Временному Правительству, въ прежнемъ его составѣ. На ту дорогу, куда старались увлечь делегатовъ „ленинцы" и большевики, они, однако, не вступили: они отказались (почти единогласно) одобрить „братаніе", отвергли мысль о сепаратномъ мирѣ, признали необходимость сильной революціонной арміи и дружной работы всѣхъ группъ населенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ они нашли, что „война ведется въ настоящее время въ цѣляхъ захватныхъ, вопреки интересамъ широкихъ массъ", и высказались за „ликвидацію кровавой бойни, на основѣ отказа всѣхъ воюющихъ странъ отъ аннексій и контрибуцій и на началахъ свободнаго самоопредѣленія народовъ". Правда, къ товарищамъ-солдатамъ тыла съѣздъ обратился съ призывомъ „пополнить рѣдѣющіе ряды въ окопахъ и стать плечомъ къ плечу на защиту родины", къ товарищамъ-рабочимъ — съ призывомъ укрѣпить фронтъ и тѣмъ самымъ закрѣпить свободу; но этимъ не была устранена возможность истолкованія резолюціи съѣзда въ смыслѣ ультра-пацифизма, въ смыслѣ разрыва съ державами согласія[1]). Совершенно иное впечатлѣніе производили извѣстія о собравшемся въ Одессѣ,

---

[1]) Этою возможностью и воспользовалась газета „Правда" (№ 50), приведя буквально слова съѣзда о захватныхъ цѣляхъ войны и о ея ликвидаціи и упомянувъ только вскользь о всемъ остальномъ, идущемъ въ разрѣзъ съ этими словами.

10-го мая, фронтовомъ и областномъ съѣздѣ румынскаго фронта, въ составъ котораго вошло около двухъ тысячъ делегатовъ фронта и рабочихъ. „Неужели, — воскликнулъ, при открытіи съѣзда, главнокомандующій арміей румынскаго фронта, генералъ Щербачевъ, — неужели мы окажемся измѣнниками передъ отечествомъ и передъ союзниками?.. Никогда мы не были такъ сильны, какъ теперь, а противникъ никогда не былъ такъ слабъ... Надо наступать. А для наступленія нужны высокій моральный духъ и строгая дисциплина". Горячимъ воодушевленіемъ дышали слѣдовавшія за тѣмъ рѣчи солдатъ, моряковъ, рабочихъ, крестьянъ. Когда присутствовавшій на съѣздѣ французскій консулъ сказалъ, что для защиты свободы есть только одинъ путь — путь къ миру, но черезъ побѣду, — съѣздъ устроилъ ему бурную овацію и исполнилъ въ честь націи, первою сбросившей съ себя иго самодержавія, Марсельезу... Еще раньше рѣшимость стремиться къ побѣдѣ проявилась въ средѣ Черноморскаго флота, депутаты котораго и въ Москвѣ, и въ Петроградѣ произвели глубокое впечатлѣніе своими восторженными рѣчами. Время еще не упущено: армія и народъ приходятъ, повидимому, къ сознанію, что ускорить счастливое окончаніе войны можетъ только энергичное ея веденіе.

По отношенію къ внутренней политикѣ декларація обновленнаго Временнаго Правительства категорически заявляетъ, что его плодотворная работа мыслима лишь при условіи полнаго и безусловнаго къ нему довѣрія всего революціоннаго народа и возможности осуществлять на дѣлѣ всю полноту власти... Для спасенія родины „Правительство приметъ самыя энергичныя мѣры противъ всякихъ контръ-революціонныхъ попытокъ, какъ и противъ анархическихъ, неправомѣрныхъ и насильственныхъ дѣйствій, дезорганизующихъ страну и создающихъ почву для контръ-революціи". Извѣстія объ эксцессахъ и насиліяхъ продолжаютъ поступать изъ разныхъ мѣстностей Россіи. Нужно надѣяться, что безпорядкамъ скоро будетъ положенъ конецъ. „Разруха" — недаромъ это слово вошло съ нѣкоторыхъ поръ въ ежедневный обиходъ, вмѣстѣ съ другимъ, родственнымъ ему словомъ: „развалъ" — разруха достигла такихъ размѣровъ, дальнѣйшій ростъ которыхъ угрожалъ бы самому существованію государства и завоеванной народомъ свободы. Въ самомъ Петроградѣ уже встрѣчаются случаи самосуда — этого послѣдняго, отчаяннаго, всегда опаснаго средства защиты, знаменующаго собою начинающееся разложеніе общественной связи. И не слѣдуетъ за-

бывать, что далеко не всѣ нарушенія чужого права могутъ быть остановлены или прекращены путемъ самосуда или расширеніемъ области необходимой обороны. Реагировать силой можно противъ посягательствъ, направленныхъ на элементарныя блага, для всякаго одинаково дорогія: на жизнь, на здоровье, на неприкосновенность жилища. Но гдѣ и какъ, если бездѣйствуетъ или отсутствуетъ законная власть, найти охрану другихъ правъ, цѣнность которыхъ опредѣляется степенью развитія общества? Какъ оградить свободное пользованіе словомъ, свободное общеніе гражданъ между собою? Что дѣлать, напримѣръ, если типографія, въ которой печатается непріятное для какой-нибудь политической группы изданіе, отбирается и передается въ другія руки? Что дѣлать, если лекція или бесѣда прерывается людьми, которымъ не по вкусу ея тема или не нравится лекторъ? А такіе случаи уже бывали, и предупредить ихъ повтореніе, разъ что не всѣмъ ясно глубокое противорѣчіе ихъ основамъ новаго строя, можетъ только власть, стоящая на стражѣ права и свободы... Немыслима самозащита и тогда, когда слишкомъ неравны силы обѣихъ сторонъ — когда, напримѣръ, домъ частнаго лица занимается, безъ всякой тѣни права, вооруженною толпою, укрѣпляющейся въ немъ вопреки протесту хозяина и требованію компетентныхъ должностныхъ лицъ. О „полнотѣ власти“, необходимость которой такъ часто провозглашается въ послѣднее время, можно будетъ серьезно говорить только тогда, когда подобныя издѣвательства надъ правомъ и свободой, отъ кого бы они ни исходили, будутъ встрѣчать немедленный отпоръ и не будутъ проходить безслѣдно для виновныхъ.

Въ декларацiи Временнаго Правительства обѣщано „дальнѣйшее планомѣрное проведеніе государственнаго и общественнаго контроля надъ производствомъ, транспортомъ, обмѣномъ и распредѣленіемъ продуктовъ, съ тѣмъ, что въ необходимыхъ случаяхъ будетъ приступлено и къ организаціи производства“. Исполненіе этого обѣщанія затрудняется съ одной стороны тяжелымъ наслѣдіемъ, оставшимся отъ стараго режима, съ другой стороны — продолжающимся неустройствомъ страны, рѣзкимъ выраженіемъ котораго служатъ, напримѣръ, безчинства, производимыя солдатами на водныхъ путяхъ и на желѣзныхъ дорогахъ. Не мало ухудшаютъ положеніе и стихійныя невзгоды, одна за другою обрушивающіяся на Россію (необыкновенно снѣжная зима, сильнѣйшіе весенніе разливы, снѣжныя метели въ половинѣ мая). Временнымъ Правительствомъ дѣлалось съ самаго начала и теперь продолжаетъ дѣлаться все возможное для предотвращенія опасности, до сихъ поръ очень грозной. За первымъ, по времени, революціоннымъ министромъ земледѣлія

(А. И. Шингаревымъ) было оставлено, до конца мая, завѣдываніе продовольственнымъ дѣломъ, выдѣленнымъ, при преобразованіи Правительства, въ особое министерство. Это даетъ возможность судить о томъ, какую оцѣнку нашла дѣятельность министра со стороны новыхъ членовъ Временнаго Правительства. Преемникъ А. И. Шингарева, А. В. Пѣшехоновъ, хорошо извѣстенъ крестьянству, играющему столь важную роль въ продовольственномъ дѣлѣ; есть полное основаніе думать, что оно окажетъ ему самую полную поддержку. Насколько она необходима — объ этомъ свидѣтельствуетъ рѣчь, произнесенная А. И. Шингаревымъ въ Москвѣ, 10-го мая, на съѣздѣ по хлѣбному дѣлу. „Оскудѣніе во всемъ. Не хватаетъ сырья, металла, не хватаетъ рабочихъ силъ; производство сократилось по количеству и по качеству; въ производствѣ заняты сейчасъ женщины, полудѣтскій элементъ и неквалифицированные рабочіе, а потребленіе увеличилось въ невѣроятной пропорціи. Война, сокративъ производство, увеличила потребленіе. И въ результатѣ мы вступили въ полосу оскудѣнія. Начался голодъ во всѣхъ направленіяхъ. Государству съ каждымъ днемъ все труднѣе снабжать армію и населеніе... Не во власти государства оборвать процессъ разрушенія экономической жизни страны... Мы переживаемъ очень опасное время. Тѣмъ изъ насъ, которые выброшены революціонной волной на вершину, не менѣе тяжко, чѣмъ вамъ. Разрушеніе государственныхъ силъ еще продолжается; продолжается анархія въ умахъ населенія... Свобода дала населенію права, но она требуетъ отъ него выполненія обязанностей. Но населеніе, заявивъ о правахъ, забываетъ объ обязанностяхъ... Дождетесь голодныхъ бунтовъ, дождетесь, когда армія начнетъ голодать — и тогда погибнетъ наша родина“... Напомнивъ о слабомъ поступленіи налоговъ, о недостаточномъ успѣхѣ послѣдняго займа, А. И. Шингаревъ указалъ, впрочемъ, и на другую сторону медали. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, несмотря на всѣ трудности положенія, Временному Правительству удалось доставить на мѣста лежавшіе во Владивостокѣ, съ сентября прошлаго года, десятки тысячъ земледѣльческихъ машинъ и, что еще важнѣе, удалось не только предупредить грозившій недосѣвъ, но и достигнуть пересѣва, въ размѣрѣ до 30%. „Кто засѣялъ поля, — воскликнулъ министръ, — какая сила заставила это сдѣлать? Энтузіазмъ, и ничто другое, ибо власть безсильна заставить... Но огонь энтузіазма еще слабъ, еще не раздутъ въ огромное пламя“. Подъемъ духа — вотъ что одинаково необходимо для арміи и для всего народа, вотъ что проповѣдуетъ одинаково А. Ф. Керенскій и А. И. Шингаревъ, вотъ что составляетъ главную задачу Временнаго Правительства и обѣщаетъ спасеніе Россіи.

Одновременно съ продовольственнымъ кризисомъ обостряется кризисъ въ области транспорта, въ области промышленности. Въ тотъ самый день, когда А. И. Шингаревъ говорилъ на съѣздѣ по хлѣбному дѣлу, министръ путей сообщенія Н. В. Некрасовъ, въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ „Русскихъ Вѣдомостей", высказалъ серьезныя опасенія, внушаемыя ему ближайшимъ будущимъ желѣзнодорожнаго дѣла. Трудно устранимыя препятствія встрѣчаетъ какъ пассажирское, такъ и товарное движеніе ... Въ Петроградѣ, все въ тотъ же день 10-го мая, въ засѣданіе Временнаго Правительства явились представители металлургической и металлообрабатывающей промышленности, заявившіе о безвыходномъ положеніи, въ которое ихъ ставятъ постоянно возрастающія требованія рабочихъ. Выражая готовность жертвовать своими интересами и даже вовсе на время отказаться отъ прибыли, промышленники просили принять мѣры, которыми могъ бы быть предупрежденъ неизбѣжный иначе крахъ предпріятій. Министръ труда заявилъ, что позиція, занятая рабочими, не можетъ быть названа безусловно непримиримой; они намѣрены обратиться къ Правительству съ просьбою о выработкѣ условій соглашенія. Министры земледѣлія и почтъ и телеграфовъ выразили надежду, что промышленники помогутъ создать атмосферу, благопріятствующую урегулированію отношеній между трудомъ и капиталомъ. Средства, ведущія къ этой цѣли, должны имѣть рѣшительный характеръ; сюда относятся, между прочимъ, обращеніе сверхъ-прибыли въ государственную казну, увеличеніе ставокъ подоходнаго налога, установленіе правительственнаго контроля надъ предпріятіями, гдѣ особенно важенъ, въ настоящую минуту, правильный и интенсивный ходъ работъ. Неожиданнаго въ этомъ нѣтъ ничего: уже въ декларації 5-го мая была предусмотрѣна необходимость „послѣдовательнаго переустройства финансовой системы на демократическихъ началахъ" и вытекающаго отсюда „усиленнаго обложенія имущихъ классовъ (наслѣдственный налогъ, обложеніе военной сверхъ-прибыли, поимущественный налогъ и т. п.)".

Безмѣрно велики и сложны были съ самаго начала задачи Временнаго Правительства; еще шире и глубже онѣ стали послѣ обновленія его состава. И, повидимому, энергіей, необходимой для ихъ разрѣшенія, оно обладаетъ, какъ обладало и раньше, въ достаточной мѣрѣ. Труднымъ его положеніе было прежде, труднымъ остается и теперь; измѣнился только, отчасти, характеръ затрудненій. Въ первые два мѣсяца Временное Правительство, почти однородное внутри, было окружено подозрѣніями извнѣ; контроль надъ его дѣйствіями принималъ все болѣе и болѣе острую форму, не только ограничивая его власть, но иногда прямо обрекая его на

безвластіе. Несмотря на безукоризненное исполненіе всѣхъ принятыхъ имъ на себя обязательствъ, довѣріемъ широкихъ массъ и руководящаго ими учрежденія оно пользовалось все меньше и меньше. Теперь въ его составъ вошли избранники этого учрежденія. Не всегда легко, по всей вѣроятности, достигается соглашеніе между двумя группами, образующими Правительство; но это не мѣшаетъ ему идти впередъ по намѣченной, общими усиліями, дорогѣ. Усложненіями грозитъ не разногласіе между министрами-соціалистами и министрами-представителями „демократической буржуазіи", а разногласіе въ средѣ соціалистическихъ партій, въ средѣ самого Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. Чтобы опредѣлить, до какихъ размѣровъ доходитъ это разногласіе, достаточно бросить взглядъ на самые крайніе изъ лѣвыхъ органовъ соціалистической печати или прислушаться къ рѣчамъ, произносимымъ ораторами той же партійной окраски. „Землю, — говоритъ, напримѣръ, „Правда", между прочимъ, — надо взять, взять безотлогательно, ничего не дожидаясь, взять организованно, безъ анархіи, подъ контролемъ Крестьянскихъ Совѣтовъ... Никакого довѣрія правительству капиталистовъ, правительству выкупа оказывать нельзя". „Мы за массовое революціонное насиліе, — сказано въ другой статьѣ той же газеты; — нашъ методъ — вооруженное московское возстаніе". „Сила революціи, — говорилъ единомышленникъ Ленина, Зиновьевъ, на съѣздѣ делегатовъ съ фронта, — заключается въ захватахъ. Нельзя ждать Учредительнаго Собранія, которое откладывается со дня на день, и откладывается не по техническимъ соображеніямъ — ибо его можно созвать въ двѣ недѣли, — а въ своекорыстныхъ интересахъ". Близко подходятъ къ группѣ „ленинцевъ" нѣкоторые вновь вернувшіеся эмигранты, напр. Троцкій, представитель объединенныхъ соціалъ-демократовъ интернаціоналистовъ. Оппозиція противъ коалиціоннаго министерства существуетъ и въ средѣ Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, но не мѣшаетъ его громадному большинству поддерживать министровъ-соціалистовъ и выражать довѣріе имъ и Временному Правительству, въ составъ котораго они входятъ (резолюція 13-го мая). Еще важнѣе то, что засѣдавшій недавно въ Петроградѣ Всероссійскій Совѣтъ Крестьянскихъ Депутатовъ, выслушавъ ораторовъ разныхъ соціалистическихъ партій, принялъ почти единогласно резолюцію, въ которой сказано, между прочимъ, слѣдующее: „Основной долгъ трудового народа революціонной Россіи — вести самую активную защиту страны, не останавливаясь ни передъ какими жертвами, и принять самыя рѣшительныя мѣры къ поднятію боевой силы арміи какъ для оборонительныхъ, такъ и для наступательныхъ дѣйствій". Совѣтъ обратился ко всѣмъ своимъ сынамъ и братьямъ, находя-

щимся въ арміи, съ призывомъ: „подчиняясь свободной дисциплинѣ, защищать революціонную Россію и помнить, что въ этой героической борьбѣ съ ними будетъ все трудовое крестьянство“. Восторженно была встрѣчена Совѣтомъ рѣчь докладчика, И. И. Бунакова, такъ характеризовавшаго большевиковъ: „въ большихъ собраніяхъ большевики выступать не любятъ. Они предпочитаютъ говорить на площадяхъ, на базарахъ, гдѣ народъ темный и слабо разбирается въ политическихъ вопросахъ. Тамъ они дѣйствительно имѣютъ успѣхъ. О чемъ бы они ни говорили, они косвенно затрагиваютъ вопросъ о землѣ и подъ его флагомъ проводятъ въ глухихъ, безсознательныхъ углахъ все то, что имъ угодно... Я понялъ бы еще большевиковъ, если бы они были дѣйствительно крестьянами и если бы любовь къ крестьянству заглушала въ нихъ благоразуміе. Но вѣдь въ дѣйствительности они думаютъ, что крестьянинъ не можетъ управлять хорошимъ хозяйствомъ, что хорошимъ и долговѣчнымъ можетъ быть только крупное капиталистическое хозяйство. Почему же вдругъ у нихъ сердца такъ смягчились? Я объясню: аграрные безпорядки показали имъ, что русскую революцію нельзя произвести безъ крестьянства. И вотъ, они насадили на крючокъ политическихъ требованій маленькаго земельнаго червячка. Крестьянство на это не пойдетъ. Оно этого червячка не клюнетъ“.

Въ декларації 5-го мая Временное Правительство обѣщаетъ приложить всѣ усилія къ скорѣйшему созыву Учредительнаго Собранія въ Петроградѣ. Составитъ положеніе о выборахъ совѣщаніе, образованіе котораго замедлилось тѣмъ, что не всѣ приглашенныя къ участію въ немъ организаціи, политическія партіи и національныя группы намѣтили своихъ представителей въ немъ. Первое засѣданіе совѣщанія назначено на 25-е мая. Подготовительныя работы производятся юридическимъ совѣщаніемъ при Временномъ Правительствѣ. Само собою разумѣется, что не въ интересахъ Временного Правительства отдалять моментъ созыва Учредительнаго Собранія. Правительство безъ сомнѣнія, не только особенно ясно сознаетъ, но и особенно живо чувствуетъ все неудобство, всю опасность неопредѣленности, положить конецъ которой можетъ лишь всероссійскій, правильно избранный парламентъ. Не такъ легко и не такъ пріятно теперь обладаніе властью, чтобы можно было стремиться къ ея сохраненію. Но, вопреки увѣреніямъ крайнихъ лѣвыхъ, поспѣшный созывъ Учредительнаго Собранія невозможенъ именно по „техническимъ соображеніямъ“. Всеобщая подача голосовъ примѣняется въ Россіи въ первый разъ, примѣняется въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Необходимо найти для нея форму, наиболѣе подходящую къ даннымъ условіямъ, соотвѣтствующую насе-

ленности и пространству государства и различныхъ его частей; необходимо дать народу возможность подготовиться къ исполненію предстоящей ему великой и трудной задачи. Настаивающіе въ одно и то же время на ускореніи выборовъ и на захватѣ власти впадаютъ въ явное противорѣчіе съ самими собою. Если можно немедленно, въ двѣ недѣли, созвать Учредительное Собраніе, то зачѣмъ спѣшить разрѣшеніемъ проблемъ (напр. земельной), по которымъ оно должно сказать свое вѣское слово народу, черезъ посредство свободно избранныхъ его представителей? Если эти проблемы могутъ быть разрѣшены помимо народа, то зачѣмъ спѣшить съ созывомъ Учредительнаго Собранія?.. Учредительному Собранію предстоитъ опредѣлить надолго, можетъ быть, навсегда, судьбу Россіи. Оно должно выразить дѣйствительную волю народа, а не случайное его настроеніе. Для того, чтобы это было возможно, нужно обезпечить равное участіе въ выборахъ всѣхъ частей государства, участіе сознательное, основанное на знакомствѣ съ требованіями національностей, областей и партій. Приступая къ выполненію своей задачи, Учредительное Собраніе должно имѣть передъ собою тщательно разработанные законопроекты, освѣщенные съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія, прошедшіе черезъ горнило всесторонней критики. Недопустима, конечно, ничѣмъ не оправдываемая медленность подготовки великаго дѣла, но столь же недопустима и чрезмѣрная ея торопливость.

„Массовое революціонное насиліе“ — таковъ способъ дѣйствій, рекомендуемый приверженцами „захвата власти“. Ихъ методъ — „московское вооруженное возстаніе“. Но вѣдь московское возстаніе было направлено противъ режима, неохотно, вынужденно шедшаго на половинчатыя уступки, чуждаго или враждебнаго народнымъ чаяніямъ, скованнаго традиціей, свыкшагося съ произволомъ, выше всего ставившаго свою неприкосновенность. Теперь установился новый режимъ, прямо противоположный старому. Мыслимо ли вооруженное возстаніе, когда въ ближайшемъ будущемъ рѣшающее слово должно и можетъ быть свободно сказано народомъ? Въ 1905 г. московскому возстанію предшествовалъ арестъ петербургскаго совѣта рабочихъ депутатовъ; теперь на сторонѣ Временнаго Правительства стоятъ организаціи рабочихъ, солдатъ и крестьянъ, представленныя въ его средѣ и поддерживающія его своимъ довѣріемъ. „Массовому революціонному насилію“ должны, слѣдовательно, подвергнуться именно тѣ, которыхъ революція облекла властью? Или, можетъ быть, насилію должны подвергнуться землевладѣльцы и капиталисты? Но вѣдь такое насиліе не могло бы не обрушиться на тѣхъ, кто взялъ на себя защиту личныхъ правъ и личной свободы. Столь же не-

совмѣстима съ порядкомъ, созданнымъ революціею, была бы и „диктатура пролетаріата“, предполагающая насильственное ниспроверженіе Временнаго Правительства. Диктатурой, при томъ, можетъ быть облечено только лицо, а не безформенное цѣлое. Диктатура, это — синонимъ полновластія; а развѣ можетъ быть полновластной масса, въ средѣ которой неизбѣжны разногласія? Или, быть можетъ, подъ именемъ диктатуры пролетаріата нужно понимать диктатора, поставленнаго пролетаріатомъ? Но какъ совершится эта передача полномочій? Кто будетъ въ ней участвовать? Какъ установить рамки хотя бы одного петроградскаго пролетаріата? Какъ оправдать предоставленіе ему одному рѣшеніе судебъ всего народа? Какъ заставить всѣхъ подчиниться волѣ сравнительно немногихъ? Какъ предупредить, наконецъ, вѣроятный или, лучше сказать, неизбѣжный конфликтъ между диктаторомъ и Учредительнымъ Собраніемъ?

Одно за другимъ слѣдуютъ постановленія многочисленныхъ авторитетныхъ съѣздовъ и совѣтовъ, укрѣпляющія положеніе Временнаго Правительства. Есть, слѣдовательно, основаніе надѣяться, что оно благополучно введетъ русскій корабль въ гавань Учредительнаго Собранія.

P. S. Событія идутъ съ необыкновенною стремительностью. Каждый день приноситъ съ собою множество сенсаціонныхъ извѣстій, иногда успокоительныхъ, чаще печальныхъ. Безпорядки внутри страны растутъ; безвластнымъ Правительство остается и послѣ его обновленія. Неповиновеніе ему, граничащее съ прямымъ его непризнаніемъ, то тамъ, то здѣсь становится совершенно открытымъ. Уменьшается общественная и личная безопасность; увеличивается число преступленій, вызывая тѣмъ самымъ обостреніе и учащеніе самосуда. Отмѣненная закономъ смертная казнь примѣняется толпою, иногда въ тяжко квалифицированной формѣ. Обезпеченныя закономъ важнѣйшія права гражданъ теряютъ всякое реальное значеніе. Можно ли говорить о независимости печати, когда изданіе газеты, не одобряемой тою или другою общественною группою, прекращается самочинною реквизиціею типографіи, въ которой она набирается? Можно ли говорить о личной неприкосновенности и свободѣ, когда лишеніе свободы совершается безъ тѣни законнаго повода, по усмотрѣнію никѣмъ и ничѣмъ на то не уполномоченнаго лица или учрежденія? И далеко не всегда проистекающее отсюда зло оказывается поправимымъ. Стихійная расправа, обращаясь въ привычку, приводитъ иногда къ истинно ужасающимъ результатамъ. Достаточно вспомнить убитаго толпою, въ Нижнемъ-Новгородѣ, техника Андреева. Онъ былъ заподозрѣнъ въ контръ-революціонныхъ замыслахъ только потому, что держалъ въ рукахъ бѣлый

флагъ, означавшій мѣсто производимыхъ имъ работъ. Что въ смутное время рождается и быстро растетъ тревога — это понятно, и въ этомъ еще не было бы большой бѣды, если для всѣхъ была бы ясна необходимость провѣрки возникшихъ подозрѣній и при томъ провѣрки ихъ не людьми, случайно скопившимися и стихійно возбужденными. Несчастному носителю бѣлаго флага достаточно было бы сказать нѣсколько словъ, чтобы ясно обнаружилась его невинность; но нужно было, чтобы эти слова были спокойно выслушаны и спокойно оцѣнены. Жизнь Андреева была бы спасена, если бы ему удалось дойти хотя бы до ближайшаго милиціонера. И если никому изъ преслѣдовавшихъ и избивавшихъ его не пришло въ голову отдать его въ руки власти, то это можно объяснить только забвеніемъ основъ правильнаго общежитія, какъ результатомъ цѣлыхъ недѣль безконтрольнаго самоуправства. Опасность такого положенія становится все болѣе и болѣе очевидной — и именно въ ея очевидности, быть можетъ, заключается залогъ ея устраненія.

Несмотря на рядъ энергичныхъ мѣръ, не прекращается продовольственная разруха. Тяжелый кризисъ переживаетъ городское хозяйство, особенно въ столицахъ. Недостаточный успѣхъ не встрѣтившаго общей поддержки займа Свободы влечетъ за собою новый выпускъ и, слѣдовательно, новое обезцѣненіе бумажныхъ денегъ. Безконечно растущіе расходы грозятъ существованію повременныхъ изданій, въ особенности журналовъ, которымъ особенно трудно приспособиться къ новымъ условіямъ. Напряженнымъ стало положеніе дѣлъ на фабрикахъ и заводахъ, вызвавшее уходъ министра торговли и промышленности, А. И. Коновалова. Большое безпокойство возбуждали, въ теченіе нѣсколькихъ дней, признаки разлада между министрами-соціалистами по вопросу, особенно важному именно въ настоящую минуту — по вопросу о продолженіи войны. Къ счастію, невѣрно переданною оказалась рѣчь В. М. Чернова, неправильно, вслѣдствіе этого, понятая какъ возраженіе А. Ф. Керенскому. Новымъ доказательствомъ единодушія, господствующаго по этому предмету въ средѣ Правительства, служитъ заявленіе, сдѣланное И. Г. Церетели въ засѣданіи московскаго совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Ему былъ заданъ вопросъ, соотвѣтствуютъ ли сказанныя военнымъ министромъ на фронтѣ слова: „Вы понесете на концахъ вашихъ штыковъ миръ, право, правду и справедливость“ взглядамъ всѣхъ соціалистовъ въ министерствѣ. Отвѣчая на этотъ вопросъ, И. Г. Церетели воскликнулъ, какъ отмѣчено въ печати, съ громадною силою [1]): — „Да, въ условіяхъ дан-

[1]) См. „Русскія Вѣдомости“, № 100.

наго момента эти выступленія нашего товарища Керенскаго, этотъ лозунгъ: „Впередъ“, вполнѣ, цѣликомъ, соотвѣтствуетъ взглядамъ всѣхъ министровъ-соціалистовъ и громаднаго большинства русской демократіи“. И этотъ отвѣтъ вызвалъ бурную овацію многочисленнаго собранія. Слѣдуетъ надѣяться, что при такихъ условіяхъ ничто не помѣшаетъ перелому въ настроеніи фронта, констатируемому съ разныхъ сторонъ и знаменующему собою возстановленіе боеспособности арміи.

Еще больше поднять духъ крестьянства, а слѣдовательно и арміи, должно начало занятій главнаго земельнаго комитета. Первые его шаги укрѣпляютъ увѣренность въ томъ, что имъ будетъ проложенъ путь къ разрѣшенію земельнаго вопроса въ смыслѣ вѣковыхъ ожиданій и желаній народной массы.

К. Арсеньевъ.

ЗАДАЧИ ГЛАВНАГО ЗЕМЕЛЬНАГО КОМИТЕТА.

(Три рѣчи.)

I [1]).

Открывая сегодняшнее засѣданіе Главнаго Земельнаго Комитета, я, прежде всего, привѣтствую всѣхъ прибывшихъ и приглашаю, приступить къ началу занятій. Выражаю полную увѣренность, что возложенныя на насъ высокія задачи будутъ выполнены со всей точностью и полнотой а, главное, въ возможно скорый срокъ, такъ какъ это является самымъ существеннымъ условіемъ успѣха работы. Задачи, возложенныя Временнымъ Правительствомъ на Главный Земельный Комитетъ и на комитеты провинціальные, — очерчены довольно точно и ясно. Въ чемъ состоятъ эти задачи, опредѣленно выражено въ слѣдующихъ словахъ правительственнаго воззванія. „Признавая, что важнѣйшій очередной вопросъ для нашей страны — вопросъ земельный — можетъ рѣшитъ окончательно и правильно только Учредительное Собраніе, избранное всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ народнымъ голосованіемъ“, правительство признало, что „для такого рѣшенія необходимо предварительно собрать повсемѣстно свѣдѣнія о земельныхъ нуждахъ населенія и подготовить къ Учредительному Собранію проектъ закона о земельномъ устройствѣ“. Съ этой цѣлью Временное Правительство образовало Главный Земельный Комитетъ, который исполнитъ эту работу при содѣйствіи мѣстныхъ — губернскихъ, уѣздныхъ и волостныхъ земельныхъ комитетовъ“.

Это — одна задача. Кромѣ того, на насъ лежитъ еще очень важная обязанность, а именно: „на обязанность этихъ комитетовъ возлагается собираніе свѣдѣній о мѣстныхъ земельныхъ порядкахъ и земельныхъ нуждахъ населенія и въ теченіе переходнаго времени, до проведенія земельной реформы въ Учредительномъ Собраніи, —

---

[1]) Рѣчь, произнесенная при открытіи Комитета 19 мая 1917 г.

рѣшеніе споровъ и недоразумѣній по земельнымъ дѣламъ". Это вторая задача высокой важности, особенно въ виду происходящихъ сейчасъ событій, и она составитъ одну изъ очень большихъ заботъ Главнаго Комитета. Въ какомъ направленіи должна выполняться первая задача? Это также довольно ясно, хотя и въ краткихъ словахъ, указано въ томъ же воззваніи. Приглашая населеніе къ участію въ рѣшеніи земельнаго вопроса, Временное Правительство увѣрено, что „каждое село заинтересовано въ томъ, какъ будетъ разрѣшенъ земельный вопросъ во всей странѣ, и для страны не можетъ быть безразлично земельное устройство даже маленькой деревушки"; но въ то же время правительство вѣритъ, что „народъ не допуститъ самоуправства и будетъ спокойно ждать новаго земельнаго устройства, которое обезпечитъ справедливые интересы трудового земледѣльческаго населенія".

Въ приведенныхъ краткихъ фразахъ заключается очень опредѣленное заданіе, которое и понимается довольно единодушно самыми различными партіями, несмотря на различіе ихъ взглядовъ на способы или пріемы въ разрѣшеніи земельнаго вопроса. Если взять только примѣръ изъ послѣднихъ съѣздовъ, — съѣзда, скажемъ, представителей крестьянскихъ партій и съѣзда представителей партіи народной свободы, то вы увидите, что въ пониманіи основныхъ положеній между ними очень большихъ различій не будетъ. Возьмите проектъ положенія аграрной программы партіи народной свободы; ея пунктъ I гласитъ, что „Земли сельско-хозяйственнаго пользованія должны принадлежать земледѣльческому населенію". Это — первое. Дальше идутъ положенія, при которыхъ такое основное требованіе можетъ быть сохранено въ чистотѣ, тѣ пріемы, при которыхъ это можетъ быть проведено въ жизнь, и тѣ толкованія, которые давали ему отдѣльные члены. Я беру одно изъ нихъ, получившее, насколько можно судить по свѣдѣніямъ печати, широкую поддержку среди членовъ съѣзда — это толкованіе П. П. Гронскаго, который говоритъ: „Я являюсь защитникомъ того принципа, что земля должна принадлежать трудовому населенію. Новое русское законодательство должно знать только одинъ видъ землевладѣнія — трудового крестьянскаго землевладѣнія". И онъ требуетъ, чтобы партія провела цѣликомъ трудовую норму. Не касаясь пока этого послѣдняго, я указываю лишь на то, что, какъ бы ни были разнообразны отдѣльныя пониманія, тѣмъ не менѣе, это програмное постановленіе свидѣтельствуетъ, что намѣреніе правительства понято довольно единодушно партіями самыми разнообразными. Если обратиться къ толкованію болѣе подробному этого общаго положенія, если принять во вниманіе хотя бы то требованіе, представителемъ котораго из-

давна являюсь и я, — что земля по существу не можетъ быть объектомъ частной собственности, а должна передаваться лишь въ пользованіе того, кто ее обрабатываетъ, оставаясь коллективной, государственной и т. д., то можетъ показаться, будто это требованіе не имѣетъ за собой никакой реальной почвы и вполнѣ отвлеченное. Тѣмъ не менѣе, гг., требованіе передачи земли въ пользованіе трудящимся далеко не въ первый разъ провозглашается и у насъ. Оно проходитъ можно сказать, красной нитью черезъ всю нашу новѣйшую исторію; оно зародилось въ самый расцвѣтъ крѣпостного права, въ царствованіе императрицы Екатерины. Оно было выставлено жестоко пострадавшимъ за свои идеи Радищевымъ, требовавшимъ передачи земли въ пользованіе народа и заявлявшимъ: „Кто же въ нивѣ ближайшее имѣетъ право, буде не дѣлатель ея?“ Въ этихъ словахъ заключаются, собственно, основныя требованія радикальныхъ группъ, возникавшихъ и возникающихъ сейчасъ. Радищевъ пострадалъ за свою проповѣдь, но идея его не пропала; она возродилась вскорѣ и распространялась самыми выдающимися людьми изъ партіи декабристовъ, особенно Пестелемъ, воспитаннымъ на передовыхъ идеяхъ Запада. Въ его замѣчательномъ произведеніи „Русская Правда“ вы найдете указанія на то, что мысли, которыя онъ заимствовалъ у самыхъ видныхъ европейскихъ писателей, повторяютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и мысли, которыя изстрадалъ Радищевъ. За ту же идею, какъ вамъ извѣстно, пострадали петрашевцы, но сама идея не пропала, она опять воскресла въ тотъ періодъ времени, когда, подъ вліяніемъ неудачъ севастопольской кампаніи, снова возникла мысль объ освобожденіи народа и объ обезпеченіи его землей. Одинъ изъ самыхъ выдающихся представителей этой идеи, А. И. Герценъ, писалъ, что онъ является „безцензурной рѣчью“ и выражаетъ мнѣніе своихъ единомышленниковъ, вынужденныхъ молчать у себя на родинѣ. Самымъ виднымъ пропагандистомъ ея является также и Н. Г. Чернышевскій. Не могу не напомнить вамъ, что именно сегодня, памятный день — день его гражданской смерти. Какъ разъ сегодня, въ 9 часовъ утра, онъ былъ выведенъ на площадь и черезъ палача былъ объявленъ ему приговоръ. Я указываю вамъ, гг., на этого человѣка, который принесъ неоцѣненную пользу, какъ въ вопросѣ объ освожденіи крестьянъ съ надѣленіемъ землею, такъ и въ вопросѣ о взглядахъ на землю, какъ на объектъ собственности коллективной, не подлежащій усвоенію личному. Думаю, что удовлетворю желаніе всѣхъ, если приглашу собравшихся почтить память Николая Гавріиловича вставаніемъ. (Всѣ поднимаются съ мѣстъ.)

Полагаю, что тѣ, кто сомнѣвается въ возможности осуществленія этой идеи, указывая на то, что она не связана съ жизнью, забы-

ваютъ фактъ еще недавняго существованія ея и въ Европейской Россіи. Будучи защитникомъ коллективной формы обладанія землей и, въ частности, также той, которая выражается въ общинѣ, я напомню присутствующимъ, что до 80-хъ годовъ мы имѣли превосходнѣйшій образецъ частичнаго осуществленія идеи огосударствленія земли съ передачей ея въ пользованіе общины. Если вы обратитесь къ исторіи нашихъ государственныхъ крестьянъ, то вы увидите, гг., что до 80-хъ годовъ, до министерства Бунге, который, подъ вліяніемъ очень плохого состоянія нашихъ финансовъ, въ числѣ мѣропріятій, принимавшихся для поднятія курса нашего рубля и сведенія баланса, прибѣгъ къ такой мѣрѣ — къ превращенію оброчной подати, взимавшейся съ государственныхъ крестьянъ за пользованіе отведенной имъ землей, въ выкупные платежи и тѣмъ самымъ уравнялъ положеніе бывшихъ государственныкъ крестьянъ и ихъ пользованіе землей съ тѣмъ, въ которомъ находились бывшіе владѣльческіе крестьяне. Итакъ, до этого министерства, положеніе, — не входя въ подробности, — было таково: государству принадлежала на правѣ собственности вся казенная земля и часть ея оно отдавало въ пользованіе деревнямъ изъ государственныхъ крестьянъ, коллективамъ (конечно, въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ существовало общинное или коллективное обладаніе), а коллективы, деревни распредѣляли ее между отдѣльными лицами, домохозяевами-общинниками. Этотъ образецъ прошу имѣть въ виду тѣхъ, кто полагаетъ, будто идея націонализаціи или огосударствленіи земли не осуществима въ дѣйствительности и не имѣла прецедента въ жизни. Какъ видите, она осуществлялась еще такъ недавно у насъ и развивалась здѣсь весьма правильно.

Идея, что земля не можетъ быть предметомъ личной собственности, возникала, дѣйствительно, далеко не въ воображеніи только теоретиковъ, не имѣющихъ ничего общаго съ практической жизнью. Въ доказательство этого я позволю себѣ привести свидѣтельство человѣка, который, вѣроятно, во всемъ собраніи безъ исключенія пользуется высокимъ уваженіемъ, между прочимъ, и какъ образцовый практическій сельскій хозяинъ. Это мой старый, не могу назвать его другомъ, но все же близкій человѣкъ, Иванъ Александровичъ Стебутъ. Онъ пишетъ мнѣ: „Считаю своей нравственной обязанностью послужить посильно устроенію дорогой родины, я, какъ вы, конечно, знаете, глубоко интересующійся земельнымъ вопросомъ и нѣсколько поработавшій по нему и словомъ и дѣломъ, желалъ бы очень подѣлиться моими мыслями по этому вопросу съ могущими интересоваться ими членами предсѣдательствуемаго вами Земельнаго Комитета“. Не буду читать его письмо цѣликомъ, а при-

веду лишь нѣсколько строкъ изъ него: „Въ моихъ брошюрахъ по аграрному вопросу я высказался противъ частной земельной собственности, и, конечно, не имѣю возможности по недостаточности моихъ свѣдѣній по литературѣ, касающейся этого вопроса, считать себя не только первымъ, но даже изъ первыхъ высказавшихся такимъ же образомъ. Но, высказавшись такъ по имѣющимся у меня основаніямъ изъ довольно обстоятельнаго и широкаго знакомства съ жизнью, я не коснулся въ сказанныхъ брошюрахъ того, какимъ образомъ раздѣлаться съ частной земельной собственностью, не нарушая интересовъ частныхъ землевладѣльцевъ, неповинныхъ въ томъ, что они частные землевладѣльцы при не ими созданныхъ условіяхъ общественности; я не коснулся этого вопроса и потому, что, не будучи утопистомъ, который стремился бы къ осуществленію своего идеала, не считаясь съ дѣйствительностью, я понималъ, что если высшая справедливость требуетъ, по-моему, прекращенія частной земельной собственности, то какими бы путями ни идти къ прекращенію ея, пути не коротки и не могутъ привести къ разрѣшенію этого вопроса такъ скоро — не отобрать же земли чьимъ бы то ни было велѣніемъ у ея собственниковъ. Но съ другой стороны, наталкиваясь постоянно на явленія, которыя поневолѣ заставляютъ останавливаться на общественномъ вредѣ частной земельной собственности, невольно задумываешься о путяхъ, которые все же могли бы привести къ разрѣшенію этого вопроса въ болѣе ими менѣе близкомъ будущемъ“ и т. д.

Не стану занимать вашего вниманія дальнѣйшимъ чтеніемъ этого интереснаго произведенія и прошу разрѣшенія передать настоящее письмо и брошюры въ управленіе, исполняя тѣмъ просьбу старика и давая возможность всѣмъ желающимъ ознакомиться съ мнѣніемъ лица, практически занимавшагося сельскимъ хозяйствомъ и оказавшаго огромныя услуги нашему отечеству въ этой области, слѣдовательно, съ мнѣніемъ человѣка, котораго можно считать въ данномъ вопросѣ во всякомъ случаѣ достаточно компетентнымъ.

Да, идея о принадлежности земли трудящимся постоянно культивировалась у насъ и раздѣлялась значительнымъ числомъ передовыхъ людей въ нашемъ отечествѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что расхожденія, которыя существуютъ или возникаютъ теперь среди отдѣльныхъ направленій, въ значительной степени основываются на недоразумѣніи. Такъ, будучи сторонникомъ принадлежности земли государству, я не могу, однако, не привѣтствовать въ программахъ, нѣкоторыхъ партій, въ томъ числѣ и партіи народной свободы, указанія на то, что при проведеніи земельной реформы у насъ нежелательно

прибѣгать къ насилію, т. е. къ тому пріему, которымъ у насъ широко пользовались Столыпинъ и его сторонники. Это нежеланіе слѣдовать его примѣру вполнѣ правильно. То насиліе, которое было произведено у насъ надъ страной указомъ 9-го ноября 1906 г., конечно, отнюдь не можетъ быть повторено и не должно исходить ни въ какой мѣрѣ, особенно теперь, изъ нѣдръ Главнаго Комитета. Несомнѣнно, должны быть приняты во вниманіе всѣ мѣстныя условія и особенности, и я усиленно подчеркиваю и надѣюсь, что лица, которыя пріѣдутъ съ мѣстъ — къ сожалѣнію, ихъ пока еще очень мало, вѣдь собраніе наше должно быть гораздо многолюднѣе — эти лица принесутъ намъ именно то, что столь необходимо для успѣшнаго разрѣшенія земельнаго вопроса въ отдѣльныхъ частяхъ нашего отечества. Я полагаю, что при тщательномъ и подробномъ разсмотрѣніи его вы найдете возможность сочетать мѣстныя требованія и особенности съ требованіемъ цѣлаго и принципіальными. Если въ старое время, въ концѣ 50-хъ годовъ, участники редакціонныхъ комиссій могли создать такую форму, которая приближала по пріему передачи земли то, что было обычно въ губерніяхъ центральной Россіи, съ тѣмъ, что изстари имѣло мѣсто, скажемъ, въ губерніяхъ малороссійскихъ: если земля и здѣсь передавалась, не непосредственно отдѣльнымъ лицамъ, а, несмотря на существованіе подворнаго владѣнія, — селеніямъ, которыя распредѣляли ее по хозяйствамъ или дворамъ, то, конечно, можетъ быть найденъ путь и нынѣ къ согласованію требованій высшей государственной пользы съ интересами и бытовыми особенностями отдѣльныхъ мѣстностей. Примѣръ подобнаго соединенія индивидуальныхъ интересовъ съ интересами коллектива мы видимъ въ новѣйшемъ законодательствѣ и Запада, а именно въ той странѣ, гдѣ индивидуализмъ особенно развитъ. Приведу въ примѣръ недавніе земельные акты Англіи (Small-holdings Act 1892 г. и Small-holdings and allotements Act 1907 г.), первоначально вышедшіе еще изъ кабинета Бальфура и улучшенные потомъ при Ллойдъ-Джорджѣ. Оба акта направлены къ тому, чтобы, съ поддержкой Правительства, создавать такіе типы обладанія землей, гдѣ собственность на землю будетъ принадлежать коллективу — графству, городу, но не отдѣльному лицу, которому земля должна быть передана только въ пользованіе. Этотъ примѣръ также показываетъ возможность согласовать личныя требованія съ требованіями принципіальнаго, или общегосударственнаго характера. Я не сомнѣваюсь, что при внимательномъ отношеніи къ этому дѣлу, и мы сможемъ представить Учредительному Собранію примирительное рѣшеніе требованій мѣстныхъ съ общегосударственными.

Указывая на это, я вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ сказать, при разрѣшеніи земельнаго вопроса нужно имѣть въ виду, что нѣкоторыя его стороны требуютъ рѣшенія не съ точки зрѣнія мѣстныхъ обычаевъ и интересовъ — хотя я придаю, повторяю, мѣстнымъ условіямъ очень большое значеніе, — но съ точки зрѣнія государственной. Общая точка зрѣнія должна быть доминирующей на томъ простомъ основаніи, что ни въ какомъ случаѣ нельзя удовлетворять всѣхъ требованій, — какъ и указывалось на крестьянскомъ съѣздѣ — предъявляемыхъ отдѣльными мѣстностями или деревнями. Очень возможно, что нѣкоторыя селенія и говорятъ: „не безпокойтесь, что касается насъ, мы обезпечены землей, у насъ есть по сосѣдству дачки, мы раздѣлимъ ихъ между собой и намъ по 15—20 дес. на человѣка хватитъ“. А сосѣди? Какъ же они? „Какое намъ дѣло до сосѣдей! О нихъ нечего говорить“. — Этотъ примѣръ указываетъ, что нельзя во всѣхъ случаяхъ брать въ расчетъ одни только мѣстные интересы, хотя бы они были и очень ясно выражены. Скажемъ, предстоитъ разсматривать такой острый вопросъ какъ о безземельныхъ арендаторахъ въ нѣкоторыхъ областяхъ казачьяго войска. Если вы поговорите съ представителями послѣдняго, то они могутъ сказать вамъ, что надѣлять этихъ безземельныхъ не входитъ въ планы войска. А если вы столкнетесь съ арендаторами, представители которыхъ за время моего пятилѣтняго пребыванія въ Думѣ неоднократно являлись съ петиціями, то, конечно, вы убѣдитесь, что при рѣшеніи подобныхъ вопросовъ, интересы отдѣльныхъ группъ, хотя бы и очень могущественныхъ, и мѣстные интересы не могутъ быть опредѣляющими и по всей справедливости должны, наоборотъ, сами подчиняться интересамъ общегосударственнымъ. Точно такъ же и другіе частные интересы, несмотря ни на какія слезоточивыя рѣчи, должны подчиняться общимъ, государственнымъ интересамъ. Это совершенно несомнѣнно.

Но, руководствуясь принципомъ, что государственная идея, идея общаго, цѣлаго, должна быть доминирующей и рѣшающей, я долженъ, мнѣ кажется, сказать этому собранію о нѣкоторых наиболѣе важныхъ заблужденіяхъ, которыя очень распространены сейчасъ. Такъ, я слышалъ со многихъ сторонъ заявленія, что, если земля будетъ экспропріирована у частныхъ владѣльцевъ, она должна быть экспропріирована безвозмездно и, потому именно безвозмездно, что она неправильно пріобрѣтена, что владѣльцы ея или ихъ предки пользовались такими условіями жизни, при которыхъ возможно было завладѣть часто огромными пространствами, совершенно несоотвѣтствующими истинной идеѣ права. Не говоря о томъ, что

такое построеніе, такое возстановленіе правильной идеи права односторонне, касаясь одного только вида личной собственности, собственности земельной и не распространяясь на собственность городскую и другіе ея виды, — оно, кромѣ того, и не поражаетъ тѣхъ лицъ, которыхъ именно думаетъ поразить. Предполагая даже, что всѣ частные земельные собственники пріобрѣли землю путемъ такого захвата и отрицая, что существуетъ огромнѣйшее число лицъ, которыя путемъ купли чуть не наканунѣ сдѣлались собственниками этой земли, отрицая также, что большое число лицъ могли вложить значительныя средства свои на улучшеніе пріобрѣтенной земли, отрицая все это, все-таки нужно имѣть въ виду тотъ несомнѣнный фактъ, что болѣе 80% всей нашей земельной собственности находится въ залогѣ въ государственномъ кредитномъ учрежденіи, т. е. Дворянскомъ банкѣ, а также въ частныхъ акціонерныхъ и въ банкахъ взаимнаго кредита, и что огромнѣйшая масса имѣній заложена въ большинствѣ случаевъ почти до крайнихъ предѣловъ, до которыхъ можетъ дойти залогъ. Еще въ концѣ 90-хъ годовъ, присутствующій здѣсь мой уважаемый сотрудникъ Д. И. Рихтеръ, работая надъ вопросомъ о задолженности землевладѣнія, свидѣтельствовалъ въ трудѣ, который былъ изданъ подъ редакціей А. И. Чупрова и моей, „Вліяніе урожая и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны и т. д.“ — о томъ, въ какой огромной степени была уже тогда распространена задолженность частнаго землевладѣнія. Это еще въ 97-мъ году. Теперь позвольте привести вамъ одинъ примѣръ изъ настоящаго. Я беру имѣніе въ одной изъ южныхъ губерній площадью около 15 тыс. дес. Это имѣніе оцѣнено Дворянскимъ банкомъ въ 6 милл. слишкомъ, но такъ какъ здѣсь каждый рубль важенъ, то я скажу точно — 6.016.000 р. Задолженность Дворянскому банку — 5.071.000 руб., Государственному банку 744.000 руб., одному частному банку — 270.000 руб., частному лицу — 410.000 руб., итого долгъ — 6.495.000 руб., а оцѣнено имѣніе въ 6.016.000 руб. И это имѣніе не исключительное; такихъ владѣній, не скажу, чтобы было очень много, но буду совершенно точенъ, если скажу, что — не мало. Есть масса показателей того, что на большинствѣ заложенныхъ имѣній, кромѣ первой закладной, тяготѣютъ обычно еще вторыя, третьи и соловекселные долги.

При такихъ условіяхъ говорить о наказаніи, или о возмездіи за грѣхи въ прошломъ лицъ, владѣющихъ землей, будетъ праздным разговоромъ. Этого вѣдь нѣтъ. Кого въ дѣйствительности поразилъ бы такой безвозмездный захватъ земель? Онъ поразилъ бы тѣхъ лицъ, которыя владѣютъ закладными листами. Обычно это

будутъ, — не считая иностранцевъ, въ значительномъ числѣ владѣющихъ нашими ипотечными бумагами, — обычно это будутъ лица, говорю, желавшія получить въ свое обладаніе такую бумагу, которая не особенно сильно подвергалась бы биржевымъ спекуляціямъ и колебаніямъ въ курсѣ. Къ такого рода бумагамъ, не очень высоко, но сравнительно тверже, стоявшимъ въ курсѣ, принадлежали закладные листы. До развитія нашихъ сберегательныхъ классъ они составляли одинъ изъ путей, которымъ шли народныя сбереженія, и очень часто представляли тѣ бумаги, которыя пріобрѣтались на средства сиротъ. Значитъ, при безвозмездномъ отчужденіи частновладѣльческихъ земель, — кромѣ иностранцевъ-держателей нашихъ закладныхъ листовъ, которые не понесутъ убытка, потому что по международнымъ условіямъ это недопустимо, — въ сущности пострадаютъ въ значительномъ числѣ люди маленькіе, вложившіе свои сбереженія въ закладные листы. Вотъ подобнаго рода слухи о безвозмездномъ отчужденіи земель, теперь циркулирующіе, конечно, тревожатъ одну сторону и заставляютъ ожидать невѣроятнаго сторону другую. Землевладѣльцы, у которыхъ есть хотя часть незаложенныхъ имѣній, вообще всѣ, имѣющіе въ землѣ что-нибудь реальное, и всѣ, вложившіе средства въ землю, ожидаютъ, что, если мы живемъ въ правовомъ государствѣ, ихъ интересы, конечно, будутъ справедливо возмѣщены. Но, кромѣ нихъ, эти слухи тревожатъ и громадную массу лицъ — держателей закладныхъ листовъ, что вліяетъ самымъ неблагопріятнымъ образомъ вообще на кредитъ нашего отечества. Я долженъ здѣсь отмѣтить, что при какихъ бы то ни было способахъ уплаты (уплата можетъ лечь цѣликомъ или лишь въ извѣстной долѣ на населеніе, можетъ, пожалуй, — совсѣмъ на него лечь, все это будетъ дѣло послѣдующаго рѣшенія, и мы будемъ подробно бесѣдовать о томъ, какіе существуютъ болѣе правильные способы расплаты) — во всякомъ случаѣ, нужно признать, что безвозмезднаго отнятія земель произвести нельзя уже потому одному, что это будетъ въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ пораженіемъ интересовъ совсѣмъ не тѣхъ, кого хотятъ поразить.

Точно также я долженъ сказать по вопросу о преувеличенныхъ размѣрахъ будто бы предстоящаго надѣленія, о чемъ распространяются подчасъ самыя невѣрныя свѣдѣнія. Но, съ другой стороны, не могу не отмѣтить того, что я съ большимъ удовлетвореніемъ читалъ существенное разъясненіе въ рѣчи, которая была произнесена на съѣздѣ крестьянскихъ депутатовъ министромъ земледѣлія. Въ ней отмѣчена какъ разъ очень важная черта, обычная въ возраженіяхъ, приводимыхъ противъ расширенія площади трудо-

вого землепользованія: именно часто приходится слышать, что можно прирѣзать самое большее по одной, по двѣ десятины на дворъ, но, говорятъ, что изъ этого выйдетъ? Значеніе такой прирѣзки скоро уничтожится, скоро скажется опять значительный недостатокъ въ землѣ, и, такимъ образомъ, ничего существеннаго изъ подобной прибавки не выйдетъ. Министръ дѣлаетъ очень правильную поправку къ этому положенію, указывая на то, что, кромѣ земель такихъ, которыя сейчасъ годны для воздѣлыванія, для культуры и которыя поступятъ теперь въ раздѣлъ между трудовымъ народомъ, мы обладаемъ еще огромными пространствами земли, которыя сейчасъ считаются неудобными, „абсолютно“ непригодными для земледѣлія. Но это выраженіе объ абсолютной негодности въ корнѣ невѣрно, такъ какъ превращеніе этихъ нынѣ безплодныхъ пространствъ въ культурныя земли совсѣмъ не утопія. По этому поводу я долженъ напомнить вамъ тѣ строки Тацита, гдѣ онъ говоритъ о непригодности большей части земель Германіи для веденія сельскаго хозяйства. Такъ вотъ, принимая это во вниманіе, должно признать, что площади, которыя считаются нынѣ непригодными для культуры, конечно, представляютъ тотъ огромнѣйшій запасъ, который будетъ со временемъ весьма полезенъ и явится чрезвычайно важнымъ для будущихъ поколѣній. Что касается настоящаго времени, — о которомъ только и можетъ быть рѣчь теперь, — то площадь земли трудящагося населенія можетъ быть увеличена во всякомъ случаѣ довольно значительно; но все же не слѣдуетъ расширять ее несбыточными обѣщаніями — это, несомнѣнно, непозволительно.

Такъ, когда мнѣ приходилось въ 1905 г. участвовать въ разработкѣ аграрной программы, я, основываясь, между прочимъ, на подсчетахъ проф. А. А. Чупрова, полагалъ, что, въ большинствѣ случаевъ, возможно будетъ надѣлить поселянъ по продовольственной нормѣ, за которую я принималъ высшій размѣръ надѣла 1861 года. И тогда посыпалась противъ меня масса возраженій и, между прочимъ, со стороны лицъ, очень компетентныхъ, которыя отрицали возможность этого; тѣмъ не менѣе, я считалъ мои предположенія вполнѣ осуществимыми въ то время. Теперь возьмите въ расчетъ обстоятельства, которыя возникли послѣ того. Съ тѣхъ поръ мы имѣемъ указъ 9 ноября 1906 года и послѣдующіе акты того же рода, установившіе начало новой земельной политики у насъ. Что произошло за послѣднія десять лѣтъ? За это время произошло слѣдующее: около 2 милліоновъ — я беру цифры по послѣдней объяснительной запискѣ министра финансовъ къ росписи, представляющей самыя свѣжія данныя, — около 2 милліоновъ укрѣпили

землю въ собственность. Затѣмъ, какъ извѣстно, указами 12 и 27 августа 1905 г. значительная часть казенныхъ и удѣльныхъ земель должна была быть передана народу, и за что своевременно печать привѣтствовала эти указы, предполагая, что земли поступятъ крестьянамъ, нуждающимся въ нихъ, именно крестьянамъ, которые обычно арендовали у казны и удѣловъ землю. Но что было достигнуто тою же печатью, начиная съ конца 70-хъ годовъ, т. е. нѣсколько болѣе облегченная аренда, уничтоженіе или сокращеніе по возможности числа пересъемщиковъ, все это, благодаря новой столыпинской земельной политикѣ, въ сущности пропало, потому что казенную и удѣльную землю начали передавать не селеніямъ, нуждавшимся въ землѣ и арендовавшимъ ее, а отдѣльнымъ домохозяевамъ въ частную собственность. Такъ, 1.237.833 дес. казенной земли были укрѣплены именно въ личную собственность. Дальше, опять таки вопреки ясно выраженной нуждѣ селеній въ землѣ, вопреки тому, на что печать, можно сказать, не переставала указывать, удѣльныя земли, переданныя Крестьянскому банку для надѣленія крестьянъ, 1.258.273 десятины — отчуждены банкомъ въ личную собственность отдѣльнымъ домохозяевамъ. Крестьянскій банкъ, превратившійся послѣ 1906 г. въ орудіе землеустроительной политики Столыпина, безпрекословно служилъ вѣдомству земледѣлія. Изъ этого самаго зданія, гдѣ мы находимся сейчасъ (министерство земледѣлія), исходили до послѣднихъ дней приказы, которые направляли огромнѣйшую массу земли, находившейся въ обладаніи банка, въ личную собственность, опять таки отдѣльныхъ домохозяевъ: такъ изъ 5 милл. дес. съ лишкомъ, купленныхъ у частныхъ владѣльцевъ и поступившихъ отъ неисправныхъ заемщиковъ, Крестьянскій банкъ передалъ въ руки отдѣльныхъ собственниковъ 77% и только 18% сельскимъ обществамъ и товариществамъ.

Такое насажденіе личной крестьянской собственности на землю въ широкихъ размѣрахъ и усиленіе противоположныхъ интересовъ въ крестьянской средѣ является фактомъ первостепеннаго значенія въ настоящее время, при проведеніи возвѣщенной аграрной реформы. Эти лица, которыя не только захватили въ свою исключительную собственность довольно значительную часть достоянія народа, но и поставили тѣмъ въ затруднительное положеніе земледѣльческое населеніе, будутъ, безъ сомнѣнія, являться одними изъ наиболѣе сопротивляющихся аграрной реформѣ. И нѣтъ ничего удивительнаго, если мы уже слышимъ теперь о тѣхъ эксцессахъ, о той расправѣ, которая идетъ между деревнями и ими, расправѣ, которая должна быть непремѣнно тѣми или другими мѣрами прекращена и

водворено спокойствіе. Но надо сказать, что это печальное явленіе, само по себѣ, какъ говорю, совершенно понятное, есть возмездіе за жестокіе пріемы, примѣнявшіеся къ обществамъ и деревнямъ при выдѣленіи отдѣльныхъ домохозяевъ и надѣленіи ихъ землею въ личную собственность. Указывая на эти факты, я и свидѣтельствую, что, благодаря созданію класса этихъ собственниковъ, ожиданія, которыя могли быть питаемы въ 1905 году относительно размѣровъ возможной прибавки земли къ площади трудового землевладѣнія, по моему мнѣнію, должны быть нѣсколько убавлены въ настоящее время. Положимъ, въ данную минуту всякія предсказанія безполезны, безполезны потому, что такъ близко осуществленіе того, что можетъ быть дано. Единственное только на что считаю необходимымъ указать, это, что обѣщанія не должны идти далеко и что они будутъ правильно выполнены лишь въ томъ случаѣ, если не усилятся самовольные захваты на мѣстахъ и если мы будемъ стоять на государственной точкѣ зрѣнія, на томъ, что, отдавая должное вниманіе мѣстнымъ условіямъ и стараясь по возможности удовлетворить эти мѣстныя нужды въ первую голову, не будемъ все же руководствоваться исключительно ими. Надо принять во вниманіе и поставить на первый планъ высшій государственный принципъ, нужды цѣлаго.

Я готовъ закончить на этомъ общую часть, которая связана съ нашей первой задачей, той, которая налагаетъ на насъ обязанность выработать планъ реформы и изучить всѣ условія о фактическія данныя землевладѣнія во всѣхъ подробностяхъ. Именни эта задача будетъ особенно требовать помощи и сотрудничества лицъ, имѣющихъ пріѣхать съ мѣстъ. Какъ бы ни были дѣятельны комитеты, — въ чемъ я отнюдь не сомнѣваюсь, — какъ бы ни были они старательны въ выполненіи своихъ задачъ, все-таки лишь при нашемъ общеніи здѣсь съ мѣстными представителями выясняются полнѣе тѣ стороны дѣла, которыя намъ необходимо выяснить. Мѣстные дѣятели будутъ тѣмъ связующимъ началомъ насъ, лицъ Главнаго Комитета, съ мѣстными комитетами, которое яснѣе укажетъ и направленіе нашей работы, и ея ближайшія цѣли, а также поможетъ намъ получить по возможности точную картину, вѣрнѣе — фотографію мѣстныхъ нуждъ и условій землепользованія. Безъ этого весьма трудно будетъ разрѣшить здѣсь, въ центрѣ, правильно ту первую задачу, которая возложена на насъ.

Затѣмъ, гг., вторая предстоящая задача наша, на важность и серьезность которой я также указывалъ уже, это то, чтобы мы могли разрѣшать вопросы о землѣ, эти сложные вопросы, въ условіяхъ спокойныхъ. Первое, чего ожидало Правительство отъ на-

селенія, объявляя свою программу, это, что оно будетъ спокойно, безъ всякихъ актовъ самоуправства и насилія, ожидать разрѣшенія земельныхъ вопросовъ въ Учредительномъ Собраніи, для котораго наши комитеты подготовятъ весь необходимый матеріалъ, и Правительство заявляло, что только одно это собраніе представителей народа имѣетъ право рѣшать и рѣшитъ земельный вопросъ безобидно для всѣхъ мѣстностей. Значитъ, ваше особенное вниманіе сейчасъ будетъ обращено на вопросъ о томъ, какимъ образомъ предупредить и прекратить тѣ печальные эксцессы, тѣ недопустимые захваты земли и проявленія самоуправства, о которыхъ намъ стали сообщать особенно въ послѣднее время и при которыхъ, конечно, нѣтъ возможности ни спокойно работать, ни имѣть увѣренности въ томъ, что наше отечество не подвергнется всѣмъ бѣдствіямъ междоусобицы и голода, всѣмъ тѣмъ бѣдствіямъ, которыя, по правильному выраженію А. В. Пѣшехонова на крестьянскомъ съѣздѣ, могутъ дѣйствительно уподобить наше отечество стоящему на лезвіи ножа. Избѣжать этого, упорядочить указываемую сторону жизни — задача первостепенной, великой важности, и вы будете привлечены къ ея обсужденію уже въ настоящемъ засѣданіи

II [1]).

Позвольте, господа, привѣтствовать собравшихся и въ частности прибывшихъ изъ провинціи, хотя не могу не выразить сожалѣнія, что число ихъ и къ этой второй сессіи Главнаго Земельнаго Комитета слишкомъ мало и не отвѣчаетъ тѣмъ ожиданіямъ, которыя нами питались. Участіе мѣстныхъ лицъ, свѣдующихъ, хорошо знающихъ условія мѣстной хозяйственной жизни и бытовыя условія, чрезвычайно важно. Оно важно именно при рѣшеніи столь сложнаго земельнаго вопроса, который намъ необходимо здѣсь разсмотрѣть по отношенію къ такой обширной странѣ, какъ наше отечество, гдѣ разнообразіе климатическихъ и почвенныхъ условій, огромное разнообразіе условій бытовыхъ, составляетъ столь великую пестроту, что претендовать на возможность какого-либо правильнаго уясненія его отсюда изъ Петрограда, безъ болѣе или менѣе подробнаго освѣдомленія съ мѣстъ, рѣшительно невозможно. И, повторяю, жаль, что, хотя бы по обстоятельствамъ времени, по условіямъ нами переживаемымъ, мѣстные дѣятели и во второй призывъ не могли собраться въ томъ числѣ, въ какомъ это было бы желательно, и не

---

[1]) Рѣчь, произнесенная при открытіи второй сессіи Главнаго Земельнаго Комитета 1-го 1юля 1917 года.

могутъ принять участія въ засѣданіяхъ такого учрежденія, которое какъ Главный Земельный Комитетъ, являясь совершенно самостоятельнымъ, такъ сказать — автономнымъ, разсчитано именно на самое дѣятельное сотрудничество мѣстныхъ дѣятелей. Черезъ этотъ органъ могло бы стать извѣстнымъ мнѣніе страны, въ высокой степени цѣнное всегда и особенно дорогое въ настоящее время. Но какъ-никакъ мы все-таки должны приступить къ занятіямъ и, хотя ощущая огромнѣйшій пробѣлъ вслѣдствіе малаго числа присутствующихъ представителей съ мѣстъ, мы воспользуемся по крайней мѣрѣ тѣмъ, что принесли намъ прибывшіе сюда. При рѣшеніи нашей главной задачи, опредѣляющимъ будутъ, — какъ я указывалъ ранѣе, — не исключительно мѣстныя нужды, не только мѣстныя условія, такъ какъ земельный вопросъ долженъ разсматриваться съ точки зрѣнія всего государства и въ цѣломъ. Но, вырабатывая планъ предстоящей реформы, мы должны принять во вниманіе такія стороны, какъ населенность отдѣльныхъ мѣстъ, различное количество занятой тамъ земли и количество земли, могущей поступить въ раздѣлъ; все это составляетъ большое разнообразіе и все это должно быть учтено, учтено повсемѣстно, во всей странѣ. И если невозможно мыслить, чтобы реформа проводилась по одной формѣ повсюду, проводилась изъ одного центра по одной мѣркѣ для всѣхъ разнообразныхъ отдѣльныхъ полосъ, то точно такъ же немыслимо и проводить ее, принимая во вниманіе исключительно интересы отдѣльныхъ частей отечества и не сообразуясь съ интересами цѣлаго. Поэтому съ точки зрѣнія правильно задуманной аграрной реформы, при которой должны быть учтены условія отдѣльныхъ мѣстностей, для построенія общаго плана большой помѣхой являются тѣ сепаративныя движенія, которыя мы наблюдаемъ по нѣкоторымъ областямъ въ настоящее время. Кромѣ спеціальныхъ невыгодъ для самихъ же отдѣльныхъ мѣстностей, какъ Малороссія, напр., на что еще недавно указывалъ въ Вольномъ Экон. Общ. нашъ сочленъ Н. П. Огановскій, мѣстностей, перенаселенныхъ и стремящихся къ отдѣленію отъ общаго отечества и тѣмъ лишающихъ свое населеніе права на многоземельныя части Россіи, надо имѣть въ виду и вредъ, который наноситъ такой сепаратизмъ также плану земельной реформы, не говоря уже о вреднѣйшемъ политическомъ его значеніи именно въ настоящую тяжелую минуту, переживаемую нашимъ отечествомъ. Мы, къ сожалѣнію, очень склонны забывать прошлое. Я опять долженъ напомнить вамъ незабвеннаго Николая Гавриловича Чернышевскаго, который и на этотъ украинскій вопросъ въ свое время обратилъ свой трезвый, ясный взглядъ. Не могу также не упомянуть и дѣятеля изъ ближайшаго прошлаго, покойнаго Же-

лябова, который являлся противникомъ крайняго украинофильства еще во времена покойнаго Драгоманова. Я припоминаю одно изъ собраній въ Одессѣ, „роковины“ Шевченки, въ 1879 году, гдѣ онъ выступилъ ярымъ противникомъ поклонниковъ крайняго направленія и говорилъ, что оно, противорѣча основному принципу — „въ единеніи сила“, разрушаетъ единство демократическаго движенія, — именно какъ въ настоящее время оно нарушаетъ единство революціонной Россіи и убавляетъ мощь ея въ данный критическій моментъ. Совершенно несомнѣнно, что сепаратизмъ пагубно отразится спеціально и на аграрномъ вопросѣ. Но придавая огромное значеніе, какъ я ужъ это и высказывалъ раньше, въ своей первой рѣчи, — мѣстнымъ условіямъ, повторяю, что опредѣляющимъ все-таки явится общій принципъ и государственная точка зрѣнія. Становясь именно на эту точку зрѣнія и исходя изъ той, вѣроятно, всѣми раздѣляемой здѣсь мысли, что земля должна перейти въ пользованіе трудящагося населенія, мы встрѣчаемся съ цѣлымъ рядомъ основныхъ вопросовъ, изъ которыхъ, — если судить по недавнему нашему опыту, пережитому здѣсь, и по тому, что распространено и проповѣдуется въ нашей печати, — насъ не малое раздѣляетъ; но, думаю, раздѣляетъ въ значительной степени по недоразумѣнію и потому, что мы не столковались. Такъ, одинъ изъ первыхъ вопросовъ, вопросъ о томъ, на какомъ основаніи будетъ передана земля въ пользованіе трудящемуся населенію, вопросъ о принципѣ націонализаціи, соціализаціи или муниципализаціи, — этотъ вопросъ такъ сильно, повидимому, раздѣляющій отдѣльныя группы, раздѣляетъ ихъ, повторяю, въ значительной степени по недоговоренности, такъ какъ, по-моему, отдѣльные рѣзкіе углы могли бы быть сглажены, и мы могли бы придти къ общей точкѣ зрѣнія. Конечно, при тѣхъ условіяхъ, которыя нынѣ переживаются, каждая изъ группъ, каждая изъ партій яро отстаиваетъ свое знамя и старается, чтобы полностью осуществить заданіе именно своей группы, своей партіи и осуществить эти заданія по возможности цѣликомъ. Всякая партія, которая стремится получить и получаетъ въ руки власть, естественно, слѣдуетъ тому пути, который такъ характерно выраженъ когда-то покойнымъ Гамбеттой, сказавшимъ: „On ne gouverne qu'avec un parti“. Понятно, и у насъ каждая партія будетъ настаивать на осуществленіи въ своемъ пониманіи указаннаго выше принципа, который начертанъ и на ея знамени. Не нужно, однако, забывать и намъ опыта ушедшихъ впередъ въ политическомъ развитіи странъ, не нужно забывать особенно Англіи, гдѣ политическія партіи также руководствуются этимъ девизомъ, но, тѣмъ не менѣе, считаютъ необходимымъ дѣлать неизбѣжныя, большія уступки и противополож-

нымъ партіямъ, мнѣніямъ своихъ политическихъ противниковъ. Попытки провести въ жизнь во всей рѣзкости опредѣленное партійное мнѣніе, нивеллирующее мѣстныя особенности, — у насъ, въ Россіи, было бы, по моему мнѣнію, величайшей ошибкой, и этимъ мы не достигли бы никакихъ результатовъ. Возможно, конечно, со всею нетерпимостью, со всею страстностью каждой партіи, которая будетъ стоять въ данную минуту во главѣ, декредитировать то или иное мѣропріятіе, хотя бы явно противное бытовымъ особенностямъ, но едва ли это будетъ сколько-нибудь длительное предпріятіе, ибо жизнь народа, исторически сложившуюся жизнь, имѣющую свои бытовыя, часто изжитыя кровью черты, — уничтожить декретомъ нельзя. Это, на мой взглядъ, была бы совершенная фантазія, та самая фантазія, которая руководила и покойнымъ Столыпинымъ, повидимому, полагавшимъ, будто можно для всей Россіи, для страны, столь разнообразной по характеру, ставить однѣ рамки, одинъ шаблонъ. Никогда не слѣдуетъ забывать той великой правды, заключающейся въ выраженіи Эндемана, что въ косности или упорствѣ сельскаго населенія (in dem Starrsinn des Landvolks) лежитъ залогъ и обезпеченіе правильнаго хода жизни. Именно въ этомъ упорствѣ, въ этой косности населенія залогъ и увѣренность въ томъ, что мѣропріятія, хотя бы исходящія отъ самыхъ абсолютныхъ, могущественныхъ владыкъ, не въ состояніи измѣнить прочно укоренившееся: оно не поддастся приказу и не разобьется. Образецъ самаго неразсудительнаго отношенія къ жизни, — не могу не привести еще примѣра, — представляетъ также и это начинаніе, которое было внесено въ Государственную Думу четвертаго созыва, — проектъ объ измѣненіи права наслѣдованія въ крестьянской средѣ. Болѣе легкомысленнаго предпріятія, задуманнаго человѣкомъ, явно не имѣющимъ никакого государственнаго смысла, никакого государственнаго опыта, нельзя было бы и придумать. Не явное ли легкомысліе, въ самомъ дѣлѣ, надѣяться на то, что возможно по приказу измѣнить установившійся порядокъ наслѣдованія, и думать, что такое предпріятіе было бы въ состояніи поколебать то, что выработано многими вѣками и прочно вошло въ правовое сознаніе народа. А потому и при начертаніи плана будущей земельной реформы необходимо принимать во вниманіе мѣстныя особенности, когда будетъ ставиться вопросъ объ основныхъ принципахъ, на которыхъ должна строиться передача земли трудящимся. Надо дѣлать въ отдѣльныхъ случаяхъ тѣ или иныя купюры и допускать видоизмѣненія, стремясь къ тому, чтобы основныя положенія, не теряя своихъ главныхъ чертъ, все-таки имѣли нѣчто общее съ установившимся и находили какой-нибудь откликъ въ дѣйствительной жизни. Такъ, хотя

я убѣжденъ вполнѣ въ томъ, что начала личной собственности не должны быть примѣняемы къ землѣ, къ такому объекту, которому не слѣдуетъ поступать въ отдѣльное усвоеніе, я, однако, не могу не согласиться съ тѣми, которые указываютъ мнѣ на трудность примѣненія этого принципа въ чистомъ видѣ повсемѣстно у насъ и ссылаются на необходимость считаться съ такими бытовыми особенностями, которыя мы наблюдаемъ, ну, хотя бы, въ той же Малороссіи, такъ неправильно стремящейся сейчасъ къ отдѣленію. Такого рода вопросы непремѣнно встрѣтятся въ жизни и, потому необходимо, чтобы при проведеніи земельной реформы она вносила возможно меньше болѣзненности и возможно меньше безцѣльной ломки. Нужно принять во вниманіе, далѣе, и рядъ другихъ обстоятельствъ. Я не стану останавливаться опять на тѣхъ сторонахъ, которыя были затронуты мною въ прошлый разъ, какъ, напр., объ ипотекахъ, на вопросѣ о задолженности частнаго землевладѣнія и на возмѣщеніи за отчужденіе земли, — я повторилъ бы дословно все, что было сказано мною при открытіи первой сессіи Комитета и что уже появилось въ печати. Укажу развѣ еще на важность вопроса о томъ, какъ, — принимая во вниманіе разнообразный составъ земледѣльческаго населенія по обезпеченности землею и вытекающія отсюда разнохарактерныя требованія по отношенію къ землѣ, — раздѣлить ее возможно справедливо между нуждающимися. Это, несомнѣнно, важный и чрезвычайно сложный вопросъ, требующій внимательнаго изученія, при чемъ опять таки необходимо сообразоваться съ тѣмъ что привезли намъ представители съ мѣстъ, что указало бы намъ на истинныя нужды населенія, какъ бы фотографически снятыя съ дѣйствительности. Конечно, я полагаю, что пріѣхавшіе хорошіе знатоки мѣстныхъ условій и что они укажутъ на истинныя потребности своихъ мѣстностей.

Перехожу ко второй нашей задачѣ. Чрезвычайно тревожны были свѣдѣнія съ мѣстъ, нѣсколько болѣе успокоительныя въ послѣднее время. Намъ казалось, что лица, пріѣхавшія изъ провинціи, лица авторитетныя тамъ, которыя должны имѣть вѣсъ и значеніе въ своихъ мѣстахъ, здѣсь при обсужденіи мѣропріятій, которыя приняты уже и которыя необходимо принять, выскажутъ намъ свое мнѣніе о нихъ и, затѣмъ, могутъ повліять успокоительно на мѣстахъ и окажутъ тѣмъ свою помощь въ этой разбушевавшейся стихіи. Разумѣется, необходимо полное знаніе происходящаго на мѣстахъ и твердое желаніе, чтобы выработанныя мѣропріятія были проведены въ жизнь. Я указываю прибывшимъ сюда, — хотя они здѣсь сейчасъ и въ небольшомъ числѣ, — на необходимость обратить самое серьезное вниманіе на эту сторону, такъ какъ при томъ хаосѣ, ко-

торый существуетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, правильное проведеніе аграрной реформы невозможно. Я не говорю уже о томъ, что при всякихъ безпорядкахъ, при всякомъ проявленіи силы является масса несправедливости и совершенно безцѣльнаго страданія, въ особенности при проявленіи хаотической силы; указываю опять на то, что, при возникновеніи такихъ печальныхъ явленій, нельзя правильно разрѣшить этотъ величайшей важности вопросъ о землѣ, нельзя разрѣшить его справедливо. Его нельзя разрѣшить потому, что, если какъ въ нѣкоторыхъ, пока еще, къ счастью, не столь многочисленныхъ мѣстахъ, — земля будетъ захвачена произвольно и раздѣлена между сосѣдними крестьянами, то будетъ весьма трудно выполнить какъ бы слѣдовало планъ земельной реформы, имѣющій быть выработаннымъ впослѣдствіи. Во всякомъ случаѣ, его нельзя будетъ выполнить спокойно, безъ борьбы, и, можетъ быть въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже придется примѣнять силу, прибѣгать къ принужденію для того, чтобы осуществить задуманное. Вотъ почему тоже чрезвычайно важно участіе въ Главномъ Комитетѣ компетентныхъ лицъ съ мѣстъ, которыя намъ укажутъ на тѣ или иные недостатки распоряженій, исходящихъ отсюда, тѣмъ болѣе, что, частью и по самой природѣ нашего оффиціальнаго механизма, наши мѣропріятія идутъ чрезвычайно медленно, — а они идутъ до такой степени медленно, что нѣкоторыя изъ изданныхъ нами распоряженій еще до сего времени не дошли на мѣста, несмотря на то, что они изданы чуть ли не около трехъ недѣль тому назадъ. Это — большой недостатокъ, изъ-за котораго не только не наступаетъ желаннаго успокоенія на мѣстахъ, а который, наоборотъ, можетъ быть, и самъ является одной изъ причинъ, порождающихъ тѣ нежелательныя явленія, на которыя я указывалъ. Такимъ образомъ, господа, подлежащей рѣшенію Главнаго Земельнаго Комитета второй задачѣ я придаю огромное значеніе и увѣренъ, что на эту указанную мною сторону будетъ обращено серьезнѣйшее вниманіе въ настоящую сессію засѣданій Комитета, такъ какъ иначе, повторяю, немыслимо достиженіе того, къ чему мы стремимся, т. е. справедливое, возможно спокойное, безболѣзненное осуществленіе земельной реформы, — передача земли Учредительнымъ Собраніемъ въ пользованіе трудового населенія.

III [1]).

Передъ тѣмъ какъ намъ разойтись, позвольте мнѣ, какъ сказалъ я слово привѣтственное, сказать вамъ такъ же и слово прощальное. Я говорилъ уже, что мы придавали большое значеніе пріѣзду

[1]) Рѣчь, произнесенная при закрытіи второй сессіи Главн. Зем. Комитета 6-го іюля 1917 г.

лицъ съ мѣстъ. Должны были пріѣхать, собственно, 78 человѣкъ, но прибыла въ первый день сравнительно малая ихъ часть — 16 человѣкъ. Къ серединѣ нашихъ засѣданій число это увеличилось больше, чѣмъ вдвое, — до 34—35 человѣкъ, хотя все-таки это далеко не то, что было бы желательно, такъ какъ значеніе съѣздамъ мы придавали огромное. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, число дѣлъ, разсмотрѣнныхъ вами исчерпываетъ всѣ поставленные нами вопросы, за исключеніемъ одного очень важнаго и очень сложнаго, который и у Совѣта отнялъ достаточно времени и все-таки, какъ вы видѣли изъ доклада товарища предсѣдателя С. Л. Маслова, онъ проходилъ не безъ треній и не достигъ тѣхъ результатовъ, которые ставились. Также и тутъ, въ общемъ собраніи, его обсужденіе потребовало бы значительнаго времени, и совершенно правильно было ваше рѣшеніе передать его опять на дополнительное обсужденіе Совѣта съ порученіемъ подготовить къ слѣдующей сессіи. Всѣ остальные вопросы были разсмотрѣны. Точно такъ же, какъ С. Л. Масловъ, долженъ сказать, — и я лично считаю, что не всѣ они разрѣшены въ томъ направленіи и такъ, какъ бы мнѣ лично было это желательно. Знаю, что каждому изъ насъ свойственно ошибаться, слѣдовательно, также и мнѣ, и признаю, что моя точка зрѣнія, можетъ быть, окажется менѣе правильной и въ дальнѣйшемъ даже уступитъ общей вашей точкѣ зрѣнія, высказанной и принятой такимъ значительнымъ по составу собраніемъ. Все же не могу не сказать, что я не считаю вполнѣ правильнымъ способъ разсмотрѣнія Правилъ объ учрежденіи Земельныхъ Комитетовъ и не раздѣляю кое-чего существеннаго изъ высказаннаго и принятаго при пересмотрѣ самихъ этихъ Правилъ Но независимо отъ того, признаю своей обязанностью свидѣтельствовать, что работа настоящей сессіи во всякомъ случаѣ была успѣшна. Если не всѣ представители съ мѣстъ съѣхались и на этотъ разъ, то при настоящихъ условіяхъ, которыя мы переживаемъ, это вполнѣ понятно, и надо надѣяться, что къ слѣдующей сессіи съѣдется большее число участниковъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ надо очень пожелать, чтобы составъ ихъ не измѣнился опять такъ, какъ онъ измѣнился въ данномъ случаѣ. Если онъ перемѣнится и въ слѣдующій разъ, то, конечно, въ этомъ будетъ заключаться значительный недостатокъ нашего учрежденія.

Долженъ дальше отмѣтить, что меня очень смущаетъ другой вопросъ, — вопросъ финансовый, которому настоящая сессія посвятила большое вниманіе и по которому избранная комиссія представила обстоятельный докладъ. Изъ словъ докладчика мы видѣли, сколько комиссіей было обращено вниманія на частности вопроса и на возможную экономію. Однако, несмотря на ея стремленіе къ

такой экономіи, я все-таки опасаюсь, что и исчисленные комиссіей расходы, — принимая во вниманіе состояніе нашихъ государственныхъ средствъ, — все же очень значительны. Конечно, всѣ силы и мѣры съ нашей стороны будутъ приняты для того, чтобы въ этихъ предѣлахъ провести смѣту, но поручиться за это отнюдь нельзя, потому что дѣйствительно надо принять во вниманіе чрезвычайное напряженіе средствъ государственнаго казначейства. Докладчикъ призывалъ васъ къ тому, чтобы вы стремились къ возможно большей экономіи на мѣстахъ. Это, господа, совершенно необходимо. Не можетъ быть рѣчи о такомъ фантастическомъ построеніи смѣтъ, на которомъ спеціально останавливался и докладчикъ и о которомъ сообщалъ намъ одинъ изъ пріѣхавшихъ съ мѣстъ: онъ защищалъ совершенно сказочную смѣту, выполненіе которой недопустимо ни при какихъ условіяхъ; даже при нормальныхъ, она не могла бы быть принята. Она, дѣйствительно, неосуществима, и совершенно правильно, было указано въ Собраніи что такого рода смѣта не можетъ питать никакой надежды на одобреніе или на ея принятіе. Отвѣтъ, послышавшійся тогда со стороны мѣстнаго представителя, что какъ бы мы и правительство ни смотрѣли на сообщенныя имъ цифры расхода, но на мѣстахъ у нихъ будто бы считаютъ этотъ расходъ необходимымъ и, если не послѣдуетъ ассигнованія отсюда, то у нихъ найдутся деньги и будто бы они могутъ потребныя суммы даже взять изъ арендныхъ платежей, поступающихъ тамъ въ вѣдѣніе земельныхъ комитетовъ. Это, господа, вполнѣ недопустимый пріемъ, — и мнѣ не слѣдовало бы, полагаю, особенно подчеркивать того, — такъ какъ для каждаго изъ васъ ясно, что такого рода точка зрѣнія вовсе не соотвѣтствуетъ ни серьезности учрежденія, въ которомъ мы находимся сейчасъ, ни его достоинству. Еще разъ приглашаю васъ къ возможной экономіи, такъ какъ усматриваю опасность для правильнаго прохожденія реформы именно въ недостаткѣ средствъ и не вполнѣ увѣренъ въ томъ, хватитъ ли у казны даже силъ на отпускъ и того, что мы планируемъ; не знаю, окажутся ли у нея свободныя средства, при настоящихъ тяжелыхъ условіяхъ, чтобы правильно и регулярно уплачивать даже то, на что вы могли бы справедливо претендовать. Но вы работаете въ такомъ большой важности дѣлѣ, что не сомнѣваюсь, — и призывать васъ къ тому вовсе нѣтъ необходимости, — что всѣ пожертвованія, которыя необходимо будетъ сдѣлать, конечно, будутъ вами сдѣланы, и надѣюсь, если бы въ будущемъ ассигнованія даже убавились, все-таки дѣло изъ-за того не остановится, такъ какъ нашу работу намъ надо непремѣнно довести до конца.

Въ послѣдній моментъ, при нашемъ прощаніи, я опять хотѣлъ обратить ваше вниманіе на существенную задачу, которая возложена на Главный Земельный Комитетъ и которая заключается въ томъ, чтобы довести страну въ ея земельныхъ отношеніяхъ по возможности неизмѣненной и въ томъ видѣ, въ какомъ ее засталъ переворотъ, до Учредительнаго Собранія, являющагося тѣмъ распорядителемъ, тѣмъ строителемъ, которому и надлежитъ рѣшить аграрный вопросъ. Срокъ созыва его опредѣленъ и уже послѣдовало объявленіе, когда оно должно собраться. Эта большой важности мѣра, надо надѣяться, оказала успокоеніе на мѣстахъ и укрѣпила надежду, что Собраніе будетъ непремѣнно и скоро созвано. Я высказывалъ уже въ своемъ вступительномъ словѣ, что, по дошедшимъ къ намъ сообщеніямъ съ мѣстъ, не вездѣ на Руси благополучно, да, вонятно, и не могло въ данныхъ условіяхъ быть благополучно. При семъ вашемъ желаніи, при всемъ стремленіи умиротворить разбушевавшуюся стихію, это дѣло въ высшей степени трудное и едва ли вполнѣ исполнимое. Это совершенно ясно и понятно. Но во всякомъ случаѣ вамъ необходимо выявить все свое стремленіе и искреннее желаніе, направивъ всѣ свои силы на возможное умиротвореніе на мѣстахъ и на возможное удержаніе отношеній въ предѣлахъ того, какъ они существуютъ. Надо учитывать при томъ, конечно, измѣненія, какія внесены въ эти отношенія за послѣднее время продовольственными нуждами и правительственными распоряженіями, вызванными требованіями военнаго времени. Тѣмъ не менѣе самое существенное условіе для правильнаго рѣшенія аграрнаго вопроса заключается въ томъ, чтобы всѣ наши вычисленія, всѣ наши расчеты не были предпріятіемъ празднымъ. Какъ я указывалъ уже, земельная реформа, какъ бы она задумана ни была самыми разнородными партіями, тѣмъ не менѣе мыслится всѣми, какъ нѣчто цѣльное, имѣющее принять опредѣленныя формы въ жизни по плану, выработанному на основаніи фактическихъ данныхъ, собранныхъ на мѣстахъ. Мы озабочены, вѣроятно, всѣ о томъ, какъ передать трудовому населенію землю сельско-хозяйственнаго назначенія; какъ наиболѣе правильно вычислить количество этой земли и какъ опредѣлить возможно точно число нуждающихся въ ней; но мы мыслимъ и ведемъ всѣ расчеты по отношеніи ко всей странѣ въ цѣломъ. А если жизнь пойдетъ такимъ путемъ, какъ она склонна идти сейчасъ, если въ это крайне трудное, критическое время, переживаемое нами, тѣ или иныя части страны начнутъ откалываться, то этимъ самымъ (говорю это еще разъ) они будутъ разрушать, — не упоминая уже о всѣхъ вреднѣйшихъ политическихъ послѣдствіяхъ, которыхъ я вовсе не касаюсь сейчасъ, — и цѣльность нашего

аграрнаго плана. Если, далѣе, будутъ продолжаться тѣ явленія, которыя, къ сожалѣнію, наблюдаются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сейчасъ, если будетъ происходить произвольное распредѣленіе земли, то это опять таки послужитъ къ явному нарушенію того общаго земельнаго плана, который мы стараемся выработать. Я разсчитываю на то, что Учредительное Собраніе должно собраться въ опредѣленное правительствомъ время; но, гг., событія очень мѣняются, и при томъ мы зависимъ не только отъ нашихъ внутреннихъ событій, а также и отъ фронта, отъ фронта, который играетъ огромную роль въ политической жизни нашей и можетъ сыграть самую ужасную роль въ жизни хозяйственной: онъ можетъ явиться тѣмъ препятствіемъ, которое не только нарушитъ, но и разрушитъ всѣ наши аграрныя предположенія. Возможно ли будетъ Временному Правительству созвать къ концу сентября, какъ оно опредѣлило, Учредительное Собраніе, это зависитъ отъ многихъ неизвѣстныхъ, которыхъ теперь нельзя и предвидѣть. А потому, если дѣйствительно начнетъ распространяться, что, какъ сообщалось, совершилось уже кое-гдѣ, т. е. самовольный захватъ земли, и если пройдетъ болѣе или менѣе продолжительный періодъ времени послѣ такого захвата, то я совсѣмъ не увѣренъ въ томъ, что изъять обратно захваченное будетъ такъ легко, какъ это можетъ казаться. Я и полагаю, что нынѣшніе самовольные захваты могутъ явиться новымъ препятствіемъ къ осуществленію земельной реформы въ числѣ тѣхъ, о которыхъ я говорилъ въ первую сессію. Совершенно очевидно, начала справедливости и равномѣрности раздѣла земли, которыя мы призваны соблюдать, вырабатывая планъ земельной реформы, при самовольномъ распредѣленіи земли не будутъ имѣть мѣста, — что, на мой взглядъ, и явится важнѣйшимъ препятствіемъ къ проведенію задуманнаго нами плана.

Конечно, всѣ вы, сколько бы у васъ ни было желанія и энергіи, не въ состояніи будете всегда предотвратить событій, возникающихъ стихійно и дѣйствующихъ заразительно. Поневолѣ это надо учитывать и съ этимъ приходится считаться. Но позвольте мнѣ быть съ вами искреннимъ и совершенно откровеннымъ. Меня очень огорчили сообщенія, къ счастью ничтожнаго числа лицъ изъ вашего состава, которыя, — какъ мнѣ казалось, — будто бы съ нѣкоторымъ удовлетвореніемъ заявляли о томъ, что такого рода раздѣлъ земли уже происходитъ въ настоящее время и по собственному почину населенія. Если Собраніе тогда прямо не протестовало противъ высказывавшихся такъ, то утѣшаю себя мыслью и позволяю себѣ думать, что большинство изъ васъ все же рѣшительно не согласно съ тѣмъ, что было сказано здѣсь въ первомъ засѣданіи

двумя представителями съ мѣстъ. Я хотѣлъ бы быть убѣжденъ, что остальные не раздѣляютъ этой точки зрѣнія, и не сомнѣваются въ томъ, что для вполнѣ правильнаго и возможно безболѣзненнаго проведенія въ жизнь земельной реформы необходимо въ настоящемъ спокойное ожиданіе, безъ всякаго нарушенія частныхъ правъ и насилія надъ отдѣльными лицами. Само собой разумѣется, въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ быть необходимо вмѣшательство и принятіе всѣхъ тѣхъ мѣръ, которыя мы и сами предлагаемъ къ водворенію, по возможности, болѣе справедливыхъ отношеній и, ради достиженія спокойствія, къ улучшенію иногда крайне тяжелыхъ, совершенно недопустимыхъ арендныхъ отношеній. Такіе исключительные случаи, конечно, принимаются во вниманіе и должны приниматься во вниманіе въ настоящее тревожное время. Но вмѣстѣ съ тѣмъ абсолютно невозможно оправдать ни при какихъ условіяхъ того, на что здѣсь указывалось, — произвола и насилія. Для всѣхъ насъ, конечно, ясно, ничто подобное рѣшительно не допустимо, иначе безусловно невозможно разсчитывать на достиженіе нашей цѣли: правильной передачи земли трудящемуся населенію. Но этого надо непремѣнно достигнуть и достигнуть именно мирными и справедливыми путями.

А. Посниковъ.

УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНІЕ И ПЕТРОГРАДСКІЕ РАЙОННЫЕ ВЫБОРЫ. — ДВѢ СТОРОНЫ МЕДАЛИ.

25-го мая начались работы совѣщанія, призваннаго къ составленію законопроекта объ Учредительномъ Собраніи. Колоссальная важность этой задачи для всѣхъ очевидна. Недостаточно провозгласить принципъ всеобщаго въ самомъ широкомъ смыслѣ, прямого, равнаго и тайнаго голосованія; необходимо опредѣлить неизбѣжныя и при всеобщей подачѣ голосовъ границы избирательнаго права, пріискать наиболѣе раціональный способъ раздѣленія страны на избирательные округа, остановиться на той или другой системѣ выборовъ. У насъ къ этимъ вопросамъ присоединяется, въ виду обстоятельствъ военнаго времени, еще одинъ: организація выборовъ въ арміи и флотѣ, обнимающихъ собою, въ данную минуту, большинство работоспособныхъ мужчинъ въ возрастѣ отъ 18 до 45 лѣтъ. Совѣщаніе, не колеблясь, признало активное избирательное право за всѣми призванными подъ знамена, независимо отъ ихъ возраста, фактическій минимумъ котораго 18 лѣтъ. Явною несправедливостью было бы, въ самомъ дѣлѣ, созданіе какого-либо неравенства между людьми, несущими одинаково отвѣтственную службу, одинаково рискующими здоровьемъ и жизнью для защиты родины. Затѣмъ естественно должна была зайти рѣчь о томъ, слѣдуетъ ли установлять различный возрастный цензъ для военныхъ чиновъ и для остальныхъ гражданъ. Отрицательное отношеніе къ такому различію явилось однимъ изъ аргументовъ въ пользу общаго для всѣхъ пониженія возрастнаго ценза до 18 лѣтъ. Большинствомъ совѣщанія (34 голосами противъ 12) это пониженіе отвергнуто. Главнымъ доводомъ за принятіе для всѣхъ избирателей возрастнаго ценза въ 18 лѣтъ служило указаніе на связанную съ этимъ возрастомъ (для мужчинъ) брачную правоспособность. Если, — спрашивалъ одинъ изъ членовъ совѣщанія, — деревенскій парень, достигшій 18 лѣтъ, „можетъ избрать себѣ подругу на всю жизнь, то неужели онъ менѣе зрѣлъ для участія въ выборахъ лица, которое будетъ вѣдать менѣе существенные для него интересы?“ Но вѣдь если интересы, за-

трагиваемые политическими выборами, „менѣе существенны“ для избирателя, то менѣе активнымъ можетъ быть и напряженіе его воли, менѣе обдуманной — его рѣшимость подать голосъ за то или другое лицо, менѣе устойчивымъ — противодѣйствіе всякимъ постороннимъ вліяніямъ. Свою невѣсту женихъ видитъ передъ собою, знаетъ болѣе или менѣе близко ея семью, ея обстановку, ея прошлое; онъ чувствуетъ, что ошибка въ выборѣ можетъ тяжело отозваться на его судьбѣ. Несравненно менѣе ясенъ для многихъ юношей возможный результатъ выборовъ, неясно иной разъ самое различіе между кандидатами. Важность предстоящаго шага умаляется для избирателя мыслью, что онъ только одинъ изъ многихъ, очень многихъ, что его голосъ — ничтожная единица въ крупной суммѣ. Да и всегда ли очень молодой человѣкъ, особенно въ деревенскомъ быту, самъ избираетъ себѣ „подругу жизни“? Развѣ онъ не подчиняется, сплошь и рядомъ, совѣту родителей или старшихъ родственниковъ — совѣту, иной разъ мало отличающемуся отъ требованія? Не является ли ранній брачный возрастъ пережиткомъ другого, патріархальнаго строя? Не уменьшается ли съ каждымъ годомъ число очень ранніхъ браковъ? Во всякомъ случаѣ ихъ заключается меньше въ городахъ (особенно въ большихъ городахъ), чѣмъ въ деревняхъ, хотя умственная зрѣлость достигается въ первыхъ, говоря вообще раньше, чѣмъ въ послѣднихъ. Если считать достиженіе брачнаго возраста условіемъ избирательнаго права для мужчинъ, то почему же не признавать за нимъ того же значенія и для женщинъ? А вѣдь для нихъ брачный возрастъ наступаетъ въ шестнадцать лѣтъ! Не указываетъ ли это различіе на физіологическія соображенія, служащія основой законодательства о брачномъ возрастѣ? По выраженію одного изъ членовъ совѣщанія, предложеніе понизить возрастный цензъ до 18 лѣтъ вызвано „политической ариѳметикой“, т. е. предположеніемъ о выгодности этой мѣры для нѣкоторыхъ политическихъ партій. Симпатичнымъ расчетъ на неразвитость, на незрѣлость ни въ какомъ случаѣ признанъ быть не можетъ; но болѣе чѣмъ сомнительна и его основательность. Въ какую сторону повернетъ неустойчивый, недозрѣлый избиратель, этого заранѣе предугадать нельзя. При однихъ условіяхъ его будетъ легче направить влѣво, при другихъ — вправо. Наиболѣе нормальнымъ было бы пріуроченіе избирательнаго права къ общему гражданскому совершеннолѣтію, т. е. къ 21 году [1]); но большинство совѣщанія,

[1]) Изъ справки, сообщенной однимъ изъ членовъ совѣщанія, видно, что въ программахъ с. д., с. р. и крестьянскаго союза условіемъ участія въ политическихъ выборахъ предполагалось считать возрастъ не моложе 20 лѣтъ.

отвергнувъ пониженіе возрастного ценза до 18 лѣтъ, все же приняло сравнительно невысокую норму — двадцать лѣтъ. Большого значенія эта уступка не имѣетъ: два года, въ періодъ ранней молодости такой срокъ, въ продолженіе котораго можно значительно увеличить свои знанія и свой политическій опытъ. Конечно, можетъ показаться страннымъ, что способность завѣдывать собственными дѣлами признается наступающею позже, чѣмъ способность участвовать въ общегосударственномъ дѣлѣ; но эта несообразность будетъ устранена, если при предстоящемъ — нужно надѣяться, въ близкомъ будущемъ, — изданіи гражданскаго уложенія гражданское совершеннолѣтіе будетъ пріурочено не къ 21 году, а въ двадцати годамъ. При новомъ политическомъ строѣ умственное развитіе русскихъ гражданъ несомнѣнно пойдетъ ускореннымъ темпомъ, и болѣе раннее освобожденіе отъ правоограниченій, обусловленныхъ возрастомъ, никакихъ неудобствъ представлять не будетъ.

Менѣе важенъ, чѣмъ вопросъ о возрастномъ цензѣ, вопросъ объ изъятіяхъ изъ избирательнаго права. Совѣщаніе поступило совершенно правильно, сведя эти ограниченія къ минимуму. Считать основаніемъ къ устраненію отъ участія въ выборахъ занятіе той или другой предосудительной профессіей, значило бы открыть путь къ разслѣдованіямъ, сопряженнымъ съ опасностью неосторожныхъ или даже сознательно ложныхъ обвиненій. Возникало, между прочимъ, предположеніе, что избирательнаго права должны быть лишены сутенеры; но нелегко было бы установить признаки этой „профессіи“, еще труднѣе — доказать ихъ наличность въ каждомъ данномъ случаѣ. Ничѣмъ не лучше содержателей домовъ терпимости хозяева тайныхъ домовъ свиданій; но явное по отношенію къ первымъ не всегда могло бы быть обнаружено по отношенію къ послѣднимъ... Не только несправедливостью, но и политической ошибкой было бы отвергнутое совѣщаніемъ устраненіе изъ числа избирателей членовъ бывшаго императорскаго дома. Огульныя проскрипціи никогда не приносили пользы тому дѣлу, въ интересахъ котораго онѣ предпринимались. Опасаться появленія на выборахъ нѣсколькихъ частныхъ лицъ, всецѣло утратившихъ свое прежнее привилегированное положеніе, значило бы искусственно, выдѣлять ихъ изъ толпы, среди которой, предоставленныя самимъ себѣ, они, по всей вѣроятности, безслѣдно бы затерялись. Сохраненіе избирательнаго права за членами бывшаго императорскаго дома одинъ изъ ораторовъ совѣщанія назвалъ провокаціей, вызовомъ, брошеннымъ революціонному народу. Но развѣ революція, отрицая и отмѣняя незаслуженныя, явно несправедливыя права, стремится замѣнить ихъ безправіемъ? Развѣ образованіе, въ средѣ правосно-

собныхъ гражданъ, группы лицъ, безправныхъ исключительно въ силу ихъ происхожденія, не можетъ быть истолковано какъ доказательство присущей имъ силы, требующей особыхъ мѣръ предосторожности? Развѣ одною изъ формъ провокаціи, задающейся цѣлью возстановить старый порядокъ, не могли бы стать варіаціи на тему: „не прочна, должно быть, новая власть, если она боится выступленія на выборахъ нѣсколькихъ родственниковъ бывшаго императора?“ Развѣ присутствіе герцога Омальскаго и принца Жуанвильскаго въ французскомъ національномъ собраніи 1871—75 гг. увеличило хоть сколько-нибудь шансы монархической реставраціи?. Опаснымъ можетъ быть, при извѣстныхъ условіяхъ, участіе въ выборахъ такого лица, которое считаетъ себя претендентомъ на престолъ, въ особенности если оно уже раньше открыто выступало въ этомъ качествѣ. Не безъ основанія ставили въ вину французскому учредительному собранію 1848-го года отсутствіе противодѣйствія кандидатурѣ Людовика-Наполеона[1]) въ члены собранія; но почему? Не потому, что онъ принадлежалъ, по рожденію, къ наполеоновскому „императорскому дому“, а потому, что онъ два раза, въ Страсбургѣ и въ Булони, мотивировалъ этою принадлежностью попытки насильственнаго захвата верховной власти. Совершенно послѣдовательно поступаетъ современное французское республиканское правительство, принимая мѣры предосторожности только противъ одного изъ орлеанскихъ принцевъ и одного изъ наполеонидовъ — именно противъ тѣхъ, которые считаютъ и провозглашаютъ себя имѣющими право на французскій престолъ.

Серьезное ограниченіе избирательнаго права проектируется по отношенію къ дезертирамъ. Значительнымъ большинствомъ голосовъ совѣщаніе поручило комиссіи о выборахъ въ арміи и флотѣ выработать правила по этому предмету, при чемъ дезертирами должны быть признаваемы лица, самовольно оставившія свои части съ цѣлью уклониться вовсе отъ военной службы, или отъ службы въ дѣйствующей арміи, или только отъ участія, хотя бы временно, въ военныхъ дѣйствіяхъ.

Особенно оживленный споръ происходилъ въ средѣ совѣщанія по вопросу о системѣ выборовъ. Защитники мажоритарной системы — т. е. выборовъ стараго типа, абсолютнымъ большинствомъ

---

[1]) Нельзя не замѣтить, впрочемъ, что участіе Людовика-Наполеона въ учредительномъ собраніи само по себѣ, въ виду его скудныхъ ораторскихъ и дебатерскихъ способностей, большой опасности не представляло. Дорогу къ престолу проложила для него ошибка учредительнаго собранія, предоставившаго избраніе президента республики не парламенту, а непосредственно народу.

голосовъ, — не отрицали, что пропорціональная система является наиболѣе совершеннымъ политическимъ аппаратомъ; но этотъ аппаратъ, по ихъ мнѣнію, пригоденъ только въ небольшихъ странахъ, населеніе которыхъ достигло довольно высокой степени развитія. Они опасаются, что у насъ выборы по пропорціональной системѣ будутъ всецѣло отданы въ руки партій. Надъ Россіей воцарится партійная гегемонія. „Мы будемъ спрашивать, — сказалъ В. А. Мякотинъ, — кто ты такой: с. д., к. д., с. р., н. с. или прогрессистъ, или кто-нибудь еще; и на эти вопросы намъ должны будутъ отвѣтить десятки милліоновъ избирателей, которые ни с. д., ни к. д., ни с. р., ни н. с.“ Недостатокъ пропорціональной системы — непонятность для избирателей результата выборовъ. Не одна только пропорціональная система дастъ, при томъ, представительство меньшинству. Нѣтъ такого парламента, выбраннаго по мажоритарной системѣ, въ которомъ не было бы меньшинства... По словамъ В. М. Гессена, пропорціональная система отнюдь не ведетъ къ пропорціональному представительству всѣхъ, или большинства, или хотя бы господствующихъ теченій общественной мысли: она даетъ лишь пропорціональное представительство крупныхъ и организованныхъ политическихъ партій. Въ государствѣ, только что вступающемъ на путь свободной политической жизни, въ государствѣ, гдѣ населеніе не успѣло еще распредѣлиться между партіями, пропорціональная система является невозможной. Въ Россіи она создастъ, вмѣсто сословной аристократіи стараго режима, аристократію партійныхъ комитетовъ. В. В. Водовозовъ считаетъ необходимымъ, чтобы каждый избирательный округъ былъ знакомъ съ своимъ депутатомъ, каждый депутатъ зналъ своихъ избирателей, каждый кандидатъ могъ сказать своимъ избирателямъ, чего онъ хочетъ и что имъ обѣщаетъ. Выборы по пропорціональной системѣ вновь создадутъ у насъ искусственное представительство. Можно опасаться, что избранное по этой системѣ Учредительное Собраніе не будетъ пользоваться авторитетомъ; между тѣмъ непропорціональность, обусловливаемая мажориторной системой, такою опасностью, какъ показываетъ столѣтній опытъ, не угрожаетъ. М. С. Аджемовъ полагаетъ, что и при дѣйствій пропорціональной системы избиратели, на самомъ дѣлѣ, будутъ голосовать не за партію, а за лицо, и такимъ образомъ цѣль введенія этой системы достигнута не будетъ. Внутри Россіи должна господствовать мажоритарная система; на окраинахъ возможно установленіе системы пропорціональной. Необходимость различія между мѣстностями признаетъ и одинъ изъ принципіальныхъ защитниковъ пропорціональной системы, С. А. Котляревскій. Кромѣ него изъ числа юристовъ-государственниковъ за пропорціо-

нальную систему говорилъ Н. И. Лазаревскій. Другими сторонниками ея являются представители Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ и партіи соціалистовъ-революціонеровъ, а также представитель арміи. Совѣщаніе, большинствомъ 27 голосовъ противъ 9, высказалось за пропорціональную систему, съ оговоркой, что этимъ не исключается возможность мѣстныхъ отъ нея отступленій.

Въ виду громадности и новизны опыта, предстоящаго Россіи, нелегко стать рѣшительно и всецѣло на сторону одной изъ двухъ противоположныхъ избирательныхъ системъ. Мало убѣдительными, во всякомъ случаѣ, кажутся мнѣ доводы защитниковъ мажоритарной системы. Прежде всего необходимо помнить, что существуютъ два главныхъ способа ея примѣненія: выборы по округамъ (иначе — единоличные выборы) и выборы по спискамъ. Выборы по спискамъ (scrutin de liste) имѣютъ то общее съ пропорціональной системой, что они предполагаютъ существованіе обширныхъ избирательныхъ округовъ и способствуютъ вліянію партій, не исключая однако, возможность избранія, въ одномъ и томъ же округѣ представителей весьма различныхъ, иногда даже противоположныхъ направленій. Такъ, напримѣръ, при общихъ выборахъ въ французское учредительное собраніе 1848-го г. Парижъ избралъ съ одной стороны Ламартина и другихъ умѣренныхъ членовъ временнаго правительства, съ другой — Ледрю-Роллена, вождя республиканцевъ якобинскаго типа, и Луи Блана, руководителя соціалистической люксембургской комиссіи. На дополнительныхъ выборахъ (въ іюнѣ того же года) въ Парижѣ прошли съ одной стороны Прудонъ, Пьеръ Леру, Коссидьеръ, съ другой — Тьеръ и Людовикъ-Наполеонъ. На общихъ выборахъ въ національное собраніе 1871-го г. въ Марсели избраны одновременно легитимистъ Шареттъ и крайній республиканецъ Эскпросъ, ультра-осторожный генералъ Трошю и неудержимо смѣлый Гамбетта; въ департаментѣ Изеры прошли представители всѣхъ состязавшихся между собою партій. Но дополнительныхъ выборахъ (въ іюлѣ того же года) депутатами отъ Парижа избраны пять испытанныхъ республиканцевъ, пять послѣдовательныхъ монархистовъ и одиннадцать умѣренныхъ консерваторовъ, готовыхъ стать на сторону республики. Отсюда, однако, отнюдь не слѣдуетъ, чтобы при выборахъ по спискамъ можно было разсчитывать на болѣе или менѣе правильное распредѣленіе депутатскихъ мѣстъ между представителями различныхъ партій; при условіяхъ, не благопріятствующихъ компромиссамъ, при значительномъ численномъ преобладаніи одной партіи ей легко можетъ достаться побѣда, ничего не дающая всѣмъ остальнымъ или оставляющая для нихъ очень и очень мало. Чѣмъ обширнѣе избирательный округъ (а у насъ, при выборахъ по спи-

скамъ, округа несомнѣнно были бы очень велики), тѣмъ менѣе возможно осуществленіе тѣхъ условій, которыя намѣчались въ совѣщаніи защитниками мажоритарной системы. Избиратели и кандидаты рѣдко знали бы другъ друга, рѣдко вступали бы въ непосредственныя сношенія, рѣдко давали бы и выслушивали бы личныя обѣщанія; вниманіе избирателей было бы обращено, главнымъ образомъ, не на личныя свойства кандидатовъ, а на принадлежность ихъ къ той или другой партіи; списки кандидатовъ изготовлялись бы партіями, самостоятельная ихъ повѣрка избирателями была бы тѣмъ труднѣе, чѣмъ больше число избираемыхъ округомъ депутатовъ и, слѣдовательно, число претендентовъ на избраніе.

Иное значеніе имѣютъ аргументы сторонниковъ мажоритарной системы, разъ что они сводятся къ защитѣ единоличныхъ выборовъ [1]), пріуроченныхъ къ небольшимъ избирательнымъ округамъ (въ Франціи, напримѣръ, выборы происходятъ не по департаментамъ, а по arrondissements, т. е. подпрефектурамъ). Здѣсь, въ самомъ дѣлѣ, возможно и даже вѣроятно непосредственное соприкосновеніе избирателей съ кандидатами, возможна роль личности, перевѣшивающая значеніе партійной окраски. Но развѣ это не представляетъ значительныхъ неудобствъ, открывая широкое поле для личныхъ вліяній — часто болѣе опасныхъ, чѣмъ партійныя — выдвигая на первый планъ „интересы колокольни“ и, вмѣстѣ съ ними, такъ называемыя, célébrités de clocher, затрудняя избраніе людей широко извѣстныхъ въ странѣ, но ни съ какою опредѣленною мѣстностью непосредственно не связанныхъ, понижая, слѣдовательно, умственный уровень парламента? Недаромъ Гамбетта боролся такъ упорно за возстановленіе scrutin de liste, отмѣненнаго въ 1875 г. Ему не удалось достигнуть этой цѣли; выборы по спискамъ были вновь введены лишь послѣ его смерти, но вскорѣ (1889) вновь отмѣнены, чтобы предупредить создаваемую ими возможность избранія одного и того же лица сразу во многихъ департаментахъ [2]). Въ господствѣ системы единоличныхъ выборовъ многіе расположены видѣть одну изъ причинъ сравнительно мало выдающагося, въ

[1]) Это названіе нельзя понимать буквально: при выборахъ по округамъ возможно предоставленіе тому или другому округу, особенно крупному и многолюдному, права избранія двухъ депутатовъ, или дѣленіе округа, на двѣ части, изъ которыхъ каждая избираетъ своего депутата.

[2]) Этимъ путемъ генералъ Буланже хотѣлъ, повидимому, подготовить свою диктатуру. Противъ опасности, сопряженной съ множественными выборами — опасности болѣе воображаемой, чѣмъ реальной, — существуетъ, однако, другое, менѣе радикальное средство, къ которому и прибѣгло наше совѣщаніе: признаніе дѣйствительными выборовъ одного и того же лица не болѣе, какъ въ п я т и округахъ.

теченіе послѣднихъ десятилѣтій, состава французской палаты депутатовъ. Не вдаваясь въ подробный разборъ этого мнѣнія, достаточно замѣтить, что на почвѣ единоличныхъ выборовъ легко утрачивается личная независимость депутатовъ и растетъ настойчивость не всегда безкорыстныхъ требованій, предъявляемыхъ къ нимъ вліятельными туземцами. А между тѣмъ, партійное воздѣйствіе имѣется налицо и при этой системѣ: и въ небольшомъ округѣ кандидаты выступаютъ, бо́льшею частью, при поддержкѣ партіи, ею рекомендуются и проводятся, передъ нею принимаютъ на себя тѣ или другія, прямо выраженныя или разумѣющіяся сами собою обязательства. Почему, наконецъ, исходъ единоличныхъ выборовъ всегда слѣдуетъ считать понятнымъ, исходъ пропорціональныхъ выборовъ — всегда непонятнымъ или мало понятнымъ для избирателей? Не легко, быть можетъ, усвоить себѣ всѣ детали расчета, требуемаго тою или другою разновидностью пропорціональной системы; но развѣ трудно уразумѣть, что бо́льшему числу поданныхъ голосовъ должно соотвѣтствовать и бо́льшее число депутатскихъ мѣстъ? Что страннаго, напримѣръ, въ томъ, что соціалисты разныхъ оттѣнковъ, собравъ на районныхъ выборахъ въ Петроградѣ, 27, 28 и 29 мая, почти въ пять разъ больше голосовъ, чѣмъ конституціоналисты-демократы, получили приблизительно во столько же разъ большее число голосовъ въ районныхъ думахъ? Конечно, введеніе пропорціональной системы выборовъ будетъ способствовать распредѣленію большинства русскихъ гражданъ между политическими партіями: но вѣдъ въ свободной странѣ этотъ процессъ совершенно неизбѣженъ, и ускоренный темпъ его — если въ немъ отсутствуетъ элементъ насилія — никакой опасностью не угрожаетъ. Можно, притомъ, не быть членомъ партіи, не подчиняться ея дисциплинѣ, но сочувствовать, въ общемъ, ея программѣ и идти вмѣстѣ съ нею на выборахъ. При мажоритарной системѣ и выборахъ по округамъ избиратель сплошь и рядомъ бываетъ вынужденъ подать голосъ не за того, чьимъ мнѣніямъ онъ всего больше сочувствуетъ, а за того, кто ему сравнительно менѣе антипатиченъ, чѣмъ другой или другіе. Особенно часто это случается при перебаллотировкахъ, когда дѣло рѣшается относительнымъ большинствомъ голосовъ. Пропорціональная система въ такое неудобное положеніе избирателя не ставитъ; его голосъ во всякомъ случаѣ идетъ въ пользу тѣхъ, чью сторону онъ держитъ, и пропадаетъ даромъ только въ такомъ случаѣ, если ихъ слишкомъ уже немного. Конечно, людей мало энергичныхъ или мало озабоченныхъ общественнымъ дѣломъ слабость партіи, которой они сочувствуютъ, можетъ расположить къ индифферентизму, къ уклоненію отъ участія въ выборахъ; но другихъ, наоборотъ, та же причина можетъ побудить

къ напряженію всѣхъ силъ, съ цѣлью увеличить численность и, слѣдовательно, избирательные шансы партіи.

Огромное, высоко цѣнное преимущество пропорціональной системы — сравнительно благопріятное положеніе, создаваемое ею для меньшинства. Не умаляетъ этого преимущества тотъ фактъ, что и въ парламентахъ, выбранныхъ по мажоритарной системѣ, всегда есть представители меньшинства. Да, есть; но въ какое положеніе они часто бываютъ поставлены? Что могла сдѣлать, напримѣръ, та горсть либераловъ, которые составляли всю оппозицію во французской палатѣ депутатовъ временъ Виллеля? Что могли сдѣлать знаменитые п я т ь въ наполеоновскомъ законодательномъ корпусѣ 1857—63 гг.? Конечно, въ первомъ случаѣ слабость оппозиціи объясняется вопіющими недостатками избирательнаго закона, во второмъ — вопіющими злоупотребленіями при его примѣненіи; но при пропорціональной системѣ аннулированіе парламентской самостоятельности не могло бы быть столь полнымъ, потому что и въ тѣхъ округахъ, гдѣ торжествовали правительственные любимцы, подавались же голоса за оппозиціонныхъ кандидатовъ... На чемъ основывается, далѣе, предположеніе, что настоящимъ авторитетомъ можетъ пользоваться только Учредительное Собраніе, выбранное по мажоритарной системѣ? Историческій опытъ этого предположенія не подтверждаетъ. Великъ ли былъ авторитетъ французскаго учредительнаго собранія 1848-го года, противъ котораго, десять дней спустя послѣ его созыва, пошла походомъ невооруженная, а нѣсколькими недѣлями позже — вооруженная толпа? Великъ ли былъ въ томъ же году авторитетъ франкфуртскаго парламента, берлинскаго національнаго собранія, вѣнскаго учредительнаго рейхстага? Великъ ли, наконецъ, былъ авторитетъ французскаго національнаго собранія 1871—75 гг., не называвшагося учредительнымъ, но бывшаго имъ на самомъ дѣлѣ? Авторитетъ собранія обусловливается не избраніемъ его по старымъ, привычнымъ нормамъ, а обстоятельствами, при которыхъ оно избрано, цѣлями, которыя оно преслѣдуетъ, и средствами, которыми старается ихъ достигнуть. Система избранія важна лишь настолько, насколько она содѣйствуетъ соединенію въ собраніи лучшихъ народныхъ силъ и направленію ихъ на пути, ведущіе къ общему благу. Дать голосъ по возможности всѣмъ теченіямъ, существующимъ въ странѣ, упрочить за ними такую роль, которая соотвѣтствовала бы, приблизительно, ихъ распространенности и углубленности въ средѣ народа — такова задача избирательной системы; обезпечить свободу предвыборной агитаціи и выборной процедуры, оградить избирателей въ одинаковой мѣрѣ отъ давленія сверху и отъ насилія сбоку

или снизу — такова задача правительственной власти. Какъ бы близокъ къ совершенству ни былъ избирательный законъ, онъ не достигнетъ цѣли, если избирательный періодъ будетъ омраченъ безвластіемъ или многовластіемъ, анархіей или насилованіемъ чужой воли.

Съ какими бы неудобствами ни было сопряжено одновременное дѣйствіе двухъ избирательныхъ системъ, у насъ совершенно обойтись безъ него, по всей вѣроятности, не окажется возможнымъ. Едва ли, однако, можно согласиться съ формулой, предложенной однимъ изъ членовъ совѣщанія: „пропорціональная система на окраинахъ, мажоритарная — внутри Россіи“. Мнѣ кажется, что мажоритарная система цѣлесообразна именно на окраинахъ — конечно, не западныхъ, а восточныхъ, гдѣ много инородцевъ, вовсе или почти вовсе еще не затронутыхъ партійной жизнью. Въ центральныхъ областяхъ Россіи введеніе пропорціональной системы едва ли можетъ встрѣтить серьезныя затрудненія.

Въ газетныхъ отчетахъ о совѣщаніи тяжелое впечатлѣніе производятъ слѣдующія слова, сказанныя однимъ изъ сторонниковъ пониженія возрастного ценза до 18 лѣтъ: „Боюсь я, чтобы съ нашимъ проектомъ со всѣми этими ограниченіями не случилось того же, что случилось съ приговоромъ относительно лачуги (?) несчастной (?) Кшесинской“. Если смыслъ этихъ словъ заключается въ томъ, что въ выборахъ фактически, „явочнымъ порядкомъ“, могутъ принять участіе устраненные отъ нихъ закономъ, то цѣлесообразно ли вносить въ обсужденіе одного изъ важнѣйшихъ законопроектовъ сомнѣніе въ его исполнимости, въ воспріятіи имъ той силы, которая должна быть присуща закону? Не похоже ли это на попытку убѣдить сторонниковъ извѣстной мѣры въ тщетѣ ихъ усилій, въ неотвратимости сопротивленія, о которое она должна разбиться? Что ожидаетъ Россію, если выборы въ Учредительное Собраніе будутъ происходить не на основаніи строго продуманнаго, тщательно взвѣшеннаго закона, а подъ воздѣйствіемъ стихійныхъ силъ, случайныхъ, произвольныхъ рѣшеній? Неужели нашей родинѣ предстоитъ это испытаніе, еще болѣе тяжкое, чѣмъ всѣ перенесенныя и переносимыя ею въ послѣднее время?

О результатѣ петроградскихъ выборовъ въ районныя думы можно судить весьма различно, но едва ли можно обращать его въ аргументъ противъ пропорціональной избирательной системы. Выше уже было замѣчено, что „непонятнаго“ въ немъ нѣтъ ничего: данныя предпосылки необходимо должны были привести къ дан-

ному исходу. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что при мажоритарной системѣ во всѣхъ районахъ (кромѣ выборгскаго) побѣда осталась бы всецѣло за с.-д. меньшевиками и соц.-революціонерами, съ полнымъ устраненіемъ партіи народной свободы и, тѣмъ болѣе, всѣхъ остальныхъ... Само собою разумѣется, что обстановка, при которой происходили петроградскіе районные выборы, нормальною названа быть не можетъ. Не только при районныхъ, но и при общегородскихъ или общеземскихъ выборахъ, на первомъ планѣ должны стоять мѣстные интересы; партійнымъ политическимъ вопросамъ можетъ быть отведена только второстепенная роль; рѣшающее значеніе должно принадлежать хозяйственнымъ задачамъ и практическимъ пріемамъ ихъ осуществленія. Техническіе навыки и знанія важнѣе въ этой области, чѣмъ партійный символъ вѣры. Къ районнымъ думамъ все это тѣмъ болѣе примѣнимо, что онѣ не имѣютъ права установлять налоги и опредѣлять порядокъ ихъ взиманія. И все-таки нельзя удивляться тому, что первые районные выборы оказались насквозь пропитанными политикой. Это была политическая „проба пера“, первая попытка опредѣлить взаимоотношеніе силъ и вывести заключеніе о шансахъ, представляемыхъ ближайшимъ будущимъ. Способствовала этому и многочисленность въ Петроградѣ, въ данную минуту, военнаго элемента, очень мало заинтересованнаго въ преуспѣяніи той или другой части города, но насквозь проникнутаго политическою страстью. Всѣмъ этимъ результатъ выборовъ былъ въ значительной степени предрѣшенъ, и противъ него нельзя было бы сказать ни слова, если бы можно было быть увѣреннымъ, что ничѣмъ и никѣмъ не была нарушена правильность голосованія и избирательная свобода. Къ несчастію, не о томъ свидѣтельствуетъ дѣйствительность. Достаточно припомнить одинъ изъ печальныхъ эпизодовъ избирательной кампаніи — задержаніе солдатами на улицѣ въ литейномъ районѣ, 28-го мая, представителей партіи народной свободы, доставка ихъ въ полковой комитетъ Волынскаго полка, будто бы запретившій (!) агитацію этой партіи, затѣмъ нашествіе на бюро партіи и уничтоженіе партійной литературы. При первомъ разборѣ во временномъ судѣ возникшаго по этому поводу дѣла одинъ изъ двухъ обвиняемыхъ ирерывалъ свидѣтелей, грозилъ обвинителю. Ко второму, окончательному разбору явился только другой обвиняемый; первый долженъ былъ до суда выѣхать изъ Петрограда, по требованію своего начальства. Временный судъ призналъ явившагося обвиняемаго виновнымъ въ нарушеніи свободы выборовъ и въ самоуправствѣ и присудилъ его къ аресту на одинъ мѣсяцъ. Когда, по объявленіи приговора, обвинитель заявилъ суду просьбу о неприведеніи его

въ исполненіе, судья, посовѣтовавшись съ членами суда отъ солдатъ и отъ рабочихъ, обратился къ осужденному съ слѣдующими словами: „Потерпѣвшіе освободили васъ отъ наказанія. Временный судъ поручилъ мнѣ разъяснить вамъ, что въ свободной Россіи всякій гражданинъ и всякая партія могутъ свободно вести свою агитацію. Тотъ, кто препятствуетъ этому, является первымъ нарушителемъ свободы. Всѣ граждане должны объединиться для защиты свободы совѣсти, слова, печати, неприкосновенности личности, жилища, добытыхъ съ такимъ трудомъ. Эти свободы должны охраняться всѣми гражданами. Идите и помните объ этомъ". Прекрасныя слова, но какъ печально, что ихъ пришлось произносить въ столицѣ свободнаго государства! И сколько случаевъ подобнаго или еще худшаго насилія остались безвѣстными, не встрѣтивъ ни реальнаго, ни идейнаго противодѣйствія! Какая громадная работа предстоитъ власти, обществу, народу, чтобы распространить и укрѣпить въ широкихъ массахъ трезвое пониманіе свободы, создаваемыхъ ею правъ и налагаемыхъ ею обязанностей!

Кто помнитъ первые дни пробужденія русскаго общества послѣ крымской войны, первые порывы, первыя остановки, первые шаги назадъ; кто пережилъ вторую, блѣдную зарю реформъ и послѣдовавшую за нею безконечную политическую ночь 80-хъ и 90-хъ годовъ; кто былъ свидѣтелемъ мгновенной побѣды и длительнаго подавленія первой русской революціи — тотъ не можетъ не сознавать съ особенною ясностью всю громадность результатовъ, уже достигнутыхъ великимъ февральскимъ переворотомъ. Въ теченіе немногихъ недѣль сдѣлано то, для чего при другихъ, даже не слишкомъ неблагопріятныхъ условіяхъ, потребовались бы долгіе годы. Одинъ за другимъ разрубаются гордіевы узлы, распутыванье которыхъ или вовсе не ставилось на очередь, или едва подвигалось впередъ, то отрицаемое въ принципѣ, то всячески задерживаемое въ дѣйствительности. Какимъ далекимъ казалось еще недавно уравненіе передъ закономъ всѣхъ національностей, населяющихъ Россію — и, тѣмъ болѣе, проведеніе равенства ихъ въ жизнь, устраненіе не только юридическихъ, но и фактическихъ преградъ, разставленныхъ на пути къ реальному пользованію номинально признанными правами! Можно ли было думать, что евреи, столь тщательно устраненные отъ участія въ государственной и общественной дѣятельности, сразу получатъ доступъ въ высшія ея сферы? Можно ли было ожидать справедливаго отношенія къ мѣстнымъ, въ большей или меньшей степени опальнымъ языкамъ?

Какое противодѣйствіе не только со стороны старой, ничего не казабывшей и ничему не научившейся власти, но и со стороны законодательныхъ учрежденій стараго типа встрѣтила бы мысль объ автономіи тѣхъ или другихъ областей Россіи? Легко ли было бы добиться уничтоженія всѣхъ путъ, которыми, послѣ мимолетной свободы, была связана Финляндія?.. Въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій не исправленными оставались самые вопіющіе недостатки, непополненными — самые очевидные пробѣлы мѣстнаго самоуправленія. Надъ городами и земствами тяготѣли законы, изданные съ спеціальною цѣлью ихъ порабощенія. Въ проекты преобразованій, едва двигавшіеся съ мѣста, заботливо переносились черты, выгодныя только для небольшого меньшинства. Упорно отстаивались куріи, какъ необходимая принадлежность искусственной до уродливости избирательной системы. Только на бумагѣ, и то не вполнѣ, проведено было уравненіе крестьянства съ другими сословіями. Прошло полвѣка со времени крестьянской реформы, а логически вытекавшая изъ нея всесословная волость все еще оставалась въ области благихъ пожеланій. Отвергнутая, за нѣсколько недѣль до великой войны, верхней палатой, она была вновь проектирована Думой въ крайне неудачной формѣ — и все-таки легко могла подвергнуться новому крушенію. Незыблемой казалась полицейская твердиня, немыслимой — передача полицейскихъ функцій въ руки мѣстной выборной власти. А между тѣмъ всѣ эти ларчики открывались очень просто — и они всѣ незамедлительно были открыты Временнымъ Правительствомъ... Еще крѣпче, чѣмъ за остановленные въ своемъ развитіи, оторванные отъ почвы органы мѣстнаго самоуправленія старый порядокъ держался за учрежденіе, никогда никакой почвы подъ собой не имѣвшее, какъ острый клинъ врѣзавшееся въ народный бытъ и тщетно старавшееся привить къ нему чуждыя ему начала. Нескоро, при обычномъ ходѣ событій, можно было бы дождаться упраздненія земскихъ начальниковъ: какъ администраторы, они несомнѣнно уцѣлѣли бы и послѣ повсемѣстнаго введенія мирового суда, да и введеніе его не изъ-за нихъ ли, отчасти, шло впередъ такимъ черепашьимъ шагомъ?

Нѣсколько больше, чѣмъ мѣстному самоуправленію, посчастливилось, въ послѣдніе годы стараго строя, мѣстному суду. Законъ 1912-го года возстановилъ одну изъ главныхъ основъ великой судебной реформы, грубо уничтоженную во время ломки восьмидесятыхъ годовъ: отдѣленіе судебной власти отъ административной. Не безъ существеннаго искаженія, но все же вновь былъ призванъ къ жизни мировой судъ, съ сохраненіемъ, однако, подлѣ него по

прежнему крайне несовершеннаго спеціально крестьянскаго суда. Объ удаленіи другихъ болѣзненныхъ новообразованій, привитыхъ въ годы реакціи, къ судебному организму, тѣмъ болѣе — объ устраненіи всего того, что съ самаго начала не соотвѣтствовало въ немъ истиннымъ требованіямъ правосудія, — не было и не могло быть рѣчи, пока царилъ режимъ, проникнутый преданіями и привычками произвола. Въ лучшемъ случаѣ попытки пересмотра судебныхъ уставовъ затягивались на долгіе годы и не приводили ни къ чему, въ худшемъ — обостряли расхожденіе закона съ новыми условіями жизни. При новомъ режимѣ тотчасъ же началась и быстро идетъ работа, не только возвращающая все цѣнное, потерянное въ теченіе полувѣка, но и поднимающая судебный строй и судебные порядки на ту высоту, на которую они не могли, по причинамъ политическаго характера, стать сразу. Не менѣе ясно, чѣмъ въ области судоустройства и судопроизводства, основной порокъ самодержавнаго режима чувствовался и въ области матеріальнаго права. Въ продолженіе четырнадцати лѣтъ новое уголовное уложеніе, успѣвшее за это время стать старымъ — старымъ не только по времени, но отчасти и по содержанію, — оставалось висящимъ на воздухѣ, ненормально сочетаясь съ совсѣмъ уже одряхлѣвшимъ уложеніемъ 1845-го года. Примѣнялись на практикѣ только наименѣе удовлетворительные, но именно потому наиболѣе удовлетворявшіе старую власть отдѣлы новаго кодекса. О необходимости положить конецъ „двухзаконію“ говорилось не мало, но не дѣлалось для этого почти ничего. Теперь работа кипитъ — и первымъ, почти немедленно послѣ революціи достигнутымъ ею результатомъ была полная отмѣна смертной казни. Можно надѣяться, что въ скоромъ времени у насъ будетъ дѣйствовать одно уголовное уложеніе, пересмотрѣнное и приспособленное къ свободному государственному строю. На основѣ продиктованныхъ доконституціонными взглядами постановленій уголовнаго уложенія подчинявшіеся закулиснымъ вліяніямъ суды постановили длинный рядъ рѣшеній, послѣдствіемъ которыхъ являлось — не говоря уже о тяжкихъ карахъ, — политическое безправіе осужденныхъ. Напрасно, въ теченіе многихъ лѣтъ, ожидалась амнистія или, по меньшей мѣрѣ, отмѣна закона, въ силу котораго наказаніе, не сопряженное съ пораженіемъ правъ, влекло за собою цѣлый рядъ правоограниченій; напраснымъ это ожиданіе, по всей вѣроятности, продолжало бы быть и при частичной перемѣнѣ къ лучшему въ политической обстановкѣ. Но не прошло и нѣсколькихъ дней послѣ переворота — и въ среду свободныхъ и полноправныхъ гражданъ сразу были возвращены тысячи узниковъ и изгнанни-

новъ, сотни лицъ, искусственно оторванныхъ отъ активной политической жизни.

Слишкомъ долго было бы перечислять всѣ области законодательства, въ которыхъ повѣяло новымъ духомъ и сдѣлалось возможнымъ стремленіе къ давно намѣченнымъ, но лишь вдали виднѣвшимся цѣлямъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что при старомъ порядкѣ не скоро сдвинулся бы съ мертвой точки такой громадный законодательный трудъ, какъ давно законченное и затѣмъ точно забытое гражданское уложеніе. Только теперь мыслимо обновленіе его содержанія, мыслимъ пересмотръ его не только для редакціонныхъ, техническихъ поправокъ; только теперь въ немъ могутъ найти мѣсто дѣйствительно жизненныя постановленія о супружескомъ союзѣ, о разводѣ, о личномъ наймѣ, о многихъ институтахъ имущественнаго права. Не говорю уже о радикальныхъ перемѣнахъ, которыя должно внести въ него разрѣшеніе вѣкового земельнаго вопроса... Насколько должно и можетъ развиться въ ширь и въ глубь рабочее законодательство — это не требуетъ поясненій. Всестороннее измѣненіе отношеній между гражданами и властью влечетъ за собою совершенно новую постановку вопроса объ административной юстиціи. Затрудненій на всѣхъ этихъ дорогахъ предстоитъ, безъ сомнѣнія, не мало; но они будутъ имѣть совершенно другой характеръ, чѣмъ встрѣчавшіяся до сихъ поръ, потому что будутъ исходить не изъ узко понятыхъ и упорно защищаемыхъ интересовъ одного или немногихъ.

Преобразованіе финансовой системы, тяжело удручавшей массу, слишкомъ легко затрогивавшей состоятельное меньшинство, цѣлыя десятилѣтія не выходило изъ круга робкихъ, слабыхъ начинаній. Единственнымъ серьезнымъ шагомъ впередъ было состоявшееся въ прошломъ году, подъ давленіемъ военныхъ обстоятельствъ, введеніе прогрессивнаго подоходнаго налога. Теперь дорога впередъ открыта, препятствія устранены; старая нерѣшительность, за которою сплошь и рядомъ скрывалась боязнь конфликта съ вліятельными сферами, должна и можетъ уступить мѣсто смѣлой предпріимчивости. То же самое слѣдуетъ сказать и о народномъ образованіи. Въ глазахъ павшей власти опаснымъ былъ численный ростъ училищъ и учащихся, еще опаснѣе — свобода преподаванія. Для новой власти подобныхъ опасеній не существуетъ.

Главными своими устоями старый режимъ считалъ войско и духовенство. Армія была его мірскимъ, православная церковь — его духовнымъ орудіемъ. Для пользованія какъ тѣмъ, такъ и другимъ необходима была покорность волѣ начальства. Размышлять ни тамъ, ни тутъ не полагалось. Важное значеніе признавалось за

техническими усовершенствованіями, отчасти — за улучшеніемъ матеріальнаго быта, но отнюдь не за подъемомъ духа, невозможнымъ безъ нѣкоторой свободы. Новый строй увидѣлъ въ солдатѣ человѣка; дисциплину, основанную на строѣ, онъ рѣшился замѣнить дисциплиной, основанной на убѣжденіи. Съ церкви онъ снялъ вѣками лежавшія на ней узы — и этого было достаточно, чтобы въ короткое время сдѣланы были первые шаги къ избранію священниковъ — прихожанами, епископовъ — не только священниками, но и міянами. Въ ближайшемъ будущемъ можно ожидать реформы прихода, о которой до сихъ поръ только говорили, и созыва собора, который былъ поставленъ на очередь двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, но къ осуществленію котораго не было сдѣлано ни одного серьезнаго шага. Въ короткое время вершины церкви были очищены отъ гнилыхъ элементовъ, долго служившихъ источниками соблазна. Исчезли послѣдніе слѣды стѣсненій, коренившихся въ различіи вѣроисповѣданій; немыслимымъ стало повтореніе такихъ явленій, какъ практиковавшееся еще недавно преслѣдованіе баптистовъ. И не одна только религіозная свобода нашла признаніе въ актахъ Временнаго Правительства. Въ первые же дни своего существованія оно провозгласило неприкосновенность жилища, свободу слова, печати, обществъ и собраній. Само собою перестало дѣйствовать „временное“ положеніе объ усиленной и чрезвычайной охранѣ, болѣе тридцати пяти лѣтъ тяготѣвшее надъ Россіей. Всѣ провозглашенныя свободы получили широкое примѣненіе въ дѣйствительности. Собранія происходятъ не только въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, но и на улицахъ и площадяхъ; число обществъ и союзовъ постоянно растетъ; значительно увеличилось число періодическихъ изданій, въ особенности — изданій той окраски, которая при старомъ режимѣ была фактически запретной. До половины іюня не было возбуждено ни одного преслѣдованія за преступленіе печати.

Такова одна, ослѣпительно блестящая сторона медали. Есть къ несчастію, и другая.

Какъ ни быстро, сравнительно, совершалось обновленіе административнаго строя, вызванное переворотомъ общее возбужденіе наростало еще быстрѣе. То тамъ, то тутъ появлялись, не ожидая полномочій сверху, самочинныя организаціи, бравшія на себя, въ тѣхъ или другихъ формахъ и размѣрахъ, съ соблюденіемъ тѣхъ или другихъ условій, функціи фактически или юридически упраздненныхъ учрежденій и должностныхъ лицъ. Само по себѣ это было бы небольшою бѣдою, иногда — даже услугой, оказанной порядку, — если бы само-

произвольно создавшіяся власти тотчасъ же, безъ противодѣйствія, уступили мѣсто своимъ правомочнымъ преемникамъ. Но это происходило не вездѣ; въ однихъ случаяхъ наступало болѣе или менѣе продолжительное многовластіе, въ другихъ дѣло доходило до прямого неповиновенія центральному Правительству. Въ разныхъ мѣстахъ Россіи слагались своеобразныя „республики“, до крайности затруднявшія безъ того уже тяжелое положеніе страны. Слишкомъ хорошо извѣстна роль, которую сыгралъ и продолжаетъ играть Кронштадтъ, какъ своего рода государство въ государствѣ. Почти нигдѣ еще не дѣйствуютъ правильно избранныя, на основѣ новыхъ законовъ, новыя городскія, земскія, волостныя учрежденія. Единственное исключеніе составляютъ петроградскія районныя думы, къ которымъ на-дняхъ должны присоединиться петроградская и московская временныя центральныя городскія думы. Общій характеръ картины этимъ къ лучшему не измѣняется: ненормально совершились выборы въ районныя думы, ненормально произошелъ роспускъ прежней центральной петроградской думы. Не соотвѣтствуетъ пока своему назначенію вновь образованная милиція, унаслѣдовавшая права и обязанности полицейскихъ властей, но недостаточно возвысившаяся надъ ихъ уровнемъ. Сложный и трудный вопросъ объ областныхъ автономіяхъ, входящій всецѣло въ кругъ дѣйствій Учредительнаго Собранія, предрѣшается для значительной части государства „универсаломъ“ украинской „рады“. Финляндія не удовлетворяется, повидимому, возвращеніемъ ей всего отнятаго у него старымъ режимомъ. Кое-гдѣ появляются признаки настроенія, въ былые годы становившагося источникомъ еврейскихъ погромовъ.

Самый идеальный судебный строй, самый образцовый судебный процессъ, самое совершенное матеріальное право цѣнны лишь настолько, насколько никто не можетъ быть привлеченъ къ суду иначе, какъ компетентною властью, въ установленномъ для того порядкѣ, не можетъ быть подвергнутъ отвѣтственности или лишенъ принадлежащаго ему права иначе, какъ компетентнымъ судомъ, на основаніи примѣнимаго къ данному случаю закона. Далеко не вездѣ эти простѣйшія начала сознаются и примѣняются у насъ въ настоящее время. Обвинительныя, слѣдственныя и судебныя функціи присваиваются лицами или учрежденіями, закономъ къ тому не призванными; декретируемое ими лишеніе свободы длится цѣлые мѣсяцы, иногда вопреки прямо заявленному законному требованію законной власти; нарушаются безспорныя права частныхъ лицъ, не возстановляемыя даже послѣ состоявшагося и вступившаго въ силу судебнаго о томъ рѣшенія. Съ другой стороны, распространяется самосудъ толпы, не только заканчиваю-

щійся фактически смертью виновнаго (или невиновнаго, какъ въ извѣстномъ случаѣ съ техникомъ Андреевымъ), но иногда выливающійся — какъ недавно въ Кронштадтѣ — въ форму сознательно произнесеннаго и сознательно исполненнаго смертнаго приговора. Реальнымъ благомъ улучшеніе нашего законодательства, какъ бы далеко оно ни шло на бумагѣ, станетъ только тогда, когда произволъ вездѣ и во всемъ уступитъ мѣсто праву и охрана права не будетъ встрѣчать трудно преодолимыхъ препятствій.

Въ финансовой области повышеніе прежнихъ и введеніе новыхъ налоговъ парализуется въ значительной степени, слабымъ ихъ поступленіемъ и непомѣрнымъ ростомъ расходовъ. Что мѣшало и отчасти мѣшаетъ до сихъ поръ водворенію въ рядахъ арміи новой дисциплины, что уменьшило ея боеспособность и замедлило, тѣмъ самымъ, окончаніе войны — это слишкомъ хорошо извѣстно. Въ пустой звукъ обращается слишкомъ часто свобода слова — подъ вліяніемъ угрозъ, легко переходящихъ въ дѣйствіе, свобода печати — вслѣдствіе захвата типографій или отказа въ наборѣ рукописей, свобода собраній — вслѣдствіе нашествія враждебно настроенной толпы, свобода партійныхъ агитаторовъ — вслѣдствіе вторженія въ избирательное бюро, неприкосновенность жилища — вслѣдствіе легко совершаемаго и нелегко прекращаемаго занятія чужихъ помѣщеній. И здѣсь за чрезмѣрнымъ вытягиваніемъ струны въ одномъ направленіи слѣдуетъ иногда рѣзкое движеніе ея въ другомъ, противоположномъ. Не примѣняемыя болѣе властью мѣры усиленной или чрезвычайной охраны пускаются въ ходъ помимо нея, доходя иной разъ (напр. въ Томскѣ) до провозглашенія осаднаго положенія... А между тѣмъ, въ будущемъ, теперь уже близкомъ, предстоитъ созывъ Учредительнаго Собранія. Что ему, и только ему одному, принадлежитъ рѣшеніе судебъ Россіи — это признается съ самыхъ различныхъ сторонъ. Столь же несомнѣнно и то, что все сдѣланное и дѣлаемое Временнымъ Правительствомъ укрѣпляетъ почву, на которой будетъ строиться зданіе новой, свободной Россіи. Логическій выводъ отсюда — устраненіе всего того, что, тормозя работу власти, созданной революціею и поддерживаемой организованными силами русской демократіи, грозитъ успѣху великаго дѣла. Не всегда однако торжествуетъ логика, и съ надеждой невольно смѣшивается опасеніе за будущее. Какъ бы ни были утомлены глаза долголѣтняго наблюдателя русской жизни, не такое теперь время, чтобы они могли закрыться спокойно.

P. S. Къ мрачнымъ сторонамъ картины, набросанной въ концѣ настоящей статьи, присоединились другія, еще болѣе мрачныя. За печальными событіями предпослѣдней іюньской недѣли послѣдовали ужасныя событія 3 и 4 іюля. Возникаетъ зато надежда, что самый избытокъ зла откроетъ путь къ его устраненію.

К. Арсеньевъ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Споры о внѣшней политикѣ Россіи и о цѣляхъ войны. — Дипломатическая дѣятельность представителей революціонной демократіи. — Наши отношенія съ союзниками. — Взглядъ иностранныхъ друзей на русскую революцію. — Разныя толкованія русской формулы мира. — Отвѣты кабинетовъ на русскую ноту. — Пересмотръ союзныхъ договоровъ. — Общее политическое положеніе. — Хлопоты о международной конференціи и новый политическій кризисъ. — Нѣмецкія программы мира.

Русская революція, какъ и слѣдовало ожидать, взбудоражила всю Европу и поставила передъ нею цѣлый рядъ чрезвычайно важныхъ принципіальныхъ вопросовъ, публичное обсужденіе которыхъ совершенно не входило въ намѣренія кабинетовъ. Она оживила демократическія массы монархическихъ государствъ, подняла ихъ духъ и напомнила имъ многія забытыя слова ихъ старыхъ политическихъ программъ. Вопреки всѣмъ прецедентамъ, возставшая демократія не встрѣтила никакого сопротивленія и борьбы въ области своихъ главныхъ внутреннихъ задачъ и могла считать заранѣе обезпеченнымъ разрѣшеніе ихъ въ желательномъ для нея смыслѣ. Никто не сомнѣвается, что предстоящее Учредительное Собраніе установитъ у насъ демократическую республику, что частная поземельная собственность будетъ отмѣнена и всѣ земли перейдутъ въ постоянное пользованіе трудового сельскаго населенія, что борьба съ финансовымъ и экономическимъ разстройствомъ, какъ и съ продовольственнымъ кризисомъ, можетъ ограничиваться пока только палліативными средствами, выборъ которыхъ не даетъ матеріала для серьезныхъ разногласій. Рѣзкіе споры возникли лишь относительно направленія и характера внѣшней политики, въ связи съ вопросомъ о войнѣ и о способахъ ея скорѣйшаго прекращенія.

Съ самаго начала революціи проявился непримиримый антагонизмъ во взглядахъ на войну передовыхъ соціалистическихъ партій и болѣе умѣренныхъ политическихъ группъ: первыя рѣшительно высказывались за немедленное выясненіе возможныхъ условій соглашенія и мира съ центральными имперіями, при посредствѣ нѣ-

мецкихъ соціалъ-демократовъ, а вторыя, съ „кадетами“ во главѣ, стояли за необходимость настойчиваго продолженія войны до побѣднаго конца, въ тѣсномъ единеніи съ союзниками, для достиженія тѣхъ общихъ и спеціальныхъ цѣлей, которыя точно опредѣлены въ заключенныхъ съ ними договорахъ. Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ всецѣло раздѣлялъ первую точку зрѣнія, а Временное Правительство — вторую. Наше дипломатическое вѣдомство хотѣло убѣдить себя и другихъ, что ничто не измѣнилось и не должно измѣниться въ области иностранной политики, что возставшая и освобожденная Россія должна дѣйствовать попрежнему, въ духѣ С. Д. Сазонова, сохраняя безусловную вѣрность обязательствамъ, принятымъ на себя царскимъ правительствомъ по отношенію къ союзникамъ. Многимъ казалось, что мы не имѣемъ права возбуждать какіе-либо новые щекотливые вопросы, касающіеся цѣлей войны и условій совмѣстныхъ военныхъ дѣйствій съ союзными державами; значительная часть общества и печати обнаруживала даже какое-то чувство страха передъ союзниками, которые могутъ будто бы разозлиться на насъ и отнестись къ намъ враждебно въ случаѣ если бы мы вздумали уклониться отъ безпрекословнаго исполненія общей союзной программы и стали бы требовать ея пересмотра въ согласіи съ руководящими идеями и принципами русской революціи. Министръ иностранныхъ дѣлъ старался смягчить это настроеніе своими успокоительными заявленіями по адресу союзной дипломатіи; сущность этихъ заявленій сводилась къ тому, что война будетъ съ нашей стороны продолжаться съ неослабной энергіей, безъ всякихъ разсужденій, что Россія не отказывается ни отъ Константинополя и проливовъ, ни отъ расчлененія Австріи во имя освобожденія ея народовъ, и будетъ вести наступательныя операціи по условленному раньше плану. Такого рода перспективы не обѣщали скораго прекращенія войны и совершенно не соотвѣтствовали ожиданіямъ и стремленіямъ народныхъ массъ. Все-таки у насъ произошла величайшая изъ бывшихъ когда-либо революцій, совершился коренной государственный переворотъ, опрокинувшій вверхъ дномъ политическій строй могущественнѣйшей въ мірѣ имперіи и всѣ ея внутреннія соціальныя отношенія, и нельзя было разсчитывать, что этотъ крутой переломъ въ исторіи Россіи не повлечетъ за собою никакихъ перемѣнъ въ характерѣ ея внѣшней политики и въ способахъ ея дальнѣйшаго участія въ антигерманской кампаніи. Пріобрѣвъ свободу, революціонный народъ не могъ идти по старому пути пассивнаго подчиненія и жертвовать собою изъ уваженія къ традиціямъ и договорнымъ обязательствамъ царской власти; онъ требовалъ прекращенія надоѣвшей всѣмъ мучительной и безплодной войны и воз-

мущался призывами мирныхъ патріотовъ къ отправкѣ людей на фронтъ и къ наступленію арміи. Серьезные политическіе дѣятели какъ будто не понимали этой естественной народной психологіи; съ неудовольствіемъ и съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ презрительнаго высокомѣрія отнеслись къ ней наши союзники, для которыхъ неожиданное русское миролюбіе было признакомъ моральнаго упадка и разложенія. Представители союзныхъ странъ смотрѣли на русскую революцію какъ на любопытное и удивительное зрѣлище, не отдавая себѣ отчета въ ея крайне важныхъ и сложныхъ политическихъ послѣдствіяхъ; и они не скрывали своего раздраженія, когда убѣдились, что революціонная демократія сознательно воздерживается отъ активныхъ военныхъ дѣйствій и надѣется на всеобщее добровольное соглашеніе въ пользу мира. Сторонники скорѣйшаго прекращенія войны горячо нападали на тѣхъ, кто находилъ неизбѣжнымъ ея продолженіе, и постепенно проникались непріязнью къ союзникамъ, требовавшимъ отъ Россіи наступленія во что бы то ни стало.

На этой почвѣ разыгрался первый острый кризисъ, пережитый нашей революціею. На первыхъ порахъ обѣ стороны достигли благополучнаго компромисса, который выразился въ актѣ 27 марта подтвердившемъ готовность Правительства идти по пути къ прочному всеобщему миру на основѣ самоопредѣленія народовъ, безъ насильственнаго захвата чужихъ территорій, безъ всякихъ завоевательныхъ плановъ, но въ то же время „съ полнымъ соблюденіемъ всѣхъ обязательствъ, принятыхъ въ отношеніи нашихъ союзниковъ“ Опозиція, повидимому, удовлетворилась этимъ заявленіямъ, хотя и могла замѣтить въ немъ нѣкоторое внутреннее противорѣчіе или неясность: если русская политика отказывается отъ захватныхъ стремленій, то можетъ ли она брать на себя точное соблюденіе тѣхъ союзныхъ обязательствъ, которыя предусматриваютъ задачи и проекты несомнѣнно завоевательнаго характера? Содѣйствовать чужимъ завоеваніямъ, отказавшись отъ собственныхъ имперіалистскихъ цѣлей, было бы слишкомъ нелогично; поэтому вполнѣ естественною являлась мысль о провѣркѣ содержанія союзныхъ договоровъ и о возможномъ ихъ пересмотрѣ. Тѣмъ не менѣе Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ успокоился и выразилъ свое неудовольствіе лишь тогда, когда узналъ, что декларація 27 марта, обращенная „къ гражданамъ“, не была разослана союзнымъ правительствамъ и оставалась имъ официально неизвѣстною. По требованію Совѣта, рѣшено было исправить это упущеніе, и министръ иностранныхъ дѣлъ, съ согласія и одобренія Временнаго Правительства, сообщилъ союзнымъ державамъ текстъ упомянутой декла-

раціи, вмѣстѣ съ сопроводительной нотою, въ которой подробно разъясняется реальный смыслъ посылаемаго документа. Разъясненіе оказалось однако значительно шире и полнѣе, чѣмъ нужно было для непосредственной цѣли, и притомъ оно не совсѣмъ соотвѣтствовало общему духу разъясняемаго заявленія. Въ нотѣ говорилось объ усилившемся „всенародномъ стремленіи довести міровую войну до рѣшительной побѣды“, и о „полной увѣренности въ побѣдоносномъ окончаніи настоящей войны“, и о томъ, что поднятые ею вопросы „будутъ разрѣшены въ духѣ созданія прочной основы для длительнаго мира“, и что „передовыя демократіи найдутъ способъ добиться тѣхъ гарантій и санкцій, которыя необходимы для предупрежденія новыхъ кровавыхъ столкновеній въ будущемъ“. Въ этихъ указаніяхъ усмотрѣны были явные признаки воинственнаго имперіализма, предполагающаго безконечное, упорное продолженіе войны вплоть до проблематическаго разгрома непріятельскихъ армій и до достиженія какихъ-то неопредѣленныхъ „санкцій и гарантій“ въ интересахъ прочнаго мира.

Нельзя отрицать, что опубликованіе подобной „разъяснительной“ ноты при господствовавшемъ тогда настроеніи было большою неосторожностью. Появленіе этого дипломатическаго документа въ газетахъ 20 апрѣля произвело на всѣхъ впечатлѣніе разорвавшейся бомбы. Въ сущности были только повторены старыя шаблонныя слова, которымъ никто уже не придавалъ значенія при старомъ режимѣ: фразы о неизбѣжномъ побѣдоносномъ исходѣ войны и о гарантіяхъ прочнаго мира для будущаго заставляли какъ будто забыть данное положеніе вещей, при которомъ германцы имѣютъ основаніе и возможность считать себя безспорными побѣдителями. Публика отлично понимала, что у насъ нѣтъ ни общественно-политическихъ, ни техническихъ условій для достиженія военнаго торжества надъ Германіею, и что разныя „темныя силы“ хлопочутъ даже о сепаратномъ мирѣ; царскому правительству вообще не вѣрили ни въ чемъ, и его офиціальные лозунги сплошь и рядомъ находились въ полномъ противорѣчіи съ его дѣйствительными намѣреніями и стремленіями. Но при новомъ Правительствѣ, отвѣтственномъ передъ революціоннымъ народомъ, всякое офиціальное заявленіе должно имѣть опредѣленный реальный смыслъ и цѣль, и если министерство иностранныхъ дѣлъ возвѣщаетъ продолженіе войны до рѣшительной побѣды, то этими самымъ оно даетъ понять, что его программа не имѣетъ ничего общаго съ тою жаждою скорѣйшаго мира, которая овладѣла русскимъ обществомъ послѣ революціи. Новому демократическому Правительству не свойственно — и не должно быть свойственно — говорить пустыя слова о такомъ

жизненномъ для страны предметѣ, какъ вопросъ о войнѣ и мирѣ; поэтому изъ указанія на необходимость побѣднаго конца и связанныхъ съ нимъ гарантій можно было сдѣлать только одинъ практическій выводъ, — что о скоромъ мирѣ не можетъ быть и рѣчи, тамъ какъ новая власть серьезно думаетъ продолжать неопредѣленно воинственную политику стараго режима, чтобы исполнить до конца союзныя обязательства, скрываемыя пока отъ представителей русской демократіи. Рабочія массы сильнѣе всего почувствовали ударъ, нанесенный ихъ мечтамъ о мирѣ; онѣ тотчасъ же поднялись изъ разныхъ мѣстъ столицы и ея окрестностей, привлекли на свою сторону нѣкоторыя воинскія части и едва не вызвали кровопролитія своими рѣзкими выступленіями противъ Временнаго Правительства и въ частности противъ министра иностранныхъ дѣлъ. Болѣе уравновѣшенная часть населенія стояла, конечно, за Правительство, и послѣ двухдневныхъ волненій спокойствіе возстановилось, когда въ газетахъ отъ 22-го апрѣля появилось слѣдующее офиціальное сообщеніе:

„Въ виду возникшихъ сомнѣній по вопросу о толкованіи ноты министра иностранныхъ дѣлъ, сопровождающей передачу союзнымъ правительствамъ декларація Временнаго Правительства о задачахъ войны (отъ 27-го марта), Временное Правительство считаетъ нужнымъ разъяснить:

„1) Нота министра иностранныхъ дѣлъ была предметомъ тщательнаго и продолжительнаго обсужденія Временнаго Правительства, при чемъ текстъ ея принятъ единогласно.

„2) Само собою разумѣется, что нота эта, говоря о рѣшительной побѣдѣ надъ врагами, имѣетъ въ виду достиженіе тѣхъ задачъ, которыя поставлены декларацією 27-го марта и выражены въ слѣдующихъ словахъ: „Временное Правительство считаетъ своимъ правомъ и долгомъ нынѣ же заявить, что цѣль свободной Россіи — не господство надъ другими народами, не отнятіе у нихъ національнаго ихъ достоянія, не насильственный захватъ чужихъ территорій до утвержденіе прочнаго мира на основѣ самоопредѣленія народовъ. Русскій народъ не добивается усиленія внѣшней мощи своей за счетъ другихъ народовъ, онъ не ставитъ своей цѣлью ничьего порабощенія и униженія. Во имя высшихъ началъ справедливости имъ сняты оковы, лежавшія на польскомъ народѣ. Но русскій народъ не допуститъ, чтобы родина его вышла изъ великой борьбы униженною и подорванною въ жизненныхъ своихъ силахъ“.

„3) Подъ упоминаемыми въ нотѣ „санкціями и гарантіями“ прочнаго мира Временное Правительство подразумѣвало ограниченіе вооруженій, международные трибуналы и проч.

„Означенное разъясненіе будетъ передано министромъ иностранныхъ дѣлъ посламъ союзныхъ державъ“.

Такимъ образомъ Правительство пошло навстрѣчу требованіямъ рабочихъ и отчасти успокоило оппозицію; тѣмъ не менѣе министръ

иностранныхъ дѣлъ, несмотря на сдѣланную имъ уступку, долженъ былъ вскорѣ выйти въ отставку, такъ какъ ему приписывались почему-то имперіалистическія тенденціи. Для усиленія авторитета и популярности Временнаго Правительства привлечены были въ его составъ представители соціалистическихъ партій, занимавшіе болѣе или менѣе видное положеніе въ Совѣтѣ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. Новое коалиціонное министерство опубликовало 6 мая декларацію, въ которой много мѣста удѣлено международнымъ отношеніямъ. „Во внѣшней своей политикѣ, — говорится въ деклараціи, — отвергая, въ согласіи со всѣмъ народомъ, всякую мысль о сепаратномъ мирѣ, Временное Правительство открыто ставитъ своею цѣлью скорѣйшее достиженіе всеобщаго мира, не имѣющаго своей задачей ни господства надъ другими народами, ни отнятія у нихъ національнаго достоянія, ни насильственнаго захвата чужихъ территорій, — миръ безъ аннексій и контрибуцій, на началахъ самоопредѣленія народовъ. Въ твердой увѣренности, что съ паденіемъ въ Россіи царскаго режима и утвержденіемъ демократическихъ началъ во внутренней и внѣшней политикѣ для союзныхъ демократій создался драгоцѣнный новый факторъ стремленій къ прочному миру и братству народовъ, Временное Правительство предприметъ подготовительные шаги къ соглашенію съ союзниками на основѣ декларацiи 27 марта. Въ убѣжденіи, что пораженіе Россіи и ея союзниковъ не только явилось бы источникомъ величайшихъ бѣдствій для народовъ, но и отодвинуло бы и сдѣлало бы невозможнымъ заключеніе всеобщаго мира на указанной выше основѣ, Временное Правительство твердо вѣритъ, что революціонная армія Россіи не допуститъ, чтобы германскія войска разгромили нашихъ союзниковъ на западѣ и обрушились всей силой своего оружія на насъ".

Усвоивъ формулу, которую Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ заимствовалъ у представителей меньшинства германской соціалъ-демократіи, наше дипломатическое вѣдомство не считало нужнымъ подчеркнуть, что требованіе „мира безъ аннексій и контрибуцій" должно быть обращено прежде всего къ Германіи, которая успѣла захватить огромныя части чужихъ территорій и до сихъ поръ уже извлекла изъ нихъ колоссальныя денежныя контрибуціи, сверхъ захвата всевозможныхъ продуктовъ натурою. По разнымъ причинамъ значительная часть нашихъ передовыхъ соціалистическихъ группъ, въ своей борьбѣ противъ имперіалистскихъ и завоевательныхъ цѣлей войны, почти совершенно оставила въ сторонѣ реальные захваты и завоеванія Германіи, какъ и агрессивныя стремленія ея милитаризма и связанныхъ съ нимъ господствующихъ классовъ, и занялась исключительно изобличе-

ніемъ скрытаго или явнаго имперіализма противниковъ Германіи.

Вся полемика о причинахъ и цѣляхъ войны получила въ нашей печати какое-то странное, даже загадочное направленіе. Самые горячіе споры вертѣлись около вопросовъ о томъ, какими имперіалистскими замыслами вдохновляются капиталисты Англіи и Франціи, заставляя воевать не только свои собственные, но и чужіе народы ради своихъ эгоистическихъ интересовъ. О германскихъ имперіалистахъ, откровенно проводившихъ въ жизнь свои воинственные планы, систематически умалчивалось, какъ будто Германія играетъ послѣднюю роль въ настоящей войнѣ или является только невольною жертвою хищныхъ британско-французскихъ посягательствъ. Нѣкоторые пытались даже доказать при помощи глубокомысленныхъ экономическихъ соображеній, что, собственно говоря, война задумана и предпринята промышленными классами Англіи и Франціи, желавшими будто бы избавиться отъ германскаго соперничества, и что Россія впуталась въ эту борьбу иноземныхъ капитализмовъ безъ достаточнаго къ тому основанія. Приводились разныя статистическія данныя, цифры производства стали и машинъ, привоза и вывоза, чтобы придать видъ научной аргументаціи той германофильской теоріи, которая лежала въ основѣ нашей соціалъ-демократической тактики. Нѣмецкая соціалъ-демократія по мѣрѣ силъ дѣйствовала въ томъ же направленіи, а такъ какъ ея представители издавна пользовались у насъ авторитетомъ, въ качествѣ привычныхъ наставниковъ и руководителей русскаго марксизма, то постепенно создалось настроеніе, сочувственное по отношенію къ воюющей съ нами Германіи и недовѣрчивое, даже враждебное къ помогающимъ намъ союзникамъ. Объявленія цѣлей войны стали требовать не отъ германскихъ правителей, имперіалистовъ и завоевателей по профессіи, держащихъ уже въ своихъ цѣпкихъ рукахъ чужія богатыя земли, а съ запросами и требованіями такого рода обращались къ демократическимъ или, по принятому у насъ жаргону „буржуазнымъ“ правительствамъ республиканской Франціи, парламентской Англіи и революціонной Россіи, занятыхъ безуспѣшной пока обороною своихъ территорій и народовъ отъ германскаго вторженія.

Каковы бы ни были глубокія и отдаленныя причины мірового пожара, но онъ загорѣлся не самъ собою, а былъ сознательно зажженъ людьми, которымъ, въ силу нелѣпѣйшихъ конституціонныхъ полномочій, предоставлено непосредственно, по своему произвольному усмотрѣнію, рѣшать самый ужасный для народовъ вопросъ о войнѣ или мирѣ. Кто зажегъ этотъ міровой пожаръ, кѣмъ была придумана военная расправа съ Сербіею, чья дипломатія хладнокровно-

отклоняла и разстраивала всѣ лихорадочныя попытка мирнаго улаженія конфликта, кто предъявилъ Россіи грозный ультиматумъ, безпричинно набросился на Францію и устроилъ возмутительное нашествіе на нейтральную Бельгію, — хорошо извѣстно всѣмъ, и никакая софистика не поколеблетъ и не затуманитъ безспорныхъ фактовъ, устанавливающихъ страшную отвѣтственность германскихъ милитаристовъ за возбужденіе войны. Спрашивать, какія цѣли преслѣдуются правительствами и націями, вынужденными защищаться отъ угрозъ и нападеній Германіи, безполезно: всякій понимаетъ, что въ подобныхъ случаяхъ приходится думать не только объ устраненіи непосредственной опасности, но и о гарантіяхъ на будущее время. Цѣли войны могли быть только у тѣхъ, кто ее затѣялъ, а не у тѣхъ, кто подвергся ея ужасамъ противъ своей воли. Однако Германія упорно уклонялась отъ выясненія своихъ плановъ и выдвигала лишь завоевательныя программы могущественныхъ нѣмецкихъ промышленныхъ и землевладѣльческихъ союзовъ и господствующихъ политическихъ партій, не представляющихъ себѣ побѣдоносной войны безъ обширныхъ аннексій и контрибуцій. Германское правительство не дало отвѣта и на прямой официальный запросъ президента Вильсона о желательныхъ условіяхъ мира, ограничившись выраженіемъ готовности опредѣлить эти условія при вступленіи противниковъ въ мирные переговоры. Между тѣмъ германцы находятся до сихъ поръ въ положеніи побѣдителей и захватчиковъ, и отъ нихъ естественно было бы ожидать указанія, какъ намѣрены они поступить съ занятыми ими землями; но наши пацифисты настаиваютъ не на томъ, чтобы Германія отказалась отъ фактически подготовленныхъ ею аннексій и полученныхъ уже контрибуцій, а на томъ, чтобы ея противники не вздумали, въ случаѣ побѣды, обидѣть Германію и ея союзниковъ. Отъ державъ согласія требуютъ, чтобы Франція отреклась отъ мечты о возвратѣ Эльзасъ-Лотарингіи, чтобы Англія вернула нѣмцамъ ихъ колоніи и чтобы Россія перестала стремиться къ Босфору и Дарданелламъ; если и Германія, съ своей стороны, изъ уваженія къ соціалъ-демократамъ и ихъ принципамъ, отдастъ обратно все захваченное ею, то въ лучшемъ случаѣ возстановится положеніе, бывшее до войны,— status quo ante bellum.

Само собою разумѣется, что несравненно труднѣе германцамъ выпустить изъ рукъ взятую уже добычу, чѣмъ Франціи или Россіи отказываться отъ предполагаемыхъ будущихъ завоеваній; поэтому главныя усилія и заботы пацифистовъ должны бы быть направлены въ сторону Германіи, чтобы заставить ее быть безкорыстною и сдѣлать для противниковъ излишнимъ продолженіе войны путемъ до-

бровольнаго очищенія занятыхъ нѣмцами областей. Въ дѣйствительности замѣчается въ нашей печати нѣчто прямо противоположное: пропаганда идей миролюбія и безкорыстія ведется всецѣло по адресу нашихъ союзниковъ, тогда какъ нѣмецкимъ соціалъ-демократамъ предоставлено добиваться какихъ-нибудь словесныхъ или фиктивныхъ уступокъ отъ Бетманъ-Гольвега. Но если бы германскіе имперіалисты, сверхъ ожиданія, согласились добровольно удовлетворить своихъ и чужихъ пацифистовъ, то что выиграла бы отъ этого Европа? Могутъ ли народы, послѣ трехлѣтней жестокой борьбы, помириться съ простымъ возстановленіемъ status quo, безъ измѣненія основъ того порядка, который позволяетъ нѣсколькимъ „царствующимъ“ фамиліямъ бросать великія и малыя культурныя націи въ омутъ неслыханныхъ кровавыхъ бѣдствій и страданій? Миръ „безъ аннексій и контрибуцій“ — даже если бы онъ былъ осуществимъ на практикѣ — явился бы только вынужденнымъ перемиріемъ для Гогенцоллерновъ и Габсбурговъ и рѣзко противорѣчилъ бы интересамъ „самоопредѣленія народовъ“. Двойственный лозунгъ, пущенный въ ходъ русскою революціонною демократіею, грѣшитъ внутреннимъ противорѣчіемъ и не можетъ соотвѣтствовать желаніямъ и надеждамъ заинтересованныхъ странъ. Самоопредѣленіе народовъ не входитъ въ рамки „мира безъ аннексій и контрибуцій“; оно никакъ не укладывается въ случайныя, уродливыя формы того status quo, который существовалъ въ Европѣ до войны и въ концѣ концовъ привелъ къ катастрофѣ. Нужно держаться чего-нибудь одного: или безусловнаго отрицанія какихъ бы то ни было аннексій, или принципа національнаго самоопредѣленія, требующаго, быть можетъ, крупныхъ перемѣнъ въ картѣ Европы.

Споры о цѣляхъ войны, въ связи съ постоянными нападками на предполагаемыхъ ея виновниковъ и приверженцевъ — капиталистовъ и „буржуевъ“, — производили сильнѣйшее и вполнѣ понятное впечатлѣніе на армію, которая изъ пассивнаго безправнаго орудія превратилась въ живую, разсуждающую и отчасти самоуправляющуюся силу, сознающую свои права и интересы. Значительная часть войскъ, какъ на фронтѣ, такъ и въ тылу, повѣрила въ возможность скораго заключенія мира при посредствѣ германской соціалъ-демократіи и прониклась рѣшительнымъ нежеланіемъ воевать ради имперіалистскихъ расчетовъ союзныхъ странъ, тѣмъ болѣе, что секретные договоры, заключенные царскимъ правительствомъ, должны были потерять свою обязательность при революціи. Насталъ особый, крайне тяжелый по своей мучительной неопредѣленности періодъ войны безъ военныхъ дѣйствій, періодъ безсмысленнаго братанія съ непріятелемъ, періодъ сознательнаго фактиче-

скаго перемирія, какъ предисловія къ сепаратному миру, что позволяло германцамъ снять съ русскаго фронта огромныя силы и перебросить ихъ на западъ, противъ нашихъ союзниковъ, французовъ и англичанъ. Среди нашихъ солдатъ легко распространилось мнѣніе, доходившее иногда до увѣренности, что дружелюбное братаніе съ нѣмцами неизбѣжно приведетъ къ миру и что говорить о желательности наступленія могутъ только имперіалисты, прислужники англо-французскаго или отечественнаго капитала.

Германскіе дипломаты надѣялись, при помощи своихъ многочисленныхъ агентовъ и сообщниковъ, подготовить, такимъ образомъ, „примиреніе“ съ Россіею, которое, по ихъ предположенію, заставило бы и ея союзниковъ согласиться на выгодный для нѣмцевъ компромиссъ. Имперскій канцлеръ въ своихъ публичныхъ выступленіяхъ сталъ проводить рѣзкую границу между западными врагами и восточными „сосѣдями“, при чемъ выказывалъ необыкновенное для него сочувствіе къ русской революціи. Конечно, Германія, съ его точки зрѣнія, не можетъ и не должна заранѣе выяснять свои военно-политическія цѣли, потому что такая откровенность „не поможетъ ей добиться побѣды и благополучно окончить войну“; „но новая Россія, — говорилъ онъ въ своей рѣчи 1 (14) мая, — повидимому отрекается отъ насильственныхъ завоевательныхъ плановъ. Я не въ состояніи судить, — продолжалъ Бетманъ-Гольвегъ, — захочетъ ли и сможетъ ли Россія оказать вліяніе въ этомъ отношеніи также и на своихъ союзниковъ. Несомнѣнно, однако, что Англія, при поддержкѣ остальныхъ союзниковъ, всемѣрно старается заставить Россію и впредь везти британскую боевую колесницу и воспрепятствовать осуществленію русскихъ желаній, направленныхъ къ скорѣйшему возстановленію мира. Если Россія желаетъ удержать своихъ сыновъ отъ дальнѣйшаго кровопролитія, если она хочетъ возстановить съ нами прочныя добрососѣдскія отношенія, то, разумѣется, мы, раздѣляющіе ея послѣднее желаніе, не уничтожимъ возможности этихъ прочныхъ добрососѣдскихъ отношеній въ будущемъ и не выставимъ требованій, могущихъ препятствовать ихъ развитію и несовмѣстимыхъ съ стремленіемъ народовъ къ свободѣ, — требованій, которыя посѣяли бы въ русскомъ народѣ зачатки новой вражды къ намъ. Я не сомнѣваюсь, — заявилъ канцлеръ далѣе, — въ возможности достигнуть соглашенія, направленнаго исключительно къ установленію взаимнаго пониманія, которое исключало бы всякую мысль о насиліи и которое не оставило бы ни малѣйшаго неудовольствія, ни малѣйшей горечи“.

Другими словами, Германія прямо предлагала новой „свобод-

ной Россіи“ отрѣшиться отъ солидарности съ союзниками и заключить сепаратный миръ, обѣщая за это весьма льготныя и снисходительныя условія, совмѣстимыя не только съ стремленіемъ народовъ къ свободѣ, но и съ возстановленіемъ обоюдныхъ дружественныхъ связей и пріятныхъ добрососѣдскихъ отношеній. Эта готовность Германіи проявить великодушіе относительно подчинившейся ей революціонной Россіи не должна быть понята въ смыслѣ слабости; напротивъ, какъ увѣрялъ въ той же рѣчи Бетманъ-Гольвегъ, военное положеніе Германіи лучше теперь, чѣмъ когда-либо за все время войны. „Нашимъ западнымъ врагамъ, — говорилъ онъ въ грозномъ тонѣ, — не удалось прорваться, несмотря на понесенныя ими страшныя потери. Наши подводныя лодки работаютъ съ постоянно возрастающимъ успѣхомъ. Съ полною увѣренностью можемъ мы сказать, что мы приближаемся къ успѣшному окончанію войны. Тогда наступитъ время для того, чтобы вступить въ переговоры съ нашими противниками о поставленныхъ себѣ нами цѣляхъ войны, и по этому вопросу между мною и высшимъ военнымъ командованіемъ существуетъ полное соглашеніе. Тогда мы добьемся мира, который дастъ намъ возможность съ освобожденными силами приняться за возсозданіе всего, что было разрушено этой войной, дабы тѣ кровавыя жертвы, которыя мы принесли, послужили основою къ возрожденію государства и народа, сильнаго, независимаго, не угрожаемаго врагами, — залога мира и плодотворнаго труда“. Этимъ ясно опредѣляется позиція Германіи: имперское правительство можетъ объявить свои военныя цѣли только послѣ побѣдоноснаго окончанія войны, когда сами противники признаютъ себя побѣжденными и пожелаютъ вступить въ мирные переговоры; точно также нѣмцы могутъ войти въ сепаратную дружескую сдѣлку съ Россіею только въ качествѣ побѣдителей, при чемъ размѣръ ихъ земельныхъ пріобрѣтеній въ русскихъ предѣлахъ заранѣе установленъ высшимъ военнымъ командованіемъ по соглашенію съ канцлеромъ. А чрезвычайно важнымъ условіемъ германской побѣды являлось сознательное бездѣйствіе русской арміи, парализованной ожиданіемъ скораго сепаратнаго мира. Объ этомъ, конечно, не упоминалъ Бетманъ-Гольвегъ, но его удовольствіе по поводу наивнаго русскаго братанія чувствовалось въ его презрительномъ отвѣтѣ на соціалъ-демократическіе запросы о цѣляхъ войны. Болѣе опредѣленнаго отвѣта о предполагаемыхъ германскихъ аннексіяхъ нельзя было добиться отъ Бетманъ-Гольвега вплоть до его отставки. Тѣмъ не менѣе молчаливое довѣріе къ Германіи усердно разрабатывалось и поддерживалось многими радикальными русскими публицистами, политическими дѣятелями и ораторами,

упорно упускавшими изъ виду, что кромѣ нѣмецкой соціалъ-демократіи существуетъ еще могущественная военно-монархическая Германская имперія, которой принадлежитъ безусловное господство въ дѣлахъ войны и мира.

Болѣе или менѣе уклончиво, хотя и съ разными сочувственными оговорками, отозвались на русскую формулу мира правительства союзныхъ съ нами странъ. Въ англійской палатѣ общинъ 3 (16) мая лордъ Робертъ Сесиль сдѣлалъ попытку выяснить смыслъ и значеніе политики, отрицающей аннексію. Возьмемъ, напр., Арменію. При насильственномъ выселеніи армянъ изъ ихъ родныхъ мѣстъ, два года тому назадъ, мужчины, женщины и дѣти, изгнанные изъ своихъ домовъ, лишенные пищи во время пути, должны были идти, пока у нихъ хватало силъ или пока подгонявшіе ихъ турки не топили или не убивали ихъ. Тысячи армянъ, прежде чѣмъ умереть, подвергнуты были страшнымъ мученіямъ. Мыслимо ли требовать, чтобы оставшіеся въ живыхъ армяне, освобожденные русскимъ оружіемъ, были обратно отданы подъ власть Турціи? „Сознаюсь, — говорилъ министръ, — я колеблюсь согласиться на отказъ отъ аннексій, если такой отказъ означаетъ, что всякая территорія, занятая военной силой въ теченіе настоящей войны, должна быть возвращена первоначальнымъ ея обладателямъ. Или по вопросу объ Эльзасѣ и Лотарингіи: неужели кто-нибудь можетъ утверждать, что эти двѣ провинціи, насильственно захваченныя Германіей, не должны быть по справедливости возвращены Франціи? Или итальянскія области Австріи: неужели мы станемъ возражать противъ присоединенія къ Италіи земель, населенныхъ итальянцами? Было бы очень жаль, если бы мы согласились принять краткія и неопредѣленныя формулы, вводящія людей въ заблужденіе. Тѣмъ, кому эти формулы кажутся привлекательными, — продолжалъ лордъ Робертъ Сесиль, — можно бы указать, что хотя вполнѣ вѣренъ взглядъ, что стремленіе къ совершенію актовъ справедливости, подобныхъ упомянутымъ, не можетъ служить достаточнымъ основаніемъ, чтобы начинать войну, но разъ осуществленіе этихъ актовъ является возможнымъ благодаря начатой другими войнѣ, пріобрѣтаетъ совершенно другой характеръ предъявляемое намъ требованіе отказаться отъ ихъ совершенія и пожертвовать достигнутыми результатами, которые сами по себѣ представляются, по общему мнѣнію, весьма желательными“. Столь же неяснымъ находитъ министръ и заявленіе объ отказѣ отъ контрибуцій. „Что сказать тогда объ отвѣтственности за разореніе Бельгіи, Сербіи, сѣверныхъ департаментовъ Франціи? Неужели непріятель будетъ свободенъ отъ обязанности возмѣстить причиненные имъ убытки? Я на это не согла-

сенъ. Поэтому, — закончилъ лордъ Робертъ Сесиль, — я хотѣлъ бы точно знать, какой смыслъ влагается въ эти формулы, прежде чѣмъ я за себя лично или отъ имени правительства выскажусь за принятіе ихъ". Нельзя не замѣтить, что нѣкоторыя существенныя возраженія оратора отпали бы или потеряли бы свою силу, если бы онъ принялъ во вниманіе вторую часть формулы, касающуюся „права народовъ на самоопредѣленіе".

Въ томъ же засѣданіи британскаго парламента бывшій премьеръ Асквитъ съ свойственною ему ясностью мысли, подвергъ критическому разбору взгляды новаго русскаго правительства на цѣли войны и условія прочнаго мира, — взгляды, которымъ онъ вообще, по его словамъ, глубоко сочувствуетъ. Фраза „миръ безъ аннексій" была не всѣми одинаково понята.

„Въ сущности, — заявилъ Асквитъ, — слово „аннексія" можетъ быть употреблено въ четырехъ смыслахъ. Во-первыхъ, въ случаѣ завершенія войны прочнымъ почетнымъ миромъ возможна аннексія, являющаяся по существу освобожденіемъ порабощенныхъ и угнетенныхъ народностей отъ деспотизма и страданій, которымъ эти народности до тѣхъ поръ подвергались. Тѣ цѣли, ради которыхъ мы взялись за оружіе, были бы или совсѣмъ не достигнуты, или достигнуты не вполнѣ, если бы аннексія въ этомъ смыслѣ освобожденія были совершенно исключены изъ программы союзниковъ. Представители новой русской власти не стали бы протестовать противъ аннексій, необходимыхъ для достиженія этихъ освободительныхъ цѣлей.

„Во-вторыхъ, аннексія не только законна, но и необходима для объединенія искусственно раздѣленныхъ народовъ. Нѣтъ нужды доказывать, что отдѣльныя части народовъ страдаютъ въ настоящее время отъ угнетеній. Возьмите для примѣра итальянскія области. Мы нарушили бы всѣ наши традиціи и пошли бы въ разрѣзъ съ тѣми цѣлями, для достиженія которыхъ мы вступили въ борьбу, если бы согласились заявить, что аннексія, необходимая для объединенія въ одно политическое цѣлое всѣхъ народовъ, искусственно раздѣленныхъ, но по религіи, крови и традиціямъ являющихся едиными, что такого рода аннексія противорѣчила бы требованіямъ совѣсти цивилизованнаго міра.

„Въ-третьихъ, аннексія можетъ быть желательна для передачи суверенныхъ правъ на территорію, необходимую для обладанія стратегическими позиціями, которыя нужны не для нападенія, но для самообороны и защиты отъ нападеній въ будущемъ. Такая аннексія вполнѣ оправдывается, если вы можете доказать на основаніи опыта этой войны, что до тѣхъ поръ, пока вы не будете обладать этими позиціями, вы будете подвергаться постоянной опасности нападенія.

Всѣ эти три формы аннексіи вполнѣ законны, и если русское правительство призываетъ насъ присоединиться къ его отказу отъ аннексій, то въ данномъ случаѣ слово аннексія слѣдуетъ понимать

въ ограниченномъ смыслѣ, въ томъ четвертомъ смыслѣ, въ которомъ, какъ я полагаю, оно только и можетъ быть примѣнено, а именно въ смыслѣ отказа отъ завоеваній ради территоріальныхъ пріобрѣтеній и расширенія политическаго и экономическаго вліянія. Что касается аннексій въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, то я увѣренъ, ни одна изъ союзныхъ державъ не будетъ ни осуществлять подобныхъ аннексій, ни оправдывать ихъ.

„Такимъ образомъ, когда вопросъ выясненъ и эти недоразумѣнія устранены, остаются ли какія-либо существенныя различія взглядовъ между различными группами у насъ, и еще менѣе, между нами и нашими друзьями, представителями демократической Россіи, по вопросу о тѣхъ общихъ основаніяхъ, съ точки зрѣнія которыхъ долженъ обсуждаться вопросъ о мирѣ? Я полагаю, что такихъ различій нѣтъ“.

Безъ сомнѣнія, аргументація Асквита, вопреки его предположенію, далеко не совпадаетъ съ господствующимъ у насъ пониманіемъ „мира безъ аннексій“; такъ, въ третьемъ пунктѣ она допускаетъ территоріальныя присоединенія, вызываемыя „необходимостью обладать стратегическими позиціями, нужными для обороны и для защиты отъ нападеній въ будущемъ“ и т. п. Подобныя указанія на интересы внѣшней обороны и обезпеченія отъ будущихъ нападеній дѣлаются всякимъ правительствомъ, стремящимся къ захвату чужихъ территорій; такія ссылки на стратегію дѣлаются и Германіею въ ея широкихъ завоевательныхъ планахъ, и онѣ совершенно не убѣдительны и не допустимы съ точки зрѣнія русской революціонной демократіи. Въ этомъ отношеніи британскіе политическіе дѣятели должны еще сговориться съ Россіею на предстоящей союзной конференціи.

Официальный отвѣтъ Англіи на заявленіе нашего Временнаго Правительства о военныхъ цѣляхъ Россіи прибавляетъ очень мало новаго къ тѣмъ объясненіямъ и указаніямъ, которыя неоднократно излагались въ рѣчахъ англійскихъ министровъ. Въ этомъ британскомъ сообщеніи, адресованномъ на имя русскаго министра иностранныхъ дѣлъ и напечатанномъ въ газетахъ отъ 27 мая, сказано слѣдующее:

„3-го мая правительство его величества получило черезъ русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ ноту отъ русскаго Правительства съ заявленіемъ о его политикѣ въ связи съ войной.

„Въ прокламаціи къ русскому народу, приложенной къ нотѣ, сказано, что „свободная Россія не имѣетъ своей задачей ни господства надъ другими народами, ни отнятія у нихъ національнаго ихъ достоянія, ни насильственнаго захвата чужихъ территорій“. Британское правительство сердечно раздѣляетъ такое чувство. Оно не вступило въ эту войну, какъ въ войну завоевательную, и не для какой-либо подобной цѣли продолжаетъ ее; цѣлью его въ началѣ было защитить существованіе своей страны и побудить къ уваженію

международныхъ обязательствъ. Къ таковымъ задачамъ прибавлена нынѣ задача освобожденія народностей, угнетенныхъ чужой тиранією. Поэтому британское правительство сердечно радуется, что свободная Россія объявила намѣреніе свое освободить Польшу, не только Польшу, управлявшуюся старымъ русскимъ самодержавіемъ, но равнымъ образомъ и Польшу, входящую въ предѣлы центральныхъ имперій. Въ этомъ предпріятіи британская демократія желаетъ Россіи Божіей помощи. Прежде всего, мы должны искать установленія такого порядка, который обезпечитъ народамъ счастье и удовлетвореніе и отниметъ всякіе законные поводы къ будущей войнѣ. Однимъ словомъ, британское правительство сердечно объединяется съ русскимъ своимъ союзникомъ въ принятіи и одобреніи принципа, который изложенъ президентомъ С.-А. С. Штатовъ въ историческомъ его посланіи къ американскому конгрессу.

„Таковы задачи, за которыя сражаются британскіе народы. Таковы принципы, которыми руководствуется и будетъ руководствоваться ихъ военная политика. Британское правительство считаетъ, что въ общихъ чертахъ соглашенія, заключавшіяся имъ отъ времени до времени съ союзниками, сообразуются съ указанными рамками. Но если русское Правительство того желаетъ, британское правительство совершенно готово со своими союзниками изслѣдовать и, если нужно, пересмотрѣть эти соглашенія“.

Содержаніе этого дипломатическаго документа, конечно, не совсѣмъ гармонируетъ съ духомъ русской демократіи. Между прочимъ, въ одномъ существенномъ пунктѣ допущена явная ошибка: новой „свободной Россіи“ приписывается намѣреніе освободить не только бывшую русскую Польшу, но и польскія провинціи Пруссіи, — намѣреніе, о которомъ ничего не говорится въ заявленіи Временнаго Правительства и которое предполагало бы рѣшимость воевать до полнаго разгрома Германіи. Лондонскій кабинетъ „сердечно радуется“ такому предпріятію и не безъ ироніи желаетъ ему „Божіей помощи“; но съ этимъ планомъ — насильственно отобрать у нѣмцевъ Познань и Восточную Пруссію — плохо вяжется стремленіе къ прочному всеобщему миру, способному удовлетворить всѣ народы и отнять у нихъ, въ томъ числѣ и у германцевъ, „всякіе законные поводы къ будущей войнѣ“. Серьезное значеніе имѣетъ только выраженная въ британской нотѣ готовность пересмотрѣть заключенные съ царскимъ правительствомъ союзные договоры по соглашенію съ новою русскою властью.

Еще менѣе, чѣмъ британское правительство, могли проникнуться идеями и тенденціями русской революціи правящіе круги французской республики. Франція не скрывала своего неудовольствія по поводу совершившагося у насъ государственнаго переворота; ея офиціозные публицисты на первыхъ порахъ считали даже долгомъ чести заступиться за бывшаго царя, какъ „вѣрнаго союзника“, предполагая почему-то, что съ нимъ будетъ поступлено по французскому

или иному образцу, и пытались было увѣрить публику, что у насъ существуетъ уже „царь Михаилъ“, отсрочившій лишь свое вступленіе на престолъ до рѣшенія Учредительнаго Собранія. Наши французскіе друзья были особенно встревожены и огорчены неожиданнымъ пацифизмомъ русской демократіи и систематическимъ бездѣйствіемъ русскихъ войскъ; они находили въ этомъ прямое уклоненіе отъ обязательствъ, налагаемыхъ на насъ союзными договорами, — нѣчто въ родѣ измѣны и предательства въ тѣ страшные для нихъ дни, недѣли и мѣсяцы, когда освободившіяся съ русскаго фронта германскія арміи обрушились на нихъ всею своею тяжестью и остановили тщательно задуманное и блестяще начатое англо-французское наступленіе. Французы не понимали внутренняго смысла русской революціи, не понимали слабости ея вождей къ отвлеченнымъ лозунгамъ и невниманія ихъ къ реальнымъ опасностямъ; они представляли себѣ происшедшія у насъ событія въ видѣ какого-то сенсаціоннаго трагическаго фарса, вызваннаго рядомъ случайностей и недоразумѣній.

Въ солиднѣйшемъ французскомъ журналѣ, въ „Revue des deux Mondes“, въ обстоятельномъ очеркѣ, посвященномъ „недѣлѣ революціи въ Петроградѣ“, разсказывается такой эпизодъ: члены Думы растерялись послѣ указа о роспускѣ и начали уже расходиться; „одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ и популярныхъ лидеровъ лѣвой, г. Керенскій, взялся уже за шляпу, чтобы уйти; въ этотъ моментъ происходитъ что-то невѣроятное: въ Таврическій дворецъ является женщина, г-жа Соня Морозова, съ крикомъ: „я привела армію!“ Волынскій полкъ, считавшійся однимъ изъ самыхъ благонадежныхъ, выстроился передъ рѣшеткой Думы. Сразу все измѣнилось. Собравшіеся уходить депутаты остались; энтузіазмъ ихъ оживился... Подкрѣпленная этой непредвидѣнной помощью Дума возобновила свои работы, Г. Родзянко, назначенный главою правительства, уполномоченъ составить конституцію. Словомъ, повторяется 1789 годъ и клятва въ залѣ Jeu de Paumes“ [1]). А у насъ никто, кажется, не подозрѣвалъ, что успѣхомъ русской революціи мы всецѣло обязаны г-жѣ „Сонѣ Морозовой“ — вѣроятно даже дѣвочкѣ, судя по умѣньшительному имени Сони. Если такую крупную роль могла сыграть у насъ барышня, случайно встрѣтившая на улицѣ воинскую часть и сумѣвшая направить ее куда слѣдуетъ, то разумѣется, опытнымъ заграничнымъ дѣятелямъ ничего не стоитъ повернуть нашу революцію въ какую угодно сторону. Въ этомъ направленіи дѣлались нашими союзниками нѣкоторыя попытки. Французскій министръ-президентъ,

[1]) „Revue des deux Mondes“, 15 мая 1917, „Une semaine de révolution à Petrograd“, par Marylie Markovitch, стр. 425.

маститый Александръ Рибо, въ своей рѣчи въ палатѣ депутатовъ, 19 мая (1 іюня), выразилъ желаніе французскаго правительства во всѣхъ возможныхъ случаяхъ оказывать поддержку новой русской власти. „Съ этой цѣлью — сказалъ онъ — мы послали въ Россію своимъ представителемъ одного изъ министровъ. Мы будемъ и впредь поддерживать самыя тѣсныя отношенія съ Россіею. Три нашихъ сочлена ѣздили въ Петроградъ, и двое изъ нихъ уже вернулись". Побывавшіе у насъ французскіе представители — министръ-соціалистъ Тома, депутаты Кашенъ и Мутэ — едва ли остались довольны результатами своей миссіи, о которыхъ они дѣлали подробный докладъ въ секретномъ засѣданіи палаты. Однако, французскіе министры и политическіе дѣятели, проводя свои опредѣленные, твердо установившіеся патріотическіе взгляды, не пытались столковаться съ русскою демократіею и настойчиво приписывали ей свои собственныя идеи, надежды и стремленія. Это ярко проявляется въ отвѣтной нотѣ французскаго правительства по вопросу о цѣляхъ войны.

„Правительство французской республики — говорится въ этой нотѣ — приняло къ свѣдѣнію съ чувствомъ полнаго удовлетворенія декларацію Временнаго Правительства отъ 27 марта (9 апрѣля), переданную ему россійскимъ посломъ.

„Правительство республики раздѣляетъ полную вѣру Временнаго Правительства въ возстановленіе политической, экономической и военной мощи страны. Оно не сомнѣвается, что провозглашенныя мѣры, имѣющія цѣлью улучшить условія, при которыхъ русскій народъ намѣренъ продолжать войну до побѣды надъ врагомъ, болѣе чѣмъ когда-либо угрожающимъ его національному достоянію, позволятъ ему прогнать врага изъ своей земли, окончательно укрѣпить вновь завоеванную свободу и принять такимъ образомъ дѣятельное участіе въ совмѣстной борьбѣ союзниковъ. Такимъ образомъ будутъ сведены на нѣтъ усилія постоянно возобновляемыя нашимъ противникомъ съ цѣлью посѣять раздоръ между союзниками и укрѣпить самые ложные слухи объ ихъ взаимныхъ рѣшеніяхъ.

„Вполнѣ довѣряя чувствамъ своей старой и вѣрной союзницы, французское правительство счастливо чувствовать себя вполнѣ солидарнымъ съ русскимъ Правительствомъ и народомъ въ принципахъ, которые вдохновляли русскую политику во время настоящаго конфликта. Франція не помышляетъ притѣснять ни одного народа, ни одной національности, находящейся даже нынѣ въ числѣ ея враговъ, но она желаетъ, чтобы гнетъ, такъ долго тяготѣвшій надъ міромъ, былъ, наконецъ, уничтоженъ, и чтобы были наказаны тѣ, кто содѣяли преступленія, покрывшія позоромъ нашихъ враговъ въ этой войнѣ. Предоставляя своимъ врагамъ захватные и корыстные помыслы, которыми они вдохновляются какъ въ мирное, такъ и въ военное время, Франція никогда не захочетъ отнять у законныхъ обладателей ихъ территоріи. Послѣ того, какъ всѣ ея усилія, направленныя къ сохраненію мира, были отвергнуты, Франція была принуждена отвѣ-

тить оружіемъ на самое неправое нападеніе; она вступила въ войну только для защиты своей свободы и національнаго достоянія и для обезпеченія въ будущемъ всему міру уваженія къ независимости народовъ.

„Какъ сама Россія провозгласила возстановленіе полной независимости Польши, такъ точно и Франція съ восторгомъ привѣтствуетъ усилія народовъ, дѣлаемыя въ разныхъ частяхъ міра, народовъ еще находящихся въ оковахъ зависимости, осужденной исторіей.

„Какова бы ни была цѣль, будь то пріобрѣтеніе или возвращеніе національной свободы, утвержденіе правъ на уваженіе старой цивилизаціи, или сверженіе германской тиранніи, столь сильно тяготѣвшей надъ менѣе передовыми народами, — Франція видитъ окончаніе войны лишь въ побѣдѣ права и справедливости.

Что же касается самой Франціи, то она желаетъ возвращенія вѣрныхъ и преданныхъ ей областей — Эльзаса и Лотарингіи, которыя нѣкогда были отъ нея отторгнуты путемъ насилія. Она будетъ сражаться вмѣстѣ со своими союзниками до побѣды, дабы обезпечить за Эльзасомъ и Лотарингіей полное возстановленіе ихъ территоріальныхъ правъ, а также политической и экономической самостоятельности; кромѣ того, она желаетъ возмѣщенія убытковъ за столь безчеловѣчныя и неоправдываемыя опустошенія, а также необходимыхъ гарантій для предупрежденія въ будущемъ несчастій, причиняемыхъ непрестанной провокаціей нашихъ враговъ.

„Правительство республики продолжаетъ такъ же, какъ и русскій народъ, быть увѣреннымъ, что только проникнутая этими принципами русская внѣшняя политика достигнетъ той цѣли, которую себѣ ставитъ народъ, воодушевленный чувствомъ права и свободы, и что только послѣ побѣдной борьбы союзники могутъ создать прочный и длительный миръ на основахъ права.

„Россійское Временное Правительство можетъ быть увѣрено, что французское правительство преисполнено желанія прійти съ нимъ къ соглашенію не только по вопросу о способахъ продолженія войны, но также и объ ея окончаніи, путемъ изученія и установленія, съ общаго согласія условій, при которыхъ союзники могутъ разсчитывать на достиженіе окончательнаго рѣшенія, согласованнаго съ тѣми идеями, которыми они руководились при веденіи настоящей войны“.

Нѣкоторыя заявленія, заключающіяся въ этой нотѣ, выходятъ уже изъ рамокъ обычной дипломатіи и кажутся намъ по меньшей мѣрѣ преждевременными. Можно повѣрить въ непоколебимую рѣшимость французскаго правительства не только вытѣснить непріятелей изъ предѣловъ своей территоріи, получить возмѣщеніе убытковъ за произведенныя ими опустошенія и пріобрѣсть обратно Эльзасъ-Лотарингію, но и добиться того, чтобы „гнетъ, такъ долго тяготѣвшій надъ міромъ, былъ наконецъ уничтоженъ, чтобы были наказаны тѣ, кто содѣяли преступленія, покрывшія позоромъ нашихъ враговъ въ этой войнѣ, и чтобы получены были необходимыя гарантіи для предупрежденія въ будущемъ несчастій, причиняемыхъ исстоянной

германской провокаціею". Но имѣются ли достаточныя силы и средства для осуществленія этой обширной военно-политической программы? И можно ли было предполагать, что она соотвѣтствуетъ желаніямъ, настроенію и состоянію великой союзницы Франціи, утомленной войною и ослабленной внутренними неурядицами Россіи? Удобно ли заранѣе высказывать такія намѣренія, которыхъ впослѣдствіи нельзя будетъ исполнить? Мы видимъ пока, что и теперь, какъ и два года тому назадъ, германцы обстрѣливаютъ Реймсъ и что до сихъ поръ, послѣ трехъ лѣтъ напряженной борьбы, французамъ не удалось ни отогнать врага отъ своихъ историческихъ святынь, ни приблизиться къ своимъ старымъ пограничнымъ крѣпостямъ — Страсбургу и Метцу. Казалось бы поэтому, что при такомъ положеніи дѣлъ слѣдовало бы воздерживаться отъ предъявленія грозныхъ требованій, подобающихъ только побѣдителямъ; весьма возможно, что со временемъ союзныя державы будутъ въ состояніи предписать свои условія мира побѣжденной Германіи, но нельзя съ увѣренностью заранѣе учитывать результаты этого будущаго торжества. Однако французское общественное мнѣніе твердо стоитъ на томъ, что уже теперь Франція имѣетъ основаніе возвѣщать всему міру, какихъ уступокъ, вознагражденій и гарантій она намѣрена потребовать отъ Германіи послѣ своей окончательной побѣды. Въ доказательство безусловной авторитетности своихъ заявленій парижскій кабинетъ официально сообщилъ русскому правительству текстъ резолюціи, принятой палатой депутатовъ 24 мая (4 іюня) большинствомъ 453 противъ 55 голосовъ. Русское правительство — какъ сказано въ сообщеніи Рибо — усмотритъ въ этой резолюціи „выраженіе французской политики, торжественно утвержденное народнымъ представительствомъ, въ видѣ дополненія къ переданной ранѣе нотѣ, заключающей отвѣтъ французской націи на русскую декларацію". Приводимъ текстъ этой резолюціи:

„Палата депутатовъ, являющаяся непосредственною выразительницею суверенитета французскаго народа, посылаетъ свое привѣтствіе русской демократіи и остальнымъ союзнымъ демократіямъ.

„Палата депутатовъ, подтверждая единодушный протестъ, заявленный въ 1871 г. въ Національномъ собраніи представителями Эльзасъ-Лотарингіи, которая противъ своей воли отторгнута была отъ Франціи, объявляетъ, что она ждетъ отъ войны, навязанной Европѣ нападеніемъ имперіалистической Германіи, вмѣстѣ съ освобожденіемъ подвергшихся вторженію областей, возвращенія Эльзасъ-Лотарингіи въ лоно матери-родины и справедливаго возмѣщенія убытковъ.

„Отстраняя всякую мысль о завоеваніи и порабощеніи чужихъ народностей, палата разсчитываетъ, что усилія арміи республики и союзныхъ армій дозволятъ, по низверженіи прусскаго милита-

ризма. достигнуть прочныхъ гарантій мира и независимости для великихъ и малыхъ народовъ въ организаціи сообщества націй, нынѣ же подготовляемой.

„Довѣряя правительству въ дѣлѣ обезпеченія такихъ результатовъ путемъ согласованнаго военнаго и дипломатическаго дѣйствія всѣхъ союзниковъ, палата отвергаетъ всякую поправку и переходитъ къ порядку дня“.

Низверженіе прусскаго милитаризма предполагается здѣсь какъ-то само собою, въ качествѣ неизбѣжнаго предварительнаго результата войны; но когда и какимъ путемъ совершится это „низверженіе“ — остается неяснымъ. Вполнѣ понятны мотивы, побуждающіе Францію стремиться во что бы то ни стало къ разгрому напавшей на нее Германіи, хотя бы для этого понадобилось еще нѣсколько лѣтъ войны; сомнительною представляется только обязательная солидарность Россіи со всѣми пунктами этой французской программы. Въ иномъ положеніи находится Италія, которая сама добровольно присоединилась къ лагерю противниковъ центральныхъ имперій и откровенно ставила себѣ завоевательныя цѣли не только по отношенію къ Трентино и Тріесту, но и относительно адріатическаго побережья Балканскаго полуострова. Какъ бы въ отвѣтъ на протесты русской демократіи противъ имперіализма, итальянское правительство сочло своевременнымъ провозгласить протекторатъ Италіи надъ „независимою“ Албаніею, или, какъ формулировалось это предпріятіе на языкѣ заинтересованныхъ дипломатовъ, „провозгласить независимость Албаніи“ подъ благосклоннымъ покровительствомъ Италіи. Тѣмъ не менѣе римскій кабинетъ, съ свойственными ему традиціонными пріемами дипломатической діалектики, доказываетъ, что его политика вполнѣ соотвѣтствуетъ принципамъ справедливаго всеобщаго мира на основѣ самоопредѣленія народовъ.

Въ итальянской палатѣ депутатовъ, 7 (20) іюня, министръ президентъ Бозелли, говоря о великихъ національныхъ задачахъ правительства, упомянулъ о „безумной иллюзіи“ непріятеля, который „вѣритъ въ возможность расхожденія цѣлей союзниковъ только на томъ основаніи, что порой могутъ возникнуть разногласія относительно тѣхъ или другихъ принимаемыхъ мѣръ“. Однако, какъ видно изъ дальнѣйшихъ словъ Бозелли, „безумная иллюзія“ вѣроятно имѣетъ подъ собою реальную почву, ибо правительство имѣетъ въ виду способствовать распространенію въ странѣ здравыхъ идей и оказать энергическій отпоръ „призывамъ къ измѣнѣ родинѣ“. Нѣтъ никого, кто не жаждалъ бы мира; „но кто желаетъ мира безъ предварительной побѣды цивилизаціи и безъ полнаго достиженія національныхъ цѣлей, тотъ мечтаетъ о мирѣ, который послужилъ бы источникомъ новыхъ болѣе ужасныхъ войнъ въ будущемъ“. Ми-

нистръ-президентъ Бозелли сомнѣвается, чтобы въ итальянскомъ народѣ, при обычной его доблести, существовали преждевременныя мирныя намѣренія подобнаго рода; „но если они дѣйствительно имѣются и если будетъ сдѣлана попытка осуществить ихъ, то правительство будетъ безпощадно съ этимъ бороться; оно предложитъ тогда палатѣ всѣ тѣ мѣры, какія необходимо принять для поддержанія дисциплины и для охраны внутренняго спокойствія страны".

Послѣ этой патріотической декларації министръ иностранныхъ дѣлъ, баронъ Соннико, произнесъ длинную, весьма поучительную для насъ рѣчь по внѣшней политикѣ. Прежде всего онъ, отъ именъ итальянскаго правительства и народа, выразилъ сочувствіе новой свободной Россіи и высказалъ „увѣренность, что благородный русскій народъ, воодушевленный здравыми принципами истинной демократіи, найдетъ въ себѣ силу необходимую для преодолѣнія трудностей, связанныхъ съ соціальными и политическими преобразованіями, и что здравый инстинктъ народныхъ массъ не дастъ себя обмануть кознямъ непріятеля, памятуя, что лучшей гарантіей независимости и свободы Россіи явится полное согласіе ея съ союзниками и упорное продолженіе войны". Въ удивительно невинномъ видѣ представилъ затѣмъ баронъ Соннико самовольный актъ объявленія протектората надъ Албаніею:

„Воззваніе, недавно опубликованное командующимъ нашими войсками въ Албаніи, снова публично подтвердило особую заинтересованность итальянскаго правительства въ судьбѣ этой области, съ которой мы тѣсно связаны и которая для насъ важна не менѣе Валоны въ дѣлѣ урегулированія жизненнаго для Италіи адріатическаго вопроса.

„Мы признали независимость Албаніи въ соотвѣтствіи съ общими принципами, которыми руководятся наши союзники и, которые были недавно провозглашены съ такимъ краснорѣчіемъ американскимъ правительствомъ и новой свободной Россіей. Италія не преслѣдуетъ въ Албаніи никакихъ другихъ цѣлей, кромѣ защиты противъ всякаго возможнаго вмѣшательства со стороны третьихъ державъ, гарантируя Албаніи полную свободу внутренняго самоопредѣленія и отстаивая въ совѣтѣ державъ ея законныя притязанія и интересы. Задачу установитъ точныя границы Албанскаго государства предстоитъ разрѣшить всѣмъ державамъ на мирной конференціи, но во время войны по необходимости, выборъ всякихъ мѣстныхъ властей долженъ будетъ зависѣть исключительно отъ военнаго командованія, которое неизмѣнно руководствуется величайшимъ уваженіемъ къ существующимъ обычаямъ и интересамъ. Послѣ заключенія мира албанцы сами постановятъ свободное рѣшеніе о своемъ внутреннемъ политическомъ, административномъ, экономическомъ и гражданскомъ устройствѣ".

Итакъ, замаскированный захватъ Албаніи подъ видомъ провозглашенія ея „независимости", безъ вѣдома и согласія албанскаго

народа, произведенъ Италіею согласно принципамъ русской революціонной демократіи, въ силу права народовъ на самоопредѣленіе! Болѣе правдоподобными кажутся тѣ доводы, при помощи которыхъ баронъ Соннино отдѣлывается отъ требованій „мира безъ аннексій“ Умалчивая о второй части русской формулы — о „правѣ самоопредѣленія народовъ“ и опираясь на старый принципъ политическаго равновѣсія между державами, министръ продолжалъ:

„Постоянной заботой, какъ нашей, такъ и нашихъ союзниковъ, является поддержаніе единства, дѣйствій, какъ военныхъ, такъ и политическихъ, такъ какъ это единство является существеннымъ условіемъ успѣха и лишь одно можетъ обезпечить гармоническое согласованіе интересовъ отдѣльныхъ союзниковъ. Интересы Италіи въ Средиземномъ морѣ основаны главнымъ образомъ на принципахъ равновѣсія и равенства между державами, и у насъ имѣется величайшая увѣренность, что они будутъ при всѣхъ обстоятельствахъ справедливо обезпечены и гарантированы. Въ послѣднее время съ нѣсколькихъ сторонъ дѣлались усилія тонкой аргументаціи, исходившей иногда отъ непріятеля, съ единственной цѣлью вызвать международную полемику, стремящуюся выразить въ очень краткой формулѣ всѣ требованія и составные элементы будущаго желаннаго мира. По этому поводу полезно повторить мудрыя слова, съ которыми нѣсколько дней тому назадъ американское правительство обратилось къ Россіи: „Прежде всего долженъ быть возмѣщенъ причиненный ущербъ, а затѣмъ нужны гарантіи, что злодѣянія не повторятся, и должны быть найдены дѣйствительныя средства для этого, такъ какъ одного провозглашенія принциповъ, симпатично и пріятно звучащихъ, не достаточно“.

„Общее положеніе, обнимающее столько различныхъ проблемъ, зависящихъ отъ различій расы, цивилизаціи, географическаго положенія, традицій, стремленій и идеаловъ, представляется столь запутаннымъ и сложнымъ, что не можетъ существовать формулы изъ нѣсколькихъ словъ, могущей обнять безконечное число требованій, обусловливаемыхъ всякими отдѣльными случаями. Идея справедливости и человѣчности — животворящій принципъ всякаго гражданскаго прогресса — уже сама по себѣ исключаетъ возможность механическаго и однообразнаго примѣненія простыхъ формулъ, въ виду безконечнаго разнообразія историческихъ и соціальныхъ явленій. Тамъ, гдѣ нѣтъ духа справедливосги и человѣчности, свобода не можетъ процвѣтать. Поэтому чисто отрицательный лозунгъ, провозглашенный петроградскимъ Совѣтомъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ: „Ни аннексій, ни контрибуцій“, безъ положительныхъ указаній на свободу и независимость народовъ и на гарантіи, необходимыя для поддержанія мира и международной справедливости, на практикѣ устанавливаетъ продолженіе прежнихъ несправедливостей и насилій путемъ простого возвращенія къ status quo ante bellum“.

Союзники вообще не были расположены принимать во вниманіе идеи русской революціонной демократіи и часто дѣйствовали

безъ всякихъ церемоній въ духѣ откровеннаго имперіализма. Подобно тому, какъ было поступлено съ албанскимъ народомъ, допускались рѣзкія нарушенія національныхъ правъ Греціи. Державы-покровительницы, раздраженныя враждебною и двуличною политикою короля Константина, потребовали его отреченія, съ устраненіемъ отъ престола его старшаго сына и наслѣдника Георга, раздѣляющаго германофильскія тенденціи отца. Требованія ультиматума, подкрѣпленныя занятіемъ Коринѳскаго перешейка англо-французскими войсками, были исполнены въ назначенный срокъ, 11 іюня (30 мая). Королемъ сталъ младшій сынъ Константина, Александръ, а главою объединеннаго греческаго правительства — Венизелосъ, признанный вождь и представитель значительной части греческой націи. Державы-покровительницы, въ силу договоровъ, могли интересоваться внутренними и внѣшними дѣлами Греціи; онѣ могли также возбудить вопросъ объ устраненіи короля Константина, какъ явнаго ихъ врага и какъ нарушителя конституціи, но онѣ несомнѣнно должны были въ этомъ случаѣ предоставить греческому народу самому рѣшить, сохранить ли монархію или перейти къ республикѣ и кому передать власть — члену фамиліи Шлезвигъ-Гольштейнъ-Зондербургъ-Глюксбургъ, по наслѣдству отъ принца Вильгельма датскаго, навязаннаго грекамъ державами-покровительницами въ 1863 году, или популярному политическому дѣятелю, народному избраннику Венизелосу. Очевидно, принципъ самоопредѣленія малыхъ народностей нарушенъ по отношенію къ Греціи: безъ спроса ея населенія назначенъ правителемъ страны, при самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, двадцатичетырехлѣтній молодой человѣкъ, ничѣмъ не доказавшій своей способности къ самостоятельному веденію крупныхъ общественныхъ дѣлъ и тѣмъ болѣе — къ управленію государствомъ.

Значительныя посягательства на чужія народныя права допущены въ принципѣ и въ нѣкоторыхъ союзныхъ договорахъ, заключенныхъ державами согласія. Дипломатія стараго режима привыкла въ своихъ комбинаціяхъ руководствоваться исключительно интересами и желаніями руководящихъ европейскихъ кабинетовъ, совершенно не принимая въ расчетъ національныхъ правъ и стремленій отдѣльныхъ народностей. Земли этихъ народностей разсматривались какъ возможные предметы добычи, которые послѣ побѣдоносной войны подлежатъ свободному распредѣленію между заинтересованными державами. Въ случаѣ побѣды надъ Австріею условлено по договору съ Италіею, что ей достанется, кромѣ Трентино и Тріеста, и вся Далмація, населеніе которой состоитъ въ громадномъ большинствѣ изъ славянъ. Союзная дипломатія не имѣла, конечно, никакого

нравственнаго права распоряжаться судьбою Далмаціи безъ вѣдома и согласія ея обитателей. Изъ того, что Италія „заинтересована“ въ положеніи Далмаціи и Албаніи, вовсе не слѣдуетъ, что туземное населеніе этихъ областей должно быть передано, какъ стадо барановъ, подъ власть итальянскаго правительства. Представители новой свободной Россіи не могутъ санкціонировать такія рѣзкія нарушенія правъ народовъ на самоопредѣленіе. По договору съ Румыніею ей обѣщаны не только Трансильванія, но и Банатъ и Буковина, хотя въ обѣихъ послѣднихъ провинціяхъ румыны составляютъ лишь незначительное меньшинство населенія. Передача славянскихъ жителей Буковины и Баната подъ владычество Румыніи по рѣшенію посторонннихъ правительствъ, была бы актомъ возмутительнаго насилія, съ которымъ не могла бы примириться русская демократія.

Въ этомъ отношеніи является вполнѣ солидарнымъ съ нами президентъ Соединенныхъ Штатовъ, Вильсонъ, который въ своемъ отвѣтѣ на русскую ноту говоритъ:

„Ни одинъ народъ не долженъ быть насильно подчиненъ владычеству, подъ которымъ не желаетъ жить. Ни одна территорія не должна быть передана изъ однѣхъ рукъ въ другія иначе, какъ съ цѣлью доставленія тѣмъ, кто ее населяетъ, справедливой возможности жизни и свободы. Не должно настаивать на вознагражденіяхъ, кромѣ тѣхъ, которыя составляютъ уплату за явно причиненный вредъ. Не должно быть возстановленій господствъ, кромѣ такихъ, которыя стремились бы обезпечить будущій миръ міра и будущее благосостояніе и счастье его народовъ.“

„А потомъ — продолжаетъ президентъ Вильсонъ — свободные народы міра должны соединиться вмѣстѣ въ общемъ договорѣ въ неподдѣльномъ и практическомъ сотрудничествѣ, которое въ результатѣ сочетало бы ихъ силу на обезпеченіе мира и справедливости во взаимодѣйствіяхъ націй. Братство человѣчества не должно болѣе быть красивою, но пустою фразою; ему надо дать строеніе силы и реальности. Націи должны осуществить общую свою жизнь и организовать активное сотрудничество для обезпеченія этой жизни противъ нападеній самодержавной и себялюбивой власти.

Таковы тѣ цѣли, къ которымъ мы всегда открыто стремились, и если мы нынѣ не будемъ расточать крови и достоянія и не будемъ имѣть успѣха, то мы, можетъ быть, никогда не будемъ способны объединиться или явно достичь снова силы въ великомъ дѣлѣ человѣческой свободы. Насталъ день одержать верхъ или покориться. Если силы автократіи могутъ разъединить насъ, то они подавятъ насъ; если мы будемъ стоять объединенно, то вѣрна побѣда и эта побѣда обезпечитъ намъ свободу. Тогда мы сможемъ быть великодушны, но мы ни тогда, ни теперь не должны быть слабыми, мы не должны упустить ни одной мѣры обезпеченія справедливости и безопасности.“

Союзники и въ частности присоединившіеся къ нимъ американцы „сражаются за свободу, за самоуправленіе и независимое

развитіе всѣхъ народовъ, и каждая черта того разрѣшенія, которымъ завершится настоящая война, должна быть задумана и выполнена съ этой цѣлью. Несправедливости должны быть прежде всего устранены, а для предотвращенія новаго ихъ совершенія должны быть установлены ясныя и точныя гарантіи. Практическіе вопросы могутъ быть разрѣшены только практическими средствами. Фразы не доведутъ до результата. Только дѣйствительныя мѣры приведутъ къ цѣли, и какія бы мѣры ни оказались нужными, онѣ должны быть осуществлены".

Эти слова президента Вильсона должны быть по справедливости примѣнены прежде всего къ политикѣ державъ согласія. Если союзники въ самомъ дѣлѣ борются за свободу развитія и самоопредѣленія всѣхъ народностей, большихъ и малыхъ, то они должны позаботиться, чтобы эти принципы не нарушались ихъ собственными союзными договорами и обязательствами; они должны были поэтому признать вполнѣ правильнымъ предъявленное нашими революціонными партіями требованіе соотвѣтственнаго пересмотра союзныхъ соглашеній. Нѣкоторые возражали противъ такого требованія и находили его неумѣстнымъ и недопустимымъ на томъ основаніи, что по общему правилу формально заключенные международные договоры сохраняютъ будто бы свою силу при всякихъ перемѣнахъ правительства и даже формы правленія. Въ дѣйствительности съ ниспроверженіемъ династіи и связаннаго съ нею монархическаго строя мѣняется, такъ сказать, лицо государства, какъ субъекта международнаго права; вмѣсто самовластнаго и безотвѣтственнаго царя, заключившаго по своему усмотрѣнію извѣстные договорные акты, выступаетъ свободный, самоопредѣляющійся народъ въ лицѣ революціоннаго Временнаго Правительства, и послѣднее имѣетъ несомнѣнное право провѣрить и обсудить содержаніе этихъ актовъ, чтобы рѣшить, какіе изъ нихъ и въ какой мѣрѣ могутъ считаться обязательными для новой демократической власти. Независимо отъ перемѣны въ субъектѣ государства, въ данномъ случаѣ вполнѣ примѣнимъ старый юридическій принципъ, по которому недѣйствителенъ договоръ и обязательство ничтожно, если они клонятся къ цѣли, противной закону или добрымъ нравамъ; а секретное распоряженіе судьбою чужой народности ради выгодъ и честолюбія посторонннихъ державъ есть дѣйствіе безусловно противное нравственности и справедливости. Сами союзныя правительства косвенно отреклись отъ сдѣлокъ о передачѣ славянъ Далмаціи — итальянцамъ, а Буковины и Баната — румынамъ, такъ какъ при обсужденіи русской формулы „мира безъ аннексій" они защищали только право Франціи на Эльзасъ-Лотарингію, освобожденіе Арменіи отъ турецкаго ига и т. п., не упоминая ни однимъ

словомъ о незаконныхъ обѣщаніяхъ, данныхъ Италіи и Румыніи относительно чужихъ земель, населенныхъ по преимуществу славянами и мадьярами. Послѣ революціи наше дипломатическое вѣдомство на первыхъ порахъ стояло на той точкѣ зрѣнія, что всѣ союзныя соглашенія и обязательства стараго режима сохраняютъ полную силу и остаются неприкосновенными для революціонной Россіи; но преувеличенный страхъ передъ союзниками мало помалу прошелъ, и министерство иностранныхъ дѣлъ официально возбудило вопросъ о пересмотрѣ договоровъ, не опасаясь чьихъ-либо протестовъ и неудовольствій. Особая союзная конференція должна будетъ вновь разсмотрѣть заключенныя раньше сдѣлки по существу, и если результаты окажутся непріятными для отдѣльныхъ государствъ, то винить за это придется лишь великій стихійный переворотъ, поставившій свободную и сознательную русскую демократію на мѣсто затхлаго и гнилого, всемогущаго въ теоріи, но безсильнаго на дѣлѣ царизма.

Если пропаганда идеи пересмотра союзныхъ договоровъ имѣла практическій успѣхъ, то остальныя требованія и надежды нашихъ пацифистовъ потерпѣли крушеніе. Обращеніе къ нѣмецкой соціалъ-демократіи съ доброжелательнымъ совѣтомъ устроить революцію по русскому образцу, свергнуть Вильгельма II и положить конецъ всѣмъ ужасамъ войны немедленнымъ заключеніемъ мира на основѣ справедливости и всеобщаго братства народовъ — было встрѣчено насмѣшками германскихъ „товарищей“ и удивило нашихъ заграничныхъ друзей своею необычайною наивностью и искреннимъ прекраснодушіемъ; оно свидѣтельствовало также о непониманіи реальныхъ отношеній и о мечтательной, фантастической вѣрѣ въ старые нѣмецкіе лозунги, давно утратившіе значеніе въ самой Германіи, — о солидарности пролетаріевъ всѣхъ странъ (призывъ „Коммунистическаго манифеста“ 1849 года: „пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“ — до сихъ поръ заботливо ставится во главѣ нашихъ соціалъ-демократическихъ газетъ), о диктатурѣ революціоннаго пролетаріата и т. п. Наши вѣрующіе утописты, воспитанные на нѣмецкихъ доктринахъ и программахъ, выработали очень простую схему практическихъ мѣръ для достиженія окорѣйшаго мира: пролетаріи всѣхъ странъ или, вѣрнѣе, дѣйствующіе отъ ихъ имени соціалъ-демократы должны, во-первыхъ, заставить свои отечественныя правительства отказаться отъ всякихъ завоевательныхъ и имперіалистскихъ плановъ, и во-вторыхъ, созвать международную соціалистическую конференцію для установленія мирныхъ условій, могущихъ служить преддверіемъ къ новому строю международнаго сожительства и культурныхъ международныхъ связей. Предпола-

галось, что соціалъ-демократы, какъ руководители рабочаго класса, представляютъ главную массу трудящагося населенія и могутъ дѣйствительно взять на себя рѣшеніе вопросовъ войны и мира, помимо правительствъ и всѣхъ солидарныхъ съ ними классовъ населенія, фактически господствующихъ въ странахъ западной Европы, т. е. безъ участія буржуазіи, торгово-промышленнаго класса, землевладѣльческаго крестьянства, военнаго класса, чиновничества и ученой, учащей, пишущей и проповѣдующей интеллигенціи. Въ каждой странѣ пролетаріатъ замѣняетъ собою будто бы цѣлую націю: пролетаріи всѣхъ странъ, черезъ своихъ делегатовъ, легко столкуются между собою, такъ какъ по принципу интересы ихъ предполагаются однородными и одинаково враждебными капитализму, милитаризму и имперіализму.

Самая мысль объ организованномъ выступленіи международной соціалъ-демократіи въ пользу скорѣйшаго и прочнаго мира заслуживала полнаго сочувствія, но, къ сожалѣнію, она соединялась съ цѣлымъ рядомъ иллюзій, которыя, по странному совпаденію, клонились исключительно къ выгодѣ имперіалистической и милитаристской Германіи. Во-первыхъ, упорно забывалось или намѣренно замалчивалось то обстоятельство, что немедленный миръ былъ бы въ дѣйствительности заключенъ съ Вильгельмомъ II и Гинденбургомъ, а вовсе не съ нѣмецкой соціалъ-демократіей, и потому былъ бы неизбѣжно тѣмъ „германскимъ миромъ“, котораго добиваются властвующіе военные и сословно-монархическіе элементы обѣихъ центральныхъ имперій. Во-вторыхъ, такой миръ, заключенный съ представителями хищныхъ, воинственныхъ династій Гогенцоллерновъ и Габсбурговъ въ моментъ ихъ видимаго военнаго торжества, возвысилъ бы и укрѣпилъ ихъ авторитетъ на многіе годы, далъ бы новую силу и оправданіе германскому милитаризму, поставилъ бы мирное существованіе Европы въ зависимость отъ доброй воли, степени предпріимчивости и честолюбія австро-нѣмецкихъ правителей, и слѣдовательно не могъ бы имѣть ничего общаго съ принципами соціалъ-демократіи. Въ-третьихъ, рѣшимость союзныхъ державъ продолжать войну до побѣднаго конца, вызываемая стремленіемъ разъ навсегда избавиться отъ постоянныхъ угрозъ надменной прусской военщины и добиться долговѣчнаго, вполнѣ обезпеченнаго и справедливаго мира, — объяснялась чѣмъ-то совершенно другимъ и прежде всего своекорыстными интересами французскихъ и британскихъ капиталистовъ. Многіе соціалисты, привыкшіе воевать только съ капитализмомъ и буржуазіею, какъ будто не замѣчали, что въ дѣлахъ войны и мира главную роль играетъ традиціонный уродливый военно-монархическій строй, позволяющій

случайнымъ представителямъ такъ называемыхъ царствующихъ фамилій распоряжаться судьбою государствъ и народовъ. Въ идейную борьбу за миръ вносились общія формулы классовой борьбы пролетаріата противъ буржуазіи и капитализма, при чемъ отдѣльные, бросающіеся въ глаза факты недобросовѣстной спекуляціи и мародерства обобщались и приписывались всѣмъ вообще дѣятелямъ промышленнаго капитала. Между тѣмъ война прежде всего уничтожаетъ и обезцѣниваетъ массу капиталовъ и имуществъ, приводитъ къ закрытію промышленныхъ предпріятій и къ прекращенію цѣлыхъ отраслей производства, упраздняетъ внѣшнюю торговлю, подрываетъ кредитъ, понижаетъ цѣнность наличныхъ капиталовъ и бумажныхъ денегъ и вноситъ полную разруху и анархію въ ходъ торгово-промышленной жизни страны вслѣдствіе разстройства транспорта и доставляетъ исключительныя выгоды только сравнительно небольшому и наименѣе вліятельному классу лицъ, занимающихся поставками для арміи или работающихъ на оборону. Повторяемъ: первая насущная задача соціализма должна заключаться въ упраздненіи монархіи со всѣми ея принадлежностями, ибо пока существуетъ въ Европѣ могущественное монархическое гнѣздо, въ родѣ австро-германскаго, до тѣхъ поръ не можетъ быть и рѣчи ни о прочномъ справедливомъ мирѣ, ни о проведеніи въ жизнь основъ соціалистическаго строя. Международное объединеніе трудящихся классовъ именно на этой почвѣ имѣло бы огромное моральное значеніе и открыло бы прямой путь къ важнѣйшимъ практическимъ успѣхамъ соціализма.

Идея солидарности и единства пролетаріата разныхъ государствъ и націй поддерживалась еще въ теоріи, но сразу исчезла послѣ объявленія войны, когда германскіе соціалъ-демократы, одѣтые въ солдатскіе и офицерскіе мундиры, бросились на своихъ бельгійскихъ и французскихъ „товарищей“ по первому приказу Вильгельма II. Тѣмъ не менѣе, когда нѣмцы разочаровались въ скорой побѣдѣ, германская соціалъ-демократія стала обнаруживать признаки нѣкотораго оживленія, и явилось желаніе возстановить отношенія между соціалистами воюющихъ державъ съ цѣлью подготовки почвы для переговоровъ о мирѣ. Въ сентябрѣ 1915 года собралась въ Циммервальдѣ, въ Швейцаріи, первая соціалистическая конференція „интернаціоналистовъ“, при 37 участникахъ, изъ которыхъ почти половина состояла изъ русскихъ эмигрантовъ; видными дѣятелями были швейцарцы Робертъ Гриммъ и Платтенъ; изъ Германіи было девять делегатовъ, изъ Италіи четыре, изъ Франціи — два представителя „безъ мандатовъ“. Опредѣленныхъ результатовъ достигнуто не было, но первый шагъ былъ сдѣланъ. Французскій національный конгрессъ соціалистической партіи, въ декабрѣ того

же года, высказался противъ международныхъ сношеній съ германскими соціалистами, пока послѣдніе не вернутся открыто и на дѣлѣ къ принципамъ Интернаціонала. Однако, и на второмъ „циммервальдскомъ“ съѣздѣ, состоявшемся въ Кинталѣ, присутствовало три француза; нѣмецкихъ делегатовъ было семь человѣкъ; изъ русскихъ явились главнымъ образомъ „большевики“ — т. е. представители бывшаго большинства партійнаго съѣзда 1903 года, оставшіеся потомъ въ меньшинствѣ и отколовшіеся отъ остальной партіи въ видѣ особой группы непримиримыхъ — съ Ленинымъ во главѣ. Кинтальская конференція, болѣе извѣстная подъ названіемъ Второго Циммервальда, занималась рѣзкою критикою дѣятельности или вѣрнѣе, бездѣйствія интернаціональнаго соціалистическаго бюро, существующаго въ Гаагѣ, и выработала длинную декларацію, въ которой доказывается невозможность прочнаго мира при капиталистическомъ строѣ, процвѣтающемъ въ Англіи и во Франціи при чемъ ни слова не говорится объ убійственной роли уродливой военно-монархической организаціи центральныхъ имперій.

Позднѣе, по мѣрѣ того какъ война затягивалась, хлопоты о созывѣ новаго Интернаціонала усиливались и принимали какой-то лихорадочный характеръ. Центромъ предварительныхъ соціалъ-демократическихъ совѣщаній и съѣздовъ служилъ Стокгольмъ. Международное соціалистическое бюро въ Гаагѣ, хотя имѣющее въ своемъ составѣ только представителей Голландіи и скандинавскихъ государствъ, рѣшилось наконецъ выступить съ приглашеніемъ на новую конференцію, но затѣмъ охотно уступило иниціативу болѣе крупному и авторитетному учрежденію, воплощающему собою новую революціонную Россію, — нашему Совѣту Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. Русскіе соціалъ-демократы, какъ наиболѣе довѣрчивые и наиболѣе склонные увлекаться отвлеченными формулами, усердно принялись за дѣло, и такъ или иначе, международная конференція, имѣющая подготовить возрожденіе Интернаціонала, должна состояться.

Кто сильнѣе всего заинтересованъ въ успѣхѣ этихъ хлопотъ — видно уже изъ того, что правительство Вильгельма II официально оказываетъ всякое содѣйствіе разъѣздамъ и совѣщаніямъ не только нѣмецкихъ, но и иностранныхъ соціалистовъ, тогда какъ правительства самыхъ свободныхъ въ мірѣ странъ — Англіи, Франціи и сѣверной Америки, — не признали возможнымъ выдать паспорта своимъ согражданамъ для участія въ Стокгольмской конференціи, такъ какъ чисто личныя доктринерскія мнѣнія отдѣльныхъ соціалистовъ могли бы быть приняты за мнѣнія цѣлыхъ классовъ населенія, что́ ставило бы въ неудобное положеніе отвѣтственныхъ ми-

нистровъ заинтересованныхъ странъ. Подъ видомъ партійныхъ дѣятелей и делегатовъ ѣздили въ Стокгольмъ и Петроградъ тайные и явные агенты германскаго правительства, спеціально занимавшіеся обработкою русскаго общественнаго мнѣнія и особенно нашей соціалъ-демократіи для склоненія Россіи къ сепаратному миру съ Германіею. Между прочимъ, посредникомъ въ секретныхъ переговорахъ такого рода оказался швейцарскій соціалистъ Робертъ Гриммъ, одинъ изъ организаторовъ Циммервальда, прибывшій въ Россію и поддерживавшій дѣятельную переписку съ членомъ швейцарскаго федеральнаго совѣта, завѣдующимъ иностранными дѣлами Швейцаріи, Гофманомъ. Въ Петроградѣ была задержана шифрованная телеграмма на имя швейцарскаго посланника Одлера, изъ Берна, отъ 5 іюня, слѣдующаго содержанія: „Г. Гофманъ, членъ швейцарскаго федеральнаго совѣта, уполномачиваетъ словесно сообщить г. Гримму, что Германія не предприметъ наступленія, пока представляется возможнымъ мирное соглашеніе съ Россіею. Послѣ бесѣды съ компетентнымъ лицомъ я убѣжденъ, что Германія стремится къ миру съ Россіею, почетному для обѣихъ сторонъ, съ болѣе близкими экономическими и торговыми сношеніями, съ финансовой поддержкою со стороны Германіи, чтобы помочь Россіи снова встать на ноги. Никакого вмѣшательства во внутреннія дѣла Россіи; дружеское соглашеніе относительно Польши, Литвы и Курляндіи; возвращеніе Россіи занятыхъ ея территорій, въ обмѣнъ на очищеніе австрійскихъ земель русскими войсками. Если союзники Россіи пожелаютъ, Германія готова немедленно вступить съ ними въ мирные переговоры“. Конечно, оговорка насчетъ союзниковъ сдѣлана только для отвода глазъ, такъ какъ содержаніе депеши касается исключительно условій отдѣльнаго мира съ Россіею, которую Германія готова великодушно взять подъ свою опеку, какъ некультурную, бѣдную страну, нуждающуюся въ посторонней помощи, чтобы „снова встать на ноги“. Депеша Гофмана, какъ выяснилось впослѣдствіи, была отвѣтомъ на телеграфный запросъ Гримма о болѣе точныхъ указаніяхъ относительно германскихъ условій отдѣльнаго мира съ Россіею.

Въ связи съ закулисною работою разнаго рода агентовъ, шла откровенная пропаганда идеи фактическаго прекращенія войны въ интересахъ пролетаріата, согласно выраженной будто бы Германіею готовности заключить миръ на безобидныхъ для воюющихъ сторонъ основаніяхъ. Эта пропаганда велась публично, безъ всякихъ стѣсненій, какъ среди рабочихъ, такъ и въ массѣ солдатъ и даже въ дѣйствующей арміи. Бывшіе эмигранты-„большевики“, которыхъ освобожденная Россія радостно встрѣчала при

возвращеніи ихъ на родину, которыхъ повсюду ставила на первыя почетныя мѣста, какъ своихъ старыхъ и дорогихъ заслуженныхъ друзей-согражданъ, сверхъ всякаго ожиданія отплатили странѣ отвратительною проповѣдью злобныхъ чувствъ и возбужденіемъ худшихъ инстинктовъ темныхъ народныхъ массъ противъ неопредѣленнаго круга лицъ и цѣлыхъ общественныхъ классовъ, именуемыхъ „буржуазными“ и обнимающихъ значительнѣйшую часть русской интеллигенціи, — противъ лицъ и классовъ, завѣдомо ложно обвиняемыхъ въ стремленіи умышленно затягивать войну ради своихъ матеріальныхъ выгодъ. Эти ярые неразборчивые въ средствахъ демагоги, не имѣющіе ничего общаго ни съ сознательною демократіею, ни съ разумнымъ соціализмомъ, систематически возбуждали страсти толпы противъ пассивно-мягкаго, черезчуръ джентльменскаго Временнаго Правительства, выставляя его гнѣздомъ буржуазной контръ-революціи и требуя немедленнаго его низверженія. И. люду повѣрили, что злѣйшіе враги народа — „буржуи“, т. е. всѣ чисто одѣтые и умытые субъекты, предпочитающіе побѣды пораженіямъ, и что съ ними надо безпощадно воевать, а вовсе не съ германцами, которые только потому стоятъ на нашемъ фронтѣ, что боятся нашего наступленія. И рабочіе и солдаты прониклись ненавистью къ „буржуямъ“ и капиталистамъ за то, что они выдумали и подстроили войну и теперь не хотятъ ее кончать; а буржуи и „десять капиталистовъ“ сидятъ во Временномъ Правительствѣ. Злостная агитація политическихъ циниковъ и подозрѣваемыхъ въ продажности демагоговъ завершилась безсмысленнымъ кровопролитіемъ 3—7 іюля и новымъ неожиданнымъ параличомъ, постигшимъ нашу армію послѣ блестящихъ успѣховъ, достигнутыхъ наступленіемъ 18 іюня. Толпы рабочихъ и солдатъ, съ одной стороны, проклинали войну съ германцами во имя миролюбія, а съ другой — проявляли удивительную воинственность противъ своихъ же безоружныхъ согражданъ. Возстаніе, организованное „большевиками“ подъ нелѣпымъ предлогомъ передачи всей власти Совѣту Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, который вовсе ея не желалъ и рѣшительно отъ нея отказывался, грозило гибелью всѣмъ завоеваніямъ революціи, и если этотъ опаснѣйшій кризисъ не привелъ къ катастрофѣ, то во всякомъ случаѣ онъ нанесъ сильный ударъ дѣлу демократической республики и значительно оживилъ надежды и интриги противниковъ народной свободы.

Эти печальныя событія, бросившія мрачную тѣнь на новую свободную Россію, имѣли какую-то темную связь съ дѣлами и предпріятіями подозрительныхъ интернаціональныхъ дѣльцовъ, орудовавшихъ въ Стокгольмѣ въ качествѣ патентованныхъ соціалъ-де-

мократовъ. Соціалъ-демократической партіи приходится теперь открещиваться отъ солидарности съ личностями, которыя до послѣдняго времени безконтрольно дѣйствовали отъ ея имени и пользовались ея фирмою для проведенія своихъ частныхъ честолюбивыхъ или корыстныхъ цѣлей.

Единственнымъ положительнымъ результатомъ партійныхъ хлопотъ и совѣщаній, связанныхъ съ проектами международныхъ соціалистическихъ конференцій, слѣдуетъ считать оглашеніе трехъ отдѣльныхъ и не согласованныхъ между собою нѣмецкихъ программъ мира, выработанныхъ и одобренныхъ, во-первыхъ, германской соціалъ-демократической партіей, во-вторыхъ, независимою соціалъ-демократическою группою, и въ-третьихъ, прогрессивнымъ блокомъ имперскаго сейма. Нѣмецкіе соціалъ-демократы изложили свои взгляды въ особомъ меморандумѣ, переданномъ въ Стокгольмѣ делегатамъ голландско-скандинавскаго комитета въ отвѣтъ на разосланные послѣднимъ вопросные листы. Въ этомъ меморандумѣ содержится много хорошихъ словъ и громкихъ фразъ, но сущность мало отличается отъ неопредѣленныхъ офиціальныхъ заявленій и обѣщаній, какія неоднократно дѣлались Бетманъ-Гольвегомъ. Партія „требуетъ гарантій свободнаго политическаго, экономическаго и культурнаго развитія для своего народа“, но въ чемъ будутъ заключаться эти гарантіи и почему онѣ нужны спеціально только нѣмцамъ, а не другимъ народамъ, — неизвѣстно. Партія осуждаетъ „насилія надъ жизненными интересами другихъ націй“, предоставляя какъ будто всякіе иные интересы, кромѣ „жизненныхъ“, въ распоряженіе побѣдителей; она присоединяется къ русской формулѣ „мира безъ аннексій и контрибуцій“, но допускаетъ добровольныя аннексіи по взаимному соглашенію, съ тѣмъ, что „заинтересованному населенію должна быть дана возможность выселенія“ (!). Партія стоитъ за возстановленіе независимости Бельгіи, но отвергаетъ возмѣщеніе причиненныхъ ей убытковъ со стороны Германіи и находитъ болѣе цѣлесообразнымъ оказать разоренной войною странѣ „международную финансовую помощь, по взаимному соглашенію“, такъ что за разрушеніе бельгійскихъ городовъ и разореніе бельгійской промышленности германцами должны будутъ платить французы и англичане. Признавая право самоопредѣленія за Польшею (безъ польскихъ провинцій Пруссіи и Австріи) и за Финляндіею, партія вмѣстѣ съ тѣмъ выражаетъ „величайшую симпатію дѣлу возстановленія національной независимости“ чужихъ колоніальныхъ владѣній, принадлежащихъ Англіи, Франціи и Италіи, но требуетъ безусловнаго возвращенія отнятыхъ нѣмецкихъ колоній, не упоминая уже о правахъ ихъ на самоопредѣленіе. Наконецъ

партія рѣшительно возстаетъ противъ мысли о возвращеніи Эльзаса-Лотарингіи подъ власть Франціи, предлагая придать этой имперской области характеръ самостоятельнаго союзнаго германскаго государства.

Программа независимой соціалъ-демократической группы, конечно, гораздо либеральнѣе, но имѣетъ только теоретическое значеніе, такъ какъ исходитъ отъ весьма незначительнаго круга лицъ, которыя не разсчитываютъ на проведеніе своихъ взглядовъ въ жизнь и формулируютъ ихъ въ видѣ простыхъ, ни къ чему не обязывающихъ мнѣній. Такъ, независимые соціалъ-демократы находятъ, что населеніе Эльзасъ-Лотарингіи окончательно успокоится, если ему будетъ предоставлена возможность свободно высказаться путемъ плебисцита, къ какому государству оно желаетъ принадлежать, и если результатъ этого народнаго голосованія будетъ заранѣе признанъ Германіей, какъ обязательный и не подлежащій спору. Далѣе, группа признаетъ справедливымъ возстановленіе сербскаго государства и стремленіе сербскаго народа къ объединенію, высказывается въ пользу полнаго вознагражденія Бельгіи, допускаетъ даже нѣкоторыя національныя права прусскихъ поляковъ, право колоній на автономію и т. д.

Одновременно съ выработкою мирной программы большинства нѣмецкой соціалъ-демократіи состоялось соглашеніе прогрессивныхъ партій рейхстага относительно резолюціи о желательномъ мирѣ. Въ составъ этого парламентскаго блока вошли партіи центра, свободомыслящихъ, соціалъ-демократовъ, депутаты отъ Эльзаса-Лотарингіи и отдѣльные члены другихъ партій. Текстъ резолюціи гласитъ:

„Какъ и 4-го августа 1914 г., такъ и теперь, на порогѣ четвертаго года войны, для нѣмецкаго народа обязательны заявленія тронной рѣчи. У насъ нѣтъ завоевательныхъ цѣлей. Германія взялась за оружіе ради защиты своей свободы и ради неприкосновенности своей территоріи. Рейхстагъ стремится къ миру, который имѣлъ бы послѣдствіемъ взаимное соглашеніе и постоянную дружбу между народами. Съ такимъ миромъ несовмѣстимы ни насильственныя территоріальныя пріобрѣтенія, ни политическое, экономическое или финансовое насиліе надъ другими націями. Рейхстагъ также отвергаетъ всякіе планы, стремящіеся къ экономической изоляціи кого-либо и вызывающіе вражду между народами послѣ войны. Свобода морей должна быть обезпечена. Только экономическій миръ можетъ создать почву для дружественной, совмѣстной жизни народовъ.

„Рейхстагъ будетъ содѣйствовать созданію международной правовой организаціи. Однако, пока правительства враждебныхъ странъ не согласны на такой миръ, пока они угрожаютъ Германіи, нѣмецкій народъ долженъ твердо стать, какъ одинъ чело-

вѣкъ, долженъ выносить всѣ тяготы войны и бороться, пока не будутъ обезпечены, какъ его самого, такъ и его союзниковъ, права на жизнь и на развитіе. Въ своемъ единствѣ германскій народъ непобѣдимъ. Рейхстагъ знаетъ, что онъ находится въ единеніи съ тѣми, кто въ геройской борьбѣ защищаетъ отечество. Эти люди могутъ быть увѣрены въ вѣчной благодарности германскаго народа".

Эта резолюція, ничего не говорящая о реальныхъ условіяхъ мира, принята рейхстагомъ уже при новомъ канцлерѣ Михаэлисѣ, 6 (18) іюля. Независимые соціалисты голосовали противъ резолюціи, въ виду нѣкоторыхъ недостатковъ ея съ редакціонной точки зрѣнія; они подавали также свои голоса противъ новыхъ кредитовъ въ размѣрѣ 15 милліардовъ на дальнѣйшее веденіе войны, — зная, конечно, заранѣе, что ихъ отрицательный жестъ не помѣшаетъ правительству получить эти кредиты. Въ высшей степени характерны первыя слова резолюціи, одобренной большинствомъ нѣмецкой соціалъ-демократіи, — лакейская фраза о „тронной рѣчи" Вильгельма II, заявленія котораго „обязательны для нѣмецкаго народа" и въ томъ числѣ, конечно, для нѣмецкаго пролетаріата.

Въ Германіи все остается пока по-старому: монархизмъ торжествуетъ, и новый канцлеръ, какъ и прежній, выражаетъ увѣренность, что нѣмцы останутся „хозяевами положенія" и добьются нужнаго имъ мира. И надо сказать, что „прусскій Богъ", какъ „вѣрный союзникъ на небѣ", до сихъ поръ постоянно помогалъ Германіи и успѣшно выручалъ ее изъ сильнѣйшихъ опасностей, отнимая разумъ у нѣкоторыхъ ея противниковъ въ самые критическіе для нея моменты...

Л. Слонимскій.

ПАМЯТИ
ПРОФЕССОРА АЛЕКСАНДРА ВИКЕНТЬЕВИЧА
КЛОССОВСКАГО.

Въ ночь на 31 марта въ Петроградѣ скончался на 71 году жизни извѣстный метереологъ, заслуженный профессоръ Александръ Викентьевичъ Клоссовскій. Проф. А. В. Клоссовскій былъ человѣкъ выдающагося математическаго ума и во многихъ отношеніяхъ талантливый. Обладая краснорѣчіемъ и большими популяризаторскими дарованіями, онъ привлекалъ въ свою университетскую аудиторію, а также на свои публичныя лекціи многочисленныхъ слушателей. А. В. родился въ 1846 году, въ Волынской губерніи. По окончаніи съ золотою медалью житомирской гимназіи, онъ поступилъ на математическій факультетъ кіевскаго университета, который окончилъ въ 1868 г. со степенью кандидата и поступилъ преподавателемъ математики въ гимназію. Въ 1876 г. по защитѣ диссертаціи pro venia legendi онъ сталъ приватъ-доцентомъ по каѳедрѣ метеорологіи въ кіевскомъ университетѣ. Одновременно съ этимъ онъ читалъ лекціи и на высшихъ женскихъ курсахъ.

Въ 1880 г. онъ переѣзжаетъ въ Петроградъ и становится приватъ-доцентомъ тамошняго университета, но уже осенью этого года по выдержаніи магистерскаго экзамена онъ по представленію профессоровъ Шведова и Умова утверждается п.-д. доцентомъ въ новороссійскомъ университетѣ, Въ 1882 г. онъ защитилъ магистерскую диссертацію; „Новѣйшіе успѣхи метеорологіи“; а въ 1883 г. — докторскую: „Къ ученію объ электрической энергіи въ атмосферѣ“, и вскорѣ становится ординарнымъ профессоромъ новороссійскаго университета.

Главной заслугой покойнаго А. В. за время его 27-лѣтней службы въ новороссійскомъ унивирситетѣ, помимо его педагогической профессорской дѣятельности, является организація метеорологической сѣти юго-запада Россіи и устройство магнито-электрической обсерваторіи въ г. Одессѣ. Организація сѣти получила начало 1886 г. на скудныя средства, асигнованныя херсонскимъ губернскимъ зем-

ствомъ, и содержала въ 1896 году около 1000 наблюдательныхъ пунктовъ. Наблюденія велись въ большинствѣ случаевъ народными учителями, работавшими безвозмездно. Эти наблюденія подвергались затѣмъ разработкѣ въ обсерваторіи проф. А. В. Клоссовскимъ и его ближайшими помощниками.

Работы эти значительно тормазились систематическимъ недостаткомъ средствъ, которыя отпускались только благодаря неутомимой энергіи А. В. и умѣнію, съ которымъ онъ защищалъ интересы своего дѣтища. Работы проф. А. В. Клоссовскаго по организаціи сѣти и разработкѣ ея трудовъ встрѣчали заслуженное одобреніе со стороны различныхъ учрежденій.

За докторскую диссертацію: „Къ ученію объ электрической энергіи въ атмосферѣ“, онъ былъ награжденъ золотою медалью Русскаго географическаго общества и золотою медалью гр. Толстого, присужденной Академіей наукъ. То же географическое общество почтило научную организаторскую дѣятельность А. В. Клоссовскаго присужденіемъ медали имени гр. Литке. Въ 1896 г. за труды по сѣти А. В. былъ награжденъ Академіей наукъ золотою медалью и деньгами, 800 рублей.

Магнито-электрическая обсерваторія была устроена для экспериментальныхъ изслѣдованій и для демонстрацій на лекціяхъ. Отчасти для этой цѣли существовала устроенная еще въ 1865 г. проф. В. И. Лапшинымъ небольшая метеорологическая станція 2-го разряда въ самомъ зданіи университета на Дворянской улицѣ. Но наблюденія магнито-электрическаго характера не могутъ производиться въ центрѣ города, въ виду чего А. В. составилъ проектъ спеціальнаго зданія на университетской дачѣ, на Маломъ Фонтанѣ. Большихъ усилій стоило добиться ассигнованія отъ бывшаго тогда министромъ народнаго просвѣщенія, гр. И. Д. Делянова, 40.000 рублей на постройку зданія, и, кромѣ того, имъ были утверждены особые ежегодные штаты. На 1 января 1908 г. имущество обсерваторіи состояло изъ 525 инструментовъ, 543 книгъ, картъ, атласовъ, журналовъ и мебели, всего на сумму 54.671 руб. 27 коп.

Изъ предыдущаго видно, какъ разнообразна и плодотворна была дѣятельность проф. А. В. Клоссовскаго въ новороссійскомъ университетѣ. Какого колоссальнаго труда и энергіи она требовала! Въ 1900 г. по предложенію министровъ народнаго пр. и земледѣлія магнито-электрическая обсерваторія и сѣть принимали участіе въ парижской всемірной выставкѣ. За эти экспонаты проф. А. В. Клоссовскому была присуждена большая золотая медаль. Наконецъ 22-го мая 1902 года академикъ М. А. Рыкачевъ довелъ до свѣдѣнія физико-математическаго отдѣленія Академіи наукъ, что на первомъ

метеорологическомъ съѣздѣ было высказано пожеланіе, чтобы сѣть юго-запада Россіи получила болѣе прочную организацію учрежденіемъ для нея штатовъ, потому что она поддерживалась до сихъ поръ энергіей и любовью ея основателя, и о наименованіи ея въ честь его сѣтью проф. А. В. Клоссовскаго. Академія наукъ возбудила это ходатайство.

Въ совѣтѣ новороссійскаго университета А. В. принадлежалъ къ прогрессивной группѣ профессоровъ, былъ стойкимъ борцомъ за академическую автономію и палъ жертвой этой борьбы, благодаря высоко развитому въ немъ чувству долга; поводомъ къ этому послужилъ такой фактъ.

Въ 1907 г. министръ народнаго просвѣщенія фонъ-Кауфманъ, спасая свое положеніе, рѣшилъ предать суду сената пишущаго эти строки, бывшаго тогда ректоромъ новороссійскаго университета. Тогда А. В. вошелъ въ совѣтъ университета съ заявленіемъ, въ которомъ высказалъ мысль, что при автономіи университета ректоръ является только исполнителемъ постановленій совѣта, а потому суду долженъ подлежать не ректоръ, а совѣтъ.

Министръ фонъ-Кауфманъ усмотрѣлъ въ этомъ заявленіи оскорбленіе сенату, и проф. Клоссовскому было предложено подать прошеніе объ отставкѣ.

Какое дѣло было министру фонъ-Кауфману, что метеорологическая сѣть лишается своего основателя, а новороссійскій университетъ — выдающагося ученаго, человѣка, 27-лѣтняя жизнь котораго въ г. Одессѣ была исключительно посвящена новороссійскому университету. Развѣ министру фонъ-Кауфману были дороги интересы науки?! Безъ всякихъ колебаній были отклонены представленія академиковъ и другихъ петроградскихъ ученыхъ... Проф. Клоссовскій переѣхалъ въ Петроградъ и сталъ читать лекціи въ качествѣ приватъ-доцента въ петроградскомъ университетѣ, а также на высшихъ женскихъ курсахъ. Къ этому его побуждало и то, что при дороговизнѣ петроградской жизни одной пенсіи не хватало даже и при скромной профессофской жизни. Оставить же Петроградъ, благодаря семейнымъ обстоятельствамъ онъ не могъ. Послѣдніе годы, благодаря постояннымъ болѣзнямъ, онъ сильно ослабѣлъ, почти потерялъ зрѣніе и умеръ тогда, когда надъ нашей родиной возсіяло солнце свободы и правды, и въ будущемъ станутъ невозможны случаи, когда драгоцѣннѣйшія научныя сокровища попираются ногами лицъ, призванныхъ по своему положенію охранять ихъ.

Все это происходило на нашихъ глазахъ, и мы не смогли защитить это сокровище и, можетъ быть, хотя отчасти были

причиной той горечи, съ которой проф. А. В. Клоссовскій оставлялъ жизнь, что между прочимъ вылилось въ томъ объявленіи, которое было напечатано послѣ его смерти въ газетахъ.

ТРУДЪ — ЖИЗНЬ; ЖИЗНЬ — ТРУДЪ.

Кто сотворитъ и научитъ, тотъ великимъ наречется въ царствѣ небесномъ (Матв. V. 11. 19).

Съ 30 на 31 Марта въ $2^1/_2$ час. ночи скончался заслуженный проф.

АЛЕКСАНДРЪ ВИКЕНТЬЕВИЧЪ КЛОССОВСКІЙ.

Въ исполненіе воли почившаго единолично похоронила жена его 3 Апр. Александро-Невская Лавра.

И. Занчевскій.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Г. Ферреро. Величіе и паденіе Рима. Томъ III. Отъ Цезаря до Августа. Пер. А. Захарова. М. 1916.

Г. Захаровъ, взявшій на себя почтенный трудъ перевода замѣчательнаго изслѣдованія Ферреро на русскій языкъ, быстро приближается къ окончанію своей работы. Въ томъ же 1916 году, когда появился въ переводѣ второй томъ „Величія и паденія Рима“ [1]), г. Захаровымъ выпущенъ переводъ и слѣдующей части этого труда, соотвѣтствующей по существу третьему тому итальянскаго оригинала или третьему и четвертому томамъ французскаго авторизованнаго перевода. При этомъ, полагая въ основаніе своей работы не итальянскій оригиналъ, а французскій переводъ, г. Захаровъ и въ отношеніи расположенія матеріала слѣдуетъ этому послѣднему. На нашъ взглядъ это вполнѣ раціонально. Дѣло въ томъ, что въ итальянскомъ изданіи не нашли себѣ мѣста всѣ тѣ критическіе экскурсы и примѣчанія, которые внесены авторомъ въ изданіе французское. Они были обѣщаны въ качествѣ особаго томика, но этотъ томикъ во время работы надъ русскимъ переводомъ такъ и не появился, а между тѣмъ этотъ отсутствующій въ итальянскомъ оригиналѣ матеріалъ представляетъ весьма значительный и при томъ не только узко-спеціальный интересъ.

Только что появившійся очередной томъ перевода посвященъ изложенію и изслѣдованію тѣхъ событій, которые имѣли мѣсто въ теченіе 17 лѣтъ, протекшихъ между убійствомъ Юлія Цезаря и тѣмъ временемъ, которое, по выраженію Моммзена, было временемъ рожденія принципата (27 г. до Р. Х.). Источники, которыми для этой эпохи мы располагаемъ, крайне темны: спутаны, ошибочны и субъективны. Тщательная критика ихъ существенно необходима. Это, между прочимъ, лишній доводъ за сохраненіе въ русскомъ переводѣ критическаго матеріала, внесеннаго во французское изданіе и отсутствующаго въ изданіи оригинальномъ.

---

[1]) См. наши замѣтки по поводу появленія въ переводѣ перваго и второго тома труда Ферреро, „Вѣстникъ Европы“, 1915, мартъ, и 1916, май.

Предпринимаемая повѣрка источниковъ имѣетъ своимъ результатомъ то, что Ферерро устанавливаетъ рядъ положеній, рѣзко расходящихся съ традиціей. Въ предисловіи къ итальянскому изданію самъ авторъ говоритъ о четырнадцати такихъ пунктахъ, гдѣ ему пришлось вступить въ указанный конфликтъ. Но изъ этихъ четырнадцати — это подчеркиваетъ и Ферреро — наибольшее значеніе имѣютъ два. Во-первыхъ, онъ полагаетъ, что совершенно ложенъ взглядъ, согласно которому Августъ разсматривается въ качествѣ выполнителя плановъ, предначертанныхъ Цезаремъ. Во-вторыхъ, онъ рѣшительно отказывается видѣть въ Октавіанѣ творца монархіи. Реформу его онъ считаетъ ничѣмъ инымъ, какъ реставраціей республики и при томъ реставраціей не только формальной, но и по существу. Эти двѣ идеи можно считать доминирующими въ разсматриваемой нами части работы Ферреро, и отпечатокъ ихъ лежитъ на всѣхъ болѣе интересныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе оригинальныхъ главахъ третьяго тома, изъ которыхъ въ качествѣ центральныхъ, нужно указать на главы: I (Три бурные дня, 15, 16, 17 марта 44 г. до Р. Х.), XXI и XXIII (Возстановленіе республики).

Было уже указано, что взглядъ на Августа, какъ на продолжателя и выполнителя плановъ Цезаря, Ферреро отвергаетъ, какъ взглядъ чисто легендарный. Если и можно говорить о комъ-нибудь, какъ о преемникѣ въ идеяхъ и планахъ великаго диктатора, такимъ лицомъ, по мнѣнію Ферреро, скорѣе является Антоній. „Онъ зналъ послѣднія мысли диктатора, онъ владѣлъ его самыми важными бумагами и пытался реализовать проекты, задуманные тѣмъ предъ концомъ жизни, толкая Римъ къ Востоку и восточной цивилизаціи и стараясь употребить силы Италіи на основаніе великой монархіи, подобной монархіямъ преемниковъ Александра“ (стр. 426, ср. стр. 484—485). Но и въ отношеніи Антонія Ферреро не думаетъ, что онъ вступилъ на этотъ путь сознательно въ самый моментъ смерти своего великаго принципала. Напротивъ, въ первое время послѣ трагедіи мартовскихъ идъ Антоній представляется автору растеряннымъ и смущеннымъ. Вообще реконструкція тѣхъ трехъ дней — 15, 16 и 17 марта, — на которые падаетъ рядъ событій отъ убійства диктатора до перваго затѣмъ засѣданія сената получаетъ подъ перомъ Ферреро отпечатокъ большой оригинальности. Признавая точное установленіе падающихъ на это время событій чрезвычайно важнымъ, Ферреро предлагаетъ оправданіе своей конструкціи въ особомъ — данномъ въ концѣ тома — приложеніи (I), приложеніи замѣчательномъ своимъ критическимъ остроуміемъ и виртуознымъ использованіемъ источниковъ. Въ извѣстной связи съ этимъ пер-

зымъ приложеніемъ стоитъ и приложеніе второе (II), гдѣ трактуется вопросъ о предпринятомъ Цезаремъ предъ смертью распредѣленіемъ провинцій — Сиріи и Македоніи. Полученные при рѣшеніи этихъ двухъ проблемъ результаты являются рѣшающими въ построеніи первыхъ главъ третьяго тома.

Оригинально освѣщеніе и дальнѣйшей дѣятельности Антонія. Правда, онъ воспринялъ идеи Цезаря и проникся ими, но осуществить ихъ ему не было суждено. Мечта о діадемѣ восточнаго монарха погибла въ день катастрофы при Акціумѣ. Но къ тому вели сами событія, и Ферреро находитъ, что винить въ постигшемъ Антонія крушеніи его плановъ только его самого, было бы несправедливо, а видѣть основаніе всей политики Антонія и его неудачъ въ любви его къ Клеопатрѣ — смѣшно. Говоря о безнадежномъ положеніи вещей, создавшемся въ Римѣ къ 41 году, Ферреро замѣчаетъ и подчеркиваетъ, что „одинъ только человѣкъ начиналъ думать, что нужно что-нибудь сдѣлать для выхода изъ этого безотраднаго положенія и для обузданія всеобщаго распада. Это былъ Антоній, котораго древніе историки обвиняютъ въ томъ, что послѣ Филиппъ онъ думалъ лишь о Клеопатрѣ. Онъ изучилъ составленные Цезаремъ планы парѳянской войны, которыми овладѣлъ въ ночь на 16 марта, и говорилъ себѣ, подобно Цезарю, что только завоеватель Парѳіи будетъ имѣть по своемъ возвращеніи достаточно денегъ и славы, чтобы быть господиномъ положенія“ (стр. 237). Конечно, Клеопатра сыграла въ жизни Антонія роковую роль, возможно, что онъ и любилъ ее, но все же, по существу, она для него не цѣль, а средство. Антонію былъ необходимъ парѳянскій тріумфъ, для войны нужны деньги, а получить ихъ въ достаточномъ количествѣ можно было только въ сокровищницѣ Лагидовъ. Отсюда и отношенія къ Клеопатрѣ, и бракъ съ нею, а какъ роковой финалъ — легкомысленное и преждевременное бѣгство при Акціумѣ, явившееся трагическимъ, но вполнѣ естественнымъ завершеніемъ двойственной политики Антонія, являвшагося передъ фронтомъ арміи, какъ римскій проконсулъ, а въ сокровищницу Лагидовъ, какъ мужъ Клеопатры и преемникъ власти царей Египта... Выясненіе основъ этой политики и ея роли въ исходѣ борьбы съ Августомъ посвящено третье приложеніе (III, раньше оно было напечатано въ видѣ особой статьи подъ заглавіемъ „Antoine et Cléopâtre“ въ Revue de Paris).

Но какъ бы тамъ ни было, дѣло Антонія было проиграно. Преданный Клеопатрой тріумвиръ покончилъ съ собою, и Александрія пала. Самымъ богатымъ, могущественнымъ и популярнымъ человѣкомъ римскаго государства былъ Октавіанъ. И ближайшей своей задачей онъ поставилъ реставрацію республики. Такъ думаетъ

Ферреро. Полагая, съ одной стороны, что республиканскія учрежденія были болѣе жизненны, чѣмъ обычно думаютъ (стр. 17), а, съ другой, что Италія для монархіи въ ту эпоху еще не созрѣла (стр. 441), онъ утверждаетъ, что результатомъ реформъ Августа — по крайней мѣрѣ къ 27 году — было возстановленіе республиканскаго строя. Это была именно республика, а не скрытая подъ республиканскими формами монархія или діархія (стр. 447). Въ качествѣ существеннаго измѣненія старой республиканской конституціи Ферреро все же признаетъ созданіе верховной единоличной магистратуры, хотя и стоящей подъ обычными законами, но съ болѣе широкой компетенціей и даваемой на большій, нежели нормальный, срокъ, по образцу рекомендованной Цицерономъ въ его De Republica (стр. 443).

Таково заключительное положеніе Ферреро. Конечно, оригинальность и спорность часто идутъ рука объ руку. Въ этомъ отношеніи не является исключеніемъ и работа Ферреро, при чемъ наибольшія возраженія, на нашъ взглядъ, возбуждаетъ послѣдній изъ отмѣченныхъ вопросовъ — проблема реформъ Августа. Но даже если и не соглашаться съ нѣкоторыми положеніями нашего автора, все же нельзя не отмѣтить того, что его трудъ и въ частности тотъ томъ его, о которомъ идетъ рѣчь, можно цѣнить не только, какъ произведеніе ученое, созданное первокласснымъ знатокомъ, но и какъ вещь художественную, блестяще и увлекательно написанную, гдѣ часто три — четыре фразы даютъ яркую и цѣльную картину или характеристику. Въ этомъ отношеніи особенно бросаются въ глаза тѣ мѣста, гдѣ авторъ касается литературы Рима общей, и, въ частности, изящной и нѣсколькими словами создаетъ тому или иному произведенію того или другого автора блестящій историческій тонъ и яркую перспективу.

Въ заключеніе можно отмѣтить нѣсколько опечатокъ. Напримѣръ — стр. IV „...въ теченіе 27 лѣтъ“. — должно быть: 17. — стр. 28: „бѣшеныя банды бросились на дома Брута и Цезаря...“ — должно быть, конечно: Брута и Кассія. — „16.000 талантовъ“, о которыхъ говорится на стр. 135, на стр. 145 превращаются уже въ шестнадцать милліоновъ талантовъ и т. д. Впрочемъ, это погрѣшности — вполнѣ очевидныя, а потому и ничтожныя...

Б. П. Ивановъ.

О. А. Рязановскій. Демонологія въ древне-русской литературѣ. Москва, 1916.

Затронутый въ данной книгѣ вопросъ касается весьма интересной стороны народной религіи, являющейся источникомъ множества художественно-поэтическихъ образовъ. Авторъ книги ста-

вить своей задачей „дать концепцію древне-русскихъ вѣрованій въ злыхъ духовъ по памятникамъ древне-русской литературы и, по возможности, выяснить генезисъ этихъ вѣрованій“ (с. 4, 10), исключая чисто-механически изъ круга своего изслѣдованія область народной словесности и останавливаясь только на періодѣ византійско-русскаго бѣса до XVII в., намѣченномъ нѣкогда Ѳ. И. Буслаевымъ — въ противовѣсъ другому болѣе позднему періоду западнаго бѣса и бѣса раскольниковъ. Судя по содержанію книги О. А. Рязановскаго въ цѣломъ, послѣдній пытается по памятникамъ древне-русской письменности раскрыть тогдашнія реально-бытовыя представленія о дьяволѣ, нечистой силѣ и т. д., что даже относительно среды книжныхъ людей того времени представляется заданіемъ методологически-ложнымъ, ибо литература вытекаетъ прежде всего изъ русла своей собственной литературной традиціи и въ разсматриваемомъ частномъ случаѣ характеризуетъ запасъ не общенародныхъ конкретно-сознаваемыхъ демонологическихъ вѣрованій, а лишь наслѣдіе литературныхъ вліяній и мѣстной книжной производительности. Въ своемъ изложеніи авторъ нарушаетъ не только элементарныя историко-литературныя, но и чисто-хронологическія обязательства. Въ первой же главѣ подъ занимательнымъ заголовкомъ: „Исторія Дьявола“ — мы находимъ нестройный, чуждый анализа и недоступный синтезу — сводъ разнородныхъ, неравноцѣнныхъ и даже другъ друга затемняющихъ образовъ, мотивовъ и деталей, привязанныхъ къ какой-то отвлеченной идеѣ князя Тьмы. Здѣсь демоническія черты библейскаго дьявола перемежаются и дополняются чертами иной литературной формаціи евангельскаго бѣса; здѣсь же, одновременно, богословско-догматическія сужденія о сатанѣ и ангелахъ его, почерпнутыя изъ твореній св. церкви, поставлены наравнѣ съ апокрифическими представленіями о немъ, т. е. наравнѣ съ образами народно-поэтической религіозной легенды. И эта дисгармоническая масса демонологическихъ мотивовъ, могущая вмѣститься въ хронологическія рамки лишь тысячелѣтія, объединяется въ сознаніи автора, очевидно, только потому, что вся она собрана со страницъ древне-русской письменности. Но мы можемъ сказать съ полной увѣренностью, что въ такомъ именно видѣ, въ такой концепціи „исторія Дьявола“ никогда не существовала ни въ древне-русской литературѣ, ни въ живомъ міровоззрѣніи древне-русскаго человѣка, къ какому бы историческому моменту мы ни обратились на пространствѣ отъ XI до XVII вѣка. Начертанная авторомъ „исторія Дьявола“ есть цѣликомъ абстрактное построеніе, не имѣющее ни реальнаго значенія древне-русской демонологической космогоніи, ни чисто-научнаго

опыта, — вслѣдствіе нарушенія авторомъ принциповъ историко-литературнаго анализа.

Съ тѣми же пріемами изслѣдованія и изложенія построены и дальнѣйшія главы книги Ѳ. А. Рязановскаго, — изъ которыхъ: вторая: „Миѳологическія черты въ древне-русскомъ бѣсѣ“ и третья: „Общія представленія о Дьяволѣ и бѣсахъ въ древне-русской литературѣ“ болѣе тѣсно примыкаютъ къ первой, образуя вмѣстѣ съ ней какую-то суммарную характеристику древне-русскаго демонологическаго наслѣдія, гдѣ сведены авторомъ подъ одну черту византійскіе, юго-словянскіе и западные источники, а также — жалкіе остатки туземныхъ языческихъ мотивовъ, независимо отъ ихъ хронологическихъ отношеній. Въ главахъ второй половины книги демонологическія представленія изъ памятниковъ древне-русской письменности распредѣлены авторомъ по нѣсколькимъ широкимъ группамъ: 1) бѣсы-мучители; 2) бѣсы-искусители; 3) борьба съ бѣсами и 4) бѣсы въ эсхатологіи. Здѣсь авторъ касается мелкихъ бѣсовскихъ обликовъ, которые представляютъ собою самостоятельныя, подлинно-конкретныя поэтическія формаціи, могущія служить элементами для отвлеченной научной концепціи — образа древне-русскаго бѣса. Но то же пользованіе несродными и несводимыми источниками (евангеліе, Тертулліанъ, восточный патерикъ, апокрифы, древнерусское поученіе, повѣсть о бѣсноватой Соломоніи — XVII в. и т. п.), а сверхъ того смѣшеніе въ широко-размѣченныхъ группахъ хотя мелкихъ, но характеристичныхъ бѣсовскихъ обликовъ — вызываетъ предъ читателемъ лишь нестройный рядъ обезличенныхъ демоническихъ фигуръ.

Ясно, что авторъ книги, пытаясь дать концепцію демонологическихъ вѣрованій исключительно по памятникамъ древне-русской письменности, не сумѣлъ стать на путь историко-литературнаго анализа, опредѣляемаго законами литературной эволюціи. Не учтя этихъ законовъ, авторъ съ закрытыми глазами прошелъ мимо того, что въ историческомъ процессѣ книжнаго накопленія древне-русскихъ демонологическихъ представленій первую роль неизмѣнно играла литературная традиція, драгоцѣннымъ зерномъ которой, а потому исходнымъ для изслѣдователя — является единичный поэтически-конкретный образъ. Межъ тѣмъ, авторъ подъ одно отвлеченное наименованіе бѣса втиснулъ множество демоническихъ личинъ — отъ Сатаніила-Деміурга богомильскихъ апокрифовъ, отъ евангельскаго Дьявола, искушающаго Христа, отъ величественнаго облика Антихриста до мелкихъ бѣсовъ аскетическихъ видѣній, до бѣса мефистофельской формаціи изъ повѣсти о Саввѣ Грудцынѣ, до темнозрачнаго бѣса-инкуба изъ повѣсти о бѣсно-

ватой Соломоніи и т. п. Такое смѣшеніе несмитныхъ бѣсовскихъ обличій составляетъ одну изъ главнѣйшихъ ошибокъ автора, обезцѣниваетъ и самые выводы его книги.

Другимъ важнымъ недостаткомъ книги Ѳ. А. Рязановскаго надо признать то, что въ ней чрезвычайно поверхностно затронутъ крайне-интересный для читателя и поучительный вопросъ о томъ, какъ совершалось на русской почвѣ усвоеніе (хотя бы литературное) пришедшихъ къ намъ съ христіанствомъ демонологическихъ мотивовъ и представленій, какія формы принимало это усвоеніе, и въ какихъ литературно-осязательныхъ фактахъ оно выразилось. Межъ тѣмъ, научное раскрытіе даннаго вопроса могло бы стать лучшей и обильной цѣнными выводами стороной въ изслѣдованій древнерусской демонологіи.

В. О.

Русская литература XX вѣка подъ редакціей проф. С. А. Венгерова. Изд. т-ва „Міръ". Москва. Кн. VI и VII.

VI-й выпускъ „Русской литературы XX вѣка" открывается статьей редактора, проф. С. А. Венгерова, посвященной беллетристикѣ и публицистикѣ 80-хъ годовъ. Эта беллетристика стоитъ какъ бы въ сторонѣ отъ того неоромантическаго направленія, какимъ опредѣляетъ С. А. Венгеровъ историко-литературный процессъ періода русской литературы на рубежѣ девятнадцатаго и двадцатаго вѣковъ. Уясняя этотъ процессъ, авторъ констатируетъ и единство литературной психологіи, и общность психологическихъ устремленій, — исключительную, по его выраженію, возбужденность, отличающую разсматриваемый имъ періодъ. Но тѣмъ болѣе горестную полосу на фонѣ этого періода являетъ собою беллетристика 80-хъ годовъ — годовъ свирѣпаго побѣдоносцевскаго господства, подъ вліяніемъ котораго поникла и жизнь и литература въ лицѣ ряда ея представителей, краткія характеристики которыхъ тутъ же набрасываетъ С. А. Венгеровъ. — Что представляла собой публицистика той поры, — объ этомъ даетъ понятіе слѣдующая глава. Если „отсутствіе полета и устремленій, широкихъ задачъ и дерзаній" представляютъ собою черты, которыми опредѣляетъ С. А. Венгеровъ характеръ и содержаніе беллетристики 80-хъ годовъ, то „дряблое примиренчество, лукавый оппортунизмъ, общій сдвигъ политической мысли въ сторону очень пониженныхъ требованій" — отличительные признаки публицистики этихъ мрачныхъ годовъ. Теорія непротивленія злу, теорія „малыхъ дѣлъ", расцвѣтъ шовинистской и рептильной прессы, на ряду съ совершенно задавленной передовой печатью, оппортунизмъ и ренегатство дѣятелей прогрессивнаго лагеря — главнѣйшія черты, которыми

обрисовываетъ С. А. Венгеровъ духовный маразмъ и идейное растлѣніе, царившіе въ публицистикѣ, точнѣе, журналистикѣ 80-хъ годовъ. И какъ въ главѣ о беллетристикѣ, такъ и въ этой главѣ зафиксированъ рядъ живыхъ, въ большинствѣ бѣглыхъ, но порой полныхъ яркости портретовъ, отражающихъ въ себѣ мракъ и запустѣніе этихъ тусклыхъ годовъ...

Помимо редакторской статьи, VI-й и VII-й выпуски обнимаютъ группу писателей — Леонида Андреева, Инокентія Анненскаго Ю. Балтрушайтиса, Александра Блока, И. Бунина, Андрея Бѣлаго, ихъ личность и творчество въ рядѣ статей, принадлежащихъ различнымъ авторамъ. Эти статьи-монографіи, различныя по формѣ и по своему внутреннему содержанію, возсоздаютъ творческія личности каждаго изъ названныхъ писателей въ томъ особомъ аспектѣ, который дѣлаетъ эти характеристики индивидуально-цѣльными, заключающими не мало интересныхъ, подчасъ новыхъ и своеобразныхъ, замѣчаній и сужденій. Литературные силуэты писателей, возникающіе въ результатѣ этихъ обстоятельныхъ, нерѣдко съ большою свѣжестью и колоритно написанныхъ характеристикъ, дополняются замѣтками-автобіографіями писателей, предпосланными каждой статьѣ. Эти замѣтки-автобіографіи — тотъ весьма цѣнный историко-литературный матеріалъ, о которомъ совершенно справедливо писалъ проф. С. А. Венгеровъ еще въ предисловіи къ 1-му выпуску, — матеріалъ, столь много уясняющій въ духовномъ ростѣ и творческомъ образѣ каждаго изъ представленныхъ писателей. Эти автобіографическія записки, полныя исключительнаго интереса, помимо своего фактическаго значенія, тѣснѣе сближаютъ съ личностью и творчествомъ писателей; онѣ намѣчаютъ въ немногихъ, порой жуткихъ и причудливыхъ, линіяхъ и жизненные этапы и творческій путь нашихъ писателей-современниковъ. И въ рядѣ статей, слѣдующихъ за этими автобіографическими данными, данъ анализъ этого пути въ его дальнѣйшемъ развитіи и высокихъ достиженіяхъ. И чѣмъ разнообразнѣе пути, чѣмъ различнѣе достиженія, тѣмъ отчетливѣе и ярче отлагаются въ душѣ духовные облики и творчество писателей, вошедшихъ въ очередные выпуски „Литературы XX вѣка“. Статьи Л. Козловскаго объ Андреевѣ, проф. П. П. Митрофанова объ Анненскомъ, Вяч. Иванова о Балтрушайтисѣ, Вал. Брюсова о Блокѣ, проф. Ѳ. Д. Батюшкова о Буниной и Иванова-Разумника о Бѣломъ — таково основное содержаніе отмѣчаемыхъ выпусковъ, дающихъ, въ своей совокупности, серьезный и живой матеріалъ интересующимся вопросами литературы вообще и современными ея представителями въ частности.

М. Королицкій.

Ольга Прохаско. Загробная исповѣдь (памяти А. К. Закржевскаго). Кіевъ 1916. 45 стр. Цѣна 90 коп.

Въ свое время на страницахъ „Вѣстника Европы“ мы имѣли случай отмѣтить три книги А. К. Закржевскаго, посвященныя Достоевскому и его отраженіямъ въ современной литературѣ („Подполье“; „Карамазовщина“; „Религія“). Имъ же издана книга о Лермонтовѣ и нашей современности, брошюра о футуристахъ и др. Авторъ этихъ энтузіастическихъ до изліишества произведеній скончался въ Кіевѣ 30 мая 1916 г. Брошюра г-жи Прохаско — разсказъ о жизни этого талантливаго и очень несчастнаго человѣка, съ большими выдержками изъ его писемъ. Многія черты и подробности этой біографіи поражаютъ необычайными переходами настроеній покойнаго Закржевскаго, страстностью и искренностью его переживаній. Біографія объясняетъ странности его книгъ, написанныхъ чрезвычайно приподнято, показываетъ самому молодому писателю непонятную борьбу крайнихъ душевныхъ противорѣчій. Въ 1911 году въ публичной лекціи онъ, напр., „искренно обожествлялъ любовь — больную страсть, извращенную, ужасную“, черезъ годъ съ той же страстью звалъ къ Христу и только въ Немъ находилъ спасеніе. Но за всѣми такими порывами безспорно, какъ можно видѣть теперь по письмамъ Закржевскаго, самое настоящее глубокое страданіе. Въ его душѣ было безусловно искреннее, воспаленное, сродни душѣ Достоевскаго, исканіе высшаго мистическаго смысла жизни и романтическій протестъ противъ прозаическаго душевнаго прозябанія огромной массы людской. Онъ умеръ тридцати лѣтъ, былъ все время боленъ, и непреходящее чувство душевной боли „ото всего“ проходило чрезъ нею съ короткую жизнь. Вотъ нѣсколько характерныхъ выдержекъ изъ этихъ поразительныхъ писемъ: „Душа такъ устала, истомилась въ исканіи правды, въ исканіи хоть одной души, которая бы поняла, увидѣла, почувствовала всю боль мою, все мое отчаянье, все, что прошло кровью и слезами въ моемъ творчествѣ! Бываютъ минуты, когда весь міръ рушится отъ напряженія боли, бываютъ минуты, когда такъ остро, такъ ужасно сознаю непростительный, неизбѣжный, необъяснимый фактъ смерти и какъ часто дохожу во всемъ этомъ до чего-то такого, за которымъ стоитъ безуміе. О Господи! гдѣ же силы? гдѣ взять ихъ для того, чтобы спокойно снести на плечахъ моихъ мой ужасъ безмѣрный, мою тоску, мое нечеловѣческое отчаяніе... Когда вся жизнь сквозь душу безумной болью прошла, какъ спастись?... Не могу я спасти мою душу отъ вѣчныхъ сомнѣній, отъ вѣчной тоски, отъ безумной жажды одной единственной правды.. Не могу жить, какъ живу, не могу принимать этого міра такимъ,

какимъ онъ есть..... Если бъ хотя на минуту одну спастись мнѣ отъ кошмарнаго больного уныніа. Я слишкомъ многаго пожелалъ и ничего, ничего не нашелъ. Проникъ я въ самую глубину міровую и увидѣлъ безуміе. Полюбилъ свое я и любви своей почувствовалъ палящую невыносимую горечь... Я никогда не могъ размѣренно жить, я распиналъ себя въ жизни, распятьемъ своимъ жилъ, и на это ушли всѣ силы. Мнѣ всего только 25 лѣтъ, а я, какъ мертвецъ, и лицо старческое, такъ извелъ я себя. Радость — больная, счастье — больное. Кромѣ боли, никогда ничего не испытывалъ, съ дѣтства боль, и тоска, и мечта о счастьѣ и — страхъ. И это — жизнь!... Я съ людьми дикій. Слишкомъ много боли перенесъ отъ людей. Я бы хотѣлъ всѣхъ людей видѣть только издали". Такихъ изліяній въ книгѣ г-жи Прохаско приведено довольно много. Вотъ еще слово Закржевскаго о его книгахъ и лекціяхъ. Лекціи — „какое же это дѣло! Это — болѣзнь моя! О, повѣрьте мнѣ, я никогда бы и ни за что не читалъ ихъ, если бы не обстоятельства, вѣдь лекціи — единственное у меня средство къ существованію, безъ нихъ я бы умеръ съ голоду... И кромѣ того, когда читаю, переживаю много — душу всю бросаю въ словахъ, а потомъ нѣсколько дней не могу придти въ себя, лежу, какъ больной... А что больнѣе всего, что ни одинъ человѣкъ въ Россіи не понялъ, что я вложилъ въ мои книги, не понялъ, сколько боли заключаютъ онѣ въ себѣ. Я какъ въ пустынѣ, и часто часто онѣ кажутся мнѣ ненужными, жалкими, и жалѣю, зачѣмъ я печаталъ ихъ, а вѣдь онѣ — моя жизнь, кромѣ нихъ — ничего у меня нѣтъ, я — въ нихъ!"

Крайне тяжелыя условія ранняго и болѣзненнаго дѣтства, въ огромной сводной мелко-мѣщанской семьѣ, изломали и истерзали эту душу раньше, чѣмъ она что бы ни было могла осмыслить. „Крошечнымъ еще, чтобы спрятаться отъ всѣхъ, чтобы меня не мучили, — вспоминаетъ Закржевскій, — я забирался въ большой шкапъ и тамъ просиживалъ голодный цѣлый дни. Въ шкапу протекало все мое дѣтство. Я не зналъ любви, не зналъ ласки, я зналъ только злобу, только ненависть. Я задыхался въ шкапу. Задыхался отъ недостатка воздуха, и отъ слезъ, отъ обиды, отъ ненависти, отъ ужаса. Нѣтъ муки, которую бы не придумали бы для меня эти здоровые, сильные, отвратительные для меня эти братья и сестры"... Какимъ-то чудомъ мальчикъ не былъ забитъ до смерти. Онъ не могъ окончить даже городского училища; отецъ не хотѣлъ его учить. То обстоятельство, что Закржевскій изъ этого „шкапа" вышелъ въ литературу, а не прямо въ гробъ или арестантскія роты, — такъ ужасно его дѣтство — тоже надо считать чудомъ.

Послѣдніе годы жизни онъ былъ въ полной власти мистическихъ настроеній, боролся съ дьяволомъ, котораго видѣлъ и въ реальности, подобно Ивану Карамазову, и умеръ отъ туберкулеза и болѣзни почекъ въ монастырской больницѣ, наложивъ предъ смертью на себя обѣтъ молчанія. Религіозныя настроенія эти внесли въ его душу нѣкоторое успокоеніе, и вмѣстѣ со вниманіемъ къ его книгамъ, хотя и не понятымъ по его мнѣнію, онъ послѣдніе три-четыре года былъ спокойнѣе и ровнѣе и могъ работать для небольшого кіевскаго демократическаго журнала „Огни“, гдѣ писалъ своеобразныя статьи о современной литературѣ. Закрытіе „Огней“ администраціею было для него огромнымъ ударомъ!

Въ цѣломъ, книга г-жи Прохаско хорошее напоминаніе, „какъ часто мимо насъ проходитъ человѣкъ“. Загробная исповѣдь Закржевскаго необыкновенно интересный человѣческій документъ, трогаетъ и волнуетъ, и пугаетъ, какъ повѣствованіе объ одной изъ многихъ талантливыхъ замученныхъ и замучившихся душъ.

Ч. В—скій.

В. Муйжель. Опустошеніе. К-во „Жизнь и Знаніе“. Пгр. 1917. Ц. 2 р. 50 к.

Болью угнетенія, аккордомъ грусти отзываются въ душѣ разсказы В. Муйжеля.

Здѣсь нѣтъ ни волнующихъ красотъ, ни творческихъ сверканій. Но здѣсь изображена жизнь въ ея тьмѣ и сокрушеніи.

И если изъ четырехъ, вошедшихъ въ томъ разсказовъ послѣдніе два „Въ одиночествѣ“ и „Приключеніе“ касаются темъ болѣе или менѣе частныхъ, отражаютъ тоску личнаго переживанія, третій „Враги“ имѣетъ въ своей основѣ аномаліи женскаго бытія, — разсказъ „Опустошеніе“, самый значительный, ставитъ вопросъ о жути существованія въ его болѣе общемъ видѣ. Здѣсь В. Муйжель какъ бы расширяетъ рамки своего обычнаго наблюденія и изъ созерцателя деревни становится наблюдателемъ полосы безвременья и горестныхъ дней вообще. Ядромъ его повѣствованія остается и здѣсь все тотъ же народъ-богоносецъ, подавленный и темный, все та же жалкая и обездоленная деревня съ ея горемъ, суевѣріями, невѣжествомъ, нищетой. Но эти сѣтованія и толки — только частность, деталь въ общей картинѣ мглы и опустошенія, какую являла мимотекущая жизнь. Изъ этой жизни какъ бы ушло все высокое и святое, забыты идеалы, опошлены мечты, погасли стремленія, померкли порывы — маячатъ однѣ только гниль да растлѣніе, растлѣніе умовъ и сердецъ, мыслей и чувствъ, всего того, чѣмъ живъ человѣкъ и движимъ духъ. На фонѣ провинціальной зыби эта полнота опу-

стошенія и моральнаго распада проступала тѣмъ явственнѣе и ярче. И черты, которыми зарисовываетъ В. Муйжель этотъ процессъ гніенія и нравственнаго развала, нельзя не признать типическими. Газетная среда, и въ центрѣ ея редакторъ газеты, послушный рабъ кулака Кумачева, финансирующаго газету; представитель народолюбческой идеологіи, адвокатъ Саганѣевъ, еще не окончательно извѣрившійся и растерявшій идеалы молодости; погрязающее въ пошлости и сплетняхъ провинціальное общество; гнетъ скорби и разочарованія; зрѣлище дикой и разнузданной жизни — таковы очертанія, въ которыхъ, какъ въ синтезѣ, пытается отразить В. Муйжель обстановку воспроизводимаго имъ дня. Его разсказъ мѣстами неровенъ, лица не всегда отчетливы. Его письмо порой непомѣрно однотонно. Но внутренняя мука, которой исполненъ художникъ, печалованіе и тоска, которыми повиты его страницы, передаются читателю; и встаетъ, поистинѣ, картина суровой и опустошенной жизни, „глухого безвременья“, въ которомъ безрадостно текли унылые дни и часы...

Среди прочихъ разсказовъ выдѣляется разсказъ „Враги“, который, независимо отъ его идейной сути, не безъ яркости воплощаетъ драму потрясенной женской души.

Но какъ этотъ, такъ и остальные разсказы твердятъ объ одномъ — о тоскливой и незадачливой жизни, въ которой такъ жутко вокругъ, такъ загадочны и сумрачны дали...

Опустошеніе, постылость, гнетущій мракъ...

Такое именно впечатлѣніе оставляетъ томъ разсказовъ В. Муйжеля съ его жестокой правдой жизни, — жизни вчерашняго, навѣки проклятаго дня, — въ которомъ не было ни радости, ни тепла, ни проблеска, ни просвѣта.

М. Королицкій.

Н. Олигеръ. Ночныя тѣни. К-во „Жизнь и Знаніе“. Петроградъ, 1917. Ц. 2 р. 25 к.

Въ зловѣщемъ свѣтѣ изжитого дня выступаютъ передъ нами и разсказы Н. Олигера.

Самый большой изъ нихъ „Кожаный чемоданъ“ живописуетъ революціонный бытъ, психологію и настроенія среды, которыя сейчасъ кажутся такимъ далекимъ отголоскомъ.

Этого рода бѣллетристика скоро отойдетъ въ область преданій; только художественно-претворенные въ ней факты будутъ будить представленіе о недавней нашей дѣйствительности, похожей на кошмарный сонъ, обдающую ужасомъ сказку.

Но то, о чемъ разсказываетъ Н. Олигеръ — не сказка, а быль, быль тяжелая и давящая, о которой еще живы и горятъ воспоминанія...

Драма человѣка, связаннаго съ „кожанымъ чемоданомъ“, въ которомъ ему поручено было перевезти крупную сумму партійныхъ денегъ, человѣка, выслѣживаемаго отвратительнымъ субъектовъ и погибающаго трагической смертью („Кожаный чемоданъ“); укрывающіеся отъ зимней стужи и отъ преслѣдованія городовыхъ въ обшивкѣ моста двое малолѣтнихъ бездомныхъ „преступниковъ“, пастигаемыхъ во время ночного обхода и конвоируемыхъ въ участокъ для суда и расправы („Ночныя тѣни“); отзвуки русско-японской войны („Сестры“); изображеніе темныхъ человѣческихъ инстинктовъ („Искушеніе“ и „Предатель“) — вотъ кругъ темъ, въ которомъ вращаются разсказы Н. Олигера.

Въ этихъ разсказахъ, полныхъ драматизма, сквозитъ тоска, вѣетъ сумракъ буденъ, среди которыхъ текла рѣка русской жизни, уносившая въ своемъ теченіи столь много страданія и горя. Въ этихъ разсказахъ струится безысходность жизни, основанной на лживомъ укладѣ. Въ этихъ разсказахъ — отраженіе бездны, мрака россійскаго существованія.

Чуждые исключительныхъ темъ, предвзятыхъ мотивовъ, разсказы Н. Олигера вѣрны жизненной правдѣ; и въ этомъ ихъ смыслъ, ихъ реальное значеніе.

Рисуетъ ли Н. Олигеръ картину большого катастрофическаго содержанія („Кожаный чемоданъ“); изображаетъ ли жизнь маленькихъ, незамѣтныхъ существъ, затерянныхъ въ людской гущѣ („Ночныя тѣни“), — передъ нами художественно-обобщенная дѣйствительность, ея прошедшій день.

Въ этой дѣйствительности чередовались маленькія и большія драмы, политика и повседневный фактъ сливались воедино, въ одинъ трагическій узелъ и создавали одну сплошную драму, сплошной кошмаръ, въ которомъ задыхалось все живое, все искавшее выхода изъ мертвящихъ тисковъ и мучительной обстановки жизни.

М. Королицкій.

Ѳедоръ Шмитъ. Профессоръ Харьковскаго Университета. Законы исторіи. Введеніе къ курсу всеобщей исторіи искусствъ. Выпускъ I. Введеніе. — Искусство Египта. — Искусство Месопотаміи. — Искусство критско-микенское. 1916 г., стр. 196 + VI + 4 нену. Цѣна 2 руб.

Авторъ задался цѣлью открыть законы исторіи, до сихъ поръ еще не формулированные. Правда, за это дѣло брались „историки-всеобщники“, но ихъ поиски „не давали удовлетворительныхъ ре-

зультатовъ". Г-нъ Шмитъ смотритъ въ корень и ясно видитъ причину ихъ неудачи. Эти историки хотѣли открыть законы исторіи, изучая соціально-экономическую и военно-политическую исторію, а того не видѣли, что изъ этой исторіи „не устранить двухъ чрезвычайно могучихъ факторовъ: случайности и личности". Какіе же законы, если все личности да случайности! „Случайностей, которыя могутъ вліять на исходъ сраженія, не перечесть: въ военной исторіи о нихъ повѣствуется на каждой страницѣ". И не только въ военной: чего стоятъ случайности въ „интригахъ, заговорахъ, покушеніяхъ", которыми кишитъ политическая исторія всѣхъ странъ! Очевидно, г. Шмитъ думаетъ, что политическая исторія — что-то въ родѣ распространенныхъ „тайнъ мадридскаго двора", — натурально, что онъ отказываетъ ей въ какихъ-либо законахъ, кромѣ законовъ прихоти и всесильнаго случая. Дѣло тутъ осложняется еще и „ролью личности", „появленіе которой именно въ данный моментъ и въ данной обстановкѣ никакіе законы исторіи не даютъ возможности предусмотрѣть". Вотъ, напримѣръ: „и цесаревичъ Алексѣй Петровичъ, и цесаревичъ Петръ Ѳедоровичъ были женаты на германскихъ принцессахъ изъ мелкихъ княжескихъ домовъ, и дѣло случая, что второму, а не первому досталась въ супруги Екатерина II (!?); достанься она Алексѣю Петровичу, никогда бы, можетъ быть, Петръ Ѳеодоровичъ и не появлялся на русскомъ престолѣ, и вся политическая исторія Россіи XVIII вѣка пошла бы иначе". Какъ жаль, что г. Шмитъ — вѣроятно, изъ лишней скромности — упустилъ случай высказать столь же компетентное сужденіе о другой отрасли „всеобщей исторіи" — объ исторіи соціально-экономической. Онъ ограничился относительно ея слишкомъ общимъ утвержденіемъ, — что и она, какъ исторія военно-политическая, изобилуетъ „случайностями" и затемняется „ролью личности".

Итакъ, наукѣ всеобщей исторіи не открыть законовъ исторіи. Но законы эти есть. Ихъ откроетъ, увѣряетъ г. Шмитъ, именно исторія искусства. Вникните въ опредѣленіе искусства — приглашаетъ онъ, — и это станетъ яснымъ. Вникнемъ же. „Искусство есть дѣятельность человѣческая, состоящая въ томъ, что человѣкъ, обладающій цѣльнымъ, яркимъ и легко-возбудимымъ воображеніемъ, внѣшне проявляетъ образы, созданные воображеніемъ подъ вліяніемъ разныхъ внутреннихъ переживаній". Отсюда что-то не видно, какое отношеніе имѣютъ искусство и его исторія къ законамъ исторіи.

Зато, вникая, мы убѣждаемся, что г. Шмитъ создалъ прямо-таки новую и необыкновенно оригинальную эстетику. Стоитъ вамъ сойти съ ума и забыться въ фантастическомъ бредѣ, проявляя

при этомъ „цѣльное, яркое и легко-возбудимое воображеніе“, — и вы поэтъ, а ваша „дѣятельность“ — искусство. Или вамъ снятся сны, — вы снова поэтъ. Неужели г. Шмитъ не видитъ, что его опредѣленіе не только не позволяетъ заглянуть въ законы исторіи, но не вводитъ его читателя даже въ искусство?

Новая, хотя и страшно ветхая, эстетика г. Шмита не приблизила насъ еще къ пониманію того, какъ открыть законы исторіи. Желанное откровеніе содержится не въ опредѣленіи искусства, какъ обѣщалъ авторъ, а въ опредѣленіи художника. Тутъ, наконецъ, все разъясняется и оказывается необычайно простымъ. Дѣло въ томъ, что художники — „воображеніе человѣчества“, его „мозговыя клѣтки“, а также „уста, которыми говоритъ цѣлый народъ, цѣлая эпоха“. Ясно, что законы развитія искусства суть вмѣстѣ съ тѣмъ и законы развитія „цѣлаго народа, цѣлой эпохи“ и даже всей исторіи того самаго „человѣчества“, „устами“ котораго, „клѣтками“ и пр. они являются.

Г. Шмитъ чрезвычайно смѣлъ въ своихъ притязаніяхъ, но въ то же время и скроменъ. Онъ прямо признается въ томъ, что берется за дѣло непосильное для него, „хорошо зная и недостаточность собственной подготовки къ такому изслѣдованію, которое требуетъ энциклопедической обширнѣйшей учености, и недостаточность тѣхъ научныхъ пособій, которыя имѣются въ распоряженіи провинціальнаго профессора“.

Должно прибавить, что, сознавая свою некомпетентность въ разрѣшеніи поставленной имъ себѣ задачи, г. Шмитъ не только не сгустилъ красокъ, а, напротивъ, сильно разбавилъ ихъ. Онъ не сознаетъ всей глубины „недостаточности собственной подготовки къ такому изслѣдованію“. Мы убѣдились отчасти въ истинныхъ ея размѣрахъ. Яркій свѣтъ бросаетъ на нее и многое другое. Напр., представленія г. Шмита о „мірозданіи“. Прочтите, напр., эти изумительныя и лаконичныя строки: „Основной законъ мірозданія очень простъ: это — законъ сохраненія матеріи и сохраненія энергіи для естествоиспытателей, законъ причинности для философовъ, законъ эволюціи для историковъ, догматъ о Промыслѣ Божіемъ для богослововъ. Этотъ основной законъ давно уже выясненъ и понятъ и естествоиспытателями, и философами и историками, и богословами“. Хотите знать, что такое астрономія? — Прочтемъ: „... астрономы занимаются предсказаніями: съ абсолютною точностью они указываютъ, когда должно случиться то или другое небесное явленіе, солнечныя или лунныя затменія, прохожденіе передъ солнцемъ планеты и т. д.“. Это опредѣленіе почти такъ же хорошо, какъ вышеприведенныя разсужденія о военно-по-

литической исторіи. Г. Шмитъ также поучаетъ насъ, что, открывъ математически планету Нептунъ, Леверье затѣмъ дожидался сооруженія „соотвѣтствующей силы телескопа“, въ который, наконецъ, и была усмотрѣна планета. Этотъ фактъ, вѣроятно, покажется новымъ историкамъ астрономіи, которые обычно разсказываютъ объ открытіи Нептуна нѣсколько иначе. Вотъ новое и для просто „историковъ“-„всеобщниковъ“, по терминологіи г. Шмита. О современномъ состояніи исторической науки онъ сообщаетъ: „До сихъ поръ историки занимались преимущественно установленіемъ и классификаціей подлежащаго изученію матеріала“. „Изъ историческаго матеріала каждому хотѣлось извлечь не общіе законы эволюціи человѣчества, а практическіе уроки“. Достойная удивленія историческая эрудиція г. Шмита тѣмъ удивительнѣе, что даже въ укоряемомъ имъ (совершенно напрасно) провинціальномъ харьковскомъ университетѣ навѣрное есть почтенный историографическій трудъ проф. Бузескула — „Введеніе въ исторію древней Греціи“, изъ котораго г. Шмитъ могъ бы узнать много для себя новаго. Не мѣшало бы ему заглянуть даже въ учебники исторіи профессоровъ Карѣева, Виноградова и другихъ, чтобы не говорить: „Въ нашихъ учебникахъ до сихъ поръ говорится преимущественно о государяхъ, министрахъ, полководцахъ и т. п. Впрочемъ, если бы мы захотѣли перечислять примѣры учености г. Шмита, намъ пришлось бы сдѣлать изъ его книги слишкомъ много выписокъ. Достаточно и приведенныхъ, чтобы судить объ этой учености безошибочно.

Въ дополненіе къ сказанному объ ея содержаніи надо присоединить нѣсколько словъ объ ея пріемахъ, тоже весьма и весьма изумительныхъ. Г. Шмитъ пренебрегъ библіографіей. „Спеціалистамъ она не нужна: спеціалисты прекрасно знаютъ, какъ легко „украсить“ страницы самою солидною библіографіей, проявить самую поразительную „эрудицію“ при помощи общеизвѣстныхъ справочниковъ, и они съ улыбкою авгуровъ разсматриваютъ въ диссертаціяхъ преизобильный „нижній этажъ“. А учащихся „литература“ опредѣленно пріучаетъ къ „верхоглядству“... Итакъ... мы не знаемъ, какое отсюда „итакъ“. Г. Шмитъ неотразимъ въ своихъ мотивировкахъ, разъ ему нужно оправдать свое равнодушіе къ смыслу и цѣнности обычныхъ пріемовъ составленія научныхъ работъ. Это равнодушіе диктуетъ ему также и слѣдующія теорію и практику: „я очень часто дѣлаю буквальныя выписки изъ того или другого чужого сочиненія, не выдѣляя ихъ кавычками“. Уже само по себѣ это достаточно странно. Но еще лучше мотивировка: „Выписки эти касаются фактовъ исторіи политической, литературной, религіозной, данныхъ этнографическихъ или географическихъ, т. е.

всего того, что для историка искусства имѣетъ вспомогательное значеніе, но въ чемъ онъ не обязанъ быть компетентнымъ. Я не вижу надобности, напримѣръ, излагать своими словами то, что прекрасно сказано Б. А. Тураевымъ въ „Исторіи древняго Востока“ о культурной жизни Египта и Месопотаміи. И я долженъ признаться, что, если подобныхъ выписокъ у меня особенно много именно въ той первой части книги, гдѣ говорится о древнемъ Востокѣ, это обусловлено только тѣмъ, что мнѣ извѣстно очень мало книгъ, которыя могли бы выдержать сравненіе съ Исторіей проф. Тураева“. Комментаріи излишни.

Намъ придется сказать очень мало о законахъ исторіи, открытыхъ г. Шмитомъ въ этой части его книги. Ихъ точную формулировку онъ обѣщаетъ дать въ третьей части, еще не вышедшей. Насколько мы могли уловить ихъ въ данной части, ихъ четыре: это законы перемѣщенія центра, періодичности, инерціи и преемственности. Не всегда можно понять, что они означаютъ. Напримѣръ, вотъ нѣчто о „законѣ перемѣщенія центра: „не всякій народъ можетъ всякое. Есть народы, которымъ суждено сѣять и растить, зарождать и разрабатывать новыя формы искусства, — таковы классическіе греки и итальянцы эпохи Возрожденія; есть другіе, которые пожинаютъ зрѣлые плоды, — таковы римляне императорской эпохи и новые французы; есть третьи, у которыхъ собранъ богатый урожай, и они роскошно пируютъ, въ мудрыхъ бесѣдахъ коротая долгіе зимніе вечера, — такова была Византія, такова, повидимому, будетъ Россія“. Все это довольно загадочно просто какъ „описаніе“, но еще загадочнѣе, гдѣ же тутъ „законъ“?... Съ другими „законами“ въ книгѣ г. Шмита дѣло обстоитъ — если только это возможно — еще таинственнѣе. Онъ иногда просто отсылаетъ къ нимъ читателя безъ всякихъ дальнѣйшихъ изъясненій. Толкуя это въ пользу автора, предположимъ, что эта отсылка имѣетъ въ виду третью часть его книги.

Если оставить въ сторонѣ „законы исторіи“, — книга его представляетъ оживленную характеристику нѣкоторыхъ областей древняго искусства, весьма популярную, малооригинальную и оставляющую въ читателѣ ощущеніе „легкости въ мысляхъ необыкновенной“.

Т. Райновъ.

Н. Лосскій. — Матерія въ системѣ органическаго міровоззрѣнія. — Москва, 1916.

Въ послѣднее время Н. О. Лосскій отъ работъ по логикѣ и теоріи познанія перешелъ къ разработкѣ и изложенію своихъ метафизическихъ взглядовъ. Настоящая брошюра даетъ общее

понятіе о томъ, какъ онъ представляетъ себѣ природу матеріи съ точки зрѣнія развиваемаго имъ „органическаго“ міровоззрѣнія.

Органичность или неорганичность міровоззрѣнія опредѣляется, по Лосскому, „пониманіемъ“ „отношенія между міровымъ цѣлымъ и его частями или элементами“. Органическое міровоззрѣніе принимаетъ, что „цѣлое первѣе своихъ элементовъ, что цѣлое есть нѣчто основное, а элементы производны; абсолютнаго бытія сторонникъ органическаго міровоззрѣнія ищетъ не путемъ нисхожденія отъ цѣлаго къ элементамъ, а въ самомъ цѣломъ, или еще чаще, путемъ восхожденія отъ цѣлаго въ сферу еще болѣе высокую, въ область сверхмірового бытія, Бога“. Неорганическое міровоззрѣніе характеризуется, приблизительно, обратными чертами.

Въ Ученіи о матеріи примѣромъ неорганическаго пониманія матеріи является „гилокинетическая“ теорія матеріи (по терминологіи Э. Гаршмана). Она исходитъ изъ понятія о массѣ и разсматриваетъ матерію, какъ совокупность „движущихся массъ“. Здѣсь части предшествуютъ цѣлому. Эта точка зрѣнія лежитъ въ основѣ атомизма, современной кинетической теоріи вещества и т. д.

Примѣромъ органическаго пониманія матеріи служитъ динамическая теорія вещества. Она основана на понятіи силы. „Согласно этому ученію — матерія есть не застывшее бытіе, а процессъ, и при томъ процессъ, совершающійся по типу органическаго строенія, такъ какъ всѣ стороны его существуютъ не сами по себѣ, а въ отношеніи къ цѣлому“.

Н. О. Лосскій приводитъ и другіе примѣры ученій того и другого рода и сопоставленіемъ ихъ старается показать, что органическому пониманію міра наилучше отвѣчаетъ ученіе о матеріи, какъ о проявленіи сверхматеріальныхъ, духовныхъ силъ.

Брошюра Лосскаго не содержитъ, собственно, обоснованія такой теоріи матеріи. Ея цѣлью является, повидимому, только общая и предварительная обрисовка задачъ, требующихъ рѣшенія при дальнѣйшемъ развитіи этой теоріи. Поэтому было бы преждевременнымъ высказываться о ней сейчасъ по существу. Замѣтимъ только, что понятіе органичности не кажется намъ достаточно точнымъ обозначеніемъ для міровоззрѣнія Лосскаго. Онъ, очевидно, и самъ это сознаетъ и считаетъ свою философію одною изъ формъ органическаго міровоззрѣнія. Для него важна не столько органичность, сколько духовность. Поэтому онъ иногда приписываетъ неорганичность ученіямъ, на самомъ дѣлѣ органичнымъ, но не спиритуалистическимъ. Такова, напр., кинетическая теорія вещества. Извѣстно, что пользованіе ею въ физикѣ привело къ очень плодотворнымъ выводамъ и открытіямъ (Клаузіусъ, Больцманнъ, Ванъ-деръ-

Ваальсъ и др.). Съ ея помощью открыто много фактовъ и зависимостей, рисующихъ внутреннюю связность матеріи или того, что называется матеріей. Поэтому трудно думать, что, вскрывая „органичность“ матеріи, эта теорія сама неорганична. Намъ кажется, что спеціальный анализъ могъ бы подтвердить это подозрѣніе. Но, конечно, кинетическая теорія матеріи чужда спиритуализма. Если предлагаемое нами соображеніе вѣрно, — кругъ органическихъ ученій вообще и въ частности о матеріи придется сильно расширить. Тогда станетъ еще очевиднѣе, что въ міровоззрѣніи Лосскаго спиритуализмъ несравненно важнѣе органичности — принципа, довольно широкаго, почти расплывчатаго и едва ли не безспорнаго, но именно для Лосскаго недостаточно характернаго.

Во всякомъ случаѣ, нужно пожелать, чтобы уважаемый авторъ развилъ и обосновалъ свою теорію матеріи съ помощью современныхъ научныхъ данныхъ, мало использованныхъ имъ въ настоящей брошюрѣ, и настолько подробно, чтобы можно было обсуждать ее по существу.

Т. Райновъ.

Вѣстникъ прикладной химіи и химической технологіи. Журналъ политическаго о-ва, сост. при моск. техн. учил. и московск. о-ва рижск. политехн., подъ редакц. И. А. Тищенко. М. 1916.

Гидрохимическіе матеріалы. Изд. химич. лабор. гидрометрической части, подъ ред. И. А. Кашинскаго. Птгр., 1916.

Будущій историкъ нашей общественности долженъ будетъ отмѣтить, между прочимъ, въ числѣ характерныхъ факторовъ переживаемаго нами времени, появленіе въ Россіи спеціальныхъ научныхъ журналовъ. Въ истекшемъ году появились два спеціальныхъ журнала по зоологіи, одинъ — по гистологіи съ анатоміей, и готовится изданіе по ботаникѣ. Въ области химіи появилось сразу два журнала. Недалеко еще сравнительно то время, когда при изученіи химіи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ преслѣдовались русскіе переводы спеціальныхъ практическихъ руководствъ. Дѣлалось это вовсе не изъ какихъ-либо національныхъ соображеній, а только потому, что при изученіи химіи съ первыхъ же шаговъ приходилось сталкиваться съ необходимостью параллельнаго изученія нѣмецкаго языка. Условія въ настоящее время перемѣнились. Небывалое оживленіе въ химической промышленности, необходимость измѣненія программъ химическаго образованія, вообще, цѣлый рядъ требованій настоящаго момента, благодаря которымъ на химію обращается сейчасъ усиленное вниманіе, все это, вмѣстѣ взятое, поставило передъ химическими кругами ясно осознанную

потребность въ своихъ періодическихъ изданіяхъ. Теоретическая химія имѣетъ въ Россіи свой журналъ, „Журн. Русск. Физико-Химич. О-ва“, издающійся съ 1868 года. По своему характеру это изданіе не могло обслуживать промышленную и прикладную стороны химіи. Если въ Россіи существовалъ органъ, сходный по типу съ „Berichted. Deutsch Chem. Gesellsch.“, то сама жизнь требовала организаціи журнала, въ родѣ, „Chem. Ztg.“ или „Zeitschr. f. angew. Chemie“.

Издаваемый сейчасъ въ Москвѣ „Вѣстникъ Прикладной Химіи“ и поставилъ себѣ цѣлью удовлетворить эту потребность. По типу и характеру своего содержанія, даже по расположенію матеріала — это „Ztschr. f. angewandte Chemie“. Въ программу журнала входятъ слѣдующіе отдѣлы: оригинальныя и переводныя статьи, рефераты по всѣмъ вопросамъ прикладной химіи и химической технологіи, технологическія замѣтки, библіографія, торгово-промышленный отдѣлъ и пр. Въ вышедшихъ до настоящаго времени 5-ти нумерахъ журнала помѣщенъ богатѣйшій матеріалъ по теоретическимъ вопросамъ технической химіи, статьи общаго и отчасти руководящаго характера, описанія отдѣльныхъ новыхъ производствъ и методовъ текущей лабораторной и испытательной практики. Отдѣлъ рефератовъ, библіографіи и механическихъ свѣдѣній, насколько можно судить по вышедшимъ книгамъ, составляется достаточно полно — по русской и иностранной литературѣ. Необходимо отмѣтить, что иностранная литература реферируется въ №-хъ журнала за періодъ начала войны — время, когда химическія лабораторіи въ Россіи перестали получать заграничныя изданія. Очень хорошо поставленъ также информаціонный отдѣлъ — получается вполнѣ законченное представленіе о современномъ состояніи химической промышленности въ Россіи, со всѣми ея смежными отраслями, химическаго рынка и проч.

Второй химическій журналъ — „Гидрохимическіе Матеріалы“ посвященъ болѣе спеціальному вопросу — журналъ имѣетъ своей задачей сосредоточить въ себѣ всѣ работы, представляющія научный интересъ въ дѣлѣ преслѣдованія и использованія естественныхъ водъ, а также и печатаніе результатовъ анализовъ водъ Россіи. Если представить себѣ, въ какомъ положеніи находятся у насъ такіе капитальные вопросы, какъ, напр., загрязненіе естественныхъ источниковъ водоснабженія домашними отбросами и сточными водами фабрично-заводскаго производства, изслѣдованіе и использованіе минеральныхъ водъ, съ лѣчебною цѣлью или съ точки зрѣнія химической промышленности, то нельзя не придти къ заключенію, что въ такомъ изданіи давно уже ощущалась самая

настоятельная потребность. Въ вышедшихъ уже нумерахъ журнала, кромѣ ряда весьма цѣнныхъ статей по методамъ изслѣдованія водъ, помѣщены статьи, имѣющія значеніе не только для спеціалистовъ — проф. Г. В. Хлонина, д-ра С. И. Добросклонскаго и д-ра Е. Д. Ракова, указатель литературы по физико-химическому изслѣдованію питьевыхъ водъ Россіи и проф. И. А. Каблукова и А. С. Каблукова — О составѣ воды крымскихъ соленыхъ озеръ. Очень полно составляется реферативная часть журнала. Оба эти журнала отвѣчаютъ давно назрѣвшей потребности и заполняютъ чувствовавшійся недостатокъ въ нашей спеціальной литературѣ. Хотѣлось бы думать, что эти начинанія, возникшія въ условіяхъ общаго подъема нашей общественной жизни, не постигнетъ участь многихъ изъ нашихъ спеціальныхъ изданій, которыя должны были кончить свое существованіе, не успѣвъ окончательно окрѣпнуть. Главнымъ залогомъ дальнѣйшей работы этихъ изданій должно быть сознаніе своихъ общественныхъ задачъ, на почвѣ которыхъ такъ или иначе появляется сейчасъ въ Россіи спеціальная научная литература.

В. Невскій. Великая европейская война. Систематическія программы для народныхъ чтеній-вечеровъ по исторіи и географіи воюющихъ державъ. Бузулукъ, 1915, стр. 154. Ц. 65 к.

Два момента нашей общественной жизни дѣлаютъ эту книжку весьма полезной въ данное время — цѣлесообразная постановка вопроса о разумныхъ развлеченіяхъ, въ связи съ прекращеніемъ казенной продажи питей, и громадный интересъ, проявляемый населеніемъ къ войнѣ и связаннымъ съ нею событіямъ міровой жизни. По своему характеру, книга г. Невскаго, разрѣшенная въ свое время военной цензурой, рекомендуется земствомъ для разсылки учителямъ, библіотекарямъ, агрономамъ и др. интеллигентнымъ работникамъ въ деревнѣ, а также кооперативамъ въ качествѣ руководства при устройствѣ народныхъ чтеній. Программы чтеній составлены по типу комбинированныхъ вечеровъ (научно-литературно-вокально-музыкально-сценическихъ), хотя авторъ и дѣлаетъ оговорку, что эти матеріалы одинаково пригодны для устройства чтеній-вечеровъ, равно какъ чтеній и вечеровъ, въ отдѣльности.

Въ первой части сообщены общіе матеріалы по устройству чтеній и вечеровъ — литература для лектора, свѣтовыя картины, матеріалы для пѣнія, декламаціи и т. д., настѣнныя украшенія. По каждому отдѣлу указаны наиболѣе пригодныя для данной цѣли книги, пособія и проч., съ точнымъ обозначеніемъ цѣнъ, адресовъ фирмъ и т. д. Во второй части даны систематическія указанія

объ организаціи чтеній на опредѣленныя темы — всего 10 — напр. „Англія и ея колоніи“, „Героическая Бельгія“ и т. д. Здѣсь также приведены подробныя свѣдѣнія о всѣхъ пособіяхъ и матеріалахъ для лекцій. Въ концѣ книги приведены списки пособій, необходимыхъ и для чтеній, на опредѣленную сумму отъ 5 до 50 руб.

Необходимо отмѣтить, что эта книга совершенно не носитъ рекламнаго характера, какъ это, къ сожалѣнію, довольно часто, встрѣчается въ подобныхъ изданіяхъ, рекомендующихъ неизмѣнно пріобрѣтать пособія у опредѣленной фирмы. Видно обширное знакомство автора, выработанное многолѣтнимъ опытомъ, съ трактуемымъ вопросомъ. По своему характеру и содержанію, книга В. Невскаго заслуживаетъ самаго широкаго распространенія.

Н. Н. Мещерскій. Какъ устраивать сады при народныхъ школахъ. Изд. 10-е, П. Луковникова. Птгр. 1916. стр. 67. Ц. 40 к.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одновременно проф. Шёнихеномъ въ Германіи и Корнельскимъ институтомъ природовѣдѣнія въ Сѣв. Америкѣ было поднято цѣлое движеніе въ пользу организаціи показательныхъ садовъ при начальной и средней школѣ. Садамъ придавалось за границей исключительно общеобразовательное значеніе и такая точка зрѣнія вначалѣ раздѣлялась и нашими педагогами. Поскольку дѣло касается средней школы, этотъ взглядъ на вопросъ остается безспорнымъ, хотя сама жизнь въ послѣднее время неоднократно подсказывала нѣсколько иное рѣшеніе задачи. Въ низшей же — народной или профессіональной — школѣ, преслѣдующей, главнымъ образомъ, практическія цѣли, устройству садовъ и огородовъ долженъ быть приданъ совершенно особый характеръ. Въ нашихъ условіяхъ, раціонально поставленная школа является, въ большинствѣ случаевъ, единственнымъ источникомъ, изъ котораго мѣстное населеніе можетъ извлекать цѣнныя свѣдѣнія для своего обихода. Помимо того, въ данный моментъ, вопросъ объ организаціи школьныхъ садовъ пріобрѣтаетъ особо важное значеніе въ двоякомъ смыслѣ — какъ наглядный методъ обученія садоводству, плодоводству и проч. и съ точки зрѣнія использованія и изученія нашихъ природныхъ богатствъ (различныя культуры, сушка овощей и проч.).

Если разсматривать школьные сады и огороды именно съ такой точки зрѣнія, то нельзя не обратить вниманія на книжку одного изъ піонеровъ въ этомъ вопросѣ — И. И. Мещерскаго. Первое изданіе книжки было выпущено въ 1890 году. Съ тѣхъ поръ, на основаніи своего опыта, авторъ постепенно расширялъ границы

трактуемаго вопроса и въ настоящее время его книжка представляетъ собою уже не руководство, а монографію, въ которой не забытъ ни одинъ вопросъ затрагиваемой области. Книжку И. И. Мещерскаго нельзя разсматривать, какъ практическое руководство,— только въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ авторъ отводитъ мѣсто для техническихъ указаній. Главное содержаніе книги — это выясненіе значенія и характера школьныхъ садовъ, организація ихъ и использованіе садовъ съ технической и общеобразовательной стороны. Кромѣ устройства сада и огорода, авторъ указываетъ на организацію пасѣкъ, шелководенъ и древонасажденій, при чемъ послѣднее разсматривается не „съ церемоніальной стороны, играющей такую видную роль на многихъ „праздникахъ древонасажденія“, въ видѣ устройства праздниковъ съ флагами, пѣнія особыхъ композицій, угощеній и т. под.“ (стр. 53). Въ нашей педагогической литературѣ послѣднее явленіе чаще всего трактуется именно такъ, и потому отношеніе автора къ этому вопросу заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія. Вообще, основная точка зрѣнія автора, проводимая имъ въ своей книгѣ, можетъ быть выражена такъ: „начальная школа должна содѣйствовать улучшенію быта населенія и поднятію его основнаго промысла, т. е. прежде всего сельскаго хозяйства“. Отсюда и всѣ возможности использованія школьныхъ садовъ авторъ разсматриваетъ съ точки зрѣнія пригодности ихъ къ сельскому хозяйству — преподаваніе природовѣдѣнія, самостоятельное или въ связи съ начальнымъ курсомъ агрономіи, народныя чтенія, трудовую помощь и т. д.

Къ числу достоинствъ книжки необходимо отнести то обстоятельство, что она вызываетъ множество вопросовъ, освѣщая ихъ или наталкивая читателя на размышленія.

Въ приложеніяхъ даны практическія указанія по организаціи и веденію сада, планы школьнаго сада, правила объ устройствѣ садовъ при начальныхъ школахъ и т. под.

Н. Сумъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Н. И. Карѣевъ. Исторія Западной Европы въ началѣ XX столѣтія. (1901—1914). Часть вторая. П., 1917. Стр. 389—772. Ц. 3 р. 50 коп.

Вторая часть заключительнаго (VI) тома капитальнаго труда проф. Н. И. Карѣева содержитъ въ себѣ обстоятельный обзоръ главныхъ экономическихъ явленій въ западной Европѣ въ первые годы двадцатаго вѣка, подробный очеркъ рабочаго и соціалистическаго движенія за тотъ же періодъ времени, изложеніе наиболѣе характерныхъ особенностей въ новѣйшемъ развитіи западно-европейской духовной культуры и наконецъ анализъ международныхъ отношеній и внѣшней политики отъ балканскаго кризиса 1908 года до начала міровой войны. Огромная масса фактическаго и литературнаго матеріала, собраннаго и тщательно разработаннаго авторомъ, дѣлаетъ его трудъ въ высшей степени цѣннымъ не только для обширныхъ круговъ образованнаго русскаго общества, но и для лицъ, спеціально занимающихся вопросами новѣйшей исторіи и политики. Совершенно исключительный интересъ представляетъ для русскихъ читателей послѣдній отдѣлъ книги, посвященный разбору политическихъ событій, завершившихся міровой войной.

При всемъ своемъ внимательномъ отношеніи къ фактамъ, свидѣтельствующимъ о великой роли злобныхъ чувствъ и корыстныхъ національныхъ инстинктовъ въ политической и особенно международной жизни, почтенный авторъ тѣмъ не менѣе склоненъ къ оптимизму и сохраняетъ вѣру въ „движеніе человѣчества впередъ къ лучшему будущему“. „Задача человѣчества, когда кончится война, — говоритъ онъ въ своемъ „заключеніи“ — будетъ заключаться въ томъ, чтобы работать надъ достиженіемъ вѣчнаго мира, и уже сама по себѣ эта задача будетъ заключать въ себѣ и всѣ остальныя, такъ какъ въ постоянномъ мирѣ и безъ вѣчныхъ опасеній войны можно будетъ жить только свободнымъ народамъ, которые сами ни надъ кѣмъ не будутъ властвовать и въ своей внутренней жизни осуществятъ высшія требованія соціальной справедливости. Пусть же переживаемыя нами тяжелыя времена только умножаютъ усилія всѣхъ людей доброй воли. Историческій процессъ не есть процессъ безлично-стихійный, и люди несутъ на себѣ отвѣтственность за то, что творится въ жизни человѣчества. А съ того, кому много дано, много и спросится“. Во всякомъ случаѣ никто не станетъ спорить противъ добраго пожеланія, чтобы „силы прогресса побѣдили силы реакціи, гдѣ бы тѣ и другія ни проявлялись“; но при современныхъ обстоятельствахъ побѣда зависитъ отъ превосходства грубой военной силы, которая, къ несчастью, весьма рѣдко совпадаетъ съ силами прогресса.

С. Н. Прокоповичъ. Война и народное хозяйство. Москва, 1917. Стр. 241. Ц. 3 р.

Въ книгѣ С. Н. Прокоповича разсмотрѣнъ цѣлый рядъ крайне спорныхъ и важныхъ вопросовъ, касающихся вліянія войны на наше народное хозяйство. Разбирая финансовую политику и отдѣльныя мѣропріятія правительства при старомъ режимѣ, авторъ вынужденъ удѣлять много мѣста выясненію грубыхъ ошибокъ, непониманія и элементарнаго невѣжества представителей правившей тогда бюрократіи въ области экономическихъ и соціальныхъ проблемъ. Книга состоитъ изъ

шести главъ: о существовавшихъ до войны взглядахъ на ея экономику, о военныхъ расходахъ и источникахъ ихъ покрытія, о внѣшней торговлѣ во время войны и паденіи курса рубля, о вліяніи войны на производство и экономическое положеніе трудящихся, о транспортѣ, кредитѣ и торговлѣ, объ экономическихъ перспективахъ послѣ войны. По справедливому замѣчанію автора, „послѣ войны предстоитъ тяжелая борьба за правильную постановку проблемы развитія производительныхъ силъ“, и не менѣе основательно высказываемое имъ сомнѣніе, „можно ли надѣяться, что она (бюрократія) справится“ съ этой проблемой. Авторъ писалъ это до паденія старой власти, но многія указанія его сохраняютъ силу и для настоящаго времени. Въ книгѣ собрано громадное количество фактическихъ свѣдѣній и статистическихъ данныхъ, дѣлающихъ ее очень полезною для справокъ по трактуемымъ въ ней вопросамъ.

И. В. Чернышевъ. Община послѣ 9 ноября 1906 года. По анкетѣ Вольнаго Экономическаго Общества. Ч. I и II. Стр. 195 и 143. Ц. 1 р. 75 к.

Чрезвычайно цѣнная работа И. В. Чернышева основана всецѣло на анкетѣ, произведенной Вольнымъ экономическимъ Обществомъ въ 1910 и 1911 годахъ при особыхъ, весьма характерныхъ для стараго режима условіяхъ. Вольное Экономическое Общество, называвшееся, какъ бы въ видѣ ироніи, „императорскимъ“, произвольно лишено было всѣхъ правъ и привилегій, которыя торжественно подтверждались „высочайшими“ рескриптами при началѣ каждаго новаго царствованія; оно находилось подъ министерскимъ запретомъ, въ силу котораго ему не дозволялось дѣлать никакихъ анкетъ. Общество рѣшилось однако нарушить это запрещеніе, выслушавъ докладъ И. В. Чернышева о необходимости обслѣдованія результатовъ, такъ называемыхъ, землеустроительныхъ работъ послѣ указа 6 ноября 1906 года. Была образована особая анкетная комиссія подъ предсѣдательствомъ покойнаго Вас. Ив. Покровскаго, при участіи Б. Б. Веселовскаго, А. Е. Лосицкаго и И. В. Чернышева; разосланы были вопросные бланки, преимущественно по адресамъ корреспондентовъ текущей земской статистики, — но тотчасъ послѣ этой разсылки началась обычная въ подобныхъ случаяхъ исторія. „Началась — какъ разсказываютъ въ предисловіи члены анкетной комиссіи — губернаторско-полицейская охота на наши опросные листы. Нѣкоторые губернаторы издавали приказы о задерживаніи всѣхъ пакетовъ, адресованныхъ Вольному Экономическому Обществу. Отвѣты захватывались на почтѣ, а корреспонденты сажались въ кутузку. Побила рекордъ и въ этихъ гоненіяхъ черносотенная администрація знаменитой Курской губерніи, гдѣ отъ полиціи ускользнуло всего 6 бланковъ“. Дѣло дошло до того, что въ Вольное Экономическое Общество „поступилъ рядъ писемъ отъ крестьянъ съ просьбами защитить ихъ отъ администраторовъ, преслѣдовавшихъ ихъ за писаніе отвѣтовъ“. Неудивительно поэтому, что на 12 тысячъ разосланныхъ бланковъ было получено всего 1700 отвѣтовъ. Самое печатаніе работы замедлилось „въ виду опасеній, что цензура не пропуститъ матеріаловъ, проливающихъ столь невыгодный свѣтъ на землеустроительную, переселенческую и земельно-банковскую политику стараго режима“. Книга могла теперь выйти въ свѣтъ только благодаря революціи. А вѣдь содержаніе ея, какъ и самой анкеты, касалось вопросовъ чисто хозяйственныхъ, не имѣющихъ ничего общаго съ политикою; такого рода изслѣдованіе могло быть полезно самому правительству, давая ему возможность провѣрки осуществляемыхъ мѣръ и исправленія допущенныхъ ошибокъ, — но, конечно, только въ томъ случаѣ, если бы это было правительство культурнаго, западно-европейскаго, а не турецкаго или Распутинскаго типа.

Ив. Ив. Сергѣевъ. Мирное завоеваніе Россіи нѣмцами. 2-е дополненное изданіе. П., 1917. Стр. 146. Ц. 80 к.

Брошюра г. Сергѣева проникнута двумя основными идеями, одинаково ложными: во-первыхъ, идеею о томъ, что всякій человѣкъ нѣмецкаго происхожденія, хотя бы родившійся и

получившій образованіе въ Россіи, есть опаснѣйшій врагъ русскаго народа и государства и, во-вторыхъ, твердою вѣрою въ спасительность всякихъ запрещеній и ограниченій, направленныхъ къ избавленію Россіи отъ нѣмецкаго „засилья“. Странно только, что новѣйшіе гонители „внутреннихъ“ нѣмцевъ были до войны сторонниками мира и союза съ Германіею и въ частности съ Вильгельмомъ II, какъ оплотомъ монархизма въ Европѣ, и часто обнаруживали свои германофильскія симпатія уже во время войны. По нѣкоторымъ признакамъ можно было бы причислить къ нимъ и г. Сергѣева.

Л. С.

Томасъ Крагъ. Исторія одного одинокаго. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Переводъ съ норвежскаго М. П. Благовѣщенской. К-во б. М. В. Попова. Петроградъ. Ц. 1 р. 75 коп.

Исторія нѣкоего Франка Іельма, его дѣтскихъ и студенческихъ лѣтъ, его рокового увлеченія нѣкоей Луккой, дочерью бургомистра Крусэ — такова фабула романа. Исторія, проходящая вначалѣ на фонѣ маленькаго, затерянnаго приморскаго городка, позже — столицы Норвегіи и, наконецъ, „мірового города“ съ его „гуломъ милліоновъ“, гдѣ судьба снова сталкиваетъ Іельма съ его другомъ дѣтства, предметомъ любви его юныхъ лѣтъ, все той же Луккой, нынѣ актрисой одного изъ окраинныхъ театровъ въ Берлинѣ, — эта исторія не лишена подлиннаго драматизма и горечи разочарованія разбитаго жизнью одинокаго человѣка. Трагедія Іельма въ томъ, что онъ отвѣдалъ „прославленныхъ и носящихъ въ самихъ себѣ разочарованіе прелестей жизни“, „волшебнаго, опьяняющаго напитка“, и этого „сладостнаго опьянѣнія“ хватило настолько, чтобъ измочалить всю его молодую и безгрѣшную жизнь. Ни прогулка въ горы, ни созерцаніе сѣверной нордландской природы съ ея волшебными, свѣтлыми ночами, ни серьезныя научныя занятія въ библіотекахъ Берлина надъ диссертаціей не могли заглушить въ Іельмѣ могучаго и всепобѣждающаго чувства къ Луккѣ, фатальной и легкомысленной женщинѣ, подчинившей себѣ всѣ его помыслы и думы, заставившей его пережить столь много мученій и скорби въ жизни. Можетъ быть, все это и занимательно, и подлинно трагично. Но трагедія, разсказанная Крагомъ, столь же банальна, сколь обыденны и сѣры переживанія его героя. — Романъ Крага чуждъ какихъ бы то ни было художественныхъ и психологическихъ дерзаній и, въ качествѣ варіанта на одну изъ „вѣчныхъ темъ“, не прибавляетъ ни единой новой черточки, ни единаго неожиданнаго штриха къ тому, что уже извѣстно въ данной области общечеловѣческой трагедіи.

Въ легкомъ и литературномъ переводѣ М. П. Благовѣщенской романъ Крага прочитывается безъ особой тягости. Но и во время чтенія и по его окончаніи все недоумѣваешь, зачѣмъ понадобился переводъ этой скучной и, главное, совершенно неоригинальной по замыслу и сюжету вещи.

М. К.

Валентинъ Сѣровъ. Текстъ Вс. Дмитріева. Библіотека иллюстрированныхъ монографій. Вып. I. Изд-ство „Свободное Искусство“. Петроградъ. Ц. 2 р. 75 к.

Если извѣстная работа И. Грабаря о Сѣровѣ — „вѣнокъ на могилу безконечно близкаго и дорогого сердцу человѣка“, можетъ быть, вслѣдствіе этого, не совсѣмъ свободна отъ нѣкотораго предрасположенія въ симпатіяхъ къ художнику, то Вс. Дмитріевъ ставитъ себѣ задачей подойти совершенно объективно къ творчеству Сѣрова. Это творчество представляется ему „кладомъ, отнюдь не просто дающимся въ руки: чѣмъ больше мы его ищемъ, тѣмъ глубже и глубже уходитъ онъ отъ насъ“... И, сопоставляя различныя оцѣнки этого „клада“, этого „урока русской живописи“, по выраженію С. Маковскаго, приходишь къ опредѣленнымъ выводамъ.

Красиво написанный этюдъ Вс. Дмитріева читается съ истиннымъ и живымъ интересомъ.

Кромѣ текста, первый выпускъ Библіотеки иллюстрированныхъ монографій, содержитъ списокъ и воспроизведеніе главныхъ работъ В. А. Сѣрова и представляетъ съ внѣшней стороны образецъ простоты и великолѣпнаго исполненія.

М. К.

Проф. И. И. Замотинъ. Проблемы жизни въ творчествѣ Достевскаго. Изъ „Русск. Филол. Вѣстн.“ Петроградъ. 1916.

Горячо и проникновенно написанный очеркъ проф. И. И. Замотина по поводу тридцатипятилѣтія со дня кончины великаго писателя, даетъ не субъективное истолкованіе Достоевскаго, а на основаніи обширной литературы и анализа произведеній Достоевскаго устанавливаетъ наиболѣе существенныя черты его творчества и міросозерцанія.

Вопросы вѣры и безвѣрія, нравственной правды, принциповъ человѣчности, общественнаго добра и зла, науки и просвѣщенія, воспитанія и роли женщины, вопросъ національный и всечеловѣческій — таковы основныя проблемы, вскрываемыя проф. И. И. Замотинымъ въ творчествѣ Достоевскаго.

Хорошее изложеніе, сводка и освѣщенія богатѣйшаго матеріала о Достоевскомъ, общій синтезъ художественныхъ образовъ и философскихъ воззрѣній писателя затѣняютъ отдѣльныя спорныя положенія въ выразительно написанномъ и, вообще, обоснованномъ очеркѣ проф. И. И. Замотина.

М. К.

С. Г. Теръ-Микельянъ. Больная душа Гончарова. Изъ „Русск. Филол. Вѣстн.“ Петроградъ. 1916 г.

Съ помощью біографическихъ матеріаловъ (писемъ, воспоминаній, показаній близкихъ лицъ), тщательно собранныхъ и комментированныхъ, г. Теръ-Микельянъ изслѣдуетъ не новый, впрочемъ, въ литературѣ вопросъ о больной психикѣ Гончарова и причинахъ, ее порождавшихъ. Эти причины — главнымъ образомъ, родового свойства, физическіе недуги, условія среды и жизненной обстановки. Ихъ слѣдствія — „постоянная меланхолія мнительность, періодически - обострявшаяся манія преслѣдованія и около сорока лѣтъ терзавшая Гончарова навязчивая идея враждебности Тургенева.“ Г. Теръ-Микельянъ, однако, не ограничивается однимъ лишь изученіемъ болѣзненной психики Гончарова, а пытается показать вліяніе этой психики на самое творчество знаменитаго романиста. И въ этой части менѣе всего доказательно. Напротивъ того, все, что она здѣсь говоритъ, совершенно опровергаетъ какое бы то ни было вліяніе анормальной психики Гончарова на его творенія. И если мы, въ самомъ дѣлѣ, вспомнимъ такія „эпически-спокойныя и монументальныя произведенія, какъ „Обломовъ“ и „Обрывъ“, то не померкнутъ ли, въ связи съ этимъ, всякія представленія о больной душѣ Гончарова, объ отраженіи этой болѣзненности на его творческихъ созданіяхъ.

М. К.

Въ теченіе марта, апрѣля и мая мѣс. 1917 г. въ редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры.

Александровъ, А. Къ вопросу объ общинномъ землевладѣніи въ Сибири. 1917 г. Ц. 1 р. 50 к.

Александровъ, М. Три года въ одиночной тюрьмѣ. Изд. „Жизнь и Знаніе“. Пгр., 1917 г. Ц. 2 р. 50 к.

Анчукъ, Н. Знаменитый зодчій XVIII в. Василій Ивановичъ Баженовъ и его отношеніе къ масонству. (1737—1799) Пгр. 1916 г.

Арброва, Т. Сестрица Ольга. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Петроградъ-Москва, 1916 г. Ц. 2 р. 50 к.

Библіотека иллюстрированныхъ монографій. В. Сѣровъ. Изд. „Свободное Искусство“. Пгр. Ц. 2 р. 75 к.

Борисовъ, П. Кто поднимается къ вершинамъ. Пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Саратовъ, 1916 г, Ц. 50 к.

Брихничевъ, І. Литургія цѣлому

(четвертая книга стиховъ). Изд. „Безсмертіе". Москва, 1917 г. Ц. 50 к.

Бунинъ, Ив. Храмъ солнца. Изд. „Жизнь и Знаніе". Пгр., 1917 г. Ц. 2 р.

Бѣльскій, Адамъ. Плѣнная мысль. Очерки и разсказы. Изд. „Жизнь и Знаніе". Пгр., 1917 г. Ц. 2 р.

Верховской, П., проф. Учрежденіе духовной коллегіи и духовный регламентъ. Къ вопросу объ отношеніи церкви и государства въ Россіи. Т. I и II. Ростовъ-на-Дону, 1916 г. Ц. за оба тома 10 р.

Гере, П. Рабочая кооперація въ Германіи. Съ предисловіемъ С. І. Педербаума. Изд. Т-ва Потреб. Общ. Юга Россіи. Харьковъ, 1617 г. Ц. 30 к.

Гернъ, А. и Б. Ростфельдъ. Молочная кооперація въ 1915 и 1916 годахъ. Пгр. 1917 г. Ц. 1 р.

М. С. Грушевскій. (1866—1919). Съ портретомъ и факсимиле. Изд. „Украинской Жизни". 1917 г. Ц. 75 к.

Даниловъ, Н. Пушкинъ о Державинѣ. Къ столѣтнему юбилею со дня кончины Г. Р. Державина. 1816—1916 г. Казань, 1915 г.

Даниловъ, Н. Пушкинъ и Карамзинъ. Къ 150-лѣтнему юбилею со дня рожденія Карамзина. 1-го декабря 1766 г. — 1 декабря 1916 г. Казань, 1917 г. Ц. 60 к.

Ишханянъ, Б. Народности Кавказа. Съ предисл. статистика С. Патканова Пгр., 1917 г. Ц. 1 р. 50 к.

Карлъ, Каутскій. Національное государство и союзъ государствъ. Авторизованный пер. Т. Р. Москва, 1917 г. Ц. 75 к.

Коротковъ, К. Семирамида. Поэма. Москва, 1917 г. Ц. 1 р.

Котомкинъ-Савинскій, А. Князь Вячко и меченосцы. Историческая поэма. Пгр., 1917 г. Ц. 1. р.

Лазурскій, В. Происхожденіе слова Romantic. Пгр., 1916 г.

Лазурскій, Владиміръ. Сатирико-нравоучительные журналы Стиля и Аддисона. Изъ исторіи англійской журналистики XVIII вѣка. Томъ II. Одесса, 1916 г. Ц. 2 р.

Мейманъ, Эрнстъ, проф. Лекціи по экспериментальной педагогикѣ Ч. II. Индивидуальныя особенности дѣтей. Авторизованный переводъ, подъ редакціей проф. Н. Д. Виноградова. Изд. Т-ва „Міръ" въ Москвѣ, 1917 г. Ц. 5 р.

Мечниковъ, И. Этюды оптимизма. Изд. четвертое „Науч. Слова". Москва, 1917 г. Ц. 3 р. 50 к.

Монастыревъ, В. Государственный налогъ. Какъ составить и написать заявленіе (декларацію) о своихъ доходахъ и расходахъ на бланкѣ № 8. Ростовъ-на-Дону, 1917 г. Ц. 85 к.

Московскій Альманахъ на 1917—1918 г. „Московское Издательство", 1917 г. Ц. 2 р. 25 к.

Научные бюллетени. Выпускъ второй, 1917 г.

Олигеръ, Н. Ночныя тѣни. Изд. „Жизнь и Знаніе". Пгр., 1917 г. Ц. 2 р. 25 к.

Ремизовъ, Алексѣй. Среди мурья. „Сѣверные Дни". Москва, 1917 г. Ц. 2 р.

Рожицынъ, Валентинъ. Канцлеръ Мишель Л'Опиталь. Харьковъ, 1916 г.

Уэллесъ, Т. Дж. Жена сэра Айзэкса Хармана. Романъ. Изд. „Сѣверные Дни", Москва, 1917 г. Ц. 2 р.

Шилкинъ, Д. Объ искусствѣ. Пгр., 1917 г. Ц. 1 р.

Шилкинъ, Д. Отклики дня (1914—1916 гг.). Сборникъ статей. Пгр., 1917 г. Ц. 2 р. 50 к.

Юшкевичъ, С. Повѣсть о господинѣ Сонькинѣ. Изд. „Сѣверные Дни". Москва 1917. Ц. 2 р.

Альманахъ Шиповникъ. Книга 26. Птгр., 1917. Ц. 2 р. 50 к.

Ашъ Шоломъ. Пророки. Изданіе „Просвѣщеніе". Птгр. Ц. 1 р. 50 к.

Бачинскій, А. Физика для среднихъ учебныхъ заведеній. Выпускъ второй. К-во т-ва И. Д. Сытина. Москва, 1917 г. Ц. 1 р. 25 к.

Берлинраутъ, К. (Арскій). Кризисъ Интернаціонала. К-во „Перевалъ". Москва, 1917 г. Ц. 20 к.

Богдановичъ, Т. Великіе дни революціи. Изд. Времен. Комит. Госуд. Думы. Птгр., 1917 г. Ц. 15 к.

Вассерманъ, Я. Цирндорфскіе евреи. Романъ. Изд. „Просвѣщеніе". Птгр., Ц. 1 р. 75 к.

Волковъ, В. Чтеніе, какъ основа развитія умственнаго и нравственнаго. Изд. 2-е дополн. Н.-Новгородъ, 1917 г. Ц. 30 к.

Геологическій очеркъ Пензенской губерніи. Составленъ А. Д. Архангельскимъ. Москва, 1916 г. Ц. 4 р.

Гинсъ, Г. Способы обезпеченія обязательствъ. Птгр., 1917 г.

Гинсъ, Г. Старые русскіе нигилисты. Птгр., 1917 г. Ц. 50 к.

Евлаховъ, А., проф. Введеніе въ философію художественнаго творчества. Опытъ историко-литературной методологіи. Т. III. Ростовъ на Дону, 1917 г. Ц. 3 р.

Евлаховъ, А., проф. Гергартъ Гауптманъ. Путь его творческихъ исканій. Ростовъ на Дону, 1917 г. Ц. 2 р.

Замотинъ, И., проф. Проблемы жизни въ творчествѣ Достоевскаго. Изъ „Русск. Филол. Вѣстн.“. Птгр., 1916.

Зепаловъ, П. Очеркъ исторіи уголовнаго законодательства о бродяжествѣ и нищенствѣ во Франціи. Съ предисловіемъ проф. С. В. Познышева. 1917 г. Ц. 90 к.

Зола Эмиль. Плодовитость. Романъ, ч. I и II. Изд. „Просвѣщеніе“. Птгр. Ц. к. т. 2 р.

Ишханянъ, Б. Развитіе милитаризма и имперіализма въ Германіи. Съ предисловіемъ М. И. Туганъ-Барановскаго. Птгр., 1917 г. Ц. 3 р.

Караскевичъ, С. Уличный бродяжка. К-во „Жизнь и Знаніе“. Птгр., 1917 г. Ц. 1 р. 25 к.

Книга. Сборникъ первый. Изд-во „Книга“. Птгр. Ц. 2 р. 25 к.

Dr. F. Lifschitz. Russland und Deutschland. Bern., 1917.

Локоть, Т., проф. Къ вопросу о твердыхъ цѣнахъ. Харьковъ, 1916 г.

Лоптинъ, К. Разсказы. Книга вторая. Птгр., 1915 г. Ц. 1 р.

Лоти Пьеръ. Исландскій рыбакъ. Романъ. Изд. „Просвѣщеніе“. Птгр. Ц. 1 р. 50 к.

Лурье, М. Борьба за пищу. Государственно-коммунальная организація продовольствія въ Германіи. Изд. „Книга“. Птгр., Ц. 1 р.

Минцловъ, С. Въ таможенномъ мірѣ. Трапезондъ, 1917 г. Ц. 1 р.

Минцловъ, С. Историческія драмы. Трапезондъ, 1917 г. Ц. 2 р.

Минцловъ, С. Невѣдомое. Разсказы. Трапезондъ, 1917 г.

Минцловъ, С. Памятники древности въ Уряхнайскомъ краѣ. Птгр., 1916 г.

Минцловъ, С. Разсказы. Трапезондъ, 1917 г. Ц. 1 р.

Новиковъ. И. Калина въ палисадникѣ. К-во „Сѣверные Дни“. Москва, 1917. Ц. 1 р. 75 к.

Овсянниковъ, Н. Что такое Учредительное Собраніе и основные законы. Изд. „Освобожденная Россія“. Птгр., 1917 г. Ц. 8 к.

Оксеновъ, И. Зажженная свѣча. Стихи. Птгр., 1917 г. Ц. 75 к.

Подъячевъ, С. Рабы. Из-во „Новая Жизнь“. Москва, 1917 г. Ц. 80 к.

Покровскій, Н. Музыкальное варварство, исходящее изъ Германіи. Птгр. 1917 г. Ц 75 к.

Португаловъ, В. Царствованіе послѣдняго Романова. Изд. „Освобожденная Россія“. Птгр., 1917 г. Ц. 15 к

Толстой. Памятники творчества и жизни. I. Изд-во „Огни“. Птгр., 1917 г. Ц. 3 р.

Усовскій, Б. Что такое Учредительное Собраніе 1917 г. Ц. 20 к.

Фалькнеръ, М. (Смитъ). Продовольственный вопросъ въ Англіи. Птгр., 1917 г. Ц. 60 к.

Ферреро, Г. Величіе и паденіе Рима. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. Москва, 1916 г. Ц. 3 р. 50 к.

Уэллсъ, Г. Грядущее. И-во „Книга“. Птгр. Ц. 1 р. 60 к.

Чулковъ, Г. Сатана. Ром. 1916 г. Птгр.

Чудо въ пустынѣ. Стихи. 1917 г. Ц. 2 р.

Ясный, Н. Опытъ регулировки снабженія хлѣбомъ. Подъ редакціей А. Ф. Липкина. Птгр., 1917 г. Ц. 1 р.

Ѳоминъ, В. Русско-итальянскій и итальянско-русскій словарь, русская и итальянская грамматика и сборникъ фразъ. Изд. Ulvico Hoepli. Миланъ.

Берлинраутъ, Л. (Арскій). Война и европейскій рабочій въ Палестинѣ. К-во „Перевалъ“. Москва. 1917. Ц. 15 к.

Виппперъ, Р., проф. Учебникъ новой исторіи. Пятое исправл. и дополн. изд. Москва. 1917 г. Ц. 3 р.

Извѣстія Восточно-Сибирскаго отдѣла Русскаго Географическаго Общества. Т. XLV. 1916 г. Иркутскъ. 1917 г.

Карѣевъ, Н. Исторія западной Европы въ началѣ XX столѣтія. Часть 2. Пгр. 1917 г. Ц. 3 р. 50 к.

Кивинъ, С. Къ борьбѣ за еврейскую народную школу. К-во „Перевалъ“. Москва. 1917 г. Ц. 20 к.

Коровинъ, А., д-ръ. Самоубійства и потребленіе волки въ европейской Россіи съ 1903 по 1912 годъ. Москва. 1916 г. Ц. 1 р.

Коровинъ, А. Современная война и алкоголь. Москва. 1916 г.

Крымовъ, Вл. Чтобы жизнь не была такъ печальна... Изд. журн. „Столица и Усадьба“. Пгр. 1917 г. Ц. 1 р. 75 к.

К. Марксъ и Ф. Энгельсъ. Манифестъ коммунистической партіи. Съ предислов. К. Каутскаго. Перев. П. Орловскаго. К-во „Жизнь и Знаніе“. Пгр. 1917 г. Ц. 1 р.

Мережковскій, Д. Романтики. Изд-во „Огни“. Пгр. 1917 г. Ц. 1 р. 50 к.

Набатовъ, А. Враги. Повѣсть о двухъ жизняхъ. Москва. 1917 г. Ц. 70 к.

Наживинъ, Ив. Кикимора. Разсказы. Москва. 1917 г. Ц. 2. 50 к.

По Москвѣ. Прогулки по Москвѣ и ея художественнымъ и просвѣтительнымъ учрежденіямъ. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. Москва. 1917 г. Ц. 4 р.

Пылающія звенья. Поэзы. Пгр. 1917 г. Ц. 1 р. 50 к.

Pevich, V. Основы международнаго языка „Glot". Пгр. 1917. Ц. 40 к.

Пинкевичъ, А. Методика начальнаго курса естествовѣдѣнія. Изданіе 3-е, пересмотрѣнное. К-во „Жизнь и Знаніе". Пгр. 1917 г. Ц. 3 р. 50 к.

Подъ старымъ знаменемъ. Сборникъ статей Б. Авилова, А. Витимскаго, А. Ломова, В. Павлова, Н. Степанова, М. Фабричнаго. К-во „Жизнь и Знаніе". Пгр. 1917 г. Ц. 1 р. 50 к.

Posner, S. La Pologne d'Hier et de Demain. Paris, Félix Alcan. Frix.: 1 fr. 25.

Rey, A. La Russie et la révolution. Flovence. 1917. Prix.: Fv 1.50.

Семеновъ, С. Въ міру. Разсказы. К-во „Жизнь и Знаніе". Пгр. 1917 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сполохи. Кн. XI. Москва. 1917 г. Ц. 2 р.

Фабрикантъ, А. Рабочій вопросъ въ сельскомъ хозяйствѣ Новороссіи. Вып. I. Пгр. 1917 г. Ц. 60 к.

Филипповичъ, П. Жизнь и творчество Е. А. Боратынскаго. Кіевъ. 1917 г. Ц. 2 р. 50 к.

Чемберлэнъ, Л., проф. Изобрѣтеніе новой религіи: культъ Микадо и культъ Японіи. Перев. съ англійск. Н. Мацокинъ. Отдѣльн. оттискъ изъ 2 вып. 31 т. „Извѣст. Восточн. Инст.".

Чернышевъ, И. Община послѣ 9 ноября 1906 г. Ч. I и II. Изд. Вольнаго Экономическаго Общества. Пгр. 1917 г. Ц. 1 р. 75 к.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Заемъ Свободы, 1917 г.,

выпускаемый на основаніи постановленія Временнаго Правительства

отъ 27 марта 1917 года.

Облигаціи займа выпускаются достоинствомъ въ 50, 100, 500, 1.000, 5.000, 10.000, и 25.000 рублей и приносятъ 5% годовыхъ, уплачиваемыхъ два раза въ годъ, 16 марта и 16 сентября.

Облигаціи сего займа выпускаются на 54 года и погашаются по нарицательной цѣнѣ, въ теченіе 49 лѣтъ, тиражами, производимыми одинъ разъ въ годъ, въ декабрѣ, начиная съ 1922 года.

Доходъ, приносимый облигаціями, освобожденъ навсегда отъ сбора съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ.

До 16 марта 1927 года не будетъ приступлено къ досрочному погашенію ни посредствомъ усиленныхъ тиражей, ни путемъ конверсіи или выкупа.

Облигаціи сего займа принимаются въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка, Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ и въ Казначействахъ на безплатное, простое храненіе или съ управленіемъ (гдѣ таковое имѣется), безъ взиманія до 1 іюля 1918 года гербоваго сбора.

Облигаціи займа будутъ приниматься въ казенные залоги по нарицательной цѣнѣ, въ обезпеченіе же задатковъ и ссудъ по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ, въ обезпеченіе разсрочиваемаго акциза, а равно таможенныхъ пошлинъ по цѣнамъ, назначаемымъ министромъ финансовъ.

Подписка на означенный заемъ будетъ приниматься съ 6 апрѣля по 1 іюня с. г. включительно:

въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка,

въ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ,

въ Казначействахъ (постоянныхъ, полевыхъ и крѣпостныхъ),

въ Городскихъ общественныхъ банкахъ,

въ Обществахъ взаимнаго кредита,

въ учрежденіяхъ мелкаго кредита,

въ Городскихъ и Земскихъ Управахъ, Нотаріальныхъ Конторахъ, союзахъ и организаціяхъ, о коихъ будетъ объявлено особо на мѣстахъ.

въ Правленіяхъ частныхъ коммерческихъ банковъ и во всѣхъ ихъ Отдѣленіяхъ

и въ Банкирскихъ Домахъ и Конторахъ.

Подписная цѣна назначается въ 85% съ прибавленіемъ текущихъ процентовъ съ 16 марта с. г. по день уплаты.

Въ уплату по займу могутъ быть представляемы 5% краткосрочныя обязательства Государственнаго Казначейства съ учетомъ изъ 5% годовыхъ.

Облигаціи новаго займа могутъ быть принимаемы какъ при самой подпискѣ, такъ и въ дальнѣйшемъ, въ учрежденіяхъ Государственнаго Банка, въ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ и въ Казначействахъ, въ коихъ введена ссудная операція, отъ ихъ держателей въ залогъ, изъ льготнаго процента по $5^3/_4$% годовыхъ по срокъ 1 іюля 1918 г., съ освобожденіемъ отъ уплаты Государственнаго сбора, установленнаго по спеціальнымъ текущимъ счетамъ, и вексельнаго сбора по срочнымъ ссудамъ. Размѣръ ссуды при подпискѣ установленъ 75% номинальной суммы.

Библіотека
КАЛЯЗИНСКАГО

ОБУЧАЯСЬ ЗАОЧНО

по изданіямъ Книгоиздательства „БЛАГО“, Вы безусловно БЫСТРѢЕ и УСПѢШНѢЕ достигнете намѣченной цѣли, чѣмъ при занятіяхъ у учителей. Съ первой же лекціи Вы заинтересуетесь изучаемымъ предметомъ, и такъ какъ Вамъ не придется напрягать свои мозги на заучиваніе наизусть, то заранѣе можете быть увѣрены, что легко, безъ напряженія

Вы начатое дѣло доведете до конца.

За 7 лѣтъ примѣненія въ Россіи своихъ методовъ заочнаго обученія Книгоиздательство „БЛАГО“ успѣло дать законченныя знанія сотнямъ тысячъ подписчиковъ своихъ. Не ограничивайтесь же однимъ чтеніемъ этого объявленія. Напишите намъ сейчасъ же о высылкѣ нашего проспекта, а ознакомившись подробнѣе со всѣми нашими изданіями, выбирайте:

Гимназія на дому 30 томовъ по 280—360 стр. Для заочнаго прохожденія всего курса средне-учебныхъ заведеній, для подготовки на званія вольноопредѣляющагося, классный чинъ, аптек. учен., высш., начальн., домашн. учителя и т. п.

Искусство для всѣхъ 10 том. по 96—112 стр. Для заочнаго прохожденія курса рисованія, живописи и прикладного искусства.

Академія иностранныхъ языковъ. Французскій, Англійскій и Нѣмецкій языки. Каждый языкъ состоитъ изъ 10 томовъ. Для заочнаго изученія языковъ.

Академія коммерческихъ знаній. 15 томовъ по 250 стр. Для изученія всѣхъ коммерческихъ наукъ: бухгалтеріи, ком. корр., ком. ариѳм., товаровѣд., банков. дѣло, финанс., биржи и т. д. и т. д.

Народная школа. 10 томовъ по 112—128 стр. для безграмотн. и малограмотныхъ.

Пособіе по русскому языку. 4 тома—10 руб. **Бухгалтерія.** 4 тома—7 руб.

Коммерческая Корреспонденція. Русская, Французск., Англійск. Нѣмецк. Каждая по 1 р. 75 к.,

Коммерческая ариѳметика. 1 руб. 75 коп.

Ариѳметич. задачникъ, Алгебраич. задачникъ. По 2 руб.

Библіотека языкознанія. Для усовершенствованія въ языкахъ. Франц., англ. и нѣм. по 60 коп. за книжку.

Краткій проспектъ БЕЗПЛАТНО. — Подробный 15 коп.

Корреспонденцію адресовать: Въ Главную Контору Книгоиздательства «БЛАГО», Петроградъ, Глазовая ул., с. д. 18.

Собств. магазины (для проживающихъ въ Москвѣ и Петроградѣ): **ПЕТРОГРАДЪ, Невскій 65; МОСКВА, Мясницкая 18.**

Совѣтъ Общества

ДОМА-МУЗЕЯ,
памяти борцовъ за свободу

извѣщаетъ о томъ, что до пріобрѣтенія собственнаго зданія,

ДОМУ-МУЗЕЮ

отведено временное помѣщеніе

во дворцѣ Маріи Павловны (Милліонная, 27).

Со всѣми дѣлами и за всѣми справками просятъ обращаться въ канцелярію, которая открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ часу до трехъ (входъ со двора подъ аркой, 3-й этажъ).

Тамъ же въ эти часы принимаются денежныя пожертвованія и туда же просятъ приносить историческіе матеріалы, документы, реликвіи и т. п. для будущаго

ДОМА-МУЗЕЯ.

въ 1917 году

„ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ“

XXIII годъ

будетъ выходить ежемѣсячно, кромѣ іюля и августа, книгами въ объемѣ около 20 листовъ.

Подписной годъ начинается съ января 1917 г.

Въ „Журналѣ“ печатаются: 1) Узаконенія и распоряженія правительства, приказы и циркуляры по вѣдомству М. Ю.; 2) Статьи по исторіи, теоріи и практической разработкѣ права и судопроизводства, особенно гражданскаго и уголовнаго; 3) Обзоръ текущей судебной практики, систематическія извлеченія изъ рѣшеній Гражд. и Уголов. Касс. Д-товъ и Общаго Собранія Правительствующаго Сената; 4) Литературное обозрѣніе: критическіе отзывы о новыхъ книгахъ и брошюрахъ, русскихъ и иностранныхъ, библіографическій указатель юридической литературы, русской и иностранной; 5) Обзоръ иностраннаго законодательства: свѣдѣнія о новыхъ законахъ и законопроектахъ въ иностранныхъ государствахъ; 6) Письма изъ Англіи.

Въ „Журналѣ“ за 1894—1916 годы были напечатаны, между прочимъ, статьи слѣдующихъ авторовъ: А. С. Алексѣева, А. Л. Боровиковскаго, Е. В. Васьковскаго, М. М. Винавера, Ю. С. Гамбарова, А. Г. Гасмана, М. Б. Горенберга, Д. Д. Гримма, М. Ѳ. Громницкаго, А. М. Гуляева, П. Н. Гуссаковскаго, Д. А. Дриля, М. В. Духовскаго, М. А. Дьяконова, К. П. Змирлова, В. В. Ивановскаго, И. А. Ивановскаго, М. М. Ковалевскаго, А. Ѳ. Кони, Н. М. Коркунова, В. Н. Латкина, Ѳ. И. Леонтовича, В. М. Нечаева, бар. А. Э. Нольде, Д. А. Носенко, П. Н. Обнинскаго, Н. И. Паліенко, Л. І. Петражицкаго, А. А. Піонтковскаго, І. А. Покровскаго, П. С. Пороховщикова, А. К. фонъ-Резона, Н. М. Рейнке, А. К. Рихтера, В. И. Сергѣевича, Н. Д. Сергѣевскаго, В. К. Случаевскаго, В. Д. Спасовича, Ѳ. В. Тарановскаго, Е. Н. Тарновскаго, А. Н. Филиппова, И. Я. Фойницкаго, М. П. Чубинскаго, В. М. Цвингмана, В. Д. Цвѣтаева, Г. Ф. Шершеневича, В. П. Ширкова, К. В. Шнейдера, И. Г. Щегловитова, И. Е. Энгельмана и мн. др.

Подписная *плата* 9 рублей въ годъ съ доставкой и пересылкою.

Должностныя лица при подпискѣ *черезъ казначеевъ* пользуются *разсрочкою* до *1 рубля* въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ 9 мѣсяцевъ каждаго года.

Всѣ прочіе подписчики, *при подпискѣ* исключительно *въ Главной Конторѣ*, пользуются *разсрочкою, съ уплатою не менѣе 2 рублей* въ мѣсяцъ, съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ каждаго года.

Кандидаты на должности по судебному вѣдомству, лица, оставленныя при университетахъ для подготовленія къ профессорскому званію, а также студенты университетовъ и Демидовскаго Юридическаго Лицея, воспитанники: Училища Правовѣдѣнія и Александровскаго Лицея и слушатели Военно-Юридической Академіи платятъ, при подпискѣ въ Главной Конторѣ, *по 6 рублей въ годъ*.

Отдѣльныя книги продаются по 1 рублю 25 коп., съ приложеніями по 2 рубля 50 коп.

Книжные магазины пользуются за пріемъ подписки и объявленій уступкою 10%, за продажу отдѣльныхъ книгъ—25%.

Главная Контора: Книжный складъ М. М. Стасюлевича, Петроградъ, Васильевскій островъ 5 линія, д. 28.

Объявленія для напечатанія въ „Журналѣ“ принимается въ Главной Конторѣ съ платою по расчету 16 рублей за страницу и 8 руб. за полстраницы.

Редакція Журнала Министерства Юстиціи находится въ Петроградѣ, по Екатерининской улицѣ, въ зданіи Министерства Юстиціи.

Редакторъ В. Ѳ. Дерюжинскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПЕРВОЕ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ И ПИСЕМЪ

А. И. ГЕРЦЕНА

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
М. К. Лемке.

ИЗДАНІЕ
НАСЛѢДНИКОВЪ АВТОРА.

Собраніе будетъ выпущено въ 18—20 томахъ, каждый томъ не менѣе 30 печатныхъ листовъ (480 страницъ) въ форматѣ „Академической библіотеки русскихъ писателей“ (Грибоѣдовъ, Кольцовъ, Лермонтовъ).

По количеству заключающагося въ немъ матеріала настоящее собраніе будетъ **полнѣе** предыдущихъ (заграничнаго и петербургскаго) почти въ **три** раза. Кромѣ полнаго текста сочиненій и писемъ, вошедшихъ въ два названныя изданія съ сокращеніями и искаженіями, въ него включены всѣ сочиненія и письма, напечатанныя въ „Колоколѣ“, „Полярной Звѣздѣ“, разныхъ русскихъ и заграничныхъ изданіяхъ, а также въ **громадномъ количествѣ** сочиненія и письма, *нигдѣ* раньше не напечатанныя, а также и не опубликованныя главы *„Былого и думъ“*.

Текстъ данъ безъ какихъ бы то ни было сокращеній.

Чтобы сдѣлать собраніе особенно интереснымъ и совершенно доступнымъ для современнаго читателя, оно снабжено разнообразными пространными **комментаріями** редактора, имѣющими въ виду читателя, не обладающаго знаніемъ всего того, что необходимо для полнаго пониманія знаменитаго писателя и его эпохи. Комментарій тройной: *справочный* въ немногочисленныхъ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, *историко-литературный* непосредственно за сочиненіями и письмами и *критико-библіографическій* въ концѣ каждаго тома. Въ комментаріяхъ использовано много неизданныхъ матеріаловъ изъ обширнаго архива семьи Герцена, а также частныхъ и правительственныхъ архивовъ въ Россіи и Европѣ.

Къ послѣднимъ томамъ будетъ приложено свыше 80 художественно исполненныхъ **портретовъ и иллюстрацій**, а также рядъ **указателей**, облегчающихъ чтеніе и всякаго рода справки.

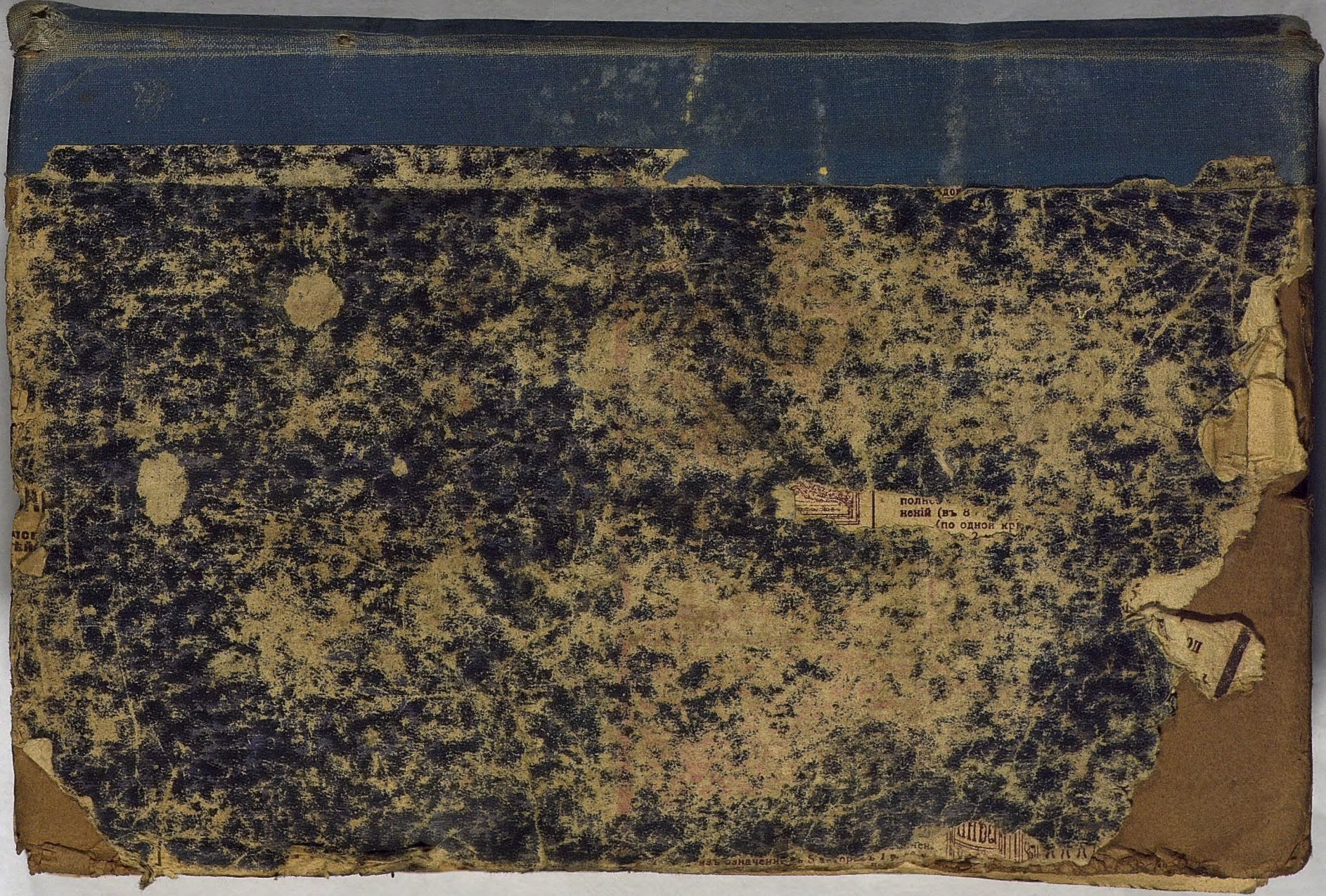
Первые восемь томовъ собранія уже отпечатаны и **выйдутъ въ свѣтъ не позднѣе 1 іюля 1917 г.**, остальные 10—12 томовъ начнутъ печататься, какъ только условія рынка позволятъ пріобрѣтать бѣлую бумагу по сколько-нибудь подходящей цѣнѣ, имѣя въ виду поставленную издателями задачу: дать изданіе вполнѣ хорошее по внѣшности и недорогое по цѣнѣ, но **во всякомъ случаѣ все изданіе будетъ закончено не позднѣе 1 мая 1920 года.**

Тогда же издатели выпустятъ въ продажу готовыя *крышки переплетовъ*, которыя будутъ продаваться прежде всего подписчикамъ, увѣдомившимъ при присылкѣ подписной платы о желаніи получить крышки за особую доплату.

Полная подписная цѣна съ пересылкой и доставкой на домъ безъ переплета **назначается въ 40 рублей.** Подписывающіеся черезъ книжные магазины ни въ коемъ случаѣ не платятъ свыше этой суммы, такъ какъ книгопродавцамъ, несущимъ расходъ по пересылкѣ, издателями дѣлается соотвѣтствующая скидка.

По полученіи полной подписной платы *первые восемь* томовъ будутъ высланы немедленно, равно какъ и подписная квитанція.

Городская и иногородняя подписка принимается въ **Книжномъ складѣ М. М. Стасюлевича, Петроградъ**, Вас. Остр., 5 линія, собств. д. 28, присланная же черезъ книжные магазины принимается безъ всякой отвѣтственности склада за неаккуратность ихъ передъ подписчиками.

Въ продажу изданіе поступитъ только **по окончаніи** отпечатанія всѣхъ томовъ и при томъ по значительно повышенной цѣнѣ.

Библіотека
КНЯЗЬИНСКАГО
О-ва Потребителей